

БЮЛЛЕТЕНЬ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Научные статьи.
Результаты исследований аспирантов,
магистрантов и молодых ученых

1 (3)
2023

Главная тема номера:
Язык, перевод и методика преподавания РКИ в контексте
межкультурной коммуникации: актуальные вопросы
и современные аспекты

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*Международный институт междисциплинарного образования
и иберо-американских исследований*

ISSN: 2782-6325
eISSN: 2713-1262

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ
НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*Научные статьи.
Результаты исследований аспирантов,
магистрантов и молодых ученых.*

Ростов-на-Дону
2023

Главный редактор:

Карповская Н. В., Южный федеральный университет, Россия

Помощники главного редактора:

Сулавко А. Ю., Южный федеральный университет, Россия

Помигуева Е. А., Южный федеральный университет, Россия

Редакционный совет:

Савенкова Л. Б., Южный федеральный университет, Россия – председатель редакционного совета

Вальоне М. Г., Университет Буэнос-Айреса, Аргентина

Гарсиа Авила С., Национальный автономный университет штата Мехико, Мексика

Ибрагимова Н. М., Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Карелл Фуре Б. Е., Гаванский университет, Куба

Корнева В. В., Воронежский государственный университет, Россия

Лейте де Оливейра Д., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Мёд Н. Г., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Моисеенко Л. В., Московский государственный лингвистический университет, Россия

Раевская М. М., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

Флорес Арсила Р. Д., Институт им. Льва Толстого, Колумбия

Чеснокова О. С., Российский университет дружбы народов, Россия

Редакционная коллегия:

Абкадырова И. Р., Южный федеральный университет, Россия

Бахронова Д. К., Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Бурмакина Н. Г., Сибирский федеральный университет, Россия

Гусева И. В., Московский государственный институт международных отношений, Россия

Давтянц И. И., Южный федеральный университет, Россия

Ильин Д. Н., Южный федеральный университет, Россия

Канесе М.И., Национальный университет Асунсьона, Парагвай

Кобякова И. А., Пятигорский государственный университет, Россия

Кудеярова Н. Ю., Институт Латинской Америки РАН, Россия

Ли Д. Ын, Азиатско-Тихоокеанский секретариат Организации городов всемирного наследия, Ю. Корея

Лобос О., Университет Буэнос-Айреса, Аргентина

Мотожанец А.А., Южный федеральный университет, Россия

Мухамеджанова А. М., Южный федеральный университет, Россия

Петрухина Н. М., Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Старченко Т. Е., Иркутский государственный университет, Россия

Султанова Ш. М., Университет Альфраганус, Узбекистан

Танзи Нето А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Фаткиева Г. Т., Университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан

Халиллаев А. К., Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Шевцова М. А., Южный федеральный университет, Россия

Ширяева-Ширинг О. В., Южный федеральный университет, Россия

Элисондо Ромеро А., Университет Веракруса, Мексика

Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве.
Научные статьи. Результаты исследований аспирантов, магистрантов и молодых ученых;
Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований
Южного федерального университета; [гл. ред. Н. В. Карповская]. – Ростов-на-Дону, 2023. №1 (3). –
451 с.

Язык издания: русский, английский, испанский.

ISSN: 2782-6325

eISSN: 2713-1262

Учредитель: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону)

Издатель: Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований
Южного федерального университета

Адрес издателя и редакции: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42, оф. 310.

Email: inter-edu@sfedu.ru

© Южный федеральный университет, 2023

Содержание

Введение	12
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ	
<i>Научные исследования: проблематика номера</i>	
Евдокимова А. А. Испанский язык и его национальные варианты в процессе межкультурной коммуникации	13
Ильин Д. Н. Словообразовательная ценность слова и формирование потенциального словаря при обучении языку специальности	15
Карповская Н. В., Зиновьева Д. Н. Речевой портрет героев сериала как стереотипное представление о языковой личности в системе коммуникации (на материале испанского сериала «Malaka»)	18
Ляшева М. Н. Семантическая трансформация советской идеологемы «светлое будущее» как отражение ценностных установок современного общества (на примере текстов социальных сетей)	24
Нефедов И. В. Голосовой помощник «Яндекс.Алиса» как виртуальный собеседник в обучении РКИ на начальном этапе: причины коммуникативных неудач	26
Николаева Н. Н. Изучение магистрами технического университета функционирования англоязычных коллокаций в научном дискурсе: опыт применения онлайн ресурсов	30
Перес Маркес С. М., Бидот Мартинес И., Крус Паласиос Я., Лабрада Эрнандес Х. Variación fraseológica desde un enfoque cognitivo-pragmático /Фразеологическая вариативность с точки зрения когнитивно-прагматического подхода	31
Режук З. В. Методические вопросы изучения бессоюзной связи в иноязычной аудитории	36
Эстигаррибиа Веласкес Р. Sincretismo espiritual y valores de la cultura guaraní para la educación intercultural en Paraguay/ Духовный синкретизм и культурные ценности гуарани для межкультурного образования в Парагвае	39
<i>Анализ проблем и поиск решений</i>	
Анищенко А. В., Ковалева К. А. «Московская немецкая газета» XIX–XXI вв. как отражение динамики межкультурного взаимодействия	43
Волкова Я. А., Красноцкая М. Д. Приемы перевода региональных идиоматических выражений в британском варианте английского языка на русский язык	46
Ильясова С. В., Кан К. Особенности коммуникативной стратегии воздействия на адресата в рамках медицинского дискурса (на примере работы корейской клиники «Сон» для русских пациентов)	50
Казыдуб Н. Н., Александрова А. А. Когнитивное конструирование дискурса «отмены» (на материале японских и американских блогов и форумов)	52
Кашпур В. В., Зуйкова А. Е. Технический перевод: роль образования и опыта в работе переводчика	57
Мотожанец А. А., Токарева С. М. Exploring the boundaries of conceptual metaphor / О границах понятия «концептуальная метафора»	60

**АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И АСПИРАНТОВ:
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ** **65**

Абрамова Е. М.	
Мотив преодоления физических и духовных препятствий в романе Р. Анайя «Тортуга»	65
Азар С.	
Розеттский камень: роль в расшифровке иероглифов и переводе текстов	66
Биньбинь Х.	
A comparative study of the semantic fields of Chinese and English kinship terms / Сопоставительное исследование семантических полей терминов родства в китайском и в английском языках	69
Богоявленская Ю. В., Трункина Е. В.	
Понятие «эритажный язык» в современной лингвистике	71
Ван Л.	
Концепт «Природа» в русской и китайской лингвокультурах	74
Галуза Н. В.	
The History of the Resort Hall of the Vladikavkaz Railway in Kislovodsk / История Курортного зала Владикавказской железной дороги в Кисловодске	76
Гранкина М. А.	
Альтернативные способы развития навыков говорения у иностранных обучающихся	78
Ерохина О. В.	
Семантические категории темпоральности, аспектуальности и таксиса в художественном диалоге английской драмы XX века	79
Завтрикова П. С.	
Семантические роли слова мир с посессивной атрибуцией (на материале Национального корпуса русского языка)	83
Зейналова К. В.	
Пограничье как метафора идентичности «чикана» в рамках мексиканской и англо-американской культур на примере романа Сандры Сиснерос «Дом на Манго-стрит»	87
Зейналова К. В.	
Философские аспекты межкультурной коммуникации в произведениях мексикано-американских авторов (С. Сиснерос, Х. М. Вирамонтес, А. Кастильо)	89
Ильясова С. В., Болотова А. Ю.	
Особенности употребления китайских заимствований тематической группы «политика» в современном русском языке (на материале рунета)	91
Ильясова С. В., Кан К.	
Лексические средства реализации воздействующей стратегии в сфере медицинского туризма (на материале текстов рекламного сайта медицинской клиники «Сон», Южная Корея)	93
Кокора Ю. В.	
Индивидуально-авторские особенности концепта «Traum» в творчестве Н. Ленау и их влияние на формирование немецкой языковой картины мира	94
Костина Г. В.	
Переводы художественной литературы как средство русско-армянского культурного диалога	97
Криворучко И. С.	
Ценностный подход к вопросу современных заимствований в англоязычном деловом дискурсе	100
Кулешова Д. Ю.	
Способы распознавания метафоры в художественном тексте	102
Леонов М. В.	
О лингвокультурной асимметрии некоторых закономерных переводческих соответствий	103

Лю М. Фразеологические единицы с компонентом именем собственным в русском и китайском языках	106
Малинникова Ю. В. Гендерные особенности выражения экспрессии эмоций	109
Неъматова Н. О. Mitigating the negative effects of interference in the teaching of English in Uzbek classes / Нивелирование негативных последствий интерференции в процессе преподавания английского языка в узбекских классах	113
Орлова Т. С. Реалити-шоу как инновационная образовательная технология для развития профессиональных навыков и межкультурной компетенции у студентов неязыковых вузов	117
Палийчук Д. А. Сопоставительное исследование коллокаций: возможности корпусного подхода	119
Пильщикова О. А. Учет родного языка при обучении РКИ испаноязычных студентов (на примере видовременной системы)	121
Половинкина О. С. Тактики создания образа желаемого на материале рекламных баннеров о продаже жилья	122
Придятько А. А. К вопросу об употреблении перифразы <i>ir a + infinitivo</i> в современном испанском языке	124
Садури Х. Имагологический подход к изучению лингвокультурного образа страны	128
Сакаева Л. Р., Даулань М. Языковая специфика терминологии китайской медицины	133
Славина О. В. К вопросу улучшения качества обучения по дисциплине «Русский язык как иностранный» в Казахстане. Внедрение литературного первоисточника в образовательный процесс	136
Су Ц. Представления о дружбе в пословичной картине мира русского народа	138
Сун Д. К вопросу о топонимах, возникающих при переводе экспедиционных записок	140
Сюй Ж. Образ быка в русской народной загадке	143
Тикунова П. А. Особенности применения интерактивных технологий при обучении студентов-музыкантов русскому языку как иностранному	144
Фрейдкин И. Л. Использование информационных технологий при изучении иностранных языков (на примере иврита)	147
Хафизова Г. С. Фольклорные обряды приикских татар Республики Татарстан, связанные с рождением ребёнка	150
Хнаева В. А. Современные эффективные практики в преподавании РКИ	153
Чабанная А. Г. Лингвокультурная специфика концептуальной оппозиции «свой – чужой» в немецкоязычном политическом дискурсе	155
Чарыкова И. А., Варданян М. В. О пособии по работе с видеосюжетами «Детские мультфильмы – недетские вопросы» (на материале мультсериала «Смешарики»)	159

Чжан Х.	
Легенда о Гань Цзяне в редакции Лу Синя и в русских переводах: текстологические дилеммы и альтернативы	161
Ющенко В. И.	
Вариант таксономической модели концепта <i>CLOTHES</i>	164
Янкын Н. В.	
Обучение русскому речевому этикету на уроках РКИ в тюркоязычной аудитории	167
АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАГИСТРАНТОВ: НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ	
Абдрахманова К. М.	
Лексико-семантический способ образования эргонимов (на материале названий кондитерских предприятий г. Астаны)	170
Байкова А. С.	
Проблема передачи имплицитных высказываний в контексте перевода комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад» на испанский язык	172
Байманова Л. С., Абишева И. М.	
Образовательные возможности ИКТ в обучении русскому языку как иностранному	177
Башкина Е. С., Кречина Е. В.	
Проектирование курса РКИ на основе концептов русской языковой картины мира	180
Бобко М. С.	
Виды и функционирование концептуальных метафор (на материале испанских газет)	181
Богомолова В. В.	
Трудности перевода текста с жанровой гибридизацией	182
Буженова Г. К.	
Работа с текстом как средство формирования коммуникативной компетенции при обучении русскому языку как иностранному	185
Гаджиева А. О.	
Предпереводческая обработка текста (ПОТ): уровни языка и уровни культуры	188
Голубева К. В.	
Адаптация художественных текстов для работы на уроках РКИ на примере рассказа Елены Долгопят «Часы»	192
Губенко А. С.	
Использование онлайн-материалов и инструментов для индивидуализированного онлайн-обучения иностранному языку для взрослых	194
Дементьева М. К.	
Дискурс-анализ экопедагогического дискурса (на примере образовательных материалов Чикагского ботанического сада)	196
Зеленева Ю. С.	
Лексико-семантическая интерференция как источник ошибок в русской речи обучающихся из испаноязычных стран	199
Иванова Н. В.	
Христианская культура в поэзии Великой Отечественной войны	201
Изотова А. А.	
Использование технологии развития креативного мышления на уроках английского языка при обучении устной речи	205
Ильницкая Ю. В.	
Активные глаголы в интерпретативных текстах и проблемы их перевода	207

Исмагилова Г. К., Кун Ф.	212
Характерные черты президентского дискурса В. В. Путина (на материале из выступления на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2022)	
Калифа А. Д, Режук З. В.	215
Языковая картина мира русских и колумбийцев	
Князева В. Д.	217
Использование интернет-платформы ProgressMe в преподавании РКИ	
Копендох И. И.	218
Влияние Интернета на межкультурное общение в молодежной среде	
Матвиенко К. В.	221
Особенности закадрового перевода документальных фильмов и телесериалов	
Мищенко К. В.	224
Особенности реализации окказионализмов в романе Л. Бардуго «Shadow and Bone» и его переводе на русский язык	
Пасенченко Е. С.	227
Аксиологические особенности концепта «женщина» в произведениях испанской литературы	
Пожидаева А. С.	229
Роль фразеологизмов в газетных заголовках (на материале издания Аргументы и Факты)	
Пушкарева Я. А.	231
Прагматический потенциал сравнений в романе К. Р. Сафона «El laberinto de los espíritus» и его переводе	
Резникова П. А.	234
Телесная метафора в англоязычном и русскоязычном публицистическом дискурсе: функциональный аспект (на материале статей экологической тематики)	
Самохина С. Д.	239
Советизмы в современном рекламном дискурсе: функционально прагматический аспект	
Сараева К. Е.	241
Деепричастный оборот vs придаточные предложения: обучение иностранных учащихся синтаксической синонимии	
Сатимова М. Ш. Кизи	245
Linguoculturología en el sistema de conocimiento social e individual/Лингвокультурология в системе социального и индивидуального знания	
Синь Ж.	247
Эргонимы на русском языке в городском пространстве Маньчжурии	
Скобелкин Д. Ю.	251
Функционирование заимствований в аниме-сленге	
Сукария Н. Г.	254
Особенности преподавания морфологии русского языка арабоязычным студентам	
Сухарева И. А.	256
Эмоциональная концептосфера в повести Э. Хемингуэя «Старик и море»	
Тимофеева А. Д.	259
Оппозиция «природа-цивилизация» в романе монгольского писателя из КНР Баоэрджи Юань «Приключения в дремучей тайге уссурийского края»	
Федюнина Д. А.	260
Правильная расшифровка символического уровня фильма как залог удачного переводческого приема (на примере сериала «Уэнсдей»)	
Федорова Е. А.	263
Лексико-стилистические средства выражения фантастического	
Фролова Д. С.	269
Погружение в языковую среду на онлайн занятиях по РКИ с помощью песен на начальном этапе	

Хайретдинова Э. Р.	271
Актуальность аксиологического подхода в преподавании иностранного языка в старших классах школы	
Хао С.	274
Изучение образа медведя и дракона как символа русской и китайской культур	
Хуэй Л.	275
Китайские исследователи о художественной рецепции русской классики в произведениях Лу Синя	
Цяо Т.	277
Об особенностях презентации грамматического материала в китайских учебниках русского языка для средней школы	
Чанцева М. К.	279
Речевой портрет блогера-миллионника сквозь призму его коммуникативных стратегий	
Чанцева М. К.	282
Социолект в коммуникативных стратегиях	
Чжан Ч.	284
Особенности преподавания русского языка в Китае	
Чирва О. В.	285
Организация обучения русскому языку детей-билингвов в рамках кружковой деятельности (на примере МБОУ «Выделянская СОШ» Родионово-Несветайского района Ростовской области)	
Ширина О. А., Волохова П. В.	288
Особенности перевода англицизмов с испанского языка на русский язык	
СТАТЬИ И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ	
СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА И СПЕЦИАЛИТЕТА	
Абалова Е. А.	291
La onomatopeya en modismos y unidades fraseológicas españolas/Ономатопея в идиомах и фразеологических единицах испанского языка	
Алимова О. В.	292
Translation of non-fiction genre works from English language into Russian as a specific brunch of literary translation (on the material of books about Japan)/Перевод произведений научно-популярного жанра с английского языка на русский как особый вид художественного перевода (на материале книг о Японии)	
Аляутдинова К. В.	295
Индихенизмы как отражение национального своеобразия жизни народов Латинской Америки	
Арбузов Д. А.	297
Современный сленг как отражение языковой картины мира колумбийской молодёжи	
Барвинченко В. В.	302
Теоретические исследования языковой картины мира современной Испании	
Гончарова А. А.	305
Библеизмы английского языка: лингвистический анализ	
Горшкова А. В.	307
Электронные образовательные ресурсы как эффективная форма обучения иностранному языку в средней школе	
Григорьева Л. И.	309
Особенности пьес Романа Козырчикова как иллюстрации к актуальным понятиям из «Экспериментального словаря новейшей драматургии»	
Губская В. С.	310
Аффиксальные производные имена деятеля во французском и русском языках	

Дадаян И. А. Los etnónimos en la fraseología española como reflejo de los estereotipos nacionales/Этнонимы в испанской фразеологии как отражение национальных стереотипов	313
Дроздова К. С. Особенности перевода штампов в публицистических текстах политической направленности	315
Дядькова В. С., Шуманская Д. В. Особенности литературы Аргентины в XX веке	317
Ермилова А. В. Эвфемизмы как одна из лексических особенностей поздравительных речей короля Испании Филиппа VI	319
Жогорева И. В. Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) в старших классах общеобразовательной школы как фактор становления иноязычной коммуникативной компетентности	322
Иванова А. В. Возможности консолидации ибероамериканского пространства как глобального актора	326
Ковбаса В. С. Постковидный синдром испанского медиадискурса	328
Корчуганова А. А., Лихолетова Л. А. Las características morfosintácticas del español neutro/Морфосинтаксические характеристики нейтрального испанского языка	330
Лютикова Е. Д. Передача языковых средств выразительности при переводе художественных произведений с корейского языка на русский	331
Малоедов В. С. К вопросу о грамматикализации герундийных временных форм в современном испанском языке	334
Малявина В. С. Лингвостилистические средства создания чувственных образов в романе Дж. Харрис «Chocolat»	335
Марадудин Д. В. Тема авангардизма в произведении «Вавилонская библиотека» Хорхе Борхеса	339
Махмуд Ш. У. Функционирование языка пушту в Афганистане	341
Обозная С. А. Влияние выбора переводческих трансформаций на успешность реализации стратегии «на повышение» в синхронном переводе политических дебатов	343
Озрокова И. А. Сериалы как способ познания современной испанской культуры (на основе сериалов «La casa de Papel» и «Elite»)	347
Сапсай К. В. Неоправданные заимствования из английского языка как проблема нарушения коммуникации	348
Сипетин В. В. Лингвокультурные особенности метафоры в футбольных статьях газеты «Марса»	351
Сычева В. С. Оппозиция «БЛИЗКО – ДАЛЕКО» в испанской фразеологии	353
Танчинец П. П. Применение технологий виртуальной реальности в обучении языкам и межкультурной коммуникации	357
Тириаду Х. М. Особенности колумбийского варианта разговорного испанского языка испанской молодежи	359

Хошафян Л. О. Некоторые аспекты перевода языковой игры как средства создания комического эффекта (на материале повести Дж. К. Джерома «Трое на велосипедах» (Jerome K. Jerome, Three Men on the Bummel))	361
Хошафян Т. О. К вопросу о передаче иноязычного акцента и речевых особенностей в дублированном переводе и при субтитровании: основные стратегии и тактики (на материале фильма «Терминал»)	364
Щекочихина Е. А. Феномен клипового мышления в иноязычном образовании при обучении грамматической стороне речи английского языка студентов неязыковых направлений подготовки	370
Щуринов Ю. С. Лингвопереводческая специфика единиц тематической группы «постпандемийная экономика Германии»	372
Юрьева В. К. Компьютерные программы как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции учащихся начальной школы	374
Яцкая Д. Д. Использование Интернета для расширения ресурсной базы при преподавании иностранных языков	375
<i>Статьи и тезисы в соавторстве с научным руководителем</i>	379
Ахтемова Д. Э., Зиновьева Д. Н. Приемы и средства языковой выразительности в текстах песен Альваро Солера	379
Васильева К. М., Тарасова В. В. Репрезентация критики в мультимодальном аспекте (на материале сериала «反转人生»)	381
Глазунова А. С., Карлина А. Н. Анализ концепта цвета на материале испанских фразеологических единиц	383
Грицаенко А. Н., Крюкова Е. И. Literary and Linguistic Representation of the image 'Horse' in British Fiction / Литературная и языковая репрезентация образа 'Horse' (Лошадь) в британской художественной литературе	386
Давыденко Р. Е., Ерёмин А. А. Культура народов доколумбовой Мезоамерики: характерные особенности	388
Зеленская А. А., Медведева А. А. Концепт «друг» и его репрезентация в современном англоязычном поэтическом дискурсе	391
Извекова Е. А., Турсунов Ф. А. Язык как важный признак этнокультурной идентичности	395
Крейда М. Д., Крейда Т. Д., Зиновьева Д. Н. Явление «культурного шока» среди латиноамериканских студентов, обучающихся в России	398
Кряжевских Д. Ф., Фомина Я. А., Корелова А. С. Основные особенности и трудности восприятия диалектально-окрашенной речи на английском языке	401
Наумова А. Д., Мельник О. Г. Испанские фразеологизмы с компонентом-антропонимом	404
Петрова И. А., Ведерникова Т. И. Особенности перевода имён собственных в сказке Дж. Роулинг «Рождественский поросёнок»	407
Романова А. А., Анищенко А. В., Фразеологические единицы как носители культурной информации (на материале немецкоязычного журнала «Jugend»)	411
Рябикова О. Г., Анищенко А. В. Лакуарность эмоционального концепта STPACH/ANGST/FURCHT (на примере романа П. Зюскинда «Парфюмер»)	414

Святец В. А., Телегина В. А.	
Особенности репрезентации мема во французском интернет-дискурсе	417
Ситорес Орлова М., Нуридджанян Р. Г.	
Los recursos de persuasión verbal en los textos de publicidad social española (con base en los materiales de una campaña social publicitaria por parte del Departamento de Gestión de Tráfico del Ministerio Interior de España) / Средства речевого воздействия в текстах испанской социальной рекламы (на материале социальной рекламной кампании Департамента дорожного движения Министерства внутренних дел Испании)	421
Хэ Б., Лошанина М. Н.	
Структура и семантика вводных слов с компонентом говорить и сказать	424
Шломак В. В., Попова Е. А.	
Религиозная живопись «Золотого века» Испании: Франсиско де Сурбаран и его заказчики	427
Яцко А., Бройтман М. С.	
Звуковой символизм в поэзии Пабло Неруды	430

**ХРОНИКА
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ МИМДО ЮФУ
(декабрь 2022 – ноябрь 2023)**

IV Международная конференция студентов и молодых исследователей «Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур» (2 декабря 2022 г.)	435
IV Международный научно-методический семинар «Актуальные проблемы функционирования русского языка в международном образовательном пространстве» (4 декабря 2022 г.)	435
XX Всероссийская студенческая конференция с международным участием «Язык, литература и культура Иberoамерики» (9–10 декабря 2022 г.)	436
XIII Международные академические Интернет-чтения «Филология, межкультурная коммуникация и перевод в XXI веке» (9–10 декабря 2022 г.)	437
Фестиваль «Диалог языков и культур» (17 февраля 2023 г.)	437
III Международная научно-практическая конференция магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты» (21–22 апреля 2023г.)	438
XIV Международные академические Интернет-чтения «Филология, межкультурная коммуникация и перевод в XXI веке» (21 апреля 2023 г.)	439

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЛАБОРАТОРИЙ МИМДО ЮФУ
В 2022–2023 УЧЕБНОМ ГОДУ**

Международная исследовательская лаборатория развития кросс-культурных компетенций	440
Международная научная лаборатория когнитивно-прагматических исследований	446
Лаборатория дистанционного обучения русскому языку и культуре для иностранных обучающихся	448

ВВЕДЕНИЕ

В текущем номере «Бюллетеня гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве» нашли отражение различные аспекты филологических исследований, актуальные проблемы межкультурной коммуникации, лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты перевода, современные вопросы лингвистики текста и дискурса, а также вопросы применения новейших образовательных технологий в процессе преподавания иностранных языков.

Настоящее издание открывается научными статьями ведущих специалистов в области филологии, межкультурной коммуникации и перевода, а также методики преподавания русского языка как иностранного, которые вызывают научный интерес и способствуют распространению передовых научных достижений в области гуманитарных наук.

В основе номера – статьи и тезисы участников III Международной научно-практической конференции «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты» (21–22 апреля 2023 года, г. Ростов-на-Дону), а также IV Международной конференции студентов и молодых исследователей «Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур» (2 декабря 2022 года), которые стали площадкой для обмена опытом и мнениями, а также для обсуждения и апробации результатов научных исследований магистрантов, аспирантов и молодых ученых из России, Беларуси, Узбекистана, Китая и других стран.

В Бюллетень вошли и лучшие доклады студентов бакалавриата и специалитета, принимавших участие в XX Всероссийской студенческой конференции с международным участием «Язык, литература и культура Ибероамерики» (9–10 декабря 2022 года, г. Ростов-на-Дону).

В данном выпуске представлены результаты научно-исследовательской деятельности лабораторий Международного института междисциплинарного образования и ибероамериканских исследований Южного федерального университета: Международной научной лаборатории когнитивно-прагматических исследований, Лаборатории дистанционного обучения русскому языку и культуре для иностранных обучающихся, Международной исследовательской лаборатории развития кросс-культурных компетенций.

Тексты статей и тезисов публикуются в авторской редакции, с минимальной редакторской правкой. За содержание (точность приводимых цитат, достоверность фактов, имен, названий, статистических данных и других сведений), а также за корректность цитирования ответственность несет автор (авторы). В случае написания работы под научным руководством, наряду с автором публикуемой работы за ее содержание отвечает и научный руководитель.

Материалы Бюллетеня представляют интерес для широкого круга исследователей, специалистов в области филологии, межкультурной коммуникации и перевода, преподавателей вузов, а также для студентов и магистрантов.

Язык издания: русский, английский, испанский.

УДК 811.134.2

Испанский язык и его национальные варианты в процессе межкультурной коммуникации

Евдокимова А. А., Московский государственный лингвистический университет,
к.ф.н., доцент, Россия

В середине XX – начале XXI веков социально-политическая и экономическая ситуация кардинально изменилась: мир вступил в эпоху глобализации. Как известно, глобализация представляет собой процесс интеграции и унификации в политике, экономике и культуре. Доктор экономических наук И. В. Новикова считает, что мировое хозяйство до недавнего времени, понимаемое как совокупность национальных хозяйств, в эпоху глобализации втягивается в рынок на основе транснационализации и регионализации. В результате происходит формирование геоэкономики и разрушение национальных суверенитетов государств [Новикова, 2009].

Одним из следствий глобализации стало изменение языковой картины мира и изменения статуса английского языка. На английском общаются капитаны кораблей с лоцманами, пилоты самолетов с диспетчерами, уровень владения английским проверяют у соискателей, претендующих на ту или иную должность в любой крупной компании, даже при заполнении загранпаспорта в России стали использовать английский вместо традиционного французского. Лидеры стран и политики также общаются между собой на английском языке, хотя Евросоюз и требует от своих сотрудников знания как минимум еще одного из официальных языков.

Английский язык проникает повсюду, вытесняя, зачастую, коофициальные и даже официальные языки. Иногда ситуация доходит практически до абсурда. Подтверждением этого может служить пример, который приводит Рафаэль дель Мораль в своей работе «Lengua española y lenguas de España»: «В каком-нибудь уголке Испании мы можем столкнуться со следующим парадоксом: информация написана на местном языке (имеется в виду один из коофициальных языков) и на английском. Но разве мы не в Испании?», спрашивает автор, подчёркивая отсутствие информации на государственном испанском (кастильском) языке [Del Moral, 2007]. Мы можем много и долго рассуждать о том правильно или неправильно предоставлять информацию на английском языке в ущерб другим языкам данного региона, но теория – это одно, а практическая жизнь все расставляет по своим местам.

Создаётся впечатление, что английский стал самым распространённым языком в мире, но обратимся к статистике.

Таблица 1. Список языков по количеству носителей (2019)

№	Язык	Родной язык (млн.)	Основная страна	Количество стран, где он является официальным
1.	Китайский	1311,0	Китай	39
2.	Испанский	460,0	Испания	31
3.	Английский	379,0	Великобритания	137
4.	Хинди	341,0	Индия	4
5.	Арабский	319,0	Саудовская Аравия	59
6.	Бенгальский	228,0	Бангладеш	4
7.	Португальский	221,0	Португалия	15
8.	Русский	154,0	Россия	19

По данным, собранным в 22-м издании справочника по языкам мира Ethnologue, справочник разработан и выпускается международной организацией SIL International (Summer Institute of Linguistics), самым распространённым языком по количеству носителей, считавших его родным, являлся в 2019 году – китайский: 1 миллиард 311 миллионов человек [Wikipedia, URL].

Второе место занимал испанский: 460 миллионов, а английский был только на третьем: 379 миллионов носителей языка.

Правда, в справочнике 2022 года (25 издание) была изменена методика подсчёта [Wikipedia, URL].

Таблица 2. Список языков по количеству носителей (2022)

№	Язык	Родной язык (млн.)	Основная страна	% население мира
1.	Китайский (мандарин)	929,0	Китай	11,9%
2.	Испанский	474,7	Испания	6,0%
3.	Английский	372,9	Великобритания	4,9%
4.	Хинди	343,9	Индия	4,5%
5.	Бенгальский	233,7	Бангладеш	4,0%
6.	Португальский	232,4	Португалия	2,9%
7.	Русский	154,0	Россия	2,0%
8.	Японский	125,3	Япония	1,7%
23.	Арабский (египетский)	64,6	Египет	0,8%

(перевод автора)

Резко сократилось количество носителей китайского языка, так как стали считать носителей языка по диалектам. Языком ООН является именно северокитайский диалект (chino mandarín), который и занял первое место: 929 миллионов человек. Из первой восьмерки языков исчез арабский, также в связи с разделением на диалекты. Второе место сохранил за собой испанский: 474 миллиона 700 тысяч носителей языка. Третьим остался английский: 372 миллиона 900 тысяч человек.

Но лидер меняется, когда мы говорим не о носителях языка, а о людях, говорящих на данном языке, то есть использующих его как первый или второй, или даже третий язык. В случае, если мы будем считать по общему числу людей, говорящих на одном языке, то пальма первенства будет за английским [Wikipedia, URL].

Таблица 3. Языки по количеству говорящих на них людей (2022)

№	Язык	Родной язык	Второй язык	Всего
1.	Английский	372,9 млн.	1,080 млрд.	1,452 млрд.
2.	Китайский мандарин	929,0 млн.	198,7 млн.	1,118 млрд.
3.	Хинди (кр. Урду)	343,9 млн.	258,3 млн.	602,2 млн.
4.	Испанский	474,7 млн.	73,6 млн.	548,3 млн.
5.	Французский	156 млн.	165 млн.	321 млн.
6.	Арабский (современный стандартный)		274,0 млн.	274,0 млн.
7.	Бенгальский	233,7 млн.	39,0 млн.	272,7 млн.
8.	Русский	154,0 млн.	104,1 млн.	258,2 млн.

(перевод автора)

На английском говорит 1 миллиард 452 миллиона жителей Земли, а на китайском – 1 миллиард 118 миллионов. Испанский опускается на четвертую строчку, пропуская вперед хинди. Создается впечатление, что английский конвертируется в язык межнационального общения, но здесь я хотела бы сослаться на мнение Натальи Валерьевны Карповской (директора Испано-Российского центра языка и культуры ЮФУ), которая, выступая на Круглом столе, посвященном «Роли русского и испанского языков в процессе интернационализации высшего образования и развития диалога культур», заметила, что как показывает опыт, «попытки утвердить какой-то один язык в качестве единого языка межнационального общения, не оправдали себя. Язык-посредник, являющийся неродным для всех участников коммуникации, может способствовать более или менее легкому обмену информацией, однако успешность межкультурной коммуникации не определяется исключительно возможностью корректной передачи сообщения» [Карповская, 2017].

Английский, несомненно, представляет из себя язык-посредник. Он позволит пилоту общаться с диспетчером, но, если он неродной, например, для участников какого-то судебного процесса, то он не позволит в полной мере отразить все нюансы и тонкости дела, которые определяются не только владением языка, но и знанием местного законодательства.

Успешная межкультурная коммуникация – это то, к чему должны стремиться в процессе преподавания иностранного языка в университете. Добиться успехов на этом пути можно только через приобщение к языковой культуре страны изучаемого языка. Но испанский – это не только язык Сервантеса и Испании, это также язык 20 стран Южной и Центральной Америки.

Правовые системы испаноязычных стран имеют общие корни, хотя каждая обладает своим нюансами. Американские законодатели после обретения независимости колониями черпали вдохновение,

особенно в гражданском праве, в испанских кодексах, тексты которых, в свою очередь, брали за основу наполеоновский кодекс и римское право, но всегда отражали местные традиции и обычаи. Юридический язык каждого государства имеет свои особенности и, таким образом, во многих случаях для испанского юриста, не говоря уже об иностранном студенте, чтение приговора, приказа, закона аргентинского, мексиканского или перуанского предполагает дополнительную трудность. Перед нашими студентами возникает двойная юридическая и лингвистическая проблема. Среди языков профессий язык права, вероятно, является тем, который представляет наибольшее количество точек расхождения между языком бывшей метрополии и национальными вариантами языка Америки.

В 2017 году вышел в свет Паниспанский словарь юридического испанского языка (DEPJ), который включает 40 000 статей с лексикой всех стран Латинской Америки. Это огромная помощь как для юристов, так и для преподавателей, но без вовлечения студентов в процесс межкультурной коммуникации со странами Латинской Америки невозможно будет достичь того, чтобы они в дальнейшем смогли комфортно себя чувствовать в профессиональной иноязычной среде.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Del Moral, R. Lengua española y lenguas de España. Disponible en internet URL: https://issuu.com/rdelmoral/docs/0_2leng_esp_y_leng_de_esp/44, 2007 (дата обращения: сентябрь 2022).
2. Wikipedia, List of languages by number of native speakers, URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_languages_by_number_of_native_speakers
- Wikipedia, List of languages by total number of speakers, URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_languages_by_total_number_of_speakers
3. Карповская, Н. В. Роль русского и испанского языков в процессе интернационализации высшего образования и развития диалога культур. Вступительное слово, 2017. URL: https://esp-centr.sfedu.ru/documents_centra/Raznoe/Thesis_kruglii_stol.pdf, (дата обращения: сентябрь 2022).
4. Новикова, И. В. Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия. Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2009.
5. Wikipedia, Список языков по количеству носителей, URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%BF%D0%BE_%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83_%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9 (дата обращения: 8.10.2022)

УДК 372.881.1

Словообразовательная ценность слова и формирование потенциального словаря при обучении языку специальности

Ильин Д. Н., Южный федеральный университет, к.ф.н., доцент, Россия

Одним из неотъемлемых компонентов довузовской подготовки иностранцев является их обучение особенностям научной речи, в связи с чем в учебном плане уделяется значительное количество аудиторных часов изучению научного стиля речи. Учащиеся овладевают спецификой общенаучной лексики и синтаксиса, в зависимости от профиля обучения происходит закрепление той или иной терминологии, фразеологизированных конструкций.

Занятия по научному стилю речи, как правило, начинаются, когда уже освоен язык на элементарном уровне. Несмотря на это у студентов возникают значительные трудности с закреплением новой лексики и грамматических сведений – в первую очередь из-за их возросшего объема. Начинаясь в то же время изучение спецпредметов не облегчает процесс усвоения языковой информации. Учёт словообразовательной ценности изучаемой лексики позволяет отчасти нивелировать отдельные трудности.

Под словообразовательной ценностью понимается такой принцип отбора лексики, который требует «включения в лексический минимум слов, от которых можно образовать новые лексические единицы» [Азимов, Щукин, 2009, с. 279]. Указание на словообразовательную ценность слова является одним из основных способов семантизации лексики, при котором учащийся, имея представление о значении морфем, достраивает словообразовательную цепочку и делает заключение о значении слова.

Одной из основных целей обучения является формирование навыка самостоятельного достраивания такой цепочки на основе языковой догадки. Лексические единицы, которые учащийся может понять без словаря, если они ему встретятся при чтении и аудировании, хотя до этого они отсутствовали в его речевом опыте, составляют потенциальный словарь, который, в отличие от активного, не фиксируется в

лексических минимумах, но в то же время не требует отдельной работы с преподавателем или переводным словарем по семантизации лексической единицы. И чем более развита у учащегося языковая догадка, тем шире его потенциальный словарь, тем меньше трудностей при овладении языком специальности.

Знакомство со структурой слова и отдельными словообразовательными моделями предусмотрено уже государственным стандартом элементарного уровня. В стандарте базового уровня в языковой компетенции обучающегося указывается следующее.

Распознавание отдельных словообразовательных моделей:

- существительных: (лицо по национальности с суффиксами -ец, -анин; лицо женского пола с суффиксами -к(а), -иц(а), -ниц(а); лицо по профессии с суффиксом -тель, названия лица по профессии и действия с нулевым суффиксом; отглагольные существительные с суффиксом -ени-е, -ани-е и др.
- прилагательных: с суффиксами -н-, -ск-, -ическ-;
- наречий: с суффиксами -о, мотивированных качественными прилагательными, с префиксом по- и суффиксом -ски;
- глаголов: с суффиксами -ыва-/ива-, -ва-, -а-, -и-, -ова-/ева-, -ну-; глаголов движения с префиксами в, вы-, у-, по-, при- [Государственный стандарт..., 2001, с. 11].

На уровне ТРКИ-1 и выше соответственно расширяется объём необходимых сведений о словообразовательных моделях. Соответственно доведение этих сведений является одной из задач преподавателя. Незнание аффиксов и их значения и вытекающее из этого непонимание (или неточное понимание) значения производных, сложных и сложносокращённых слов входит в число самых частотных трудностей, провоцирующих ошибки в речи учащихся [Добровольская, 2019, с. 110].

Каким образом следует выстраивать работу с таким материалом? Как правило, при организации учебной работы в группах студентов нефилологического профиля отдельных занятий по изучению словообразовательных моделей не планируют. Считается, что при достаточной чёткости и упорядоченности презентации материала учащиеся постепенно смогут сформировать требуемые компоненты языковой догадки. Информация о словообразовательной ценности лексики включается в аспектные занятия по грамматике, лексике, в комплексные занятия по чтению и аудированию. И обязательно такая работа должна проводиться на занятиях по научному стилю речи.

В зависимости от этапа обучения меняется не только объём, но и подход к подаче информации о словообразовательных моделях содержание. На основании существующих исследований [Добровольская, 2019, Красильникова, 2014 и др.] выделим эти подходы.

Начальный этап (соответствует элементарному уровню) – учащиеся получают общее представление о составе слова и отдельных морфемах. Объём словника минимален, выполняются упражнения имитативного характера. В этот период накапливается лексика, большое внимание уделяется наблюдению над языковыми явлениями.

Второй этап (базовый уровень) обучения предусматривает знакомство со способами образования слов различных частей речи. Системно изучаются аффиксы существительных, прилагательных и глаголов, сочетаемость производных слов, позволяющая узнавать их в контексте и использовать словообразовательные модели в речи.

Третий этап заключается в анализе и синтезе словообразовательных единиц разного плана, изучении многозначности аффиксов и дифференциация однокоренных слов по смыслу в зависимости от использования того или иного аффикса, расширении потенциального словаря учащихся. В ряде исследований данный этап называется *исполнительским* и предусматривает свёртывание и автоматизацию словообразовательных операций, которые обеспечивают восприятие и понимание производных слов.

Вне зависимости от этапа обучения основные усилия преподавателя концентрируются на ознакомлении учащихся с основными способами образования слов, со значением аффиксов, с их ролью в слове. Данная работа неразрывна с изучением функционирования производного слова в предложении. В связи с чем ещё раз подчеркнём, что знакомство со словообразовательными моделями включается в аудиторную работу с лексикой / грамматикой / текстом, не выделяется в отдельный тип занятий. Это отражает основной подход современной лингводидактики – функционально-коммуникативный.

Работа со словообразовательными моделями обычно предусматривает выполнение упражнений – на наблюдение, репродуктивного и продуктивного характера. Приведём примеры таких упражнений.

Задание 1. Прочитайте слова. Укажите, от каких глаголов и по какой модели они образованы.

– понимание, исследование, конструирование, основание, создание, использование, образование.

– говорение, изучение, умножение, соединение, включение, распределение, изменение, выступление.

Задание 2. Переделайте словосочетания, образуя от глаголов существительные.

Образец: восстановить историю – восстановление истории.

Изучать историю, объяснять явление, исследовать состав, изменять состояние, составлять карты, рассматривать проблему, образовать горные породы.

Задание 3. Расскажите об университете, в котором вы учитесь. Используйте в своём рассказе отглагольные существительные. Будьте готовы ответить на вопросы преподавателя и студентов.

Как видим, в данных упражнениях отрабатывается словообразовательная модель отглагольных существительных с суффиксами -ни(е), -ени(е). В соответствии с профилем и этапом обучения преподаватель может варьировать лексический материал. Приведём примеры упражнений на закрепление другой словообразовательной модели.

Задание 1. От данных прилагательных по образцу образуйте существительные, обозначающие свойство. Обратите внимание на словообразовательную модель.

Твёрдый – твёрдость

Пластичный –

Теплопроводный –

Мягкий –

Прозрачный –

Задание 2. Запишите, от каких прилагательных образованы данные существительные.

Пористость – пористый

Горючесть –

Влажность –

Плотность –

Хрупкость –

Прочность –

Задание 3. Опишите перечисленные минералы с помощью существительных, обозначающих свойство.

Используйте конструкции ЧТО обладает / отличается / характеризуется ЧЕМ.

Золото, гранит, горный хрусталь, уголь, графит, алмаз, мел, кварц.

В данных упражнениях отрабатывается словообразовательная модель -ость, по которой от прилагательных образуются существительные со значением качества, свойства объекта. Подобная отработка ведётся и по другим моделям, преподаватель руководствуется стандартом и / или содержанием текстов по специальности.

Подсчитано, что при устойчивом закреплении у учащихся словообразовательных моделей, перечисленных в Стандарте базового уровня, потенциальный словарь автоматически расширяется на 243 лексические единицы, т. е. почти на 25% [Лапошина, 2021, с. 478], что подтверждает важность описанной работы.

При регулярности включения в учебный процесс материала на развитие языковой догадки путём обращения внимания на словообразовательную ценность слов у студентов расширяется потенциальный словарь, что делает более продуктивным обучение как на довузовском этапе, так и по основным образовательным программам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов, Э. Г., Щукин, А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / Нахабина М.М. и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М. – СПб.: Златоуст, 2001. – 32 с.
3. Добровольская, В. В. Словообразование в системе РКИ. // Stephanos #4 (30) 01.2019 URL: <http://stephanos.ru> (дата обращения 8.10.2022)
4. Красильникова, Л. В. Уроки по русскому словообразованию для иностранных учащихся – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 55 стр.
5. Красильникова, Л. В. Методический потенциал единиц системы русского словообразования // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 15. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 3–13.
6. Лапошина, А. Н. Что значит «не входит в лексический минимум»? Подсчет процента незнакомой лексики в тексте по РКИ с учетом доступных словообразовательных моделей // Преподаватель XXI век. 2021. № 4. Часть 2. С. 473–483.

**Речевой портрет героев сериала как стереотипное представление
о языковой личности в системе коммуникации
(на материале испанского сериала «Malaka»)**

Карповская Н. В., Южный федеральный университет, к.ф.н., доцент, Россия

Зиновьева Д. Н., Южный федеральный университет, преподаватель, Россия

В последние годы резко возросла популярность как отечественных, так и зарубежных стриминговых сервисов, предоставляющих доступ к большому количеству теле- и кинофильмов, сериалов и других продуктов киноиндустрии. Будучи явлением массовой культуры, сериалы превратились в особый тип медиакommunikации и стали играть важную роль в жизни общества, позволяя транслировать «определенные мировоззренческие ориентиры», постулаты, культурные установки и модели поведения, доносить «квазикommunikационные ценности» и воздействовать таким образом на сознание телезрителей [Попова, Ромаха, 2008, с. 236].

Особый интерес у современных зрителей вызывают многосерийные телефильмы и сериалы, характеризующиеся размеренным развитием сюжета, его реалистичностью, типажностью персонажей, обилием бытовых сцен и точностью деталей, что способствует созданию так называемого *эффекта* достоверности, за счет которого достигается максимальное сокращение дистанции между зрителем и тем, что происходит на экране. Большую роль в достижении эффекта достоверности играет речь героев и персонажей сериала, их речевые портреты, в которых отражаются наиболее яркие черты той или иной национальной, культурной, социальной или другой группы.

Исследование речевого портрета героев и персонажей фильмов и сериалов нашло отражение в работах многих современных авторов, среди них: М. А. Цибина, И. В. Новицкая, Т. А. Радченко, Е. В. Морозова, Ю. В. Зиганшина, Е. С. Морилова, А. А. Кидярова и др.

Обращаясь к проблематике, связанной с рассмотрением *речевого портрета*, следует отметить, что основоположником данного понятия в отечественной лингвистике принято считать советского ученого М. В. Панова, который в 60-х годах XX века впервые высказал идею создания фонетического портрета выдающихся деятелей науки, политики и искусства [Панов, 1990]. Позднее данный термин получил развитие в работах таких ученых, как М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Т. П. Тарасенко, Г. Г. Матвеева, Е. А. Бабушкина и др. Однако единого общепринятого подхода к определению речевого портрета до сих пор не существует.

В настоящей работе за исходное принимается положение Г. Г. Матвеевой, согласно которому речевой портрет представляет собой «набор речевых предпочтений конкретного отправителя конкретного текста в конкретных обстоятельствах для актуализации конкретных намерений и скрытых стратегий, воздействующих на конкретного получателя» [Матвеева, 1993, URL]. В понимании исследователя, речевой портрет, отражая набор индивидуальных и групповых характеристик субъекта, обусловленных его полом, возрастом, национальной или этнической, религиозной принадлежностью, социальным статусом, а также ситуацией общения и типом собеседника, с которым он ведет диалог, является предметом изучения прагмалингвистики и способен передавать намерения говорящего.

Анализ *«речевого портрета»* диктует обращение к такому понятию, как *«языковая личность»*, т. К. нередко под речевым портретом понимается воплощенная в речи языковая личность [Леорда, 2006, с. 6]. В свою очередь изучение языковой личности, которую Ю. Н. Караулов понимает как *«говорящего»* или *«коммуникативного»* человека, проводится прежде всего через призму ее речевого портрета [Караулов, 2010].

В современной науке существуют разнообразные модели описания речевого портрета, среди которых выделяется трехуровневая модель описания языковой личности Ю. В. Караулова, которая легла в основу большинства параметрических систем: лексикон (активный словарный запас индивида), тезаурус (лингво-прагматикон) и прагматикон (интенциональность речи) [Караулов, 2010, с. 46]. Таким образом, рассматриваются вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни. Сходные параметры характерны и для анализа М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой.

В то же время Л. П. Крысин включил в схему разбора особенности используемых языковых единиц (консонантизм, вокализм, лексика и т.д.; уровень лексикона по схеме Ю. В. Караулова) и особенности языкового поведения (формулы общения, языковая игра и т.д.; что соотносится с уровнями прагматикона и тезауруса, выделенными Ю. В. Карауловым) [Крысин, 2001, URL]. Подходя к языковой личности как к целостной структуре, О. Г. Алюнина отмечает, что ее описание следует свести к рассмотрению трех основных компонентов – социопсихолингвистического портрета, речевого портрета на уровне лексикона и особенностей речевой культуры индивида [Алюнина, 2010, URL]. Широкое

распространение получили и уровневые системы описания речевого портрета, основывающиеся на детальном рассмотрении каждого уровня языка – фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Развитие антропоцентрической парадигмы современного языкознания определило интерес исследователей к изучению речевого портрета с позиций дискурсивного подхода. Подобная модель, в которой выделяется два плана описания речевого портрета – содержательный и речевой (коммуникативный) – была разработана Е. В. Осетровой с целью анализа речевого портрета политика [Осетрова, 1999, с. 59]. К единицам, характеризующим содержательный план, т.е. информативную часть текста, автор относит концепты, ключевые слова, лозунги и т.д. Коммуникативный план отражает предпочтения адресанта в процессе коммуникации: информативность, оценочность и др. Исходя из указанных параметров, анализируются изменения, касающиеся содержания, эмоциональной составляющей и речевых привычек политика, имевших место в течение определенного времени, на основании чего разрабатывается динамическая матрица его речевого портрета.

Принимая во внимание тот факт, что сериалы в определенной мере направлены на создание социальных образов, типажность героев, как было упомянуто ранее, играет в них особую роль. Каждый герой, каждый персонаж следует своей сюжетной линии, выполняя свою, отведенную ему функцию, и его речевой портрет призван способствовать достижению поставленных авторами сериала задач.

Согласно приведенному ранее краткому обзору подходов к описанию речевых портретов, представляется целесообразным принять за основу следующую модель анализа: 1) фонетические и лексические особенности речи персонажа; 2) социопсихолингвистическая составляющая его портрета; 3) специфика речевой культуры персонажа. При описании речевого портрета следует также отразить такие аспекты личности персонажа, как гендер, возраст и этнокультурную принадлежность.

Что касается испанского сериала «Malaka», то одним из его ключевых героев является **Бланка Гамес** – молодая женщина-полицейский из Малаги, которая несколько лет проработала в мадридском отделении полиции. Девушка возвращается в родной город и приступает к расследованию дела о пропаже дочери влиятельного бизнесмена. Необходимо отметить, что отъезд Бланки был обусловлен ее травматичными взаимоотношениями с отцом, комиссаром полиции в отставке.

На фонетическом и лексическом уровнях речь героини значительно отличается от речи других героев-полицейских, что объясняется желанием сценаристов подчеркнуть тот факт, что Бланка, работая в Мадриде, долгое время не жила в Малаге, и это оказало заметное влияние как на ее речь, так и на ее личность. Например, в речи Бланки присутствует ограниченное число диалектных фонетических особенностей, характерных для жителей Малаги. Среди проявляющихся в ее речи фонетических диалектизмов можно отметить: *yeísmo*, аспирацию велярного [x] и палатализацию звука [t] в сочетании с аспирацией звука [s], в то время как выпадение интервокальных звуков и аспирация / опущение звука [s] в конце слова или перед другими согласными встречаются значительно реже и не во всех ситуациях общения.

Отсутствие в речи героини наиболее ярких черт андалузского диалекта, таких как, например, выпадение интервокальных звуков и аспирация / опущение звука [s] в конце слова или перед другими согласными и др., влияет на ее восприятие другими коллегами – они не видят в ней «свою». Так, будущий напарник Бланки – Дарио Архона – при первой встрече думает, что она не из Андалусии и приветствует ее фразой «*Bienvenida a la Costa del Sol*».

Холодность Бланки и ее отстраненность от земляков заметна и на лексическом уровне, который также выдает в ней «чужую», а иногда приводит к коммуникативным неудачам. В качестве иллюстрации подобной неудачи, возникшей из-за употребления неподходящего, по мнению ее собеседника, слова, может служить следующий фрагмент сериала:

– *Un placer tenerte aquí, Blanca. Tu padre fue más que un mentor para mí, y ni que decir tiene que mi puerta está abierta para lo que necesites.*

– *Gracias, señor.*

[...]

– *Pero señor, entonces no hay caso.*

[...]

– *Blanca... No me llames señor, que aquí no se estila* [RTVE, Malaka, URL].

Несмотря на то, что комиссар Сарабия с самого начала диалога старается показать Бланке свое расположение к ней и предложить помощь, девушка прибегает к использованию формального обращения *señor*. Таким образом она пытается не только продемонстрировать свое уважение к собеседнику, но и подчеркнуть дистанцию между ними. Сарабия негативно относится к выстраиванию таких отношений и эксплицитно выражает неуместность подобного тона в разговоре между коллегами.

Примечательно, что в отличие от речи других коллег-полицейских речь героини выделяется ограниченным количеством сниженной лексики и отсутствием андалусизмов, что также подчеркивает тот факт, что работа в Мадриде и необходимость поддерживать высокий социальный статус оказали значительное влияние на лексические предпочтения Бланки.

Следует отметить, что значительный пласт лексических единиц, употребляемых Бланкой, определяется ее социальным статусом. Поскольку героиня служит в полиции, в ее речи фигурирует большое количество профессиональной лексики (ср.: *caso, denuncia, inciso punzante, parietal* и др.), ограниченной сферой профессионального общения.

Речевая культура героини тесно связана с ее психологическими характеристиками. Так, коммуникативное поведение Бланки характеризуется прямолинейностью, сдержанностью, немногословностью и желанием держать дистанцию в ситуациях формального общения, что находит свое отражение и в ее речевом портрете.

Прямолинейность и сдержанность относятся к основным чертам характера героини. Но если прямое выражение мыслей и намерений является общей чертой характерной и для нее, и для ее коллег андалузцев, то сдержанность, как правило, проявляет только она. Однажды в разговоре с начальством Бланка Гамес пыталась убедить комиссара в собственной компетентности, подчеркивая при этом профессиональную несостоятельность коллеги-полицейского:

Con todos mis respetos, señor, yo este trabajo lo puedo hacer sola, no necesito un guía turístico

[RTVE, Malaka, URL].

Несмотря на то, что героиня прямо выражает свое несогласие с комиссаром, для ее реплики характерен общий холодный и уважительный тон по отношению к нему.

Другим важным героем сериала является напарник Бланки – Дарио Архона – коррумпированный полицейский средних лет, тесно связанный с деятельностью преступных группировок Малаги. Герой страдает наркозависимостью и тяжело переживает развод, из-за которого его отношения с бывшей супругой и сыном значительно ухудшились.

С точки зрения фонетики речь полицейского Дарио характеризуется широким спектром тех черт, которые свойственны андалузскому диалекту. Среди особенностей его речи можно отметить *yeísmo*, аспирацию или опущение звука [s] в конце слова и перед другими согласными, выпадение звуков [b] и [d] в интервокальной позиции, палатализацию звука [t] в сочетании с аспирацией звука [s], аспирацию велярного [x], *seceo*.

Поскольку Дарио так же, как и Бланка является полицейским, в его речи присутствует большое количество профессиональной лексики (*cuentas, crimen, motivo económico, informe toxicológico* и др.), однако наряду с ней Дарио использует значительное количество сниженной лексики. Это обусловлено тем, что Дарио Архона фактически интегрирован в преступный мир Малаги, так как он сам тесно связан с наркоторговлей. Сниженная лексика в речи персонажа встречается в самых разнообразных ситуациях общения, например, при разговоре с друзьями, малознакомыми коллегами, подозреваемыми и преступниками. Образ Дарио резко контрастирует с образом сдержанной Бланки Гамес и фактически противопоставляется ему.

Социопсихолингвистический портрет Дарио Архоны характеризует его как эмоционального, прямолинейного, грубого и несдержанного человека. Как правило, выражение открытой агрессии героя тесно связано с использованием им большого числа сниженной лексики, характерной для его коммуникации с любым собеседником.

Принимая во внимание особенности сюжета сериала, необходимо отметить, что большую часть диалогов Дарио ведет с членами преступного мира и фактически является единственным полицейским, который проводит допросы в участке. Так, во время допроса Альваро, задержанного по подозрению в убийстве Ноэлии, полицейский не только обращается к нему на *tú*, но и употребляет такие слова, как *mierda, coño*:

¿No te acuerdas? Pareces un disco rayado, coño. “No me acuerdo”. ¿Éste no eres tú? ¿Ese no eres tú? ¿No es tu barco? ¿No eres tú? “No me acuerdo”, coño. [...] Escúchame, Alvaro. [...] Venga, dímelo. Dímelo, coño. Dímelo [RTVE, Malaka, URL].

Из приведенного фрагмента видно, что полицейский использует ряд вопросительных предложений, следующих друг за другом, повторы, сниженную лексику и повышает тон с целью усиления эмоционального давления на подозреваемого. Кроме того, необходимо отметить, что речь Дарио в подобных диалогах характеризуется значительным количеством директивных высказываний.

Интересно, что использование сниженной лексики не всегда используется героем для выражения открытой враждебности. Он прибегает к данным лексическим средствам и во время общения с друзьями, также связанными с преступной деятельностью:

- *¿Qué me cuentas? ¿Tú me ves a mí cara de guiri?*
- *Guiri no, pero de gilipollas sí que te veo, hijo* [RTVE, Malaka, URL].

В разговоре с другом Дарио также нередко использует оскорбительную (инвективную) лексику (*guiri, gilipollas*), подчеркивая низкие интеллектуальные способности собеседника. Однако в данном случае выражая иронию, он не демонстрирует агрессию или враждебность по отношению к нему, у него нет цели оскорбить собеседника.

Одна из основных особенностей данного героя заключается в том, что его главной ценностью является семья. В связи с этим критика в сторону бывшей жены и сына воспринимается им как серьезная угроза:

- *Periquito, chupón, que vamos a comprar una pelota para ti solo.*
- *¿Qué le pasa a este? ¿Qué te pasa a ti, majareta?*
- *Que no se puede ir de estrellita, siendo un manta* [RTVE, Malaka, URL].

Как следует из приведенного фрагмента, мужчина, присутствующий на футбольном матче, недоволен игрой сына Дарио и начинает критиковать его, используя разговорные слова и выражения *chupón* (употребляется по отношению к игроку, ведущему одиночную игру), *ser un manta* (быть бесполезным в силу бездарности или лени), а также прибегая к употреблению восклицательного форманта *que* и наречия *solo* для усиления высказывания. В ответ на это Дарио грубо отвечает мужчине, используя разговорную лексику типа *majareta* – сумасшедший, чокнутый, а также косвенные речевые акты в форме вопросов, провоцируя тем самым серьезную драку, в результате которой матч прерывается.

Важно отметить, что его взаимодействие с сыном и бывшей женой, как правило, характеризуется отказом героя от привычных ему речевых тактик и стратегий:

- *Un tío estupendo, ¿eh? Sí. Me cae muy bien, no te lo he dicho antes, pero...* [RTVE, Malaka, URL].

Приведенная реплика используется полицейским для того, чтобы завести разговор и наладить отношения со своей бывшей женой на футбольном матче, где за одну из команд выступает их сын. Таким образом Дарио высказывает сожаление о том, что молодой человек, с которым встречается его бывшая жена, не смог присутствовать на матче, кроме того, он позитивно его характеризует, для чего использует такие слова, как: *estupendo, caerse bien*, квантификатор *muy*). В данном случае Дарио, несмотря на негативные эмоции по отношению к сожителю Саломе, пытается использовать стратегию комплимента для того, чтобы расположить к себе негативно настроенного собеседника.

Отказ от ярко выраженной речевой агрессии характерен и в тех случаях, когда Дарио вынужден просить о чем-то малознакомых или опасных собеседников. Для диалогов такого типа характерна попытка избежать роли «чужого» за счет использования лексем, характерных для той или иной группы персонажей. Например, обращаясь к нигерийцам, которые под видом парикмахерской держат наркобизнес, Дарио здоровается с ними следующим образом:

- *Salam aleikum.*
- *Aleikum Salam* [RTVE, Malaka, URL].

Герой использует арабское приветствие в качестве демонстрации дружелюбия и добрых намерений, обращаясь с просьбой отдать раненого цыгана его родственникам. Данное приветствие можно рассматривать и как попытку проявить солидарность с нигерийцами, и осудить поступок Виктора, а также избежать открытого конфликта с данной группировкой.

Наиболее маргинализованные герои и персонажи сериала, как правило, представлены цыганами-кало и нигерийцами. Для них характерны такие черты, как низкий уровень образования, склонность к криминальному образу жизни, высокая конфликтность.

Именно в речи цыган-кало, представляющих один из наиболее влиятельных наркокартелей Малаги, отражается все разнообразие андалузского диалекта и цыганского аргю. Так, в речи Виктора Кастильо, брата главы наркокартеля, присутствует большое количество хитанизмов, *gitano* – цыган (например, *pestañi* – слово со значением «полицейский»), и сниженной лексики, что объясняется как его родом деятельности и низким уровнем образования, так и социальным статусом собеседников, с которыми он общается – как правило, это представители разных преступных группировок или коррумпированные полицейские типа Дарио, оказывающие им необходимую помощь и поддержку в урегулировании наиболее сложных конфликтов.

Говоря о социопсихолингвистическом портрете Виктора, необходимо отметить, что он обладает агрессивным, эмоциональным и несдержанным темпераментом, в разговорах предпочитает использовать большое количество директивов и сниженной лексики.

При общем высоком уровне вербальной агрессии, свойственной Виктору, наиболее ярко она проявляется при обсуждении или взаимодействии с полицейскими и представителями других преступных группировок. Ср.: когда Виктор Кастилья приходит в салон к нигерийцу Амаду, обращаясь к нему, он использует лексику «*conguito*». На лексическом уровне это слово обозначает жителя Конго, однако фактически соответствует персонажу-маскоту шоколадных драже с таким названием, представляющему собой стереотипное изображение африканца.

С самого начала разговора Виктор придерживается агрессивной коммуникативной тональности и, преследуя цель задеть собеседника, оскорбляет его национальные чувства:

– *Fijate, la bandera de Andalucía. No veas qué guapo, ¿no? ¿Vosotros qué sois, de Almería o qué?*

– *Es bandera de Nigeria, gilipollas* [RTVE, Malaka, URL].

В попытке спровоцировать собеседника на конфликт, Виктор не только комментирует внешность Амаду, но и дает саркастичный комментарий относительно флага Нигерии, имеющего некоторое внешнее сходство с флагом Андалусии. Несмотря на отсутствие в реплике Виктора слов сниженного регистра или оскорблений, ему все же удается вызвать резко негативную реакцию собеседника, о чем свидетельствует лексема *gilipollas* и интонация высказывания.

Необходимо отметить, что вербальная агрессия проявляется и при взаимодействии Виктора с сестрой. В таком типе диалогов собеседники не стремятся сохранять «лицо» друг друга, с высокой частотностью используя сниженную лексику (*cojones, coño, hija de puta* и др.), разговорные выражения (*cagar, calentarle el hocico*), слова с уменьшительно-ласкательными и уничижительными суффиксами (*cosita, naranjito, solito* и др.), а также плеоназмы (*hasta el mismísimo coño*), что свидетельствует о неформальном, экспрессивном и довольно резком характере коммуникации.

Несмотря на это, нарушение «лица» родственника со стороны других собеседников, со стороны чужих, считается недопустимым и воспринимается как прямая угроза. Например, во время попытки одного из подчиненных посмеяться над братом Тоты, она использует разговорное междометие *chitón*, которое заставляет собеседника замолчать.

Tú, chitón, desde que llegaste solo has traído el bajío [RTVE, Malaka, URL].

Кроме того, она употребляет арго *bajío* с интенсификатором *solo*, чтобы подчеркнуть бесполезность ее подчиненного и дискредитировать его в глазах остальных членов группировки. Данный фрагмент призван показать важность семьи как одной из основополагающих ценностей персонажей.

Рассматривая речевые портреты основных героев сериала, стоит обратить внимание и на речевой портрет одного из второстепенных персонажей – нигерийца Амаду, мигранта, который держит парикмахерскую для прикрытия наркобизнеса. Несмотря на то, что присутствие данного персонажа в сериале ограничено, он представляет собой собирательный образ мигранта из стран Африки и выступает в качестве основного антагониста банды Тоты.

На фонетическом уровне речь Амаду характеризуется ярко выраженным акцентом, а на лексическом уровне выделяется небольшое количество заимствований из арабского. В целом, наличие небольшого количества заимствований объясняется тем, что сериал направлен на испаноговорящую аудиторию и во избежание необходимости использования длинных субтитров и увеличения смысловой нагрузки, направленной на зрителя, режиссеры предпочитают сократить количество иноязычных элементов в речи персонажей.

На уровне синтаксиса и грамматики в речи персонажа отмечается тенденция к использованию простых грамматических конструкций и отрывистых фраз при разговоре на испанском языке, что призвано подчеркнуть ограниченные знания испанского языка.

Подобный речевой портрет передает особенности восприятия образа иностранца, плохо владеющего испанским языком и занимающегося противозаконной деятельностью. Он также транслирует стереотипный образ мигранта, приезжающего на территорию Испании с целью улучшения своего материального положения.

Опираясь на вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что в сериале представлен широкий спектр самых разнообразных персонажей, принадлежащих к разным социальным, этническим, национальным группам, обладающих разными характерами, принципами и ценностями. Каждый герой и персонаж сериала обладает своим уникальным речевым портретом, совокупностью «языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период

существования» [Тарасенко, 2007, с. 8]. На создание речевого портрета героев и персонажей сериала оказало влияние множество факторов, среди которых отдельную роль сыграло стереотипное представление о социальной, возрастной, национальной и этической группе, к которой они принадлежат, а также культурный контекст и прагматическая установка сценариста и режиссера.

Выступая в качестве одного из каналов информации, сериалы моделируют и передают свою картину мира, увязывая ее, по мнению В. А. Куренного, «с определенной формой жизни» [Куренной, 2013, с. 76], например, научного сообщества, мира искусства, спорта, криминала и др. Предлагаемая сериалом картина мира может существенно отличаться от реальной жизни, но обладать при этом значительной силой воздействия на эмоциональную сферу человека.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкина, Е. А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики / Е.А. Бабушкина // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2012. – №11. – С.7–11.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. Китайгородская, М. В., Розанова, Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М.: Б.и., 1995. – 127 с.
4. Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении.–М.:2001.–№1.–URL:<http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-01.htm>
5. Куренной, В. А. Унылая субстанция и доставляющие лулзы. «Теория Большого взрыва» и культура исследовательского университета / В. А. Куренной // Философско-литературный журнал «Логос» – 2013. – №3 (93). – С. 75–83.
6. Леорда, С. В. Речевой портрет современного студента: автореф. Дисс. ... канд. Филол. Наук / С.В. Леорда. – Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2006. – 19 с.
7. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. Наук: 10.02.19 / Матвеева Галина Григорьевна; СПбГУ. – СПб, 1993. –URL: https://web.archive.org/web/20090101132654/http://rspu.edu.ru/projects/deutch/dis_3.html
8. Морилова, Е. С., Кидярова, А. А. Изменение речевых портретов персонажей фильма «Москва слезам не верит» в переводе (на материале дублированного перевода фильма на английский язык) / Е.С. Морилова, А.А.Кидярова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020.– №3.– С.271–278.
9. Морозова, Е. В., Зиганшина, Ю. В. Комическое как элемент речевого портрета персонажа (на примере кинотекста сериала «Теория большого взрыва») / Е. В. Морозова, Ю. В. Зиганшина // Сборник тезисов по итогам II студенческой конференции Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. – Тюмень, 2022. – С. 134–136.
9. Мухоротов, Д. С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей / Д. С. Мухоротов // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы международной научной конференции / Урал. Гос. Пед. Ун-т, гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: [б. и.], 2014. – С. 167–173.
10. Осетрова, Е. В. Речевой портрет политического деятеля / Е. В. Осетрова // Лингвистический ежегодник Сибири / Под ред. Т. М. Григорьевой. – 1999. – № 1. – С. 58–66.
11. Панов, М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / М. В. Панов // Учебное пособие. – М.: Наука, 1990, 469 с.
12. Попова, Л. О., Ромаха О. В. Феномен телевизионных сериалов в современной массовой культуре / Л. О. Попова, О. В. Ромаха // Аналитика культурологии, – 2008, – № 12. – С. 236–238.
13. Радченко, Т. А. Лексический портрет персонажа / Т. А. Радченко // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: материалы XIV Международной студенческой научно-практической конференции «Диалог культур – диалог о мире и во имя мира» / Редкол.: К. А. Зайцева, В. В. Прошукало. – Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2023. – С. 364–372.
14. Тарасенко, Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара) автореф. Дис... канд. Филол. Наук / Т. П. Тарасенко: Краснодар: КубГУ, 2007. – 26 с.
15. Цибина, М. А., Новицкая, И. В. Речевой портрет американского детектива (на материале сериала «True detective») / М. А. Цибина, И. В. Новицкая // Juvenis scientia. – 2018. – №4. – С. 30–33.
16. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. – URL : <https://dle.rae.es>
17. RTVE Play. Malaka. URL: <https://www.rtve.es/play/videos/malaka/>

Семантическая трансформация советской идеологемы «светлое будущее» как отражение ценностных установок современного общества (на примере текстов социальных сетей)

Ляшева М. Н., Южный федеральный университет, к.ф.н., доцент, Россия

В отечественной науке на протяжении последних десятилетий не ослабевает интерес к русскому языку эпохи Советского Союза. Некоторые лингвисты определяют его как тоталитарный, являющийся своеобразным сверхтекстом идеологем [Купина, 2015, с. 65]. В рамках такого подхода под идеологемой подразумевается слово или выражение, в составе которого присутствует идеологический компонент [Чудинов, 2006, с. 92]. Однако в последнее время теория идеологем расширилась. Теперь это не только часть тоталитарного языка, но и такое лингвистическое явление, которое встречается в демократическом обществе в разных типах дискурсов, в частности – в политическом и медийном. Н. И. Клушина отмечает, что в структуре идеологемы не менее важным является стилистический компонент [Клушина, 2014, с. 56]. Согласимся с данным замечанием, поскольку именно благодаря средствам стилистики идеологема выполняет свою основную функцию – воздействующую. Кроме того, она включает в себя аксиологическую составляющую, поскольку транслирует ценности отдельного человека или партии.

Выражение «светлое будущее» смело можно отнести к лексике, для которой характерно расплывчатое денотативное содержание и ярко выраженные положительные коннотации [Иссерс, 2009, с. 97]. Несомненно, положительные коннотации, как и свой идеологический статус оно приобрело именно в эпоху СССР, поскольку часто использовалось в речах представителей партийного аппарата как противоположность имперскому прошлому. Составители Толкового словаря языка Совдепии дают определение этому выражению через понятие «коммунизм» со стилистической пометой «патетическое» [Мокиенко, Никитина, 1998, с. 69]. В качестве подтверждения приведём примеры из советских СМИ разных лет и памятки для молодёжи, взятые из Национального корпуса русского языка:

Но, г.г. члены Учредительного Собрания, если очень *мрачно было наше ближайшее прошлое*, то настоящее открывает перед нами более *светлое будущее* [Совещание членов Учредительного Собрания (1921)].

В этом имени воплощены идеи борьбы за *светлое будущее* народов, за *коммунизм* [Имя Сталина зовет нас к борьбе и победам (1953) // «Тихоокеанская звезда», 09.03.1953].

Комсомол помогает партии воспитывать молодежь в духе коммунизма, вовлекать ее в практическое строительство нового общества, готовить людей всесторонне развитых, беспредельно преданных интересам народа, последовательных и стойких борцов за *светлое будущее Родины*, людей, ясно отдающих себе отчет в той исторической миссии, которую нам завещал В. И. Ленин: «Вы должны построить коммунистическое общество» [Памятка члену ВЛКСМ (1965)].

Безусловно, выражение «светлое будущее» и сейчас активно используется в средствах массовой информации. Анализу данного советизма в постсоветских СМИ посвящено, например, исследование Е. Н. Басовской [Басовская, 2019]. Не менее интересным, на наш взгляд, представляется рассмотреть его в коммуникативном пространстве русскоязычного Интернета, поскольку наибольшая пользовательская активность постепенно переместилась именно в социальные сети и микроблоги. Нами уже были рассмотрены особенности репрезентации данной идеологемы в “Twitter” (ныне “X”, которая заблокирована на территории РФ) и во «ВКонтакте». Был сделан вывод, что в постсоветское время выражение не до конца потеряло свой идеологический статус. Оно употребляется современниками в контекстах с реалиями советского периода – чаще с антропонимами, о чём свидетельствует пример ниже.

Если бы Звездные Войны снимали в СССР.

В недалёком *Светлом Будущем*...

Звездные Войны, кинолента №4 «Новая Надежда».

Тысячу лет существует Галактический Союз Советских Социалистических Республик имени В. И. Ленина URL: https://vk.com/stlbn?w=wall-35294456_3272141 (дата обращения: 14.10.2023).

Продолжая предыдущее исследование, в настоящей статье мы более подробно рассматриваем тексты из социальной сети «ВКонтакте», которые демонстрируют изменение в значении данного клише. Подобные перемены обусловлены в том числе изменением ценностных установок носителей. Выборка представлена преимущественно юмористическими постами, для которых в принципе характерно переворачивание ценностей [Карасик, 2002, с. 253]. Тем не менее профанизация сакрального подтверждает его значимость [Карасик, 2002, с. 257].

В последние годы явно наметилась тенденция, когда выражение приобретает отрицательные коннотации, нередко демонстрирует иронию автора. В подавляющем большинстве текстов наряду с сема неопределенности присутствует сема безрадостности, бесперспективности грядущего и даже своеобразного тупика. Тем самым опровергается советский лозунг «Вера в светлое будущее» / «Надежда на светлое будущее». Для большей убедительности некоторые примеры сопровождаются дополнительными визуальными средствами.

Когда смотришь в свое *светлое будущее*:

– А че ниче не видно? (прим. Надпись на чёрном фоне) URL: https://vk.com/stlbn?w=wall-35294456_5339487 (дата обращения: 14.10.2023)

Дверь в *светлое будущее*, добро пожаловать (прим. Изображение заколоченной двери) URL: https://vk.com/stlbn?w=wall-35294456_6970055 (дата обращения: 14.10.2023)

Иногда в шуточных текстах будущее сравнивается с предметами обихода. Тем самым, с одной стороны, преуменьшается патетика советского времени, с другой – подчёркивается, что будущее отнюдь не является светлым.

Дисплей моего телефона **светлее моего будущего** URL: https://vk.com/evil_incorporate?w=wall-29246653_116311 (дата обращения: 14.10.2023)

Также благополучность грядущего подаётся как отклонение от нормы, приравнивается к болезни и побочным эффектам от лечения.

Симптомы *передозировки антидепрессантами*: любовь к жизни, *вера в светлое будущее*. URL: https://vk.com/evil_incorporate?w=wall-29246653_109831 (дата обращения: 14.10.2023)

В других же текстах отрицается возможность светлого будущего, подчёркивается, что данные понятия в принципе не могут употребляться вместе. Так, в примере 1, в отличие от рассмотренных выше, шутка строится не вокруг клише, а даётся как образец фигуры речи, наряду с другими жизненными ситуациями (отдых с детьми). Примечательно, что за основу взят термин, состоящий в соединении противоречащих друг другу понятий. В примере 2 нейтральное, на первый взгляд, утверждение, напоминающее советский лозунг. Но оно приобретает иной смысл после прочтения второй фразы – поздравления с 1 апреля, то есть днём смеха, когда принято шутить и разыгрывать окружающих.

(1) оксёморон – это сочетание слов с противоположным значением, например: живой труп, горячий снег, *светлое будущее*, отдых с детьми. URL: https://vk.com/konturgusya?w=wall-114086029_109063 (дата обращения: 14.10.2023)

(2) Впереди нас всех ждет *светлое будущее*. С *первым апреля*. https://vk.com/stlbn?w=wall-35294456_7475720 (дата обращения: 14.10.2023)

В некоторых примерах прослеживается основная черта неформальных интернет-текстов – игра. Для данного выражения – это игра со смыслом, основанная на сходстве первого компонента – *светлое будущее* и *светлое пиво*.

Академия алкоголя. Продажа алкогольных напитков. Красный полусухой диплом. Теперь у него (прим. У выпускника) *светлое нефiltroванное будущее*. https://vk.com/mudachyo?z=photo-23148107_457303990%2Falbum-23148107_00%2Frev (последняя дата обращения: 14.10.2023)

Что выбрать: *светлое будущее* или *светлое нефiltroванное*? URL: https://vk.com/mudakoff?w=wall-57846937_15355975 (дата обращения: 14.10.2023)

Баночку будущего, пожалуйста!

– Вам какого?

– «*Светлого*», будьте добры.

– Извините, «*Светлое*» кончилось, остались только сорта «*Мрачное*» и «*Неопределенное*», будете брать? URL: https://vk.com/stlbn?w=wall-35294456_5720221 (дата обращения: 14.10.2023)

Однако, на наш взгляд, обращение к алкогольной тематике в шуточных текстах также связано с тем, что так авторы пытаются переосмыслить одну из насущных социальных проблем – отсутствие перспектив, – которая обострилась после распада СССР и которая приводит к алкоголизму.

Какое будущее у амурской молодёжи? (363 пивнушки, 2 спортплощадки). *Светлое, нефiltroванное*. Именно... *светлое будущее!* URL: https://vk.com/comics_troll_face?z=photo-24099488_457342166%2Falbum-24099488_00%2Frev (дата обращения: 14.10.2023)

Водитель! Если увидишь 24 июня ползущего по «зебре» человека, перетянутого ленточкой «ВЫПУСКНИК 2014» – не дави его! *Это наше «светлое будущее» ползёт в своё «светлое завтра»* URL: https://vk.com/stlbn?w=wall-35294456_1240901 (дата обращения: 14.10.2023).

Во времена СССР «светлое будущее» представлялось как счастливая и безоблачная жизнь, которая наступит в результате строительства коммунизма. В настоящее время выражение отдалённо

сохранило идеологическое значение, поскольку употребляется с реалиями того периода (чаще всего с антропонимами), либо с другими словами, которые намекают на идеологию тоталитаризма. Однако в последние годы оно приобрело противоположное значение – отсутствие перспектив. В постах развлекательного характера, как правило, проводится аналогия с алкоголем. По нашему мнению, такие изменения также могут быть языковой рефлексией на события прошедших десятилетий. Так, в эпоху тоталитаризма идеология призвала людей верить в безбедную жизнь, которая наступит вместе с коммунистическим обществом после мрачного имперского прошлого. Затем произошёл распад Страны Советов, который повлёк многочисленные социальные проблемы (безработица, отсутствие материальных благ, рост преступности, алкоголизм и пр.). Миф о светлом будущем был разрушен, а тяготы настоящего вселили большую неуверенность в благополучие грядущего. Использование такого образа будущего в неформальных и особенно шуточных текстах в последние годы – это своего рода отражение коллективной памяти и тех ценностных установок, которые актуальны сейчас.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – 598 с.
2. Басовская, Е. Н. Светлое завтра вчера и сегодня (советское речевое клише в современном медиатексте) / Е. Н. Басовская // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2019. – № 9. – С. 129–141.
3. Иссерс, О. С. Речевое воздействие: учеб. Пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О.С. Иссерс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Клушина, Н. И. Теория идеологем / Н. И. Клушина // Политическая лингвистика. – 2014. – №4 (50). – С. 54–58.
6. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург: изд-во Урал. Ун-та, 2015. – 186 с.
7. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб: Фолио-пресс, 1998. – 704 с.
8. Русский язык и новые технологии: коллективная монография; сост. Г. Ч. Гусейнов (факультет филологии НИУ ВШЭ); под ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 256 с.
9. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
10. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=C1YqIQoICCUQChgyIAoQBSAAKJa29MrR6q0FQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCKgooCiYKA3JlcRIfCh3RgdCy0LXRgtC70L7QtSDQsdGD0LTRg9GJ0LXQtTA В> (дата обращения: 10.10.2023)

УДК 372.881.161.1

Голосовой помощник «Яндекс.Алиса» как виртуальный собеседник в обучении РКИ на начальном этапе: причины коммуникативных неудач

Нефедов И. В., Южный федеральный университет, к.ф.н., доцент, Россия

В настоящее время одним из наиболее интересных и перспективных средств обучения русскому языку как иностранному является виртуальный голосовой помощник «Яндекс.Алиса». Дистанционное обучение РКИ в 2020–2021 годах позволило раскрыть потенциал виртуального онлайн-ассистента, в том числе и как средства создания искусственной языковой среды [Нефедов, 2019; Пантелеев, Нефедов, Попова, 2021; Kotov, Nefedov and others, 2021]. В настоящее время преподаватели РКИ начинают использовать голосовой помощник «Алиса» как в дистанционном, так и в очном форматах обучения.

Российский голосовой помощник появился в 2017 году и получил ряд преимуществ, отличающих его от зарубежных конкурентов. Так, в основе распознавания голоса лежит программа SpeechKit, которая вначале «распознает фонемы, затем и варианты фонем, а впоследствии – окружение, в котором они были употреблены, и частотность появления этих фонем в заданном контексте. На основе такого масштабного анализа программа в считанные секунды делает вывод о вероятности произнесения того или иного слова» [Аль-Кайси и др., 2019, с. 240]. Алиса также способна отвечать речью, приближенной к естественной, учитывать контекст разговора и поддерживать простые беседы на свободные темы. Аль-Кайси А. Н., Архангельская А.Л. и Руденко-Моргун О.И. в своей статье, посвященной применению технологии

голосового ассистента на занятиях РКИ, отмечают, что Алиса воспринимает не только интонацию утвердительного предложения, но и в 90% случаев – вопросы и оформляет их соответствующим образом [Аль-Кайси и др., 2019, с. 241]. Соответственно становится возможным работа с различными интонационными конструкциями, студенты могут самостоятельно отрабатывать этот навык и корректировать себя, если видят, что Алиса понимает их неправильно.

Однако несмотря на многочисленные преимущества «Алисы», она обладает и определёнными недостатками, анализу которых посвящена данная статья. Применение виртуального голосового помощника в качестве собеседника при обучении РКИ, особенно на начальном этапе, может приводить к целому ряду трудностей. Общение инофонов с «Алисой» не всегда проходит успешно, нередко диалоги заканчиваются коммуникативными неудачами.

Коммуникативные неудачи – это довольно распространённое явление в процессе общения людей. Существует множество видов и форм коммуникативных проблем, их последствия зачастую негативно заканчиваются для обеих сторон, если говорить о речевом взаимодействии человек-человек. Результатом коммуникативной проблемы как минимум может быть недопонимание, возникшее с одной или же с обеих сторон коммуникации, как максимум коммуникативные проблемы могут выливаться в публичные ссоры или даже скандалы, получающие большой резонанс в СМИ.

Зачастую коммуникативные проблемы происходят в межкультурной коммуникации, хотя нередки случаи возникновения коммуникативных проблем и среди коммуникантов – представителей одной культуры, говорящих на одном языке. Для определения зоны, представляющей потенциальную возможность для коммуникативной неудачи в процессе коммуникации, необходимо определить критерии успешного построения общения.

Успешность речевой коммуникации прежде всего определяется уровнем взаимопонимания коммуникантов, которого они достигают в процессе общения. По мнению исследователя Е. М. Лазуткиной, существует ряд критериев, определяющих коммуникативное взаимодействие как успешное.

Во-первых, успешная коммуникация определяется коммуникативной заинтересованностью всех сторон общения. Если мы говорим о диалоге, то данный вид коммуникативного взаимодействия можно считать успешным только в том случае, если обе стороны заинтересованы в построении общения и открыты для коммуникации.

Вторым фактором, определяющим успешную коммуникацию, является направленность на внутренний мир собеседника, готовность адекватно реагировать на его картину мира и систему ценностей, выбирать необходимые средства коммуникации, лексические единицы и строить предложения таким образом, чтобы мысли одного коммуниканта были ясны и понятны другому.

Третьим фактором успешной коммуникации является умение внимательно и с интересом слушать собеседника, «проникать в коммуникативный замысел говорящего». Для того чтобы достичь данного уровня налаживания коммуникативного взаимодействия, слушателю необходимо посредством переосмысления услышанной информации постараться как можно точнее интерпретировать мысли, которые хотел выразить говорящий.

Четвертым фактором является способность взглянуть на одно и то же событие с учетом различных точек зрения.

Пятым фактором Е. М. Лазуткина выделяет организацию комфортного места и времени для построения диалога, а также эмоциональный настрой участников коммуникации и благоприятные внешние обстоятельства.

Шестым фактором успешного построения коммуникативного взаимодействия является знание речевых и коммуникативных норм, а также владение этикетом общения.

Последним фактором построения успешного диалога является соответствие схем речевого поведения и умение подстроиться под стиль и манеру ведения диалога собеседника [Лазуткина, 1998, с. 55].

Таким образом, сопоставляя факторы построения успешного диалога с реальными примерами коммуникативного взаимодействия голосовых систем общения и человека, можно прийти к выводу о том, что в процессе такого вида диалогового взаимодействия существует высокая вероятность возникновения недопонимания или невозможности продолжения диалога.

Коммуникативные проблемы, возникающие в ходе общения человека с виртуальным голосовым помощником, отчасти сходны с теми, что возникают в процессе межкультурной коммуникации, однако, помимо этого разряда коммуникативных неудач, существуют еще проблемы технического характера особенностей устройства и функционирования искусственного интеллекта и процесса работы голосового помощника, которые также вызывают коммуникативные трудности при построении диалога.

Исследователи Е. А. Земская и О. П. Ермакова выделяют три основных типа коммуникативных неудач: связанные с устройством языка, связанные с различием мировоззрений коммуникантов, связанные с прагматическими факторами [Ермакова, Земская, 1993].

Названные три типа причин также абсолютно справедливы, если говорить о коммуникации между человеком и виртуальным собеседником. Итак, рассмотрим подробнее, какого именно рода могут возникать коммуникативные проблемы при построении диалога с виртуальными системами общения.

Если рассматривать процесс коммуникации с точки зрения голосовой системы, то тут возникновение коммуникативных проблем возможно на любом этапе построения диалога. Общение голосового помощника с человеком, как правило, начинается с голосового запроса, посылаемого пользователем искусственному интеллекту. На данном этапе возможны проблемы, связанные с распознаванием прозвучавшего текста. Отделяя собственно речь человека от фонового шума, искусственный интеллект проделывает уникальную работу над поиском необходимого варианта слова, наиболее похожего на то, что было произнесено пользователем. Несмотря на развитость современных голосовых систем, ошибки в распознавании звучащего текста отнюдь не являются редкостью и часто становятся причиной несостоявшегося коммуникативного акта.

Если предыдущий этап был успешным и система верно декодировала поступившую извне информацию, то после распознавания каждой отдельной лексической единицы искусственный интеллект осуществляет поиск необходимых коллокаций для наиболее точного понимания смысла поступившего высказывания. При точном распознавании прозвучавшего текста, но неверно подобранных значений, которые возникают при определении связи слов в предложении, возникают новые коммуникативные проблемы, так как далее система выдаёт сбой в выборе правильного ответа на запрос пользователя.

Вышеупомянутые причины коммуникативных неудач могут быть устранены при помощи расширения словарного запаса голосовой системы и улучшения процесса декодирования поступающей информации. Однако не все потенциальные коммуникативные проблемы могут быть успешно устранены с помощью технической доработки виртуального помощника. Полагаем, что к таким проблемам можно отнести моральные и этикетно-речевые нормы, которые необходимо соблюдать собеседникам с целью успешного построения коммуникативного взаимодействия.

Прежде всего стоит отметить, что голосовой помощник «Алиса» довольно часто (в том числе и неуместно) использует сарказм и юмор. Привести к коммуникативным неудачам в диалогах с инофонами могут и используемые в речи «Алисы» афоризмы, фразеологизмы, жаргонизмы и сленгизмы, а также определённые элементы живой диалогической речи, которые могут быть не восприняты или неверно восприняты коммуникантом. Кроме того, нередки случаи, когда голосовой помощник отказывается общаться с пользователем, объясняя это тем, что находится не в духе. Несомненно, такие инциденты также препятствуют построению успешного диалога между человеком и голосовым ассистентом.

Возвращаясь к вопросу о формировании у голосового виртуального помощника культуры общения и речевого этикета, стоит сказать, что эта задача не так проста, как может показаться на первый взгляд, потому что для правильного построения диалога с точки зрения норм русского речевого этикета недостаточно внести в базу данных общепринятые вежливые формы обращения, приветствия, ведения диалога и прощания. Для того чтобы обладать чувством такта при построении диалога, нужно уметь анализировать все факторы, необходимые для определения правильного подхода к тому или иному человеку. Для этого стоит учитывать не только пол, возраст, социальный статус собеседника, но также и тип его личности, особенности мировосприятия и мировоззрения, психологию общения, что далеко не всегда возможно осуществить с помощью искусственного интеллекта.

Еще одной, не менее острой коммуникативной проблемой при построении диалога с виртуальной языковой личностью является отсутствие общих фоновых знаний и глубинного понимания контекста речевой ситуации. Это проявляется в том случае, когда человек продолжает разговор на упомянутую ранее тему, а голосовой помощник, в свою очередь не распознаёт это и даёт совершенно новый ответ на вопрос, обсуждавшийся с пользователем ранее. Это происходит по той причине, что искусственный интеллект строит диалог с пользователем, опираясь только на информацию, полученную из последнего поступившего высказывания. Это становится причиной того, что фраза частично или полностью теряет свой смысл, так как становится вырванной из контекста, что, несомненно, приводит к возникновению коммуникативной неудачи.

С целью выявления типичных коммуникативных неудач при общении инофонов с виртуальным собеседником «Алисой» было проведено опытно-экспериментальное исследование, включающее установочный, обучающий и контрольный этапы. В данном исследовании в феврале 2022 года приняли участие 30 испытуемых из 4 стран мира: Конго, Индии, Сирии и Вьетнама. Все испытуемые были

студентами Ростовского государственного медицинского университета первого года обучения (уровень владения русским языком – А2).

Эксперимент состоял из двух этапов: первый этап был направлен на анализ коммуникативных неудач, возникающих при разговоре с виртуальным ассистентом. В данной части эксперимента испытуемым предлагалось начать и как можно дольше поддерживать беседу с виртуальным голосовым помощником. Для облегчения задачи студентам предоставлялся скрипт с перечнем возможных тем для разговора в виде 20 опорных вопросов. Испытуемые могли как самостоятельно выбирать тему для разговора, так и пользоваться теми, что были представлены в скрипте. Эксперимент проводился с использованием навыка «Разговор с Алисой». В ходе эксперимента испытуемые выполняли от 2 до 4 сессий разговора с виртуальным голосовым помощником, их речь была записана на диктофон, а также зафиксирована при помощи снимков экрана с диалоговым окном. В результате исследования, аудиозаписи были расшифрованы и сопоставлены с текстом на снимках экрана. Таким образом были выявлены и классифицированы возникшие коммуникативные неудачи.

В результате обучающего этапа эксперимента удалось выяснить, что возникновение коммуникативных неудач в диалоге связано с целым рядом факторов. Некоторые типы коммуникативных неудач могли быть определены заранее, в то время как возникновение других невозможно было предвидеть. Несмотря на трудности, возникавшие в ходе коммуникации, все испытуемые положительно оценили приобретенный ими опыт и дали положительный ответ на вопрос: «будете ли вы в дальнейшем использовать виртуальный голосовой помощник «Алиса» для развития навыков устной речи?».

В ходе проведённого эксперимента были выявлены следующие типы коммуникативных неудач:

- 1) Коммуникативные неудачи, связанные с неправильным пониманием инофонами русской речи:
  - недостаточное владение языком;
  - непонимание культурных аспектов языка;
  - неправильное понимание смысла высказывания.
- 2) Коммуникативные неудачи, связанные с ошибками в распознавании речи инофонов «Алисой»:
  - неправильная расшифровка фонем;
  - непонимание контекста.

Все вышеупомянутые коммуникативные неудачи были вызваны следующими типами ошибок при расшифровке и понимании речи собеседника:

- 1) Технические ошибки.

Данный тип ошибок был связан с неверным оформлением речи. Чаще всего источником ошибок данного типа являлись иностранцы. Голосовой помощник был не в состоянии правильно интерпретировать поступавшую информацию из-за некорректного грамматического либо лексического оформления высказывания.

- 2) Системные ошибки.

Системные ошибки возникали у обеих сторон коммуникации. Данные ошибки были связаны с неправильным употреблением многозначных слов в диалоге. Несмотря на большой словарный запас виртуального голосового помощника «Алиса», ей не всегда удавалось правильно интерпретировать речь инофонов. Иностранцы, в свою очередь, в силу недостаточного владения русским языком, путали значения слов и некорректно отвечали на поступавшие вопросы, а в некоторых случаях и вовсе не находили слов для ответной реакции без посторонней помощи.

- 3) Дискурсивные ошибки.

Дискурсивные ошибки встречались у иностранных студентов, что вполне естественно для иностранцев, владеющих русским языком на начальном этапе. Студенты с уровнем владения русским языком А2 не обладают в достаточной степени знаниями об особенностях русской культуры и имеют незначительный опыт общения с носителями языка.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что коммуникативные неудачи при использовании голосового помощника «Яндекс. Алиса» в качестве виртуального собеседника на начальном этапе обучения появляются в результате двух основных причин. Во-первых, трудности в восприятии речи иностранных студентов «Алисой» возникают по причине низкого уровня владения русским языком инофонами и наличием большого количества фонетических, грамматических и лексических ошибок в их речи, затрудняющих правильное восприятие виртуальным ассистентом реплик собеседника. Неправильное восприятие реплик собеседника приводит к нарушениям логики дальнейшей коммуникации и в результате ведёт к коммуникативной неудаче. Во-вторых, голосовой помощник не учитывает уровень владения русским языком своих собеседников и поэтому использует в своей речи афоризмы, фразеологизмы, жаргонизмы и сленгизмы, а также определённые элементы живой

диалогической речи, которые могут быть не восприняты или неверно восприняты коммуникантом-инофоном.

Полагаем, что устранение подобных проблем возможно в случае доработки функций голосового помощника или разработки отдельных новых образовательных функций, предполагающих обучение русскому языку в соответствии с уровнями владения им инофонов. Учёт голосовым помощником «Яндекс. Алиса» уровня владения русским языком собеседника (A1, A2, B1) позволит избежать коммуникативных неудач и достичь максимального эффекта в процессе обучения РКИ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Кайси, А. Н., Архангельская, А. Л., Руденко-Моргун, О. В. Интеллектуальный голосовой помощник Алиса на уроках русского языка как иностранного (уровень А1). Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2019. №2. С. 239–244. URL: [https:// 10.30853/filnauki.2019.2.52](https://10.30853/filnauki.2019.2.52) (дата обращения 11.11.2022)
2. Ермакова О. П., Земская Е. А. Русский язык в его функционировании: коммуникативно прагматический аспект – М.; Наука, 1993. – 602с.
3. Лазуткина Е. М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы // Культура русской речи: учебник для вузов. – М., 1998. – С. 50–79.
4. Пантелеев, А. Ф., Нефёдов, И. В., Попова, К. А. Традиционные и инновационные технологии и средства интенсификации процесса обучения РКИ // Балтийский гуманитарный журнал, 2021. №1 (34). С. 210–214.
5. Kotov, S., Nefedov, I., Panteleev, A., Kotova, N., Kotov, G. Models of implementation of the virtual education environment in the process of teaching. E3S Web of Conferences 14, Rostov-on-Don, 2021. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/49/e3sconf_interagromash_2021_12128.pdf <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202127312128> (дата обращения 11.11.2022)

УДК 372.881.111.1

Изучение магистрами технического университета функционирования англоязычных коллокаций в научном дискурсе: опыт применения онлайн ресурсов

Николаева Н. Н., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, к.ф.н., доцент, Россия

Академический английский язык стал неотъемлемым компонентом обучения магистров неязыковых направлений подготовки в российских вузах. Это предусмотрено основными профессиональными образовательными программами на основе СУОС 3++ уровня магистратуры, что реализуется в комплексном формировании и развитии у магистров иноязычной коммуникативной компетенции, включающей способность применять современные коммуникативные технологии на английском языке для академического и профессионального взаимодействия в устной и письменной форме. Данная учебная задача предопределяет выбор современных, наиболее релевантных средств и способов обучения, среди которых использование обучающих интернет-инструментов и корпусов английского языка представляется актуальным. В нашей работе ставится цель проанализировать онлайн ресурсы с точки зрения их приемлемости и полезности для изучения магистрами-не лингвистами лексической специфики академического английского языка, в частности коллокаций, а также выявление отношения магистров к применению данных ресурсов на занятиях английским языком.

Под коллокацией мы понимаем «лексико-фразеологически обусловленную сочетаемость слов в речи как реализацию их полисемии» (О.С. Ахманова). Для носителей языка это – привычное сочетание слов, обладающих свойством совместной встречаемости. Роль коллокаций в учебном процессе заключается в усовершенствовании лексических навыков словоупотребления, построении «беглой», подобной носителю языка, устной и письменной речи студентов, в нашем случае магистров, а также формировании коллокационной компетенции. Коллокационная компетенция – это знание коллокаций, понимание их значения и употребления, а также способность распознавать и использовать коллокации в иноязычной устной и письменной речи. Коллокационная компетенция является частью лексической компетенции, входящей, в свою очередь, в состав языковой компетенции обучающихся, в связи с чем, формирование коллокационной компетенции выступает одной из целей обучения иностранному языку в вузе.

В практике формирования коллокационной компетенции студентов / магистров вузов большую популярность приобрела методика обучения иностранному языку на основе корпусных технологий, основанных на гибридной модели обучения, сочетающей очную и дистанционную онлайн- и офлайн-

формы. Методика включает отдельные этапы и шаги, предполагающие совместную аудиторную работу студентов, а также домашнюю индивидуальную и групповую работу в онлайн- и офлайн-форматах (см. работы П. В. Сысоева, Ю. И. Семич, П. Ю. Золотова, Л. Б. Алексеевой, М. В. Влавацкой, И. Ю. Павловкой, О. Г. Гориной), которая была применена и в нашем исследовании.

Для определения эффективности и полезности предлагаемой методики было проведено экспериментальное обучение, в котором рассматривались следующие вопросы: 1. В какой степени корпусные технологии способствуют тому, чтобы магистры научились продуктивному использованию коллокаций в письменной речи? 2. Воспринимают ли магистры эти технологии как полезные для формирования и совершенствования их академического словарного запаса? 3. Считают ли магистры корпусы как полезные для редактирования своих текстов?

В процессе проведения исследования 48 магистров первого курса инженерных направлений подготовки по программам магистратуры МГТУ им. Н. Э. Баумана (4 группы) в период с сентября по декабрь 2021 г. познакомились с возможностями корпусов английского языка (the British National Corpus online (BNC), Corpus of Contemporary American English (COCA), Michigan Corpus of Academic Spoken English (MICASE)) с целью понимания / запоминания функционирования коллокаций в научном дискурсе, с последующим использованием полученных знаний при создании собственных академических текстов на английском языке и редактировании текстов сокурсников. Был разработан комплекс заданий в системе Moodle, направленных на оценку усвоения магистрами коллокаций. Применялся метод анкетирования для выявления мнений магистров о данном виде учебной деятельности.

Результаты продемонстрировали более высокое усвоение коллокаций магистрами, принявшими участие в исследовании, а также активное и корректное использование академических коллокаций в процессе репродуктивной речевой деятельности на английском языке. Магистры положительно отнеслись к применению корпусов и онлайн ресурсов, как аутентичным источникам овладения сложной научной лексикой, а также их использованию в процессе написания и редактирования научных текстов. В частности, магистры отметили более глубокое понимание сути коллокаций и их важности в академическом дискурсе, особенно при создании письменных текстов. Большинство обучающихся признали, что они изменили свои привычки письма благодаря интеграции корпусов в их учебную деятельность. При этом, 10 магистров стали использовать корпусные данные систематически во время написания текстов своих научных работ; 26 человек использовали корпусы только в том случае, если у них возникали сомнения относительно коллокационной сочетаемости слов; 12 участников использовали онлайн ресурсы только в процессе редактирования текста. Магистры подчеркнули интенсификацию эффективности редактирования текстов, что, однако, не обязательно ведет к изменению привычек создания текстов на английском языке. Однако магистры заметили, что факторы времязатратности и трудоемкости процесса работы с англоязычным научным текстом с помощью интернет корпусов является сдерживающим аспектом их активного внедрения в процесс обучения. При этом учащиеся согласились, что они готовы рекомендовать данную методику изучения академической и профессиональной лексики, в частности, коллокаций, другим обучающимся.

В целом, можно сделать вывод, что корпуса английского языка и сопутствующие им интернет-инструменты являются хорошим обучающим ресурсом для формирования и развития лексического тезауруса магистров, мотивирующим последних на более внимательное отношение к сочетаемости слов в академическом языке и тщательный выбор лексических единиц при создании и редактировании текстов научного содержания.

УДК 811.134.2

Variación fraseológica desde un enfoque cognitivo-pragmático

(Фразеологическая вариативность с точки зрения когнитивно-прагматического подхода)

Перес Маркес С. М., Университет Ориенте, профессор, Куба
Бидот Мартинес И., Университет Ориенте, к.ф.н., доцент, Куба
Крус Паласиос Я., Университет Ольгины, к.пед.н., доцент, Куба
Лабрада Эрнандес Х., Университет Ориенте, аспирант;
Университет Ольгины, ассистент, Куба

INTRODUCCIÓN

Las investigaciones fraseológicas actuales, han ampliado el espectro de intereses. Entre las temáticas más frecuentes se encuentran la caracterización y elaboración de corpus [Aldama, 2015]; las funciones discursivas y el análisis sintáctico, léxico, semántico y pragmático de las unidades fraseológicas (UF en lo adelante); los

aspectos relativos a la fraseología bilingüe, a la traducibilidad y a su tratamiento en las clases de lenguas extranjeras; así como la desautomatización y la variación fraseológicas. En Cuba, pese a las importantes investigaciones realizadas en los años ochenta del pasado siglo, el estudio de las UF no ha sido un tema recurrente en la actividad científica durante las dos últimas décadas. No obstante, se pueden encontrar algunas tesis, ponencias y artículos aislados. Sirvan como ejemplos los trabajos de Alfaro [Alfaro, 2019]; Aldama [Aldama, 2015]; Ruiz [Ruiz, 2015] y Palacio [Palacio, 2018].

Respecto a la variación fraseológica específicamente, los estudios sobre el tema son muy escasos, característica que responde a la falta de sistematicidad en la investigación fraseológica en el país de manera general [Carneado, 1985; Alfaro, 2019]. La exigüidad de estudios acerca de esta temática contrasta con la multiplicidad de aportes que pudieran traer consigo, sobre todo si se tiene en consideración su incidencia directa en la praxis lexicográfica y fraseográfica. De igual modo, la variación de las UF en el uso discursivo real se perfila como un objeto de análisis novedoso que contribuye a una comprensión más amplia del funcionamiento de la lengua española en el territorio. Esta diversidad de aportes se revela necesariamente a través del trabajo con corpus caracterizados por su exhaustividad y representatividad, actualidad y posibilidad de contrastación, variabilidad y criterio de uso. Dichos requisitos permiten la obtención de resultados concretos y favorecen, a la vez, el cumplimiento de los objetivos propuestos que, aunque no abarquen la totalidad del caudal fraseológico de una comunidad lingüística, contribuyen a la identificación de elementos particulares o generales y a su fundamentación teórica.

El presente estudio, en consonancia con las líneas de investigación del Grupo de Estudios de Fraseología Cubana (GEFRASCU), se propone como objetivo fundamentar una tipología de la variación fraseológica a partir de la revisión crítica de algunas de las clasificaciones aportadas por otros autores. Para ello se toma en consideración una perspectiva cognitivo-pragmática que contribuye a una visión integradora de este fenómeno. A su vez, los elementos expuestos serán ilustrados con ejemplos tomados de la fraseología zoomorfa cubana, específicamente de la región oriental del país.

METODOLOGÍA

Se parte de un corpus integrado por 539 zoomorfismos (fraseologismos que emplean el nombre, una cualidad o una acción propia de un animal para referirse a características, conductas o comportamientos humanos). Estas expresiones conforman un conjunto fraseológico semánticamente fundado en la importancia cognitiva del dominio conceptual animal, caracterizado por su amplia historia cultural y por su considerable productividad en los caudales fraseológicos de diferentes lenguas. De este modo se conforma un corpus homogéneo, coherente y cuantificable, que ha permitido advertir la considerable frecuencia de uso de estas expresiones en el español de Cuba.

La perspectiva interdisciplinar basada en un enfoque cognitivo-pragmático se fundamenta, primero, en la motivación metafórica que incide en el significado fraseológico de los zoomorfismos. Se señala la visión renovada ofrecida por la lingüística cognitiva en cuanto a la teoría de la metáfora al considerarla un proceso cognitivo que impregna el lenguaje y el pensamiento habitual. Por tanto, al tratarse de UF que conllevan la actuación de procedimientos figurativos en su formación, el marco teórico del cognitivismo permite analizar la acción de la metáfora en sus significados, así como en su transmisión o renovación. A esto debe añadirse lo planteado por Dobrovól'skij y Piirainen [Dobrovól'skij y Piirainen, 2005] acerca de la importancia de describir el fundamento de los significados fraseológicos con apoyo no solo en las proyecciones entre dominios cognitivos (en este caso animales-personas), sino también en la imbricación entre conocimiento extralingüístico y cultura que suele intervenir de igual modo en la motivación semántica de las UF.

Paralelamente a la incidencia de factores semánticos se atende el funcionamiento pragmático de las UF “si se quieren ofrecer explicaciones satisfactorias sobre el comportamiento real y el modo en que los hablantes las utilizan” [Olza y Manero, 2013, p. 7]. De este modo, la variación fraseológica, condicionada a su vez por factores semánticos, se manifiesta de forma objetiva en el uso discursivo real que los hablantes hacen de cada una de las expresiones.

La conformación del corpus estuvo organizada en dos etapas. Primero, se obtuvieron muestras de diccionarios y compendios generales y fraseológicos cubanos, así como de obras monográficas, artículos y tesis sobre el tema. Este primer paso, llevado a cabo desde un enfoque semasiológico basado en lexemas zoomorfos, resulta de gran utilidad debido a que son los diccionarios las fuentes que recogen la codificación escrita de las UF. La segunda etapa incluyó la aplicación de cuestionarios y la realización de entrevistas semiestructuradas en las cinco cabeceras provinciales de la región oriental de Cuba a partir del corpus primario elaborado en la primera etapa. De esta forma fue posible la ampliación de la muestra inicial, su ejemplificación y la identificación de casos de variantes o variación en el uso y significado de los zoomorfismos. Simultáneamente, se llevó a cabo la grabación de diálogos, anécdotas y narraciones orales con el fin de obtener otros ejemplos de uso.

El estudio se concreta en la región oriental del país por su variedad y riqueza lingüística y la carencia de investigaciones fraseológicas contextualizadas específicamente en ella. Asimismo, por la necesidad de contar con un corpus actualizado, variado, amplio, representativo que responda al objetivo y alcance de una investigación como la que aquí se presenta. Debe resaltarse además el valor de la descripción autóctona de la realidad lingüística de una determinada región, pues mediante ella es posible configurar el panorama general de la lengua con toda la diversidad de fenómenos y variantes locales. Por último, cabe señalar que constituye una de las zonas del país con mayor cantidad de áreas rurales, elemento que podría incidir en la frecuencia de uso de los zoomorfismos en las cabeceras provinciales debido a la movilidad de sus habitantes.

RESULTADOS

Investigadores como Carneado [Carneado 1985], Corpas [Corpas, 1996], Koike [Koike, 2001], Montoro [Montoro, 2005], Ortega y González [Ortega y González, 2005], Alvarado [Alvarado, 2008], etc., han reconocido la variación como una de las intrincadas cuestiones teóricas de la fraseología que ha incidido notablemente en la práctica lexicográfica y fraseográfica. La revisión bibliográfica ha permitido advertir que la complejidad de la variación se debe a que, a pesar de las numerosas reflexiones, no se han delimitado rasgos comunes que definan una UF como variante de otra o, por el contrario, como una UF diferente. Tampoco se observan criterios compartidos en cuanto a las características distintivas de variante, variación o modificación, ni en cuanto a la clasificación tipológica de la segunda. Esta dispersión terminológica incide notablemente en los estudios descriptivos centrados en dicha temática y, sobre todo, en la práctica lexicográfica. De ahí la ingente necesidad de una tipología exhaustiva de la variación fraseológica que logre sistematizar los diferentes rasgos o tipos de variación, lo que se verá reflejado de forma directa en su tratamiento sistemático en las obras fraseográficas o generales.

Según Corpas y Mena, “tradicionalmente, la fraseología se ha considerado como la parcela eminentemente estable de las lenguas, hasta el punto de merecer adjetivos como fosilizado, congelado, prefabricado, etc.” [Corpas y Mena, 2003, p. 181]. Por tanto, la fijación emerge como uno de los rasgos esenciales, entendida esta como la “propiedad que tienen ciertas expresiones de ser reproducidas en el hablar como combinaciones previamente hechas” [Zuluaga, 1975, p. 230].

El rasgo de la fijación, descrito y fundamentado en la estabilidad y complejidad de la forma, la invariabilidad de los componentes léxicos, la imposibilidad de conmutación de los constituyentes, la defectividad transformativa, etc., ha favorecido el reconocimiento de las UF como expresiones fijas [Zuluaga, 1980]. Así, esta característica formal predominante y paradigmática de las UF ha constituido un criterio esencial en su investigación e identificación, donde la variación ha permanecido en un plano secundario y, en ocasiones, soslayado. Sin embargo, de acuerdo con Corpas y Mena [Corpas y Mena, 2003, p. 183], la variabilidad no ocurre a pesar de la fijación, sino que se presenta como una propiedad derivada de la existencia de esta característica. En tal sentido, Montoro [Montoro, 2005, p. 2], sostiene que, aunque las UF deben tener fijación en algún grado para ser consideradas como tales, esto no impide que la inmensa mayoría experimente algún cambio o presente formulaciones diversas en su uso discursivo.

Precisamente, el análisis del discurso y la lingüística de corpus han incidido de forma notable en el tratamiento de esta temática. En la actualidad el fenómeno de la variación se presenta como uno de los temas recurrentes en las investigaciones fraseológicas. No obstante, tanto en trabajos recientes como en otros previos, se advierte una amplia dispersión de términos y taxonomías en su descripción y clasificación.

La variación fraseológica ha sido entendida, según el DLE, como la relación que existe entre UF sinónimas, es decir, todos aquellos fraseologismos que verbalizan una misma designación. Por su parte, Zuluaga excluye como variantes las UF sinónimas, pues aunque desde el punto de vista designativo signifiquen lo mismo, son UF distintas. Paralelamente define la variación como “la relación que existe entre las variantes en sentido estricto” y no incluye las transformaciones reales y las modificaciones que dan como resultado un cambio de significado (*ser un guanajo/guanajera*); los miembros de series de significado opuesto; los sinónimos con estructura diferente (*caer comején al piano /torcer la puerca el rabo*); las unidades con casillas vacías (*con estos/esos/aquellos bueyes hay que arar*) y las variaciones regionales, socioculturales y diafásicas, ya que no pertenecen a la misma lengua funcional [Zuluaga, 1980, pp.106–108].

Carneado [Carneado, 1985] expone que solo puede haber variación cuando se registran modificaciones que no mudan los rasgos esenciales de la unidad, es decir aquellos que cumplen una función diferenciadora. Cuando se alteran esos rasgos, se deberá reconocer una unidad diferente y no una variante de la misma. Entretanto, García-Page [García-Page, 1996, p. 29] define las variantes como “construcciones prefabricadas que admiten la sustitución léxica de algunos componentes sin alterar el significado”. Este autor recogió en 1999 las clasificaciones que otros investigadores habían aportado sobre los distintos tipos de variantes (léxicas,

morfológicas, gramaticales y gráficas) y se centró en los cambios morfológicos que admiten las UF, ya sean flexivos o derivativos.

En los criterios presentados hasta el momento pueden identificarse ideas comunes en cuanto a la necesidad de que las variantes fraseológicas tengan lugar en la misma lengua funcional y no afecten el significado. Por otro lado, se distinguen las variantes fraseológicas de las UF sinonímicas, cuyos rasgos estructurales pueden ser considerablemente diferentes aunque mantengan una relación semántica. Así, se considera como una de las definiciones más integradoras y precisas la de Koike [Koike, 2001, p. 88]: “relación que existe entre UF que, manteniendo el mismo significado, son parcialmente idénticas en su estructura y en sus componentes” (*no moverse/oírse ni las moscas/no oírse volar ni las moscas*). Este autor retoma a Carneado [Carneado, 1985] y enfoca su propuesta directamente en las locuciones.

Más adelante plantea que “las variantes fraseológicas admiten diversas clases de alternativas dentro de la misma estructura sintáctica sin presentar diferencias de significado y estas pueden ser morfológicas, morfosintácticas, sintácticas y léxicas” [Koike, 2001, p. 88]. Entre los casos de variación morfológica destaca la derivación (*ser un mono/estar en la monería*) y los cambios de género y número gramatical (*caminar como los/el cangrejo/s*). En la sintáctica incluye el uso de preposiciones, artículos, la alteración del orden de los componentes (*se puede jugar con la cadena, pero con el mono no/no con el mono*) y el empleo de formas acortadas (*ser como el elefante...*). Afirma que la variación léxica consiste en la sustitución de uno de los componentes de la unidad (*¿qué bicho/avispa/mosca te picó?*).

Las reflexiones de Koike [Koike, 2001] se reflejan en gran medida en otras de las definiciones menos ambiguas encontradas en la bibliografía, la de Ortega y González: “es el fenómeno que se produce cuando una UF, a pesar de estar fijada, se materializa en formas distintas sin que dicho cambio conlleve alteraciones en el significado fraseológico” [Ortega y González, 2005, p. 92]. Es preciso aclarar en cuanto a esta definición y de acuerdo con Corpas y Mena (2003), que la fijación no obstaculiza la variación, sino que “se manifiesta de manera gradual y oscila desde la estabilidad absoluta hasta una holgada libertad en la ocurrencia de los elementos” [Ortega y González, 2005, p. 94]. Por tanto, el hecho de que se “produzca variación no significa que la fijación deje de ser una de las principales características de los fraseologismos” [Ortega y González, 2005, p. 107]. Estos autores también refieren la existencia de variantes morfológicas, en las que incluyen las UF con casillas vacías no reconocidas así por Zuluaga (1980); sintácticas; léxicas y por cambios de extensión.

Las variaciones morfológicas son actualizaciones de los fraseologismos en los actos de habla. Sin embargo, el análisis de algunos ejemplos demuestra que en este tipo de variaciones inciden factores semánticos y pragmáticos, que contribuyen a explicar cómo funcionan las unidades aprendidas por los hablantes, las que luego son actualizadas mediante modificaciones relacionadas con el modo de categorizar la realidad circundante. Por otro lado, una porción del significado fraseológico refleja la valoración y la intencionalidad (*ser un pájaro/pájara*), el acuerdo o desacuerdo hacia el contenido proposicional, los cuales en determinados casos pueden llegar a gramaticalizarse. En otras palabras, el uso discursivo de las UF y sus procesos de variación reflejan un trasfondo cultural, social y no constituyen, por tanto, meros cambios formales o estructurales. De ahí la pertinencia de llevar a cabo análisis desde perspectivas interdisciplinarias que contribuyan a explicar su origen y significado.

Hacia una tipología de la variación fraseológica

La revisión de cada uno de los criterios presentados hasta el momento corrobora la carencia de fundamentos coincidentes en torno al tema, aspecto que obstaculiza sin duda alguna la puesta en práctica de algunos de los presupuestos teóricos analizados. Con el objetivo de viabilizar el desarrollo de investigaciones de esa índole, resulta imprescindible ofrecer y fundamentar una propuesta terminológica y taxonómica a partir de la valoración crítica de las opiniones antes esbozadas.

Para comenzar debe esclarecerse el criterio seguido en cuanto a la modificación, en cuyo caso se asume lo planteado por Corpas: “las modificaciones tienen que ver con la manipulación creativa e intencionada del hablante” [Corpas, 1996, p. 29]. Ruiz aborda el tema estrechamente ligado a la idea de desautomatización, es decir, “la manipulación en la forma y el contenido de una UF para producir determinados efectos” [Ruiz, 1997, p.21], definición sostenida por Alvarado, quien explica que esto trae consigo un “mayor procesamiento para el oyente, por tanto, oyente y hablante deben tener un conocimiento compartido de la realidad que les rodea para que se garantice la perfecta comunicación” [Alvarado, 2008, p. 18].

Conviene aclarar que, en tal sentido, modificación y desautomatización se refieren al mismo fenómeno.

La propuesta taxonómica que se fundamenta en el presente trabajo ha sido conformada sobre la base de la generalidad y algunas particularidades de los criterios emitidos por diferentes autores en torno al tema. Así, de acuerdo con Corpas [Corpas, 1996, p. 27] y Alvarado [Alvarado 2008, p. 16], se considera la variación como una característica lingüística de las UF, como el término más amplio que engloba tanto a las variantes como a las

modificaciones o desautomatizaciones. Asimismo, la definición de variante sigue la propuesta de Koike [Koike, 2001, p. 77], quien las delimita como las UF que, manteniendo el mismo significado, son parcialmente idénticas en su estructura y en sus componentes.

A esta posición teórica se le incorpora lo planteado por Montoro (2002, 2005) respecto a la consideración de variantes diatópicas, diastráticas, diafásicas y diacrónicas. Además, se reconoce la clara diferenciación entre variantes y sinónimos fraseológicos, destacando que las primeras en muchos casos constituyen sinónimos de la UF canónica, no así los segundos que, aunque designen referentes iguales, no necesariamente deben coincidir en su estructura formal. Se incluyen también las variantes ortográficas (*ser una gallina culeca/clueca*) reconocidas por Tristán (1988) y Montoro (2002, 2005). El resumen de esta propuesta clasificadora se presenta en la Figura 1.

Es preciso subrayar que esta propuesta terminológica y conceptual se apoya en el marco teórico del cognitivismo, sobre todo en la teoría de la metáfora conceptual y constituye una herramienta metodológica fundamental debido a la propia base figurativa de los zoomorfismos. El análisis de los dominios implicados en las correspondencias que generan las expresiones metafóricas contribuye a la delimitación de variantes y unidades fraseológicas diferentes: *Ser alguien un gallito/gallo de pelea; Ser un hombre un gallina/ Ser una mujer una gallina*. El primer ejemplo muestra una variación estructural a través de la derivación apreciativa. Sin embargo ambas variantes mantienen un mismo significado y una transferencia de sentido entre dominios equivalentes (gallo–hombre). Mientras tanto el segundo, aunque presenta de igual modo una modificación gramatical, en este caso mediante el morfema gramatical de género femenino, ilustra dos expresiones con significados totalmente diferenciados. En esto influye también la no coincidencia entre los dominios implicados (gallina–hombre; gallina–mujer). Para el caso masculino el significado se relaciona con la cobardía, en tanto para el femenino coincide con la adultez.

Además de la consideración de los dominios implicados en las correspondencias metafóricas de los zoomorfismos, para el análisis de las variantes debe tenerse en cuenta la posible incidencia de variables diatópicas, diastráticas, diafásicas y diacrónicas en las variantes morfosintácticas y léxicas. Es decir, la propia delimitación de variantes internas y externas no implica necesariamente su separación categórica, sino que las segundas pueden quedar reflejadas en las primeras y constituir una causa de su origen. No obstante, estos no constituyen los únicos factores que condicionan la variación fraseológica, de ahí que también se tomen en cuenta aquellas actualizaciones derivadas de la propia inserción de las UF en el discurso, pues muchas de ellas se encuentran restringidas o muestran ciertas preferencias de uso.

CONCLUSIONES

La dispersión terminológica existente en cuanto a la variación fraseológica incide en los estudios descriptivos y en la práctica lexicográfica. De ahí la necesidad de una tipología exhaustiva que logre sistematizar los diferentes rasgos o tipos de variación, lo que se verá reflejado de forma directa en su tratamiento sistemático en las obras fraseográficas o generales. Por tanto, la tipología de la variación fraseológica antes expuesta, apoyada en una perspectiva interdisciplinaria, contribuye a un análisis integrador de este fenómeno. A ello debe añadirse la efectividad de conformar corpus que imbriquen la oralidad con la codificación escrita, pues de este modo es posible advertir el comportamiento discursivo real de las UF.

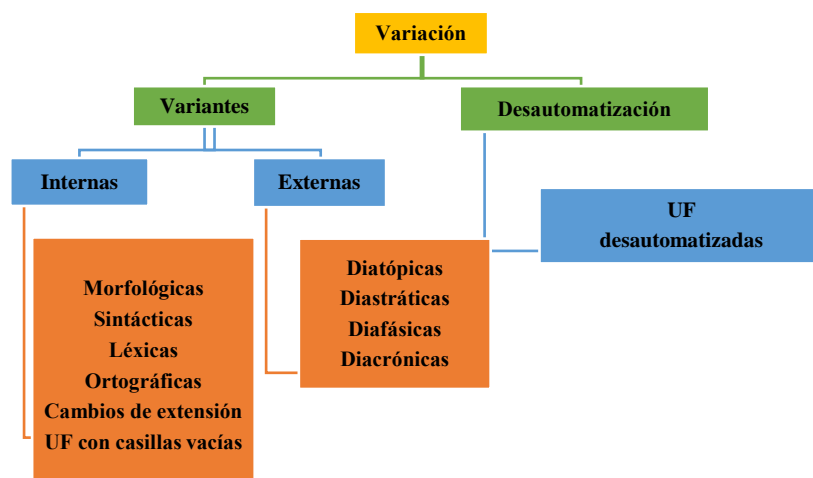

Fig.1 Tipos de variación fraseológica

FUENTES Y BIBLIOGRAFÍA

1. Aldama, I. Propuesta teórica para el estudio de las unidades fraseológicas léxicas de carácter coloquial empleadas en el teatro cubano actual. (Tesis de maestría). Universidad de La Habana, 2015.
2. Alfaro, L. La variación diatópica en la fraseología actual empleada en Cuba y en Canarias. En Memorias de la XI Conferencia Internacional de Lingüística. La Habana: Instituto de Literatura y Lingüística, 2019.
3. Alvarado, M. Sobre el concepto de variación fraseológica. En ELUA, 22, 2008, pp. 9–21.
4. Carneado, Z. La fraseología en los diccionarios cubanos. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1985.
5. Carneado, Z. Notas sobre variantes fraseológicas. En Anuario de Literatura y Lingüística, 16, 1985, pp. 269–277.
6. Corpas, G. Manual de fraseología española. Madrid: Gredos, 1996.
7. Corpas, G. y Mena, F. Aproximación a la variabilidad fraseológica de las lenguas alemana, inglesa y española. En ELUA, 17, 2003, pp. 181–201.
8. Dobrovól'skijj, D. y Piiraine, E. Figurative language: Cross-cultural and crosslinguistic perspectives. Oxford: Elsevier, 2005.
9. Koile, K. Variación fraseológica del español. En Varilex, 9, (2001). URL: <http://lingua.cc.sophia.ac.jp/varilex/index.php>
10. Montoro, E. Hacia una sistematización de la variabilidad fraseológica. En Pastor, M. (ed.), Estudios Lingüísticos en recuerdo al profesor Juan Martínez Marín, 2005, pp. 125–152. Universidad de Granada.
11. Olza, I. y Manero, E. (eds.), Fraseopragmática. Berlín: Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2013.
12. Ortega, G. y González, M., En torno a la variación de las UF. En Almela et al. , (Eds.), Fraseología contrastiva con ejemplos tomados del alemán, español, francés e italiano, 2005, pp. 91–108, Universidad de Murcia: Servicio de publicaciones.
13. Pacheco, C. et al., La representación de los animales en el sistema fraseológico de la variedad cubana del español. En Paremia, 24, 2015, pp. 191–200.
16. Palacio, Y., Tratamiento y evolución de la fraseología en las ediciones del diccionario de Esteban Pichardo (1836–1875). En Anuario de Literatura y Lingüística, 46, 2018, pp. 56–101.
14. [Real Academia Española Diccionario de la lengua española](#) (23.ª Edición). Madrid: [Espasa](#), 2014.
15. Ruiz, L. Aspectos de fraseología teórica española. Universidad de Valencia: Anejo XXIV de Cuadernos de Filología, 1997.
16. Ruiz, L. Dos aproximaciones al procesamiento computacional de la fraseología. En Paremia, 24, 2015. pp. 211–219.
17. Tristá, A. Fraseología y contexto. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1988.
18. Zuluaga, A., La fijación fraseológica. En Thesaurus, BICC (Boletín del Instituto Caro y Cuervo) XXX (1), 1975. pp. 225–248.
19. Zuluaga, A. Introducción al estudio de las expresiones fijas. Frankfurt a.M., Verlag Peter D. Lang, 1980.

УДК 372.881.161.1

Методические вопросы изучения бессоюзной связи в иноязычной аудитории

Режук З. В., Южный федеральный университет, к.ф.н., доцент, Россия

Функционально-семантический подход определяет основной принцип преподавания русского языка как иностранного – от смысла к форме, т.к., выбирая то или иное языковое средство, говорящий опирается на цель коммуникации и ситуацию, в которой будет его использовать.

Одна из основных задач, которые ставит перед собой преподаватель РКИ – это познакомить учащихся с закономерностями построения синтаксических единиц, характерных для устной речи. Овладение правилами и умение их использовать в общении способствует также и развитию рецептивных речевых навыков, а следовательно, позволит осознано подойти к процессу коммуникации и, как отмечает Булаховский Л. А., «отсутствие или бедность союзов и союзных слов может быть в языке или признаком примитивности структуры, или же, на фоне развитой системы союзов, когда употребление их сокращается сознательно и заменяется другими средствами, в особенности культивируемыми приемами тонирования, – чертой стиля утонченного, обработанного в сторону разговорной легкости и изящества» [Булаховский, 1948, с. 271].

Обучение синтаксису русского языка на занятиях по РКИ занимает важное место и является сквозной темой на протяжении всего обучения. С самых первых уроков иностранные студенты изучают русский порядок слов, начиная со схемы простого предложения и словосочетания. Изучение всех возможных способов связи слов в словосочетаниях представляется весьма важным, т.к. правила соединения слов в различных языках обладают своей спецификой и усвоение их вызывает значительные трудности у изучающих русский язык как иностранный.

На базовом уровне овладения РКИ вводятся различные типы семантических отношений между простыми предложениями в составе сложного. Предложение на уроках РКИ рассматривается с двух сторон. Предложение – это максимально отвлеченная от лексического наполнения и интонационного оформления грамматическая структура, характеризующаяся наличием конструктивного ядра и распространителей ядра предложения, развивающих, расширяющих структурное ядро предложения в соответствии с лексико-грамматическими законами русского языка. Предложение как коммуникативная единица видоизменяется в речи по определенным законам в соответствии с конкретными задачами общения, сохраняя при этом свою структурную основу неизменной.

При обучении синтаксису РКИ нет разделения на союзные и бессоюзные предложения, так как в центре внимания находятся те смысловые отношения, которые выражают синтаксические единицы. Было бы неправильным не сказать о том, насколько важным является освоение бессоюзной связи и средств ее выражения в обучении научной речи, особенно в ее устной форме.

Основными средствами формирования различных типов высказываний в русском бессоюзном предложении являются интонация, порядок слов, формы глаголов-сказуемых, местоимения, частицы, некоторые модальные слова и т.д. Их изучение начинается уже на начальном этапе обучения, когда изучаются личные местоимения, которые призваны заменить собой существительные, чтобы избежать повтора, и, следовательно, соединяют предложения между собой в сложное предложение или связный текст, выражающий и развивающий одну микротему. Далее круг анафорически употребляемых местоимений расширяется за счет притяжательных местоимений, личных местоимений в разных падежах.

Вещества обладают различной растворимостью. Растворимость – это способность одного вещества растворяться в другом. Она зависит от природы растворенного вещества и растворителя, температуры и давления [Дубинская, 2007, с. 182].

Одни бессоюзные предложения по значению напоминают сложносочинённые предложения, другие сходны со сложноподчинёнными. Существуют также бессоюзные предложения, которые нельзя сопоставить ни с одним из союзных типов.

Даже дождевая вода содержит растворенные примеси, в чем можно легко убедиться: при ее нагревании выделяются пузырьки газа, при упаривании получается твердый осадок [Балыхина, 2011, с. 71].

В целом нужно отметить, что в языке специальности чаще всего встречаются бессоюзные предложения, части которых связаны пояснительными и объяснительными отношениями. Это обуславливается целями научных текстов – объяснить какое-то явление, дать определение и характеристику предмету. Эти предложения, как правило, состоят из двух частей, которые следуют друг за другом в строго определенном порядке, вторая часть раскрывает содержание первой. При объяснении важно обратить внимание на строго определенный порядок предикативных частей в такой конструкции. Вторая предикативная часть обозначает смысл, который в первой части выражен местоимениями *так, такой, такой*, дейктическими словами *вот, вот что, вот как*, субстантивированным прилагательным *следующий*, устойчивым сочетанием *следующим образом*.

Химические реакции имеют следующие признаки: изменение цвета вещества, образование осадка (вещества, которое не растворяется в воде), выделение газа, выделение или поглощение теплоты [Дубинская, 2007, с. 69].

Большую часть пояснительных бессоюзных конструкций составляют предложения, между частями которых можно поставить *и увидел, что; и услышал, что; и почувствовал, что* и т.п. Опущение значимого компонента ведет в первую очередь к ошибкам в понимании смысла высказывания. Однако лексическое наполнение способствует восстановлению недостающего компонента.

Менделеев расположил все элементы в длинный ряд по возрастанию их атомной массы (и увидел): свойства элементов периодически повторяются, он разделил этот ряд на более короткие ряды [Дубинская, 2007, с. 161].

Вторую по количеству группу среди бессоюзных конструкций составляют предложения с объяснительными отношениями между предикативными частями. При объяснительных отношениях вторая часть дает толкование знаменательного слова или словосочетания первой. При этом «объясняемое

слово в свою очередь по отношению к толкованию выполняет роль классификатора, относя толкование к определенному по значению классу событий».

Давайте напишем формулу ускорения: ускорение равно сила F делится на массу тела. (Написать формулу ускорения – это значит написать формулу ускорение равно сила F делится на массу тела, и эту формулу можно классифицировать как формулу ускорения).

Различие в смысловой структуре пояснительных и объяснительных конструкций определяется принадлежностью толкуемого компонента к местоименному или знаменательному классу слов. В пояснительных это местоименный компонент, в объяснительных – обычно сочетание знаменательных слов.

В зависимости от грамматических характеристик и лексической семантики толкуемого компонента можно выделить следующие разновидности объяснительных бессоюзных конструкций:

1. Объясняется глагол со своим обстоятельством (и относящимся к обстоятельству словом). Такими являются глаголы *получаться, выражаться, объясняться*. Для устной научной речи характерна препозиция наречия по отношению к глаголу, однако возможны употребления таких конструкций с постпозицией наречия (т.е. передают значимую для данного высказывания информацию).

Объясняется это просто, плотность различных веществ различна.

Вторая предикативная часть объясняет не просто глагол, а комплекс, состоящий из глагола и наречия. Причем именно наречие становится семантическим центром высказывания. Его высокую степень информативной значимости особенно подчеркивает наличие в высказывании информативно недостаточного глагола.

2. Объясняется сочетание глагола и его распространителя с объектным или субъектным значением
Вероятно, имеет смысл внести ясность: вещество имеет физические и химические свойства.

3. Объясняется прилагательное в предикативном употреблении:

Элементарные частицы очень малы, их нельзя увидеть.

4. Объясняется буквенное обозначение:

Здесь надо писать x плюс z равно z , x обозначает первую величину, z обозначает сумму этих величин.

Особую группу представляют предложения, в которых перечисляются одновременные действия или явления. Как правило сообщается об однородных действиях, совершаемых разными субъектами в одно время или в сходных обстоятельствах. Обычно в таких конструкциях используются глаголы несовершенного вида. Для выражения последовательных действий – глаголы совершенного вида.

Затем болванку раскатывают – она удлиняется, ее стенка делается тоньше, труба постепенно приобретает заданные размеры [Балыхина, 2011, с. 129].

Бессоюзные предложения, выражающие сопоставление, обозначают различие между двумя явлениями и состоят из двух частей, причем во второй части может опускаться какой-либо компонент, который уже есть в первой части. Опускание важного для понимания компонента может вызвать непонимание, поэтому целесообразно обращать внимание на такое явление, и, при необходимости, восстанавливать отсутствующее слово.

При увеличении температуры растворимость газов уменьшается, при уменьшении – увеличивается (... при уменьшении температуры растворимость газов увеличивается) [Дубинская, 2007, с. 178].

При бессоюзии сопоставительные отношения базируются на смысловых связях, возникающих между частями предложения, а в ряде случаев подкрепляются показателями временной и пространственной соотнесенности. Другой характерной особенностью таких предложений является единство временных планов частей, которое выражает отношения одновременности.

Изучение смысловых отношений между частями бессоюзного предложения в практике РКИ не исчерпывается приведенными выше типами. Однако отметим необходимость сосредоточить больше внимания на освоении и выработке навыков использования специфических средств синтаксиса бессоюзной связи. Правильное употребление таких средств в устной речи демонстрирует высокий уровень овладения и осознанное использование стиливых особенностей языка специальности.

Таким образом, интерес к проблеме преподавания особенностей бессоюзной связи на уроках РКИ не ослабевает, а требует более тщательной проработки и выявления более эффективных методов введения. Несмотря на то, что лингвисты не раз обращались в этой теме, проблема адекватного представления речевых явлений остается далеко не решенной для современной методики преподавания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Балыхина, Т. М., Василишина, Т. И., Леонова, Э. Н., Пугачев, И. А. Русский язык. Основной курс: практическая грамматика для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей. – СПб.: Златоуст, 2011. – 304 с.
2. Булаховский, Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в. – Т.П Киев, 1948.
3. Дубинская, Е. В., Орлова, Т. К., Раскина, Л. С., Саенко, Л. П., Подкопаева, Ю. Н. Русский язык как иностранный. Русский язык будущему инженеру: Книга для студента. М.: Флинта: Наука, 2007. – 400 с.
4. Шульскис, С. А. Явление бессоюзия в устной научной речи: дис. ... канд. Филол. Наук / Шульскис Светлана Альгимантасовна. – М., 2000. – 165 с.

УДК 316.28

Sincretismo espiritual y valores de la cultura guaraní para la educación intercultural en Paraguay

(Духовный синкретизм и культурные ценности гуарани для межкультурного образования в Парагвае)
Эстигаррибуа Веласкес Р., Университет дель Норте, д.пед.н., профессор, Парагвай

EL TERRITORIO DE LA CULTURA GUARANÍ

El territorio de la cultura guaraní abarcó una gran porción de América del Sur, desde la Cuenca del Río de la Plata hasta las estribaciones andinas. América Central también fue parte del territorio cultural, durante el siglo XVI. Fueron aproximadamente 2 millones de habitantes, que luego después del inicio de la colonización española se redujo vertiginosamente por efectos de enfermedades infectocontagiosas, guerras regionales y la explotación de sistemas de trabajos como la encomienda, la mita, y el yanacona.

La parcialidad guaraní se origina en la región sudeste del Amazonas (del vocablo en guaraní Ama–zunú; lluvia con relámpagos), hoy Estado de Rondonia, Brasil. Sus principales rutas fueron los ríos Paraguay y Paraná con sus afluentes, entrando en las selvas por medio de senderos llamados tapé-aviju o aviru para construir sus aldeas. Se calcula que existieron 30.000 km de tapé aviju, y por ella los portugueses y españoles invadieron sus dominios. Los guaraníes ocuparon la región oriental del Paraguay, Uruguay, noroeste argentino y una gran parte de los estados meridionales del Brasil.

Las principales rutas guaraníes fueron los ríos Paraguay y Paraná, subiendo sus afluentes hasta los interfluvios siempre en el interior de las selvas donde abrían claros para instalar sus aldeas, rozas, senderos y otras actividades ecológicas y sociales. Despacio y gradualmente, ocuparon y colonizaron gran parte de los estados meridionales del Brasil, el Paraguay oriental y los bosques del Uruguay y noreste argentino.

SINCRETISMO CULTURAL GUARANÍ – CRISTIANO

Los conquistadores más conocidos fueron: Alejo García [García c. 1521], quien con algunos indígenas del litoral Atlántico marchó hasta Bolivia, y fue muerto al retornar; otro explorador del Río de la Plata fue Sebastián Gaboto [Gaboto, c. 1527] y Diego García quienes remontaron los ríos Uruguay y Paraná partiendo de Santa Catarina. Hacia 1540 otro explorador Alvar Nuñez Cabeza de Vaca acompañados de aborígenes, recorrió a pie desde Santa Catarina hasta Asunción y luego por el Río Paraguay llegó hasta el Pantanal.

Las parcialidades más conocidas fueron los kaviova, los mbya, los pai tavy tera, los ñandeva o chiripa. Estas parcialidades no participaron del indigenismo cristianizado, pero han mantenido una relación amistosa, cordial con el cristianismo, en el marco de una relación cultural independiente. Aunque muchos han sido bautizados, nunca abandonaron sus prácticas y tradiciones religiosas. Al estudiar las reducciones jesuíticas y la organización con los guaraníes, se percibe que ha existido una cordialidad con los misioneros de ayer y hoy, que puede comprenderse por el concepto-existencia “palabra”. Según Bartolomeu Meliá, el vocablo *Guaraní* se lo debemos a Kurt Unkel Nimuendaju (1883–1945) y a León Cadogan (1899–1973) quienes se sintieron fascinados por los Guaraníes y mediante la “palabra” se dedicaron a escucharlos.

Algunos antropólogos culturales opinan erróneamente que los aborígenes guaraníes eran menos evolucionados en religión que los incas, aztecas, mayas y otras culturas aborígenes precolombinas, quienes hicieron gigantescos templos a sus dioses, donde practicaban sacrificios humanos. Los guaraníes no tenían construcciones ni templos fastuosos, que tanto les gustan a los analistas superficiales. Los guaraníes no hicieron templos para honrar a *Tupa*, *Ñande Ru Tenonendete*, *Ñamandu* (varios vocablos para el mismo *incógnitus deus* guaraní, y de todos los seres humanos) porque decían que el creador increado, siendo omnisciente, omnipotente y de sabiduría infinita, dispuso el libre albedrío para su creatura humana. Por ello, *Tupa* no necesita ningún templo, ni adoración de ninguna laya, y si el aborígen tiene gracias es porque lo merece y si tiene desgracias es porque

también lo merece y cada uno en su interior sabe por qué. La religión guaraní evolucionó hasta alcanzar la fase de los más avanzados conceptos abstractos del *incógnitus deus* de la filosofía griega y del cristianismo, como lo veremos un poco más adelante.

Tampoco han desarrollado la escritura para la comunicación, y al respecto es muy interesante el argumento del antropólogo de la Sorbona de Paris, Pierre Clastres quien convivió con los aborígenes Guayakies, Chulupies en el Paraguay hacia 1965, con los Yanomani de Venezuela y Sao Paulo entre 1970 y 1974. Clastres fue amigo del antropólogo paraguayo León Cadogan y en la Universidad de Sao Paulo trabajó en la docencia con Claude Levi Strauss. Fue un gran crítico al etnocentrismo de la intelectualidad mundial. En su revolucionaria obra “La Sociedad contra el Estado” expresó que los pueblos que no escriben la historia, es porque no necesitan escribir dicha historia, porque la historia no es otra cosa que la lucha de clases.

La religión que profesan los pueblos mide el grado de civilización que han alcanzado. Es interesante repasar la evolución del pensamiento religioso en el tiempo y en ella ubicar el de los guaraníes. Los guaraníes han superado varias etapas de evolución de las religiones: fetichismo, animismo, totemismo y chamanismo alcanzando la etapa del conocimiento abstracto del Incógnitus Deus.

Existen en el mundo cientos de religiones; y sin embargo, es conveniente saber distinguir entre aquellas que dignifican al hombre elevándolo espiritualmente y otras que simplemente rinden culto al disparate, retrasándolo. Así, por ejemplo, conocen sectas religiosas muy poco evolucionadas que adoran ratas, serpientes, ganado vacuno, y otras con ritos bárbaros, que ofrecen sacrificios humanos o que practican el canibalismo. Existen religiones *monoteístas*, que creen en un único Dios, así como también religiones *politeístas* que tienen varias divinidades. El estudio de las religiones se denomina *teogonía*.

Pero cuando se incursiona en el terreno de la religión, la *tolerancia, comprensión y respeto* a las creencias religiosas del semejante, constituyen atributos indispensables para un diálogo constructivo, aunque muchas de las ideas nos puedan parecer primitivas, grotescas o estafalarias. La observancia de estos atributos, a más de ser prueba de elevación espiritual, nos conducirá a navegar en las más variadas riquezas culturales de la naturaleza humana.

Cuando se incursiona en varios campos como el religioso, el histórico y el político sin tener un sólido conocimiento filosófico-antropológico, se suele acabar en un fundamentalismo, un extremismo ... o en el manicomio. Por ello sabio Dr. Moisés Santiago Bertoni decía, que entre todas las cosas del mundo, las creencias religiosas merecen el más profundo respeto. Bertoni afirmó que la religión guaraní fue, desde sus orígenes, toda de justicia y mansedumbre y sanción de la moral más pura.

VALORES ANTROPO-ÉTICOS DE LA CULTURA GUARANÍ

Del intelectual paraguayo, profesor Dr. Gerardo Fogel Pedrozo (1936–2019).

- Teko Katuete: dignidad, autoestima, independencia.
- Teko Joja: igualdad.
- Teko Yma: apego a las tradiciones.
- Teko Marangatu, Jopoi: solidaridad, reciprocidad.
- Teko Poti y Teko Pora: honradez, transparencia.
- Teko Piro' y: equilibrio consigo mismo, con los demás, con Dios y con la Naturaleza.
- Teko Mboraihu o Teko Joauhu: amor al semejante.

VALORES RELIGIOSOS DE LOS GUARANÍES

- Hay un Dios Supremo, que todo lo creó y todo lo gobierna.
- Dios es puro espíritu y siempre invisible.
- Dios es la causa de todo, de lo malo y lo bueno.
- Hay varios semidioses; no son puros espíritus; son los agentes justicieros, tienen poder sobrenatural, pero carecen del poder creador. El alma es inmortal.
- El espíritu de los difuntos permanece cierto tiempo en su hogar, teniendo las mismas necesidades terrenales, con poder sobre los vivos.
- Cada uno de los seres vivientes está bajo el amparo de un genio protector especial.

Según **Montoya**, los jesuitas reconocieron que los guaraníes habían alcanzado la elevada noción del *Incógnitus Deus* de los griegos más adelantados, y del cristianismo. Los jesuitas debían hablar en un perfecto idioma guaraní para llegar a los aborígenes; y enseñaban el castellano. A los hijos de los caciques se les enseñaba latín. El Dios Supremo monoteísta de los guaraníes tiene varias designaciones: Ñande Ru Vusu, Ñamandu, Ñande Ru Guasu, Ñanderu Tenondete, Tupa.

El Dr. Moisés Santiago Bertoni (1857 Suiza – 1929 Foz de Iguazú) fue un investigador naturalista, botánico y antropólogo, que dedicó sus esfuerzos, su inteligencia y su vida a las ciencias naturales, la agronomía, botánica, geología, arqueología, lingüística, meteorología, dendrología, geografía, antropología, astronomía y

medicina. Según Moisés Santiago **Bertoni**, el Dios de la guerra está ausente en la teogonía de los guaraníes, ni esperan estos que el Tupa les ayude a batir a los enemigos. Tupa ha hecho más favores a los blancos, y se resignan, porque habrá razón para que así sea. En palabras de Bertoni (1927):

Los guaraníes obtuvieron la armonización y connubio de las cosas reconocidamente más incompatibles: el máximo del individualismo con el comunismo más absoluto; no reconocer autoridad impuesta y no someterse religiosamente a la autoridad moral y al deber social. La clave del enigma: los sentimientos de la justicia y de la dignidad en el más alto grado.

APORTES DEL ANTROPÓLOGO Y MILITAR RUSO IVAN BELAIEF

Se destaca en primer lugar, la labor del antropólogo y General Honoris Causa del Ejército paraguayo en la Guerra del Chaco (1932–1935) el General Iván Timofeyevich Belaieff (1876 San Petersburgo – 1957 Asunción) más conocido como Juan Belaieff, militar artillero formado en la Rusia zarista, de brillante actuación en la Guerra del Chaco. Además de militar, se destacó como geógrafo, antropólogo, lingüista y poeta [Belaieff, 1945]. Su experiencia militar fue en la Primera Guerra Mundial, en la Revolución Rusa y luego en la Guerra del Chaco entre Paraguay y Bolivia, donde se destacó como un gran explorador del área de conflicto. Su colaboración al Ejército paraguayo fue muy importante por su aporte de traer al Paraguay a un centenar de militares rusos zaristas incorporados al ejército paraguayo en campaña.

Belaieff es contratado en 1924 por el gobierno paraguayo presidido por el Dr. Eligio Ayala como geógrafo de modo a investigar el avance y colonización por parte de Bolivia de la región occidental o Chaco, así como para determinar las fuentes de agua dulce existente. Belaieff lo logra mediante la colaboración y conocimiento del territorio de sus amigos aborígenes como los Maka, los Nivaclé, los Lenguas y los Chamacocos [Canese de Estigarribia, Canese & Estigarribia, 2021].

Belaieff tuvo un gran acercamiento afectivo con las tribus aborígenes del chaco, llegando a hablar fluidamente varios de sus dialectos además del español y el guaraní.

Finalizada la Guerra del Chaco se dedicó a la protección de los pueblos aborígenes del Chaco, especialmente a los nativos Maka, quienes consideraban a Iván Belaieff como un verdadero hermano espiritual. Su nombre indígena era Hawatu y así quería que lo llamaran. Cuando fallece Belaieff el 19 de enero de 1957 a los 84 años es sepultado por sus hermanos, los nativos Maka con sus ritos en una isla frente al puerto Botánico.

Belaieff fue uno de los fundadores de la Asociación Indigenista del Paraguay y de la Facultad de Ciencias Físicas y Matemáticas. El gran escritor paraguayo y premio Cervantes, Don Augusto Roa Bastos publica una obra titulada *Las Culturas Condenadas*, en la que compila textos sobre la precaria situación de los pueblos aborígenes del Paraguay. Reúne en su obra, los pensamientos y aportes de los antropólogos paraguayos, León Cadogan, Bartolomeu Meliá e Iván Belaieff; así como de otros extranjeros como: los Grünberg, Münzel, Chase Sardi y Pierre Clastres, todos ellos, en palabras de Roa Bastos, puntales históricos y paradigmáticos de la antropología, la etnografía y la etnología producidas en el Paraguay.

CONSIDERACIONES FINALES

En conclusión, para alcanzar una genuina educación intercultural que conduzca a la superación intelectual, en Sudamérica, y particularmente en el Paraguay, se debe incorporar en los programas educativos la enseñanza de religión comparada, incluyendo a las religiones de los pueblos nativos del territorio. Esta enseñanza deberá considerar la orientación religiosa familiar del educando, en el marco del desafío educativo de dotar atributos éticos-morales al educando. Se resalta una vez más que, en los países integrantes del MERCOSUR (Mercado Común del Sur), es de particular importancia incluir en el currículum educativo la antropología cultural guaraní, por la amalgama existente entre la cosmovisión guaraní y las creencias cristianas.

FUENTES Y BIBLIOGRAFIA

1. Bertoni, M. S. “La civilización guaraní, parte II: religión y moral”. Asunción: Editorial Ex Sylvis, 1927.
2. Belaieff, I. *La politique allemande à l'égard de la Russie en 1910–1911* (Doctoral dissertation), 1945.
3. Canese, D. E. M. I., Canese, Canese, V., & Estigarribia, S. E., The legacy of the exile of Russian intellectuals to the scientific culture of Paraguay. *Iberoamerica*, (3), 2021, 81–100.
4. Estigarribia Velázquez, R., “Ética. fundamentos filosóficos y antropológicos”. Editora Marben, Asunción, Paraguay, 2004.

5. Estigarribia Velázquez, R. “Ecología humana”. Editora Marben, Asunción, Paraguay, 2007.

6. Estigarribia Velázquez, R. “Ecocentrismo Social- propuesta de educación integral para la implementación de un modelo económico con desarrollo medioambientalmente sostenible”. Asunción, UPAP: Tesis doctoral en Ciencias de la Educación, 2006.

УДК 303.446.23

«Московская немецкая газета» XIX–XXI вв.

как отражение динамики межкультурного взаимодействия

Анищенко А. В., Московский государственный лингвистический университет,
к.ф.н., доцент, Россия

Ковалева К. А., Московский государственный лингвистический университет,
магистрант, Россия

В настоящее время интерес к национальным культурам, развитие межэтнических коммуникаций и связанные с ними глобальные культурно-исторические процессы определяют повышенное внимание ученых к вопросам взаимосвязи языка и культуры, что обуславливает актуальность предлагаемого исследования. В статье предпринимается попытка ответить на вопрос, каким образом язык отражает динамику сложного социокультурного взаимодействия немецкоговорящей этноконфессиональной общности, стремившейся сохранить свои традиции, веру, язык, с принявшей их культурой России.

В качестве материала исследования было выбрано немецкоязычное периодическое издание «Московская Немецкая Газета» (*Moskauer Deutsche Zeitung*), основная задача которой состояла в независимом обзоре международных и российских новостей. «Московская Немецкая Газета» (далее «МНГ»), основанная в 1870 году, прекратила свое существование в связи с началом Первой мировой войны в 1914 году. По инициативе Международного союза немецкой культуры печатное издание возобновило свою деятельность в 1998 году. Для проведения лингвокультурного анализа были использованы номера «МНГ» 1870 года (№32, №33 и №34) и 2015 года (№ 18 (409)). Поскольку «Московская Немецкая Газета» издавалась и издается в русском культурном пространстве для немецкоговорящей этнографической общности, авторы статьи исходят из того, что анализируемый печатный орган отображает особенности социокультурного взаимодействия, что находит свое отражение в тематической организации газеты и в ее вербальном наполнении.

В XXI веке редакция «Московской Немецкой Газеты» приняла решение расширить целевую аудиторию за счет привлечения читателей, изучающих немецкий язык, вследствие чего газета приобрела билингвальный характер. В 1999 году «МНГ» выпускала две отдельные самостоятельные части: русскоязычную (16 полос) и немецкоязычную (24 полосы) [Силантьева, URL]. Их объединение в единое печатное издание произошло в 2008 году по случаю 10-летнего юбилея. В настоящее время помимо шестнадцати полос на немецком языке выпускается восемь полос на русском («вкладыш»). Таким образом, «МНГ» решает задачу расширения целевой аудитории и приобщения русскоязычных читателей к немецкой культуре, а также способствует увеличению интереса к изучению и совершенствованию немецкого языка.

Если в дореволюционных выпусках «Московской Немецкой Газеты» отдельную полосу занимал обзор международных политических событий, то в настоящее время тематическое наполнение печатного издания сосредоточено преимущественно на отношениях между Германией и Россией, о чем свидетельствуют следующие рубрики «Германия», «Россия-Германия», «Немцы России», «Вторая Родина», «История и культура», «*Russlands Deutsche*», «*Moskau*». Из этого можно заключить, что смещение фокуса с международных новостей на локальные события указывает на реализацию задачи ознакомления читательской аудитории с российской действительностью и на стремление к сближению русской и немецкой культур.

В XXI веке – веке интернета и цифровых технологий, открывшего широкий доступ к актуальной информации для всех социальных групп, можно наблюдать расширение функций средств массовой информации. «МНГ» помимо информативной начинает выполнять также образовательную функцию, пополняя свой контент материалами для изучающих немецкий язык: после русского «вкладыша» следует страница из немецкоязычного детского журнала «*Schrumdi*» и аутентичный текст с заданиями и ключами для взрослой аудитории.

Газета знакомит своих читателей с особенностями культуры и межкультурной коммуникации, формируя таким образом социокультурную компетенцию своих читателей. В опубликованном отрывке из блога консультанта Татьяны Брандт «Учебная тревога. Как студенту в Германии не вылететь из вуза» описываются межкультурные различия в правилах поведения в университетах Германии и России. Например, автор подчеркивает, что такие русские стратегии обучения как «ходить весь семестр и хорошо

запомниться преподавателю», «заговорить зубы» или «ловко скомпоновать чужие мысли в научной работе» не применимы в Германии, так как все экзамены письменные [Moskauer Deutsche Zeitung, 2015, II]. Татьяна Брандт советует также забыть про шпаргалки и списывание. Если русского студента приглашают в компанию для совместного изучения учебного материала, ему не стоит говорить на посторонние темы или предлагать пить пиво – немцы действительно собираются для учебы. Также блог рекомендует задавать любые вопросы, даже самые глупые, немецким профессорам, так как никто не будет интересоваться, насколько хорошо студент усвоил материал. А поскольку все экзамены письменные, проверяющий не сможет вспомнить, кто какой глупый вопрос задал. Таким образом, можно говорить о помощи русским в адаптации к немецкой среде и в преодолении коммуникативных барьеров.

Сравнивая современную и дореволюционную версию газеты, можно заметить, что в немецкоязычных публикациях в настоящее время активнее используется прагматический потенциал немецкого языка. На страницах «МНГ» встречается большое количество фразеологизмов, каламбуров и аллюзий, что позволяет усилить влияние на читателя. Например, в статье «Nicht alles in Butter» Торст Гутман разбирается, является ли масло «Danke Anke» исконно немецким продуктом. «Butter» означает на немецком языке «сливочное масло», в то время как фразеологизм «alles in Butter» – «идти как по маслу». Журналист вставляет фразеологический оборот в заголовок не только для привлечения внимания к статье, но и для отсылки на сам продукт. Так он использует как прямое, так и переносное значение, актуализируемое фразеологическим оборотом. Комический эффект в статье «Nicht alles in Butter» создается также при помощи модификации прецедентного текста: «*Deutsch oder nicht deutsch, das ist die Frage*» [Moskauer Deutsche Zeitung, 2015, с.5]. Этот прием является аллюзией на всем известный монолог Гамлета.

Отметим различия в стилистике изданий XIX века и XX–XXI вв. В издании XIX века преобладает лексика нейтрального или высокого стиля: «*In der Zeitung „Nedelja“ wird erzählt, daß den Klassendamen und Lehrerinnen der Petersburger weiblichen Gymnasien auf das Strengste, bei Gefahr ihrer Entlassung, verboten ist, die öffentliche Vorlesungen, die von den Proffesoren der Universität gehalten werden, zu besuchen*» [Moskauer Deutsche Zeitung, 1870, с.138].

В «МНГ» XIX века для краткого обзора международного события использовались неполные предложения. С новой строки печатался астионим, «собственное имя города» [Подольская, 1988, с.41], а через запятую следовала дата и описание: «*Wien, 12. April (31. März). Der Kaiser hat dem Fürsten von Montenegro den Leopoldsorden mit dem Großkreuz verliehen. Nach Berichten der „Presse“ stehen die Sachen in der Bocca von Cattaro schlecht; der Friedensvertrag kommt nicht zu Stande*» [Moskauer Deutsche Zeitung, 1870, с. 145].

Таким образом, если «Московская Немецкая Газета» XIX века по причине отсутствия других источников информации могла только освещать ситуацию на международной и российской арене, то в XXI веке необходимо бороться за внимание читателей и использовать для этого все богатство национального немецкого языка. Обилие средств образности и выразительности в современном издании говорит о тенденции к использованию такого метода подачи информации, как инфотейнмент, т.е. к оптимизации материала с целью завоевать читателя, предлагая развлекательный контент или используя развлекательные формы его организации.

В современном издании можно наблюдать усиливающуюся тенденцию к сохранению немецкой языковой идентичности, которая выражается в наличии немецких лингвокультурных маркеров в газете, особенно в ее русскоязычном сегменте. К ним относятся историзмы (*ГДР, падение стены, Hitler-Stalin-Pakt*) и слова-реалии. Слова-реалии представлены названиями учебных заведений и научно-исследовательских институтов (*Берлинский институт населения и развития, институт Райнера Клингхольтц, Немецкая служба академических обменов DAAD, Лейпцигский университет*), фирм (*Bosch*), должностей (*бундесканцлер*), этнос (*восточные немцы*), сборная (*бундеслига*), национальный костюм (*Dirndl*). Слова-реалии в тексте часто представлены неадаптированными варваризмами («*страхование на случай потребности в постоянном уходе (Pflegeversicherung)*») [Московская Немецкая Газета, 2015, III] или же адаптированными заимствованиями из немецкого языка в русский (*Лютеранская кирха*). В дореволюционном печатном издании встречаются лингвокультурные маркеры, связанные с религиозной сферой (*Taufpathe, Liturgie, Parochie, Pfarren, Kirchspiel*), титулами (*Großherzog*) и законодательными органами (*Landtag, Zollparlament, Reichstag*).

Что касается приобщения немецких реципиентов к русской лингвокультуре, то наиболее ярко это выражается в ксенизмах. Так обозначают вербальные, визуальные или акустические языковые и / или культурные, намеренные или ненамеренные выражения из иностранного языка, которые сигнализируют о своей «чуждости» [Földes, 2018, с.124–125]. К ксенизмам, плохо интегрированным заимствованиям, относят слова-реалии, прецедентные имена и историзмы.

Самая большая группа ксенизмов в современном издании – слова-реалии, которые указывают на культурную, экономическую и политическую жизнь в России:

1. Округа Москвы – *Zarizyno, Marino*;
2. Партии – «*Einiges Russland*», «*KpdSU*»;
3. Газеты – «*Krasnoje Snamja*», «*Rossijskaja Gaseta*», «*Wedomosti*»;
4. Станции метро – *Prospekt Mira, Uniwersitetskaja, Kropotkinskaja, Taganskaja, WDNCh u. A, Leninskij Prospekt, Nowokusnezskaja, Tretjakowskaja, Lubljanka*;
5. Проездная карта – *Troika*;
6. Названия учреждений культуры – *Staatstheater Nobosibirsk, Freilichtmuseum Ethnomir, Puschkin-Museum, das Moskauer Tschechow-Künstlertheater, der Neue Eremitage, die Stadttheater Irkutsk und Nischnij Nowgorod, das Petersburger Mariinskij-Theater, das Bolschoj-Theater, das Puschkin-Museum*;
7. Образовательные учреждения – *Moskauer Physikalisch-Technische Institut (MFTI), Akademie der Künste*;
8. Произведения искусства – *Fabergé*;
9. Национальные блюда – *Pelmeni*;
10. Достопримечательности – *der Kreml, das GUM*;
11. Транспорт – *Elektritschka, Marschrutka*.

Отдельно нужно отметить языковую тенденцию, наблюдаемую в годонимах, подвиде топонимов, которые относятся к ономастическим реалиям, обозначающим «название линейного объекта в городе, в т. Ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская, 1988, с.52]. В XIX веке годонимы включали в состав слова семантический элемент «*Straße*» (*die Prolomnaj-Straße*) или были переведены калькированием (*die Schmiedebrücke*). В современном издании к годонимам добавляют ксенизм «*Ul.*», который восходит к русской лексеме «улица» (*Ul. Mosfilmowskaja, Ul. Wolchonka, Ul Ordschonikidse, Nikolskaja uliza*). Это свидетельствует об отказе от адаптации русских годонимов для немецкого языка в XXI веке и тенденции приспособления к русской лингвокультуре путем использования большего количества ксенизмов.

«МНГ» рассказывает о русской истории и отсылает к ней при помощи историзмов (*Zarenreich, der erste Sekretär, NKWD*) и прецедентных имен (*Katharina die Große, Stalin, Pomeranzew, Nikolaus I., Nikolaj Ostrowskij*).

Следует отметить, что с XIX века до настоящего времени сохраняется превалирование количества русских ксенизмов над лингвокультурными немецкими маркерами. Их концентрация в дореволюционной версии газеты намного ниже, чем в современной. Если ксенизмы в XXI можно разделить на двенадцать вышеперечисленных категорий, то в XIX можно выделить пять типов слов-реалий (этнографические, бытовые и ономастические реалии, реалии мира природы и государственно-административного устройства), не считая их подтипы:

1. Этнографические – *Ortodoxe, Kirgise, Jude*;
2. Реалии мира природы – *Steppe, Flachs, Kendyr*;
3. Бытовые – *Werst, Rubel, Arschin, Kopeke, Sibirienstrafe, Щу, Bazar*;
4. Реалии государственно-административного устройства – *das Ministerium der Aufklärung, die Russische Blagorodnoje Sobranie, die Stadtduma, Fürst, Prorektor, Thron, Scepeter, Monarch*;
5. Ономастические реалии, к которым относится группа топонимов, достопримечательностей, культурных объектов и образовательных учреждений:

• Топонимы подразделяются на агоронимы (*районы: der Jakimanski-Stadttheil, der Baßmaniche Stadttheil, der Chomownischski-Stadttheil*), годонимы (*улицы: der Wosnessenki-Prospekt, die Große Morskaja, die Mjasnißkaja, der Twerskoi Boulevard*), астионимы (*города: Riga, Wologda, Kiew, St. Petersburg, Jelißawetgrad; Jelez, Ssamara*) и гидронимы (*водные объекты: das Kaspische Meer, die Moskwa, die Jausa, der Eltonsee*).

• Образовательные учреждения – *der Zari'sche Gymnasium, das Weibliche Gymnasium, Politechnische Schule, Handwerkerschule, das Katharinen-Institut, die Akadenie der Künste, die Universität Dorpat*;

• Достопримечательности – *der Marienpalast, der Kremlin, die Archangel'ische Kathedrale, der Annitschkowpalast, der Winterpalast, das große Theater*;

• Культурные объекты – *das St. Petersburger Conservatorium, die Kaiserliche Petersburger Theater*.

Увеличение количества ксенизмов в текстах газеты связано прежде всего с различными интенциями версий XIX и XXI века. Цель первой версии – каждодневно информировать читателя о всех происходящих в мире событиях всего на четырех страницах. От современной же редакции читатели ожидают подробный анализ и комментарий новостей, которые они уже прочитали в других источниках

информации, так как газета в настоящее время выходит раз в две недели. Кроме того, половину полос «МНГ» XXI века занимают события русской культурной жизни, которые сейчас в таком большом объеме освещаются только в специализированных журналах.

Подводя итог, отметим, что в «Московской Немецкой Газете» отражаются две тенденции в культуре этнических российских немцев. С одной стороны, усиливается стремление адаптироваться к российской лингвокультуре, о чем свидетельствует русскоязычный раздел газеты, сосредоточение на новостной повестке России и Германии, возрастающее количество ксенизмов. С другой стороны, это тенденция к сохранению своей языковой идентичности, что подтверждают лингвокультурные маркеры в русском «вкладыше», использование языковых средств образности и попытка приобщить русскоязычных читателей к немецкой культуре (разработанные методические задания для изучающих немецкий язык взрослых и детей, советы по проживанию в Германии).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Силантьева, О. Ю. Московская немецкая газета / О. Ю. Силантьева – URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5800?ysclid=li0gp719d4511697745> (дата обращения 15.05.2023).
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. И доп. – Москва : Наука : – 1988 – 192 стр.
3. Földes, C. Xenismen in der auslandsdeutschen Pressesprache. Reflexionen anhand der Moskauer Deutschen Zeitung / Csaba Földes // Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. Band 26: Sprache. – München, De Gruyter Oldenbourg, – 2018. – S. 121–144.
4. Moskauer Deutsche Zeitung // Staatsbibliothek zu Berlin. Preußischer Kulturbesitz. – Москва, 1870, №32, №33 и №34 – URL: <https://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/list/title/zdb/2852651X/-/1870/> (дата обращения 08.04.2023).
5. Moskauer Deutsche Zeitung = Московская Немецкая Газета: независимая газета о политике, экономике и культуре. – Москва, 2015, № 18 (409), 24.09 до 07.10.2015.

УДК 81`25

Приемы перевода региональных идиоматических выражений в британском варианте английского языка на русский язык

Волкова Я. А., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы,
д.ф.н., профессор, Россия

Красоцкая М. Д., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы,
аспирант, Россия

Актуальность данной статьи заключается в важности корректного перевода диалектизмов (в т.ч. идиоматических выражений) с английского языка на русский, поскольку несмотря на мнение о том, что Британское нормативное произношение (Received Pronunciation, или RP) является ведущим в Великобритании, согласно статистике, на нем разговаривает примерно 2% британцев [Crystal, 2022]. Однако RP является акцентом, а не говором [Robinson, 2007], в то время как Стандартный английский (Standard English) является общепринятым вариантом английского языка [ibid.], и на нем говорит не более 9%–12% британцев, при этом используя региональный диалект, а 3%–5% – без использования диалекта [Standard English vs. Non-Standard English]. То есть на региональные варианты приходится наибольшая доля говорящих. Таким образом, можно утверждать, что диалекты в Великобритании имеют высокую значимость для языковой картины мира населения данной страны, поскольку они зародились и развивались задолго до появления Стандарного варианта английского языка, пришедшего со Стандартом королевской канцелярии (Chancery Standard) в XV в. [A Brief History of the English Language], и вопреки глобализации, на них разговаривает большинство британцев.

Целью данной статьи является выявление наиболее удачных способов перевода региональных идиоматических выражений с английского языка на русский. Для достижения цели выдвигаются следующие задачи:

1. Проанализировать общепринятые приемы перевода диалектизмов и идиом;
2. На основе проведенного анализа предложить перевод выбранных региональных идиом.

Материалом данного исследования служат отобранные региональные идиоматические выражения из книги С. Дент «How to Talk Like a Local», имевшие этимологические пояснения (т.е. отдельную словарную статью в книге) и вызвавшие, на наш взгляд, наибольший интерес. Теоретический материал базируется на работах Н. Н. Амосовой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, а также на статьях по лингвистике и статистических данных.

Далее перейдем к теоретическим предпосылкам данной статьи.

Как упоминалось ранее, диалекты в Великобритании занимают важное место в языковой картине мира населения. Предлагается воспользоваться определением языковой картины мира (ЯКМ) З. Д. Поповой и И. А. Стернина: «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин, 2002, с. 7]. Частью ЯКМ можно считать идиоматические выражения. Договоримся использовать следующее определение: идиома – это национально-окрашенное выражение постоянного контекста [Амосова, 2009, с. 72], чье общее значение не может быть выведено из суммы значений входящих в него элементов [Соорег, 1999, с. 233]. Идиоматические выражения аккумулируют и передают культурную информацию через поколения, выражая дух и своеобразие нации [Темирова et al., 2021, с. 1209].

С точки зрения теории перевода, идиоматические выражения представляют особую сложность, поскольку они могут представлять собой лакуны и не иметь эквивалентного или аналогичного перевода ввиду употребления национально-культурных реалий [Труфанова, 2009, с. 198].

Однако при рассмотрении диалектных идиоматических выражений, можно утверждать, что их перевод затруднен значительно, поскольку нужно передать не только национальный колорит, но и говор, ибо без него теряется образ и происхождение персонажа.

Перейдем к рассмотрению способов перевода диалектизмов и идиоматических выражений.

Основным приемом перевода диалектизмов считается переводческая компенсация – передача сходной информации оригинала другими средствами переводящего языка, необязательно в том же месте, что и в подлинном тексте [Коротких, 2010, с. 38]. В основном компенсируются фонетические, лексико-грамматические, стилистические и другие особенности оригинала [Дарбишева, Амирханова, 2020, с. 76]. Исходя из переводов, обычно британские диалектизмы выражаются на русский посредством просторечий (как в лексике, так и в грамматике), использования редкой и резкой лексики, введение разговорных восклицаний [Мячинская, 2016, с. 84–85]. Однако в некоторой мере это стереотипично, поскольку считается, что диалект – это язык простого народа, в особенности сельского населения, несмотря на то что интеллигенция некоторых областей может владеть диалектом [Меркурьева, 2007, с. 124]. Можно убедиться, что не во всех случаях перевод с помощью компенсации может быть использован для передачи диалектизмов, если в тексте оригинала не обозначено, что персонаж принадлежит низшему сословию и не имеет образования.

При переводе идиом нас интересуют такие приемы передачи, как стилизация и деидиоматизация. Осветим их более подробно.

При стилизации, или псевдопословицном соответствии, переводчик создает идиому, чтобы она была понятна носителям переводящего языка, но при этом отражала образность и смысл оригинала [Федорович, Полякова, 2021, с. 186]. На первый взгляд, данный прием может ошибочно напомнить калькирование, однако при калькировании безэквивалентное идиоматическое выражение переводится дословно, и его переносное значение может быть выведено из окружающего контекста. Однако использование калькирования при передаче диалектических идиом невозможно, поскольку в некоторых случаях используются слова, отсутствующие в Стандартном варианте английского языка, и без нейтрализации их перевод затруднен.

Прием деидиоматизации заключается в передаче идиоматического выражения через однословные частичные эквиваленты, сохраняющие при этом значение и окраску, но не несущие в себе оригинальный образ.

Стоит отметить, что передача диалектизмов одного языка диалектизмами другого не представляется возможной, поскольку они отражают языковую картину мира иного этноса [Кобелева, 2007, с. 165]. Признаем эту мысль справедливой, поскольку целью адекватного перевода диалектических идиом является сохранение национальной окрашенности, что при передаче через призму иного колорита идет вразрез с данной идеей.

Резюмируем: основными приемами перевода идиоматических выражений в диалектах британского варианта английского языка можно считать переводческую компенсацию, стилизацию и деидиоматизацию.

Продемонстрируем их применение на отобранных региональных идиоматических выражениях.

2. To be in tucks – выражение пришло из северного Уэльса, означает то же самое, что и «to be in stitches» – «покатываться со смеха» [Dent, 2010, с. 210]. Согласно этимологии, tuck происходит от итальянского тоссо – «удар, перезвон колокола», однако в английском языке данное слово использовалось для описания звука игры на трубе. Впоследствии два этих значения слились в «звук трубы, удар».

Как вариант деидиоматизации можно использовать такие слова, как «ржать» и «гоготать», поскольку они подразумевают громкий смех, что сродни звуку трубы или удара.

В качестве приема компенсации можно предложить «реветь от смеха», поскольку есть выражение «рев трубы», то данная фраза подходит под изначальный образ слова «tuck».

Вариантом стилизации может выступить выражение «треснуть со смеху», поскольку предмет трескается, например, при ударе, в чем можно проследить отсылку к этимологии фразы. Вариант с «лопнуть со смеху» не подходит по этому оттенку: вещь лопаается, когда она слишком сильно нагрета или надута.

3. To beat the devil round the gooseberry bush – фраза, используемая в Сассексе, означает затягивать события [Dent, 2010, с. 25]. Изначально идиома употреблялась в измененном виде в Вирджинии в XVIII в. Создаваемый образ отражает то, что за дьяволом можно гоняться и пытаться его наказать, но его невозможно поймать.

В качестве деидиоматизации можно использовать слово «тянуть», поскольку глагол подразумевает долгий промежуток времени.

Выражение «тянуть kota за хвост» может выступить в качестве примера компенсации, поскольку в некоторых источниках кот считается дьявольским животным. Здесь усматривается перенос свойств с одного существа на другое.

Как пример стилизации можно предложить авторский неологизм «застрять в терновнике». В данном случае акцент делается не на черта или дьявола, а на колючий кустарник (в оригинале – крыжовник). Поскольку высвободиться из колючих зарослей трудоемко и времязатратно, то данное выражение можно использовать в качестве перевода.

4. To be down the banks – ливерпульская идиома, означающая «злиться на кого-то» [Dent, 2010, с. 76]. Она появилась благодаря ирландскому населению Ливерпуля и географическим условиям (торфяные болота, в которые легко было провалиться).

Можно перевести тремя способами: «беситься» (деидиоматизация), «быть злющим, как келпи» (стилизация; поскольку фраза восходит корнями к ирландцам, то допустим возможность использования данного мифологического существа, живущего в водоемах и являющегося враждебным к людям в качестве образа) и просторечие «пригорело» (компенсация, поскольку осушенные торфяные болота имеют обыкновение гореть, а от злости человек вспыхивает).

5. To say neither bee nor baw – шотландское выражение, означающее «промолчать» [Dent, 2010, с. 27]. Ни одно из ключевых составляющих слов идиомы не имеет значения, относившегося бы к данной фразе. Согласно автору книги, пара слов, начинающихся с b означают класс табуированных слов.

Приемом компенсации в данном случае будет фраза «ни бе ни ме ни кукареку», поскольку здесь идет игра слов между «baw» и «бе» – ономотопеей овцы (в Шотландии распространено овцеводство). Добавление остальных элементов (ономотопея козы и петуха) рисует образ сельской местности, скотоводства. Примером деидиоматизации в данном случае может выступить фраза «набрать воды в рот», поскольку в шотландской местности есть реки. Стилизация в данном случае не представляется возможной, поскольку ключевые слова (bee и baw) не имеют значения, относящегося к общему смыслу фразы. То есть нет базиса для построения образа, идет отсылка к приему компенсации.

6. Scotch mist – шотландское выражение, подразумевающее «нечто причудливое и неизвестное» [Dent, 2010, с. 181–182]. Изначально фраза использовалась в буквальном смысле из-за погодных условий региона употребления, но со временем переросла в аллюзию, означающую нечто нереальное, выдуманное. Автор также добавляет, что эта коннотация могла появиться из-за третьего значения – виски с лимоном.

С помощью компенсации данное выражение можно перевести как «темный лес». Согласно истории, Шотландию некогда покрывали густые леса, однако сейчас они составляют 4% территории. Таким образом, воссоздается возможный изначальный образ данной фразы.

При деидиоматизации можно перевести данную фразу как «диковинка», поскольку «диковина» означает странную, невиданную вещь, предмет, существо [Карта слов, URL].

Используя стилизацию, мы можем создать такую фразу, как «как Лох-Несс в тумане». Поскольку дымка образуется в основном над водоемами (второе значение mist – дымка), а по легенде в шотландском озере Лох-Несс обитает чудовище, которое никто не видел, то появляется сходный ментальный образ.

Итак, в статье были рассмотрены общепринятые способы перевода диалектизмов и идиоматических выражений. В основном при переводе диалектизмов используется компенсация, когда информация оригинала передается иными языковыми средствами в переводящем языке. При переводе идиоматических выражений, не имеющих эквивалентов или аналогов в паре языков, возможно прибегнуть к приемам стилизации, при которых переводчик самостоятельно создает идиому, понятную аудитории и содержащую в себе смысл и образность оригинала, и деидиоматизации – передаче идиомы однословным частичным эквивалентом.

Как было отмечено, при переводе диалектизмов невозможно употребление диалектизмов переводящего языка, поскольку происходит замещение ЯКМ.

Нами были проанализированы несколько британских региональных идиоматических выражений и были предложены варианты их перевода с помощью вышеупомянутых приемов.

Завершив исследование тем, что отметим, что использование стилизации во многом затруднено, поскольку зачастую компенсация с воссозданием образа или деидиоматизация в достаточной мере справляются с передачей идиоматических выражений с английского языка на русский. Для приема компенсации необязательно использовать просторечия или грубую лексику: колорит можно выразить с помощью передачи смежных образов, присущих для того или иного региона, которому принадлежит фраза.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. A Brief History of the English Language. – URL: <https://www.oxfordinternationalenglish.com/a-brief-history-of-the-english-language/> (дата обращения: 08.04.2023).
2. Cooper, T. C. Processing of Idioms by L2 Learners of English / T. C. Cooper // TESOL Quarterly. – 1999. – №33 (2). – С. 233–262.
3. Crystal, D. Received Pronunciation old and new / D. Crystal. – URL: <https://www.cambridge.org/49ta/blog/2022/05/25/received-pronunciation-old-new/> (дата обращения: 30.03.2023).
4. Dent, S. How to Talk Like a Local / S. Dent. – London: Random House, 2010. – 258 с.
5. Jeffries, S. The G2 guide to regional English / S. Jeffries // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/uk/2009/mar/27/regional-english-dialects> (дата обращения: 30.03.2023).
6. Robinson, J. Received Pronunciation / J. Robinson. – URL: <https://www.bl.uk/49tanfor-accent-and-dialects/articles/received-pronunciation> (дата обращения 30.03.2023).
7. Standard English vs. Non-Standard English Dialects. – URL: <https://toppandigital.com/translation-blog/standard-english-vs-non-standard-english-dialects/> (дата обращения: 30.03.2023).
8. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Москва: Либроком, 2009. – 208 с.
9. Дарбишева, Х. А., Амирханова, Ю. М. Прием компенсации при переводе диалектизмов с английского языка на русский язык (на примере пьесы Б. Шоу «Пигмалион») / Х. А. Дарбишева, Ю. М. Амирханова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – №2. – С. 75–79.
10. Карта слов и выражений русского языка. – URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 31.03.2023).
11. Кобелева, А. А. Способы передачи диалектизмов и просторечия при переводе (на материале повести В. М. Шукшина «Калина красная») / А. А. Кобелева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2007. – №2. – С. 165–169.
12. Коротких, Е. Г. Переводческие компенсации как значимый фактор декодирования лексической и словообразовательной неологии в англоязычной картине мира / Е. Г. Коротких // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – №3. – С. 38–40.
13. Меркурьева, В. Б. О разграничении диалекта и обиходно-разговорного языка / В. Б. Меркурьева // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – №2. – С. 124–130.
14. Мячинская, Э. И. Диалектно-разговорные элементы английского литературного текста и их передача на русский / Э. И. Мячинская // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2016. – №12. – С. 82–86.
15. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Воронежский МИОН, 2002. – 151 с.
16. Темирова, Ш. Г., Очилова Н. Н., Тойчиева Н. С. Фразеологические единицы как национальноспецифические единицы языка и их сопоставление / Ш. Г. Темирова, Н. Н. Очилова, Н. С. Тойчиева // Academic research in educational sciences. – 2021. – №2. – С. 1208–1213.
17. Труфанова, Л. А. Национально-культурная специфика фразеологизмов (на материале фразеологических единиц неантропоцентрической направленности в английском и русском языках) / Л. А. Труфанова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – №99. – 196–202.
18. Федорович, Е. В., Полякова, О. А. К вопросу о транслатологических трудностях перевода фразеологических единиц в современном дискурсе / Е. В. Федорович, О. А. Полякова // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – №3. – С. 181–190.

**Особенности коммуникативной стратегии воздействия на адресата
в рамках медицинского дискурса (на примере работы
корейской клиники «Сон» для русских пациентов)**

Ильясова С. В., Южный федеральный университет, д.ф.н., профессор, Россия

Кан К., Южный федеральный университет, аспирант, Россия

Одним из профессионально востребованных качеств специалиста-медика является способность эффективно общаться с пациентами. Владение навыками эффективного общения и осознанное использование приемов речевого воздействия является профессиональной нормой деятельности современного врача, поэтому возникает необходимость изучения способов речевого взаимодействия врача и пациента, анализа речевых конструкций и оценка их эффективности. Реклама медицинских клиник является важным инструментом для привлечения пациентов и увеличения клиентской базы. В Корее, как и в других странах, медицинские клиники используют различные речевые стратегии и тактики, чтобы привлечь внимание потенциальных пациентов. Осознанное достижение цели с минимальными затратами невозможно без планирования деятельности. Г. Г. Почепцов отмечает, что «успешный коммуникатор ведет свою коммуникацию по заранее проверенному пути... Профессионал достаточно четко прогнозирует дальнейшее поведение своей аудитории, основываясь на апробации предлагаемых подходов» [Почепцов, 2001, с. 47–48]. Мы рассмотрим некоторые из этих стратегий и тактик.

1. Первая стратегия – апелляция к эмоциям. Многие медицинские клиники в Корее используют эмоциональную рекламу, чтобы привлечь внимание потенциальных пациентов. Это может быть сделано путем использования сильных эмоциональных образов, таких как счастливая семья или успешный бизнесмен, который благодаря медицинской помощи стал еще успешнее. Такие образы создают положительные ассоциации с клиникой и помогают привлечь внимание потенциальных пациентов.

2. Вторая стратегия – обращение к авторитету. Многие медицинские клиники в Корее используют авторитетные источники: опыт известных врачей или известные научные исследования, чтобы показать свой уровень и качество медицинской помощи. Это может быть сделано путем публикации научных статей в медицинских журналах или участия в медицинских конференциях.

3. Третья стратегия – проведение акций и объявление скидок. Многие медицинские клиники в Корее используют скидки и акции, чтобы привлечь внимание потенциальных пациентов. Это может быть сделано путем предоставления скидок на первое посещение или на определенные медицинские услуги. Это помогает привлечь новых пациентов и увеличить клиентскую базу клиники.

4. Четвертая стратегия – использование реферальной системы. Многие медицинские клиники в Корее используют реферальную систему, чтобы привлечь новых пациентов. Это может быть сделано путем предоставления бонусов тем пациентам, которые приводят новых пациентов в клинику. Это помогает увеличить клиентскую базу клиники и создать доверительные отношения между клиникой и пациентами.

5. Пятая стратегия – обращение к целевой аудитории. Многие медицинские клиники в Корее используют целевую аудиторию, чтобы привлечь внимание потенциальных пациентов. Например, клиника может нацелиться на пациентов, страдающих от конкретного заболевания, и использовать соответствующую рекламу и терминологию, чтобы привлечь внимание этой аудитории.

6. Шестая стратегия – использование технологий и инноваций. Многие медицинские клиники в Корее используют современные технологии и инновации, чтобы привлечь внимание потенциальных пациентов. Это может быть сделано путем использования телемедицины, электронной медицинской записи или других средств связи, которые помогают улучшить качество медицинской помощи и сократить время на обслуживание пациентов. В целом реклама медицинских клиник в Корее включает в себя различные речевые стратегии и тактики, которые помогают привлечь внимание потенциальных пациентов и увеличить клиентскую базу клиники. Если эти стратегии и тактики применяются правильно, они могут помочь медицинским клиникам привлечь новых пациентов и улучшить качество медицинского обслуживания.

Приведённые стратегии и тактики медицинского дискурса показывают, что применение врачом эффективных коммуникативных стратегий и тактик является важным условием гармоничного общения с пациентом. Обычно стратегия рассматривается как искусство руководства, основанное на правильных прогнозах относительно цели, а тактика (точнее, тактики) – как приемы, способы достижения этой цели. В широком смысле коммуникативная стратегия может определяться как тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен планом достижения глобальной

и локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа и соотносится с ним [Романов, 1988, с. 103].

С. В. Майборода выделяет следующие предпосылки речевого воздействия: «психологические (склонность сознания преувеличивать роль человеческих намерений и действий и недооценивать объективные факторы и случайности); когнитивные (изменение картины мира адресата); коммуникационно-семиотические (манипулирование языковыми формами в определенных целях); структурно-семиотические (одна и та же ситуация действительности может быть проинтерпретирована по-разному) и др.» [Майборода, 2016, с.882].

Покажем на примерах реализацию речевых тактик, которые используются в рекламной печатной продукции медицинской клиники «Сон»:

1. Акцент на заботу о здоровье, напр.: *Мы заботимся о вашем здоровье, чтобы вы могли наслаждаться жизнью в полной мере!*

2. Внимание к новым технологиям и новейшему оборудованию, напр.: *У нас есть новейшее оборудование, которое дает нашим специалистам возможность лучше заботиться о вашем здоровье.*

3. Удобство и доступность: напр.: *Мы находимся в самом сердце города, наша клиника доступна для всех, и мы всегда готовы принять вас в любое время.*

4. Экспертиза и профессионализм, напр.: *Наша команда имеет более чем 20-летний опыт в медицинской практике, что гарантирует нашим пациентам высочайший профессионализм и заботу.*

5. Поддержка и доверие, напр.: *Более 95% наших пациентов рекомендуют нас своим друзьям и близким. Мы гарантируем, что наша клиника даст вам все необходимое для полного выздоровления.*

Успешные речевые стратегии зависят от культурных особенностей пациента, например, пациентов из России. Исследование было проведено в корейской международной клинике в крупном госпитале общего профиля (больница А, клиника «Сон»). Участник-исследователь наблюдал за их консультациями у различных врачей в течение более 18 месяцев. Пациентам был предложен вопросник, содержащий девять открытых вопросов объективного и субъективного типов.

Фрагмент вопросника для пациентов клиники «Сон»

Объективный опыт	Субъективный опыт
Вы когда-нибудь ощущали, что у Вас есть проблема с алкоголем?	Ваш врач Вам когда-нибудь говорил, что у Вас высокое артериальное давление?
Вы не любите, когда Вас критикуют?	Вам когда-нибудь говорили, что у Вас высокий уровень холестерина в крови?
Вы когда-нибудь ощущали раздражение от громкого звука?	Вы проезжаете на автомобиле более 25 000 миль в год?

Лингвистическая прагматика вопросов ставит своей целью выявить наиболее объективную информацию о состоянии здоровья пациента. Одна из стратегий – это использование вопросов, нацеленных на имплицитное выявление факторов риска, напр.: *Вы проезжаете на автомобиле более 25 000 миль в год?* В данном вопросе имплицитно присутствует информация о риске тромбоза глубоких вен.

Полученные результаты показывают, что личные рекомендации знакомых и первое знакомство с международной клиникой являются двумя наиболее важными факторами, стимулирующими самые первые визиты; респонденты очень довольны больницей и клиникой; пациенты в основном довольны своим общением с корейскими врачами и персоналом международной клиники, но не в такой степени с сестринским и административным персоналом, особенно когда международная клиника закрыта или недоступна; то, что респонденты считают сильными сторонами больницы, на самом деле является тем, что большинство крупных больниц общего профиля в Корее обычно оснащены такими технологиями, как междисциплинарная коммуникация между различными отделениями, которой способствует совместное использование медицинских записей; с другой стороны, респонденты считают больницу несколько нечувствительной к конфиденциальности пациентов, чистоте и потребностям пациента в общении с врачами и международной клиникой; будущим посетителям может оказаться полезным быть лучше информированными о существовании самой международной клиники, ее особенностях, которые есть у всех крупных больниц общего профиля в Корее, простая карта или поэтажные планы больницы и более информативные веб-страницы на английском языке. Настоящее исследование призвано сбалансировать и дополнить исследования по межкультурной коммуникации, использованию речевых стратегий в области здравоохранения в Корее, привлечь иностранных пациентов, посещающих крупные больницы общего профиля.

Этнографическое исследование межкультурной коммуникации в области здравоохранения является важным инструментом для понимания и улучшения качества медицинской помощи, которая оказывается людям различных культурных групп. В ходе этого исследования используется методология этнографии, которая позволяет получить более глубокое понимание межкультурных различий между пациентами и медицинским персоналом. В рамках этого исследования проводятся наблюдения за коммуникацией между различными культурными группами, а также опрос как медицинских работников, так и пациентов. Изучаются не только лингвистические особенности общения, но и культурные нормы, ценности и представления о здоровье и болезни. Результаты этнографического исследования могут быть использованы для создания рекомендаций по улучшению межкультурной коммуникации в области здравоохранения. Например, на основе этих результатов можно разработать курсы повышения квалификации для медицинского персонала, которые помогут им лучше понимать культурные особенности своих пациентов и эффективнее общаться с ними. Таким образом, этнографическое исследование межкультурной коммуникации в области здравоохранения является важным инструментом для улучшения качества медицинской помощи и создания инклюзивной среды для пациентов из различных культурных групп.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вежибская, А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251–275.
2. Майборода, С. В. Особенности коммуникативной стратегии воздействия на адресата в рамках устного медицинского дискурса / С. В. Майборода. // Молодой ученый. – 2016. – № 1 (105). – С. 880–883. – URL: <https://moluch.ru/archive/105/24962/> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Паршин, П. Б. Речевое воздействие. – URL: http://www.krugosvet.ru/articles/96/1009_689/print.htm (дата обращения 10.04.2023).
4. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. 656 с.
5. Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М., 1988.
6. Фильцова, М. С. От понятия к номинации: идеографическое описание единиц с зависимым инфинитивом в русском языке // Молодой ученый. – 2015. – № 14. – С. 603–607.

УДК 811.11:811.521

Когнитивное конструирование дискурса «отмены»

(на материале японских и американских блогов и форумов)

Казыдуб Н. Н., Сибирский федеральный университет, д.ф.н., профессор, Россия

Александрова А. А., Сибирский федеральный университет, магистрант, Россия

Вторая половина XX века является ключевым этапом в становлении лингвистики как самостоятельной науки, поскольку именно в это время произошел переход от системно-структурной к антропоцентрической парадигме. Антропоцентризм на протяжении продолжительного времени являлся одним из ключевых принципов лингвистических исследований, однако все больше ученых склонны выделять новые парадигмы, одной из которых является коммуникативная.

В фокусе современных коммуникативных исследований находится понятие «дискурс». В широком смысле дискурс есть «комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем), в определенном временном, пространственном и прочем контексте» [Ван Дейк, 2000, с. 7].

Одним из наиболее актуальных методов исследования дискурса выступает метод его конструирования. Согласно исследованиям С. Н. Плотниковой, дискурсивное конструирование – это процесс описания в дискурсивном продукте реального мира адресантом, характеризующим этот мир, исходя из индивидуальной оценки [Плотникова, 2014, с. 41]. При помощи дискурсивного конструирования «создается и объективируется настоящее, поскольку дискурс возникает в текущий момент повседневной жизни» [Плотникова, 2014, с. 42]. В процессе конструирования дискурс становится непосредственной реальностью для человека [Там же].

На современном этапе развития общества феномен «культура отмены» является двигателем общественных изменений, соответственно, создает реальность, выгодную для его акторов. «Культура отмены» или «Cancel Culture» (от англ. «cancel» – отменять, «culture» – культура) – относительно новое понятие, получившее терминологический статус в 2019 году по версии словаря австралийского английского языка Macquarie Dictionary [Macquarie Dictionary, URL]. Данный словарь определяет культуру отмены как «обстановку в обществе, при которой группа людей требует или самостоятельно

добивается прекращения поддержки медийной личности в ответ на социально неприемлемые действия или высказывания» [Там же].

Согласно словарной статье электронного словаря Merriam-Webster, культура отмены представляет собой не что иное, как «практику или тенденцию к массовой отмене, а также способ выражения неодобрения и оказания социального давления» [Merriam-Webster, URL]. Данное определение тесно связано с предыдущим, поскольку рассматривает лишь его социальную природу.

Однако в процессе исследования социальных практик «отмены» стало ясно, что они имеют не только ожидаемый морально-этический, но и политический подтексты [Фефелов, 2022, с. 127]. Культура отмены является эффективным инструментом для формирования дискурса власти [Дашинимоев, 2021, с. 23]. Акторами выступают представители правящих партий, монополий, контролирующие баланс власти в обществе, а также борцы за социальную справедливость, занимающиеся идеологической и пропагандистской работой [Там же].

Эффект «отмены» конструируется на когнитивном уровне посредством (лингво)когнитивных механизмов. Под данным термином ученые подразумевают способы мысленной модификации, моделирования и конфигурации различных концептуальных структур [Маслова, Попова, 2015, с. 82].

В исследовании И. А. Якобы используется термин «лингвокогнитивные механизмы» [Якоба, 2020]. Выявление и конструирование лингвокогнитивных механизмов рассматриваемого дискурса могут быть использованы для определения его эффективности, т.е. достижения цели коммуникации [Якоба, 2019, с. 73]. Исследователь выделяет такие когнитивные механизмы, как: умная сила, жесткая сила, драматизация, гиперболизация, интенсификация, бютизация, единение, оппозиция, параллелизм, проповедь, дрейфование, аксиологический сдвиг, фреймирование, рефреймирование, фасцинация, инспирация, спин-докторинг, ритмический «откат», дистанцирование, псевдодискуссия, стрессинг [Якоба, Тимофеев 2015, с. 271–272].

В рамках данной статьи был проведен анализ 2-х социальных практик культуры отмены. Эти случаи были выбраны для исследования по причине актуальности и широкого резонанса среди представителей американской и японской культур. Наиболее громким примером бойкотирования модного бренда в США является отмена Balenciaga. В одной из рекламных компаний моделями являлись дети, держащие в руках мягкие игрушки-сумки, затянутые в португали из черной кожи. В соцсетях модный дом обвиняют в сексуализации детей [The Guardian, URL]. В Японии отмене подвергся бренд Dolce & Gabbana за кампанию под названием DG Loves China, в которой азиатская модель пытается есть типично итальянские блюда с помощью палочек и с трудом справляется с этой задачей. Реклама бренда была признана расистской, так как интернет-юзеры посчитали оскорбительным то, что представитель азиатской культуры «не дотягивает» до стандартов более привилегированной, европейской [High-Brands, URL].

Наиболее частотными оказались когнитивные механизмы интенсификации, проповеди, спин-доктринга, стрессинга, единения и демонстративного дистанцирования.

Лингвокогнитивный механизм *интенсификация* используется пользователями для создания эффекта напряжения. Он выражается посредством метафор, сравнительных конструкций, приема градации и «когнитивного каскада» [Якоба, Тимофеев, 2015, с. 272]. При этом важно, чтобы каждая новая конструкция в тексте была более эмоционально-экспрессивной, чем предыдущая [Там же].

Пример 1:

The kids' eyes are blacked out, champagne glasses, wine glasses, a heart dog bed, a dog collar, leash, stuffed animals in bondage gear, and court documents about child abuse.

#Balenciaga needs to be #cancelled

[«Затуманенные взгляды детей, бокалы с шампанским, вином, подстилка для собак в форме сердца, собачий ошейник, поводок, связанные мягкие игрушки и судебные документы по делу о насилии над ребенком_(Перевод здесь и далее выполнен А. А. Александровой)].

... #Balenciaga нужно #отменить»]

Наращение напряжения в примере из американского Twitter реализуется при помощи перечисления элементов шокирующей ситуации (blacked out eyes, champagne, wine glasses, a heart dog bed, a dog collar, leash, stuffed animals, court documents) и приема градации.

Перечисление начинается с описания взгляда детей-моделей, а заканчивается упоминанием судебных документов по делам о насилии. Завершающий факт получил наибольший резонанс среди пользователей, что дает право назвать его пиком смысловой значимости в предложении. Концентрируя внимание аудитории на документе с обвинением в насилии над детьми, автор поста добивается общественного порицания компании, популяризирующей провокационную для общества тему.

Пример 2:

ドルチェ & ガッバーナ、中国人民に向かって謝罪。以前なら中国はウンコのような国と言われても沈黙したというか、「犬と中国人入るべからず」のような白人による中国人差別を噛み締めてきた歴史があるわけだ。

[«Dolce & Gabbana приносят извинения китайскому народу. В прошлом Китай молчал, даже когда его смешивали с грязью. Было время, когда белые люди дискредитировали китайцев, говоря «китайцам и собакам вход воспрещен»].

Автор японского твита использует прием обобщения, 白人 [белые люди], для создания негативного образа всех представителей Запада. В посте также представлено градуальное перечисление фактов: сначала упоминается общий факт («ウンコのような国» [его смешивали с грязью]), а затем – более конкретный («犬と中国人入るべからず» [китайцам и собакам вход воспрещен]). Эмоциональное напряжение достигается за счет цитаты, в которой китайский народ сравнивается с собаками. Приводя ее в пример, пользователь указывает на предвзятое отношение европейцев к народам Азии, создавая еще больший социальный конфликт.

Лингвокогнитивный механизм *проповедь* заключается в использовании характерных для культуры отмены пропаганды и нравочений для формирования негативного образа бренда. Он реализуется в риторических вопросах, побудительных и восклицательных предложениях [Якоба, Тимофеев, 2015, с. 272].

Пример 3:

#Balenciaga needs to be #cancelled immediately!

Will you put your children to model for #Balenciaga?

[«Balenciaga нужно отменить немедленно!

А вы бы согласились, чтобы ваш ребенок был моделью для их кампании?»].

В посте на английском языке проповедь реализуется посредством восклицательного предложения в форме призыва (Balenciaga needs to be cancelled immediately!). Модальный глагол *need* выражает необходимость бойкотирования модного дома, а наречие *immediately* подчеркивает срочность реализации отмены. Риторический вопрос, адресованный массовой аудитории, показывает уверенность пользователя в своих словах, а также в том, что дети, принимающие участие в съемке, находятся в опасности.

Пример 4:

日本人は「眼鏡かけて出っ歯」って表現、中国がドルチェ & ガッバーナの動画が差別的だと指摘したのと同じように、抗議していい内容だと思うわ。

[«Выражение «японец тот, у кого очки и торчащие зубы», а еще недавнее видео от Dolce & Gabbana, оскорбляющее китайцев – не хорошие ли поводы для протестов?»].

В примере из японского блога был найден вопрос, содержащий косвенный призыв к протесту («抗議していい内容だと思うわ [не хорошие ли поводы для протестов?]). В качестве причины цитирования автор поста приводит цитату «японец тот, у кого очки и торчащие зубы», чтобы подчеркнуть дискриминацию не только китайцев, но и японцев, таким образом, настроив соотечественников против Dolce & Gabbana.

Механизм *стин-докторинг* заключается в распространении ложного факта [Якоба, Тимофеев, 2015, с. 272]. Реализация данного механизма происходит при помощи преподнесения своего личного мнения как общеизвестный факт [Там же]. Выдавая ложную информацию за истинную, пользователи манипулируют аудиторией, привлекая ее на свою сторону.

Пример 5:

Both #Adidas and #Balenciaga need to go away and be #cancelled. Both brands intended on using references to abuse and sexualizing children to boost their sales. They need to go. #BalenciagaOver #BalenciagaGroomers

[«И #Adidas, и #Balenciaga должны быть отменены. Оба бренда намеревались использовать отсылки на насилие и сексуализацию детей для увеличения продаж. Им нужно покинуть рынок. #BalenciagaGroomersOver #BalenciagaGroomers»].

В данном примере пользователь использует констатив (Both brands intended on using references to abuse and sexualizing children to boost their sales). Данный речевой акт является актом-утверждением и применяется для убеждения аудитории в истинности обвинения бренда.

Стоит отметить, что примера использования констатива среди японоязычных блогеров найдено не было. Это может объясняться склонностью японцев к высокому уровню неопределенности, избеганию оценочности. Японцы чаще используют безличные и неопределенно-личные предложения: *といわれている* [говорят, что], *とかんがえている*, *とおもわれている* [считается, что].

Лингвокогнитивный механизм *стрессинг* заключается в оказании эмоционального давления на модный дом [Якоба, Тимофеев, 2015, с. 272]. Пользователи стараются вывести руководителей из равновесия, создать для них «стрессовую» обстановку.

Пример 6:

#Balenciaga is #Cancelled WE I SUPPORT

#CHILDPREDETERS I really hope y'all burn to the floor after this

[«#Balenciaga #Cancelled WE I SUPPORT

#CHILDPREDETERS Я очень надеюсь, что вы сгорите дотла после этого»].

В американской лингвокультуре оказание давления происходит путем воздействия на эмоциональное состояние реципиента при помощи привлекающих внимание хэштегов (#CHILDPREDETERS [насилыники детей]). Поскольку пользователи преследуют цель привлечь как можно больше внимания к социальному скандалу, хэштеги выделяют графически, записывая их заглавными буквами. Кроме того, американские блогеры используют речевые акты угрозы (I really hope y'all burn to the floor after this). Угроза реализуется благодаря идиоме to burn to the floor [сгореть до тла], а также глагола to hope с семантикой надежды.

Пример 7:

ほんとにいかれとる！何様なんだ！

[«Вы действительно сошли с ума! Кто вы вообще такие!»].

Японские пользователи Twitter используют восклицательные предложения для реализации стрессинга. Постановка восклицательных знаков несвойственна для японского синтаксиса, однако пользователь добавляет их для достижения экспрессивности. Первое восклицательное предложение является речевым актом обвинения, поскольку автор публикации употребляет глагол *いかれとる* [сходить с ума] с негативной семантикой.

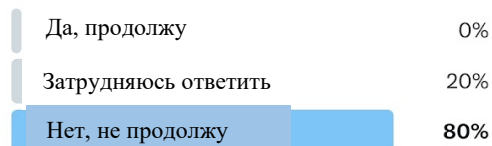
Лингвокогнитивный механизм *единения* выступает в качестве ссылки на авторитет большинства, т.е. акторов культуры отмены [Якоба, Тимофеев, 2015, с. 272]. Данный механизм сплочает пользователей, позволяя им ощутить ценность и значимость для общества, а, соответственно, и принадлежность к нему. Мнение меньшинства при этом считается неавторитетным, «неправильным».

Пример 8:

Рис. 1. <https://twitter.com/imp/0TarQAvjhEfbuHQcNnhgbWFmGvwK-AqjwyfgRQ>

7. Will you still buy and wear Balenciaga despite what the truth may be? #Balenciaga #CancelBalenciaga #cancelled

[«Продолжите ли вы покупать и носить Balenciaga даже зная правду? #Balenciaga #CancelBalenciaga #cancelled»].

В данном примере представлен скриншот с результатом анонимного опроса. На изображении видно, что 80% голосовавших отказываются приобретать продукцию бренда, за счет чего происходит корректировка ценностей пользователей социальной сети. Статистические данные, формирующие негативное отношение к Balenciaga, подкреплены риторическим вопросом «Will you still buy and wear Balenciaga despite what the truth may be?», который ставит преданных фанатов бренда в невыгодное положение.

Подобных примеров использования механизма *единения* при бойкотировании Dolce&Gabbana выявлено не было.

Демонстративное дистанцирование – механизм, который используется интернет-пользователями в конфликтной коммуникации [Якоба, Тимофеев, 2015, с. 272]. Создатели блогов отказываются от поиска компромисса, выражают полное неприятие противоположной точки зрения, подчеркивая ее незначительность для общества, и поднимают значимость своей собственной [Там же].

Пример 9:

Jeanne d'... @Jeanned1288... Nov 23, 2022 #Balenciaga is #cancelled, **I don't care what explanation they come up with. Don't mess with children!!!!**

[«Jeanne d'... @Jeanned1288... 23 ноября 2022 г. #Balenciaga #отменена, мне все равно, какое оправдание они придумают. Не трогайте детей!!!!»].

Механизм дистанцирования в посте заключается в нежелании нейтрализовать конфликт и реализуется в высказывании «I don't care what explanation they come up with» при помощи глагола *to care* [заботиться] в отрицательной форме. После этого следует императивное высказывание «don't mess with children!!!!», в котором автор приказывает представителям бренда не трогать детей. Такая структура поста указывает на полное несогласие с действиями модного дома и намерением их прекратить, несмотря на любые аргументы.

Представители японской культуры не обращались к механизму демонстративного дистанцирования при бойкотировании бренда. Причиной может являться более выраженная мягкость, присущая японцам. Исходя из анализа других случаев отмены, можно сделать вывод о том, что японцы быстрее прощают бренды, потому что уделяют большее внимание качеству товаров, а не имиджу бренда.

Таким образом, интернет-дискурс становится пространством экспликации определенного социального конфликта, осуществляемого посредством «культуры отмены», а представленные в статье лингвокогнитивные механизмы направлены на формирование негативного образа брендов, нарушающих нравственные нормы. Они задают вектор движения «отмены» и формируют образ общественно-порочного человека или бренда, выгодный для интернет-пользователей. Всего в американском дискурсе «отмены» было выявлено 19 лингвокогнитивных механизмов, а в японском – 16. Исходя из количества зафиксированных примеров можно сделать вывод, что дискурс «отмены» наиболее активно конструируется американскими пользователями, что говорит о большей подверженности американского общества социальным изменениям, а также о более активной борьбе за социальные права. Японское общество, напротив, следует за западными тенденциями, однако еще не до конца интегрировало иностранный феномен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова, С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия ВГПУ. – 2014. – № 5 (90). – С. 41–46.
2. Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. Фефелов, А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики». Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 20(1). – С.126–144.
4. Дашинамаев, Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2021. – № 1. – С. 19–24.
5. Маслова, Ж. Н., Попова Е. А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов VII Международной конференции. – Саратов: Наука, 2015. – С. 80–84.
6. Якоба, И. А., Тимофеев С. С. Лингвокогнитивные механизмы управления дискурсом: конструирование аттрактивного имиджа // Вестник ИрГТУ. – 2015. – № 1. – С. 328–332.
7. Якоба, И. А. Внешние и внутренние параметры медийного дискурса // [Ученые записки Петрозаводского государственного университета](#). – 2019. – № 3(180). – С. 94–100.
8. Якоба, И. А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Якоба Ирина Александровна. – 2020. – 399 с.
9. All about the clothes: after the scandal, Balenciaga keeps it simple in Paris // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/fashion/2023/mar/05/56tanford5656-collection-paris> (дата обращения: 24.01.2023).
10. Cancel Culture // Macquarie Dictionary. – URL: <https://www.macquariedictionary.com.au/dictionary/cancelculture> (дата обращения: 18.11.2022).
11. Cancel Culture // Merriam-Webster. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cancel%20culture> (дата обращения: 18.11.2022).
12. 大炎上で中国マーケットから撤退を余儀なく // High-Brands. – URL: <https://high-brands.com/highbrand-brand.php?id=24&stid=158> (дата обращения: 4.02.2023).

Технический перевод: роль образования и опыта в работе переводчика*Кашир В. В.*, Томский государственный университет, к.ф.н., доцент, Россия*Зуйкова А. Е.*, Томский государственный университет, магистрант, Россия

В наше время, независимо от условий, абсолютное большинство компаний работает или стремится работать в международном формате. По мере достижения этих целей и решения сопутствующих коммуникативных задач нельзя обойтись без перевода разного рода документации, в том числе и технической.

Такой вид перевода является одним из самых востребованных, сложных и ответственных, он требует от человека не только глубоко знания языка, но и осведомленности в области техники и науки.

Вопрос о том, может ли переводчик без технического образования заниматься техническим переводом, является ожидаемо актуальным и вызывает много споров. С одной стороны, это кажется мало возможным, так как для успешного выполнения поставленных задач необходимы определенные знания, уверенное владение терминологией и понимание принципов работы технического оборудования. С другой же, существует мнение, что главное в такой работе – это знание языка, умение добывать информацию и работать с ней [Климзо, 2011, с. 16].

В исследовании мы рассмотрим, какие навыки и знания необходимы для успешной работы переводчика технических текстов, а также как образование и опыт влияют на качество перевода.

Начать стоит с определения. Технический перевод – это перевод технической и специализированной документации, один из самых сложных видов перевода, требующий особого подхода. Основной задачей технического переводчика является достоверное, логически осмысленное, выдержанное в стиле документа, с учетом всей специфики терминологии, доведение информации [Котова, 2013, с. 133].

Умение грамотно взаимодействовать с подобными текстами имеет решающее значение при адаптации различных технических документов, таких как руководства пользователя, научные статьи, отчеты, патенты и спецификации. Технический перевод играет жизненно важную роль в международных деловых и научных сообществах, где высоко ценятся точность и доступность информации.

Важнейшим фактором, который следует учитывать при переводе технического текста, является надлежащее сохранение формулировок и определений, используемых в исходном материале. Переводимый контент часто относится к специализированным областям, которые имеют собственные определенные рамки понятий и жаргон, и могут быть незнакомы целевой аудитории, охватывающей людей с разной степенью знаний о предмете. Отклонение от исходного текста может иметь последствия разной степени серьезности.

Для уверенной работы с техническими текстами на разных языках требуются определенные знания, умения и понимание важнейших тонкостей. В процессе получения образования эти компетенции приобретаются естественным путем, однако лишь некоторые университеты предлагают специальные программы по обучению техническому переводу; зачастую технические переводчики – обыкновенные выпускники лингвистических и филологических факультетов.

Исследователи отмечают, что выпускники зачастую не имеют специализации в какой-либо предметной области и поэтому не вполне способны выполнять качественные переводы (прежде всего, технические) и соответствовать требованиям современного рынка. В этой связи лингвистические же и филологические факультеты в той или иной степени интегрируют технический перевод в свою программу [Троицкий, 2019, с. 58].

По результатам проводившегося в 2019 году Восемнадцатого Санкт-Петербургского конкурса молодых переводчиков «Sensum de Sensu» в номинации «технический перевод» жюри не смогло присудить ни первое, ни второе место. Как констатировала конкурсная комиссия, у молодых переводчиков возникли трудности с переводом конструкторской документации [Троицкий, 2019, с. 58].

Нельзя не отметить, что в современных условиях переводчик необходим далеко не для всех задач – с большинством вполне справляются системы машинного перевода, а потому сегодня от технического переводчика ожидают умения работать с текстом, понимания и устранения «слабостей» машинного перевода, а также качественного редактирования и понимания специфики деятельности.

Часто технические документы составляются людьми, не являющимися носителями языка, результатом чего может стать наличие грамматических ошибок и несоответствий в использовании технических терминов, создание неологизмов из-за отсутствия соответствующих знаний.

«Например, в документации на ленточный конвейер, которую писал коллектив авторов – не носителей английского языка, один и тот же объект на разных страницах был назван «feeder», «leather

belt», «feeding belt», «conveying belt» – всего было обнаружено девять разных вариантов» [Троицкий, 2019, с. 60].

Кроме того, иногда техническая литература оказывается насыщена публицистическими элементами, несвойственными специальным текстам, что противоречит российским инженерным стандартам. Также, в подобных условиях существует риск утраты ясности и лаконичности текста.

Как ни странно, переводчик, работающий с техническими текстами, часто вынужден восстанавливать документ или его фрагменты с минимальными исходными данными. Для этого ему важно обладать компетенциями по поиску, сбору, верификации информации и по пониманию тематики.

С учетом вышесказанного, возможно ли для выпускника лингвистической или филологической специальности успешно выполнить технический перевод? Да, вполне возможно.

Можно сделать ряд выводов относительно доступности технического текста неопытным филологам и лингвистам. Исследователь И. С. Шалыт уверен, что действительно достойный перевод может создать исключительно технический специалист, владеющий иностранным языком [Шалыт, 2019]. Б. Н. Климзо также считает, что инженер значительно опережает лингвиста в работе с техническими текстами и переводами. Однако эрудиция и совершенствование навыков переводчиком-лингвистом позволяет значительно продуктивнее работать с технической литературой: «Кто серьезнее относится к своей непростой профессии технического переводчика, тот и становится в этой профессии лучше» [Климзо, 2011, с. 431–435].

Первое, что важно иметь в виду при освоении технического перевода – термины, используемые в текстах, берутся исключительно из нормативной документации. «Практически на каждую область науки и техники существует ГОСТ “Термины и определения”. Знакомство с нормативно-техническими документами (ГОСТ, ЕСКД, ЕСТП) является обязательным для технического переводчика» [Троицкий, 2019, с. 60].

Применение буквального перевода в технических текстах не является допустимым, нередко популярные электронные словари выдают ошибочные результаты и годятся исключительно при условии полного понимания текста и предмета переводчиком.

Термины могут иметь различные значения в зависимости от области науки и техники, к которой они относятся. Например, в соответствии с ГОСТ 15888-90:

1) термин «nozzle» может быть переведен как «насадка» в контексте систем пожаротушения, но как «форсунка» в контексте дизельных двигателей;

2) «bearing» можно перевести как «подшипник» в контексте механизмов, но как «опора» в контексте строительных конструкций;

3) «valve» может быть переведен как «клапан» в контексте систем отопления, но как «задвижка» в контексте водопроводных систем;

4) «sensor» может быть переведен как «датчик» в контексте электроники, но как «измеритель» в контексте физики и химии.

Исходя из этого, переводчику следует обладать знаниями в области науки и техники, уметь различать ее, а также учитывать многофункциональность технической терминологии и стилистические особенности текстов оригинала и перевода.

На начальных этапах работы с переводами технических текстов невозможно переоценить значимость составления глоссариев. Переводчик постоянно сталкивается с трудностями, связанными с недостаточным количеством знаний в конкретной предметной области и о постоянно обновляющемся ноу-хау. Для успешного выполнения переводческой работы необходимы навыки ведения глоссариев, использования ГОСТов и других стандартов, которые помогут переводчику анализировать возможные трудности и находить пути их решения.

Стилистика технических документов также четко обозначена в государственных стандартах. В ГОСТ 2.601–95 сказано: «6.4. В тексте документа при изложении указаний о проведении работ применяют глагол в повелительном наклонении» [ГОСТ, 2006, с. 32].

На основе выявленных трудностей, связанных с техническим переводом, и существующих рекомендаций (ГОСТы, стандарты, научные исследования) по обеспечению его качества, в рамках нашего исследования мы осуществили перевод мануала по техническому обслуживанию. В данной статье мы рассмотрим особенности технического перевода содержания мануала (см. Рис. 1 и Рис. 2).

Table of Contents

Topics covered in this manual are as follows:

Power & Ground Check	
Electrical Wiring	6
GFCI	7
Programming	
Jumper Positions	10
Error Conditions	
3 Flashing Dots Appearing On Keypad Display	11
3 Flashing Dots & LED Displayed	15
Display Is Flashing	19
Wrong Temperature Appearing On Keypad Display	23
FLO	25
FLC	29
Prr	31
HL	33
Troubleshooting	
Nothing Seems to Work!	37
Spa Does Not Heat!	41
Pump 1 Does Not Work!	45
Pump 2 (or Blower) Does Not Work!	49
Light Does Not Work!	53
Ozonator Does Not Work!	55
Keys Do Not Work!	57

Рис. 1. Содержание в оригинальном тексте мануала

Содержание

Мануал содержит следующие разделы:

Питание и заземление	
Электропроводка	6
GFCI	7
Программирование	
Положения переключателей	10
Ошибки	
На дисплее отображаются 3 мигающие точки	11
Отображаются 3 точки и LED-подсветка	15
Мигает дисплей	19
На дисплее отображается неверная температура	23
FLO	25
FLC	29
Prr	31
HL	33
Устранение неполадок	
Устройство не работает	37
Не нагревается вода	41
Не работает насос 1	45
Не работает насос 2 (или ВВН)	49
Не работает подсветка	53
Не работает озонатор	55
Не работает клавиатура	57

Рис.2. Содержание в переводе мануала

В контексте анализа переводческих решений могут возникнуть следующие вопросы:

1. Допустимо ли сохранение в переводе аббревиатур из оригинала?
2. Почему изменена модальность высказываний в пункте об устранении неполадок?
3. Что делать с синонимами при переводе технического текста?

Прокомментируем обозначенные вопросы.

1. Первый пункт охватывает почти все присутствующие на Рис.1 аббревиатуры. Первая из них – GFCI. Причины для ее сохранения было несколько:

а) это известное и признанное техническое наименование, которое совершенно понятно для человека, который занят в сфере или хотя бы в нужной мере заинтересован;

б) Устройства защитного подключения – УЗО – такого типа имеют определенную конструкцию и требования, поэтому с заказчиком перевода была проведена дополнительная консультация на предмет того, какой вариант устроил бы его больше.

Что касается аббревиатур FLO, FLC, Prr, HL, то сохранение исходной формы напрямую связано с механикой работы устройства. Если прочесть соответствующий раздел мануала, то становится понятно, что это не вполне аббревиатуры, а коды. При желании их можно расшифровать, но в процессе установки, эксплуатации девайса и монтажных работ данные ошибки будут всплывать на дисплее, указывая на неисправность. В связи с этим и в целях экономии усилий потребителя, перевод кодов или их адаптация признаны нецелесообразными, однако необходимые объяснения причин возникновения ошибок, в чем они заключаются и как устранить содержатся в указанных разделах мануала.

2. На примере второго пункта можно отметить публицистические ходы в виде таких формулировок, как «ничего не работает» в сочетании с восклицательными знаками. Это не связано с особенностями раздела, а скорее передает эмоции пользователя, у которого сломалась техника. Для соответствия переводу жанру мануала в русском тексте «эмоциональный» компонент был опущен.

3. При переводе технического текста использование синонимов (что характерно для художественного перевода) недопустимо, особенно при переводе терминов. Ошибки при определении эквивалента оригинального термина, а также замены перевода термина на синонимичные конструкции в разных частях текста являются наиболее распространенными ошибками.

Например, для устройства «pressure switch» существует несколько вариантов толкования: 1) реле давления; 2) мембранный переключатель; 3) прессостат; 4) переключатель давления.

Чтобы определить оптимальный вариант перевода термина, переводчику следует:

- а) определить термин, который официально используется для описания девайса/препарата/документа, над которыми вы работаете (ГОСТ);
- б) выяснить, какой термин предпочитает конкретный заказчик;
- в) обратиться к техническому консультанту для уточнения подходящей единицы.

Каждый из вариантов вполне жизнеспособен, однако важный момент заключается в определении того, кто именно ваш заказчик. Требования к переводу технического текста для личного некоммерческого использования и для коммерческой дистрибуции будут в разной степени опираться на официальные государственные стандарты.

Также, на начальных этапах работы с переводами такого типа невозможно переоценить важность составления глоссариев. Первые сложности зачастую заключаются в отсутствии знаний в конкретной предметной области, поэтому приобретение навыков ведения глоссария технических терминов, знание ГОСТов и других необходимых для переводческой работы стандартов формируют умение анализировать возможные трудности и находить пути решения.

Подводя итоги, можно отметить, что обучиться техническому переводу сложно, но вполне реально. Важно помнить, что такие тексты предназначены для очень конкретных целей, а потому к переводу просто необходимо подходить крайне ответственно. Переводческое образование в таком случае обязательно, так как формирует ряд компетенций: умение подойти к тексту, увидеть важное и второстепенное, найти информацию и применить ее. Познания в технических областях также будут крайне полезны, это может сэкономить время работы и напрямую влияет на производительность и качество работы переводчика. Однако техническое образование здесь, как ни странно, совсем не обязательно. Очень многое, если не все, в рамках науки и техники довольно строго регламентировано, оговорено и систематизировано, поэтому проявленное при изучении стандартов, вариантов и глоссариев усердие скоро окупается. Однако такая работа должна вестись целенаправленно и на регулярной основе, очень важно консультироваться с другими переводчиками-практиками и консультантами, имеющими реальный опыт работы в сфере технического перевода.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГОСТ 2.601–95 Единая система конструкторской документации. Эксплуатационные документы. – М., 2006. – 32 с.
2. Климзо, Б. Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. – 3-е изд. – М.: Р. Валент, 2011. – 488 с.
3. Котова, Ю. С. Особенности технического перевода // Язык и культура. – 2013. – № 9. – С. 133–138.
4. Троицкий, Д. И. Принципы обучения студентов-лингвистов основам технического перевода / Д. И. Троицкий, М. М. Степанова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2019. – № 28 (29). – С. 57–67.
5. Шалыт, И. С. Об обучении техническому переводу и многом другом / И. С. Шалыт. – URL: <https://www.toptr.ru/intervyu/shalyit-izrail-solomonovich,-rukovoditel-proekta-%C2%ABkursyi-prakticheskogo-perevoda-technicheskoy-dokumentaczi%C2%BB-ob-obuchenii-technicheskomu-perevodu-i-mnogom-drugom.html> (дата обращения: 10.05.23)

УДК 81

Exploring the boundaries of conceptual metaphor

(О границах понятия «концептуальная метафора»)

Мотожанец А. А., Южный федеральный университет, к.ф.н., доцент, Россия

Токарева С. М., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Starting from the middle of the 20th century, scientific world, and the humanities in particular, have witnessed the so-called “cognitive revolution”. This revolution was caused by the growing interest of scholars, working in different fields, in the studies of human mind and the ways it works. Later this process resulted in the formation of a new interdisciplinary field that is now known as cognitive science [Thagard, 2014].

Linguistics was one of the sciences that originally adopted cognitive approach. E. S. Kubryakova, one of the first Russian cognitive linguists, gives the following definition of cognitive linguistics:

Cognitive linguistics – linguistic field of studies, which focuses on a language as a general cognitive mechanism, as a cognitive tool of a system of signs that play a role in the representation (coding) and transformation of information... The results of research in the field of CL provide a key to revealing the mechanisms of human cognition in general, especially the mechanisms of categorization and conceptualization [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, p. 429].

In other words, cognitive linguistics (CL) sees language as a mechanism of cognition, such as perception or memory. Moreover, from the point of view of cognitive linguistics these cognitive mechanisms (or abilities) are interconnected and mutually influenced by each other.

The whole field of cognitive linguistics is conventionally subdivided into three branches: cognitive semantics, cognitive grammar and cognitive phonology. Cognitive semantics provided the framework for one of the most representative theories of CL – cognitive metaphor theory (CMT).

The central notion of CMT, as it is seen from its name, is cognitive (or conceptual) metaphor. The term *conceptual metaphor* is traditionally associated with the names of George Lakoff and Mark Johnson. The term “metaphor” itself is not new to the Language Studies. Andrew Goatly, the author of the book *The Language of Metaphors*, gives the following definition of metaphor:

Metaphor occurs when a unit of discourse is used to refer unconventionally to an object, process or concept, or collocates in an unconventional way. And when this unconventional act of reference or collocation is understood on the basis of similarity, matching or analogy involving the conventional referent or collocation of the unit and the actual unconventional referent or collocation [Goatly, 1997, p. 8].

Nonetheless, since the emergence of CL, it started to be understood differently. The first, traditional, point of view assumes that metaphors are not necessary for human communication, i.e. they are kind of “decorative” in their nature. On the other hand, cognitive approach to the metaphor, introduced by Lakoff and Johnson in their book *Metaphors we live by*, presupposes that humans’ thinking is «fundamentally metaphorical in nature» [Lakoff, Johnson, 1980, p. 178] and «most of our indirect understanding involves understanding *one kind* of entity or experience in terms of *another kind* – that is, understanding via metaphor» [ibid]. Metaphors exist not only to make our speech more expressive, they «structure how we perceive, how we think, and what we do» [Lakoff George, Johnson, 1980, p. 4].

According to the Lakoffian point of view, every conceptual metaphor includes two concepts and the link between them. The traditional model for representing a conceptual metaphor looks like “A IS B” (for example, TIME IS MONEY, TIME IS A LIMITED RESOURCE, GLOBAL WARMING IS CRIME, etc.). In the terminology of CMT, concept “A” belongs to the so-called **target domain**, whereas concept “B” is related to the **source domain**. The third component of a conceptual metaphor is called **groundings**; groundings represent the similarities that exist between A and B. Taking into consideration the model as a whole, we can say that «characteristics of the source domain are seen as *mapped onto* the target domain» [Skinnemoen, 2009, p. 23].

Obviously, we do not use such expressions as “TIME IS A LIMITED RESOURCE” or “ARGUMENT IS WAR” directly. Sentences that are used to represent these conceptual metaphors are more likely to look in the following way:

- a. There is no time *left* to do it.
- b. You are *running out* of time.
- c. I have never *won* an argument with her.
- d. She *shot down* all of his arguments.

This brings us to the matter of distinction between conceptual and linguistic metaphor. According to Lakoff and Johnson, «metaphor is a natural phenomenon. Conceptual metaphor is a natural part of human thought, and linguistic metaphor is a natural part of human language» [Lakoff George, Johnson Mark, 2003, p. 248]. In other words, conceptual metaphors are seen as parts of humans’ conceptual system and linguistic metaphors are simply linguistic expressions that serve to represent the conceptual ones. Moreover, «linguistic expressions are only seen as potentially being realisations of conceptual metaphors, and not as necessarily being so» [Skinnemoen, 2009, p. 27]. Though it is evident that conceptual and linguistic metaphors are considered to be different phenomena, they also seem to be interrelated and even inseparable, because one of them serves as a representation of another, i.e. we cannot identify conceptual metaphors without analyzing linguistic ones. Moreover, one particular conceptual metaphor can (and even should) be represented in various ways.

Then the question arises: how is it possible to formulate one concrete conceptual metaphor on the basis of its various representations? In the article *From Linguistic to Conceptual Metaphor In Five Steps* Gerard Steen highlights this question: «It is ironic that cognitive linguists are going out of their way to show that linguistic metaphor is fundamentally conceptual, but that in doing so, they have neglected the method for showing how they get from linguistic metaphor to conceptual metaphor in the first place» [Steen, 1999, p. 58]. In his article, Steen tries «to build a bridge between linguistic and conceptual metaphor» [ibid]. The researcher suggests a five-step algorithm which can help to identify conceptual metaphors in discourse.

Steen’s process of identification of conceptual metaphor includes the following stages:

- 1) metaphor focus identification;
- 2) metaphorical idea identification;

- 3) nonliteral comparison identification;
- 4) nonliteral analogy identification;
- 5) nonliteral mapping identification.

The first step of the algorithm includes *metaphor focus identification*. Here the term *focus* refers to «linguistic expression used nonliterally in the discourse», i.e. literal meaning of the focus expression evokes a concept that does not correspond to the referents of the world, mentioned in the text.

The second step, *metaphorical idea identification*, aims at finding what is called “tenor” by Leech, “topic” by Goatly and “target” by Lakoff and Johnson. It is the identification of the literal concept, «the literal part of the metaphorical idea», as Steen names it. Moreover, it includes the investigation of the relationship that exists between the focus and the metaphorical idea with the help of propositional metaphor analysis.

The third step of the algorithm involves *nonliteral comparison identification*, which Steen explains as «to begin to set up the comparative structure that is implicit in the nonliteral mapping between domains for every conceptual metaphor» [Steen, 1999, p. 66]. At this stage it is necessary to reconstruct the implied comparison between the metaphorical focus and the metaphorical idea, in other words, to find the “groundings” of a conceptual metaphor.

The fourth step, *nonliteral analogy identification*, includes two parts: focus interpretation and vehicle identification. The focus interpretation implies finding a literal expression that can substitute the metaphorical one. Steen writes that «focus interpretation is usually more richly constrained by the context of the metaphor... Vehicle identification does not have this rich contextual constraint – it has to activate prototypical or default knowledge about the source domain» [Steen, 1999, p. 71]. The author also mentions that one of the difficulties of vehicle identification is that there may be more than one source domain which can be involved in the interpretation: «a range of possible values for the empty slots is usually possible which makes it rather difficult to hit upon the best vehicle for the eventual analogy» [Steen Gerard, 1999, p. 71]. Following Miller, Steen highlights that the 4th step of the procedure can be very interpretative in nature and underlines that interpretation must be conducted under control.

The fifth step, *nonliteral mapping identification*, «acts as a verification of step 4 in spelling out its consequences in a more complex and explicit manner» [Steen, 1999, p. 73]. This step is conducted «by filling out the conceptual structure of the two sides of the nonliteral analogy, the source and target domain» [Steen, 1999, p. 71]. In the result of the 5th step we can correlate concepts of two different domains and formulate regular model of conceptual metaphor.

To summarize all five steps, we can say that, according to Gerard Steen’s algorithm, one can move from metaphorical linguistic expression to the conceptual metaphor that underlies it by (1) identifying linguistic expressions used metaphorically in the discourse, (2) identifying the topic (or target domain), (3) identifying the comparison (or groundings) between linguistic expressions, (4) finding a literal substitute for the metaphorical expression and identifying the vehicle (or source domain) and, finally, (5) corresponding target domain to the source domain and formulating the conceptual metaphor.

Nonetheless, we can find one contradicting feature of the Steen’s suggestion – most of the examples of metaphors used in the article are more likely to be seen as poetic metaphors rather than systematic conceptual metaphors. This brings us to one of the main issues of our work: can one-shot metaphor be considered conceptual, or this is a prerogative of systematic metaphors only?

Researchers give differing opinions on this issue. Lakoff and Johnson underline the systematicity of metaphorical concepts: «Because the metaphorical concept is systematic, the language we use to talk about that aspect of the concept is systematic» [Lakoff, Johnson, 1980, p. 7]. Steen argues that a linguist cannot consider a metaphor to be one-shot or systematic unless he identifies «metaphorical expressions and determines what the conceptual nature of the metaphorical expression in question is» [Steen, 1999, p. 59]. In other words, the author claims that one firstly needs to identify conceptual nature of metaphorical expression and only then conduct additional sixth step by collecting and «comparing large amounts of metaphors, distinguishing more or less systematic groups of metaphorical concepts and labeling the largest systematic groups as conceptual metaphors» [Steen, 1999, p. 59].

However, we believe that there exists one more side of the problem of metaphorical systematicity. Namely, do one-shot metaphors contribute to the whole conceptual system? Accepting the terminology of Jorunn Skinnemoen, in the current work the term **one-shot metaphor** will be used to refer to those linguistic expressions that are found in the analyzed material as single realizations of a possible conceptual metaphor.

According to the current scientific tradition, conceptual metaphors are usually studied within a particular discourse. Since ecological problems are considered to be one of the most acute topics in today’s scientific discussion, we have decided to examine conceptual metaphors that exist within the framework of environmental

discourse. The examples presented in our work were selected from the articles and materials posted on the website of Greenpeace International (Greenpeace International, URL)¹.

The first group of examples has the following expressions:

- a. The EU has agreed to a new law *to fight global deforestation*.
- b. To all of you *fighting for this Earth*...
- c. The *fight to protect the forests* isn't over yet, but we're a major step closer!
- d. ... we should not give up *fighting for our planet*...
- e. ...countries ... are already *on the frontline of the climate crisis*.
- f. ...our go-to online place to express our climate voices, frustrations, and hopes about *protecting our planet*.

The conceptual metaphor that underlies all of the examples within this group is quite evident. The actions that are being undertaken to overcome ecological problems are represented by the words *fight* and *protect* that are used metaphorically. Parts of the metaphors that are used in their literal meaning are *deforestation*, *Earth*, *the forests*, *our planet*. It allows us to assume that the target domain of the conceptual metaphor is environment and ecological change, or, to put it in a more traditional way, *climate change*. Reconstructing the comparison, we can say that *dealing with climate change* is somehow similar to *fighting in a battle* or *protecting something from enemies*. Both of these expressions (including the phrase *on the frontline*, which is highly representative) are related to the concept of *war*. As the result, we can formulate the conceptual metaphor CLIMATE CHANGE IS WAR.

The next group of examples:

- a. No matter who you are or where you live, *clean air is everyone's right*.
- b. ...demanding that the authorities uphold the *citizens right to breathe healthy air*...
- c. *Climate change is a human rights issue*.
- d. Feeling unheard when you try *to advocate for the climate* to the people around you...
- e. ... and creating *climate justice* in the transportation sector.

Here the conceptual metaphor is not as clear as in the previous group. The first example is already formulated like a conceptual metaphor, but does any word in it express nonliteral meaning? We assume that in the examples the word *right* (literal meaning is "something that the law allows you to do") is used metaphorically. While the target domain is the same, such words as *rights*, *advocate* and *justice* correlate with the concept of *law*. We suggest that in this case the conceptual metaphor may be CLIMATE CHANGE IS A COURT CASE, and if we develop this metaphor and choose more wide-reaching concepts for target and source domain, final conceptual metaphor could be LIFE IS A COURT PROCESS.

Now we would like to analyze two metaphors that, according to the accepted terminology, can be seen as one-shot metaphors since they appeared in the selected material only one time each.

8. There's no economic growth *on a dead planet*.

The word *dead* is used metaphorically here, because in its literal meaning it can be applied only to the words that represent living beings, and *planet* is not considered to fall into this category. Still, the user of the metaphor assumes that *speaking about a living creature* is at some point similar to *speaking about planet* or that *planet* possesses some features similar to the ones of a *living being*. As a result, we can formulate the metaphor PLANET IS ALIVE, or PLANET IS A LIVING BEING since traditionally conceptual metaphors are formed through nouns. Nevertheless, we can expand the meaning of the word *dead* by considering the context of the sentence in the whole discourse, i.e. if *dead* means not only "*not alive*" but "*not alive anymore*" or "*killed*" the expression can be traced back to the conceptual metaphors CLIMATE CHANGE IS CRIME and CLIMATE CHANGE IS WAR. This example confirms Steen's suggestion about difficulties one might face when choosing the source domain of a conceptual metaphor.

The last example is also very representative:

9. *Climate change is no longer a ticking time bomb*. It is already exploding.

The same metaphorical comparison, expressed in a slightly different way (*Climate time bomb is ticking*) can be found in a large number of articles and materials. It allows us to assume that this particular linguistic metaphor is highly systematic. Nonetheless, the given example can be considered one-shot metaphor since the emphasis has changed from the *ticking time bomb* to the *exploding bomb*. Following the first three steps of the algorithm, we identify expression with nonliteral meaning (*time bomb*), target domain (climate change) and nonliteral comparison (the consequences of climate change are similar to the consequences of a bomb exploding).

¹Greenpeace International включен в список ресурсов, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации

Now we encounter a problem with the choice of the source domain. If to suggest that the expression *time bomb* is related to the concept of *war*, the conceptual metaphor again will be CLIMATE CHANGE IS WAR. However, *exploding* or *ticking time bomb* can also be attributed to the concept of *terrorism*, which leads to the conceptual metaphor CLIMATE CHANGE IS CRIME.

In the current work we have made an attempt to determine the relationships that exist between conceptual metaphors and their linguistic representations in the discourse. In particular, the aim was to describe a method through which linguists can “build a bridge between linguistic and conceptual metaphor”. The findings of this study imply that five-step algorithm suggested by Gerard Steen is highly effective for this purpose, though some steps require further development. Our work also elaborates on the issue of systematicity of conceptual metaphors. This issue still remains discussable: if the need arises, the researcher may conduct the 6th step of the abovementioned algorithm in order to identify whether a concrete conceptual metaphor is systematic or not. Moreover, the results of this research support the idea that one-shot linguistic metaphor can serve as a representation of systematic conceptual metaphor.

However, the scope of the current work was limited in terms of analyzed material. Considerably more work is required to explore the boundaries of conceptual metaphor. Future research should therefore concentrate on the investigation of more detailed methods of conceptual metaphor analysis.

SOURCES AND LITERATURE

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. Ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. Ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
2. Goatly, A. The language of metaphors / Andrew Goatly. – London and New York: Routledge, 1997. – 372 p.
3. Greenpeace International / – URL: <https://www.greenpeace.org/international/> (date of address: 16.02.23).
4. Lakoff, G. Metaphors we live by / Georgy Lakoff, Mark Johnson. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980, 2003. – 243, 277 p.
5. Miller, G. A. Images and Models, Similes and Metaphors / G.A. Miller // Metaphor and Thought, 2nd ed. Editor: A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – pp. 357–400.
6. Semino, E. Methodological problems in the analysis of metaphors in a corpus of conversations about cancer / E. Semino [et al.] // Journal of pragmatics, 36. – 2004. – pp. 1271–1294.
7. Skinnemoen, J. Metaphors in climate change discourse / Jorunn Skinnemoen. – Masteroppgave, University of Oslo, 2009. – 147 p.
8. Steen, G. J. From linguistic to conceptual metaphor in five steps / Gerard J. Steen // Metaphor in Cognitive Linguistics. – 1999. – pp. 57–77.
9. Thagard, P. Cognitive Science / Paul Thagard // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Metaphysics Research Lab, Stanford University, 1996. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/cognitive-science/> (date of address: 10.04.23).

**АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И АСПИРАНТОВ:
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ**

УДК 821.134.2

Мотив преодоления физических и духовных препятствий в романе Р. Анайя «Тортуга»

Абрамова Е. М., Забайкальский государственный университет, аспирант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Воронченко Т. В., Россия

Литературе для и о людях с особенностями здоровья отведено отдельное место в мировой системе литературных произведений. Существует некий пул произведений, в которых тема болезни раскрывается в той или иной степени. Одним из таких произведений является роман «Тортуга».

Роман «Тортуга» – это автобиографический роман американского писателя мексиканского происхождения Рудольфо Анайя, ведущего представителя литературы чикано. Работы автора представляют собой глубоко мифологизированные тексты, насыщенные образами мексиканской и индейских культур [Воронченко, 2019].

Самыми известными произведениями автора является автобиографическая трилогия, состоящая из романов «Благослови меня, Ультима», «Сердце Ацтлана» и «Тортуга».

«Тортуга» – это роман, который повествует о физическом и духовном взрослении молодого человека. Главный герой романа – это мальчик-калека, больной полиомиелитом (детский спинномозговой паралич), который совершает паломничество через пустыню в больницу на юге Нью-Мехико для тяжело больных детей, где проходит путь исцеления от своей болезни.

В больнице мальчику наложили гипс, который стал своего рода панцирем, за что его прозвали «Тортуга» – в переводе с испанского – «черепаха». Тортуга выступает в роли главного героя и рассказчика. Сравнение мальчика с черепахой легко понять – гипс покрывает почти все его тело и укрывает от внешнего мира во время входа в магическое пространство на период его исцеления.

Читатель наблюдает, как герой проходит через многочисленные препятствия, образующие своеобразные «уровни», которые необходимо преодолеть на пути к цели – исцелению. В больнице герой взаимодействует со взрослыми – персоналом больницы, и другими больными детьми – «трагикомичной труппой». В романе говорится о физической и духовной борьбе молодого Тортуги за исцеление, о поиске своего предназначения – духовного лидера, символа, судьба которого – «пророчески воспевать человечеству страдание и возрождение» [Анауа, 2004, с. 196].

Главный герой поступает в больницу беспомощным, неподвижным сломленным ребенком, который не может контролировать даже собственное тело, и, пройдя путь мифических поисков, сопровождающихся физическим исцелением, выйдет уже уверенным взрослым. Цель мальчика – укрепить себя до такой степени, чтобы сломать защитную, но тяжелую оболочку, чтобы быть готовым покинуть безопасное пространство больницы и вступить в мир сильным, уверенным взрослым. Для того, чтобы пройти этот путь, главный герой оставляет свой дом, семью и тесно связывается с больницей и местностью, на которой она стоит, – волшебной горой, которая называется Тортуга. Гора тоже похожа на черепаху, которая спит зимой и пробуждается к весне – вместе с ней пробудится и главный герой. Гора является источником термальных целебных вод, которые подаются в больницу, а пациенты исцеляются, принимая в них ванны. Герой ассоциирует термальные воды с «теплой мочой Тортуги» [Анауа, 2004, с. 98], которая несет в себе полезные исцеляющие свойства.

В романе есть события, которые являются ключевыми в становлении героя – одни переживаются во сне, другие – в реальности. Лечение в больнице, гипсовая повязка, почти полное утопление – это символические надстройки, которые необходимы для инициации героя. Герой нуждается в этих испытаниях, чтобы подготовиться к дальнейшей жизни и к своей миссии. Мир больницы сам по себе представляет самодостаточную единицу, микрокосмос внешнего мира. Роман «Тортуга» – это роман архетипической структуры, в основе которого лежит архетип путешествия героя. Каждый персонаж, созданный автором, функционирует во имя определенной цели. Соломон выступает в роли святого мудреца и учителя Тортуги, а идеальный женский образ – Исмельда – становится моральным проводником и любовью главного героя.

В основе романа лежит синтез культур – древней индейской культуры, элементы культуры чикано [Воронченко, 2010]. Роман вбирает в себя множество мифов, верований, обрядов и традиций – как традиционных индейских, так и христианских [Воронченко, 2016]. Основным образом романа является

черепаха, которая в мифологии североамериканских индейцев является источником мироздания и одновременно рубежом между жизнью и смертью, ведь на своем панцире черепаха несет землю.

Преодолевая физические и духовные препятствия, главный герой романа «Тортуга» находит свое единение в гармонии с миром природы. Проходя испытания во время своего магического путешествия, герой ощущает себя частью природы: растений, животных, гор, живительных источников и людей. Стремление нести людям вдохновение, понимание ценности жизни становится главной ценностью и стимулом жить для главного героя. В начале романа из-за страданий, причиняемых болезнью, мальчик испытывал внутренние конфликты: злость и обиду на Бога, который не отвечает на его молитвы, сомнения в существовании Бога, допускающего такие страдания. Но постепенно в единении с природой и волшебной горой главный герой набирается оптимизма. Он понимает, что без боли нельзя исцелиться, что боль напоминает ему о том, что он все еще жив. По мнению главного героя, лучше чувствовать боль, чем совсем ничего не чувствовать. Отличительной чертой романа является то, что автор придает целительные силы природе, и те герои, которые оказываются ближе к природе, как Тортуга, исцеляются. Тортуга нашел свое исцеление во вдохновении, в вере в жизнь, которую он получил благодаря созерцанию, понимая красоты и величия природы, которое заставило его осознать, что терпение, решимость и искренность рождают волю к жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Воронченко, Т. В. Мексикано-американский дискурс в литературе США: монография / Т. В. Воронченко. – Чита: ЗабГУ, 2019. – 256 с.
2. Воронченко, Т. В. Синтез культур в историческом развитии Юго–Запада США (на материале мексикано–американской литературы) / Т. В. Воронченко // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2010. – №3. – С. 118–121.
3. Воронченко, Т. В. Мифопоэтика в творчестве мультикультурных писателей США XX–XXI веков (Л. Эрдрич, Р. Анайя, А. Моралес, Ч. Дивакаруни) / Т. В. Воронченко, Е. В. Федорова // Вестник УРАО. – 2016. – №5. – С. 38–45.
4. Anaya, R. Tortuga. 25th Anniversary Edition / R. Anaya. – New Mexico: University of New Mexico Press, 2004. – 208 p.

УДК 930.2

Розеттский камень: роль в расшифровке иероглифов и переводе текстов

Азар С., аспирант, Южный федеральный университет, Сирия

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Паниотова Т. С., Россия

В семнадцатом веке востоковедение и изучение древних цивилизаций Востока стало одним из самых массовых занятий в Европе, и в этот период Египет посещали многие путешественники и описывали его в своих книгах. В результате этой работы Египет и его артефакты получили освещение в новостях мира и в Египет стали стекаться иностранные миссии для проведения раскопок в различных археологических районах, а также для реставрации некоторых артефактов, их описания и копирования надписей и рисунков. Но несмотря на все усилия ученых, оценить истинную роль всех этих памятников в полном объеме на тот момент не представлялось возможным. Перед учеными стояла задача разгадать иероглифы и научиться их читать.

Как известно, использование иероглифов в письменной форме прекратилось примерно в четвертом веке нашей эры. Тайна этого письма во все времена вызывала любопытство у иностранцев. С древних времен его пытались понять греки, такие как преподобный Климент Александрийский (христианский писатель и врач (150–211 гг. н.э.), интересовавшийся египетским языком, живший во втором веке нашей эры и пытавшийся достичь каких-то результатов в попытках прочесть это письмо. В середине четвертого века нашей эры путешественник и историк Горабауллон (чьи труды считаются одним из источников по истории древнеегипетской цивилизации) написал несколько глав, с некоторой точностью объясняющих происхождение иероглифического письма, а до него это сделал Черемон (Cheremon), который был философом и лингвистом (54–68 гг. н.э.) и руководил музеем, Александрийским институтом или домом ученого совета «Мусейон».

В середине семнадцатого века начались продолжительные попытки расшифровать древнеегипетские имена, в результате чего ученые пришли к выводу, что дошедшие до нас тексты могут быть объяснены и истолкованы через коптское письмо, которое было лишь итогом развития письменности древнеегипетского языка.

Розеттский камень и его значение в расшифровке иероглифов.

Во время французской кампании в Египте, а именно в августе 1799 года, одному из наполеоновских офицеров по имени Бушар (Bouchard) было поручено вести наблюдение за строительством крепости Святого Юлиана близ Рашида, в 70 км к востоку от Александрии. В процессе раскопок фундамента был обнаружен черный базальтовый камень (его длина составляет 113 см, ширина 75,5 см, толщина 27,5 см.), на котором был текст, написанный на древнеегипетском языке двумя письменами: иероглифическим письмом, состоящим всего из четырнадцати строк и демотическим письмом из тридцати двух строк [Parkinson, 2005, p. 33]. Что же касается имевшего место текста, написанного на греческом языке, то он состоял из пятидесяти четырех строк. Эта находка получила название «Розеттский камень» в соответствии с местом, где он был найден. Текст этого камня был опубликован в книге «Описание Египта» и письмена этого камня стали в то время предметом интереса многих ученых в мире.

С 1802 года ученые пытались прочесть эти шрифты и узнать их тайну, и газета «Le courrier d'Egypte» опубликовала статью, где говорилось, что греческий текст – не что иное, как дословный перевод египетского текста, написанного иероглифическим и демотическим письмом. Предлагалось сравнить три вида письма, которые различались по способу написания и форме, но совпадали по смыслу и содержанию. Фактически греческий язык на этом камне был единственным известным языком, и перевод греческого текста раскрыл его смысл: это был указ, утвержденный Синодом жрецов Древнего Египта по поводу празднования первой годовщины коронации царя Птолемея V Епифана, царя Египта в 196 г. до н.э. Благодаря этому царю, жрецы признали египтян и жрецов, которые давали им дары и подарки. Он также расписал, обновил, и построил много храмов и часовен, и наделил их дарами и землями.

Что касается двух других текстов, то один из них состоял из изобразительных символов, очень похожих на те знаки и письмена, которые можно видеть в египетских древностях: это буквы, которые Климент Александрийский назвал иероглифическим письмом (имея в виду священное письмо). Что касается другого письма, которое получило название демотического письма, то оно совершенно было иным, чем-то похожим на арабскую вязь. Оно представляет собой краткий текст, используемый в качестве популярного шрифта и написанный на папирусе в позднюю эпоху. Этот язык существовал в период между позднеегипетским языком и коптским языком [Adkins, 2000].

Задача казалась простой, так как существовал текст, написанный на известном языке и переведенный на два совершенно неизвестных языка, поэтому решение состояло в том, чтобы попытаться расшифровать символы этих языков, сравнивая положения всех трех текстов, чтобы достичь понимания их значения и местонахождения каждого слова в предложении. Но при применении этого метода ученые потерпели неудачу. Начало иероглифического текста было раздроблено, и непонятно, сколько строк было утеряно, и демотический текст оставался единственным текстом, дошедшим до нас в целостности. Считалось, что греческий текст поможет в расшифровке иероглифических символов, но и эта попытка не привела к успеху.

Соответственно, ученые обратились к другому методу, который заключался в изучении каждого текста в отдельности. Некоторые ученые взяли греческий текст и перевели его на современные языки, такие как английский, французский и немецкий. Шведский дипломат Д.Окерблад, проживавший в Париже с 1802 г., выделил буквы из греческих имен в демотический текст, и так ему удалось идентифицировать почти весь алфавит.

Затем английский естествоиспытатель Томас Юнг (Thomas Young), который был одним из известных ученых своего времени, заметил связь между иероглифическими и демотическими строками, поэтому он разделил демотический текст на 86 групп слов. Он предположил, что прямоугольные вставки содержат имя короля, королевы, принца, принцессы или одного из божеств. Он сравнил картуш царицы Береники со знаменитым картушем Птолемея и показал в своих исследованиях, что может распознавать две буквы алфавита: альфа и ту, которые предназначались для употребления в конце существительных женского рода. Но он оставил некоторые знаки, не объяснив их, что привело к ряду ошибок, и его исследования содержали многие неправильные выводы. Поскольку Юнг был занят многими исследованиями, он оставил предмет одному из французских учителей средней школы в Гренобле, Жан-Франсуа Шампольону [2005, بدج ترجمة هشام الحناوي، [Budge, 2005].

Роль Шампольона (1790–1832) Champollion

Шампольону было десять лет, когда его двоюродный брат, командор Шамбольтон, вернулся из Египта и показал ему нарисованную копию Розеттского камня. С самого начала он готовился сделать перевод этого текста, начал изучать арабский, иврит, халдейский, сирийский, персидский и кушитский языки и жадно следил за исследованиями своих предшественников, которые остановились на полпути. Он задавался вопросами: является ли древнеегипетский язык с его иероглифической и демотической

письменностью понятийным письмом? Выражает ли каждый знак определенную идею? Имеют ли письмо и каждый знак в нем фонетическую коннотацию, как это встречается в современных языках, и является ли письмо буквенным или слоговым? И все эти вопросы мучили Шампольона, а поскольку Кирхер уже в середине семнадцатого века дошел до истоков древнеегипетского языка, все еще сохранявшихся в коптском диалекте, на котором говорили монахи в Египте до девятнадцатого века, Шампольон прибег к изучению диалекта. Но его изучение коптского языка было лишь подготовкой к изучению текстов Розеттского камня.

После глубоких размышлений и серьезных исследований Шампольон пришел к выводу, заключающемуся в том, что иероглифический текст, несмотря на его искажение, содержит гораздо больше знаков, чем греческий текст. Поскольку это наблюдение нужно было объяснить, и Шампольон предположил, что причина большого количества знаков связана с тем, что древнеегипетский язык является языком символическим и фонетическим одновременно, иными словами, содержит знаки, которые читаются, и другие, которые не читаются, а скорее присутствуют в тексте для определения значения слова, поэтому исследователь попытался найти знаки, которые можно было прочесть, и он расшифровал все имена Птолемеевских царей, которые были написаны иероглифическими и демотическими буквами, а затем обратил внимание на другие слова в тексте. Так он заполнил пробелы в тексте.

Шампольон выучил множество фонетических значений нескольких слов и попытался сопоставить демотические знаки с иероглифическими знаками внутри овалов, т.е. царских картушей. Он научился читать иероглифические картуши по алфавиту и смог проверить правильность своего вывода, когда опирался на надписи на обелиске, записанные иероглифами и греческим языком в честь Птолемея и двух символов, носящих имя Клеопатры. Этот обелиск и его основание были перевезены в Англию в 1819 году и установлены в парке мистера Бэнкса в Кингстоне, графство Дорсет, а в 1821 году была подготовлена копия иероглифического и греческого текстов. Шампольон получил эту копию в 1822 году и смог заметить, что картуш Птолемея сопровождался картушем Клеопатры, и, сравнив их, он заметил, что они имеют общие буквы алфавита. С помощью этих двух картушей Шампольон смог идентифицировать тринадцать букв алфавита с двенадцатью звуками, а затем с иероглифическими именами Александра, Бриенны, Тиброса, Домициана и Траяна и некоторыми титулами римских императоров. Затем 14 сентября 1822 года Шампольон получил от инженера копии надписей египетских храмов, что развеяло его сомнения относительно места символов в древнеегипетском языке.

Постепенно он установил все буквы алфавита и азбуку и преуспел в разделении слов в предложениях и отделении предложений друг от друга в тексте, а на основе своего знания коптского диалекта он не только преуспел в чтении имени знаменитого царя Рамзеса II, но также понял его титул «Ра (бог солнца). Его сын» [Аллен, 1960, с. 527–547.]

С тех пор, как египетские храмы закрылись в четвертом веке нашей эры, мы больше не имеем возможности читать иероглифы или другие письмена или постигать их тайны, и в результате все, что считалось древнеегипетскими документами, покрылось тайной, поэтому нам остается довольствоваться тем, что было написано путешественниками, писателями и философами, посетившими Египет в древности между шестым веком до нашей эры и вторым веком нашей эры, а также в XVII–XIX вв.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Adkins, Lesley; Adkins, R. A. *The Keys of Egypt: the obsession to decipher Egyptian hieroglyphs* (англ.). – HarperCollins, 2000.
2. Allen, Don Cameron. *The Predecessors of Champollion* (англ.) // *Proceedings of the American Philosophical Society* (англ.) рус. : journal. – 1960. – Vol. 144, no. 5. – P. 527–547.
3. Andrews, Carol. *The Rosetta Stone* (неопр.). – British Museum Press, 1985.
4. Assmann, Jan; Jenkins, Andrew. *The Mind of Egypt: history and meaning in the time of the Pharaohs* (англ.). – Harvard University Press, 2003.
5. Budge, E. A. Wallis. *The Rosetta Stone* (неопр.). – British Museum, 1913.
6. David Crystal – *The Cambridge Encyclopedia of Language* – Cambridge University Press – p.: 199
7. Parkinson, Richard B. *The Rosetta Stone*. British Museum Press, 2005. P. 33.
8. كتاب حجر رشيد وكشف أسرار اللغة المصرية القديمة، تأليف بدج ترجمة هشام الحناوي، سنة 2005. (نشر المكتبة الأكاديمية)

A comparative study of the semantic fields of Chinese and English kinship terms

(Сопоставительное исследование семантических полей терминов родства в китайском и в английском языках)

Биньбинь Х., Северо-Кавказский федеральный университет, аспирант, Китай

Научный руководитель: д.ф.н., профессор, Каменский М. В., Россия

Introduction

The size and structure of a family varies in different countries, and kinship terminology is used differently in each country, so the semantic fields of kinship are also different. The Chinese family emphasizes the collective concept. That is why in China “four generations are living in one family” is the kind of happiness that most of Chinese people expects, with extended families being the focus [Смирнитская, 2022, p. 50–56].

In the United States, the nuclear family is in the focus [Chen, 2019, p. 1237–1242]. Due to the great cultural differences between two cultures, the use of Chinese and English kinship terminology can easily lead to misunderstandings in communication, so it is necessary to conduct a detailed comparison of Chinese and English kinship terminology [Смирнитская, 2022, p. 50–56]

Classification of kinship terms in Chinese and English languages

The English kinship terms field is much simpler than the Chinese one. The main kinship terms in the Chinese and English kinship fields are the following:

- (1) **Main Chinese kinship words:** 祖父(Paternal grandfather); 祖母(Paternal grandmother); 外祖父(Maternal grandfather); 外祖母(Maternal grandmother); 父亲(Father); 母亲(mother) [Chen, Tian, 2018, p. 115–126] 岳父(Father-in-law); 岳母(Mother-in-law); 丈夫(husband); 妻子(Wife); [Chen, 2019, p. 1237–1242] 兄长(Elder brother); 嫂子(Elder brother's wife); 兄弟(Younger brother); 弟媳(Younger brother's wife); 姐姐(Elder sister); 姐夫(Elder sister's husband); 妹妹(Younger sister); 妹夫(Younger sister's husband);
- (2) **Main English kinship words:** great-grandfather and great-grandmother; grandfather and grandmother; father and mother; uncle and aunt; father-in-law and mother-in-law; husband and wife [Gao, 2017, p. 72–76].

Analysis of kinship terms semantic fields

(1) Definition of semantic field analysis

The theory of semantic field is one of the most important theories of structuralist semantics [Ataboev, Rustamov, 2021]. Many scholars of the structuralist school have called it the “most productive theory”. It is the field theory that has transformed the “isolated, fragmented, atomistic” approach of traditional lexicography, turning “the open, fragmented lexical-semantic units that traditional semantics confronted into closed, systematic lexical-semantic blocks” [Ataboev, Turgunova, 2022]. Semantic field analysis is an extension of semantic feature analysis, which uses semantic features to reveal the relationships between words and words in a category or semantic field, and thus the structure of the semantic field [Ni, Xu, Zhou, 2020, p. 69–74].

(2) Semantic field analysis

According to the traditional symbolic classification, different tokens are used to indicate various categories of kinship terminology: F = father (父亲); M = mother (母亲); B = brother (兄弟); S = sister (姐妹); E = elder (年长的); Y = younger (年幼的); W = wife (妻子); [Chen, Tian, 2018, p. 115–126]; H = husband (丈夫); S = son (儿子); D = daughter (女儿); “+” = applicable; “-” = not applicable; 0 = unsure. Thus, FF would stand for “father's father”, MF for “mother's father”, FYBW for “father's younger brother's wife”, and so on. The semantic field is analyzed using the example of sibling terms (table 1) [Chen, Tian, 2018, p. 115–126].

Table 1 – Semantic field analysis of the same generation kinship terms

Language	Kinship terms	Variety	Semantic features				
			Blood relatives	Paternal	Direct	Male	Elder
English	husband	H	–	0	+	+	0
	wife	W	–	0	+	–	0
	brother	B	+	0	+	+	0
	sister	S	+	0	+	–	0
	丈夫	H	–	0	+	+	0
	妻子	W	–	0	+	–	0
	哥哥	EB	+	0	+	+	+
	弟弟	YB	+	0	+	+	–
	姐姐	ES	+	0	+	–	+

Chinese	妹妹	YS	+	0	+	-	-
---------	----	----	---	---	---	---	---

Similarities and differences in Chinese and English kinship terms

(1) Similarities between Chinese and English kinship terms

Whether in China or the United States, everyone has their own relatives. For example, the meaning of 爸爸(father) is the same. The similarity of English kinship terms includes the following aspects:

1) Metaphorical meaning: the close relationship between family members permits kinship terms express the relationship between other objects. For example, in Chinese: “the sea is like a mother”, “motherland”, “the people's son”, etc. English kinship terms also have this function in words and word combinations like “motherland”, “Mother Earth”, “mother tongue”, all of them have metaphorical meanings [Bahadur, 2010, p. 28–33].

2) Grammaticality: Chinese and English kinship terms can be divided into three levels: elegant, general and vulgar. It can also be further subdivided into five levels: cold, formal, insulting, casual, and intimate [Martin, 2020]. Take “child” as an example: offspring (elegant) – child/son/daughter (general) – kid (vulgar). In Chinese, 母亲 mother (elegant) – 妈妈 mother (general) – 娘 mother (vulgar) [Miao, 2019, p. 212–217]

(2) Differences between Chinese and English kinship terms

1) Chinese kinship terms are more centralized and English ones are more diffuse, which is caused by different family patterns in two countries [Chen, Tian, 2018, p. 115–126]. Most Chinese families is extended, while in the United States they are small. Chinese people are proud of four generations living together, so kinship relationships are very complex [Chen, 2019]. Americans believe in freedom and democracy and respect individualism. Most of them live together with children, and when their children grow up, they leave their parents to live alone [Man Guo, 2019].

2) Chinese kinship terms are categorized in many different and complicated ways, with each relative having a corresponding exclusive word, while English kinship terms are categorized in a simple way, with relatives having the same characteristics being represented by a single word [Yu, 2020, p. 943–947]. The following factors are taken into account in Chinese kinship terms but not in English kinship terms:

1) Paternal and maternal usage: there is no “paternal” usage of kinship terms in English language [Miao, 2019, p. 212–217]. The semantic feature “paternal” is not applied to English kinship words, whereas some Chinese kinship terms have this semantic feature [Chen, 2019, p. 1237–1242]. For example, 爷爷(father's father) and 奶奶(father's mother) have “paternal” features; 外公(mother's father) and 外婆(mother's mother) have “paternal” features. But in English words “grandfather” and “grandmother” do not share these characteristics.

2) Classification of elder and younger: The semantic feature of "elder" obviously does not reflected in English kinship terms, but it seen in Chinese kinship terms. For example, "哥哥 in Chinese mean both elder brother and younger brother.

3) Classification of male and female lexical use: some English kinship words do not have semantic classification of male and female lexical use.

4) The generality of Chinese kinship terms: The use of Chinese kinship terms has now gone far beyond the kinship relationship expressed by such terms and is common in the society [Chen, Tian, 2018, p. 115–126]. For example, in China parents always ask their children to call their colleagues “uncle” or “auntie” as a sign of politeness. In Western countries, in contrast to China, Americans do not use kinship terms as a term of endearment. English kinship terms are only used to indicate the relationship between two people. When meeting a stranger, they use “hello” or “stranger”. English kinship words are used much less frequently than Chinese kinship terms.

Conclusion

In China, kinship terms can express closeness, respect, and politeness. If a child calls an elder by his or her first name without using a kinship term, this is be perceived as lack of culture, parents order him or her to use kinship terms, and elders are be upset. In the USA, parents are not offended if children call each other by their first names, or even if children call their parents by their first names. Each language has its own cultural connotations and its own identity. When we communicate with people from other countries, it is important to be aware of this difference to avoid misunderstandings. Only understanding the differences in the classification and use of Chinese and English kinship words translators can convey accurately the information of the original text.

SOURCES AND LITERATURE

1. Смирнитская А. А. Дравидийские термины родства с точки зрения типологии семантических переходов. 2022. p. 50–56. https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/theses/2022/smirnitskaya_full.pdf. (Accessed: 10.04.2023)

2. Ataboev, I., & Rustamov, I. Comparative study of the functional semantic field in English and Uzbek languages. *Journal of Foreign Languages and Linguistics*, 1(1), 2021, URL: <https://phystech.jdpu.uz/index.php/fll/article/view/646> (Accessed: 10.04.2023)
3. Ataboyev, I.M., Turgunova, F.R. The concept of semantic field in linguistics. 2022. p.319–324. URL: <https://www.indianjournals.com/ijor.aspx?target=ijor:aca&volume=12&issue=3&article=054>. (Accessed: 10.04.2023)
4. Budha, J. B. Kinship Terms of Sinjali, Nepali and English. 2010. p.28–33. URL: <https://elibrary.tucl.edu.np/handle/123456789/505>.(Accessed: 10.04.2023)
5. Chen, C. A Comparative Study on English and Chinese Kinship Terms and Their Translation Strategies. *Theory and Practice in Language Studies*, 2019. p. 1237–1242. URL: <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0909.22>. (Accessed: 10.04.2023)
6. Fen, G. Functional Equivalence in Kinship Terms Translation –A Case of Shapiro’s Outlaws of the Marsh. 2017. p.72–76. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/sschd-17/25884647> (Accessed: 10.04.2023)
7. Jiying, C., Chuanmao, T. Translation of kinship terms from Chinese into English from the perspective of relevance theory. 2018. p. 115–126. URL: <https://medcraveonline.com/AHOAJ/AHOAJ-02-00042.pdf>.(Accessed: 10.04.2023)
8. Man, G. Carsten Herrmann Pillath. Exploring Extended Kinship in Twenty-First-Century China: A Conceptual Case Study. *Journal of Current Chinese Affairs*. 2019. p. 50–75. URL: <https://doi.org/10.1177/1868102619845244>(Accessed: 10.04.2023)
9. Haspelmath M. The structural uniqueness of languages and the value of comparison for language description. *Asian Languages and Linguistics*, 2020. p.346–366. URL: <https://doi.org/10.1075/alal.20032>.(Accessed: 10.04.2023)
10. Ni Yuqin, Xu Jie, Zhou Zhonghao. A Study on the Effect of Semantic Field Theme Clustering Presentation on College English Vocabulary Acquisition. *Jiangsu Higher Education*. 2020. p. 69–74. URL: <http://www.cqvip.com/qk/84309a/20202/7103314872.html>. Accessed: 10.04.2023)
11. Amery R. Language is more than communication: why we should maintain the mother tongue and promote linguistic diversity. 2019. URL: <https://jurnal.usk.ac.id/EEIC/article/view/14933>. Accessed: 10.04.2023
12. Rongmei Yu. Culture in Second or Foreign Language Acquisition. *Journal of Language Teaching and Research*, 2020. p. 943–947. URL: <http://dx.doi.org/10.17507/jltr.1106.10>. Accessed: 10.04.2023
13. Xinren Chen. ‘Family-culture’ and Chinese politeness An emancipatory pragmatic account. *Acta Linguistica Academica*. 2019. p.251–270. URL: <https://doi.org/10.1556/2062.2019.66.2.6>. <https://akjournals.com/view/journals/2062/66/2/article-p251.xml>. Accessed: 10.04.2023
14. Yan Miao. The Comparative Study of Chinese and English Kinship Terms. 2019. p. 212–217. URL: <http://www.academypublication.com/issues2/tpls/vol09/02/11.pdf>. Accessed: 10.04.2023

УДК 81-13

Понятие «эритажный язык» в современной лингвистике

Богоявленская Ю. В., Уральский федеральный университет, д.ф.н., профессор, Россия

Трункина Е. В., Сургутский государственный университет, аспирант, Россия

Эритажная лингвистика возникла сравнительно недавно, во второй половине XX века, в США. Ее ключевое понятие *«heritage language»* («эритажный» / «унаследованный» язык), появившееся в 1977 году в Канаде, определялось как любой другой язык, кроме английского и французского (государственных языков, а потому «основных», «доминантных»). С. Монтруль отмечает, что эритажный язык используется представителями языковых меньшинств. Его относят к «слабым» языкам, поскольку говорящие допускают большое количество ошибок в речи [Montrul, 2016 с. 2]. Доминантный язык чаще привлекается для решения коммуникативных задач в стране проживания, в то время как эритажный – используется в семейном кругу. В работе Т. В. Писановой, И. А. Гусейновой отмечается, что понятия билингвизма и эритажного языка применимы для описания языковой ситуации в России в ряде таких субъектов, как Алтай, Башкортостан, Татарстан, Чувашия, Якутия и некоторых других. Но, если в этих субъектах России предпочтение отдается русскому языку, понятие эритажного языка здесь применяться уже не может. Жителей территории постсоветского пространства (страны СНГ, Прибалтики и ближнего зарубежья) вполне можно назвать носителями унаследованного языка, поскольку русский получил там статус иностранного [Писанова, Гусейнова, 2020, с. 137].

Проблемы билингвизма привлекают внимание лингвистов, психологов и социологов. Предпринимаются попытки описать его особенности и типы. Так, например Е. М. Верещагин отмечает

три типа билингвизма по способу усвоения: естественный, искусственный и синтезированный (промежуточный). Носители эритажного языка усваивают язык в семье, что может говорить о естественном типе билингвизма. С другой стороны, проживая в стране эмиграции, они вынуждены общаться преимущественно на доминантном языке. Таким образом, естественный и искусственный билингвизм дополняют друг друга, так как в семье языковая среда создается искусственно, и эритажный язык используется только в этих условиях. Таким образом, опираясь на приведенную выше классификацию, можно утверждать, что «эритажники» представляют собой билингвов, относящихся к синтезированному типу.

Понятие «носитель эритажного языка» используется в научной литературе для описания языкового профиля детей-билингвов, иммигрировавших до начала образования на родине, а также детей, чьи родители-иммигранты говорят дома на родном языке. В своем исследовании Е. В. Жарова определяет «эритажников» следующим образом: это «несбалансированные билингвы, то есть дети эмигрантов, которые, будучи вырванными из родной языковой среды, постепенно забывают свой первый язык, унаследованный от родителей» [Жарова, 2023, с. 127]. Овладение языком происходит в семейном кругу, но под влиянием доминантного языка, носители эритажного языка могут утратить эти знания. Но, в отличие от изучающих русский как иностранный, их ранее приобретенные знания языка легко можно восстановить. Тем не менее, как и «сбалансированные» билингвы, «эритажники» вполне могут использовать наравне с доминирующим языком и эритажный. Такие билингвы являются «несбалансированными».

Зарубежные исследователи чаще понимают под *«heritage language»* язык, который используется в домашних условиях [Campbell, Peyton, 1998, с. 38]. Так же эритажный язык часто называют «кухонным», «семейным», «языком семейного наследия», поскольку его освоение происходит в кругу семьи и, как правило, в устной форме. Язык наследуется от одного или обоих родителей, которые эмигрировали в страну проживания с доминантным языком, отличным от родного, и вынуждены использовать свой родной язык ограниченно. Это не может не влиять на качество усвоения языка и, как следствие, приводит к разного рода ошибкам.

В исследованиях российских ученых «эритажный язык» рассматривается как язык детей эмигрантов, то есть «носителей» второго поколения (см., например, работы Е. В. Рахилиной). Усвоение происходит от родителей, то есть от носителей первого поколения. Вопрос о том, с какого возраста считать ребенка носителем эритажного языка пока не нашел ответа. Дети, рожденные в семье эмигрантов в стране с другим доминантным языком, сразу овладевают двумя языками – языком страны проживания и «семейным» языком. Таких детей можно уже называть «эритажными» говорящими. Однако являются ли «эритажниками» дети, которые иммигрировали в раннем возрасте, пока точно не выявлено и требует дальнейшего изучения. Л. В. Пряничникова полагает, что «эритажниками» не являются дети, сменившие место проживания в возрасте после 5–6 лет, поскольку процесс естественного освоения языка к этому возрасту заканчивается, и усваиваемый язык (русский) становится родным. В этом возрасте ребенок осознанно пользуется структурами своего языка, и в случае эмиграции доминантный язык другой страны станет для него иностранным [Пряничникова, 2011, с.184].

В работах об «унаследованном» языке можно встретить два варианта названия – «херитажный» (см. работы [Рахилина 2015]; [Рахилина, Марушкина 2013]) и «эритажный» язык ([Богоявленская, Пайкин 2022], [Рыжова, Золотарев 2019], [Миграционная лингвистика, 2022]). Полагаем, что вполне допустимо использование обоих терминов, они являются вариациями перевода английского слова *«heritage»* и могут использоваться равноценно, заменяя друг друга.

В работах, посвященных изучению эритажного языка, встречаются также термины «стандартные» и «нестандартные» говорящие. Под стандартным говорящим понимается носитель языка, способный воспроизводить некомпозиционные высказывания, а нестандартный – не носитель или изучающий этот язык, чаще прибегающий к композиционным высказываниям [Выренкова, Полински, Рахилина, 2014, с. 4]. Носители эритажного языка относятся к нестандартным говорящим, так как это дети эмигрантов, выросшие в другой языковой среде, в речи они тяготеют к более эксплицитному выражению семантических отношений, чаще используют принципы композиционности. Русский для них носит двойной характер – он одновременно родной и иностранный. Важно отметить, что при формировании высказывания носители эритажного языка делают разные типы ошибок: грамматические (см., например описание стратегии выбора числа существительного в [Богоявленская, 2022, с. 87–98], ошибки в употреблении предложного падежа [Богоявленская, Пайкин, 2022, с. 84–96] и так далее). «Эритажники» упрощают коммуникативную структуру высказывания, довольно ограничены в коммуникативно-прагматических возможностях и стилистической вариативности [Миграционная лингвистика, 2022, с. 5]. Им свойственно придумывать свои собственные конструкции или додумывать существующие (в

[Выренкова, Полинская, Рахилина, 2014, с. 4] эти конструкции называются «не-кальки»). Исследуя грамматические особенности построения речи «нестандартных говорящих», Е. В. Рахилина делает вывод, что «эритажники», хоть и калькируют конструкции, но, в отличие от изучающих русский язык как иностранный, делают такие ошибки намного меньше [Рахилина, 2015, с. 622].

Таким образом, проблема определения статуса «эритажного языка» в современной лингвистике остается актуальной, поскольку мнения исследователей расходятся по следующим вопросам: кого можно считать носителями эритажного языка, как происходит освоение унаследованного языка и что влияет на появление ошибок в речи эритажников. В зарубежном и отечественном языкознании существует противоречие в рамках рассмотрения эритажного языка как наследуемого, поскольку российские ученые считают допустимым выбор термина «унаследованный язык», в то время как зарубежные ученые исследуют языки как средства взаимодействия между людьми, а не формы «наследования». Пока не получен ответ на вопрос о том, являются ли носителями эритажного языка дети, иммигрировавшие в раннем возрасте.

В современной лингвистике продолжают исследования языковых трудностей, с которыми сталкиваются носители эритажного языка. Кроме того, особый интерес ученых концентрируется на проблемах и типичных ошибках носителей эритажных языков, поскольку это поможет понять особенности эритажного языка, найти причины ошибок и при обучении русскому как иностранному учитывать необходимость их решения при составлении программ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Богоявленская, Ю. В. Стратегии выбора числа имени существительного носителями эритажного русского языка / Ю. В. Богоявленская // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2022. – № 4. – С. 87–98.

2. Богоявленская, Ю. В. Комплекс "предлог + форма предложного падежа" в речи носителей эритажного русского языка с доминирующим французским языком / Ю. В. Богоявленская, К. Пайкин // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2022. – № 7. – С. 84–96.

3. Выренкова, А. С. Грамматика «ошибок» и грамматика «конструкций»: «унаследованный» русский язык / А. С. Выренкова, М. С. Полинская, Е. В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 2014. – № 3. – С. 3–19.

4. Жарова, Е. В. Эритажные говорящие как особая категория изучающих русский язык как иностранный / Е. В. Жарова // Современное педагогическое образование. – 2023 (СПО). – № 1. – С. 127–131.

5. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: лингвокультурный, социолингвистический и лингвоисториографический аспекты / С. В. Шустова, В. М. Костева, Ю. В. Богоявленская [и др.]. – Пермь: Автономная некоммерческая организация высшего образования "Пермский институт экономики и финансов", 2022. – 192 с.

6. Писанова, Т. В. Эритажные языки в эпоху цифровой трансформации / Т. В. Писанова, И. А. Гусейнова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 12 (841). – С. 131–146.

7. Пряничникова, Л. В. Психологическая готовность ребенка к изучению иностранного языка / Л. В. Пряничникова // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 8. – С. 183–190.

8. Рахилина, Е. В. Корпусные исследования особенностей речи нестандартных говорящих («херитажный русский») / Е. В. Рахилина // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2015. – Т. XI. – № 1. – С. 621–639.

9. Рахилина Е. В., Марушкина А. С. Ошибки в речи херитажных говорящих (на материале текстов русских эмигрантов в США) // Проблемы онтолингвистики – 2013. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26-28 июня 2013 г. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 435–440.

10. Рыжова, А. В. Статус эритажного носителя языка: лингвистический, культурологический и аспекты / А. В. Рыжова, М. В. Золотарев // Культурное наследие г. Саратова и Саратовской области. – 2019. – № 4 (19). – С. 418–424.

11. Baker, C. Encyclopedia of bilingualism and bilingual education / C. Baker, S. P. Jones. – Clevedon, England: Multilingual Matters, 1998. – 758 p.

12. Campbell, R. Heritage language students: A valuable language resource / R. Campbell, J. K. Peyton // The ERIC Review. – 1998. – № 6 (1). – Pp. 38–39.

13. Clyne, M. G. Community languages: The Australian experience / M. G. Clyne. – New York, NY: Cambridge University Press, 1991. – 294 p.

14. Cummins, J. Introduction // The Canadian Modern Language Review / J. Cummins. – 1991. – 47 (4). – Pp. 601–605.

15. Fishman, J. A. 300-plus years of heritage language education in the United States / J. A. Fishman. // J. K. Peyton, D. A. Ranard, & S. McGinnis (Eds.). *Heritage languages in America: Preserving a national resource*. – 2001. – Pp. 81–98.
16. Kondo-Brown, K. Heritage language instruction for post-secondary students from immigrant backgrounds / K. Kondo-Brown // *Heritage Language Journal*. – 2003. – № 1 (1). – Pp. 1–25.
17. Montrul S. *Incomplete Acquisition in Bilingualism: Re-examining the Age Factor*. Amsterdam, 2008.
18. Montrul S. *The Acquisition of Heritage Languages*. Cambridge, 2016.
19. Vannini, L. *Towards a Multilingual Cyberspace* / L. Vannini, H. Crosnier. – Maaya Network, 2012. – 312 p.
20. Voet, Joris. Change Management in Hard Times: Can Change Management Mitigate the Negative Relationship Between Cutbacks and the Organizational Commitment and Work Engagement of Public Sector Employees? / J. Voet, B. Vermeeren // *The American Review of Public Administration*. – 2016. – Vol. 47. – Issue 2. – Pp. 230–252.
21. Zabrodskaia, Anastassia. The Russian language maintenance and language contacts / A. Zabrodskaia, O. Ivanova // *Russian Journal of Linguistics*. – 2021. – № 25 (4). – Pp. 829–854.

УДК 811.161.1:811.581

Концепт «Природа» в русской и китайской лингвокультурах

Ван Л., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы, аспирант, Китай
 Научный руководитель: д.ф.н., доцент Вашунина И. В., Россия

Мировоззрение формируется у человека на протяжении всей жизни, систематически обогащаясь новыми знаниями и умениями, которые складываются в общую картину. Эта картина состоит из концептов.

Термин «концепт» впервые появился в средневековой философии для обозначений универсалий, как системы общих понятий о том или ином явлении. Первое по времени (1928 год) представление понятия в терминах лингвистики, данное С. А. Аскольдовым-Алексеевым гласило: «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 268]. С тех пор начали формироваться другие различные определения. Например, концепт по А. П. Бабушкину подразумевает «любую дискретную содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира, хранимый в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата» [Бабушкин, 1996, с. 9]. Важнейшим же свойством концепта была названа его вербальная природа.

Концепт, по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, – это «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин, 2007, с. 73].

В работе В. В. Карасика и Г. Г. Слышкина выделяются следующие базовые характеристики лингвокультурного концепта, который:

- имеет ментальную природу, поскольку человек мыслит категориями концептов;
- представляет (репрезентирует) как знания о мире в целом, так и о значимых фрагментах его;
- существует в коллективном сознании носителей языка;
- включает в себя ценностный, образный и понятийный компоненты;
- состоит из основного центра, который сочетает наиболее значимые языковые объединения и периферии;

– обладает ценностной характеристикой, представляя собой ключевую номинацию соответствующего культурного факта;

– содержание со временем может меняться, по мере исторического развития общества и языка [Карасик, Слышкин, 2001, с. 76–77].

Изучение концепта в китайской лингвокультуре происходит под влиянием российских научных работ. В настоящее время единого понимания понятия «концепт» в китайской лингвистике нет. Его можно перевести как «понятие», «концепция» или «представление» – «概念» – «гайнянь», либо «смысл», «идея» – «观念» – «гуаньянь» [Шао, 2010, с. 3].

Развитию термина «концепт» способствовали такие китайские ученые, как Чуньин Хэ, Айгуо Чжао, Вэньчжао Пэн, Ямин Цзян и другие. Этот термин следует характеризовать с точки зрения проблемы перевода. Как отмечал Ч. Менхуа, «исследование концепта необходимо для будущего китайской лингвокультурологии, так как это позволит приблизиться к самой сути языка» [Менхуа, 2014, с. 73]

Представление и изучение китайской филологической концепции формируются в основном в определённых рамках интерпретации русской литературы, прежде всего в контексте сравнения китайского и русского мировоззрения в концептуальном анализе. Многие китайские лингвисты проанализировали и расширили исследования русских лингвистов, чтобы больше ученых могли обратить внимание на эту точку зрения, развить ее и придать новую силу лингвистическим и культурным исследованиям.

Проанализируем значения слова *природа* в русском языке.

1. Что касается рассмотрения *природы* с точки зрения семантики, то можно выделить компоненты содержания понятия «природа» в энциклопедических источниках России.

1.1. Совокупность явлений на Земле, а также органический и неорганический мир.

«Мы пошли на вал, возвышение, созданное природой и укрепленное частоколом» [Пушкин].

1.2. Определенная территория на Земле:

«Солнышко взошло, природу осветило» [Крылов].

1.3. Сущность, основное свойство чего-нибудь (книж.) Например, природа общественных отношений, человеческого знания.

1.4. Прирожденное свойство, например, «Пустынник был не говорлив, мишук с природы молчалив» [Крылов].

2. Семантические компоненты содержания концепта *природа* в лексикографических источниках

2.1. Природа как ресурс жизни общества.

Статья Шемонаева А. Ю.: «Экономика – это взаимосвязь человека с природой в интересах обеспечения жизненного процесса, существования и развития человечества» [Шемонаева, URL].

2.2. Природа – местность, например, Дальневосточный город на берегу Японского моря не зря притягивает к себе множество туристов своей природой.

3. Семантические компоненты содержания концепта *природа* в литературных произведениях России.

Природа как самостоятельный персонаж, природа как функциональный образ может выполнять различные функции в художественном произведении: быть действующим персонажем, фоном событий, вносить вклад в психологические особенности персонажа, быть средством выражения философии, эстетики, политики и так далее. По основным функциям натурального образа можно судить о жанровом содержании произведения.

Проанализируем значения слова *природа* в китайском языке.

1. Семантические компоненты понятия "природа" в энциклопедических источниках.

1.1. «自然界» – означает всю совокупность существующего с его бесконечным разнообразием, оно является синонимом таких понятий, как Вселенная, материя, существование и объективная реальность, включая человеческое общество. В узком смысле слово относится к материальному миру, который отличен от человеческого общества.

1.2. «天然而非人工的» – относится к природному происхождению, в отличие от искусственного. Например, «自然铜» означает «природную медь», «自然力» – «природная сила», «自然风光» – «природный пейзаж».

1.3. «自然界与人类社会的关系» – «отношения между природой и человеческим обществом». «自然界就好比面包边缘的奶油，而人类社会则是面包本身» – «Природа здесь сравнивается с маслом на краю хлеба, в то время как человеческое общество представляет собой сам хлеб».

Из этого анализа следует, что в китайской лингвокультуре понятие природы имеет несколько аспектов: оно описывает объективную реальность, отличную от человеческого общества, подчеркивает природное происхождение вещей и обозначает взаимоотношения между природой и человеческим обществом.

Эти различные интерпретации могут быть полезны для лучшего понимания взаимодействия между человеком и природой в различных культурных контекстах, включая сферу межкультурной коммуникации.

2. Семантические аспекты концепта природы в лексикографических источниках:

2.1 Природа как источник жизни: «Здесь идеально сбалансированный равносторонний треугольник, который воплощает троичную природу Вселенной, символизируя жизнь, любовь, мудрость, равенство и единство» [«Мистерия трех зайцев», Магазета].

2.2 Природа как совокупность органического и неорганического мира: «К ним присоединились боги, символизирующие силы природы (солнце, ветер, дождь, гром и т.д.)» [Чжоу и Хань Сыма Цянь «Основные записи»].

Семантические аспекты концепта природы в литературных произведениях Китая.

3.1 Природа как источник жизни, например: «Лю Бэй был человеком, обладающим мягкой природой, и приказал Чжан Фэю остановиться» [Ло Гуаньчжун, «Троецарствие»].

3.2 Совокупность естественных условий на земле, например: «Сунь Цюань обладал естественной квадратной челюстью и большим ртом, голубыми глазами и малиновыми усами» [Ло Гуаньчжун, «Троецарствие»].

В данной статье было проведено исследование семантики природы в русском и китайском языках. Они обнаружили, что оба языка имеют общие черты в их использовании и основном значении природы:

«Природа является источником жизни» – «天然而非人工的»;

«Она объединяет в себе органический и неорганический мир» – «自然界».

Это сходство основывается на общем отношении людей всех национальностей к природе, поскольку с момента рождения человек воспринимает окружающий мир как неотъемлемый и вечный атрибут жизни.

В китайской культуре природа представляет собой основную ценность, где гармония человека и природы приобретает особую значимость. В русской лингвокультуре подчеркивается необходимость бережного отношения к природе, она рассматривается как проводник человека в окружающий мир.

Кроме того, в китайской традиции природа ассоциируется с философским концептом «ци» – «气», который описывает энергию, присущую всему сущему во Вселенной, в то время как в русской культуре этого концепта не существует.

Различия в интерпретации концепта природы в русской и китайской лингвистике отражены в лексикографических источниках, включая научные статьи. Различия в употреблении лексических единиц, формирующих концепт *природы* в этих двух языках, связаны с географическим положением и климатическими условиями России, а также отношением общества к природе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под ред. проф. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 269.

2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.

3. Карасик, В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.

4. Попова, З. Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

5. Природа Земли / Электронный ресурс / URL: <https://natworld.info/nauki-o-prirode/priroda-zemli> (дата обращения: 20.04.2023)

6. Шемонаева, А. Ю. Экономика как взаимодействие человека, общества и природы / А. Ю. Шемонаева / Электронный ресурс / URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018007366>

7. 华邵 概念还是观念? 概念化还是观念化? 概念分析还是观念分析? (Шао Х. Анализ понятие «концепт» в китайской лингвокультурологии) // 中国俄语教学 2010 5 月第 2 期. 页. 1–7. (Обучение русскому языку в Китае. 2010. № 2. С. 1–7.)

8. 陈梦华 俄罗斯语言文化视角下的观念研究 (Менхуа Ч. Исследование концепта в лингвокультурологическом аспекте) // 中国俄语教学 2014 年第 33 卷 1 期. 页. 72–76. (Обучение русскому языку в Китае. 2014. № 1. С. 72–76.)

УДК 711.01/.09

The History of the Resort Hall of the Vladikavkaz Railway in Kislovodsk

(История Курортного зала Владикавказской железной дороги в Кисловодске)

Галуза Н. В., Южный федеральный университет, аспирант, Россия

Научный руководитель: д.и.н., профессор Нарезный А. И., Россия

The Vladikavkaz Railway is one of the largest railways of the Russian Empire. It went from one railway between Rostov and Vladikavkaz to one of the most profitable private highways, connecting the center of the empire with the North Caucasus in just 25 years since its construction. This railway played the role of a «locomotive of progress» for the North Caucasus: thanks to the activities of the Board of the Vladikavkaz Railway Society, such important aspects of the socio-cultural sphere as education, medicine, agronomy were actively developed. Cultural and educational projects took various directions, one of which being the resort hall in Kislovodsk.

The construction of a railway line on the Caucasian Mineral Waters was started in the early 1890s. In order to attract vacationers' attention and provide them with fascinating leisure the Board of the Society decided to build a large cultural and entertainment complex at the Kislovodsk station in 1892. It was the resort hall. The need for its construction was justified by the fact that «the entertainment Resort Hall at the terminal station of the Kislovodsk branch is mainly aimed at attracting the public from neighboring stations and thus developing traffic along the local branch. The Resort Hall has to serve as a place of rest and entertainment for the public visiting the Caucasian Mineral Waters and willingly visiting Kislovodsk for the health-promoting properties of Narzan and the picturesque area» [Boglachev, Savenko, 2012].

The decision to build a Resort Hall in Kislovodsk marks the beginning of dynamic development of resort business in the region initiated by the Vladikavkaz Railway Company Board. A railway line connecting Mineralnye Vody and Kislovodsk was built in 1894. That allowed the Vladikavkaz Railway to strengthen its positions in the Caucasian Mineral Waters. With the increased flow of those wishing to improve their health at the resorts there was the need for more active construction in the region.

The young architect Valerian Gusev had developed a project for a resort hall with the capacity of up to 600 people by the autumn of 1892 [An exciting 127-year-long story]. This hall was supposed to be located on a hill to the west of the new railway station. The Department of Railways made significant changes to the initial project, and sent more experienced specialists to help architect Gusev. The final project was completed two years later (in the autumn of 1894) and was put into operation. Evgeny Descubes, a civil engineer who was entrusted with the construction of the Mineralovodsk railway, made serious changes to the project in his turn, and the building took its final form. The entire ensemble of the Resort Hall in Kislovodsk is built in the eclectic style of yellow brick. Its design with an abundance of decorative elements is more characteristic of the French Renaissance style [Moskvich, 1915, p. 50]. The complete construction of the resort hall of the Vladikavkaz railway cost more than a million rubles. Many noted the similarity of the resort hall in Kislovodsk with the famous casino in Monte Carlo [Rosenfeld, 2003, p.131].

The grand opening of the first part of the Resort Hall took place on June 22, 1896. The opening was attended by the leaders of the Vladikavkaz Railway Company – the Company Board Chairman V. M. Pechkovsky, Manager of the Vladikavkaz Railway I. D. Inozemtsev [Rosenfeld, 2003, p.131].

The first operetta was shown here on July 15, 1896. The following year, the Resort Hall complex was improved and supplemented. In addition to a luxurious concert hall decorated with velvet, bronze and stucco decorations, with the capacity of 650 people, the final architectural ensemble of the resort hall consisted of flower beds, a music sink, a restaurant with rooms, a dance floor and a summer stage, a large children's park with a small zoological garden [Boglachev, Savenko, 2012]. Reading rooms, billiards, gambling rooms, etc. were at visitors' disposal. The entrance to the territory of this cultural and entertainment complex was paid.

At the peak of the holiday season, an orchestra played in the sink, popular performers gave concerts, opera and drama performances were staged. Such famous artists as F. I. Chaliapin, V. F. Komissarzhevskaya and others gave performances in the resort hall of the Vladikavkaz railway in different years. The symphony orchestra of the resort hall consisted of 80 musicians.

The Board of the Vladikavkaz Railway Company signed contracts with renowned musicians and theater directors in order to successfully organize leisure activities. M. M. Herkevich-Herkavy (nickname – Valentinov) set up the «Hellenic Theater» [Rosenfeld, 2003, p.131]. Scenes from ancient dramas were shown by artists from private imperial and private theaters there. Artist-soloist of the Imperial St. Petersburg Theater M. A. Wolf-Israel was in charge of the musical part in the Resort Hall in Kislovodsk and the Vladikavkaz Railway Park [Contract ..., l. 1].

The Board of the Vladikavkaz Railway established preferential visit terms for employees and workers of the Vladikavkaz Railway aimed at their education and cultural development. The cost of a single entrance ticket was 20 kopecks. According to the meeting records of the Caucasian Mineral Waters Resort Committee dated November 10, 1911, free service tickets to the parks and the Narzan Gallery were approved for employees of the Vladikavkaz Railway [Journal..., l. 39]. In 1911 the revenue of the Resort Hall in Kislovodsk amounted to about 5,000 rubles.

During the revolution of 1917 and the Civil War political meetings were held in Resort Hall. During the Great Patriotic War it housed a hospital for wounded servicemen. Nowadays the resort hall of Kislovodsk houses the Great Hall of the State Philharmonic Society, the Gorky Theater for 1000 seats, the Museum of Musical Culture of the Caucasian Mineral Waters and a hotel.

So, the resort hall in Kislovodsk can be considered a successful cultural and educational project by the Society Board of the Vladikavkaz Railway. It has become one of the main attractions of the resort city for people of different classes and incomes. Both the local elite and the less well-off segments of the population gained the

opportunity to join the novelties of theatrical art, music, literature. Employees of the Vladikavkaz Railway have always been welcome guests at events that took place in the resort hall.

SOURCES AND LITERATURE

1. An exciting 127-year-long story. – URL: <https://kursal.ru/filarmoniya/philharmonic-history/> (date of address: 15.04.2023).
2. Boglachev, S. V., Savenko, S. N. Architecture of old Kislovodsk. Public buildings: railway resort hall. 2012. – URL: http://kmvline.ru/arch_kislovodsk/49.php (date of address: 13.04.2023).
3. Contract with the artist M.A. Wolf-Israel. 1910 – State Archive of the Rostov region, f. 26, inv. 1, d. 241, l. 1.
4. Journal of the meeting of the resort Committee dated 10.11.1911 – State Archive of the Rostov region, f. 26, inv. 1, d. 287, l. 39.
5. Moskvich, G. G. Vladikavkaz Railway: A short illustrated practical guide for 1915. Petrograd: Ed. "Guidebooks", 1915. – 128 p.
6. Rosenfeld B. M. Past and present of Kurzala // Monuments of the Fatherland: illustrated almanac of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments. Moscow, 2001. – Issue 49. – Pp. 128–133.

УДК 372.881.161.1

Альтернативные способы развития навыков говорения у иностранных обучающихся

Гранкина М. А., Южный федеральный университет, старший преподаватель, Россия

В настоящее время все большую популярность приобретает такой вид внеаудиторной деятельности, как дискуссионный клуб, который направлен на создание всех условий, при которых происходит естественное говорение. В Южном федеральном университете на базе кафедры русского языка для иностранных учащихся Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ведет свою работу «Дискуссионный клуб по русскому языку для иностранных учащихся». Данный проект начал осуществляться в ноябре 2020 года. С тех пор было проведено 27 мероприятий. Встречи Дискуссионного клуба проходят 1 раз в неделю. Общее количество иностранных участников – более 250 человек. Из них постоянных – 25. Количество российских студентов и магистрантов – 50.

Дискуссионный клуб по русскому языку для иностранных учащихся – это один из способов разнообразить обучение, заинтересовать студентов и сделать развитие речи эффективным. Это возможность выйти из стен аудитории «в жизнь». Все встречи Дискуссионного клуба проходят вне учебных занятий, в неофициальной обстановке. Каждая встреча имеет конкретную тему, которая озвучивается заранее, и участники самостоятельно делают выбор, какое мероприятие они хотят посетить. Такой формат обеспечивает эффективную практику говорения.

Программа Дискуссионного клуба включает 6 тематических блоков. Каждый блок затрагивает следующие аспекты речевой деятельности

- «Дискуссионная мастерская» – коммуникативно-практическая деятельность. Здесь встречи проходят в формате дискуссии. Иностранным участникам предлагается обсудить всевозможные темы на русском языке, в том числе профессиональной направленности. Например, «Готовы ли мы к дистанту?»; «Верите ли вы в любовь?»; «Роль женщины в современном обществе»; «Научные достижения: движение вперед?»; «Учиться – это весело!»; «Все профессии нужны, все профессии важны!» и др.

- «Межкультурное общение» – виды деятельности, связанные с культурологией. На встречах иностранные студенты общаются с российскими студентами о традициях и обычаях, праздниках в России и в родных странах. Например, «Масленица – праздник широкой русской души»; «Новогодний карнавал»; «Обычные и уникальные подарки и поздравления»; «Международный день студента»; «Праздник Навруз»; «Китайский Новый год»; «Сквозь года звенит победа» и др.

- «Искусство жить в Ростове» – учебно-познавательная деятельность. Это общение-знакомство с городом Ростовом-на-Дону, где обучаются иностранные студенты (экскурсии, презентации, викторины о Ростове, а также погружение в культуру города через призму знакомства с диалектной и жаргонной лексикой). Например, «Добро пожаловать в славный город Ростов-на-Дону»; «Ростов-на-Дону – купеческий город»; «Кто такой Витя Черевичкин?»; «О чем говорят в Ростове?» и др.

- «Игры всех сортов» – информационно-коммуникативная деятельность. Здесь иностранные студенты играют в различные игры, направленные на свободное общение на русском языке, совместно с российскими студентами и магистрантами (имаджинариум, активити, онлайн-квесты и др.).

- «Киноклуб» – рефлексивная деятельность – просмотр фильмов, как правило, короткометражных, на русском языке с последующим обсуждением и комментированием сюжета. Были просмотрены и обсуждены такие фильмы, как «У любви нет нации», «Разные судьбы» и др.

- «Я профессионал» – творческая деятельность. На встречах сами иностранные студенты выступают в роли ведущих, самостоятельно выбирают тему, которую хотели бы обсудить. Например, «Великая Отечественная война глазами иностранца», «Моя профессия самая лучшая», «Самая трудная профессия в мире – быть мамой» и др.

Ведущие встреч определяются в зависимости от тематики

- Ведущим может быть преподаватель (например, при проведении дискуссии). Однако мы считаем, что модель «ученик-учитель» не является удачной для проведения такого рода мероприятий, так как снижается мотивация иностранного студента в участии в коммуникации из-за определенного стеснения и авторитета преподавателя. Целесообразно, если преподавателю будет отведена роль организатора мероприятий, например, из блока «Я профессионал».

- В роли ведущих выступают магистранты-практиканты (например, при проведении встреч, направленных на межкультурное общение, на знакомство с Ростовом-на-Дону, а также при просмотре фильмов на русском языке). Данный тип мероприятий имеет преимущественно плюсы как для магистранта (возможность получить практические навыки при непосредственном общении с иностранцами), так и для иностранных участников – общение с магистрантами помогает быстрее преодолеть языковой барьер и расслабиться. Стоит отметить, что такой формат требует особого контроля со стороны преподавателя с целью избежать тех или иных методических ошибок.

- В роли организатора выступает преподаватель, в роли ведущих или помощников – студенты-первокурсники. Такой формат поможет быстрее иностранным участникам начать коммуникацию на русском языке друг с другом.

Стоит отметить, что Дискуссионный клуб по русскому языку для иностранных учащихся посещают студенты с разным уровнем владения языком (от А0 и выше). Такой смешанный формат общения позволяет иностранным студентам чувствовать себя комфортно, расслаблено и непринужденно.

Таким образом, Дискуссионный клуб по русскому языку для иностранных учащихся является альтернативным средством обучения навыку говорения, помогает решить следующие проблемы: «сообщить подлинную мотивацию к изучению русской культуры и языка, как следствие, к русской речи, установить подлинный контакт между языком и реальным миром учащегося, обеспечить возможность диалога культур» [Голосная, 2019, с. 102], а также иностранные студенты «получают дополнительную возможность развивать свои коммуникативные умения, навыки публичного выступления, учатся самостоятельно анализировать ситуации, объективно мыслить и творчески подходить к выполнению тех или иных заданий, обогащают словарный запас, получают новые знания о культуре страны изучаемого языка» [Надха, 2019, с. 146].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Голосная Н. П. К вопросу об эффективности обучения говорению на занятиях по русскому языку как иностранному // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 62-1. – С.98–102.

2. Надха С. Э. Разговорный клуб как особый вид учебной деятельности в преподавании РКИ базового уровня // Наука и школа. – 2019. – №2. – С. 145–151.

УДК 811.111-26:821.111

Семантические категории темпоральности, аспектуальности и таксиса в художественном диалоге английской драмы XX века

Ерохина О. В., Московский государственный лингвистический университет,
преподаватель, Россия

Художественный диалог в драме является объектом многочисленных исследований в литературоведении и лингвистике. Грамматический аспект подобных исследований касается, в основном, средств связности диалогического дискурса и коммуникативных типов предложений. При этом грамматическая категориальная характеристика данного типа диалога не освещалась в имеющейся исследовательской практике. В рамках исследования автор определяет набор категориальных ситуаций в диалогических модулях и устанавливает взаимосвязь между реализацией грамматических категорий и отражаемой картиной мира соответствующей эпохи в рамках английской драмы.

Диалог представляет собой особый тип дискурсивной деятельности, в рамках которого коммуникативное взаимодействие предполагает отнесение к определенной референциальной ситуации. Как любой тип дискурса, диалог является «информационным континуумом, обеспечиваемым, в частности, его темпоральным (временным) единством» [Givon, 1983, с. 31]. В основу нашего исследования положена классификация диалогических модулей, разработанная В.Л. Соколовой. Данный подход основан на проведении анализа диалогического взаимодействия, который проводится с учетом «разделения диалога на отдельные смысловые фрагменты, обладающие относительной независимостью и набором отличительных параметров», что дает возможность «учитывать набор как лингвистических факторов (например, коммуникативного единства фрагментов), так и экстралингвистических особенностей» [Соколова, 2008, с. 6].

В рамках исследования были отобраны пять пьес английских драматургов в рамках соответствующего периода. На основании проведенной сегментации текстов на диалогические модули был проведен анализ реализации категориальных ситуаций, а именно темпорального и аспектуального планов, а также таксиса.

Было выявлено, что вероятно есть зависимость между количеством указанных модулей и общим сокращением объема текста при, как правило, трехактной композиции пьес. Объем варьируется от 152 тыс. печатных знаков до 95 тыс. печатных знаков. Данные представлены на схеме ниже:

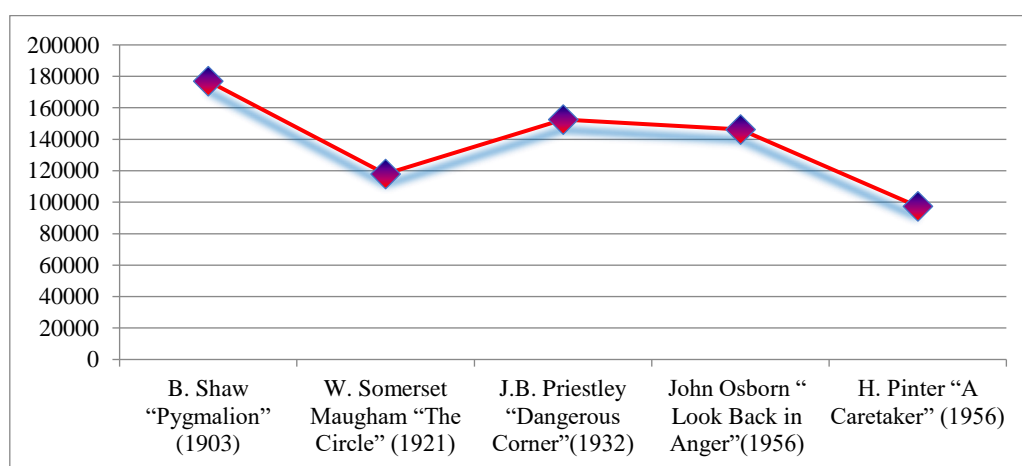

Диаграмма 1. Объем текста в исследованных драматических произведениях

Кроме того, отмечается тенденция к сокращению общего количества диалогических модулей. Результаты наглядно представлены на диаграмме ниже.

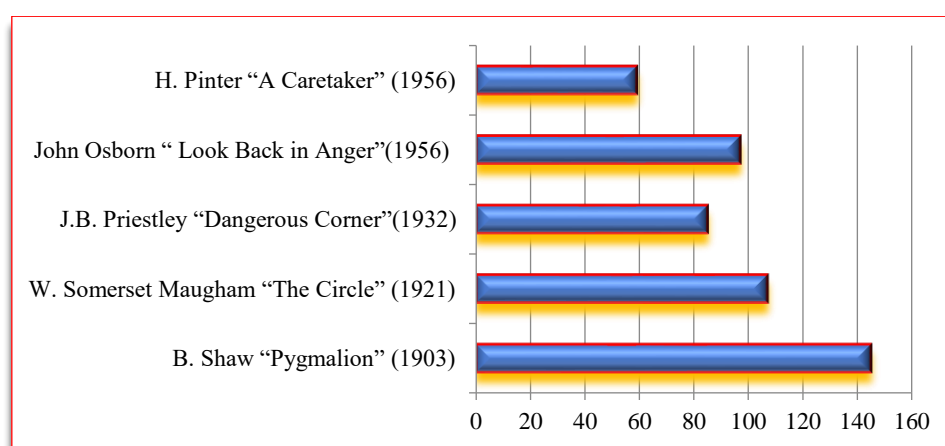

Диаграмма 2. Сопоставление диалогических модулей хронологически

Наиболее частотными типами диалогических модулей отмечены те, которые направлены на сообщение информации и побуждение к действию. С учетом выполняемых коммуникативных задач в рамках диалогических модулей с целью сообщения информации выделяются «экспликация» и «выражение мнения», а в диалогических модулях «побуждение к действию» преобладают функции «указания на обстоятельства, обуславливающие необходимость действия» и «согласования действия с собеседником» [Соколова, 2008, с. 12].

Категориальные ситуации реализуются в основном при помощи недлительных неперфектных форм настоящего, прошедшего и будущего времени. При этом формы настоящего и прошедшего времени преобладают значительно (60% и 30% соответственно). Таким образом, доминирующей семантической категорией драматического диалога на нашем материале является категория темпоральности (до 90% форм). Аспектные характеристики действия в диалоге выражаются формами Present и Past Continuous (в среднем до 100 употреблений каждой формы), таксисные характеристики – формами Present и Past Perfect (в среднем до 150 и 50 употреблений каждой формы соответственно). Кроме этого, в нашем материале в разных временных планах встречались сложные формы Perfect Continuous.

Совмещение литературоведческого и лингвистического подходов к диалогу в драме позволило предположить, что существует зависимость выбора грамматических средств создания драматического диалога от авторских установок литературного направления, определяемого общественно-историческими условиями создания того или иного драматического произведения. По мнению литературоведов, драма – это не только самый традиционный, но и самый авангардный род литературы, поскольку «каждый исторический период несет в себе определенный дух времени, его нравственный нерв» [Журчева, 2021, с. 1]. Двадцатое столетие с его могучими социальными катаклизмами, с его кровопролитными войнами, с его поразительными научными открытиями, с его неизмеримо ускорившимся бегом времени породило драматургию, представленную эволюцией идей и контрастом драматургических приемов. Кроме того, события 1914–1918 годов привели к окончательному крушению викторианского образа жизни и культуры в Англии. Это не могло не отразиться на развитии литературы для театра, где обострилась борьба между реализмом и декадентскими, модернистскими направлениями, прогрессивной и консервативной идеологиями. При всем разнообразии событий, произошедших в 20 веке, можно привести примеры смен литературных направлений в английской драматургии этого периода: «новая драма» («пьесы-дискуссии» Б. Шоу и «умные», «хорошо сделанные» пьесы С. Моэма); «драма времени» (Дж. Б. Пристли); «сердитые молодые люди» («пьеса-манифест», бытовая психологическая драма Дж. Осборна); театр «абсурда» («комедия угрозы», комедия социального абсурда) Г. Пинтера.

Опираясь на драматургическую школу Г. Ибсена, Б. Шоу, как подлинный новатор, утвердил в английском театре новый тип драмы – интеллектуальную драму. Сам Б. Шоу называл свои пьесы «пьесами-дискуссиями» [Трутнева, 2015], где драматизм основан не на внешней интриге, а на острых идейных противоречиях с самой действительностью. Свою задачу как драматурга Б. Шоу видел в том, чтобы вскрыть таящиеся в обществе противоречия и найти путь к более современным формам общественной и частной жизни. Происходят изменения и в структуре диалога: они часто перерастают в монологи, либо объясняющие существующее положение дел в жизни персонажей, либо повествующие о прошлом и выражающие взгляд в неизведанное будущее.

С. Моэм, стремясь к реалистическому отражению действительности, создал тип пьесы, названной им «умная» («хорошо сделанная пьеса»). Современную действительность его произведения показывают через столкновение характеров, причем действие часто прерывается, чтобы персонажи могли обсудить создавшуюся ситуацию. При создании своих пьес Моэм нередко использует приемы, характерные для творчества Шоу и Ибсена, в частности, преобладание диалога над действием (при этом столкновение персонажей отодвигается на второй план, уступая место столкновению идей). Драма «Круг» является проблемной драмой об отношениях между индивидуальным чувством и обществом. Прошлое в пьесе показано тесно связанным с настоящим, где образовались похожие ситуации, которые могут повториться по кругу.

В драматургическом диалоге Б. Шоу и С. Моэма много общего: наиболее частотные виды диалогических модулей и их соответствие коммуникативным задачам. Тем не менее, наблюдаются некоторые различия. Например, у С. Моэма при трехактной композиции пьесы (в отличие от пятиактной пьесы Б. Шоу) наблюдается большее количество глагольных форм, участвующих в реализации категориальных ситуаций, а также большое количество форм, коммуникативная задача которых заключается в согласовании действий с собеседником, при этом, отсутствуют такие коммуникативные цели, как долженствование и стремление изменить эмоциональное состояние собеседника в рамках диалогического модуля «побуждение к действию».

Позднее творчество С. Моэма частично оказало влияние на следующий этап в развитии английской драматургии, точнее – на творчество его младшего современника Джона Бойнтона Пристли. Пьеса Дж. Б. Пристли «Опасный поворот» входит в число «драм времени». Эта драма имеет дело с категорией времени в необычном аспекте. Авторская концепция времени представляется фантастической по своей сути, поскольку она предполагает возможность одновременного существования трёх временных пластов, которые можно условно определить как прошлое, настоящее и будущее. Это обусловило необычную пространственно-временную структуру текста. Пристли продолжает традиции «новой

драмы» и вырабатывает и свои оригинальные приёмы, которые связаны прежде всего с особым вниманием к времени как философской категории.

В диалогах Дж. Б. Пристли совмещение трех временных пластов приобретает вид практически равного соотношения форм настоящего и прошедшего времени при явном превалировании форм прошедшего времени в диалогическом модуле «сообщение информации». Кроме того, в этом типе большее внимание уделяется такой коммуникативной задаче, как указание на предполагаемое действие/ситуацию, а в диалогическом модуле «побуждение к действию» более явно выражается такая коммуникативная задача, как стремление изменить эмоциональное состояние собеседника». Также диалоги Дж. Б. Пристли, в отличие от грамматической «оснащенности» диалогов предыдущих авторов, заметно обогащаются сложными грамматическими формами Perfect Continuous. Первая половина 50-х годов в английской драматургии завершается приходом «рассерженных». Пьеса Дж. Осборна «Оглянись во гневе» была воспринята как «манифест» литературной группы, получившей в Англии название «рассерженной молодежи». Деятельность этой группы характеризуется бурным, но абстрактным протестом против современной действительности. Пьеса «Оглянись во гневе» демонстрирует нарушение Осборном театральных и драматургических канонов: из текста драматического произведения уходит диалог – его видовая первооснова. В обдуманной конструкции «хорошо сделанной» драмы такое невозможно. Фактически «Оглянись во гневе» – это один непрерывный монолог ее главного героя. У Осборна нет стройной системы взглядов и нет парадоксальной логики. Место действия остается неизменным на протяжении всей пьесы. О прошлом героев мы узнаем из их монологов, которые весьма разнообразны, и не всегда превращаются в диалог, т.е. в коммуникацию. В трехактной пьесе Осборна обращает на себя внимание в целом наибольшее, чем у предыдущих авторов и Г. Пинтера, общее число глагольных форм, посредством которых реализуется набор грамматических категорий темпоральности, аспектуальности и таксиса.

Пьеса Г. Пинтера «Сторож» принадлежит к театру абсурда. Авторы театра «абсурда» противопоставляли своих героев обществу в соответствии с постулатами философии экзистенциализма. Само название театра «абсурда» выражало творческий прием драматургов – изображение жизни в виде хаотического нагромождения случайностей, бессмысленных, на первый взгляд, ситуаций. Подчеркнутый алогизм, иррационализм в поступках персонажей, мозаичная композиция произведений, гротеск и буффонада в средствах их создания стали характерными приметами этого направления. Драмы абсурдистов пренебрегали драматическими канонами, устаревшими театральными нормами, условными ограничениями. Бунт авторов театра «абсурда» – это бунт против любого регламента, против «здорового смысла» и нормативности. Потерпела разрушения и речь персонажей, которые нередко просто не слышат и не видят друг друга, произнося «параллельные» монологи в пустоту. В пьесе Г. Пинтера встречается наименьшее число смешанных типов диалогических модулей: «выражение эмоций + побуждение к действию», «сообщение информации + побуждение к действию», «сообщение информации + выражение эмоций». Также отмечается наличие сложных форм Perfect Continuous.

Таким образом, проведенное исследование иллюстрирует использование конкретного метода сегментации диалога для изучения способов реализации семантических категорий темпоральности, аспектуальности и таксиса в английской драматургии XX века. Кроме того, сделана попытка провести анализ того, как диахронные изменения концептуальных операторов в художественном драматическом диалоге и конкретный набор грамматических категорий отражает языковую картину мира посредством смены литературных жанров.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Журчева, О. В. Формы выражения авторского сознания в «Новой драме» рубежа XIX–XX веков // Вестник Самарского государственного университета. Литературоведение. 2001. Вып.1. – С. 1–11.
2. Соколова, В. Л. Коммуникативная структура англоязычного художественного диалога: дис. ...канд. филол. наук. / Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2008. – 260 с.
3. Трутнева, А. Н. «Пьеса-дискуссия» в драматургии Б. Шоу конца XIX начала XX века (проблема жанра): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2015. – 25 с.
4. Givon, T. Topic Continuity in Discourse: An Introduction // Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. Amsterdam; Philadelphia, 1983. P. 1–42.

**Семантические роли слова *мир* с посессивной атрибуцией
(на материале Национального корпуса русского языка)**

Завтрикова П. С., Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины, аспирант, Беларусь

Научный руководитель: д.ф.н., доцент Ничипорчик Е. В., Беларусь

Ежедневно каждый человек воспринимает реалии внешнего мира и переживает изменения в мире внутреннем. Эти процессы сопровождаются попытками осмыслить действительность и самого себя как ее составляющую.

Несмотря на то, что переживаемый личностью опыт уникален, механизмы его вербализации во многом идентичны у разных людей, ведь они являются представителями одного биологического вида. «Многообразные картины мира обязательно исходят из единого для всех людей логико-мыслительного аппарата. Он выступает в качестве концептуального каркаса для любого образа мира», – пишет профессор А. Ф. Роголев по этому поводу [Роголев, 2012, с. 175]. Закономерно возникает исследовательский интерес к языку как форме выражения мыслительных процессов и основному средству, при помощи которого эти процессы осуществляются.

Для изучения представлений носителей языка о мире логично будет обратиться к суждениям, содержащим в своем составе слово *мир*. Стоит отметить, что из двух омонимов – 1) мир как отсутствие вражды и 2) мир как пространство – в настоящей работе рассматривается только второй.

Объектом изучения становятся контексты Национального корпуса русского языка [НКРЯ], в которых фиксируется употребление слова *мир* как компонента местоименно-посессивных сочетаний (*мой мир, наш мир, твой мир, ваш мир, его мир, ее мир, их мир, свой мир*). Рассматриваются и инверсированные варианты таких сочетаний. В картотеке фактического материала насчитывается около четырех тысяч корпусных контекстов.

Притяжательные местоимения являются средством выражения логической пропозиции посессивности, при этом в небольшой степени сужают объем понятия, обозначаемого словом *мир*. Интересно проследить, как ведет себя слово, которое может обозначать все сущее, в сочетании с посессивами и какие семантические роли при этом выполняет.

Понятие «мир» характеризуется масштабным содержанием и частым употреблением (девять значений у слова *мир* в «Большом толковом словаре русского языка» [БТС, А-Я, 2014] и 248017 вхождений в основном корпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ]). В анализируемых контекстах словом *мир* обозначается как внешний мир (примеры а, б), так и внутренний мир (примеры с, д):

- а. *При том, что рай этот не в космосе, а на земле, и открыт всем пыльным бурям и грязевым дождям нашего мира* [Колобродов. От детдома до дурдома // «Волга», 2011];
- б. *Господи, как прекрасен мир Твой, и как совершенен – каждая травиночка, каждый цветок и листок!* [Аллилуева. Двадцать писем другу, 1963];
- с. *Два-три человека холодно осмотрели ее, как бы прицениваясь ко всему ее существованию, <...> но ее чуткий духовный мир обнесло тончайшей паутиной двусмысленности* [Грин. Блистающий мир, 1923];
- д. *Легко возбудимый – как и любой художник, обостряющий свой внутренний мир и судьбу, – в последний день пребывания сестер в Марбурге он признается Иде в любви* [Есин. Марбург, 2005].

Зачастую слово *мир* реализуется в речи носителей языка в метонимическом значении. В таком случае под миром подразумеваются либо все живущие на планете люди, либо отдельная социальная группа:

Только, вишь, злой наш мир, да есть еще добрые люди. Сыскалась заступа, о коей я не гадала [Чапыгин. Разин Степан, 1927];

Наш советский мир кричит: «Ах, какая смешная и позорная страна Америка» [Розенбаум. Бультерьер, 1987–1998].

Подобное разнообразие значений слова *мир* в сочетании с посессивами обуславливает неоднородность семантических функций данного слова в исследуемых контекстах.

Одним из ключевых терминов при описании семантической структуры предложения становится термин *семантическая роль*. В «Большой российской энциклопедии» *семантическая роль* определяется как 'разновидность типовых отношений участника ситуации, обозначаемой предикатом (обычно глаголом), к данной ситуации' [БРЭ].

Согласно одному из многочисленных подходов к классификации семантических ролей, выделяются роли субъекта (производитель действия или носитель состояния), предиката (то, что

высказывается о субъекте), объекта (то, на что направлена познавательная или практическая деятельность субъекта) и локатива (место, где происходит действие, разворачивается та или иная ситуация).

Установлено, что все непредикативные семантические роли (в наиболее абстрактном представлении ролевой семантики компонентов предложения – «субъект» (примеры e, f), «объект» (примеры g, h), «локатив» (примеры i, j)) являются типичными для слова *мир* в составе исследуемых сочетаний:

e. Дело в том, что в целом **наш мир**, по-видимому, симметричен, и поэтому каждому электрону должен, казалось бы, соответствовать позитрон, каждому протону – антипротон и т. д. [Обобщенный. Еще об асимметрии // «Химия и жизнь», 1965];

f. У нас был **свой мир**, поэтически-сказочный, где мы сами были рыцарями, героями, разбойниками [Гершензон-Чегодаева. Воспоминания дочери, 1952–1971];

g. Она <...> печально рассматривала внутренний **мир свой**, как смотрят на драгоценный сосуд, теряющий замкнутое свое единство от расколовшей его трещины [Грин. Блистающий мир (1923)];

h. Он соглашается подвергнуться эксперименту, и мощное излучение транслирует **его душевный мир** Океану [Туровская. 7 с 1/2 и Фильмы Андрея Тарковского, 1991];

i. Теперь интеллигенция должна уйти **в свой** внутренний **мир**, вникнуть в него для того, чтобы освежить и оздоровить его [Кистяковский. В защиту права, 1909];

j. Странно, думал он, как приятно и легко, когда вот так, молча, тебя любит некто, находящийся **внутри твоего мира** [Рыбаков. Сказка об убежище, 1990].

Обращают на себя внимание контексты, в которых слово *мир* находится в разных грамматических связях, представляющих неоднородные предикации, и характеризуется совмещением разных семантических ролей:

*И вдруг вспомнить удивленно, что помимо этого **твоего мира**, сжатого со всех сторон океаном, есть еще и другой, огромный* [Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь, 1999] (объект и субъект);

Они, и отойдя от стола, по-прежнему продолжают жить в этом своем сочиненном мире [Зорин. Юпитер, 2001] (локатив и объект).

Такие связи разного порядка и разные роли, которые выполняет одна словоформа в предложении, обнаруживают действие закона экономии языковых средств, а также являются следствием нелинейности человеческого мышления.

Поскольку подробная характеристика нескольких тысяч корпусных контекстов в рамках одной статьи не представляется возможной, ограничимся описанием специфики семантической роли субъекта для слова *мир* с посессивной атрибуцией.

Слово *мир*, входящее в состав местоименно-посессивных сочетаний, занимает позицию субъекта примерно в 22% всех анализируемых корпусных контекстов. При этом наиболее характерны субъектные реализации для сочетания *мой мир* (более 36% от общего числа иллюстраций с сочетанием *мой мир*). Корреляция «*мой мир* – субъект» выглядит закономерно, поскольку человеку естественно осмыслять в качестве субъекта самого себя или тесным образом взаимосвязанные с собой явления.

Субъектные реализации слова *мир* в анализируемых контекстах неоднородны и могут быть разделены по группам в соответствии с частным значением субъекта. В основе классификации, приведенной ниже, лежит несколько расширенная типология субъектов Г. А. Золотовой [Золотова, 1982]. Пять представленных в настоящей работе типов субъекта (квалитативный субъект, экзистенциальный субъект, компаративный субъект, субъект действия, субъект эмоционального отношения) подробно описаны Г. А. Золотовой в монографии «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» [Золотова, 1982, с. 135–138]. Еще три типа (субъект изменения состояния, экспликативный субъект, локальный субъект) выделяются в связи со спецификой функционирования слова *мир* с посессивной атрибуцией.

1. Квалитативный субъект

Распространенное субъектное значение слова *мир*; мир осмысляется как носитель признака:

Ни тени зависти к старшим – мой мир был особым и чуждым шума [Осоргин. Времена, 1942];

Но есть некоторая монотонность, одна струна, на которой сыграно все: не то чтобы тема ваша была узка, но мир ваш узок [Чуковская. Памяти Тамары Григорьевны Габбе, 1944–1960];

Ее душевный мир был полон солнца [Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции, 1960];

Его сверкающий волшебный мир соединил в себе изысканную роскошь хрустали с почти «иллюзорным» дизайном мебели и стен дворца [Хрустальный дворец Vassarat // «Мир & Дом. City» (2004.02.15)].

2. Экзистенциальный субъект

В предложениях обозначается ситуация существования (или – реже – несуществования) посессивно детерминированного мира:

*Это был **ее** старый **мир**, где она родилась и росла, где прошли все счастливые годы* [Гагарин. Корова, 1933–1948];

*Мы идем и идем, и ничего не происходит, и нету **твоего мира**, и нет новых тайн* [Радов. Змеесос (2003)];

*Это могло означать только одно: **их мир** существовал на самом деле или почти существовал* [Петросян. Дом, в котором..., 2009];

*Летом на берегах реки **свой мир**, со своими героями и антигероями, историями, легендами* [Авилов. Михаил Авилов из Саратова // «Русский репортер», 2012].

К этой же группе мы относим контексты, связанные с началом или прекращением бытия:

*Умирает **твой** призрачный **мир**. О прошлом, минувшем сне твоя вечерняя грусть* [Новиков. Золотые кресты, 1907];

*И вдруг появляется человек, которого Мавра когда-то любила, она вспоминает свою первую любовь, и **ее** иллюзорный **мир** рушится* [Женовач, режиссер: «Театр не может быть индивидуальным» // «Известия», (2003.01.23)];

*Активная словесная перепалка ознаменовалась его категорическим предсказанием: «**Вашему миру** приходит конец!»* [Будущее: реальный прогноз или виртуальная утопия? // «Знание – сила», 2003];

*Так возник **мой** новый **мир** – рисунка на бархате, – более зрелый этап творчества* [Посвящение Филиппу Старку // «Мир & Дом. City», (2004.01.15)].

Выделяется также значение локализованного бытия:

*Вокруг каждого солнца **свои миры**. Их больше, чем песчинок в пустыне* [Вересаев. «Да здравствует весь мир!» (о Льве Толстом), 1909–1910];

*Когда-то он все исходил здесь, здесь был **его мир**, его бескрайний космос* [Рыбаков. Вода и кораблики, 1992];

***Мир его** даже не на границе реальности и нереальности, он одновременно и тут, и там* [Еремеева. Лекции по русскому искусству, 2000];

*Под каждой крышей – своя жизнь, **свой** маленький **мир*** [Овчинников. Вознесение в Шамбалу, 2006].

3. Компаративный субъект

Миры в исследуемых контекстах могут сравниваться:

***Ваши мир** вдвое светлее: оттого и не нужны вам такие глаза, как наши, с большими зрачками для собирания слабых лучей нашего дня и нашей ночи* [Богданов. Красная звезда, 1908];

***Мой мир** был неизмеримо богаче и ярче* [Макаренко. Книга для родителей, 1937];

*Весь **их** маленький **мир** был хоть и меньше, чем тот, большой, но гораздо надежней и благоустроенней* [Кривин. Изобретатель Вечности, 1978];

***Ее мир** был устроен не так, как наш* [Пелевин. Любовь к трем цукербринам, 2014].

4. Субъект действия

В большинстве случаев этот тип субъекта встречается либо в контекстах с метонимическим переносом, когда под миром подразумевается человек или группа людей, либо в случае авторской персонификации какого бы то ни было мира:

*От скуки зевает **твой мир**! И с розовых облаков спустился к земле великий Брама* [Дорошевич. Сказки и легенды, 1893–1916];

***Наши** мальчишечий **мир** лазил сюда еще в «те баснословные» года, когда мы играли в «казаки-разбойники»* [Драгунский. Он упал на траву, 1961];

*Как-то он проснулся, и в тот же миг на него накинута мелкий и злобный **его** раздробленный **мир** и вошел в него* [Битов. Жизнь в ветреную погоду, 1963–1964];

*Сам мир людей, **наши** огромный человеческий **мир**, кричал и умолял ее голосом, просил меня поверить, что не пришел мой час, не пришло время моим текстам* [Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени, 1996–1997].

5. Субъект эмоционального отношения

В данных контекстах также фиксируется метонимический перенос: слово *мир* обозначает человека или группу людей со свойственными им эмоциями:

*Семейный **мир его** не возмущался ничем ни на минуту* [Лесков. Чающие движения воды, 1867];

*Не равнодушен лишь был **наши** правоведский **мир*** [Мещерский. Мои воспоминания, 1897];

***Наши** европейский так называемый образованный **мир** очень обрадовался тому, что нет религии, и решил, что ее совсем и не нужно* [Толстой. О социализме, 1910];

*Если работа понравится и не будет от нее страдать **мой** внутренний **мир**, я буду жить гораздо шире* [Батюто. Дневник, 1938].

6. Субъект изменения состояния

В типологии субъектов Г. А. Золотовой описан субъект состояния, однако применительно к настоящему объекту исследования более точной оказывается формулировка «субъект изменения состояния». Носители языка регулярно фиксируют изменение состояния внешнего мира или внутреннего мира. Данная образная семантическая модель актуализируется говорящим в случае представления мира как физической субстанции:

Поблещет твой фантастический мир, замрут, утонут мечты твои и осыплются, как желтые листья с деревьев [Достоевский. Белые ночи, 1848];

Ее мир сузился, стал плотным [Эренбург. Оттепель, 1953–1955];

Тут все было нужным и мне близким, а в церкви этот мой мир почему-то тускнел и уменьшался [Воробьев. Друг мой Момич, 1965];

В «Демоне» Врубеля, скажем, уже нет геометрических инструментов: геометрическим стал его мир [Шевченко. Зрячие вещи // «Звезда», 2003].

7. Экспликативный субъект

Представленный в «Коммуникативных аспектах русского синтаксиса» квалификативный субъект (*Кипарис – вечнозеленое растение, Волк есть хищник*) встречается в ситуациях классификации. В анализируемых контекстах, очевидно, отсутствует описание мира как класса, но говорящий может разъяснять содержание чьего-либо мира:

Я по правде тебе скажу: я мыслью своею и работой ужасно дорожу, но в сущности – ты подумай об этом: ведь весь этот мир наш – это маленькая плесень, которая выросла на крошечной планете [Толстой. Анна Каренина, 1878];

Комод был полон засушенных листьев; ее мир был – мир цветов, древесной коры, шишек [Вагинов. Бамбочада, 1931];

Его мир – это мир множества объективно существующих и взаимодействующих друг с другом [Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, 1963];

Их мир – это мир борьбы, в основе его – первый биологический закон, служащий скорее разъединению людей, чем их сплочению [Познанская. Параноик: величие и преследование // «Знание – сила», 1997].

8. Локальный субъект

Ввиду того что основным компонентом семантики слова *мир* является пространственное значение, данное слово, выполняя функцию субъекта, нередко обозначает некоторое ограниченное пространство:

Вы «бедная пастушка, ваш мир лишь этот луг» и вам простительно не знать, что такое нынче называется порядочные деньги [Лесков. На ножах, 1870];

Вероятно, потому, что весь мир мой тогда заключался в береге Невы и кусочке 13-й линии, где в сереньком домике в три окна жил мой возлюбленный дед [Каменская. Воспоминания, 1894];

Он почувствовал, что его мир не замыкается бревенчатыми домиками Круглогорья, что он живет во второй половине двадцатого века, во всем огромном современном мире [Аксенов. Коллеги, 1962];

Их тесный мир ограничивался своей улицей, домом, работой [Мень, Сын Человеческий 1969].

Представленный в настоящей работе анализ семантических ролей слова *мир* как компонента местоименно-посессивных сочетаний показывает существование закономерностей в осмыслении этого слова носителями языка.

Наиболее типичными из вышперечисленных значений субъекта для слова *мир* с посессивной атрибуцией являются значения кваликативного субъекта, экспликативного субъекта, локального субъекта, экзистенциального субъекта и субъекта изменения состояния. Носитель языка стремится охарактеризовать мир, определить его «содержание» и пределы, чутко реагирует на изменения, происходящие в мире.

При работе с контекстами принималась во внимание нелинейность человеческого мышления и, соответственно, невозможность безукоризненно четкого описания отобранного фактического материала. Тем не менее, как раз ввиду сложности понимания процессов осмысления носителями языка слов широкой семантики и наличия нерешенных вопросов в области семантического синтаксиса, подобные исследования должны проводиться.

В дальнейшем планируется изучение семантико-синтаксического функционирования других слов, характеризующихся широким значением, и выявление некоторых скрытых от непосредственного наблюдения механизмов категоризации действительности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/мир> (дата обращения: 17.05.2023).

2. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

3. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.05.2023).

4. Рогалев, А. Ф. Теория языкознания и философия языка: монография / А. Ф. Рогалев; Министерство образования Республики Беларусь, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины. – Гомель: Изд-во ГГУ имени Ф. Скорины, 2012. – 312 с.

5. Тестелец, Я. Г. Семантическая роль (Большая российская энциклопедия) / Я. Г. Тестелец. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4326141> (дата обращения: 21.05.2023).

УДК 820(73)

Пограничье как метафора идентичности «чикана» в рамках мексиканской и англо-американской культур на примере романа Сандры Сиснерос «Дом на Манго-стрит»

Зейналова К. В., Забайкальский государственный университет, аспирант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Воронченко Т. В., Россия

В настоящее время в литературе США обнаруживается «феминистическая и расово-этническая» тенденции [Делазари, 2016, с. 13]. Авторы обращаются к проблемам этнических и женских меньшинств. К первой группе писателей можно отнести следующих писателей: Ами-ри Барака, Ишмаил Рид, Максин Хонг Кингстон и др.; а такие американские авторы, как Грейс Пейли, Урсула Ле Гуин, Тони Моррисон и др. концентрируют своё внимание на женщинах.

Однако есть и третья группа писателей, например, Тони Кейд Бамбара и Сандра Сиснерос, творчество которых является транслятором особенно актуальных в современном мире проблем – расы, этноса и женщины – синтезируя и объединяя их в своих произведениях. В своих рассказах Т. К. Бамбара передаёт опыт афроамериканских девушек, живущих в США, а героинями романов С. Сиснерос являются мексикано-американки, которые живут на границе между Мексикой и США, постоянно пересекая эту границу как в географическом, так и метафорическом смысле.

Граница Мексики и США является точкой соприкосновения двух цивилизаций – западноевропейской и латиноамериканской. Мексикано-американское пограничье подразумевает «гибридные и переходные идентичности» [Толкачёв, 2015, с. 259] и диалог культур. Для современного мексикано-американского пограничного дискурса характерно то, что в качестве главной ценности выступает принцип культурного плюрализма и равноправия англо-американской и мексиканской культур.

Однако само понятие «американец мексиканского происхождения» или «мексикано-американец» уже свидетельствует о двойственности сознания и гибридной форме идентичности. Пребывая на границе как в физическом, так и в метафорическом смысле, мексикано-американцы находятся на стыке двух культур – культуры Латинской Америки и культуры мейнстрима (англо-американской). В качестве аргумента данной позиции приведём слова профессора Т. В. Воронченко, автора фундаментальных трудов по мексикано-американской литературе, которая отмечает, что «литературу чикано питают две мощные культурные традиции, одна из которых ведёт начало от древнемексиканских истоков и помогает пробиться к первооснове народного жизнеощущения, другая способствует постижению мира с позиций европейского цивилизованного сознания» [Воронченко, 2019, с.15]. Исходя из этого, идентичность мексикано-американцев складывается, опираясь на две разные культурные традиции и вместе с тем находясь на их границе.

Так, пограничье становится не только отдельным объектом изучения в мексикано-американском дискурсе, который «благоденствует и преуспевает на пространственных метафорах, таких как топос, топография, локус, картография и пейзаж» [Толкачёв, 2016, с.93], но и попыткой осмысления авторами чикано/а места американцев мексиканского происхождения в поликультурной среде на границе двух цивилизаций. Одним из первых этим вопросом задаётся Хосе Антонио Вильярреал. Его роман «Почо» (1959) становится знаковым, так как это своего рода переход от литературы «американцев мексиканского происхождения» к литературе «чикано». В романе подробно рассказывается о детстве Ричарда Рубио, отец которого покинул Мексику после революции 1910 года и мечтает вернуть свою семью в Мексику, но обстоятельства и выбор удерживают его в Соединенных Штатах. Ричард как американец борется с противоречивыми ценностями своих родителей-мексиканцев, хорошо учится в школе и хочет поступить в колледж, чтобы стать писателем, но он должен стать хозяином дома.

Пограничность как состояние Ричарда отражено и на обложке издания 1989 года. Здесь изображён Ричард, выглядящий как мексиканец, но держащий в руке книгу. Главный герой изображён на фоне двух пейзажей. Первый представляет собой картину того, как мексиканцы работают в поле, возделывают землю. Второй же – индустриальный пейзаж, американский город с высотками. Подобный приём для обозначения своего места на границе культур использовала Фрида Кало при создании картины «Автопортрет на границе между Мексикой и Соединенными Штатами» в 1932 году. Фрида изображает, как корни священных растений на мексиканской стороне становятся искусственными электрическими проводами, когда они подключаются к оборудованию на стороне США. Сама Фрида предстаёт в центре картины в розовом платье в колониальном стиле и ожерелье с символами предков. В руке, указывающей в сторону США, она держит сигарету, а в другой – флаг Мексики. Разрушенные древние сооружения, напоминающие город Теотиуакан с одной стороны, высотные здания и промышленные машины с надписью FORD под американским флагом с другой являются отражением духовного мира и идентичности художницы, которая располагается на границе двух культур.

Пограничье и поиск своего места и идентичности занимают также центральное место в творчестве Сандры Сиснерос. Постоянная миграция семьи писательницы между Мексикой и Соединенными Штатами сформировала в ней чувство «всегда находящейся между двумя странами, но не принадлежащей ни к одной культуре» [Doyle, 1996, с. 53]. С. Сиснерос передаёт через свои произведения опыт нахождения между двух культур и попытки осмыслить гибридную идентичность.

Проза С. Сиснерос связана с формированием идентичности чикана, изучением таких проблем, как экономическое неравенство, нахождение на границы двух культур, а также столкновение с патриархальными, а порой и вовсе женоненавистническими взглядами, присутствующими в обеих этих культурах. Граница присутствует во многих произведениях С. Сиснерос. Однако, по словам литературных критиков Х. Бенито и Аны Марии Мансанас, «образ границы становится полностью значимым не только тогда, когда мы рассматриваем его как физическую линию, но и когда мы освобождаем его от понятия пространства, чтобы охватить пол, класс, пол, этническую принадлежность и идентичность» [Benito, 2002, с. 3]. Так, граница в романах С. Сиснерос несёт в себе смысловую нагрузку не только с точки зрения географической категории, которая разделяет страны, но и как метафора идентичности чикана, которая является результатом синтеза мексиканской и англо-американской культур. Иногда граница подвижна и две культуры могут гармонично сосуществовать в одном человеке, а иногда она жесткая и между ними возникает острое напряжение.

Именно так происходит с героиней романа «Дом на Манго-стрит» Эсперансой Кордеро, мексикано-американской девочкой, которая выросла в рабочем латиноамериканском квартале Чикаго. Эсперанса живёт на стыке двух культур. Дома она сталкивается с мексиканской культурой, носителями которой является семья девочки, тогда как за пределами дома всё наполнено «другой», американской культурой.

Девочка по мере своего взросления пытается найти для себя образец для подражания внутри общины чикано. Однако Эсперанса отказывается воспринимать себя как мексикано-американку из-за ряда факторов, среди которых патриархальный гнёт, домашнее насилие и бедность, а потому пытается понять свою идентичность во внешнем мире, который кажется ей безопасным. Это начинает выражаться в предпочтении английского языка испанскому, желании купить дом за пределами Манго-стрит: «Мне нужен свой дом. Настоящий дом. Дом, на который я могу указать» [Сиснерос, 2019, с. 9]. Эсперанса не только стесняется дома, приобретённого её семьёй на Манго-стрит, но и выражает желание отделиться от своей семьи, своих мексиканских корней, что подчёркивается «ностальгическим мотивом утраты родного языка» [Воронченко, 2019, с.173].

Героиня романа готова даже отказаться от своего имени: «Мне бы хотелось креститься под новым именем» [Сиснерос, 2019, с. 13]. Это желание Эсперансы определяется несколькими факторами. Во-первых, девочка испытывает на себе насмешки со стороны сверстников в школе, ведь они считают её имя смешным, так как оно является испанским, «чужим» для культуры мейнстрима, представителями которой являются одноклассники Эсперансы. Во-вторых, это имя, по мнению героини, не подходит ей. Кроме того, это имя «на испанском – просто слишком много букв. Оно означает и печаль, и ожидание. Оно чем-то напоминает цифру девять – такое же изогнутое и подозрительное» [Сиснерос, 2019, с. 12]. Эсперанса не видит в своём имени ничего сакрального или значимого, того, что подходило бы её бойкому живому характеру.

Важным также является, что это имя принадлежало прабабушке героини, которая не хотела выходить замуж, пока «прадедушка не накинул ей на голову мешок и не увёз её. Вот так просто, если бы она была не человеком, а какой-нибудь красивой лострой» [Сиснерос, 2019, с. 12]. Рассказывая о судьбе прабабушки, которую заставили выйти замуж против её воли, Эсперанса на случайно сравнивает

женщину с предметом интерьера. Через этот приём С. Сиснерос подчёркивает статус женщин внутри общины чикано, где отношения основаны на патриархальных ценностях и притеснении женщины, её прав и свободы выбора. «Я унаследовала её имя, но я не хочу унаследовать её судьбу» [Сиснерос, 2019, с. 13], – говорит Эсперанса, выражая нежелание мириться с таким укладом жизни и разделять патриархальные ценности, перерастающие зачастую в угнетение и насилие, с которыми героиня сталкивается на протяжении всего романа, будь то рассказ о её прабабушке или судьба Салли – подруги Эсперансы, терпящей насилие в доме отца («До тех пор, пока, как рассказала Салли, он попросту не сошёл с ума, меж побоев забывая о том, что он её отец» [Сиснерос, 2019, с. 88]) и пытающейся спастись, выйдя замуж, однако и в браке она попадает в «патриархальную тюрьму».

Так, Эсперанса отказывается идентифицировать себя как чикана и стремится отделиться не только от своего дома и улицы Манго, но и от всего мексикано-американского, а внешний мир является для неё способом создать и утвердить свою личность, независимую от патриархального гнёта. «Дом, частью которого я была, хоть и никогда не чувствовала себя там своей» [Сиснерос, 2019, с. 102], – так героиня говорит о доме на Манго-стрит, когда готовится к переезду. Эсперанса понимает, что всё, что она пережила на Манго-стрит уже сформировало её как личность, стало частью ей самой, и даже если она покинет это место, то пережитый опыт никуда не исчезнет.

Таким образом, в романе «Дом на Манго-стрит» С. Сиснерос глазами Эсперансы Кордеро передаёт проблему идентичности чикана. Писательница подчёркивает, что, находясь между мексиканской и американской культурами, мексикано-американкам крайне сложно понять своё место. Община чикано предстает в романе «Дома на Манго-стрит» бедной и патриархальной, где распространено домашнее и сексуальное насилие над женщинами, тогда как внешний мир, мир американский предлагает женщинам свободу и независимость. Однако, несмотря на эту привлекательную перспективу, героиня в романе С. Сиснерос не идентифицирует себя как американку, понимая, что её корни находятся в общине чикано. Так, появляется особая форма идентичности, в основе которой лежит пограничье между мексиканской и англо-американской культурами и которая не отвергает ценности обеих культур, а соединяет их, позволяя мексикано-американкам гармонично существовать в мультикультурном мире США, не отрекаясь от своих корней.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Воронченко, Т. В. Мексикано-американский дискурс в литературе США / Т. В. Воронченко. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. – 256 с.
2. Воронченко, Т. В. Особенности языка «культурного пограничья»: феномен двуязычия в произведениях мексикано-американских писателей / Т. В. Воронченко // Язык в различных сферах коммуникации : Материалы III Международной научной конференции, Чита, 20–21 сентября 2019 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. – С. 171–173.
3. Делазари, И. А. Онтология антологии: современная американская проза по версии издательства «Norton» / И. А. Делазари // Литература двух Америк. – 2016. – № 1. – С. 265–286.
4. Сиснерос, С. Дом на Манго-Стрит / Сандра Сиснерос; [пер. с англ. А. К. Зайнуллиной]. – Москва: Эксмо, 2019. – 128 с.
5. Толкачёв, С. П. Мультикультурная литература как «третье пространство» / С. П. Толкачёв // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1. – С. 93–102.
6. Толкачёв, С. П. Парадоксы постколониального пространства / С. П. Толкачёв // Филология и культура. – 2015. – № 3(41). С. 258–261.
7. Benito, J. Border(lands) and Border Writing: Introductory Essay / Jesús Benito, Ana María Manzanar // Literature and Ethnicity in the Cultural Borderlands. – Amsterdam: Rodopi, 2002 – pp. 1–21.
8. Doyle J. Haunting the Borderlands: La Llorona in Sandra Cisneros's Woman Hollering Creek / J. Doyle. – URL: <https://www.jstor.org/stable/3346922> (дата обращения: 04.02.23).

УДК 820(73)

Философские аспекты межкультурной коммуникации в произведениях мексикано-американских авторов (С. Сиснерос, Х. М. Вирамонтес, А. Кастильо)

Зейналова К. В., Забайкальский государственный университет, аспирант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Воронченко Т. В., Россия

Межкультурная коммуникация – это непрерывный процесс взаимодействия между людьми из разных культур. Данный процесс является сложным феноменом, который включает в себя множество

философских аспектов. Как отмечает М.В. Зубова, «проблематика межкультурной коммуникации имеет многовековую историю и тесно связана с такими вопросами, как: культура, язык, диалог, культурная индивидуальность народа» [Зубова, 2017]. Так, межкультурная коммуникация предполагает понимание концепции культуры, которая включает в себя систему ценностей, норм и обычаев, влияющих на поведение и мышление людей.

Межкультурная коммуникация в мексикано-американской литературе имеет глубокий философский подтекст, который выражается в различных компонентах, так как эта литература затрагивает множество культурных и философских аспектов. Главный из философских аспектов межкультурной коммуникации в мексикано-американской литературе – это взаимодействие и противоречия между мексиканской и американской культурами. Мексикано-американские авторы часто обращаются в своих произведениях к вопросам национальной идентичности, что обусловлено проблемами социальной и культурной дискриминации, с которыми сталкиваются мексикано-американцы. Так, мексикано-американская литература является важным источником межкультурной коммуникации и философской мысли, поскольку она отражает уникальный опыт мексикано-американской культуры, основанный на непрерывном взаимодействии двух культур.

Межкультурная коммуникация является одним из главных тематических направлений в произведениях Сандры Сиснерос. В своих произведениях С. Сиснерос исследует проблемы, связанные с тем, как люди разных культур могут взаимодействовать и понимать друг друга, отражая различные аспекты культурного наследия мексиканского народа и его влияние на мексиканцев, живущих в США. В романе «Дом на Манго-стрит» [Сиснерос, 1983], Сиснерос рассматривает тему идентичности на примере главной героини Эсперансы и ее семьи – мексиканских мигрантов в США. Автор показывает, как мексиканцы, проживающие в Соединенных Штатах, сталкиваются с проблемой сохранения своей культурной идентичности, одновременно адаптируясь к новой культуре. В более поздних произведениях, например, «Чистая любовь» [Сиснерос, 2018], С. Сиснерос обращается к теме национальной принадлежности и гендерных ролей в контексте межкультурной коммуникации. Так, автор представляет мексиканскую культуру и ее влияние на жизнь мексиканцев, живущих в США, а также исследует взаимодействие между мексиканцами и американцами.

В произведениях Хелены Марии Вирамонтес, американской писательницы мексиканского происхождения, межкультурная коммуникация также является важным тематическим направлением. В романе «Под ногами Иисуса» [Вирамонтес, 1995] Х. М. Вирамонтес отражает тяготы жизни мигрантов на фоне красоты пейзажа. Также данное произведение воспроизводит феминистские взгляды Вирамонтес. Как отмечает М.А. Карбалло, «женщины в этом романе спасают себя сами» [Карбалло, 2009]. Так, роман не только затрагивает проблемы, связанные с диалогом культур, но поднимает тему гендера, что является неотъемлемой частью женской прозы в мексикано-американском дискурсе.

Ещё одна мексикано-американская писательница, которая обращается к теме межкультурной коммуникации и рассматривает вопросы идентичности, культурной адаптации и национальной принадлежности в своих произведениях, Ана Кастильо. В романе «Стражи» [Кастильо, 2007] А. Кастильо раскрывает проблему культурной адаптации и идентичности мигрантов на примере истории главной героини Реджины, которая переехала из Мексики в США. Героиня сталкивается с трудностями в адаптации к новой культуре и пытается сохранить свою мексиканскую идентичность.

Таким образом, мексикано-американская литература обращается к таким философским аспектам межкультурной коммуникации, как идентичность, культурная адаптация, национальная принадлежность и гендерные роли. В своих произведениях С. Сиснерос, Х. М. Вирамонтес и А. Кастильо показывают, как различия в культуре и языке могут привести к трудностям в межкультурной коммуникации, и как люди могут преодолеть эти трудности, сохраняя свою идентичность и адаптируясь к новой культуре.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Зубова, М.В. Философские основания межкультурного коммуникативного пространства. – URL: http://abyss.su/media/abyss_issue/2/zubova_filosofskie_osnovanija.pdf (дата обращения: 04.04.23).
2. Сиснерос, С. Дом на Манго-Стрит / Сандра Сиснерос; [пер. с англ. А.К. Зайнуллиной]. – Москва: Эксмо, 2019. – 128 с.
3. Carballo, M. A. Helena Maria Viramontes. / Mirian A. Carballo, Wanda H. Giles // Dictionary of Literary Biography, Volume 350: Twenty-First-Century American Novelists, Second Series. – Northern Illinois University: A Bruccoli Clark Layman Book, 2009.
4. Castillo, A. The Guardians: A Novel / Ana Castillo. – Random House, 2007. – 211 p. – URL: https://books.google.ru/books/about/The_Guardians.html?id=k851AAAAMAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 04.04.23).

5. Cisneros, S. Puro Amour. – URL: <https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/sandra-cisneros/puro-amor-quarternote-chapbook-series/> (дата обращения: 04.04.23).

6. Viramontes, H-M. Under the Feet of Jesus. – URL: <https://archive.org/details/underfeetofjesus000vira> (дата обращения: 17.04.2023).

УДК 811.161.1

Особенности употребления китайских заимствований тематической группы «политика» в современном русском языке (на материале рунета)

Ильсова С. В., Южный федеральный университет, д.ф.н., профессор, Россия

Болотова А. Ю., Южный федеральный университет, аспирант, Россия

Лексика – наиболее подвижный пласт современного русского языка, что отчетливо заметно на материале медиатекстов российской блогосферы. Об этом свидетельствует перманентно возрастающее количество неологизмов, а также иноязычных заимствований. Проблема заимствований всегда была значима для отечественной лингвистики, однако сегодня, с укреплением российско-китайских отношений, наблюдается новый виток его развития.

Ранее основная часть иноязычной лексики была заимствована преимущественно из европейских языков (английского, немецкого, французского и реже – других). Количество заимствований из китайского языка было невысоким вплоть до недавнего времени, что было обусловлено желанием «объясняться с китайцами на русском, не особо стараясь учить китайский» [Осокин, 1996, с. 118]. Подобная ситуация также была вызвана готовностью китайцев изучать русский язык и общаться на нем для осуществления успешной коммуникации. Кроме того, значимую роль играла и сложность китайского языка, значительно отличающегося от русского.

Для китайского языка характерно отсутствие буквенного алфавита и наличие иероглифического письма, что отнюдь не свойственно русскому языку. Иная языковая система осложняет процесс изучения языка и, как следствие, замедляет процесс заимствования лексики. Система романизации китайского языка «пиньинь» не является прямой заменой иероглифики и лишь в некоторой мере облегчает восприятие китайских слов на слух. Что касается процесса заимствования, куда более важную роль здесь играет обращение отечественных лингвистов к «традиционной системе транслитерации, созданной Иакинфом Бичуриным и кодифицированной архимандритом Палладием» (системы Палладия) [Daochinasite.com, URL]. Рассматриваемая транскрипционная система «достаточно адекватно передает звучание китайских слов и используется в русских переводах с китайского языка уже более 100 лет» [Постоеenko, 2020, с. 470]. Таким образом, в «таблице Палладия» каждому звуку или сочетанию китайских звуков соответствует буква (или несколько букв) русского алфавита. Это значительно облегчает процесс транскрибирования, однако не всегда решает трудности, возникающие в процессе заимствования. Тем не менее, в последние годы наблюдается активное пополнение лексики современного русского языка за счет китайских заимствований.

В настоящее время неоспоримым становится влияние китайского языка на процесс заимствования лексических единиц в русском языке. Это напрямую связано с перманентным интересом россиян к культуре и языку Китая. Кроме того, в условиях глобализации и укрепления отношений между Россией и Китаем немалое число процессов, возникающих и протекающих в китайском обществе, становится актуальными и для российской действительности. Все это влечет за собой заимствования лексики из китайского языка (как правило, путем транскрибирования) и, как следствие, становится причиной увеличения числа неологизмов китайского происхождения в русском языке, а также увеличения частоты использования тех китаизмов, которые проникли в русский язык ранее и на сегодняшний день уже закрепились в словарях.

Лексика русского (как и любого другого) языка в целом и лексические единицы исконно китайского происхождения в частности подразделяются на определенные тематические группы и подгруппы. В контексте рассмотрения китаизмов одной из наиболее интересных для изучения является тематическая группа «политика», активные изменения лексики которой связаны с возрастающим влиянием внутренней и внешней политики Китая на внутри- и внешнеполитические процессы России. Это влияние также наиболее отчетливо демонстрируют медиатексты социальных онлайн-платформ российского сегмента сети Интернет.

В настоящее время электронные носители информации приходят на смену печатным, предоставляя информацию, которую «быстрее и легче распространять, передавать, обрабатывать, систематизировать и хранить» [Беспалова, 2017, с. 197]. В этом заключается основная причина

популярности социальных медиа, которые на сегодняшний день позволяют пользователям получать актуальную информацию из различных источников в режиме реального времени, а также высказывать собственное мнение в комментариях и публикациях, размещаемых на базе блогов и микроблогов (как личных, так и публичных). Именно медиатексты, публикуемые в наиболее популярных российских социальных медиа, отчетливо демонстрируют тенденцию к использованию китаизмов в речи современного русского языка.

Рассматривая заимствования тематической группы «политика», в первую очередь необходимо отметить случаи употребления закрепленных в словарях слов исконно китайского происхождения.

Одним из таких является существительное «маоизм», обозначающее теоретическое учение Мао Цзэдуна, «сложившееся под влиянием марксизма, сталинизма, традиционной китайской философии (преимущественно конфуцианства)» [Большая советская энциклопедия, URL]. Существительное «маоизм» образовано от *кит.* 毛泽东主义 (máo zédōng zhǔyì), где 毛泽东 (máo zédōng) – имя основателя КНР Мао Цзэдуна, а 主义 (zhǔyì) – идея, учение. Понятие «маоизм» активно употребляется в публикациях СМИ и блогов, которые рассматривают вопросы китайской политики. Так, одним из ярких примеров является статья РИА «Новости» «Маоизм и организации маоистов в мире. Справка». Автор публикации активно употребляет в тексте не только термин «маоизм», но и образованное от него существительное «маоист», называя последователей учения Мао Цзэдуна.

Активное использование также получили слова, образованные от названия китайских политических партий. Существительное «гоминьдан» и производные от него были образованы от названия консервативной китайской партии Гоминьдан (*кит.* 国民党), которая тяготеет к воссоединению Китая под главенством Тайваня. Слова, образованные от названия партии Гоминьдан, также получили активное употребление в текстах СМИ и блогосфере рунета. В материале «Гонконг – Фашизм и гоминьдановщина не пройдет. Нет украинизации Гонконга» на портале LifeJournal автор активно использует не только слово «гоминьдан», но и образованное от него при помощи суффикса –щин и окончания –а существительное «гоминьдановщина».

Помимо слов, уже закрепленных в словарях, среди заимствований китайского происхождения есть и те, что были заимствованы не так давно. Такие заимствования – неологизмы – как правило, называют понятия, появившиеся в китайском обществе относительно недавно и часто напрямую связанные с Интернет-пространством. Одно из таких – существительное «умаодан» (*кит.* 五毛党 (wǔmáodǎng)), что в переводе с китайского означает «армия пяти мао», «50-центовая партия», «50-центовая армия». Понятие «умаодан» в большей степени присуще китайскому интернет-сленгу. Оно описывает китайских блогеров, продвигающих положительное мнение о китайском правительстве и его политике, за оплату в размере пяти мао. Проникновение неологизма в русский язык обусловлено тесной связью культур на современном этапе развития, а также возрастающим интересом россиян к внутренней и внешней политике КНР.

Существительное «умаодан» было известно и прежде, однако истинную популярность оно приобрело в начале 2020 года. Понятие вновь стало актуальным благодаря проникновению представителей «армии пяти мао» в российское интернет-пространство. Их комментарии, как правило, были написаны на ломаном русском языке (очевидно использование машинного перевода), что порой делало написанное абсурдным. Это породило в рунете серию мемов, высмеивающих подобные тексты и закрепило существительное «умаодан» среди неологизмов китайского происхождения. Подтверждением тому также служат публикации в российских блогах, описывающих явление «умаодан», а также рассказывающих историю возникновения мемов, связанных с ним. К их числу относятся тексты авторов «Магазеты» («Умаодан – армия платных блогеров в Китае»), «temeredia» («Партия гордится тобой»), ВК-сообществе «Байки лаовая» («Интересные факты о китайском языке»), личных блогах на портале «Дзен» и др.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалова, И. В. Характеристика коммуникативного процесса в социальной сети / И. В. Беспалова // Вестник ННГУ. – 2017. – №3. – С. 196–198.
2. Большая советская энциклопедия. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Маоизм> (дата обращения: 20.11.2022).
3. Осокин, Г. М. Московия на Востоке. Русский разлив: альманах / Г. М. Осокин // Фонд «Мир Льва Гумилева»; Сост. Куркчи А. И. – М. : ДИ ДИК Танаис, 1996. – С. 118–259.
4. Постоечко, И. А. Специфика перевода культурологического аспекта анимационных фильмов для дальнейшего субтитрования (на материале китайского языка) / И. А. Постоечко, К. А. Курбатова // МНКО. – 2020. – №3 (82). – С. 470–471.

5. Daochinasite.com: сайт энциклопедии. – URL: <http://www.daochinasite.com/study/pallad.shtml> (дата обращения: 18.11.2022).

УДК 81`42

Лексические средства реализации воздействующей стратегии в сфере медицинского туризма (на материале текстов рекламного сайта медицинской клиники «Сон», Южная Корея)

Ильясова С. В., Южный федеральный университет, д.ф.н., профессор, Россия

Кан К., Южный федеральный университет, аспирант, Россия

Медицинский туризм – это новый фактор экономического роста, возникший в результате конвергенции медицинской и туристической отраслей, на который в Южной Корее обратили внимание благодаря активной поддержке правительства с 2009 года. В отличие от индустрии туризма в целом, индустрия медицинского туризма считается отраслью с высокой добавленной стоимостью, которая приносит большую прибыль, предоставляя услуги глобальным потребителям медицины. Ежегодно Корею посещают в среднем 400 000 иностранных пациентов. Среди них 40 000 пациентов из России. Этот рынок достаточно перспективен.

Медицинский туризм – это разновидность туризма, предполагающая поездки за границу в медицинские клиники с целью профилактики и лечения различных заболеваний.

Первое знакомство русских клиентов с клиниками чаще всего происходит посредством информации, отраженной в рекламной продукции. Грамотное использование языковых, в частности, лексических средств позволит повлиять на выбор той или иной клиники, поэтому особенности вербализации стратегий и тактик с целью воздействия на реципиентов остается в настоящее время актуальной областью исследований. В данном исследовании мы анализируем сайт медицинской клиники «Сон» («Sun Medical center») в Южной Корее.

Для начала отметим, что в своей рекламной кампании медицинская клиника задействует все способы передачи информации: СМИ, печатные издания, сеть Интернет (существуют страницы в Какао, YouTube, других социальных сетях и различных блогах).

Рассмотрим сайт «Sun Medical Center». В русскоязычной версии сайта представлена исчерпывающая информация о деятельности клиники и оказываемых ею услугах. Особым потенциалом для воздействия на предполагаемых русскоговорящих клиентов обладают лексические средства. На сайте частотными являются лексемы «международный», «глобальный» (например, «*международный* диагностический центр», «*глобальная* клиника»). Употребление данных лексем позволяет повысить репутацию клиники для потенциального клиента. Реципиент понимает, что клиника имеет резервы для оказания качественных услуг и придерживается четких принципов работы с иностранными гражданами [Дзараева, 2014].

В разделе «Основные ценности клиники» обращают на себя внимание три слова: «забота», «доброта» и «умеренность», которые были выбраны не случайно: основатель клиники Sun Hospital уже долгое время оказывает бесплатную медицинскую помощь и осуществляет волонтерскую деятельность. Первая ценность (забота) – это проявление внимания к любому клиенту, который обращается за помощью. Главное – оставаться разумным, человечным, удовлетворять потребности каждого человека, даже если он не может оплатить лечение. Вторая ценность (доброта) – это искреннее желание каждого сотрудника медицинской клиники помочь клиентам. Это связано с корейской культурной картиной мира, в которой «клиент – это король», поэтому клиенту нужно давать только лучшее. Третья ценность (умеренность) – это не только демократичность в ценах, но и контроль над своими эмоциями. Сотрудник клиники – это прежде всего человек, который ответственен за здоровье пациента, поэтому на первом месте у врачей стоит необходимость беспристрастно и объективно вылечить, правильно поставить клиенту диагноз. Таким образом реализуется воздействующая стратегия. Её целью является составление положительного впечатления об учреждении.

Обратимся к разделу «Философия клиники “Сон”». В нём приведена следующая информация: «Мы предоставляем *лучшие* медицинские услуги *всем* обратившимся к нам за помощью, *независимо от времени, без каких-либо ограничений*» [Sun Medical Center, URL]. Ключевые слова в этом предложении: «лучшие медицинские услуги», «всем», «независимо от времени», «без ограничений». Данные лексические средства используются для убеждения потенциальных пациентов в том, что в клинике «Сон» оказываются качественные медицинские услуги любому человеку в круглосуточном режиме.

Необходимо отметить, что каждый раздел, который посвящён отделениям клиники, обязательно сопровождается лексемами со значением «высокий» («клиника *высшего уровня* по эндопротезированию тазобедренного сустава», «соответствие диагностического центра 1200 пунктам международного стандарта свидетельствует о *высоком качестве* услуг, комфорта, безопасности для пациента»), а также «первый» и «лидер» («Клиника "Сон" является *лидером* в Центральном регионе страны по количеству лечения пациентов с аритмией» [Sun Medical Center, URL]). Данные лексемы позволяют создать впечатление, что клиника оказывает не только качественные медицинские услуги, но и использует передовые медицинские технологии, что повышает уровень доверия потенциального клиента к клинике.

Анализ сайта позволил выделить ряд других, наиболее часто повторяющихся оценочных лексем: «новейший», «современный», «высокотехнологичный», «передовой», «качественный», «комплексный», «специализированный», «индивидуальный», «профессиональный», «квалифицированный». Также используются термины, которые относятся к способам лечения и диагностике заболеваний. Все используемые лексемы также служат для реализации воздействующей стратегии. Благодаря доступности описания способов лечения болезней потенциальный пациент способен самостоятельно оценить все риски и найти способ решения индивидуальных проблем со здоровьем. Открытый список медицинского оборудования также направлен на создание доверия, убеждения в точности проведения исследований и лечения.

Таким образом, потенциальный клиент после ознакомления с сайтом клиники «Сон» получает основную информацию о структуре и функциях данного медицинского учреждения, о способах диагностики и лечения, а также о специальных условиях для медицинских туристов. В результате реализации воздействующих стратегий и тактик в материалах сайта клиники «Сон» в сознании реципиента фиксируется высокое качество предоставляемых услуг, формируется профессиональная репутация клиники, которой можно доверять, что, в свою очередь, выгодно отличает медицинскую клинику «Сон» от ряда других корейских клиник, которые предоставляют свои услуги на международном рынке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова, М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. фил. н. (10.02.01) / Барсукова Марина Игоревна. – Саратов, 2007. – 21 с.
2. Борисова, Т. Г. Текст медицинской рекламы: дефиниции и функции / Т. Г. Борисова, Л. Г. Фролова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 84–86.
3. Дзараева, Н. А. Стратегии и тактики медицинского дискурса / Н. А. Дзараева, Д. Д. Шуракова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2014. – № 10. – С. 28–33.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Омск, 1999. – 284 с.
5. Комарова, А. А. Влияние рекламной деятельности на выбор пациентами медицинской организации / А. А. Комарова, Е. В. Дианина, Е. В. Мореева // Проблемы социальной гигиены и история медицины. – 2019. – С. 972–977.
6. «Sun Medical Center». URL: <https://www.sunhospital.com> (дата обращения 28.11.2022)

УДК 811.112.2

Индивидуально-авторские особенности концепта «Traum» в творчестве Н. Ленау и их влияние на формирование немецкой языковой картины мира

Кокора Ю. В., Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, преподаватель, Россия

Научный руководитель: д.ф.н, профессор Лучинская Е. Н., Россия

Язык – главный инструмент самовыражения индивида. Именно ему принадлежит роль «строительного материала» человеческих отношений. Благодаря языку человек обретает способность передавать важную информацию, выражать чувства, высказывать свое мнение.

Главным союзником языка и речи является мышление: оно отвечает за логичность повествования, способствует формированию языковых норм, речевого этикета, а в процессе исторического развития – появлению и сохранению духовных и культурных ценностей, также находящих отражение в языке.

В данной работе проблема соотношения языка, мышления и культуры представлена посредством анализа художественного концепта «Traum» в работах австрийского поэта-романтика, что позволяет нам рассмотреть указанный выше концепт с позиций когнитивной лингвистики.

Сегодня вопросами взаимоотношения языка и культуры занимается достаточно большое количество лингвистов. Среди них следует выделить следующих российских ученых, посвятивших свои труды вопросам лингвокультурологии: В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, В. В. Красных, Н. Ф. Алефиренко и др. Однако, несмотря на достаточно большое количество исследований в этой области, проблема соотношения лингвокультур остается актуальной. Более того, концепт «Traum» является наименее изученным элементом в немецкой языковой картине мира, что предоставляет нам широкое поле для анализа. Цель работы – дать характеристику концепту «Мечта» как базовому понятию лингвокультурологии, а также определить его роль в немецкой художественной картине мира.

Концепт – ментальная единица, позволяющая структурировать знание о мире. Она не имеет четких границ и хранит в себе индивидуально-перцептивные характеристики с одной стороны и национальную маркированность – с другой. Так, концепт «Traum» обладает в немецком языке особой, свойственной только немецкому языку концептосферой. Отчасти совпадая с аналогичным концептом в других европейских языках, черты которого пришли в немецкий язык с течением времени (сначала – из родственных языков, потом – под влиянием латыни), концепт «Traum» вобрал в себя самобытные черты, свойственные немецкой культуре и менталитету [Карасик, 2004, с. 51].

В европейской культуре на формирование концепта «Мечта» во многом повлияло развитие диалектов и появление письменности, благодаря которой звуковая оболочка многих слов приобрела графический образ. Так германская ветвь индоевропейской языковой семьи может быть представлена такими словами как «Traum» (нем.) и «Dream» (анг.). Разумеется, оба слова имеют отличающуюся от латинского языка корневую основу. Согласно немецкому этимологическому словарю («Etymologisches Wörterbuch des Deutschen»), абстрактное существительное «Traum» обязано своим происхождением древневерхнемецкому слову «troum», появившемуся в X веке и сохранявшему свою форму до XIV столетия. Наряду с древневерхнемецким развивается древнесаксонский язык, в котором появляется слово «drōm», заимствованное позднее в среднеанглийский язык и получившее форму «drēm» (современное английское слово «Dream») [Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, URL]. Оба слова имели одинаковое значение: «неосуществимая, обманчивая картина».

Во многом на становление изучаемого нами концепта в европейской культурологической картине мира повлиял латинский язык. Именно благодаря ему слово «мечта» в большинстве романо-германских языков стало многозначным, приобретя значение «образа, увиденного во сне» [Кокора, 2023].

Сегодня в немецком языке слово «Traum» является многозначным. В словаре «Duden» мы находим следующие дефиниции:

1. Im Schlaf auftretende Abfolge von Vorstellungen, Bildern, Ereignissen, Erlebnissen (Последовательность представлений, образов, событий, переживаний, происходящих во сне);
2. Sehnlischer, unerfüllter Wunsch (сокровенное, неосуществимое желание) [Duden. Wörterbuch].

Как мы видим из дефиниций, немецкое слово «Traum» может иметь различные и непохожие друг на друга оттенки значений, определить которые можем только на основе контекста.

Эпоха романтизма способствовала формированию рассматриваемого нами концепта. Через призму индивидуально-авторского сознания происходило его развитие, концепт «Traum» вбирал в себя новые черты и наделял их универсальностью. Значительный вклад в становление анализируемого нами концепта внесли немецкие и австрийские поэты-романтики. Среди них следует выделить следующие имена: Н. Ленау, Новалис, Ф. Шлегель, Ф. Грильпарцер и др. Наша работа посвящена анализу произведений Н. Ленау и их влиянию на формирование лингвокультурологического концепта «Traum» в немецкой языковой картине мира. Рассмотрим на примерах этот процесс:

«Ich wagt' es mich zu regen kaum
In meinem stillen Sinnen,
Besorgt, das Häuschen möcht', ein Traum,
Vor meinem Blick zerrinnen.

«Шелохнуться не осмеяюсь,
В свои мечтанья погружен,
Я лишь об одном надеюсь:
Явь не нарушит сладкий сон.

Doch, sieh, da öffnet sich die Tür,
Der Zauber war geschwunden,
Es trat ein Jägersmann herfür
Mit nachgesprengten Hunden.» [Lenau, «Reise
Empfindung», Sämtliche Werke, 2022, 131 S.]

Но резко распахнулись двери,
Держа борзых на поводке,
Вошел охотник в наши сени,
И чудо испарилось налегке» (здесь и далее –
перевод наш: Кокора Ю. В.).

В данном отрывке мы видим три лексемы, относящиеся к концептосфере «Traum»: «Sinne», «Traum» и «Zauber». Абстрактное существительное «Sinn», имеющее основное значение «смысл», приобретает в данном отрывке подтекст мечтаний, грез. Данное явление отражено в переводе: вместо исконного значения слова мы заменили его контекстуальным синонимом «мечтанья».

Существительное «Traum» имеет в данном контексте значение сновидения, свойственное европейской культуре и представленное в русском языке отдельным словом. В целях сохранения первоначального смысла, данная лексема была переведена посредством эпитета «сладкий сон», что также соответствует рассматриваемой нами концептосфере.

Абстрактное существительное «Zauber» (чудо) является одним из компонентов концепта «Traum», так как отражает его эфемерную сущность. «Чудо» так же, как и «Мечта» подразумевает в своем значении предмет желаний, стремлений, надежду на осуществление невозможного. В данном отрывке абстрактное существительное «Zauber» является контекстуально близким по своему значению существительному «Грезы», так как несет в себе оттенок созерцательности. Решение заменить данную единицу перевода ее полным эквивалентом в другом языке стилистически верно, так как автор рисует перед нами картину безмятежности двух влюбленных, в которой имеет место элемент чуда.

С помощью различных изобразительно-выразительных средств автор передает атмосферу гармонии, нарушенную явлением повседневной жизни. Данная идея автора сохранена и в переводе. Несмотря на то, что эквилиnearность сохранить не удалось, смысловая целостность перевода не оставляет сомнений.

В данном отрывке нами были найдены следующие изобразительно-выразительные средства:

1. Эпитет: stille Sinne, nachgesprengte Hunde;
2. Олицетворение: Der Zauber war geschwunden;

В переводе на русский язык нами были использованы следующие стилистические тропы:

1. Эпитет: сладкий сон;
2. Олицетворение: чудо испарилось;

Как мы видим из стилистического анализа, один из тропов (олицетворение) удалось сохранить при переводе, что доказывает контекстуальную близость исходных единиц и единиц перевода.

Таким образом, в произведении «Reise Empfindung» Н. Ленау, концепт «Traum» можно охарактеризовать как «мечту-грезу». Данный концепт является одним из доминантных, так как несет в себе смысл, отражающий черты индивидуально-авторской картины мира.

В другом произведении Н. Ленау – «Zu spät» – концепт «Traum» представлен иной палитрой значений:

«Schon hat der Lenz verblüht und ausgesungen: Die holden Träume, seligen Gefühle Erstarben in der bange Sommerschwüle. Mit der das Thatenleben angedrungen».	«Весна наших дней уже отцвела Погасли былые мечты и желания В томном дыхании летнего дня Ловлю прежней жизни воспоминания» (перевод наш: Кокора Ю.В.)
[Lenau, «Zu spät» Sämtliche Werke, 2022, 51 S.]	

В данном отрывке рассматриваемый нами концепт представлен несколькими лексемами: «der Lenz», «die holden Träume», «die seligen Gefühle». Существительное «Lenz», имеющее основное значение «весна», приобретает в данном контексте метафоричное значение, близкое концептосфере «Traum». Для автора весна – это время новых надежд, любви и романтики, рассеявшаяся, словно мираж, в «томном дыхании летнего дня» («in der bange Sommerschwüle») – прозаичном периоде жизни лирического героя.

Абстрактное существительное «Traum» обладает в данном контексте своим вторым основным значением: «сокровенное, неосуществимое желание». Использование стилистического тропа, эпитета «милые мечты» («die holden Träume») позволяет автору добавить в исконное значение слова оттенок ностальгии, который нам удалось сохранить при переводе («былые мечты»). Таким образом, слово «Traum» обретает в стихотворении «Zu spät» индивидуально-авторские черты. Новое значение слова можно охарактеризовать как «неосуществимое, милое сердцу желание, которому не суждено сбыться».

Особое внимание следует уделить эпитету «die seligen Gefühle». Несмотря на то, что само существительное «das Gefühl» («чувство») нельзя отнести к рассматриваемой нами концептосфере, используемый эпитет «die seligen Gefühle» («радостные, счастливые чувства»), является одной из составляющих изучаемого нами концепта.

В данном отрывке нами были найдены следующие изобразительно-выразительные средства:

1. Эпитеты: die holden Träume, die seligen Gefühle, bange Sommerschwüle;
2. Олицетворение: der Lenz hat ausgesungen, die holden Träume, seligen Gefühle erstarben;
3. Метафора: mit der das Thatenleben angedrungen.

В переводе на русский язык нами были использованы следующие стилистические тропы:

1. Эпитеты: томное дыхание летнего дня;
2. Олицетворение: погасли былые мечты и желания;
3. Метафора: весна наших дней; ловлю прежней жизни воспоминания.

Как мы видим из стилистического анализа, многие стилистические тропы были сохранены при переводе:

Эпитет «bange Sommerschwüle» передан аналогичным изобразительно-выразительным средством («томное дыхание летнего дня»). Также удалось сохранить при переводе олицетворение («die holden Träume, seligen Gefühle erstarben» – «погасли былые мечты и желания») и метафору («mit der das Thatenleben angedrungen» – «ловлю прежней жизни воспоминания»), заменив в них некоторые составляющие стилистическими аналогами.

Таким образом, рассмотрев основные особенности концепта «Traum», мы пришли к выводу о том, что в творчестве Н. Ленау можно выделить несколько основных значений концепта «Traum»:

1. Sehnllicher Traum («Заветная мечта»);
2. Fabelhafter Wunsch («Мечта-чудо»);
3. Träumerische Hoffnung («Мечта-чаяние»);
4. Süßer Traum («Мечта-сон»);
5. Träumerische Erinnerung («мечтательное воспоминание», «Мечта-ностальгия»).

В заключение отметим, что концепт «Мечта» в проанализированных произведениях Н. Ленау доминантный, он вербализован с помощью комплекса тропов и характеризуется многослойностью и поликодовостью, благодаря чему черты индивидуально-авторского концепта с течением времени переросли в универсальный концепт, обогатив немецкую художественную картину мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик – М. : ГНОЗИС, 2004. – 389 с. ISBN 5-7333-0143-0.
2. Кокора, Ю.В. Концепт «Мечта» в русской художественной картине мира (на материале поэтических произведений А.С. Пушкина) / Кокора Ю. В.// Russian Linguistic Bulletin №3 (39).
3. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных. – М: Гнозис: Кучково поле, 2001. – 269 с. ISBN 5-94244-010-7.
5. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г. Г. Слышкин. – В: Перемена, 2004. – 339 с. ISBN 5-88234-704-1.
6. Duden. Wörterbuch. – Bibliographisches Institut GmbH 2021.
7. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/Traum> (дата обращения: 15.04.23)
8. Lenau Nikolaus Sämtliche Werke / Mit einer biogr. Einl. von Otto Franz Gensichen. – Stuttgart; Leipzig: Dt. Verlags-Anstalt, 1902, neu verararbeitet 2022. – 373 S.

УДК 81`25

Переводы художественной литературы как средство русско-армянского культурного диалога

Костина Г. В., Московский педагогический государственный университет, аспирант, Россия
Научный руководитель: д.ф.н, профессор Чапаева Л. Г., Россия

Перевод художественной литературы всегда являлся одним из способов культурного общения народов. Благодаря переводу происходит сближение различных культур, их взаимообогащение, осуществляется передача накопленного опыта, знаний, становится возможным окунуться в мир иных чувств, ощущений, переживаний, прочувствовать их своеобразие на своём языке. Перевод художественной литературы – это прежде всего перевод не языка, а культур. В данной работе мы рассмотрим перевод как средство культурного взаимодействия на примере армяно-русской и русско-армянской переводческой деятельности.

Перевод с армянского языка, как и перевод на армянский язык имеет свои особенности. Когда говорят о переводе на армянский язык, объективно имеется в виду литературный язык, который является государственным языком Армении. Именно на этот язык и с него в настоящее время переводится большинство текстов русского языка. Сложность заключается в том, что армянский язык существует в двух формах: западноармянский и восточноармянский литературный язык. При этом в переводах чаще всего используется восточноармянский вариант. Переводы же с русского на западноармянский и наоборот встречаются гораздо реже. При этом надо учитывать, что в каждой области бытует свой диалект, активно

использующийся в бытовом общении: ленинканский, шамшадинский, ереванский и т.д., которые стоят вне литературного языка.

Объяснимо, что первым и главным автором, переводы произведений которого заложили традиции русско-армянских культурных и литературных связей, стал Александр Пушкин. Знакомство с произведениями Пушкина способствовало творческому формированию многих армянских поэтов. Е. Чаренц в одном из своих дневников писал, что все армянские поэты были воспитаны на Пушкине, и нет ни одного армянского поэта, в творчестве которого не наблюдалось бы влияние поэзии великого русского писателя и поэта.

Мастерски и талантливо переводили стихи великого русского поэта классики армянской литературы: Ов. Туманян, Ал. Цатурян. Успех переводов Туманяна объясняется не только талантом армянского поэта, но и тем, что ему были близки художественные принципы Пушкина. Туманян и Пушкин – выразители дум и чаяний своего народа. Творчество обоих поэтов характеризует народность, которая выражается в мировосприятии, форме и истоках их произведений. Ал. Цатуряну наряду с умением передать глубину пушкинской мысли, удалось сохранить авторские интонации, напевность и красоту стиха.

Как известно, огромную роль в обогащении культуры и литературы как Армении, так и России сыграл В. Я. Брюсов. Он переводил с оригинала в тех случаях, когда хорошо владел языками, например, французским и латинским, а с подстрочника – когда был лишь знаком с языком, например, с армянским. Результатом переводческой деятельности В.Я. Брюсова становится антология «Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней», вышедшая в свет в 1916 г. В неё входят песни разного характера: о любви, колыбельные, военные песни, а также народная эпопея «Давид Сасунский». В. Брюсов высоко ценил великого армянского поэта, лирика Ованеса Туманяна. Его произведения были переведены не только Брюсовым, но и К. Бальмонтом, С. Городецким. Последний отмечал, что О. Туманян и Армения стали для него источником вдохновения и поводом для написания книги «Ангел Армении». В свою очередь именно благодаря переводам Туманяна армянский народ мог приобщиться к русской литературе. Он был не только замечательным поэтом, но и знатоком русской литературы. Его переводы из произведений Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Блока раскрыли армянскому читателю богатейший мир русской поэзии.

В середине XX века к Туманяну обращаются А. Тарковский и Б. Ахмадулина. Кроме лирики О. Туманяна А. Тарковский переводит стихотворения Саят-Нова, Е. Чаренца, О. Шираза, А. Сагияна. Лучшие переводы Тарковского из армянской поэзии вошли в книгу «Звёзды над Арагацем». З.Г. Айрян, анализируя перевод Тарковского, проводит сопоставительный анализ поэмы Туманяна «Лориец Сако», подлинника и перевода. По ее мнению, Тарковскому-переводчику удалось воспроизвести мир армянской деревни, показать склад мышления и мировосприятия простого армянина. Заслугой переводчика можно считать блестящий перевод междометий [см.: Айрян, 2020, с. 68–69]. Блестяще передаются языковые и стилистические особенности поэзии Ованеса Туманяна в переводах А. Тарковского и Б. Ахмадулиной. Также Тарковским передан приём звукописи – аллитерации, использованный О. Туманяном в оригинале.

Б. Ахмадулина перевела произведения Туманяна, предназначенные детям. В стихотворениях для детей преобладают фольклорные мотивы, которые передают быт, традиции, мировоззрение простого армянского народа. Поэту удалось передать не только смыслы, но и достоверно воспроизвести восточный колорит.

Хотелось бы отметить переводы стихов М. Цветаевой на армянский язык. В 1983 году был издан первый сборник стихотворений М. Цветаевой на армянском языке «Тебе – через сто лет» в переводах Г. Эмина, А. Парсамян, Р. Бейларяна, Г. Карчикяна. И до этого Цветаеву переводили. Первым переводчиком стал Геворк Эмин, который в 1962 году опубликовал в своей книге «Две дороги» несколько стихотворений поэта: «Вчера еще в глаза глядел...», «Полюбил богатый бедную», «Я – странница твоему перу...» и др. Переводчик обратил внимание на сложность ее манеры письма. В предисловии к сборнику Г. Эмин писал про стихи М. Цветаевой: «Они неперевоимы не только по той причине, что Цветаева, подобно волшебнице, способна извлекать из каждого русского корня все возможные и невозможные слова и смыслы, но и вследствие крайне странного способа рифмовки, когда может рифмоваться не слово, завершающее строку, а любая часть строки или слова...» [Цветаева, 1983, с. 15].

Говоря о культурном диалоге двух народов, русского и армянского, следует отметить имя выдающегося критика, теоретика художественного перевода, основателя Российско-Армянского (Славянского) университета, доктора филологических наук Л. Мкртчяна. Его ученица и последователь М. Г. Джанполадян в книге «Краски души и памяти» называет ученого открывателем «русского» Нарекаци. Л. Мкртчян обратился к Н. Гребневу с просьбой перевести «Книгу скорбных песнопений» Григора Нарекаци. Издать книгу Гр. Нарекаци в СССР, которая представляла собой собрание молитв, было

непросто. Л. М. Мкртчян высоко оценил перевод Н. Гребнева, который перевел «Книгу» шестистопным ямбом, хотя она была написана верлибром на древнеармянском языке (грабаре). «Книга скорбных песнопений» вызвала восторженные отклики деятелей культуры.

Л. М. Мкртчян высоко оценил переводческую деятельность А. Блока. Он подчеркнул, что А. Блок выделил «сущностные» черты лирики А. Исаакяна – «непосредственность и свежесть». Блок «передавал народные выражения словосочетаниями, которые несли бы на себе признаки народности речи, но без подчеркнутой русификации» [Мкртчян 1965, с. 91]. А. Блок особое внимание уделяет метру и ритму стиха, интонации автора, звукописи, благодаря которым вводились новые элементы в русскую литературу, оживал колорит, краски Востока. В очерке «Поэт», посвященном М.С. Петровых, Л.М. Мкртчян пишет о мастерстве переводчика, сумевшего блистательно перевести трагедию Н. Зарьяна «Ара Прекрасный»: «Она сохранила высокий слог речи персонажей, не подменив его цветистостью, сохранила лапидарность языка...» [Мкртчян, 1986, с. 387]: Светла армянская гора Масис, // Как царь армян – Ара. // Не клонится армянский кипарис, – // Могучий стан Ара... // [Петровых 1986, с. 161].

Л. М. Мкртчян считал, что перевод – это форма культурного сотрудничества; «переводчик – писатель... деятель своей национальной культуры» [Мкртчян, 1973, с. 67]. «Переводчик – это не соавтор, а автор, пишущий на другом языке; при переводе создаются новые произведения; переводчик должен передать суть переводимого произведения; переводчик должен передать на своем языке особенности образного поэтического мышления автора, манеру его письма» [там же, с. 139].

И в заключение хотелось бы отметить, как сейчас обстоит дело на переводческой арене армяно-русского литературного взаимодействия. В «Доме Брюсова» в Москве прошла презентация уникальной книги – первой за долгий период антологии современной русской литературы с параллельными переводами на армянский язык. В неё вошли рассказы 18 авторов, среди которых Захар Прилепин, Роман Сенчин, Алёна Жукова, Евгения Доброва. Данный проект курирует независимое ереванское издательство «Оракул». В одном из своих интервью генеральный директор «Оракула» Рубен Ишханян говорит о том, что на сегодняшний день российские писатели практически не переводятся на армянский язык. Он также отмечает, что чаще всего популярные российские писатели не продаются в Армении. Изданная антология поможет понять, к кому из современных русских писателей есть интерес. Р. Ишханян выделяет творчество Нарине Абгарян, которую впервые перевели на армянский язык. Её книги пользуются успехом у армянского читателя. Примечательно, что Н. Абгарян является русскоязычным автором, пишущим об Армении и армянской жизни. Этим и обусловлен повышенный интерес армянского читателя к её произведениям, узнающего себя в героях повестей и рассказов Н. Абгарян. Вышел в свет сборник рассказов под названием «Зулали». Данный сборник включает в себя две повести и ряд рассказов. Как отмечает Н. Абгарян, «повесть, давшая название всей книге, – это такой магический реализм». Книгу на армянский язык перевела Нарине Гижларян. Благодаря данному сборнику Н. Абгарян раскрывается для армянского читателя. Армянский язык идеально гармонирует с атмосферой, с героями, с их переживаниями, описанными в повестях и рассказах Н. Абгарян. В сборнике «Зулали» повествуется о реальной жизни. Несмотря на то, что действие разворачивается в Армении, описывается армянский быт и армянские персонажи, читатель любой национальности может увидеть себя, своих близких, так как история рассказов общечеловеческая. Но, как отмечает Н. Абгарян, в сборнике есть рассказ, в котором повествуется чисто армянская история, актуальная для современной Армении. Писательница рассказывает об опустевших армянских сёлах, в которых практически не осталось мужчин, уехавших в Россию на заработки. В деревнях остаются женщины, дети и старики. Сборник «Зулали» – это повествование о реальной жизни, в которую окунается читатель, забывая о своей жизни. Его поглощает жизнь каждого героя, тем самым он сам становится действующим лицом рассказа. Н. Гижларян отмечает, что Н. Абгарян читает переведённую книгу только после её издания, предпочитая эффект приятного сюрприза.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Айрян, З. Г. Язык художественного текста / З. Айрян // Поволжский педагогический вестник. – 2020. Т. 8, № 1(26). С. 67–77.
2. Мкртчян, Л. М. О стихах и переводах / Л. М. Мкртчян. – Ереван: Айастан, 1965. – 91 с.
3. Мкртчян, Л. М. Поэт // Мария Петровых. Черта горизонта. Стихи и переводы. Воспоминания о М. Петровых. Ереван: Советакан грох, 1986. – 387 с.
4. Мкртчян, Л. М. Черты родства / Л. М. Мкртчян. – Ереван: Айастан, 1973. – 67 с.
5. Петровых, М. Черта горизонта. Стихи и переводы / М. Петровых. – Ереван: Советакан грох, 1986. – 161 с.
6. Цветаева, М. И. Тебе – через сто лет / Цветаева М. И. – Ереван, 1983. – 15 с.

Ценностный подход к вопросу современных заимствований в англоязычном деловом дискурсе

Криворучко И. С., Кубанский государственный университет, соискатель, Россия
Научный руководитель: д.ф.н., профессор Катермина В. В., Россия

Развитие языков происходит в постоянном взаимодействии друг с другом, последствия этого процесса в большей степени проявляются на лексическом языковом уровне в виде разного рода заимствований. Постоянный характер заимствования лексических единиц предопределил неиссякаемый интерес исследователей к этому явлению в языке. Вопросы языковых заимствований были рассмотрены в работах многих авторов, включая В. М. Аристову, Э. Ф. Володарскую, Л. П. Крысина и др.

В контексте межязыкового взаимодействия заимствование трактуется как «процесс вхождения и адаптации заимствованной лексемы в другой язык, и как результат этого процесса: собственно заимствованное слово, прошедшее все этапы адаптации в новой языковой системе» [Ефименко, 2008, с. 28]. Непосредственные контакты между странами обусловили прямой характер заимствования, через другие языки – опосредованный. Среди возможных причин межязыкового перемещения лексических единиц М. А. Кузина отмечает «экстралингвистические (частые контакты билингов, представляющие страны с разными языками) и интралингвистические (потребность в номинации новых предметов, понятий и явлений)» [Кузина, 2021, с. 89].

Наше время характеризуется как период социальных трансформаций в различных областях, включая бизнес. Деловой дискурс все чаще становится сферой интенсивных языковых контактов, отражающихся на его словарном составе. В нашем исследовании мы рассматриваем заимствования, представляющие современную англоязычную профессиональную лексику в области бизнеса и деловых коммуникаций из электронных словарей неологизмов: Cambridge Dictionaries Online Blog, Macmillan Dictionary, Urban Dictionary, Wordspy. Мы рассмотрим их с точки зрения ценностных категорий, что позволит понять, как и почему определенные идеи и концепции переносятся из одной культуры в другую, а также как они меняются и адаптируются в новом социокультурном пространстве.

Заимствованные неологизмы англоязычного делового дискурса представляют собой понятия, обозначающие базовые концепты той или иной культуры. Как отмечают исследователи, «концепт как фрагмент жизненного опыта человека призван объективировать в языке результаты мыслительной деятельности человека» [Непшекуева, Здановская, 2017, с. 842]. Концептами мы считаем семантические образования, содержащие в себе основные элементы, способствующие пониманию национального менталитета. Они являются языковыми аналогами универсалий культуры, в которых выражены наиболее общие представления человека о мире и о себе. Понятия, важные для другого народа, не случайно перешли в английский язык. По мнению исследователя, «они свидетельствуют о тех ценностях, которые необходимы для многих людей, чтобы чувствовать себя полноценными гражданами» [Катермина, 2021, с. 256].

Заимствования французского происхождения представляют в нашем исследовании самую многочисленную группу. Географическая близость Англии и Франции всегда способствовала формированию устойчивых взаимоотношений, корни которых уходят далеко в прошлое. В нынешних реалиях преобладание французских заимствований в английском деловом дискурсе мы объясняем высокой степенью их выразительности. Французские слова и выражения могут быть использованы для придания большей уверенности и авторитетности высказываниям. В некоторых случаях французские слова и выражения могут быть более точными и подходящими для описания определенных понятий или ситуаций. Так **négociant** («*a wine maker or merchant who buys grapes, juice, or wine to blend from small producers and bottles the finished wines under their own name*» – «винодел или торговец, который покупает виноград, сок или вино для смешивания у мелких производителей и разливает готовые вина в бутылки под своим именем») в своей номинации показывает, что этот человек является всего лишь посредником, торговцем, качество вина от него не гарантировано, но мы не определяем его коннотацию как отрицательную, поскольку эта информация не только не скрывается, но даже указывается на бутылке; **concierge** («*a person or business that provides personal services – from buying show tickets to finding schools and homes – to people who have plenty of money but little time*» – «человек или бизнес, который предоставляет личные услуги – от покупки билетов на шоу до поиска школ и домов – людям, у которых много денег, но мало времени») приобрело новое дополнительное значение (предоставление указанных услуг), полностью вытеснившее прежнее иногда ироничное или даже пренебрежительное отношение к консьержу с первоначальным значением этого слова – человек, преимущественно женщина (консьержка), которая сидит в подъезде жилого дома и следит за порядком.

Включаясь в систему английского языка, французские заимствования могут сохранять произносительные нормы и орфографию, свойственные французскому языку («*négociant*», «*concierge*»), но могут и подвергаться процессу ассимиляции («*edupreneur*»).

Заимствования японского происхождения в англоязычном деловом дискурсе придают высказываниям значительную экспрессию и выразительность. К положительным номинациям мы относим неологизм, обозначающий выдающиеся способности участников деловой коммуникации: **ninja** («*a person who excels in a particular skill or doing a certain task*» – «человек, превосходящий в определенных навыках или при выполнении определенной задачи»), значение семы «*excel*» – «*быть выше, превосходить в достижениях*», полностью раскрывает положительную оценку данной лексемы, такие способности являются ценностями, ими восхищаются, т. к. они превосходят способности других. Необходимо отметить, что в деловом дискурсе этот неологизм часто встречается с атрибутом «*marketing*». Учитывая это определение, «*marketing ninja*» может быть описан как человек, который преуспевает в маркетинге потенциально с тайным или подпольным чутьем, что считается очень ценным качеством в мире бизнеса.

Необходимо отметить также вклад китайского языка в расширение лексического состава английского: **tang ping** («*a Chinese term meaning «lie flat» that describes a trend where people reject the pressure to work long hours in a stressful job, and instead adopt a more relaxed lifestyle*» – «китайский термин, означающий «лежать ровно», который описывает тенденцию, когда люди отказываются от долгих часов на напряженной работе и вместо этого ведут более расслабленный образ жизни»), восточная идея, лежащая в основе «*tang ping*» – не переутомляться, довольствоваться более реальными достижениями и давать время для отдыха – определенно имеет своих западных сторонников, для которых расслабленный образ жизни представляет жизненную ценность.

География заимствований в англоязычном деловом дискурсе расширяется за счет использования лексики из датского языка: **pyt** («*a Danish word used in response to a stressful situation to tell oneself or someone else not to worry*» – «датское слово, используемое в ответ на стрессовую ситуацию, чтобы сказать себе или кому-то другому не волноваться»), являющееся по функции восклицанием, это слово, употребленное в нужный момент, может уменьшить стресс (следовательно, и его негативные последствия), так как это искренняя попытка побудить себя и других не увязнуть в мелких ежедневных разочарованиях. Настроение сотрудников, их взаимодействие и взаимопонимание, а также удовлетворённость от выполненной работы зависят от психологического климата, поэтому попытки участников рабочего процесса наладить доброжелательные отношения друг с другом незначительными на первый взгляд способами высоко ценятся в сфере современного бизнеса, поскольку способствуют в итоге достижению общей цели.

Таким образом, заимствование является важным инструментом для изучения языковой вариативности, изменчивости и взаимосвязей между языками и культурами. Оно позволяет представителям заимствующей лингвокультуры принимать иностранные слова, перенимая опыт и знания, вербализованные в языковых единицах, и формировать (а иногда и изменять) свое представление о мире. Современные заимствования в деловом дискурсе представлены единицами преимущественно из французского (60%), японского (13%), китайского (7%) и датского (6.5%) языков. Аксиологический подход к исследованию заимствованных неологизмов позволил понять причины перехода определенных идей и концепций из одной культуры в другую, а также методы и степень их модификации и адаптации в новой социокультурной среде.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аристова, В. М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 151 с.
2. Володарская, Э. Ф. Заимствование как универсальное лингвистическое явление // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 11–27.
3. Ефименко, Т. Н. Вхождение иностранной лексики в деловой английский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008 № 1. С. 26–32.
4. Катермина, В. В. Английский неологический дискурс в зеркале глобализации // V Фирсовские чтения. Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, Москва, 20–21 октября 2021 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – С. 252–258. – EDN A1JW1B.
5. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Язык и межкультурная коммуникация. Вестник МГУ. Серия 19, 2002. С. 144.

6. Кузина, М. А. Заимствования в современном английском языке в эпоху глобализации. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. – 240 с. – ISBN 978-5-4263-1070-4. – DOI 10.31862/9785426310704. – EDN VSRLSZ.

7. Непшекуева, Т. С. Представление понятия «архитектура безопасности» в аспекте рассмотрения концепта «строительство (стройка) / bau / construction» в русской, немецкой и английской лингвокультурах / Т. С. Непшекуева, Л. Б. Здановская // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – № 125. – С. 840–855. – DOI 10.21515/1990-4665-125-057. – EDN XVIFGV.

УДК 81.00

Способы распознавания метафоры в художественном тексте

Кулешова Д. Ю., Московский государственный лингвистический университет, аспирант, Россия
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Смурова О. В., Россия

Метафоризация стала одним из самых обсуждаемых процессов в когнитивной лингвистике с момента опубликования работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» во второй половине прошлого века, которая изменила представление как о самом понятии метафоры, так и о возможных способах ее интерпретации.

Сложностью разработки универсального научного метода выявления метафоры в тексте является отсутствие единого понимания метафоры. Поскольку настоящая статья фокусируется на концептуальной метафоре, имеет смысл брать за основу понимание метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Авторы утверждают, что метафора не является чисто языковым явлением, она служит основой понятийной системы человека, которая сама по себе является метафоричной.

В противовес когнитивной традиции понимания метафоры выступает традиционный подход, который берет свое начало в античности, в работах Аристотеля. Метафора долгое время была исследована лишь как средство художественной выразительности. Для сторонников формалистического подхода метафора остается неразрывно связанной с понятием девиантности на семантическом уровне, в то время как сторонники когнитивного подхода утверждают, что метафора является необходимым инструментом мышления для структуризации восприятия, а также формирования культуры. Стоит отметить, что сторонники двух подходов согласны с тем, что метафоры, использованные в литературе, превосходят метафоры в повседневном языке. Лакофф и Джонсон утверждают, что основой для метафор в обыденном языке, который исследователи считают первичным, и литературном, творческом и новаторском, является использование одних и тех же основополагающих концептуальных моделей.

Проблема определения четких критериев выявления метафоры в тексте долгое время считалась нерешаемой, поскольку существует множество определений и подходов к ее исследованию. Также многие авторы отмечали возможность информанта самостоятельно распознавать образный язык без методов его выявления. Однако при анализе определенных типов дискурса, включая художественный, нередко встречаются спорные случаи. Таким образом, появилась необходимость разработки метода выявления метафоры с целью объективизировать результаты исследования.

Одной из первых попыток разработки метода идентификации метафоры является работа Е. Киттэй. Автор утверждает, что при рассмотрении семантического компонента без контекста нельзя констатировать присутствие метафоры в высказывании, которое не является абсурдным. Например, высказывание «Smith is a plumber» не является абсурдным, однако без контекста смысл высказывания не метафоричен. При условии, если мы знаем, что Смит – хирург, высказывание становится метафорически окрашенным («Он не хирург, а мясник!» – т.е. плохой хирург).

Согласно Е. Киттэй, компонентная семантика с принятием во внимание окружающего контекста может послужить выявлению семантической ошибки и, как следствие, указывать на метафору.

Тем не менее, для выявления метафоры необходим более развернутый метод исследования. Так, в работе Дж. Стина «From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps» (1999) автор ставит целью установить связь между лингвистической и концептуальной разновидностями метафоры и предлагает пятиэтапный метод анализа метафоры, переходящий от языка к мышлению. Позднее под руководством Дж. Стина в журнале *Language and Literature* (2002) был опубликован проект, основанный на статистических и лингвистических данных. Целью проекта было разработать процедуру идентификации метафоры MIP (Metaphor Identification Procedure).

В качестве примера из британской художественной литературы для анализа мы взяли следующий фрагмент из романа Иэна Макьюэна «Искушение»: «At some moments chilling, at others desperately sad,

the play told a tale of the heart whose message, conveyed in a rhyming prologue, was that love which did not build a foundation on good sense was doomed» [McEwan, 2001].

Процедура МІР состоит из следующих последовательных шагов:

Шаг 1. Чтение целого отрывка.

Шаг 2. Определение лексической единицы для анализа. В приведенном отрывке внимание привлекают слова «build» и «foundation».

Шаг 3 а. Определение контекстуального значения. В данном отрывке словосочетание «build a foundation» означает генезис любовных отношений.

Шаг 3 б. Основное значение глагола build в словаре Merriam-Webster: «to form by ordering and uniting materials by gradual means into a composite whole». Основное значение существительного foundation: «a basis (such as a tenet, principle, or axiom) upon which something stands or is supported»; в словаре the Oxford Advanced Learner's Dictionary: «a principle, an idea or a fact that something is based on and that it grows from».

Шаг 3 в. Сопоставление контекстуального и основного значений. Что касается слова foundation, основное значение крайне близко к контекстуальному. Однако основное и контекстуальные значения глагола build отличаются, в словаре эти значения указаны как две разные дефиниции. Тем не менее, оба значения понимаются через сравнение: любовь как здание.

Шаг 4. Употребление может считаться метафорическим, поскольку контекстуальное значение слова build отличается от основного значения этого глагола, но они сопоставимы посредством сравнения.

Так, можно наблюдать, как любовь (сфера-цель) представлена как здание (сфера-источник), которое начинается с фундамента. Концептуальная модель ЛЮБОВЬ = ЗДАНИЕ может быть представлена с использованием следующих концептуальных отображений:

Сфера-источник: здание; сфера-цель: любовь. Фундамент здания – генезис любовных отношений; стены здания – принципы, которые скрепляют отношения воедино; трещины в здании – проблемы в отношениях.

Таким образом, метод МІР позволяет точно обнаруживать метафору, учитывая семантический компонент слов, и выявлять концептуальный компонент, необходимый для исследования концептуальной метафоры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Kittay, E. F. The Identification of Metaphor, Vol. 58, No. 2, Uses of Language (Feb., 1984), pp. 153–202.
2. Lakoff, G., & Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
3. McEwan, Ian. *Atonement*. Vintage, 2001.
4. Steen, G. J. From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps. *Metaphor in Cognitive Linguistics* (1999): 57.
5. Steen, G. J. A Method for Linguistic Metaphor Identification. Gerald J. Steen, Aletta G. Dorst, J. Berenike Herrmann, Anna A. Kaal, Tina Krennmayr, & Trijntje Pasma. Amsterdam, The Netherlands: John Benjamins, 2010. – 238.

УДК 81`25

О лингвокультурной асимметрии некоторых закономерных переводческих соответствий

Леонов М. В., Иркутский государственный университет, аспирант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н, профессор Каплуненко А. М., Россия

Передача в переводе лингвокультурного компонента значения языковых единиц представляет немало трудностей. Именно это обстоятельство вынудило американского переводоведа Дж. Касагранде сформулировать несколько радикальную максиму: «Переводятся не языки, а культуры» [Комиссаров, 1990, с. 112–113]. Цель нашей статьи двоякая: 1) уточнить содержание термина «лингвокультурный компонент значения (слова)»; 2) на отдельных примерах показать сложность адекватного перевода соответствующих единиц языка. Иными словами, мы проиллюстрируем, как переводчики используют, по известному определению Я. И. Рецкера, «закономерные переводческие соответствия», которые обнаруживают существенные лингвокультурные различия.

В уточнении содержания термина «лингвокультурный компонент значения» будем исходить из следующего определения лингвокультурологии, данного В. В. Воробьевым: "...Комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового

и **внеязыкового (культурного) содержания**" [Воробьев, 1997, с. 36; выделено нами – А. К., М. Л.]. Если принять распространённое научное представление о культуре как системе ценностей соответствующего общества / сообщества (Данилевский, Шпенглер, Тойнби), целесообразно полагать, что в основе лингвокультурного компонента значения слова лежат **ценностные представления, выражаемые как аксиологические оценки**.

Данное определение может подтверждаться анализом эмпирических образцов, относящихся к определённому времени культуры. Как отмечает в своей статье Л. И. Богатикова, «в каждой культуре, несмотря на универсальность объективного мира и явлений, национально-специфическая составляющая занимает большую часть и играет очень важную роль в языковом сознании индивида» [Богатикова, 2023, с. 4]. Взяв схожие временные рамки середины и конца 19 века в жанре литературно-художественного романа, повести, рассказа, мы проанализируем и сравним лингвокультурные компоненты значений русской трудовой реалии «половой» и англоязычной waiter. Наш материал показывает, что эти слова образуют устойчивую пару лексических эквивалентов в переводах русских классических произведений на АЯ. Проведём сравнительный лексикографический анализ данных понятий. Толковый словарь В. И. Даля даёт следующее определение полового: «слуга в трактире, на постоялом дворе или в маленькой гостинице» [Даль, URL]. Функции полового заключались в помощи гостям заведения, в обслуживании, уборке, помощи обустройства гостей. Ключевой лингвокультурной характеристикой слова является то, что данная работа давала низкий социальный статус и мало ценилась обществом. Такое ценностное отношение будет подтверждено в ходе анализа речевых образцов несколько позже; ниже сравним лингвокультурные особенности waiter.

Английский этимологический онлайн-справочник даёт следующее определение waiter – waiter (n.) late 14c., "attendant, watchman," agent noun from wait (v.). Sense of "attendant at a meal, servant who waits at tables" is from late 15c., originally in reference to household servants; in reference to inns, eating houses, etc., it is attested from 1660s [Этимологический словарь, URL]. Исходя из этимологического значения слова waiter, мы видим, что оно используется с конца 15 века в значении «слуга, обслуживающий обеденные столы (дословно «ожидающий у столов»)). Таким образом, лингвокультурный компонент значения слова waiter обусловлен более высокой ролью носителя имени, требующей соблюдения этикета, установленного аристократами и прочно закрепившегося на протяжении веков.

Проиллюстрируем представленные определения в контексте русских и английских классических произведений. Примеры взяты, из таких произведений как романы Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души», сатирический рассказ Джеймса Керка «THE BULLS AND THE JONATHANS», роман Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквинского клуба» и роман Маккартура Джорджа Рейнольдса «Pickwick Abroad: Or, The Tour in France». Представляется, что наш выбор позволяет выполнить условие репрезентативности примеров, отобранных на основе сравнимого времени культуры.

1. Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»: «Гостиница эта уже пришла в это состояние; и солдат в грязном мундире, курящий папироску у входа, долженствовавший изображать швейцара, и чугунная, сквозная, мрачная и неприятная лестница, и развязный **половой** в грязном фраке, и общая зала с пыльным восковым букетом цветов, украшающим стол, и грязь, пыль и неряшество везде, и вместе какая-то новая современно железнодорожная самодовольная озабоченность этой гостиницы...» [Толстой, 1873, с. 141].

Джеймс Керк «THE BULLS AND THE JONATHANS»: «As for combs, I asked for one at a first-rate hotel in Boston, and the **waiter** replied, Comb, sir? – oh, I suppose you mean curry-comb» [Керк, 1867, с. 216].

Обратим внимание на описание внешнего вида полового – «развязный **половой** в грязном фраке», а также на информативную характеристику места его работы: солдат в грязном мундире (вместо швейцара), неряшество, пыль, грязь и, наконец, «железнодорожная самодовольная озабоченность (этой гостиницы)». Таким образом, краткая лексикографическая характеристика В. И. Даля закономерно разворачивается в лингвокультурный контекст, подтверждающий и невысокий социальный статус полового, и непритязательное место его трудовой занятости.

Проведём лексикографический анализ слова waiter из отрывка произведения Джеймса Керка, где приводится информативное описание места работы waiter: «first-rate hotel in Boston», а также его изысканный, грамматически безупречный ответ на вопрос посетителя отеля. Сравнение социальных статусов «полового» и waiter, производное от оценки соответствующих лингвокультурных компонентов значений, даёт явную асимметрию. И если, опережая анализ переводческих контекстов, ставить вопрос о выборе закономерного соответствия «половой – waiter», положительное решение должно, по крайней мере, вызвать когнитивный диссонанс переводчика (Воскобойник 2004).

2. Следующая пара примеров взята из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: «А пусть!» — подумал он. — Водки прикажете-с? — спросил *половой*. — Чаю подай. Да принеси ты мне газет, старых, этак дней за пять сряду, а я тебе на водку дам. — Слушаю-с» [Достоевский, 1866, с. 31].

И из романа Макарура Джорджа Рейнольдса – «Pickwick Abroad: Or, The Tour in France»: «At this moment the **waiter** entered the room, and informed Mr. Adolphus Crashes that the landlord of the hotel would be glad to say two words to him in the passage» [Рейнольдс, 1864, с. 18].

Отрывок из романа Ф. М. Достоевского иллюстрирует низкую требовательность полового за дополнительные услуги посетителю трактира. С одной стороны, последний не использует ни «вы» как местоимение равного, вежливого обращения, ни выражения типа «пожалуйста, будьте добры», предпочитая приказной тон. Обещание «на водку дам» однозначно показывает, на что уходят чаевые, полученные данным работником. Характерно, что традиция «благодарить» работников невысокого социального статуса алкоголем была широко распространена вплоть до недавнего времени: «бутылка / пол-литра» сантехнику или дворнику за его дополнительные усилия прочно вошли как лингвокультурная реалья в советский фольклор. Что же касается 19-ого века, исторически известно, что многие работники сфер услуг того времени и других низкооплачиваемых должностей часто проводили время после работы в многочисленных питейных заведениях. По приведенному лингвокультурному контексту мы не можем представить полового в высоком социальном статусе. Равным образом весьма информативен дежурный ответ полового – «Слушаю-с, прикажете-с». Аналогичные высказывания подчёркивают обязанность полового уважительно относиться к гостям заведения и исполнять их пожелания, но, как показывают многочисленные примеры, дальше таких односложных ответов диалог не идёт. Такая односложность, похоже, выдаёт своего рода базовые рабочие установки на общение с клиентами, при несоблюдении которых можно лишиться работы.

В романе Макарура Джорджа Рейнольдса мы видим контрастный пример – «**waiter** entered the room... the landlord of the hotel would be glad to say two words to him in the passage». Важно, что официант сообщает о желании хозяина отеля на языке высокого разговорного стиля. Подчеркнём: waiter передает слова хозяина *отеля*, что повышает статус заведения: это не inn или hostel. В данном лингвокультурном контексте нам привычнее услышать – «слуга» или «официант» отеля, в то время как сочетание «половой отеля» представляется почти абсурдным именно по лингвокультурному критерию. Из анализа контекста явствует, что данная пара слов не может быть взаимопереводима, если иметь в виду адекватность передачи смысла.

3. В поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголя находим следующее высказывание: «Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен **трактирным слугою, или половым**, как их называют в **русских трактирах**» [Гоголь, 1835, с. 2].

В романе Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквинского клуба» привлекает внимание ситуация, в которой главный герой обращается к официанту: «Send my **servant** here, **waiter**," said Mr. Pickwick. The **waiter** retired, considerably astonished, and Mr. Pickwick motioned Jackson to a seat» [Диккенс, 1868, с. 354].

Н. В. Гоголь в своем произведении «Мертвые души» приводит общекультурный синоним слова «половой» – «трактирный слуга». Данное наименование согласуется с определением, данным В. И. Далем. Таким образом, речевой контекст произведения Н. В. Гоголя почти зеркально воспроизводит лексикографическое описание слова «половой». Мы не будем комментировать особенности соответствующего коммуникативного задания автора «Мёртвых душ», добавим только, что вместе с денотативными и сигнификативными параметрами значения слова в контекст вводится и его лингвокультурный компонент, т.е. представление о низком социальном статусе заведения, равно как об аналогичной характеристике его работника.

В высказывании из романа Чарльза Диккенса показательно, что автор различает понятия waiter и servant. Обратимся к этимологическому словарю и найдем следующее понятие servant: «male or female personal or domestic attendant, one owing duty of service to a master or lord, one employed by another and subject to his orders» [Этимологический словарь, URL]. Данное определение отличает понятия waiter и servant. Если waiter относится к лингвокультурному контексту, в котором подчёркивается его сравнительно высокая роль, требующая соблюдения этикета в установленном аристократами мире, а также в прислуживании во время приемов пищи, servant относит нас к отличительным видам занятий, в первую очередь, к исполнению указов хозяина. Примечательно, что waiter после весьма прямого указания, фактически приказа Пиквика покидает обеденный зал в озадаченном состоянии (considerably astonished). Скорее всего, он привык к более вежливому обходительному диалогу со стороны клиентов. Половой же

может заниматься большим количеством дел, чем waiter, что роднит его с лингвокультурным профилем servant.

Проанализировав вышеперечисленные примеры, мы можем сделать выводы, что понятие waiter относит нас к другому лингвокультурному контексту нежели понятие половой. Как мы видим из примеров, waiter является более уважительной формой чем «половой», так его референт по социальному статусу, а также месту трудовой занятости находится выше. Рассмотрение примеров из художественных произведений, находящихся в аналогичных временных рамках, обнаруживает различия в прагматических контекстах данных слов. В частности, с фигурой waiter связывается более качественное место и условия работы, что согласуется с вербальным и невербальным поведением этих работников. Данные примеры весьма показательны, а их аналитически-сопоставительный анализ убеждает в лингвокультурных различиях слов waiter и половой, поэтому их использование в качестве закономерных переводческих соответствий не может не вызывать когнитивного диссонанса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Богатикова, Л. И. Проблемы перевода в лингвокультурном аспекте / Л. И. Богатикова // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2023. № 1 (136). С. 51–55.
2. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: (Теория и методы) / В. В. Воробьев. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
3. Гоголь, Н. В. Мертвые души : поэма / Н. Гоголь. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2015. – 352 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль // Словари и энциклопедии. – URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения 02.03.23).
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Москва : Дрофа, 2008. – 607 с.
6. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
7. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Толстой. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 797 с.
8. Dickens, C. Pickwick papers / C. Dickens. – Michigan: C. Scribner's sons, 1868. – 481p.
9. Online Etymology Dictionary. – URL: <https://www.etymonline.com/word/servant> (дата обращения 03.03.23).
10. Online Etymology Dictionary. – URL: <https://www.etymonline.com/search?q=waiter> (дата обращения 03.03.23).
11. Paulding, J. K. The Bulls and the Jonathans / J. K. Paulding. – New York: C. Scribner and company, 1868. – 395p.
12. Reynolds, G. Pickwick Abroad Or, The Tour in France / G. Reynolds, A. Forrester, J. Phillips. – Oxford : Willoughby, 1864. – 628p.

УДК 811.161.1:811.581

Фразеологические единицы с компонентом именем собственным в русском и китайском языках

Лю М., Московский педагогический государственный университет, аспирант, Китай
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Чепкова Т. П., Россия

Известно, что фразеологизмы любого языка отражают национально-культурную специфику, поскольку язык является памятью народа, именно во фразеологизмах аккумулируются богатый опыт и разум каждой нации. В данном отношении фразеологические единицы с компонентом именем собственным представляют собой особый интерес, так как именно имена собственные являются важнейшими семантическими элементами фразеологизмов и обладают яркой национальной маркированностью. Изучение фразеологических единиц (далее ФЕ) с компонентом именем собственным не только помогает узнать характеристики фразеологизмов, но и позволяет познакомиться с историей и культурой народа, говорящего на данном языке.

В русском и китайском языках существует немало фразеологизмов, состав которых содержит имена собственные. По словам русского учёного А. В. Суперанской, имя собственное – «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Суперанская, 1973, с. 38]. А китайский учёный Ши Лицзянь в своей работе «Нарицательные и собственные имена» указал, что «собственные имена – это только название определенного предмета или явления, а не название категории, к которой они

принадлежат» [Ши Лицзянь, 1987, с. 35]. Он также почеркнул, что имена собственные имеют такие характеристики, как индивидуальность, отдельность, особенность и дифференциальность. С нашей точки зрения, имена собственные представляют собой единицы языка, служащие для того, чтобы почеркнуть конкретное название отдельных предметов или явлений. В силу того, что имена собственные восходят к истории и культуре народа, они носят в себе национальную, культурную и социальную окраску, что позволяет фразеологизмам с компонентом именем собственным стать национально-маркированными и занять более важное место в сфере фразеологии.

Анализируя ФЕ с компонентом именем собственным во фразеологическом словаре русского языка А. И. Молоткова, русско-китайском фразеологическом словаре под редакцией Чжоу Цзишэна и большом китайском фразеологическом словаре под редакцией Ван Тао, мы отобрали 153 русских фразеологизма и 310 китайских и выделили среди рассматриваемых единиц следующие группы: ФЕ с антропонимами, топонимами и названиями литературных произведений. Рассмотрим каждую группу более детально.

1. ФЕ с антропонимами – личными именами людей, их отчествами, фамилиями, прозвищами, псевдонимами.

Существует большое количество исследований в области антропонимики, но интерес к данной теме не ослабевает на протяжении многих лет, что, на наш взгляд, объясняется ролью антропонима как элемента культурной идентичности индивидуума и общества, а также вниманием к сопоставлению картин мира в межкультурной коммуникации.

Имена людей каждой нации обладают ярким национальным колоритом и содержат в себе богатую культурную информацию. Антропонимы включают в себя имена реальные и вымышленные. В первой группе реальные имена принадлежат реальным людям. В России личные имена русских людей используются в полной, краткой, уменьшительной и ласкательной формах. Язык фиксирует большое число моделей трансформации имён в экспрессивно-стилистических целях. Так, имя Иван содержит в словаре 104 производных, а у имени Вера 50 дериватов, которые используются в речи. У русских имен есть еще церковный вариант, который происходит от церковнославянскогреческого прототипа и может ограничиваться ситуацией употребления. До XVIII в. на территории нынешней Российской Федерации сохранялась двуименность, когда церковное имя использовалось в храме во время богослужения, а в домашней обстановке человек назывался мирским именем. Во фразеологизмах личные имена могут быть представлены, как уже отмечалось выше, в полной, краткой, уменьшительной и ласкательной формах, например, *Иван кивает на Петра, а Петр на Ивана; Иван и Петр; скучно Афонюшке; куда Макар телят не гонял; как Мамай прошёл; потёмкинские деревни* и т. д.

Во второй группе ФЕ вымышленные имена восходят к литературным произведениям, например: *Тришкин кафтан*. Кроме того, в русском языке существует немало фразеологических единиц с антропонимами из Библии, к примеру, *с Адама и Евы; совлечь с себя ветхого Адама; дочь Евы; Иудино лобзание; Мафусаилов век; Гог и Магог; Христос порукой; беден, как Иов; Иов многострадальный; обращение Савла и Павла; петь Лазаря; Фома неверный* и т. д. Имеется много ФЕ с антропонимами и из других иностранных языков, например, *весы Фемиды; Ахиллесова пята; два Аякса; Авгиевы конюшни; Панургово стадо; Буриданов осёл* и т. д.

В китайском языке антропонимы представляют собой фамилии и имена людей. В древности в Китае у людей также были вежливое имя и псевдоним. Свидетельством тому являются некоторые китайские фразеологизмы, например, 冯唐易老 (букв.: Фэн Тан уже старый; перен.: обозначает человека, который родился не в то время или уже постарел), 孔孟之道 (букв.: учение Конфуция и Мэнцзе; перен.: конфуцианская философская школа), 房谋杜断 (букв.: Фан Сюаньлин имеет большой ум, а Ду Жухуэй умеет принимать правильное решение; перен.: обозначает сотрудничество между способными людьми), 金屋藏娇 (букв.: устраивать А Цзяо в золотом доме; перен.: иметь любовницу), 江郎才尽 (букв.: талант Цзян Лана иссяк; перен.: истратить свои способности и ум), 毛遂自荐 (букв.: как Мао Суй, самому рекомендовать себя и выдвинуться; перен.: рекомендовать самого себя), 东施效颦 (букв.: Дун Ши хмурит брови в подражание красавице Си Ши; перен.: неумелое подражание), 班门弄斧 (букв.: играть топором у ворот Гуншу Баня; перен.: осмелиться показать свое скромное искусство перед знатоком), 项庄舞剑 (букв.: Сян Чжуан фехтует мечом; перен.: преследовать иные цели, питать скрытые намерения), 孟母三迁 (букв.: мать Мэнцзы трижды переселяется; перен.: заботиться о воспитании своих детей), 管鲍之交 (букв.: дружба между Гуань Чжун и Бао Шуя; перен.: верные друзья) и т. д. Помимо этого, в китайском языке существует ещё много ФЕ с антропонимами из мифов, к примеру, 精卫填海 (букв.: птица Цзинвэй засыпает море; перен.: упорно добиваться поставленной цели), 后羿射日 (букв.: Хоу И стреляет в солнце; перен.: бороться за благо народа), 夸父逐日 (букв.: Куа Фу гнался за солнцем; перен.: предпринимать дело свыше своих сил), 女娲补天 (букв.: богиня Нюйва чинит небо; перен.: найти выход из безвыходного положения), 牛郎

织女 (букв.: Пастух и Ткачиха. перен.: обозначает влюблённых, которые долго не могут встретиться), 愚公移山 (букв.: Юй Гун передвинул горы; перен.: упорным трудом достигнуть, казалось бы, невозможного), 叶公好龙 (букв.: Е Гун любит драконов; перен.: любить лишь на словах), 松乔之寿 (долголетний как отшельник Чи Сунци и небожитель Ван Цяо), 嫦娥奔月 (Чан Э возносится к луне) и т.д.

Анализ русского фразеологического материала показал, что в русском языке всего 96 ФЕ с антропонимами, и они составляют 62% от общего числа фразеологизмов с компонентом именем собственным. А в китайском языке выявили 140 ФЕ с антропонимами, которые составляют 45% от всех фразеологизмов с компонентом именем собственным. Анализируя вышеприведённые примеры, мы заметили, что большинство ФЕ с антропонимами в русском языке восходят к Библии и другим иностранным языкам. А в китайском языке большая часть ФЕ с антропонимами происходит из описания исторических событий и мифов, ФЕ из других иностранных языков не встречается.

2. ФЕ с топонимами – именами собственными, обозначающими название природного объекта на Земле или объекта, созданного человеком на Земле. В качестве стержневого компонента в подобных фразеологизмах выступают названия частей света, стран, городов, гор, рек или компоненты, образованные от топонимов. Как известно, Россия и Китай являются большими державами с огромной территорией и долгой историей (история Китая насчитывает более 5000 лет). За эту долгую историю в двух языках возникло много фразеологизмов, содержащих в своем составе компоненты-топонимы.

В русском языке большую группу составляют фразеологизмы с названиями водных объектов, например: *перейти Рубикон*, *кануть в Лету* (заимств., книжн.). У каждой страны есть своя национальная река. У России – это Волга, особенно любимая народом: *Волга – всем рекам мать*; *матушка Волга спину гнет, зато денежки дает* (исконно русск.).

ФЕ с названиями населенных мест также широко представлены в русском языке: *В Тулу со своим самоваром не ездят*; *окно в Европу*, *Северная Венеция* (о Санкт-Петербурге); *открыть Америку*; *было дело под Полтавой*; *язык до Киева доведёт*. Много выражений о Москве: *Москва – всем городам мать*; *Москва слезам не верит, ей дело подавай*; *Москва от копеечной свечи сгорела*. Многочисленной оказалась группа ФЕ, имеющих в своем составе имена прилагательные, образованные от названий городов и стран: *коломенская верста*, *казанская сирота*, *китайская грамота*, *курский соловей*, *вавилонское столпотворение* и др.

В китайском языке часто встречаются ФЕ с названием гор, морей, городов и стран, например: 邯郸学步 (букв.: учиться походке в Ханьдане; перен.: не научившись у других, потерять свое), 完璧归赵 (букв.: вернуть яшму без изъянов княжеству Чжао; перен.: вернуть в целостности и невредимости), 重于泰山 (букв.: смерть одного весомее горы Тайшань; перен.: иметь большую ценность), 泰山压顶 (букв.: как гора Тайшань на плечах; перен.: под большим давлением), 安如泰山 (букв.: непоколебимый, как гора Тайшань; перен.: прочный, устойчивый, незыблемый), 泰山北斗 (букв.: гора Тайшань и созвездие Ковша; перен.: о корифее науки, литературы), 虎落平阳 (букв.: тигр нападает на Пиньян; перен.: потерять власть, лишиться влияния), 庐山真面 (букв.: истинный вид горы Лушань; перен.: истинный облик), 福如东海, 寿比南山 (букв.: продолжительность жизни как гора Тайшань и счастье как море Дунхэй; перен.: поздравительное пожелание на день рождения), 暗渡陈仓 (букв.: тайное нападение на Чэньцан; перен.: делать что-то тайно), 洛阳纸贵 (букв.: в столице Лояне даже бумага вздорожала; перен.: стать бестселлером), 泾渭分明 (букв.: воды рек Цзин и Вэй ясно различаются; перен.: есть большая разница), 乐不思蜀 (букв.: за весельем не вспоминать о Шу; перен.: так веселиться, что позабыть о возвращении домой).

Согласно статистической обработке наших данных, в русском языке 37 ФЕ с топонимами составляют 24% от всех ФЕ с компонентом-именем собственным. А в китайском языке 168 ФЕ с топонимами, которые составляют 54% соответственно. Результаты проведенного анализа показали, что в древности китайцы предпочитали использовать в составе ФЕ названия гор и морей, и это свидетельствует о том, что в давние времена китайцы благоговели перед природой. А в состав русских ФЕ с компонентом-топонимами чаще входят названия городов, или взяты из других иностранных языков.

3. ФЕ с названием литературных произведений.

Бесспорно, русская литература известна во всём мире, и названия многих литературных произведений стали фразеологизмами в русском языке благодаря понятности их значений, например: *горе от ума*, *алые паруса*, *свинья под дубом*, *оптимистическая трагедия*, *хождение по мукам*, *человек в футляре*, *мёртвые души*, *бедность не порок* и т. д. В китайском языке фразеологизмов, представляющих собой названия литературных произведений, очень мало, так как фразеологизмы создаются по строгим правилам и большинство китайских фразеологизмов состоят из четырех иероглифов. В китайском фразеологическом словаре нами найдено лишь две ФЕ с названием литературных произведений: 悔读南华 (букв.: раскаяться в чтении трактата «Нань Хуа»; перен.: нетерпимый к другим из-за своей

образованности), 黍离麦秀 (букв.: стихи «Пышные проса» и «Хороший прирост пшеницы»); перен.: стихи скорби по погибшей стране).

В русском фразеологическом словаре мы выявили 20 ФЕ с названием литературных произведений, которые составляют 14% от общего числа фразеологизмов с компонентом-именем собственным. А в китайский фразеологический словарь включены только два таких фразеологизма, что составляет 1% соответственно. Эти данные свидетельствуют о том, что русские литературные произведения оказали сильное влияние на людей, их названия знают и понимают значение, заложенное в них.

Таким образом, в результате проведенного нами исследования мы пришли к некоторым выводам.

1. В семантической структуре фразеологических единиц имя собственное является опорным компонентом. Поскольку имена собственные по-разному осваиваются культурами разных национальных обществ, целесообразно сопоставлять фразеологизмы с компонентом именем собственным в разных языках. 2. Фразеологические единицы в сравнении с другими единицами языка имеют более сложную лексико-грамматическую и смысловую структуру. Это объясняется тем фактом, что в их образовании значительную роль играют культурный, исторический, географический и социолингвистический факторы. 3. Важность обучения китайских учащихся русским фразеологизмам с компонентом именем собственным несомненна, так как они имеют яркую национально-культурную специфику и обладают культурной информацией. Их изучение не только даёт возможность иностранным обучающимся познакомиться с историей, географией и культурой носителей русского языка, но и помогает им обогатить свою речь. 4. В методике преподавания РКИ существует проблема перевода фразеологизмов с компонентом именем собственным изучаемого языка на родной язык иностранного студента. Эта проблема, оставаясь достаточно острой и в наши дни, требует своего решения в дальнейших исследованиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Тао. Большой китайский фразеологический словарь / Тао Ван – Шанхай: Шанхайское книжное издательство. 2007. – 1640 с.
2. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 510 с.
3. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
4. Чжоу Цзишэн. Фразеологический словарь русско-китайских языков / Цзишэн Чжоу. – Хубэй: Хубэйское народное издательство, 1981. – 656 с.
5. Ши Лицзянь. Наричательные и собственные имена / Лицзянь Ши // Строительство филологии. – 1983. – №(3). – С. 35–37.

УДК 811.111-26

Гендерные особенности выражения экспрессии эмоций

Малинникова Ю. В., Кубанский государственный университет, соискатель, Россия
Научный руководитель: д.ф.н, профессор Катермина В. В., Россия

Современный мир человеческого общения отводит огромную роль эмоциям. Являясь частью культуры, эмоции, несомненно, концептуализируются и вербализуются в языке любого народа, выражаясь различными средствами (vocal nonvocal verbal nonverbal) из чего можно сделать вывод, что имеются две семиотические системы эмоций – body language и verbal language [Азнаурова, 1973, с. 18]. В. И. Шаховский утверждает, что язык тела превосходит вербальные способы выражения эмоций по нескольким параметрам, а именно: скорости, прямоте и степени искренности. В язык тела входят жесты, позы персонажа, выражающие его отношение к ситуации, выражение лица. Язык тела интересен еще и тем, что порой он расходится с теми словами, которыми сам герой описывает свое отношение к происходящему, а, следовательно, дает читателю более полное представление об истинных эмоциях героя. Равно как и в реальности, истинные чувства персонажа могут быть выданы сменой выражения лица, изменениями в позе и неосторожным жестом, придавая образу дополнительную глубину и позволяя читателю узнать больше, чем знают остальные герои и таким образом взглянуть на происходящее более объективно. Описывая же вербальный язык, стоит упомянуть о том, что эмоциональный компонент при выражении чувств может полностью менять смысл слов, так как данный компонент значения лексической единицы обычно превалирует над денотативным компонентом ее значения. При использовании вербальной коммуникации в английских произведениях эмоции чаще всего передаются прилагательными и причастиями, тогда как в русском для этого используются глаголы [Шаховский, 1975, с 19].

Опираясь на исследования У. Матураны, можно утверждать, что вербальные структуры, или естественно-языковые знаки, индексальны по своей природе [Матурана, 2019, с. 240]. Они контекстуализированы потоком чувственно данных явлений, образующих консенсуальную область, в которой тесно переплетены взаимодействующие явления. К ним можно отнести явления, такие как общая память коммуникантов, коммуникативная ситуация, вербальный и авербальный контекст, их эмоциональный дейксис вкупе с личным сиюминутными мотивами, ориентирами и эмоциональным состоянием. Английский педагог и философ Дж. Локк подчеркивал, что, «будь мы в состоянии проследить слова до их источников, мы нашли бы, что названия, обозначающие вещи, не относящиеся к области наших чувств, во всех языках имели свое первое начало от чувственных идей» [Вольф, 2002, с. 271].

Данная статья посвящена анализу гендерных особенностей выражения экспрессии эмоций в английской художественной литературе. Гендерные исследования последнего времени теснейшим образом связаны с языком и в основном проявляют себя с помощью языка, ввиду этого одним из важных предметов исследования в лингвистике выступают гендерные понятия в различных языковых системах коммуникации.

Говоря об экспрессии, следует обратиться к понятию эмотивности. При рассмотрении разных аспектов закономерностей связей между языковыми единицами исследователи выделяли совокупность единиц, связанных общими значениями или общими семами. Данную группу включали такие категории, как «эмоциональность», «эмотивность» и «экспрессия», но вопрос об их соотношении, по мнению многих исследователей, является не совсем изученным. Помимо этого, стоит отметить, что понятие эмотивности пересекается с такими терминами как оценочность и образность, которые зачастую употребляются как синонимы, что, по мнению многих исследователей, не является верным. Некоторые исследователи полагают, что эмоциональность является психическим аспектом, который связан с языком при помощи экспрессивности. Однако ряд других исследователей (В. И. Шаховский, А. В. Кунин) наоборот относят эмотивность к языковой категории, а эмоциональность к психической [Кунин, 1984, с. 450]. По мнению В. И. Шаховского, на языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность, поэтому эмоциональность – психологическая категория, а эмотивность – языковая. Эмоциональность отражает психическое состояние человека, в то время как эмотивность – это вербальное выражение эмоций говорящего. Шаховский В. И. также полагает, что существует неэкспрессивная эмотивность. Эмотивность высказывания, по его мнению, всегда связана с функцией оценивания, а экспрессивность чаще связана с намерением убедить в чём-нибудь адресата [Шаховский, 2008, с. 3]. Распространённым является мнение, что для выражения эмоций важна функция слова, которая задаётся ситуацией или контекстом, а не эмотивным значением этого слова. Стоит отметить, что в определённых ситуациях (знание-рецепт) различные коммуниканты используют фиксированные эмоции, но с учётом личного опыта, вместе с тем, не выходя за рамки социального (обобщенного) опыта.

Возвращаясь к вопросу гендерных особенностей выражения экспрессии эмоций, необходимо отметить, что понятие гендер связано с интенсивным проведением гендерных исследований. В конце XX века появление этого термина приписывают историку Джоан Скотт, которая в своей статье «Гендер: полезная категория исторического анализа» (1965г.), заимствует термин *gender* из лингвистики для разграничения биологического термина пол и социокультурного пола. Она определяет гендер как «осознание гендерной принадлежности – конституирующий элемент социальных отношений, основанный на воспринимаемых различиях между полами, а пол – это приоритетный способ выражения властных отношений» [Scott, 1988, с. 27]. В зависимости от пола люди говорят по-разному, и сам язык это фиксирует.

Первоначально понятие гендера использовалось в истории и социологии. Однако в середине XX века стало очевидно, что связь между языком и полом, то как и что человек говорит, напрямую зависит от того является ли он мужчиной или женщиной. Отношения в обществе строятся на определённых иерархиях, которые задаются или воссоздаются в рамках социального взаимодействия людей. Есть вещи в поведении людей, которые кажутся человеку естественными и заданными, но, по сути, это не так. Причиной этому является то, что ряд ученых (в частности, антропологи и т.д.) определили, что женские и мужские роли являются продуктом социального конструирования, и могут меняться в зависимости от исторических, географических, социальных характеристик. Стоит также отметить, что понятие гендер является частью активного процесса глобализации, которая затрагивает все аспекты общественной, культурной и традиционной жизни человека, а также ритуальные основы жизни, социального статуса, уровня образования и языка.

В настоящее время единая концепция исследования гендера в лингвистике и в коммуникации еще не определена. Исследователи гендерной тематики в лингвистике находятся на стадии формирования научного направления, в центре которого, находятся гендерные вопросы языка и коммуникации. В нем

идет речь в основном об устранении асимметрии феминного и маскулинного языка. Это направление получило наибольшее развитие в романо-германской группе языков и практически отсутствует в славянских языках.

Можно сказать, что в англоязычных текстах в основном подчеркиваются пассивные эмоциональные состояния, и эмоции больше описываются, чем выражаются. Это может быть связано с тем, что среди представителей английской культуры не приветствуется выражение эмоций на публике, а сильные, несдержанные эмоциональные порывы скорее осуждаются, чем поощряются. На выражение эмоций в литературе и на использование тех или иных средств, для этой цели, несомненно, влияет и культура страны, в которой создается литературное произведение.

Все языки различаются по тому, какие средства выражения эмоций используются в них чаще всего. Например, поскольку открытое выражение эмоций считается в Британии признаком незрелого человека, то и в книгах авторы скорее описывают эмоции своих персонажей, чем концентрируются на выражении активной эмоции, тогда как в русской литературе герои открыто выражают свои чувства [Гальперин, 1981, с 82].

Необходимо отметить, что для выражения чувств и переживаний в процессе коммуникации задействуются все уровни языка. Лексический уровень предоставляет наиболее широкий спектр выбора средств выражения эмоций. Исследователями анализируются эмотивные лексемы и лексико-семантические группы, синонимические и антонимические взаимосвязи лексики эмоций, а также изучается роль метафоры в процессе выражения эмоций. При этом наиболее популярным средством выражения эмоций в английской литературе является эмоционально окрашенная лексика.

Помимо этого, в лингвистике для выражения эмоций используют различные виды эмоциональной экспрессии, которая включает фонетические, грамматические, лексические и синтаксические средства.

На фонетическом уровне средствами выражения эмоций, могут служить характеристики, которые объединяются понятием просодия (интонация, ударение, тон). Однако этот способ выражения может быть выявлен только в звучащей речи.

На лексическом уровне эмоция, говорящего человека влияет и на синтаксическое оформление речи, к которым можно отнести: нарушение порядка слов, грамматическую незавершенность, отсутствие последовательности в тексте и его грамматическая согласованность. Предложения приобретают простоту и в синтаксическом изложении, незавершенность предложений и увеличение, грамматических ошибок в последовательности языковых единиц, которые в процессе изложения не исправляются. По словам К. А. Левковской, «... эмоциональная окрашенность представляется как бы в виде неясной дымки, окружающая достаточно четкое понятийное содержание слова. Она (эмоциональная окрашенность) выступает как ореол характеристического отношения вокруг четко очерченного понятийного содержания слова» [Левковская, 2019, с. 243]. Необходимо учитывать, что факторы эмоциональности и экспрессивности языковых средств, которые представляют собой средства воздействия на слушателя, Л. Л. Нелюбин определяет как «экспрессивная лексика – слова, выражающие ласку, шутку, иронию, пренебрежение, фамильярность и т. д.» [Нелюбин, 1983, с. 145]. Под эмоциональной лексикой мы понимаем «1) слова, имеющие выраженную языковыми средствами эмоциональную окрашенность. 2) бранные слова. 3) междометия. 4) слова, служащие обозначением испытываемых чувств, настроений, переживаний или средством выражения эмоциональной оценки» [Изард, 1999, с 257].

Для анализа гендерных особенностей выражения эмоций в литературе Великобритании в данной статье представлено произведение Джозеф Мойес «До встречи с тобой», которое повествует о молодой женщине Луизе, нанявшейся сиделкой к quadriplegic Уиллу. В силу нестандартного сюжета, в этом романе довольно полно представлены различные способы выражения эмоций. Кроме того, в нем отражены и новые способы коммуникации вроде коммуникации посредством смс-сообщений и социальных сетей, а следовательно, и новые ситуации для выражения эмоций героями. Также в силу своего весьма эмоционального сюжета он предоставляет достаточно материала для анализа. Мы также проанализировали некоторые отрывки из произведения «Девушка в поезде» Полы Хокинс, так как в нем, равно как и в «До встречи с тобой», есть два главных персонажа – мужчина и женщина, и, следовательно, можно сопоставить то, каким образом автор выражает их эмоции и чем они отличаются.

Как уже было упомянуто в предыдущей части статьи, Мойес предпочитает использовать лексические и грамматические средства для выражения чувств персонажей. Описывая чувства главной героини Луизы, Мойес прибегает к метафорам – «I had never considered that you might miss a job the way you miss a limb – a constant, reflexive thing. I hadn't thought that as well as the obvious fears about money, and your future, losing your job would make you feel inadequate, and a bit useless» [Moyes, 2012, с 137]. В этой цитате мы можем видеть, что эмоции Луизы описываются автором довольно подробно, с использованием сравнений и эпитетов. Сравним это описание с описанием чувств главного героя, Уилла – «And then, out

of nowhere, Will Traynor laughed. It exploded out of him in a gasp, as if it were entirely unexpected» [Moyes, 2012, с 156]. Здесь автор описывает смех Уилла очень коротко, подчеркивая, что он будто бы вырвался у героя невольно. Можно увидеть, что две сопоставленные цитаты серьезно различаются количеством использованных литературных средств и в общем образностью повествования. Если в первой цитате чувства описываются довольно подробно, позволяя читателю проникнуться ими и наиболее полно понять главную героиню, то во второй видна лаконичность изложения. Это связано с тем, что женщины, благодаря особенностям своего гендера, считаются более эмоциональными и эмпатичными, чем мужчины. Рассмотрим еще одну цитату, выражающую чувства Луизы: «As I did so I had to fight a peculiar sense of panic. A subversive little voice kept rising up inside me, saying This is how it would feel if he were dead» [Moyes, 2012, с 248]. Здесь мы снова видим пространное сравнение – автор не просто сообщает нам, что главная героиня паникует, читателю предоставляется развернутое описание эмоции, ее характеристика. В то время как о чувствах Уилла говорится в романе довольно коротко и сухо, чувства Луизы описываются живо и пространно, подчеркивая разницу между интенсивностью эмоций и способами их выражения у мужчин и у женщин. Вышеприведенные цитаты также возвращают нас к тому, что каждому языку и каждой культуре свойственны свои особенности выражения эмоций. Несмотря на то, что при описании чувств Луизы используются красочные сравнения и эпитеты, она не выражает эти чувства открыто. Внутри она может испытывать страх, панику или ярость, но снаружи старается оставаться невозмутимой и спокойной, как это принято у представителей английской культуры. Таким образом, мы можем видеть, что на особенности выражения эмоций влияет не только гендер персонажа, но и его принадлежность к определенной культуре, которая определяет его отношение к выражению чувств и эмоций в целом. В эту теорию также хорошо вписывается персонаж Уилла, который довольно скуп на любые проявления каких-либо чувств, несмотря на свою тяжелую жизненную ситуацию.

Похожие тенденции можно проследить в романе Полы Хокинс «Девушка в поезде», который повествует о женщине по имени Рейчел, подвергшейся психологическому насилию со стороны бывшего мужа-убийцы. Возьмем описание ее чувств в тот момент, когда она впервые за много лет возвращается на улицу, на которой провела свое детство – «It feels like coming home – not just to any home, but a childhood home, a place left behind a lifetime ago; it's the familiarity of walking up stairs and knowing exactly which one is going to creak» [Hawkins, 2016, с 250]. В этом отрывке мы можем видеть развернутое сравнение, которое придает эмоциям главной героини образность. Автор не просто сообщает, какие чувства испытывает главная героиня, а подробно останавливается на их описании. Главная мысль цитаты выражена в первых пяти словах, остальная же часть предложения служит для придания образу яркости и глубины, что снова возвращает нас к гендерным стереотипам, согласно которым женщины более эмоциональны и склонны заикливаться на своих эмоциях и глубоко их переживать. В итоге, возвращение в родной район города для главной героини оборачивается не просто легкой ностальгией, но нахлынувшим потоком чувств, который невозможно выразить одним простым безыскусным предложением. Вот другой пример, подтверждающий наши выводы – «Failure cloaked me like a mantle, it overwhelmed me, dragged me under and I gave up hope» [Hawkins, 2016, с 138]. В этой цитате описываются ощущения главной героини в тот момент, когда она поняла, что у нее вновь не получилось забеременеть, и здесь мы также можем видеть лексические и грамматические средства, которые придают описанию ее эмоций образности. Автор не просто констатирует тот факт, что попытка Рейчел провалилась – он подробно описывает ее душевное состояние, используя для этого различные литературные приемы. Сравним эту образность в описании чувств и эмоций главной героини с выражением чувств ее бывшего мужа Тома – «You're like one of those dogs, the unwanted ones that have been mistreated all their lives. You can kick them and kick them, but they'll still come back to you, cringing and wagging their tails» [Hawkins, 2016, с 284]. Автор использует довольно яркое сравнение с эмоционально-окрашенной лексикой, чтобы усилить произведенный на читателя эффект. Здесь мы можем видеть проявление еще одного стереотипа, связанного с гендером, а именно, то, что мужчины считаются более агрессивными и грубыми, чем женщины, когда их обуревают сильные чувства. Во время конфликта с Рейчел Том не может удержаться от едкого комментария в ее сторону и выражает свои чувства довольно прямо и грубо, прибегая почти к открытой агрессии и явно желая оскорбить собеседницу. Таким образом, можно заметить, что пространные сравнения могут быть использованы и в описании чувств мужчин, но в других случаях и ситуациях. Женщины, с другой стороны, считаются более мягкими и деликатными в своих чувствах. Если сопоставить вышеприведенную цитату, описывающую отношение Тома к бывшей жене, и этот отрывок, выражающий чувства женщины, увидевшей маленького ребенка – «She has her fingers curled tightly around his forefinger and I have hold of her perfect pink foot, and I feel as though fireworks are going off in my chest» [Hawkins, 2016, с. 263], можно заметить, что описанные в нем эмоции настолько же сильны, как и эмоции мужчины в предыдущей цитате. При этом ситуация, на которую реагирует героиня, может быть названа повседневной и является

не столь сильным раздражителем, что еще раз подтверждает идею о том, что женщины более эмоциональны и способны испытывать сильные чувства по, казалось бы, не столь значительным поводам. При этом выражают свои эмоции героини и в позитивном, и в негативном ключе, в то время как герои мужского пола в вышеприведенных цитатах склонны выражать только негативные эмоции, а положительные предпочитают не выражать вовсе.

На основе анализа вышеприведенных отрывков можно сделать несколько выводов. В частности, на выражение эмоций значительно влияет культурная принадлежность персонажа и шаблоны поведения, распространенные в ней. При выражении эмоций женского персонажа авторы используют образные средства и более сложные конструкции, нежели при описании эмоций персонажа-мужчины, что связано с тем, что женщины считаются более эмоциональными, чем мужчины. Также мужчины выражают свои эмоции в произведениях гораздо реже и неохотнее, чем женщины, открыто реагируя лишь на сильные раздражители, в то время как женщины способны выказывать сильные эмоции по менее значительным поводам. При этом выражают свои эмоции героини и в позитивном, и в негативном ключе, в то время как герои мужского пола склонны выражать только негативные эмоции, а положительные предпочитают не выражать вовсе. Мы также пришли к выводу, что женщины в литературе, как правило, показаны более эмоциональными и склонными открыто выражать свои чувства, в то время как мужские персонажи были прописаны более замкнутыми. Для выражения эмоций в английской литературе чаще всего используются лексические средства, преобладают различные сравнения и эпитеты.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова, Э. С. Очерки по стилистике слова./Э.С. Азнаурова – Ташкент: Фан, 1973. – 401 с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. / Е. М. Вольф – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. / И. Р. Гальперин – М.: Наука, 1981. – 137 с.
4. Изард, К. Э. И Психология эмоций. Перев. с англ. / К. Э. Изард – СПб: Издательство «Питер», 1999. – 464 с.
5. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь. / А. В. Кунин– М., 1984. – 942 с.
6. Левковская, К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. / К. А. Левковская – Изд. стереотип. URSS. 2019. – 296 с.
7. Матурана, У. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. / Матурана У., Варела Ф. – 2019. – 320 с.
8. Нелюбин, Л. Л. Перевод и прикладная лингвистика. / Л. Л. Нелюбин; [Предисл. Р. Г. Пиотровского]. – М.: Высш. шк., 1983. – 207 с.
9. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : Монография. / В. И. Шаховский – М. : Гнозис, – 2008. – 416 с.
10. Шаховский, В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики. / В. И. Шаховский // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1975. – Вып. 2. – С. 3–25.
11. Moyes, J. Me before you. L.: Penguin, 2012. 498 p.
12. Scott, J. W. Gender and the Policy of History. New York: Columbia University Press, 1988. 42 p.
13. Hawkins, P. The Girl on the Train. Black swan, 2016. 330 p.

УДК 372.881.111.1

Mitigating the negative effects of interference in the teaching of English in Uzbek classes

(Нивелирование негативных последствий интерференции в процессе преподавания
английского языка в узбекских классах)

Неъматова Н. О., Учебный центр «English Campus Education», преподаватель, Узбекистан

The levels of English language proficiency in the Republic correlate with the CEFR – Common European Framework of Reference for Languages and correspond to specific stages in continuing education, ranging from A1 to C-1, associated with master's graduates from language faculties of higher education institutions.

At all stages of teaching at the general education level, there are a number of objective difficulties due to both linguistic and other factors that hinder mental understanding of the structure of language, which also relates to the subject area of applied linguistics as **language interference**.

In the classical understanding, interference is graded into positive and negative (as a positive one, for example, I would single out children's participation in online games using chat rooms, where children from

different language environments communicate with each other based on a common interest, thus creating a favourable ground for the acquisition of spoken English, which is universal).

When the influence of the mother tongue leads to errors in the acquisition or use of the target language, we speak of negative transfer, or interference. In the opposite case, when the influence of the mother tongue leads to immediate or rapid acquisition-use of the target language, we can claim positive interference and adaptability.

From this viewpoint, the three types of linguistic interference must be clearly distinguished as **syntactic/grammatical interference**, **lexical/semantic** interference, and finally **pragmatic** interference.

It is of particular importance for the teacher to understand and observe the 4 levels of interference as **phonological**, **semantic**, **syntactic**, and finally **lexical**, where interference is caused by the incorrect pronunciation of words during communication.

The key task of the teacher is to bring the trainee/s to a level where they themselves become aware of the particularities of the inter-language difference through the target curriculum. Only then can negative transfer/interference be avoided.

Contrastive (confrontational, comparative linguistics) error analysis and inter-linguistic theory deal with negative transfer of language, which allows people to better understand the negative transfer of their native language and develop foreign language teaching. As an illustrative example, Uzbek high school students learn English on the basis of Uzbek. Therefore, they will be influenced by their mother tongue and their knowledge. With this in mind, I set out to find out the problems of my students in learning English by analysing errors according to the theory of language transfer. Such a study is certainly useful for improving English teaching methods.

We are all familiar with the phenomenon of an Indian speaking English quite fluently, but inevitably with a specific Indian accent. In China we can often hear this sentence: "I am a student". Both examples are the result of transposition of the mother tongue. Transference in this case is a general term describing the transfer of previous work or knowledge to subsequent learning.

Positive interference occurs when previous knowledge helps with the learning task, i.e., when the previous subject is correctly applied to the current subject.

Negative transfer occurs when previous knowledge interferes with the subsequent task. And this correlates with negative interference – an incorrect transfer or association with the subject matter to be mastered.

Most high school students are still in the early stages of learning English, they have many disadvantages such as poor English learning environment, limited vocabulary, lack of knowledge and ability to use English, so they are vulnerable to the mother tongue. Many researchers have found that students at a low second language level are extremely dependent on their mother tongue which always leads to negative or positive transfer; for intermediate level students, negative transfer is particularly evident. From their essays, we can see that they write English essays in accordance with Russian or Uzbek; these are usually expressed in monotone sentences, piling up of simple sentences, mistakes in words and phrases, grammar, and expression. Thus, the negative transfer of the mother tongue is one of the important factors affecting the English level of high school students. However, in contemporary English teaching, due to various reasons, a large number of teachers do not have a full understanding and analysis of transposition errors in students' writing. There is a lack of purposeful teaching methods in English teaching, the effect of teaching is evident. Many high school students suffer from negative transfer/interference. Therefore, analysing the impact of negative transfer in students' writing to guide and improve English teaching in secondary schools is important and necessary.

Vocabulary is the basic material of English writing, if the vocabulary is insufficient the writing will be very stylistically primitive. Because of insufficient vocabulary, many students use their native language to replace the target language, resulting in a negative transfer of the native language.

Many students translate according to the literal meaning in the written work, where each word corresponds to English and Uzbek, e.g:

Washing clothes faces and brushing teeth shouldn't let water always running.;

Because using the washing machine needs much water.;

Good good study, day day up.

Touching on negative interference in lexical collocation, let us take the example of words in English and Chinese where the conceptual and connotative meanings are identical, but due to differences in culture and habits differ in collocation. For example:

The price of this dress is not expensive. (wrong)

The price of this dress is not high. (right)

The dress is not expensive. (right)

In Uzbek "kuchli", but in English "strong" cannot be associated with "panic", "fever". It can only speak of "strong panic", "high fever". In communication, many students use phrases such as "learn knowledge", "build

up one's mind", which are examples of negative transfer in lexical collocation. The correct phrases are "gain knowledge", "develop one's mind".

Negative interference is also evident in the transmission of singular and plural forms when the source language lacks the concept of singular and plural, as well as in the use of the suffix. In English, the error seems small, but it makes the essay incoherent and reduces its quality. For example:

It has many use. (*wrong*)

It has many uses. (*right*)

"Doing sports not only gives our brain a chance to get relaxed but also reduce the possibility of getting ill" in this sentence the subject is "doing sports", so "give" and "reduce" should be used as "gives" and "reduces".

Through analysis, it is possible to find out how negative transference of the mother tongue affects learning a foreign language and why negative transference leads to errors in the language learning process.

Negative transfer occurs when the foreign language learner uses the way of expression and understanding of the mother tongue to replace the way of the foreign language. The reason is that the form and regular system of the mother tongue and the target language are different but are perceived by the learner as the same thing. Interference of the mother tongue is common when learning a second language, negative transfer occurs in many languages.

The application of transfer language in applied linguistics is done by comparing the mother tongue and the target language, which allows for the creation of the theory of contrastive analysis (CAT). Contrastive analysis borrows two concepts in psychology – transfer and interference. The main points of view are: similar learning content in two languages leads to positive transfer; different learning content in two languages leads to negative transfer; a third possibility is that a certain linguistic feature is missing in the target language, which causes difficulties for learners of the second language. The aim is to identify by comparison the differences between the target language learnt and the mother tongue in pronunciation, vocabulary, and grammar. On the one hand, to find similarities so that positive transfer is more successful, on the other hand, to find differences so that interference is reduced.

In this context, the problem of accounting for negative interference becomes relevant, from the perspective of the Uzbek/Russian-speaking student's understanding of the differences with Western culture, in the way of thinking between us and Western countries through contrastive analysis. This requires mastering the correct learning strategies, easing the negative interference of the native language, according to the English habit of thought to choose words, sentences, stylistic rules and improving basic writing skills in order to write authentic texts in English:

1) Create the right attitude for students to master scientific learning strategies.

A scientific approach to language transfer is essential to solve the problems of second language learning in translation. Cognitive psychology believes that learning is an active cognitive process, it is a process of acquiring, transforming new knowledge. For the second language learner, the native language constitutes most of the available information, while the information stored in the second language writer's brain is scarce. Learning strategies are to be able to transfer the "Uzbekish" to a certain extent. Students are advised to try to pay more attention to the target language, not to demand perfection and to gradually reduce their dependence on the mother tongue.

2) Emphasis on teaching vocabulary and grammar so that students are familiar with the differences in English and Uzbek vocabulary and syntax.

By expanding the vocabulary, improve students' understanding of the correct meaning and use of words. Students should develop their vocabulary ability, use appropriate expressions as appropriate, improve accuracy and fluency. Students can learn some word memorisation skills such as using word cards or using a notebook, writing down the words to be memorised and then practising regularly.

3) Strengthen the contrast between English and Uzbek knowledge in teaching and develop cross-cultural awareness.

Teaching should contrast thinking in English and Uzbek and develop awareness of intercultural communication. Teachers should guide students to compare the differences between the two ways of thinking in teaching in order to understand their impact on language, thus increasing intercultural awareness.

4) Increasing the linguistic contribution of the original authentic English, extending the scope of reading, and creating a real writing situation.

"The best way to improve foreign language skills is to read a lot" to get rid of Uzbek/Russian interference, and this develops English comprehension. Teachers should focus on teaching discourse, through focused writing practice, so that students can understand the different characteristics of English and national discourse.

Two languages have differences in many aspects, such as pronunciation, vocabulary, grammar, and pragmatics. If one does not understand these differences when learning a second language, but simply blindly

applies the law and mentality of the mother tongue, it will inevitably lead to negative transfer. Negative mother tongue interference is widely reported in the field of second language learning, and it also has a great impact on the learning of a foreign language by second language learners. Although from some perspectives, negative mother tongue transfer is seen as a communicative strategy, it helps learners to overcome some communication problems, which has a positive function. The negative function in second language acquisition cannot be ignored either. Therefore, by using the contrastive method, some background information about English-speaking countries from history, culture and religion can be additionally studied and an attempt to minimise the impact of cultural differences on second language acquisition can be made. And by reading the original and authentic sentence expression, one should develop the habit of thinking in English. Meanwhile, while learning vocabulary, it is crucial not only to clarify its conceptual meaning, but also to understand the meaning of culture and connotations.

L. I. Barannikova in her work "The essence of interference and the specificity of its appearance" understands interference as "a change in the structure or elements of the structure of one language under the influence of another" [Barannikova, 1972, p. 88]. E. M. Akhunzyanov, in turn, noted that interference can be directed not only from the native language to the studied language, but also vice versa, the studied language can influence the native one [Akhunzyanov, 1978, p. 61]. Researchers distinguish between positive (helping the learner) and negative (creating barriers to learning).

The concept of "interference" has become important in the theory of foreign language teaching. In foreign language teaching methodology, as a rule, the phenomenon of negative linguistic interference is considered, leading to violations of the norms of the learner's language under the influence of the native language.

Formal interference manifests itself in errors related to pronunciation, grammar, and word usage. The reasons that cause interference and lead to an error may be different:

1. Semantic, structural, and functional identification of native and foreign language phenomena.
2. Influence of factors such as over-understanding based on misunderstanding.
3. Occurrence of incorrect associations, sometimes of a purely mechanical nature, etc.

In general, an error in a foreign language is always the result of an incorrect operation of the linguistic means of the foreign language and, as a consequence, an incorrect realisation of the speaker's intention. Students, insufficiently proficient in a foreign language, are guided by the mother tongue program of expression, which is usually error-free, as it is related to the level of conscious control exercised also in the mother tongue. Therefore, during the operation of selecting the necessary foreign language means to express the intention, errors occur due to the non-similarity of the mother tongue and foreign language systems of expression.

According to the postulates of psychology, awareness and comprehension of memorized material play an important role in the processes of memorization and reproduction. These data definitely indicate that the first step in working on interfering vocabulary should be the explanation of the vocabulary being learned. Since lexical interference is mainly related to the differences in the semantics of the respective lexical units of the mother tongue and the target language and in the way a particular meaning is expressed in the two languages, the explanation of the interfering vocabulary should focus on the learners' awareness of these differences.

To overcome the negative impact of inter-lingual lexical interference, it is necessary to periodically analyse the lexical units of the mother tongue and the target language, in this case, Uzbek and English. Comparative analysis helps to identify the lexical phenomena that present the greatest difficulties for the students. The selection of texts and exercises, compilation of test works taking into account the possibility of inter-lingual lexical interference is one of the important elements in organizing effective learning. Considering the possibility of lexical interference when learning a foreign language, teachers can prevent some of the students' mistakes, reduce their number and thus facilitate the learning process. Particularly effective in case of difficult situations are interlingual contrasting exercises based on interlingual comparisons [Lugovets, 2016, p. 38].

The choice of semantisation method is determined in each case by the nature of the language unit, the stage of learning and the level of language proficiency of the learners. These methods are conventionally divided into monolingual and translational. The monolingual methods in which the disclosure of the meaning of a word is made in the foreign language under study include contextualization, definition presentation, use of visual aids, presentation of synonyms or antonyms of the unit, use of word-formation elements.

It is supposed that in order to explain the meaning of potentially interfering lexical units, it is preferable to choose such ways of semantization as contextualization and the use of visual aids. It is assumed that by being introduced to a new lexical unit in a sufficient and comprehensible context, by realising the meaning of the word independently through linguistic guesswork, the student will remember it better and the probability of receptive and productive lexical interference will be minimised.

The use of visual aids as a way of semantising a new lexical unit has also been found to be effective in preventing lexical interference. Visualisation can be defined as a specially organised demonstration of language material and sometimes its use in speech in order to help the learner understand, absorb and use it.

Speaking about the prevention of lexical interference it is necessary to say that it is the use of visual aids or their combination with auditory aids (demonstration of a voiced video fragment) that significantly reduces the risk of its occurrence. This is due to the fact that, as in the case of contextualization, the presented image (video clip) is more firmly “embedded in the memory” of the learner along with the meaning of the new lexical unit when they first get acquainted with it.

Thus, this material has discussed ways to overcome lexical interference and the principles on which exercises to overcome it should be based, including the principle of inter-lingual contrast and comparative analysis, the principle of semanticizing context, the principle of visualization, the principle of oral advancement, the verbal explanation of difficult situations and the presentation of theoretical information, the activation of self-control mechanisms. The importance of different kinds of translation exercises in reducing interference was emphasised.

Various ways of semantising lexical units have also been studied and those that can prevent possible lexical interference have been highlighted: contextualisation and the use of visual aids.

SOURCES AND LITERATURE

1. Alieva, K. V. Types of exercises to overcome lexical-semantic interference in the Russian speech of Lak students / K. V. Alieva. – Makhachkala, 2012. – p. 32.
2. Alimov, V. V. Special translation and linguistic interference / V. V. Alimov. – M.: MOSU, 2003. – p.134 .
3. Akhunzyanov, E. M. Bilingualism and lexical-semantic interference / E. M. Akhunzyanov. – Kazan: Kazan University Publisher, 1978. – p.187.
4. Barannikova L. I., The essence of interference and the specificity of its occurrence / L.I. Barannikova // Problems of bilingualism and plurilingualism. – Moscow: Nauka, 1972. – С. 88–98.
5. Weinreich, W. Monolingualism and multilingualism / W. Weinreich // New in linguistics. – Vol. 5. – Moscow: Progress, 1972. – pp. 25–80.
6. Lugovets, V. V. Principles of overcoming Russian language interference when studying English (lexical aspect) / V. V. Lugovets. – SPb., 2016. – p. 57.
7. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan "On Measures to further improve the system of learning foreign languages" No. PP-1875. 10.12.2012 г. – National Legislation Database of the Republic of Uzbekistan. – Access mode: <https://lex.uz/docs/2126030> (date of access: 11.04.23).
8. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On Measures to Raise to a Qualitatively New Level the Activities to Popularize the Learning of Foreign Languages in the Republic of Uzbekistan", No. PP-5117. 19.05.2021. – National Database of the Legislation of the Republic of Uzbekistan. – Access mode: <https://lex.uz/uz/docs/5426740> (date of reference: 11.04.23).
9. Tedtoyeva, Z. H. Methods of preventing and overcoming lexical-semantic interference / Z. H. Tedtoyeva – Vladikavkaz, 2016. – p.156
10. Yanchenko, V. D. Methods to overcome lexical interference in the speech of foreign students - non-philologists / V. D. Yanchenko. – M., 2012. – p.117
11. Corder, S. P. (1983). Strategies of Communication. In C. Faerch, & G. Kasper (Eds.), pp.195–209, Strategies in Interlanguage Communication. London: Longman.
12. Odln T. (1994). Language Transfer. Cambridge: Cambridge University Press

УДК 378.147

Реалити-шоу как инновационная образовательная технология для развития профессиональных навыков и межкультурной компетенции у студентов неязыковых вузов

Орлова Т. С., Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия,
Санкт-Петербургский государственный университет, преподаватель, Россия

Цели современного образования не могут быть достигнуты без регулярной актуализации образовательных методик и подходов к обучению иностранному языку в вузах. Представляется, что аутентичные реалити-шоу являются одним из тех искомых, инновационных и эффективных образовательных технологий для преподавателей иностранного языка в неязыковом вузе.

Инновационные подходы в процессе преподавания английского языка позволяют поддерживать интерактивность во время занятий, которая сохраняет концентрацию и мотивацию творческих студентов, поэтому с каждым годом растет число преподавателей, которые обращаются к использованию видеоматериалов в качестве оптимального формата донесения информации для «digital native» поколения [Prensky, 2001, p. 2], т. к. начиная с поколения зумеров можно говорить о практически полной смене парадигмы восприятия информации. Согласно аналитике CNN за 2015 г., подростки проводят 6–9 часов в день в медиапространстве: просмотр телевидения, видео и фильмы в социальных сетях и на стриминговых сервисах, видеоигры и др. [Wallace, 2015].

В современных классах традиционные методы обучения языку и культуре уже не оказывают прежнего влияния на студентов, принадлежащих к поколению зумеров. Необходимы новые методы, чтобы заинтересовать их и побудить зумеров учиться. Поэтому в нашу технологическую эпоху создание и проведение эффективного занятия невозможно без использования инновационных технологий, повышающих концентрацию и мотивацию студентов-зумеров во время занятий.

В статье приводятся результаты практического применения реалити-шоу на занятиях в качестве методики преподавания английского языка студентам творческих специальностей. Преподаватели могут использовать аутентичные реалити-шоу, чтобы привлечь студентов, изучающих искусство и дизайн, к изучению английского языка. Такого рода шоу могут предоставить учащимся интересный способ отработать языковые навыки, такие как аудирование, говорение и произношение. Кроме того, эти шоу можно использовать для ознакомления с новой профессиональной лексикой и культурными отсылками.

Как источник информации и современный способ обучения реалити-шоу являются неистощимым источником материала. Подход с использованием на занятиях реалити-шоу позволяет учащимся получать знания об английском языке в занимательной форме, что повышает мотивацию студентов неязыковых вузов к изучению иностранного языка. Кроме того, благодаря принципу «edutainment» студенты получают уникальную возможность развивать свои языковые навыки в веселой и интерактивной форме, что повышает вероятность сохранения новой информации в памяти студентов. Видеоматериалы в жанре реалити-шоу нравятся студентам, а, как известно, студенты активнее вовлечены в процесс обучения, когда это доставляет удовольствие [Hall, 2009, p. 517; Raines, 2002, p. 8; Taylor, 2006, p. 50]. Этот тип медиа помогает разрушить монотонность традиционных лекций и побуждает студентов больше узнать о своей профессии, других языках и культурах.

Тем не менее, с точки зрения методики применение практики просмотра со студентами реалити-шоу во время аудиторного занятия требует от преподавателя тщательного планирования. Например, преподаватель должен учитывать возраст и уровень языка у студентов, общие цели группы, которых можно достичь с помощью реалити-шоу. Преподаватель также должен учитывать, что аутентичное реалити-шоу должно соответствовать творческой специализации группы в рамках программы вуза.

Аутентичные видеоматериалы в жанре реалити-шоу позволяют расширить спектр возможностей развития как у преподавателей, так и у студентов навыков развития коммуникативной компетенции. Аутентичное реалити-шоу – это образовательный инструмент, который может способствовать межкультурному общению и взаимопониманию. Посмотрев шоу, учащийся может получить представление о том, как люди из разных культур успешно общаются, взаимодействуют друг с другом и строят карьеру благодаря знанию английского языка.

Реалити-шоу позволяют продемонстрировать студентам неязыковых вузов аутентичный современный английский язык. В результате применения на практике реалити-шоу в качестве образовательного инструмента, было выявлено, что подобный аутентичный видеоматериал наиболее эффективно способствует развитию у студентов навыков межкультурной коммуникации. В качестве материала в нашей практике мы использовали канадское и британское соревновательное шоу по выдуванию стекла и изготовлению изделий из керамики и применили их на занятиях в группах со студентами вузов по соответствующей специальности.

Хотя просмотр реалити-шоу на занятиях по английскому языку в вузах может быть отличным средством обучения в группах творческих специальностей в неязыковом вузе, многие преподаватели отдают предпочтение более традиционным методам [Буренина, 2019, с. 23]. Тем не менее, изучение иностранного языка в современном высшем образовании должно предполагать изучение культуры, в которую входит невербальный язык общения, характеризующийся национальными особенностями. Незнание данной специфики может создавать значительные преграды для успешной коммуникации. Именно реалити-шоу дают возможность студентам увидеть аутентичную реализацию правил англоязычной невербальной системы в реальных жизненных ситуациях, демонстрируемых в реалити-шоу.

Студенты неязыковых вузов могут более эффективно учиться по аудиовизуальным материалам, поскольку они могут получить к ним доступ в любое время и могут воспроизвести их для повторения материала. Это помогает гарантировать, что студенты понимают материал и запоминают его дольше. Реалити-шоу позволяют продемонстрировать студентам неязыковых вузов аутентичный современный английский язык, предоставляют возможность познакомиться с различными вариантами этого языка, дают представление о том, что существует не только стандартизированная версия английского языка, изложенная на страницах учебников, отстающих от текущего состояния языка, но и беглая, разговорная речь носителей и неносителей английского языка. Просмотр серий аутентичных реалити-шоу улучшают навыки аудирования эффективнее, чем тесты по аудированию и специальные записи к учебникам.

Кроме того, в аутентичных реалити-шоу отражены праздники, традиции и обычаи англоговорящих стран. Таким образом, реалити-шоу представляют собой хороший способ расширения культурной компетенции у студентов.

Не менее важным для реализации здорового учебного процесса в современном образовании представляется и то, что реалити-шоу демонстрируют реальные ситуации в сочетании с юмором. Это снижает у студентов стресс от занятий на иностранном языке и помогает проводить занятие в рамках баланса между приятным и полезным. Иными словами, студенты неязыковых вузов становятся более мотивированными, сохраняют устойчивый интерес к изучению английского языка. Каждая серия реалити-шоу позволяет находить полезные выражения, которых обычно нет в учебниках, или интересные речевые конструкции, которых не найти в классических грамматических пособиях.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что практика просмотра реалити-шоу – это прекрасный способ вовлечь студентов в процесс обучения и мотивировать их практиковать навыки английского языка. Такой тип медиа, как реалити-шоу, помогает разрушить монотонность традиционных занятий и побуждает студентов творческих специальностей больше узнать о своей профессии, других языках и культурах. В результате практико-ориентированного исследования можно сделать вывод о том, что просмотр соревновательных реалити-шоу на занятиях со студентами неязыкового вуза помогает формированию специалиста, готового к профессиональной межкультурной коммуникации на международной арене.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Буренина, Н. В. Преподавание английского языка для профессиональных целей: методические и организационные проблемы / Н. В. Буренина // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 19–30.
2. Hall A. Perceptions of the authenticity of reality programs and their relationships to audience involvement, enjoyment, and perceived learning // Journal of Broadcasting & Electronic Media. – 2009. – № 53(4). – P. 515–531.
3. Prensky, M. Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // On the Horizon. – NCB University Press. – 2001. – Vol. 9. – № 5. – 79 p.
4. Raines C. Managing millennials. – 2002. – URL: <http://generationsatwork.com/articles/millennials.html> (дата обращения: 02.05.2023).
5. Taylor M. L. Generation next comes to college: 2006 updates and emerging issues / M. L. Taylor // Focusing on the needs and expectations of constituents. – North Central Association of Colleges and Schools. – 2006. – № 2. – P. 48–55.
6. Wallace K. Teens spend a 'mind-boggling' 9 hours a day using media. – URL: <https://edition.cnn.com/2015/11/03/health/teens-tweens-media-screen-use-report/index.html> (дата обращения: 20.04.2023).

УДК 81'33

Сопоставительное исследование коллокаций: возможности корпусного подхода

Палийчук Д. А., Уральский федеральный университет

имени первого президента России Б.Н. Ельцина, аспирант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Богоявленская Ю. В., Россия

На современном этапе развития лингвистики компьютерные технологии открыли новые возможности работы с информацией. Так, проведение анализа большого объема языковых данных с минимальными затратами времени, получение достоверных количественных результатов стали доступными для многих учёных и корпус текстов приобрёл статус актуального инструмента в современных исследованиях. Под лингвистическим корпусом текстов мы понимаем большой,

представленный в машиночитаемом формате, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических или прикладных задач [Захаров, 2013, с. 5]. Работа в корпусе осуществляется посредством корпусного менеджера, который представляет собой поисковую систему данных в корпусе, оснащённую статистическими метриками. С помощью корпусного менеджера исследователь также может создать свой собственный корпус текстов (подкорпус), загрузить и использовать уже существующие массивы данных. Современные корпусные методы позволяют учёному решить различные лингвистических задачи и в сопоставительных исследованиях, однако следует отметить ряд проблем, которые могут возникнуть у исследователя – разный объём, структура корпусных массивов, время создания и типы текстовых документов [Богоявленская, 2017, с. 9]. Таким образом, вопрос эквивалентных корпусов является существенно важным в данном типе исследований.

С помощью обширного функционала корпусов можно осуществить не только точный анализ отдельных фактов реализации языковых единиц, но и выявление общих закономерностей, присущих всей языковой системе. Корпусные инструменты позволяют провести эффективное исследование лексической сочетаемости. Изучение коллокаций является одним из актуальных направлений в современной лингвистике. В рамках данной работы мы придерживаемся определения коллокации с точки зрения корпусной лингвистики, где существенным признаком считается частота совместной встречаемости. Таким образом, коллокация – статистически устойчивое словосочетание, которое может быть как фразеологизированным, так и свободным [Захаров, 2010, с. 138].

Посредством корпусов текстов исследователь получает доступ к информации о частоте определенного сочетания в языке. Следует отметить, что высокая частота встречаемости слов не позволяет говорить о предпочтительной сочетаемости слов. Так, были разработаны статистические метрики, которые учитывают как линейную близость и частоту совместной встречаемости, так и частоту в данном корпусе и некоторые другие факторы [Богоявленская, 2022, с. 71]. Такие метрики называются статистическими мерами, мерами ассоциации или мерами ассоциативной связанности. В настоящее время MI (mutual information), logDice, t-score, log-likelihood, Z-score, MS (minimum sensitivity) являются наиболее распространёнными мерами ассоциации, среди которых наиболее современная – logDice.

Корпусные технологии – актуальный инструмент, позволяющий извлекать и изучать коллокации. В данной работе мы рассмотрим корпусные программы и сервисы AntConc, SketchEngine и WordSmith, которые могут быть полезны в решении подобного рода задач.

AntConc – предназначенное для статистических исследований приложение, разработанное Лоуренсом Энтони. Сервис предлагает семь инструментов анализа текстовых данных, среди которых следует выделить Collocates. Инструмент Collocates проводит статистический анализ по словам, находящимся слева и справа от заданного элемента, посредством мер MI, log-likelihood, t-score, а также комбинации мер MI и log-likelihood. Сервис AntConc обладает понятным интерфейсом для начинающего пользователя и находится в бесплатном доступе, однако позволяет работать только с файлами формата .txt. и при условии тщательной предварительной обработки текста.

Проект SketchEngine, разработанный корпусным лингвистом Адамом Киллгарриффом и программистом Павлом Рыхли, представляет собой интернет-сервис для корпусного анализа текста. В рамках данной работы в SketchEngine наиболее примечательны две функции: Collocations и Word Sketch. Функция Collocations предназначена для вычисления коллокаций с помощью статистической меры logDice. Word Sketch, в свою очередь, осуществляет автоматическое построение коллокационных профилей или скетчей посредством обобщения информации о всех контекстах искомого слова в корпусе. Составленные профили предоставляют данные о сочетаемости с другими словами и о силе их связи, что очень удобно для исследователя. SketchEngine – коммерческий сервис (с наличием пробного периода в 30 дней), в котором предоставляется возможность работать с текстами более чем на 85 языках с файлами следующих форматов: doc, .docx, .pdf, .htm, .html, .ps, .tar.bz2, .tar.gz, .tgz, .tmx, .txt, .vert, .xml, .zip. Одним из преимуществ SketchEngine также является возможность создать собственный корпус на основе текстов из сети Интернет.

WordSmith Tools – программа, разработанная Майком Скоттом в университете Ливерпуля и предназначенная для изучения поведения слов в текстах. Опция Compute|Relationships данного приложения, входящая в модуль Concord, предоставляет возможность выявить коллокации на основе MI, log-likelihood, Z-score. WordSmith Tools – коммерческий сервис (с наличием демоверсии), позволяющий проводить исследование на 80 языках данных формата .txt.

Таким образом, корпусные технологии – актуальный и полезный инструмент, который может обеспечить исследователя необходимым материалом в полной мере или частично, а также более точными результатами. Однако в сопоставительных исследованиях следует учитывать трудности, которые связаны

с эквивалентностью корпусов. После проведенного обзора корпусных менеджеров необходимо выделить SketchEngine как один из эффективных инструментов, который обладает рядом преимуществ: более современная статистическая мера, возможность работы с файлами различных форматов, удобный интерфейс.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Богоявленская, Ю. В. Меры ассоциации для установления силы семантико-синтагматической связи элементов словосочетания / Ю. В. Богоявленская, Д. А. Палийчук // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2022. – № 5. – С. 69–78.
2. Богоявленская, Ю. В. Сопоставительный объектно-ориентированный корпус: определение понятия и принципы формирования / Ю. В. Богоявленская // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2017 – №9. – С. 8–19.
3. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов направления «Лингвистика». 2-е изд., перераб. и доп. / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова – СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. – 148 с.
4. Захаров, В. П. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке / В. П. Захаров, М. В. Хохлова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2010. – №9(16). – С. 137–142.

УДК 372.881.161.1

Учет родного языка при обучении РКИ испаноязычных студентов (на примере видовременной системы)

Пильщикова О. А., Южный федеральный университет, преподаватель, Россия

Главной особенностью восприятия и порождения речи на иностранном языке является то, что эти процессы осуществляются через призму родного языка.

При усвоении иностранного языка в психике учащегося происходит сложное взаимодействие языковых систем. При этом система изучаемого языка начинает накладываться на систему родного, и учащиеся неизбежно опираются на свой первоначальный языковой опыт. В контактном поле двух языковых систем доминируют те языковые явления и речевые механизмы, которые были усвоены студентом ранее в опыте родного языка [Герасименко, 2014, с. 40–44].

«Включение родного языка в процесс обучения на разных этапах помогает достигать практических, образовательных и развивающих целей. Одной из самых сложных тем для изучения на начальном этапе является видовременная система русского языка. Иностранцам студентам необходимо научиться распознавать временные рамки событий или действий и понимать, о каком реальном физическом отрезке времени идет речь, дифференцировать последовательность действий, а также грамотно использовать категорию вида русского глагола» [Самосенкова, 2020, с. 275–278].

«Нами отмечено, что можно достичь положительных результатов, сделав акцент на положительный перенос аналогичных грамматических явлений и проработав несхожие грамматические ситуации» [там же, с. 275–278].

Как правило основные сложности у студентов Иbero-Американского региона возникают при изучении видовременной системы русского языка. Основных причин несколько: отсутствие данной системы в испанском языке, наличие большого числа глаголов, подлежащих запоминанию, отсутствие какой-либо четкой системы образования глаголов СВ.

Первое знакомство с глагольной системой РКИ начинается у студентов иностранцев с глаголов типа НСВ и их употребление в настоящем, прошедшем и будущем времени. В пласте настоящего времени принцип спряжения глаголов испаноязычным инофонам понятен, поскольку данная система совпадает с испанским языком. Преподавателю достаточно продемонстрировать на примере нескольких глаголов сопоставление флексий, как предложено ниже.

Trabajar	Работать
Trabajo	Работаю
Trabajas	Работаешь
Trabaja	Работает
Trabajamos	Работаем
Trabajáis	Работаете
Trabajan	Работают

Прошедшее время. Как показывает опыт, усвоение материала на данном этапе также не вызывает особых сложностей ввиду того, что система спряжений глаголов в пласте настоящего времени существует и в испанском, и в русском языках. Различие состоит в том, что в русском языке окончаний всего четыре и они имеют родовую принадлежность.

Основные сложности испаноязычных студентов возникают на этапе изучения типов глаголов в связи с отсутствием такой структуры в испанском языке.

Говоря об аналогиях с испанским языком предлагаем взять в качестве основы два прошедших времени, которые могут быть использованы при объяснении видов глаголов РКИ: *preterito indefinido* (простое прошедшее время) – выражает законченное действие, совершенное в законченный отрезок времени и не имеющее непосредственной связи с настоящим, словами маркерами являются: вчера, на прошлой неделе, позавчера и *Preterito imperfecto* – выражает продолжительное, несовершенное, незавершенное или регулярно повторяющееся действие в прошлом. Словами маркерами служат: каждый день, каждый месяц, иногда, каждое утро.

Сами испаноязычные инофоны, объясняя разницу между двумя временами, выделяют одним из основных показателей применения *Preterito imperfecto* – наличие повторяющегося действия (рутины) в прошлом.

Таким образом обучение русскому глагольному виду в испаноязычной аудитории на наш взгляд целесообразно следующим образом.

1. Знакомство с темой следует начинать с пласта прошедшего времени, акцентируя внимание студентов на том, что в русском языке, как и в испанском, существуют законченные действия в прошлом, не имеющие связи с настоящим и действия более продолжительные, регулярно повторяющиеся, не имеющие конкретного результата. Проведение аналогии на данном этапе необходимо для понимания структуры в целом и выделения критерия, по которому можно различать два типа глаголов, подкрепляя различными примерами («Анна писала письмо 2 часа. Анна написала письмо»).

2. Далее внимание студентов необходимо обратить на то, что в русском языке глаголы НСВ и СВ могут употребляться как в прошедшем, так и в будущем времени, а глагол НСВ еще и в настоящем. Данное пояснение необходимо для того, чтобы у студентов не сформировалось ложное впечатление, что глаголы НСВ и СВ можно использовать только в прошедшем времени, либо, что НСВ и СВ – это форма образования прошедшего времени.

После того, как у студентов произошло понимание структуры и случаев употребления, можно схематично изобразить все три времени глаголов НСВ и два времени глаголов СВ с приведенными примерами. Далее целесообразно дать студентам ряд упражнений, направленных на отработку грамматических навыков, запоминания видовых пар глаголов.

При этом, очень часто в употреблении той или иной видовой формы главную роль играет контекст, ситуация. Для осознания правильной картины необходимо дать учащимся общее представление о субъективной зависимости употребления видовых форм, т.е. о его зависимости от того, что именно хочет сказать говорящий. Главным является осознание учащимися важности понимания речевой ситуации, позиции субъекта, его взгляда на действие, так как на основе этого и проявляются разные контекстуальные значения видов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов, С. Г. Методика преподавания русского языка иностранцам / С. Г. Бархударов (ред.). – М.: МГУ, 1967. – 308 с.

2. Самосенкова, Т. В. Рациональный учет родного языка учащихся на начальном этапе обучения РКИ / Т. В. Самосенкова, А. В. Корнеева // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66–2. – С. 275–278.

3. Герасименко, И. Е. Психолингвистические причины нарушения орфографических норм русского языка в письменной речи иностранцев / И. Е. Герасименко // Сборник материалов X Региональной научно-практической конференции аспирантов, соискателей, молодых ученых и магистрантов. ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2014. – С.41–44.

УДК 81'1+070.1

Тактики создания образа желаемого на материале рекламных баннеров о продаже жилья *Половинкина О.С.*, Южный федеральный университет, преподаватель, Россия

Городское пространство представляется полем для жизнедеятельности индивида. Исследователи филологической урбанистики Е. А. Яковлева, А. Ф. Исмагилова [Яковлева, 2019, с. 77–86] подчёркивают,

что город является для жителей «символической реальностью» и человек постоянно расшифровывает сложнейшую городскую символику.

Город коммуницирует с людьми, населяющими его, через текст: он номинует объекты для субъекта, (вывески с названиями), ориентирует в пространстве (таблички с адресом), предупреждает и регулирует движение (дорожные знаки), предлагает, призывает к действию (рекламные объявления). Это обыгрывается в фильме «Русалка» Анны Меликян, где главная героиня, лишившаяся голоса, читает рекламу как обращение города к ней, руководство к действию.

Основной задачей рекламы является создание желанного образа, которым потенциальный потребитель захочет владеть, о чем пишет в своей работе «Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах» Лившиц Татьяна Николаевна [Лившиц, 2005, с. 15]. При этом, породив образ желаемого, рекламное объявление способно само внушить потребность этого желания у человека, который изначально не планировал делать.

Нами было собрано 41 рекламное объявление, размещенное на баннерах на улицах города Ростова-на-Дону, продвигающих продажи квартир. Баннеры относят к наружной рекламе; они часто вписаны в городской ландшафт. Нельзя не согласиться с С. С. Шляховой [Шляхова, 2017, с. 108–121] в том, что наружная городская реклама формирует и городскую среду, и эмоциональный фон у потребителей этой рекламы. Обычно рекламный текст на баннере небольшой (по крайней мере, его значимая часть), оформлен в идее краткого руководства к действию / слогана, дополнительно имеет поддержку в виде иллюстрации (визуализации реального или будущего объекта (часто в идеалистическом виде) и / или логотипа), содержит в тексте название рекламируемого объекта. Иногда используемая иллюстрация дополняет контекст, т.е. текст становится креализованным. Например, текст содержит следующие слова «Разделяем ваши ценности. Квартиры семейного формата»; на сопровождающем фото изображена семья из четырёх человек (отец, мать, сын и дочь), т.е. адресату подсказывают, что ценность состоит в семье.

Основной тактикой оказалась тактика, при которой автор(ы) послания концентрируются на выгодах, возникающих при приобретении жилья. Все выгоды можно разделить на две крупные категории:

- связанные с материальным выгодоприобретением. Под этим будем понимать ту выгоду, которую потребитель может реально посчитать (например, в деньгах), на что может распространиться право собственности;

Посмотрим примеры.

Квартиры с ремонтом. Выгода до 1338000 р. (*здесь и далее выделение мое – О.П.*)

Своя квартира за 1 рубль в месяц

Квартиры с платежом 1 руб/месяц

Квартиры. Первый взнос 0 %. 2-х уровневый подземный паркинг.

Как видно из приведенного выше материала, акцент делается на денежной сумме, часто преуменьшающей действительность (0%, 1 рубль). Слово «выгода» в тексте объявления встречается один раз. Обратим внимание также на выделенные слова «с ремонтом», «подземный паркинг»: покупателю предлагают приятный бонус в виде ремонта или возможности парковать машину без проблем. Интересно слово «своя»: создатели рекламы изначально навязывают позицию, что эта квартира как бы уже в собственности человека.

- связанные с нематериальным выгодоприобретением. Под этим будем понимать выгоды, которые невозможно подсчитать в материальных единицах. Это может быть удобство или эстетическая сторона месторасположения объекта. Причем эти понятия оказываются очень размытыми, чтобы каждый потенциальный покупатель вложил свое собственное представление о прекрасном и «додумал» образ самостоятельно. Также сюда будет относиться такой любопытный вид выгоды, которую можно охарактеризовать как «приобщение к престижу, элитарности, исключительности».

Примеры:

Идеальная локация.

Москва у твоих ног. (т.е. *ты – победитель*)

Клубный дом с изысканным содержанием.

Приватные зоны отдыха, окруженные зеленью.

Ешь 2 яблока в день. Квартиры покупай в ....

Открыты продажи. Дома с эксклюзивным видом на левом берегу

Здесь живёт бизнес-сообщество. Переезжайте к нам.

Жизнь на уровне 5 звёзд в центре.

Вторая тактика – артикуляция ценностей потенциальной группы потребителей в продаваемом образе. В основном такими ценностями являются апелляции к общечеловеческим ценностям таким, как здоровье, безопасность, свобода перемещения, семья.

Разделяем ваши ценности. Квартиры семейного формата

Ценим ваше здоровье. Квартиры в экорайоне.

Играйте во дворе.

Место, где хочется жить.

У нас закрытый двор. Переезжайте к нам.

Можно отметить, что ценности часто вычлняются из контекста самой ситуации, как в примере «закрытый двор» или «экорайон». Фактически в первом случае это означает безопасность, а во втором – объяснение, почему это полезно для здоровья, однако авторы послания прибегают к описательному варианту, по всей видимости, чтобы реципиенты самостоятельно достроили логическую цепочку.

Стоит оговориться, что обе эти тактики зачастую не существуют в чистом виде и могут смешиваться:

Будьте первооткрывателями! Квартиры в готовых домах от 12000 руб/месяц.

Собственная спортивная площадка.

Центр города. 99 тыс. руб/м².

Квартиры с ремонтом в сданном доме рядом с парком.

Потенциальным покупателям сообщают и выгоду в приобретении материальных благ / приобретение статуса, а также указывают ценностные установки.

Итак, наше исследование подтвердило генеральную линию рекламных кампаний последних лет, которая состоит в обращении рекламных текстов к эмоциональной сфере потенциальных покупателей. Приобретение жилья – дорогостоящая и серьезная покупка, доступная не всем категориям граждан. Создатели баннерной рекламы, понимая это, адресуются именно к платежеспособной аудитории, привлекая их внимание к покупке через приобретение статуса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Лившиц, Т. Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Лившиц. – Таганрог, 1999. – 357 с.
2. Шляхова, С. С. Наружная реклама крупного промышленного города: контент и стратегии влияния / С. С. Шляхова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Том 9. – 2017. – Выпуск 7. – С. 108–121.
3. Яковлева, Е. А. Внешняя реклама строящихся объектов жилой недвижимости Уфы / Е. А. Яковлева, А. Ф. Исмагилова // Российский гуманитарный журнал. – Том 8. – 2019. – № 1. – С. 77–86.

УДК 811.134.2

К вопросу об употреблении перифразы *ir a + infinitivo* в современном испанском языке

Придатьяко А. А., Российский государственный педагогический

университет им. Герцена, аспирант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Лукина А. А., Россия

Современный испанский язык отличается разнообразием грамматических средств выражения будущего времени, среди которых основным конкурентом простого будущего времени является конструкция *ir a + infinitivo*, которая, ввиду высокой степени грамматикализации, в последние годы классифицируется некоторыми испанистами как самостоятельная аналитическая форма будущего. Глагольная перифраза *ir a + infinitivo* обладает двумя основными грамматическими значениями: грамматическое значение будущего времени и грамматическое значение намерения выполнения действия в ближайшем будущем.

Большинство как отечественных, так и зарубежных исследователей, среди которых можно выделить Н. М. Фирсову, О. К. Васильеву-Шведе, Г. В. Степанова, Р. Фенте, Х. Фернандеса, Л. Г. Фейхоо, Л. Гомеса Торрего, Ф. Фернандеса де Кастро, отмечают, что конструкция *ir a + infinitivo* имеет временное грамматическое значение будущего и называют его будущим перифрастическим. Рассмотрим пример употребления перифразы *ir a + infinitivo* во временном значении будущего:

He dudado mucho si contárselo o no, pero al fin **voy a hacerlo** [Millás, 2014, p. 100].

В данном примере перифраза *ir a + infinitivo* имеет грамматическое значение будущего и может переводиться как «я это сделаю». Вспомогательный глагол *ir* стоит в форме Presente de Indicativo,

конструкцией передаётся будущее. В данном примере стоит отметить решимость субъекта выполнить действие: «я очень сомневался... но, в конце концов, **я это сделаю**». В данном контексте нет определённости, когда именно в будущем действие будет выполнено, это может произойти в скором времени или, наоборот, но оно точно произойдёт.

По мнению Н. М. Фирсовой, при настоящем состоянии испанского языка, возможно говорить о «сосуществовании» синтетической и аналитической формы будущего. Практическая сфера реализации данной конструкции – обиходно-разговорная речь. Ж. Г. Шогт поясняет, что часто у говорящего возникают сомнения, касательно эквивалентности конструкции *ir a + infinitivo* будущему времени. Это происходит из-за сопоставления в мыслях говорящего значений проспективности и намеренности выполнения действия. Любое наше намерение должно быть выражено темпорально будущим [Schogt, 1968] (перевод наш).

Н. М. Фирсова также отмечает, что употребление перифразы в грамматическом значении будущего является характерным для разговорно-фамильярной речи. В текстах художественной литературы конструкция встречается в речи персонажей и в несобственно-прямой речи (как в приведённом примере) [Фирсова, 2002].

Что касается ограничений темпорального употребления вспомогательного глагола перифразы *ir a + infinitivo*, В. Р. Монсеррат подчёркивает, что при использовании конструкции в временном значении будущего, вспомогательный глагол может быть употреблён только в *Presente de Indicativo* [Monserratt, 1993]. В отличие от В. Р. Монсеррата, Х. М. Бургос и Ж. Г. Шогт считают, что вспомогательный глагол *ir* перифразы *ir a + infinitivo* при употреблении во временном значении не всегда используется только в *Presente*, но также может быть использован в *Imperfecto*, в таком случае конструкция передаёт грамматическое значение будущего в прошедшем и является эквивалентом кондиционала [Burgos, 2014, p. 86]. Ж. Г. Шогт добавляет, что, в случае если вспомогательный глагол *ir* перифразы *ir a + infinitivo* стоит в другом времени, то глагол *ir* приобретает своё первоначальное значение движения или физического перемещения и в таком случае уже не может считаться вспомогательным глаголом данной перифрастической конструкции [Schogt, 1968] (перевод наш).

Помимо использования вспомогательного глагола *ir* конструкции *ir a + infinitivo* в *Presente de Indicativo* и *Imperfecto de Indicativo*, мы также выявили случаи употребления в *Presente de Subjuntivo*, *Imperfecto de Subjuntivo*, *Potencial Simple*, *Futuro Simple*, а также в форме инфинитива. Случаи употребления вспомогательного глагола перифразы в *Potencial Simple* (2 случая на 560 примеров) и *Futuro Simple* (2 случая на 560 примеров) единичные, а в форме инфинитива в основном в составе другой перифрастической конструкции, когда глагол *ir* является смысловым глаголом для первой конструкции, и также используется крайне редко (8 случаев на 560 примеров). Таким образом, наиболее частотными всё же являются случаи употребления в *Presente* и *Imperfecto* в изъявительном и сослагательном наклонениях.

Использование перифразы *ir a + infinitivo* становится более частотным по сравнению с *Futuro Simple* для выражения будущего времени. Это заставляет Ф. Фернандеса де Кастро выдвинуть гипотезу о том, что одна форма постепенно заменяется другой [Fernández de Castro, 1999]. При этом, Ф. Фернандес де Кастро считает, что глагольная перифраза и синтетическая форма будущего времени не могут свободно взаимозаменяться, поскольку существуют определённые условия, которые способствуют использованию той или иной формы. Данные условия не являются обязательными, а, скорее наиболее соблюдаемыми [Fernández de Castro, 1999]. Так, два действия, которые могут показаться одновременными, при использовании в разных грамматических формах выстраивают цепочку последовательных действий, например: для выражения предшествования может использоваться глагольная перифраза, а второе действие передаётся *Futuro Simple* и подытоживает ситуацию [Fernández de Castro, 1999] (перевод наш).

Обратимся к следующему примеру:

– ¿Cuándo **van a parar** de hinchar las pelotas y **dejarán** de tocar mis cosas? [Amoraga, 2014, p. 129]

В приведённом примере использованы оба грамматических средства: «*van a parar*» – глагольная перифраза, «*dejarán*» – простое будущее время. Оба грамматических средства использованы для передачи будущих действий. Сначала автором была использована глагольная перифраза, а затем глагольное время, таким образом, в предложении выстраивается хронология времён: сначала выполняется действие, которое передаётся глагольной конструкцией, а затем простым будущим временем (сначала «перестанут нести чушь», а потом «перестанут трогать мои вещи»).

Несмотря на близость значений синтетического будущего и перифрастического будущего, Ф. Фернандес де Кастро утверждает, что схожесть их значений исчезает, когда перифраза начинает передавать в языке грамматические значения, для которых не существовало альтернативной

синтетической формы [Fernández de Castro, 1999]. Кроме того, Х. М. Бургос отмечает, что в случае использования глагольной перифразы в грамматическом значении будущего времени вероятность совершения действия выше, чем при использовании Futuro Simple [Burgos, 2014, с. 86]. По мнению Л. Гомеса Торрего, перифрастическое будущее передаёт наиболее близкое к настоящему будущее действие [Gómez Torrego, 1988]. Следовательно, выбор между Futuro Simple и будущим перифрастическим связан с тем, насколько близко выполняемое действие к настоящему моменту [Rădulescu, Topor, 2008].

[ПЕРЕВОД НАШ]

Нередко в лингвистической литературе по испанистике данная перифраза до сих пор именуется «ближайшим будущим» (Futuro inmediato, Futuro próximo), которое служит для передачи значения именно ближайшего будущего (например, Т. С. Иванова, Л. М. Корнфелд, М. Алонсо, Б. Камус Бергарече, С. С. Дик и др.) [Фирсова, 2002]. Напротив, О. К. Васильева-Шведе и Г. В. Степанов считают, что признак «ближайшего будущего» не является неотъемлемым значением данной перифразы [Васильева-Шведе, Степанов, 1972]. Х. М. Бургос также добавляет, что не всегда глагольной перифразой *ir a + infinitivo* передаётся как значение ближайшего будущего, так и будущего вообще [Burgos, 2014, p. 89]. Рассмотрим следующий пример:

Millás, inquieto, hace cuanto le pide Emérita y luego, cuando **va a sentarse** a su lado, ella le dice [Millás, 2014, p. 100].

В приведённом примере перифраза *ir a + infinitivo* переводится как «он собирается присесть». Конструкция имеет грамматическое значение намерения совершения действия, а также передаёт грамматическое значение ближайшего будущего. В данном примере, вырванном из контекста, нельзя с уверенностью сказать, будет ли выполнено действие, поскольку, когда человек начал садиться, его прервали репликой. Таким образом, перифразой передаётся именно грамматическое значение намерения совершения действия. Тем не менее, зная контекст, мы можем утверждать, что действие было выполнено немедленно, поэтому в данном случае перифразой передаётся также грамматическое значение ближайшего будущего. Обратимся к другому примеру:

– Pues te **voy a contar** lo de Pobrema, por ejemplo, una palabra que jamás había sido escrita ni pronunciada, que no estaba en ningún libro ni en ningún periódico, que no formaba parte de ninguna canción de ningún verso, ni de manual alguno de instrucciones [Millás, 2014, p. 68].

Именно в значении ближайшего будущего использована перифраза *ir a + infinitivo* в данном примере: «я тебе расскажу о Побреме...». Произнеся эти слова говорящий, сразу начинает объяснять, что имеет в виду. В данном контексте перифразой передаётся немедленное, близкое к моменту говорения действие, что, по мнению Ф. Фернандеса де Кастро, является одним из основных случаев употребления конструкции.

В одной из своих работ Л. Гарсиа Фернандес уточнил, что конструкция *ir a + infinitivo* развилась как чисто временная конструкция со значением ближайшего будущего [García Fernández, 2000]. По мнению исследователя, то же произошло и в других романских языках, в которых появилась схожая конструкция, как, например, во французском (*aller + infinitive*) или португальском (*ir + infinitivo*), о чём также пишет Б. Камус Бергарече [Camus Bergareche, 2004] (перевод наш).

Некоторые как отечественные (О. К. Васильева-Шведе и Г. В. Степанов), так и зарубежные исследователи (Ф. Фернандес де Кастро, Р.-А. Радулеску, М. Топор, В. Дитрих, Л. Гомес Торрего, Х. М. Бургос) считают, что перифразой *ir a + infinitivo* может передаваться грамматическое значение намерения совершения действия. В. Р. Монсеррат, в свою очередь, уточняет, что в случае использования вспомогательного глагола в Presente, из-за тесной связи в отношении грамматических значений намерения совершения действия и будущего времени, оба значения могут появляться одновременно и выражать синкретизм, когда нет маркированных темпоральности или аспектуальности, например:

“**Te voy a matar**”, dijo entre dientes mientras abandonaba su escondrijo sin saber muy bien si se refería a Roberto o a su mujer, pero sin descartar tampoco al niño [Millás, 2014, p. 42].

В приведённом примере перифраза *ir a + infinitivo* может переводиться как «я тебя убью» или как «я собираюсь убить тебя», то есть «te voy a matar» может быть интерпретировано как намерение или как проспектив. В приведённом примере конструкция *ir a + infinitivo* может иметь как грамматическое значение будущего, так и грамматическое значение намерения совершения действия в будущем. Также в данном контексте перифраза может выражать дополнительные грамматические значения угрозы, обещания выполнения действия и желания его выполнять.

Интересно, что Х. М. Бургос предполагает, что грамматическое значение намерения совершения действия в будущем у глагольной конструкции *ir a + infinitivo* постепенно исчезает, потому что всё чаще данная глагольная перифраза используется в грамматическом значении простого будущего времени. По

его мнению, вместо *ir a + infinitivo* будет использоваться другая глагольная перифраза, *estar a punto de + infinitivo*, хотя на данный момент эти конструкции не являются синонимичными [Burgos, 2014, p. 99] (перевод наш).

Многие исследователи считают, что семантическое значение перифразы *ir a + infinitivo* может меняться в зависимости от контекста, в котором была использована конструкция. Могут появляться новые грамматические значения, такие как неизбежность совершения действия (Р.- А. Радулеску, М. Топор, Х. М. Бургос), обещание выполнить действие (О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов) или выражения прагматичности (Х. М. Бургос). Рассмотрим следующий пример:

– *Pues cuando vengas, no te apures, no me voy a quitar de en medio todavía, no hasta que arreglemos este asunto* [Millás, 2014, p. 101].

В данном контексте говорящая предполагает, что слушающий придёт навестить её не скоро, поскольку ему нужно обдумать её предложение. По примеру не понятно, когда будет реализовано действие, передаваемое перифразой. «Покончить с собой» она обещает ещё не сейчас, а только когда они решат один важный вопрос. Таким образом, в данном примере перифразой передаётся грамматическое значение отдалённости, прагматичности совершаемого действия. При этом, говорящая уверена в том, что действие будет выполнено, поэтому действие является неизбежным для выполнения.

О. К. Васильева-Шведе и Г. В. Степанов отмечают, что обычно данной перифразе приписывают модальный оттенок необходимости совершить какое-нибудь действие в ближайшем будущем [Васильева-Шведе, Степанов, 1972]. Напротив, некоторые исследователи утверждают, что употребление глагольной перифразы в качестве грамматического средства выражения будущего в испанском языке ассоциируется, прежде всего, с уверенным настойчивым действием со стороны говорящего по отношению к его реализации или не реализации (М. (перевод наш))

Обратимся к следующему примеру:

He dudado mucho si contárselo o no, pero al fin voy a hacerlo [Millás, 2014, p. 100].

В данном примере перифраза *ir a + infinitivo* имеет грамматическое значение будущего и может переводиться как «я это сделаю». Помимо основного грамматического значения будущего, конструкция имеет дополнительное грамматическое значения уверенности в выполнении действия. Субъект решительно настроен на выполнение данного действия после сомнений и нерешительности: «я долго сомневался рассказывать ему об этом или нет».

Н. М. Фирсова считает, что глагольная перифраза *ir a + infinitivo* в форме будущего времени, как и простая форма будущего, передаёт иногда побудительную модальность [Фирсова, 2002]. Аналогично В. Дитрих, Б. Камус Бергарече и Л. Г. Торрего полагают, что *ir a + infinitivo* может передавать грамматическое значение потенциальной модальности. Перейдём к следующему примеру:

– *¿Vas a contarme qué fue?* [Millás, 2014, p. 112].

В данном примере говорящий просит рассказать собеседницу, как всё было. Вспомогательный глагол конструкции *ir a + infinitivo* использован в *Presente de Indicativo*, а не в *Futuro Simple*, но, тем не менее, конструкцией передаётся побуждение к рассказу произошедших событий: «ты мне расскажешь, что произошло?». Проанализировав приведённый пример, можно сделать вывод, что не всегда необходимо использовать вспомогательный глагол конструкции *ir a + infinitivo* именно в будущем времени для передачи грамматического значения побудительной модальности.

Часто анализируемая глагольная перифраза употребляется в контекстах, где есть высокая степень надежды на исполнение будущего действия (Ф. Фернандес де Кастро), желание исполнения какого-то действия (В. Дитрих, Л. Г. Торрего) или вероятности совершения какого-либо действия (В. Дитрих, Л. Г. Торрего) в ближайшем будущем или будущем вообще. Рассмотрим следующий пример:

Pues va a ser eso – concluyó el joven [Millás, 2014, p. 15].

В данном примере говорящий выражает своё желание и надежду на то, что действие будет выполнено. Глагольной перифразой передаётся будущее действие: «ну я думаю, что будет это». Говорящий сомневается в том, что действие произойдёт, но, при этом, считает это действие наиболее вероятным для выполнения по сравнению с другими возможными.

Также на материале текстов художественной литературы мы провели анализ частотности употребления перифразы *ir a + infinitivo* в грамматическом значении будущего и выяснили, что данная конструкция в этом грамматическом значении была использована авторами 231 раз, что в процентном содержании составляет 15,2 % от общего числа грамматических средств выражения будущего, использованных в данных текстах. В свою очередь простое будущее время *Futuro Simple* было использовано 330 раз, что в процентном содержании составляет 21,7 %.

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу о том, что, с одной стороны, *ir a + infinitivo* и *Futuro Simple* синонимичны: как глагольная перифраза, так и глагольное время могут

передавать будущие действия. С другой стороны, обе формы обладают своими грамматическими значениями, которые их различают. Для передачи будущего времени у глагольной перифразы *ir a + infinitivo* есть два основных грамматических значения: грамматическое значение будущего времени и грамматическое значение намерения выполнения действия в ближайшем будущем. Кроме того, глагольная перифраза *ir a + infinitivo* может иметь дополнительные временные грамматические значения неизбежности совершения действия, отдалённости действия, ближайшего будущего, а также модальные грамматические значения приказа, просьбы, решимости, угрозы, намерения, обещания, вероятности, неотложности, желаяния, уверенности, потенциальной модальности и обязанности совершения действия.

Проведённый анализ частотности употребления глагольной конструкции позволяет сделать следующий вывод: *ir a + infinitivo* является одним из самых частотных грамматических средств выражения будущего в современном испанском языке наряду с глагольными временами, такими как Futuro Simple, Presente de Indicativo и Presente de Subjuntivo. На современном этапе развития испанского языка основным конкурентом синтетической формы будущего времени выступает глагольная перифраза *ir a + infinitivo*, которая ввиду высокой степени грамматикализации в последние годы классифицируется некоторыми испанистами как самостоятельная аналитическая форма будущего.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева-Шведе, О. К. Теоретическая грамматика испанского языка / О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов. – М.: Высшая школа, 1972. – 342 с.
2. Фирсова, Н. М. Грамматическая стилистика современного испанского языка / Н. М. Фирсова. – М.: Высшая школа, 2002. – 351 с.
3. Amoraga, C. La vida era eso / C. Amoraga // 2014. – URL: <http://lelibros.online/libro/descargar-libro-la-vida-era-eso-en-pdf-epub-mobi-o-leer-online/> (дата обращения: 22.05.2022).
4. Burgos, J. M. La expresión de la posterioridad en español / J. M. Burgos // *Lenguas Modernas*. – Universidad de Chile, 2014. – P. 81 – 102. – № 44.
5. Camus Bergareche, B. Perífrasis verbales y expresión del aspecto en español / B. Camus Bergareche. – Madrid: Gredos, 2004. – P. 511–572.
6. Fernández de Castro, F. Las perífrasis verbales en el español actual/ F. Fernández de Castro. – Madrid: Gredos, 1999. – 376 p.
7. García Fernández, L. La gramática de los complementos temporales / L. García Fernández. – Madrid: Visor, 2000. – 301 p.
8. Gómez Torrego, L. Perífrasis verbales / L. Gómez Torrego. – Madrid: Arco/Libro S. A., 1988. – 254 p.
9. José Millás, J. La mujer loca / J. José Millás // 2014. – URL: <http://lelibros.online/libro/descargar-libro-la-mujer-locas-en-pdf-epub-mobi-o-leer-online/> (дата обращения: 11.01.2022).
10. Monserrat, V. R. Aspecto, perífrasis y auxiliación: un enfoque perceptivo / V. R. Monserrat. – Valencia: Universitat, 1993. – 253 p.
11. Rădulescu, R.-A. Los significados de la perífrasis verbal *ir a + inf* y sus equivalentes en rumano / R.-A. Rădulescu, M. Topor // *Actas del XXXVII Simposio Internacional de la Sociedad Española de Lingüística*. – Pamplona: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Navarra, 2008. – P. 695–706. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/83572083.pdf> (дата обращения: 19.04.2023)
12. Schogt, H. G. Les auxiliaires en français / H. G. Schogt // *La Linguistique*. – Presses Universitaires de France, 1968. – P. 5–19.
13. Sedano, M. El futuro morfológico y la expresión *ir a + infinitivo* en el español hablado de Venezuela / M. Sedano // *Verba*. – Santiago de Compostela, 1994. – P. 225 – 240. – № 21.

УДК 82.091

Имагологический подход к изучению лингвокультурного образа страны

Садурн Х., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы, аспирант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Микова С. С., Россия

На современном этапе развитие культуры происходит под влиянием информационных компьютерных технологий. Данный фактор так же, как и само существование постиндустриального общества, вызывает достаточно обоснованные опасения гомогенизации самобытных национальных культур. Прогнозы на этот процесс давали, к примеру, М. Каstellлс и его последователи. Выдающийся экономист Дэвид Э. О'Коннор термин «гомогенизация» определяет как «процесс, посредством которого местные культуры трансформируются или поглощаются доминирующей внешней культурой» [О'Коннор,

2004, с. 391]. Другими словами, исследователи говорили о поглощении локальных культур отдельно взятых народов культурой глобальной, общечеловеческой.

Однако следует сказать, что данные прогнозы не оправдались. Действительно, всеобщее и идентичное противопоставлены друг другу, кроме того, происходит их взаимодействие, но самого процесса гомогенизации национальных культур сегодня так и не произошло. В этой связи можно объяснить живой интерес современной культурологии к науке, которая изучает оппозицию «своего» и «чужого» с точки зрения их происхождения, содержания и исторической изменчивости, то есть интерес к имагологии.

Если рассматривать историю возникновения термина, который стал названием целого направления науки, то необходимо обратиться к западному литературоведению, ведь возник он именно там. В качестве ведущей проблемы в нём рассматриваются представления и источники формирования образов стран и народов в литературах других стран.

Происходит слово «имагология» от латинского «*imago*» – образ, отражение, изображение, и как бы данное слово ни интерпретировалось в других языках: английском или французском – в основе всё равно остаются лексемы *image* и *logos*, то есть, в переводе на русский язык, наука об образах.

В современной российской науке существует несколько подходов к толкованию термина «имагология», и они изучены и обобщены А. Р. Ощепковым. Так, в зависимости от дисциплины (литературоведение, история, культурология или социология), в составе которой рассматривается имагология, происходит изучение образов «своего» и «чужого» или в литературных текстах, или в эволюции их исторической обусловленности, или в контексте культурного диалога представителей различных наций друг о друге. Кроме того, имагология понимается также и как наука о конструировании, создании, имиджей [Почепцов, 2006, с. 251]. В нашей работе мы будем опираться на значения терминов, которые дают А. Р. Ощепков и Г. Г. Почепцов, так как имагология исследует ментальные модели, служащие основой национального самосознания и самоопределения той или иной нации, и их воплощение в литературе.

Отметим, что именно на основе понятия «образ» создается картина мира другой страны, облик её народа, а также система его ценностей, поэтому выявление художественного образа той или иной страны и особенности его художественного воплощения в тексте имеют важное значение на современном этапе, который характеризуется взаимодействием национальных культур.

Понятие «образ» относится к категории сознания и в одном и том же контексте может наполняться различным содержанием, потому что рассматривается как способ познания и отражения действительности, или как способ представления, который основан на системе ценностей, или как выражение его содержательных аспектов, которое происходит с помощью композиционных и вербальных средств.

Известный ученый-компаративист Хуго Дизеринк характеризует задачи, которые стоят перед имагологией в области создания представлений о различных странах и народах, следующим образом: «Сравнительная имагология стремится в первую очередь к тому, чтобы исследовать и постичь определенные формы проявления образов, равно как момент их зарождения и их бытование. Кроме того, она хочет способствовать тому, чтобы осветить ту роль, которую играют такие литературные образы при встрече отдельных культур друг с другом» [Козлова, 2015, с.115].

А. Р. Ощепков говорит о механизмах создания лингвокультурного образа страны и придаёт особое значение такому виду искусства, как литература [Ощепков, 2010. с. 251–253].

В связи с этим, возникает закономерный вопрос: какими средствами создаётся образ чужой страны в литературном произведении? Например, Д.-А. Пажо объясняет возникновение этого образа словами «фантазии о чужом», где главным средством является метафора, то есть скрытое сравнение неизвестной страны с чем-то известным. При создании имагологического образа активно используются и другие средства поэтики. Однако рассмотрение образа «своего – чужого» с точки зрения только языковых средств явно недостаточно, так как его необходимо исследовать в рамках исторической и культурной ситуаций, а это возможно лишь при имагологическом подходе к созданию образа.

Если обращаться к литературным произведениям, которые воссоздают образы стран, находящихся в оппозиции по отношению к Родине автора как «чужие», следует, в первую очередь, прежде всего выделить жанр путешествий. К подобным, к примеру, относится книга А. В. Елисеева «По белу свету. Путешествие по трём частям Старого Света». В ней представлен содержательный и яркий образ Туниса. Воспользуемся имагологическим подходом к изучению образа данной страны.

А. В. Елисеев работает над созданием максимально точного и реалистичного образа Туниса, он активно прибегает к использованию большого количества имён собственных, главным образом, топонимов (собственных названий природных объектов). Именно топонимы формируют образ нового,

иного, впервые открываемого для читателей и самого автора пространства, которое меняется в контексте произведения, создает панорамное изображение страны с подробными геокультурными характеристиками.

«Рано утром на заре, мы бросили якорь перед островом Джербой – одним из любопытнейших уголков побережья. Здесь еще во времена Гомера произрастал такой чудный лотос, что спутники Улисса, очарованные его вкусом, забыли родную Итаку, своих прекрасных жен и детей и остались навеки наслаждаться божественной пищей» [Елисеев, 2017, с. 178]. Джерба – крупный остров у восточного побережья, именно с него начинается знакомство героя и читателя с тунисской культурой. Не случайно в следующем предложении присутствует упоминание героя Улисса, так как Джерба – остров, на котором, если верить легендам, нимфа Калипсо удерживала Одиссея в течение семи лет. Что интересно, герой не стал высаживаться на данном острове. «Хотя в настоящее время на Джербе вместо лотоса разводятся оливки, виноград, фиги, гранаты и миндаль, тем не менее мы все-таки убоились высадиться на остров, так как пароход останавливается далеко от берега и съездить – значит было оставаться до следующего парохода» [Елисеев, 2017, с. 178]. Здесь же появляется первое подробное описание пейзажей Туниса и архитектуры этой страны.

Мы удовольствовались поэтому тем, что в свой морской бинокль любовались прекрасным островом, представляющим сплошную возделанную поверхность, занятую полями, виноградниками, садами и великолепными пальмовыми и оливковыми плантациями. Среди этих рощ и садов высятся отдельные группы белых домиков, местами защищенных развалинами древних замков, которые, вместе со стенами, окружающими все поселки острова, превращают весь этот последний в одну обширную крепость. Один из таких древних замков, Борджей, выситя недалеко от города, перед которым бросил якорь наш пароход. Массивные высокие стены с четырехугольными и круглыми башнями, контрфорсами, занимают в себе целый городок с рядом куполообразных зданий, минаретом, мечетью и обширными складами. Грозное укрепление, имевшее важное значение во времена пиратов и корсаров, которые еще не так давно свирепствовали по всему варварийскому побережью, теперь кажется развалиной, глядящейся в тихие воды Сыртского залива [Елисеев, 2017, с. 178]

Представлен на страницах произведения и Габес – один из древнейших городов Туниса. Сравнения с оазисом встречаются в тексте несколько раз неслучайно: Габес – один из немногих городов Туниса, который обладает оазисом финиковых пальм около берега. «От Джербы до Габеса не более трех-четырёх часов хода, и мы еще около полудня были перед этим городом или, лучше сказать, оазисом, напоминающим по своему общему виду пригород Мешио под Триполи» [Елисеев, 2017, с. 178]. «Этими каналами, так же, как и глиняными стенами и кактусовыми изгородями, весь оазис Габеса подразделен на массу небольших участков, строго поделенных между десятью тысячами его обитателей» [Елисеев, 2017, с. 280]. «Оазис Габес еще более, чем оазис Мешио, может считаться образчиком оазисов Великой пустыни, расстилающейся недалеко от ворот Габеса» [Елисеев, 2017, с. 280].

Следует заметить, что образ Туниса, который создает автор, включает в себя топонимику не только Туниса, но и близких ему стран. Так, с первых страниц можно заметить упоминания параллелей и сравнений с Триполи (столица и один из крупнейших городов Ливии). «В садах Триполи мы не видали такой массы пернатых, какую встретили в оазисе Габеса, и не мудрено...» [Елисеев, 2017, с. 280]. «От Джербы до Габеса не более трех-четырёх часов хода, и мы еще около полудня были перед этим городом или, лучше сказать, оазисом, напоминающим по своему общему виду пригород Мешио под Триполи» [Елисеев, 2017, с. 280]. «... Но лишь в Триполи и Тунисе до сих пор можно встретить настоящих обитателей пещер» [Елисеев, 2017, с. 283]. «Целыми часами мы любовались жизнью, кипящей в густых зеленых зарослях Габесского оазиса, не боясь забираться без проводника в самые глухие уголки, хорошо зная, что нам не может здесь угрожать так, как в Триполи, нож тайного убийцы» [Елисеев, 2017, с. 283]. Автор подчеркивает как сходства данных городов, так и их различия, тем самым создает близкий к единому образ арабо-мусульманского мира.

Следующие друг за другом красочные описания тунисских городов подчеркивают жанровые особенности текста, который является по своей природе путешествием. «Всего несколько часов пути отделяют Гобес от Сфакса и весь переход по тихому заливу Сырта мы совершили среди массы рыбачьих судов, занимающихся ловлей рыбы, добыванием губок, осьминогов и кораллов, которые собираются преимущественно на островах Керкеннах» [Елисеев, 2017, с. 6].

«Рано утром мы были перед небольшим городком Мехдиа, пережившим свою прежнюю славу; основанная, более тысячи лет тому назад одним из многочисленных махди ислама, Мехдиа, называвшаяся европейскими моряками Африкой, несколько столетий была одним из самых важных городов всего варварийского побережья» [Елисеев, 2017, с. 264]. «От Сузы до Кайруана всего около пятидесяти пяти верст, пробегаемых несколько раз перепрыгаемыми лошадами в шесть или семь часов» [Елисеев, 2017, с. 288]. Автор не только указывает на историческую значимость городов и мест, но и отражает их

культурную составляющую, используя эпитеты и прилагательные в превосходной степени. «Итак, мы были в священном Кайруане, духовной столице всего Магриба, древней столице халифов и всей северной Африки, в одном из святейших городов ислама, и вместе с тем в «одной из дверей рая» [Елисеев, 2017, с. 289]. Именно это место служило первой точкой арабских завоеваний. Кроме того, слово «святой» и однокоренные к нему употребляются в данном абзаце достаточно часто, что подчеркивает, что Кайруан – город, в котором чтят исламские религиозные традиции.

А. В. Елисеев подчеркивает указанную особенность Туниса и обращает внимание читателя на большое количество мечетей, которые находятся на его территории, перечисляет названия самых крупных из них и дополняет их описания подробными историческими сведениями.

Наше внимание прежде всего было привлечено красивой мечетью Сиди-бен-Лисса, на дворе которой была собрана большая толпа; какой-то дервиш с растерзанными одеждами и распущенными волосами, стоя на каком-то возвышении, держал длинную речь к толпе в то время, как несколько крупных змей из породы самых ядовитых обвивали его шею, руки и грудь [Елисеев, 2017, с. 283].

«Лишь изредка промелькнёт в белой толпе синяя рубаха туарега, пришедшего из глубины Сахары на поклонение великой мечети Сиди-Окбо» [Елисеев, 2017, с. 289]. «Пройдя ряд базаров, мы приходим к подножию стен массивной касбы, занятой ныне французами, и, идя вдоль стен, достигаем дзауйн Сидх-Абдель Кадор – одной из наиболее украшенных мечетей Кайруана» [Елисеев, 2017, с. 292]. «Отсюда уже недалеко и знаменитая большая мечеть Джамии-Кебир, величественный минарет которой царит над всем Кайруаном» [Елисеев, 2017, с. 293].

Такое внимание автора «По белу свету. Путешествие по трём частям Старого Света» к религиозным сооружениям не случайно: тунисские мечети хранят мировые религиозные традиции, составляют духовные центры городов и страны. Неудивительно, что автор произведения, когда говорит о них, использует эпитеты «красивый», «великий», «большой», «священный».

Вместе с тем, автор воспринимает необычность и уникальность культурной жизни чужой страны и находит в ней черты сходства со своей родиной – Россией. «Многие из мечетей Кайруана издали представляют сходство с нашими храмами, благодаря большому гофрированным куполам, венчающим четырехугольники их зданий, и четырехугольным минаретам, похожим на колокольни русских церквей» [Елисеев, 2017, с. 283].

При создании образа Туниса, древнейшей страны с богатейшим историческим прошлым, автор обращается к историческим фактам и фигурам, которые тесным образом связаны с историей и культурой этой страны. Так, в тексте упоминается царица Дидона: «... здесь возвышались в древности дворец прекрасной Дидоны – основательницы Карфагена, замененный впоследствии храмом в честь первой царицы Карфагена...» [Елисеев, 2017, с. 295].

Следует особо отметить, что в тексте небольшое количество имен, которые принадлежат мифическим или историческим лицам, однако каждое из них обладает общекультурным мировым значением. Упоминание Юноны (богиня в древнеримской мифологии, защитница и советник государства), Аполлона (бог света в древнегреческой и древнеримской мифологии), Сатурна (бог земледелия, богатства в древнеримской мифологии) описание их храмов отражают безусловное родство Европы и Африки.

Против форума и военного порта высился красивый храм Аполлона, от которого остались лишь следы, да и то прикрытые загородным дворцом бея Мустафы и его садами; точно также мало-помалу покрываются и разрушаются другие остатки Карфагена, распахиваемые плугом и разбираемые на постройку жалких туземных деревень. Если от дома Мустафы мы обойдем Бирсу с юго-восточной стороны, то придем к следующему невысокому холму, на котором некогда возвышался храм Юноны – другой покровительницы Кафагена; остатки этого сооружения даже трудно отыскать. Рядом с храмом Юноны, на отдельном холме, стоял храм Сатурна, вокруг которого была расположена священная роща, где приносились человеческие жертвы, потребные для божества всепожирающего времени; от этого храма в настоящее время осталось все-таки столько, что можно отчасти даже воспроизвести круглую форму его, состоявшего из четырех концентрических кругов колонн [Елисеев, 2017, с. 295].

А. В. Елисеев создает образ Карфагена через представление храмов и выделяет при этом древность традиций и культуры Туниса. Образ же самого Карфагена формируется в тексте не только благодаря описанию его древней архитектуры, но и через подробные историко-географические замечания, среди которых можно встретить следующее: «Самый восточный угол Карфагена, занятый ныне священной деревней Сиди-Бу-Саидом, служил кварталом рабов, отделенным глубоким рвом от нижней, торговой части города» [Елисеев, 2017, с. 296]. Автор придает конкретным топонимам живость образов, наполняет их красками, формами, символикой.

При описании природы и архитектуры далёкой для русских читателей экзотической страны автор использует цветные эпитеты и геометрические фигуры, что позволяет придать её образу объёмность и детальность. Рассмотрим примеры таких описаний, они широко представлены в тексте произведения. Например, «Целый лес пальм, среди которого разбросаны группы белых домиков, окруженных фруктовыми садами и невысокими стенами, высился среди желтоватой пустыни, через которую пробивается неширокая струя Уэд-Габеса, несущего горько-соленую воду из обширного моря солончаков» [Елисеев, 2017, с. 278]. Можно рассмотреть ещё следующие примеры:

Небольшие желтовато-бурые холмы, осенённые редкими пальмами и покрытые уже высохшей от зноя травой, высятся по обеим сторонам нашего пути, мы уже замечаем, как из всех расщелин и отверстий этих холмов, представляющих издали гнездами стрижей, вылетают в своих белых и синих одеяниях современные троплодиты Туниса» [Елисеев, 2017, с. 280]; «Белая масса домов Сфакса, ярко вырисовывавшаяся в лучах заходящего солнца на желтоватом фоне окружающей пустыни, несмотря на незначительное возвышение берега, издали уже показалась среди голубой поверхности залива [Елисеев, 2017, с. 281].

Как видим, Елисеев отмечает белый и жёлтый цвета, а также оттенки жёлтого, которые у путешественника, а вслед за ним и у читателя, на подсознательном уровне вызывают образ Африки – знойного и маловодного континента. Белые домики в окружении пальм и фруктовых садов контрастируют с пустынным пейзажем, подчёркивая условия существования жизни вокруг водных артерий и оттеняя её своеобразие.

Образ экзотической страны формируется в сознании читателя и при помощи характерной для неё архитектуры, в основе которой – четырёхугольный формат зданий, заканчивающихся в высоту плоскостью или куполом:

С борта парохода можно было хорошо рассмотреть четырехугольник арабского города, обнесенного довольно сохранившимися стенами, порядочно пострадавшими, однако во время бомбардирования города французами в 1881 г. За невысокими стенами, с массой четырехугольных башен и большими бастионами по углам, высится масса домов с плоскими крышами обыкновенного типа, среди которых поднимается несколько четырехугольных минаретов и больших белых куполов мечетей [Елисеев, 2017, с. 281]

Указанные архитектурный мотив и цветные оттенки не раз настойчиво повторяются в пейзажных зарисовках Елисеева, создавая особый и весьма узнаваемый колорит экзотического города далёкой и невиданной русским читателем страны:

Уже издали монастырь бросается в глаза белизной своих домов, выступающих из-за массивной зубчатой стены, окруженной лесом маслин, зарослями кактусов и агав, над которыми грациозно качаются группы финиковых пальм. Зубчатые стены города, с четырехугольными выступами вроде башен, напоминают ограду Сфакса, но два больших укрепления Борджа эль-Кебир и Борджа эль-Мансур со своими странными башнями, так же, как и массивность всех зданий Касбы, придают Монастырю вид большой средневековой крепости [Елисеев, 2017, с. 285].

И на следующей странице мы снова видим те же архитектурные приметы и ландшафтные решения, подмеченные авторским взглядом путешественника – представителя иной страны и иной цивилизации:

Та же линия белых домов, поднимающихся амфитеатром по склону невысокого холма, те же высокие зубчатые стены, украшенные четырехугольными тяжелыми башнями, выступам и контрфорсами, та же касба или замок, возвышающийся над всем городом своей двойной башней, и, наконец, те же пальмовые леса, идущие за городом, защищая его от окружающей пустыни, как и в большинстве других городов Варварийского побережья [Елисеев, 2017, с. 286].

Повторяемость деталей, на которых автор фокусирует внимание читателя, способствует созданию особого мира, отличного от всего, виденного им ранее: «Здесь мы не видим того богатства растительности, как в оазисах Мешиа, Габеса и других оазисах Сахеля, но все-таки среди серо-желтых песков высятся целые леса маслин, кактусов, рожечников, диких смоковниц и пальм [Елисеев, 2017, с. 288]; «Кое-где на пути виднеются полосатые шатры номадов, еще далее-груды камней, похожие на доисторические могилы, одиночные домики каких-то отшельников, новые песчаные пространства и новые поросли буро-желтых трав пустыни» [Елисеев, 2017, с. 289]; «Скоро начинают вырисовываться на голубом фоне неба зубчатые стены города, плоские террасы домов, круглые и граненые башенки минаретов и великолепные купола его многочисленных мечетей» [Елисеев, 2017, с. 289].

Таким образом, проведенный нами имагологический анализ образа Туниса, который был создан А. В. Елисеевым в его произведении «По белу свету. Путешествие по трём частям Старого Света», соответствует концепции Д.-А. Пажо, которая предполагает трехъярусную структуру такого анализа:

«выявление образа “другого”, лингвистический анализ и сопоставление этих данных с культурным контекстом эпохи». Это позволило выявить созданный автором яркий и многогранный образ Туниса, который складывается из топонимических реалий, придающих стране географические очертания, исторических фактов, относящихся к её возникновению и первоначальному развитию, архитектурных и ландшафтных особенностей, составляющих её своеобразие, ведущих черт национального менталитета народов, её населяющих.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Елисеев, А. В. По белу свету. Путешествие по трём частям Старого Света / А. В. Елисеев. – М.: Издательство «Э», 2017. – 448 с.
2. Козлова, А. А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. – 2015. – № 3. – С. 114–118.
3. О'Коннор, Дэвид Э. Энциклопедия мировой экономики. Руководство для студентов и исследователей / Дэвид Э. О'Коннор. – М.: Академический фонд, 2004. – 419 с.
4. Ощепков, А. Р. Имагология / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.
5. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – Киев, Рефл-бук, Ваклер, 2006. – 704 с.
6. Словарь социолингвистических терминов – URL: <https://sociolinguistics.academic.ru/45/>.

УДК 811.581

Языковая специфика терминологии китайской медицины

Сакаева Л. Р., Казанский федеральный университет, д.ф.н, профессор, Россия

Даулань М., Казанский федеральный университет, аспирант, Россия

Китай давно признан центром и местом зарождения лучшей школы традиционной медицины – массажа, лечебных гимнастик, иглоукалывания и многого другого. Китайская медицина, несмотря на бурное развитие технологий, остается верной традициям, вбирая в себя весь багаж знаний, накопленный за два тысячелетия, – она является отражением национальной культуры, науки и духа китайского народа. Медицина в стране Чжунго (中国, Zhōngguó, Китай) занимается исследованием человеческой физиологии, патологии, способов диагностики различных недугов, а также имеет уникальные методы лечения тех или иных заболеваний. В рамках подобного активного развития и расширения традиционной китайской медицины появилась особая система врачевания, которая закрепилась в языке как «традиционная китайская медицина» – «中医» (zhōngyī) и наука о фармакологии «中药» (zhōngyào) [Иванов, 1973, с. 101].

Развитие традиционной китайской медицины проходило несколько этапов, во время которых мы можем проследить ее тесную связь со становлением китайской лингвистики, в частности с появлением языковых единиц, номинирующих определенные медицинские предметы, явления, действия, а также с уникальной культурой философской мысли и конфуцианства в Китае. Так, написанный в 2500 году до н. эры «Трактат Желтого императора о внутреннем» – «黄帝内经» (huángdìnèijīng) стал первым в мире сборником важных предписаний и исследований в сфере медицины и по сей день считается негласной базой, фундаментом китайской традиционной медицины. В этой книге были описаны анатомия человека, его физиология, наука о фармакологии, виды акупунктурного лечения, тайны долголетия и сохранения здоровья и многое другое. Именно в этой книге появились первые китайские термины, такие как: «心» (xīn) – «сердце»; «肺» (fèi) – «легкие»; «肝» (gān) – «печень»; «胃» (wèi) – «желудок»; «血» (xuè) – «кровь» и другие.

Понятие «термин» имеет невероятное количество самых разных определений и способов трактовки, что делает попытку выделения каких-либо единых, общепринятых его критериев и характеристик невозможной [Сакаева и др., 2023, с. 51]. В нашей работе мы будем опираться на определение российского лингвиста Л.В. Ивиной, которая обозначала «термин», как «основную переменную языка науки, отдельных отраслей знаний, сфер жизнедеятельности человека, которая номинирует объекты и различные процессы, а также служит способом познания окружающего мира» [Попова, Хоречко, 2015, с. 184]. Важно также отметить, что, как правило, в терминах люди отражают то, что их окружает, то есть «на первый план выступает антропоцентрический принцип исследования языковой номинации» [Голованова, 2009].

В трактате также «黄帝内经» (huángdìnèijīng) описывалось изучение внешних факторов окружающей среды человека. Ссылаясь на естественные законы мира «道德经» (dàodéjīng), автор пришел к идее о взаимосвязи природы и общества, а значит, природы и здоровья человека. Появились новые

термины: «寒» (hán) – «холод, озноб»; «热» (rè) – «жар»; «干燥» (gānzào) – «сухость, ксеростомия» и другие [Васильева, 1976, с. 58].

Особое место в рамках исследования терминов китайской медицины было закреплено за учением об «阴阴» (yīnyáng) – «Инь-Янь», которое выступало в качестве фундамента всего спектра медицинских учений. Термин воспринимался как определяющий показатель состояния отдельных частей тела человека, его внутренних органов. Появились определения: «上» (shàng) – «верхняя часть»; «下» (xià) – «нижняя часть»; «内» (nèi) «внутренняя сторона»; «外» (wài) «внешняя сторона» и другие [Васильева, 1976, с. 64], которые стали основой не только медицинских терминов, но и китайского языка в принципе.

Подобное широкое распространение методов китайского народа в сфере врачевания было обусловлено абсолютным доверием, которое построилось на безвредности, экологичности, простоте и эффективности их лечения. Сегодня последователей китайской народной медицины мы можем найти в любом уголке мира. Даже в России, начиная с XVII века, появлялись течения и школы, созданные под руководством сторонников и учеников китайской медицины. Наиболее крупными заведениями были больницы под руководством Н. И. Гращенкова, Э.Д. Тыкочинской, И.Р. Русецкого и других [Семенов, 2005, с. 1428]. Однако подобное распространение и живой интерес к сфере здоровья требовал от последователей китайской медицины если не знания китайского языка, то, как минимум, владения элементарными, базовыми медицинскими терминами на китайском языке.

Терминологическая лексика китайского языка имеет название «术语» (shùyǔ), к которому приписывают все языковые единицы, отражающие различные объекты, явления и процессы, относящиеся к определенной сфере научного знания, категории науки или техники или же культуры [Ивина, 2003, с. 172.]

В качестве терминов в китайском языке чаще всего выступают слова, которые являются существительными поскольку они способны «соответствовать требованиям номинации». Например: «胆» (dǎn) – «желчный пузырь»; «脾» (pí) – «селезенка» [Лебедева и др., 2015, с. 46].

Качественные прилагательные также служат нередким инструментом при формировании медицинских терминов: «生理状态» (shēnglǐ zhuàngtài) – «физическое состояние»; «扁平足» (biǎnpíngzú) – «плоская стопа» [Болсуновская и др., 2015, с. 39].

В китайском языке встречаются и термины-числительные, которые чаще всего будут использоваться в рамках какого-либо счета в сфере медицины и медицинских определений или же в различных цифровых комбинациях: «三焦» (sānjiāo) – «три части тела: один из шести Фу-органов в организме человека, который подразумевает верхний отдел органов (легкие, сердце), средний отдел (желудок, селезенка) и нижний отдел (печень, почки, мочевой пузырь)»; «二尖瓣» (Èrjiānbàn) – «двустворчатый клапан» [Болсуновская и др., 2015, с. 42].

В качестве терминов в китайской лексике могут выступать глаголы, которые в основном отражают какие-либо процессы внутри организма. В основном такие глаголы образованы от имени существительного: «再生» (zàishēng) – «восстановиться»; «麻醉» (mázuì) «обезболить» [Болсуновская и др., 2015, с. 58].

В своих исследованиях О.П. Фролова утверждала, что «в китайском языке существуют три способа терминообразования».

1. Терминологизация, подразумевающая собой получение обычной языковой единицы иного значения в рамках той или иной сферы: слово «紧张» (jǐnzhāng) в рамках разговорного китайского языка имеет значение «напряженный» или «напряжение». Однако в профессиональной медицинской лексике данный термин будет интерпретироваться как «тонус». Лексема «核» (hé), которая переводится как «косточка», в медицине приобрела значение – «затвердевание, окаменение» [Ивина, 2003, с. 188];

2. Образование составных терминов через сложение, способ аффиксации и путем сокращения слов, вследствие которых образуются новые устойчивые словосочетания и определения. Например: «避温生物» (bìwēnshēngwù) – «непереносимость жары»; «变态反应» (biàntàifǎnying) – «аллергическая реакция»; «口眼歪斜» (kǒuyuǎnwāixié) – «неврит лицевого нерва, паралич Белла» [Ивина, 2003, с. 48];

3. Заимствования иноязычной лексики. Одним из базовых способов обновления лексики китайского языка, помимо самостоятельных способов его обогащения, выступают иностранные заимствования – «外来词» (wàiláicí) [Юй, Линь, 2012, с. 1012]. Конечно, в большинстве своем медицинские термины в китайском языке выступают как оригинально китайские [Иванов, 1973, с. 172], однако мы не можем не учитывать и большой лексический пласт определений, которые пришли в язык в качестве иностранных заимствований [《中医知识丛书·话说中医》, 1987, с. 65]. Среди типов подобных заимствований принято выделять:

фонетические заимствования: «荷尔蒙» (hè'ěrméng) – «гормон»; «奴佛卡因» (núfó kā yīn) – «новокаин»; «夫南西林» (fū nán xī lín) – «фурацилин»; «阿司匹林» [Āsīpí lín] – «аспирин» [Юй, Линь, 2012, с. 1069];

семантический способ заимствования (данный метод образовался ввиду различных вариантов перевода слов из иностранной лексики на китайский язык; этот способ можно также назвать калькированием): таниновая кислота в китайском языке переводится как «单宁酸» (dān níng suān) и состоит из таких единиц, как «单宁» (dān níng) – танин и «酸» (suān) – «кислота»; по такому же принципу строится термин «阿兹海默病» (ā zī hǎi mò bing) – «заболевание Альцгеймера», поскольку данный термин на китайском языке состоит из следующих переменных: «阿兹海默» (ā zī hǎi mò) – «альцгеймер» и единицы «病» (bìng) – «болезнь» [Фролова, 2011, с. 963]; необходимо отметить этимологические кальки, которые сохраняют свою морфологическую структуру, но могут принять отличные от оригинального языка характеристики: «突变» (tū biàn) – «мутация» состоит из единиц «突» (tū) – «случайный» и «变» (biàn) – «изменение» [Султанова, 2020, с. 96];

гибридный способ терминологизации. Как правило, этот путь образования определений работает по схеме: «китайская морфема + заимствование» или «заимствование + китайская морфема». Данный способ превалирует над другими методами образования терминов, указанных выше: определение «爱克斯光» (ài kè sī guāng) – «рентген» мы можем разбить на составляющие слоги «ai», «ke», «si» и слово «свет» – «光». То же самое мы увидим и в примере с термином «Эховирусы / возбудители минингита» – «埃可病毒» (āi kè bìng dú), который состоит из слогов «ai», «ke» и самостоятельного слова «病毒» (bìng dú) – «вирус» [Лебедева, 2015, с. 40].

Таким образом, изучая лингвистическую сторону китайского «врачевания», происхождение наименований болезней, симптомов и других единиц, необходимо помнить о традиционности медицины в Китае, т.е. создание номинаций связано, в большей степени, с богатой культурой народа и историей страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Болсуновская, Ю. А., Матназаров, Т. У., Болсуновская, Л. М. Русские и английские заимствования в китайском языке / Ю. А. Болсуновская, Т. У. Матназаров, Л. М. Болсуновская // Молодой ученый. – 2015. – № 8. – С. 1099–1101.
2. Васильева, А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи / А. Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1976. – 65 с.
3. Голованова, И.И. Методика публичного выступления: Учебное пособие / И. И. Голованова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009.
4. Горелов, В. И. Лексикология китайского языка / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1984. – 216с.
5. Иванов, В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке / В. В. Иванов. – М.: 1973. – 171с.
6. Ивина, Л. В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем: (на примере англояз. Терминологии венчур. Финансирования) / Л. В. Ивина. – М.: Проект, 2003. – С. 176–195.
7. Лебедева, И. О., Сенцов, А. Э., Хоречко, У. В. Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции / И. О. Лебедева, А. Э. Сенцов, У. В. Хоречко // Молодой ученый. – 2015. – №7. – С. 962–965.
8. Попова, Д. Е., Хоречко, Ю. В. Терминология китайской медицины. К постановке вопроса [Терминология китайской медицины. К вопросу] / Д. Е. Попова, Ю. В. Хоречко // Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 1428–1432.
9. Сакаева, Л. Р., Даулань, М., Шкилев, Р. Е., Яхин, М. А. Особенности лингвистических манипуляций в медицинских и косметических рекламных текстах США. RUSSIAN LINGUISTIC BULLETIN. № 3 (39), 2023. – С51–54.
10. Семенов, А. Л. Лексика китайского языка: монография / А. Л. Семенов. – М.: Восток-Запад 2005. – 288с.
11. Султанова, Л. К. вопросу о медицинской терминологии в китайском языке / Л. К. Султанова // Узбекистонда хорижий тиллар. – 2020. – № 6(35). – С.52–66.
12. Фролова, О. П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка. Монография / О. П. Фролова. – М.: Восточная книга, 2011. – 168с.
13. 《中国医学》。李友华, 林谦. 北京: 2015年。 / Юй Хуа, Линь Цянь Традиционная китайская медицина. – Пекин: Министерство культуры КНР, 2012. – С.101.
14. 《中医知识丛书·话说中医》。李慕才. 河北: 科学普及出版社. 1987年. – 122页。

К вопросу улучшения качества обучения по дисциплине «Русский язык как иностранный» в Казахстане. Внедрение литературного первоисточника в образовательный процесс

Славина О. В., Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины, аспирант, Беларусь-Казахстан
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Афанасьев И. Н., Беларусь

Литературное художественное произведение – есть дыхание времени, филигранно синтезируемое с корневыми основами словесности. Каждое творение имеет культурно-исторический и литературный контекст. Он фиксируется в звеньях, которые создают сложную цепную текстовую и образную ткань. Декодировать основу звеньев помогают методические принципы литературоведения: анализ образной системы и поэтической семантики, опора на факт, материалы литературных критиков.

Опрос, проведенный в марте 2023 года среди студентов первого и второго курсов Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (Satbayev University), дал возможность выявить актуальные переживания учащихся касательно знаний. 123 студента возраста 17-19 лет ответили на вопрос «В каких знаниях Вы наиболее остро нуждаетесь сейчас?». Каждый ответ определяется от показателя 100%. 57% студентов видят необходимость в увеличении компетенции по финансовой грамотности. Способы построения успешных взаимоотношений интересуют 37%. Раскрытие личностного потенциала – 22%. Развитие коммуникативных навыков – 22%. Знание о политике – 19%. Изучение здоровья человека, питание – 15%. Религия как фактор самопознания человека – 13%. Понимание сути происходящих в мире событий – 12%. Оказание студентам поддержки, помощи в получении данных знаний видится не только в организации дополнительных специализированных курсов на базе учреждения образования. Предлагается включение тематического материала в образовательную программу по предмету «Русский язык как иностранный».

Базирующиеся на истинных потребностях учащихся, темы предмета становятся притягательными. Увеличение интереса способствует более глубокому погружению студента в учебный процесс. В Satbayev University предмет «Русский язык как иностранный» преподается по уровням: элементарный, базовый, академический, продвинутый, культура делового общения, риторика. Курс длится 1 учебный год, состоит из 26-ти тем. На изучение каждой темы отводится 3 академических часа. Ныне весь учебный материал опирается на две филологические дисциплины: основная – языкознание, вспомогательная – риторика. Предполагается, что включение литературоведения ускорит процесс получения академических знаний по курсу. Исследование художественных литературных произведений позволит студенчеству получать информацию и по волнующим темам.

Большинство учащихся признается в нежелании читать учебный материал. Между тем, чтение является основой для совершенствования навыков говорения, необходимых для спонтанной речи в реальной жизни. На вопрос, при каких же обстоятельствах интересно исследовать текст, студенты отвечают: фильмы, видеоклипы, видео. Аудиовизуальная форма подачи материала воздействует сильнее на периферическую атомо-физиологическую систему человека, захватывая его внимание, погружая в «свою реальность», поэтому при разработке учебной программы важно опираться не только на традиционный, но и на более широкий практико-ориентированный ресурс – интермедиаальный.

Иницилируем включение в учебный курс предмета «Русский язык как иностранный» художественных материалов, темы которых соответствуют потребностям студентов, выявленным в результате анкетирования. Произведения русской классической литературы 19 века: «Ревизор», «Мертвые души» (Н. В. Гоголь), «Игрок», «Записки из подполья» (Ф. М. Достоевский), «Бешеные деньги», «Свои люди – сочтемся» (А. Н. Островский), «Левша» (Н. С. Лесков). Русская литература 20 века: «Вишневый сад» (А. П. Чехов), «Мы» (Е. И. Замятин), «Золотой теленок» (И. А. Ильф, Е. П. Петров), «Трудно быть Богом» (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий), «Незнайка на Луне» (Н. Н. Носов). Произведения 21 века: «День опричника», «Колобок» (В. Г. Сорокин), «Empire V» (В. О. Пелевин), «Свет и тень» (К. К. Токаев).

Результатом внедрения литературного первоисточника в виртуальный мир является кинопродукт. Исследование художественного труда в связке с произведением синтетического вида искусства – фильмом – способствует обнаружению в тексте скрытых связей, неприметных при «линейном» прочтении, подтекста; выявлению «нового режиссерского взгляда».

Обратимся к кинопроизведениям, основанным на художественной литературе, предлагаемой для включения в учебный курс предмета «Русский язык как иностранный». О событиях, происходящих в комедии «Ревизор» Н. В. Гоголя, сообщается в одноименной телеверсии спектакля режиссеров Евгения

Весника и Юрия Соломина (дата выхода – 1985 г., СССР), а также в фильмах: «Revizor» режиссера Мартина Фрича (дата выхода – 1933 г., Чехия), «The Inspector General» Хенри Костера (дата выхода – 1949 г., США), «Ревизор» Владимира Петрова (дата выхода – 1952 г., СССР), «Инкогнито из Петербурга» Леонида Гайдая (дата выхода – 1977 г., СССР), «Calzonzin Inspector» Альфонса Арау (дата выхода – 1974 г., Мексика), «Ревизор» Сергея Газарова (дата выхода – 1996 г., Россия). По мотивам «Мертвых душ» создан фильм Леонид Трауберга (дата выхода – 1960 г., СССР), сериалы: «Мертвые души» Михаила Швейцера (дата выхода – 1984 г., СССР), «Дело о «Мертвых душах» режиссера Павла Лунгина (дата выхода – 2005 г., Россия), «Мертвые души» Григория Константинопольского (дата выхода – 2020 г., Россия). Фильмы по одноименной комедии А.Н. Островского «Бешеные деньги» созданы Александром Белинским (дата выхода – 1968 г., СССР), Николаем Александровичем, Владимиром Бейлис, Леонидом Варпаховским (дата выхода – 1978 г., СССР), Евгением Матвеевым (дата выхода – 1981 г., СССР). По произведению «Свои люди – сочтемся» создан фильм режиссером Антониной Зиновьевой (дата выхода – 1970 г., СССР). Герой «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского появляется в фильмах: «Таксист», режиссер Мартин Скорсезе (дата выхода – 1976 г., США), «Внутри», режиссер Зеки Демиркубуз (дата выхода – 2012г., Турция), «Джокер», режиссер Тодд Филлипс (дата выхода – 2019г., США); сериале «Алиби» режиссера Нурбека Эгена (дата выхода – 2018г., Россия). Роман Ф. М. Достоевского «Игрок» экранизировали Клод Отан-Лара (дата выхода – 1958 г., Франция, Италия), Алексей Баталов (дата выхода – 1972 г., Чехия). Повесть Н. С. Лескова «Левша» экранизирована режиссером Иваном Ивановым-Вано (дата выхода – 1964г., СССР), режиссером Сергеем Овчаровым (дата выхода – 1986 г., СССР).

«Вишневый сад» А. П. Чехова экранизирован. Это «The Cherry Orchard» режиссера Майкла Эллиотта (дата выхода – 1962 г., Великобритания), «Вишневый сад» Леонида Хейфеца (дата выхода – 1976 г., СССР), «The Cherry Orchard» режиссера Ричарда Эйра (дата выхода – 1981 г., Великобритания), «Sakura no sono» Сюн Накахары (дата выхода – 1990 г., Япония), «The Cherry Orchard» режиссера Михалиса Какоянниса (дата выхода – 1999 г., Греция, Франция, Кипр), «Сад» Сергея Овчарова (дата выхода – 2008 г., Россия), «Смерть в пенсне, или наш Чехов» режиссера Анны Чернаковой (дата выхода – 2010 г., Россия). Антиутопия Е. И. Замятина «Мы» стала фундаментом для одноименного фильма Гамлета Дульяна (премьера – 2023г., Россия). По роману И. А. Ильфа Е. П. Петрова «Золотой теленок» режиссером Михаилом Швейцером создан двухсерийный одноименный фильм (дата выхода – 1968г., СССР), режиссером Ульяной Шилкиной – сериал (дата выхода – 2005г., Россия), а также созданы киноленты: «Аганывогју» режиссера Миклоша Синетара (дата выхода – 1974г., Венгрия), «Zlato tele», режиссера Бранислава Кичича (дата выхода – 2010г., Сербия). По мотивам повести Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть Богом» сняты одноименные фильмы: режиссером Петером Фляйшманом (дата выхода – 1989г., Германия), режиссером Алексеем Германом (дата выхода – 2013г., Россия). По роману-сказке Н. Н. Носова «Незнайка на Луне» создан одноименный мультипликационный сериал режиссерами Александром Люткевичем, Юрием Бутыриным, Андреем Игнатенко (дата выхода – 1997г., Россия); мультфильм «Незнайка на Луне 2» создан режиссерами Юрием Бутыриным и Александром Люткевичем (дата выхода – 1999г., Россия).

Атмосфера «Empire V» В. О. Пелевина передана в одноименном фильме, режиссер Виктор Гинзбург (дата выхода по плану – 2023г., в 2022г. вышла черновая версия, Россия). Нет киноэкранизации по мотивам произведений В. Г. Сорокина «День опричника» и «Колобок». Самого же писателя можно увидеть в документальном фильме Ильи Белого «Сорокин трип» (дата выхода – 2019г., Россия). Политический роман К. К. Токаева «Свет и тень» не экранизирован.

Надежными спутниками на пути исследования литературных первоисточников являются литературные критики. Исходя из предлагаемых для учебной программы произведений, назовем знаковую фигуру в мире литературоведения, теле- и киноиндустрии – это уроженец Ростова-на-Дону Л.А. Аннинский.

Исследователь является автором литературных материалов о жизни и творчестве Н. С. Лескова. Это книги «Ласковое ожерелье», «Откровение и сокровение», «Три еретика»; статья «Блажные и блаженные Николая Лескова»; видеотруды «Николай Лесков – жизнь и наследие» (спекурс «Перечитываем заново»), «Николай Лесков. Биография». Важно отметить: произведения литератора способствуют качественному декодированию исследуемого художественного материала. Знаковой особенностью Льва Александровича как мастера является то, что автор исследует того или иного писателя в контексте окружающей среды и личностей, в ней обитающих. Примером будет являться цитата из интервью Аннинского для газеты «Культура»: «Больше всего привлекло то, что у Лескова дважды два – пять: то ли нужно орудийные стволы чистить, то ли не надо; блоху можно бы подковать, только после этого она плясать не будет» [Ефремова, 2016, с. 1]. Что же сокрыто за «аннинским – дважды два – пять»? Сокрыт символ своеволия, знаковое обозначение полемики, возникшей в литературе периода 60-х годов

19 века. Также кодовая фраза ведет нас и к подпольному человеку Ф. М. Достоевского. Главный герой «Записок из подполья» задается вопросом: «Господи боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся?» [Достоевский, том 4, 1988–1996, с. 460]. «Дважды два четыре» представляется деспотией истины, лишаящей человека свободы. Герой продолжает: «Я согласен, что дважды два – четыре – превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два – пять – премилая иногда вещица» [Достоевский, том 4, 1988–1996, с. 476]. Очевидно, исследование материалов Л. А. Аннинского о Н. С. Лескове приоткрывает личности двери и в иные литературные, а шире – действительные миры. В своих литературных и видеотрудах исследователь умирляет время и пространство, объединяя воедино, сопоставляя и противопоставляя эпохи, события, мировоззрения, стиль, слово, мелодию. Тонко чувствующий Л. А. Аннинский нередко превращает и свои критические труды в художественные, воссоздавая в них авторский почерк анализируемых произведений, создавая эзопов язык. Первая книга «Ядро ореха. Критические очерки» вышла в 1965-ом году, смутное время. Просочиться между либералами и консерваторами, обойти революционеров, выйти в народ и к власти, представить позицию и продолжить говорить – ювелирно – это Аннинский. Российский критик А. М. Марченко в статье к книге сообщает: «Никто не может посягнуть на святое право критика – на то он и критик – использовать литературу как материал для эксперимента, если у него благородная цель «понять закономерность того, что есть»» [Марченко, 1966, с. 202]. В «Ядре ореха» видят и знаки разрушения искусства, и позицию автора о роли поэта, смысле жизни и цели деятельности человека. Однако здесь важно помнить о филигранности аннинского слога, о том, что «выловить мнение автора» – задача исключительная. Вспомним только, как отозвался Лев Александрович на предложение Г. Д. Гачева написать о Н. А. Островском: «Как же мне писать об этом Островском? Что он Писатель – пусть кому-нибудь другому расскажут: я же помню по школе, что это за писатель» [Алдошин, 2007, с. 1]. Критик взялся за дело. И какой итог? От ЦК комсомола Аннинскому вручили наградной знак ВЛКСМ «Лавровая ветвь» за успешную пропаганду Н. А. Островского. В интервью Лев Александрович не единожды подмечает, что пишет эзоповым языком, «который сейчас никому не нужен... Но это – моя судьба» [Там же, с. 1]. Однако этот самый «аннинский код» позволяет рассеять границы, проникнуть исследователю в наше время и продолжить с миром «говорить красноречиво».

«Если читатель не знает писателя, то виноват в этом писатель, а не читатель», – сообщает И. А. Ильф. Укрепить связь между ювелирами слова и молодым поколением способны мастера системы образования и науки. Исследование произведений художественной литературы, их экранизации в рамках курса «Русский язык как иностранный» позволит увеличить скорость приобретения студентами академических знаний, получить ответы на волнующие вопросы, расширить границы компетенции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Д. // Лев Аннинский: «Лучшее у Лескова то, что дважды два – пять». – Электрон. газета Культура – 2016. – URL: <https://portal-kultura.ru/svoy/articles/rodnoe-slovo/127892-lev-anninskiy-luchshee-u-leskova-to-chto-dvazhdy-dva-pyat/>
2. Достоевский Ф. М. Собр. Соч. в 15 т. Л.: Наука, 1988–1996.
3. Марченко, А.М. «А орешки непростые...» / А. М. Марченко // Вопросы литературы. – 1966 – №3. – С. 200–202.
4. Алдошин Т. // Литературоведом меня считать нельзя – но читать можно! – Электрон. Сайт Л. Аннинского – 2007. – URL: <https://anninsky.ru/index.php/literaturovedom-menya-schitat-nelzya-no-chitat-mozhno>

УДК 811.161.1

Представления о дружбе в пословичной картине мира русского народа

Су Ц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, аспирант, Китай
Научный руководитель: д.ф.н., доцент Устинова Т. В., Россия

Пословицы и поговорки являются важной областью паремиологии, их изучение считается одним из эффективных способов анализа культурных концептов и фрагментов языковой картины мира [Алешин, 2014]. Это связано с тем, что пословицы выражают мировоззрение определенного народа, национальную культурную традицию, которая воспринимается носителями данной лингвокультуры и передается из поколения в поколение.

Целью данного доклада является реконструкция фрагмента пословичной картины мира и выявление культурно маркированных смыслов, воплощенных в пословицах, вербализующих представления русского народа о дружбе. Материал исследования был тематически сгруппирован и

проанализирован по пяти основаниям в зависимости от проявленных в пословицах культурных установок, организующих мировосприятие русского народа: 1: группа паремий, характеризующих дружбу как общественное благо; 2: паремии, выражающие мысль о том, что каждый нуждается в друге; 3: паремии, утверждающие, что сходство составляет основу дружбы; 4: паремии, описывающие способы определения истинности дружбы; 5: паремии, раскрывающие сущность дружбы в противопоставлении с враждой (средствами бинарной оппозиции *друг – враг*).

Дружба – один из наиболее важных типов отношений людей в обществе. Толковые словари русского языка дают следующие дефиниции слова «дружба». В толковом словаре живого великорусского языка В. Даль определяет дружбу как «взаимную привязанность двух или более людей, тесную связь между ними, в хорошем смысле бескорыстную, длительную дружбу, основанную на любви и уважении; в плохом смысле тесную связь, основанную на взаимной выгоде». В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова дружба рассматривается как «близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов» [Ожегов, 1995, с. 928].

Уникальные культурно маркированные представления о дружбе отражены в пословичном фонде русского языка.

1: Дружба – это общественное благо, которое ценится выше социального статуса и материального благополучия.

Дружба играет очень важную роль в жизни человека, и иметь друзей важнее, чем быть богатым или иметь атрибуты высокого социального статуса: *Доброе братство милее богатства; Не имей сто рублей, а имей сто друзей*. Согласно русским пословицам, деньги вообще не могут служить мерой дружбы. *Друга на деньги не купишь; Друг дороже денег; Верному другу цены нет*.

Дружба обычно не может сосуществовать с богатством и деньгами. Когда человек становится богатым, он может потерять дружбу. В русских пословицах: *Избыл нужду – забыл и дружбу; Богач друга не узнает; Не давай денег, не теряй дружбы*.

Русские пословицы: *Чаще счет, долгие (крепче) дружба; Дружба дружбой, а деньгам – счет* говорят о том, что друзья должны быть прямыми и ясными в своем отношении к деньгам, чтобы дружба была долговечной.

2: Каждый нуждается в друге.

Дружба так важна, дружба нужна каждому. Если у людей нет друзей, то жизнь будет неполной, скучной и однообразной. *Человек без друзей, что дерево без корней; Дерево держится корнями, а человек – друзьями; Не мил и вольный свет, когда милого друга нет*.

Друзья могут быть ближе и дороже, чем родственники. *Хороший друг лучше плохой родни; Кто друг прямой, тот брат родной*.

3: Сходство – основа дружбы.

Друг – «это близкий по общности взглядов и духу тебе человек, который готов всегда помочь в трудной ситуации» [Шукуров, 2005, с. 153]. Дружба основана на том, что людей объединяет, людям с разными характерами и социальным положением трудно стать друзьями. Эта идея отражена в русских пословицах: *Бедный богатому не товарищ; Гусь свинье не товарищ; Волк коню не товарищ*.

4: Истинность дружбы можно установить путем длительных отношений и совместной деятельности.

Дружба, которая не выдерживает испытания временем, ненадежна. Чтобы узнать человека, требуется много времени, и, соответственно, настоящая дружба должна выдержать испытание временем. Эта мысль очень четко выражена в русских пословицах: *Друг, да не вдруг; Друг и брат великое дело: не скоро добудешь; Не узнавай друга в три дня, узнай в три года; Друг до поры – тот же недруг; Неиспытанный друг, что не расколотый орех*.

Несчастье, трудности, испытания – это способы проверки дружбы, они помогают людям найти настоящих друзей. В русском языке существуют такие пословицы, как *Без беды друга не узнаешь; Друг в беде – настоящий друг; Друзья познаются в беде; Конь узнается про горе, а друг при беде; Черный день придет – приятели откинутся*.

Трудно найти настоящего, верного друга. Об этом сказано в русской пословице: *Приятелей много, а друга нет*. *Приятель* означает "знакомый, с которым человек находится в приятельских отношениях".

Именно потому, что найти новую и настоящую дружбу нелегко, старые друзья особенно ценны. Русские паремии свидетельствуют об этом: *Новых друзей наживай, а старых не теряй; Держись друга старого, а дома нового; Старый друг лучше новых двух; Вещь хороша новая, а друг – старый*.

5: Сущность дружбы можно понять, контрастно сопоставив ее с враждой. Друг и враг – противоположности.

И неверная дружба может легко превратиться в свою противоположность. В русских пословицах эта мысль имеет такое выражение: *Дружба от недружбы близко живет*.

В русском языке наличествуют пословицы, которые содержат противопоставление друзей и врагов. *Больше друзей – больше и врагов. Бойся друга, как врага. Бывший друг – злейший враг. Неверный друг опаснее врага. Лучшие честный враг, чем коварный друг*.

Проанализированные нами русские пословицы, вербализующие представления о дружбе, подтверждают специфику национального восприятия мира и раскрывают национальные духовные ценности, воплощенные в языковой и культурной картине мира русского народа. Реконструируемый фрагмент картины мира русского народа имеет следующие особенности:

1. Контраст является доминантой концептуального представления дружбы в пословичной картине мира русского народа. Бинарные оппозиции, проявленные в пословицах (*материальное – нематериальное, сходный – различный, добрый – злой* и т.п.), позволяют логически четко и прагматически однозначно представить сущность дружбы и выделить ее социальные преимущества на контрастном фоне.

2. Концептуальное представление дружбы в пословичной картине мира русского народа базируется на образах, использующих реалии традиционного общественного уклада, быта и природного окружения народа-носителя языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алешин, А. С. Паремии, вербализующие концепт «любовь» в шведском, немецком, английском и русском языках (лингвокультурологический аспект) / А. С. Алешин // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. М.: URSS, 2014. С. 155–190.

2. Шукуров, Ш. Друг и дружба / Ш. Шукуров // Опыт повседневности. Памяти С. Ю. Румянцева. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2005.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – изд. 2-е, испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.

УДК 811.581:81'2

К вопросу о топонимах, возникающих при переводе экспедиционных записок

Сун Д., Хэбэйский педагогический университет, преподаватель, Китай

Топоним представляет собой творческий продукт людей в производстве и жизни, и он обычно отражает местные топографические особенности, исторические и культурные характеристики, а также простые пожелания народа. В словаре топоним определяется как «собственное название отдельного географического места (населённого пункта, реки, угодья и т.д.)» [Ожегов, 2011, с. 637]. С точки зрения функции, топоним является не только важным символом и знаком, позволяющим различать разного рода географические объекты, но и носителем региональной культуры, особым культурным символом, отражающим региональную историческую память, поэтому точный перевод географических названий имеет большое значение как для внешних отношений между странами, так и для культурного обмена, научных исследований и международной торговли между народами.

Экспедиционные записки – это тексты, фиксирующие реальный процесс экспедиции, являющиеся личным опытом и личным переживанием экспедитора, реально отражающие географию и ландшафт, социальные условия и обычаи исследуемой местности и имеющие большое значение для изучения местности в определенный исторический период. Среднеазиатские экспедиции конца XIX и начала XX веков породили большое количество экспедиционных записок, в число которых входят работы русских путешественников и географов, таких как Певцов М. В., Валиханов Ч. Ч., Пржевальский Н. М. и т.д. В своих записках путешественники подробно описывают то, что они видели и слышали во время своих визитов в различные части Средней Азии, в число которых также входит сегодняшний Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая (ниже-Синьцзян). Для того, чтобы получить детальное представление о социальных условиях и географическом ландшафте вчерашнего Синьцзяна, записки этих экспедиций, написанные на русском языке, были переведены и опубликованы или переводятся в Китае. Но вместе с этим возникает проблема перевода географических названий, т. е. топонимов.

При переводе экспедиционных записок встречается большое количество топонимов, таких как названия областей, городов, гор, рек, деревень и т.д. Некоторые из этих топонимов имеют четкие эквиваленты в китайском языке, например, названия крупных городов (Кульджа – 伊宁 (Yining)), но другие все еще вызывают споры. Это может быть связано с политическими и историческими причинами

или с различиями в восприятии одного и того же географического названия в разные исторические периоды. Кроме того, еще существуют топонимы, которые по каким-то причинам уже затерялись в истории и нигде не встречаются в современности. Для нас представляют интерес те топонимы, которые до сих пор вызывают споры и с трудом поддаются переводу. Ввиду ограниченности объема статьи, в данной работе мы проанализируем лишь маленькое количество примеров и попытаемся обобщить несколько закономерностей при переводе топонимов в экспедиционных записках.

Влияние политических факторов и факторов демаркации границ на перевод топонимов.

При переводе записок русских экспедиций XIX века часто приходится сталкиваться с топонимами, которые именуются другими названиями в языке переводного текста (в китайском языке) из-за политических факторов и демаркации границ. Если просто перевести их в соответствии со значениями слов или по русско-китайскому словарю, то полученное переводческое решение не будет соответствовать национальной и политической ситуации в Китае.

К примеру, возьмём топоним «Восточный Туркестан», который по смыслу слов должно переводиться как «东(восточный)突厥斯坦(туркестан)» или «东部(восточный)突厥斯坦(туркестан)». Однако топоним «Восточный Туркестан» не существует ни в китайских административно-географических делениях, ни в словарях. И, как всем известно, в списке террористических организаций существует «Исламское движение Восточного Туркестана», которое запрещено как в Китае, так и в России и оставило ужасное впечатление у китайского народа, поэтому неуместно переводить «Восточный Туркестан» как «东(восточный)突厥斯坦(Туркестан)» просто на основании значения слов.

Как географическое название, топоним «Восточный Туркестан» описан в экспедиционных записках Валиханова Ч. Ч. следующим образом:

Восточный Туркестан с трех сторон замкнут горами: на севере Тянь-Шанем, на западе Болором, и на юге Куэнлунем. Горы эти принадлежат к самым высоким хребтам Внутренней Азии и служат естественной границей Западного края Китайской империи ... На востоке пределы Восточного Туркестана ограничиваются песчаными, необитаемыми степями Махайской и Комульской гоби (Хамийская пустыня) [Валиханов, 1985, с. 97].

По приведенному выше географическому описанию в экспедиционных записках Валиханова Ч. Ч., Восточный Туркестан принадлежал Китайской империи того времени, и его местоположение было эквивалентно местоположению нынешней Таримской котловины в южном Синьцзяне Китая.

А в другой экспедиционной записке местоположение Восточного Туркестана описано следующим образом:

Кашгария, или Восточный Туркестан, представляет обширную котловину, достигающей около 3500 футов над уровнем океана и окруженную со всех сторон горами. На севере она окружена Тянь-шанем, на юге – колоссальным окраинным хребтом Тибетского нагорья – Кун-лунем, на западе – окраинным же хребтом памирского нагорья – Сары-колом, а на северо-востоке ее замыкает длинный отрог Тянь-шаня – Курук-таг [Певцов, 1949, с. 51–52].

В своих записках Певцов М. В. еще более четко указывает, что «Восточный Туркестан» – это котловина, расположение которой совпадает с тем, что описал Валиханов Ч. Ч. Кроме того, Певцов М. В. в записках также предложил комментарий о происхождении топонима «Восточный Туркестан»:

«Эти географические названия (Кашгария или Восточный Туркестан) даны стране европейцами, туземцы же именуют свою родину Алты-шаари, т. е. шестиградие, по числу шести больших ее городов» [Певцов, 1949, с. 51].

Как предлагает Певцов М. В., топоним «Восточный Туркестан» был придуман европейцами и не используется местными жителями, что объясняет причину отсутствия топонима «Восточный Туркестан» в китайском языке. А топоним “шестиградие”, используемый местными жителями, относится, согласно китайским историческим документам, к шести уйгурским городам в династии Цин (1636–1912), а именно Яркент, Кашгар, Аксу, Куча, Янгисар и Хотан, все из которых были расположены в южной части современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Таким образом, согласно экспедиционным запискам Валиханова Ч. Ч. и Певцова М. В., можем подтвердить, что топоним «Восточный Туркестан» имеет в виду южную часть Синьцзяна современного Китая. На данный момент, топоним «Восточный Туркестан» следует переводить на китайский язык как «南疆 (Nanjiang – Южная часть Синьцзяна)» или “新疆南部” (Xinjiang nanbu – Южная часть Синьцзяна).

Различия в наименовании одного и того же места в разные исторические периоды.

В качестве человеческой деятельности и типичного выражения региональной культуры, топонимы не являются чисто географическими явлениями, а, как правило, представляют собой социальные и

культурные феномены. Различные названия, данные месту в разные исторические периоды, отражают меняющуюся социальную реальность.

Как предлагает Британский лингвист Леонард Роберт Палмер, «Изучение географических названий – это действительно одна из увлекательных задач лингвистических исследований, поскольку географические названия сами по себе являются частью словарного запаса, и они часто предоставляют важные доказательства, дополняющие и подтверждающие аргументы историков и археологов» [Palmer, 1936, с. 122].

В экспедиционных записках часто встречаются топоним как «оазис Ния», так и «Ния», например:

Несмотря на постоянную почти облачность, дождь в течение всего мая лишь однажды только капал в **оазисе Ния** [Пржевальский, 1948, с. 101].

Решившись провести зиму в **Нии**, я, на третий день по прибытии экспедиции в это селение, послал двоих из наших людей с туземцами разыскивать лучшее пастбище для экспедиционных верблюдов и лошадей [Певцов, 1949, с. 104].

Но как их перевести на китайский язык является вопросом, который требует обсуждения. Так как на современных китайских картах нет города под названием «Ния», как нет и «оазис Ния» на топографических картах.

Этимологически слово «Ния» имеет уйгурское происхождение. В уйгурском языке слово «Ния», означающее «далекий и бесследный, или долгий путь», является названием города, который в древнем Китае транслитерировался в китайский язык как «尼雅 (Niya)». Однако с 1943 года город по-китайски был переименован правительством в «民丰 (Minfeng)», выражающее желание народа получить «хороший урожай».

В современном китайском языке топоним «Ния» обычно означает «река Ния» или «руины Нии», впервые обнаруженные британским путешественником Аурелем Стейном в 1901 году и названные так из-за своего расположения на берегу реки Ния. Поэтому неточно переводить «Ния» непосредственно с оригинала на китайский язык как «尼雅 (Niya)», что заставило бы китайских читателей в первую очередь думать о «руинах Ния (заброшенных древних городах)», которое более популярно в китайском языковом сознании.

Поэтому, на наш взгляд, в переводческой практике топоним «оазис Ния» следует переводить как «尼雅绿洲 (Niya lvzhou – оазис на реке Ния)», а топоним «Ния» – «民丰 (Minfeng)». Если бы переводчик хотел перевести его как «尼雅 (Niya)», то должен был бы добавить пояснение, что «Ния» теперь известна как «民丰 (Minfeng)».

Топонимы, утратившие свое значение со временем

При переводе русских экспедиционных записок приходится сталкиваться с большим количеством топонимов, которые по каким-то причинам канули в историю и теперь уже не существуют. Эти топонимы могут быть названиями небольших гор или ручьев, но чаще это названия маленьких деревень, которые по естественным или антропогенным причинам перестали существовать. Эти топонимы переведены только фонетически. Но следует отметить, что примерное местоположение должно быть указано по контексту оригинального текста.

На основе переводческой деятельности предлагаем несколько принципов, которые необходимо учитывать при переводе географических названий (топонимов).

- При переводе топонимов, прежде всего, необходимо уточнить объективную географическую область, к которой данный топоним действительно относится, а не просто перевести его по значению слов названия или фонетически;

- При переводе топонимов, необходимо уделять внимание как политическому и социальному контексту оригинального текста, так и контексту переводного текста, чтобы избежать заблуждения;

- При переводе топонимов необходимо учитывать различия в наименовании одного и того же места в разные исторические периоды.

- При переводе топонимов, утративших свое значение со временем, необходимо указать примерное местоположение по контексту оригинального текста.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Валиханов, Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 3 / Ч. Ч. Валиханов. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 416 с.

2. Певцов, М. В. Путешествие в Кашкарию и Кун-лунь / М. В. Певцов. – М. : Государственное издательство географической литературы, под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Я. А. Марголина. 1949. – 325 с.

3. Пржевальский, Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование Северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима / Н. М. Пржевальский. – М. : Географгиз, 1948 (16-я тип. треста «Полиграфкнига»). – 366 с.

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. 2-е изд / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.

5. Palmer, L. R. An Introduction to Modern Linguistics / L. R. Palmer. – London: Macmillan & Co Ltd, 1936, – 216 p.

УДК 811.161.1

Образ быка в русской народной загадке

Сюй Ж., Казанский федеральный университет, аспирант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н., доцент Файзуллина Н. И., Россия

В русской национальной картине мира особое место принадлежит животным и их образам. Одними из самых распространенных среди них являются бык и корова. Они имеют важное значение в бытовой и духовной деятельности. Бык и корова удовлетворяют материальные потребности человека в обыденной действительности. Именно поэтому в тексте загадки образы быка и коровы отображают положительное отношение архаичного человека к окружающим предметам и явлениям природы и связаны с духовными ценностями.

Народная загадка в фольклорной картине мира как эффективный инструмент сохранения культурного кода отражает традиционную жизнь народа и миропонимание. В фольклорных текстах данного жанра существуют разнообразные художественные и метафорические образы, в том числе, образы быка и коровы. При помощи образов быка и коровы осуществляется замена наименования одного предмета или явления природы другим наименованием, что имеет много общего с процессом метафоризации в целом. Другими словами, в данном случае образ быка или коровы отождествляется с денотатом (неодушевленным предметом или явлением природы).

Посредством зооморфной метафоры на основе сходства некоторых признаков загаданного предмета в тексте загадки синтезируется образ быка или коровы – метафорически переосмысленное значение денотата (неодушевленного предмета или явления природы) с целью употребления образа быка или коровы в качестве идеального воплощения. Кроме этого, в процессе метафоризации мифологический элемент проистекает из славянской традиции и присутствует в строении загадки, обычно в отношении явлений природы, поскольку явление природы того времени наполняется энигматическими обликами и часто ассоциируется со сверхъестественными смыслами. Владение соответствующими мифологическими представлениями помогает сократить загаданный размер денотата.

Таким образом, образ быка или коровы как зооморфный код в народной загадке служит для вторичной номинации и мотивировки строения загадки.

«Образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями, которые предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких “оттенков” смысла» [Телия, 1988, с. 179]. В русской национальной картине мира особое место принадлежит животным и их образам. Одними из самых именуемых и распространенных среди них являются бык и корова. Воплощение образов быка и коровы в загадке отражает национальное мышление и воззрение на мир.

В следующих загадках про иглу с ниткой мы заметили заместительный образ – бык как новое наименование манифестирует исходный предмет.

а. *Бык железный, а хвост льняной (Игла с ниткой)* [Садовников, 1995, с. 99],

б. *Чугунный бык с мочальным хвостом (Игла с ниткой)* [Там же, с. 99].

В этих двух загадках прилагательные железный и чугунный напоминают материал иглы, который состоит из металла с качеством прочности. Через *льняной* описывается один из признаков нитки, потому что тонкая нитка может из льна. А мочальный часто отображает прямой волос, который похож на шерсть быка. При помощи иглы и нити люди осуществляют деятельность – шитье. И люди тоже пахут поле, управляя быком. В данном случае бык и игла с ниткой представляют собой орудия, которые тоже дают направление прямым линиям во время работы. В этих двух загадках образ быка наблюдается как воплощение вторичной номинации загаданного предмета. Загадка строится посредством эквивалентного объекта, имеющего некоторые общие с загаданным предметом признаки.

В следующих загадках про явление природы образ быка тоже встречается:

а. *Белый бык в подворотню глядит (солнце)* [Садовников, 1995, с. 281].

б. *Бык в хлеве, хвост – на хлеве (пар, клубящийся из избы)* [Садовников, 1995, с. 299].

В славянских традициях солнце «постоянно сравнивалось с прозревающим оком быка» [Афанасьев, 1995, с. 212], и поэтому в данном случае солнце представлялось белым быком. Образ быка в этом корпусе загадки как скрытое переносное значение служит для мотивировки составления загадки.

В процессе загадывания, нам трудно придумать сходные признаки между быком и парами, прежде всего по размеру – бык гораздо больше, чем пары, и бык характеризуется как физическое тело практически неизменной формы, а пары диффузны, поэтому в этой загадке образ быка усложняет отгадывание. Но когда мы обратим внимание на мифологию, мы заметим, что в мифических представлениях «передовые ряды темно-красноватых, грузовых туч, выплывающих из-за горизонта, доселе называются быки» [Афанасьев, 1995, с. 213]. Другими словами, в данном случае под образом быка понимается вода, которая состоит из паров. Таким образом обнаруживается связь быка и паров.

Еще наблюдаются образы быка или коровы в следующих загадках:

- а. *Бык ревет, хвост к небу дерёт (Очеп, колодезный журавль)* [Садовников, 1995, с. 116];
- б. *Корова ревет, хвост к небу дерет (Очеп)* [Там же];
- с. *Корова ревет, вверх хвост дерет (Очеп)* [Там же].

В этих трех загадках мы тоже заметим следы славянской мифологии. Глаза быка и коровы часто сравнивают с колодцами, «потому что они точат слезы и, подобно зеркалу вод, отражают в себе предметы» [Афанасьев, 1995, с. 214]. То есть в этих трех загадках бык и корова символизируют колодцы. Хвост быка имеет аналогичные свойства с очепом, потому что все они длинные и тонкие. И в этих трех загадках наблюдаем образ быка, мотивирующий строение загадки с вторичной номинацией.

Таким образом, образ быка как зооморфный код в народной загадке служит для вторичной номинации и мотивировки строения загадки. И в качестве мотивировки часто встречается в загадках проявления природы, потому что явления природы наделялись в сознании архаичного человека некоторыми сверхъестественными смыслами. Поскольку архаичные люди не могли постичь законы этих природных явлений, они боялись соответствующих сверхъестественных сил.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов / А. Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – С. 212–214.
2. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Редкол.: Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 179.
3. Садовников, Д. Н. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Д. Н. Садовников – М.: Современный писатель, 1995. – 400 с.

УДК 811.16'373-115

Особенности применения интерактивных технологий при обучении студентов-музыкантов русскому языку как иностранному

Тикунова П. А., Московский педагогический государственный университет, аспирант, Россия
Научный руководитель: д.пед.н., профессор, Хамраева Е. А., Россия

В последние годы особый интерес к изучению русского языка снова возрастает (см. рис. 1). Это связано не только с модернизацией общества, но и с большим желанием иностранных граждан познакомиться с русской культурой, жителями России, узнать, что такое русское гостеприимство и найти ответ на вечный вопрос о широте и таинственности русской души. На сегодняшний день огромное количество иностранцев старается получить профессиональное образование в России, что, безусловно, происходит с помощью русского языка, ведь в основном специальные дисциплины преподаются именно на этом языке.

Рисунок 1.

Сегодня обучение русскому языку как иностранному в России, являясь самой перспективной и актуальной областью в науке, набирает большие обороты. С лингводидактической стороны можно насчитать огромное количество самых разнообразных методов и приемов работы с иностранными обучающимися, такие как личностно-ориентированные, информационные, интерактивные, игровые, эвристические, индивидуальные, групповые, применение it-технологий и др. Именно эти методы по истечении какого-то времени приобрели название «Технологии», поэтому именно правильный выбор образовательной технологии имеет особое значение при обучении РКИ. В настоящее время актуальной задачей на уроках РКИ являются поиски подходящих действенных методов, тактик, приемов и технологий обучению русскому языку, которые будут способствовать эффективному усвоению иностранного языка, а также развитию мозговой деятельности и активной речевой коммуникации.

Хорошо известно, что в современном обществе интерактивные технологии заняли лидирующие позиции в образовании, как наиболее эффективный метод обучения. Интерактивные технологии пользуются популярностью не только в Российской Федерации, но и за ее пределами. Если обратиться к происхождению термина «интерактивные технологии», то «Interactive» в переводе с английского языка обозначает «готовый к диалогу; интерактивный; взаимодействующий; воздействующий друг на друга; согласованный». В рамках образовательного процесса – это проявляется как взаимодействие преподавателя и студентов, где каждый принимает участие и вносит свой посильный вклад в решение различных проблемных ситуаций (вопросов, задач), а не остается в стороне. Такое взаимодействие помогает развить в иностранном студенте такую творческую личность, которая будет способна думать и говорить на русском языке, а также улучшит свои навыки общения и работы в команде и самостоятельно, ведь именно с помощью коммуникации можно добиться поставленных целей.

Основными задачами интерактивных технологий в преподавании русского языка как иностранного являются:

- чтение, говорение, письмо, аудирование (навыки речевой деятельности);
- мотивация и интерес к изучению РКИ;
- успешное усвоение материала [Ковалева, 2015].

Кроме этого, преподавателю РКИ на музыкальном факультете желательно обладать знаниями настоящего музыканта-теоретика, который хорошо разбирается в устройстве музыки, а также знать, как можно все это применить на практике во время обучения русскому языку как иностранному. Более того, на практике педагог должен проявить не только свою смекалку, но и владение интерактивными технологиями, а именно техническими средствами, чтобы в полной мере социализировать музыкальный материал в реальную повседневную действительность. Однако такая методика достаточно сложна в своем исполнении, т.к. требует огромной подготовки и большого количества времени, чтобы реализовать полноценный процесс усвоения русского языка как иностранного. Из-за уникальности русского языка и языка музыки, такое может осуществиться только в рамках специальных дисциплин, которые могут быть отнесены к одним из самых трудоемких.

Чтобы процесс усвоения учебно-воспитательного материала был успешен, необходимо использовать современные интерактивные технологии, которые будут отвечать всем требованиям общества и легко адаптируются под любой образовательный стандарт [Чинякова, 2014].

Более того, интерактивные технологии способствуют определенному изменению устоя класса, они требуют большего количества времени для подготовки студентов и преподавателей.

Сперва необходимо начать с постепенного введения интерактивных технологий в план урока. Для начала можно использовать простые формы работы с интерактивными технологиями, такие как работа в паре или малых группах, а потом переходить уже к более сложным. Когда у всех участников образовательного процесса появится опыт работы с интерактивными технологиями, то занятия будут проходить гораздо легче и приятнее, а подготовка будет занимать небольшое количество времени.

Для того, чтобы преподаватель достиг определенного успеха в области применения интерактивных технологий, он должен тщательно планировать свою работу:

- Учитывать свой уровень владения ИКТ и подбирать технологии, которые будут соответствовать своему педагогическому опыту;
- Учитывать уровень владения языком учащихся;
- Не нагружать занятие интерактивными технологиями;
- Использовать разнообразные технические средства [Плаксина, 2014, с. 163].

Как уже говорилось ранее, интерактивные методы обучения русскому языку как иностранному могут иметь две формы: индивидуальную и групповую. Они могут быть лишь частью занятия или же стать основным способом организации целого урока. Для обучения РКИ существуют разные типы интерактивных занятий, такие как деловая игра, фантазия, концерт, онлайн-экскурсия, интервью. Более того существуют и другие формы интерактивных технологий, которые в основном применяются в групповом виде: дискуссия, «аквариум», «круги на полях», «карусель» и так далее [Оковитая, 2016, с. 162].

Большие перспективы открываются при анализе и трактовке изучаемых музыкальных произведений во время организации интерактивной деятельности у иностранных студентов-музыкантов. Различные варианты прочтения средств и штрихов музыкальной выразительности открывают «занавес» для разнообразных интерпретаций художественного образа и его драматургии, таким образом, студент-иностранец пытается посмотреть на музыкальное произведение с разных позиций: композитора, исполнителя или слушателя, и старается увидеть всю многогранность и величие задумки автора. Если взять за основу такой метод работы, то с помощью моделирования необходимых условий, можно достичь внутриролевого функционирования обучающихся, что, безусловно, поможет иностранным студентам соотнести услышанное и увиденное в произведение с разных позиций и прийти к определенным выводам через внутренний диалог и размышления. Более того, такой метод помогает адаптировать музыкальные ситуации, слова и выражения, связанные с музыкой, к повседневной жизни. Так, например, во время описания музыкальной композиции у студентов-иностранцев образуется большой словарный запас, который они с легкостью могут применить в различных ситуациях помимо связанных с музыкой.

Из этого следует, что интерактивные технологии имеют следующие особенности:

1. Преподаватель перестает быть центром, у него остаются лишь организационные функции;
2. С помощью коммуникации студенты обращаются к социальному опыту (собственному или других людей);
3. Побуждается интерес у обучающихся;
4. Успешно усваивается учебный материал;
5. Устанавливается обратная связь между участниками;
6. У обучающихся формируется собственное мнение;
7. Появляются жизненные навыки;
8. Изменяется поведение и др.

Что касается интерактивных технологий в области РКИ, то здесь возникают следующие особенности:

1. Подбор материала с учетом уровня владения русским языком на музыкальную тему;
2. Возможность использования музыкальных терминов, слов и выражений в повседневной жизни;
3. Мобильность преподавателя и студента;
4. Использование ИКТ на уроках РКИ;
5. Мотивация студентов в изучении русской культуры и др.

Подводя итог, нужно сказать, что у интерактивного обучения есть большой образовательный потенциал, который обеспечивает развитие и максимальную вовлеченность обучающихся в образовательный процесс.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалева, А. В. Интерактивные педагогические технологии при обучении иностранных учащихся лексике русского языка 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. В. Ковалёва. – М., 2015. – URL: <http://www.1.pushkin.edu.ru/publ/elib/dissovet/833> (дата обращения 20.03.2023).
2. Оковитая, Ю. Ф. Мультимедийные технологии в практике преподавания русского языка как иностранного / Ю. Ф. Оковитая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. – 2016. – №3. – С. 162–164.
3. Плаксина, И. В. Интерактивные технологии в обучении и воспитании: метод. Пособие Владим. Гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых / И. В. Плаксина. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2014. – 163 с.
4. Чинякова, Н. И. Организация исполнительской подготовки студентов-музыкантов педвуза в контексте интерактивных форм обучения / Н. И. Чинякова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – №12–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-ispolnitelskoy-podgotovki-studentov-muzykantov-pedvuza-v-kontekste-interaktivnyh-form-obucheniya> (дата обращения: 23.03.2023).

УДК 378.1

Использование информационных технологий при изучении иностранных языков (на примере иврита)

Фрейдкин И. Л., Российский университет дружбы народов
имени П. Лумумбы, аспирант, Россия

Научный руководитель: к.пед.н., старший преподаватель Пушкина А. В., Россия

Сегодня для обучения иностранным языкам используется комплекс образовательных ресурсов, который включает электронные либо печатные учебники и пособия, справочники, словари, адаптированную литературу, аудио и видеоматериалы, компьютерные и мобильные приложения.

Современный преподаватель иностранных языков должен ориентироваться в массе мультимедийных учебников и Интернет-ресурсов, чтобы сделать обучение интересным и эффективным. При этом нагрузка преподавателя переносится с этапа проведения учебных занятий на этап подготовки материала для наполнения обучающего программного обеспечения.

LMS (learning management system) и LCMS (learning content management system) – это взаимодополняющие друг друга системы, которые позволяют решать управленческие задачи в образовательных целях. Использование технологии LMS в изучении языков значительно расширилось в соответствии с развитием самой технологии. Она актуальна для современной России и для других стран [Essel, 2017]. Современной науке необходимо осмыслить опыт экстренного внедрения дистанционного обучения при пандемии Covid-19 [Amin, 2020]. Можно говорить о «положительном влиянии» эпидемии, которая вызвала взрывное развитие технологий дистанционного обучения – как в области школьного и вузовского обучения, так и в самостоятельных занятиях людей, находящихся на самоизоляции.

Исследование этого феномена набирает обороты [Volkova, 2020; Khudoley, 2018; Pravdina, 2019]. Актуально введение дистанционного обучения иностранным языкам, так как во многих вузах наблюдается тенденция сокращения часов на контактную работу в учебных планах по ряду направлений подготовки [Kapsargina, 2018].

Исследования показывают положительное влияние LSM-технологии на процесс обучения, ориентированность студентов на использование онлайн-методов и их положительное влияние на качество обучения [Shahid, 2019].

Также использование современных информационных технологий позволяет сформировать инновационные навыки и эффективные приемы мышления и у учащихся высших учебных заведений [Chootongchai, 2018]. Они приучаются искать информацию, чаще обращаются к учебным ресурсам, так как нет привязки занятий по месту и по времени. Работа с LSM-технологиями способствует тому, что студент принимает на себя ответственность за выполнение и конечный результат своего обучения [Тараскина, 2015].

При обучении иноязычной коммуникации важным преимуществом LMS-технологии является комплексность, состоящая в наличии множества разнообразных элементов и ресурсов, которые помогают преподавателю иностранного языка отобрать и систематизировать языковой и речевой материал с учетом его коммуникативной целесообразности и активной коммуникативности, подать его в интересной форме, а также обобщить материалы в единое целое [Худодей, 2019].

«По тропам иврита» (בשביל העברית) – комплексная и дифференцированная программа для обучения ивриту, которая включает в себя серию печатных и цифровых книг, а также передовые приложения, которые помогают в овладении языком при изучении еврейской и израильской культуры для ее периодов в различных типах и каналах общения. Все книги сопровождаются интерактивными текстами для прослушивания, фильмами и онлайн-мероприятиями для практики и оценки. Материалы курса были использованы для создания тренажера на базе приложения Memrise.

Приложение Memrise насчитывает более 10 млн пользователей. Веб-сайт и одноименное приложение позволяют изучать онлайн и оффлайн 9 основных языковых курсов. Приложение построено по принципу тренажера, коротким, но частым повторением позволяет запомнить большой массив лексики. Лексика сопровождается аудиофайлами, а иногда и видео. Таким образом, приложение полезно при изучении фонетики и лексики, но не может использоваться как самостоятельный курс. Также на базе платформы можно создавать личные курсы к определенным учебникам и другим языкам, не из списка, в том числе ивриту.

Для обучающихся на начальном этапе представляет сложность выучить написание слов на иврите, с учетом того, что в языке иврит нет гласных звуков, а только огласовки, и некоторые слова могут звучать одинаково и иметь разные значения из-за наличия одинаково звучащих букв. Чтобы помочь обучающимся в повышении грамотности, а также научить их распознавать на слух слова в различной ситуации (например, если их произносят разные носители языка), было принято решение о создании тренажера лексики к учебному пособию «По тропам иврита» на базе приложения Memrise.

В курсе «По тропам иврита» представлены грамматические задания, задания на аудирование, тексты, разговорные темы. Но существует проблема с расширением активной лексики. Лексические навыки являются важным компонентом всех процессов речевой деятельности: говорения, слушания, письма и чтения, поэтому их формирование контролируется на каждом занятии.

Каждая глава в приложении разделена на отдельные блоки, что позволяет использовать эти блоки по мере прохождения учебного пособия, а также помогает преподавателю применять технологию перевернутого класса. Технология перевернутого класса повышает эффективность прохождения программы, благодаря тому что учащиеся приходят на занятие подготовленными и знают лексику, заданную к уроку, и преподавателю нет необходимости давать объяснение лексики на уроке, что при традиционном подходе занимает иногда до половины занятия. На сегодняшний день созданы задания по подготовительному курсу, первой, второй и третьей книге.

Приложение учитывает, когда последний раз пользователь обращался к тому или иному слову, сколько раз оно было пройдено и повторялось. По желанию пользователя формируются задания следующих типов: изучение новых слов; повторение лексики; изучение трудных слов; навыки аудирования. Функция повторения позволяет обучающимся вспоминать ранее пройденные слова и их актуализировать.

Программа Memrise является современным аналогом методики изучения слов по карточкам, ориентирована на многозадачность (заучивается не только лексическое значение, но и написание и произношение), вариативность (темы можно менять и даже комбинировать), а также универсальность и доступность (программой легко пользоваться, и она доступна с мобильного устройства). Задания можно выполнять в перерывах между другими занятиями, и за 2–3 минуты проходить около 5 слов. Задания можно синтезировать неограниченное количество раз в день. Новинкой является то, что карточки озвучены разными носителями языка.

Контроль над отработкой материала осуществляется с помощью балльной оценки. Наличие системы баллов позволяет в игровой форме создавать своеобразное соревнование в рамках учебной группы или среди обучающихся на одном уровне обучения. Соревновательный эффект помогает в работе, так как обучающимся и преподавателям видна статистика пользователей за неделю, месяц и весь период обучения. Ответственность за отработку лексики при этом лежит на самом обучающемся. Преподаватель реализует диагностическую, регулятивную, развивающую функции контроля знаний, может быть также применена аттестационная функция (получившие лучшие результаты поощряются высокими оценками).

Как отметили сами обучающиеся и преподаватели, применение Memrise позволяет обучающимся расширить свой активный словарь. Этот опыт был высоко оценен и в целях распространения данной методики идет обсуждение с методистами Министерства образования Израиля департамента Хэфциба о проведении такого марафона среди школ СНГ, где изучается иврит.

В процессе чтения совершенствуется оперативная память и устойчивость внимания. От этих показателей (внимания и памяти), в свою очередь, зависит работоспособность обучающихся и способность к усвоению нового материала, то есть к обучению. Необходимо стремиться, чтобы в конце начального обучения ивриту большинство обучающихся имели скорость чтения не ниже 110–120 слов в

минуту. Но при этом важно, чтобы они читали осознанно, фонетически и грамматически правильно, выразительно.

В результате занятий увеличилась скорость чтения, и, если ранее средние показатели по чтению знакомого текста достигали 60 или 70 слов в минуту, во втором семестре некоторые обучающихся достигли результатов 110–115 слов в минуту, а средний показатель 80–90 слов в минуту. До введения обязательного использования обучающимися информационных обучающих технологий в среднем на контрольной работе имело место около десять ошибок, связанных с написанием слов. После введения приложения количество ошибок сократилось до одной-двух. Эти результаты наглядно демонстрируют, что применение приложения обучающимися для подготовки к занятиям позволяет им лучше освоить лексику и способствует более качественному прохождению учебного материала.

Качество обученности – это количество обучающихся, сдавших зачет на оценку «хорошо» и «отлично» по отношению ко всем обучающимся в группе, выраженное в процентах. Можно отметить, что во II семестре 2019 года этот показатель вырос не только в оценке чтения (44 %), но и при оценке устного ответа (33 %) и письма, и грамматических упражнений (27 %). Это говорит о том, что рост количества активной лексики напрямую влияет на повышение качества чтения, письма и выполнения грамматических упражнений.

Таким образом, применение информационных обучающих технологий позволяет повысить эффективность и сделать доступным изучение иврита для широкого круга обучающихся. Информационные обучающие технологии позволяют по-новому организовать изучение языка на всех его уровнях – улучшить навыки аудирования, расширить активный словарь, прорабатывать грамматические и синтаксические конструкции. Внедрение инновационных технологий позволяет приблизить изучение иностранного языка к ученику, заниматься в удобное для него время, адаптировать методику обучения к его уровню знаний и технического обеспечения. В ходе создания тренажера лексики на базе приложения Memrise экспериментально проверено положительное влияние использования компьютерных обучающих программ как средства активизации познавательной деятельности обучающихся в процессе изучения иврита, которые будут полезны преподавателям при выборе и использовании методических средств организации изучения иностранных языков, что расширяет представление о возможностях использования LMS и LCMS технологий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Тараскина, Я. В. Дидактические функции moodle в иноязычном вузовском образовании / Я. В. Тараскина // *Computer Science*. – 2015. – № 1. – С. 1074.
2. Худодей, Н. В. Методика использования инструментария LMS Moodle для развития навыков коммуникации на иностранном языке у студентов неязыкового вуза / Н. В. Худодей // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2019. – Т. 12. – № 10. – С. 380–390. doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.81
3. Amin, F. M. EFL students' preferences on digital platforms during emergency remote teaching: Video Conference, LMS, or Messenger Application? / F. M. Amin, H. Sundari // *Studies in English Language and Education*. – 2020. – № 7 (2). – P. 362–378. doi:10.24815/siele.v7i2.16929
4. Chootongchai, S. Design and development of SECI and Moodle online learning systems to enhance thinking and innovation skills for Higher Education Learners / S. Chootongchai, N. Songkram // *International Journal of Emerging Technologies in learning*. – 2018. – V. 13. – № 3. P. 154–172.
5. Essel, D.D. Factors Affecting University Students' Use of Moodle: An Empirical Study Based on TAM / D. D. Essel, O. A. Wilson // *International Journal of Information and Communication Technology Education (IJCTE)*. – 2017. – № 13 (1). – P. 14–26. – Doi: 10.4018/IJCTE.2017010102
6. Kapsargina, S. A. The use of lms moodle to intensify the independent work of students in teaching a foreign language in a non-linguistic university / S. A. Kapsargina // *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. – 2018. V. 7. – № 4 (25). – P. 122–120.
7. Khudoley, N. New use of Moodle tools for distance English language learning (experience of krasnoyarsk state agrarian university) / N. Khudoley, J. Olentsova // *International Multidisciplinary Scientific Geo Conference: SGEM; Sofia, 2018*. – V. 18. – 5.4. – doi:10.5593/sgem2018/5.4/S22.029
8. Pravdina, M.V. Current trends in foreign language teaching: use of the Moodle platform at the foreign language classes / M. V. Pravdina, N. V. Shchelokova // *Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития*. Минск, 2019. – P. 239–243.
9. Shahid, K. Role of Technology in Multicultural Environment: Impact of MOODLE Learning System on Global Virtual Team Performance ICBTD2019 / K. Shahid, Q. Yang, Z. Xingqi // *Proceedings of the 2nd International Conference on Big Data Technologies*. – 2019. – P. 187–19. – doi.org/10.1145/3358528.3358536

10. Volkova, A. G. Application of instructional design elements in the development of language learning courses based on LMS Moodle / A. G. Volkova // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Красноярск, 21–23 апреля 2020 г. – 2020. – P. 198–202.

УДК 17.018.22

**Фольклорные обряды приикских татар Республики Татарстан,
связанные с рождением ребёнка**

Хафизова Г. С., Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ, аспирант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н. ведущий научный сотрудник Давлетшина Л. Х., Россия

Семейно-бытовая обрядность является значимым и для сегодняшних дней достоянием татарской культуры. В ней нашли отражение древнейшие воззрения, разнообразные знания этноса о мироустройстве, взаимоотношения человека с природной средой и социумом. Обряды включают комплекс норм и правил повседневного и ритуального поведения, эстетические и религиозные ценности. Именно семейные обряды выступают центральным стержнем этнического самоопределения тюркских народов, механизмом приобщения к национальной традиции, синкретичной формой культуры, соединяющей в себе материальную компоненту, язык, этические, религиозные нормы, ценности, символы, приёмы магии и архетипы.

Фольклор как неотъемлемая часть семейного обряда представляет сложную, но весьма устойчивую систему разнообразных жанров устной традиции: пословиц, поговорок, песен, заклинаний, заговоров, благопожеланий и выступает неисчерпаемой сокровищницей народной мудрости и богатства языка.

Семейно-бытовой обряд включает в себя три цикла: родильный, свадебный и погребальный. Родильный обряд и сопровождающий его вербальный ряд, по устоявшемуся мнению фольклористов [Брусско, 2013], распадается на три группы – дородовые, родовые (связанные с рождением ребёнка), послеродовые, но образует единый комплекс действий и словесных форм.

В статье рассматриваются обряды, связанные с рождением ребёнка в аспекте семантики, поэтических особенностей фольклорных текстов. В сравнении с традиционными татарскими образцами анализируется специфика, характерная для приикского ареала Республики Татарстан. В статье использован полевой материал, собранный при помощи вопросника от жителей сел Азнакаевского и Бавлинского районов в течение 2021–2022 годов (В ответах информаторов заключены наблюдения и сведения относительно бытования фольклорных текстов в повседневной жизни татарских сёл в 60–70-х годах XX века).

Главные черты и последовательность действий татарского родильного обряда исследовались краеведами, этнографами и фольклористами на протяжении многих лет. Итогом стало постепенное выявление общей картины родильного обряда татар в целом: места, времени, участников, структуры, последовательности, функций, форм и жанров сопровождающего словесного устного творчества. Данная схема позволила более плодотворно определить локальные отличия обряда у разных субэтносов татар, а также его динамику и влияние со стороны других этнических культур и современных форм культуры: массовой, официальной. Традиции, связанные с рождением ребенка, сложились уже в эпоху архаики, составив впоследствии фундамент для повседневной культуры и устного творчества татарского народа. Старинные общетюркские родильные обряды представляют комплекс разнообразных, магическо-охранительных действий, поверий, фольклорных текстов.

Рождение ребёнка считается у татарского народа большим счастьем, и это событие нашло достойное место в классическом фольклоре. Ф. И. Урманче приводит в качестве подтверждения обычай темниковских татар, когда свекровь родившей женщины выражала радость, сообщая об этом всем деревенским соседям. Они в свою очередь преподносили символический подарок – куриные яйца, чтобы ребёнок был резвым и здоровым: «Шуна күрә бала туу вакыйгасы төрле горейф-гадәтләр, йолалар белән билгеләп үтелгән. Әйтик, Темников татарларында (Мордва республикасы) бәби тапкан хатынның каенанасы авыл буйлап сөенче әйтеп йөргән. Аңа авыл халкы хәергә йомырка бирә торган булган, янәсе, бала йомырка кебек тәгәрәсен!» [Урманче, 2005, с.76].

Традиционный родильный обряд представляет собой единство разных поверий и магических действий. Родильный обряд сопровождался устойчивыми этикетными нормами, которые нужно было обязательно соблюдать. Исходной нормой оставалось благосклонное отношение к роженице и многодетной матери, оно определялось у татар надеждой и стремлением увеличить, укрепить свой социум – семейство, род, деревенское сообщество и этнос в целом. З. М. Брусско отмечает, что родильный

обрядовый комплекс включал помимо магических, обряды социализирующего характера: «Одни из них направлены на защиту роженицы и новорождённого от воздействия сверхъестественных сил, другие – призваны приобщить ребёнка к окружающей среде, к обществу» [Брусько, 2012, с. 9–10].

Традиционно роды (*тудыру*, или *бала табу*) у татар происходили в доме, на «чистой половине». Г. Т. Бакиева отмечает, что у сибирских татар роды могли проходить не только дома, но и в бане, что шло от архаических представлений о нечистоте родов и роженицы, женщины рожали стоя, держась за специально привязанную к потолку веревку [Бакиева, 2015, с. 126].

Роды сопровождалась такими магическими действиями, которые должны были облегчить их течение и помочь рождению здорового ребёнка. Значение повитухи, кендек эби, было велико, именно она была главным исполнителем родильного обряда, который включал приёмы имитативной магии (развязывание узлов, расстёгивание пуговиц на одежде роженицы). При входе в дом, где находилась роженица, повитуха отряхивала подол своего платья и приговаривала: «Бисмилли, бисмилла, / Жен булмасын, / Жиңеллек булсын, / Озын гомерле булсын» (Бисмилли, Бисмилла, / пусть не будет злых духов, / пусть будет легко, / пусть будет долголетие) или: «Шайтаннар ияреп кермесен, / Шайтаннар-майтаннар кермесен, / Жен-мазар кермесен» (Пусть шайтан не войдет, пусть разные злые духи не увяжутся) [Баязитова, 2010, с. 181, 184]. Отмечено использование очистительного огня повитухами, которые переступая через порог, зажигали спички и обводили вокруг себя этим огнём, таким образом «очищаясь» от возможного входа злых духов [Закирова, 2017].

Повитухи пользовались большим авторитетом не только в силу житейской опытности и возраста, но и благодаря знаниям в области народного целительства. Когда начинались схватки, повитуха проводила массаж живота, применяла приёмы имитативной магии. После завершения родов проводились самые разные обряды, в частности практиковалась магическое действие с пуповиной новорождённого. «Отрезание пуповины и изъятие плаценты из чрева женщины, а также действия, совершаемые с ними, впоследствии также были наполнены магическим содержанием и имели общетюркское происхождение» [Брусько, 2012, с. 12–13]. Магические приёмы обращения с пуповиной, по утверждению Ф. И. Урманче, восходят к древнетюркскому культу богини Умай, которая считалась покровительницей матерей и новорождённых, именно к ней следовало обращаться при тяжёлых родах или болезни ребёнка [Урманче, 2005].

В Азнакаевском районе по сообщению информанта еще долго сохранялся этот обычай. «Кендек эбисе баланы тудыргач, кендегенең кисеп алган өлешен – кендек бавын беркайчан да ташламый ыйы. Аны чиста чүпрәккә төрөп, кеше кулы житми торган жиргә кыстырып куялар ыйы. Күбрәк сандыкта иң кадерле эйберләр жанында саклый торганнар ыйы ине. Кендек баланы туган нигезенә гәйләп тора, – дип әйтә торган ийе инәйләр ул заманда». (Султанова Зифа Аглямединовна, 1945, Азнакаевский район, с. Верхнее Стярле) (Отрезанную часть пуповины после рождения ребёнка не выбрасывали, а заворачивали в чистое полотно и прятали в недоступное место, чаще всего в сундук, где хранились самые ценные вещи. Раньше говорили, что пуповина привязывает ребёнка к сущностному началу – роду, семье, родному месту. О владении приёмами народной медицины и опытности кендек эби свидетельствует ещё одна запись:

Авылда кендек эбиләре бар ыйы, аларны һәркем белә ийе. Бала туар алдыннан аңа әйтәп куялар ыйы, ул хәлне белеп сорашып тора. Аннан балага чирли башлагач, кендек эбисен тизрәк китерәләр. Теләкләр тели ине, котлый атасын-анасын. Минем эни дә килгән ине. Кендек эбигә сөенеч бүләкләрен ул бирде. Яулык ине ул вакыт. Бала тапкан хатын, сабий хәлле калса, шунда ук бирәләр. Анасын имә баишласа, бала рәтле була ине. Аны кендек эби дә, сабийның үз эбисе дә авызландыра ала. Кендек эби көтеп тормый китсә, эбисе бал каптыра. Теләкләр тели. Кем нинди теләк әйтә ала, шуны тели. Мин оныкларыма: Бәхетле бул, ризыклы бул, корычтай нык, чырышдай төз, каендай сыгылмалы булсын! Бар саның сан булып, Этәй-инәле булып үсәргә насыйп булсын! Бабаңны бабаң диң, эбине эби диң, Олыларны олы ит, кечеләрне кече ит! Бәхеттең ташып торсын, Дәртең кайнап торсын, Арысландай гайрәтле, Лачынай житез бул! – дип теләдем (Шәрипова Фагыймә Хәбиб кызы, 1929 елгы, Әсәй авылы).

(В деревне есть повитухи, их знает каждый. Перед рождением ребенка их держат в курсе о состоянии роженицы. Затем, когда начинаются схватки, повитуху срочно вызывают. Заранее готовят все необходимое. Готовят ножницы, которые накаливают на костре, чтобы перерезать пуповину. Чтобы укутать ребенка, стирают рубашку отца. Повитуха указывает принести теплую воду, кумганы, растирает тебе живот и регулирует дыхание. Она знает, как именно ребенок родиться будет. Если ребенок задом располагался, то аккуратно поворачивала его и не травмировала. Потом чистыми, заранее подготовленными ножницами перерезают пуповину, быстро моют и протирают йодом, про другие действия не могу сказать. Если ребенок не кричит, то его бьют руками по спине, чистят слизь изо рта, если не дышит, то ложки в рот засовывали раньше. Затем пеленают ребенка в чистую отцовскую рубашку. Дожидаются выхода плаценты, ее полоскает повитуха. Некоторые люди хоронят плаценту под

определенным деревом. Повитуха все дела делает с молитвой. Желает всего хорошего, поздравляет родителей. Моя мама тоже приходила [когда я родила]. Повитухе дарила подарки, в то время это был платок. Роженице ребенка сразу дают, если все с ним хорошо. Если ребенок берет грудь, ест, то все с ним хорошо. Прикармливать его может как повитуха, так и собственная бабушка малыша. Если повитуха уже ушла, то бабушка прикармливает мёдом. Желания загадывает. Кто какое желание хочет, такое и желает. Я внукам желаю: Будь счастлив, будь сыт, / Крепким как сталь, стройным как ель, / Гибким, как береза! / Все органы чтобы были здоровы, / Пусть тебе суждено вырасти с отцом и матерью! / Уважай дедушку и бабушку, / Уважай и взрослых, и детей! / Пусть счастье и задор переполняют тебя, / Будь как лев могучий, / И ловок, как сокол!». (Шарипова Фагима Хабибовна, 1929 г. р., Азнакаевский район, д. Асеево) [Хафизова, 2022, с. 94–95]. Отметим, что информант на основе традиционных образов татарского фольклора (береза, ель, лев, сокол) сочиняет своё благопожелание, добавляя к этому ряду редкий символ – сталь. В художественных ремёслах татар по причине запрета на производство «инородцами» металлов горячим способом и разрешения изготавливать из металла предметы только бытового назначения в качестве материала фигурировали медь, бронза, латунь, серебро, золото [Сулейманова-Валеева, 2011], в словесном творчестве прочнее закрепились концепты «золото», «серебро».

Хранение пуповины в доме, согласно татарскому поверью, укрепляло связь ребёнка со своим родным домом, символизируя нерасторжимость родственных уз. В татарском фольклоре есть выражение, относящееся к семантике связи человека и места рождения, – «кендек каны тамган жир» – земля, куда капнула кровь пуповины [Закирова, 2017, с. 35].

О других магических приёмах рассказала информант Галия Хаева:

«Элегрэк кендекне корьән эченә тыгып куя торганнар ыйы. Яңадан муллалар ғйтә торган ыйы, ул айберне сакламагыз, сихер ясаулары бар, бозым ясарга мөмкиннәр, – дип. Шуның өчен аны күмәргә кушалар ыйы. Әле элегрэк заманнарда, минем үземнең әни 1921 нче елгы, аның кендеген бабай корьән эчендә саклаган. Бабайның әтисе зур мулла булган, Госман мулла. Госман бабай ғйткән, Әбелкасыым улым, кендекне болай саклама, кыз бала ул, аңарга бозым ясаулары бар, син аны кеше йөрми торган урынга күм, жүнсез кешеләр кулына элкмәсен, дип». (Хаева Галия Малик кызы, 1949, Азнакай районы Сәпәй авылы).

«В старые времена в качестве места для хранения пуповины использовали книгу Корана. Но муллы говорили: "Нельзя так делать, эта вещь может навести порчу" и советовали захоронить пуповину. Еще раньше мой дедушка пуповину своей родившейся в 1921 году дочери, моей мамы, хранил внутри Корана. Отец деда по имени Гусман бабай был авторитетным муллоу, и он тоже предупреждал сына: "Не храни пуповину в Священной книге, Абулькасим, для девочек это очень опасно, лучше закопай пуповину в тайном месте, чтобы она не попала в руки злых людей» (Хаева Галия Маликовна, 1949, Азнакаевский район, с. Сапеево).

Полученная от прикиских татар информация является дополнительным подтверждением того факта, что в повседневной жизни не всегда архаическая традиция вбиралась и адаптировалась, исходя из целей новой, исламской веры, хотя аргументация консервативных мусульманских священнослужителей также носила следы древней веры в магию. А. Бустанов отмечает случаи, когда магия природного, телесного объекта заменялась магией книжного слова. Интеллектуальное духовенство предлагало в качестве амулетов тексты вокруг использования букв, чисел; выдержек из оккультных сочинений арабских, османских суфиев, изречений из Корана [Бустанов, 2022].

Примечательно, что и народная среда пыталась осуществить контаминацию, соединяя на равных правах старое и новое: обычай хранения предмета, жизненно важного для всего рода согласно языческой традиции, с одной стороны, и культурного новшества – сакральной книги исламского вероучения, с другой стороны. Запретные для татар железо, сталь включались в родинные обряды и в круг метафор, характерных для фольклорных текстов, сопровождавших обрядовые действия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиева, Г. Т. Обряды и ритуалы, связанные с рождением ребёнка у сибирских татар юга Тюменской области / Г. Т. Бакиева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015, № 1 (28). – С. 126.
2. Баязитова, Ф. С. Себер ареалы татар диалектларында этнокультура лексикасы: йола һәм мифология текстлары ясылыгында / Ф.С. Баязитова. – Казан: Алма-Лит, 2010. – С.181, 184.
4. Брусько, З. М. Фольклор семейно-бытовой обрядности татар: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / З.М. Брусько. – Казань, 2012. – С. 9–13
6. Бустанов, А. О перспективах оккультного поворота в российском исламоведении / А. Бустанов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2022, Т. 40, № 2. – С. 218–258.
7. Закирова, И. Г. Әүвәл башлап ни бетте / И.Г. Закирова. – Казан: ТӘһСИ, 2017. – С.105–106.

8. Закирова, И. Г. Роль повивальных бабок в духовной жизни татарского народа (на материале экспедиций в районы компактного проживания татар) / И.Г. Закирова // Вестник КазГУКИ. – 2017, № 3 – С. 35.

11. Сулейманова-Валеева, Г. Ф. Художественные промыслы и ремёсла татар в XIX веке / Г. Ф. Сулейманова-Валеева // Гасырлар Авазы – Эхо веков. – 2011, № 3-4, С. 44–45.

12. Урманче, Ф. И. Татар халык ижаты / Ф.И. Урманче. – Казан: Мәгариф, 2005. – Б. 49-50; см. также: Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление / Е.Д. Турсунов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 23.

13. Хафизова, Г. С. Татарстан Республикасының Азнакай районы татар авылларында бала табуга бәйле йола фольклорының бүгенге торышы / Г.С. Хафизова // Фәнни Татарстан. –2022, № 4(36). – С. 94–95.

УДК 372.881.161.1

Современные эффективные практики в преподавании РКИ

Хнаева В. А., Южный федеральный университет, преподаватель, Россия

В настоящий момент актуален вопрос поиска новых практик и методик преподавания русского языка как иностранного, нацеленных не только на непосредственное вовлечение студента в образовательный процесс и освоение им русского языка, но и отвечающих задаче облегчения процесса интегрирования иностранного студента в новую среду. Актуальной является проблема привлечения внимания студента к занятиям, так как процесс овладения языком происходит быстрее и эффективнее в тех группах обучающихся, которые увлечены занятием. С целью решения данной проблемы предлагается комбинирование и расширение уже существующих методик преподавания. Так, в рамках коммуникативной методики мы предлагаем использовать креолизованные тексты в формате Интернет-мемов на русском языке с целью обучения лексике, развития разговорных навыков и поддержания интереса к образовательному процессу среди иностранных обучающихся.

Современное общество сегодня во многом полагается на использование компьютеров. Так, например, очень многие сферы жизни человека связаны с социальными платформами и сообществами. Интернет выступает сегодня общедоступной платформой для коммуникации или профессионального общения. Новое средство информации принесло с собой и новые механизмы восприятия. Соответственно, каждый иностранный учащийся пользуется различными видами социальных сетей, где сталкивается с Интернет-мемами, которые включают с себя разговорную лексику и различные средства художественной выразительности. Понимание подобного контента вызывает трудности у иностранных учащихся. Мы предлагаем использовать Интернет-изображения на занятиях по обучению лексике русского языка.

При отборе практического материала мы руководствовались следующими принципами: во-первых, востребованностью подобных текстов среди обучающихся; во-вторых, наличием в иллюстрированных текстах лексики, сложной для понимания иностранными студентами.

Первое упоминание термина «мем» связано с монографией Ричарда Докинза 1982 года «Эгоистичный ген», в которой автор выдвинул идею о «концепции «репликатора», способного создавать свои копии, применительно к социокультурным процессам». Термин «мем» Р. Докинз предложил в связи с тем, что данное слово созвучно с лексической единицей «ген». По его мнению, через призму мема можно рассматривать формирование культурной и исторической среды людей, как и через анализ генофонда человека можно узнать о его происхождении [Докинз, URL]. Впоследствии Д. Рашкофф положил начало лингвистической теории меметики, развив идеи своего предшественника: так, согласно работам Дугласа Рашкоффа, мем в языке «действует подобно вирусу, «заражая» носителей и получая распространение в человеческой среде» [Рашкофф, 2003, с. 10–150]. Так, мем является «вирусной» языковой единицей, он быстро распространяется среди пользователей, благодаря чему становится популярным.

Непосредственно при создании Интернет-мемов авторы, как правило, используют лексику неофициального стиля речи и такие тропы как: метафора, олицетворение, гиперболы, сравнение, олицетворение, аллюзия и каламбур.

Так, для иностранных студентов третьего курса филологического и журналистского направлений были проведены занятия в рамках темы «закрепление и повторение средств художественной выразительности русского языка, а также знакомство с современной лексикой русского языка».

Уровень владения русским языком учащихся: В1–В2.

В качестве материала с целью вызвать у студентов интерес к занятию были подобраны тексты в форме Интернет-мемов, соответствующие заявленной теме.

[Изображение 1, URL]

[Изображение 2, URL]

[Изображение 3, URL]

Обучающиеся в количестве 25 человек были поделены на группы, каждой группе были предложены на рассмотрение и выполнение задания, связанные с выявлением средств художественной выразительности в представленных текстах.

В приведенных ниже ответах учащихся сохранены авторские грамматические, стилистические и лексические неточности:

Задание 1. В прямом или переносном значении используется прилагательное «полный» в данном тексте?

Ответ: Я думаю, что во верхней картине “полный” значит в прямом, просто круглая луна. А в низкой картине “полный” используется прилагательное, значит “луна толстеет”. В переносном, означает что луна полностью освещенная.

Задание 2. Посмотрите на изображение. Как вы понимаете высказывание «окружен, но не сломлен», основываясь на данном изображении?

Ответ: Я думаю, что так как картина, просто окружает и кроме смотрит ничего не делать. Больше сломает душу, чем тело. Окружен но не сломан – человек который не сдаётся.

Задание 3. В прямом или переносном значении употреблено выражение «зима на носу»? Как вы понимаете это высказывание?

Ответ: “Зима на носу” это словосочетание используется прилагательное, значит снег сыпается на носу, поэтому могут чувствовать мороз, знают зима наступила. Зима на носу – скоро наступит зима (переносное значение).

Учащиеся повторили и закрепили тему «средства художественной выразительности, современная лексика русского языка», анализируя взаимосвязь вербального и невербального компонентов текстов. Для ответов студентов филологических направлений обучения характерен взгляд на КТ со стороны их специальности, они разобрали предлагаемые задания через призму социальных проблем общества.

Будущие журналисты отвечали на вопросы, опираясь на собственный опыт взаимодействия с Интернет-мемами, и предоставляли более развернутые комментарии.

Таким образом, мы можем использовать тексты в формате Интернет-мемов на занятиях по РКИ с целью развития коммуникативных навыков учащихся

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз – URL: <https://enc-medica.ru/wp-content/uploads/Р.Докинз-Эгоистичный-ген.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).
2. Изображение 1 – URL: https://sun2-4.userapi.com/imp/дNMTTAI_EM_6aK6xK7FVkh86ZI9s1sCqg2q6bg/a3uaBgkwxHs.jpg?size=465x604&quality=96&sign=4f3678d7f72d5a661f3a0f65a99531ce&type=album (дата обращения: 20.11.2022).
3. Изображение 2 – URL: https://sun9-72.userapi.com/imp/TCIC7yeKoflSz5o_FXEIlVaVzc6CAmMJVLuXkA/YQ1oBke3R78.jpg?size=604x370&quality=96&sign=216a38795b6ec3ad11c2c0ea2b2e60af&type=album (дата обращения: 20.11.2022).
4. Изображение 3 – URL: https://sun9-9.userapi.com/imp/92zmQj2Z-FWNd95Na6QE-HCaEusM_ddIDMIC8A/W4gWc7Zt2oc.jpg?size=590x369&quality=96&sign=f0eeb171afae452121f4cf3771336be&type=album (дата обращения: 20.11.2022).
5. Рашкофф, Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. – Ультра. Культура, 2003. – 368 с.

Лингвокультурная специфика концептуальной оппозиции «свой – чужой» в немецкоязычном политическом дискурсе*Чабанная А. Г.*, Северо-Кавказский федеральный университет, аспирант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н., доцент, профессор Каменский М. В., Россия

В современном мире в условиях глобализации отмечается возрастание влияния средств массовой информации. Одной из важных сфер деятельности человека является политическая коммуникация. Нестабильная мировая обстановка, события, происходящие как внутри одной страны, так и между ними, становятся причинами увеличения количества текстов и выступлений политической направленности. Несомненно, в таких условиях политический дискурс представляется неотъемлемым элементом информационной жизни общества. Выступления политиков направлены на убеждение получателей информации, манипулирование аудиторией, что становится возможным при использовании разных способов речевого воздействия. При этом употребление языковых приемов зачастую обусловлено лингвокультурологическими особенностями. Данное утверждение позволяет говорить об актуальности предпринятого исследования, направленного на установление лингвокультурной специфики бинарной концептуальной оппозиции «свой – чужой» в немецком политическом дискурсе.

Под политическим дискурсом Е. И. Шейгал понимает любые речевые образования, в которых представлена информация, относящаяся к политической сфере [Шейгал, 2004, с. 121]. С. Н. Колесникова рассматривает политический дискурс как специфическую разновидность, так как его цель заключается в завоевании и сохранении политической власти [Колесникова, 2011, с. 68]. Д.В. Шапочкин дает определение политическому дискурсу с учетом когнитивного аспекта. Так, данный вид дискурса, по его мнению, представляет собой особую знаковую систему национального языка, которая используется в политической коммуникации для воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для обоснования социальных и политических решений в условиях существования разных точек зрения в социуме [Шапочкин, 2019, с. 58].

Безусловно, необходимость в борьбе за власть находит отражение в политическом дискурсе. Политики используют речевые приемы и языковые средства, которые позволяют манипулировать сознанием реципиентов информации. Немаловажным фактором представляется учет восприятия получателей информации, которое во многом ориентировано на их культуру. Так, например, В. З. Демьянков отмечает, что успех политической речи зависит от используемых политиками символов, которые понятны массовому сознанию [Демьянков, 2002, с. 37]. Таким образом, одним из инструментов речевого воздействия в политическом дискурсе следует считать концепты, характерные для той лингвокультуры, в которой происходит коммуникация.

Опираясь на исследования С. Г. Воркачева, отметим, что концепт является основной единицей лингвокультурологии и представляет собой вербализованный культурный смысл. Концепт является семантической единицей «языка» культуры, который выражается в виде двустороннего языкового сигнификата, линейное распространение которого, в принципе, неограниченно [Воркачев, 2005, с. 76].

Следует отметить, что политическом дискурсе нередко используются концептуальные оппозиции, что обусловлено главной целью данного вида дискурса, которая заключается в оказании влияния на получателя информации. Употребление бинарной оппозиции позволяет подчеркнуть преимущества политика и достоинства проводимых им действий.

Под концептуальной оппозицией мы, вслед за М. Д. Невинской, понимаем бинарную оппозицию концептов, которые находятся между собой в отношениях противоположности [Невинская, 2006, с. 8]. В свою очередь В. М. Куприянова рассматривает оппозицию как структурную единицу культуры или принцип организации образа мира носителей культуры [Куприянова, 2001, с. 66].

Опираясь на исследования С. В. Ивановой, одной из лингвокультурологических категорий следует считать оппозицию «свой – чужой» [Иванова, 2008, с. 32]. Данная концептуальная оппозиция находит свое отражение политическом дискурсе, что связано с необходимостью разграничить политических деятелей по принципу принадлежности к кругу говорящего и подчеркнуть разницу с теми, кто входит в концептуальное поле «чужой».

Н. А. Свердлова подчеркивает, что процесс глобализации выдвигает на первый план ряд вопросов межкультурной коммуникации. Автор отмечает, что человек в данных условиях вовлечен в отношения, необходимые для решения коммуникативных задач. В процессе межкультурного взаимодействия происходит ситуация, которая Н. А. Свердловой описывается следующим образом: «новая, иная, чужая реальность нарушает заданные «своей» культурой рамки и нормы» [Свердлова, 2018, с. 62]. Таким

образом, в ходе общения происходит сравнение своей культуры и другой, отличной от родной, что приводит к формированию в сознании человека бинарной оппозиции «свой – чужой».

Т. С. Падерина отмечает, что бинарная концептуальная оппозиция «свой – чужой» рассматривается как одно из наиболее значимых средств, которые определяют особенности взаимодействиями между представителями разных культур [Падерина, 2022, с. 133]. А. А. Леглер трактует исследуемую концептуальную оппозицию как парное когнитивно и концептуально значимое противопоставление явлений действительности, которое реализуется лексическими антонимами [Леглер, 2011, с. 8].

Таким образом, оппозиция «свой – чужой» подразумевает использование антонимов, зачастую с добавлением положительной коннотации к тому, что определяется как «свое», и с отрицательной эмоциональной нагрузкой для «чужого». Данный способ оказывает суггестивное воздействие на получателя информации, позволяя изменить точку зрения, поведение и отношение адресата.

В современном немецкоязычном политическом дискурсе отмечается частое использование концептуальной оппозиции «свой – чужой». Нами проанализированы речи канцлера Германии Олафа Шольца за декабрь 2022 года – март 2023 года, представленные на официальном сайте Федерального правительства Германии. В ходе работы выявлено, что под «своим» в немецком политическом дискурсе рассматривается Германия и Европейский союз. Концепт «чужой» используется для обозначения России и президента РФ В.В. Путина.

Следует подчеркнуть, что распространено использование эпитетов с отрицательной коннотацией при описании России и с положительной – для Германии. Отметим, что страны, которые не входят в Европейский союз, рассматриваются как «чужие» для Германии, несмотря на сотрудничество. В данном случае контекстуально отмечается употребление таких лексических единиц, которые показывают преимущество Германии над ними. Заметим, что эпитеты, используемые с лексическими единицами концепта «свой», являются словами с положительной коннотацией, в то время как концепт «чужой» формируется с использованием лексики с отрицательной эмоциональной окраской. Данные утверждения можно продемонстрировать примерами из речей О. Шольца, представленными в таблице ниже:

Таблица 1. Использование оппозиции «свой – чужой» в немецком политическом дискурсе

«свой»	«чужой»	Источник
<p>Das Erste ist, dass wir uns klare Ziele und auch Etappenziele setzen. Das machen wir mit der Deutschen Nachhaltigkeitsstrategie, <...>.</p> <p>(Во-первых, мы ставим перед собой четкие цели, а также поэтапные задачи. Мы делаем это с помощью Немецкой стратегии устойчивого развития, <...>).</p>	<p>Russlands brutaler Angriffskrieg auf die Ukraine, Putins Einsatz von Energie als Waffe, all das bestärkt uns darin, dabei noch schneller <...> vorzugehen.</p> <p>(<i>Жестокая агрессивная война России</i> против Украины, использование Путиным энергии в качестве оружия – все это побуждает нас действовать еще быстрее <...>).</p>	<p>Rede von Bundeskanzler Scholz zum 15. Deutschen Nachhaltigkeitspreis am 2. Dezember 2022 in Düsseldorf [URL: https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-zum-15-deutschen-nachhaltigkeitspreis-am-2-dezember-2022-2148954]</p>
<p><i>Wachstum und Fortschritt</i> sind in uns angelegt, aber nicht als ein Weniger, sondern vor allem als <i>smarter und besser</i>.</p> <p>(<i>Рост и прогресс</i> заложены в нас, но не как меньшее, а прежде всего, как <i>более умное и лучшее</i>).</p>	<p>Und noch einen Grund gibt es, warum Verzicht in einer klimaneutralen Welt uns dem Erreichen der Entwicklungsziele nicht wirklich näherbringt: Die Staaten Afrikas, Asiens, Lateinamerikas und der Karibik werden nicht auf ihr gutes Recht verzichten, <i>Wohlstand</i> zu erreichen, wie er <i>für uns selbstverständlich ist</i>. (И есть еще одна причина, по которой отказ от участия в климатически нейтральном мире на самом деле не приближает нас к достижению целей в области развития: государства Африки,</p>	

	<p>Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна не откажутся от своего справедливого права на достижение процветания, которое является для нас естественным).</p>	
<p>Denn mit dem heutigen Tag wird Deutschland und wird auch die Europäische Union ein großes Stück <i>sicherer und unabhängiger</i> (Потому что с сегодняшнего дня Германия и Европейский Союз станут намного <i>безопаснее и независимее</i>).</p>	<p>Russlands Präsident Putin hat geglaubt, er könne uns erpressen, indem er uns die Gaslieferungen abdreht. <...> Wir übernehmen auch Verantwortung für unsere europäischen Nachbarn, die keine Küsten haben <...> (Президент России Путин считал, что сможет нас шантажировать, перекрыв поставки газа. <...> Мы также берем на себя ответственность за наших европейских соседей, у которых нет берегов <...>).</p>	<p>Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich der Eröffnung des LNG-Terminals am 17. Dezember 2022 in Wilhelmshaven Samstag [URL: https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-anlaesslich-der-eroeffnung-des-lng-terminals-am-17-dezember-2022-in-wilhelmshaven-2154356]</p>
<p>Nach der deutschen Wiedervereinigung und nach dem Ende der Diktatur in Chile ist <i>unsere Freundschaft</i> noch enger geworden, auch dank vieler Chileninnen und Chilenen, die <i>in Deutschland in der Zeit der Militärdiktatur im Exil waren und mit deutschen Stipendien studieren konnten</i> (После воссоединения Германии и падения диктатуры в Чили <i>наша дружба</i> стала еще более тесной, в том числе благодаря многим чилийцам, <i>находившимся в изгнании в Германии во время военной диктатуры и получившим возможность учиться по немецким стипендиям</i>).</p>	<p>Das haben uns die Pandemie, die Lieferkettenprobleme und die Folgen des russischen Angriffskriegs gegen die Ukraine gelehrt. (Пандемия, проблемы с цепочками поставок и последствия агрессивной войны России против Украины научили нас этому).</p>	<p>Rede von Bundeskanzler Scholz beim Deutsch-Chilenischen Wirtschaftsforum am 30. Januar 2023 [URL: https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-beim-deutsch-chilenischen-wirtschaftsforum-am-30-januar-2023-2161408]</p>
<p>Aber ich kann alle beruhigen: Deutschland wird auch in Zukunft ein Land sein, das davon getragen wird, dass hier gearbeitet wird. Es wird auch in Zukunft ein <i>Industriestandort mit großer globaler Wettbewerbsfähigkeit</i> bleiben (Но я могу всех успокоить: Германия и в будущем будет страной, которой выгодно, чтобы здесь работали. В будущем она останется <i>промышленной площадкой с высокой глобальной конкурентоспособностью</i>).</p>	<p>All das hat nicht stattgefunden, weil wir schnell und zügig reagiert haben auf den <i>furchtbaren Angriffskrieg</i>, den Russland gegen die Ukraine begonnen hat <...> (Все это произошло не потому, что мы быстро и оперативно отреагировали на <i>ужасную агрессивную войну</i>, которую Россия начала против Украины <...>).</p>	<p>Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich der Betriebsversammlung der Volkswagen AG am 16. Februar 2023 in Wolfsburg [URL: https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-anlaesslich-der-betriebsversammlung-der-volkswagen-ag-am-16-februar-2023-in-wolfsburg-2166176]</p>

<p>Wir haben in Europa die Hoffnung gehabt, dass <i>die Freiheit und die Demokratie</i> sowie die <i>Unverletzbarkeit der Grenzen</i> dazu beitragen, dass wir ein <i>freies Europa</i> erleben <...> (В Европе мы надеялись, что <i>свобода, демократия</i> и <i>неприкосновенность границ</i> помогут нам создать <i>свободную Европу</i> <...>).</p>	<p>Aber das ist auch die Wahrheit: Mit Russlands <i>Angriffskrieg</i> gegen die Ukraine sind <i>revanchistische, imperialistische Aktivitäten</i>, ein <i>furchtbarer Krieg</i>, wieder Realität in Europa geworden (Но это также правда: с <i>агрессивной войной</i> России против Украины <i>реванистская, империалистическая деятельность, ужасная война</i>, снова стали реальностью в Европе).</p>	<p>Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich des Jahresempfangs des Bundes der Vertriebenen am 28. März 2023 in Berlin [URL:https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-anlaesslich-des-jahresempfangs-des-bundes-der-vertriebenen-am-28-maerz-2023-in-berlin-2182100]</p>
--	---	---

Таким образом, политический дискурс, являясь одним из важнейших инструментов власти, ориентирован на взаимодействие с аудиторией, а именно на воздействие и манипулирование реципиентами информации. Для более эффективного воздействия политики должны ориентировать свою речь на культурно маркированное восприятие слушающих. Иными словами, им необходимо апеллировать к важным ценностям, которые преобладают в данной лингвокультурной общности. В немецкоязычном политическом дискурсе преобладает использование бинарной концептуальной оппозиции «свой – чужой», где «своим» считается непосредственно Германия и Европейский союз, а «чужим» рассматриваются Российская Федерация и европейские страны, не входящие в ЕС. В качестве перспектив настоящего исследования отметим, что предпринятый анализ концептуальных оппозиций позволит найти способы противодействия речевому манипулированию со стороны других государств.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев, С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76–83.
2. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – М., 2002. – № 3. – С. 32–43.
3. Иванова, С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып.1 (24). – С. 29–33.
4. Колесникова, С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация / С. Н. Колесникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). Вып. 60. Филология. Искусствоведение. – С. 67–69.
5. Куприянова, В. М. Культурная оппозиция: методы и задачи исследования / В. М. Куприянова // Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Материалы научно-методической конференции. 16 января 2001 года, Санкт-Петербург. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. Серия «Symposium». – СПб.: 2001. – Выпуск 11. – С. 65–68.
6. Леглер, А. А. Особенности вербализации бинарно-понятийной оппозиции «свои- чужие» в художественной публицистике Гюнтера Вальрафа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. А. Леглер. – Ставрополь, 2011. – 22 с.
7. Невинская, М. Д. Концептуальная оппозиция «народ-власть» в политическом дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / М. Д. Невинская. – Волгоград, 2006. – 20 с.
8. Официальный сайт немецкого правительства. – URL: <https://www.bundeskanzler.de/> (дата обращения: 10.03.23)
9. Падерина, Т. С. Социолитингвистические аспекты оппозиции «свой – чужой» (на материале немецкой художественной литературы) / Т. С. Падерина. – URL: https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_132 (дата обращения: 02.03.23)
10. Свердлова, Н. А. Формирование бикультурного билингва в свете концепций языковой картины мира // Векторы развития филологии в контексте модернизации современного филологического образования. – М., 2018. – С. 59–64.
11. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография / Д. В. Шапочкин. Министерство науки и высшего образования РФ; Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019. – 292 с.

УДК 372.881.161.1

О пособии по работе с видеосюжетами «Детские мультфильмы – недетские вопросы» (на материале мультсериала «Смешарики»)

Чарыкова И. А., Южный федеральный университет, старший преподаватель, Россия

Варданян М. В., Южный федеральный университет, преподаватель, Россия

Использование аудиотекстов и видеотекстов на уроках русского языка как иностранного давно доказало свою эффективность, ведь поскольку это дает возможности для углубления знаний о культуре страны изучаемого языка и развития навыков всех видов речевой деятельности. «Благодаря большой информативности зрительно-слухового ряда, а также динамичности изображения видеокурс является весьма эффективным средством обучения» [Ионова, 2013, с. 5]. Однако использованию аутентичных видеоматериалов до сих пор не уделяется должного внимания на уроках РКИ. Грамотная работа с аутентичным видеоматериалом, его подбор и методическая интерпретация позволяет при целесообразном использовании в учебном процессе достичь высокого качества аудитивных умений и способствует развитию коммуникативных навыков студентов вследствие того, что такой материал ориентирован на живое общение.

Данное пособие «Детские мультфильмы – недетские вопросы» направлено на работу с аутентичными видеотекстами на уроках русского языка в иностранной аудитории. В качестве видеосюжетов используется серии мультсериала «Смешарики». Пособие ориентировано на студентов, изучающих русский язык и владеющих русским языком на уровне В1. В основу пособия положен тематический принцип, пособие состоит из четырех тематических групп, в каждой из которых размещено по 3 урока. Итак, в пособие включены видеоматериалы по следующим тематическим группам: «Личные взаимоотношения», «Культура», «Экология» и «Наука». Для работы над темой «Личные взаимоотношения» мы предлагаем использовать серии «Зачем нужны друзья», «Лили», «Утерянные извинения». При изучении темы «Культура» – «Реалист», «Масленица», «Традиция». В тему «Экология» вошли серии «Красная книга», «Маленькое большое море», «Вишневый сад». И, наконец, в тему «Наука» – «Двигатель прогресса», «Телеграф», «Космическая одиссея».

Серии мультсериала «Смешарики» подходят для использования в продвинутой группе студентов, длительность серии составляет 6–7 минут, что отвечает требованиям к предъявляемым материалам на продвинутом уровне изучения языка, на этом «этапе обучения длительность просмотра не должна превышать 5–10 минут» [Матвеевко, 2012, с. 2]. Мультсериал динамичен и юмористичен, что помогает поддерживать заинтересованность студентов во время работы с материалом. Кроме того, в «Смешариках» затрагиваются сложные, порой, даже философские вопросы, которые будут интересны для обсуждения людям разного возраста, что дает большой простор для обсуждений и дискуссий. В мультфильме используются лексические конструкции разговорного характера, это помогает подготовить студентов к реальной, живой коммуникации с носителями языка. Видеоматериал превращает учебную работу в удовольствие, включает эмоции интереса и активизирует работу произвольной памяти.

Все уроки пособия «Детские мультфильмы – недетские вопросы» выстроены по одной структуре:

1. Предварительная беседа.

Предварительная беседа помогает ввести контекст обсуждаемой темы, а также служит для вовлечения студентов в работу над видеосюжетом.

Здесь нами предлагаются следующие задания:

Прочитайте название серии мультфильма «Смешарики» и дополнительную информацию. Как вы думаете, о чем будет этот мультфильм?

«Красная книга»

Красная книга – список редких и находящихся под угрозой исчезновения или исчезнувших животных, растений и грибов.

2. Знакомство с героями мультфильма.

На этом этапе мы знакомим студентов с героями мультфильма, представленными в этой серии.

3. Знакомство с новой лексикой.

В нашем пособии семантизация новой лексики осуществляется тремя способами: при помощи визуальных средств, описательным способом и по контексту употребления.

Здесь мы предлагаем следующие задания:

Соотнесите понятие и картинку.

Прочитайте определение слова, постарайтесь понять его значение: «Заповедник – место, где живут редкие животные».

Прочитайте пример словоупотребления, постарайтесь понять значение слова: «Я получаю настоящее удовольствие от своей работы, потому что люблю свою работу».

4. Первый просмотр мультфильма.

Далее в пособии предлагается приступить к первому просмотру мультсериала. Мы демонстрируем видеосюжет сразу же после знакомства с новой лексикой, поскольку убеждены, что длительная подготовительная работа перед просмотром может снизить познавательную активность и заинтересованность студента. После первого просмотра студентам необходимо ответить на простой вопрос по содержанию мультфильма.

5. Лексические упражнения.

Далее работа над видеосюжетом предполагает закрепление лексического материала, для этого используются различные типы упражнений, например:

Подберите однокоренные слова.

Найдите синонимы к словам, используя слова для справок.

Прослушайте отрывок мультфильма, вставьте пропущенные слова.

Отметим также, что в мультфильме «Смешарики» зачастую используются эмоционально-экспрессивные выражения разговорного характера, которые в пособии отрабатываются в диалогических единствах.

Например,

Ответьте на реплику, выразив определенную эмоцию

Образец: (недовольство)

А: Говорят, что люди каждый год выбрасывают в океан почти 9 миллионов тонн пластика!

Б: Конца и края не видно этому пластику! Люди должны заботиться о природе.

(неуверенность)

А: Ученые подсчитали, что к 2025 году в океане будет 250 миллионов тонн пластика!

Б: -

6. Второй просмотр мультфильма.

7. Задания, проверяющие понимание просмотренного мультфильма.

После второго просмотра мультфильма осуществляется проверка понимания студентами просмотренного видеосюжета, «контроле нам важно в первую очередь узнать, как понимается звучащая речь, т.е. нас интересует комплексное овладение умениями и навыками аудирования» [Даниелян, 2021 с. 96]. Для этого в нашем пособии предлагается следующая система упражнений: *Правда / неправда (поиск правильных ответов)*.

Ответьте на вопросы.

Гестовые задания с множественным выбором.

8. Дискуссия по вопросам, затронутым в мультфильме.

Обязательным элементом работы над видеосюжетом является дискуссия по проблемам, затронутым в мультсериале. В пособии предлагаются различные формы организации дискуссии: дебаты, перекрестная дискуссия, игра «Джеффа», мозговой штурм. Такие формы дискуссий позволяют не только развивать речевые навыки студентов, но и способствуют формированию критического мышления.

9. Творческое задание.

Пожалуй, отличительной чертой пособия являются задания, направленные на развитие творческого потенциала учащихся. Развитие творческих способностей на уроке РКИ решает некоторые дидактические задачи, такие как закрепление материала, который был изучен на занятиях в аудитории, систематизация полученных знаний и самостоятельное овладение новыми навыками.

В качестве заданий, служащих развитию творческого потенциала в нашем пособии представлены, например:

Создайте памятку об основных правилах экологичной жизни.

Создайте свою Красную книгу.

Пособие по работе с видеосюжетами «Детские мультики – не детские вопросы» было апробировано на занятиях в рамках Недели академической мобильности весной 2022 года. В экспресс-курсе приняли участие студенты 3 курса Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Академии биологии и биотехнологии им. Д. И. Ивановского, Академии физической культуры и спорта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Даниелян, М. Г. Формирование речевых умений и навыков при аудировании в процессе обучения РКИ / М. Г. Даниелян // БГЖ. – 2021. – № 1 (34). – С. 94–97.
2. Зимняя, И. А. Психология обучения неродному языку (на материале русского языка как иностранного) / И. А. Зимняя. М.: Просвещение, 1989. – 220 с.
3. Ионова, Н. А. Особенности использования аудио- и видеокурсов при обучении русскому языку иностранных учащихся подготовительного отделения / Н. А. Ионова // Гуманитарный вестник. – 2013. – вып. 2 (4). – С. 1–11.
4. Матвеевко, В. Э. Применение аудиовидеосредств на занятиях по русскому языку как иностранному / В. Э. Матвеевко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 4. – С. 1–4.

УДК 81`25

Легенда о Гань Цзяне в редакции Лу Синя и в русских переводах: текстологические дилеммы и альтернативы

Чжан Х., Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова, аспирант, Китай

Научный руководитель: к.ф.н., доцент, Умеров Ш. Г., Россия

Лу Синь (1881–1936) – великий китайский писатель, занимающий «крупнейшую территорию на карте культуры Восточной Азии XX века» [Ким Ляншоу, 2005]. Он был одним из лидеров Движения за новую культуру, которое ориентировалось на передовые идеи современности. В 1918 году Лу Синь опубликовал «Дневник сумасшедшего» – первый в китайской литературе рассказ на *байхуа* (живом разговорном языке).

Сборник «Старые легенды в новой редакции» (1932), в который вошли восемь переработанных Лу Синем легенд, также написан на *байхуа*. Художественно выразительный контраст к этому разговорному языку образуют отдельные словосочетания, фразеологизмы, топонимы, песни, воспроизведенные автором по-старокитайски, что побуждает читателя ощутить дистанцию прошедшего времени. Рассказ «Меч», переводы которого рассматриваются в данной статье, содержит четыре стихотворные песни на старокитайском языке.

Этот рассказ написан в октябре 1926 года. История о мече основана на широко известной легенде о Гань Цзяне, который был убит по приказу царя Чу после того, как выковал для него волшебный меч. Спустя 16 лет сын оружейника Мэйцзяньчи отомстил за смерть отца. В изложении Лу Синя, легенда стала историей о том, как Мэйцзяньчи удалось добраться до царственного злодея и покарать его.

Первый русский перевод «Меча» принадлежит Л. Д. Позднеевой. Он вошел в «Собрание сочинений в четырех томах» под редакцией В. С. Колоколова, К. М. Симонова и Н. Т. Федоренко, выпущенное Гослитиздатом в середине пятидесятых годов, – наиболее репрезентативное издание произведений Лу Синя – и потом включался в различные сборники его прозы.

Любовь Дмитриевна Позднеева (1908–1974) продолжила дело отца – известного востоковеда, профессора Петербургского университета Д. М. Позднеева (1865–1937), трагически погибшего в годы сталинских репрессий. Многие годы она посвятила изучению наследия Лу Синя, защитила докторскую диссертацию «Творческий путь Лу Синя (1881–1936)». За монографию «Борьба Лу Синя за культуру новой демократии в Китае» ей в 1952 году была присуждена Ломоносовская премия. В 1957 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла ее книга «Лу Синь».

В 1989 году в томе «Избранного» Лу Синя рассказ «Меч» появился в новом переводе – Татьяны Николаевны Сорокиной (род. 1956), историка-синолога, доцента Омского университета, переводившей также произведения Ба Цзиня, Ай У, Лю Шаотана, Шэнь Жуна и др.

У Лу Синя рассказ первоначально назывался «Мэйцзяньчи», а позже, при подготовке сборника «Старые легенды в новой редакции», писатель дал ему другое название – «Ковка меча» (铸剑).

Обе переводчицы опустили иероглиф 铸 («ковка») и одинаково перевели название как «Меч». Действительно, согласно легенде, Гань Цзян был отомщен с помощью меча. Но Лу Синь художественно переосмыслил древний сюжет, дав ему, как и другим легендами, «новую редакцию», – глубоко метафорическую и метафизическую. По Лу Синю, ковка меча не закончилась в кузнице Гань Цзяня. Чтобы меч обрел чудодейственную силу для восстановления высшей справедливости, сын оружейника должен был пожертвовать собой, подставив под меч собственную голову, поэтому название «Меч», редуцирующее оригинал, несет в себе очевидное упрощение.

Рассказ состоит из четырех частей. В первой части мать рассказывает 16-летнему Мэйцзяньчи историю его отца, который был убит после того, как выковал меч для царя. Мэйцзяньчи исполняется решимости отомстить злодею. Обе переводчицы ограничились транслитерацией имени – Мэйцзяньчи. Однако имя юноши – говорящее, оно означает «один фут между бровями». Разумеется, это гипербола (китайский фут равен 33,33 сантиметрам). Являясь единственной характеристикой внешности, она подчеркивает необычность героя, настраивает на нечто выдающееся в его характере или судьбе. Трудно представить, какой иноязычный эквивалент можно было бы подобрать для такого имени, но простая транслитерация не создает у русского читателя никакого впечатления.

Кузнец сделал два меча. Один отвез царю, другой был спрятан для еще не родившегося сына. Сравним переводы.

– Это меч богатырский, – сказал он [жене], – спрячь его! А царю я снесу парный меч – послабее (пер. Л. Д. Позднеевой).

– Это мужской меч, – сказал он, – возьми его. Завтра я повезу царю только женский меч (пер. Т. Н. Сорокиной).

И в легенде, и в рассказе мечи-близнецы отличаются друг от друга по полу. Это точно передала Татьяна Сорокина. Замена «женского» меча на меч «послабее» у Л. Д. Позднеевой элиминирует мифологическую коннотацию оригинала.

Во второй части рассказывается о встрече Мэйцзяньчи с неким «черным человеком». Этот «худой, как железная палка, человек с черным лицом, черной бородой и черными глазами» (пер. Л. Д. Позднеевой) вступился за Мэйцзяньчи и помог ему избежать неприятностей. В третьей – описывается, как черный человек и Мэйцзяньчи вместе убили царя, а в последней – поведение наложниц, придворных и народа после смерти царя.

У Л. Д. Позднеевой и Т. Н. Сорокиной черный человек представляется царю по-разному:

– Меня прозвали Гулякой по пирам, я родился и вырос в деревне Срам (пер. Л. Д. Позднеевой);

– Вашего слугу зовут Янь Чжиао; я родился и вырос в деревне Вэньвэнь (пер. Т. Н. Сорокиной).

В оригинале его представление выглядит несколько иначе: «Янь Чжи-ао из деревни Вэньвэнь» (宴之敖 汶汶乡). «Янь Чжи-ао» – один из ранних псевдонимов самого Лу Синя (настоящее имя писателя – Чжоу Шужэнь). Собственное значение иероглифа «Янь» – «пир», отчего у Позднеевой появился «Гуляка по пирам». Но, как объяснял автор, в данном случае иероглиф «Янь» состоит из трех иероглифов. Их значение: «семья», «Япония», «женщина». Иероглиф «Чжи», оказавшийся у Позднеевой частью имени, является союзом и в китайском языке не имеет самостоятельного значения. Иероглиф «Ао» указывает на определенное действие, а в целом «Янь Чжи-ао» буквально означает «быть выгнанным из семьи японской женщиной». Эта решительная японка, согласно авторскому комментарию, была его невесткой (женой брата) [Сюй Гуанпин, 1951, с. 24].

Топоним «Вэнь», изобретенный Лу Синем (ни такой деревни, ни такого места в Китае нет), означает «неясный». Отчего-то Любовь Позднеева перевела его как «Срам». Транслитерация имени и топонима в переводе Сорокиной выглядит предпочтительнее.

Своему японскому ученику, переводчику с китайского, профессору Масуда Ватару (1903–1977) Лу Синь написал о рассказе «Меч»: «Я думаю, что в рассказе нет ничего сложного для понимания. Но следует отметить, что смысл песен там не очевиден, потому что их поют странные люди и головы, и обычные люди вряд ли это смогут понять» [Лу Синь, 2005, с. 386].

В русском переводе этот вопрос усложняется еще из-за того, что, как отмечалось в начале данной статьи, повествование в рассказе ведется на современном разговорном языке (*байхуа*), а песни даны по-старокитайски. Так Лу Синь обратил восприятие читателя к истокам древней легенды, положенной в сюжетную основу произведения, но передать этот художественный контраст в русских переводах пока не удалось.

Первую песню пронзительным голосом спел черный человек, когда, неся на спине голову Мэйцзяньчи и меч, шел к царской столице. В обоих переводах лирическое изливание ведется от первого лица, тогда как в оригинале – от третьего. Предположительно, это связано с тем, что в китайском языке нет спряжений глаголов по лицам и по времени и конкретная семантика определяется только в контексте, который в данном случае был понят неточно. У переводчиц в любви к мечу признается мститель (черный человек), хотя в оригинале речь идет о царе («тиране»). Они не учли, что мечей была два и царь, очень дороживший полученным чудо-оружием, распорядился убить кузнеца, дабы он не повторил свое изделие. В первой строке оригинала напоминается, как сильно царь любит свой меч, и слышится мотив ревности. О втором мече, «мужском», до поры надежно спрятанном от посторонних глаз, царь не ведал.

Следует отметить, что и для современного китайского читателя это строка составляет трудность. Об этом пишет, например, профессор Дуань Гочао, разъясняющий ее действительный смысл [Дуань Гочао, 2003].

Последние иероглифы каждой строки оригинала одинаково рифмуются на «у»: «ху», «ту», «фу», «гу», «ту», «ху», «ху», «ху». Эту строгую фонетическую схему трудно (если вообще возможно) сохранить по-русски, но переводчицы всё-таки сумели сделать ритмические варианты достаточно стройными. Любовь Позднеева, в основном, использовала кольцевую рифму АББА, рифмуя «люблю – дорогой – собой – свою», «зови – мужей – мечей – любви», «себя – собой – другой – тебя/любя». У Татьяны Сорокиной больше вольности. Она использовала перекрестную рифму ААББ в последних четырех строках («головой – собой – одного – го») и свободную рифму АВСВ в остальных: «пригож – меч – удалец – плеч», «ха – ним – теперь – одним», «меч – ему – увы – одному».

Вторую песню черный человек спел перед царем. Строки этой песни так же, как в первой песне, рифмуются на «у»: «ху», «у», «лу», «лу», «фу», «ху», «ху», «ху». Людмила Позднеева использовала смежную рифму ААББ: «утех – всех – одна – видна» и «одна – она – хо – хо». Перевод Татьяны Сорокиной четкой рифмы не придерживается.

В китайском языке один и тот же иероглиф может быть как существительным, так и глаголом (например, «любовь» и «любить» иероглифически обозначаются одинаково), и, как в случае со спряжением, о чем упоминалось выше, семантика определяется только контекстом. Неточно его поняв, обе переводчицы восприняли существительное «любовь» как глагол «любить», отчего перевели: «Я люблю, я хочу лишь кровавых утех» (Л. Д. Позднеева) и «Вида крови чужой кто не любит...» (Т. Н. Сорокина). У Лу Синя же черный человек поет не о чувстве – своем (в переводе Позднеевой) или общечеловеческом (в переводе Сорокиной), – а о роковой природе самой любви: «Как может любовь быть без крови!» (в буквальном переводе).

В переводе Позднеевой голова предстает как объект любовного влечения, трансформирующегося в жажду крови. Это приносит в песню сексуальную страсть, которой нет в исходном тексте. Перевод Сорокиной менее экспрессивен, но основная часть песни – о ненасытной жажде мести – впечатляюще передана в обоих русских вариантах.

Сразу после второй песни звучит третья, прославляющая силу меча. Ее исполняет голова Мэйцзяньчи, брошенная черным человеком в кипящий котел, и при этом большие черные глаза юноши сверкают особым блеском.

За исключением междометия «ю» в предпоследней строке, последние иероглифы каждой строки рифмуются на «н» (ang): «ян(yang)», «цян(qiang)», «цзян(jiang)», «гуан(guang)», «ван(wang)», «хуан(huang)», «гуан(guang)». Людмила Позднеева, как и во второй песне, прибегла к смежной рифме ААББ: «нас – раз – плоха – ха» и «царя – горя – о друге – по заслугам». У Татьяны Сорокиной вновь нет постоянной рифмовки, но она все же придала своему переводу звуковой ритм. В первой строфе рифмуются «рука – врага», а второй – «нет – лет», в четвертой – «своим – ним».

Семантически перевод Т. Н. Сорокиной ближе к оригиналу. Правда, она не сохранила образ головы, отделенной от тела («Мои тело и голова разделены» – в оригинале), но для всего остального нашла адекватную и выразительную поэтическую форму. Перевод Л. Д. Позднеевой получился менее точным из-за изменения композиции и введения образных элементов, отсутствующих у Лу Синя: «Нам не забыть друг о друге», «воздать по заслугам».

При исполнении четвертой песни голова Мэйцзяньчи продолжает подниматься и опускаться в котле, пока окончательно не уходит на дно, соблазняя царя подойти к краю кипящего котла, чтобы поглядеть на ее таинственный подводный танец. Содержание песни в основном совпадает со второй половиной второй песни черного человека, несколько отличаясь лишь композицией и отсутствием упоминания о троне, и в обоих переводах это отражено:

Все строки оригинала рифмуются на «у»: «ху», «ху», «ху», «фу», «лу». Как уже отмечалось, такую строгую рифмовку сохранить не представилось возможным. Л. Д. Позднеева избрала схему АААББ: «готов – слов – голов – одна – она». Татьяна Сорокина использовала перекрестную рифму АБАБ: «увы – любви – увы – крови» и «один – бойцов – тысячи – голов».

В целом, переводы верно воссоздают атмосферу происходящего, хотя и не обошлось без некоторого «расширения» оригинала, в котором отсутствуют решительные заявления «Я пришел, я готов», «Так долой ее с плеч...» (Позднеева) и общеизвестное утверждение «Нет сильнее любви!» (Сорокина). Как в русском и многих других языках, в китайском языке счет идет от меньшего числа – к большему: «У него сто, тысяча и даже десять тысяч голов!», а в одном из переводов получилось наоборот: «У него же здесь тысячи, сотни голов...» (Сорокина).

В своем творчестве Лу Синь, как и многие другие китайские и русские писатели, нередко обращался к традиционным образам (таково, например, имя Мэйцзяньчи в рассказе «Меч»). Традиционные образы имеют фиксированные значения и вызывают определенные ассоциации у людей, принадлежащих к той или иной национальной культуре. И это всегда еще больше усложняет переводческую задачу.

Но самая трудная задача для перевода рассказа «Меч» – это воссоздание просодии четырех песен, включающей рифму, ритм и другие формы звукового сопровождения. Классические (древние) китайские стихи имеют фиксированный паттерн просодии, который делает их звучание особенно красивым, однако это чрезвычайно трудно передать. Так, из-за фонетической разницы между китайским и русским стихом просто невозможно воспроизвести мелодию оригинала, создающуюся одинаковым количеством иероглифов в каждой строке. В общем, перевести эти песни очень сложно, поскольку они написаны на древнекитайском языке, и теперь читателям приходится обращаться к научному комментарию, чтобы правильно понять их смысл. Что касается русских переводов рассказа в целом, то обе переводчицы проделали великолепную работу, не пропустив ни одного образного слова из оригинала и в большинстве случаев найдя им художественные эквиваленты.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Лу Синь. Избранное / Пер. с китайск. / Вступ. ст. Л. Эйдлина; коммент. В. Петрова. – М.: Худож. лит., 1989. – 511 с.
2. Лу Синь. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с китайск. / Под общ. ред. В. С. Колоколова; вступ. статья Н. Т. Федоренко. – М.: Гослитиздат, 1954–1956.
3. 段国超. 《铸剑》中的四首歌. 陕西广播电视大学学报(综合版). – 2003. – № 2. – С. 76–77. (Дуань Гочао. Четыре песни в рассказе «Меч». Вестник Шэньсийского университета радио и телевидения. – 2003. – № 2. – С. 76–77).
4. 鲁迅. 鲁迅全集. 第十四卷. 书信(1936 致外国人士). 人民文学出版社. 2005, № 11. С.386. (Лу Синь. Собр. соч. Том XIV. Письма (1936 г.–иностранцам). Народная литература. –2005.– № 11.– С. 386).
5. 金良守. 殖民地知识分子与鲁迅. 现代东亚语境中的鲁迅研究—中韩鲁迅学术研讨会论文集. 2005. (Ким Ляншоу. Колониальные интеллектуалы и Лу Синь // Наследие Лу Синя в современном восточноазиатском контексте: Сборник материалов китайско-корейской научной конференции. Шэньян, 2005).
6. 许广平. 欣慰的纪念. 人民文学出版社. 1951, С. 24. (Сюй Гуанпин. Утешительная память. Народная литература. 1951. – С. 24).

УДК 811.111

Вариант таксономической модели концепта *CLOTHES*

Ющенко В. И., Белгородский государственный
национальный исследовательский университет, ассистент, Россия

Одежда во все времена, включая настоящее, была одним из средств выражения и осмысления мира. Одежда взаимодействует с многочисленными аспектами жизни современного человека, и мода динамично развивается, следуя за изменениями в окружающей действительности. Выбор предметов одежды, своего стиля способствует самовыражению и самоидентификации человека в обществе. Это особенно актуально в настоящее время, когда внешний вид является одним из наиболее доступных и активно используемых способов выразить жизненную позицию, внутреннее состояние, увлечения, личностные предпочтения. Данные обстоятельства обуславливают оправданность возможности изучения одежды в наиболее широком смысле – как концепта. В условиях глобализации, характерной для современного общества, целесообразно изучение знаний об одежде именно в англоязычной концептосфере.

В данной статье представлен один из вариантов таксономической модели концепта *CLOTHES*. Модель концепта составлялась на основании исследования англоязычных маркетплейсов Amazon и ASOS, осуществляющих продажу одежды. Выбор материала для исследования обусловлен тем фактом, что развитие онлайн-шопинга в целом и приобретение одежды онлайн в частности является одной из наиболее актуальных современных тенденций. На наш взгляд, наименования предметов одежды, доступных к покупке на маркетплейсах, являются актуальными и используемыми в современном английском языке.

Рассмотрим понятие концептуально-таксономического анализа, являющегося ключевым в контексте темы исследования. Термин «концептуально-таксономический анализ», как и одноименный метод исследования когнитивных структур, был впервые предложен Н. Н. Болдыревым [Болдырев, 2014,

с. 140]. По словам лингвиста, концептуально-таксономический анализ – это система приемов исследования иерархической организации лингвистических объектов с учетом концептуальной иерархии, т.е. иерархии концептов, передаваемых этими лингвистическими объектами. Теоретически метод концептуально-таксономического анализа основан на представлении о том, что языковые единицы способны передавать определенное концептуальное содержание, быть частью иерархически организованной структуры знания [Болдырев, 2016, с. 98]. Иерархия концептов рефлексивна в семантике лексических средств репрезентации и обуславливает их закрепление за определенными уровнями языковой категоризации. В концептуальной иерархии выделяют базовый уровень, суперординатный уровень (уровень обобщения) и субординатный уровень (уровень уточнения) [Болдырев, 2014, с. 141].

Как известно, каждый концепт имеет определенный набор концептуальных признаков, отличающих его от других концептов и отражающих объективные и субъективные характеристики предметов и явлений, а также закрепляющий данный концепт за тем или иным уровнем концептуальной иерархии [Федотова, 2010, с. 270].

В процессе концептуально-таксономического анализа концепта *CLOTHES* были выявлены концептуальные признаки, необходимые для построения таксономической модели. Ключевой характеристикой исследуемого концепта является возможность надеть какой-либо предмет одежды на тело человека. Таким образом, к числу признаков объективного характера, конституирующих содержание концепта *CLOTHES*, можно отнести «надевание на часть тела», «степень удаленности от тела человека». Данные признаки соответствуют базовому уровню таксономической модели, поскольку они являются постоянными. Для признака «надевание на часть тела» можно выделить уточняющие признаки – «надевание на верхнюю часть тела», «надевание на нижнюю часть тела», «надевание на все тело». Для признака «степень удаленности от тела человека» можно выделить такие признаки, как «надевание непосредственно на тело», «надевание поверх других предметов одежды». Уточняющие признаки соответствуют второму ярусу базового уровня таксономической модели концепта.

Распределение лексических единиц по уровням осуществлялось путем анализа словарных дефиниций лексических единиц, приведенных в различных современных толковых словарях английского языка – Oxford Learner’s Dictionary, Cambridge Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English и другие.

По результатам исследования словарных дефиниций лексических единиц, обозначающих предметы одежды в современном английском языке, на предмет соответствия выявленным концептуальным признакам концепта *CLOTHES*, была сконструирована таксономическая модель концепта *CLOTHES* (Таблица 1). Структура модели включает три уровня – суперординатный (имеющий двухъярусную структуру), базовый (также имеющий двухъярусную структуру) и субординатный.

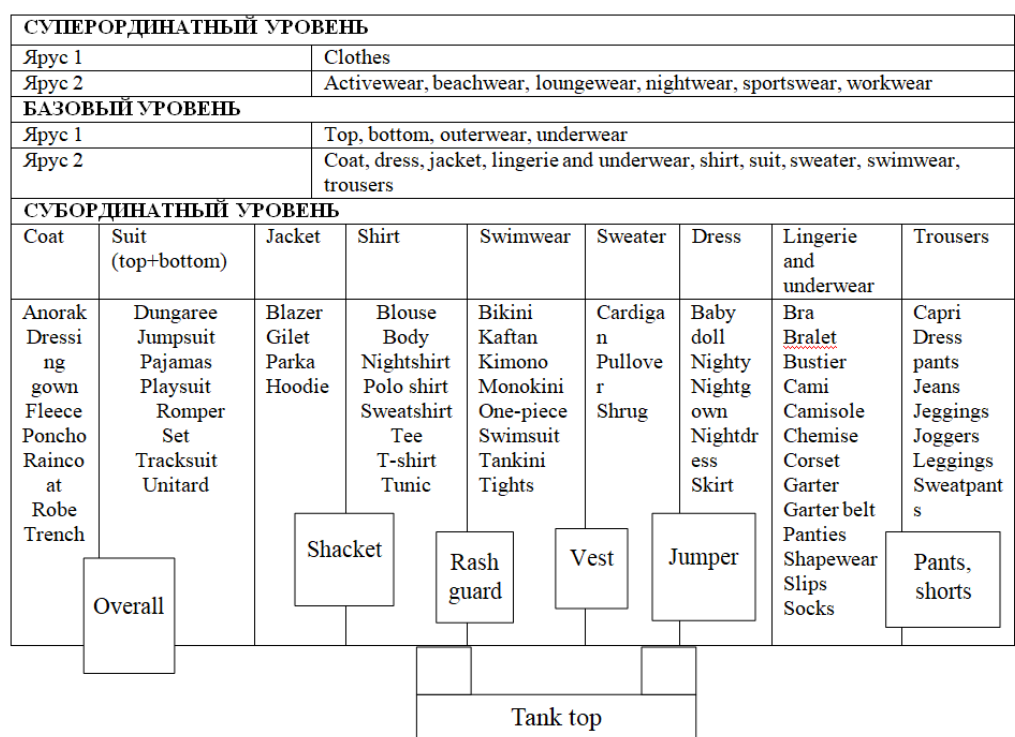

Таблица 1. Таксономическая модель концепта *CLOTHES*

К первому ярусу суперординатного уровня относится лексическая единица *clothes*, как обладающая наиболее широкой и универсальной семантикой, а также являющаяся основным средством репрезентации исследуемого концепта.

Ко второму ярусу суперординатного уровня относятся такие лексические единицы, как *activewear*, *beachwear*, *loungewear*, *nightwear*, *sportswear*, *workwear* и др.

К первому ярусу базового уровня относятся такие лексические единицы, как *top*, *bottom*, *underwear*, *outerwear* и др.

Ко второму ярусу базового уровня относятся такие лексические единицы, как *coat*, *suit* (*top+bottom*), *jacket*, *shirt*, *swimwear*, *sweater*, *dress*, *lingerie and underwear*, *trousers* и др.

К субординатному уровню относятся лексические единицы, обладающие наиболее узкой семантикой и содержащие в словарной дефиниции указание на одну из лексических единиц, находящихся на втором ярусе базового уровня таксономической модели. Например, в подгруппу *coat* второго яруса базового уровня входят такие лексические единицы, как *anorak*, *dressing gown*, *fleece*, *overall*, *poncho*, *raincoat*, *robe*, *trench*.

Прошу обратить внимание на то обстоятельство, что некоторые лексические единицы ввиду особенностей семантики относятся сразу к нескольким подгруппам, что отражено в модели. Например, лексическая единица *shacket* относится к подгруппам *shirt* и *jacket*. Лексическая единица *tank top* также относится к двум подгруппам – *shirt* и *sweater* – ввиду особенностей существования различных вариантов английского языка. В британском варианте английского языка данная лексическая единица обозначает свитер без рукавов, а в американском варианте английского языка *tank top* – футболка без рукавов.

Рассмотрим процесс включения единиц в конкретную подгруппу на примере словарных дефиниций лексических единиц субординатного уровня, называющих предметы одежды в современном английском языке. Приведенные дефиниции содержат другую лексическую единицу, называющую предмет одежды и обладающую более общей семантикой. Данное обстоятельство обуславливает включение исследуемой лексической единицы в подгруппу, на которую есть указание в словарной дефиниции. Рассмотрим подробнее пример с лексической единицей *anorak*.

Anorak – a short coat with a hood that keeps out the wind and rain. *He was hot in his anorak* [LDCE].

Существительное *anorak* в словарной дефиниции определяется через понятие *coat* с уточнением, включающим описание фасона и функциональных характеристик элементов предмета одежды – наличие капюшона, защищающего от ветра и дождя. Содержащееся в словарной дефиниции указание на предмет одежды *coat* обуславливает отнесение лексической единицы *anorak* в одноименную подгруппу.

Стоит также рассмотреть на примерах те случаи, когда в словарной дефиниции отсутствовало указание на другой предмет одежды.

Sweatshirt – a loose warm piece of clothing which covers the top part of your body and arms and is worn especially for sport or relaxation. *I replace my urban costume with jeans and a sweatshirt and feel more at peace* [LDCE].

В словарной дефиниции лексической единицы *sweatshirt* отсутствует указание на понятие *shirt*, однако стоит отметить наличие составляющей *shirt* в наименовании данного предмета одежды, что также является отсылкой к одноименному понятию. Данное обстоятельство обусловило включение лексической единицы *sweatshirt* в подгруппу *shirt*.

Обобщая все вышесказанное, представляется возможным предположить, что предпринятая нами попытка построения таксономической модели концепта *CLOTHES* позволяет получить конкретные представления об актуальных лексических единицах, репрезентирующих изучаемый концепт, и об их таксономической иерархии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2014. – 236 с.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика / Н. Н. Болдырев. – М., Берлин: Директмедиа, 2016. – 251 с.
3. Федотова, О. В. Концептуально-таксономический анализ глаголов прикосновения в современном английском языке / О. В. Федотова // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации : сб. ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной / под ред. О. Е. Филимоновой, О. А. Кобриной, Ю. В. Шараповой. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 270–275.
4. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 17.04.2023).
5. Longman Dictionary of Contemporary English. – URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 17.04.2023).

6. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 17.04.2023).

УДК 372.881.161.1

Обучение русскому речевому этикету на уроках РКИ в тюркоязычной аудитории

Янкын Н. В., Кыргызско-Турецкий университет «Манас», аспирант, Кыргызстан

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Дербишева З. К., Кыргызстан

Сопоставительное изучение межличностного общения представителей разных народов не теряет своей актуальности в связи с глобализацией современного общества и активизацией межкультурных контактов. Перед преподавателями иностранных языков стоят задачи подготовить учащихся к активной деятельности в поликультурной среде. Развитие политических и экономических связей между Россией и Турцией диктует необходимость подготовки специалистов, владеющих русским и турецким языками. Популярность изучения русского языка в Турции растёт с каждым годом. Язык является частью культуры и отражает ее национальные особенности. Важным элементом культуры и общения является речевой этикет. Именно речевой этикет оказывает влияние на характер взаимоотношений между людьми. Этикетные формулы присутствуют во всех сферах человеческой жизни. Уместное использование этикетных формул является свидетельством языковой компетенции говорящего. В процессе обучения русскому языку необходимо ориентироваться на национальный состав учебной группы, проводить сопоставление с родным языком учащихся с целью предупреждения ошибок, связанных с языковой и лингвокультурной интерференцией. Недостаток информации о национально-культурной специфике общения на родном и изучаемом языках может привести к нарушению межкультурной коммуникации. Выявление, описание и изучение такой специфики должно быть важной частью процесса обучения иностранному языку.

Речевой этикет является важным звеном процесса общения в любом языке. К универсальным чертам речевого этикета относятся вежливость, позитивное отношение к собеседнику, тактичность и использование специальных этикетных выражений. Нельзя забывать, что речевой этикет принадлежит к фоновым знаниям. В любой лингвокультуре ошибками в речевом поведении между участниками общения могут считаться неиспользование формул речевого этикета в соответствующей ситуации, употребление неуместных для данной ситуации этикетных формул, а также нарушение какой-либо нормы. Несмотря на универсальные черты, в каждом языке план выражения речевого этикета имеет национальную специфику. Выявление национальной специфики в речевом этикете является важной составляющей процесса обучения иностранным языкам. Ошибки, которые допускают иностранные студенты в русском речевом этикете, носят узуальный характер и связаны с лингвокультурной интерференцией. Интерференция в словаре определяется как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языков, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного...» [Лингвистический энциклопедический словарь, URL].

Преподаватели русского языка, работая с турецкими студентами, часто сталкиваются с языковой и лингвокультурной интерференцией. При лингвокультурной интерференции наблюдаются сбои в межкультурной коммуникации. В процессе межкультурной коммуникации помимо преодоления языкового барьера, участникам общения приходится сталкиваться с барьером культур. По мнению Г. С. Тер-Минасовой получить более полное знание культуры носителей изучаемого языка можно «...через призму родной для учащихся культуры, через столкновение этих культур, что позволяет яснее осознать различия этих культур и избежать культурного шока при реальном общении с представителями чужой культуры» [Тер-Минасова, 2000, с. 33].

Предупредить ошибки, связанные с интерференцией, а также предвидеть ситуации, в которых учащиеся могут испытать культурный шок, преподаватель сможет, владея информацией о культуре, менталитете учащихся. Такая информация даст представление о специфике речевого этикета как в изучаемом, так и в родном языке учащихся. В связи с этим при обучении русскому речевому этикету турецких студентов возникает необходимость в анализе турецкого речевого этикета.

Турецкая культура – это связь культурных традиций Запада и Востока. Среди немногочисленных научных исследований по изучению турецкого этноэтикета особого внимания заслуживают труды М. Н. Серебряковой. В своем исследовании «О некоторых особенностях этноэтикета у современных турок» автор отмечает, что на выбор речевых элементов для общения в турецкой лингвокультуре большое влияние оказывает возраст и гендерная принадлежность участников общения, а также место жительства. В лексике турецкого языка много коранизмов, которые говорят о ценности религиозных традиций в

Турции. Отличительной особенностью турецкого речевого этикета является большое количество устойчивых этикетных формул, а также разнообразие речевых ситуаций.

Большое количество ошибок у турецких студентов при употреблении русских этикетных выражений встречается в различных речевых ситуациях: приветствия, прощания, пожелания, обращения, благодарности, соболезнования. Рассмотрим некоторые ситуации речевого общения, в которых турецкие студенты, говоря по-русски, допускают множественные ошибки.

При установлении контакта, привлечении внимания неизвестного человека, турецкими студентами может быть допущена ошибка, связанная с использованием кальки при переводе турецкого выражения *Bakarmısınız, lütfen (посмотрите, пожалуйста)*. В турецкой культуре, чтобы привлечь внимание человека для последующей коммуникации, очень важно установить с ним зрительный контакт. В русском языке для установления контакта с незнакомым человеком используются формулы *извините, простите*.

В качестве прощания турецкие студенты часто могут употреблять этикетную формулу *Добрый вечер!* Такая ошибка связана с выражением *İyi akşamlar*, которое в турецкой лингвокультуре может употребляться как в ситуации приветствия, так и в ситуации прощания.

В ситуации прощания турки часто употребляют пожелание *Берегите себя!* Данное выражение является переводом *Kendinize iyi bakınız (Смотрите за собой хорошо)*. В русской культуре подобное этикетное выражение не является повседневным, а используется как напутствие перед дальней дорогой или предупреждение адресата об опасности.

Усвоение специфических форм обращения по имени и отчеству в русском языке представляют для турецких студентов определенные трудности. Обращение по имени и отчеству относится к безэквивалентным единицам русского языка, а в турецкой лингвокультуре такое обращение является лакуной. В официальной обстановке в речи турецких студентов возникают такие формулы обращения как *преподаватель Иван, преподаватель Ирина* или *Иван Бей, Ирина Ханым*. Возникновение подобных формул объясняется попыткой присоединения турецких лексем *Beу* и *Hanım* к русским именам при обращении. В турецком обществе используются специальные обращения, соответствующие профессиональному статусу. К учителю обращаются *Hocam*; повару или другому специалисту – *Usta*. Таких форм обращения нет в русском языке. В данной ситуации ошибки также связаны с перенесением опыта употребления этикетных формул из турецкого языка.

В турецкой лингвокультуре можно отметить большое количество специальных терминов родства, которые применяются как к родственникам, так и к малознакомым людям. Терминов родства в турецкой культуре больше, чем в русской. Следует отметить наличие большого количества терминов родства, которые дифференцированы по мужской и женской линии. В турецких семьях к старшим по возрасту обращаются, используя специальные термины родства – *abla (старшая сестра), abi (старший брат), teyze (тетя по матери), hala (тетя по отцу), amca (дядя по отцу), dayı (дядя по матери)* [Напольнова, 2015]. Такое обращение к малознакомому или незнакомому человеку как бы включает собеседника в число родственников говорящего и почти исключают возможность использования местоимения *siz (вы)* даже к старшим по возрасту. В данной речевой ситуации преподавателю нужно направить свои действия на предотвращение ошибок у турецких студентов, связанных с употреблением обращения на *«ты»* вместо обращения на *«вы»* к малознакомому человеку или старшему по возрасту.

В турецком этикете большим разнообразием отличаются выражения-пожелания. Невежливым в турецкой культуре является неупотребление нужного пожелания в соответствии с речевой ситуацией. Ситуаций, требующих пожелания в турецкой культуре, наблюдается большое количество. Не найдя в русском языке соответствующих выражений для пожелания в привычной ситуации, носители турецкого языка испытывают коммуникативный дискомфорт и пытаются перевести на русский язык привычные формулы. Так появляются такие ошибки как: *Пусть пройдет легко! (Kolay gelsin), Здоровья вашим рукам (ногам)! (Elinize sağlık) Носите с радостью! (Güle güle kullanınız) Пусть ваша голова будет здорова! (Başınız sağ olsun)*. Особое внимание преподаватель должен уделить такой форме пожелания, как *Geçmiş olsun (пусть станет прошлым)*. Это выражение в турецкой лингвокультуре имеет широкое применение. Оно используется как пожелание скорейшего выздоровления, а также в ситуациях, когда у человека в жизни произошло неприятное событие или какое-то несчастье, после трудной работы или экзамена. Ошибочно это выражение переводится на русский язык как *Выздоровливайте!* Такими выражениями турецкие студенты пытаются заполнить лакуну в общении, перенеся опыт из родного языка на изучаемый.

Проведенный анализ ошибок, возникающих в русской речи турецких студентов при употреблении речевого этикета может помочь преподавателю предупредить появление интерференционных ошибок путем подбора необходимых приемов обучения. Только при условии учета особенностей родного языка

учащихся можно подобрать необходимые упражнения для снятия интерференционных явлений. Знакомство с особенностями употребления русского речевого этикета иностранные учащиеся начинают на первых уроках начального уровня. Именно на начальном этапе обучения студентам необходимы те речевые средства, которые будут способствовать решению коммуникативных задач в повседневной жизни. При обучении речевому этикету эффективно применять различные диалоги, дидактические игры и разные виды упражнений, визуальные и мультимедийные материалы. Выполняя правильно подобранные упражнения, студенты учатся грамотно употреблять формулы речевого этикета в общении, узнавать необходимую информацию, адекватно реагировать на высказывания собеседника. Внимание со стороны преподавателя к вопросам речевого этикета на каждом занятии позволит повысить у учащихся эффективность процесса формирования навыков речевого этикета и успешно участвовать в межкультурной коммуникации.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что сопоставительный анализ форм речевого этикета в русском и турецком языках помогает не только увидеть на примерах различия в двух лингвокультурах, но и способствует быстрому усвоению речевых формул русского языка и адаптации в русскоязычной среде.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гончар, М. С. Лингвокультурологическая интерференция в области речевого этикета: к вопросу определения понятия / М. С. Гончар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4 (70): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 70–73.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – URL: <http://slovar.cc/rus/lingvist/1465836.html>
3. Напольнова, Е. М. Система обращений в современном турецком языке / Е. М. Напольнова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2015. – № 4. – С. 5–13.
4. Пилишина, Г. С. Лингвокультурная интерференция при обучении второму иностранному языку / Г. С. Пилишина // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин. Саранск: Красный Октябрь, 2001. – С. 225–227.
5. Серебрякова, М. Н. О некоторых особенностях этноэтикета у современных турок. Этикет у народов Передней Азии / М. Н. Серебрякова. – М., Наука, 1988.
6. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
7. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М., 2002. – 216 с.

**АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАГИСТРАНТОВ:
СТАТЬИ И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ**

УДК 81

**Лексико-семантический способ образования эргонимов
(на материале названий кондитерских предприятий г. Астаны)**

Абдрахманова К. М., Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева, магистрант, Казахстан

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Джамбаева Ж. А., Казахстан

Одним из перспективных вопросов языкознания считается изучение эргонимов, заполнивших значимую часть городского ономастического пространства. Термин «эргоним» в словаре В. Н. Подольской определяется следующим образом: «Эргоним – собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1998, с. 166]. Через данный пласт лексики мы можем проследить языковые тенденции современного города, поскольку сейчас имя собственное выполняет не только функцию идентификации, но и наполняется дополнительной семантикой (отсылка к культурно-историческим событиям). В фокусе нашего внимания такая разновидность эргонимов, как номинации кондитерских предприятий города Астаны. По данным аналитиков международной картографической компании «2ГИС» в период с 2019 по 2020 год отмечен прирост кофеен и кондитерских на 39,9%, что говорит об экономическом потенциале данных заведений.

Эргонимы под влиянием разных экстралингвистических факторов (аксиологические ориентации социума, мировоззрение, иноязычное влияние, языковые вкусы) образуются различными способами. В настоящий момент выделяются следующие способы образования онимов: лексико-семантический, словообразовательный и синтаксический. Самый распространенный из них – лексико-семантический способ, суть которого заключается в использовании лексического смысла без формальной модификации структуры имени нарицательного. Актуальность исследования мотивируется новизной фактического материала при изучении лексико-семантической онимизации эргонимов.

Цель статьи – анализ лексико-семантического способа образования наименований кондитерских предприятий г. Астаны. В качестве материала исследования были отобраны наименования кондитерских (всего сто сорок одна единица) из приложения «2ГИС», социальной сети «Instagram», личной картотеки.

Говорить о развитии нейминга в Казахстане еще достаточно рано, пока это только начальный этап. Казахстанский рынок не пестрит успешными названиями, отдельно можно отметить такие продукты как, к примеру, «*Raxam*». Считаем, что отныне нужно развиваться в этом направлении как для креативных, маркетинговых агентств, так и для клиентов. Эргонимы находятся в состоянии постоянного развития, пополняются и служат названиями коммерческих предприятий разнообразного функционального профиля. В связи с развитием производства и увеличением конкуренции компании стремятся качественнее выполнять свою работу и придумывать оригинальные названия с учетом продвижения бренда на рынке.

Лингвистический аспект нейминга означает, что название предприятия должно быть благозвучным, иметь положительную семантику, вместе с тем не должно иметь нежелательных, негативных смыслов, ассоциаций на своем и других языках. Не следует забывать и о формальных критериях (длина слова, количество, фонетика, ритм), поскольку потребитель чаще слышит название организации, чем читает его. Лингвистическое представление бренда – это ассоциация, основной смысл, связанный с изображением. Лингвистическая ценность бренда является наиболее заметным элементом для потребителя.

Одним из важных для исследования является вопрос классификации эргонимов, поскольку эти единицы слабо структурированы. В лингвистической литературе представлены классификации эргонимов по различным основаниям.

Вслед за классификацией Ф. Ф. Алистановой [Алистановая, 2011, с. 9] и М. Г. Курбановой [Курбанова, 2014, с. 57], выделяем такие типы лексико-семантического образования эргонимов: простая номинация, лексико-семантическая онимизация (метонимическая, метафорическая, метафоро-метонимическая), трансонимизация, заимствование.

Простая лексическая номинация связана с тенденцией выбора эргонимов, прямо указывающих

на профиль самого заведения: «Кондитерская», «Магазин кондитерских изделий», «Бутик по продаже кондитерских изделий», «Кондитерская студия», «Пекарня», «Булочная». Несмотря на легкость идентификации, данный способ не пользуется широким спросом при номинации кондитерских предприятий ввиду того, что потенциальные потребители отдают предпочтения оригинальным неймам. Простая лексическая номинация больше практична для унификации государственных учреждений.

Лексико-семантическая онимизация – «процесс, происходящий без формальных изменений структуры апеллятива – он не относится к словообразовательным процессам, а определяется как семантическое словообразование» [Подольская, 1998, с. 90]. Онимизация обладает высоким лингвокреативным потенциалом, поэтому широко используется номинаторами кондитерских предприятий. Внутри данного способа различаются три группы.

Метонимическая онимизация – создание эргонимов на основе метонимического переноса

– объекта продажи: «Кекс», «Крендель», «Синнабон», «Круассан», «Торт», «Эклер», «Буше», «Грильяж», «Пампушка», «Ватрушка», «Дессерт», «Булки», «Мармеладка», «Сырник», «Кэмпит» (с казахского – *конфета*), «Тоқаш» (с казахского – *булочка*);

– производителя: «Петропавловский кондитер», «Мастер-кондитер», «Чудо-пекарь»;

– потребителя: «Сладкоежка», «Лакомка», «Балшекер» (с казахского – *сладкоежка*), «Томпақ» (с казахского – *пухляк*);

– местоположения объекта: «Шедевр Астана».

Эргонимы, созданные на основе метонимии, несут в себе не только информативность, но и прагматичность, поэтому имеют высокий уровень воздействия на реципиента. В таких номинациях лучше всего прослеживается взаимосвязь между объектом и его наименованием.

Метафорическая онимизация – образование эргонимов с помощью метафорического переноса (сравнение объектов, ассоциации): «Мечта сладкоежки», «Рай сладкоежки», «Вкусняшка», «Рахат» (с казахского – *наслаждение*). При номинации кондитерских предприятий чаще всего используются вкусовые метафоры: «Сладкая сказка», «Сладкая удача», «Сладкая жизнь», «Сладкое счастье», «Сладомир», «Тәтті Мекен» (с казахского – *сладкое место*), «Тәтті Ай» (с казахского – *сладкая луна*), «Вкусное Дело». Эргонимы-метафоры выполняют информативную, эмотивно-оценочную и игровую функции, что стимулирует мыслительный процесс потенциального клиента.

Метафоро-метонимическая онимизация основывается на объединении метафоры и метонимии. Наименования, образованные данным способом, отличаются исключительной экспрессивностью. Например: «Царское застолье».

Трансонимизация заключается в переносе имени собственного из одного ономастического разряда в другой. Эргонимы, образованные в процессе трансонимизации, делятся на группы в соответствии с исходными онимами.

Антропонимы в названиях кондитерских предприятий в основном представлены женскими именами: «Аяшка», «Айкен», «Мадлен», «Ажар», «Жибек», «Микосья», «Айсара», «Мишель», «Елизавета», «Екатерина», «Ксюша», однако можно встретить и мужские имена: «Хаким», «Арман», «Рахат», «Султан», «Арлан». В редких случаях используются фамилии, образованные искусственным путем: «Кондитерофф», «Кренделькофф», «Пирожкофф», «Пудикофф»;

Топонимы-эргонимы: «Астана», «Париж», «Из Амстердама»;

Фитонимы-эргонимы: «Пшеница», «Бидай», «Ваниль», «Апельсин»;

Идеонимы-эргонимы: «Баян Сулу» (главная героиня казахской лиро-эпической поэмы «Қозы Көрпеш – Баян Сұлу»), «Андерсен» (известный датский писатель), «Карлсон» (литературный персонаж), «Колобок» (герой восточнославянских народных сказок);

Зооним: «Конжык» (с казахского – *медвежонок*).

Займствование – процесс закрепления иноязычных элементов, которые значительно обогащают лексический пласт принимающего языка. Среди номинаторов займствование является особенно популярным и результативным способом онимизации.

Широкий пласт наименований кондитерских предприятий составляют нетранслитерованные англицизмы: «Happy Cake», «Home Bakery», «Whoopiecakes», «Sweet Cakes», «Hani cakes&caffee», «Appetite», «Healpies», «Cookie and Coffee», «Bakery 56», «Home Macaron», «Pate», «Mysterybox», «Royal dessert», «InClair», «Breadbar», «Red Chocoberry», «Cake on wheels», «KISS Chocolaterie», «Bon Dessert», «soul_cakekz», «Lilu Bakery», «Cheesy», «Dida's gourmet», «Tika Cake», «Desertel», «Caramel», «Spanish Cheesecake», «InJoy Candy», «Charlie's», «Lucky Donuts», «Cake&pie», «Art cake», «Bake&Cake», «Mairas Cakes», «Cake Story», «Di cake», «AB Bakery», «Kookies», «Riza Bakery», «One more cake», «The House Bakery», «Sweets», «cakes.mousse», «Merrycake.kz», «ShyPie», «For You Bakery & Food», «Daily Bakery», «Candy Cake».

Франция является родиной изысканных кондитерских изделий, поэтому неудивительно использование номинаторами галлицизмов: «*Le Dessert*», «*La Crème*», «*Vizavi*», «*La Tartine*», «*Mone*», «*Provence*», «*Croissant*», «*Ma Famille*», «*Bon dessert*», «*Brioche*».

Среди наименований кондитерских предприятий встречаются итальянизмы: «*Mi amor*», «*Prego*», «*Deserto*», «*Dolce vita*», «*Vanillin*», «*Dolce*», «*Vittoria & tortoliano*», «*La Famiglia*».

В редких случаях употребляются заимствования из испанского языка: «*La Viña*», «*La Famille*».

В таблице №1 представлены результаты анализа лексико-семантического способа создания эргонимов г. Астаны.

Таблица №1. Виды лексико-семантического способа образования эргонимов

№ п/п	Способы образования эргонимов	Кол-во
1	Простая лексическая онимизация	6
2	Лексико-семантическая онимизация	36
2.1	Метонимическая онимизация	23
2.2	Метафорическая онимизация	12
2.3	Метафоро-метонимическая онимизация	1
3	Трансонимизация	32
3.1	Антропонимы	20
3.2	Топонимы	3
3.3	Фитонимы	4
3.4	Идеонимы	4
3.5	Зооним	1
4	Заимствование	67
4.1	Англицизмы	47
4.2	Галлицизмы	10
4.3	Итальянизмы	8
4.4	Испанизмы	2

Таким образом, результаты данного исследования показали, что заимствование является наиболее продуктивным лексико-семантическим способом онимизации эргонимов. Действительно, в Астане встречаются названия кондитерских предприятий на английском, французском, итальянском, испанском языках. Тенденция создания эргонимов на основе иностранных лексем объясняется межгосударственными связями, демократизацией казахстанского социума и спецификой самого заведения. Вторую позицию среди способов образования эргонимов занимает лексико-семантическая онимизация, поскольку в таких наименованиях актуализируется высокий лингвокреативный потенциал. Трансонимизация также используется номинаторами для привлечения внимания потенциальных потребителей. Реже всего при создании нейма обращаются к простой номинации, поскольку эргонимы, образованные таким способом, являются не цепляющими.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алистанова, Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема: автореф. Дисс. ... к. филол. Н. / Ф. Ф. Алистанова. – Махачкала, 2011. – 23 с.
2. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: дисс. ... к. филол. Н. / М. Г. Курбанова. – Астрахань, 2014. – 191 с.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. / Н. В. Подольская – М.: Наука, 1988. – 200 с.

УДК 81`25

Проблема передачи имплицитных высказываний в контексте перевода комедии

А. П. Чехова «Вишнёвый сад» на испанский язык

Байкова А. С., Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., старший преподаватель Иванова А. В., Россия

«Среди известных нам мотивов чеховской драматургии главный – мотив времени. Другие мотивы то слышны, то исчезают, этот звучит постоянно, с неслабеющей силой» [Зингерман, 2001, с. 9]. В комедии «Вишнёвый сад» он проявляется в том числе и в образах героев, каждый из которых, потерявшись во временной петле многомерных по своей сложности и неоднозначности взаимоотношений с *прошлым* и

будущим, обнаруживает себя «недотёпой», не способным отыскать счастье и покой в тривиальной повседневности *настоящего*. Следовательно, принимая текст пьесы за «иерархическое единство имплицитом» [Молчанова, 1988, с. 110], её имплигипертемой мы будем считать время, имплицитомой – неспособность героев справиться с неумолимым ходом времени, а в качестве структурных единиц имплицитного уровня текста, необходимых для анализа двух переводов пьесы на испанский язык, рассмотрим локальные импликаты, которые формируют одно из семантических ядер имплициты, а именно, имплицат-концентр «недотёпа». Неслучайно он встречается в тексте пьесы 4 раза, ведь причина его идейно-смысловой значимости кроется в его принадлежности идиостиллю Чехова, который через текст комедии, скорее всего, и ввёл слово «недотёпа» в узус русского языка [Полоцкая, 2004, с. 322]. Данный имплицат-концентр свойственен речи старого слуги Фирса. Лишь единожды слово произносит не он, а Раневская, при этом оговариваясь, что так «говорит...Фирс» [Чехов, 2022, с. 57].

Образ Фирса, «единственного, до конца преданного хранителя дедовских порядков в доме» [Полоцкая, 2004, с. 280], является связующим звеном между *настоящим* и *далёким прошлым*. Рассмотрим пример, в котором их сравнение в речи героя реализуется через антитезу «*давние времена – сегодняшний день*», где первый элемент наделён положительной оценочной коннотацией (импликаты 1, 2, 3, 4, 5), а второй – отрицательной (6). Следует отметить, что «чеховский символический предмет принадлежит сразу двум сферам – «реальной» и символической» [Чудаков, 2016, с. 184]. Таким предметом, безусловно, может считаться вишня – урожай, собранный с деревьев сада (главного образа-символа комедии) во времена благоденствия имения. Вишня в приведённом фрагменте выступает в роли как денотата (ягоды), так и коннотата (протекающей по всем традиционным канонам и, как следствие, благополучной жизни в усадьбе). Именно на основе взаимодействия денотативного и коннотативного значений вишни реализуется указанное выше противопоставление: характеристики денотата, принадлежащие плану выражения, обуславливают формирование положительной оценки коннотата, относящегося во временной парадигме к *прошлому*, а в *настоящем* отсутствующего. (Оговоримся, что перевод испанского переводчика Хуана Лопеса-Морильяса мы будем называть «переводом 1», а перевод аргентинского переводчика Омара Лобоса – «переводом 2»).

Фирс. В прежнее время, лет сорок – пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили(1), и, бывало...

Гаев. Помолчи, Фирс.

Фирс. И бывало, сушеную вишню возами(2) отправляли в Москву и в Харьков. Денег было!(3) И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая...(4) Способ тогда знали...(5)

Любовь Андреевна. А где же теперь этот способ?

Фирс. Забыли. Никто не помнит (6) [Чехов, 2022, с. 20].

Перевод 1: Firs: En otros tiempos, hace cuarenta o cincuenta años, secaban las cerezas, las ponían en conserva, las maceraban, hacían mermelada con ellas(1), y a veces también...

Gájev: Cállate, Firs.

Firs: Y a veces mandaban carros enteros(2) de cerezas secas a Moscú y Hárkov. ¡Y vaya dinero que se ganaba!(3) Y por aquel entonces las cerezas secas eran blandas, jugosas, dulces, sabrosas...(4) Entonces teníamos una receta...(5)

Lyubóv Andréyevna: ¿Y ahora dónde está esa receta?

Firs: La han olvidado. Nadie se acuerda de ella (6) [Chéjov, 2001, p. 154].

Перевод 2: FIRS: En el tiempo de antes, unos cuarenta-cincuenta años atrás, la guinda la disecaban, la maceraban, la ponían en conserva, hacían dulce(1), y sabían mandar...

GÁIEV: Calla, Firs.

FIRS: Sabían mandar carradas(2) de guinda disecada a Moscú y a Járkov. ¡Era dinero!(3) Y la guinda disecada entonces era blanda, jugosa, dulce, aromática...(4) Sabían entonces la receta...(5)

LIUBOV ANDRÉIEVNA: ¿Y dónde está ahora esa receta?

FIRS: Lo olvidaron. Nadie lo recuerda (6) [Chéjov, 2015, p. 380].

Перевод имплицатов (1) и (6) обусловлен ограничениями, заданными грамматической системой языка перевода. Вне зависимости от того, сохраняется при переводе инверсия с вынесением прямого дополнения на позицию перед глаголом (перевод 2) или нет (перевод 1), последующие однородные сказуемые, к которым это дополнение относится, в процессе перевода требуют его дублирования с помощью местоимений-дополнений (1). (При этом стоит отметить, что имплицат сохраняется, поскольку, несмотря на то что рисунок и динамика речи несколько меняются, выбранные глагольные формы (прошедшего времени несовершенного вида изъявительного наклонения) подчёркивают регулярность производимых действий и не снижают уровень их интенсивности по сравнению с оригиналом). Также и в случае с имплицатом (6) использование местоимений, опущение которых в тексте оригинала стало

результатом структурной компрессии [Шалудько, 2012, с. 40], не является следствием неоправданной экспликации, а обусловлено именно функционированием грамматической системы испанского языка, который не позволяет осуществить вышеназванную компрессию без нарушения синтаксического строя испанского предложения (здесь и далее использована классификация типов компрессии И. А. Шалудько).

Импликат (2) (носитель имплицитной положительной оценочной коннотации) обнаруживается следствием семантико-прагматической компрессии, «реализуемой в семантических механизмах метонимии» [Шалудько, 2012, с. 42]. Оттенок гиперболизации положительных качеств коннотата (вишен как образа-символа безмятежного прошлого) эксплицируется в переводах через мотивированное дополнение денотата (вишни как плодов деревьев) эксплицитными семантическими элементами, интенсифицирующими некоторые из его признаков. В переводе 1 экспликация происходит на основе интенсификации семантики признака количества денотата посредством прилагательного «enteros», характеризующего смежное с денотатом понятие, а в переводе 2 интенсификация признака размера смежного понятия реализуется посредством изменения его рода (с мужского на женский) и последующего прибавления к нему словообразующего суффикса «ada», обозначающего наполнение предмета содержимым (как, например, *sucharrada*, *carretada*). Несмотря на экспликацию рассмотренных признаков, импликат не потерян.

Импликат (3) является результатом структурной компрессии с опущением обозначающего категорию количества элемента «много», который благодаря лингвистическому контексту легко восстанавливается реципиентом при декодировании. Испанский переводчик, следуя оригиналу, избегает прямой, явной характеристики количества денотата посредством использования эмоционально-оценочного междометия «*vaya*». Однако отсутствующее в русском тексте придаточное определительное предложение эксплицирует некоторые пропозиции («Вишню продавали», «На продаже вишни зарабатывали деньги») и может сместить акценты в реплике героя, для которого достаток – лишь свидетельство правильного обращения с плодами деревьев сада и, как следствие, благополучного существования имения *в давние времена*, а не кульминационная точка развития смысла высказывания. В переводе 2, к сожалению, на основе эксплицитных составляющих структуры предложения имплицитный смысловой потенциал количественного значения не считается.

Коннотативный потенциал положительной оценки *прошлого* реализуется в реплике также и посредством градации (4). Прилагательные, обозначающие различные признаки денотата, расположены по мере возрастания насыщенности эмоционально-экспрессивного значения. В текстах переводов наблюдается сохранение импликата, лишь за исключением того, что в переводе 1 последним элементом градации выступает прилагательное, характеризующее денотат не по аромату, а по вкусу.

«Способ» сушки вишни (5) приобретает положительную оценочную коннотацию посредством синтаксического построения реплики, а именно инверсии, и лингвистического контекста. В обоих переводах восстановления опущенных в оригинале элементов, которые могли бы эксплицировать структурно имплицитную оценку, не происходит. Как следствие, импликат сохраняется. Следует также отметить, что синтаксическое уподобление испанского предложения русскому оригиналу через инверсию повлекло бы за собой необходимость дублирования прямого дополнения местоимением в позиции перед глаголом или же изменения активного залога сказуемого на пассивный, что могло бы сместить акценты реплики, изменить её рисунок, из чего можно заключить, что изменение синтаксической структуры оригинала при переводе, равно как и следование ей, не всегда влечёт за собой потерю импликата.

Оба перевода рассмотренного фрагмента не потеряли заложенный в оригинале семантический потенциал антитезы «*давние времена – сегодняшний день*», содержащийся в имплицитной положительной оценке Фирсом умения *старых* обитателей и владельцев усадьбы управляться с плодами деревьев вишневого сада. *Настоящее* же Фирс считает временем «*недотён*». В речи героя находим локальные импликаты, которые должны учитываться в процессе перевода с целью передачи на иностранный язык полной палитры коннотаций многомерного и неоднозначного импликата-концентра. Так, некоторые характерные черты образа Гаева как «*недотёпы*» проявляются, словно на лакмусовой бумажке, именно в репликах Фирса.

Фирс (чистит щеткой Гаева, наставительно). Опять(1) не те(2) брючки(3) надели. И что мне с вами делать!(4) [Чехов, 2022, с. 23]

Перевод 1: Firs: (Cepillando a Gáyev y amonestándole.) Se ha equivocado(2) usted otra vez(1) de pantalones(3). ¿Qué voy a hacer con usted?(4) [Chéjov, 2001, p. 159]

Перевод 2: FIRS: (Pasa un cepillo a Gáyev, sentencioso.) De nuevo(1) se puso otros(2) pantalones(3). ¿Qué debo hacer yo con usted!(4) [Chéjov, 2015, p. 382]

Локальный имплицат (1) играет роль центрального элемента системной компрессии [Шалудько, 2012, с. 39] всей реплики, свёрнутыми логическими пропозициями в которой выступают сразу несколько утверждений. Важными в контексте темы нашей статьи являются: «Герой часто надевает брюки, которые Фирс находит неподходящими»; «Слуга подбирает хозяину одежду»; «Есть брюки, которые, с точки зрения Фирса, не подходят»; «Фирс считает Гаева ребёнком». Вторая и третья пропозиции следуют из смыслового потенциала имплицата (2).

В переводе 1 вследствие выбора глагола «equivocarse» (который включает сему «неподходящий»), с одной стороны, синтаксическая структура предложения оригинала не сохраняется, но, с другой стороны, что гораздо важнее с точки зрения сохранения имплицата, подобный испанский аналог соответствует исконному имплицату, ставшему результатом структурной компрессии: реципиент текста перевода может вывести пропозиции 2 и 3 без дополнительных экспликации. В переводе 2, напротив, попытка сохранить синтаксическую структуру первого предложения реплики оригинала приводит к необходимости поиска испанского аналога для «не те», который содержал бы коннотацию «неподходящие», при этом не эксплицируя её в плане выражения через восстановление в процессе перевода опущенных вследствие компрессии оригинала элементов. Дело в том, что явившийся результатом структурной компрессии имплицат «не те» свойственен разговорному стилевому регистру русской речи как один из примеров синтаксического сжатия в соответствии с принципом экономии в языке. Лёгкость декодирования имплицата русскоговорящим реципиентом обусловлена однозначностью механизма синтаксического взаимодействия эксплицитной составляющей и опущенных элементов, которые со структурной точки зрения неизменно подразумеваются в виде придаточного определительного предложения, а семантически конкретизируются через лингвистический контекст. Испанское прилагательное «otros» данным параметрам, к сожалению, не соответствует, поскольку без учёта пресуппозиции (а её экспликация отсутствует в оригинале и, как следствие, в переводе), содержащей каузальность, заложенную в опущенных элементах компрессивного оригинала, декодирование коннотативного потенциала имплицата в полном объёме не представляется возможным. Причём необходимо отметить, что потеря имплицата в переводе 2 может даже привести к искажению смысла по причине наличия у испанского аналога значения «другой, новый», а также, как следствие, к выводу ложных пропозиций: «Гаев надел новые (т.е. чистые) брюки», «Фирсу приходится часто стирать одежду Гаева».

Пропозиция 4 может быть выведена только с учётом имплицата (3) – диминутивного суффикса «чк». Он представляет собой мотивированное эксплицитное приращение к ранее указанной имплицитной иллокуции высказывания. Если в процессе перевода не учитывать этот имплицат (что мы и можем наблюдать в текстах обоих переводов), реплика оказывается наделённой импликацией в виде ложной пропозиции: «Гаев рассеянный человек» и даже, возможно, «Гаев занятой человек, у которого нет свободного времени на решение бытовых вопросов».

Имплицат (4), явившийся результатом структурно-прагматической компрессии [Шалудько, 2012, с. 41] и содержащий ту же имплицитную иллокуцию интенции Фирса позаботиться о Гаеве, поругать его, как ребёнка, в обоих переводах эксплицирован не был. Потери имплицата не произошло благодаря выбору удачных аналогов передачи модальности реплики: глагольная перифраза «ir a» в вопросительных предложениях имеет модальный оттенок (перевод 1), собственно, как и глагол «deber» (перевод 2).

Таким образом, при переводе необходимо учитывать, что данная реплика отличается чертами, характерными для речевого взаимодействия Фирса с его хозяином Гаевым. В реплике реализуется нарушение постулата способа принципа кооперации Грайса [Грайс, 1985] посредством использования автором не соответствующих коммуникативной ситуации элементов, которые, являясь стилевыми коннотатами, выражают имплицитную иллокуцию заботы старого слуги о барине, как о ребёнке. Тем самым, рассматриваемые нами имплицаты, будучи результатом символизации [Шалудько, 2012, с. 42], с одной стороны, несут семантический потенциал инфантильности и несостоятельности Гаева, а, с другой стороны, соотносясь с имплицитной темой, формируют ядро хронотопа пьесы: жизнь в имении будто застыла во времени, ведь держащий под контролем практическую составляющую бытования имения Фирс обращается к хозяину, которому «уже пятьдесят один год, как это ни странно» [Чехов, 2022, с. 16], будто няня к своему воспитаннику.

В качестве последнего примера не можем не обратиться к реплике самого явного «недотёпы» комедии Епиходова – герой и сам сетует, что удача не сопутствует ему. Обращаясь к Лопухину, Епиходов говорит:

Не могу одобрить(1) нашего климата(2). (Вздыхает.) Не могу. Наш климат(2) не может способствовать(3) в самый раз. Вот, Ермолай Алексеич, позвольте вам присовокупить(4), купил я себе третьего дня сапоги, а они, смею вас уверить(5), скрипят так, что нет никакой возможности [Чехов, 2022, с. 10].

Перевод 1: No puedo conformarme con(1) este clima(2) nuestro. (Suspira.) No puedo. Este clima(2) nuestro no puede contribuir(3)..., en fin, a nada. Y ¿sabe usted, Yermolái Alekséyevich?(4) Anteayer me compré un par de botas y ya ve(5) que crujen de un modo inaguantable [Chéjov, 2001, p. 139].

Перевод 2: No puedo aprobar(1) nuestro clima(2). (Suspira.) No puedo. Nuestro clima(2) no puede contribuir(3) en su punto. Mire, Ermolái Alexéich, permítame añadirle(4), me compré antes de ayer estas botas, y me atrevo a asegurarle(5) que crujen de un modo que no hay ninguna posibilidad [Chéjov, 2015, p. 376].

В данном примере, как и в предыдущем, мы обнаруживаем, что импликаты являются результатом символизации, а именно символическими приращениями к эксплицитной семантике в виде стиливых коннотатов: реплика героя приобретает формальный тон именно благодаря импликатам и с точки зрения коммуникации нарушает постулат способа. Это необходимо учитывать при переводе.

Таблица 1. Импликаты как результат одного из видов символизации

Оригинал	Перевод 1	Перевод 2
одобрить (1)	conformarme con (1)	aprobar (1)
климат (2)	clima (2)	clima (2)
способствовать (3)	contribuir (3)	contribuir (3)
позвольте вам присовокупить (4)	¿sabe usted, Yermolái Alekséyevich? (4)	permítame añadirle (4)
смею вас уверить (5)	ya ve (5)	me atrevo a asegurarle (5)

Мы не будем останавливаться на трёх первых импликатах, поскольку считаем, что в обоих переводах импликаты сохранены посредством выбора лексем, соответствующих стиливому регистру реплики в тексте оригинала. Интерес вызывает перевод локальных импликатов (4) и (5). В переводе 2 сохранена синтаксическая структура, переводчик не отходит от формального тона реплики (за исключением, пожалуй, передачи «присовокупить» через «añadir» – глагол более нейтральный и с более широким полем употребления, чем «присовокупить»). А вот в переводе 1, напротив, импликаты потеряны: экспликация происходит через изменение синтаксической структуры, а также несоблюдение нарушения постулата способа. В следствие такой гиперкоррекции реплика становится менее косноязычной, начинает соответствовать коммуникативной ситуации вплоть до потери имплицитной иллокуции.

Теперь изучим эту реплику с точки зрения наличия в ней случаев структурно-прагматической компрессии. Дело в том, что реплика представляет собой косвенный речевой акт: жалобы Епиходова на погоду и сапоги содержат имплицитную иллокуцию – ему необходимо с кем-то поделиться, что он несчастлив, испытывает любовные переживания. Локальные импликаты данной реплики соотносятся напрямую не только с импликатом-концентром, но и с самой имплицитной, поскольку, как выясняется дальше по тексту, Епиходов сделал Дуняше предложение выйти за него замуж, а она пока не дала ответ. Таким образом, речь Епиходова (и так чувствующего себя неловко в окружающем его пространстве – то есть, в *настоящем* – и при этом находящегося в ожидании ответа, который решит судьбу героя, – то есть, определит его *будущее*) должна быть переведена с учётом неуклюжей манеры говорения, передавая неуверенность героя и его боязнь *грядущего*.

Не могу одобрить нашего климата. (Вздыхает.) Не могу. Наш климат не может способствовать в самый раз (1). Вот, Ермолай Алексеич, позвольте вам присовокупить, купил я себе третьего дня сапоги, а они, смею вас уверить, скрипят так, что нет никакой возможности (2) [Чехов, 2022, с. 10].

Перевод 1: No puedo conformarme con este clima nuestro. (Suspira.) No puedo. Este clima nuestro no puede contribuir... en fin, a nada (1). Y ¿sabe usted, Yermolái Alekséyevich? Anteayer me compré un par de botas y ya ve que crujen de un modo inaguantable (2) [Chéjov, 2001, p. 139].

Перевод 2: No puedo aprobar nuestro clima. (Suspira.) No puedo. Nuestro clima no puede contribuir en su punto (1). Mire, Ermolái Alexéich, permítame añadirle, me compré antes de ayer estas botas, y me atrevo a asegurarle que crujen de un modo que no hay ninguna posibilidad (2) [Chéjov, 2015, p. 376].

Таблица 2. Импликаты как результат структурно-прагматической компрессии

Оригинал	Перевод 1	Перевод 2
наш климат не может способствовать в самый раз (1)	este clima nuestro no puede contribuir..., en fin, a nada (1) (эxpликaция с потерей имплицата)	nuestro clima no puede contribuir en su punto (1) (сохранение имплицата)
скрипят так, что нет никакой возможности (2)	crujen de un modo inaguantable (2) (эxpликaция с потерей имплицата)	crujen de un modo que no hay ninguna posibilidad (2) (сохранение имплицата)

В переводе 1 имплицит (1) потерян по причине экспликации: находим восстановление одного из возможных вариантов структурного опущения оригинала. Стоит также отметить использование переводчиком указательного прилагательного «este», которое создаёт дополнительное семантическое приращение к имплицитной иллокутивной структуре, что придаёт реплике героя оценочную коннотацию с более интенсивной негативной окраской по сравнению с оригиналом. В переводе 2, напротив, сохранение синтаксической структуры, а также подбор аналога «в самый раз» – «en su punto», позволяют сохранить имплицит (1). «En su punto» удачен не только потому, что имеет значение «идеально, точно, впору», но также и потому, что является результатом структурной компрессии «estar en su punto» (в русском – «быть в самый раз»). «В самый раз» так же семантически не равно валентен глаголу «способствовать», как и «en su punto» – глаголу «contribuir». В случае с имплицитом (2) его потеря и сохранение (в переводе 1 и переводе 2 соответственно) происходят по тем же причинам.

Таким образом, в процессе перевода пьесы «Вишнёвый сад» на испанский язык сохранение локальных имплицитов представляется возможным только посредством их выявления, анализа и учёта их особенностей (в случае, например, с последним рассмотренным нами фрагментом, это соблюдение синтаксической структуры предложений оригинала и выбор лексем в соответствии со стилевым регистром оригинала). Именно те локальные имплициты, которые были наиболее точно переданы в тексте перевода, не теряют связи с имплицитной темой и, подобно кусочкам мозаики, с безупречной чеховской точностью заложенным в подтекстовом смысле комедии, собираются в единый образ *вечности*, которая прячется под маской терзающей героев *обыденности*.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике / общ. Ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс. 1985. – С. 217–237.
2. Зингерман, Б. И. Театр Чехова и его мировое значение / Б. И. Зингерман. – М.: РИК Русанова, 2001. – 432 с.
3. Молчанова, Г. Г. Семантика художественного текста (имплицитивные аспекты коммуникации) / Г. Г. Молчанова. – Ташкент: ФАН, 1988. – 163 с.
4. Полоцкая, Э. А. «Вишнёвый сад»: Жизнь во времени / Э. А. Полоцкая: Науч. Совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2004. – 381 с.
5. Чехов, А. П. Вишнёвый сад. Чайка: Пьесы / А. П. Чехов. – М.: Мартин, 2022. – 160 с.
6. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.
7. Шалудько, И. А. Имплицитное содержание художественного текста и проблема перевода / И. А. Шалудько // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2012. – № 4. – С. 39–45.
8. Chéjov, Antón Las tres hermanas. El huerto de los cerezos (trad. De Juan López-Morillas) / A. Chéjov. – Madrid: Alianza Editorial, 2001. – 235 p.
9. Chéjov, A. P. Teatro completo (trad. De Omar Lobos) / A. P. Chéjov. – Buenos Aires: Ediciones Colihue, 2015. – 992 p.

УДК 372.881.161.1

Образовательные возможности ИКТ в обучении русскому языку как иностранному
Байманова Л. С., Кокшетауский университет им. Ш.Уалиханова, к. ф. н., доцент, Казахстан
Абишева И. М., Южный федеральный университет, магистрант, Казахстан

Цифровые технологии, урбанизация и билингвализация играют важную роль в языковом пространстве Казахстана. По мнению казахстанских исследователей Н. Ж. Шаймерденовой и С. С. Жумановой «языковая среда в Казахстане характеризуется как естественная билингвальная, а в некоторых регионах естественная полилингвальная» [Основные направления внутренней и внешней политики, 2003].

Обучение казахскому и русскому языкам в иноязычной среде актуально на сегодняшний день, поскольку связано, в первую очередь, с тенденцией цифровизации и глобализации. По мнению ученых, подобный опыт работы и международное сотрудничество помогают осмыслить приходящиеся в эпоху цифровизации смену парадигм и, при этом выработки умений соответствовать вызовам времени [Сулейменова, Аканова, Шаймерденова, 2020, с.56].

Одним из ключевых составляющих современного образовательного пространства в эпоху цифровизации является внедрение современных технологий в учебный процесс. Это важнейшая составная часть успешного развития государства, которая позволяет соответствовать реалиям нового

времени. Основным звеном выступает создание такой системы воспитания и обучения, в которой каждый ученик в течение всей своей жизни будет иметь возможность приумножать свои знания и применять их на практике. Следовательно, вопросы смены образовательной парадигмы стали приоритетными, поскольку образование и процесс обучения являются механизмами по укреплению конкурентоспособности в мире.

По словам В. Г. Колосова, «инновационные технологии – набор методов, средств и мероприятий, обеспечивающих инновационную деятельность» [Колосов, 2021, с. 80]. В настоящее время существует большое количество образовательных технологий, которые повышают качество обучения русскому языку как иностранному, а также формируют коммуникативные компетенции у иностранных учащихся.

Образовательные возможности ИКТ в обучении РКИ включают в себя такие мультимедийные сервисы, как:

1. обучающие русскому языку порталы и сайты;
2. электронные библиотеки, энциклопедии и словари;
3. виртуальные сообщества и сетевые собрания звуковых, фото- и видеофайлов по разным темам;
4. электронные учебные пособия, включающие различные цифровые ресурсы;
5. электронные приложения по изучению русского языка как иностранного.

Огромный интерес у студентов-иностранцев, а также среди преподавателей русского языка как иностранного вызывает сайт EUMP.KZ «Образовательные возможности ИКТ в изучении русского языка как иностранного в высшей школе». Содержание электронного ресурса представлено комплексом учебных упражнений лексического, грамматического и фонетического характера с использованием различных мультимедиа. Данный курс можно использовать в качестве дополнительной методической помощи для преподавателя, а также для иностранных студентов, желающих изучать русский язык самостоятельно. Задания, представленные на сайте, направлены на развитие навыков слушания, аудирования, чтения и письма и составлены в соответствии с требованиями элементарного уровня А1. Основной учебный материал на данном сайте репрезентирован в формате видеоконтента.

С целью развития коммуникативных навыков методика обучения русскому языку как иностранному ориентирует на диалог, в ходе которого происходит обучение основным видам речевой деятельности. Диалог указывает, в первую очередь, на потребность, выраженную в коммуникативном намерении, оформленном в высказывание. А диалог, организованный с учетом инновационных технологий, развивает и мотивацию обучающихся, делает процесс обучения увлекательным. Диалоги, представленные на данной платформе, могут быть прослушаны через *QR-коды* на любом устройстве, что позволяет воспроизводить их в любое время. Данный инструмент позволяет рационально использовать время как преподавателя, так и студента, представляя возможность изучать материал дистанционно.

Многообразие интерактивных заданий, представленных на данном ресурсе, позволяет изучить основные лексические грамматические темы через готовые шаблоны заданий, а также может являться основой для создания собственных упражнений преподавателем. Одним из таких сервисов выступает приложение *LearningApps* – интерактивный сервис, позволяющий создать различные упражнения и задания. Данный сервис, состоящий из интерактивных модулей, создан с целью поддержки обучения и преподавания. Например, задание на определение соответствия профессий позволяет обучающимся изучить новые слова и формирует навыки критического мышления.

Для обучения грамматических тем в учебно-методическом пособии представлены задания, созданные в *Quizlet*. Это бесплатный сервис, информация на котором представлена в виде учебных карточек, позволяющих оперативно и легко усваивать новый материал. Данный материал представлен в готовом виде, а также его можно легко создать самостоятельно, используя картинки и аудио, видеофайлы. Сервис очень прост и удобен в использовании, задания могут носить игровой формат, чтобы мотивировать учащихся. В качестве примера можно привести задание, в котором иностранным студентам предлагается подобрать правильно пары слов в единственном и множественном числах.

Формирование правильного произношения слов в процессе обучения русскому языку как иностранному – важная составляющая часть в обучении фонетике студентов-иностранцев. И это же является одним из сложных моментов в обучении, так как для правильного произношения слов необходимо, чтобы иностранный студент различал звуки на слух. Трудность заключается в том, что для иностранцев многие звуки звучат одинаково. Одним из упражнений, представленных на данном ресурсе, который развивает фонематический слух у иностранных студентов, является упражнение, выполненное при помощи графического редактора *Jamboard*. Обучающимся нужно будет произносить звуки разной дифференциации – звонкие и глухие, например, ЗИ-СИ, ГЕ-КЕ и др.

Помимо фонетического аспекта, в методике преподавания РКИ выделяют еще 3 основных аспекта преподавания: грамматический, лексический и стилистический. Учитывая все требования к процессу

обучения, к ним следует прибавить еще один – лингвострановедческий. На платформе «Образовательные возможности ИКТ в обучении русского языка как иностранного» представлены учебные тексты, которые имеют лингвострановедческий характер, поскольку темы, раскрываемые в них, затрагивают все стороны повседневной жизни иностранного студента. В результате применения подобных аутентичных текстов формируется коммуникативная, социокультурная компетенции. Лингвострановедческий компонент можно также включить при организации самостоятельной работы студентов-иностранцев. Одним из современных методов, который предполагает формирование языковой картины изучаемого языка, выступает метод проектов. На занятиях русского языка как иностранного студенты могут создавать изучающие дневники или альбомы о жизни в стране, где они проходят обучение. Его можно оформить в виде презентации или видеоролика. Данную работу можно организовать в электронной среде, поскольку молодежь большую часть времени проводит в социальных сетях. Одним из таких упражнений на платформе выступает проектная работа, где студентам предлагается создать краткий пост о его окружении в стране, где он проходит обучение, опубликовать его под хэштегом в социальных сетях. Задание выполняется в группах; тем самым обучающиеся расширяют лингвострановедческий кругозор и пополняют активно свой словарный запас.

В учебно-методическом пособии представлены задания на развитие навыков чтения. Учебные тексты о регионе или городе, в котором обучаются иностранцы, помогают им лучше ориентироваться в малознакомой местности, а также способствуют формированию лингвокультурологической компетенции студентов в условиях данного города. Так, в 5 раздел настоящего пособия включены тексты о стране «Прекрасный Казахстан», «Город Кокшетау», «Расскажи о себе», «Наша комната», «На занятии». Использование регионального компонента в процессе обучения русскому языку как иностранному способствует активизации познавательных процессов, усилению мотивационного фактора, повышению интереса обучению, что в итоге приводит к более высокой эффективности обучения иностранных студентов в условиях русской языковой среды.

На сегодняшний день виртуальное образовательное пространство предполагает наличие большого количества мультимедийных сервисов и порталов, с помощью которых учащийся может самостоятельно проверить свои знания по изучаемому предмету. На наш взгляд, наиболее удобным и простым сервисом, который позволяет эффективно применять подобные контрольные формы работы, являются Google Формы. В конце 2 и 4 раздела мы включили онлайн-тестирование с помощью Microsoft Forms, где обучающиеся могут проверить свои знания по изученным темам, правильные ответы выдаются сразу. Это очень удобно для преподавателя, экономит его время, а также для студента-иностранца, который может наглядно увидеть вопросы, в которых он допустил ошибки.

Спроектированная модель учебно-методического курса, опубликованная на платформе EUMP.KZ, является помощником при организации учебного процесса, а также при самостоятельной подготовке студентов-иностранцев. Применение ИКТ в учебной деятельности позволяет активизировать обучающихся, дает возможность повысить профессиональный уровень педагога, а также разнообразить формы межличностного общения всех участников образовательного процесса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Основные направления внутренней и внешней политики. Послание Президента народу Казахстана. – Астана: 4 апреля, 2003. URL: www.akorda.kz.
2. Сулейменова, Э. Д., Аканова, Д., Шаймерденова, Н. Языки Казахстана: Социолингвистический справочник. – 2-е изд. – Алматы: «Золотая книга», 2020. – 458 с.
3. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Владимирова Т. Е. и др. – 2е изд., испр. и доп. – М. – СПб.: “Златоуст”, 2001. – 28 с.
4. Технологии развития критического мышления на уроках русского языка как иностранного // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. Коберник Л. Н.– 2015. – № 5-4. – С. 625–627;
5. Введение в инноватику: учеб. пособие / Колосов В. Г. / М-во образования Рос. Федерации; С.-Петербург. гос. техн. ун-т, Ин-т инноватики. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2002, 147 с.
6. Современные информационные и коммуникативные технологии в обучении иностранных студентов русскому языку / Таранова Т. Н., 2019.

Проектирование курса РКИ на основе концептов русской языковой картины мира

Башкина Е. С., Государственный институт русского языка

им. А. С. Пушкина, магистрант, Россия

Научный руководитель: д.пед.н., профессор Азимов Э. Г., Россия

Кречина Е. В., Государственный институт русского языка

им. А. С. Пушкина, магистрант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Аннушкин В. И., Россия

Актуальность исследования обусловлена ограниченным количеством онлайн-курсов РКИ, решающих проблему успешной межкультурной коммуникации.

Цель настоящего исследования – проектирование в рамках концептуально-ориентированного подхода эффективной образовательной модели обучения РКИ, созданной с учетом особенностей русской языковой картины мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005, с. 11]. Практическим результатом исследования будет реализованный проект онлайн-курса РКИ.

Основная идея концептуально-ориентированного подхода – «это переориентация обучения с освоения списков фактов и тем на освоение набора обобщений, выраженных в виде концептов. При таком обучении факты и темы всегда вписаны в более широкий общий контекст, заданный такими концептами. Они выступают в роли связующего звена, организующего разрозненный материал в общую картину» [Гасинец, Авдеенко, Михайлова, Федоров, Пашенко, 2020, с. 6].

Базой исследования будет служить анализ закономерностей отражения языкового сознания в грамматике, лексике языка, создание творческих заданий на основе этих закономерностей в рамках концептуально-ориентированного подхода, апробация эффективности отдельных заданий и всего курса с помощью опроса фокус-группы, анкетирования, ассоциативного эксперимента.

Выдвигается гипотеза о целесообразности проектирования курса РКИ с учетом данных этнопсихолингвистики и опорой на языковое сознание русского народа. Предлагается сместить фокус с языка как объекта обучения к языку как средству познания языковой картины мира народа, его мышления и культуры.

Включение данных о русской языковой картине мира в качестве «больших идей» курса позволит переориентировать обучение РКИ с освоения отдельных культурологических фактов в ходе изучения языка на освоение языка через культуру, культурный контекст – повторяющееся окружение знакового элемента.

Выстраивание образовательного курса вокруг особенностей русской языковой картины мира и культурного сознания народа, как некой системы «предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [Леонтьев, 1993, с. 18] предполагает осознанный подход к выбору заданий, иллюстративных и текстовых материалов. При построении такого курса появляются критерии оценивания учебного материала: от «нравится разработчику учебника» (субъективное начало) до «способствует пониманию определенной большой идеи» (объективное начало).

Курс обучения РКИ с помощью «больших идей», сформулированных на основе русского языкового сознания, будет способствовать решению проблемы успешной межкультурной коммуникации при изучении иностранного языка, глубинному пониманию языка, вызовет интерес не только к результату, но и к процессу обучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Большие идеи для содержания образования / Гасинец М. В., Авдеенко Н. А., Михайлова А. М., Федоров О. Д., Пашенко Т. В.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 60 с. (Современная аналитика образования. No 17(47))
2. Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Яз. Славян. Культуры, 2005. – 540 с.
3. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 18.

Виды и функционирование концептуальных метафор (на материале испанских газет)

Бобко М. С., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н., доцент Моисеенко Л. В., Россия

В нашей работе мы рассматриваем особый вид метафоры – концептуальную метафору – и опираемся на широко известную теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые считают, что «суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27]. По мнению М. Джонсона, когнитивный подход к изучению метафоры основывается на том, что на ее основе строится концептуальная система в сознании человека. В качестве материала исследования мы выбрали электронный вариант испанских газет El Mundo и El País.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе выделяют следующие виды концептуальных метафор: структурные метафоры, ориентационные метафоры и онтологические метафоры. Под структурными метафорами понимаются случаи, когда определенный концепт структурируется с помощью терминов другого (жизнь – это путешествие, время – это деньги и т. д.). Они способны конструировать одно понятие через другое. Рассмотрим следующий пример:

Un biotecnólogo mallorquín lidera una investigación pionera en *la lucha contra el cáncer* usando parte del dinero que recaudó su madre antes de fallecer por la enfermedad.

Для того, чтобы метафорически изобразить процесс проведения исследований в области онкологии и показать, насколько важна эта проблема, автор использует концептуальную метафору, где в качестве образной составляющей берется концепт *борьба, сражение (la lucha)*. Рассмотрим ещё один пример:

El clima parlamentario no se sosiega.

Данную метафору также можно отнести к структурным, так как через концепт «климат» автор структурирует понятие обстановки, ситуации в парламенте. Метафора возникает на основе сходства: климат является показателем условий, в которых обитают живые существа. В связи с этим настроения в парламенте представляют собой климат, в котором проходят заседания.

Следующий вид концептуальной метафоры – это ориентационная. Ориентационные метафоры связаны с пространственной ориентацией человека (верх – низ, передняя сторона – задняя сторона). Здесь мы не структурируем один концепт в терминах другого, а выстраиваем совокупность концептов относительно другой совокупности. Ярким примером онтологических метафор являются так называемые метафоры-вместилища. В них мы переносим представление о физическом объекте на различные предметы и явления, выделяя у них пространство внутри и снаружи. Рассмотрим следующий пример:

En la víspera de la cita, varios líderes opositores denunciaron que Morena estaba recurriendo al acarreo, un término utilizado en México para referirse a la movilización de personas, *a través de incentivos*, para participar en actos políticos.

Лексему *incentivos (стимулы, побуждения)* можно концептуализировать как сущность, *через (a través de)* которую можно «пройти». Это вполне естественная метафора, мотивируемая тем, что, когда мы преодолеваем какое-либо физическое расстояние, мы проходим *через* какую-то территорию.

Последним рассматриваемым нами видом являются онтологические метафоры, наиболее сложные для восприятия и понимания. Основой данного вида метафор служит особый способ восприятия действительности, когда человек сопоставляет различные события, действия, эмоции с материальными сущностями, т. е. в онтологических метафорах заложен феномен, идея, которая материализуется человеком в его сознании. Рассмотрим пример:

Todo apunta que ésta no será la última subida de tipos del presente año y que habrá tantas como sean necesarias para *suavizar la inflación*.

В данном примере мы представляем инфляцию как материальную сущность, которую можно деформировать, изменить, т. е. *смягчить (suavizar)*. Рассмотрим другой пример:

...Del Barrio *metió* estas ideas en La Nevera Roja, un rompedor servicio de delivery en forma de startup.

В данном случае *идеи, мысли (ideas)* воспринимаются как материальная сущность, а глагол *meter* подразумевает под собой то, что на основе каких-то идей и выводов был создан новый проект. Это и является сферой цели данной концептуальной метафоры, в то время как сфера образов раскрывается через

глагол *meter*, значение которого в данном примере может переводиться глаголом *вкладывать*. Обратимся - еще к одному примеру, в котором мы сможем выделить несколько концептуальных метафор:

En esta carrera por nutrir la marcha de manifestantes, el partido de AMLO ha sacado a relucir toda su maquinaria electoral.

Фраза *en esta carrera por nutrir la marcha de manifestantes* включает в себе как обращение к материальной сущности – онтологическая метафора (*nutrir la marcha*), так и структурирование одного концепта через другой (*en esta carrera*). Процесс организации поддержки протестующих со стороны партии сравнивается с гонкой за счет схожести образов: оба связаны с быстрым темпом и подразумевают присутствие соревновательности. С помощью данной метафоры автор, как мы предполагаем, старался показать читателю роль партии в данном процессе и ее отношение к происходящим событиям.

Таким образом, концептуальные метафоры не имеют единой модели построения и могут подразделяться на несколько видов, в зависимости от того, как связаны между собой два концепта. Концептуальная метафора используется для формирования представлений человека о мире, его отношения к тем или иным событиям, и в СМИ может применяться в качестве средства манипуляции, что дает возможность вызывать у читателей не только определенные ассоциации, но также отрицательные или положительные эмоции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович, Г. А. Введение в литературоведение / Г. А. Абрамович. – М.: Просвещение, 1994. – 167 с.
2. Глебкин, В. В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа – Джонсона / В. В. Глебкин // Вопросы языкознания. 2012. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17831560> (дата обращения: 22.04. 2022)
3. Калашникова, Л. В. Метафора в концептуальной структуре дискурса / Л. В. Калашникова // Вестник Воронежского государственного университета. 2005. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9913738> (дата обращения: 22.04. 2022)
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Jaynes, J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. – Boston: Houghton Mifflin, 1976. – 512 p.
6. El País. URL: <https://elpais.com/> (дата обращения: 22.04.2022)
7. El Mundo. URL: <https://www.elmundo.es> (дата обращения: 22.04.2022)
8. Real Academia Española. URL: <https://www.rae.es/> (дата обращения: 22.04.2022)

УДК 81`25

Трудности перевода текста с жанровой гибридизацией

Богомолова В. В., Иркутский государственный университет, магистрант, Россия
Научный руководитель: д.ф.н., профессор Литвиненко Т. Е., Россия

В стремительно изменяющемся мире коммуникация остаётся элементом, воспринимающим влияние этих изменений в первую очередь. Исследователи могут судить о них как по речевой деятельности человека, так и по результатам его письменного, литературного творчества. Среди последних эпистолярный жанр, выделяемый как отдельная, хоть и противоречивая, категория, продолжает приобретать всё новые формы. Например, разновидность email-романа хоть уже и не является новинкой для исследователей, однако и она продолжает усложняться, стирая внутри себя рамки между стилями и жанрами. Перед автором данной статьи стояла цель – рассмотреть на примере повести Родриго Муньоса Авиа (Rodrigo Muñoz Avía) «Счастье с доставкой на дом» («La tienda de la felicidad») проблемы представления текста эпистолярного жанра на языке перевода. Для достижения поставленной цели были выделены следующие задачи: 1) дать определению понятию «жанр», проследить динамику его изменений, 2) проанализировать феномен «гибридизации» жанров, 3) раскрыть значение эпистолярного жанра в его терминологическом разнообразии, 4) выявить проблемы представления текста эпистолярного жанра в переводе.

Актуальность проблемы жанра с момента его выделения в самостоятельную область лингвистического знания не угасала. Зародившись как понятие литературоведческое, как типовая разновидность текстов, уже в первой половине XX в. жанр начинает рассматриваться в более широком

значении: по М. М. Бахтину «речевой жанр» это любое ситуативно-типовое высказывание. В последние десятилетия взгляды учёных идут дальше, предлагающие рассматривать жанр как социальный факт, а сегодня в равной степени успешно используются оба подхода. В данной статье предпринята попытка применить в анализе и переводе текста обе концепции – для характеристики формы выбранной повести описать ее жанр как *литературный вид*, определив структурно-организационный характер произведения, выраженный в совокупности устойчивых признаков его образной структуры, и *речевой вид* произведения, отражающий специфику составляющих его речевых актов.

Вместе с тем, в условиях динамично развивающейся коммуникации и чётко обозначившейся в ней тенденции к стиранию границ несколько лет назад приобрёл особенную важность феномен гибридизации жанров, обозначенный впервые в основополагающей работе М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [Бахтин, 1996]. Двойственность в подходе к определению жанра предопределяет двойственность в анализе феномена гибридизации. Несмотря на то, что в отечественных лингвистических словарях и энциклопедиях данное понятие встречается довольно редко, исследователи, работавшие с этим феноменом, сумели выделить не только его детерминирующие свойства, но и основные векторы развития как в рамках литературного контекста (н-р, Л. Е. Муравьева), так и речевой ситуации (н-р, С. С. Маркова). По словам ученых данное явление отражает особенности современной коммуникации и заключается в смещении отдельных элементов или характеристик единиц речи на разных уровнях. Это положение позволило нам принять за основу следующее определение гибридизации: «процесс, благодаря которому два или более жанра сливаются, чтобы образовать новый жанр или поджанр, или процесс, приводящий к комбинированию черт, присущих разным жанрам, в одной работе» [Зиневич, 2021].

При взгляде на ретроспективу эпистолографии во всех её проявлениях можно с уверенностью сказать, что последняя обладает исходной подвижной формой, отражающей идиостиль его автора. При относительной системности примеров жанра и существующих классификациях, породивших впоследствии многочисленные терминологические дискуссии, её новые образцы (обязанные своим появлением особенностям современной коммуникации, таким, например, как *компьютерная коммуникация*) сохраняют тенденцию к изменчивости, что обращает на себя внимание исследователей и ставит перед ними новые задачи. Это, однако, не устраняет ключевого критерия определения эпистолярного жанра, заключающегося в его идентичности с эпистолярной формой коммуникации, предлагаемого Л. М. Крупчановым [*Цит. по* Шевченко, 2021]. Данный подход позволяет рассматривать выбранный материал в динамике, не с точки зрения сформировавшихся принципов, подразумеваемых жанром, но с позиций его «подвижного» характера.

Исследовательское поле, посвящённое эпистолярному жанру, тесно связано с переводоведческим аспектом темы. Например, М. С. Шевченко отмечает, что перевод произведений эпистолярного жанра требует от переводчика творческого подхода и владения различными речевыми регистрами. Специфику перевода эпистолярных текстов определяет многообразие используемых в нём стилей, для работы с которыми переводчик должен быть подкован как в сфере художественного, так и научного или публицистического перевода [там же]. А. В. Бояркина на примере частной немецкой переписки XVIII в. выделяет несколько особенностей жанра, влияющих на работу переводчика: неполноструктурность и присоединительный характер синтаксической организации; ориентированность на обиходно-разговорную речь, проявляющуюся в повышенной эмоционально-экспрессивной окраске лексики, появлении диалектных черт. Автор также рассматривает роль интертекстуальных элементов жанра и проблемы их перевода [Бояркина, 2020].

Выбранная для перевода и анализа повесть Родриго Муньоса Авиа «Счастье с доставкой на дом» была опубликована в издательстве Alfaguara в 2021 г. Книга представляет собой пример стирания жанровых границ в литературном творчестве, ставящий перед ее исследователем и переводчиком ряд проблем, затрагиваемых в данной статье. Для повести была выбрана уже не новая для исследователей форма email-романа, предоставившая автору определённую свободу в использовании элементов разных жанров, дискурсов и стилей. Однако перед читателем не просто переписка двух человек, а повседневная жизнь главного героя: в сети он поддерживает связь с семьёй, общается, узнаёт новости, заказывает продукты. Вместе с тем его заполняют многочисленные рекламные рассылки, уведомления, спам.

Одной из трудностей при работе с повестью стал перевод её названия. В качестве рабочих вариантов рассматривались несколько: «Магазин счастья», «Магазин удовольствий», «Счастье на заказ» и «Счастье с доставкой на дом». При переводе названия было важно помнить, что под аналогичным названием в тексте фигурирует онлайн-магазин товаров интимных услуг, из-за чего было важно сохранить его привлекательность как торгового предприятия. Первый вариант подобным свойством не обладал. Второй, отвечая этому требованию, за счёт конкретизации отображает характер коммерческой деятельности. Для контекста повествования это несомненный плюс, однако в качестве названия

произведения оно нежелательно сужает понятие «счастья» до удовольствия и искажает смысл всей повести. Третий и четвёртый варианты удачны с точки зрения сохранения лексемы «счастье». Но передача второй части оборотом «на заказ» подразумевает некую согласованность действий между участниками сделки, учёт требований потребителя, что также не отвечает роду получаемых услуг. «Доставка на дом» благозвучна как для названия магазина, так и для названия повести. Более того, она продолжает общее затворническое настроение главного героя.

На примере двух примеров можно проиллюстрировать многообразие речевых жанров, к которым обращается автор.

1. ¿Puedes enviarles, querida Pilar, mi mensaje de respuesta?: / «De vosotros, soez y baja canalla, no hago caso alguno; tirad, llegad, venid y ofendedme en cuanto pudiéredes; que vosotros veréis el pago que lleváis de vuestra sandez y demasía.» / Es del Quijote, ¿crees que conocerán ese libro?

Не могла бы ты, дорогая Пилар, отправить им следующее?: / «А вы, жалкие люди... приблизьтесь, нападите на меня всюю толпой сразу, и вы увидите, как я сумею наказать вашу неслыханную дерзость!» / Это из «Дон Кихота», думаешь, они догадуются?

Так Кармело Дуран отвечает председателю домового совета Пилар Хименес де ла Каль, которая, отреагировав на обращение жильцов, показала ему его фрагмент. Данный случай является примером сообщения институционального характера – *ответ на официальную претензию должностного лица*. Однако, в нём присутствуют элементы разговорно-бытовой коммуникации – *лично-ориентированные вопросы, разговорная лексика, синтаксис*. В их числе есть и *ирония*, прослеживаемая в динамике их переписки и выраженная, например, сменой формального *estimada* на *querida*. Для сохранения происходящих изменений в их общении при переводе на русский язык могут быть использованы слова «уважаемая» и «дорогая» соответственно. Здесь же герой прибегает ко включению фрагмента литературного текста – *цитаты*, что является неуместным в жанре официально-деловой коммуникации. Чётко выраженная коммуникативная цель приведённого фрагмента на исходном языке позволяет при переводе использовать аналогичные конструкции, что способствует достижению наибольшей степени адекватности перевода.

2. ¡Madre, se está quemando Notre Dame, la catedral de París! / ¿Puedes verlo? / Impresiona mucho. Igual consigues hacer algo desde ahí arriba para pararlo. / Inténtalo, te lo ruego, es muy triste que se pierda un edificio tan bonito.

Мам, Нотр-Дам горит! Главный собор Парижа! / Тебе оттуда видно? / Впечатляющая картина! А ведь ты там, наверху, могла бы и предпринять что-нибудь, чтобы всё исправить. / Попробайся, умоляю тебя, будет чрезвычайно грустно потерять такое красивое сооружение.

В этом примере Кармело пишет матери о пожаре 15 апреля 2019 г. в Соборе Парижской Богородицы. В целом данное письмо можно рассматривать как со стороны *монологических*, так и *диалогических* речевых жанров. Можно выделить такие речевые жанры как *новость* и *реплика-реакцию*. Особенно интересной деталью становится факт смерти адресата письма, что меняет акцент с в целом *ироничного* стиля его автора на эмоционально-лирическую сторону речи. К повседневному одиночеству главного героя после смерти матери добавляется скорбь, боль, сожаление. *Просьба* или *уговор* вместе с *остротами* в последнем предложении усиливают его эмоциональную окраску. В целом его письма к ней после смерти становятся длиннее, искреннее, что позволяет увидеть контраст между его жадой общения и сложностями в коммуникации в реальности.

Таким образом, жанровое многообразие повести усложняет процесс нахождения эквивалентов при переводе, ставя его в прямую зависимость от особенностей коммуникативных ситуаций, целей и стилей. Произведение представляет собой интересный образец «подвижности» жанра, становясь богатым источником материала как для анализа его жанрового феномена, так и переводческих решений, многие из которых ещё предстоит найти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // М. М. Бахтин Собр. Соч.: В 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1996.

2. Бояркина, А. В. Интертекстуальные элементы в эпистолярном тексте: проблемы перевода / А. В. Бояркина // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете : Под ред. С. Т. Нефёдова, И. Е. Езан. Том Вып. IX. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. Ун-та, 2020. – С. 131–148.

3. Зиневич, В. Д. Гибридизация жанров в терминологической системе М. М. Бахтина / В. Д. Зиневич // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : мат-лы IV

Междун. Науч.-практ. Конф., посвящ. 100-летию Белорусского гос. Ун-та, Минск, 26–27 марта 2021 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2021. – С. 833–837.

4. Шевченко, М. С. Особенности и проблемы перевода художественных эпистолярных текстов / М. С. Шевченко // Язык и коммуникация в контексте культуры : М-лы междун. Науч.-практ. Онлайн-конференции, Ростов-на-Дону, 21 апреля 2021 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2021. – С. 96–99.

УДК 37.03:37.016

Работа с текстом как средство формирования коммуникативной компетенции при обучении русскому языку как иностранному

Буженова Г. К., Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, магистрант, Казахстан
Научный руководитель: д.ф.н., профессор Ширяева-Ширинг О. В., Россия

Текст является ценным инструментом для изучения по нескольким причинам:

1. Объект обучения: текст служит объектом изучения языка. С помощью текстов учащиеся могут ознакомиться с различными языковыми структурами, лексикой и грамматикой. Они могут изучать и анализировать тексты, выявлять языковые особенности и улучшать свои навыки чтения и понимания на слух.

2. Организация обучения: тексты могут быть использованы для организации уроков и планирования учебных материалов. Преподаватель может выбирать тексты, которые соответствуют уровню и потребностям учащихся, и использовать их в различных учебных заданиях.

3. Контекст и коммуникация: тексты предоставляют контекст и реальные ситуации использования языка. Они помогают учащимся понять, как использовать язык в реальных общениях и контекстах. Через тексты учащиеся могут развивать навыки письма, говорения и аудирования, а также улучшать свою способность выражать свои мысли на иностранном языке.

4. Культурная информация: тексты также предоставляют информацию о культуре, истории и обычаях страны, где используется изучаемый язык. Учащиеся могут познакомиться с культурными аспектами через чтение текстов, что способствует развитию их культурной компетенции и пониманию различий между языками и культурами.

В работе К. Ф. Седова говорится, что коммуникативная компетенция – это «умение строить эффективную речевую деятельность и эффективное речевое поведение, которые соответствуют нормам социального взаимодействия, присущим конкретному этносу» [Седов, 2004, с. 23].

Действительно, для развития коммуникативной компетенции важно иметь знания о национальной культуре данного этноса, включая его речевую культуру и речевой этикет. Эти знания позволяют участникам коммуникации учитывать национальную специфику в процессе общения и взаимодействия на иностранном языке.

Таким образом, знание этнических и групповых особенностей языка и культуры помогает преподавателям и коммуникантам лучше понять основные концепции, ценности, обычаи и нормы поведения этноса, с которым они взаимодействуют. Это позволяет избегать недоразумений, неправильных интерпретаций и конфликтов, возникающих из-за культурных различий.

Нужно отметить, что коммуникативная компетенция включает в себя несколько уровней. Сальникова О. А. выделяет следующие уровни коммуникативной компетенции [Сальникова, 2012, с. 66–70]:

Языковая компетенция: этот уровень, связанный со знанием и пониманием языковых элементов, таких как лексика, грамматика, фонетика и морфология. Языковая компетенция включает знание правильного использования языка, его структур и основных правил.

Речевая компетенция: этот уровень связан с умением использовать языковые знания в устной и письменной речи. Речевая компетенция включает способность выражать свои мысли и идеи четко, связно и грамматически правильно, а также умение понимать иноязычную устную и письменную речь.

Дискурсивная компетенция: этот уровень связан с умением понимать и использовать различные типы дискурса, такие как разговорный язык, официальная речь, научные тексты и т.д. Дискурсивная компетенция включает знание организации текста, умение анализировать и производить тексты в соответствии с их целями, жанрами и стилями.

Культуроведческая компетенция: этот уровень связан с пониманием культурных особенностей и норм, которые влияют на коммуникацию. Культуроведческая компетенция включает знание обычаев, ценностей, общественных норм и поведения, которые могут варьироваться в разных культурах. Она

помогает участникам коммуникации адаптироваться к культурным различиям и устанавливать эффективное взаимодействие.

Риторическая компетенция: этот уровень связан с умением использовать эффективные стратегии речи, такие как убеждение, аргументация, организация информации и использование стилистических приемов. Риторическая компетенция включает умение адаптировать свою речь к различным контекстам, аудитории и целям коммуникации.

Все эти уровни взаимосвязаны и важны для развития полноценной коммуникативной компетенции. Они помогают участникам коммуникации быть грамотными, эффективными и адаптивными в использовании иностранного языка в различных ситуациях и контекстах.

Следует отметить, что для формирования коммуникативной компетенции учащихся необходимо, чтобы коммуникативной компетенцией обладал сам учитель.

Как учитель, так и ученик должны обладать рядом качеств и навыков, чтобы эффективно сотрудничать и достигать успеха в обучении и коммуникации. Ниже приведены некоторые из них:

1. Готовность к сотрудничеству: учитель и ученик должны быть открытыми для сотрудничества и взаимодействия. Они должны быть готовы слушать друг друга, принимать идеи и мнения другой стороны и совместно работать для достижения общих целей.

2. Адаптивность: учитель и ученик должны быть готовы адаптироваться к быстро меняющимся условиям и изменять свои подходы и стратегии в соответствии с этим.

3. Мотивация к поиску и изучению новой информации: учитель и ученик должны проявлять интерес к поиску новых знаний и информации.

4. Критическое и самостоятельное мышление: учитель и ученик должны быть способны критически мыслить и анализировать информацию.

5. Умение контролировать свою деятельность: учитель и ученик должны быть способны контролировать свою работу и прогресс.

6. Ясное формулирование целей и ценностей: учитель и ученик должны иметь ясное представление о своих целях и ценностях в обучении и коммуникации.

7. Использование эмоций в процессе общения: эмоции играют важную роль в коммуникации. Учитель и ученик должны быть способны распознавать и управлять своими эмоциями, а также учитывать эмоциональный фактор в общении с другими людьми.

В целом, эти качества и навыки помогают создать продуктивную и гармоничную образовательную среду, где учитель и ученик могут взаимодействовать успешно и достигать своих общих целей.

Таким образом, раскрыв важность коммуникативной компетенции, следует перейти к типам текстов, используемых на занятиях.

Текст-образец. Данный текст представляет собой образец, который демонстрирует важность анализа и изучения текстов для различных целей. Можно назвать основные: определение темы и идеи текста, создание заголовков, анализ языковых средств и их роли в передаче содержания, а также исправление орфографических и пунктуационных ошибок для точного передачи смысла.

Подходы, предложенные для достижения целей изучения текстов, обладают практической значимостью. Например, определение темы и идеи текста помогает понять основную мысль, которую автор хочет донести до читателя. Осмысленное озаглавливание текста позволяет сжать его содержание и подчеркнуть главное. Анализ языковых средств способствует пониманию того, как автор строит текст и какие стилистические приемы использует.

Упражнения на исправление орфографических и пунктуационных ошибок помогают формированию навыков грамотного написания, что существенно для ясного и точного выражения своих мыслей. Сравнение и анализ различных вариантов написания слов позволяет понять, как выбор определенных выражений и слов может влиять на смысл текста.

Такой аналитический подход к текстам способствует не только улучшению знаний русской грамматики и образцовой речи, но и способствует развитию речи в целом.

Репродуцируемый текст означает, что студентам предлагается воссоздать текст по памяти, учитывая его структуру и характер построения.

Авторы А. Д. Дейкина и Ф. А. Новожилова рассматривают это вид письменной работы с точки зрения теории речевой деятельности. Они подчеркивают, что «изложение как создание вторичного текста предполагает восприятие, осмысление, понимание учащимися исходного первичного текста. При этом осмысление – это процесс анализа, а понимание – его результат, синтез, обобщение прочитанной информации, содержание которой затем должно быть воспроизведено полно, выборочно или сжато в зависимости от установки, предъявленной в данном конкретном случае» [Дейкина, 1998, с.176].

Сочинения представляют собой форму продуцируемого текста в учебном процессе. Они имеют особое значение для формирования мировоззрения обучающихся и развития их творческих способностей и речи.

Излагая свои мысли, студенты глубже понимают окружающую действительность, общество, людей и себя. В процессе написания сочинения, обучаемые анализируют информацию, структурируют свои мысли, аргументируют свои утверждения и выражают свою точку зрения. Кроме того, такие упражнения способствуют развитию речи учащихся, улучшению их лексических и грамматических навыков.

Таким образом, сочинения играют важную роль в развитии языковых и творческих способностей студентов, помогают им стать более аналитичными, уверенными и выразительными в своих высказываниях.

В процессе работы с деформированным текстом обучаемые углубляют свои знания о тексте и его особенностях. Они изучают, как текст может быть изменен, искажен или переформулирован, что способствует лучшему пониманию его структуры и смысла. Это помогает им совершенствовать текстовые умения, которые они приобрели ранее. Деформированный текст также способствует формированию творческих навыков и умений учащихся. При работе с таким текстом они должны активно анализировать его, искать способы восстановления и улучшения его содержания и структуры. Это развивает их креативность и мыслительные способности, что является важным условием для формирования умения создавать хорошие тексты.

Далее предлагаются примерные задания для работы с разными типами текстов. Основой послужили тексты из учебного пособия Финагиной Ю. В. [Финагина, 2014, с.81]. Нужно отметить, что задания к текстам можно создавать на свое усмотрение, все зависит от творческого потенциала учителя, уровня подготовки группы.

Примерные задания к работе **над текстом-образцом** «Желтый аист» (Китайская народная сказка)

1. Прочитайте текст.
2. Объясните значение следующих слов: сердился, жалеть, заставлять.
3. Соедините части предложения.
4. Подберите антонимы к следующим словам: зашел, больной, открыл.
5. Как вы думаете, о чем эта сказка?
6. Перескажите сказку (домашнее задание).

Примерные задания к репродуцируемому тексту «Курящий человек никогда не будет старым...»

1. Прочитайте текст.
2. Ответьте на вопросы:
Зачем нужно покупать чудесные листья?
Почему курящего человека никогда не укусит собака?
Почему в дом курящего человека никогда не войдет вор?
Почему курящий человек никогда не будет старым?
3. Придумайте свое название для текста.
4. Составьте план текста.
5. Запишите по памяти этот текст.

Примерные задания к продуцируемому тексту «Любимый народный певец».

1. Прочитайте текст.
2. Какие песни пел певец?
3. Какие люди его слушали?
4. Назовите цвета из текста и подберите к ним определенные предметы.
5. «Людей одинаковых на свете нет!» Согласны ли вы с Солнцем? Или нет? Напишите свой ответ в форме небольшого сочинения.

Примерные задания к деформированному тексту «Добро без ума» (китайская сказка).

Составление предложений. Групповая работа. «Кто быстрее?»

Каждая группа составляет предложения из разбросанных слов. Слова отображены на слайдах.

Составление текста. Групповая работа.

Из этих предложений нужно собрать текст. Проставьте номера перед предложениями, чтобы получился связный текст.

Озаглавьте текст.

Определите тему текста и основную мысль.

Прочитайте текст по ролям.

Из опыта работы со студентами можно сделать вывод, что большой популярностью среди студентов-иностранцев пользуются тексты-образцы и деформированные тексты. Задания по репродуцируемому и продуцируемому текстам более результативны в национальных группах. Все это объясняется разным уровнем подготовки обучающихся.

Такие задания способствуют развитию у студентов навыков критического мышления, анализа, синтеза и абстрактного мышления, а также способности точно передавать информацию, что является важным аспектом их речевого развития и коммуникационных умений.

Таким образом, использование текста в процессе обучения русскому языку как иностранному является эффективным инструментом для развития навыков чтения, понимания на слух, говорения и письма, а также для погружения в культуру и контекст использования языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Дейкина, А. Д., Новожилова, Ф. А. Тексты-миниатюры на уроках русского языка. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 176 с.
2. Сальникова, О. А. Что включает в себя коммуникативная компетенция? // Начальная школа плюс До и После, 2012, № 7. – С. 66 – 70.
3. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции // К. Ф. Седов. – М., 2004.
4. Финагина, Ю. В. Русский язык как иностранный. Пособие по чтению: Учеб. Пособие / Под ред. Н. А. Дмитренко. – СПб.: НИУ ИТМО; ИхиБТ, 2014. 81 с. – URL: <https://books.ifmo.ru/file/pdf/1612.pdf> (дата обращения: 03.04.23).

УДК 81`25

Предпереводческая обработка текста (ПОТ): уровни языка и уровни культуры

Гаджиева А. О., Иркутский государственный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н, профессор Каплуненко А. М., Россия

Стремительно меняющийся мир трансформирует наше сознание, мышление, мировоззрение. Время новых смыслов вызывает необходимость обращаться к более глубокому пониманию оригинального текста не только с лингвистической точки зрения, но с точки зрения языковых особенностей и социально-культурного поля, в котором он был создан.

В этой связи представляет интерес переводческая школа американского теоретика перевода Юджина Найды и его последователей (Дж. Касагранде, В.Н. Комиссарова). Ее особенностью является акцент на культурно-этнических аспектах перевода.

Центральным понятием переводоведческой концепции Ю. Найды и главным критерием оценки качества перевода является «реакция рецептора». Ученый предлагает различать два вида эквивалентности перевода: формальную, ориентированную на оригинал, и динамическую, ориентированную на рецептора перевода. Сам автор симпатизирует динамическим переводам, полагая, что наибольшая близость текстов исходного языка (ИЯ) и переводческого языка (ПЯ) достигается благодаря адекватной реакции рецепторов, в связи с этим динамически эквивалентный перевод является наиболее естественным.

«При соблюдении формальной эквивалентности, пишет Найда, внимание концентрируется на самом сообщении, как на его форме, так и на содержании. При таком переводе необходимо переводить поэзию поэзией, предложение – предложением, понятие – понятием». Если же переводчик ставит перед собой цель достичь динамической эквивалентности переводного текста тексту оригинала, он стремится «не столько добиться совпадения сообщения на языке перевода с сообщением на языке оригинала, сколько создать динамическую связь между сообщением и получателем на языке перевода, которая была бы приблизительно такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала». Получатель переводного произведения не переносится в иную культуру, ему предлагается «модус поведения, релевантный контексту его собственной культуры; от него не требуется для восприятия сообщения, чтобы он понимал контекст культуры оригинала» [Найда, 1978, с. 115].

Проблема восприятия иноязычного текста из-за культурных различий рецепторов отражается и в известном постулате Дж. Касагранде: «переводятся не языки, а культуры». Трактовка данного утверждения позволяет говорить о том, что адекватный перевод требует дополнительных знаний, ассоциаций, связанных с традициями, обычаями, культурными ценностями и установками определенной культурно-языковой общности.

Свои мысли Дж. Касагранде изложил в статье «Цели перевода», опубликованной в 1954 г. в журнале «International Journal of American Linguistics». Постулируя, что характер перевода определяется его целью, автор предлагает различать 4 вида перевода.

- Прагматический перевод, целью которого является точная передача сообщения.
- Эстетическо-поэтический перевод, цель которого воспроизвести литературную или эстетическую форму.
- Этнографический перевод, преследующий цель объяснить культурный контекст оригинала.
- Лингвистический перевод, имеющий целью указать значения морфем оригинала.

Предложение классифицировать переводы и требования к ним в зависимости от цели, которую ставит перед собой переводчик, оказалось весьма плодотворным и получило дальнейшее развитие во многих более поздних концепциях перевода.

Следует также отметить, что Дж. Касагранде сформулировал понятие «абсолютной эквивалентности» как обеспечение идентичной реакции читателей перевода и предложение проверить эквивалентность перевода по реакции на него информантов. Тем самым он в определенной степени продолжил некоторые концепции переводоведческой школы Ю. Найды [Комиссаров, 1990, с. 192].

Одним из подходов к решению проблемы адекватного перевода является теория уровней эквивалентности, разработанная В. Н. Комиссаровым. Он выделяет 5 уровней эквивалентности перевода в зависимости от той части содержания текста, смысл которой необходимо передать [Комиссаров, 1990, с. 51].

- Для первого типа эквивалентности характерна передача наиболее общей части содержания высказывания, которая составляет цель коммуникации и свойственна высказыванию в целом.
- При втором типе эквивалентности в оригинале и переводе одна и та же ситуация идентифицируется одним из возможных способов ее описания, отражающим признаки этой ситуации.
- К особенностям третьего типа эквивалентности относится общность основных понятий, сохранение структуры сообщения, когда для описания ситуации в оригинале и переводе выбираются одни и те же ее признаки.

Таким образом, второй и третий типы эквивалентности являются наиболее применяемыми в практике перевода. Четвертый и пятый уровни эквивалентности наряду с вышеуказанными характеристиками предполагают максимально возможную близость значений, соотнесенных синтаксических и лексических единиц.

- Четвертый тип эквивалентности воспроизводит значительную часть значений синтаксических структур оригинала.
- В последнем, пятом типе эквивалентности, достигается максимальная степень близости содержания оригинала и перевода, которая может существовать между текстами на разных языках.

Итак, иноязычный текст как продукт определенной культуры является хранителем культурнозначимых событий и фактов, знание которых необходимо для создания адекватного перевода.

Теоретическим проблемам реконструкции дискурса (РД) уделяет внимание Е. Е. Калиш. Она считает, что для создания адекватного перевода в случаях, когда тексты содержат культурную специфику, переводчик обязан реконструировать уникальный для исходной культуры контекст ситуации. Отмечается, что в отличие от предпереводческого анализа, нацеленного на выработку общей стратегии перевода, ознакомление с тематикой, тезаурусом и композиционной структурой оригинала, РД проводится при возникновении определенной переводческой проблемы, связанной с незнанием той культурной ситуации, к которой отсылает текст исходного языка (ИЯ). РД предполагает выход за рамки текста с целью получения дополнительных знаний культурологического характера, особенно в случае с текстами, имеющими уникальный культурный контекст.

РД становится необходимым условием понимания контекста и является важной составляющей частью предпереводческой обработки текста (ПОТ). Данный термин выделает А.М. Каплуненко. Совокупность смыслов оригинала, требующих для их адекватного понимания реконструкции дискурса, составляет культурный аспект ПОТа. В условиях учебной деятельности РД оказывается эффективным способом развития культурно-ориентированных компетенций переводчика.

В зависимости от характера культурного контекста Е.Е. Калиш выделяет 5 уровней РД.

- Реконструкция общекультурного контекста.
- Реконструкция этнокультурного контекста.
- Реконструкция контекста времени культуры.
- Реконструкция контекста субкультуры.
- Реконструкция контекста локальной культуры [Калиш, 2018, с. 17].

Исходя из данной классификации наибольшую сложность представляют 3 и 4 уровни РД.

РД в свою очередь применяется, как более инновационный этап работы над текстом ИЯ, чем ПОТ. Если мы внимательно проанализируем действия на этапе ПОТ, то придем к выводу, что это и есть реконструкция дискурса. Но РД созвучна современным подходам к диалектике текста и дискурса. Она подводит ПОТ под единое методологическое основание.

Язык неразрывно связан с культурой, а культура с языком. Проанализировав определения термина «культура» некоторых исследователей (К. Леви-Стросса, Ю. Лотмана, М. Хайдеггера, А. Бенуа), мы можем дать общую характеристику этого феномена. Культура – это система материальных и духовных ценностей, взглядов и понятий, созданных и неразрывно связанных с человеком и природой, благодаря которым происходят коммуникация, изучение и преобразование окружающей среды, развитие общества и достижение в различных сферах человеческой деятельности.

Н. В. Тимко пишет: «Некоторые специалисты считают, что ошибочно употреблять термин «культура» применительно ко всем временам и народам. Так, по мнению фон Гердера, каждое общество имеет свою собственную культуру, так же, как и различные подгруппы общества характеризуются наличием своих субкультур, определяемых целым комплексом параметров – территориальных, этнических, социальных, профессиональных, возрастных, половых, региональных и т.д. Именно эти параметры определяют систему ценностных ориентаций, традиционных норм, стереотипов, стандартов и идеалов определённой субкультуры. При значительном разнообразии субкультур существует некая общая культура нации, которая, в свою очередь, интегрирована в культуру определённой социальной системы, определённой цивилизации, поскольку каждая цивилизация, каждая социальная система характеризуется особым восприятием мира» [Тимко, 2010, с. 23–24].

Проанализировав несколько англоязычных и русскоязычных словарей, мы можем сравнить переводы наименований различных субкультур с английского на русский и то, какую коннотативную окраску эти субкультуры имеют в российском менталитете.

Так, например, английский термин *nerds* означает непривлекательных и неуклюжих людей, ставящих других в неловкое положение в обществе. Такие люди не располагают к себе внешним видом, поведенческими особенностями. Их внешность невзрачна, практически незапоминающаяся, а характер оставляет желать лучшего. При переводе мы получаем эквивалентное слово *ботаники*. Значение данного термина обширно, так как ботаником может быть и человек, изучающий науку «ботаника», и учитель. Однако мы трактуем это слово в значении «молодой человек худого телосложения, в очках, одетый в рубашку, классические брюки и обувь черного или коричневого цвета, зачастую замкнутый, необщительный, заносчивый, любящий поумничать». В данном переводе слово выступает в качестве ярлыка, который чаще всего несет обидный характер.

В качестве следующего примера рассмотрим термин *jocks*. Это молодые люди, усердно занимающиеся каким-либо видом спорта систематически и профессионально, обладающие подтянутыми телами, выступают на различных соревнованиях. На русский язык слово переводится как *качки*. Этот термин применим к людям, преимущественно к мужчинам, упорно занимающимся такими видами спорта, как культуризм и бодибилдинг, нацеленными на увеличение объема мышц и на формирование собственного тела. Для этого они часами проводят время в спортзале, пьют специальные протеиновые коктейли для увеличения мышечной массы и «сидят на сушке», как они сами говорят (уменьшение жировой ткани в организме). В сознании качков преобладает так называемый «культ тела». Они увлечены не столько самим спортом, сколько идеальным телом, которое хотят иметь.

Субкультура *панков (punks)* в свое время распространилась по всему земному шару и оказала массовое влияние на людей. Название в российскую культуру перешло в том же варианте, что и в американской. Особой разницы в поведении и взглядах между российскими и американскими панками не наблюдалось. Они начесывали волосы, превращая их в ирокезы, красили их в яркие цвета, носили черные кожаные куртки с шипами и цепями, рваные джинсы и дополняли свои образы браслетами и серьгами. Панки были приверженцами свободы и независимости, выступали против авторитаризма, боролись за права людей и устраивали протесты. Помимо этого, они увлекались рок-музыкой и создавали собственные музыкальные бэнды.

Байкеры (bikers), как и большинство субкультур, пришли к нам с запада. Однако единственное, что они скопировали, это образ бородатых мужчин в банданах и кожаных куртках с цепями. Духовная составляющая западных и российских байкеров разноплановая. Российские байкеры поддерживают политику, организуют различные мероприятия, направленные на поднятие духа патриотизма, проводят ежегодные байк-шоу и байк-фестивали, привлекая к выступлениям различные рок-группы. Американские представители субкультуры, напротив, находятся в плохих отношениях с властью. Несколько раз правительство пыталось запретить байкерские сообщества из-за распространения

преступности, грабежа и торговли наркотиками. Помимо этого, деятельность американских байкеров заключается в гоночной езде по дорогам ради собственного развлечения.

В американской культуре существует такое слово, как *techies*, применяемое к людям, обладающим большим количеством знаний о компьютерах и электронной технике. В переводе на русский мы получаем слово *технари*. Технарями называют людей, разбирающихся в точных науках, таких как математика, физика, информатика и т.п. Технари малоэмоциональны, не питают большой любви к творчеству, уверены в своей правоте и пытаются убедить всех в этом, не обладают бурной фантазией и особенно ценят краткость и четкость при разговоре с людьми. Можно сказать, что технарь – это не только про склад ума, но и про человеческий типаж.

В субкультуру *druggies* входят люди, регулярно употребляющие наркотики. Русский вариант данного слова *наркоман* или *торчок*. Также у нас существует термин *наркогенная субкультура*. Ее представители придерживаются взгляда, что удовольствие является основной жизненной ценностью. Чаще всего к употреблению наркотиков приходят люди, уже состоящие в какой-либо субкультуре, чаще всего молодежь. У наркоманов есть свой сленг, связанный со способами дешёвого приобретения веществ. Отмечаются тенденции возникновения «наркоманского стиля» в одежде. Зачастую это вещи свободного кроя, рваные джинсы, грязные майки, старые спортивные костюмы.

Помимо вышеперечисленных субкультур, существуют различные религиозные организации, которые интерпретируются как *God Squadders*. Это общество христиан, считающих себя чересчур настойчивыми в попытках убедить других людей верить так, как верят они. Предлагается перевести этот термин, как *сектанты*, т.е. последователи какой-нибудь религиозной секты. В российском менталитете слово сектант имеет негативную коннотацию, т.к. чаще всего это люди, вступившие в оппозицию традиционным религиозным взглядам и течениям. Сектанты идентифицируют себя как религиозных людей, но на самом деле оказывают негативное психологическое воздействие на сознание людей. Они группами ходят по улицам, раздают брошюры или мини-книжки, содержащие информацию об их религиозных убеждениях. Также сектанты ходят по квартирам в составе двух-трех человек с лозунгами о боге и вере, иногда пытаются вытянуть из людей деньги или исподволь подводят их к суицидальным действиям.

Термин *drama geeks* трактуется словарем Urban Dictionary [Urban Dictionary, URL], как тот, кто любит драматизировать и считает, что делает это профессионально и круто. Однако английское слово *drama* всегда переводится дословно и означает что-то драматическое. Термин переводится также в значении “театральный”, “актерский”. Таким образом, в качестве русского эквивалента можно остановить свой выбор на слове *театральщики*. Театральщиками называют личностей, которые “включают театральное мастерство”, чтобы приукрасить какую-либо ситуацию. Наигранность в поступках и поведении – вечные спутники этих людей. Они любят обращать на себя внимание путем наигранных эмоций, неискренности слов и “выпячивания” своего “Я”.

Субкультура *poets* также имеет свое место в американской культуре. Представителями этого течения являются молодые люди и девушки лет 16–17, которые увлекаются написанием небольших стихшков, не относящихся к высокой поэзии. На русский более точным будет перевод *стихоплеты*. Мнимые поэты собираются после уроков в школьной библиотеке или учебной аудитории и начинают творить. Они примитивно рифмуют строчки, четверостишия на простые темы, не затрагивающие тонкие струны души. Чаще всего эти “стихи” приобретают романтический характер, поскольку посвящаются предмету своего воздыхания. Однако многие пишут исходя из фантазийных представлений о жизни, мире и любви.

Dungeons&Dragons это название настольной ролевой игры в жанре фэнтези. В свое время эта игра была очень популярной среди подростков и взрослых. Каждый игрок выбирал персонажа, которым хотел играть, затем участники следовали указаниям ведущего и выполняли различные задания. Интерес игроков с каждым разом увеличивался все больше и больше. В дальнейшем участникам пришла идея о воплощении образов героев в реальность. Так, люди шили идентичные костюмы, переодевались, а затем выходили на широкое безлюдное пространство (поле) и выполняли задания, идентичные настольной игре, только в условиях реальной жизни. В наше время в социуме таких людей называют косплейщиками (от англ. *Cosplay – costume play*). Однако их образы основаны не на настольных играх, а, скорее, на мультфильмах, мультсериалах или кино. Они также делают костюмы и собираются на массовых тематических мероприятиях. Таким образом, люди могут ощутить себя в роли любимого персонажа и получить удовольствие.

Проведенное исследование показало, что предпереводческая обработка текста (ПОТ) – это сложный, интересный творческий процесс, направленный на понимание смысла и максимально точную его передачу. В ходе этой увлекательной деятельности переводчик должен опираться на особенности

определенного культурного сообщества, его традиции, ценности, достижения и социально-политический, экономический, исторический контекст.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Будник, Г. А., Культурология: учеб.-метод. Пособие Королева Т. В. / Будник, Галина Анатольевна, Королева Татьяна Витальевна – Иваново: ФГБОУВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина», 2018. – 152 с.
2. Калиш, Е. Е. Реконструкция дискурса в целях перевода. Теоретические проблемы: монография / Е. Е. Калиш. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – 151 с.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. Для ин-тов и фак. Иностр.яз. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш.шк., 1990. – 253 с.
4. Найда, Ю. К науке переводить. Принципы соответствий / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Ред.: В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения. 1978. – С. 114–137.
5. Тимко, Н. Фактор «культура» как переводческая проблема и способы его нейтрализации / Н. Тимко // Вестник ВГУ. – 2010. – № 4. – С. 175.
6. Nida E. Towards a Science of Translating. Special Reference lo Principles and Procedures Involved in Bible Translating. – L.: Brill, 1964. – 331 с.
7. Urban Dictionary – URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 29.03.2023).

УДК 372.881.161.1

Адаптация художественных текстов для работы на уроках РКИ на примере рассказа Елены Долгопят «Часы»

Голубева К. В., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Помигуева Е. А., Россия

Текст является необходимым инструментом обучения русскому языку как иностранному, средством развития основных видов деятельности (чтение и говорение), в нем содержится культурологическая, языковая ценность.

Включение текста в процесс обучения РКИ раскрывает целый ряд преимуществ как перед учащимися, так и перед другими участниками учебного процесса. Среди основных возможностей можно выделить сообщение студентам-инофонам страноведческой информации, развитие языковых компетенций, обогащение словарного запаса, а также повышение мотивации не только к чтению, но и к изучению языка в целом.

Эффективность включения текста в процесс обучения напрямую зависит от критериев отбора текстов, а также от средств адаптации, которые будут учтены.

Нет единой точки зрения на критерии, которые необходимо учитывать при проведении отбора текста.

Ряд ученых считает главным соответствие текста дидактическим приоритетам. Так, например, Л. И. Зильберман отмечает, что текст должен, во-первых, достигать целей обучения, а, во-вторых, извлекать необходимую информацию на изучаемом языке.

С другой стороны, некоторые на первый план выдвигают познавательную-воспитательную ценность произведения и близость читателям проблематики текста. Так, важным в этом свете является личность обучающихся, их интересы, ценности, предпочтения. Ученые Л. С. Журавлева и М. Д. Зиновьева в своих работах предлагают также учитывать специфические черты учащихся: «социально-психологические, национальные характеристики, а также степень подготовленности к восприятию художественной литературы» [Журавлева, 1984, с. 9].

Еще в одном подходе отбора текстов для уроков РКИ ученые предлагают опираться на параметры самого текста, его доступность, членимость, системность и связь с грамматическим материалом.

В след за Л. И. Зильберманом выделим следующие критерии отбора текста: «модальность, коммуникативное единство, тематическая целостность, структурное единство, смысловая законченность» [Зильберман, 1988, с. 55–57].

На наш взгляд, процесс отбора языкового материала только тогда можно считать успешным, когда в отобранном тексте учитываются как лингвистические и концептуальные особенности текста, так и личность самих учащихся.

Правильно отобранный материал помогает студентам в изучении русского языка, культуры, говорящего на нем народа, а также повышают уровень мотивации инофонов.

Несмотря на большое количество преимуществ использования текстов на уроках русского языка как иностранного, существует целый ряд проблем, с которыми могут столкнуться студенты, а также преподаватели.

Так, например, студенты могут столкнуться с непониманием смыслов текста из-за обилия незнакомой лексики, неизвестных грамматических конструкций, культурных, исторических и социальных реалий, а также утратой осознанности в овладении учебным материалом. Что может привести к потере мотивации и замедлению процесса обучения.

Инструментом, снимающим возможные проблемы, связанные с текстом, выступает адаптация.

В «Словаре методических терминов» дается следующее определение: «Адаптация текста – упрощение, приспособление, облегчение или усложнение текста соответственно уровню языковой компетенции учащихся» [Азимов, 2009, с. 10].

Отметим, на адаптацию влияют многие факторы, например уровень владения языком учащимися, их культурные особенности, а также предпочтения самого преподавателя.

Так, для каждого уровня языковой компетенции подходят своя степень адаптации. Тексты с сильной, при которой происходит почти полное изменение структуры текста, подходит для начального этапа обучения, а слабая и условная адаптация для студентов с высоким уровнем владения языком.

Адаптация может происходить на разных уровнях, так основываясь на этом утверждении, на основе характера материала и целевой установки Н. В. Кулибина в своих работах выделяет четыре основных вида: «лингвистическую – упрощение текста через лексические или грамматические синонимические замены; нелингвистическую – изменение объема текста, сокращение тематических линий; прагматическую – устранение прагматических лакун (сохранение прагматического эффекта); культурную – устранение культурных лакун (экспликация лингвокультурологической информации, которая может быть незнакома потенциальному читателю)» [Кулибина, 2001, с. 23].

Использовать на уроках РКИ можно тексты разной стилистической принадлежности. Однако считаем, что наибольший интерес представляют художественные тексты и прежде всего современные, так как и язык и реалии страны изменяются со временем. Необходимо пополнять текстотечку новыми художественными произведениями.

Для демонстрации работы с текстом, а также способов адаптации нами был выбран текст современного автора Елены Долгопят «Часы», написанный в 2004 году.

Рассказ был выбран, так как текст соответствует всем необходимым критериям.

Прежде всего полный текст можно разделить на несколько фрагментов, которые обладают коммуникативным единством, тематической целостностью и смысловой законченностью.

Также текст обладает дидактическим потенциалом, различные фрагменты можно сделать иллюстративным материалом к таким грамматическим темам, как имена прилагательные в различных падежах, глаголы движения, деепричастия, причастия и т.д.

Более того, рассказ «Часы» может послужить средством воспитания студентов, инструментом знакомства с культурными реалиями, при этом подходит для многонациональной группы.

И наконец, знакомство учащихся с современной литературой может повысить уровень их мотивации к чтению литературы и изучению языка.

Из всего текста нами был выбран отрывок, состоящий из 720 слов. Именно на его примере мы постараемся показать основные приемы адаптации на разных уровнях.

Во-первых, нелингвистический уровень – сокращение исходного объема текста. После проведения адаптации на данном уровне текст приобрел новый размер в 560 слов.

Во-вторых, лингвистический уровень. Именно на нем необходимо провести самую большую работу по адаптации текста.

Среди примененных нами средств отметим:

1) Упрощение текста путем изменения грамматических конструкций: «**Снимая часы (когда он снимал часы)**, он задел вазу, она грохнулась о пол, и Сашка замер на стуле» [Долгопят, URL], «Но мать не слышала, потому что в это время по телевизору взорвалась **прямо в воздухе рухнувшая с моста (убрать грамматическую конструкцию)** машина» [Там же], «С часами ничего не произошло, но из воздуха, **уплотнившегося перед Сашкой (убрать грамматическую конструкцию)**, образовался вдруг человек» [Там же].

2) Замещение оригинальной текстовой единицы другой, сходной по смыслу: «...он задел вазу, она грохнулась о пол...» [Там же] – «ударилась и разбилась», «...одет человек был в старенькие затрапезные джинсы, **стоптанные** сандалии на босу ногу...» [Там же] – «ударилась и разбилась», «...одет человек был в старенькие джинсы, сандалии с дырками на босу ногу...», «...он молча **тарачился на возникшего**» [Там же] – «он молча тарачился на человека, который появился».

3) Удаление единиц для создания целостности текста: «он тихонечко заглянул в комнату и, увидев, что мать увлечена **продолжающейся** автомобильной погоней» [Там же] – «он тихонечко заглянул в комнату и, увидев, что мать увлечена автомобильной погоней».

На наш взгляд, отрывок не нуждается в культурной и прагматической адаптации. Все прагматические и культурные проблемы, которые могут возникнуть в ходе работы с текстом, можно решить на предтекстовом и послетекстовом этапе.

Таким образом, отрывок из рассказа «Часы» подвергается средней адаптации, так как прежде всего сокращается количество трудных мест, подбираются синонимы для лучшего понимания, но не очень изменяется общий объем текста. Новый текст можно использовать на уроках русского языка как иностранного, начиная с А2.

В результате проделанной работы можно сделать вывод, что текст обладает множеством преимуществ для работы на уроках русского как иностранного. Возможные проблемы помогает решить адаптация – универсальное средство, которому могут подвергаться тексты разных стилей. Наибольший интерес представляют художественные тексты, особенно современных авторов. Пополнение текстотеки новыми материалами позволит повысить уровень мотивации студентов к обучению. Нами был адаптирован рассказ Елены Долгопят «Часы», который можно в будущем использовать на занятиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов, Э. Л., Щукин, А. И. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Л. Азимов, А. И. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Журавлева, Л. С., Зиновьева, М. Д. Обучение чтению (на материале художественных текстов) / Л. С. Журавлева, М. Д. Зиновьева. – М.: Русский язык, 1984. – 96 с.
3. Зильберман, Л. И. Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы / Л. И. Зильберман. – М.: Наука, 1988. – 161 с.
4. Кулибина, Н. В. Зачем, что и как читать на уроке / Н. В. Кулибина. – СПб.: Златоуст, 2001. – 263 с.
5. Сайт Елены Долгопят – URL: <https://dolgopyat.ru/chasy> (дата обращения: 16.04.2023).

УДК 37

Использование онлайн-материалов и инструментов для индивидуализированного онлайн-обучения иностранному языку для взрослых

Губенко А. С., Белгородский государственный университет, магистрант, Россия
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Шейфель Н. А., Россия

В последнее время все больше людей сталкивается с необходимостью изучения иностранного языка. Современный мир требует от нас многогранного развития, и знание иностранного языка является одним из ключевых факторов успешности. В настоящее время существует множество онлайн-материалов и инструментов для обучения иностранным языкам, которые могут помочь взрослым студентам достичь своих целей в изучении языка. Мы рассмотрим актуальность использования онлайн-материалов и инструментов для индивидуализированного онлайн-обучения иностранному языку для взрослых.

В современном мире онлайн-обучение стало очень популярным. Онлайн-курсы и материалы доступны круглосуточно и соответствуют уровню и потребностям каждого студента. Большинство взрослых студентов заняты на работе или заботятся о семье и не могут учиться в традиционном классе. Использование онлайн-материалов и инструментов для индивидуализированного онлайн-обучения иностранному языку позволяет им изучать язык в своем собственном темпе и по своему расписанию.

Использование онлайн-материалов и инструментов для обучения иностранным языкам было исследовано многими учеными. Некоторые исследования показывают, что использование онлайн-материалов и инструментов для обучения иностранным языкам может улучшить мотивацию студентов, а также улучшить их понимание и использование языка [Vacha, 2017, с. 2]. Однако другие исследования показывают, что эффективность онлайн-обучения зависит от того, какие материалы и инструменты используются, а также от того, какой уровень мотивации у студента [Gebhard, 2006, с. 127].

Целью данной работы является рассмотрение актуальности использования онлайн-материалов и инструментов для индивидуализированного онлайн-обучения иностранному языку для взрослых и выявление их эффективности и преимуществ по сравнению с традиционными методами обучения.

Онлайн-обучение иностранным языкам становится все более популярным. Это связано с рядом преимуществ, которые предоставляет онлайн-обучение. Онлайн-курсы и материалы могут быть

адаптированы к потребностям каждого студента, а также предоставляют гибкость и удобство, которых может не быть в традиционных классах. Кроме того, использование онлайн-материалов и инструментов позволяет студентам работать над улучшением различных аспектов изучаемого языка, таких как грамматика, произношение, словарный запас и т.д. [Bacha, 2017, с. 9].

Онлайн-обучение иностранным языкам для взрослых может быть индивидуализированным и нацеленным на потребности каждого студента. Это позволяет студентам учиться в своем собственном темпе и по своему расписанию, что очень важно для занятых взрослых студентов. Онлайн-курсы и материалы также обычно доступны на разных уровнях сложности, что позволяет студентам выбирать курсы, соответствующие их уровню знаний.

Одним из основных преимуществ онлайн-обучения иностранным языкам является его доступность. Студенты могут учиться из любой точки мира, где есть доступ к интернету. Это означает, что они могут учиться в своей стране, не покидая свой дом. Более того, это означает, что они могут учиться с преподавателями из разных стран, что может помочь им улучшить свой язык и понимание различных культур [Hampel, 2012, с. 15].

Одним из основных инструментов онлайн-обучения является использование различных приложений и программ для обучения языку. Некоторые из них предоставляют множество интерактивных заданий и упражнений для студентов, а другие используют искусственный интеллект для настройки программы на индивидуальный уровень каждого студента. Эти приложения и программы могут включать в себя игры, тесты, аудио и видео материалы, и многое другое. Они помогают студентам учиться более эффективно, взаимодействовать с другими студентами и преподавателями и учить язык в более интересной и увлекательной форме.

Другим важным инструментом онлайн-обучения являются онлайн-словари и грамматические справочники. Они могут быть использованы для быстрого и легкого поиска терминов и правил грамматики, а также для расширения словарного запаса студента.

В то же время, несмотря на все преимущества онлайн-обучения, есть и ряд недостатков. Например, отсутствие физического присутствия преподавателя может затруднить обучение некоторых студентов, особенно тех, кто нуждается в более тесном взаимодействии и обратной связи. Кроме того, онлайн-обучение может быть менее структурированным, чем традиционные классы, что может означать, что студенты не получают той же степени поддержки и ориентации, которую они могут получить в традиционном классе [Gebhard, 2012, с. 127].

Хотя онлайн-обучение иностранным языкам уже имеет множество преимуществ и применений, все еще есть много возможностей для дальнейшего исследования. Например, можно исследовать, какие типы онлайн-курсов и материалов наиболее эффективны для разных групп студентов. Также можно изучить, как лучше организовать онлайн-обучение, чтобы улучшить учебный процесс и повысить успеваемость студентов [Lin, 2018, с. 84].

Онлайн-обучение иностранным языкам для взрослых становится все более популярным благодаря своей доступности, удобству и возможности индивидуализации учебного процесса. Использование онлайн-материалов и инструментов помогает студентам учиться более эффективно и интересно. Однако, как и в любой форме обучения, онлайн-обучение имеет свои недостатки, и не все студенты могут адаптироваться к такому виду обучения, поэтому важно, чтобы онлайн-курсы были организованы и представлены в наиболее эффективной и удобной для студентов форме.

В целом, онлайн-обучение иностранным языкам для взрослых является важным инструментом в современном мире и может помочь студентам достичь своих целей и улучшить свои языковые навыки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Bacha, N. N. A Review of Studies on Online Learning at the Higher Education Level. *Journal of Educational Technology Development and Exchange*, 10(1). 2017. P. 1–14.
2. Gebhard, M. J. *Teaching English as a Foreign or Second Language: A Teacher Self-Development and Methodology Guide*. University of Michigan Press, 2006.
3. Hampel, R., & Stickler, U. *Developing online language teaching: Research-based pedagogies and reflective practices*. Palgrave Macmillan, 2012.
4. Lin, C. H., & Huang, C. M. An evaluation of an online language learning community: A case study of the Chinese Department at a Taiwanese university. *Language Learning & Technology*, 22(1), 2018, P.73–89.

Дискурс-анализ экопедагогического дискурса
(на примере образовательных материалов Чикагского ботанического сада)
Дементьева М. К., Иркутский государственный университет, магистрант, Россия
Научный руководитель: д.ф.н., профессор Каплуненко А. М., Россия

В современном мире растет роль экологического образования, из-за чего происходит формирование нового экопедагогического дискурса. Происходит формирование нового экологического мышления, и экология из естественных наук становится частью новой научной парадигмы гуманитарного знания, в частности педагогики [Галушко, 2018, с.183]. На данном этапе изучения структура и основные признаки экопедагогического дискурса ещё обсуждаются. Во многих работах педагогический и экологический аспект рассматриваются отдельно. Для более полного понимания структуры экопедагогического знания нужно провести дискурс-анализ экопедагогического дискурса и в нашей работе были проанализированы образовательные программы Чикагского ботанического сада.

Само понятие «Дискурс» было предложено в 1977 году Т. А. Ван Дейком [van Dijk, 1977]. Он понимал дискурс как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте» [Ван Дейк, 1998]. Последующие десятилетия понятие дискурс уточнялось. Мишель Фуко понимает дискурс как стиль мышления человека, представленный в определенной дискурсивной формации и позиции, стиль мышления характерный для определенного момента в истории культуры [Фуко, 1996]. По Кубряковой Е. С. «Дискурс – высшая реальность языка – дискурсивная (речемыслительная) деятельность говорящего, выраженная в тексте» [Кубрякова, 2000, с. 6].

Основное отличие дискурса от текста состоит в том, что он погружен в жизнь и рассматривается вместе с экстралингвистическими факторами – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими [Арутюнова, 1990]. Он выражен как сфера социального взаимодействия между участниками речевого акта для достижения конкретной цели [van Dijk, 1977]. Дискурс связывает нас с социальной, культурной и природной сферой жизни человека через текст, переходящий в речь в рамках определенной ситуации общения. Таким образом, при проведении дискурс-анализа можно определить основные критерии и характеристики экопедагогической парадигмы в гуманитарном знании.

В работе Холлидея [Halliday, 1989] структура дискурса представлена как семиотический треугольник, в котором выделяется поле, способ передачи и участники дискурса. Поле включает в себя основную тему дискурса и контекст. Способ передачи связан с экстралингвистическими факторами и лингвистической структурой изучаемого дискурса. Участники создают коммуникативное действие в рамках определенного временного промежутка.

Сам по себе экопедагогический дискурс представляется как гуманитарный интеграл знания об окружающей среде и передача, усвоение этого знания. Тем самым происходит объединение экологического природного аспекта и гуманитарного – педагогического. При этом сам объем экопедагогического дискурса представляет всё множество текстов, объединенных содержанием о состоянии окружающей среды и способах передачи знания не участникам экспертного сообщества. При этом в нашем исследовании был применен индуктивный подход, в рамках которого был проведен дискурс-анализ образовательной программы Чикагского ботанического сада «Environmental Education Awareness Program» [1991]. В рамках этого дискурса был составлен семиотический треугольник, включающий в себя поле – экологическое образование; способ передачи – занятия в ботаническом саду и участники – разработчики программы, преподаватели, студенты и школьники, которые представляют все основные компоненты образовательного процесса.

Дискурс-анализ представляет собой критическое исследование дискурса с использованием ментальных схем и интерпретативных методик [Ирхин, 2014, с. 2]. Выделяют три основных подхода:

1) Лингвистический дискурс-анализ, разработанный Т. Ван Дейком, включает в себя помимо лингвистического анализа экстралингвистические характеристики дискурса в виде социального и когнитивного аспекта [Ван Дейк, 2013]. При этом лингвистический анализ дискурса позволяет анализировать большой объем данных, выявлять статистические закономерности различных элементов, и проводить анализ на разных уровнях языка.

2) Социально-психологический и социологический дискурс-анализ на базе психолингвистики как теоретической базы [Wetherell and Potter, 1992].

3) Критический дискурс-анализ представляет проблемно-ориентированную систему и включает в себя исторический аспект, анализ социальных факторов, социо-когнитивный анализ текста и экстралингвистических параметров дискурса [Wodak and Martin, 2015].

В рамках исследования экопедагогического дискурса на примере образовательной программы Чикагского ботанического сада «Environmental Education Awareness Program» упор был сделан на лингвистический подход. Основная предметная область данного дискурса связана с образованием и экологией. Данный дискурс по В.И. Карасику [2000] относится к институциональному дискурсу, так как осуществляется в общественном институте и является частью коммуникативной активности организации [Шейгал, 2000, с. 43]. Вид дискурса – педагогический и экологический [Карасик, 2002]. Жанр данного дискурса – Образовательная программа с точной структурой и методическими рекомендациями [Федосюк, 1997]. Текстовая часть представлена в основном в научно-популярном стиле. Модус или канал передачи – письменный.

Интерпретативный подход позволил определить опорные концепты, такие как «Защита окружающей среды» и «гармония с природой». На базе этих концептов была сформулирована основная тема дискурса: «Важность экологического образования в настоящем позволит сохранить окружающую среду для будущих поколений». Эту тему в дальнейшем можно использовать как базовую для написания собственных программ в рамках экопедагогического дискурса.

Основными экстралингвистическими факторами исследуемого дискурса являются предметная область, коммуникативная ситуация и участники коммуникации. В современной парадигме гуманитарного знания можно выделить предметную область экопедагогика как единое целое, а не рассматривать отдельно экологический и педагогический аспект. Основная коммуникативная ситуация – это занятия в ботаническом саду и методические рекомендации к ним. Участниками речевого акта выступают сотрудники ботанического сада, разработчики программы как отправитель, а как получатель – преподаватели, школьники, студенты.

При анализе фрагментов дискурса выделяют пять типов изложения или пассажей [Graesser and Goodman, 1985] с устойчивыми морфосинтаксическими и лексическими характеристиками. В данном типе дискурса преобладают экспозиторный, инструктивный и аргументативный типы пассажей, что обусловлено жанром дискурса. Первый тип объяснительный. Его основная прагматическая составляющая – донесение информации. На лексическом уровне экспозиторное изложение включает большое число маркеров обобщения, таких как стативные глаголы и кванторы общности. Например, в предложении «*As inhabitants of this planet, we must reexamine our values and habits in relation to the environment*» присутствует квантор общности *inhabitants of this planet* и *we* и стативный глагол *reexamine*, также в этом предложении присутствует оттенок убеждения за счёт модального глагола *must*. Инструктивный пассаж характеризуется наличием обращения к исполнителю и большого числа императивов, а также четкой последовательностью действий, плана выполнения как, например, в предложении «*In this session, the teacher introduces students to the content under study and provides a solid foundation on which the following activities may build*». Убеждающий или аргументативный пассаж включает маркеры необходимости и других модальных значений, к примеру, модальные глаголы: *must, may, should* и другие. В данном жанре дискурса нарративный и дескриптивный пассажи в основном играют роль связок фрагментов дискурса.

При анализе лексического уровня с выделением архивных высказываний [Фуко, 1996] и частотных списков формируются три тематических кластера. Первый кластер – экология и биология, в связи с теоретическим наполнением методических рекомендаций и примеров занятий. Причём наибольшей частотностью обладают архивные высказывания *environment, animal, plant, water*, что связано с особенностью экспозиции чикагского ботанического сада. На территории большое число водных объектов, поэтому кроме растений важная роль отводится животному миру и водным ресурсам. Второй кластер – это образование, связан с такими архивными высказываниями как *student, learn, education*. Третий кластер – с выраженным социальным и антропоморфным аспектом, за счёт архивных высказываний: *human, community*.

На синтаксическом уровне преобладают конструкции, характерные для научно-популярного стиля, такие как распространенное подлежащее *statement from the National Science Teacher's Association*, например, в предложении «*The following policy statement from the National Science Teacher's Association, attests to the acute need for quality environmental science education*»; сложноподчиненные предложения и пассивные конструкции. Жанр образовательной программы и преобладание инструктивного пассажа приводит к тому, что в основной части программы большое число развернутых словосочетаний – топиков, которые являются пунктами плана или названиями занятий.

Таким образом, первичный дискурс-анализ экопедагогического дискурса на основе образовательной программы Чикагского ботанического сада позволил выявить некоторые черты новой

научной парадигмы гуманитарного знания. Преобладание научно-популярного стиля, связанное с тем, что теоретическая база для данного дискурса научная в области экологии и биологии, а практическая составляющая – образовательная. Формирование сложной системы архивных высказываний, включающей в себя три тематических кластера: экология, педагогика и социальный аспект. Последний связан с ведущей ролью человека и общества в поддержании постоянства окружающей среды и защите природы. С этими же концептами связано преобладание экспозиторного, инструктивного и аргументативного типов изложения в дискурсе.

На базе этих данных можно выделить экопедагогический дискурс в отдельную дискурсивную систему, имеющую свои уникальные черты организации и экстралингвистических составляющих, указать, что в действительности экопедагогический дискурс в рамках новой парадигмы приобрел статус самостоятельного и требует введения своей собственной предметной области и вида дискурса, а также использовать полученные данные, архивные высказывания и концепты при интерпретации природного наследия и оформления собственных образовательных программ в этой области.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс //Лингвистическая энциклопедия. – М., 1990. – С. 136–137.
2. Ван Дейк, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. / Тён А. Ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
3. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса. / Тён А. Ван Дейк. – 1998. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>. (дата обращения: 20.05.23).
4. Галушко, Т. Г. К вопросу об экологическом педагогическом дискурсе /Т.Г.Галушко//Известия РГПУ им. А. И. Герцена – 2018. – № 188. – С. 182–189.
5. Ирхин, Ю. В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование. /Ю. В. Ирхин//Социально-гуманитарные знания. – Языкознание и литературоведение – 2014. – С.1–10.
6. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] /В. И. Карасик//Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. Тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
7. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса/ Е. И. Шейгал – М., Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
8. Карасик, В. И. Языковой Круг: Личность, Концепты, Дискурс/ В. И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
9. Кубрякова, Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике /Е. С. Кубрякова// Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 5–13
- 10.Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров/М.Ю. Федосюк//Вопросы языкознания. – 1997. – № 5 – С. 102–120.
- 11.Фуко, М. Археология знания/Мишель Фуко – Киев: «Ника-Центр», 1996. – 208 с.
- 12.Environmental Education Awareness Program – Chicago Botanic Garden. Education Department – 1991. – 250p.
- 13.Graesser, A., Goodman S. Implicit knowledge, question answering, and the representation of expository text/ Graesser, Arthur C., and Sharon M. Goodman // – In: Understanding expository text: A theoretical and practical handbook for analyzing explanatory text, ed. B. K. Britton and J. B. Black, Hillsdale: Erlbaum.– 1985. – 109-172p.
- 14.Halliday, M. Spoken and Written Language/ Michael Alexander Kirkwood Halliday – Oxford University Press, 1989. – 109 p.
- 15.Van Dijk, T. A. Text and context/Teun Van Dijk – London: Longman, 1977. – 261 p.
- 16.Wetherell, M., Potter J. *Mapping the Language of Racism: Discourse and the Legitimation of Exploitation*/ Wetherell, Margaret and Potter, Johathan. – London and New York: Harvester Wheatsheaf and Columbia University Press, 1992. – 246 p.
- 17.Wodak, R., Reisigl, M. Discourse and racism/ [Wodak Ruth Emily](#); Reisigl Martin// – The handbook of discourse analysis. Ed. / Deborah Tannen; Heidi Ehernberger Hamilton; Deborah Schiffrin. Vol. 2 2. Ed. Malden, MA : Wiley – 2015. – 576–596 p.

Лексико-семантическая интерференция как источник ошибок в русской речи обучающихся из испаноязычных стран

Зеленева Ю. С., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Ляшева М. Н., Россия

На уровне лексического взаимодействия слова одного языка могут тормозить, подавлять и мешать словам другого языка. На уровне семантического взаимодействия образы, выраженные на одном языке, могут не иметь прямого соответствия в лексиконе другого языка, а их замена может исказить смысл исходного задуманного значения.

Из этих утверждений можно сделать вывод, что лексика одного языка имеет свои собственные значения, поскольку речь идет о понятиях, неразделяемых лексикой второго языка. В таких случаях очень трудно передать это значение через лексику второго языка и наоборот. Для данного явления используется термин лексико-семантическая интерференция. Его определение можно найти в работах многих лингвистов, которые рассматривают данное явление как единое, так и делят его на два смежных.

Так, В. В. Алимов разграничивал эти два типа. В его понимании проникновение слов одного языка в другой соответствует лексической интерференции [Алимов, 2005, с. 134], в то время как проникновение на уровне сем характерно для семантической [Там же, с. 138].

Однако большинство ученых склонны считать, что лексическую и семантическую интерференцию целесообразней рассматривать как единое целое – лексико-семантическую интерференцию. Согласимся с определением лексико-семантической интерференции К. З. Закирьянова и примем его за основу нашего исследования. Кабир Закирьянович считает, что перенос значений слов родного языка на другой, а также специфика их лексической сочетаемости приводит к отклонению от норм словоупотребления. Данный результат можно наблюдать не только на уровне слов, но и также на уровне предложений и текстов [Закирьянов, 1984, с. 53–54].

Другие ученые большое внимание уделяли изучению особенностей возникновения лексико-семантической интерференции. К таким ученым относится Р.И. Хашимов, который утверждает, что причиной данного явления являются именно различия в лексике и семантике контактных языков и возможность осуществить перенос лексических значений на другой язык [Хашимов, 2003, с. 87].

В настоящее время большинство специалистов в области методики преподавания иностранных языков говорят о том, что преподавателю следует принимать во внимание особенности как родного языка обучающихся, так и преподаваемого. Сопоставительный анализ двух языков является одним из важнейших условий рационального изложения семантического материала.

Явления переноса элементов из одной языковой системы в другую и интерференции влияют на формирование лексического состава обучающихся из других стран. Наиболее частые лексические ошибки обычно возникают из-за того, что семантический объем слова в двух языках не совпадает. Причина обращения к испанскому и русскому языкам связана с тем, что в последние годы наблюдается спрос на образовательные услуги в Российской Федерации у выходцев из Латинской Америки.

Ошибочные аналогии при заимствовании иностранных слов могут приводить к лексическим ошибкам у испаноговорящих обучающихся при объяснении преподавателем русской лексики.

Рассмотрим виды данной интерференции: а) полное совпадение значений слов: *documento* – документ, *teléfono* – телефон (важно, что ударный слог отличается); б) неполное совпадение значений: *conferencia* – конференция. Во втором случае одно из значений слов совпадает, но испанское слово имеет значение «конференция», «лекция», «мастер-класс», которого не существует в русском языке. Однако в русском языке оно также имеет значение «конгресс», несуществующее в испанском; в) полное несовпадение: *inteligencia* (способность разума, позволяющая человеку учиться, понимать, рассуждать, принимать решения и формировать определенное представление о реальности) – интеллигенция (социальная группа людей, совместно занимающихся умственным, творческим трудом, а также совершенствованием и распространением культуры). Особое внимание следует уделить именно данному типу. Такие слова, в данном случае русские и испанские, схожи по написанию и звучанию, но имеют разные значения или совпадают только в одном из своих значений.

Например:

En mi familia somos cuatro. В моей семье нас четверо.

Mi apellido es Ivanov. Моя фамилия Иванов.

Испанское слово *familia* означает «группа людей, состоящих в родственных отношениях друг с другом». В то время как русское слово *фамилия* эквивалентно испанскому слову *apellido*.

Рассмотрим в таблице слова по теме образование, которые встречаются в учебниках по РКИ для начального этапа обучения, и в которых наблюдается полное и частичное расхождение значения (таб.1).

Таблица 1. Слова по теме образование, которые встречаются в учебниках по РКИ и в которых наблюдается полное и частичное расхождение значения.

Испанский язык	Русский язык
Aspirante: человек, который стремится получить работу, почетное звание или титул	Аспирант: человек, который учится в аспирантуре и готовится к защите кандидатской диссертации
Auditoría: проверка бухгалтерской отчетности компании или организации с целью выяснения, соответствует ли она ранее утвержденным требованиям, и при этом убедиться, что они были выполнены в полном объеме	Аудитория: 1) помещение для чтения лекций 2) слушатели лекций
Certificado: 1) документ, подтверждающий достоверность какого-либо факта 2) документ, подтверждающий прохождение обучения 3) документ, содержащий информацию о качестве, весе, происхождении и т.п. изделия	Сертификат: официальное письменное удостоверение о чем-нибудь
Conferencia: 1) публичное выступление с диссертацией 2) междугороднее или международное телефонное общение	Конференция: собрание, совещание групп лиц, отдельных лиц, организации для обсуждения определённых тем
Carta: письмо	Карта: карта населенного пункта
Diploma: значимый и официальный документ, в котором подтверждается титул, привилегия и т.д. 2) сертификат или удостоверение, выданное организацией для аккредитации чего-либо 3) документ, выдаваемый по окончании обучения	Диплом: 1) свидетельство об окончании высшего учебного заведения или о присвоении звания 2) свидетельство, выдаваемое как награда за успешное выступление (на конкурсе, фестивале) 3) исследовательская работа
Gimnasio: место для занятий спортом	Гимназия: общеобразовательное среднее учебное заведение
Profesor: преподаватель	Профессор: высшее учёное звание преподавателя высших учебных заведений
Tesis: 1) диссертация, представляемая в университет соискателем степени доктора наук 2) вывод, предположение, которое подтверждается рассуждениями 3) чье-либо мнение о чем-либо	Тезис: 1) кратко сформулированные основные положения, главные мысли научного труда, статьи, доклада, курсовой или дипломной работы и т. Д. 2) положение, истинность которого должна быть доказана аргументом, или опровергнута антитезисом.

Преподавателю РКИ рекомендовано владеть знаниями о лексико-семантической системе родного языка обучающихся. Кроме того, следует знать, в чем сходство и различие между двумя языками и какие аспекты русского языка могут быть сложными для понимания для обучающихся. Таким образом, преподаватель русского языка как иностранного сможет предвидеть, объяснить и исправить ошибки, источником которых выступает лексико-семантическая интерференция между родным и иностранным языками, а также правильно организовать процесс преподавания.

В заключение следует отметить, что в практике преподавания русского языка как иностранного обнаруживается множество различных репрезентаций явления лексико-семантической интерференции в речи обучающихся из испаноязычных стран. Анализ рассмотренных нами примеров лексико-семантической интерференции дает некоторое представление о различных механизмах интерференции в целом. Данный анализ может стать полезным инструментом для преподавателей РКИ, помогая им уменьшить проявление и влияние деструктивной интерференции у обучающихся из испаноязычных стран.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов В. В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации). М.: КомКнига, 2005. 232 с.
2. Закирьянов К. З. Двухязычие и интерференция. Уфа, изд. Башкирского университета, 1984. 80 с.
3. Хашимов Р. И. Интерференция и ее единицы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Чебоксары, 2003. № 4. С. 86–92.

УДК 82.09

Христианская культура в поэзии Великой Отечественной войны

Иванова Н. В., Гомельский филиал-колледж

УО Белорусский университет транспорта, магистр, Беларусь

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Афанасьев И. Н., Беларусь

*Если Господь не созиждет дома,
напрасно трудятся строящие его;
если Господь не охранит города,
напрасно бодрствует страж.*

Псалом 126

Как известно, официальная советская идеология была атеистической. «Курс научного атеизма» входил в качестве обязательного компонента в учебную программу ВУЗов и ССУЗов вплоть до распада Советского Союза. Экстремистские проявления богоборчества в виде разрушения и поругания храмов и репрессий в отношении священнослужителей были, к сожалению, обычной практикой. Тем не менее, уже с первых месяцев Великой Отечественной войны в поэзии стало явственно проявляться мощное влияние христианской культуры.

Особенно сильным оно было в самом начале войны. Характерно, что многие стихи начала ВОВ написаны в виде воззвания, послания, обращения и по структуре напоминают молитву, мольбу о защите.

*О, любовь моя, жизнь и радость,
дорогая моя земля!*

Из отрезанного Ленинграда

вижу свет твоего Кремля.

«К сердцу Родины руку тянет...», октябрь 1941 г. [Берггольц, URL].

Сама структура стихотворения К. Симонова «Жди меня», где фраза «жди меня» (и как анафора, и многократное повторение слова «жди») красной нитью проходит сквозь весь текст, напоминает структуру икоса, церковного песнопения, восхваляющего и прославляющего святого. Это также один из видов строф в акафисте, который содержит блок повторений и особых рефренов.

По нашему мнению, к структуре икоса восходит и композиция стихотворения А. Суркова «Песня смелых», написанного в первые дни войны, 25.06. 1941 г., где, кроме рефрена «Смелого – пуля боится, Смелого – штык не берёт», многократно повторяется прилагательное «смелый» по нарастающей: в 1 строфе – 2 раза, во 2 – 3, в 3 – 4, в 4 строфе – 5 раз.

Стелются чёрные тучи,

Молнии в небе снуют.

В облаке пыли летучей

Трубы тревогу поют.

С бандой фашистов сразиться

Сталин отважных зовёт.

Смелого – пуля боится,

Смелого – штык не берет.

Ринулись ввысь самолёты,

Двинулся танковый строй.

С песней стрелковые роты

Вышли за родину в бой.

Песня – крылатая птица

Смелых кликает в поход.

Смелого – пуля боится,

Смелого – штык не берёт.

*Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым – дорога вперёд.
Смелого – пуля боится,
Смелого – штык не берёт.*

*Смелый дерётся с врагами,
Жизни своей не щадя.
Смелый проносит, как знамя,
Светлое имя вождя.
Смелыми Сталин гордится.
Смелого любит народ.
Смелого – пуля боится,
Смелого – штык не берёт [Сурков, URL].*

Тот же приём, повторяющийся 5 раз рефрен «Он защищал Сталинград», А. Сурков применяет и в стихотворении «Защитник Сталинграда», 1942 г. [Сурков, URL].

Композиция «Песенки о солдатских сапогах» Б. Окуджавы (1989 г.) [Окуджава, URL], где последняя строфа практически полностью повторяет первую, снова отсылает нас к архитектонике акафиста, хвалебного песнопения, где начальные кондак и икос повторяются в обратном порядке в финале: предпоследним читается первый икос, а последним – первый кондак.

В стихотворении «Ангелы» (1957 г.) Б. Окуджава уподобляет бойцов в зимних белых маскировочных костюмах ангелам [Окуджава, URL].

В стихотворении С. Наровчатова «В те годы» (1941 г.) есть вообще прямая аллюзия на молитву Богородице:

*– Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мстью мстить мне за тебя? [Наровчатов, URL].*

Образ из духовных песнопений есть и в поэме М. Алигер «Зоя»: «Голубица белая, гряди!» [Алигер].

Ветхозаветный полисиндетон (многократно повторенный, звенящий эхом союз «и») придаёт эпизоду блокады Ленинграда черты библейской притчи:

*Их путь был страшен, хоть и недалёк.
И подошёл к ним человек в шинели,
Взглянул – и вынул хлебный свой паёк,
Трёхсотграммовый, весь обледенелый.
И разломил, и детям дал чужим,
И постоял, пока они поели.
И мать рукою серою, как дым,
Дотронулась до рукава шинели.*

О. Берггольц «Армия», 1942 г. [Берггольц, URL].

Традиции библейского полисиндетона продолжают и в послевоенное время:

*А пулемёт стучал в старинном храме,
И ладил ленту молодой солдат.
И трепетало яростное пламя,
И отступал проклятый супостат.*

А. Жигулин «Упал снаряд, и совершилось чудо», 1976 г. [Жигулин, URL].

*Вы слышите: грохочут сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки?
Вы поняли, куда они глядят?*

*И снова переулком – сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки...
В затылки наши круглые глядят.*

Б. Окуджава «Песенка о солдатских сапогах», 1989 г. [Окуджава, URL].

Эпиграфом к поэме О. Берггольц «Твой путь» (1942 г.) [Берггольц, URL] стал фрагмент из Псалма 136: «*Аще забуду тебя, Иерусалиме, забудь меня, десница моя, прилипни, язык мой, к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главу веселия моего*».

Тотальное, на уровне коллективного бессознательного, влияние христианской культуры было настолько велико, что даже Й. Деген, еврей по национальности, декларируя атеизм, говорит о православной русской молитве перед боем:

*Есть у моих товарищей танкистов,
Не верящих в святую мощь брони,
Беззвучная молитва атеистов:
– Помилуй, пронеси и сохрани!*

*Стыдясь друг друга и себя немного,
Пред боем, как и прежде на Руси,
Безбожники покорно просят Бога:
– Помилуй, сохрани и пронеси [Деген, URL].*

Сквозь жёсткие рамки официального атеизма в души советских людей всё же, как тонкий росток сквозь толщу бетона, пробивается животворящая сила крестного знамения:

*От чёрного дня до светлого дня
Пусть крестит меня испытаньем огня.
С. Наровчатов, «В кольце» [Наровчатов, URL].*

*Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.
К. Симонов «Ты помнишь, Андрюша, дороги Смоленщины» [Симонов, URL].*

*А я бормочу: «Да воскреснет Бог»,
а я закрепляю тебя
крестом неверующих, крестом
О. Берггольц «Измена» [Берггольц, URL].*

Название поэмы Р. Рождественского «Реквием» происходит от начального слова торжественной траурной католической мессы: *Requiem aeternam dona eis, Domine* («Покой вечный даруй им, Господи») [Реквием].

Гитлеровское нашествие воспринималось верующими как Господня кара, как бич Божий и наказание за грехи. В цикле А. Тарковского «Чистопольская тетрадь» (осень 1941 г.) лирический герой осмысливает и себя, и современников «до утра сошедшими во ад», а саму действительность – «подпольным адом». 1 часть стихотворения проникнута чувством самоуничтожения: «Мы – тщета и нищета». Лирический герой, впадая в смертный грех уныния, ропщет, сетует, что Господь не внимлет молитвам, не слышит стонов, «И не хочет равнодушный Божий ангел наших слёз». Стихотворение проникнуто чувством покинутости, вселенского одиночества:

*Нет больше ни приюта, ни покоя,
Ни ангела над пропастью беззвездной.
А ты одна, одна во всей Вселенной [Тарковский, URL].*

В 7 части лирический герой переходит от уныния к покаянию, осмысливая военные бедствия как Господнюю кару:

*Нестерпимо во гневе караешь, Господь,
Стыну я под дыханьем твоим,
Ты людскую мою беззащитную плоть
Рассекаешь мечом ледяным [Тарковский, URL].*

И, наконец, понимает, что ангел (тот, которого ранее упрекал в равнодушии) послан Богом не как хранитель, а как вестник Судного дня. И здесь он – образ апокалиптический.

*Вьюжный ангел мне молотом пальцы дробит
На закате Судного дня
И целует в глаза, и в уши трубит,
И снегами заносит меня [Тарковский, URL].*

В финале ЛГ называет себя Себастьяном, отождествляя с мучеником-страстотерпцем и осмысливая свои страдания как духовный подвиг.

Я дышать не могу под твоей стопой,

*Я вином твоим пыточным пьян.
Кто я, Господи Боже мой, перед тобой?
Себастьян, твой слуга Себастьян* [Тарковский, URL].

В стихотворении А. Тарковского «Земля» (1944 г.) возникает образ крестных мук:

*Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять* [Тарковский, URL].

В стихотворении «Не стой тут!» (1943 г.) лирический герой Тарковского молит о жизни... Кого же? Конечно, Всевышнего (не называя по имени). Ибо кто же распоряжается порядком жизни и смерти?

*Дай мне еще подышать,
Дай мне побыть в этой жизни, безумной и жадной,
Дай мне побыть хоть в этом окопе...* [Тарковский, URL]

Если рассматривать военную поэзию с точки зрения соотносённости с этапами ритуалов прохождения, то заключительной стадией является приобщение к сакральной общности советского народа, где в монолитном единстве и живые, и мёртвые борются против врага. А это полностью соответствует христианской концепции, что «Для Бога мертвых нет» [Ахматова, URL].

Образы христианской культуры продолжают проявляться и в лирике послевоенного периода: в стихотворении А. Жигулина 1976 г. «Святой Георгий на лихом коне» появляется «На опалённой порохом стене»; он «Простёр десницу грозную свою», помогая бойцу-пулемётчику [Жигулин, URL].

Можно провести аналогию с творчеством Пушкина. Как известно, в юности он был атеистом и в эту пору сочинил немало богохульных стихов (поэму «Гавриилиада», например), за что и был выслан из столиц. Однако при ближайшем рассмотрении именно образ Непорочной Девы и само имя Мария были едва ли не самым излюбленными в его творчестве: Мария – главная героиня и «Бахчисарайского фонтана», и «Капитанской дочки», и «Полтавы», и «Дубровского» и «Пира во время чумы»; образ Богородицы является и в балладе «Жил на свете рыцарь бедный», и в сонете «Мадона»; да и свою супругу поэт воспринимал как живое воплощение Приснодевы.

Это Анима, бессознательная женская сторона личности Пушкина; это бессознательная противоположность того, что человек настойчиво утверждает в сознании.

Так фундаментальные образы, будучи отвергнутыми на уровне сознания, возвращаются в культурный узус на уровне подсознательного обращения к доиндивидуальному опыту.

Мы полагаем, что обилие, сила и мощь христианских мотивов в поэзии Великой Отечественной, сумевших преодолеть диктат официального атеизма, красноречиво свидетельствуют: русское православие стало на уровне генной памяти неотъемлемой частью нашей культуры, тем источником духовной силы, к которому припадают в минуты тяжких испытаний.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алигер, М. Зоя. – URL: <https://www.culture.ru/poems/33676/zoya> (дата обращения: 12.12.2022).
2. Ахматова, А. In memoriam. – URL: <https://stih.ru/diary/ladisinita/2015-06-23> (дата обращения: 09.10.2022).
3. Берггольц, О. Армия. – URL: https://45ll.net/olga_berggolts/stihi/ (дата обращения: 07.12.2022).
4. Берггольц, О. Измена. – URL: https://45ll.net/olga_berggolts/izmena.html – (дата обращения: 10.10.2022).
5. Берггольц, О. К сердцу Родины. – URL: <https://itexts.net/avtor-olga-fedorovna-berggolc/126839-leningradskiy-dnevnik-sbornik-olga-berggolc/read/page-2.html> (дата обращения: 28.09.2022).
6. Берггольц, О. Твой путь. – URL: <https://pitzmann.ru/berggolts-twoi.htm> (дата обращения: 08.10.2022).
7. Деген, Й. На фронте. – URL: https://45ll.net/ion_degen/ (дата обращения: 11.10.2022).
8. Жигулин, А. Упал снаряд, и совершилось чудо. – URL: <https://rustih.ru/anatolij-zhigulin-upal-snaryad-i-sovershilos-chudo/> (дата обращения: 09.10.2022).
9. Наровчатов, С. В кольце. – URL: <https://rustih.ru/sergej-narovchatov-v-kolce/> – (дата обращения: 28.09.2022).
10. Наровчатов, С. В те годы. – URL: https://45ll.net/sergey_narovchatov/stihi/ (дата обращения: 17.12.2022).
11. Окуджава, Б. Ангелы. – URL: <https://www.culture.ru/poems/14288/angely> (дата обращения: 15.10.2022).
12. Окуджава, Б. Песенка о солдатских сапогах. – URL: <https://www.culture.ru/poems/14264/pesenska-o-soldatskikh-sapogakh> (дата обращения: 17.12.2022).

13. Реквием. – URL: <https://philharmonia.bm.digital/ontology/318241649438253056/реквием> (дата обращения: 23.11.2022).
14. Симонов, К. Ты помнишь, Андрюша, дороги Смоленщины. – URL: <https://www.culture.ru/poems/32996/ty-pomnish-alesha-dorogi-smolenshiny> (дата обращения: 28.10.2022).
15. Сурков, А. Защитник Сталинграда. – URL: <https://www.culture.ru/poems/48263/svyashennaya-voina> (дата обращения: 15.12.2022).
16. Сурков, А. Песня смелых. – URL: <https://www.culture.ru/poems/48263/svyashennaya-voina> (дата обращения: 15.12.2022).
17. Тарковский, А. Земля. – URL: <https://stihi.ru/diary/lyubowsh/2018-05-06> (дата обращения: 15.12.2022).
18. Тарковский, А. Не стой тут! – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=582976&p=15> (дата обращения: 10.11.2022).
19. Тарковский, А. Чистопольская тетрадь. – URL: <https://stihi.ru/diary/cimmerian/2016-12-17> (дата обращения: 04.10.2022).

УДК 372.881.111.1

Использование технологии развития креативного мышления на уроках английского языка при обучении устной речи

Изотова А. А., Московский городской педагогический университет, магистрант, Россия
Научный руководитель: д.ф.н, профессор Баранова К. М., Россия

В настоящее время, по мнению психологов и методистов, овладение «общением посредством иностранного языка как живого и реального средства межличностного взаимодействия» [Мазунова, Ризаева, 2013, с. 2] становится неотъемлемой частью жизни каждого человека, при этом «прагматически необходимым» [Афанасьева, 2020, с. 17]. Это положение дел справедливо и в отношении обучению английскому языку. Современные программы образования строятся на принципах коммуникативно-когнитивного и личностно-ориентированного подходов. Следовательно, проблема исследования «различных аспектов обучения иностранным языкам сегодня является как никогда актуальной» [Тарева, 2021, с. 95] и «методологическим вектором развития современной системы образования является антропоцентрическая парадигма» [Языкова, 2019, с. 12]. Однако во многих школах в наши дни коммуникация иногда отходит на второй план, что, на наш взгляд, не совсем правильно, так как значимость процесса общения признается всеми педагогами. Важным также является вопрос об эффективности обучения говорению. Речь идет о средствах, способах и технологиях, которые помогают в достижении этой цели. В определенной степени существенная роль здесь отводится творческим процессам, и в частности, креативному мышлению, которое определяется как способность оценивать ситуации и задачи под нестандартным углом, находить решения нетрадиционным образом [Салов, 2003, с. 225].

Принимая во внимание данную технологию, можно рассматривать креативное мышление как способ эффективного усвоения материала и совершенствования монологической и диалогической речи старшеклассников. Как показывает практика преподавания английского языка, новое поколение обучающихся чрезвычайно привыкло к стандартным, базовым упражнениям, которые зачастую кажутся им скучными и неинтересными. Общеизвестно, что в рамках личностно-ориентированного подхода к обучению мотивация имеет немаловажное значение, так как отсутствие заинтересованности к изучению языка может привести к низкому качеству усвоения знаний и приобретению умений [Гальскова, 2017, с. 58]. Название используемого подхода указывает на необходимость развития личности учащегося, его/ее интересы. Эта задача современного образования прописана также и во ФГОС [Приказ Министерства просвещения, URL].

Применять технологию развития креативности школьников на уроках английского языка в контексте обучения устной речи можно с помощью нескольких способов. Одним из них является выполнение творческих заданий или применение особых технологий, к которым можно отнести:

- а. мозговой штурм (использование необычных идей, поиск и решение задач при помощи обсуждения слов, словосочетаний или предложений по теме);
- б. инсценировки (создание условий для обмена репликами в рамках выбранной темы при самостоятельном решении учащегося о том, какую роль он/она будет играть в диалоге);

с. проведение «круглых столов» (обсуждение и решение проблемы, нацеленной на активное изучение, обработку получаемой и усваиваемой информации, закрепление материала и проведение беседы учащимися);

д. скрам методология для работы над проектами [Скрам, URL] (авторская гибкая методология разработки с нестандартным распределением ролей в команде и уникальной организацией итераций);

е. слайдинг методология [Слайдинг, URL] (методика обучения иностранному языку посредством сужения образовательных задач, в частности, при обучении определенному виду речевой деятельности, например говорению) и др. [Кудабаева, Борибаева, 2020, с. 133].

Среди выбранных для исследования технологий и методологий наиболее общей и лидирующей в контексте совершенствования монологической и диалогической речи оказывается методика слайдинг, которая является основой при построении образовательного пути. Она помогает обучающимся сконцентрироваться на каком-то одном виде деятельности, что является важным для достижения поставленной цели – научиться эффективной коммуникации. Мозговой штурм наряду с проведением «круглых столов» на уроках английского языка применяется не очень часто, однако эти технологии, действительно, способствуют развитию мышления, в том числе и креативного, поскольку учащиеся самостоятельно ищут варианты решения задач. Отличие двух последних технологий можно усмотреть в форме работы учеников: в одном случае – это чаще всего самостоятельная активность, а в другом – групповая. Стоит отметить, что роль учителя, в свою очередь, заключается в том, чтобы осуществлять регулирование учебного процесса, а также контролировать ход выполнения заданий школьниками.

С развитием театральных кружков в школах учителя на занятиях достаточно часто используют различные инсценировки. Обучающимся предлагается выбрать сцены из фильмов, видеороликов или мультфильмов и разыграть их на английском языке. При этом школьники могут вносить коррективы в речь героев, придумывать иное развитие сюжетных линий, вводить в разыгрываемые сценки новых персонажей. Все это будет способствовать не только развитию фантазии, но и мотивации, так как учащиеся получают право голоса и они могут отстаивать свои интересы.

Интересна и скрам методология, часто применяемая при подготовке и защите проектов. Проектные работы в наше время весьма популярны при обучении различным школьным предметам. Они предполагают как индивидуальный, так и групповой характер работы, причем распределение ролей проводят сами школьники, а не педагоги. Таким образом, у каждого обучающегося есть возможность проявить свои способности при организации и реализации проекта. Старшеклассники учатся договариваться, вести постоянную беседу, высказывать свое мнение на определенную тему, а также раскрывать свой творческий потенциал при решении вопросов.

Приведенные примеры упражнений и технологий указывают на возможность значительно разнообразить учебные действия учащихся при выполнении коммуникативных задач на уроках английского языка. Некоторые из них в полной мере отражают личностно-ориентированный подход к обучению, ибо обучающиеся имеют право выбора на занятиях, где учитываются их потребности и интересы. Кроме этого, школьники учатся принимать самостоятельные решения.

Следует отметить, что конкретные методики и технологии имеют коммуникативно- и когнитивно-ориентированный характер. Данный подход заключается в том, чтобы обучать речи через осознание целей обучения [Барабанщиков, URL]. Исходя из формулировок упражнений, можно сделать вывод, что их выполнение требует осмысления и, так или иначе, побуждает к общению. Более того, желание вступать в акт коммуникации должно быть заявлено именно самими учащимися, иначе может возникнуть ситуация, схожая с обстоятельствами из романа Дж. Оруэлла «1984», когда герои произведения выработали за все население страны единую для всех жителей точку зрения. О какой свободе мысли или общем волеизъявлении в этом случае может идти речь? Именно на это указывают отечественные исследователи [Баранова, 2022, с. 152]. Отметим, что особенно заинтересованные и талантливые ученики способны также применять приобретенные умения говорения и в обычной жизни, поскольку предполагается, что темы и ситуации общения на занятиях будут близки к тому, что происходит в реальности.

Таким образом, можно заключить, что в современном обучении английскому языку существуют такие методологии и технологии развития творческого мышления учащихся, которые эффективно используются на занятиях и приводят к совершенствованию и развитию иноязычной компетенции, в частности, в устном общении старшеклассников. Проведенное исследование показало, что любую учебную деятельность можно сделать интересной и креативно-направленной, помогающей самореализации и самоорганизации школьников, опираясь на их способности, интересы, а также физические и духовные потребности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева, О. В. Корректность и политкорректность речи учителя на уроках английского языка / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова // Педагогический дискурс: качество речи учителя : Материалы II Всероссийской конференции, Москва, 27–29 мая 2020 года / Под редакцией Л.Г. Викуловой. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2020. – С. 17–22.
2. Барabanщиков, В. А. Коммуникативный подход к исследованию когнитивных процессов // Сайт НОУ ВПО «Институт психоанализа» / URL: <http://inpsycho.ru/info/resursy/biblioteka/stati-prepodavatelej> (дата обращения 27.02.23).
3. Баранова, К. М. Реализация концепта свобода в романе Дж. Оруэлла «1984» / К. М. Баранова // Человек в фокусе лингвистики, литературоведения и языкового образования : Международный сборник научных трудов по лингвистике, литературоведению, лингводидактике / департамент образования и науки города Москвы; государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», институт иностранных языков. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2022. – С. 149–157.
4. Гальскова, Н. Д. Основы методики обучения иностранным языкам : учебное пособие. / Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. Ф. Коряковцева, Н. В. Акимова. Москва : КНОРУС, 2017. – 390 с.
5. Использование методики "Слайдинг" на уроках английского языка. URL: <http://xn----btb1bbcge2a.xn--p1ai/publ/19-1-0-861> (дата обращения: 26.02.2023).
6. Корнилов Ю. К. Современные теории мышления: учебное пособие / Ю. К. Корнилов, И. Ю. Владимиров, С. Ю. Коровкин. Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2011. – 144 с.
7. Кудабаева, П. А., Борибаева, Д. Т. Применение эффективных методов обучения на уроках по обновленной программе обучения / П. А. Кудабаева, Д. Т. Борибаева // Научный альманах. –2020. – № 11–1(73). – С. 131–135.
8. Мазунова Л. К., Ризаева Л. М. Общение в становлении личности и языковом образовании / Л. К. Мазунова, Л. М. Ризаева // Иностранные языки в школе. – 2013. – № 2. – С. 2–9.
9. Приказ Министерства просвещения РФ от 12 августа 2022 г. № 732 "О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405172211/?ysclid=lbdcmiia9w700217468> (дата обращения 02.03.2023).
10. Сазерленд Дж. Скрам методология, 1983. URL: <https://worksection.com/blog/scrum.html> (дата обращения: 26.02.2023).
11. Салов, Ю. И. Психолого-педагогическая антропология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ю. И. Салов, Ю. С. Тюнникова. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 256 с.
12. Тарева, Е. Г. Сопоставительный анализ национальных систем уровней владения иностранным языком в аспекте унификации и вариативности / Е. Г. Тарева, А. В. Деркач // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 3(43). – С. 95–104.
13. Языкова Н. В. Эволюция парадигм в лингводидактике глазами современника / Н. В. Языкова // Иностранные языки в школе. – 2019. – № 5. – С. 12–17.

УДК 811.161.1

Активные глаголы в интерпретативных текстах и проблемы их перевода

Ильницкая Ю. В., Иркутский государственный университет, магистрант, Россия,
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Вебер Е. А., Россия

Активные глаголы оживляют интерпретативные тексты. Перевод таких текстов обязан осуществить замысел автора, выявить и передать актуальную семантику глагола.

Экскурсионный или познавательный туризм позволяет познакомиться с памятниками истории, культуры, искусства и природными достопримечательностями территории. Это один из наиболее популярных видов туризма. Он погружает туриста в исторический, культурный и природный контекст местности. Знакомство с таким контекстом происходит более эффективно, если подкрепляется экскурсионной программой с проводником-гидом и/или с текстами, посвященными особенностям места пребывания туриста. По сути, мы говорим о трёх участниках туристической коммуникации – турист, местность, экскурсовод (гид-интерпретатор или автор интерпретативного текста).

Оставим за местностью контекст. За туристом – способность воспринимать и усваивать информацию данного контекста. Исключим из обсуждения экскурсовода, не знакомого с интерпретацией и её принципами, и обратимся к интерпретатору. Рассмотрим его ключевой навык – умение составлять и транслировать интерпретативный текст, чтобы решить главную задачу интерпретации наследия (далее просто интерпретация).

Одно из базовых определений интерпретации даёт её идеолог и современный евангелист Сэм Хэм: «Интерпретация – это ориентированный на определенную миссию процесс коммуникации, который формирует эмоциональные и интеллектуальные связи между интересами аудитории и значимостью конкретного ресурса» [Нам, 1992, с. 3]. И дополняет: «Интерпретация включает в себя перевод технического языка науки в термины и идеи понятные для всех людей» [Нам, 1992, с. 3].

Фриман Тильден, основоположник интерпретации и предшественник Хэма, составил её базовые принципы [Тильден, 2007, с. 26–27]. По сей день всякий интерпретатор на каждом этапе своей интерпретативной практики опирается на них и использует как стратегию в создании текстов:

- 1) Интерпретация должна быть релевантной интересам и опыту человека.
- 2) Интерпретация – это открытие, основанное на информации.
- 3) Интерпретация – это искусство, включающее в себя другие виды искусств. Ей можно научиться.
- 4) Интерпретация будит чувства человека и вдохновляет его на дальнейшее познание.
- 5) Интерпретация даёт представление о целом, а не о частях.
- 6) Интерпретация для детей до 12 лет не копирует интерпретацию для взрослых и основывается на принципиально другом подходе.

Сведём воедино определение интерпретации, её принципы, задачи интерпретатора, обязательно учтём то, что это «удобная техника, обеспечивающая более легкое преодоление переводческих, культурных и межкультурных барьеров, она служит преобразованию туристического продукта, представляемого языковыми посредниками-гидами, в запоминающийся и ценный продукт «экономики впечатлений» [Вебер, 2018, с. 209] и окажемся перед лицом текста. Устный или письменный, он – инструмент интерпретатора.

Обратимся к ещё одной популярной, т.е. живой, понятной и актуальной коммуникативной концепции – Plain English. Теория понятного и лаконичного английского языка для официальной и деловой коммуникации возникла в Великобритании в ответ на необходимость правительства максимально снизить риски неверного, порой фатального толкования неспециалистами правительственных, финансовых, деловых, юридических и других документов и публикаций. Простой английский в трактовке Plain English по возможности должен «избегать сложной терминологии: клише, технического жаргона, слов греко-латинского происхождения» [Gowers, 2015, с. 56]. Также он должен соответствовать уровню развития целевой аудитории и её погружённости в тему. Английская идиома 16-го века «in plain English»/«простым и понятным языком» убеждает нас в вечности запроса и, как следствие, в необходимости поиска решения одной из важных коммуникативных задач – понять и быть понятым.

В 1948 году сэр Эрнест Гауэрс сформулировал руководство для чиновников по предотвращению напыщенного и чрезмерно сложного письма. Он говорил, что «письмо – это инструмент для передачи идей от одного ума к другому; работа писателя состоит в том, чтобы заставить его читателя легко и точно понять его смысл» [Gowers, 2015, с. 120]. Таким образом, ключевые положения, высказанные Гауэрсом, актуальны целям нашего исследования.

Идеям вышеупомянутых интерпретаторов и описанному подходу Plain English вторит Максим Ильяхов, специалист текстов-инструкций о тексте. Ильяхов не касается интерпретации, но в своих работах «Пиши и сокращай», «Ясно понятно» и др. формулирует тезисы в логике принципов интерпретации Тильдена. И тот и другой дают адекватные и актуальные рабочие инструменты всем, кто работает с убедительным и разъясняющим текстом.

Ильяховское «Читатель не хочет, чтобы его информировали» [Ильяхов, 2021, с. 120], «мы не информируем читателя, мы помогаем ему разобраться» [Ильяхов, 2021, с. 155] отражает суть 2-го принципа Тильдена. «Разобраться – это сформировать целостный образ предмета, его взаимосвязей, причин и логики» [Ильяхов, 2021, с. 157] подтверждает его 5-ое положение. 3-й принцип в ненамеренной интерпретации Ильяхова звучит так: «Чтобы читатель нас понял, мы должны создать в его голове картинку. Представьте, что он должен увидеть фильм» [Ильяхов, 2021, с. 7]. «Посмотрите на подлежащее и сказуемое. Если там настоящие герои и глаголы действия, вероятнее всего, читатель сможет понять вашу мысль... Это особенность человеческого восприятия: нам проще вообразить ту картинку, где люди совершают действия, чем ту, где абстрактные понятия взаимодействуют с другими абстрактными понятиями» [Ильяхов, 2021, с. 231].

Сфокусируемся на глаголах, как на одной из движущих сил передачи информации, помогающей решить задачу текста – совершить вдохновляющее открытие. Выделим среди них глаголы состояния и активные глаголы. Последние называют динамическими, событийными или глаголами действия. Они обозначают конкретные физические действия независимо от того, происходят эти действия сами или их кто-либо совершает. Семантика таких глаголов определяет неопределенное, буквально проявляет и порождает видимые образы. За подвижной картиной интересно наблюдать. Она вовлекает, задаёт импульс и, в зависимости от заложенной в него силы, вызывает ответную реакцию, т.е. обеспечивает связь участников диалога. Так мы возвращаемся к упомянутому выше определению интерпретации С. Хэма, где он акцентирует появление эмоциональной и интеллектуальной связей в процессе коммуникации как миссию и результат интерпретации.

Материалом для исследования применения активных глаголов послужили аншлаги Кавказского заповедника и Курорта Красная поляна. Обе организации выступают посредником и в то же время местом встречи природы и человека. Обе от лица природы говорят голосом учёного или экопросветителя, т.е. совершают акт коммуникации с гостем своей территории.

Таблица 1. Анализ аншлагов Курорта Красная поляна и Кавказского заповедника

Курорт Красная поляна	Кавказский заповедник
1700*1000, 384 слова	1600*900, 412 слов
Глаголы состояния – 23 (26): – Появились (появляются), является (2р), распространились, существует, насчитывает (2р), меняет, становится, используют, предпочитают, отличается, обеспечивает, могут, не тревожат, происходит, встретить, стала, воплотилась, живу, давайте, дружить, берегите, находится, проходит (граница).	Глаголы состояния – 6 (8): – Повлиял, выращивать, меняет, живёт (2 р), напоминают (2р), сохраняются.
Активные глаголы – 15: – Линяет, держатся, спускаются, охватывает, ест, питается, кормится, следуют, остаются, сбиваются, не покидают, подпускать, родилась, видите, наблюдайте.	Активные глаголы – 27 (35): – Раскинулась, гнездиться (5 р), прыгает, машет, передвигается (движется), достаёт, ловит (2р), <u>несёт</u> (носили, носит, <u>носит</u>), расчленил, весят (2р), пикирует, бьёт, восходит, <u>закрепилось</u> , селится, кормит, <u>сложился</u> , ест, строит, прыгает, маневрирует, следил, поведал, убил, раскаялся, окрасил, лишил.
Варианты замены глаголов состояния глаголами действия: – На Курорте Красная поляна стадо серн <u>насчитывает</u> порядка 110 особей – <i>По Курорту Красная поляна <u>перемещаются/ прогуливаются</u> группы серн общим числом чуть больше сотни – Курорт Красная Поляна облюбовали/закрепили за собой («заняли» использовать нельзя!) группы серн общим числом больше сотни.</i> – Осенью серна линяет и постепенно <u>становится</u> черно-бурой, отрачивая также зимний пуховой подшерсток – <i>Осенью серна линяет в <u>чёрно-бурый</u> и <u>запасается/ покрывается/ утепляется</u> зимним пуховым подшёрстком.</i> – Серны держатся вблизи скал, которые <u>используют</u> как убежище от хищников и непогоды – <i>Серны <u>держатся</u> вблизи скал, <u>укрываются/ прячутся</u> там от хищников и непогоды.</i>	Варианты замены глаголов состояния глаголами действия: – <u>Гнездится</u> в солнечных каменистых районах с лугами и редкими кустарниками – <i><u>Вьёт</u> гнёзда в солнечных каменистых районах с лугами и редкими кустарниками.</i> – Гнездится в ущельях над горными ручьями, на крутых утесах и обрывах – <i><u>прячет</u> дом в ущельях над горными ручьями, на крутых утесах и обрывах.</i> – Часто <u>меняет</u> место обитания, <u>живёт</u> уединённо – <i>Часто <u>перелетает</u> с места на место – <u>ищет</u> уединённой жизни.</i> – В полёте <u>напоминает</u> хищную птицу, маневрирует подобно фигурам авиационного – <i>Полётом <u>копирует</u> хищную птицу, маневрирует подобно фигурам авиационного.</i>
Кавказская серна «Самое проворное, ловкое, красивое и стройное животное европейских горных стран»... Николай Динник	Тисо-самшитовая роща <u>раскинулась</u> на отрогах горы Большой Ахун и скальных участках каньона реки Хосты. Рельеф <u>повлиял</u> на состав местной орнитофауны. Её экологическая особенность –

Кавказская серна – эндемичный подвид Западного Кавказа

Предки серны появились в миоцене ещё 6-7 млн лет на территории Азии и затем через Кавказскую горную систему распространились в Малую Азию и в Европу. В современном мире существует 10 подвидов серн. Кавказский подвид насчитывает около 1500 особей, обитающих на территории Кавказского заповедника и Сочинского нацпарка. На Курорте Красная поляна стадо серн насчитывает порядка 110 особей.

5 фактов о серне

Меняет окрас в зависимости от времени года

В летнее время она ржаво-рыжая с яркой темно-бурой полосой вдоль хребта. Осенью серна линяет и постепенно становится черно-бурой, отращивая также зимний пуховый подшерсток.

Серна – обитатель скал.

Серны держатся вблизи скал, которые используют как убежище от хищников и непогоды. Летом они предпочитают зону горных лугов, зимой спускаются в скалистые участки пихтарников.

Копыта серн уникальны.

Копыта отличаются крупным размером и большой подвижностью. Эластичную «подошву» со всех сторон охватывает жесткий край, что обеспечивает надежное сцепление с поверхностью.

Серна – вегетарианец.

В рационе более 200 видов растений. Зимой ест ветви и побеги, сухие травы, мхи и лишайники. Летом питается травами, съедая по 5-6 кг ежедневно. Осенью кормится семенами и разными плодами.

У серн есть «детские сады».

Козлята, по одному от самки, появляются в мае. Через три дня они уже следуют за матерью и остаются с ней до полутора-двух лет. Козлята часто сбиваются в детские сады под присмотром нескольких самок.

Кавказская серна занесена в Красную книгу Краснодарского края – категория 3 УВ – исчезающий вид.

Серны не покидают свои обычные места обитания. На тех территориях, где животных не тревожат, они могут близко подпускать к себе человека, как это часто происходит на Курорте Красная Поляна. Встретить серн здесь можно в любое время, поднявшись на канатных дорогах в горные цирки горы Аибга. Кавказская серна стала живым символом курорта и воплотилась в образе серны Поли.

Привет, я серна Поля. Я родилась и живу на Курорте Красная поляна. Давайте дружить!

гнездиться в горах, где безопасно и удобно выращивать потомство.

Стенолаз Tichodroma muraria

В полёте похож на бабочку, комплекцией и поведением – на крупного длинноклювого поползня с алыми крыльями. Гнездится в ущельях над горными ручьями, на крутых утесах и обрывах. Часто меняет место обитания, живёт уединённо. В поисках пищи ловко прыгает по отвесным поверхностям и быстро-быстро машет крыльями. По стволам деревьев передвигается подобно редкой на Кавказе пищухе – только вверх по спирали, опираясь, на свой твердый хвост и широко разведённые ноги. Беспозвоночных достаёт из каменных щелей и подушек прискальной растительности. Мелких жуков-пауков ловит в воздухе. Крупных несёт на удобную плоскую площадку и расчленяет о камень.

Сапсан Falco Peregrinus

Самая быстрая птица в 9 раз быстрее мирового рекорда по бегу – 322 км/ч или 90 м/с. Пернатый чемпион размером с ворону, размах крыльев 80–120 см. Самки крупнее и всят на треть больше – до 1,5 кг. На охоте за птицей среднего размера сапсан пикирует сверху и бьёт её лапами, прижатыми к телу. В полёте крылья напоминают серп, отсюда латинское falco. Тюркское sar – бить, san – бедро. Гнездится в неприступных скалистых берегах и долинах горных рек с широким горизонтом. Союзы сохраняются много лет. В России пар не более 2–3 тысяч.

Горная овсянка Emberiza cia

Родовое название восходит к древненемецкому embritz, т. е. “мелкая птица”. Его носили и воробей, и славка, а закрепилось лишь у овсянки. Горная птаха вместе с хвостом длиной с женскую ладонь. Нижняя часть туловища от груди до подхвостья нарядная – охристо-рыжая. Гнездится в солнечных каменистых районах с лугами и редкими кустарниками. Селится от 400 до 1900 м н.у.м. Моногамна. Если самец кормит самочку, союз сложился. Ест зерно и насекомую мелочь. Весит 25 г, почти как два её соседа стенолаза.

Ворон Corvus corax

Крупнейший из воробьиных: размах крыльев 120–150 см, длиной, как 2 подмосковных батона, а весом, как все 5! Носит “бороду» из удлинённых перьев, массивный, острый клюв. Ловит дичь размером с зайца или мелкого копытного, птиц, грызунов, гадов. Гнездится в скалистых нишах с каменным козырьком. Строит два-три гнезда, живёт в них по очереди. Дом до 1,5 м в диаметре и 0,5 м высотой. Осторожен. Хорошо движется по земле, перед взлётом несколько раз

<p><u>Берегите природу!</u> Всё, что вы <u>видите</u> вокруг, <u>является</u> домом уникальных растений и животных, например, серн. Большая часть территории Курорта Красная Поляна <u>находится</u> в Сочинском национальном парке, особо охраняемой территории федерального значения. Рядом <u>проходит</u> граница Кавказского заповедника, который <u>является</u> частью объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Западный Кавказ». <u>Наблюдайте</u> за природой, не оставляя своих следов!</p> <p>Посетите другие экотропы Курорта и узнавайте больше интересного о местной природе вместе с гидами Бюро приключений.</p>	<p><u>прыгает</u>. В полёте <u>напоминает</u> хищную птицу, <u>маневрирует</u> подобно фигурам авиационного пилотажа. Белый ворон <u>следил</u> за возлюбленной солнцеликого Аполлона и <u>поведал</u> ему об измене. Бог <u>убил</u> её, а когда <u>раскался</u>, <u>окрасил</u> ворона чёрным и <u>лишил</u> дара речи, оставив картавый грай.</p>
--	--

Зачастую тексты аншлагов/информационных стендов сопровождаются переводом. В постоллимпийском Сочи это английский язык. Специалист в области межъязыковой и межкультурной коммуникации должен обеспечить качественный перевод в условиях ограниченного объема текста, где каждое слово взвешивается, при том, что к нему сохраняются все требования интерпретативности. Перевод выполняет ту же функцию, что и оригинал.

Задача и функция аншлага – сформировать эмоциональные и интеллектуальные связи между интересами аудитории и значимостью конкретного ресурса посредством языка, понятного всем людям. Применение техники интерпретации помогает достичь поставленной цели, поэтому важно сохранить это свойство текста при переводе. В нашем случае тексты не сопровождалась переводом, однако можем предположить, что при их переводе, в ходе передачи активных глаголов могут возникнуть следующие трудности:

- слова с несколькими значениями: *носить, закрепилось, сложился;*
- слова из одной категории, отличающиеся стилистическими нюансами: *например, из глаголов говорения автор текста выбрал устаревшее «поведал»;*
- слова одной категории, отличающиеся малейшими смысловыми нюансами: *например, глаголы движения «движется» и «передвигается». В первом, скорее всего, предполагается непрерывный процесс, а во втором – с остановками.*

Эти трудности решаются за счёт тщательного и внимательного выбора слов и синонимического ряда, применение переводческих трансформаций для компенсации в ряде случаев неизбежно утрачиваемого смысла.

Конкретно ООПТ хочется порекомендовать найти способ не экономить и не прибегать к машинному переводу, пусть и отредактированному. Как вариант рассмотреть интеллектуальное волонтерство или студенческую практику в работе с такими интересными и важными проектами, как интерпретативные тексты. Но главной трудностью большего масштаба нам представляется отсутствие активных глаголов и их скудная база в текстах, что в разной степени продемонстрировали выбранные примеры. Отсутствие динамических глаголов делает текст мёртвым, плоским, статуарным, обилие слов и фактов не формирует единое смысловое поле, а исключительно информирует. Это категорически снижает ценность описанного объекта природного наследия и обнуляет все затраченные на производство аншлага усилия.

Таким образом, предназначение аншлагов побуждает применять техники интерпретации наследия и техники прояснения языка научных текстов с локусом внимания на активных глаголах. В качестве перспективы для дальнейшего исследования можно отметить работу со сложностями адаптации текста для реципиентов на другом языке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер, Е. А. Интерпретация исторического, культурного и природного наследия как инструмент речевого воздействия в условиях профессиональной коммуникации гида-экскурсовода. / В сборнике: Пространства коммуникации: язык, литература, медиа. материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета. Печатается по решению ученого совета факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ. 2018. С. 209–216.

2. Вебер, Е. А. Принцип релевантности как системообразующий принцип построения интерпретативного экскурсионного текста. / В сборнике: Роль научно-исследовательской работы в управлении и развитии ООПТ. Материалы Всероссийской научно-практической конференции,

посвященной 50-летию со дня образования Байкальского государственного природного биосферного заповедника. 2019. С. 50–53.

3. Ильяхов, М. Пиши, сокращай: Как создавать сильный текст / Максим Ильяхов, Людмила Сарычева. – 2-е изд. – М.: АП, 2017. – 440 с., ил.

4. Ильяхов, М. Ясно, понятно: Как доносить мысли и убеждать людей с помощью слов / Максим Ильяхов. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 448 с., ил.

5. Gowers, E. Plain words. A Guide to the Use of English. Revised and updated by Rebecca Gowers / Ernest Gowers. – Penguin books, 2015. – 320 p.

6. Ham, S. H. Environmental Interpretation: a practical guide for people with big ideas and small budget. / Sam Ham. – Fulcrum Publishing, 1992. – 456 p.

7. Ham, S. H. Interpretation – Making a Difference on Purpose. / Sam Ham. – Fulcrum Publishing; 1st edition, April 4, 2016. – 532 p.

8. The National Association for Interpretation (NAI) // [сайт]. [2004-2022]. URL: <https://www.interpnet.com/> (дата обращения 28.02.2023)

9. Tilden, F. Interpreting Our Heritage / F. Tilden. – Chapel Hill: The University Of North Carolina Press, 2007. – 191 p.

УДК 81'42

Характерные черты президентского дискурса В. В. Путина (на материале из выступления на заседании

Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2022)

Исмагилова Г. К., Казанский федеральный университет, к.ф.н., доцент, Россия

Кун Ф., Казанский федеральный университет, магистрант, Россия

Национальный имидж является мягкой силой страны и важным воплощением всеобъемлющей национальной силы, его формирование постоянно привлекает большое внимание исследователей различных областей и сфер. Национальный имидж – это восприятие и оценка политических, экономических, социальных, культурных и географических условий страны. Образ страны должен быть представлен внешне языком, поэтому то, какой язык мы используем или как мы формируем образ страны с помощью языка, имеет решающее значение. Формирование имиджа страны неотделимо от политического дискурса, то есть политического дискурсивного поведения руководителей власти. Политическая речь, интервью в СМИ с политическими лидерами, правительственные пресс-конференции, политические выборы и т. д., всё это можно классифицировать как политический дискурс. Политический дискурс содержит специфические ценности и идеи, которые глубоко влияют на политические обмены и другую общественную деятельность, а значит и на формирование имиджа страны. В целом, политический дискурс отражает политику и идеологию стран, отдельных партий и движений в ту или иную эпоху.

Широко распространено мнение, что главной целью политической речи является убеждение. В политическом дискурсе вербальное воздействие является важнейшей коммуникативной задачей, и для достижения этого необходимо правильно выбирать средства языка. Язык, используемый для политической коммуникации, всегда имеет особое значение: продвигать определенные идеи, развивать общественный консенсус, оказывать эмоциональное воздействие на граждан и побуждать их к политическим действиям, выражать собственную политическую позицию в международном общении и так далее.

Коннотативный аспект слов отражает когнитивный образ мышления говорящего, также содержит ценности говорящего, поэтому в политическом дискурсе коннотативный аспект слов является широко используемым способом мышления и выражения.

Формулировки языка политиков находятся в прямой зависимости от национальной культуры, и даже в выступлениях политиков часто формируется фиксированный языковой каркас. Фразеологические единицы появляются в политическом дискурсе благодаря макроскопической составляющей их коннотаций и являются яркой формой выражения речи.

27 октября 2022 года Путин выступил с речью на пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай». Ежегодные заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» начались в 2004 году, туда приглашаются известные эксперты и ученые из разных стран ежегодно для обсуждения геостратегических и международных вопросов, что является важным этапом для демонстрации российского политического и стратегического мышления. Путин обычно выступает в последний день

ежегодной встречи, и его речь часто рассматривается всеми слоями общества как важная основа для прогнозирования направления внутренних и внешних дел России в предстоящий период.

Мы классифицируем и анализируем фразы президента, которые чаще других появляются в выступлениях, в соответствии со следующей типологией. В высказываниях о концепции нового мира и революционной ситуации им были использованы такие словосочетания:

- *серьёзные большие сдвиги*
- *системный кризис*
- *холодная война*
- *либеральная идеология*
- *классический либерализм*
- *подрывная пропаганда*
- *угроза демократии*
- *однополярное мироустройство*
- *глобальные конфликты*

Что касается нынешнего огромного политического конфликта в мире, Путин полностью выразил свою обеспокоенность. В его выступлении неоднократно упоминались термины «системный» и «однополярный», которые используются для выражения обеспокоенности по поводу дисбаланса в политическом мире, для большего воздействия на слушателей. Другие фразы, используемые в нескольких местах, имеют семантическое сходство: кризис, угроза, конфликт и т. д. Все это в полной мере выражает обеспокоенность России по поводу ненормальных и немирных явлений в меняющейся мировой модели.

О концепции нормальных отношений сотрудничества между странами:

- *многополярной мир*
- *традиционные ценности многополярности*
- *объединения усилий*
- *открытый научно-технологический обмен*
- *взаимодействия стран-соседей*
- *с бережным отношением*

Что касается различного международного сотрудничества, то Путин неоднократно подчеркивал «многополярную» мировую модель, в которой все страны должны объединиться и построить справедливую систему, в то время как суверенитет всех стран должен сохраниться. Путин неоднократно подчеркивал «объединение» и «взаимодействие», убеждая, что Россия активно изучает новые модели и рамки международного сотрудничества в процессе сотрудничества с другими странами и Россия готова работать с другими странами для достижения взаимовыгодного сотрудничества и общего развития.

Рассмотрим другой блок языковых единиц:

- *так называемый Запад, так называемые нелиберальные ценности*
- *сложный конгломерат*
- *системные ошибки*
- *играют на обострение*
- *прямой меркантильный*
- *безоговорочно приняты*
- *длящееся ослепление превосходства*
- *происки Кремля, рука Кремля, козни Кремля*
- *непонятной «чёрной дырой»*
- *нынешний миропорядок по-американски*
- *пресловутый «порядок»*
- *прямая угроза*
- *западные элиты*
- *создание очагов напряжённости*
- *собственные геополитические цели*
- *универсальное правило*
- *безраздельное доминирование*

Отношение Путина к западным странам ясное, подчёркивающее противостояние: неоднократно используя конструкцию «так называемый», чтобы высмеять политические теории западных стран, которые не достойны упоминания, президент выражает сильное недовольство. В своем выступлении Путин также вспоминал о преступлениях, ответственность за которые Запад часто навешивает на Россию

(*происки Кремля; рука Кремля; козни Кремля*), он отметил тот факт, что российское правительство и российский народ постоянно слышат клевету со стороны западных стран в процессе мирного развития.

Фразы, обозначающие глобальное мирное развитие всех стран:

- *строгий и объективный экзаменатор*
- *многополярное мироустройство*
- *фундаментальные вызовы*
- *экологический баланс*
- *отстаивает право*
- *симфония человеческой цивилизации*
- *многообразие мировых регионов*

Президент Владимир Путин занимается не просто политикой, но и геополитикой. Как всегда, подчеркивалось в выступлении «*многополярный*», «*многообразие*», Путин предлагает не однополярный мир, а более справедливый многополярный мир с учетом интересов всех стран, а не только США. Он выразил надежду на то, что все страны увидят это и будут уважать политическое, экономическое, культурное и иное процветание и разнообразие всех государств. Здесь утвердился образ России как «воина», отстаивающего национальные интересы и гарантирующего мир во всем мире.

Одним из основных характерных особенностей речи В. В. Путина является манипулирование языковыми единицами, относящимися к разным (если не сказать – полярным) уровням языка – литературному и нелитературному. Дискурс Путина часто сопровождается переходом с формального общения на неформальное, сочетанием литературного языка с разговорной лексикой. Данный прием способствует очевидной аффектации речи Путина, оживляя ее, делая ее непредсказуемой, заставляя потенциального слушателя не ослаблять своего внимания.

Анализ и интерпретация политического дискурса могут не только выявить сложные и абстрактные политические концепции, но и сузить дистанцию между странами и народами. И показывая глубокий смысл политического дискурса, можно построить позитивный образ страны. Анализируя выступление президента Путина, можно сделать следующие выводы:

1) президент Путин использует большое количество терминов с одинаковым значением для многократного подчеркивания своих взглядов, что оказывает дополнительное влияние на аудиторию и тем самым достигаются цели выступления;

2) используется большое количество лексики, нацеленной на построение позитивного, добрососедского и дружественного образа Российского государства.

При анализе политического дискурса президента Путина объясняются ценностные приоритеты адресанта, с более глубокой точки зрения раскрывается процесс «самоформирования» национального имиджа, который, как ожидается, обеспечит некоторый ориентир для самоформирования и распространения национального имиджа в будущем. Речь Президента отличается тем, что она хорошо запоминается, основана на традиционных риторических приемах, которые в совокупности формируют его политический стиль. В анализируемом общественном выступлении присутствуют повторы, однородные члены предложения, разговорный стиль. Можно сделать вывод о том, что образ выступающего президента обладает признаками лидерства, создает ауру доверия, что особенно важно в сложный политический период.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Полный текст обращения Владимира Путина на "Валдае" 27 октября 2022. – URL: <http://www.kp.ru/daily/27463/4668903/> (дата обращения: 24.11.22).

2. Сопова И. В. Фразеология и лингвокультура в формате политического дискурса / И. В. Сопова. – URL: <http://trlinguistics.ru/journal/article/558/> (дата обращения: 23.11.22).

3. Орлов В., Советский М. Речь Путина на Валдае: что сказал Владимир Путин. – URL: https://wsem.ru/publications/rech_putina_na_valdae_chno_skazal_vladimir_putin_4990/ (дата обращения: 23.11.22).

Языковая картина мира русских и колумбийцев*Калифа А. Д.*, Южный федеральный университет, магистрант, Колумбия*Режук З. В.*, Южный федеральный университет, к.ф.н., доцент, Россия

С раннего детства человек постоянно участвует в познавательных процессах, основанных на повторении звуков и их ассоциации с реальными предметами, постоянно взаимодействуя со своим ближайшим окружением, главным образом с матерью; а затем и с другими членами сообщества. По мере увеличения социальных взаимодействий увеличивается и словарный запас, и то, как человек понимает окружающий мир. Это не означает, что до того, как ребенок начнет говорить, он изолирован от общества. Но, только взаимодействуя с обществом, человек становится его частью. Так происходит и с языками. «Само существование разных языков не обеспечивает их взаимодействия. Помните, что говорить о сосуществовании культур в одном пространстве (мультикультурализм) – это не то же самое, что о культурах во взаимодействии (межкультурность)» [Гарсия, 2011, с. 68].

Культура и язык тесно связаны в той мере, в какой язык позволяет человеку не только взаимодействовать с сообществом, но быть его частью, это то, что Витгенштейн называет «Языковой картиной мира»:

Если что-то и характеризует последний период философии Витгенштейна, так это его настойчивое утверждение, что то, что мы думаем и говорим, можно понять только в его жизненном, повседневном контексте, в обычном употреблении слов. Неоднократно, во всех своих более поздних работах, он сталкивается с неправильным представлением о том, что должно быть что-то, какой-то факт или положение дел, объясняющее значение наших слов, что-то, что происходит в голове или уме говорящего или в мире, что объясняет, почему такие-то и такие-то слова имеют значение. Его совет заключается в том, что вместо того, чтобы искать такую вещь, мы смотрим на контекст, поток мыслей и действий, в которых задействовано использование таких слов, что делается с ними или ими [Ботеро, 2001, с. 222].

Исходя из этого, мы можем понять, как культурные контексты, будь то страны, региона или просто определенной социальной группы, влияют на ментальные образы, формируемые человеком для определения и понимания окружающей реальности.

Это явление проявляется не только при изучении одного языка, но и может быть противопоставлено овладению другими языками. То же самое происходит, когда мы сталкиваемся с незнакомым языком. Хотя первоначально мы можем использовать повторение слов для общения, постепенно изучать иностранный язык, в итоге овладевая им, что подразумевает не только систематическое повторение звуков или поиск дословного перевода слов. Нужно отметить, что изучение нового языка влечет за собой целый когнитивный процесс концептуальной и контекстуальной ассоциации.

Не следует, конечно, ожидать, что ментальные образы одинаковы у разных индивидуумов, но, напротив, именно контекст придает специфику их определению, которое дается не готовым концептом, а личным опытом взаимодействия с указанным объектом. В качестве примера можно рассмотреть то, что по-испански мы знаем как «эмпанада». Обычно эмпанадой в Латинской Америке называют тонкое тесто из кукурузной или пшеничной муки, со сладкой начинкой или начинкой из мяса. Концепция эмпанады понятна подавляющему большинству жителей Латинской Америки, однако, если попытаться объяснить способ ее приготовления в странах Южной Азии, то возникнет образ кушанья, которое называется *Gyoza* или *Dumpling*. В странах Восточной Европы с таким же способом приготовления возникает ассоциация с блюдом, известным как пельмени. И это лишь один из многих примеров, с которыми мы сталкиваемся каждый день, когда думаем о межкультурном диалоге.

Следует отметить, что мысленные образы даны нам не как доказанные универсалии, а как знания, умения и навыки, которые были переданы нам прошлыми поколениями или которые мы просто сумели определить на основе эмпирических исследований, и, с помощью которых мы выстроили свой собственный ментальный образ. Это не означает, что не существует объективных определенностей мира, а скорее то, что мир также может быть основан на субъективном восприятии в соответствии с его ценностью и функциональностью. Согласно вышесказанному, изучение иностранных языков следует рассматривать не как процесс формообразования, а как процесс социализации, происходящей в контексте изучаемого языка. «Язык является хранилищем коллективного опыта народа, в нем отражено мировидение этноса, специфическая концепция. Очевидно, что для успешной межкультурной коммуникации весьма значимым является владение тем способом концептуализации мира, который закреплен в иностранном языке» [Медведева, 2010, с. 40].

Благодаря этой идее мы можем сосредоточиться на двух далеких друг от друга социокультурных контекстах, таких как русская и колумбийская культуры, не только из-за различий в алфавите, кириллица и латиница, или из-за геополитических особенностей территории, но и из-за их культурного наследия и истории. Хорошо известно, что Колумбия возникла в результате испанской кампании по колонизации южноамериканского континента, и что этот фактор способствовал возникновению картины мира со всеми ее гранями и характеристиками. Формирование русской картины мира происходило совершенно по иному пути. История России – это история присоединения территорий и народов. Таким образом сразу можно отметить, насколько различны русская и колумбийская культуры. Следовательно, и картина мира у двух народов будет различаться. Эти особенности отражают всю историю народов и даже их происхождение в различных геополитических и социокультурных контекстах.

Этот краткий обзор лишь одного из многих примеров, позволяющих увидеть особенности контекст двух стран, не ставит целью вникнуть в их бесспорные различия, а скорее, наоборот, пытается понять геополитические явления и их влияние на культуры стран, что, в свою очередь, позволяет нам приблизиться к пониманию их собирательного образа и, исходя из этого, провести языковые мосты между обеими культурами, например, указать существенные черты, которые свойственны разным народам.

Однако помимо этих различий есть аспекты, в которых парадигма социокультурной компетентности и межкультурной компетентности сходны. Фундаментальный аспект, в котором они сходятся, касается концепции языка и культуры, а также их взаимоотношений. Интеркультурная парадигма отвергает типичную для парадигмы социокультурной компетентности эссенциалистскую характеристику языка и культуры, подчеркивая противоречие, возникающее между иллюзией однородности, связанной с этой идеализацией, и явной гетерогенностью языковых и культурных практик [Амбадианг и Гарсия Парехо, 2006, с. 80].

Именно в этом аспекте преподавание иностранного языка начинает играть очень важную роль, поскольку оно отвечает за диалог. Однако необходимо помнить о том, что диалог предполагает не только владение языком, но и другие междисциплинарные компетенции. Эта форма межкультурной коммуникации позволяет нам не только познакомиться с чужой картиной мира, но и дает нам возможность подвергнуть сомнению существующие стереотипы в отношении русского и колумбийского этноса.

Социальный конструктивизм – это вариант конструктивизма, разделяемый лингвистическими и социолингвистическими подходами к познанию и обучению. С этой точки зрения знание строится в социальном контексте, оно находится во взаимодействии между разумом и внешним видом человека, посредством языка и действий, расположенных, организованных и конструируемых в этом взаимодействии [Кордова, 2020, с. 96].

Возьмем в качестве примера русское слово *мир*, которое имеет в словаре омонимов следующие значения: «1. состояние спокойствия, покоя, согласия; отсутствие вражды, войны; мирный договор; 2. планета Земля; всё, что существует, вселенная, свет; некое общество, сообщество либо отделённое от других пространство существования; совокупность индивидуумов некоего общества/сообщества либо же всех на Земле обитающих людей» [Словарь омонимов русского языка, 1986]. Для понимания происхождения и употребления этого понятия необходимо осмыслить его этимологические корни, почему славянские народы произвели это объединение понятий и воплотили их в одно слово. Понимание этого значения для иностранного студента предполагает не только его дословный перевод, но и процесс концептуализации и осмысления русской культуры с целью осмысления концепта и создания его мысленного образа.

В заключение хотелось бы отметить необходимость обращения к интеркультурности, как пониманию собеседников как субъектов со сложным набором концептуальных сетей и языковых образов мира, данных из их геополитических контекстов при овладении иностранным языком. Но в то же время нельзя доходить до крайностей, таких как полное погружение в другую культуру, забвение своей собственной или же наоборот отказ изучать новую культуру.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ботеро, К. Мысль Л. Витгенштейна / К. Ботеро, Х. Хуан. – Национальный университет Колумбии, 2001.
2. Гарсия, Б. Русско-испанское сравнительное мировоззрение в многоязычном образовательном пространстве / Б. Гарсия // Многоязычие в образовательном пространстве. – № 3. – 2011. – С. 67–71. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 2.04.2023)
3. Кордова, М. Е. Социокультурный лингвистический конструктивизм как опорная педагогическая теория для общих исследований / М. Е. Кордова // Новый гуманизм, полет. – № 8. – 2020. – С. 91–108.

4. Медведева, Т. С. Культурные доминанты в межкультурной коммуникации: к вопросу о двуязычном словаре-концептуарии / Т. С. Медведева // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2010. – С. 40–49. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 2.04.2023)

5. Амбадианг, Т. Лингвистическая культура и культурный компонент в обучении неродному языку: наблюдения за некоторыми парадигмами культурной компетентности / Т. Амбадианг, Э. Парехо // *Didáctica Lengua y Literatura*. – т. 18. – 2006. – С. 61–92. – URL: https://www.researchgate.net/publication/39309607_La_cultura_linguistica_y_el_componente_culture_en_la_ensenanza_de_lenguas_no_maternas_observaciones_sobre_algunos_paradigmas_de_la_competencia_culture (дата обращения: 2.04.2023)

6. Словарь омонимов русского языка. М., 1986.

УДК 372.881.161.1

Использование интернет-платформы ProgressMe в преподавании РКИ

Князева В. Д., Государственный институт русского языка

им. А. С. Пушкина, магистрант, Россия

Научный руководитель: д.ф.н. профессор Лешутина И. А., Россия

Современным педагогам необходимо обладать специальными средствами для поддержки интереса к учебному процессу. В их руках использование интернет-ресурсов стало незаменимым оружием. Интернет-платформа ProgressMe – это тот инновационный ресурс, на который с уверенностью можно положиться и преподавателю, и студентам: при его использовании облегчается работа по поиску дидактических материалов, с его помощью можно проводить интересные и насыщенные занятия без сторонних ресурсов и выстраивать учебный процесс продуктивно и эффективно. Более точное изучение и введение этой платформы в частое использование в институтах и на курсах поможет систематизировать, упростить и автоматизировать введение материала, проверку знаний и их контроль.

Проблему обучения РКИ с помощью онлайн-платформ изучали многие отечественные методисты. В своей статье В.В. Вязовская [Вязовская, 2020, с. 69] рассматривает несколько интернет-ресурсов и приходит к выводу, что в настоящий момент нельзя говорить о полной интеграции электронных ресурсов в образовательный процесс из-за отсутствия хорошей материальной базы российских вузов и некоторых технических проблем. Т. Н. Носкова [Носкова, 2017, с. 121] полагает, что, несмотря на постоянное обновление средств ИКТ и их непостоянство на рынке, онлайн-ресурсы должны быть апробированы на занятиях, так как это эффективный прием для преподавания, который проявляет и стимулирует профессиональное творчество преподавателя. Эти исследования обладают теоретической и практической значимостью, так как на их основе можно выделить все преимущества, которые дают гарантию эффективности использования интернет-ресурсов на занятии.

Цель исследования представляет собой выявление эффективных приемов при проведении занятия по изучению РКИ с использованием ресурсов только одной платформы ProgressMe. Апробация планируется в период педагогической практики в группах студентов подготовительного факультета Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина.

ProgressMe – это международная лингвистическая платформа, она была разработана в 2017 году, в период 2020-2022 гг. этот онлайн ресурс был признан одним из самых популярных образовательных проектов. Его используют на онлайн курсах, в языковых и частных школах. ProgressMe обладает множеством функций: виртуальный класс, видеосвязь в виртуальном классе, автопроверка упражнений, расписание и авторассылка ученикам до занятий, база готовых уроков, редактирование готовых уроков из каталога, возможность делиться своими материалами, четыре режима тренировки лексики и многое другое. Сайт имеет приятный интерфейс и удобный формат поиска, если возникают проблемы в навигации, можно написать в поддержку, которая довольно оперативно отвечает.

Эмпирической базой исследования является изучение возможностей платформы ProgressMe, анализ готовых типов упражнений, аутентичных текстов и аудиоматериалов. Этот ресурс также позволяет автоматически проверять домашнее задание, составлять расписание, регулировать деятельность студентов и создавать дополнительные учебные курсы.

Результат исследования видим в подтверждении гипотезы о том, что на занятиях по обучению РКИ и при подготовке к ним преподаватель может использовать только один интернет-ресурс как основной. Одним из главных преимуществ такой работы будет то, что студенты привыкнут к единому формату проведения занятий, они не будут отвлекаться на поиск самих упражнений, других платформ для выкладывания и проверки домашнего задания и т.п. Уровень мотивации повысится, так как ProgressMe

позволяет разнообразить учебный процесс и обеспечить всех участников интерактивными дидактическими материалами. Кроме того, педагог не будет нуждаться в дополнительных ресурсах: ProgressMe обладает большим количеством вспомогательного функционала, который можно использовать на разных этапах занятия.

ИКТ-технологии и их использование во время изучения иностранных языков стали привычным делом для преподавателей и студентов. Существует огромное количество различных сайтов, форумов и платформ, однако именно выбор и использование ресурса ProgressMe заметно упростит и украсит учебный процесс.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вязовская, В. В., Данилевская, Т. А., Трубчанинова, М. Е. Интернет-ресурсы в обучении русскому языку как иностранному: ожидания vs реальность // Русистика. 2020. - № 1. - URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/internet-resursy-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrann> ому - ozhidaniya-vs-realnost (дата обращения: 18.11.2022).

2. Носкова, Т. Н., Павлова, Т. Б., Яковлева, О. В. Инструменты педагогической деятельности в электронной среде // Высшее образование в России. - 2017. - № 8-9. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-pedagogicheskoy-deyatelnosti-v-elektronnoy-srede> (дата обращения: 18.11.2022).

УДК 81`33 + 004.738.5

Влияние Интернета на межкультурное общение в молодежной среде

Копендох И. И., Донской государственный технический университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Болотова Е. А., Россия

Мы живем в мире всеобщей компьютеризации, развития Интернета, сверх быстрых программ, множественности языков программирования, инновационных технологий, искусственного интеллекта, Интернета вещей, т.е. в сформированном информационном обществе с новыми коммуникативными технологиями. Доступны культурный обмен, прямые контакты в науке, культуре, экономике, политике, туризме и других сферах жизнедеятельности посредством новых интернет-технологий. В Интернете, как и в обычной жизни, межкультурное общение – это свойство социокультурной активности общества, в пространстве которого проходит взаимодействие и взаимодополнение разных культур.

Возникает необходимость выявления особенностей межкультурной коммуникации в условиях современного информационного общества, как влияет интернет на межкультурное общение в молодежной среде, ведь молодежь имеет собственное мировосприятие и ценности, активно использует все достижения информационного общества, в т. ч. новые источники информации.

Под межкультурной коммуникацией понимается «совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 142]. Межкультурная коммуникация проходит на различных уровнях, это общение и разных народностей, социальных групп, представителей разных религий, общение среди людей разного пола и возраста.

Межкультурная коммуникация – это диалог культур, в содержании которого прослеживается взаимодействие:

- языка, отражающего культуру народа и выступающего как определенная форма культурного поведения;
- культуры, передающей своеобразие общественно-исторических условий;
- личности, психический склад которой сформирован в ходе практической деятельности [Целепидис, 2009, с. 16].

В настоящее время интернет стал пространством и основным средством межкультурной коммуникации для молодежи. В результате молодые люди при межкультурном общении могут опираться, и на собственный опыт, и на знания и информацию, полученную в виртуальном пространстве.

Интернет, как средство межкультурной коммуникации, оказывает и положительное, и отрицательное влияние на межкультурное общение в молодежной среде. Положительное влияние выражается в следующем:

- это современная коммуникативная среда, трамплин для прогресса в человеческой коммуникации: «сетевой, виртуальной, интерактивной» [Целепидис, 2009, с. 12];
- молодежь вступает в новый тип общения, массовую информационную межкультурную коммуникацию, протекающую в виртуальной реальности. Такая коммуникация позволяет узнавать о

культуре других собеседников, изучать особенности культурного развития стран, языка и внедрять важное в свою культуру. Т.е. является средством видения культуры других народов. Это и способ приобщения к достижениям мировой культуры;

- выступает стимулом межкультурного общения, т.к. имеются скоростные информационные и коммуникационные техники;

- способствует пониманию, что разнообразие культур, это объективность нашего мира;

- влияет на появление новых видов и форм коммуникации.

Некоторые авторы полагают, что сегодня появилась новая форма языкового контакта – письменная разговорная речь. Превалирует в качестве способа коммуникации письменная речь, состоящая из текстового сообщения и «метатекстовых знаков» [Липатова, Богатырева, 2016. с. 74]. Появляются сленгизмы (это сокращения русских или английских слов с целью экономии времени на написание слова или предложения и придания эмоциональной окраски написанному), сокращения, эмодзи (графический символ, передающий эмоции):

- это всеобъемлющая коммуникативная среда, наращивающая формы межкультурных коммуникаций, при этом правила коммуникации для всех равны;

- способствует передаче информации по всему миру, что позволяет информации быть общедоступной; делает возможным получение результата здесь и сейчас.

С другой стороны, отношение к Интернету в межкультурной коммуникации должно быть беспристрастным, поскольку информация, может оказывать и негативное влияние на личность, тем более на молодого человека, когда психологические и ценностные ориентиры в стадии формирования.

Отрицательное влияние видится в следующем:

- отсутствие цензуры, в свободном доступе информация противоправного характера, разжигающая конфликтные ситуации, манипулирующая сознанием и психикой молодежи. Интернет-коммуникация – создает благоприятные условия для речевой агрессии, дискредитации, фейков, самой разной деструктивной информации. Полагаем, что цензуре должны подвергаться сообщения об экстремизме, о разжигании межнациональных конфликтов, оскорбительные выражения в адрес национальности, религиозной принадлежности, профессиональных навыков, физических особенностей человека, не должно быть в сообщении сцен насилия или жестокости, провоцирования к противоправным действиям или действиям способным причинить себе вред. Превалирующая доля россиян считает, что противостоять вышеуказанной информации в виртуальном пространстве обязательно, так как снижение ее количества уменьшает опасность для населения.

- возведение развлечения в культ, превращение межкультурной коммуникации из способа узнать и понять новую культуру собеседника, в сферу развлечений и проведения досуга;

- потеря времени, так как часто молодые люди проводят много времени за отслеживанием чужой жизни в социальных сетях; пытаются быть похожими на известных людей, не понимая, что их благосостояние достигнуто профессиональным упорным трудом;

- интернет-зависимость. Эта зависимость проявляется в виде «непреодолимого желания пользоваться Интернетом и вызывает пагубные последствия в бытовой, учебной, социальной и психологических сферах деятельности» [Антоненко, 2014, с.4]. Анализ исследований по этой тематике привел к пониманию, что зависимость от интернета порождается количеством времени, проведенным в сети: чем больше времени, тем сильнее зависимость. Сама коммуникация в интернете специфична, проходит быстро с ярким эмоциональным контентом, всегда с теми или иными переживаниями, достаточно проста для понимания и восприятия. Приоритет пользования Интернетом перед живой, реальной коммуникацией – это уход от реальной жизни со всеми вытекающими последствиями: молодой человек становится асоциальным, замкнутым, не видит жизненных сценариев будущего, кроме жизни офлайн. В Интернете молодежь получает поддержку и коммуницирует с социальными группами близкими по интересам, например, чаты, форумы, по компьютерным играм. Компьютерная игра – это вымышленный мир, и, достигнув успеха в игре, ты не достигаешь его в жизни. Время упущено на нереальный мир, профессиональные, научные, коммуникативные, личностные навыки, не получены;

- кибербуллинг и кибервандализм. Кибербуллинг это отправка сообщений с оскорблениями, угрозами, издевательствами, распространение уничижающей информации. Формами кибербуллинга могут быть оскорбительные высказывания, сплетни, комментарии под постами с неприличными предложениями, распространение слухов и даже угрозы. Молодые люди часто прекращают коммуникацию, замыкаются в себе, не хотят посещать общественные места, место учебы, наступают психологическая депривация, невроз и депрессия.

Кибервандализм – это повреждение данных в сети, отрицательно влияющее на предпринимательство, влекущее имущественные и денежные потери, также на деловую репутацию торговой марки, фирмы, иногда на саму личность в связи с редактурой информации в негативном ключе.

Кибервандализм действует на личность, на желание коммуницировать, последствия такие же, как и при кибербуллинге и возможны финансовые убытки, вред деловой репутации.

Существуют особенности межкультурного общения в Интернете:

– коммуникация включает прямую информацию, иногда прямую опосредованную коммуникацию, т.е. информация воспринимается от первого лица, но обратная связь поступает не в единый промежуток времени, реципиент не всегда может ответить быстро.

– интерактивность, т.е. определенный обмен действиями, наличие обратной связи между коммуникаторами присутствует всегда.

– дистантность, т.е. разделенность во времени и пространстве и плюс опосредованность – коммуникация проходит с помощью компьютера, смартфона, ноутбука, т.е. технического устройства без непосредственного контакта собеседников, нет физической представленности;

– многообразии и насыщенности информации. Поисковые системы позволяют участникам межкультурной коммуникации получить любую информацию о культуре, языке, жизнедеятельности человека из другой страны. Возможно общение с коммуникаторами из других стран в режиме реального времени, объединяющее нескольких и более лиц с целью коллективного обсуждения интересующего вопроса. Конечно, это облегчает процесс межкультурной коммуникации;

– актуальность и оперативность передачи информации, т.е. коммуниканты могут получать сообщения с минимальной задержкой, фактически происходит имитация обычного разговора и это способствует оперативности коммуникации.

– многоязычность. Даже при незнании языка собеседника, с кем проходит коммуникация, Интернет позволяет его понимать, т.к. есть онлайн-переводчики. Сюда же можно отнести и полифоничность – способность соединить различные речевые практики и типы дискурса, передача своих эмоций с помощью смайлов, присутствие специфичной компьютерной этики;

– конфиденциальность общения. Если адресант или адресат не хотят быть идентифицированы, то это вполне возможно. Стеснительные люди, не готовые прямо высказать свою позицию, предпочитают анонимность коммуникации в сети Интернет. В процессе коммуникации стиль общения может меняться от более формального к менее формальному.

Межкультурное общение молодежи в виртуальной реальности проходит посредством: электронной почты, форумов, компьютерных конференций, новостных сайтов, сайтов специализированных учреждений, например Юнеско, международного союза музеев «ИКОМ», «Российской государственной библиотеки искусств», сайтов «Музеи России», «Мировое искусство», «Музеи мира», «Музеи Европы», на сайтах музеев есть интерактивные экскурсии, где в непосредственной близости можно рассматривать полотна известных художников и потом вести диалог с собеседниками обсуждая увиденное; Интернет-порталов; также с помощью социальных сетей: «ВКонтакте», «Мой Мир», «Одноклассники», ранее это и Instagram, Facebook (в настоящее время запрещены на территории РФ, т.к. входят в корпорацию Meta, разрешившей распространять призывы к насилию в отношении наших соотечественников, в связи с этим признана экстремистской). Блогов самой различной направленности: о национальной культуре, о путешествиях, о финансовой грамотности, о музыке, о научных разработках в той или иной сфере и ряд других. Большинство блогов – это посты о личной жизни в режиме онлайн.

Также активно используются мобильные приложения WhatsApp, Viber, Telegram. Видеохостинги (YouTube, Rutube, Яндекс.Видео).

Актуальны для межкультурного общения и чаты. Чат является способом обмениваться сообщениями в режиме онлайн. Особенность коммуницирования в чате состоит в том, что сообщение имеет «двухкомпонентную структуру» – это словесное высказывание и выраженная эмоция, например, в виде эмоджикона. «В процессе декодирования ведущая роль принадлежит модальному компоненту, редки случаи его отсутствия» [Овчарова, 2008, с. 7]. Основная цель сообщения – это коммуникация, которая реализуется посредством своих функций информационной и контактоустанавливающей.

Межкультурная коммуникация связана как с повседневной жизнью, так и с политической деятельностью, тем она и значима, поэтому целесообразно воспитывать в молодежной среде общие социокультурные ценности, которые обеспечат устойчивые межкультурные связи в будущем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антоненко, А. А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика: автореф. дис... канд. психол. наук / А. А. Антоненко. – Москва: ФГБОУ ВО МГМСУ им. А. И. Евдокимова Минздрава России, 2014. – 19 с.
2. Грушевская, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Межкультур. коммуникация" / Т. Г. Грушевская, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – М.: ЮНИТИ, 2002. – С.352.
3. Ковалева, С. Е. О некоторых актуальных социально-психологических проблемах виртуальной коммуникации в информационную эпоху / С. Е. Ковалева // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2017, С 122–127.
4. Овчарова, К. Е. Компьютерные чаты в интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: автореф. дис... канд. филол. наук / К. Е. Овчарова. – Краснодар: ГОУ ВПО КГК, 2008. – 27 с.
5. Целепидис, Н. В. Особенности Интернета как средства межкультурной коммуникации в молодежной среде: дис. ...канд. культурологии / Н. В. Целепидис. – Москва, 2009. – 190 с.

УДК 811.111'25

Особенности закадрового перевода документальных фильмов и телесериалов

Матвиенко К. В., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Косоногова О. В., Россия

Быстрое распространение кино-, видеопродукции, а, следовательно, и необходимость распространения такой продукции в иноязычной среде, повлекли за собой появление и развитие так называемого аудиовизуального перевода. В последние десятилетия появилось немало работ как зарубежных, так и отечественных ученых по теории аудиовизуального перевода, посвященных как теории аудиовизуального перевода в целом [Chaume, 2013], так и проблемам его методологии [Diaz, 2009].

В современных исследованиях основное внимание ученых приковано к изучению таких разновидностей аудиовизуального перевода, как дублирование и субтитрование. При этом труды зарубежных ученых носят более практический характер, в то время как труды отечественных ученых – теоретический. Количество научных работ, как отечественных, так и зарубежных, посвященных закадровому переводу, недостаточно. В основном он рассматривается как один из видов аудиовизуального перевода, но проблема специфики этого вида перевода недостаточно описана и требует тщательного изучения.

Цель статьи – определить особенности закадрового перевода аудиовизуальной продукции, в частности, документальных фильмов, на русский язык.

Аудиовизуальная продукция достаточно разнообразна и не ограничивается только переводом кинофильмов. Среди аудиовизуальных текстов – телевизионные программы, выпуски новостей, рекламные ролики и видеогры. Отличительной особенностью аудиовизуальной продукции является сочетание вербального (текстового) и невербального (иконического) компонентов. То есть переводчик в процессе работы работает с диалогами или комментариями, звуковыми эффектами, изображением, атмосферой видео. Следует отметить, что аудиовизуальный перевод имеет свои разновидности, характеризующиеся собственной спецификой (межъязычные и внутриязыковые преобразования). Например, дублирование, субтитры, сурдоперевод, субтитры в режиме реального времени и т.д.

Одной из разновидностей аудиовизуального перевода является закадровый перевод. Закадровым переводом (от англ. voice-over, букв. «голос сверху») называют разновидность перевода аудиовизуальных произведений, при котором переведенные реплики актеров озвучивания можно услышать вместе с оригинальной звуковой дорожкой произведения. При этом существует несколько вариантов названия этой разновидности перевода на русский язык: закадровый перевод, закадровое озвучивание или войсовер [Савко, 2011, с. 353]. В своей работе мы будем использовать именно термин «закадровый перевод». Закадровый перевод как разновидность перевода аудиовизуальной продукции имеет свои особенности. Закадровый перевод используют в основном в тех странах, которые по финансовым причинам не могут позволить себе выполнять дубляж большого количества видеопродукции, поскольку дубляж является самой дорогой разновидностью аудиовизуального перевода [Diaz, 2009, с. 121]. К таким странам относится, прежде всего, Россия. Выделяют следующие разновидности закадрового перевода, применяемые в России:

– одноголосый, когда озвучивание кинофильма ведется одним актером (преимущественно мужчиной);

– двухголосый – женские роли озвучиваются женским голосом, мужские – мужским;

– многоголосый – разные актеры исполняют озвучивание кинофильма [Gotlieb, 2008, с. 244].

Кроме того, закадровый перевод может быть:

– профессиональным (осуществляется профессионалами по заказу телевизионной компании);

– любительским (выполняется неспециалистами, ныне – самая распространенная разновидность, стремительно распространяющаяся в Интернете);

– авторским (используется голос собственно переводчика) [Sokoli, 2009, с. 37].

При этом профессиональный закадровый перевод в России выполняют отдельные бюро переводов, в то время как закадровым озвучиванием занимаются профессиональные студии. Каждая из разновидностей аудиовизуального перевода требует определенных этапов подготовки и выполнения. Упрощенная схема выполнения закадрового перевода выглядит следующим образом:

1) перевод;

2) собственно озвучивание.

Переводчик получает материалы (копию видеопродукции и скрипт к нему) и работает одновременно с текстом (скриптом) и видео. Скрипты оформлены должным образом и содержат ссылки на соответствующий видео- или аудиоряд в тексте, длительность текста (тайм-код), интонационную модель. Текст перевода оформляется схожим образом. Однако следует выделить и промежуточные этапы работы над закадровым переводом:

1) выбор режиссера для озвучивания;

2) выбор вида озвучивания (одноголосый или многоголосый);

3) подбор актеров для озвучивания;

4) согласование перевода с заказчиками;

5) собственно запись аудиодорожек;

6) создание готового аудиоматериала.

Закадровый перевод сейчас уже не осуществляется в синхронном режиме, поэтому работа переводчика связана с переводом исключительно кино-сценария, что приближает его к художественному переводу, а по своему типу он является письменным. Кроме того, к переводчику аудиовизуальной продукции предъявляются специфические требования: реплики перевода и оригинала должны совпадать по длине, поскольку они связаны с артикуляцией персонажа на экране; передавать реалии следует распространенными эквивалентами или заменять их более понятными аналогами культуры целевого языка; воспроизводить шутки с учетом особенностей менталитета страны языка перевода; находить эквиваленты восклицаниям и звукоподражаниям, максимально по звучанию близкие к оригинальным, которые будут слышны за кадром [Савко, 2001, с. 352]. Перечисленные требования усложняют работу переводчику, поэтому в результате все равно встречаются ошибки при переводе. Следует отметить, что закадровый перевод является той «золотой серединой» в выборе между стратегиями доместикации и форенизации, которые могут использоваться в процессе не только перевода художественных текстов [Chaume, 2004, с. 50], но и перевода рекламных текстов или текстов фильмов разных жанров, в частности, документальных фильмов.

Документальным называется фильм, в основу которого легли съемки реальных событий и лиц. Темой для документальных фильмов чаще всего являются исторические события, культурные и социальные явления, известные личности и общества [Sokoli, 2009, с. 40].

К разновидностям документального кино относятся:

– псевдодокументальные фильмы (англ. mockumentary), имитирующие или даже фальсифицирующие изложенные факты;

– научно-популярные фильмы, обнародовавшие научные сведения, результаты исследований, которые могут содержать междисциплинарную полемику;

– хроникально-документальные фильмы, характеризующиеся хроникой изложения произошедших событий.

Для того чтобы популяризировать документальные фильмы в иноязычной среде, их нужно перевести. К основным трудностям перевода документальных фильмов относятся [Matamala, 2009, с. 109]:

1) условия труда:

– временные рамки – переводчику в среднем необходимо от 5–7 дней для перевода фильма продолжительностью 90 минут;

– наличие/отсутствие скриптов постпродакшна или плохое качество скриптов (скрипты могут содержать большое количество терминов или имен собственных, могут случаться ошибки в тексте скрипта);

2) жанровые особенности:

– отраслевая терминология (история, медицина, зоология и т.п.);
– рассказ (рассказ от третьего лица; речь персонажей, являющихся специалистами в определенной области; диалоги и спонтанная речь; сочетание выдуманного и реального во время рассказов об исторических фактах и персоналиях).

Рассмотрим особенности закадрового перевода на конкретном материале. Для анализа был выбран документальный телесериал «Гарри и Меган» («Harry & Meghan»). Телесериал был выпущен компанией Netflix в 2022 году, а режиссером выступила журналистка Лиз Гарбус. Документальный телесериал описывает отношения между Гарри и Меган, начиная с самых ранних этапов, включая личный архив членов королевской семьи. В телесериале герцог и герцогиня дают эксклюзивные интервью для проекта, выступают также их друзья и эксперты. Следует отметить, что предложения в кинотексте преимущественно просты и соответствуют разговорному стилю, так как большая часть отснятого материала – это часть интервью. Можно также часто встретить филлеры (слова-вставки), которые интервьюируемые использовали для заполнения пауз в речи. К примеру:

So I was like, "Oh, is this what he does? Got it. Like, this I'm not doing".

I was panicking. I was freaking out. I was, like, sweating

Еще одной особенностью документального телесериала является наличие терминов, титулов и имен собственных, связанных с королевской семьей (Prince Harry, Prince William, Princess Eugenie, Buckingham Palace, Wimbledon, Royal Box). Само название документального телесериала представляет собой имена собственные – Harry & Meghan (Гарри и Меган).

Закадровый перевод на русский язык был выполнен студией RuDub. Перевод профессиональный, двухголосый (закадровый текст озвучивается мужским и женским голосом).

В целом русскоязычный перевод является приемлемым. Переводчику удалось передать цель кинотекста – ознакомить с особенностями и подробностями жизни членов королевской семьи. Учитывая особенности выполнения закадрового перевода, трансформации, которые были употреблены в языке перевода, не перенасыщают кинотекст. Переводчик учел не только вербальную часть кинотекста, но и невербальную – продолжительность звучания реплик комментатора на языке перевода, поэтому генерализация (расширение) и экспликация (описательный перевод) употреблялись не так часто. Благодаря этому, реплики закадрового перевода звучат почти синхронно с репликами комментатора, отставание не превышает 10 секунд.

Кроме того, следует отметить и полную синхронизацию видеоряда с текстом повествования. Как уже отмечалось ранее, кинотекст характеризуется наличием большого количества терминов, титулов и имен собственных, связанных с королевской семьей. К приемам, которые применялись при их переводе, относятся:

– калькирование (*Buckingham Palace – Букингемский дворец*);

– модуляция (*Royal Box – королевская трибуна*);

– транскрибирование (*Wimbledon – Уимблдон*).

Переводчику удалось достигнуть одной из целей документального телесериала – проинформировать зрителей о фактах жизни королевской семьи.

Выводы. Итак, перевод документальных фильмов и телесериалов имеет свои особенности, зависящие от нескольких факторов. Среди них – разновидность документального фильма и технические возможности переводчиков. Закадровый перевод является одной из разновидностей аудиовизуального перевода, используемого для документальных фильмов и телесериалов. Данное исследование было посвящено закадровому переводу документального телесериала «Гарри и Меган» («Harry & Meghan», 2022), который адекватно и полностью передает факты о жизни членов королевской семьи, собранные авторами фильма, на русский язык.

Перспективой дальнейших исследований считаем изучение вопросов по теории аудиовизуального перевода и анализ перевода различных жанровых форм (художественные фильмы, мультипликационные фильмы и т.п.) с целью выявления проблем, возникающих в процессе перевода, и определения способов их устранения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Chaume, F. Synchronization in dubbing: A Translational approach / F. Chaume // Topics in audiovisual translation / Editor: P. Orero. – Amsterdam. 2004. – pp. 35–53.

2. Chaume, F. The turn of audiovisual translation: new audiences and new technologies / F. Chaume // *Translation spaces*. – 2013. – No.2 (1). – p. 105–123.
3. Diaz, C. New trends in audiovisual translation / C. Diaz // *Multilingual matters* / Editor: J.D.Cintas. – Bristol. 2009. – p. 283.
4. Gotlieb, H. Subtitling / H. Gotlieb // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / Editors: M. Baker, G. Saldanha. – London and New York. 2008. – p. 244–248.
5. Matamala, A. Main challenges in the translation of documentaries / A. Matamala // *New trends in audiovisual translation* / Editor: J. D. Cintas. – London: Multilingual Matters. 2009. – pp. 109–120.
6. Sokoli, S. Subtitling norms in Greece and Spain / S. Sokoli // *Audiovisual translation: language transfer on screen* / Editors: J. D. Cintas and G. Anderman. – Bristol. 2009. – p. 36–48.
7. Савко, М. В. Аудиовизуальный перевод в Беларуси / М. В. Савко // *Язык и культура*. – 2011. – № 14. – С. 353–357.

УДК 811.111

**Особенности реализации окказионализмов
в романе Л. Бардуго «Shadow and Bone» и его переводе на русский язык**
Мищенко К. В., Южный федеральный университет, магистрант, Россия
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Абкадырова И. Р., Россия

Понятие окказионализма находится в центре внимания исследователей на протяжении последних нескольких десятилетий, при этом существуют различные подходы к его определению. Так, ряд исследователей рассматривают окказионализмы как вид неологизмов или иноязычных вкраплений. Данная точка зрения представлена в работах И. Р. Гальперина, Т. В. Жеребило и др. В частности, Т. В. Жеребило под окказионализмом понимает «авторские, индивидуально-стилистические неологизмы, которые создаются для придания образности художественному тексту. Окказионализмы как бы «прикреплены» к контексту, имеют автора. Они могут создаваться по необычным моделям» [Жеребило, 2010, с. 232]. При этом отдельно отмечается, что «окказионализмы остаются фактами авторской речи, не становясь нормой литературного языка» [Там же, с. 216].

Несколько иная точка зрения представлена в работах М. А. Пахомовой, которая под окказионализмами понимает «речевые новообразования, впервые встреченные на страницах текста – художественного или научного – и не отмеченные в словарях национального языка, соответствующего данному автору по времени, как правило, живущие только в данном тексте и поэтому обладающие признаком необычности, новизны» [Пахомова, 2013, с. 80].

Окказионализмы обладают определенным набором признаков, позволяющих отделить их от других явлений языка, среди них: творимость (невоспроизводимость), словообразовательная производность, функциональная одноразовость, зависимость от контекста, индивидуальная принадлежность и другие [цит. по Захарова, 2013]. Стоит отметить и тот факт, что существуют окказионализмы, как правило, кратковременно, которые ограничиваются только единичным появлением, целью которого является заполнение «лексического пробела» [Hohenhaus, 2005, с. 364].

Следует отметить, что окказионализмы, приближаясь по ряду признаков к иноязычным вкраплениям, обладают «по сравнению с лексемами матричного языка ... большей степенью выразительности, поэтому в определенном смысле могут считаться текстовыми прагмемами» [Абкадырова, 2005, с. 364].

Материалом для исследования выступил роман Л. Бардуго «Shadow and Bone» и его перевод на русский язык, выполненный Анастасией Харченко и в 2018 году выпущенный издательством АСТ.

Действие романа происходит в мире, в котором царят магические силы, что обуславливает использование в произведении определенных лексических единиц. Из текста романа методом сплошной выборки было отобрано 685 случаев употребления окказионализмов (количество уникальных окказионализмов – 82 лексические единицы). Семантический анализ выделенного корпуса окказионализмов показал, что значительная часть анализируемых слов построена на корнях и формантах лексических единиц русского языка, таким образом, фэнтезийная вселенная произведения основана на эстетике, культуре, политике и социальной структуре Российской Империи начала XIX века.

Так, в своем романе Л. Бардуго при создании окказионализмов для построения мироустройства фэнтезийной вселенной Гришаверс опиралась на лексемы русского языка. В этом отношении можно выделить такие группы окказионализмов в романе:

- окказионализмы, вызывающие у читателя ассоциации с русской историей и культурой:

1. окказионализмы, при создании которых за основу были взяты слова русского языка, схожие по значению или написанию;

2. окказионализмы, при создании которых за основу были взяты слова русского языка, схожие по написанию и звучанию, но изменившие значение в романе;

3. окказионализмы, не имеющие аналогов в русском языке, но имеющие сходство с русскими словами.

- окказионализмы, обозначающие фантазийные элементы действительности.

Как показал проведенный анализ, переводческие решения обусловлены следующими факторами: значение переводимого окказионализма; словообразовательная модель, по которой построен окказионализм; коммуникативная ситуация, в которой он употреблен; прагматический эффект высказывания, в котором употреблен окказионализм.

Окказионализмы в романе «Shadow and Bone» переданы на русский язык при помощи двух типов замен: окказионализм в оригинале – лексема русского языка; окказионализм в оригинале – окказионализм в переводе.

1. **Окказионализм в оригинале – лексема русского языка.** Непростыми с позиции перевода являются случаи реализации окказионализмов-русизмов, особенно когда они реализуются в несвойственных для них в русском языке значениях, например:

The entrance to the Grisha tent was guarded by more Corporalki Heartrenders and charcoal-clad oprichniki, the elite soldiers who made up the Darkling's personal guard.

*Вход в шатер гришей охранялся сердцебитами и **опричниками**, облаченными в форму цвета древесного угля – элитные солдаты из личной охраны Дарклинга.*

В романе окказионализмом *oprichniki* названы элитные солдаты, которые охраняют Дарклинга и других гришей. Данная лексема не встречается в большинстве англоязычных толковых словарей, однако зафиксирована в словаре Merriam-Webster в значении «a member of an imperial Russian police force» и, таким образом, в силу своей семантики не вызывает каких-либо негативных ассоциаций у англоязычного читателя. Соответственно, Дарклинг предстает на основании данного высказывания хорошо охраняемым главой гришей, англоязычный читатель не может сделать вывод о том, является ли он положительным или отрицательным персонажем.

Что же касается прагматического потенциала данного окказионализма при его передаче, то, поскольку переводчик выбрал для его передачи существующий в русском языке историзм *опричники*, то прагматический эффект высказывания несколько изменился: в силу исторических событий в русском языковом сознании за данной лексемой закрепились четкие негативные ассоциации. Так, одним из наиболее известных фактов террора опричников является их участие в походе на Новгород в 1569 – 1570 гг., когда ими были казнены несколько тысяч новгородцев, подозреваемых Иваном Грозным в измене; кроме того, десятки тысяч, по оценкам историков, погибли от голода, спровоцированного тем, что опричники уничтожали запасы продовольствия в регионе. Со временем словом «опричники» в русском языке стали обозначать любую группу людей, которые помогают проводить в жизнь жестокую политику правительства, расправляются с инакомыслящими и противниками.

Соответственно русскоязычный читатель изначально воспринимает охрану Дарклинга как жестоких людей и переносит эти ассоциации на самого героя, поэтому у него создается образ отрицательного персонажа, что несколько упрощает концепцию, которая заложена в оригинальном романе: Дарклинг предстает противоречивой личностью, которая добивается блага для своего народа, но при этом использует жесткие методы.

2. Окказионализм в оригинале – окказионализм в переводе.

Окказионализмы-географические названия также могут раскрывать внутреннее состояние героев или передавать их настроение. Так, когда одна из учениц ранит Алину во время обучения в Малом дворце гришей, две другие ученицы предполагают, что она подвергнется суровому наказанию:

*"Maybe he'll send her to **Tsibeya!**" crowed Nadia.*

*– Или отправит в **Цибею!** – воскликнула Надя.*

В качестве одного из самых суровых наказаний Надя предполагает «send her to *Tsibeya*», т.е. «отправит ее в Цибею». Отметим, что в романе лексемой *Tsibeya* названы дикие, суровые земли на северо-западе Равки с холодным климатом, сложным рельефом и множеством опасностей. Соответственно, при упоминании данного окказионализма героиня получает информацию о возможности самого сурового

наказания для Зои. Прагматический потенциал данного окказионализма усилен за счет ассоциации у англоязычного читателя с таким регионом России как Сибирь (созвучие слов *Tsibeya – Siberia* «Сибирь»), за которой закреплен стереотип крайне холодного и сурового с климатической точки зрения края и которая являлась местом ссылки преступников и неугодных власти людей в Российской Империи.

Что касается перевода, то переводчик принимает решение не пользоваться лексемой *Сибирь*, а создать окказионализм *Цибейя*, в связи с чем, возможно, ассоциации у русскоязычного читателя будут не такими однозначными как у англоязычного, и негативная семантика будет не так четко проявляться. Определенную потерю прагматического эффекта представляется возможным компенсировать за счет перевода всего высказывания (*Maybe he'll send her to Tsibeya! – Возможно, он сошлет ее в Цибейю!*). При таком переводе глагол «сошлет» однозначно бы указывал на неблагоприятный исход событий.

Примечательно, что раскрытию прагматического потенциала данного географического окказионализма не способствует и перевод предложения, в котором оно употреблено в первый раз в романе:

Maybe I should be worrying less about being teased and more about being exiled to Tsibeya.

Может, мне стоит меньше беспокоиться об издевках и больше о том, чтобы меня не изгнали из Цибейю?

В данном случае, главная героиня, сомневаясь в своих силах, опасается, что ее могут сослать в Цибейю. В переводе данного отрывка допущена ошибка – в оригинале Алина боится ссылки в Цибейю (*exiled to*), а в переводе, наоборот, – изгнания оттуда (*exiled from*). В связи с этим полностью меняется и прагматический эффект данного окказионализма – он не воспринимается, как опасное и неприветливое место, а напротив – как место, откуда Алина боится быть изгнанной, где она хочет оставаться. Из-за этого в дальнейшем читателю перевода может быть непонятно, почему отправка в Цибейю рассматривается персонажами как наказание.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что окказионализмы в романе «Shadow and Bone» переданы на русский язык двумя стратегиями: окказионализм в оригинале – окказионализм в переводе; окказионализм в оригинале – лексема русского языка. При этом сравнительный анализ оригинального текста и его перевода показал, что при переводе лексем вышеупомянутого типа прагматический эффект в ряде случаев подвергается изменениям, а иногда полностью нейтрализуется.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абкадырова, И. Р. Когнитивно-прагматический потенциал испанизмов в англоязычных художественных текстах / И. Р. Абкадырова // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: Сборник статей по итогам IV международной конференции, Москва, 13–15 марта 2019 года. – Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2019. – С. 9–13.
2. Бардуго, Ли. Тень и Кость. – АСТ, 2018. – 384 с.
3. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
4. Захарова, О. С. К проблеме соотношения понятий «Окказионализм» и «Потенциальное слово» // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-sootnosheniya-ponyatiy-okkazionalizm-i-potentsialnoe-slovo> (дата обращения: 17.06.2022).
5. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. – М.: ЭТС, 1999. – 192 с.
6. Непереводимое в переводе. Изд. 3-е, испр. и доп. Влахов С. И., Флорин С. П., 2006. – 448 с.
7. Пахомова, М. А. Окказиональные слова и словари окказионализмов // Rhema. Рема. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalnye-slova-i-slovari-okkazionalizmov> (дата обращения: 22.06.2022).
8. Bardugo, Leigh. Shadow and Bone (Grisha Trilogy), 2012. – 358.
9. Hohenhaus, Peter Lexicalization and institutionalization // Handbook of Word-Formation, P. Štekauer, and R. Lieber (eds.). Dordrecht: Springer., 2005 г., P. 353–373.

**Аксиологические особенности концепта «женщина»
в произведениях испанской литературы**

Пасенченко Е. С., Луганский государственный педагогический университет, магистрант, Россия
Научный руководитель: к.пед.н., доцент Ширина О. А., Россия

Рассматриваемая как знак литература принимает активное участие в структурировании ценностей и в развитии культурных процессов, тем самым образуя эстетические парадигмы. Все это и обуславливает классификацию направлений ценностного анализа произведений.

Проведя анализ произведений испанской литературы, мы можем выделить следующие виды ценностей данной культуры:

- социальные – семья, дисциплина, трудолюбие, предприимчивость, богатство, равенство, патриотизм и пр.;
- политические – гражданские свободы, законность, мир, т.д.;
- моральные – добро, любовь, честь, порядочность и др.;
- религиозные – Бог, Священное Писание, вера и пр.;
- эстетические – красота, стиль, гармония и др.

В различные исторические эпохи, в различных странах существовали и существуют самые разнообразные ценностные ориентации. Среди факторов, обуславливающих это: и окружающая природная среда, и способ добывания средств для существования, и политические события и т.д. На определенном этапе ценностные ориентации приобретают системный характер.

Преобразование разнородных ценностных ориентаций в систему ценностей происходит тогда, когда среди них возникают доминирующие ценности, которые определяют, формируют, подчиняют, преобразуют другие мировоззренческие взгляды.

Следует подчеркнуть, что основой науки о ценностях – аксиологии – являются концепты. Концептология, в свою очередь, – это наука о концептах, их содержании и отношениях концептов внутри концептосферы. Важно отметить, что концепты, фиксирующие обобщенные знания человека о мире, являются объектом исследования различных областей знания: когнитивной лингвистики, философии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и других. Концепты, или константы культуры, вечны, они не могут исчезнуть со временем, так как обладают типологическими признаками, свойственными лингвокультуре.

Во всех культурах и во все времена фигура женщины была отведена дому, в котором она была хозяйкой и госпожой. Однако особенности ее характера в каждой нации свои, не похожие на характер жительницы другой страны.

Так, в средневековой эпической литературе мы найдем первичное доказательство того, что женский характер играет второстепенную роль, позволяющую усилить фигуру мужчины. В этой строке мы будем ссылаться на появление женских персонажей в таком испанском героическом эпосе, как «Песнь о моем Сиде»:

Например, его жена (идеальная женщина, ожидаемая спутница героя): Химена играет очень важную роль, особенно своей трогательной молитвой в церкви перед отъездом Сида. Она связывает нашего героя с ангелом и помещает все его действия в универсальный план, желаемый Богом, и превозносит его фигуру до уровня священного. Мы наблюдаем, как на персонажа, переживающего несчастье изгнания, хваля его, смотрит жена, наполняя его речь любовным зарядом, который сделает этот момент намного более болезненным.

Что касается их дочерей, то здесь мы должны подчеркнуть ценность их происхождения, что делает их объектом вождения инфантов де Каррион.

Каково же тогда место, которое занимают эти персонажи? Они играют ключевую роль в формировании образа героя.

С помощью рассказов мы могли бы сказать, что существует два типа женщин:

а) дева, чистая женщина – определяется религиозной тематикой. В этой группе мы можем найти тип женщины, которая будет представлять себя идеалом, которому нужно следовать, тем самым формируя поведенческие нормы.

Именно благодаря культу Марии в XII веке образ женщины будет возрожден и займет видное место. Можно сказать, что при таком подходе влюбленная женщина – это не просто терпеливый субъект, это правда, что она получает действие, но способна судить, принимать или отвергать. Женщина занимает здесь место феодала, тем самым порождая вассальные отношения, обремененные законами, которые необходимо соблюдать. Идеал красоты, благородство, мягкость определяют ожидаемое поведение.

Образ Девы Марии как посредницы, спасительницы должен превзойти греховный образ Евы. Та идеализация, которая подразумевает любовь к Деве, будет иметь те же характеристики, что и идеализация влюбленной. Таким образом, женщина, влюбленная в Кортеса, обожествляется: «Я Мелибей, и Мелибей мне нравится», – скажет Калисто в «Селестине» [Фернандо де Рохас, 1959. с. 76].

Любовь становится не только рыцарской, но и благородной ценностью, соответствующей религиозному чувству, основанному на целомудрии, искренности, взаимной преданности и, прежде всего, идее верности в любовной преданности.

В соответствии с этими параметрами суждения о любви женщина будет охарактеризована, как мы уже говорили, с двух сторон: достойная быть любимой (идеальная женщина) и недостойная.

Эти произведения, хотя и не полностью, были написаны в подавляющем большинстве мужчинами, поэтому отраженные в них вкусы, взгляды или образцы для подражания соответствуют канонам, продиктованным патриархальной и христианизированной гегемонистской культурой. В этих историях авторы обращаются непосредственно к женщине, пытаются научить ее, что делать, чтобы стать достойной леди.

б) плотская, нечистая, сексуальная женщина.

На этой другой стороне истории мы находим женщину, которая не отвечает качествам, соответствующим образцу для подражания в этой социальной группе. Она женщина, которая принимает любовника, не подвергая его испытанию, и поэтому ее считают низкой женщиной, в целом литература оставляет этих персонажей женщинам, которые не принадлежат к классу гегемонов, они будут крестьянками или злодейками. Однако у нас есть пример этих женщин в Селестине, где Мелибея принимает Калиста в рыцари, что определит его поступки, перед лицом которых сама Мелибея признает, что ей не следовало возлагать надежды на своего рыцаря.

Несмотря на то, что в XVI веке произошел определенный прогресс в социальном отношении к женщинам, правовая система Эпохи Возрождения (в особенности с 1563 года) закрепляла брак, наряду с заточением в монастыре, как единственный допустимый выход для женщины.

Даже самые передовые эразмисты выступали за послушание и подчинение жены мужу. Они предлагали уважать жену, но советовали ей набраться терпения и смириться, если муж ведет себя неадекватно. Отношение полностью соответствовало искаженному представлению о женщине. Почти все интеллектуалы того времени считали ее странным, непредсказуемым и опасным существом, которым было удобно управлять.

В Наставлениях для исповедников Сан-Карлоса Борromeо прекрасно отражено презрение, которое испытывают по отношению к женщине, когда духовнику советуют «в супружеском конфликте ... никогда не оправдывать мужа перед женой».

Если мы перейдем на другую сторону, то есть в мир протестантов, вопрос не сильно изменился, когда мы прочитали некоторые утверждения, сделанные одним из учеников Кальвина в 1558 году:

«Продвижение женщины противно природе, оскорбляет Бога, является чем-то самым противоречащим ее раскрытой воле... это подрыв хорошего порядка... женщина в своем высшем совершенстве была создана для служения мужчине и подчинения ему...» [Carlos Blanco Aguinaga, 1981, с. 215].

В шестнадцатом и семнадцатом веках была построена идеологическая система, которая способствовала подчинению и ограничению всех видов деятельности, которые могла развивать женщина

Столкнувшись с этой вселенной, строго закрытой для женщин, мы найдем каноническую, общедоступную литературу, написанную мужчинами, где женщина становится персонажем с гораздо более сложными профилями, чем те, которые указаны в средневековых текстах.

Так, в работе Лопе-де-Вега «Фуэнте Овехуна» героиня Лауренсия – не типичная милая и влюбленная в своего кавалера дама из театра Лопеско, она деревенская женщина, высокомерная и независимая, предпочитающая простую деревенскую жизнь и живущая в ожидании своей чести. В процессе Лауренсия узнает, что ее честь во многом зависит от действий мужчин.

В связи с вышесказанным, мы видим, что женщина Эпохи Возрождения действовала не как независимое существо, а за счет другого существа, которое объективирует ее в литературных терминах. Как отметила позже социолог Мария Анхелес Дуран «женщины не участвуют в создании идеологий, но являются их объектом и пассивным получателем» [María Angeles Durán, 1987. с.109].

Кроме того, представление о женщине золотого века напрямую связано с той конструкцией, в которой женщина выражала «вежливую любовь».

Женщины золотого века воспринимались по-разному «не совсем понятными, не совсем предсказуемыми и не совсем контролируемыми». Интересно отметить, что такая же ситуация наблюдается и в ритуале вежливой любви.

Лицемерие такого отношения заключается в том, что его восхищение не соответствует положительной оценке женщины в реальной жизни.

Руис Доменек предупреждает о ловушке, которую эти рассказы означали для женщины, поскольку они «превращают любовь женщины к мужчине в подлинное и единственное женское желание».

На исходе XIX века модернизм с его чувственными женщинами, поколение 98-го, ставшее жертвой социальной дискриминации, и неоромантизм, вдохновляющий девственных женщин-символов угнетенных национальных культур, – уступят место новому формированию мнений.

Испания вступает в европейскую эстетико-социальную динамику измов (футуризм, сюрреализм, дадаизм и т. д.). Возможно, именно в этот период более чем когда-либо литература станет для одних инструментом социального взаимодействия, а для других – художественным и формальным выражением, лишенным политического послания. И в том, и в другом случае философы поколения 14-го года, а также поэты поколения 27-го года больше озабочены экзистенциальными проблемами, в которых главным действующим лицом является человек – в некотором смысле это темы, которые квалифицируются как элитарные, – чем введением в свои тексты социальных проблем, которые влияют на людей, например, таким как борьба за получение права голоса. Таким образом, дискуссия по этому вопросу остается за испанскими феминистками того времени; максимум, чего достигают их коллеги-мужчины, – это обсуждать тему равенства в рамках бюджетов биологов, с которыми они приходят к выводу, что есть работа, к которой женщина может быть более подготовлена, чем мужчина, из-за своих физических особенностей. В идеологическом плане аргументы такие же, как и всегда: женщина – синоним матери, а мужчина – синоним интеллекта. Грегорио Мараньон (1887–1960) неоднократно заявляет об этом в своих эссе: «...мужчина всегда будет тем, кто творит Историю. Женщине уготована еще более важная судьба – создавать мужчину» [Carlos Blanco Aguinaga, 1981. с. 355].

Таким образом, представленный анализ произведений испанской литературы свидетельствует о том, что ценности, заложенные испанцами в концепт «женщина», на протяжении многих веков были неизменны и описывали женщину прежде всего как хранительницу очага и главное дополнение характера мужчины. В то же время образ женщины распутной, нечистой в произведениях Эпохи Возрождения был основным при описании большинства персонажей женского пола, что иллюстрирует то, на каких аксиологических особенностях строился концепт «женщина» испанскими писателями того времени в момент написания их произведений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ершова, И. В. «Песнь о моем Сиде»: трансформация эпического героя в контексте средневековой культуры (к постановке проблемы). // *Мировое древо*. – 2001. – № 8, – 240 с.
2. Рохас, Фернандо Де. Селестина (Перевод с испанского языка Фанфедь Н.) // Фернандо де Рохас. – М: Государственное издательство художественной литературы. 1959. – 228 с.
3. Carlos Blanco Aguinaga *Historia social de la literatura española (en lengua castellana)*, Madrid, Castalia, 1981, 410 p.
4. María Angeles Durán *Literatura y vida cotidiana*, Actas de las IV Jornadas de Investigación Interdisciplinar, Seminario de Estudios de la Mujer, Universidad de Zaragoza y Autónoma de Madrid, 1987.

УДК 811.161.1

Роль фразеологизмов в газетных заголовках (на материале издания *Аргументы и Факты*)

Пождаева А. С., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Помигуева Е. А., Россия

Как известно, в современном обществе информация играет важную роль, является одной из главных ценностей. В её распространении помогают средства массовой информации. Из-за того, что СМИ нередко влияют на процесс формирования общественного мнения во многих сферах жизни, их называют «четвёртой властью». Объектом исследования данной работы выбрана газета, так как она остается достаточно популярным источником информации. Соглашаясь с мнением Исмайловой Л. Г., можно сказать, что первостепенная задача газетного издания – «просвещать широкого читателя, поэтому, наряду с информационной и пропагандистской задачами, она сообщает о новых научных открытиях, новинках техники, проблемах экономики, медицины, фактах истории» [Исмайлова, 2014, с. 151]. Можно сказать, что функция газетных изданий двойная: не только сообщить информацию, но и повлиять на аудиторию. Тексты газетных статей осуществляют эти функции во многом за счет выразительности их языка.

На данный момент существует огромное количество различных газетных изданий, что заставляет журналистов тщательно продумывать, как привлечь широкую аудиторию к своим материалам, как

преподнести информацию необычно, ярко, в наиболее запоминающейся форме. Большую роль в борьбе за внимание читателя играет газетный заголовок, так как постоянно увеличивающийся поток информации заставляет аудиторию при выборе текста ориентироваться в основном именно на заглавие, его выразительность и креативность.

Для начала нам следует выяснить, как определяется заголовок учеными-лингвистами. В. Г. Костомаров понимает заголовки как «особый жанр публицистической речи, обладающий специфической рекламной функцией» [Костомаров, 1965, с.168]. Для более точного понимания следует упомянуть также определение, которое предлагает И. Р. Гальперин: «заголовок – название, дающееся новостному тексту или статье. Главная функция заголовка – кратко проинформировать читателя об основном содержании текста» [Гальперин, 1981, с.53].

Различные ученые понимают заголовок по-разному. Некоторые рассматривают заголовок как отдельное, целостное высказывание. В то время, как другие утверждают, что заголовок невозможно отделить от текста. Различные точки зрения возникают из-за особенностей функционирования заголовков. Основные его функции: графически-выделительная, номинативная, информативная, оценочно-экспрессивная, рекламная, интегративная.

Желая привлечь внимание читателя, журналисты нередко используют фразеологизмы в качестве заголовков, так как они являются наиболее яркими, выразительными, национально маркированными и хорошо известными широкой аудитории языковыми единицами. Как уже было сказано ранее, в современном информационном обществе СМИ и, в частности, газетные издания можно назвать эффективным инструментом формирования сознания и, соответственно, для правильного понимания текстов СМИ необходимо понимать, для чего в них использованы фразеологизмы, этим и объясняется актуальность написания данной работы.

В словаре О. С. Ахмановой можно найти такое определение: «Фразеологическая единица-словосочетание, в котором семантическая монолитность довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов, вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова» [Ахманова, 1969, с.501].

Фразеологические единицы нередко встречаются в публицистических жанрах, реализуя коммуникативно-прагматические функции. Следует отметить, что фразеологизм в его исходном виде встречается на страницах изданий довольно редко. Как правило, автор несколько изменяет фразеологизм, чтобы сделать заголовок более ярким и привлекательным для читателя. Трансформация фразеологизмов помогает авторам избежать языковых клише, к тому же, это наделяет фразеологизм новыми экспрессивными свойствами и оригинальностью, благодаря которым заголовок обратит на себя внимание аудитории.

Для проведения исследования нами были отобраны заголовки свежих выпусков издания «Аргументы и Факты», содержащие фразеологические единицы. Затем мы проанализировали данные заголовки, какую роль в них играют фразеологизмы и каково их воздействие на читателя. Как мы уже говорили ранее нетрансформированные фразеологизмы встречаются в составе заголовков достаточно редко. Если такие случаи употребления и встречаются, то, как правило, заголовок состоит из двух частей: вначале дается фразеологизм, а затем следует пояснение о теме статьи.

Язык без костей. Глава дипломатии ЕС признал грехи Европы

В статье под таким заголовком сообщается о сенсационном заявлении чиновника о том, что европейцы нарушают международное право. За счет употребления фразеологизма «язык без костей» автор дает негативную оценку данному политику, характеризуя его как разговорчивого, не в меру болтливую человека, порой говорящего глупости, тем самым уже на уровне заголовка формирует предвзятое отношение читателя к данной персоне.

Так же встречается группа заголовков, где применяется двойная актуализация – «стилистический приём, основанный на двойном восприятии: на обыгрывании значения ФЕ и буквального значения одного, двух или трёх её компонентов» [Болдырева, 1968]. Интересным нам кажется тот факт, что такие заголовки в основном встречаются в разделе «Аргументы и Факты. Здоровье», используемые фразеологизмы включают в себя название частей тела или описывают человеческий организм.

Проблем по горло. Как победить осенние вирусы.

Устойчивое выражение "по горло" говорит о переизбытке чего-либо. Автор подразумевает, что осенние вирусы доставляют человеку много проблем, но в это же время использует слово «горло» и в прямом его значении, указывая на то, что главный симптом вирусов, описываемых в статье, это боль в горле. Заголовок звучит довольно интересно, чем привлекает внимание читателя.

Ставки сделаны. Как банки навязывают допущения при кредитовании населения.

В данном заголовке использован фразеологизм «делать ставки», значение которого во фразеологическом словаре русского литературного языка звучит следующим образом: «рассчитывать, ориентироваться на кого-либо или на что-либо в целях осуществления, достижения чего-либо».

Журналист создаёт необычный, броский заголовок посредством двойной актуализации компонента «ставки», ведь речь в статье действительно идёт о процентных ставках на кредиты в различных банках. Включая подобный фразеологизм в состав заглавия, автор сообщает, что банки «делают ставки» на то, чтобы получить как можно больше средств клиентов, за счёт включения различных дополнительных услуг в условия кредитования граждан. По нашему мнению, такая языковая игра позволяет журналисту не только передать информацию, привлечь к ней внимание, выделив материал из числа остальных, но и имплицитно выразить своё негативное отношение к подобной политике банков.

Для лексических трансформаций характерны изменения в составе фразеологизма, но при этом его синтаксическая структура сохраняется – перестановка и/или замена одного или нескольких компонентов фразеологизма.

Исчадие сада. Почему у дачников есть проблемы, но нет ни прав, ни гарантий.

Под таким заглавием мы встречаем статью о проблемах, с которыми сталкиваются дачники в разных уголках страны. Автором использован фразеологизм «исчадие ада», но при этом он меняет компонент «ада» на созвучное «сада», делая заголовок приближенным к теме статьи, но при этом значение чего-то страшного и жестокого сохраняется. Включая фразеологизм с негативным значением, журналист высказывает своё неодобрение бездействия и отсутствия помощи со стороны властей в решении проблем населения. Заголовок выглядит свежо и интересно, что позволит привлечь внимание общественности к проблемам, которые описаны в материале.

Таким образом, проанализировав данные примеры, мы можем сделать вывод, что в борьбе за внимание аудитории в СМИ фразеологизмы используются авторами для создания необычных заголовков, вызывающих читательский интерес и встречаются достаточно часто на страницах издания «Аргументы и Факты». Фразеологизмы в исходном виде употребляются намного реже, чем всевозможные трансформации, комбинации и каламбуры, составленные на основе фразеологизмов. Фразеология в языке современных СМИ определенно служит «строительным» материалом для создания новых, неожиданных образов, языковой игры на страницах печатных изданий, привлекающей внимание читателей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1969. – 608с.
2. Болдырева, М. Л. К вопросу функционально-стилистической характеристики фразеологических единиц [Текст]: // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Т. 42. М., 1968
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. [Текст] М.: Наука, 1981.– 139с.
4. Исмаилова, Л. Г. (2014). Использование фразеологизмов в официальных СМИ Азербайджана. Коммуникология, с.147 – 158.
5. Костомаров, В. Г. Из наблюдений над языком газеты: газетные заголовки. // Из опыта преподавания русского языка нерусским. М.: Мысль, 1965. – С. 163–181.
6. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете. – Свердловск: Издат. Урал. Унта, 1989. – 96с.
7. Фразеологический словарь русского языка / под ред. Молоткова А. И. М., 1986.
8. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. [Текст] – М.: Высшая школа, 1985. – 192с.
9. Электронная версия газетного издания «Аргументы и Факты». – URL: <https://aif.ru> (дата обращения 16.11.22.)

УДК 811.134.2

Прагматический потенциал сравнений в романе К. Р. Сафона «El laberinto de los espíritus» и его переводе

Пушкарева Я. А., Южный федеральный университет, магистрант, Россия
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Абкадырова И. Р., Россия

Категория сравнения представляет собой особую категорию мышления человека, через призму которой отражен окружающий мир. Ее исследование приобретает особенную актуальность в связи с развитием антропоцентрической парадигмы и когнитивной науки. Кроме того, большой интерес вызывает

вопрос перевода сравнений, так как национальные картины мира, которые сравнения отражают, отличаются друг от друга. Как следствие, задача переводчика состоит в том, чтобы сохранить возможность эквивалентной интерпретации сравнений в переводном тексте.

В рамках переводоведения исследованием сравнений занимались такие ученые, как Г. Корпас Пастор, М. Бейкер, А. Сулуага, Палутина О. Г. и др. Согласно Н. Н. Меньшаковой, выделяются устойчивые и свободные сравнительные выражения, при этом в испанском языке между ними отсутствует четкое разграничение [Меньшакова, 2020, с. 38]. Отмечается, что существуют два термина для обозначения сравнения – *simil* и *comparación*, которые в Словаре Королевской академии испанского языка приводятся в качестве синонимов [Diccionario de la lengua española, URL]. Однако есть и другая точка зрения: *simil* представляет собой результат установления сходства между двумя объектами, при котором образуется новая лексическая единица. В свою очередь, термином *comparación* обозначают сам процесс установления этого сходства [Меньшакова, 2020, с. 40].

В рамках когнитивного направления сравнение понимается как «мыслительная операция, включающая в себя установление сходства между реалиями внеязыковой действительности и выражающаяся в таких частях, как субъект сравнения, объект сравнения, и признак сравнения» [Ушакова, 2005].

Сравнение является не только инструментом познания мира, но и «средством закрепления этого познания в культуре» [Маслова, с. 147]. «Менталитет народа и его духовная культура воплощаются в единицах языка через их образное содержание». Устойчивое сравнение является «одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания» [Там же, с. 145]. В процессе коммуникации каждый ее участник выступает как представитель определенного национально-культурного общества, что выражается в отборе языковых средств участниками. По мнению Н. В. Карповской, «переводчик оказывается перед трудной задачей: не только преодолеть принадлежность к определенной социокультурной и языковой общности, но и выйти за рамки своего субъективизма в отношении языковых и речевых прагмем ЯП» [Карповская, 2009, с. 167]. Таким образом, сравнения выступают сильными средствами воздействия на читателя, обладая, определенным прагматическим потенциалом. При этом под прагматическим потенциалом языковых единиц понимается «не только возможность актуализации в речи категориальных значений, присущих языковым единицам как элементам языковой системы, но и тех импликаций, которые могут проявиться при взаимодействии языка с речевой средой и способствовать достижению определенного прагматического эффекта» [Карповская, 2009, с. 26].

Материалом настоящего исследования послужил написанный в 2016 году роман каталанского писателя К. Руиса Сафона (1964–2020) “*El laberinto de los espíritus*” и его перевод под названием «Лабиринт призраков», выполненный Е. В. Антроповой в 2019 году. «Художественный текст выступает интересным материалом для анализа когнитивного выбора семантических структур, поскольку автор выступает носителем ценностных констант своей лингвокультуры и через призму его картины мира отражаются основные доминанты его культурной системы» [Аббадырова, 2019, с. 10]. Роман является четвертой, завершающей книгой культового цикла К. Руиса Сафона “*El cementerio de los libros olvidados*”. Роман повествует о событиях, происходящих в Барселоне в середине XX века: расследуется загадочное исчезновение министра М. Вальса, раскрываются тайны далекого прошлого сотрудницы секретной службы А. Грис.

В результате исследования выявлено, что при переводе сравнений с испанского языка на русский выделяется три самых частотных варианта взаимосвязи образа, положенного в основу сравнения, и его прагматического потенциала: 1) сохранение образа и прагматического потенциала сравнения, заложенных в оригинале; 2) замена образа и, как следствие, смещение прагматического потенциала; 3) сохранение образа при смещении прагматического потенциала. Рассмотрим два последних случая, так как именно они представляют большую трудность с переводческой точки зрения.

Замена образа и смещение прагматического потенциала. В ряде случаев при передаче сравнений на русский язык в тексте романа производилась замена, которая приводила к изменению прагматического потенциала данного сравнения. Например, во время встречи главной героини с ее новым напарником, Алисия пытается понять, к какому типу людей он принадлежит. При описании первой из таких категорий персонаж использует сравнение:

Los primeros infestaban todos los estamentos del régimen y se **multiplicaban como verrugas purulentas** al abrigo de banderas y proclamas [Ruiz Zafón, 2016, с. 120]

Первые заполнили все уровни власти и **размножались, как гноеродные бактерии** за ширмой знамен и ораторских выступлений [Руис Сафон, 2021, с. 139]

Сравнение *multiplicaban como verrugas purulentas* (размножались как гнойные бородавки) отражает презрительное отношение Алисии к продвигающимся по карьерной лестнице приверженцам власти без совести и моральных принципов, а также чувство обреченности у Алисии, связанное с быстротой процесса поражения системы власти этими людьми. При переводе на русский язык происходит замена образа *verrugas purulentas* (гнойные бородавки) на словосочетание *гноеродные бактерии*. Данная замена образа смещает прагматический потенциал сравнения, поскольку семантика такого компонента как *verrugas* предполагает наличие более серьезных проблем, развивающихся и поражающих организм/власть изнутри, однако использованное при переводе словосочетание *гноеродные бактерии*, напротив, акцентирует внимание на быстроте процесса, а не на серьезности «заболевания».

Сохранение образа при смещении прагматического потенциала сравнения. Так, в романе при передаче сравнений происходит сохранение образа, положенного в его основу, однако из-за разницы русскоязычной и испаноязычной лингвокультур наблюдается смещение прагматического потенциала. В следующем фрагменте представлено описание светского приёма в доме министра Маурисио Вальса, на котором собрались именитые гости и крупные общественные деятели. Ситуация описана с точки зрения дочери министра Мерседес:

Recorrieron el sendero que cruzaba el jardín bajo una guirnalda de faroles que dibujaban el rostro de extraños que sonreían a su paso como si la conociesen y sostenían **copas de champán que brillaban como puñales envenenados** [Ruiz Zafón, 2016, с. 65].

Они шагали через сад по аллее, под гирляндой фонариков, которые бросали свет на лица незнакомых людей. Те улыбались Мерседес при встрече, словно давней знакомой, и приподнимали **бокалы с шампанским, тускло мерцавшими, как отравленные кинжалы** [Руис Сафон, 2021, с. 79].

Прагматический потенциал сравнения *brillaban como puñales envenenados* направлен на то, чтобы показать опасность ситуации, которая сложилась в доме: сравнивая блеск бокалов с блеском отравленных кинжалов, автор дает читателю понять, что за улыбками гости скрывают худшие намерения и цели, что от каждого из них исходит опасность. Таким образом, данное сравнение позволяет читателю понять сильное напряжение на приеме, опасность, исходящую от гостей, и дает возможность представить, как себя чувствовала Мерседес в подобном обществе.

При переводе на русский язык прагматический потенциал сравнения претерпел определенные изменения в силу того, что глагол *brillaban* (согласно Словарю Королевской академии испанского языка: *brillar – emitir o reflejar luz (излучать или отражать свет)* [Diccionario de la lengua española, URL]) передан при помощи словосочетания *тускло мерцавшими*. Импликатуры, заложенные в глаголе *brillar*, отличаются от тех, которые заложены в русскоязычном словосочетании *тускло мерцавший*, поскольку: 1) согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, *мерцать* – слабо поблескивать, светиться неровным, колеблющимся светом [Толковый словарь русского языка, 1935]; 2) в русскоязычной картине мира глагол *мерцать* ассоциируется со звездами, лампочками и огнем [Русский ассоциативный словарь, 2002, с. 986]. Таким образом, русскоязычный читатель получает информацию о другом характере блеска, за счет чего создается другое (более напряженное, тревожное) ощущение от происходящего.

Смещение прагматического потенциала регулярно происходит при передаче сравнений, в основе которых заложен образ из различных литературных произведений.

В частности, думая о своем начальнике, который поручал ей расследовать тяжелые, жестокие преступления, Алисия испытывает ярость и ненависть. По её словам, каждый раз возвращаясь с задания, она оставляла там часть своей души. Она хотела уйти в отставку, но Леандро не позволял ей сделать это:

Le odiaba con la rabia como una criatura que conoce a su creador y su inventario de miserias puede sentir [Ruiz Zafón, 2016, с. 190]

Ненавидела с яростью, со страстью существа, знающего, кто его создал и кому оно обязано своими страданиями [Руис Сафон, 2021, с. 220]

Алисия сравнивает свои чувства с ненавистью творения, от которого отрекся его создатель (в данном случае Леандро) за счет апелляции к роману Мэри Шелли “Frankenstein: or, The Modern Prometheus” («Франкенштейн, или Современный Прометей»). Использованное автором сравнение выражает ненависть и злость Алисии по отношению к Леандро из-за ее бессилия перед ним, из-за невозможности изменить собственное положение.

Что касается перевода, то образ создателя и его творения сохранен, однако при переводе происходит замена *su inventario de miserias* (перечень страданий) на *кому человек обязан своими страданиями*, при которой фокус действия смещается на создателя, в большей степени подчеркивая, что именно Леандро несет ответственность за эти страдания.

Таким образом, при переводе сравнений регулярно происходит смещение прагматического потенциала, что происходит в результате замены образа при необходимости компенсировать заложенный в оригинале сравнения образ или с целью передать интенции автора, имплицатуры, заложенные в тексте, настроения и состояния героев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абкадырова, И. Р. Когнитивно-прагматический потенциал испанизмов в англоязычных художественных текстах / И. Р. Абкадырова // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: Сборник статей по итогам IV международной конференции, Москва, 13–15 марта 2019 года. – Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2019. – С. 9–13.
2. Карповская, Н. В. Прагматический потенциал языковых единиц в свете детерминации переводческих решений (на материале испанского языка). – Ростов-на-Дону: Из-во ЮФУ, 2009. – 206 с.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. – 204 с.
4. Меньшакова, Н. Н. Фразеологические сравнения в испанском, русском и английском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. №3. – С. 38–44.
5. Руис Сафон, К. Лабиринт Призраков: [роман] / Карлос Руис Сафон; [перевод с испанского Е. Антроповой]. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 1024 с. – (Эксклюзивная классика).
6. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: АСТ-Астрель, 2002. – 1786 с.
7. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.)
8. Ушакова, Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. – М., 2005. – 44 с.
9. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rae.es> (дата обращения: 26.01.2023).
10. Ruiz Zafón, C. El laberinto de los espíritus / Carlos Ruiz Zafón. – Barcelona: Planeta, 2016. – 928 p.

УДК 811.111:811.161.1

Телесная метафора в англоязычном и русскоязычном публицистическом дискурсе: функциональный аспект (на материале статей экологической тематики)

Резникова П. А., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Мотожанец А. А., Россия

В настоящее время проблемы экологии всё чаще включаются в публичную повестку дня, что обусловлено ухудшением экологической ситуации в мире и возрастающим количеством экологических катастроф. Наряду с увеличением количества публикаций по экологической тематике внимание исследователей привлекают языковые единицы, связанные с защитой и охраной окружающей среды, изучаются риторические приемы, способные оказать когнитивное и эмоциональное воздействие на широкую аудиторию. Одним из таких приёмов принято считать метафору. Метафоры являются универсальным языковым механизмом, который позволяет обозначить неизвестное через уже знакомое. Так, в процессе познания человеком самого себя и окружающей его действительности важную роль играет телесная метафора.

Исследованию метафоры посвящено немало работ отечественных и зарубежных лингвистов. К примеру, такие исследователи, как Ning Yu, Я. И. Войтальянова и С. В. Шелихова занимаются исследованием телесной метафоры в культурологическом аспекте, И. А. Аржанова – в коммуникативно-функциональном (на материале экономического дискурса), Ю. А. Башкатова – в лингвокультурологическом, Л. А. Чернышова – в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах, Д. А. Федосеева – в когнитивном, О. А. Бабиц и И. С. Парахина – в прагматическом аспекте. Тем не менее, несмотря на накопленный опыт исследований в данной области, перед лингвистикой по-прежнему стоит вопрос о специфике реализации данных единиц в различных типах текста и дискурса, в частности, в публицистических статьях экологической тематики, в чем и заключается актуальность данного исследования.

Объектом настоящего исследования является телесная метафора в текстах англоязычных и русскоязычных статей экологической тематики.

Предметом выступают особенности функционирования телесной метафоры в англоязычных и русскоязычных статьях экологической тематики американских, британских и российских электронных изданий.

Материалом исследования послужили тексты статей экологической тематики, опубликованные на интернет-порталах изданий за период ноябрь 2021 – май 2023 гг.

Как уже отмечалось ранее, вопросам функционирования метафорических единиц посвящено большое количество научных трудов. Основой классификации функций телесной метафоры, представленной в настоящем исследовании, стали идеи, изложенные в работах А. П. Чудинова [Чудинов, 2001] и И. А. Аржановой [Аржанова, 2019]. Нами было выделено 4 категории функций, а именно – когнитивная функция, коммуникативная функция, прагматическая функция и эстетическая функция. При этом в каждой из категорий (за исключением эстетической) имеются свои подвиды. Так, когнитивная функция подразделяется на номинативно-оценочную, моделирующую, инструментальную и гипотетическую, коммуникативная – на эвфемистическую и популяризаторскую, а прагматическая – на побудительную, аргументативную и эмотивную. Проследим реализацию различных функций телесной метафоры в статьях экологической тематики.

1. Когнитивная функция

Согласно когнитивному подходу, метафора служит средством познания, понимания и интерпретации реальности, используя концептуальные сценарии, фреймы и слоты, заимствованные из другой области знания. Когнитивная функция метафоры включает в себя несколько видов: номинативно-оценочную, моделирующую, инструментальную и гипотетическую.

Номинативно-оценочная функция метафоры используется для наименования явлений. На наш взгляд, данная функция может быть проиллюстрирована следующим случаем реализации телесной метафоры:

Corn contributes substantial moisture to the atmosphere during the heart of summer each year – some call it “*corn sweat*” [Washington Post, URL].

В данном случае метафора *corn sweat* используется для описания феномена испарения влаги из растений кукурузы и номинирует этот процесс, используя аналогию с физиологическими процессами в организме человека, что может помочь более наглядно представить и объяснить данное явление.

Моделирующая функция метафоры позволяет создать модель сложившейся ситуации, отражающую социально-экономическое или политическое состояние общества, при этом также может быть выражена оценка ситуации. Обратимся к следующему примеру реализации телесной метафоры:

The climate crisis inflicted *painful wounds* to the US in 2022, but the year also brought hope that the country is finally prepared to confront disastrous global heating while also facing a tentative reckoning over its outsized role in causing it [The Guardian, URL].

Данная статья – одна из «заключительных» статей 2022 года, подводит итоги ключевых событий в сфере защиты окружающей среды в США и опубликована в британском издании The Guardian. Примечательно, что посредством яркой и иллюстративной метафоры дается оценка событий, происходящих в другой стране. США представляется «израненным организмом», так как за прошедший год страна столкнулась с многочисленными природными катаклизмами и экологическими проблемами, которые подробно описываются в самом тексте публикации.

Инструментальная функция метафоры определяет направление развития мысли и позволяет лучше понять реальность. На наш взгляд, данную функцию можно проиллюстрировать следующим примером вербализации телесной метафоры:

Goffman is “an *experienced hand* in Washington environmental policymaking” who has a track record of “working with industry and the environmental community on greenhouse gas regulations for the electric utility industry as well as the auto sector,” Gold said [Washington Post, URL].

Метафорическое выражение *experienced hand* в данном контексте приобретает позитивный оттенок, что происходит в основном за счет присутствия лексемы *experienced*. Автор статьи описывает кандидатуру Гоффмана, его достижения в сфере защиты природы, аргументирует целесообразность назначения именно этого кандидата, а также возлагает большие надежды на Джозефа Гоффмана – будущего главу Environmental Protection Agency’s air office.

Благодаря **гипотетической** функции метафоры возможно смоделировать еще не до конца осознанные или осмысленные явления. Рассмотрим реализацию данной функции на следующем примере:

The *storm is projected to continue hugging* the coast of Florida’s Big Bend area before moving inland Thursday night [Washington Post, URL].

В данной статье метафорическое выражение *storm is projected to continue hugging* используется для описания движения и поведения шторма вблизи побережья. Термин “*hugging*” в данном контексте метафорически описывает тесное и интенсивное взаимодействие шторма с побережьем. Эксперты

подразумевают, что шторм движется параллельно или очень близко к береговой линии, а также, что в дальнейшем тенденция сохранится. Данная телесная метафора моделирует образ шторма, демонстрируя его интенсивность и длительность.

2. Коммуникативная функция

Основной целью коммуникативной функции метафоры является донесение информации до адресата в наиболее удобной форме. Данная функция имеет следующие разновидности: эвфемистическая и популяризаторская функции.

Эвфемистическая функция заключается в иносказательной передаче информации, которую автор не хочет обозначать прямо, давая конкретную номинацию. На наш взгляд, данная функция может быть проиллюстрирована следующим случаем употребления телесной метафоры:

Им нравится воздействовать на мышление людей с помощью алармистских настроений, вызывать страх перед потеплением и чувство общей вины человечества. Научную концепцию просто сделали умозрительным политическим инструментом. Обстановка намеренно нагнетается, и на этом *греют руки* [Аргументы и Факты, URL].

В данном случае метафорическое выражение "*греют руки*" используется как замена более прямолинейного высказывания, описывающего ситуацию. В контексте данной статьи метафора указывает на то, что некоторые люди или группы получают выгоду или удовлетворение от нагнетания или усугубления обстановки, сложившейся в сфере экологии. Отметим, что, на наш взгляд, в данной статье авторское намерение связано скорее с тем, чтобы привлечь внимание читателей на значение и подчеркнуть негативные коннотации, заложенные в используемом в метафорическом смысле выражении.

Популяризаторская функция метафоры заключается в «подаче информации в доступной и удобной форме неподготовленному адресату» [Аржанова, 2019, с. 163]. Обратимся к следующему примеру реализации телесной метафоры:

It takes people willing to *flip processes on their head* and find improved ways of doing the same old business of making clothes in an industry that, for all its creative verve, is often afraid of change [The Guardian URL].

В данной статье речь идёт о производстве тканей и говорится о том, что для более экологичного производства необходимо пересмотреть и перестроить структуру процесса. Автором в данном случае вместо нейтрального *change* употребляется метафорическое выражение *flip processes on their head*, которое привлекает внимание читателя и наглядно описывает масштабность и кардинальность необходимых изменений.

3. Прагматическая функция

В рамках реализации прагматической функции метафора становится средством формирования у адресата эмоционального состояния, которое необходимо автору текста. Прагматическая функция метафоры включает следующие разновидности: побудительную, аргументативную и эмотивную.

Зачастую **побудительная функция** напоминает призыв к определенному действию:

Social solutions that address inequities and environmental justice issues “need to go *hand-in-hand*” with discussions about physical or economic solutions to climate change, he said [Washington Post, URL].

Автор статьи настаивает на необходимости доносить до социума информацию об экологических проблемах, говорить об их решении. Сама по себе статья напоминает собрание советов, явно выражается личная позиция и мнение автора, о чём говорится в самом заголовке “People don’t really talk about climate change. Here’s how to start”. В данном случае метафорическое выражение *to go hand-in-hand* указывает на необходимость параллельного рассмотрения и учета социальных решений, связанных с неравенством и проблемами экологической справедливости, наряду с обсуждением физических или экономических решений в области изменения климата. Отметим, что побудительная функция в данном случае реализуется, во многом благодаря употреблению модального глагола *need*. Вместе с тем, метафора призвана подчеркнуть, что два вышеназванные аспекта не могут быть отделены друг от друга, и для достижения полноценного и устойчивого решения проблемы изменения климата необходимо учитывать их взаимодействие и взаимосвязь.

Аргументативная функция основывается на общих для коммуникантов базовых знаниях. Опираясь на них, автор текста при помощи метафоры развивает свою точку зрения, при этом он приводит некий логический аргумент. На наш взгляд, данная функция может быть проиллюстрирована следующим случаем употребления телесной метафоры:

There is a risk that gullible financiers may be misled by this,” he said. “As we all *learned at our mother’s knee*, self-praise is no praise at all” [The Guardian, URL].

В данном примере метафора *learned at our mother's knee* подчеркивает широкую известность и общеупотребительный характер идиомы *self-praise is no praise at all*. Автор статьи ожидает, что сотрудники финансовой сферы в дальнейшем будут придерживаться данных стандартов общения.

Эмотивная функция метафоры нередко используется автором для оказания эмоционально-волевого воздействия на реципиента. Данная функция позволяет сформировать в сознании адресата определенное отношение к анализируемым фактам действительности. На наш взгляд, данная функция может быть проиллюстрирована следующим случаем употребления телесной метафоры:

“In a few days that field will be dead, too,” he said. “It’s stomach-churning”

[Washington Post, URL].

Автор статьи обращает внимание на серьезнейшие последствия изменения климата, которые наступают некоторые страны уже сейчас. Так, в данной публикации описывается сезон засухи, наступивший этим летом коммуну на северо-западе Италии. С помощью метафоры *stomach-churning* подчеркивается масштабность и глубина последствий, которые наблюдаются уже на данном этапе. Метафора указывает на то, что эта ситуация вызывает у говорящего сильные негативные эмоции, которые можно сравнить с неприятными физическими ощущениями в желудке. Метафора *stomach-churning* служит для усиления выражения отвращения и эмоционального воздействия на читателя. Она создает яркую картину и формирует впечатление о том, насколько неприятной и возмутительной является ситуация.

4. Эстетическая функция

В основе эстетической функции метафоры лежит теория, согласно которой метафора – это результат индивидуального, авторского переживания. В данном случае метафора в большей степени выступает как средство эстетического воздействия, что характерно для художественного и поэтического дискурса. Например:

Варварское отношение к рекам при добыче россыпного золота, приводит к изменению русел рек, а значит вся природная среда меняется. Можно говорить в переносном смысле, что *реки плачут кровавыми слезами* от такого обращения [РИА Новости, URL].

В данной статье мы видим телесную метафору *реки плачут кровавыми слезами*. Данное метафорическое выражение передает представление о том, что природная среда подобно человеку способна страдать и испытывать боль. Употребление словосочетания «кровавые слезы» усиливает восприятие природных объектов как уязвимых существ. Данное метафорическое словосочетание используется автором для описания последствий негативного воздействия на реки в результате неэкологической деятельности при добыче россыпного золота. Данная метафорическая единица обладает яркой эмоциональной окраской и вызывает негативные ассоциации. Данная метафора визуализирует масштабы влияния человеческой деятельности и привлекает внимание к разрушительности предпринимаемых действий.

Стоит отметить, что в ходе анализа фактологического материала нами была замечена следующая особенность – при реализации в тексте функции метафоры накладываются друг на друга и, соответственно, отнести тот или иной случай употребления телесной метафоры исключительно к одной конкретной функции достаточно сложно. К тому же, взаимодействие и взаимовлияние функций – важный аспект воздействия на реципиента. Рассмотрим данное явление на следующих примерах реализации телесной метафоры:

Волга – сердце европейской части России, ее главная водная *артерия* [Аргументы и Факты, URL].

В данном примере мы можем видеть два случая вербализации телесной метафоры. «Волга – сердце» является примером телесной метафоры, реализованной в инструментальной функции, так как далее автор подчеркивает важность реки для данного региона. В случае с данной метафорой, на наш взгляд, на втором плане проявляется эмотивная функция, перенося на водный субъект то, какие ассоциации вызывает у среднестатистического читателя лексема *сердце*. Каждый из нас знает о важности данного органа для нашего организма точно так же, как важна Волга для полноценной деятельности региона. Вторая метафора – *транспортная артерия* реализует номинативно-оценочную функцию. В данном случае на второй план выходит моделирующая функция, с помощью которой автор, оперируя знакомыми терминами из анатомии человека, моделирует схему инфраструктуры водных путей региона.

Рассмотрим такой пример:

The Great Atlantic Sargassum *Belt*, as it's known, is visible from space, stretching like a sea monster across the ocean, with its *nose* in the Gulf of Mexico and its *tail* in the *mouth* of the Congo [The Guardian, URL].

В данном примере мы видим два случая реализации телесной метафоры. Обратимся к первому из них – *Belt is stretching*: в данном случае мы также видим, что на первый план выходит инструментальная функция метафоры, так как она служит основанием для дальнейшей развернутой метафоры. На второй план выходит моделирующая функция метафоры, которая используется автором для создания образа «морского монстра» применительно к образовавшемуся «пятну» морских водорослей. Данный образ дополняется лексемами *nose* и *tail*, которые помогают обозначить предположительные размеры. Ещё один случай вербализации телесной метафоры *mouth of the Congo*. В данном случае можно говорить о номинативно-оценочной функции метафоры, которая используется для наименования отрезка реки, в котором она впадает в другой водоём.

Анализ фактологического материала нашего исследования свидетельствует о том, что для статей экологической тематики англоязычного публицистического дискурса наиболее частотным является употребление телесной метафоры в номинативно-оценочной функции (раздел «когнитивная функция»), тогда как для русскоязычного – в популяризаторской функции (раздел «коммуникативная функция»).

На наш взгляд, данная тенденция косвенно свидетельствует о том, что экологическая проблематика находится на разных этапах осмысления в англоязычных и русскоязычных лингвокультурах. Возможно, это связано с историческими, культурными и социальными различиями между данными языковыми сообществами. В англоязычной культуре темы, связанные с экологией, уже давно занимают важное место в социальной повестке, и они воспринимаются как неотъемлемая часть современности. В русскоязычной культуре эти темы только начинают проникать в массовое сознание и становиться значимыми.

Таким образом, можно предположить, что в будущем интерес к тематике, связанной с экологическими проблемами, будет расти и в русскоязычных публицистических изданиях, и данная тенденция будет отражаться и проявляться в газетных текстах на русском языке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/uk/environment> (дата обращения: 04.03.23)
2. Washington Post. – URL: https://www.washingtonpost.com/climate-environment/environment/?itid=nb_climate_environment (дата обращения: 12.02.23)
3. Yu N. Metaphor from body and culture // *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Cambridge University Press, 2008. – Pp. 247–261.
4. Аргументы и Факты. – URL: <https://aif.ru/society/ecology> (дата обращения: 04.03.23)
5. Аржанова, И. А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе // *Известия ВГПУ*. 2019. №6 (139). – С. 161–164.
6. Башкатова, Ю. А. Телесная метафора в английской и русской лингвокультурах // *Вестник КемГУ*. 2013. №2 (54). – С. 24–27.
7. Войтальянова Я. И., Шелихова С. В. Телесная метафора как фрагмент языковой картины мира в английском языке // *МНИЖ*. 2021. № 6-5 (108). – С. 142–145.
8. Парахина, И. С., Бабич, О. А. Концептуальная метафора как средство воздействия на читателей в медийном экологическом дискурсе // *БГЖ*. 2018. №2 (23). – С. 92–95.
9. РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 25.03.23)
10. Федосеева, Д. А. Когнитивная теория метафоры и обзор имбодимент-подхода к познанию // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. 2017. №7. – С. 306–314.
11. Чернышова, Л. А., Черникова Е. О. Термины-метафоры в составе экологической терминологии // *Известия ВГПУ*. 2017. №7 (120). – С. 103–111.
12. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: 2001. – 238 с.

Советизмы в современном рекламном дискурсе: функционально прагматический аспект

Самохина С. Д., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Ляшева М. Н., Россия

Советский период все чаще выступает объектом мифологизации. Общество, используя клишированные образы «советскости» конструирует «новую реальность» прошлого и его интерпретацию. Можно считать, что в постсоветском периоде сформировались два альтернативных типа памяти: один с преобладанием негативных коннотаций и «ностальгический тип», трактующий явление советского периода как светлое прошлое [Воробьева, 2009, с. 25].

Существует большое количество факторов, которые играют роль в развитии «ностальгического» образа один из них – реклама отечественных товаров и услуг, апеллирующих к советскому качеству, стандарту или доступности [Золотникова, 2021, с. 139].

В этой статье мы рассмотрим рекламный дискурс и на конкретных примерах разберем, с помощью каких средств проявляются образы советского и на какую реакцию адресата они рассчитаны.

Наглядный пример: реклама бюджетного смартфона EXPLAY N1 2013 г. (Рис.1) Первое на чем акцентируется внимание: это на контрастном изображении. Красный цвет – основная отсылка к советскому. На фоне изображен город, характерно выделяются заводские трубы. По центру фигура человека с поднятой правой рукой, в которой он сжимает смартфон. Поднятая рука со сжатым кулаком – особый жест, который имеет собственную историю, использовался как интернациональное рабочее приветствие, часто его можно увидеть на советских агитационных плакатах. На фоне этой иллюстрации звучит текст: «Я достаю из широких штанин смартфон Explay N1». Трансформируется строчка из произведения В.В. Маяковского «Стихи о советском паспорте». Этого изображения уже достаточно, чтобы погрузить человека в образ «советскости».

Рис. 1. реклама смартфона «EXPLAY N1»

Из этой же рекламы мы можем взять иллюстрацию, где изображены фигуры «андроидов» (Рис.2), марширующие, одетые в буденовки. На фоне лозунг «Смартфоны в массы» и на знамени «Даешь бюджетные смартфоны!». Реклама заканчивается фразой «Смартфон EXPLAY N1 во всех магазинах страны» и демонстрацией цен – у адресата появляется впечатление доступности.

Рис. 2. реклама смартфона «EXPLAY N1».

Рассмотрим следующий пример. Реклама сервиса Google Книги. 2013г. Здесь советская эпоха изображена многопланово. Начинается с того, что девушка скачивает сборник М. Цветаевой на электронную книгу (Рис. 3). Звучит фраза «Любовь к хорошей литературе у меня от бабушки и от того времени, когда выступление любимых поэтов удавалось увидеть единицам...». Игра на представлении об особом отношении советских людей к культуре, искусству, просвещению.

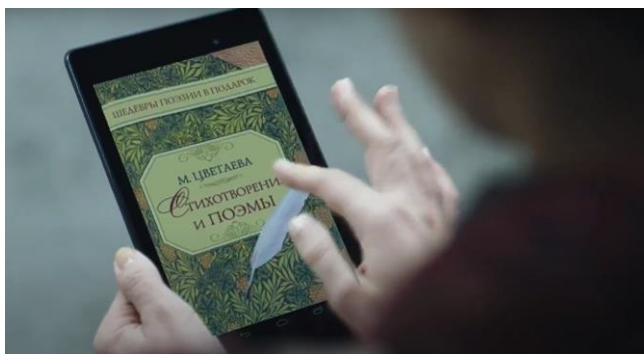

Рис. 3. Реклама сервиса Google Книги.

Картинка меняется и мы видим бабушка во время ее молодости. Стоит в очереди в книжный магазин, на фоне звучит фраза, продолжающая первую: «Времени, когда за книгами выстраивались очереди. Люди буквально отстаивали свое право на свежизданный шедевр». Периоду придается характерная эмоциональная окраска: о ценности знания.

И заключительный эпизод: бабушка переписывает вручную стихотворение О. Мандельштама (Рис.4), фраза «А неизданные шедевры издавали сами». Образ периода «оттепели», распространения самиздата.

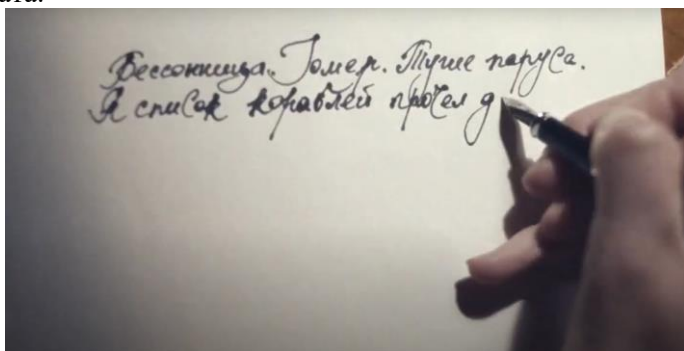

Рис. 4. Реклама сервиса Google Книги.

Итог рекламы – фраза «Думаю, если бы у бабушки был интернет, она проводила бы там еще больше времени, чем я». На картинках мы могли увидеть автоматы с газировкой и мороженым, предметы одежды. В целом впечатление, которое создается у адресата после просмотра, это ощущение ностальгии по времени, в котором вы никогда не были.

В качестве заключительного примера рассмотрим рекламу проекта департамента здравоохранения г. Москва 2022г. В рекламе уже использованы образы советских деятелей. Видят павильон, где можно проверить здоровье. На фоне фраза «Бесплатная проверка здоровья! Маркс бы в гробу перевернулся» (рис. 5).

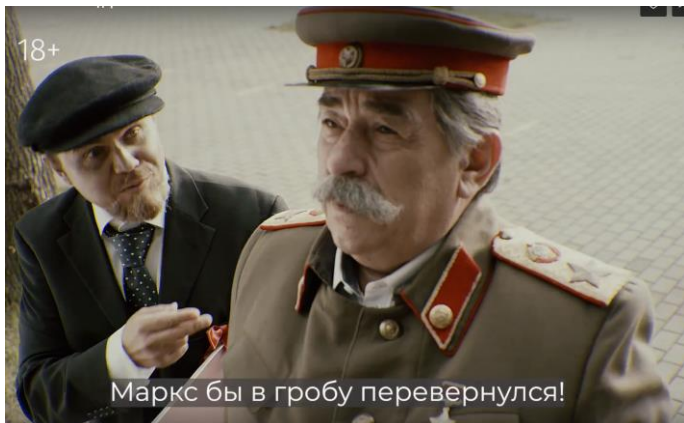

Рис. 5. Реклама проекта «Здоровая Москва».

Вся реклама построена на аллюзии на лозунги, например, «Жить стало здоровее!» на «Жить стало лучше, жить стало веселее!». Также «Лечиться, лечиться, еще раз лечиться» – трансформация известной фразы В.И. Ленина «Учиться, учиться и ещё раз учиться!». Реклама заканчивается призывом к действию «Москвичи всех районов – объединяйтесь! И приходите на медицинские чекапы в павильоны «Здоровая Москва!». Аллюзия на «Пролетарии всех стран – объединяйтесь!» (рис. 6). В целом реклама построена на

комичных ситуациях, представляет собой набор клишированных фраз, побуждает в качестве «шутки» воспользоваться этой услугой. Создает эффект присутствия в пространстве двух реальностей.

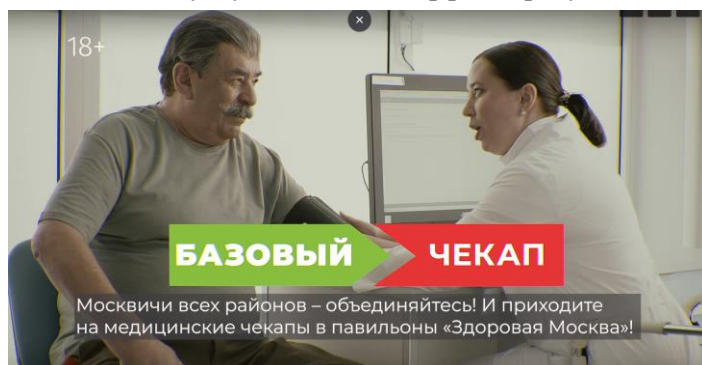

Рис. 6. Реклама проекта «Здоровая Москва».

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели средства, с помощью которых в рекламном дискурсе конструируется восприятие советского прошлого. Мы также отметили, какую реакцию способны вызвать такие ролики. Но нельзя забывать, что это продукты коммерческой деятельности, поэтому демонстрируются те образы-клише, которые нацелены на приобретение товара или услуги, посещение места. Это рождает другие смыслы, особенно у молодежной аудитории, которые не застали советский период. Влияет даже на общий фон знаний о нем. В то же время эта форма «ностальгии» о противоречивом прошлом является наиболее мягким способом реализации памяти о нем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева, А. В. “Советское” в постсоветском культурном пространстве: структурно-типологический аспект / А.В. Воробьева, Е.М. Раскатова // Вестник гуманитарного факультета Ивановского химико-технологического университета. – 2009. – С. 22–28.
2. Злотникова, Т. С. Ностальгия по советскому в современном медиапространстве / Т. С. Золотникова, В. М. Куимова // Ярославский педагогический вестник. №2 (119) – 2021. – С. 133–143.
3. Explay N1 – 1890. URL: https://www.youtube.com/watch?v=W_xc8VKMEPg (дата обращения: 01.12.2022).
4. Социальная реклама Google Книги. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=498QoIHZKg> (дата обращения: 01.12.2022).
5. Жить стало здоровее! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RQ81i00XhRI> (дата обращения: 01.12.2022).

УДК 372.881.1

Деепричастный оборот vs придаточные предложения: обучение иностранных учащихся синтаксической синонимии

Сараева К. Е., Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, магистрант, Россия
Научный руководитель к.пед.н. доцент, Кольовска Е. Г.

Термин «синтаксические синонимы» в отечественной лингвистической школе появился благодаря научным трудам А. М. Пешковского, который первым отделил их от морфологических (таким образом, разделив грамматические синонимы на две группы), имея в виду возможность синонимии отдельных грамматических форм (наклонений, времен), а также синтаксических конструкций с измененным словопорядком, некоторые модели построения предложений, случаи взаимозамены среди существительных и местоимений, служебных частей речи [Пешковский, 1930, с. 153].

Спустя время в языкознании наблюдались уже разные направления в изучении данного вопроса: одни исследователи открывали грамматическую специфику синтаксической синонимии, другие демонстрировали семантические особенности слов-дублетов в разделе синтаксиса, третьи, объединяя оба вопроса, стремились описать как содержательные, так и формальные признаки синтаксической синонимии. Но можно точно сказать, что все исследователи сходились на присутствии общего значения в сравниваемых единицах.

По мнению А. Н. Гвоздева, грамматическая синонимия – это выражение одной и той же мысли разными средствами языка. Главный критерий синонимичности – замещение. Синонимичными оборотами речи Гвоздев считал и свободные сочетания слов, и фразеологические единства, и части сложного предложения. Взгляд ученого уникален тем, что он касается расширения грамматической синонимии и относится к разным уровням языка [Гвоздев, 1952, с. 136, 175].

Большинство лингвистов выдвигает в качестве основного критерия синтаксической синонимии либо тождество грамматического значения или сходный тип синтаксических отношений, либо близкое лексическое значение при разности модели построения.

Мы считаем, что главный признак синтаксической синонимии – трансформируемость синтаксических единиц друг в друга, так как другие критерии могут изменяться, – к такому выводу нас приводят исследования З. Харисса, Г. А. Золотовой, А. М. Пешковского, В. П. Сухотина и многих других отечественных и зарубежных лингвистов.

Трансформация – это универсальное средство в методике и практике преподавания РКИ, поскольку позволяет как строить синонимичные конструкции, так и сравнивать предложения с общим семантическим значением между собой.

С. Я. Фитиалов указывает на то, что синтаксическими синонимами нельзя считать любые два взаимотрансформирующихся предложения, а только те, что допускают равнозначные преобразования. Следовательно, синтаксические синонимы существуют в русском языке не благодаря явлению трансформационности [Фитиалов, 1964, с. 11]. При работе с синтаксической синонимией в курсе русского языка как иностранного следует помнить, что трансформационность – это именно следствие, то есть различие синтаксически синонимичных конструкций обусловлено формой выражения мыслей, а не содержанием.

В программу обучения русскому языку как иностранному на Первом сертификационном уровне входит формирование у инофонов навыков трансформации простых предложений, осложненных деепричастным оборотом, в сложные предложения с различными видами придаточных (временные, условные, причинные и уступительные отношения) [Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень, 2010, с. 100]. Употребление простых предложений, включающих деепричастные обороты, и употребление сложноподчиненных предложений обусловлено характером речи: для книжной речи более характерны деепричастия, для разговорной – различные виды придаточных предложений. Если же в сложном предложении несколько раз повторяется союз или суждение носит книжный характер, то необходима замена придаточного предложения на деепричастный оборот.

Таким образом, обучение «обратной трансформации» – различных видов придаточных в деепричастные обороты – также, с нашей точки зрения, должно входить в практику преподавания РКИ, хотя программа обучения русскому языку как иностранному на Первом сертификационном уровне этого не предусматривает, в тех случаях, когда это необходимо: у иностранных студентов, готовящихся к обучению на основных факультетах российских высших учебных заведений или уже обучающихся на них, должны быть сформированы данные навыки прежде всего для успешной письменной коммуникации в научной и учебно-профессиональной сферах общения.

Синонимия сложных предложений, включающих в свой состав придаточные с различными обстоятельственными оттенками, и простых предложений с деепричастными оборотами с тем же значением предполагает следующие условия взаимозамены:

- 1) вид деепричастия соответствует виду глагола внутри придаточного предложения;
- 2) время основного глагола определяет и время глагола, который используется вместо деепричастия при построении синонимичных предложений.

Заменяя придаточное предложение деепричастным оборотом, инофон должен знать, что:

- субъекты действий в главной и придаточной части должны совпадать, то есть в роли подлежащего должно выступать одно и то же лицо или предмет;
- союз всегда опускается;
- время и вид глагола, находящегося внутри придаточного, совпадает с видом деепричастия;
- при препозитивном придаточном предложении существительное, выступающее в роли подлежащего и находящееся внутри придаточного предложения, занимает позицию в главной части синонимичного предложения, выступая вместо личного местоимения [Величко, 2009, с. 150]. Например:

Когда **Леонардо да Винчи** рисовал одной рукой, **он** мог одновременно писать другой. = Рисуя одной рукой, **Леонардо да Винчи** мог одновременно писать другой.

Заменяя деепричастный оборот придаточным предложением, инофон должен знать, что:

- всегда вводится союз, который обозначает оттенок обстоятельственного значения, соответствующего деепричастному обороту;
- вид и время глагола соотносятся с формой деепричастия;
- чаще всего придаточная часть включает в себя подлежащее [Величко, 2009, с. 150].

Грамматические особенности придаточных предложений, а именно наклонение и время глагола, наличие союза, позволяют сложным предложениям выражать точнее и разнообразнее обстоятельственные оттенки значений, поэтому в современном русском языке известны случаи соответствия деепричастного оборота и нескольких придаточных предложений, различающихся между собой значением времени, уступки, причины. Ср.: *Осознавая свою уникальность, герои Г. Г. Маркеса начинают страдать от одиночества.* = *Когда герои Г. Г. Маркеса осознают свою уникальность, они начинают страдать от одиночества* (временной оттенок) / *Как только герои Г. Г. Маркеса осознают свою уникальность, они начинают страдать от одиночества* (временной оттенок с указанием на внезапность) / *Так как герои Г. Г. Маркеса осознают свою уникальность, они начинают страдать от одиночества* (причинный оттенок) / *Если герои Г. Г. Маркеса осознают свою уникальность, они начинают страдать от одиночества* (оттенок условия).

Представленный ниже комплекс заданий и упражнений для формирования навыков синтаксической синонимии разработан на основе лексической темы «Искусство» и адресован в первую очередь иностранным студентам гуманитарного профиля, в частности обучающимся на факультете изобразительного искусства и народных ремесел Московского Государственного областного университета. Работу по формированию трансформативных навыков предлагается начать с наблюдения за языковым материалом. Студенты вместе с преподавателем рассматривают синтаксическую синонимию простого предложения с деепричастным оборотом и сложного предложения с различными придаточными, выявляя сходства и различия между представленными предложениями.

Задание. Прочитайте предложения и сравните их. Какое между ними сходство? Какое между ними различие?

- А) 1. Рассказав наизусть стихотворение, я смогу получить зачёт.
- 2. Если я расскажу наизусть стихотворение, я смогу получить зачёт.
- Б) 1. Выиграв конкурс, я смог посетить мастер-класс дизайнера Вячеслава Зайцева.
- 2. Так как я выиграл конкурс, я смог посетить мастер-класс дизайнера Вячеслава Зайцева.
- В) 1. Почувствовав себя плохо, я ушёл до окончания спектакля.
- 2. Я почувствовал себя плохо, поэтому ушёл до окончания спектакля.

Выполнение следующего задания способствует также активизации профессиональной лексики и когнитивных процессов, связанных с общим уровнем знаний по теме «Искусство». Основываясь на предыдущем упражнении, учащиеся должны трансформировать простые предложения с деепричастными оборотами в сложные предложения с временными, причинными, условными и уступительными союзами. Рекомендуется начать работу со сложных предложений с союзом «когда».

Задание. Замените предложения с деепричастными оборотами на предложения с союзом «когда».

- 1) Отдыхая на Кубе, мои родители посетили Гаванский Международный Джазовый Фестиваль.
- 2) Оказавшись дома, я сразу же стал готовить доклад по творчеству Отто Дикса.
- 3) Рисуя портрет А. С. Пушкина, художник обращался к его биографии.
- 4) Объединившись с художниками-экспрессионистами из Германии, Василий Кандинский организовал группу «Синий всадник».
- 5) Создавая картины, Сальвадор Дали знал, что не каждый сможет понять его идеи.
- 6) Пушкин, публикуя «Повести Белкина», положил начало теме «маленького человека» в русском искусстве.
- 7) Художники-«ахровцы», создавая свои картины, стремились документально запечатлеть момент истории, будни Красной Армии и быт рабочих.
- 8) На плакате Кокорекина «За Родину!», бросая гранату, раненый матрос до последнего вздоха защищает рубеж.
- 9) Одевшись и выйдя на улицу, Иван направился в сторону Храма Василия Блаженного.
- 10) Войдя в вагон метро, ребята стали играть на гитаре и громко петь.

Задание. Замените данные ниже предложения с деепричастными оборотами на сложные предложения с союзами «когда», «после того как», «потому что», «так как», «как только», «если».

- 1) Сильно простудившись, друг проболел целую зиму и пропустил художественную выставку Илья Кабанова.

2) Вспомнив поездку во Флоренцию, посещение «Академии изящных искусств», друзья договорились снова поехать летом в Италию.

3) Не защитив проект по мировой художественной культуре, ты не получишь хорошую оценку на экзамене.

4) Желая помочь людям избавиться от тоски и одиночества, в 1975 г. Булат Окуджава написал песню «Давайте восклицать».

5) Получив сообщение в соцсетях от Елены Бакановой, знаменитого российского галериста, Кирилл очень удивился.

6) Купив детали для украшений, сестра занялась бисероплетением.

7) Изучив русскую живопись начала XIX века, студент подготовил доклад об Оресте Адамовиче Кипренском.

8) Спеша утром на работу, подруга забыла дома ключи от своей студии дизайна.

Для закрепления навыков трансформации предлагается одно-два упражнения на «обратную трансформацию» (однако перед выполнением задания рекомендуется вместе со студентами еще раз вспомнить, как образуются видовременные формы деепричастий).

Задание. Замените в данных ниже примерах предложения с союзом «когда» на предложения с деепричастными оборотами.

1) Когда ты тренируешься читать тексты вслух с выражением, ты повышаешь свой уровень ораторского искусства.

2) Когда я вышел на сцену, я растерялся.

3) Когда мы гуляли по залам «Русского музея» в Петербурге, мы встретили друзей.

4) Когда студент перечислял фамилии русских поэтов-акмеистов в своём докладе, он забыл назвать Г. В. Адамовича.

5) Когда Андрей вошёл в Большой театр, он сразу же пошёл в Бетховенский концертно-репетиционный зал.

6) Когда Джузеппе Верди познакомился с пьесой А. Дюма «Дама с камелиями», он увлёкся историей любви Альфреда и написал «Травиату».

При работе с данным видом синтаксической синонимии не следует забывать о синонимии простого предложения с деепричастным оборотом и простого предложения с однородными сказуемыми. Здесь также могут быть предложены попарно предложения для сравнения. Например:

Три года он писал стихотворения, не показывая никому, но вчера прочитал их перед гостями. = Три года он писал стихотворения и не показывал никому, но вчера прочитал их перед гостями).

Вторая часть задания должна включать собственные примеры студентов, составленные по аналогии.

С целью определить, насколько усвоен материал, может быть предложено тестовое задание в следующей формулировке: «Прочитайте предложения и подберите к выделенным частям синонимичные варианты». Это задание может включать несколько блоков – на выбор правильной формы деепричастия (несовершенного либо совершенного вида); на взаимозамену деепричастного оборота и придаточного предложения (при этом деепричастному обороту может соответствовать несколько видов придаточных предложений, в этом случае в формулировку вводится уточнение: «выберите все возможные варианты»; на взаимозамену деепричастия и однородного сказуемого. Например:

1. Все дети в лагере были в восторге, **когда посмотрели анимацию Хаяо Миядзаки.**

А) смотря анимацию Хаяо Миядзаки;

Б) посмотрев анимацию Хаяо Миядзаки.

2. Я стала увлекаться живописью, **после того как поступила в школу искусств имени Рихтера.**

А) поступая в школу искусств имени Рихтера;

Б) поступив в школу искусств имени Рихтера.

3. Флориан Иллиес, **увлёкшись проблемами искусства**, написал книгу «А только что небо было голубое».

А) когда увлекался проблемами искусства;

Б) когда увлёкся проблемами искусства.

Переходя к речевым заданиям, отметим, что они могут быть весьма разнообразны: рассказ по теме, ролевые игры, написание рецензии на фильм или спектакль и т. д. С нашей точки зрения, важно, чтобы они способствовали не только активизации формируемых навыков, но и повышению профессиональной компетенции учащихся. Так, для иностранных студентов факультета изобразительного искусства и народных ремесел МГОУ мы предлагаем игру «В Третьяковской галерее». Студенты должны выбрать

одну из находящихся в этой галерее картин, ознакомившись с ними по представленным преподавателем репродукциям или найдя изображение в интернете, и написать о ней текст, основываясь на образце – описании известной картины В. М. Васнецова (желательно, чтобы у каждого студента была «своя» картина). Например:

Картина Виктора Михайловича Васнецова «Иван-Царевич на Сером Волке» по праву считается одним из самых сказочных произведений русского изобразительного искусства. Художник написал её в 1889 году, взяв за основу народную сказку «Иван-Царевич и Серый Волк».

Иван-Царевич с Еленой Прекрасной спасаются от погони, мчась на Сером Волке сквозь лес. Иван-Царевич, нежно придерживая за руку уставшую от долгой и трудной дороги Елену Прекрасную, в то же время полон решимости отразить любую опасность.

Особый интерес у зрителя вызывает фигура Серого Волка. У этого сказочного хищника человеческие глаза. Он внимательно вглядывается вперёд, выбирая дорогу. Передвигаясь большими прыжками, Волк везёт Царевича и Елену через лесную чащу, где никогда не ступала нога человека. Создаётся ощущение, что все герои словно летят над болотом, окружённым деревьями.

Елена Прекрасная олицетворяет русскую красавицу с длинными русыми волосами. Создавая этот необыкновенно женственный образ, Васнецов использовал написанный им ранее портрет Натальи Анатольевны Мамонтовой, сделав главный акцент не на внешних чертах, а на душевном настрое и позе героини.

Мрачная атмосфера картины передаёт чувство тревоги и опасности. И только цветущая яблоня вызывает светлые чувства, укрепляя веру в счастливый финал.

Затем студенты, совместно трансформировав деепричастные обороты в предложенном образце, обмениваются составленными карточками и выполняют тот же вид работы самостоятельно, их цель – написать неформальное письмо, рассказав об одной из картин, увиденных в Третьяковской галерее.

Полагаем, что представленный выше комплекс заданий может быть также полезен и иным категориям учащихся, способствуя повышению не только их языковой компетенции, но и общеобразовательного и культурного уровня.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. – 336 с.
2. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / под ред. А. В. Величко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 648 с.
3. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. М.: РУДН, 2010. – 181 с.
4. Пешковский, А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л.: Госиздат, 1930. – С. 133–161.
5. Фитиалов, С. Я. Трансформация в аксиоматических грамматиках // Трансформационный метод в структурной лингвистике. М.: Наука, 1964. – С. 3–5.

УДК 81:39

Linguoculturología en el sistema de conocimiento social e individual

(Лингвокультурология в системе социального и индивидуального знания)

Сатимова М. Ш. кизи, Узбекский государственный

университет мировых языков, магистрант, Узбекистан

Научный руководитель: д.ф.н., профессор, Бахронова Д. К., Узбекистан

El lenguaje es un fenómeno social que forma la cosmovisión de una persona y los valores de la cultura nacional.

El lenguaje es una de las categorías más importantes de la cultura, ya que es a través de él como se forma y expresa la cosmovisión de una persona. Una persona a lo largo de su vida vive en el espacio del lenguaje. Sin embargo, este no sólo es un vehículo de transmisión, sino también el medio en el que se moldea la personalidad y vive una persona, a través del cual cobran sentido las experiencias vitales. Incluso se puede decir que una persona vive, por así decirlo, dentro del idioma, experimentando constantemente su influencia. El lenguaje no solo refleja el mundo humano y su cultura. La función más importante del lenguaje es que preserva la cultura y la transmite de generación en generación. Es por eso que el idioma juega un papel tan significativo e incluso decisivo en la formación de la personalidad, el carácter nacional, el pueblo, la nación.

Según A. Navoi, el lenguaje es un instrumento de comunicación, pero las palabras inoportunas pueden causarle daño [Navoi, 2018, p. 102].

El lenguaje es un fenómeno humano que conecta la vida mental y la vida social y cultural. El aspecto mental se caracteriza por los procesos de cognición, comparación, generalización. El aspecto público, a su vez, tiene que ver con que una persona no vive sola en una isla desierta, sino que vive entre la gente.

El lenguaje es un espejo, un almacén, un tesoro de cultura. Refleja no solo el mundo real que rodea a una persona, sino también la conciencia pública de las personas, su mentalidad, el carácter nacional, el estilo de vida, las tradiciones, las costumbres, la moralidad, el sistema de valores, la actitud y visión del mundo. También almacena valores culturales: en el vocabulario, en la gramática, en la idiomática, en proverbios, refranes, en el folclore, en la ficción y la literatura científica, en las formas de expresión oral y escrita. Además, el lenguaje facilita la adaptación de una persona en el entorno, ayuda a evaluar correctamente los objetos, los fenómenos y su relación, ayuda a identificar objetos del mundo que la rodea, clasificarlos y agilizar la información sobre el mismo, y también contribuye a la organización y coordinación de la actividad humana. El problema de la correlación e interconexión del idioma, la cultura y la etnia es un problema interdisciplinario, cuya solución solo es posible a través de los esfuerzos de varias ciencias, desde la filosofía y la sociología hasta la etnolingüística y la linguoculturología. Es importante señalar que la lengua está estrechamente relacionada con la cultura: crece en ella, se desarrolla en ella y la expresa. Sobre la base de esta idea, surgió una nueva ciencia: la linguoculturología, que puede y debe considerarse una dirección y una sección independientes de la lingüística. Si la culturología estudia la autoconciencia de una persona en relación con la naturaleza, la sociedad, la historia, el arte y otras áreas de su vida social y cultural, y la lingüística considera la cosmovisión, que se muestra y fija en el lenguaje en forma de modelos mentales de la imagen lingüística del mundo, la linguoculturología tiene su objeto en ambas: en la lengua y la cultura.

La mentalidad de cada nación o individuo es una expresión de un sistema de valores. Los valores morales apelan a la elección libre de la persona, sustentada en formas de control intrapersonales, más profundas. Por ejemplo, la conciencia o la vergüenza. Es bastante natural que existan conflictos entre normas y valores, no hay un límite claro. Esto se explica por el hecho de que los valores de diferentes estratos sociales expresan las características de las funciones sociales realizadas por un determinado grupo social, representan las opciones de estructura social que son deseables para sus representantes. Es por eso que a menudo se encuentran proverbios y aforismos que contienen la moral y las posiciones de vida de pequeños grupos de población, a menudo hostiles a la mayoría de la gente. Por ejemplo, el proverbio “Vivir es servir a Dios”, que en uzbeko es casi igual al dicho “Dilba yoru – dastba kor” [Komilov, 1996, p. 391], no refleja los principios de vida de los representantes de la sociedad de mentalidad atea, educados en el espíritu de negar la existencia de Dios y el principio divino, mientras que es compatible con las ideas de instituciones religiosas que existen en cualquier sociedad.

Los proverbios, refranes y aforismos pueden servir como una especie de herramienta para medir los dominantes culturales en un idioma.

“Quien se fue a Sevilla perdió su silla” (en uzbeko “Sevilyaga borib joyini yo’qotdi”)

Este refrán se utiliza cuando una persona se levanta y otra ocupa su asiento. El origen de este refrán es la pelea que enfrentó a dos hombres en Sevilla. El primero en ocupar el puesto se marchó a Santiago de Compostela para preparar el futuro cargo del segundo. Cuando volvió, su enemigo le había quitado el cargo.

“A buenas horas, mangas verdes” (en uzbeko es igual al proverbio “yaxshi ot keyin chopadi”)

En la época de los Reyes Católicos, había una Hermandad para capturar a los malhechores. Sin embargo, casi siempre llegaban tarde. Según la tradición, estos hombres lucían un uniforme de mangas verdes, de ahí el nacimiento de este refrán.

Dado que los proverbios expresan el resultado de siglos de experiencia de vida, continuas observaciones diarias en forma de un pensamiento completo en estricta polaridad, están dominados por la variedad de significados de cada palabra, la estabilidad de las expresiones, la estabilidad de la forma, pero, dependiendo del lugar de uso, su gama de significados se amplía constantemente. Por eso es necesario prestar especial atención a cada palabra del proverbio. Los proverbios contienen palabras que históricamente han podido tener significados completamente diferentes. Por ejemplo, la palabra uzbeka “tuz” (“sal”) hoy se refiere a una sustancia mineral. Históricamente, esta palabra significaba “conducta correcta, cortésia o campo llano” y actualmente dichos significados se conservan solo en proverbios:

Qiz saqlasang, tuz saqla. (significa “Si tienes hija, sé amable”)

Un aforismo es una frase u oración corta y concisa con un significado claro que expresa una idea completa. A diferencia de los proverbios populares, las Palabras de Sabiduría pertenecen a una determinada persona (escritor, poeta, publicista, filósofo, científico, estadista, etc.) y conservan su individualidad. Aparte de los géneros independientes, los aforismos se pueden encontrar en obras científicas, filosóficas, históricas y artísticas. A veces, el trabajo puede consistir en rimas de pies a cabeza (Farobi). Algunas de las obras de Alisher Navoi son ricas en

palabras de sabiduría (“Nazm ul-javohir”, “Mahbub ul-qulub” y etc). En la literatura de los pueblos de Oriente, incluida la literatura uzbeka, la mayoría de las palabras de sabiduría tienen la forma de reprensiones. Por ejemplo:

“O‘qsiz soldat – qilichsiz qin” (Oybek)

Este aforismo se traduce como *“Un soldado sin bala es una vaina sin espada”*.

Las palabras de sabiduría, cercanas a la lengua vernácula y los proverbios, también son comunes. Por ejemplo, *“Tishi chiqqan bolaga chaynab bergan osh bo‘lmas”* (A. Qahhor), que podemos traducir literalmente como *“No puedes masticar comida para un niño con dientes”*; este aforismo se utiliza en el discurso figurativamente. Algunas Palabras de Sabiduría se convierten en proverbios cuando se fijan y se hacen populares.

Los escritores uzbekos como Alisher Navoi, Khamza, A. Qodiriy, G. Gulam, Oybek, H. Olimjon, A. Qahhor y Shaykhzoda han hecho una contribución significativa al desarrollo de la lengua literaria uzbeka al crear ejemplos modernos de palabras de sabiduría en sus obras.

Así, como resultado de un análisis comparativo de algunos conceptos culturales en los idiomas uzbeko y español, se puede establecer una idea común y diferente de valores en las culturas comparadas. La generalidad caracteriza los valores fundamentales tanto del orden moral como utilitario. Las diferencias se relacionan con los matices de expresión, distribución y combinatoria de las normas.

FUENTES Y LITERATURA

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: (теория и методы) / В. В. Воробьев – М.: изд-во Росс. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Маслова В. А. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
3. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. под ред. и с предисл. (с. 5–22) д-ра филол. наук проф. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 656 с.
4. Escuela de Español en Valencia. URL: <https://espanoleschool.com/es/refranes-populares-espanoles/>
5. Komilov, N. Tasavvuf / N. Komilov. – Toshkent: Asian Book House, 1996. – 447 p.
6. Navoi, A. Mahbub ul qulub / A. Navoi. – Toshkent: Sano-standart, 2018. – 178 p.
7. Usmanova, Sh. Lingvokulturologiya. (darslik) / Sh. Usmanova – T.: Toshkent, 2019. – 245.

УДК 811.161.1

Эргонимы на русском языке в городском пространстве Маньчжурии

Синь Ж., Южный федеральный университет, магистрант, Россия.

Научный руководитель к.ф.н., доцент Савченкова И. Н.

Благодаря географическому положению, тесным международным, официальным, бытовым контактам, в приграничном городе Маньчжурия сформировалась уникальная языковая ситуация, в которой русский язык выступает как её существенная составляющая, несмотря на крайне малую долю русских в национальном составе местного населения. Важнейшей частью языковой ситуации Маньчжурии является китайский язык, выдвигающийся как государственный, сюда необходимо включить также территориальные диалекты. Кроме того, функционируют языки национальных меньшинств Китая, это языки маньчжуров, монголов, бурят, дауров, корейцев, орочонов, эвенков и т.д. Маньчжурия – это один из самых русскоговорящих городов в Китае, русский язык востребован во многих областях общественной жизни и активно функционирует в различных формах. Широкое применение русского языка в городе Маньчжурия связано с положительным развитием социальных, политических отношений между Китаем и Россией.

Для начала выясним, что скрывается под лингвистическим термином «эргоним»? Для определения понятия «эргоним» следует обратиться к истории его исследования. Впервые о нем заговорили в российском языкознании в конце XX-го века. В 1979 году выходит первое издание «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, где и был официально заявлен термин «эргоним». Так, по мнению ученого: «Эргоним – это собственное имя делового объединения людей: названия магазинов, гостиниц, ларьков, турагентств, страховых компаний, медицинских, учебных учреждений, государственных и частных организаций, союзов, корпораций, предприятий, обществ, заведений [Подольская, 1988, с. 201].

Эргоним является онимом. Оним (имя собственное) – (от греч. *опома* – имя, название) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект [Суперанская, 1973, с. 38].

Важно отметить, что китайские эргонимы на русском языке выполняют информирующие и рекламные функции. Они предназначены для того, чтобы привлечь покупателей к своим услугам или

товару. По сфере функционирования эргонимы города Маньчжурии можно подразделить на следующие виды:

- 1) Эргонимы из области образования (названия дошкольных, школьных, вузовских учреждений).
- 2) Эргонимы из области медицины (названия аптек, поликлиник, больниц, клиник и др.).
- 3) Эргонимы из области торговли (названия бутиков, магазинов, рынков и др.).
- 4) Эргонимы из сферы услуг (названия парикмахерских, салонов красоты, бань, саун, гостиниц, ресторанов и т.д.).

Из всего этого многообразия эргонимов чаще всего встречаются названия учреждений, связанных со сферой торговли и со сферой услуг. Это явление можно объяснить тем, что Маньчжурия главным образом является торговым и туристическим городом.

В связи с переходом на рыночную экономику в городе Маньчжурия возникло много частных и государственных организаций, предприятий. Многообразные городские объекты имеют индивидуальные собственные имена. Изучив вывески с названиями городских объектов, мы выявили, что для языкового облика г. Маньчжурия характерны следующие тенденции:

1. Предметная лексика. Это самая большая группа, которая содержит наименования предметов, вещей, продуктов питания, слова с обобщающим значением. Например: 百货文化用品 – *Канцтовары*, 食品商店 – *магазин «Продукты»*, 工具店 – *магазин «Инструменты»*, 电器商行 – *магазин «Электроаппаратура»*, 茶商店 – *магазин «Чайный»*, 瓷器专卖 – *Посуда*, 窗纱 窗帘 – *Шторы тюли*, 童装店 – *Детская одежда*, 卧室用品专卖 – *Постельное бельё*, 俄罗斯纪念品专卖 – *Русские сувениры*, 汽车用品商店 – *Светодиоды*, 服装批发商城 – *торговый центр «Одежда-оптом»*, 肉铺 магазин *Мясной*, 奶茶店 *Чай с молоком*, 鲜花店 *Цветы*, 潮流手表 – *Часы модные*, 汽车加热器 *Автомобильные обогреватели*, 办公用品专卖 – *Товары для офиса*, 清香鱼汤 *Ароматный рыбный суп*, 中国火锅 *Китайский самовар*, 灯光音响改装 *Ремонт фар*, 粗粮小镇 *Крупнозернистый городок*, 地毯商店 *Магазин ковров*, 牛仔夹克 *Джинсовая куртка*, 羽绒服专卖 *Костюмы пуховики*, 羊毛外套 *Дублёнки мутон*, 睡衣专卖 *Домашняя одежда*, 半袖卫衣 *Рубашка*, 头巾专卖 *Головные уборы*, 毛巾, 长衫专卖 *Полотенце. Халаты*, 电视器材 *Инструменты хозтовары TV*, 建材商贸中心 *Торговый центр стройматериалов*, 烤鱼馆 *ресторан «Рыбный на гриле»*, 俄罗斯烧烤 *ресторан «Русский шашлык»*, 卢布里西餐厅 *ресторан «Рубль»*, 珠宝商店 – *магазин Ювелирный*, 电脑笔记本专卖 *Компьютеры ноутбуки*.

2. Названия природных объектов (названия гор, рек, морей, растений, астрономических терминов): 秀山宾馆 – *отель «Красоты гор»*, 天鹅宾馆 – *гостиница «Лебедь»*, 美人鱼宾馆 – *гостиница «Русалочка»*, 野马汽车汽配行 *автосервис «Дикая лошадь»*, 金太阳手机卖场 – *рынок мобильных телефонов «Золотое Солнце»*, 阳光商店 – *магазин «Солнечный»*, 金太阳家纺 *магазин постельного белья «Солнце»*, 勇士户外运动装备 – *Приключения на открытом воздухе*, 金莲花饭店 *ресторан «Золотой Лотос»*, 高友蔬菜水果商店 – *Овощи-фрукты «Го Юй»*, 草原旅行社 – *Туристическая фирма «Степь»*, 草原饭店 *ресторан «Степи»*, 海浪服饰 *магазин одежды «Волны»*, 太平洋保险 *страховая компания «Тихий океан»*, 太阳保险 *страховая компания «Солнце»*, 蓝天幼儿园 *детский сад «Синее небо»*, 太阳幼儿园 *детский сад «Красное солнце»*.

3. Наблюдается большое количество личных имён владельцев и членов их семей: 小张蛋糕店 – *магазин тортов «Сяо Чжан»*, 圆梦宾馆 – *гостиница «Юань Мэн»*, 庆克隆超市 – *супермаркет «Цинке Лонг»*, 弘光照明 – *Светильники «Хун гуан»*, 雪亮眼镜 – *Оптика Сюе Лян*, 六六福珠宝大楼 – *Ювелирные изделия «Лю лю фу»*, 新华书店 *книжный магазин Синь Хуа*, 王大夫口腔诊所 *Стоматолог доктор Ван*, 李宁羽绒服 *пуховики Ли Нин*, 太子龙男装 *Мужская одежда Тай Цзы лун*, 明诚鞋店 *Обувной магазин Минчэн*, 通联农贸综合市场 *Торговый рынок Тун Лянь*, 富豪购物广场 *Торговый пассаж Фу Хао*, 小赵无烟烧烤 *Бездымное барбекю Сяо Чжао*, 大汉王府酒楼 *Ресторан Даан Вангфу*, 华美商务宾馆 – *коммерческая гостиница «Хуамэнь»*, 香格里拉宾馆 – *отель «Шангри-Ла»*, 湖西宾馆 – *гостиница «Ху Си»*, 富豪百货商场 *Универмартаг Фу Хао*, 味源碳烤羊腿 – *ресторан «Жаренная баранья нога на углях Вэйюань»*, 嘉丰福水饺连锁 *Сетьпельменных Цзя Фенфу*, 万达影院 *Кинотеатр «Ванда»*, 华美商务宾馆 – *коммерческая гостиница «ХНА МЭЙ»*, 义乌商品批发城 *Торговый оптовый город И У*, 大歌星卡拉 *супер-звезда ОК Калаоукэй*, 发达室内游泳馆 *закрытый плавательный бассейн «Фандань»*, 飞扬健身房 *гимнастический зал «Фэйиань»*, 沐卿汤泉 *Суп Мун Цзинь*.

Как известно, Маньчжурия самый русскоговорящий город в Китае, поэтому неудивительно, что в названиях различных организаций мы встречаем русские имена: 五月宾馆 – *гостиница «Мая»*, 安东箱包 – *Сумки Антон*, 萨沙玩具 – *магазин «Игры Саши»*, 妮娜床上用品 – *Нина бельё*, 玛丽娜皮包 – *Сумки Марина*, 安德烈数码 – *Техномир Андрей*, 丽莎眼镜店 – *Оптика Лиза*, 瓦夏不锈钢行李架 *Багажники из нержавеющей стали*, 瓦夏不锈钢行李架 *Алюминиевые листы бамперы Коля*, 丽莎电脑洗车 *Компьютерная мойка Лиза*, 丽莎汽车服务保养 *Магазин автозапчастей Лиза*, 安德烈钓鱼用具 *Андрей рыбалка*, 尤拉汽车配件

Автозапчасти Юра, 谢尔盖视频超市 – *продовольственный супермаркет «Сергей»*, 安德烈汽车美容 – *Автомойка Андрей*, 尤拉鲜花渔具 – *Аквариум и цветы Юра*, 维多利亚宾馆 – *отель «Виктория»*, 索尼娅宾馆 – *отель «Соня»*, 喀秋莎饭店 *ресторан «Катюша»*, 玛丽娜咖啡厅 *кафе «Мария»*, 尤拉汽车配件 – *Автозапчасти Юра*, 马克思酒吧 *бар «Макс»*, 米沙饭店 *ресторан «Миша»*, 萨沙药店 *аптека «Саша»*, 克里斯提娜药店 *аптека «Кристина»*, 马克思洗浴酒吧 *ресторан-клуб Максим (сауна-баня)*, 伊利亚电脑世界 *мир-компьютеров «Илья»*, 马克思洗浴中心 *Банный центр «Максим»*.

4. Названия-топонимы (названия стран, городов, регионов): 西伯利亚人宾馆 – *отель «Сибирячка»*, 满洲里宾馆 – *гостиница «Манчжурия»*, 威尼斯宾馆 – *отель «Венеция»*, 罗斯西餐厅 *ресторан «Русь»*, 北京烤鸭 *ресторан «Жареная утка по-пекински»*, 十里香农家菜 *Блюда для сельского дома Шилисян*, 中国银行 *Банк Китая*, 内蒙古银行 *Банк Внутренней Монголии*, 蒙古国商店 – *магазин «Монгольский»*, 中国移动营业厅 – *магазин «Китайский мобильный бизнес-зал»*, 新华保险 *страховая компания «Страхование нового Китая»*, 中国建设银行 *Строительный банк Китая*, 中国农村信用社 *Сельскохозяйственный банк Китая*, 满洲里国际大酒店 – *Маньчжурская международная гостиница*, 中国工商银 *Промышленно-коммерческий банк Китая*, 内蒙古大学满洲里学院 *Маньчжурский институт университета Внутренней Монголии*, 满洲里商贸综合体 *Маньчжурский торговый комплекс*, 满洲里博物馆 *Маньчжурский музей*, 满洲里第一医院 *Маньчжурская городская больница*, 满洲里第三中学 *Маньчжурская средняя школа*.

5. Лексика пространственной семантики. Например: 北方商务宾馆 – *коммерческий отель «Северный»*, 南区幼儿园 *детский сад «Южный»*, 南区医院 *Больница южных районов*, 老地方服装店 *магазин одежды «Старое место»*, 东方宾馆 – *отель «Ориентальный»*, 东方低价超市 – *супермаркет «Восточный дешёвый»*, 北方市场 – *рынок «Северный»*.

6. Временная лексика. Например: 春天冰激凌 *мороженое «Весна»*, 明日美容院 *косметический кабинет «Завтра»*, 新世纪社区医疗服务中心 *Общественный центр здравоохранения «Новый век»*, 世纪通讯 – *магазин «Век связи»*. Наименования этой группы не являются продуктивными.

7. Небольшую группу наименований занимает лексика с абстрактным значением. Наблюдается тенденция среди китайцев именовать с таким значением торговые заведения, которые специализируются на продаже спортивных и музыкальных продуктов. Например: 友谊超市 – *супермаркет «Дружба»*, 爱购超市 – *супермаркет «Любовь к покупке»*, 电器商行 *«Технорай»*, 幸福宾馆 – *гостиница «Счастье»*, 友谊宾馆 – *отель «Дружба»*, 凯旋宾馆 – *отель «Триумф»*, 俄罗斯艺术品商店 – *русский магазин «Художественный»*, 衣世界服装批发城 *Оптовый город «Мир одежды»*, 立刻健康药店 *аптека «Будь здоров»*, 平安保险 *страховая компания «Благополучие»*, 盲人按摩 *Слепой массаж*, 运动品专卖 – *Спорт*, 杂货商店 – *магазин «Рыбалка и отдых»*.

8. Иностранная лексика: Например, 鄂尔多斯羊毛衫 – *магазин свитеров «Erdos»*, 兄弟修车行 *Автосервис «Британ»*, 野马男装 *мужская одежда «Мустанг»*.

В редких случаях можно увидеть вывески, изложенные русскими и латинскими буквами, например, магазин «Enigma», салон «PODIUM». Также широко применяются слова на старомонгольской графике, кириллице и китайских иероглифах.

9. Маньчжурия приграничный с Россией и Монголией город, поэтому нередко встречаются названия, свидетельствующие о тесных контактах с этими странами: 俄蒙纪念品 – *Русско-монгольские сувениры*, 满洲里中蒙医院 *Китайско-монгольская больница Манчжурии*, 中俄互市旅游贸易区 *Китайско-российская взаимная торговая и туристическая зона*, 俄罗斯料理 *Русская кухня*, 套娃主题宾馆 – *тематический отель «Матрёшки»*, *Монгольский магазин*.

10. Часто можно встретить вывески без названий, указывающие на определённую отрасль, направление торговли, бизнеса: 国有药店 – *Госаптека*, 照相馆 – *Фотостудия*, 温暖停车场 – *Тёплая стоянка*, 棋牌室 *шахматно-картёжный клуб*, 中国邮政 *логистическая компания китайской почты*, 七号网吧 *Интернет-бар номер 7*, 游戏厅 *Площадка для игр*.

Эргонимы г. Маньчжурии использует следующие способы образования наименований:

1. Переход имени нарицательного в имя собственное без изменения формы. Например: 食品商店 – *магазин «Продукты»*, 工具店 – *магазин «Инструменты»*, 电器商行 – *магазин «Электроаппаратура»*, 茶商店 – *магазин «Чайный»*, 瓷器专卖 – *Посуда*, 窗纱 窗帘 – *Шторы тюли*, 童装店 – *Детская одежда*, 卧室用品专卖 – *Постельное бельё*, 俄罗斯纪念品专卖 – *Русские сувениры*, 汽车用品商店 *Светодиоды*, 肉铺 *магазин Мясной*, 鲜花店 *Цветы и др.*

2. Сложение (например, сложение усечённых основ), сложение с аналитическим прилагательными: «*Электромир*», «*Экспомебель*», «*Технорай*», «*Еврообувь*».

3. Составные наименования, в том числе: сочетание прилагательного и существительного: «Сытый папа», «Золотой лотос», «Русские сувениры», «Монгольские товары», «Старое место»; «Красное солнце», страховая компания «Тихий океан», «Синее небо».

4. Названия, образованные от имён существительных наиболее продуктивны. Например, 高友蔬菜水果商店 – Овощи-фрукты «Го Юй», 草原旅行社 – Туристическая фирма «Степь», 海浪服饰 магазин одежды «Волны», 太阳保险 страховая компания «Солнце» и др.

5. Названия, образованные от имён прилагательных менее продуктивны: «Художественный», «Национальный», «Монгольский», «Хороший», «Центральный».

6. Заимствования из английского языка составляют около 1 % в исследуемых названиях, в том числе: 鄂尔多斯羊毛衫 – магазин свитеров «Erdos», 兄弟修车行 Автосервис «Британ», 野马男装 мужская одежда «Мустанг».

7. В китайских вывесках на русском языке также наблюдаются сочетания таких элементов, как: *Объект + Адресат* = «Товары для мужчин», «Всё для Вас», «Обувь для Вас»; *Субъект + Объект* = «Мебель от производителя» и др. *Объект + География* = «Обувь из Европы», «Шторы из Харбина», «Парфюм из Франции», «Фурнитура со всей планеты»;

Рассмотрим языковые особенности эргонимов, находящихся в г. Маньчжурия. Следует отметить, что большое число представленных на вывесках текстов написано неправильно, с ошибками. Из многочисленных вывесок, собранных нами, правильными можно считать лишь в 60 % случаев. В китайских вывесках были выявлены *графические, орфографические, лексические, грамматические ошибки*. Большую часть ошибок можно отнести к неправильному использованию графики и орфографии русского языка.

Графические ошибки. Допускать ошибки в области графики – это значит не соблюдать имеющиеся правила написания слов. Рассмотрев китайские вывески на предмет графических ошибок, мы выяснили следующее:

1. Ошибочные комбинации букв:

- Использование в названиях ненужных, излишних букв. Например: *Фурукты и овощи, Сувенирны, Агентство* и т.д. Думаем, что создатели вывесок произносят в устной форме эти слова в таком же виде, что это и отразилось на письме.

- Пропуск некоторых букв: *Элекроприборы, Сотоые тепефоны, Водонагреватей, Ерамика* и т.д.;

- Перестановка букв: *Продажа обуив (обуви), Рестосран (ресторан), Морожеине (морожение); Зьдорове (здоровье)* и т.д.

- Неправильное использование букв (замена одной буквы на другую неправильно): *Злетроприборы* (з вместо э); *магазин* (э вместо з); *Конфемы, Госминца* (м вместо т); *Китаиская марка* (и вместо й) и т. д. Для китайцев небольшие внешние различия между буквами кажутся неважными. Так, они могут использовать вместо з букву э, вместо *т* букву *л*, вместо *и* букву *й*, вместо *п* букву *л*, вместо *ь* могут *ъ*, вместо *б* могут *д*, вместо *щ* могут *ш*.

2. Слитное написание нескольких слов: *Миродежы, Канцелярскитовары, Ювелирныеизделий* и др. Такие погрешности можно объяснить тем, что в китайском языке слоговая система письма, один слог – это может быть одно слово, при этом это слово на письме не отгораживается с другим слогами пробелами.

3. Нередко китайцы используют на вывесках слова прописными буквами, а не строчными: *Магазин Монгольских Товаров, Магазин По продаже* и др. Наблюдаются также вывески, в которых имена собственные используются с маленькой буквы. Данное явление можно объяснить тем, что в китайском письме отсутствуют заглавные знаки.

4. Неверно разделяют слова на части, например: *Монгольскиет овары, Магазин спортив ных изделий, Парик махерская* и др. Возможно, данная ошибка обусловлена тем, что на письме у китайцев принято отделять корень слова от суффикса.

5. Смешение букв разных алфавитов – кириллицы и латиницы: «Салон «КрасНвой одежды»». Такое написание можно объяснить схожестью их графического начертания.

Орфографические ошибки. В основном, такого рода ошибки связаны с правильным написанием гласных букв: «Конфеты оптом и разницу», «Распрадажа», «Пива 3 юань», «Пильмени». Иногда наблюдаются ошибки и в правописании согласных: «Стройная фикура» (к вместо г), «Извесная марка» (вместо известная), «Децкая одежда» (вместо детская), «Водка и сигалеты» (л вместо р); «Чифровая электроника», «Низкая чена» (ч вместо ц).

Лексические ошибки. Приведем примеры типичных лексических ошибок в текстах китайских вывесок на русском языке. Например, может наблюдаться неверное использование синонимов: «Новый век питья» (вместо напитков), «Жареное куриное бедро» (вместо окорок) и др. Могут неправильно использовать сочетание слов: «Ветеринарная больница» (вместо клиника), «Инженер пошивов» (вместо

мастер) и др. Могут использовать лишние слова в тексте: «Спортивный магазин спорта», «Оптом носки ритузы хорошие ритузы»; «Жареная шашлычная мясо» (лишнее: жареное мясо).

Морфологические ошибки – это ошибки в использовании на письме разных частей речи. Рассмотрим ошибки, связанные с применением чисел, падежей имён существительных: «Нижнее белья», «Магазин сумки», «Магазин часы», «ресторан у Валя» и др. Ошибки в использовании имён прилагательных: «Мороженный» (вместо мороженое), «Кондитерский» (вместо кондитерская) и др. Носители китайского языка могут применять глагольные формы вместо отглагольных имён существительных: «Стрисься» (вместо *стрижка*) и др. Могут неправильно использовать части речи: «массаж салон» (вместо *массажный салон*), «монголиятовар» (вместо *монгольский товар*). Также могут допустить ошибки, при использовании русских предлогов: «Клуб по интернету» и др.

Синтаксические ошибки могут быть связаны с неверным сочетанием порядка слов, с ошибками в построении словосочетаний и предложений.

1. Ошибки при построении словосочетаний. Например, ошибка в роде: «Русская магазин» (вместо русский магазин); ошибка в числе: «Канцелярские подарок ювелирных изделий»; неправильный выбор слова: «Магазин цветов и подарки».

2. Нарушение порядка слов: «Чай магазин», «Василий часы», «Красоты салон», «Друзья ресторан» и др.

Стилистические ошибки связаны с применением лексем, морфологических, синтаксических форм и конструкций без учёта их эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистической окраски: «Центр по очищению лица от прыщей», «Чай ширпотреб» и др.

Таким образом, анализ эргонимов на уличных вывесках показал, что чаще всего употребляется в них предметная лексика, затем применяются названия с именами различных исторических лиц. Лексика, указывающая на природу, нередко используется в названиях киосков, магазинов, незначительно применение в вывесках лексики с абстрактным значением. Из всего этого многообразия эргонимов чаще всего встречаются названия учреждений, связанных со сферой торговли и со сферой услуг. Это явление можно объяснить тем, что Маньчжурия главным образом является торговым и туристическим городом.

Специфичной языковой особенностью эргонимов является наличие большого количества графических, орфографических, лексических, грамматических и стилистических ошибок. В большинстве случаев эти ошибки связаны с отличительными особенностями этих двух совершенно различных языков. Важнейшей же причиной является низкий уровень владения русским языком у составителей уличных вывесок. Большинство из них не изучали русский язык в образовательных учреждениях, выучили язык самостоятельно для коммерческих целей и являются носителями разговорного русского языка. Многие из них говорят на русском языке, однако не владеют грамматикой, не умеют читать и писать.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; Отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Институт языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
2. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва: Наука, 1973. – 366 с.

УДК 811.161.1

Функционирование заимствований в аниме-сленге

Скобелкин Д. Ю., Государственный институт русского языка А. С. Пушкина,
магистрант, Россия

Научный руководитель: д.пед.н., профессор Азимов Э. Г., Россия

Поскольку тема данной статьи имеет отношение как к японскому языку, так и к социолингвистике, будет не лишним упомянуть величайшего лингвиста, востоковеда и филолога XX в. Евгения Дмитриевича Поливанова. Среди его свершений можно указать изучение особенностей японского языка, создание японско-русской практической транскрипции (системы Поливанова) и разработка письменности для языков СССР. Кроме того, Евгений Дмитриевич занимался вопросами обучения русскому языку представителей народов СССР, не владеющих им и одним из первых осмелился языкознание под новым углом – социолингвистическим. «Для того, чтобы эта наука была адекватна своему объекту изучения, она должна быть наукой социологической» [Поливанов, 1968, с. 182].

В XXI в. молодёжной среде распространяются различные субкультуры. С течением времени популярность определённых субкультур может возрастать и угасать [Абросимов, 2021, с. 49]. Однако такие субкультуры, как геймеры и анимешники (поклонники японской анимации) остаются популярными

по сей день. Для анимешников характерны своеобразные вкусы и увлечения, как любой уважающей себя субкультуре им свойственны черты поведения, выделяющие их из «серой массы», и, конечно же, жаргон, изобилующий японскими заимствованиями.

Заимствованные слова (они же – иноязычные слова) – это слова, пришедшие в определенный язык из других языков. Заимствования характерны для многих современных языков. Они могут адаптироваться и принимать черты, характерные для исконной лексики. Данный процесс называется ассимиляцией [Саженина, 2013, с. 225].

Понятие сленга в лингвистике размыто и сближено с понятиями «арго» и «жаргон». В целом под этим словом можно понимать лексику, отличную от нормативного литературного пласта и используемую определенной социальной группой [Смирнов, Гордеева, 2012, с. 54]. На сегодняшний день существует недостаточно исследований, посвящённых изучению жаргона молодёжных субкультур.

В данном исследовании задействован метод прямой выборки. Цель исследования – сделать краткий обзор заимствований в аниме-сленге и выявить особенности их употребления. В качестве источника языкового материала послужили сайт Animevost.tv, группа VK «AnimeVost - аниме стабильно и без задержек».

Заимствования в аниме-сленге можно разделить на несколько групп. Первая группа – **названия жанров аниме**.

Мэха – (от яп. メカ [mecha] через англ. mechanism) – жанр аниме, основу которого составляют сражения роботов, человекоподобных боевых машин и экзоскелетов.

Махо-сёдзё (от яп. [mahou-shoujō] – волшебная девушка или девушка-волшебница) – жанр аниме, главные герои которых – девушки, наделенные магическими способностями.

Сёдзё (от яп. [shōjō] – девочка, девушка) – аниме, ориентированное на аудиторию девушек до 18-ти лет. Особый упор в сюжете делается на романтические отношения, а также на процесс становления девушки как личности.

Сёдзё-ай (от яп. [shōjō ai] – любовь девушек) – жанр аниме, в котором затрагивается тема гомосексуальных отношений между женщинами.

Сёнэн (сёнен) (от яп. [shōnen] – мальчик, юноша) – аниме, ориентированное на юношей до 18-ти лет. Обладает динамичным сюжетом и отличается темами мужской дружбы, товарищества, соперничества.

Сёнен-ай (от яп. [shōnen ai] – любовь парней) – жанр аниме, в котором на передний план выходят гомосексуальные отношения между юношами.

Этти (яп. [ecchi] – название английской буквы Н (первая буква в слове “Hentai”) – аниме с элементами эротики.

Хентай (от яп. [hentai] – странность или извращение) – аниме порнографического характера.

Повседневность (калька с японского [nichijō]) – жанр, повествующий о жизни простых обывателей. Nichijō – название аниме-сериала, который является типичным представителем жанра.

Исекай (от яп. [isekai] – другой мир) – аниме, в котором действие происходит в другом мире. Главный герой – как правило аутсайдер, умирает в реальном мире и попадает в мир иной, где становится полной противоположностью себя в прошлой жизни [Говорун, 2019].

Гарем (от яп. ハーレム [haaremu]) – жанр аниме, в котором мужской персонаж оказывается в окружении женских персонажей.

Следующий пласт заимствований относится к **типажам персонажей в аниме**.

Цундере – происходит слово от цунцун (ツンツン, [tsuntsun]), что означает – отвращение, и *дередере* (デレデレ, [dederere]) – влюблённость – персонаж, агрессивный и неприятный в начале, но раскрывающий свои добрые черты в процессе развития отношений с другим персонажем.

«Вроде бы, это парень цундере, но в этой серии именно он постоянно смущает девушку. Ну и нельзя не умилиться поведению зверушек :з».

Кудере – холоднокровные, замкнутые персонажи. Происходит от англ. cool + яп. デレデレ.

«Дай угадаю. Гарем из цундере, яндере, кудере и нифмоманки? Где я это видел? Ааа! Везде».

Яндере (ヤンデレ, [yandere] – сокращение от [yanderu dederere] (病んでるデレデレ), "яндеру" (病んでる) означает "больной"). Персонаж добрый, но сумасшедший. Если подобный персонаж влюбляется, то сделает всё возможное, чтобы стать ближе к объекту любви и даже готов применить насилие в отношении соперников.

Генки (元気, [genki]) – веселые, оптимистичные персонажи.

Стоит отметить, что слова данной категории реже других используются в речи анимешников. Это может быть связано с тем, что типаж персонажей не всегда очевиден.

Последняя, но немаловажная категория заимствований – **кинематографические термины и элементы аниме**.

Фансервис – (от англ. fan service – служба (угождение) фанатам) – включение в картину визуальных элементов, которые не являются сюжетообразующими, но служат для привлечения определенной категории зрителей. Например, использование панцу для привлечения мужской аудитории.

«Фансервис

Кровь

Тупорылый гг с которым можно легко себя ассоциировать не осознавая этого до конца

Пару неплохих второстепенных сюжетных линий (особенно с тем челом к которому приставили дендзи и пауэр)

Это все что нужно

По сути сюжет невероятно посредственный

И противоречит сам себе постоянно

Противоречит логике мира

И так далее

аниме смотря которое отключаешь мозг и кайфуешь от визуала»

«Там дофига фансервиса разных видов. Сегодня это все, что надо людям».

Панцу (パンツ [pantsu], от англ. pants) – японское слово, обозначающее нижнее бельё. В аниме жанров хентай и этти – постоянное мелькание женского белья на экране.

«За всё ониме так ниразу панцу и не показали».

Опенинг (от англ. opening) – вступительная заставка аниме-сериала, сопровождающаяся хорошим музыкальным произведением, а также само это произведение.

«Салли, опенинг от очень хорошей группы Franz Ferdinand, которые как ни странно с аниме вообще не связаны, а тем более с триггерами».

Флэшбэк (от англ. flashback) – художественный приём, при котором повествование ненадолго прерывается для показа предшествующих событий.

«После флэшбека с картиной, я думал сейчас растянут гармонь ещё на десяток серий, а нет, флэшбек быстро закончился. Не уж то исправились?»

Спойлер (от англ. to spoil – портить) – преждевременно раскрытая важная информация о сюжете литературного, кинематографического произведения, компьютерной игры и т. п., которая разрушает их интригу и портит впечатление.

«Фигню он сказал. Писать для самого себя та ещё скука. Как жить в одной комнате с человеком, который все знает и обожает спойлерить».

«За спойлеры бан».

«Ребята, кто смотрит и не читал мангу, не читайте комменты к аниме на сайте, а то там всякие чудачки спойлерят. Хоть бы удаляли комменты со спойлерами».

Прочие сленгизмы.

Онгоинг (от англ. ongoing, going on – продолжающийся) – аниме или манга, серии или главы которых продолжают выходить по сей день.

ВН, вн, внка и т.д. (от англ. VN, visual novel) – визуальный роман.

Для японизмов в русском языке характерны следующие виды ассимиляции: фонетико-графическая ассимиляция (аниме вместо нормативного анимэ по системе Поливанова), семантическая адаптация (например, японское слово ня (にや, [nya]), изначально обозначавшее звукоподражание кошачьему мяуканью, в русском языке стало выступать в качестве звука умиления), и грамматическая ассимиляция (например, няшный в значении «милый, симпатичный») [Габдуллина, 2012, с. 13].

Кроме японизмов в аниме-сленге встречаются также англицизмы, представляющие собой общие кинематографические термины и элементы картины в аниме. В целом лексика сленга поклонников данного творчества эндемична. Фонетическая ассимиляция выражена меньше, чем графическая (во многих примерах можно наблюдать передачу японского [e] русской буквой «е» вместо «э», предусмотренной системой Поливанова).

В заключение стоит отметить, что данным исследованием проблемное поле не исчерпывается. Будучи специфической социальной группой, анимешники обладают набором специфических паттернов поведения и личностных качеств, что отражено в некоторых исследованиях [Лебедева, 2011, с. 27]. Это

делает их интересными не только с точки зрения социолингвистики, но также с точки зрения психологии и педагогики, в том числе лингводидактики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимов, В. В. Punk not dead? : ретроспективный анализ субкультур в России / В. В. Абросимов. // Политика и общество. – 2021. – № 3. – С. 48–54.
2. Викисловарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/> (дата обращения: 01.12.2022).
3. Габдуллина, А. Х. Лексические заимствования из японского языка в русский: когнитивно-прагматические особенности и процесс ассимиляции / А. Х. Габдуллина. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 2 (256). – С. 12–16.
Лебедева, И. Ю. Проблема социального одиночества и аномии у представителей неформальных молодежных сообществ (на примере аниме-субкультуры) / И. Ю. Лебедева. // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2011. – № 6. – С. 27–29.
4. Отаку Вики. – URL: <https://otaku.fandom.com/ru> (дата обращения: 01.12.2022).
5. Петриченко, Т. А. Использование англоязычного молодежного сленга среди подростков / Т. А. Петриченко // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2021. – № 13. – С. 103–106.
6. Поливанов, Е. Д. Круг очередных проблем современной лингвистики / Е. Д. Поливанов // Статьи по общему языкознанию. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1968. – С. 178–186.
7. Саженина Я. Х. Адаптация заимствованного слова к системе языка-реципиента (на примере заимствований из итальянского языка) / Я. Х. Саженина // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 224–229.
8. Смирнов, О. К. Сленг в интернет-изданиях. Проблема идентификации сленга / О. К. Смирнов, И. А. Гордеева // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2012. – № № 4. – С. 53–58.
9. Типы персонажей в аниме. Улановка.ру. – URL: <https://ulanovka.ru/topic/50854-%D1%82%D0%B8%D0%BF%D1%8B-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%B9-%D0%B2-%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B5/> (дата обращения: 01.12.2022).
10. Что такое Исекай: самые яркие аниме-попаданцы / Константин Говорун. – URL: <https://www.mirf.ru/serial/isekaj-anime-popadancy/> (дата обращение: 01.12.2022).
11. Japandict. – URL: japandict.com (дата обращения: 01.12.2022).

УДК 372.881.161.1

Особенности преподавания морфологии русского языка арабоязычным студентам

Сукария Н. Г., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Кудрявцева М. И., Россия

В процессе обучения русскому языку в качестве иностранного особое внимание следует уделить морфологическому уровню, поскольку данный аспект играет существенную роль в освоении языковых единиц и способствует пониманию значения слов и распознаванию отношений между ними. Грамматический аспект также имеет важное значение при обучении арабской аудитории русскому языку.

Грамматическая категория рода является первым и главным морфологическим признаком русских существительных, так как она влияет на смысловое значение и форму слов, согласующихся с именами существительными, а именно: прилагательных, причастий, указательных местоимений и некоторых других местоимений в единственном числе, а также глаголов в форме прошедшего времени и кратких прилагательных.

Категория рода присуща как русскому, так и арабскому языкам. В обоих языках все существительные относятся к определенному роду. Более того, русский и арабский языки являются флективными языками, в которых род слова выражается либо окончанием (в русском языке), либо суффиксом (в арабском языке) [Ковалев, 2004].

Однако арабские учащиеся сталкиваются с трудностями, связанными с определением рода в русском языке, так как русская система рода обладает большей сложностью:

1. В отличие от арабского языка, где существуют только два рода (мужской и женский), русский язык включает также и ряд морфологических форм среднего рода, что может вызвать затруднения для арабоязычных учащихся [Специфика преподавания, 2019, с. 75]. В арабском языке слова среднего рода будут относиться либо к женскому, либо к мужскому роду.

Таблица 1. Примеры выражения среднего рода в русском и арабском:

Русский вариант	Арабский перевод	Транскрипция
Масло	زَيْت	Зайт (м.)
Мясо	لَحْم	Лахм (м.)
Яблоко	تَفَاحَة	Туффаха (ж.)

2. В русском языке окончание, выражающее род существительного, изменяется в зависимости от падежа, в то время как в арабском языке род в единственном числе определяется с помощью неизменяемых суффиксов. Это усложняет определение рода неизвестных русских существительных при первом знакомстве с ними в контексте.

Цель данного исследования заключается в предложении стратегии введения темы категории рода на уроках русского языка как иностранного для арабоязычных учащихся на основе сравнительного анализа данного явления в обоих языках и последующего построения на его основе системы уроков, с целью оптимизации учебного процесса.

В рамках работы акцентируется внимание на некоторых сходных моментах в выражении категории рода существительного в русском и арабском языках. В частности, обращается внимание на следующие моменты.

1. Морфологический способ выражения мужского рода:

В обоих языках мужской род существительных в основном выражается с помощью нулевой флексии в словах, основа которых оканчивается на твердый согласный.

Таблица 2. Примеры выражения мужского рода в русском и арабском:

Русский язык	Арабский язык	Транскрипция
Дом	بَيْت	Байт
Стакан	كُوب	Кууб
Хлеб	خُبْز	Хубз

Также все названия месяцев как в арабском, так и в русском языке принадлежат к мужскому роду. Однако в арабском языке слово *месяц* "شهر" (шахр) – мужского рода, и соответственно все названия месяцев относятся к мужскому роду. Они все заканчиваются на согласную, а в русском языке слова, обозначающие месяцы, имеют нулевую флексию, но их основа может оканчиваться и на твердый, и на мягкий согласный, графически обозначаемый мягким знаком «-ь».

2. Морфологический способ выражения женского рода:

Морфологическим показателем женского рода русских слов в основном является окончание «-а» или «-я», в то время как в арабском языке женский род, как правило, выражается с помощью суффикса «-ة» (-ат), который чаще всего читается как [а]. Таким образом, в обоих языках в конце существительного женского рода произносится звук [а] [Аль-Газо, 2018, с. 4].

Таблица 3. Примеры выражения женского рода в русском и арабском:

Русский язык	Арабский язык	Транскрипция
Сумка	حَقِيْبَة	Хакииба
Корзина	سَلَّة	Салла
Машина	سَيَّارَة	Саййаара

Кроме того, в обоих языках проявляется выражение рода и через специфические окончания и суффиксы, отличные от основных [Аль-Газо, 2018, с. 4]. В арабском языке присутствуют существительные, которые обозначают женский род, но завершаются нулевым окончанием.

Таблица 4. Примеры выражения женского рода нулевым окончанием в арабском:

Русский вариант	Арабский перевод	Транскрипция
Мать	أُمّ	Умм
Дочь	بِنْت	бинт

В данной работе предлагается построить материал на основе тематических групп слов из лексического минимума начального уровня А1 [Андрюшина, 2015], поскольку грамматическая тема рода является одной из самых первых тем, которые затрагиваются в курсе русского языка как иностранного. В работе предлагается использовать стратегию концептуализации, которая позволяет учащемуся не только получать информацию, но и понимать логику языка.

Первоначально в материале представляются примеры имен существительных мужского и женского рода в единственном числе, морфологическое выражение рода которых является наиболее последовательным и однозначным: нулевое окончание для мужского рода и флексии «-а/ -я» для женского

рода). Работа с таким материалом происходит по стратегии концептуализации: наблюдения и идентификации, выдвижение гипотезы учащимися, проверка и исправление преподавателем, приобретение навыков посредством практики и упражнений. Таким образом формируется механизм положительного переноса на основе базовых знаний родного языка.

Далее с использованием той же стратегии вводится понятие среднего рода. Обучаемый в этом случае не получает информацию, а формулирует ее самостоятельно. И, следовательно, процесс приобретения новых знаний более эффективен. Концептуализация помогает учащемуся не только получать информацию, но и понимать логику языка [Bourdet, 2018, с. 4]. Такие упражнения развивают логические и лингвистические навыки, особенно это важно в связи с тем, что значительное количество арабоязычных учащихся может не иметь большого предыдущего опыта изучения иностранных языков.

Такой способ построения учебных материалов, предназначенных для обучения базовым языковым явлениям, таким как род, может быть использован для построения полных прогрессивных уроков, начиная от самого простого и заканчивая самым сложным в соответствии с языковым уровнем от А1 до В1, так как данная тема должна быть рассмотрена на каждом из этих уровней.

Стратегия концептуализации находится в рамках устойчивого образования, обучения на протяжении всей жизни, активного обучения и развития навыков обучения. Устойчивое изучение морфологических категорий, таких как род, помогает закрыть языковые пробелы и улучшить общее владение языком. Таким образом, обучение морфологии является важной частью обучения РКИ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Bourdet, J. F., & Fouillet, R. (2018). La notion de conceptualisation en didactique des langues. *Recherches en didactique des langues et des cultures. Les cahiers de l'Acedle*, 15 – 15 с.

2. Fumero, K., & Tibi, S. (2020). The importance of morphological awareness in bilingual language and literacy skills: Clinical implications for speech-language pathologists. *Language, Speech, and Hearing Services in Schools*, 51(3), 572–588.

3. Аль-Газо, Н. В. Особенности выражения категории рода в русском и арабском языках / Н. В. Аль-Газо, Е. В. Пидченко // Методологія та практика підготовки іноземних студентів : матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, присвяченої 210-й річниці ХНМУ та 50-річчю кафедри мовної підготовки іноземних громадян, Харків, 23 квітня 2014 р. / ХНМУ. – Харків, 2014. – С. 8–10.

4. Андриюшина, Н. П. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н. П. Андриюшина, Т. В. Козлова (электронное издание). – 5-е изд. – СПб. : Златоуст, 2015. – 80 с.

5. Гилемшина, А. Г. Опыт преподавания русского языка в арабоязычной аудитории: трудности, с которыми сталкиваются учащиеся / А. Г. Гилемшина, А. Г. Евдокимова, В. Т. Балтаева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 257. – EDN UZJBPT.

6. Ковалев, А. А., Шарбатов, Г. Ш. Учебник арабского языка. – М.: Восточная литература, 2004.

7. Специфика преподавания русского языка в арабоязычной аудитории: трудности, с которыми сталкиваются студенты. (2019). – URL: <https://workspay.ru/work/30823/#intro> (дата обращения: 28.11.2022).

УДК 811.111

Эмоциональная концептосфера в повести Э. Хемингуэя «Старик и море»

Сухарева И. А., Забайкальский государственный университет, магистрант, Россия.

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Воронченко Т. В., Россия.

Вопросами изучения эмоций, отраженных в языковой картине мира, занимается новая дисциплина – лингвистика эмоций (эмотиология) и новое, развивающееся в ней направление лингвистического анализа – «концептология эмоций» [Шаховский, 2010, с.35], в компетенцию которой входит выявление специфики эмоциональных концептосфер и их объективации в языковом сознании. В соответствии с определением Н. А. Красавского [Красавский, 2001, с. 60], эмоциональный концепт понимается нами как сложное структурированное когнитивно-ментальное образование, имеющее языковое выражение, отражающее этнокультурную специфику и личный опыт человека, а также характеризующееся образностью и ценностной значимостью.

Языковые единицы, вербализующие эмоцию, являются языковым отражением концепта. Концепт традиционно понимают с двух основных позиций: лингвокультурологической и лингвокогнитивной, которые не противоречат друг другу, являются взаимодополняющими.

Рассмотрим эмоциональную концептосферу повести Э. Хемингуэя «Старик и море» и проанализируем влияние различных эмоциональных концептов на сюжет и образы данного произведения.

Эрнест Хемингуэй – один из самых известных и влиятельных писателей XX века, который создал свой неповторимый стиль, основанный на точной и ясной прозе, богатой эмоциональными оттенками. Основной темой творчества Хемингуэя в течение всей его жизни оставалась тема трагичности судьбы рядового американца. Эмоциональная концептосфера, которую Хемингуэй создавал в своих произведениях, играла ключевую роль в формировании его стиля и помогала ему передать сложные чувства и настроения своих героев.

В художественной концептосфере Хемингуэя эмоции соотносятся с такими понятийными сферами, которые лежат в основе образных признаков эмоциональной концептосферы: «локализация и ориентация эмоций» (пространственные метафоры), «человек и его действия» (антропоморфные метафоры), «животный мир» (зооморфные метафоры), «неживая природа» (природоморфные метафоры), «архетип воды» (метафоры субстанции), «ощущения человека» (метафоры восприятия) [Бабенко, 1986, с. 12].

В анализируемом произведении основным эмоциональным концептом является упорство. Упорство – это производная эмоция, которая берет свое начало от базовых, таких как удовлетворение, гнев. Упорство – это личностное качество, позволяющее добиваться поставленных целей, преодолевая многочисленные препятствия и преграды на пути. Данное качество помогает человеку противостоять различным жизненным неудачам, продолжать двигаться в намеченном направлении вплоть до воплощения задуманного в жизнь. Однако перед тем, как наступит упорство, идет процесс разочарования. В повести Хемингуэя старик Сантьяго разочаровывается в том, что вот уже в течение 84 дней ему не везёт с уловом, вследствие чего родители мальчика, который учился у него рыбной ловле, определяют сына к другому рыбаку и герой становится одиноким. Старик стремится вернуть себе статус хорошего рыбака и доказать всем, что он может победить обстоятельства.

С целью выявления смыслового наполнения концепта «упорство» рассмотрим семантические особенности функционирования ключевой лексики-репрезентанта данного концепта в объектных отношениях. Описывая состояние старика во время пребывания в море, автор использует однокоренные слова: упирался, упёршись, – которые указывают на физическое сопротивление героя, он чувствует боль в теле, онемение руки, давление лески, и всё это перерастает в сопротивление духовное, в стремление доказать себе и другим, что он может. Сантьяго борется с рыбой, которая несёт его вместе с лодкой всё дальше и дальше в море. Он не отпускает леску в течение трёх суток, преодолевая боль, не сдаётся в своей борьбе с рыбой.

Эмотивность лингвистических категорий в повести «Старик и море» реализуется на уровне многократного использования эмоционально нагруженных лексем «снова», «опять», «беспрестанно», «по-прежнему», «всё так же», раскрывающих благодаря контексту употребления эмоциональный концепт «упорство»: герой проходит через испытания на протяжении длительного времени и проявляет стойкость характера. Старик побеждает рыбу, но, уже будучи обладателем богатого улова, вынужден пережить новое разочарование – появление акул, охотящихся на добычу героя. Эта эмоция передается через описания его печальных мыслей и состояния: «Ему больше не хотелось смотреть на рыбу теперь, когда ее так изуродовали. Когда акула кинулась на рыбу, ему показалось, что она кинулась на него самого», «Мне не следовало уходить так далеко в море, – сказал он. – Мне очень жаль, рыба, что все так плохо получилось. И для тебя, и для меня!» «Хотел бы я, чтобы все было сном, и я не ловил этой рыбы. Мне жалко, рыба, что так нехорошо получилось» [Хемингуэй, 1983, с.39]. Минутная слабость сменяется приливом новых сил: «Но я буду сражаться с ними, покуда у меня есть весла, дубинка и румпель». «Он снова окунул руки в соленую воду». «Подойди еще разок!», «И ударил снова по тому же самому месту», «В голове у старика теперь совсем прояснилось, и он был полон решимости» [Хемингуэй, 1983, с.41].

Для того чтобы ярко и глубоко передать всю сложную гамму мироощущений старика Э. Хемингуэй использует многочисленные лексические средства, раскрывающие эмоциональные концепты «разочарование» и «упорство» и, следовательно, аксиологически характеризующие поведение героя. Лексемы «снова», «ещё», «опять» выступают номинантами эмоций настойчивости персонажа. Использование их автором служит действенным средством художественного изображения эмоций персонажей, а значит, и их психологического портретирования.

Нельзя не заметить, что в повести «Старик и море» функционируют эмоциональные концепты, связанные с концептосферами моря и рыбной ловли: море выступает в качестве каузатора и / или объекта разного спектра положительных эмоций. «Рыба, я тебя очень люблю и уважаю, – говорит ей старик. – Но я убью тебя прежде, чем настанет вечер», «Рыба – она тоже мне друг», «он питал нежную привязанность к летучим рыбам», «птиц он жалел», «*la mar*, как зовут его (море) по-испански люди, которые его любят», «он любил зеленых черепах, не испытывал к черепахам суеверного страха», «он был счастлив, ощущая, как рыба потихоньку дергает леску».

Так в эмоциональной концептосфере произведения проявляется ещё один важный концепт – любовь. Это базовая универсальная эмоция, фундамент человеческой культуры, основное свойство человека. Любовь постоянно присутствует в жизни – от рождения до ухода. Сантьяго любит море и рыбалку, это его жизнь и страсть. Он проявляет любовь к своей лодке и своему улову, которые становятся для него символом его настойчивости и героизма, к своему другу мальчику Маниолю.

К концепту «любовь» относятся следующие лексемы: счастье, согласие, мир, гармония, взаимопонимание, привязанность, сочувствие, сердечность. Тема любви не является главной в данном произведении, но исследование способов текстовой репрезентации концепта «любовь» позволяет раскрыть индивидуально-авторские представления, стоящие за ними, приблизиться к истокам индивидуального опыта, достичь его более глубокого, близкого авторскому пониманию, и, следовательно, адекватно его воспринимать и интерпретировать.

Герою Хемингуэя жизнь дана как будто для того, чтобы ощутить её очарование, всю подспудную красоту мира. «Он питал нежную привязанность к летучим рыбам – они были его лучшими друзьями здесь, в океане. Птиц он жалел, особенно маленьких и хрупких морских ласточек», «La mar, как зовут его (океан) по-испански люди, которые его любят,» – рассуждает старик. «Он любил зеленых черепах». «Он был счастлив, ощущая, как рыба потихоньку дергает леску».

Выделим основные способы языковой репрезентации эмоционального концепта любовь в повести Э. Хемингуэя «Старик и море»: 1) с помощью слов, номинирующих данную эмоцию («любил», «жалел», «привязанность», «нежно»); 2) с помощью слов, описывающих невербальное проявление эмоций («Старик поглядел на него воспаленными от солнца, доверчивыми и любящими глазами», «Он легонько ухватил его за ногу») 3) с помощью эмотивных языковых средств («Жаль, что со мной нет мальчика», «Эх, был бы со мной мальчик!»).

В построении и наполнении концепта ЛЮБОВЬ прослеживается нравственное начало в образе старика. Автор ставит перед читателем вопросы, затрагивающие фундаментальные принципы бытия, заставляя задуматься над смыслом жизни и вечными ценностями. Используя данный концепт, Э. Хемингуэй реализует свои основополагающие художественно-эстетические принципы. Концепт ЛЮБОВЬ передает вечные духовные, нравственные ориентиры: любовь как длительное и сильное чувство привязанности старика к морю, всему живому, к мальчику, к Вселенной, к жизни в целом. Любовь рассматривается автором как философская категория.

Таким образом, в результате анализа были выявлены индивидуально-авторские особенности реализации эмоциональной концептосферы: в повести Э. Хемингуэя «Старик и море» наибольшей степенью языковой объективации обладают эмоциональные зоны упорство и любовь. Но это далеко не все эмоции, нашедшие выражение в художественном пространстве анализируемого произведения. Читатель может увидеть в нём широкую гамму эмоций, которые являются ключевыми компонентами сюжета и образов героев. Кроме того, эмоциональная концептосфера произведения позволяет судить об особенностях художественного стиля Э. Хемингуэя, личность которого является организующим центром произведения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 1989. – 259 с.
2. Волкова, А. Е. Проблема выражения эмоций в языке и художественных текстах / А. Е. Волкова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 16 (358). – С. 129–131. – URL: <https://moluch.ru/archive/358/80075/> (дата обращения: 04.04.2023).
3. Додонов, Б. И. Эмоция как ценность. М., Политизд, 1978. – 272 с.
4. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. Волгоград: Перемена, 2001. – 493 с.
5. Маслова, В. А. Параметры экспрессивности текста / Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 179–205.
6. Погосова, К. О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: дис..канд. филол. наук. Владикавказ. 2007. – 196 с.
7. Хемингуэй, Эрнест. Старик и море : Повесть, рассказы и очерки. [Пер. с англ.] / Эрнест Хемингуэй; [Вступ. ст. В. А. Кухаренко. – Одесса : Маяк, 1983. – 240 с. : ил.; 20 см. – (Шк. б-ка.); ISBN В пер. (В пер.).
8. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
9. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М: Гнозис, 2008. – 416 с.

10. Шаховский, В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/ URSS, 2010. – 128 с.08. – 120 с.
УДК 821.512.36

**Оппозиция «природа-цивилизация» в романе монгольского писателя из КНР
Баоэрджи Юанье «Приключения в дремучей тайге уссурийского края»**

Тимофеева А. Д., Забайкальский государственный университет, магистрант, Россия
Научный руководитель: д.ф.н., профессор Воронченко Т. В., Россия

Монгольский писатель Баоэрджи Юанье родился в 1958 году, в Хух-Хото, Внутренняя Монголия, КНР. В настоящее время проживает в Шэньяне, является членом ассоциации писателей Китая и заместителем председателя ассоциации писателей провинции Ляонин [Баоэрджи, URL]. Кроме того, Баоэрджи Юанье является лауреатом многих премий, в том числе премии союза писателей журнала «Вэньхуэй бао», Седьмой Литературной премии Лу Синя.

Вопросы взаимодействия народов, культур всегда представляли для Баоэрджи Юанье особый интерес. Как отмечает писатель, это объясняется геном, который он унаследовал от своих предков, вынужденных постоянно кочевать [Притча о диком лесе, URL]. Кроме того, сам Баоэрджи Юанье в годы своей репортерской деятельности достаточно часто путешествовал по миру, в том числе и по России. Так, например, появилась книга «Тувинская земля», где в форме путевых заметок писатель повествует об опыте культурного взаимодействия с тувинцами [Баоэрджи, 2023].

Для многих коренных народов Китая очень актуальным является вопрос взаимодействия с цивилизацией. В своих произведениях они изображают её как нечто чужеродное, враждебное, отягощающее. Например, в произведении писателя орочона Ао Чанфу (кит. 敖长福) «Охотничий нож» (кит. 《猎刀》), охотник по имени Шелеменген является примером отчаявшегося орочона, вынужденного подстроиться под новые реалии цивилизации. Метафора «в лесу так жарко и влажно, что солнечному свету не пробиться» характеризует состояние и растерянность первого поколения орочонов, вынужденных выйти из леса, где они вели оседлый образ жизни [Память, письменность и наследие эколого-эстетической культуры орочонов, URL].

В романе «Путешествия в дремучей тайге уссурийского края» также можно найти эпизоды, раскрывающие сущность оппозиции «природа-цивилизация». Главными героями произведения являются мальчики китайско-русского происхождения Гоубао и Менде, которые отправились в путешествие по тайге уссурийского края. Решиться на этот шаг было непросто, однако героям так надоел их привычный уклад жизни, школа, рутина, жизнь в степных краях, что, встретив мальчика орочона Намуку, они почти не раздумывая решили исследовать новый мир. Встреча с Намукой раскрывает отношение приверженца природы к цивилизации. Так как мальчик живет в своем домике в лесу, он хорошо знает законы природы и психологию животных. Он отмечает, звери ненавидят людей, так как те столетиями охотились на них, стреляли, ставили ловушки: «Эти воспоминания глубоко укоренились в генах животных, и они мстят. Большую часть времени они прячутся от людей. Животные боятся людей так же, как и демонов» [Баоэрджи, 2023, с. 11]. В данном случае, цивилизация, в частности люди и их изобретения, воспринимаются как вызывающий ненависть фактор. Сам Намука иронично подмечает противоречивость цивилизации. Намука: «Я слышал, вам нравится зарабатывать деньги и на это строить небольшие здания в деревне. Вместо того, чтобы жить там, вы продолжаете ходить и зарабатывать деньги. Ха-ха-ха, как смешно строить маленькие здания в деревне. Ваши дома – не храм, зачем строить?» [Баоэрджи, 2023, с. 12]. Однако для Менде и Гоубао наличие имущества говорит о наличии денег, а значит и уважения в обществе. Намука считает нелогичным тратить деньги таким образом, в целом, жизнь в деревне, по его мнению, во многом уступает жизни в лесу: «Я думаю, жить в лесу лучше, чем быть богатым. Чтобы жить в лесу не нужно много денег; слушать пение птиц, замечать всевозможных насекомых, дышать свежим воздухом, вот что гораздо лучше!» [Баоэрджи, 2023, с. 12].

Так как Баоэрджи Юанье исследовал историю Дальнего Востока, общался с учеными, местными жителями, коренными народами, читатель может рассчитывать на то, что реплики героев действительно отображают отношение коренных народов к тому или иному вопросу. В ходе взаимодействия с мальчиком орочоном Намукой, Менде и Гоубао понимают, насколько разнятся уклады их жизней. В мире цивилизации очень важны деньги и престиж, для Намуки это не значит ничего. Такого рода разница с одной стороны порождает конфликт, но с другой вызывает желание познать иные грани жизни. Таким образом, в данном случае взаимодействие «я» с «другим» обращает внимание каждого на свою самобытность.

Творчество Баоэрджи Юанье очень многогранно, писатель интересен не только для китайского, но и для русского читателя, так как описывает родные края, обращается к вопросам культурного

самосознания, истории Дальнего Востока. Однако произведения Баоэрджи Юанье написаны на китайском языке, что представляет некоторую сложность для изучения его творчества и доступно для узких специалистов. И, конечно, требует дальнейшего изучения, поскольку на страницах книг Баоэрджи Юанье читатель сможет узнать новое не только об укладе жизни народов китайско-русской границы, но и о самом себе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Баоэрджи Юанье Тува дади [Баоэрджи Юанье «Гувинская земля»] // Шанхай вэнь чубаньшэ [Шанхайское издательство литературы и искусства]. 2021, 284 с. (на китайском языке: 鲍尔吉·原野 《图瓦大地》 // 上海文艺出版社, 2021. 284 页).
2. Баоэрджи Юанье Усули милинь циюй [Баоэрджи Юанье Путешествия в дремучей тайге Уссурийского края] / Баоэрджи Юанье // Миньцзу вэньсюэ [Национальная литература]. – 2023. – № 1. – С. 4–105. (на китайском языке: 鲍尔吉·原野 乌苏里密林奇遇 / 鲍尔吉·原野 // 民族文学. – 2023. – № 1. – С. 4–105.)
3. Есин шицзу дэ сэньлинь юйянь [Притча о диком лесе] [Электронный ресурс] // Ляонин дасюэ вэйбао [Микрогазета Ляонинского университета] URL: <https://clck.ru/34Ek7M> (дата обращения: 9.04.2023) (на китайском языке: 野性十足的森林寓言 // 辽宁大学微报).
4. Баоэрджи Юанье [Электронный ресурс] // Ляонин цзоцзя ван [Сеть писателей Ляонина] URL: <http://www.liaoningwriter.org.cn/news-show-16388.html> (дата обращения: 8.04.2023) (на китайском языке: 鲍尔吉·原野 // 辽宁作家网).
5. Элуньчун шэнтай шэньмэй вэньхуадэ цзии, шусе юй чуаньчэн [Память, письменность и наследие эколого-эстетической культуры ороحوнов] [Электронный ресурс] // Чжунгуо цзоцзяван [Сеть писателей Китая] URL: <http://www.chinawriter.com.cn/n1/2021/0916/c404034-32229231.html> (дата обращения: 9.04.2023) (на китайском языке: 鄂伦春生态审美文化的记忆、书写与传承 // 中国作家网).

УДК 81`25

Правильная расшифровка символического уровня фильма как залог удачного переводческого приема (на примере сериала «Уэнсдей»)

Федюнина Д. А., Московский государственный лингвистический университет,
магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Альварес Солер А. А., Россия

Символизм – это использование символов в живописи, литературе и фильмах с целью передачи каких-либо идей. В киноматериале символизм может быть представлен разными способами. Символическими могут быть предметы, цвета, персонажи, сюжет, звуки, угол, под которым камера снимает происходящее, и многое другое. Рассмотрим применение символизма подробнее.

В кино с помощью цвета сцене задается тон еще до того, как кто-то из актеров произнесет свою первую реплику [Шумилова, 2006, с. 4]. Например, красный цвет символизирует страсть, опасность или власть. Розовый цвет обозначает невинность, красоту и женственность. Желтый цвет ассоциируют с радостью, наивностью и безумством. Палитра оранжевого цвета символизирует юмор, энергию, тепло. Голубой цвет транслирует пассивность и спокойствие. Оттенки зеленого отвечают за гармонию и принятие мира, а фиолетового – за работу интуиции и воображения. Коричневый цвет связывают со стабильностью и простотой, а белый – с чистотой, честностью и защитой [Fusco, Helleman, 2023, URL]. Черный цвет является наиболее важным для нашей статьи, так как именно оттенки черного преобладают в сериале «Уэнсдей», который мы и выбрали для анализа.

Итак, черный цвет символизирует силу, власть, утонченность, элегантность, богатство, таинственность, глубину, стиль, зло, печальность. Всё это мы можем заметить в анализируемом материале, особенно, на примере семьи Аддамс и главной героини сериала – Уэнсдей Аддамс. На протяжении всего фильма черный цвет используется в разных ситуациях с определенным символическим смыслом, а не просто ради внешнего эффекта.

Символизм начинается с внешнего вида героини: черное платье, черные колготки, черные ботинки, черные волосы, чаще аккуратно заплетенные в косы. Всё это можно отнести к концепту элегантности, зашифрованной в черном цвете. Сам персонаж задуман как мрачная девочка-подросток, скептически относящаяся к обычной жизни, на все имеющая свое мнение и отличающаяся тягой к мистике и приключениям. Уэнсдей Аддамс считает себя интровертом, обладает высоким интеллектом и потому испытывает трудности с выстраиванием межличностных отношений.

Как мы отметили ранее, черный цвет символизирует власть и силу. Можно сказать, что это также относится к Уэнсдей, так как в эпизодах сериала она зачастую ослушивается взрослых, не подчиняется правилам, но при этом события всегда оборачиваются в ее пользу. Таинственность сопровождает героиню от начала и до конца сериала, поэтому в данном случае этот концепт также подтверждается.

Отдельно стоит выделить концепт «богатство». Обратим внимание на машину семьи Аддамс. В новую школу они приезжают на раритетном автомобиле черного цвета с серебристыми элементами. Примечательно, что серебристый цвет также означает богатство. Как мы помним из сериала, Аддамс – обеспеченная семья, живущая во дворце. Имеет значение и цвет салона автомобиля. Обивка салона красного цвета, символизирующего власть. В соответствии с содержанием сериала, родителям Уэнсдей не раз удавалось вытащить дочь из неприятностей благодаря своему состоянию, и даже в новой школе у них имеются связи с директором учебного заведения.

Среди нарядов Уэнсдей также имеются вкрапления белого цвета, но и это объяснимо. Как было отмечено ранее, белый цвет символизирует честность и защиту. Все поступки Уэнсдей, даже самые отрицательные, обусловлены не только любопытством, но и желанием восстановить справедливость. Так, она чуть не погибла, желая защитить своего одноклассника, с которым она была едва знакома.

Следующим наиболее показательным примером символизма в сериале является использование звуков. В данном случае символизм проявляется уже в голосе персонажа. Уэнсдей всегда кажется равнодушной, почти никогда не улыбается и даже не моргает. Ее голос монотонен, а эмоции считываются только по положению глаз и бровей. Однако есть и другие примеры выражения символизма через звуки. Патефон Уэнсдей проигрывает песню мексиканской певицы Чавелы Варгас «La Llorona», название которой происходит от испанского глагола “llorar” – «плакать». В мексиканском фольклоре Ла Йорона – плакальщица, по легенде является призраком матери, тоскующая по своим погибшим детям. Ла Йорона обречена на вечные скитания по свету. Таким образом, выбранная режиссером песня также подтверждает концепт печальности. Среди других примеров символизма, выраженного посредством звука, можно выделить произведения, которые Уэнсдей играет на виолончели. Одно из них – песня «Paint it, black» группы «The Rolling Stones». В оригинале песни поется о том, что лирический герой наполнен печалью и желает видеть окружающий мир в черном цвете. Несомненно, это обдуманый режиссерский ход.

Уэнсдей играет и классические произведения. Например, на одном из школьных мероприятий она выступала с произведением Антонио Вивальди – отрывком произведения «Зима» из цикла концертов «Времена года». Как мы знаем, данное произведение отличается динамичностью, контрастом низких и высоких нот. За счет игры на виолончели музыка приобретает более мрачный тон, хотя и все еще обладает живостью, однако это обусловлено кульминационным моментом в сюжете. Выбор инструмента Уэнсдей также нельзя назвать случайным. Виолончель воспроизводит глубокие звуки, такую музыку нередко ассоциируют с голосами. Низкие ноты, сыгранные на виолончели, напоминают мужской бас, а высокие – женский альт, что все еще является низким голосом. Так как героиня сериала играет тяжелую музыку, виолончель как нельзя лучше подходит для этого.

Следующий пример символизма в музыке сериала – песня «Goo Goo Muck» группы The Cramps. Хотя песня и звучит в момент проведения школьного бала, текст ее отнюдь не позитивный. В песне поется про вампира, выходящего на улицу в поисках добычи. Таким образом, данная аудиодорожка также не была выбрана случайно, она как нельзя лучше подходит к обстановке, в которой находятся оборотни, сирены и прочие изгои академии Невермор.

Символизм на уровне звука проявляется и в речи героев [Леонтович, 2010, с. 146]. Так, Гомес Аддамс, имея кастильское происхождение, обращается к своей дочери с использованием слова “tormenta” (в переводе с испанского языка означает «ураган»), к жене – “querida mía”, т.е. «любимая моя».

Предметы, являющиеся частью интерьера, визуализируют концепт «таинственность». По сюжету в одном из коридоров школы находится статуя Эдгара По – автора множества детективов. Уэнсдей сама отмечает любовь писателя к загадкам и находит на статуе шифр. Ответом к каждой строке служит слово, первая буква которого впоследствии используется в разгадке. Таким способом режиссер подводит зрителя к новому витку таинственных событий.

Во второй серии первого сезона Уэнсдей находит книгу, где описаны события, в результате которых пострадает вся школа. Книга сопровождается иллюстрациями огня и злодея, виновника происходящего. Рисунок выполнен в черно-оранжевых тонах, но примечательна и обстановка, в которой героиня рассматривает эту книгу. Она стоит в темноте, подсвечивая текст книги фонариком. Таким образом, в сцене преобладают мрачные цвета.

Итак, мы рассмотрели наиболее яркие примеры символизма в выбранном для анализа сериале – на уровне цвета, звука, предметов. В Таб. 1 рассмотрим подробнее, как были переданы данные примеры на русский язык. Для анализа используем перевод под дубляж, выполненный кинокомпанией «LostFilm».

Таблица 1. Переводческие приемы при передаче символизма в сериале «Уэнсдей»

Уровень символизма	Пример	Способ передачи при переводе
Цвет	Внешний вид главной героини, автомобиль, принадлежащий ее семье, оттенок видеоряда	Цвет – невербальный элемент, поэтому при переводе дополнительной расшифровки не требуется. Кроме того, зрители, смотрящие материал на языке оригинала, видят то же изображение, что и те, кто смотрит в переводе.
Звук	Монотонный голос главной героини	В переводе голос Уэнсдей достаточно высокий, ее речь насыщена разнообразными интонациями.
Звук	Патефон, воспроизводящий песню Чавелы Варгас «La Llorona»	Дорожка проигрывается на фоне видеоряда, дополнительные пояснения не применяются.
Звук	Песня «Paint it, black» группы The Rolling Stones, исполненная на виолончели	Дорожка проигрывается на фоне видеоряда, дополнительные пояснения не применяются.
Звук	Антонио Вивальди – «Зима» из цикла концертов «Времена года»	Дорожка проигрывается на фоне видеоряда, дополнительные пояснения не применяются.
Звук	Песня «Goo Goo Muck» группы The Cramps	Дорожка проигрывается на фоне видеоряда, дополнительные пояснения не применяются.
Звук	Обращения “tormenta”, “querida mía”	Слова произносятся на испанском языке.
Предмет	Статуя Эдгара По	Дополнительного пояснения не требуется, так как героиня сама упоминает, чья это статуя. Перевод выполнен в соответствии с текстом.
Предмет	Шифр на статуе	Перевод выполнен в соответствии с текстом, однако в переводящем языке задумка автора не реализуется: из получившихся слов невозможно сложить словосочетание, произнесенное главной героиней.
Предмет	Книга, раскрытая в темноте	Текст появляется в кадре без пояснений.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на возможность расшифровки символизма на всех уровнях, не всегда требуются дополнительные пояснения при переводе. В таком случае эта задача ложится на плечи зрителя, который может углубиться в произведение и обратить внимание на символические детали. Тем не менее, на уровне звуков и предметов символизм может быть воспринят зрителем на переводящем языке не так, как это воспримет зритель на языке оригинала, ввиду различий в культурном коде [Кузнецова, 2016, с. 272]. Музыка, привычная для носителей английского языка, отличается от той, к которой привык российский зритель. Кроме того, большинство аудиодорожек, звучащих в сериале, были выпущены в 1960–1980-х годах, а в качестве целевой аудитории заявлены зрители от 16 лет. Из этого можно сделать вывод, что зачастую зритель не распознает умысла режиссера ввиду своего возраста, даже если знаком с англоязычной культурой [Игнатов, 2006, с. 289]. Для корректной расшифровки умысла автора необходимо понимать текст звучащих произведений. В случае, когда звучит известная англоговорящему зрителю мелодия без текста, необходимо пояснить ее смысл русскоговорящему зрителю [Филиппова, 2019, с. 209].

Что касается обращений на испанском языке, у зрителя может возникнуть недопонимание, так как он может слышать эти слова впервые и не знать их значений. Если в случае с музыкальными композициями при переводе под дубляж расшифровка голосом кажется невозможной, то в случае с иностранными словами можно передать их с помощью переводящего языка, но указать на их принадлежность к другому языку другим способом. Например, с помощью акцента.

При просмотре сцены с шифром зритель получает ту же информацию, что и в оригинале, однако на английском языке полученные при разгадке буквы образуют словосочетание, которое произносит главная героиня. При переводе на русский язык данная задумка автора утеряна, так как из полученных букв невозможно сложить словосочетание, произнесенное героиней.

В случае с раскрытой книгой у англоговорящего зрителя также есть преимущество. Зная английский язык, можно успеть прочитать отрывок представленной страницы, так как этот текст присутствует в кадре длительное время.

Подводя итоги, отметим, что в результате анализа примеров символизма на уровне цвета, звука и предметов в сериале «Уэнсдей» мы обнаружили, что некоторые случаи не требуют расшифровки, в то время как другие при отсутствии пояснений значительно искажают восприятие зрителя на языке перевода по сравнению с восприятием зрителя на языке оригинала. Перспективы данной статьи заключаются в том, чтобы разработать такую стратегию перевода, при которой российский зритель сможет в полной мере осознать применение символизма на всех уровнях при помощи перевода.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатов, К. Ю. Экранизация литературного произведения как интерсемиотический перевод: принципы стилистического анализа / К. Ю. Игнатов // Языки в современном мире. В 2 частях: Материалы V международной конференции: [сборник]. Ч. 1. М: КДУ, 2006. С. 285–297.

2. Кузнецова, Л. В. Поэтика пространства литературного текста на экране / Л. В. Кузнецова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – 2016. – №3. С. 261–272.

3. Леонтович О. А. Проблемы интерсемиотического перевода (на материале зарубежных экранизаций русской классики). / О. А. Леонтович // журнал Наука телевидения. – 2010. – т. 7. С. 144–157.

4. Филиппова И. Н. Интерсемиотический перевод: экранизация как трансформация авторского текста в поликультурном аспекте / И. Н. Филиппова // журнал: Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1. С. 204–211.

5. Шумилова, С. Д. Цвет в системе художественных средств современного телевидения: автореф. дис. канд. искусствоведения / С. Д. Шумилова; Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. М., 2006. – 32 с.

6. The Psychology of Color in Film (with examples). – URL: <https://nofilmschool.com> (дата обращения: 10.04.2023)

УДК 811.112.2

Лексико-стилистические средства выражения фантастического

Федорова Е. А., Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант, Россия
Научный руководитель: к.ф.н., старший преподаватель Крепак Е. М., Россия

Фантастика в литературе давно привлекает внимание исследователей, в том числе лингвистов. Тем не менее, особый интерес для учёных-языковедов представляют в первую очередь такие элементы фантастических произведений, которые являются специфическими для данного направления: окказионализмы, вымышленные онимы и эксперименты по созданию несуществующих языков. С другой стороны, множеству групп языковых единиц, сфера применения которых не ограничивается фантастикой, исследователи зачастую уделяют гораздо меньше внимания. Однако в контексте переводческой проблематики становится очевидным, что корректная передача именно таких средств языка в значительной степени определяет качество целевого текста. Следовательно, рассмотрение проблематики эквивалентного перевода тропов и фигур речи как элементов лексико-стилистического уровня выражения фантастического в рамках данной статьи является актуальным.

Понятия «фантастическое» и «фантастика» не синонимичны. Первый термин обозначает эстетическую категорию, изучение которой в литературоведческом контексте связано с именем Цветана Тодорова. Французский исследователь выдвинул три основных критерия, которым должно соответствовать фантастическое произведение: 1. Читатель испытывает замешательство и не может сделать однозначный выбор между естественным и чудесным объяснением описанных в произведении

событий; 2. Герой или герои произведения испытывают сомнения того же характера, и это описывается автором (данный признак опционален); 3. Произведение нельзя рассматривать как аллегорическое или поэтическое [Тодоров, 1999, с. 31]. Несмотря на ряд существенных ограничений, накладываемых таким пониманием фантастического на круг произведений, удовлетворяющих всем перечисленным критериям, центральный признак литературного фантастического, сформулированный в данном развернутом определении – а именно замешательство читателя – был перенят другими исследователями и получил развитие, например, в трудах Т. Вертхе [см. Wörtche, 1987] и П. Черсовски [см. Cersowsky, 1983]. В настоящей статье данный признак также рассматривается как основополагающий элемент фантастического в литературе. Понимаемая таким образом эстетическая категория находит своё конкретное выражение в фантастике, под которой, вслед за И. В. Головачевой, предлагается понимать совокупность литературных жанров: утопии, научной фантастики, фэнтези и готического хоррора [Головачева, 2014, с. 36].

Роман Г. Майринка «Голем», послуживший источником эмпирического материала для данного исследования, наиболее близок к последнему из перечисленных жанров, хотя однозначная категоризация в данном случае не представляется возможной, поскольку первому роману рассматриваемого писателя, как и его последующим произведениям, свойственно эклектичное смешение черт различных литературных направлений. Такие тенденции наблюдаются и на уровне сюжета, в котором находят место символы и образы, принадлежащие на первый взгляд абсолютно непохожим духовным и оккультным традициям [Каминская, 2004 (1), с. 16–18]. Повествование в романе «Голем» строится по принципу композиционной рамки. Линия безымянного «рамочного» рассказчика, который предстаёт перед читателем в первой главе произведения в состоянии полусна, во второй главе прерывается внутренним повествованием, которое ведёт от первого лица резчик по камню, реставратор Атанасиус Пернат, живущий в пражском еврейском квартале. Описание его духовного пути становления от наполненной страхом и гнетущей жизни в земном мире гетто к сверхчувственному бытию богоподобного существа составляет основную сюжетную канву романа. Сталкиваясь с мистическими испытаниями на своём пути, герой-рассказчик успешно преодолевает их, но приблизившись к сфере духовного в конце произведения, он гибнет. «Отделившийся» от Перната в момент его смерти рассказчик рамочного повествования просыпается и отправляется на поиски героя своего «сна», встреча с которым позволяет понять смысл трагического финала внутреннего повествования: соединившись с возлюбленной девушкой, Пернат возвысился над миром земного.

Несмотря на трудности литературоведческой типологизации произведения Г. Майринка, фантастический характер романа «Голем», обусловленный ориентацией на создание замешательства у читателя, не подлежит сомнению. Так, описанный выше композиционный приём позволяет трактовать большую часть событий романа как сон «рамочного» рассказчика – однако отсутствие чёткой границы как между двумя структурными элементами композиции, так и между рассказчиками, особенно ярко проявляющееся в первых главах, затрудняет ориентацию в системе координат «сон – бодрствование» [Hirte, 2012, с. 163–164]. Кроме того, рамочная конструкция подкрепляет недоверие к повествующему персонажу, возникающее в связи с особенностями образа Атанасиуса Перната. Перенёсший психическую болезнь герой во время наиболее «мистических» событий романа часто испытывает приступы душевного недуга. К тому же путь становления Перната предполагает постепенные изменения его личности, а следовательно, и точки зрения на определённые явления и события. Таким образом, в романе «Голем» читатель не может положиться на мнение «всезнающего» рассказчика при интерпретации описываемого. Благодаря приёму многоголосия чёткими ориентирами не являются и точки зрения других действующих лиц, ведь каждый персонаж трактует происходящее по-своему. Замешательство усиливает также тот факт, что объектом разногласия персонажей зачастую являются мистические явления и события, в частности заглавный образ голема [Каминская, 2004 (2), с. 17–18]. Роль данного персонажа при выражении категории фантастического в романе не ограничивается репрезентацией образа «потустороннего» существа и многоаспектным символическим значением. Будучи согласно легенде творением человека, голем восстал против своего создателя – точно так же созданная людьми архитектура еврейского квартала обретает в романе Г. Майринка свою волю и становится угрозой для своих творцов [Berg, 1991, с. 214–217]. Зооморфные описания пространства наряду с перечисленными выше факторами создают атмосферу опасности и страха, в свою очередь являющуюся характерной чертой фантастического [Каминская, 2004 (2), с. 21–23].

Учитывая кратко описанную выше специфику рассматриваемого романа, следует обратиться к проблематике перевода художественных произведений. Опираясь термином литературно-художественного перевода, мы, сочетая определения А. Д. Швейцера [ср. Швейцер, 1988, с. 75], И. С. Алексеевой [ср. Алексеева, 2004, с. 7] и Т. А. Казаковой [ср. Казакова, 2006, с. 5–10], понимаем под

ним ориентированный на сохранение коммуникативного эффекта процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, в ходе которого на основе исходного текста создаётся вторичный текст, служащий репрезентацией исходного текста в другой языковой и культурной среде. Особую роль в данном процессе играют такие факторы, как творческие способности переводчика, стилистические ресурсы исходного и переводящего языков, а также художественные особенности переводимого текста. Кроме того, под литературно-художественным переводом предлагается понимать результат такого процесса. Ввиду субъективного характера ряда значимых для литературно-художественного перевода аспектов немаловажными являются и вопросы, связанные с интерпретацией художественного текста переводчиком. Рассматривая данную проблематику, И. Левый отмечает важность глубокого и всестороннего понимания оригинала языковым посредником – не только на уровне языковых знаков, но и на уровне макроструктуры произведения – при одновременном стремлении к нейтрально-объективной передаче содержания, избегающей субъективно окрашенной трактовки [Левый, 1974, с. 59–77]. Такой подход к переводу художественных текстов должен, по мнению Н. Л. Галеевой, приводить к созданию целевого текста, предоставляющего читателю такие же возможности интерпретации, которыми обладает читатель оригинала [Галеева, 1991, с. 41]. Данный значимый показатель «идеального» целевого текста, на наш взгляд, должен быть положен в основу иерархической структуры переводческой эквивалентности применительно к рассматриваемой проблематике. Вслед за А. Д. Швейцером, мы понимаем под данным термином «такое отношение между текстом А и текстом В или их сегментами, при котором сохраняется определенный инвариант» [Швейцер, 1988, с. 94]. Что же касается иерархических уровней эквивалентности, то в данной статье перенимается пятиступенчатая система В. Н. Комиссарова, где первым уровнем (и минимальным условием) является эквивалентность на уровне цели коммуникации (что отвечает описанному выше требованию к литературно-художественному переводу), а пятым и высшим (а также наиболее релевантным в контексте настоящего исследования) – эквивалентность на уровне семантики слов [Комиссаров, 2011, с. 124–132]. В вопросах классификации инструментария для достижения эквивалентности – переводческих трансформаций – мы придерживаемся типологии, предложенной Л. С. Бархударовым, и подразделяем трансформации на замены, перестановки, опущения и добавления. При этом замены в свою очередь можно разделить на грамматические (замены формы слова, части речи, роли в предложении, а также типов синтаксической связи на разных уровнях), лексические (конкретизации, генерализации и причинно-следственные замены), а также комплексные лексико-грамматические (помимо прочего компенсации и антонимический перевод) [Бархударов, 1975, с. 189–230].

На основании кратко описанной выше теоретической базы в рамках проведённого исследования нами были проанализированы подходы к передаче стилистических фигур и тропов в двух переводах романа «Голем», выполненных Д. И. Выгодским и А. М. Соляновым. Эмпирическую базу анализа составил корпус примеров в объёме пятисот семи параллельных фрагментов, которые были классифицированы по выявленным средствам выразительности. При этом нам удалось выделить следующие группы: эпитеты (228 фрагментов), сравнения (98 фрагментов), метафоры (75 фрагментов), олицетворения и персонификации (не учитываются в общем количестве метафор: 47 фрагментов), повторы и параллелизм (24 фрагмента), антитезы и оксюморон (17 фрагментов), гиперболы и литоты (11 фрагментов), метонимии и перифразы (7 фрагментов). Поскольку рамки статьи не позволяют дать достаточно полную характеристику каждому из перечисленных средств выразительности, ограничимся отсылкой на труды, послужившие теоретической базой для проведения описанной классификации [см. Ризель, Шендельс, 1975; Купина, Матвеева, 2013]. При переводе выявленных лексико-стилистических средств на русский язык рассматриваемые переводчики преследовали различные стратегии, что подтверждается полученными статистическими данными (см. Табл. 1).

Таблица 1. Характер и количество переводческих трансформаций в переводах Д. И. Выгодского и А. М. Солянова.

Вид трансформации	Д. И. Выгодский	А. М. Солянов
Замена	356 (70,22%)	395 (77,91%)
Перестановка	48 (9,47%)	42 (8,28%)
Опущение	154 (30,37%)	104 (20,51%)
Добавление	92 (18,15%)	123 (24,26%)
Нет трансформаций	111 (21,89%)	77 (15,19%)

При этом стоит отметить, что количественное соотношение различных видов переводческих трансформаций внутри отдельных групп по средствам выразительности не всегда соответствует общему

соотношению, приведённому в Табл. 1. Ввиду значительных различий по количеству параллельных фрагментов текстов, отнесённых к выделенным нами группам, о котором было сказано выше, далее будут рассмотрены лишь наиболее репрезентативные случаи, а именно группы эпитетов, сравнений и метафор (см. Табл. 2 – 4).

Таблица 2. Характер и количество переводческих трансформаций в переводах Д. И. Выгодского и А. М. Солянова в группе «Эпитеты».

Вид трансформации	Д. И. Выгодский	А. М. Солянов
Замена	137 (60,09%)	157 (68,86%)
Перестановка	12 (5,26%)	13 (5,70%)
Опущение	32 (14,04%)	21 (9,21%)
Добавление	12 (5,26%)	17 (7,46%)
Нет трансформаций	78 (34,21%)	57 (25%)

Таблица 3. Характер и количество переводческих трансформаций в переводах Д. И. Выгодского и А. М. Солянова в группе «Сравнения».

Вид трансформации	Д. И. Выгодский	А. М. Солянов
Замена	76 (77,55%)	88 (89,80%)
Перестановка	12 (12,24%)	15 (15,31%)
Опущение	46 (46,94%)	28 (28,57%)
Добавление	28 (28,57%)	36 (36,73%)
Нет трансформаций	12 (12,24%)	4 (4,08%)

Таблица 4. Характер и количество переводческих трансформаций в переводах Д. И. Выгодского и А. М. Солянова в группе «Метафоры».

Вид трансформации	Д. И. Выгодский	А. М. Солянов
Замена	65 (86,67%)	67 (89,33%)
Перестановка	9 (12%)	7 (9,33%)
Опущение	41 (54,67%)	32 (42,67%)
Добавление	23 (30,67%)	35 (46,67%)
Нет трансформаций	3 (4%)	3 (4%)

Приведённые статистические данные показывают, что при сохранении общей тенденции (в переводе Д. И. Выгодского наблюдается, как правило, больше опущений и фрагментов без трансформаций, в то время как в переводе А. М. Солянова в большинстве случаев можно обнаружить больше добавлений и замен) конкретное процентное соотношение колеблется в зависимости от структурной сложности средства выразительности. Так, сравнивая статистические данные по группам эпитетов (выраженных, как правило, одним словом) и метафор (проявляющих большую структурную вариативность) можно заметить, что в случае с последней упомянутой группой оба рассматриваемых переводчика в целом чаще прибегают к использованию всех видов трансформаций. Группа сравнений занимает промежуточную позицию, хотя в ней можно наблюдать возрастание числа стилистически значимых перестановок, обусловленное значимой ролью структуры данного средства выразительности.

Кратко рассмотренные выше статистические различия в подходах Д. И. Выгодского и А. М. Солянова сопровождаются качественными различиями двух переводов. Так, в переводе Д. И. Выгодского было выявлено 38 (7,5%) фрагментов, содержащих отклонения от эквивалентности на уровне семантики слов, которые ведут к нарушениям эквивалентности на уровне цели коммуникации, в то время как в переводе А. М. Солянова таких фрагментов было обнаружено 180 (35,5%), что свидетельствует о сравнительно более низком качестве второго из упомянутых переводов. При этом основными качественными недостатками перевода А. М. Солянова на лексическом уровне, негативно сказывающимися на стилистике, являются неоправданное внесение элементов индивидуальной интерпретации, отсутствие учёта целостной образности переводимых фрагментов текста, а также нарушение логики повествования. Далее перечисленные недостатки будут проиллюстрированы рядом примеров.

Как уже упоминалось выше, важную роль при оформлении категории фантастического в романе Г. Майринка играет образ голема. Одной из характерных черт данного персонажа является необычная внешность, описание которой Атанасиусу Пернату даётся нелегко несмотря на то, что он столкнулся с

големом лицом к лицу. Осознав особенность облика этого существа через подражание его движениям, герой описывает его с помощью сравнения:

Оригинал: Er ist wie ein Negativ, eine unsichtbare Hohlform... [Meyrink, 1915, с. 24]

Перевод Д. И. Выгодского: Он как негатив, незримая форма... [Майринк (2), 2019, с. 25]

Перевод А. М. Солянова: ... он выглядел как негатив, незримая пустая форма... [Майринк (1), 2019, с. 23]

При переводе данного фрагмента Д. И. Выгодский прибегает лишь к одной трансформации: с помощью генерализации он производит замену *Hohlform* – форма, опуская тем самым определяющий компонент композита (*Hohl-*), семантика которого тем не менее сохраняется на имплицитном уровне благодаря общему значению лексемы *форма* [Толковый словарь русского языка, URL]. В переводе А. М. Солянова данный композит передан с помощью грамматической замены, обусловленной системными различиями между исходным и переводящим языками (*Hohlform* – *пустая форма*), что позволяет полностью сохранить значение лексемы оригинала. Однако другая использованная переводчиком трансформация – добавление *выглядел* – ведёт, на наш взгляд, к возникновению логического противоречия, отсутствующего как в оригинальном тексте, так и в переводе Д. И. Выгодского: семантика выбранного Д. И. Соляновым глагола противоречит значению эпитета *незримая*, за счёт чего в переводе возникает нежелательный гротескный эффект.

Как упоминалось выше, образ голема в романе получает различные интерпретации со стороны разных персонажей, что приводит к возникновению «многоголосия», вводящего читателя в замешательство. Одна из точек зрения на голема выдвигается другом Атанасиуса Перната, марионеточным актёром Цваком, который прибегает для этого к развёрнутой метафоре, фрагмент которой будет рассмотрен ниже:

Оригинал: ... um ... hier ein Gespenst zu schaffen, das in Mienen, Gang und Gehaben, in allem und jedem das Symbol der Massenseele unfehlbar offenbaren müßte... [Meyrink, 1915, с. 55]

Перевод Д. И. Выгодского: ... чтобы проявиться ... призраком, который своим обликом, походкой и видом обнаруживает в каждом символ массовой души ... [Майринк (2), 2019, с. 52]

Перевод А. М. Солянова: ... чтобы сотворить ... здесь, в нас – призрак, который лицом, походкой и жестами неизбежно обнаруживается во всех без исключения как символ массового психоза ... [Майринк (1), 2019, с. 47–48]

В данном случае в переводе Д. И. Выгодского снова можно наблюдать генерализирующий подход: основными использованными трансформациями являются генерализации (*Mienen* – *обличьем*, *Gehaben* – *видом*), связанные с ними грамматические замены (*Gespenst* – *призраком*, *in allem und jedem* – *в каждом*) и опущения (*unfehlbar*, *müßte*). Кроме того, переводчик задействует грамматическую трансформацию, обусловленную языковыми системными различиями: *Massenseele* – *массовой души*. Такой подход подразумевает имплицитный способ выражения некоторых сем, выраженных в оригинале эксплицитно, однако в целом, на наш взгляд, способствует достижению достаточно высокого уровня эквивалентности на уровне семантики слов. Подход А. М. Солянова, напротив, характеризуется использованием добавлений (*в нас*) и конкретизаций (*Gehaben* – *жестами*), а также грамматических замен, направленных на пословное воспроизведение оригинала (*in allem und jedem* – *во всех без исключения*). Кроме того, А. М. Солянов использует лексическую замену *Massenseele* – *массового психоза*, которая с определённой степенью условности может быть отнесена к группе причинно-следственных лексических замен. В целом такой подход приводит к сужению и конкретизации семантики оригинала с уклоном в субъективную интерпретацию: в переводе возникают семы «внутри» (*в нас*, *обнаруживается*) и «отклонение» (*психоза*), отсутствовавшие в тексте оригинала.

Наконец, большую роль при создании фантастического в романе «Голем» играет уже упомянутое переплетение различных духовных и оккультных традиций, порождающее сложную систему символов, одним из которых является гермафродит. В следующем фрагменте он описывается с помощью конкретизирующего эпитета:

Оригинал: ... die Futtertiere, die der gigantische Zwitter in seinem Gefolge führte... [Meyrink, 1915, с. 20]

Перевод Д. И. Выгодского: ... животных, которых погонял гигантский Гермафродит в своей свите... [Майринк (2), 2019, с. 20–21]

Перевод А. М. Солянова: ... съедобных тварей гнал во главе своей свиты двуполый великан... [Майринк (1), 2019, с. 19]

В данном отрывке Д. И. Выгодский, придерживаясь описанной выше стратегии, сохраняет высокую степень эквивалентности оригиналу и не допускает стилистических и смысловых искажений, в то время как А. М. Солянов не только изменяет стилистику оригинала, производя лексико-грамматическую замену *Futtertiere* – *съедобных тварей*, но и смещает семантический акцент при передаче рассматриваемого символа. Грамматическая замена *der gigantische Zwitter* – *двуполый великан* выдвигает

на передний план сему «большого роста», в то время как центральным и значимым является указание на обоеполость. Следовательно, в данном случае переводчик не учитывает символического значения оригинального образа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эквивалентный перевод стилистических фигур и тропов, служащих для выражения категории фантастического на лексико-семантическом уровне, требует применения всего спектра переводческих трансформаций, использование которых должно основываться на ряде принципов. Во-первых, передача средств выразительности не должна приводить к интерпретирующему сужению семантики оригинала, что обуславливает предпочтительное применение генерализаций и опущений. Во-вторых, в целом оправданное стремление к сохранению как можно большего числа компонентов значения исходного текста, ограничивающее масштабы трансформаций, не должно приводить к нарушению логики повествования. В-третьих, успешная передача лексико-стилистических средств репрезентации категории фантастического требует учёта актуализированного в произведении символического значения каждого компонента, что в свою очередь с одной стороны обуславливает применение комплексных трансформаций, а с другой – задаёт рамки их использования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 352 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Галеева, Н. Л. Понимание текста оригинала как компонент деятельности переводчика художественной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Н. Л. Галеева – Тверь, 1991. – 18 с.
4. Головачева, И. В. О соотношении фантастики и фантастического / И. В. Головачева // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 9. – 2014. – Вып. 1. – С. 33–42.
5. Казакова, Т. А. Художественный перевод: в поисках истины / Т. А. Казакова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. – 224 с.
6. Каминская, Ю. В. VIVO, или Жизнь Густава Майринка до и после смерти / Ю. В. Каминская. // Густав Майринк. Кольцо Сатурна. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 5–24.
7. Каминская, Ю. В. Романы Густава Майринка 1910-х гг. / Ю. В. Каминская. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. – 140 с.
8. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М.: Р. Валент, 2011. – 408 с.
9. Купина, Н. А. Стилистика современного русского языка / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – М.: Юрайт, 2013. – 415 с.
10. Левый, И. Искусство перевода / И. Левый. – М.: Прогресс, 1974. – 396 с.
11. Майринк, Г. Голем / Г. Майринк, пер. с нем. А. Солянова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 288 с.
12. Майринк, Г. Голем / Г. Майринк, пер. с нем. Д. И. Выгодского. – М.: Эксмо, 2019. – 320 с.
13. Ризель, Э. Г. Стилистика немецкого языка / Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс. – М.: Высшая школа, 1975. – 316 с.
14. Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.
15. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – URL:<https://lexicography.online/explanatory/ushakov/%D1%84/%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0> (дата обращения 17.05.2023)
16. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
17. Berg, S. Schlimme Zeiten, böse Räume. Zeit- und Raumstrukturen in der fantastischen Literatur des 20. Jahrhunderts / S. Berg. – Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1991. – 303 S.
18. Cersowsky, P. Phantastische Literatur im ersten Viertel des 20. Jahrhunderts: Untersuchungen zum Strukturwandel des Genres / P. Cersowsky. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1983. – 328 S.
19. Hirte, R. Der Golem im Spiegel von Phantastik und höherem Sein: Dissertation ... der Doktorin 542-155 F Oralidad y escritura: Lenguajes especializados en el ámbito anglogermánico / R. Hirte. – Valencia: Universitat De València, 2012. – 433 S.
20. Meyrink, G. Der Golem / G. Meyrink // Gustav Meyrink: Gesammelte Werke. – Bd. 1. – Leipzig: Kurt Wolff Verlag, 1915. – 352 S.

УДК 372.881.161.1

Погружение в языковую среду на онлайн занятиях по РКИ с помощью песен на начальном этапе

Фролова Д. С., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Керимова С. У., Россия

Открытое образовательное пространство, информационные возможности и развитие туризма создают благоприятные условия для популяризации русского языка и русской культуры среди иностранных студентов. Несмотря на события, происходящие во всём мире, развитие русского языка как иностранного набирает обороты, особенно популярным стало онлайн-обучение, которое позволяет студенту начать погружение в иноязычную культуру уже на начальном этапе, не выходя из дома. Без сомнений, онлайн-обучение имеет массу преимуществ, к примеру, таких как доступность и мобильность. Тем не менее, несмотря на довольно высокий уровень развития информационных технологий, дистанционное обучение иностранным языкам демонстрирует ряд минусов, среди которых проблема создания искусственной языковой среды.

Так как методика погружения в языковую среду представляет собой наиболее эффективный метод изучения любого языка, перед преподавателем РКИ стоит задача создать лингвокультурную атмосферу на онлайн-уроках. Одним из таких способов является использование песенных текстов, а также их звучащих вариантов.

Во-первых, песни – отличный способ для мотивирования студентов, во-вторых, способствует запоминанию новой лексики, формированию фонетических навыков и знакомству с культурой изучаемого языка в непринуждённой форме.

В большинстве случаев, именно песня помогает студенту не утратить интерес к изучаемому языку, а также в некоторой степени компенсирует отсутствие языковой среды и необходимой практики. Даже с точки зрения психологии, слушая музыку, мы отдыхаем, снимаем напряжение, получаем удовольствие, и как раз в это время происходит работа нашего мозга, которую мы не осознаём. К тому же, во время прослушивания песен у студентов задействованы все каналы восприятия информации: визуальный и аудиальный [Методика преподавания РКИ для всех, URL].

Учитывая тот факт, что песня является формой, объединяющей поэтический текст и мелодию, следует говорить о том, что в процессе обучения РКИ песня предстаёт прежде всего, как оригинальный учебный текст, «факт культуры иностранного языка, целесообразный для учебной коммуникации и имеющий знаковую функцию» [Рагулина, Арзамасцева, 2020, с. 18–22].

Говоря об онлайн-преподавании русского языка как об особом, сложном и разноуровневом процессе, реализация которого должна происходить в комплексе, следует заметить, что песня обеспечивает осуществление данных критериев.

Начиная с обучения фонетике, песенный материал позволяет студентам, находящимся вне русской языковой среды, слышать речь носителей языка, также видеть текст, тем самым формируя фонетические навыки. К таким навыкам можно отнести выявление различий гласных звуков с редуцией и без, различие согласных звуков по твёрдости/ мягкости, звонкости/глухости. А также ключевые особенности произнесения отдельных слов и сочетаний слов: звук [ц] в глаголах на -тся, сочетания предлогов или местоимений с существительными и т.д. На начальном этапе обучения русскому как иностранному песня позволяет намного интенсивнее и качественнее освоить русское произношение с его особенностями [Песенный материал на уроках русского как иностранного, URL].

С точки зрения подачи лексического материала поэтический звучащий текст способствует более успешному запоминанию и усваиванию отдельных слов, а также речевых клише, по сравнению с простым заучиванием.

В силу того, что преподавание РКИ носит коммуникативно-направленный характер обучения, но из-за особенностей онлайн-обучения воссоздание искусственной языковой среды является труднодостижимым, именно песня демонстрирует некую речевую ситуацию, в которой реализуются аспекты обучения РКИ. Песня, как было написано ранее, это оригинальный текст, в котором слова представлены не изолированно, что, в свою очередь, позволяет студентам выявить особенности функционирования тех или иных лексических единиц, так и понять образ мышления русского человека.

Для работы с текстом могут быть представлены следующие задания: определить тему, определить верность утверждений, найти слово в той или иной форме, ответить на вопросы, вставить слова в пропуски и прочие.

Помимо образовательной функции, песни носят также и воспитательный характер, ведь песня является частью истории, духовной культуры, частью народа в целом, а также особой и важной частью речевой среды обитания человека, ведь «воспитательный потенциал зависит от культуроведческого содержания используемых материалов, от их возможностей» [Песенный материал на уроках русского как иностранного, URL].

Еще одним преимуществом использования песен на онлайн-уроках РКИ является возможность выбора тех или иных композиций в зависимости от целей и темы урока, а также тот факт, что состав песенного фонда постоянно пополняется [Аркатова, Борзых, 2019].

В качестве примеров внедрения песенных композиций на уроках РКИ могут быть использованы детские песенки, такие как «Какой чудесный день» (слова Екатерины Каргановой, музыка Александра Флярковского), а также композиции, ориентированные на взрослую аудиторию, например, «Место для шага вперед» (слова и музыка Виктора Цоя).

Рассмотрим данные материалы с точки зрения лингвистического потенциала. Фонетический потенциал песни «Какой чудесный день» выражается в распознавании студентами редуцированных изменений гласных, реализации ИК-5 в оценочных предложениях с местоименными словами *какой*. С точки зрения подачи лексического материала данная песня будет интересна употреблением слов ЛСГ «Песня», а также антонимическими парами *скучно/весело, работать/лениться*. Грамматический потенциал представлен прилагательными, а также местоимениями. При прослушивании звучащего варианта студенты слышат аутентичную речь и особенности произношения отдельных звуков в потоке. Благодаря жизнерадостному звучанию данная композиция помогает настроить студентов на позитивный лад, а несложность самого текста позволяет использовать песню даже на начальном этапе обучения.

В качестве текстовых заданий могут быть выбраны подстановочные упражнения и вопросы по тексту.

Использование песни «Место для шага вперед» поможет студентам улучшить навык распознавания аутентичного текста и позиционных изменений звуков. Лексика в данной композиции представлена очень обширно, в тексте использованы слова многих ЛСГ, таких как «Погода», «Природа», «Семья», «Время», «Искусство». Ценность данной композиции с точки зрения грамматики заключается в использовании падежных форм существительных (именительный (1), родительный (2)), конструкций «У меня есть», а также односоставных предложений. Помимо этого, песни Цоя для многих стали частью культурного кода и вызывают особый интерес при изучении РКИ.

Упражнениями к тексту могут служить такие задания как: образование падежных форм, задания на определение рода существительных, подстановку окончаний глаголов, объяснение выделенных слов, образование единственного числа существительных.

Таким образом использование песен при проведении онлайн-уроков русского языка как иностранного является эффективным способом погружения в языковую среду, ведь песни представляют собой звучащий текст, в котором реализованы все уровни языка. Также песня несет культурный и воспитательный характер.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аркатова, О. Г., Борзых, Р. Р. Использование песен на уроках РКИ. – Белгород, Россия, 2019.
2. Артемов, В. А. Психология наглядности при обучении. – М.: Просвещение, 2004. – 345 с.
3. Арутюнов, А. Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев/ А. Р. Арутюнов. – М., 1990.
4. Битехтина, Н. Б., Вайшнорене Е. В. Игровые задания на занятиях по русскому языку как иностранному // Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. – 2009. – №2. – С. 336.
5. Жаркова, Т. Л. Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. – 2-е изд. – М.: Русский язык. Курсы, 2009. – 336 с.
6. Китайгородская, Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам: теория и практика. – М.: Русский язык, 1992.
7. Методика преподавания РКИ для всех – блог Юлии Мареевой/ блог для начинающих преподавателей русского языка как иностранного // LiveJournal URL: <https://marjulia.livejournal.com/138335.html> (дата обращения: 25.12.2022).

8. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е. И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 568.

9. Песенный материал на уроках русского как иностранного. // Pandia URL: <https://pandia.ru/text/77/152/10280.php> (дата обращения: 25.12.2022).

10. Песенный материал на уроках русского как иностранного // Рефераттар URL: <https://dereksiz.org/pesennij-material-na-urokah-russkogo-kak-inostrannogo.html> (дата обращения: 25.12.2022).

11. Рагулина, Э. С., Арзамасцева Н. Ю. Использование песенного материала на занятиях по РКИ (из опыта работы) // Профессорский журнал. серия: русский язык и литература. – 2020. – №4. – С. 18–22.

УДК 372.881.1

Актуальность аксиологического подхода в преподавании иностранного языка в старших классах школы

Хайретдинова Э. Р., Московский городской педагогический университет, магистрант, Россия
Научный руководитель: к.п.н., доцент Идилова И. С., Россия

Сегодня обращение к ценностной парадигме в процессе обучения стало одной из главных тенденций российского образования. Являясь фундаментом становления нации, образование определяет не только интеллектуальный потенциал страны, но и нравственное, духовное воспитание, систему ценностей, сохраняемую и передаваемую через поколения.

Долгие годы обучение иностранному языку было направлено главным образом на развитие языковых навыков и речевых умений, развитие личностных качеств и ценностных ориентаций средствами иноязычной коммуникации уходило на второй план. Сегодня как никогда раньше современное образование нуждается в смещении акцентов в образовании на воспитание личности с высоким уровнем духовности и уважающей национальную и иноязычную культуры. Образование может и должно сыграть решающую роль в борьбе с этнической и международной напряженности в мире. Достижение этой цели зависит в большой степени от содержательных идей и ценностей, которые закладываются в образовательные программы, а также от методов, которые применяются для их достижения. В таком случае, фактором гражданского образования и воспитания нового поколения будет выступать именно ценностно-смысловой потенциал, заложенный в содержании. При этом принципы постоянного сопоставления культур, толерантности и здорового космополитизма, бесспорно, будут способствовать формированию у молодежи межкультурной компетенции.

Еще одним фактором, способствующим повышенному вниманию педагогического лингвистического сообщества к ценностно-мотивационной сфере личности, является развивающий и воспитательный потенциал предмета «иностранный язык». Мы предполагаем, что его реализация в полной мере возможна, если в процессе обучения иностранному языку используются специально подобранные материалы и методы, которые направлены на развитие ценностных ориентаций и личностных качеств старшеклассников, необходимых им для успешной жизнедеятельности в современном обществе.

Уроки иностранного языка являются благоприятной почвой для реализации данного аксиологического подхода, поскольку в рамках этого предмета могут обсуждаться вопросы нравственности и морали, культур и традиций, а также ценностей и духовного мира. Предмет «иностранный язык», помимо развития иноязычной коммуникативной компетенции может и, в особенности в настоящее время, должен способствовать формированию личностных качеств и ценностных ориентиров учащихся.

В своем исследовании мы использовали такие методы, как критический анализ теоретической литературы по интересующей нас проблеме, анкетирование школьников и педагогов с последующим анализом и обобщением результатов, наблюдение и анализ собственного опыта.

Рассмотрим основные понятия нашего исследования: аксиология, аксиологический подход, ценности, ценностные ориентации.

Аксиология – это направление в философии, предметом изучения которого являются основания ценностного отношения человека к миру, ценностное сознание и ценностное действие. Термин был введен в 1902 г. французским философом П. Лапи. Развитие данного направления в России началось в конце 19 века. Над ним трудились такие отечественные ученые, философы и писатели как М. М. Бахтин, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский и др.

Основой аксиологического подхода выступает концепция взаимозависимого, взаимодействующего мира, который представляет собой систему целостного человека. Именно поэтому важно осознавать не только то, что объединяет человечество, но и то, что характеризует каждую отдельную личность [Янинский, 2000, с. 204]. В. А. Сластенин представляет суть аксиологического подхода через систему аксиологических принципов, к которым относятся:

1. равенство философских взглядов в рамках единой гуманистической системы ценностей, учитывая разнообразия их культурных и этнических особенностей;
2. равноценность традиций и творчества, признание необходимости изучения и использования опыта учений прошлого и возможности духовного открытия в настоящем и будущем;
3. равенство людей, социокультурный прагматизм, межкультурный диалог [Смирнов, 2014, с. 220].

Воспитание ценностей, как духовных, так и общественно-политических, а также воспитание личностных качеств и развитие мотивации к обучению и саморазвитию являются сутью востребованного в современном образовании аксиологического подхода [Волков, 2011]. По мнению некоторых современных ученых, в рамках данного подхода необходимо исследовать *аксиологическую компетентность*, которая определяется, как «способность индивида оценивать значимость накопленных знаний, а также умение их применять на основе нравственных ориентаций для решения практических задач» [Двуличанская, 2011, с.28]. В 80-е годы в области образования появилось новое направление – *педагогическая аксиология*. Ученые понимают этот термин как область педагогического знания, в которой образовательные ценности рассматриваются с позиции самооценки человека. Педагогическая аксиология также подразумевает реализацию ценностных подходов в образовании на основе признания ценности самого образования [Мишота, 2017, с.192]. По мнению А. В. Кирьяковой, *аксиологический подход в педагогике* – это инструмент, связывающий познавательный и практический подходы, устанавливающий взаимосвязи между ценностями, социальными и культурными факторами, и личностью, где личность – наивысшая ценность общества [Двуличанская, 2011, с.318]. В основе педагогической аксиологии по мнению С. А. Смирного лежат ценности человеческой жизни, воспитания и обучения, педагогической деятельности и образования в целом [Смирнов, 2014, с. 375].

Еще одно ключевое в аксиологической парадигме понятие – *ценность*. В работах исследователей оно понимается как «специфическое образование в структуре индивидуального сознания, являющееся идеальным образцом и ориентиром деятельности личности и общества» [Сластенин, 1995, с. 3]. Формирование ценностей происходит в процессе социализации личности. Следует отметить, что жизненный опыт человека и система его знаний непосредственно влияют на характер его ценностей. *Ценностная ориентация* определяется Е. С. Волковым как «сознательный регулятор социального поведения личности» [Волков, 2001, с.32]. По мнению ученого, ценностные ориентации способны играть мотивационную роль, и именно они определяют выбор деятельности личности. Являясь важнейшим компонентом структуры личности, они могут меняться в процессе реализации жизненной стратегии, так как возникают на пересечении всевозможных социальных отношений.

Типологические различия ценностных ориентаций вызваны системным характером, сложностью и их многообразием. В современной литературе ученые делят их на *духовные, общественно-политические и материальные* (В. П. Тугаринов); *терминальные и инструментальные* (М. Рокич); *конкретные и абстрактные* (К. А. Абульханова-Славская); *витальные, интеракционистские, социализационные, смысловжизненные* (Н. И. Лапин) и др.

Е. В. Яковлев и Н. О. Яковлева предлагают следующую уровневую градацию ценностных ориентаций:

Уровневая градация ценностных ориентаций

Уровень	Характеристика	Пример ценностных ориентаций
Первый	Ценности, от которых человек не откажется ни при каких обстоятельствах	Родина, жизнь, научная истина, вера и т. д.
Второй	Любые человеческие ценности, от которых человек может отказаться только в условиях угрозы жизни или других экстремальных ситуациях	Культура, материальные блага, любимое дело и т. д.
Третий	Ценности, от которых человек отказывается под влиянием ничтожного и несущественного воздействия	Привычки, интерес, комфорт, положительные эмоции, отдых и т. д.

Так как иностранный язык является дисциплиной, которую можно и нужно наполнять различным смысловым содержанием, мы считаем необходимым целенаправленно использовать материалы, а также

методы и приемы, которые будут способствовать развитию аксиологической сферы личности обучающегося.

В нашем исследовании мы попытались выяснить, насколько важен аксиологический подход в обучении современных старших школьников иностранному языку с точки зрения самих старшеклассников и их учителей. Эмпирическая часть нашего исследования включала анкетирование обучающихся 11 классов и учителей общеобразовательной школы г. Москва. В ходе анкетирования респондентам-школьникам было предложено выразить свое мнение по вопросу о том, интересно ли им узнавать о культуре и ценностях страны изучаемого языка на занятиях по иностранному языку, а также о том, насколько используемый учебник иностранного языка удовлетворяет их потребности в познании культуры изучаемого языка.

Ответы, полученные в ходе анкетирования, свидетельствуют о том, что у большей части школьников (90%) есть интерес к познанию не только иностранного языка, но и культуры, ценностей, национально-культурного портрета носителей изучаемого языка и особенностей их картины мира. Почти все опрошенные старшеклассники (93%) выразили мнение о том, что учебник иностранного языка, по которому они обучаются, содержит недостаточное количество заданий и материалов, помогающих им понять образ жизни и видение мира представителей иной культуры.

Полученные результаты показывают, что современные подростки осознают важность и необходимость погружения в иноязычную культуру для достижения больших успехов в изучении языка и особенностей межкультурной коммуникации.

При анкетировании учителей нам было важно понять, как часто они используют учебные материалы (тексты, видео, интернет-ресурсы) с ярко выраженной ценностной проблематикой на уроках английского языка, а также как часто они включают в план занятия обсуждение вопросов морали, нравственности, общечеловеческих ценностей. Полученные в ходе анкетирования ответы показали, что 60% учителей старших классов средней школы активно используют предмет «Английский язык» для развития у старшеклассников личностных качеств и ценностных ориентиров, необходимых для их успешной жизни и коммуникации в современном обществе. Мы предполагаем, что в рамках аксиологического подхода для формирования личностных качеств будет уместно на занятиях использовать дополнительные материалы (тексты, аудио и видео) с нравственно-этической направленностью; а также такие современные методы и приемы, как проектная деятельность, интерактивные задания, решение проблемных ситуаций (case study) и др.

Изучив мнения различных исследователей по нашей проблеме, мы приходим к выводу, что аксиологический подход подразумевает воспитание обучающихся с позиции духовности, нравственности и включает в себя познание, сопоставление и постижение культурных особенностей, личностных качеств и мировоззрений носителей различных культур. Иностранный язык обладает большим потенциалом, который можно реализовать при помощи специально подобранных материалов и заданий, направленных на решение интересующих нас проблем. Как подтверждают результаты анкетирования, современные подростки и учителя осознают важность и необходимость погружения в иноязычную культуру для достижения больших успехов в овладении языком и особенностями межкультурной коммуникации, а также видят необходимость во введении и использовании дополнительного материала, отвечающего данному запросу.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алиханова, Р. А. Аксиологическая модель духовно-нравственного воспитания школьников // МНИЖ. 2021. №6-4 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-model-duhovno-nravstvennogo-vozpitanija-shkolnikov> (дата обращения: 09.02.2023).
2. Волков, Е. С. Зависимость ценностных ориентаций студентов от смены видов деятельности. – М., 2001.
3. Двудличанская Н. Н. Дидактическая система формирования профессиональной компетентности студентов учреждений среднего профессионального образования в процессе естественнонаучной подготовки : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / Н. Н. Двудличанская. – М. : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. – 28 с.
4. Кирьякова, А. В. Аксиологическая концепция ориентации личности в мире образования // Вестник ОГУ. 1999. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-kontseptsiya-orientatsii-lichnosti-v-mire-obrazovaniya> (дата обращения: 09.03.2023).
5. Мишота, И. Ю. Особенности аксиологического подхода в преподавании иностранных языков в современных условиях // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. №4-1 (10).

6. Слостёнин, В. А. Ценностные ориентации и профессиональное самосознание учителя : учеб. пособие / В. А. Слостёнин // Ценностные ориентации в сфере педагогического образования: история и современность – Москва : в 2 т. : под ред. З. И. Равкина. –1995. – Т. 1. – С. 3–4.

7. Слостёнин, В. А. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Г. И. Чижакова. – Москва : Академия, 2003. – 192 с.

8. Смирнов, С. А. Педагогика и психология высшего образования / От деятельности к личности / Учебное пособие. М.: Academia, 2014. С. 375–376.

9. Яницкий, М. С. Психологические факторы и механизмы развития системы ценностных ориентации личности: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» дис. ... д-ра психол. наук / Яницкий Михаил Сергеевич. – Новосибирск, 2000.

УДК 811

Изучение образа медведя и дракона как символа русской и китайской культур

Хао С., Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант, Китай

Научный руководитель к.ф.н., доцент Жуков А. П., Россия

Многие страны имеют свои собственные символы животных, например, австралийская крыса, американский орел, индийский слон и т. д. Символ России – это медведь, а символ Китая – это дракон.

Сравнение России с образом медведя впервые появилось в западных литературных произведениях в XVIII веке, главным образом из-за предубеждений западного мира о том, что русские были варварским народом, жадным и ленивым, и их характер холоден снаружи и горяч внутри. Образ китайского дракона впервые появился 5000 лет назад, и это хорошо описано в «Книге песен». В Древности в Китае дракон часто был символом императора и чести. В статье представлены теоретические основы изучения культурных символов: роль символа в культуре, виды культурных символов и традиционные символы русской культуры, такие как медведь, берёза, матрёшка, балалайка и др., и китайской культуры, такие как керамика, шелк, панда и т.д. [Байбурин, 2020, с. 16]

Символические роли медведя и дракона проявляются во всех аспектах: в мифологии, в народных сказках, литературе, живописи и архитектуре, в городских гербах и географических названиях, в русской олимпийской символике, в современной массовой культуре (современные СМИ, социальные сети, политические карикатуры) и в политических высказываниях о России и о Китае [Семенова, 2020, с. 6]. Здесь мы знакомимся с образами медведя и дракона в русской и китайской культуре и литературе. Во-первых, это образ медведя в мифологии. Во-вторых, образы медведя и дракона играют важную роль в народных сказках, литературе, живописи и архитектуре. Например, картина русского художника Шишкина «Три медведя», где изображён русский лес и три медведя, символизирующие русскую природу. В контексте китайской культуры можно обратить внимание на персонажа на картине «Персонаж Юлун Ту», который выражает некое благое желание вознестись на небеса верхом на драконе.

Изучая символическую роль медведей в русской культуре и символическую роль драконов в китайской культуре, нетрудно обнаружить, что на самом деле характеристики медведей и драконов в значительной степени отражают характеристики русских и китайцев. С самого начала люди рассматривали все природные явления как примитивные символы для людей, пытающихся покорить природу и наделять её социальными символическими аспектами, что отражает процесс изменений во взаимоотношениях человека и природы [Романова, 2020, с. 2]. Здесь рассматривается образ медведя как символа России и образ дракона как символа Китая в современной культуре. Например, Медведь был одним из талисманов в русской символике на олимпиадах в Москве и Сочи. Образ дракона часто встречается в СМИ, социальных сетях и политических карикатурах.

Медведь и дракон как культурные символы имеют обширные культурные коннотации в российском и китайском обществе: из простых образов животных они, приобретя духовное значение, стали национальными символами. Медведь – может изображаться как неповоротливый и добродушный зверь, а может как сильный и агрессивный, дракон, как правило, изображается как очень сильный и мощный зверь. Русский народ очень любит медведя и китайский народ очень любит дракона. Таким образом, изучение символической роли медведей в России и драконов в Китае также может помочь лучше понять русскую и китайскую культуру, а также укрепить отношения между Россией и Китаем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин, А.К. Символы традиционной культуры. – М.: Наука, 2020.
2. Образ медведя в русских народных сказках. Медведь – сказочный персонаж. URL:<https://schci.ru.turbopages.org/schci.ru/s/medved.html>. (дата обращения: 25 октября 2020 г.)
3. Почему одним из символов России является медведь? URL:<https://www.fresher.ru/2020/07/17/pochemu-odnim-iz-simvolov-rossii-yavlyaetsya-medved/> (дата обращения: 25 октября 2020 г.)
4. Романова Ю. Б. Образ медведя как важная составляющая русской ментальности. М.: Наука, 2020.
5. Семенова Н. А. Образ медведя в славянской мифологии. URL:<https://www.livemaster.ru/topic/2206937-obraz-medvedya-v-slavyanskoj-mifologii>. (дата обращения: 25 октября 2020 г.)
6. Современные культурные символы России. URL:https://studwood.ru/509777/kulturologiya/sovremennye_kulturnye_simvol_rossii. (дата обращения: 25 октября 2020 г.) <https://svpressa.ru/society/article/250375/> (дата обращения: 25 октября 2020 г.)
7. Спирина Э. М. Роль символа в изучении конкретной культуры. М.: Наука, 2008.
8. 张宇. 龙年说龙 – 龙的民俗传说[J]. 神州 2012(1), 86–91
9. 朱必知. 龙图腾–中国精神[M]. 北京理工大学出版社, 2012.
10. 黄雅婷. 俄罗斯民族的图腾 – 熊[M]. 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2013.
11. 吴雪. 浅谈中国“龙”与俄罗斯“熊”所代表的文化差异[J]. 鸭绿江 (11 期下半月版), 2014: 277
12. 庞进. 龙文化与儒学[J]. 唐都学刊 2017 (5), 11–17
13. 许顺湛. 龙文化与中华民族[J]. 濮阳技术学院学报, 2020 (5)108–115
14. 王祯洪. 中国龙[J]. 时代人物(第 1 期, 2020, 154

УДК 821.581

Китайские исследователи о художественной рецепции русской классики в произведениях Лу Синя

Хуэй Л., Южный федеральный университет, магистрант, Китай
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Белополюская Е. В., Россия

Наследование и восприятие русских литературных традиций китайскими писателями – обширная тема. Ее изучение сегодня особенно актуально в связи с активным и многосторонним взаимодействием между Россией и Китаем.

В свое время огромную роль в деле укрепления культурного обмена между обеими странами сыграл великий китайский писатель Лу Синь. Как пишет Юй Вэньсю, «согласно статистике, Лу Синь перевел и прокомментировал, а также изложил произведения более чем 37 русских и советских писателей» [Юй Вэньсю, 2022]. В своем творчестве Лу Синь смело опирался на опыт русской литературы. Он признавал, что русские классики оказали на него очень значительное влияние.

Очевидно, что проблема художественной рецепции русской классической литературы в творчестве Лу Синя интересует и русских, и китайских ученых. В нашей работе речь пойдет об современных исследованиях, проведенных китайскими учеными.

Так, в ряде публикаций сопоставляются произведения Лу Синя с творчеством А. Пушкина, Л. Толстого, Л. Андреева, М. Арцыбашева и других русских писателей [Ши Хао, 2020; Пенг Сяоянь, 2019; Лю Янькунь, 2018].

Наибольшее количество научных публикаций, связанных с этой темой, посвящено творческому влиянию Н. Гоголя на Лу Синя, в особенности сопоставлению повести Гоголя «Записки сумасшедшего» и одноименного рассказа Лу Синя. Он появился в 1918 г. и стал новаторским: первым произведением китайской литературы в форме дневниковых записей на разговорном языке байхуа.

Китайские исследователи обращают внимание на особенности воплощения социальной направленности и художественных приемов Гоголя и Лу Синя [Ся Тянь, 2014; Лю Юн, 2020; Мао Юаньсян, 2018]. Как правило, обличительный пафос Лу Синя воспринимается китайскими исследователями острее и прямолинейнее гоголевского. Он направлен против «патриархального строя и зла конфуцианского учения о поведении человека в обществе» [Серебряков, 1988, с. 226]. Ученые сходятся во мнении, что Лу Синь заимствовал у Гоголя форму повествования в виде дневника и образ сумасшедшего героя. Несмотря на свое безумие (он страдает манией преследования), герой Лу Синя

демонстрирует знание прошлого своей страны, страдает в несправедливом настоящем и очень хочет приблизить идеальное будущее.

Тема безумия в названных произведениях видится китайским филологам одной из центральных. Например, Ли Аньци подчеркивает, что «оба героя теряют рассудок, и в основе сумасшествия обоих – тяжелые нравственные переживания, вызванные социальными причинами [Ли Аньци, 2021, с. 20].

Объединяет произведения Гоголя и Лу Синя тема «маленького человека». По мнению Кун Линжу, в отличие от Гоголя, «...образ “маленького человека” Лу Синя нераздельно связан с обществом и борется не за свое место, а за будущее развитие общества» [Кун Линжу, 2019, с. 211].

Ряд работ китайских ученых о художественной рецепции русской классики в творчестве Лу Синя связан с именем Ф. Достоевского. При этом констатируется, что христианская проблематика не воспринимается атеистом Лу Синем. Лу Синь прежде всего ценит в Достоевском художника и использует в своем творчестве его формы и приемы повествования. Инь Лу отмечает, что в рассказе Лу Синя «Скорь по ушедшей» есть совпадения с рассказом Достоевского «Кроткая»: исповедь героя после самоубийства жены дана в форме монолога. Лу Синь наследует и опыт Достоевского в отношении психологии «маленького человека». Такой герой становится центральным в его повести «Подлинная история А-Кью» (1921). Как и Достоевский, Лу Синь знакомит нас с внутренними переживаниями героя. На примере А-Кью китайский писатель выражает свою позицию: он и сочувствует «маленькому человеку», и критикует его за слабость. Если русский классик отрицал социальную революцию, то китайский – видел в ней спасение. «Пафос Лу Синя – преодоление прошлого в борьбе за будущее, а не автономное от общественных перемен внутреннее преобразование», – заключает Инь Лу [Инь Лу, 2019, с. 70].

Третьим русским классиком, чье влияние на Лу Синя достаточно часто исследуется в Китае, является А. Чехов. Лу Синя даже называют «китайским Чеховым». Лу Синь, как и Чехов, сначала хотел связать свою жизнь с медициной, но стал писателем.

Изучению специфики восприятия Лу Синем творчества Чехова посвящена диссертация Ши Жоу [Ши Жоу, 2015]. В ней определены общие темы и литературные типы Чехова и Лу Синя. Например, по мнению исследователя, тема сумасшествия объединяет чеховскую «Палату № 6» и «Дневник сумасшедшего» (1918), тема «маленького человека» – «Скучную историю» и «Подлинную историю А-Кью» (1921), медицинская тема – «Попрыгунью» и «Болезнь отца», детская тема – «Степь» и «Деревенское представление» (1922).

По убеждению Ши Шаньшаня, Лу Синь, когда писал свой рассказ «Родина», находился под влиянием чеховского рассказа «Мужики». Общность произведений проявляется «в отношении композиции, авторских точек зрения, приемов сопоставления и лиризма» [Ши Шаньшань, 2017, с. 198]. При этом, считает Ши Шаньшань, рассказу Лу Синя свойственна большая публицистичность, предельная ясность идейной позиции автора.

Таким образом, интерес современных китайских исследователей связан прежде всего с уточнением особенностей усвоения Лу Синем традиций великих русских классиков на уровнях темы, сюжета, героев и повествовательных приемов. Китайские ученые полагают, что Лу Синь удачно использовал наследие русских классиков для создания актуальных в Китае идей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Инь, Лу Художественная метафизика Ф. М. Достоевского в творческой рефлексии китайских писателей 1920–1930-х гг. (Лу Синь, Мао Дунь, Юй Дафу). Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Инь. – Краснодар, 2019. – 160 с.

2. Кун, Линжу. Сопоставление образа «маленького человека» в русской и китайской литературе (по материалам повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и рассказа Лу Синя «Записки сумасшедшего» / Л. Кун // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сб. мат. VI (XX) Международной конференции молодых ученых г. Томск, 18–19 апреля 2019 г. Вып. 20. – С. 210–211.

3. Ли, Аньци. Рецепция творческого наследия Н. В. Гоголя в Китае. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ли – М., 2021. – 31 с.

4. Лю, Юн. Всегда Гоголь. / Ю. Лю // 【参考文献格式】刘勇. 始终果戈里[J]. 戏剧之家, 2020, (第 18 期).

5. Лю, Янькунь. Изучение творчества Пушкина в Китае / Я. Лю, Ц. Чэн // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 2(23). – С. 168–170.

6. Мао, Юаньсян. Связь между Гоголем и Лу Синем: «Записки сумасшедшего» / Ю. Мао // 【参考文献格式】毛远香. 作家果戈里与鲁迅小说的关系 – 以《狂人日记》为例[J]. 山海经, 2018, (第 11 期).

7. Пенг Сяоянь. Сложные обстоятельства и чувства «гуманитарных элементов» в «Ранних романах Лу Синя и русской литературе»: с обсуждением возможного подтекста «Лу Синя» Ван Фурэна / С. Пенг

// 彭小燕. 《鲁迅前期小说与俄罗斯文学》中“人道主义元素”的复杂况味 – 兼及“王富仁鲁迅”的可能内涵[J]. 山东社会科, 2019 (07): 52–58.

8. Серебряков, Е. Гоголь в Китае // Гоголь и мировая литература. Сб. ст. Отв. ред. Ю. В. Манн / Е. Серебряков. – М.: Наука, 1988. – С. 225–275.

9. Ся, Тянь. Сравнительное исследование «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя /Т. Ся // 【参考文献格式】夏天. 鲁迅与果戈里《狂人日记》的比较研究[J].北方文学(下旬), 2014, (第3期).

10. Ши, Жоу. Традиции русской классической литературы в осмыслении китайских прозаиков (Чехов и Лу Синь) Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж. Ши. – М., 2015. – 161 с.

11. Ши Хао. Русская литературная традиция в духовном мире Лу Синя / Х. Ши // 施灏. 鲁迅精神世界中的俄罗斯文学传统[D].福建师范大学, 2020.

12. Ши, Шаньшань. Прототип рассказа Лу Синя «Родина» – рассказ Чехова «Мужики» / Ш. Ши // Вестник Башкирского университета. – 2017. –Т. 22. – №1. – С. 198–203.

13. Юй, Вэньсю Лу Синь и русская литература / В. Юй. – URL: [http://Гуанмин жибао \(Китай\): Лу Синь и русская литература | 07.10.2022, ИноСМИ \(inosmi.ru\) \(дата обращения: 20.04.23\)](http://Гуанмин жибао (Китай): Лу Синь и русская литература | 07.10.2022, ИноСМИ (inosmi.ru) (дата обращения: 20.04.23))

УДК 372.881.161.1

Об особенностях презентации грамматического материала в китайских учебниках русского языка для средней школы

Цяо Т., Южный федеральный университет, магистрант, Китай

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Ильин Д. Н., Россия

Изучение русского языка в школах Китая имеет давние богатые традиции. Пик интереса к русскому языку наблюдался во времена позднего Советского союза, в конце 80-х годов русский язык изучали 300 тысяч китайских школьников. Однако затем произошёл резкий спад, в 2004 / 2005 годах количество изучающих сократилось до 20 тысяч [Арефьев, 2020, с. 102]. В последние годы в связи со сближением России и Китая по самым различным направлениям наблюдается рост интереса к изучению русского языка, в первую очередь – в рамках вузовского образования, однако отмечается и увеличение числа школьников, изучающих русский язык (по некоторым источникам к 2010 г. число изучающих русский язык в средних школах КНР составило 83 тыс. человек [Тенчурина, 2016, с.184]). В связи с этим возникла потребность в обеспечении учебного процесса учебными материалами, отражающими современные российские реалии, соответствующими современным методическим установкам.

Рассмотрим учебник, который в настоящее время используется в китайских школах. Данный учебник составлен Научно-исследовательским центром учебников по русскому языку Института учебных пособий издательства «Народное образование» (Китай) в сотрудничестве с Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина (Россия) в соответствии со «Стандартами учебной программы по русскому языку для обязательного образования» Министерства образования КНР (издание 2011 года). Он был рассмотрен и одобрен Национальным экспертным рабочим комитетом по учебникам базового образования в 2012 году.

Как правило, изучение русского языка начинается в 7 классе. Школьникам предлагается учебник для начинающих, ориентированный на элементарный уровень владения русским языком, А1. Этот учебник разделен на два блока. Блок 1: Вводно-фонетический курс (уроки 1–7). Здесь происходит знакомство с русским алфавитом, даются основные правила русского произношения, отрабатываемые посредством множества имитационных упражнений, что способствует формированию навыков аудирования и говорения. После первых семи уроков ученики должны владеть правильным произношением и интонацией, обладать базовыми навыками письма.

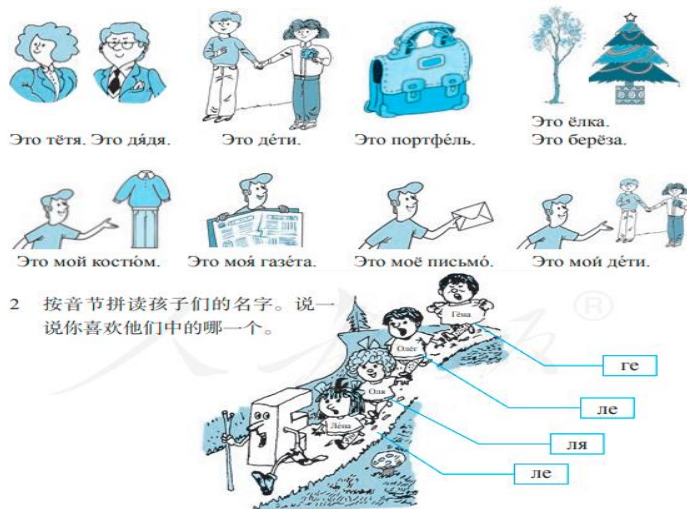
Блок 2: Тематические материалы (уроки 8–17). Каждый урок сконцентрирован вокруг какой-либо лексической темы (ориентация на коммуникативные ситуации, соответствующие требованиям элементарного уровня), содержит 1–2 грамматических тем. Материал вводится посредством небольших диалогов, коротких эссе, стихов, иллюстраций. Предлагаются игровые задания на развитие речи, предлагаются головоломки, прослушивание и исполнение песен, высказывания на заданные темы и т. д. По задумке авторов, это должно заложить прочную основу для успешного изучения русского языка в будущем.

Непосредственно, на осознанном уровне, грамматика вводится с 8 урока.

名词的性			
俄语名词分为阳性、阴性和中性。			
кто?			
阳性 он	阴性 она́	说 明	
де́душка па́па дядя	ба́бушка ма́ма те́тя	回答кто?的名词叫作动物名词。动物名词分为阳性和阴性两类。	
что?			
阳性 он	阴性 она́	中性 оно́	说 明
журна́л музе́й словáрь	кни́га семья́ тетра́дь фами́лия	окно́ мо́ре и́мя	回答что?的名词叫作非动物名词，它们的性根据词的结尾来确定。非动物名词分为阳性、阴性和中性三类。
阳性名词通常以辅音字母，-й和-ь结尾。	阴性名词通常以-a，-я和-ь结尾，少数以-ия结尾。	中性名词通常以-o，-e结尾，少数以-мя结尾。	
<p>请注意! 以-ь结尾的名词，有的是阳性，有的是阴性，如 словáрь (阳性)，тетра́дь (阴性)，要分别记住。</p>			

Рис. 1. Фрагмент Урока 9

На рисунке 1 представлена грамматическая таблица по категории рода из девятого урока. Однако уже на этапе водно-фонетического курса школьники видят *он-она, мой-моя, ваш-ваша...* (см. Рис. 2). То есть происходит знакомство с категорией рода на лексическом уровне. Как правило, в вузовских учебниках осознанное понимание различия между мужским, женским и средним родом предполагается уже с первых семи уроков курсов для начинающих. Для школьников, как видим, авторы обоснованно в первых семи уроках сделали акцент на наблюдение, заучивание и имитативные упражнения, собственно подача теоретического материала была немного отсрочена. С нашей точки зрения это вполне оправдано, соотносится с базовыми положениями возрастной психологии.

2 按音节拼读孩子们的名字。说一
说你喜欢他们中的哪一个。

Урок 5 41

Рис. 2. Фрагмент Урока 5

Также на рисунке 1 мы видим, что параллельно с категорией рода учащиеся знакомятся с категорией одушевлённости-неодушевлённости. Здесь принадлежность к тому или иному подтипу существительного определяется по вопросу. На вопрос «кто?» отвечает одушевлённое имя существительное, на вопрос «что?» отвечает неодушевлённое имя существительное. Здесь нужно обратить внимание, что в китайском языке нет категории одушевлённости-неодушевлённости имени существительного, и в данном уроке её объяснение приводится не совсем точно. И из-за влияния родного языка обучающийся может оказаться в небольшом замешательстве.

В этом учебнике написано, что слово «он» значит *他*, «она» – *她*, «оно» – *它*, и со стороны китайского языкознания как начинающий ученик, я бы полностью согласилась с этими переводами. Но возьмём, к примеру, слово «он» – *他*; в китайском языке данный иероглиф используется только как местоимение, обозначающее лиц мужского пола, а в русском языке этим местоимением может обозначаться и школьник, и стол, и телевизор, и даже кот, петух... Или слово «она» – *她*; в китайском языке данный иероглиф используется только как местоимение, обозначающее лиц женского пола, а в русском языке это может быть и девушка, и лампа, и книга, и даже собака и курица... Ещё больше может

запутать школьника слово «оно» – 它, которое в китайском языке данным иероглифом обозначает всё, кроме людей, а в русском языке под этим местоимением разумеется, может быть только слова с окончаниями -О/-Е: окно, поле и т. п.

Таким образом современные учебники, при всей их ориентированности на коммуникативный подход и актуальные реалии, с нашей точки зрения, нуждаются в определённой доработке с целью исключения отдельных неточностей, вызванных несоответствием языковых систем и отрицательной интерференцией.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев А. Л. Функционирование русского языка в мире: проблемы и пути их решения // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития: Ежегодник. Вып. 5 / Отв. ред. А. Л. Арефьев; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 83–138.

2. Тенчурина Л. З., Ли Си-мэй Изучение и преподавание русского языка в Китае и на Тайване: прошлое и настоящее // Образование и наука. 2016. № 3 (132).

УДК 811.161.1

Речевой портрет блогера-миллионника сквозь призму его коммуникативных стратегий

Чанцева М. К., Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Савченкова И. Н., Россия

В настоящее время лексема «блогер» получила широкую известность не только в интернет-пространстве, но и в реальной жизни. Думается, что именно активное использование слова в средствах массовой информации привело к его распространению. С другой стороны, само явление блогерства стало модной тенденцией коммуникации в молодежной среде, а иногда и профессиональным выбором и способом заработка денег.

Прежде чем перейти к анализу речевого портрета блогера-миллионника (на материале роликов видео-платформы YouTube), следует обратиться к определению понятия «блогер». В статье Е. Н. Граждан приводится несколько дефиниций понятия:

a person, who regularly writes material for a blog” (человек, который регулярно пишет материалы для блога), “a person who keeps and updates a blog” (человек, который ведет и обновляет блог). Подобные определения мы встречаем и в русскоязычных словарных статьях: «люди, ведущие блог», «человек, ведущий свой сетевой журнал». Что касается этимологии данных лексем, то они произошли от лексем “blog” / «блог» соответственно, которые, в свою очередь, определяются как “online journal (weblog)”, “a personal chronological log of thoughts published on a Webpage” (человек, который публикует свои мысли и размышления в хронологической последовательности на веб-странице; сетевой журнал или дневник событий). Обе эти лексемы берут начало от англ. “weblog” [Граждан, 2018, с. 85].

Стоит отметить, что в своей работе Е. Н. Граждан рассматривает и правописание данного термина. Поскольку слово пришло в русский язык из английского языка, где оно пишется с удвоенной «g» – «blogger», некоторые лингвисты полагают нормативным писать слово с удвоенной согласной и по-русски. На просторах интернета можно встретить такое написание, однако в словарях слово зафиксировано с одной «г». Например, в Универсальном дополнительном практическом толковом словаре И. Мостицкого: «**БЛОГЕР**, *комп. человек, который ведет свой блог*».

В данной работе под «блогером» мы будем понимать человека, регулярно ведущего блог в социальной сети. Объектом исследования является блогер-миллионник. Присоединение к слову «блогер» второй основы «миллионник» означает, что у этого блогера более миллиона подписчиков, то есть людей, просматривающих его блог.

Привлечение такого огромного количества подписчиков безусловно имеет основания. И здесь, прежде всего, интересно, каким образом блогер добился такого результата, какие он использовал для этого инструменты. Думается, что анализ речевого имиджа блогера-миллионника на материале видеороликов интернет-платформы YouTube заслуживает здесь особого внимания.

Как полагают исследователи Т. М. Катаева и Е. А. Гороховская, именно интерактивный характер публикаций способствует привлечению аудитории. Авторы приводят подробную классификацию форматов общения видеоблогеров-миллионников платформы YouTube, разделяя их на следующие типы:

- видео-блог – один из наиболее распространенных типов видео свободного формата. Блогер может рассказывать о своей жизни, погоде, природе, путешествиях, важных для него или его подписчиков вопросах;
- фавориты – блогер демонстрирует то, чем он пользовался последнюю неделю/месяц/год и что ему больше всего понравилось;

- обзор – медийная личность высказывает об определенном продукте свое авторитетное (для подписчиков) мнение;

- TAG – различные видео на конкретную тематику;

- Letsplay – блогер снимает, как он играет в какую-либо игру [Катаева, 2015, с. 78].

Другой исследователь Е. С. Сипко в своей статье «Популярность влогов в информационном пространстве России» считает, что «секрет популярности видеоблога достаточно прост: креативная подача информации, новизна контента, качественный юмор, неординарность автора, специфичность» [Сипко, 2016, с. 24]. Заметим, что автор использует в статье также написание лексемы «блог» с буквой

«в» – влог. Помимо ранее перечисленных форматов, Е.С. Сипко выделяет также:

- обучающее видео – его главная задача – ответить зрителю на вопрос «как?» (*Как завязать галстук? Как приготовить шарлотку? Как заплести французскую косу? Как починить стиральную машинку?* и т. д.). Ярким примером являются так называемые *Beauty vlogs* (как правильно наносить макияж, как делать прически, как ухаживать за собой и т. п.);

- музыкальные видеоблоги – основываются на обзоре музыкальных клипов и деятельности известных исполнителей, композиторов и т. д. Таким влогам свойственен юмористический характер. В России популярны видео под общим названием «*Иностранцы слушают русскую музыку*». Суть таких влогов в том, что иностранцам показывают клипы русских звезд и те, в свою очередь, высказывают свое отношение к клипам и исполнителям [Сипко, 2016, с. 24–26].

Для исследования мы выбрали популярного российского блогера Дмитрия Масленникова. На видеохостинге YouTube он публикует ролики в формате видео-блога в жанре лайфхаков, охоты за привидениями и экстрим-видео.

Форматы блогов играют большую роль в привлечении внимания, однако, по нашему мнению, главным в этом аспекте является сама личность блогера, его умение создать востребованный контент, целеполагание, его стратегии привлечения и удержания внимания. Интересным в этом вопросе являются размышления о блогере как языковой личности и о том, что языковая личность человека, который является блогером, и сама языковая личность придуманного образа блогера могут не совпадать. Созданный образ блогера, в том числе и его речевой портрет, может быть лишь способом для достижения целей, которые преследует блогер. В связи с этим Д. А. Шляхова отмечает, что «поскольку реальная языковая личность имеет свои коммуникативно-поведенческие особенности, зависящие от потребностей, мотивов и целей, процесс речепорождения и создания речевых произведений у любых субъектов блог-дискурса будет подчиняться законам коммуникативной лингвистики» [Шляхова, 2019, с. 43]. Таким образом, чтобы воздействовать на аудиторию, блогеру необходимо владеть определенными коммуникативными стратегиями и тактиками их реализации.

Так, рассмотрим три основные частные коммуникативные стратегии, которые функционируют в блог-дискурсе, и о которых пишет в своем автореферате диссертации У Баоянь. Она выделяет **Я-стратегию** (стратегия самопрезентации, создания виртуального образа), **Ты-стратегию** (стратегия адресованности, интерактивности), и **Мы-стратегию** (стратегия интеграции, поддержания и развития дружелюбного сообщества) [Баоянь, 2008, с. 7].

Любая коммуникативная стратегия не может существовать без средств её выражения, без тактик речевого поведения. Следуя взглядам Д. А. Шляховой и упомянутым в её работе О. С. Иссерс и В. С. Третьяковой, под тактиками речевого поведения мы будем понимать совокупность речевых приемов, их динамическое использование в построении диалогового общения для достижения плана, определенного коммуникативной стратегией [Шляхова, 2019, с. 44]. Эти приемы нацелены на установление и поддержание контактов, привлечение внимания, убеждение адресатов речи.

Так как YouTube – это видеоплатформа, то **стратегия самопрезентации** и создания виртуального образа может быть выражена как вербально, так и невербально. Эта стратегия является наиболее значимой и наиболее встречаемой в блог-пространстве. К невербальному аспекту мы можем отнести яркие картинки, динамичные ролики, броский текст, эмоциональную подачу автора блога. А к вербальному – использование социолектов и лексики, относящейся к различным тематическим полям.

В качестве примера мы решили взять один ролик Дмитрия Масленникова, который посмотрели более шести миллионов человек. Так, на заставку этого видео, под названием «*Это вам не Монополия Макдоналдс! Проверка Стикермании ВКУСНО – И ТОЧКА... потратил миллион*», блогер поместил себя с телефоном в руке, на экране которого изображено списание миллиона с его банковского счета. В заглавии ролика Дмитрий использует конструкцию «это вам не (существительное/неопределенная форма глагола)», которая употребляется достаточно часто, когда говорят о вещах, не подлежащих сравнению. Следовательно, исходя из названия и картинки, мы понимаем, что образ, реализуемый автором в данной публикации, преследует различные цели. Среди них возможно выделить: привлечение внимания,

демонстрацию своего финансового положения и экспертности, критику сети «Макдональдс» и рекламу сети «Вкусно – и точка».

«**Ты-стратегия**» или стратегия адресованности призывает зрителей блога к ответной реакции на публикации, к активному участию, комментированию и обмену различными точками зрения. В качестве примера приведем отрывок из видео о проверке «Стикермании», о котором уже сегодня упоминали: *«В этом году компания «Макдональдс» стала новой компанией «Вкусно - и точка» со своей акцией «Стикермания», и мне кажется, её необходимо проверить в нашем стиле. И по вашей же просьбе мы сделаем это в разных городах России»*. Таким образом мы видим, что Дмитрий призывает к активному участию в создании его контента. Он агитирует в своих роликах активно комментировать и предлагать новые идеи, для более интересного сюжета. Следовательно, тактиками данной стратегии считаются языковые средства обращения, которые выражаются в основном в вопросительных и побудительных предложениях.

«**Мы-стратегия**» также адресована на подписчиков, но носит немного другой характер. Данная стратегия интеграции используется для привлечения большего количества зрителей, а также для поддержания комфортной, дружелюбной атмосферы блога. В пример мы также приведем отрывок из видео «Стикермании»: *«Вообще, друзья, я безумно кайфую, когда во время съемок, мы очень много путешествуем, потому что в каждом месте, в каждой локации, в каждом городе ты находишь что-то уникальное и потрясающее, что остается здесь, и здесь (указывает на голову и сердце). Но, самое главное – это бесценные эмоции, когда ты встречаешь подписчиков в отдаленных частях нашей страны. Удивление, восторг, общение – я надеюсь, что этого в этом году будет намного больше!»*. Так, мы можем отметить, что средствами реализации данной стратегии являются обращения к зрителю, как к единой общности, как к своей определенной социальной группе. В нашем примере, Дмитрий называет своих подписчиков друзьями и призывает их объединяться, спланиваться, встречаться. Он использует в своей речи большое количество эпитетов и положительно окрашенной лексики (*что-то уникальное и потрясающее, бесценные эмоции, кайф, удивление, восторг*), таким образом, формируя атмосферу дружелюбного сообщества.

Подводя итог, следует отметить, что блогер-миллионник пользуется различными коммуникативными стратегиями для привлечения и удержания своих подписчиков. Во-первых, стратегией самопрезентации, которая помогает создать Дмитрию виртуальный образ и привлечь внимание к своей персоне. Во-вторых, стратегией адресованности, позволяющей вовлекать и заинтересовывать аудиторию в обратной связи. И наконец, стратегией интеграции, которая объединяет и сплачивает аудиторию. Дмитрий Масленников мотивирует пользователей на активность в своем YouTube канале при помощи эмоциональной подачи и прямого обращения к зрителю. В результате, аудитория на видео-платформе с каждым днем все больше растёт и приносит блогеру не только популярность, но и хороший заработок.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Баоянь, У. Коммуникативные стратегии и тактики и языковые средства их реализации в русскоязычной неформальной межличностной дискуссии (на материале Интернет-дневников): автореф. дис... канд. филол. наук / У Баоянь. – М: МГУ, 2008. – 27 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1535 с.
3. Граждан, Е. Н. Лингвокультурный типаж «Блогер» / Е. Н. Граждан // Грамота. – 2018. – № 10(88). Ч. 1. – С. 84–87.
4. Катаева, Т. М. Международный интернет-маркетинг: проблемы и перспективы / Т. М. Катаева, Е. А. Гороховская // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2015. – № 2. – С. 77–79.
5. Мостицкий, И. – Универсальный дополнительный практический толковый словарь. 2005–2012 // URL: http://mostitsky_universal.academic.ru/prank.
6. Сипко, Е. С. Популярность влогов в информационном пространстве России / Е. С. Сипко // Филологические науки. – 2016. – № 4. – Том 2. (68) – С. 22–28.
7. Шляхова, Д. А. Коммуникативные стратегии и способы выражения языковой личности блогера (на материале немецкой военной блогосферы) / Д. А. Шляхова // Филология и человек. – 2019. – № 3. – С. 41–51.

Социолект в коммуникативных стратегиях*Чанцева М. К.*, Южный федеральный университет, магистрант, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Савченкова И. Н., Россия

Начиная с 20-го века лингвисты все больше внимания уделяют исследованию и анализу живого языка. Как отмечает Ю. М. Скребнев в своих трудах, «разговорный язык – это в некотором смысле минимальная система национального языка, филогенетически и онтогенетически первичная система, важнейшая по диапазону общественной и индивидуальной значимости» [Скребнев, 1985, с. 87]. Разговорный язык часто считается ядром языка, в котором сосредотачиваются ключевые языковые элементы и нормы. Он представляет собой основу, на которой строится более формальная и структурированная письменная речь. Исследование разговорного языка помогает раскрывать те языковые структуры и функции, которые являются основой для более сложных языковых форм.

Итак, исследование разговорного языка имеет ключевое значение для понимания языковой эволюции, культурных аспектов и коммуникативной динамики. Эта форма языка представляет собой богатый источник знаний, исследование которого способствует более глубокому пониманию языковой природы и человеческой коммуникации.

Согласно взглядам Ш. Балли, можно также утверждать, что осмысление разговорной речи представляет собой чрезвычайно важную задачу, ведь «разговорный язык является единственным истинным языком и нормой оценки всех прочих форм речи» [Балли, 2009, с. 17]. Разговорный язык является зеркалом культуры и общества. Понимание разговорной речи позволяет нам взглянуть на то, как люди общаются, выражают свои идеи, эмоции и отношения друг к другу. Он передает нюансы обыденной жизни, которые могут быть упущены в формальных формах речи.

Так, мы видим, что лингвисты ставят вопрос о том, что проблема живого языка важна и её необходимо исследовать, так как литературный язык включает в себя все больше сленговых слов и выражений. И именно поэтому вопрос изучения сленга становится одним из самых актуальных направлений не только современной лингвистики, но и лингвистики в целом.

Понятие «сленг» с каждым годом приобретает всё большую популярность в лингвистических исследованиях. В настоящее время существует множество научных определений данного явления, которые часто противоречат друг другу.

В российской лингвистике наиболее широко распространено утверждение В. А. Хомякова: «сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [Хомяков, 1980, с. 43–44].

Утверждение В. А. Хомякова о сленге предоставляет нам интересную основу для размышления о его природе и роли в языковой и культурной эволюции. На основании данного определения, мы приходим к выводу, что сленгу присущи определенные временные рамки, в которых он функционирует и в которых развивается исходя из особенностей культуры различных народов. В. А. Хомяков также указывает на важность культурных особенностей и народов в развитии и формировании сленга. Это означает, что сленг может быть уникальным для определенных групп людей или национальных культур. Исследование этого аспекта может помочь нам лучше понять, как язык связан с идентичностью и культурой.

В современной эпохе сленг представляет собой существенную компоненту русского языка, и этот термин применяется к разнообразным аспектам. В своем исследовании Т. В. Мизюрина указывает, что «несмотря на то, что социальная сущность сленга значительно изменилась, исследователи продолжают использовать это название, во-первых, потому что это традиционное понятие, прочно укоренившееся в современной лексикологии и лексикографии, а во-вторых, этот термин позволяет объединить в рамках единой категории различные слова и словосочетания, противопоставляемые литературной лексике» [Мизюрина, 2013, с. 106]. Что касается разнообразных аспектов сленга, то он входит как в лексику, фразеологию, так и в грамматику. Этот разнообразный языковой слой может быть исследован и анализирован в контексте современной коммуникации. Важно учитывать, что сленг может варьироваться в зависимости от социокультурных групп и контекстов использования.

Кроме того, Т. В. Мизюрина цитирует в своей работе точку зрения известного датского лингвиста О. Есперсена (1925), согласно которой сленг представляет собой определенную разновидность речи, «которая обязана своим происхождением желанию человеческой особи отклониться от обычного языка,

навязанного нам обществом» [Мизюрина, 2013, с. 108]. Сленг может быть средством индивидуального и коллективного выражения. Индивидуально, он позволяет каждому человеку находить уникальные способы выражения своих мыслей и эмоций. Коллективно, он может объединять группы людей, создавая собственные языковые коды и идентичность. Так, мы также можем отметить, что сленг часто связан с развлечением и юмором. Он может использоваться для создания комических ситуаций, игры слов и иронии. Это способствует обогащению языковой палитры и добавляет элемент развлечения в коммуникацию.

Что же касается жаргона, то Л. И. Скворцов ещё в своей работе 1966 г. предлагал провести различие между узким и широким пониманием этого понятия. Он указывал на то, что в узком смысле жаргон ограничивается специализированными или маргинальными областями общения. Это может включать профессиональные жаргоны, тайные языки или специфические словари, используемые в определенных сферах, таких как преступность, врачебное дело, военная терминология и др. В узком смысле жаргон часто служит средством идентификации для членов определенных профессиональных групп или сообществ. В широком смысле автор приравнивал понятие жаргона к сленгу, так как последний является удобным «для описания механизма взаимодействия литературного языка с нелитературными сферами речи, для отграничения интересующего нас круга лексики от лексики, ограниченной в своем употреблении пределами более или менее замкнутых социальных групп (жаргоны и арго)» [Скворцов, 1985, с. 61]. Этот более обширный взгляд на жаргон позволяет рассматривать его как инструмент взаимодействия литературного языка с разнообразными сферами общения. Широкое понимание жаргона позволяет более полно описать механизмы взаимодействия литературного языка с нелитературными сферами речи. Это важно для понимания, как литературный язык адаптируется к социокультурным изменениям и как он включает в себя элементы разнообразных диалектов и субкультур.

Таким образом, жаргонизмы обычно присущи довольно широким группам населения, которых объединяют определенные внешние факторы. Таковыми могут являться общие увлечения, интересы, вкусы группы, либо длительное пребывание в какой-либо среде.

В своих исследованиях Э. М. Береговская занималась анализом современного молодежного сленга и представила различные интерпретации этого лингвистического явления. Автор указала, что «молодежному сленгу, как всякому арго, и шире – как всякому субъязыку, свойственна некоторая размытость границ»; «арго, как его ни называй – жаргон, сленг или социолект, – это не вредный паразитический нарост на теле языка» [Береговская, 1996, с. 40]. Понятия «субъязык» и «социолект» предостерегают нас от оценочных суждений о лингвистических явлениях. Они подчеркивают, что сленг, как и данные формы речи не является вредным или паразитическим явлением. Вместо этого, он представляет собой специфические средства коммуникации, которые выражают определенные социокультурные и социальные контексты.

Таким образом, подход Э. М. Береговской к молодежному сленгу и арго подчеркивает их динамичную и неразрывную связь с социокультурными контекстами и позволяет нам лучше понимать языковую многогранность и разнообразие в мире молодежи.

Подводя итог, необходимо отметить, что многие исследователи, например, такие как Л. И. Антрушина, И. В. Арнольд и С. А. Кузнецова рассматривают сленг просто как синоним жаргона, арго или кэнта. Однако следует разграничивать эти смежные понятия. Все они активно употребляются в современной науке и их нередко рассматривают как синонимы. Принято считать, что арго используется в каких-то определенных узких социальных группах. Жаргонизмы, напротив, могут принадлежать не одной, а многим социальным группам. Сленг подразумевает под собой подвижный пласт экспрессивной лексики, который не ограничивается употреблением в социальных группах. А кэнт (cant), согласно Т. В. Мизюриной, выступает в роли синонима слову сленг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли – М.: 2009. 398 с.
2. Береговская, Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. – М.: 1996. № 3. 241 с.
3. Липатов, А. Т. Сленг в аспекте его диахронии / А. Т. Липатов // Социальные варианты языка – II : материалы междунар. науч. конф., 24–25 апр. 2003. Н. Новгород. 2003. 396 с.
4. Мизюрина, Т. В. Вестник Челябинского государственного университета // Филология. Искусствоведение. Ч.: Челябинский государственный университет. 2013. Вып. 73. С. 106–111.
5. Скворцов, Л. И. Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (на материале русской лексики послеоктябрьского периода). М. 1996. 284 с.

6. Скребнев, Ю. М. Введение в коллоквиалистику / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов. 1985. 210 с.
7. Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. канд. филол. наук. Л. 1980. 168 с.

УДК 811.161.1:37.016

Особенности преподавания русского языка в Китае

Чжан Ч., Южный федеральный университет, магистрант, Китай

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Помигуева Е. А., Россия

Сегодня многие китайские студенты и школьники изучают русский язык, этот процесс вызывает много вопросов и затруднений.

Одна из основных трудностей заключается в том, что изучаемый язык становится для китайских учащихся не только материалом обучения, который необходимо усвоить, но и способом постижения другой культуры, другого мироустройства, приобретения профессиональных знаний, навыков и умений [Помигуева, 2018, с. 220].

Прежде всего, это отличия в языковом мышлении, например, разница между порядком русских имен и фамилий и порядком китайских фамилий и имен. Все эти знания можно освоить путём запоминания и практики.

Самое сложное для китайских студентов, особенно начинающих, это то, что русский и китайский – это две совершенно разные системы. Русский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье, в то время как китайский принадлежит к китайско-тибетской языковой семье [Новикова, 2011, с.72], поэтому студентам, привыкшим к китайской языковой среде, в начале процесса сложно адаптироваться к русскому языку. Перед началом урока самое главное – помочь студентам настроиться на обучение: это новый язык, и вполне закономерно, что есть некоторые явления, которые отличаются от китайского и английского языков. Например, есть русские слова, которые звучат смешно и имеют негативное значение в китайском языке. Например, «судьба» в русском языке – это обычное слово, но его произношение в китайском, неблагозвучно.

Необходимо чаще практиковаться в говорении, не боясь ошибаться и совершенствуясь с каждой ошибкой. Словарный запас на начальном этапе относительно невелик, и слова каждого урока должны быть прочно освоены, а когда вы слышите русское выражение, вы должны знать его китайское значение и наоборот тоже.

Прежде всего, необходимо выучить русский алфавит. Основная сложность заключается в том, что есть незнакомые буквы и буквы, которые пишутся практически одинаково на китайском, английском и русском языках, но произносятся совершенно по-разному. Например, «В» по-китайски произносится как «во»; самым сложным звуком является «Р» (многие китайцы не могут произнести этот звук) и т.п.

Ударение также сложно для китайских студентов, в процессе обучения мы требуем, чтобы студенты постукивали пальцами по столу при чтении слов.

Вызывает особые трудности освоение притяжательных местоимений; категории рода русских существительных, поскольку в китайском языке нет такого понятия; слов, оканчивающихся на «ь», которые можно только запомнить и т.д.

Такое явление, как единственное и множественное число тоже отсутствует в китайском языке, например: *одно яблоко* 1 个苹果, *два яблока*, 2 个苹果. В китайской речи не меняется окончание и произношение слова *яблоко*, но знание английского языка позволяет понять эти значения.

Изучение падежа также вызывает трудности у китайских студентов, поскольку ни в китайском языке, ни в английском такого понятия нет. Например: Я люблю тебя, 我爱你 Ты любишь меня 你爱我. Меняется только порядок слов.

Время глагола, вид глагола, переходный глагол, глагол движения, причастие и т. д. – все эти формы сложны для китайских студентов. В китайском языке глагол имеет только одну форму, например:

я читаю Я 读

вы читаете Вы 读

мы читаем Мы 读

Я прочитал его вчера. Я 读完了 его вчера

Она прочитала его вчера. Она 读完了 его вчера

Он читает его. Он 正在读

Читая книгу, он слушает музыку. 读着书 книгу, он слушает музыку.

Кроме того, прилагательные, числительные, местоимения, предлоги, союзы и т. д., а также типы и компоненты предложений вызывают трудности у для китайских студентов.

Учащимся необходимо обогащать словарный запас. Мы знаем, что чем большим словарным запасом мы владеем, тем лучше. Самое сложное для студентов-иностранцев то, что есть слова, которые невозможно найти в словаре, и есть еще слова, которые имеют несколько значений (например, аргументы, демонстрация).

Таким образом, преподавать русский язык китайским студентам непросто. Трудности есть и у преподавателей, и у студентов, поэтому нужно больше терпения, практики, больше общения с носителями русского языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Новикова, А. К. Преподавание русского языка в Китае: Этнометодические и этнокультурные особенности // Полилингвильность и транскультурные практики. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-russkogo-yazyka-v-kitae-etnometodicheskie-i-etnokulturnye-osobennosti> (дата обращения: 20.11.2022).

2. Помигуева, Е. А. Межкультурный диалог в условиях современного полиэтничного образования // Современные наукоёмкие технологии, №12 2018, г. Москва, Академия естествознания, с. 220–224.

УДК 372.881.161.1

Организация обучения русскому языку детей-билингвов в рамках кружковой деятельности (на примере МБОУ «Выделянская СОШ» Родионово-Несветайского района Ростовской области)

Чирва О.В., Южный федеральный университет, магистрант, Россия
научный руководитель: к.ф.н., доцент Нефёдов И.В., Россия

В последние годы в нашей стране увеличивается число детей, растущих в условиях двуязычия. По данным МВД РФ с января по сентябрь 2022 года на территорию России прибыло более 12 миллионов человек из зарубежных стран. Свыше 9 миллионов приехали из Узбекистана (около 5 миллионов человек), Таджикистана (около 3,5 миллионов человек) и Киргизии (около 1 миллиона человек) [Официальный сайт ГУВМ МВД РФ, URL]. Помимо этого, сохраняется внутренняя миграция населения. Это приводит к тому, что в русскоязычных школах возрастает количество обучающихся с иным культурным фоном. Однако существующие учебно-методические комплексы, соответствующие ФГОС НОО, ФГОС ООО и ФГОС СОО, ориентированы на детей, для которых русский язык является родным. В результате у детей-билингвов возникают закономерные трудности в освоении русского языка. Сложившаяся ситуация требует определённого лингвометодического и психолого-педагогического сопровождения двуязычных детей.

Так как само явление билингвизма рассматривается одновременно в лингвистическом, педагогическом, социологическом, социолингвистическом, лингвокультурологическом, психологическом аспектах, то дать ему единое определение представляется затруднительным.

Классическим определением билингвизма большинство исследователей считают данное У. Вайнрайхом в книге «Языковые контакты»: «Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, её осуществляющих, двуязычными» [Вайнрайх, 1979, с. 3].

Похожее определение мы читаем у В.Ю. Розенцвейга: «Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [Розенцвейг, 1972, с. 9].

По А. Д. Швейцнеру, первым языком считается родной, вторым – неродной, который используется повсеместно той или иной национальной общностью. При этом уровень владения языками может быть отнюдь не одинаковым, могут различаться уровни владения устной и письменной речью, то есть одной из этих форм человек может владеть лучше, а другой намного хуже [Швейцнер, 1976].

Р. К. Миньяр-Белоручев утверждает, что знание двух языков и есть билингвизм [Миньяр-Белоручев, 1999]. Л. Л. Нелюбин также считает, что билингвизм – это эквивалентное владение двумя языками [Нелюбин, 2003]. Е. М. Верещагин рассматривает двуязычие как некий психический механизм, благодаря которому человек может порождать и воспроизводить речевые высказывания, принадлежащие к двум языковым системам, параллельно [Верещагин, 1969].

Современная наука даёт множество трактовок понятию «билингвизм». Как отмечает Г. М. Вишневецкая,

различные концепции можно разделить на две группы, отражающие противоположность взглядов учёных: одна концепция подразумевает владение вторым языком приблизительно так же, как своим родным. Вторая допускает значительные различия в знании двух языков, однако предполагает пользование вторым языком (неродным) в различной степени (с большим или меньшим успехом) в ситуации общения с носителем языка [Вишневская, 1997, с. 14].

Таким образом, можно констатировать разделение концепций на те, которые отражают узкое понимание билингвизма, и такие, которые понимают билингвизм в широком смысле.

В этом плане трактовка У. Вайнрайха, на наш взгляд, представляется наиболее нейтральной, так как в ней уровень владения языками не рассматривается. В своей статье «Билингвизм и его аспекты» С. В. Андреева отмечает: «в отечественной науке узкое понимание билингвизма встречаем в работах К. Х. Ханазарова, В. А. Аворина, А. И. Рабиновича и др. Широкая трактовка билингвизма представлена в концепциях В. Ю. Розенцвейга, А. А. Метлюк, Ф. П. Филина» [Андреева, 2009].

Стоит обратить отдельное внимание на трактовку билингвизма, предложенную Ф.П. Филином:

Двуязычие в узком смысле этого слова означает более или менее свободное владение двумя языками: родным и неродным; двуязычие в широком смысле – относительное владение вторым языком, умение в том или ином объёме пользоваться им в определённых сферах общения (научной, производственной, бытовой и т.п.). Последний тип двуязычия можно назвать не полным, частичным... Неполное, или частичное, двуязычие бывает самых различных градаций и распространено широко. Абсолютно одинаковое владение двумя языками, т.е. абсолютно полное двуязычие, по-видимому, встречается нечасто. Следовательно, при определении понятия двуязычия, очевидно, не следует придерживаться жёстких формулировок [Филин, 1972, с 24–25].

По мнению Г. М. Вишневской, данная концепция «представляется наиболее убедительно, так как она объективно отражает анализируемое явление, учитывая характер связи между языками в речи двуязычного индивида, и позволяет... раскрыть это явление полно и всесторонне» [Вишневская, 1997, с. 16].

По нашему мнению, трактовка Ф. П. Филина наиболее точно подходит для описания ситуации двуязычия, сложившейся в современной школе, так как уровень владения как родным, так и русским языком у детей может быть абсолютно разным, однако все они свободно владеют родной устной речью, а русским языком в мере, достаточной для того, чтобы их понимали русскоязычные дети и взрослые.

Как уже упоминалось ранее, билингвизм имеет множество аспектов. М. М. Михайлов полагал, что каждый из этих аспектов «подчас выступает как интердисциплинарная проблема, требующая усилий ряда смежных наук, поскольку лингвистический аспект неизбежно переплетается в ней с психологически, психологический – с педагогическим, литературно-художественный с лингвистическим» [Михайлов, 1989, с. 12].

Наиболее отчётливо справедливость данного утверждения подтверждается в современной школе. Часто у детей-билингвов проблемы, связанные с изучением русского языка, влияют на освоение дисциплин не только гуманитарного профиля, но и естественнонаучного и физико-математического направлений. Возникновение подобной ситуации является следствием непонимания двуязычными детьми формулировок теорем, незнание традиций, а также тех исторических событий, знакомство с которыми у русскоязычных детей происходит в раннем детстве. В родном и русском языках могут различаться научные понятия и географические названия, разный культурный фон дает отличные друг от друга трактовки явлений и событий, происходивших как в близком, так и в далеком прошлом.

Учитель русского языка и литературы при работе с детьми-билингвами сталкивается с рядом трудностей в обучении, которые бывает достаточно сложно сгруппировать по разделам. С каждой из этих проблем приходится работать отдельно, что в русскоязычной школе на уроке в условиях реализации ФГОС осуществить достаточно затруднительно, а порой и невозможно.

Одним из вариантов решения этой проблемы может выступать организация занятий в рамках кружковой деятельности. Такой формат работы позволяет задействовать при обучении детей-билингвов различные игры, квесты, проекты, об эффективности применения которых в обучении русскому языку как неродному написано немало методических и научно-методических работ [Нефедов, Коростова, 2019; Нефедов, Хашхаян, 2015; Нефедов, Ши, 2022].

Кружковая работа с детьми-билингвами в 2022–2023 учебном году реализуется в МБОУ «Выделянская СОШ» Родионово-Несветайского района Ростовской области. В школе обучается 70 детей, из которых 14 относятся к группе детей-билингвов (20% от общего числа учеников. Помимо русского, 3 детей владеют кумыкским, 2 детей – ногайским, 3 – киргизским, 3 – армянским, 2 – молдавским, 1 – крымскотатарским. Несмотря на то, что эти дети относятся к разным возрастным категориям (с 1 по 10 классы), для них предусмотрен один общий кружок в силу малого количества обучающихся. В школах с

большим количеством учеников становится возможна такая система организации кружковой деятельности для детей-билингвов, при которой проводятся занятия в разных группах. В этом случае представляется целесообразным разделять обучающихся в группы по возрастному и/или языковому составу.

Столкнувшись со значительным увеличением числа двуязычных обучающихся за последние 7 лет (в 2014–2015 году в школе обучалось 3 детей-билингвов на 58 русскоязычных учеников), администрация школы, проконсультировавшись с преподавателями русского языка и литературы, постановила организовать занятия для этой категории один раз в неделю. Было принято решение вести данные занятия в рамках кружковой, а не внеурочной деятельности, так как это позволяло собрать детей в одну разновозрастную группу.

Так как родные языки большинства двуязычных обучающихся относятся к тюркской ветви (9 из 14), а еще у троих обучающихся родной язык – армянский, то одной из главных проблем у этих детей является понимание категорий рода и склонений существительных, прилагательных и местоимений. Однако двое детей, родной язык которых молдавский, также испытывают затруднения во время определения принадлежности к роду слов современного русского языка и в целом освоении системы склонений. Основной причиной является отсутствие деления частей речи по принадлежности к роду в тюркских и армянском языках, а в молдавском языке такое деление отличается от русского. Так, в языках балкано-романской группы части речи склоняются только по четырем падежам, а не шести, как в русском языке. Все это не может не создавать препятствий при изучении русского языка в русскоязычной школе, где не предусмотрено дополнительных часов для обучения детей русскому языку как неродному и русскому языку как иностранному.

В 2022–2023 учебном году занятия проводятся по вторникам после завершения основной учебной и внеурочной деятельности. Длительность одного занятия составляет 40 минут. Стоит отметить и определённые особенности организации помещения для подобных занятий. Так как среди посещающих занятия детей есть как младшеклассники, так и обучающиеся старших классов, то было принято решение сдвигать парты так, чтобы рассадка была круговой. В этих условиях работа обучающимися проводится совместно, и те, кто уже лучше знает русский язык, могут оказывать помощь и поддержку своим товарищам.

Каждое занятие начинается с игры «Мой, моя, мое, мои». Суть игры заключается в следующем. Ведущий, выбранный из тех детей, которые имеют наименьшие затруднения при определении категории рода у имен существительных, раздаёт остальным обучающимся разноцветные игровые поля, после чего начинает доставать изображения предметов, окрашенных в цвета, соответствующие игровым полям, и спрашивать, кому он должен отдать данное изображение. От занятия к занятию игра усложняется. Если на первом занятии диалог выглядит следующим образом:

– Это чьё море?

– Это моё море.

То к середине ноября в вопросе больше не содержится подсказка, а ответ должен быть аргументирован.

– Кому я должен (должна) отдать «море»?

– Это моё море, потому что моё поле синее и море тоже синее.

Если отвечающий путает категорию рода, то он не получает карточку. Если ошибается ведущий, то он больше не может вести игру. Из числа игроков выбирается новый ведущий, а старый занимает его место за игровым полем. Интерес старшеклассников поддерживается тем, что в их задачу входит создание новых карточек для игры.

После игры, которая занимает от 5 до 10 минут, начинается основная часть занятия.

Стоит отметить, что одним из результатов применения описанной выше игры стало то, что только у одной обучающейся на данный момент сохранились значительные трудности с определением принадлежности к роду. Однако мы не можем точно обозначить причину, по которой это произошло. С одной стороны, именно у этой девочки изначально были самые серьезные проблемы в этой области. С другой, она часто болела и пропустила больше половины занятий. Исходя из этого, мы можем считать удачной практику повторяющейся с постепенным усложнением лингвистической игры. Со второго полугодия планируется изменить тематику игры на «Падежи».

По нашему мнению, ведение занятий для обучающихся-билингвов в форме кружковой деятельности, является целесообразным и может способствовать положительной динамике в обучении данной категории детей русскому языку и смежным дисциплинам. Игровая форма проведения обучения во время кружковой работы показывает свою эффективность при обучении детей в разновозрастной группе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, С. В. Билингвизм и его аспекты. // Ученые записки ЗабГПУ. Филология, история, востоковедение. – Забайкальск: Изд-во ЗабГПУ, 2009 – Вып. 3. – с. 34–37.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
3. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 159 с.
4. Вишневская, Г. М. Билингвизм и его аспекты: Учебное пособие. Иваново, 1997. – 98 с.
5. Коростова, С. В., Нефедов, И. В. Традиционный и инновационный контент как основа проектной деятельности в курсе русского языка как иностранного // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 85–96.
6. Миньяр-Белоручев, Р. К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М.: Готика, 1999. – 176 с.
7. Михайлов, М. М. Двуязычие: проблемы, поиски. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 160 с.
8. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд. – М.: Наука, 2003. – 320 с.
9. Нефедов, И. В., Ши, А. В. Геймификация образовательного процесса: игры на занятиях по РКИ в китайской аудитории // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Том 26, №3. С. 138–147.
10. Нефедов, И. В., Хашхаян, М. А. Ролевая игра как способ формирования социолингвистической компетенции // Молодой ученый. – 2015. – №24. С. 1138–1141.
11. Розенцвейг, В. Ю. Основные вопросы языковых контактов // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М.:Наука, 1972 – Вып. VI. – с. 25–51.
12. Филин, Ф. П. Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.:Наука, 1972. – с 13–25.
13. Швейцер, А. Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1976. – 176
14. Официальный сайт ГУВМ МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya>

УДК 81`25

Особенности перевода англицизмов с испанского языка на русский язык

Ширина О. А. Луганский государственный педагогический университет,
к.пед.н., доцент, Россия

Волохова П. В., Луганский государственный педагогический университет, магистрант, Россия

В теории перевода существует понятие переводческие трансформации – преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле [Комиссаров, 1990, с. 132].

Несмотря на различные мнения по поводу сложности перевода англоязычных заимствований, имеющих эквиваленты в испанском языке, всё же достаточно трудно найти синоним для перевода того или иного англицизма на русский язык, особенно, если брать заимствования из текстов прессы.

По нашему мнению, в большинстве случаев проблема перевода англицизмов с испанского языка на русский язык решается при помощи таких переводческих приёмов как транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод и т.д.

Рассмотрим использование этих приёмов на примерах статей испаноязычных газет и журналов (El Diario, La Razón, El País, ABC, El Mundo).

1. Por ejemplo, las autoridades Europeas de Protección de Datos, el primer Dictamen conjunto sobre el Internet de las Cosas demuestra que estánnaciendo tres grupos en este campo: los wearables, los dispositivos quemonitorizan la actividad física y la domótica y hogar conectado [Corral, URL].

Слово wearables не имеет аналогов в русском языке. В этом случае возможно применение только описательного перевода. Таким образом, на русском языке эта фраза будет звучать так: «Возьмём для примера Европейское Руководство по защите Данных. Первый составленный отчёт показывает, что в области интернет-технологий выделяются следующие 3 группы: портативные устройства, которые измеряют физическую активность, технические устройства для жилища и «умный дом»».

2. *Se trata del espectáculo de danzas del medio oriente y belly dance, que reunirá a más de treinta artistas profesionales de la danza, música y la actuación para presentar una puesta en escena, única en el país* [Rejón, URL].

Для того, чтобы корректно перевести это словосочетание, для начала нам нужно узнать, есть ли эквивалент этого заимствования в испанском языке. В данном случае он есть – это *danza del vientre* (исп.) – танец живота (рус.). Это понятие существует и в русском, и испанском языках, поэтому, здесь будет логично использовать лексическое калькирование: «Сегодня мы поговорим о восточных танцах, в особенности о танце живота. В представлении будут участвовать более тридцати профессиональных артистов – танцоры, музыканты и актёры, которые выступят впервые в нашей стране».

3. *Hoy, Kiss sale al escenario de una forma mucho más espectacular y extravagante que hace un par de décadas, algo que ha sido criticado por una parte de su público y de la crítica, pero que ha acabado impregnando a numerosos artistas de pop y rock y cimentando el «merchandising» musical* [Planes, URL].

Слово *Kiss* остается без изменений, так как это название музыкальной группы. К словам *pop* и *rock* применяется способ транслитерации. А вот со словом «*merchandising*» всё сложнее, оно требует преобразований. В этом случае калькирование будет неуместно, как и транслитерация, в данном контексте требуется общее значение слова. Таким образом, следует прибегнуть к приёму генерализации: «Сегодня группа *Kiss* выступает на сцене очень зрелищно и экстравагантно, как это было и раньше, несколько десятилетий назад. В то время группу критиковала общественность, но это не мешало им вдохновлять многих музыкантов, которые исполняют свою музыку в жанрах: поп и рок. Группа *Kiss* дала начало «коммерциализации» музыки».

4. *Luis Miguel ha sido víctima de bullying cibernético luego de que ofreciera concierto en México* [Ramos, URL].

Слово *bullying* очень часто можно услышать, как в устной, так и в письменной речи. В русском и испанском языках такое слово отсутствует в лексическом фонде. На данный момент это слово используется в качестве психологического термина, который обозначает агрессивное преследование. Здесь уместно будет применить приём транслитерации: «Луис Мигель стал жертвой кибербуллинга, после своего выступления с сольным концертом в Мексике».

5. *Además de los sabores una de las particularidades de las palomitas es que se hacen con un tipo de maíz importado llamado «mushroom», ya que precisamente al estallar su forma es similar a la de un hongo, además son más grandes* [Faya, URL].

Приём транскрипции для слова «*mushroom*» не подойдет, он транскрипции создает «грубый» варваризм – машрум, к тому же такого слова в словаре не существует. Таким образом, перевести этот англицизм следует при помощи калькирования, выделив слово в кавычки: «Помимо вкусов, одна из особенностей воздушной кукурузы заключается в том, что готовят это блюдо из необычной кукурузы под названием «грибы», имеющей одинаковую форму с грибом большого размера».

6. *La mayoría de la demanda de marfil llega de Asia, donde es tallado para la joyería y manufactura de otros «souvenirs», que dan grandes ganancias a los traficantes* [Viejo, URL].

Слово «*souvenirs*» можно перевести как с помощью транслитерации, так и с помощью калькирования. Однако правильнее будет использовать приём транслитерации, так как калькированием мы исказим стилистическую картину текста: «Большой спрос на слоновую кость наблюдается в Азии. Слоновую кость используют для изготовления драгоценностей и сувениров, продажа которых приносит огромную прибыль контрабандистам».

Таким образом, мы выяснили, что перевод англицизмов с испанского языка на русский язык представляет собой трудность, поэтому мы выделили несколько самых распространенных способов для их перевода. Также нами были рассмотрены и проанализированы примеры англоязычных заимствований из испаноязычной прессы, которые были переведены на русский язык. Переводчик, который имеет дело с заимствованиями, должен полностью проанализировать контекст конкретного предложения или текста, чтобы выбрать наиболее точный и правильный приём для перевода англицизмов, сохраняя прагматическую нагрузку, заложенную автором исходного текста.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
2. Corral, P. Anillos, pulseras y pendientes tecnológicos: estas son sus funciones / P. Corral. – URL: <https://www.larazon.es/tecnologia/20210425/jbhv47dtqzfallilqx73s6r-roba.html> (дата обращения 29.11.22).

3. Faya, E.G. 5 recetas de cenas fáciles para no engordar / E.G. Faya. – URL: <https://www.larazon.es/lifestyle/20200711/s2yhsz72erdkrazwqyqrikghli.html> (дата обращения 29.11.22).
4. Planes, J. Gruff: «La gente nota nuestra pasión por el Rock» / J. Planes. – URL: <https://www.larazon.es/cataluna/20211012/2igqex7dnzc27gwiqfpuoms7te.html> (дата обращения 29.11.22).
5. Ramos, T. Vox advierte de que llevará a los tribunales el «bulling» parlamentario / T. Ramos. – URL: <https://www.larazon.es/comunidad-valenciana/20191127/4whzc3opanf7pjznn4fvjexcsu.html> (дата обращения 29.11.22).
6. Rejón, R. El Carnaval de Oruro, el principal de Bolivia, volverá en 2022] / R. Rejón. – URL: https://www.eldiario.es/sociedad/carnaval-oruro-principal-bolivia-volvera-2022_1_8398151.html (дата обращения 29.12.22).
7. Viejo, D. Rafael Soriano, nuevo embajador en Costa de Marfil/ D. Viejo. – URL: https://www.eldiario.es/politica/rafael-soriano-nuevo-embajador-costa-marfil_1_8324476.html (дата обращения 29.12.22).

**СТАТЬИ И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА И СПЕЦИАЛИТЕТА**

УДК 811.134.2

La onomatopeya en modismos y unidades fraseológicas españolas

(Ономатопея в идиомах и фразеологических единицах испанского языка)

Абалова Е. А., Пятигорский государственный университет,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.пед.н., доцент Хомович Н. В., Россия

La relación entre la cultura y la fraseología es única tanto en el proceso de adquisición del lenguaje como en la vida en general.

Las unidades fraseológicas actúan como el trasfondo ideológico y cultural de nuestro conocimiento del mundo. Las expresiones fraseológicas españolas, como parte de la creatividad lingüística de los hablantes nativos, son una manifestación de la idiosincrasia española, su sentido del humor, su ironía y su forma de entender y de ver la vida [Leal Riol, 2011, p. 47]. Las unidades fraseológicas son una herramienta efectiva para acercar a los estudiantes de español a las realidades socioculturales del país de la lengua estudiada, y también desempeñan el papel de vehículo de valores culturales de gran interés y enriquecimiento de la lengua de los estudiantes.

En nuestro trabajo, hemos concentrado nuestra atención en los giros fraseológicos con onomatopeyas para una mayor comprensión de la lengua española y la cultura española, en particular.

“Onomatopeya” es una palabra de origen griego que significa “palabras basadas en la imitación de los sonidos”. En español, este fenómeno es muy común en modismos y unidades fraseológicas.

Las onomatopeyas son unidades de la lengua que imitan los sonidos de la naturaleza viva e inanimada, así como así como otros sonidos no lingüísticos emitidos o producidos por el hombre y los animales. Existe una opinión bastante común en la lingüística española sobre que las palabras onomatopéyicas constituyen una subclase de interjecciones y, en consecuencia, son auxiliares y subsidiarias. Las palabras onomatopéyicas pueden tener un carácter convencionalmente real.

El uso de onomatopes en el habla nos acerca a la realidad, ya que refleja sus sonidos, lo que le da a la oración una gran carga emocional: *¡Ea! Pues, venga, escriba usted ahí a máquina, ¡pum, pum, pum!* (ejemplo tomado del artículo de [Пронченко, 2002, p. 154]).

Según A. Zara, una palabra onomatopéyica fija la atención en lo que es importante para el hablante [citado por Pronchenko, 2020, p. 2]: *Allí se salen de trabajar ¡pum! Su casa, a cenar, a dormir, ¿no? y al otro día – trabajar y así* (ejemplo tomado del artículo de [Пронченко, 2002, p. 154]).

Las onomatopeyas ocupan un lugar especial en el sistema de las partes del discurso y son unidades independientes. No tienen una función nominativa, pero tienen un significado léxico. Los sonidos son parte de las onomatopeyas y es esta característica la que las diferencia de otras palabras. Las onomatopeyas tienen una composición constante e idéntica para los hablantes nativos de un idioma en particular.

Por ejemplo: *мяу – meow, mew-mew; кря-кря – quack-quack; хрю-хрю – oink-oink.*

Por lo tanto, las onomatopeyas tienen un cierto significado y forma de sonido, son capaces de actuar en el lenguaje como palabras completas. En consecuencia, el vocabulario onomatopéyico de la lengua española no pertenece a la jerga, sino que es un grupo bastante voluminoso de palabras. El vocabulario sonoro juega un papel importante en la formación de la capa léxica de las partes significativas del habla, como los sustantivos y verbos.

Las onomatopeyas también se encuentran en modismos. Las expresiones idiomáticas que utilizan la onomatopeya transmiten la singularidad de un entorno lingüístico determinado, las características cognitivas, lingüísticas y psicolingüísticas de la percepción de la realidad que caracterizan esta comunidad cultural y lingüística. Si en España usted [1]:

está haciendo algo rápido – *lo haces en un plisplás (o en un pispás);*

no está seguro de algo – *no te dice ni fu ni fa;*

frente a algo pesado – *es que estaba que si patatín patatán;*

no se siente bien – *estás pichí-pichá o regulín-regulán, o así o asá;*

se prepara mucho para el examen, entonces – *se sabe el tema de pe a pa;*

se endeudó – *haces flux;*

falló más allá de la meta – *Al buen tuntún.*

Debe también prestarse atención a la onomatopeya cuando forma parte de unidades fraseológicas, donde también puede transmitir el significado de las acciones. Por ejemplo, una onomatopeya como “tilín” (sonido de campana) forma también la expresión verbal *hacer tilín*, lo que significa “*ser atractivo*”; para expresar el flujo de voz, se utiliza la expresión *bla, bla, bla*, pero esta la mayoría de las veces se usa en el habla coloquial con una connotación negativa, ya que el interlocutor no ve el punto de escuchar al hablante: es solo blablá.

Como conclusión, puede afirmarse que los onomatopes no son una clase de palabras secundarias y no están en la periferia de los procesos lingüísticos del lenguaje, ya que tienen la capacidad de desarrollar su propia semántica, palabras derivadas y crear unidades fraseológicas. Además, reflejan una especificidad clara en la conceptualización del entorno sonoro que rodea a una comunidad lingüística dada.

FUENTES Y LITERATURA

1. Пронченко, Е. Н. Звукоподражательная лексика в испанском языке / Е. Н. Пронченко // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в Иberoамериканском и Российском научном пространстве: сборник научных статей; Южный федеральный университет; [отв. ред. Н.В. Карповская, А. Сантана Аррибас]. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – 500 с.

2. Leal Rioj, V. J. La enseñanza de la fraseología como lengua extranjera: estudio comparativo dirigido a estudiantes anglófonos. Valladolid: Universidad de Valladolid, Secretariado de Publicaciones e Intercambio Editorial, 2011. – 297 p. (data obrashcheniya 28.11.2022).

3. Lirola, P. Las onomatopeyas en español: una oda a estos creativos y sucintos recursos lingüísticos / Lirola P. // La revista de babel. URL: <https://es.babel.com/es/magazine/onomatopeyas-en-espanol> (data obrashcheniya 28.11.2022).

УДК 81`25

Translation of non-fiction genre works from the English language into Russian as a specific brunch of literary translation (on the material of books about Japan)

(Перевод произведений научно-популярного жанра с английского языка на русский как особый вид художественного перевода (на материале книг о Японии))

Алимова О. В., Казанский федеральный университет, студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент, Липатова Ю. Ю., Россия

For many decades, the non-fiction genre has remained one of the most popular genres both among readers and Russian and foreign authors. Along with its unique features, which are mainly reflected in the peculiarities of the author's language characterized by the presence of emotionality, subjectivity and associativity, as well as by the first-person narration, and the description of unique events that are directly related to some historical events or cultural phenomenon, this literary genre, according to many scientists, is “the only genre of literature that never becomes obsolete” [Чудаков, 2001]. Thus, the translator is required to have an extensive knowledge of the topic of the book, and, if necessary, conduct preliminary research the essence of which is the deep immersion in the topic. In addition, the translator has to obtain skills to work with texts of the documentary genre. These steps are necessary to achieve an equivalent and adequate translation.

To conduct a thorough research of the specific features of non-fiction literature translation we have to analyze the theoretical foundations of the studies of this genre. The first attempts to define this term were made by Russian researchers at the end of the last century. Such linguists as N. B. Ivanova, A. N. Varlamov and others made a significant contribution to the study and specification of this term. Researchers claim that this term refers to a documentary narrative about a period in the author's life or some historical event. A significant number of Soviet and modern Russian linguistic researchers consider the term non-fiction to be a synonym for the Russian term “documentary prose” [Иванова, 2005; Варламов, 2008]. In our study, we also adhere to this point of view.

In order to provide theoretical base for this term, scientists work on classifications of so-called “identification markers”, which would allow to determine whether a certain book belongs to this genre or not. Barbara Lawnsberry and Norman Sims are among the researchers working in this field. Basically, linguists distinguish the following features of the works of this genre: 1) the literary style of narration; 2) the plot of the work is based on a documentary fact that took place in real life in the past as well as on the author's personal experience; 3) events describing in the book are described from the point of view of the author's subjective perception of what happened in the past; 4) the composition of the plot is built according to the

“scene by scene” principle; 5) the focus is the time and the place of described events and actions [Lounsberry, 1990; Sims, 1984].

Considering the genre diversity of documentary prose books, Y. I. Yavchunovskiy, a literary critic, points out that books written in this genre can be represented by “a documentary presentation of any period of the author’s life, research stories on various topics, travel writing, as well as memoirs” [Явчуновский, 1969, p. 139–143]. In general, most scholars believe that non-fiction literature includes many genres, such as travel literature, memoirs, personal essay, autobiographies, journalistic investigations, sketches, epistolary novels, and others.

Our research is based on three English-language non-fiction works – John Hersey “Hiroshima”, Alex Kerr “Lost Japan”, Rande Brown, Mineko Iwasaki “Geisha, a life”, and their translation into the Russian language [Brown, Iwasaki, 2003; Hersey, 1989; Kerr, 2015].

All these books have key features of documentary prose texts: all of them are characterized by architectonics, the peculiarity of which lies in the subjectivity of the narration, the complex temporal organization of the plot – a combination of different spatial and temporal aspects [Николина, 2003].

After examining the linguacultural aspect of the translation of the non-fiction literature books, we came to the conclusion that most researchers claim that translation is one of the ways of cultural interaction. Thus, scientists point out that translation is a special case of intercultural communication [Нелюбин, 2009, p. 61]. This idea is also discussed by the researcher Umberto Eco. He points out that “the translator needs to put forward a hypothesis about the possible world representing the text they are working on. The translator must choose the most adequate and equivalent translation of the meaning hidden in the external structure of sentences” [Эко, 2015].

In the practical part of our study, after a detailed analysis of the texts under consideration and their translation into Russian, we have identified patterns characterizing the frequency of use of certain lexical and grammatical transformations. These techniques are transformations of the original texts elements that allow translators to achieve adequacy and equivalence criteria of translation.

After thorough consideration of all the grammatical transformations applied in the texts of the non-fiction works under consideration, we came to the conclusion that the most common grammatical transformations are grammatical substitutions. Substitution stands for transformation of the grammatical unit of the source language into a unit of the target language which has different grammatical meaning (see Table 1).

Table 1

Grammatical substitutions

Source text	Translation
“However, they were both explainers, comforters, peacemakers”.	«Однако оба они умели утешать, объяснять и примирять».
“It’s still in publication in the original version”	«Она все ещё публикуется в оригинальной версии»
“The prominence of the frontal bones give him boyish and yet wise look, weak and yet fiery”.	«Из-за выступающих над бровями лобных костей он выглядит одновременно старым и молодым, мальчишкой и мудрецом».
“I was once invited to an old estate in England”	«Однажды меня пригласили в старинное поместье в Англии»

Among lexical transformations, the most commonly used technique is transliteration which is the translation of the original lexical unit by recording its sound form in the letters of the target language (see Table 2).

Table 2

Transliteration

Source text	Translation
Chugoku region	регион Тюгоку
Nabeshima	Набэсима
Kushikatsu	кусикацу
Shokichi	Сёкити
Toshio	Тосиё
Samisen	Сямисен
Dr Fujii	Доктор Фудзии
Sanjo Keihan Station	станция Сандзё Кейхан.

It is important to specify that the transcription system for the Japanese language in English-speaking countries differs from the one used in Russia and in Post-Soviet states. As a rule, to write Japanese words in Cyrillic, Russian linguists refer to the Polivanov system of transliterating, while in English-speaking countries they use Hepburn one to spell the words in the Latin Alphabet. The key differences between these systems lie in the transcription of such Japanese syllables as *ち* and *し*, which are written as “shi” («ши») and “chi” («чи») according to the Hepburn system, while in Polivanov one these combined sounds are spelled as «си» (“si”) and «ти» (“ti”) [Поливанов, 1917; Hepburn, 2013].

Speaking about translation strategies, in the books analyzed there is a large amount of non-equivalent vocabulary that describes cultural and historical realities. Sometimes these lexical units are called untranslatable. The translation texts we are working with practically do not contain linguistic units that would be translated from the source language into target language by linguistic units capable of creating a similar response in the readers’ mind. In addition, the translators did not use explication – methods of descriptive translation. On the contrary, as we noted earlier, almost all non-equivalent vocabulary is translated by transliteration. Thus, we can conclude that the translation of texts in question is not based on the method of domestication – the strategy of making text closely conform to the culture of the language being translated to by the adaptation of the text to the cultural and linguistic norms of the original language (see Table 3). However, there is a section called “Dictionary in the book “Lost Japan”, both in the original and in the translation versions”. Also, there is a section called “Notes” in the translation version of the book “Hiroshima”. These sections are devoted to clarifying the terms used in the books.

In general, the foreignization method formed the basis for the translation of the books examined. Due to this method the translator can emphasize the cultural and linguistic peculiarities of the source text (see Table 3).

Table 3

Foreignization

Source text	Translation
“Maiko and geiko perform at very exclusive banquet facilities known as ochaya”.	«Майко и гейко организовывали неповторимые банкетные церемонии, известные как очая».
“The chance to create new kata comes around only once every three or four hundred years”	«Возможность создать новые ката появляется примерно раз в триста–четыреста лет»
“In the living room, a tanzaku plaque by Onisaburo Deguchi hangs on the pillar of the tokonoma”.	«В гостиной на балке Ниси токонома висит танзаку от Онисабуро Дэгуги».
“I went to the hairdresser and had my hair done up in the wareshinobu style, the first hairstyle a maiko wears”.	«Я сходила к своему парикмахеру, и он уложил мне волосы в стиле варешинобу, первую прическу майко».

Based on the results of our study, we came to the conclusion that non-fiction books have some specific features which distinguish them from other literary genres. Translators should take it into account when working with this genre literature in order to achieve an adequate and equivalent translation.

SOURCES AND LITERATURE

1. Варламов, А. Н. Популярность жанра нон-фикшн вполне закономерна / А. Н. Варламов. – URL: <http://www.ria.ru> (дата обращения: 30.03.2023).
2. Иванова, Н. Б. По ту сторону вымысла / Н.Б. Иванова // Знамя. – 2005. – № 11. – С. 58.
3. Нелюбин, Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретикопрагматический аспект / Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта, 2009. – 216 с.
4. Николина, Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – М.: Академия, 2003. – 256 с
5. Поливанов, Е. Д. О русской транскрипции японских слов // Труды Японск. отдела Имп. О-ва востоковедения. – 1917. – Вып. I. – С. 15–36.
6. Чудакова, А. П. Разговариваю с Гинзбург / А. П. Чудаков // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 49.
7. Эко, У. Сказать почти то же самое. / У. Эко. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 736 с.
8. Явчуновский, В. Я. Документализм в современной советской прозе / В.Я. Явчуновский // Советская литература. – М.: Изд. Саратовского ун-та, 1969. – С. 139–143.

9. Brown, R. *Geisha, A Life* / Rande Brown, Mineko Iwasaki. – P.: Washington Square Press, 2003. – 297 p.
10. Hepburn, J. C. *A Japanese-English And English-Japanese Dictionary* (2nd ed.) / J.C. Hepburn. – P.: American Presbyterian mission press, 2016. P. 286–290.
11. Hersey, J. *Hiroshima*. / J. Hersey. – P.: Vintage, 1989. – 160 p.
12. Kerr, A. *Lost Japan*. / A. Kerr. – P.: Penguin, 2015. – 240 p.
13. Lounsberry, B. *The art of fact. Contemporary artist of non-fiction*. / B. Lounsberry. – P.: Ballantine, 1990. – 210 p.
14. Sims, N. *The Literary Journalists*. / N. Sims. – P.: Ballantine, 1984. – 339 p.

УДК 811.8

Индихенизмы как отражение национального своеобразия жизни народов Латинской Америки

Аляутдинова К. В., Московский государственный лингвистический университет,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: старший преподаватель Пчелкин А. Г., Россия

Язык как один из основных признаков нации выражает культуру народа, который на нём говорит, то есть национальную культуру. Как известно, испанский язык является полинациональным. В каждом национальном варианте испанского языка существуют свои особенности и различия. Это связано в первую очередь с тем, что на испанском языке говорит значительное количество народов, имеющих свою национальную историю, культуру, различные структуры общественно-политического управления, а также свое население, отличающееся особым менталитетом. Каждый национальный вариант языка обладает своей спецификой, которая называется «межвариантной национально-культурной спецификой» [Фирсова, 2007, с. 41]. Национально-культурная специфика испанского языка может проявляться в ситуациях речевого этикета, словарном составе, фразеологии, грамматике, а также в фонетике.

В рамках данной работы будет рассмотрена одна из отличительных особенностей словарного состава латиноамериканских национальных вариантов испанского языка, а именно, индихенизмы. Исследования в области этимологии до сих пор остаются актуальными. Люди хотят знать, откуда произошли те или иные слова. Порой мы можем даже не подозревать, какая история стоит за самыми простыми словами, которые мы ежедневно используем в своей речи. В испанском языке есть множество заимствований. Наша задача состоит в том, чтобы определить, как индейские языки повлияли на становление современного испанского языка.

На протяжении многих веков Испания контактировала с различными культурами, и вместе с тем лексическое богатство испанского языка формировалось за счет других языков. Отсюда можно объяснить наличие большого количества латинизмов, иберизмов, кельтизмов, эллинизмов, германизмов, арабизмов, галлицизмов, итальянизмов, англицизмов, лусизмов, каталанизмов, а также индихенизмов. Индихенизмы начали проникать в испанский язык после открытия Америки Христофором Колумбом в 1492 году. Подобрать названия для уникальных флоры и фауны, природных явлений, пищи, традиций и обычаев на испанском языке оказалось невозможным. В своих записках Колумб сетовал на то, что не знает, как называть бесчисленное количество необычных растений, животных, птиц, насекомых, плодов, которые впервые увидели открыватели Нового Света. Сначала испанцы пытались подобрать слова из родного языка, чтобы назвать предметы и явления природы, но позже они начали приспосабливать названия из местных индейских языков [Виноградов, 2003, с. 76]. Именно с этого момента началось обогащение испанского языка словами индейского происхождения.

В Латинской Америке насчитывается огромное количество индейских языков, многие из которых считаются уже мертвыми, а другие продолжают расширять территориальную и этническую базу своего распространения.

В данном исследовании будут рассмотрены языки, наиболее сильно повлиявшие на приток новой лексики в испанский язык, а также их зоны распространения.

Можно выделить шесть основных зон влияния индейских языков на испанский язык.

Первая зона охватывает Мексику и Центральную Америку. Важнейшим языком этого региона является науатль – язык ацтеков. На нем до сих пор говорят около полутора миллиона человек, многие из которых являются билингвами. Из языка науатль в общеиспанский фонд были заимствованы следующие слова: *cacao* – какао, *chicle* – жевательная резинка, *chocolate* – шоколад, *tomate* – томат, *galpón* – сарай, *tiza* – мел и др. В латиноамериканских вариантах встречаются: *coyote* – койот, *milpa* – кукурузное поле,

atole – атоле (кукурузный напиток), *camote* – батат (сладкий картофель) и др. Вторым языком региона является майя-киче, на котором говорят на полуострове Юкатан, в Гватемале и Гондурасе. Языковая семья майя-киче охватывает несколько этнических групп, основной из которых является майя. Из этого языка были заимствованы такие слова как: *cenote* – подземное озеро, *balché* – опьяняющий напиток, *acalché* – болотистое место и др.

Вторая зона – Антильские острова (Гаити, Куба, Пуэрто-Рико), Венесуэла и атлантическое побережье Колумбии. Один из основных языков данного региона называется аравакским. Наибольшее влияние на лексический состав испанского языка оказал диалект аравакского языка – таино. Таино был первым языком, с которым испанцы столкнулись в Америке. Таким образом, первыми заимствованиями, пополнившими общеиспанскую лексику, стали: *maíz* – кукуруза, *canoa* – каноэ, *tabaco* – табак, *hamaca* – гамак, *tuna* – фиговое дерево и др. В латиноамериканских вариантах встречаются: *nigua* – блошка, *caney* – хижина, *mamey* – мамей (антильский абрикос), *guásima* – гуацума ильмолистная (растение) и др. Второй язык, карибский, простирался от Амазонки до современной Флориды. Карибы были воинственным племенем, великими мореплавателями и не любили чужаков. Отсюда и происходит их название – *caribal* или *canibal*, то есть жестокий. Карибские заимствования: *colibrí* – колибри, *loro* – попугай, *butaca* – кресло, *guayaba* – гуайява (тропический фрукт), *horacán* – ураган и др. Заимствования, присутствующие исключительно в латиноамериканских вариантах: *múcuro* – глиняный горшок, *totuma* – разновидность тыквы, *guacharaca* – музыкальный инструмент в виде трубки с поперечными насечками и др.

Третья зона – Андский регион (Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия и север Чили). Единственным языком коренных народов Южной Америки, который в доколумбовые времена играл роль языка цивилизации, был язык кечуа. Это был язык инков. До сих пор на нем говорят около 13 миллионов человек из разных стран. Язык аймара был самым распространенным языком в доинкский период, но постепенно уступил место кечуа. Сегодня на нем говорят два миллиона человек. Из кечуа и аймара в общеиспанский фонд были заимствованы: *caucho* – каучук, *coca* – кока, *chicha* – чича (слабоалкогольный напиток), *llama* – лама, *alpaca* – альпака, *puma* – пума и др. В латиноамериканских вариантах используются: *quena* – кена (музыкальный инструмент), *mote* – отварная кукуруза, *ojota* – вид сандалий у индейцев и др.

Четвертая зона – южно-центральная часть Чили и юго-запад Аргентины. На данной территории до сих пор говорят на языке мапуче. Носители мапуче называются арауканами. Их численность составляет около полмиллиона человек. Язык мапуче не оказал значительного влияния на общеиспанский фонд, но большое число заимствований встречается в чилийском варианте испанского языка: *ruca* – хижина, *boldo* – больдо (лекарственное растение), *echona* – серп, *chavalongo* – лихорадка, жар и др.

Пятая зона – Парагвай и север Аргентины. Здесь мы имеем дело с языками тупи-гуарани. Тупи-гуарани – это языковая ветвь, названная по составляющим ее двум наиболее известным языкам – гуарани (один из двух национальных языков Парагвая) и тупи (язык одноименной этнической группы, проживавшей на юго-востоке Бразилии). Это была самая распространенная языковая семья в Южной Америке. В то время она охватывала следующие территории: Центральную и Южную Бразилию, Парагвай, Боливию, Аргентину и Уругвай. Общеиспанский словарный состав дополнили следующие слова: *jaguar* – ягуар, *piraña* – пирания, *ananás* – ананас, *paca* – тюк и др. Заимствования, встречающиеся в латиноамериканских вариантах: *musata* – служанка, *tapera* – развалины и др.

На территории данных стран была распространена языковая группа чибча. Наиболее важным представителем этой языковой семьи является племя муисков, которые были мастерами по изготовлению золотых изделий. Язык чибча не внес значительного вклада в общеиспанский фонд, но в некоторых латиноамериканских вариантах встречаются следующие слова: *chusque* – разновидность бамбука, *curuba* – куруба (разновидность растений, из плодов которых делают желе и мороженое), *tunjo* – золотой талисман, *chaquira* – бисер и др.

Изменчивость испанского языка влияет и на формирование фразеологии каждого варианта языка. В латиноамериканской фразеологии одним из компонентов чаще всего является индихенизм. Например, *correr como una tutupana* – бежать быстрее лани, где *tutupana* на языке науатль – название птицы «пастушок» [Чеснокова 2012, с.68] или например, *puro mamey* (Перу) – крепкий орешек, *tomar un camote* (Мексика) – напустить туману, *de coca* (Мексика) – даром, за чужой счет, *ir a la ruca* (Чили) – укладываться спать, *comer guásima* (Куба) – прогулять уроки и др.

Национальные фразеологические варианты могут быть сформированы на основе пиренейских фразеологизмов: *dar ayotes* (Гватемала) – *dar calabazas* (Испания) – отказать жениху, где *ayote* на языке науатль, точно так же, как и пиренейское *calabaza*, означает тыкву. Или, например, *pedir peras al olmo* (Испания) – *pedir cocos a la guásima* (Пуэрто-Рико) – требовать невозможного [Виноградов, 2003, с.186].

Некоторые из перечисленных индихенизмов стали повсеместно использоваться не только в пиренейском варианте испанского языка, но и в языках других культур: *cacao* (фр. *cacao*, англ. *cacao*, ит.

cacao), *canoas* (фр. *canot*, англ. *canoe*, ит. *canotto*), *chocolate* (фр. *chocolat*, англ. *chocolate*, ит. *cioccolata*), *hamaca* (фр. *hamac*, англ. *hammock*, ит. *amaca*), *maíz* (фр. *maïs*, англ. *maize*, ит. *mais*) [Izquierdo, Utrilla, 2010, с.280].

Что касается Латинской Америки, то индихенизмы преобладают в испаноязычных сообществах, непосредственно связанных с языками коренных народов. Наибольшее богатство лексики коренных народов заключается не в общей речи, а в региональной или местной. Индихенизмы обозначают флору и фауну, типичную кухню и домашнюю утварь, заболевания, социальную организацию и обычаи коренных народов.

Отсюда можно сделать вывод о том, что индихенизмы являются одним из неотъемлемых пластов культурно-значимой лексики и картины мира испанского языка Латинской Америки. Без индихенизмов было бы невозможно представить уникальную культуру народов, населяющих этот регион.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Большой испано-русский и русско-испанский словарь. – URL: <https://diccionario.ru/> (дата обращения: 08.02.23).
2. Большая российская энциклопедия: официальный сайт. – Москва. – 2004–2017. – URL: <https://old.bigenc.ru/> (дата обращения: 08.02.2023).
3. Виноградов, В. С. Лексикология испанского языка. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 2003. – 242 с.
4. Фирсова, Н. М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки: Учеб. пособ. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 352 с.
5. Чеснокова, О. С. Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование: Монография. – 1-е изд. – Palmarium Academic Publishing, 2012. – 265 с.
6. El español de Hispanoamérica // Hipanoteca – Portal de lengua y cultura hispanas. – URL: <http://www.hipanoteca.eu/Cultura Am/El español americano.htm> (дата обращения: 01.12.22).
7. Milagros Aleza Izquierdo y José María Enguita Utrilla: La lengua española en américa: normas y usos actuales. – Universitat de València, 2010. – 654 p.

УДК 811.134.2

Современный сленг как отражение языковой картины мира колумбийской молодёжи

Арбузов Д. А., Московский городской педагогический университет,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: ассистент Рукавишникова И. А., Россия

Как справедливо отмечают Грунина Ю. А. и Терентьева Е. Д. [Грунина & Терентьева, 2021, с. 1], неотъемлемой частью эволюции любого языка является сленг. Данный лексико-грамматический пласт обусловлен активным процессом глобализации, а именно сосредоточением человеческих потребностей вокруг следующих сфер: СМИ, технологии, музыка, кино и мода.

Потемкина В. А. [Потемкина, 2009, с. 1] определяет термин сленг как: 1) речь профессионально обособленной группы в противоположность литературному языку; 2) вариант разговорной речи, не совпадающий с нормой литературного языка.

Согласно Корнилову О. А. [Корнилов, 2003, с. 82], языковая картина мира служит необходимым условием знакомства с национальной культурой и менталитетом. Кроме того, согласно Корнилову О. А., языковая картина мира находит репрезентацию в изобразительном искусстве, языке, жестах, музыке, этикете, поведении людей и мимике.

Ахренов А. В. [Ахренов, 2013, с. 74–75] отмечает, что тема языковой картины мира является одним из наиболее актуальных вопросов современной испанистики в связи с растущим интересом к изучению диалога культур латиноамериканского континента, поскольку народы Латинской Америки на протяжении веков находились в длительном взаимодействии с представителями испано-иберийского ареала. По мнению Ахренова А. В., видение мира среди носителей испанского языка является различным во всех испаноязычных странах, на что оказывает влияние глобализация экономических и политических процессов.

Стоит отметить, что в России остаётся неисследованной тема функционирования современного сленга в колумбийском национальном варианте языка и в языковой картине мира молодёжи Колумбии. В связи с этим представляется целесообразным детально изучить корреляцию между феноменами «сленг» и «языковая картина мира» на примере молодого населения Республики Колумбия, основываясь на размещённых в открытых источниках социологических исследованиях представленной демографической группы, а также лексикографических ресурсах для детального рассмотрения семантических особенностей

лексем и выражений, обладающих разговорной окраской в колумбийском национальном варианте испанского языка. Данный материал может представлять важность для заинтересованных в изучении особенностей испанского языка на территории государств латиноамериканского континента, а также исследовании характерных черт различных социальных групп, в частности молодёжи.

1. Осторожность и чувство страха. Исследование интересов и предпочтений молодого населения Колумбии возрастом от 18 до 30 лет, опубликованное 10 марта 2020 года на одной из секций информационного ресурса «*Hanns Seidel Stiftung*», содержит в себе следующие сведения: молодые колумбийцы испытывают страх перед низким уровнем безопасности в государстве, вооружёнными конфликтами. Кроме того, на их эмоциональное состояние оказывают влияние такие феномены, как насилие и жестокое обращение [Hanns Seidel Stiftung, 10.03.2020]. На материале заметки газеты DW (секция «Колумбия»), датированной 25 марта 2022 года, упоминается, что число жертв вооружённых конфликтов увеличилось в 9 раз за пять лет (57 жертв в 2017 году и почти 500 жертв в 2021 году) [DW, 25.03.2022].

Стоит отметить, что репрезентацией образа опасливого представителя колумбийской молодёжи служит такая сленговая единица, как *paraya* (происходит из арауканских языков Карибского региона [Diccionario Histórico del Español de Canarias, 2013], которая апеллирует к объекту высокой стоимости и входит в состав коллокации *no dar paraya* [Breve diccionario de colombianismos, 2012]. Представляется возможным привести пример использования данной лексемы на основе колумбийского сериала «*Confidencial: El rey de la estafa*»:

Mejor dicho, no hay que dar paraya. ¿Paraya? No exponernos, tía, no exponernos...

Другими словами, не нужно «давать папайю». Папайю? Не подставляться, тётя, не выставлять напоказ дорогие вещи, чтобы тебя не обокрали...

На материале текстового материала под авторством Майры Меркадо на сайте колумбийского издания «*Matador Network*» представляется необходимым привести следующую выдержку с переводом на русский язык, содержание которой, предположительно, обусловлено колониальным прошлым и нестабильной политической обстановкой Республики Колумбия:

Мы прошли через столько негативных моментов в нашей истории и нас столько обманывали и обкрадывали, что, когда кто-то предлагает нам что-то приятное, мы ставим под сомнение намерения данной персоны. Хоть и сначала мы не доверяем людям, но, когда обретаем это самое доверие, мы становимся верными идеям человека [Mayra Mercado, 09.07.2018].

2. Склонность к празднованиям и употреблению спиртных веществ. В монографии Чесноковой О.С. «*Испанский язык Колумбии. Лингвокультурологическое исследование*» [Чеснокова, 2012] затрагивается метонимическая единица *rumba* как обозначение праздника в колумбийском национальном варианте испанского языка. «*El colombiano no va a una fiesta: VA A UNA RUMBA*» – именно такую выдержку приводит исследователь в разделе монографии под названием «*КОЛУМБИЙЦЫ О СЕБЕ: ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЮМОРИСТИЧЕСКИМ ДИСКУРСОМ*».

В исследовании «*JUVENTUDES COLOMBIANAS 2021: PREOCUPACIONES, INTERESES Y CREENCIAS*», посвященном бытовым, социальным и политическим аспектам жизни молодого населения Колумбии, в секции «*Uso de internet: lo común a todas y todos*» упоминаются виды деятельности колумбийской молодежи на протяжении трёх месяцев [Fundación SM, 2021].

График 1. Виды деятельности молодого населения Колумбии на протяжении 3-х месяцев

Как можно заметить, среди наиболее частотных видов деятельности фигурируют прослушивание музыки и танцы (на вечеринках). Вместе с тем, представители юного возраста также посещают бары, что может указывать на склонность к употреблению спиртных напитков.

Вышеуказанные обычаи колумбийской молодёжи непосредственно отражаются в речевой деятельности. Предлагается рассмотреть ряд следующих сленговых единиц:

- **perrear (perriar)**, а также дериват **perreo**. Сленговая единица **perrear**, её вариация **perriar** и дериват **perreo** (происходят от «регто» и суффикса -ear) апеллируют к акту танца, при котором мужчина и женщина сильно сближают свои тела и активно воспроизводят колебательные движения бёдрами (тверк/реггетон). Было установлено, что в словарях «DLE RAE» [DRAE] и «Diccionario de americanismos» [Diccionario de americanismos, 2010] представленная лексема не маркирована как обладающая узусом на территории Колумбии. Тем не менее, при обращении к лингвистическому корпусу «Corpus del español» представляется возможным привести некоторые примеры использования сленговой единицы молодым колумбийским пользователем:

...*las playas sin basura y a la hora de perrear eso es solo sabrosura...* [Corpus del Español: Web/Dialects, 2016]

...*пляжи без мусора, и, когда танцуешь тверк, это одно сплошное удовольствие...* [Corpus del Español: Web/Dialects, 2016]

...*para que al menos se negase a ponerse a perrear en el escenario...* [Corpus del Español: Web/Dialects, 2016]

...*для того, чтобы он хотя бы отказался начать танцевать тверк на сцене...* [Corpus del Español: Web/Dialects, 2016]

В медиапространстве Колумбии (издание «SoHo») был обнаружен заголовок статьи под авторством Харосси Васкес, содержащий лексему **perreo**:

El perreo se toma el fin de semana en Colombia [Jharoccy Vázquez, 2022]

Тверк ознаменует выходные дни в Колумбии [Харосси Васкес, 2022]

В песенном дискурсе жанра реггетон было зафиксировано использование лексемы **perrear** колумбийским исполнителем Хосе Альваро Осорио Бальвином (композиция под названием «China»):

Yo estaba en la disco perreando cuando con ella me envolví... [Álvaro Osorio Balvín, 2019]

Я танцевал тверк на дискотеке, когда я увлёкся ею... [Альваро Осорио Бальвин, 2019]

- **prender(-se)**. Семантические особенности представленной сленговой единицы зафиксированы в лексикографических источниках «Breve diccionario de colombianismos» [Breve diccionario de colombianismos, 2012] и «Diccionario de americanismos» [Diccionario de americanismos, 2010] («находиться в легком состоянии алкогольного опьянения»). В «Breve diccionario de colombianismos» в качестве примера использования лексемы упомянуто следующее высказывание: «*Se prendió con dos cervezas*» («Он слегка пьяный после двух бутылок пива»).

- **guayabo**. В своей заметке «¿CÓMO DETERMINAN EL CLIMA Y LA BIODIVERSIDAD LA UTILIZACIÓN DEL LENGUAJE?» Ахренов А. В. [Ахренов, 2015] упоминает, что происхождение лексемы **guayabo** обязано существованию одноимённого древесного растения под названием «гуайява» и обладает двумя лексическими значениями: 1) чувство похмелья («*Tengo un guayabo de la fiesta de anoche*» – «У меня похмелье после вчерашней вечеринки»); 2) тоска («*Tengo un guayabo de no verte*» – «Я тоскую от того, что не вижу с тобой»).

- **pola**. Присутствие данной лексемы не зафиксировано в словаре «DLE RAE», а её происхождение, согласно текстовому материалу на сайте колумбийской газеты «El Tiempo», заслуживает особого упоминания: в 1910 году колумбийская компания «Bavaria», специализирующаяся на производстве напитков, приняла решение отметить столетнюю годовщину независимости Колумбии и выпустить пивные напитки под брендом «La Pola» – сокращение от Поликарпа Салаваррета, одна из героинь страны, которая сыграла монументальную роль в освобождении Колумбии от гнета испанских конкистадоров. Таким образом, лексема **pola** служит для обозначения пива [Tendencias El Tiempo, 31.01.2022]. Пример использования: «*Vamos a tomarnos unas polas*» («Давайте выпьем несколько бутылок пива»).

- **guaro**. Лексема **guaro** является аббревиацией от «aguardiente» (колумбийский алкогольный напиток по типу водки). Пример использования: «*Tomémonos unos guaros para celebrar el triunfo*» («Выпьем несколько бутылок агуардьенте, чтобы отпраздновать триумф»).

3. Склонность к взаимоотношениям романтического и дружественного характера. Как было продемонстрировано в графическом материале «*Виды деятельности молодого населения Колумбии на*

протяжении 3-х месяцев» во втором пункте, 44% респондентов предпочитают проводить время с персонами, с которыми состоят во взаимоотношениях романтического характера, а 56% респондентов предпочитают проводить время с персонами, с которыми состоят во взаимоотношениях дружественного характера.

В секции исследования «*JUVENTUDES COLOMBIANAS 2021: PREOCUPACIONES, INTERESES Y CREENCIAS*» под названием «*Educación para la sexualidad*» приведён опрос «*En qué temas te hubiese gustado recibir más información*» («О каких темах тебе хотелось бы получить больше информации»), согласно которому 25% респондентов отметили вариант «*Amor y relaciones sentimentales*» («Любовь и романтические отношения») [Fundación SM, 2021].

Образ молодого колумбийского человека, склонного к взаимоотношениям романтического и дружественного характера, находит репрезентацию в следующих сленговых единицах:

- **tusa**. Лексема **tusa**, предположительно, происходит от глагола «tundir» со значениями «бить», «изматывать», а в источниках «Diccionario de americanismos» [Diccionario de americanismos, 2010] и «Breve diccionario de colombianismos» [Breve diccionario de colombianismos, 2012] апеллирует к разочарованию или депрессии ввиду расставания. Узус представленной лексемы стал более широким благодаря примеру из песенного дискурса жанра латино-поп исполнительницы Каролины Хиральды Наварро (более известной под псевдонимом «Karol G»):

Ya no tiene excusa, hoy salió con su amiga dizque pa' matar la tusa [Carolina Giralda Navarro, 2020]

У него уже нет оправданий, сегодня она вышла со своей подругой, чтобы вылечить разбитое сердце [Каролина Хиральда Наварро, 2020]

- **pelicular**. Лексема **pelicular** происходит в результате слияния двух единиц: «película» («фильм») и «culear» («реализовывать половой акт»), а означает «смотреть кинофильм, но в целях занятия любовью». Стоит отметить, что значение представленного неологизма не зафиксировано в каком-либо словаре испанского языка, но, тем не менее, при обращении к социальной сети Twitter в поисковых результатах приводятся многочисленные текстовые публикации молодых колумбийских пользователей с использованием сленговой единицы (сохранены оригинальные орфография и пунктуация):

q lindo debe ser pelicular con blues d fondo [Twitter, 10.12.2022]

La noche está como para PELIcular [Twitter, 05.12.2022]

Necesito coitorrear y luego pelicular [Twitter, 27.11.2022]

Me fascina eso que no le gusta pelicular pero siempre me tira después de trabajar [Twitter, 21.09.2021]

- **moteleada**. Лексема **moteleada** является дериватом от глагола «motelear», значение которого, в свою очередь, зафиксировано в Колумбии и Никарагуа в Diccionario de americanismos [Diccionario de americanismos, 2010]: «ir a un motel para tener un encuentro sexual» («посещать мотель для реализации полового акта»). Как и в предыдущем пункте, было принято решение обратиться к социальной сети Twitter и рассмотреть примеры использования (сохранены оригинальные орфография и пунктуация):

declaro este mes una moteleada con jacuzzi, comida, chorro y drogas por favor [Twitter, 03.03.2022]

Será que se me nota en la cara lo bien culeada?? #JueputaQueRico. Un plancito de sexo en grupo tipo moteleada... No fue oficialmente #GangBang por que faltaron los típicos incumplidos ... Los de "yo voy, yo voy" y puro cuento. Pero la pasé tan pinche rico! [Twitter, 30.09.2018]

una moteleada con la persona q me gusta me quitaría la tristeza y el verano («verano» в Колумбии означает «девственность», «отсутствие сексуального опыта», а также «засуха») [Twitter, 31.03.2022]

- **gallinazo**. Значение лексемы **gallinazo** зафиксировано в словарях Diccionario de Americanismos [Diccionario de americanismos, 2010] и Breve diccionario de colombianismos [Breve diccionario de colombianismos, 2012]: «дамский угодник». Причину модификации лексического значения при переходе в колумбийский национальный вариант испанского языка установить не удалось. В сборнике «*Zoológicos urbanos: historias mutantes de Rafael Chaparro Madiedo*» представляется возможным обнаружить следующий пример использования (дериват **gallinacear**):

«A Teus lo he pillado ahí en el almacén gallinaceando a las vendedoras, pero hermano, ni se le ocurra meterse en ellas» («Я застал Теуса на складе, когда он флиртовал с продавщицами, но, дружище, пусть даже не смеет лезть к ним») [Madiedo & Ochoa, 2009]

• **parche**. Лексема **parche**, согласно Breve diccionario de colombianismos [Breve diccionario de colombianismos, 2012], апеллирует к группе молодых людей, а также месту их встречи. Предположительно, происхождение обязано жителям Медельина, которые собирались в так называемые «randillas» («банды», «шайки») и между собой использовали представленную лексическую единицу для организации общих встреч [Spanish World Institute, 2020]. При обращении к социальной сети Twitter представляется возможным обнаружить следующие примеры использования (сохранены оригинальные орфография и пунктуация):

La TUSA que me da organizarme y quedar bien linda pa ir a un parche bien maluco [Twitter, 10.12.2022]

Amo estar en Sincelejo la comida es sabrosa, puedes armar un parche en 3 minutos y todo es pasado de barato [Twitter, 04.01.2023]

Узус деривата **parchar** («проводить время с друзьями») также зафиксирован в социальной сети Twitter:

Normalicen salir a tomar y parchar con amigos temprano, uno ya no está para esos trotes de estar trasnochado [Twitter, 11.12.2022]

«no sirvo pa sostener conversaciones por chat, mejor invítenme a parchar» [Twitter, 06.12.2022]

Стоит отметить, что в рамках одной статьи невозможно сделать исчерпывающий анализ проблемы, поэтому в дальнейшем необходимо исследовать употребление других сленговых и разговорных единиц, функционирующих в колумбийском национальном варианте испанского языка, а также рассмотреть их корреляцию с языковой картиной мира и менталитетом. Тем не менее, примеров, представленных в данной статье, достаточно, чтобы прийти к следующим выводам:

1) Современный сленг тесно коррелирует с языковой картиной мира колумбийской молодёжи, в частности с особенностями их менталитета и образом поведения;

2) Многие сленговые единицы, принадлежащие колумбийскому национальному варианту испанского языка, находят отражение в современном молодёжном песенном дискурсе Колумбии;

3) Происхождение некоторых сленговых единиц, принадлежащих колумбийскому национальному варианту испанского языка, обусловлено историческими, культурными и политическими реалиями Колумбии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ахренов, А. В. ¿Cómo determinan el clima y la biodiversidad la utilización del lenguaje? / А. В. Ахренов // Язык и культура Колумбии в контексте латиноамериканской цивилизации : Материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции, Москва, 26–27 сентября 2013 года. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2015. – С. 196–203.

2. Ахренов, А. В. Национально-культурная специфика метафорического осмысления мира (на материале национальных вариантов испанского языка) / А. В. Ахренов // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 3(3). – С. 74–81.

3. Грунина, Ю. Особенности перевода молодежного сленга с испанского языка на русский (на примере современных испанских сериалов) / Ю. Грунина, Е. Терентьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-molodezhnogo-slenga-s-ispanskogo-yazyka-na-russkiy-na-primere-sovremennyh-ispanskih-serialov> (дата обращения: 29.11.22)

4. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Корнилов – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

5. Потемкина, В. Сленг, как составляющая разговорного языка // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – №11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sleng-kak-sostavlyayuschaya-razgovornogo-yazyka> (дата обращения: 29.11.22)

6. Чеснокова О.С. Испанский язык Колумбии: лингвокультурологическое исследование. – Изд-во Palmarium, Saarbrücken, 2012.

7. Breve diccionario de colombianismos. Academia Colombiana de la Lengua. – 2012. – URL: <https://es.calameo.com/read/0043402788bbce2d2b58a> (дата обращения: 29.11.22)

8. Corpus del Español: Web/Dialects. – 2016. – URL: <https://www.corpusdelespanol.org/web-dial/> (дата обращения: 29.11.22)
9. Diccionario de americanismos. Asociación de Academias de la Lengua Española. – 2010. – URL: <https://www.asale.org/damer/> (дата обращения: 29.11.22)
10. Diccionario de la Real Academia Española (DRAE). – URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 29.11.2022)
11. Corrales, Cristóbal, Dolores Corbella. Diccionario Histórico del Español de Canarias (DHECan). – 2013. – URL: <http://web.frl.es/DHECan.html> (дата обращения: 29.11.22)
12. Mayra Mercado. 10 defectos colombianos que al resto del mundo le gustaría tener. // Matador Network. – 2018. – URL: <https://matadornetwork.com/es/defectos-colombianos-que-al-resto-del-mundo-le-gustaria-tener/> (дата обращения: 29.11.22)
13. Jharoccy Vázquez. El perreo se toma el fin de semana en Colombia. // SoHo. – 2022. – URL: <https://www.soho.co/actualidad/articulo/el-perreo-se-toma-el-fin-de-semana-en-colombia/202222/> (дата обращения: 29.11.22)
14. Juventudes Colombianas 2021: preocupaciones, intereses y creencias. // Fundación SM. – 2021. – URL: <https://www.fundacion-sm.org/wp-content/uploads/2021/04/Informe-Encuesta-de-Juventudes-colombianas.pdf> (дата обращения: 29.11.22)
15. ¿Qué piensan los jóvenes colombianos? // Hanns Seidel Stiftung, 2020 – URL: <https://latinamerica.hss.de/news/detail/que-piensan-los-jovenes-colombianos-news6088/> (дата обращения: 29.11.22)
16. PARCHE. // Spanish World Institute. – 2020 – URL: <https://www.spanishworldinstitute.com/diferencia-entre-inapto-e-inepto-w-letra-compleja-2/> (дата обращения: 29.11.22)
17. Rafael Chaparro Madiedo, Alejandro González Ochoa. Zoológicos urbanos: historias mutantes de Rafael Chaparro Madiedo. – Universidad de Antioquia, 2009. – URL: <https://books.google.com.co/books?id=SuC5b5g2D3QC&pg=PA65&dq=gallinaceando#v=onepage&q=gallinaceando&f=false> (дата обращения: 29.11.22)
18. Seis conflictos armados aumentan la violencia en Colombia. // DW. – 2022. – URL: <https://www.dw.com/es/seis-conflictos-armados-aumentan-la-violencia-en-colombia/a-61261656> (дата обращения: 29.11.22)
19. José Álvaro Osorio Balvín. Anuel AA, Daddy Yankee & KAROL G – China Lyrics // Genius. – 2019. – URL: <https://genius.com/Anuel-aa-daddy-yankee-and-karol-g-china-lyrics> (дата обращения: 29.11.2022)
20. Carolina Giraldo Navarro. KAROL G & Nicki Minaj – Tusa Lyrics // Genius. – 2020. – URL: <https://genius.com/Karol-g-and-nicki-minaj-tusa-lyrics> (дата обращения: 29.11.2022)
21. Twitter². Es lo que está pasando. / Twitter. – URL: <https://twitter.com/> (дата обращения: 04.01.2023)

УДК 811.134.2

Теоретические исследования языковой картины мира современной Испании

Барвинченко В. В., Луганский государственный педагогический университет,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.пед.н., доцент Грицкова Н. В., Россия

В условиях глобализации и расширения информационно-коммуникационного пространства, неизбежно воздействующего на личность и национальное сознание, все большую актуальность приобретает актуализация индивидуальной и этнической картины мира. Картина мира в национальном сознании неразрывно связана с окружающей действительностью, геополитическими, экономическими и социокультурными факторами.

Учитывая значение индивидуальности в контексте организации мировоззрения народа, формирования картины мира, исследователи в сфере лингвистики в последние десятилетия большее внимание уделяют когнитивному, культурологическому, лингвистическому, восприятию мира личностью. Окружающее пространство и реакции личности на него в лингвистических исследованиях являются ключевой темой для изучения языковой картины мира.

Изучение культуры и лингвистических особенностей формирования языковой картины мира испанцев невозможно представить обособленно от понимания и изучения национальной культуры и психологических аспектов восприятия действительности.

² twitter.com включен в список ресурсов, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации

В исследовании Е. В. Смирновой «Культурные доминанты в языковой картине мира испанцев» уделяется особое внимание актуализации языка как средства отражения действительности: «Слова отражают не сами предметы, а то видение, которое сложилось в сознании носителя языка об этом предмете под воздействием окружающей его действительности» [Смирнова, 2015, с. 12]. Это во многом объясняет коммуникационные барьеры, которые возникают в процессе взаимодействия представителей разных культур.

Тесная связь языка и культуры определена тем, что человек транслирует через свое мировоззрение ту картину восприятия мира, которая перед ним возникает. С. Г. Тер-Минасова исследуя детерминанты языковой картины мира, отмечает, что язык, мышление и культура пребывают в связи: «составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов. Все вместе они отражают и одновременно формируют и языковое сознание, и картину мира личности, народа» [Тер-Минасова, 2003, с. 40].

В лингвокультурных исследованиях, посвященных изучению языковой картины мира испанцев, реальную картину мира и культурную картину мира рассматривают симбиотично, поскольку первая является отражением реальности, в которой пребывает общество, а вторая – представляет собой систему понятий, которые были сформированы на основе общекультурных представлений, особенностей воспитания, менталитета. Связь культурной и реальной картины мира по мнению С. Г. Тер-Минасовой, образует языковую картину мира, которая формируется в процессе преломления действительности в языке и культуре общества.

В работах Ю. Л. Оболенской находит место также закономерность, связанная с национальным сознанием, которая состоит в сосуществовании и взаимодействии концептуальной и языковой картины мира в национальном сознании. Так, автор пишет: «следует учитывать то, что концептуальная картина мира, в образовании которой участвуют различные типы мышления, богаче языковой, в то время как языковая картина мира создается на основе одного типа мышления, обусловленного национальной психологией» [Оболенская, 2018, с. 109].

Как заметила в своем исследовании Е. В. Смирнова, значительная часть трудов в области лингвистики, психологии и философии сводятся к концепции языка, как отражения культуры общества. Это обусловлено тем, что языковая картина мира отражает всю сущность бытия народа – от традиций и обычаев, до особенностей менталитета и группового мировоззрения, образа жизни и ценностных приоритетов.

Интересно, что как собственно испанская, так и отечественная лингвистические школы уделили достаточное внимание изучению картины мира и особенностям формирования ее в условиях социализации и становления личности, однако одновременно с этим вопросу реализации явлений разговорной речи посвящено мало трудов.

В. В. Долженкова в своей работе «Некоторые характерные особенности испанской разговорной лексики в контексте национальной языковой картины мира» отмечает, что «особенности рекуррентных лексем разговорного регистра позволяют рассматривать их сквозь призму национальной концептуальной картины мира» [Долженкова, 2019, с. 250].

Следует отметить, что в основе лексического содержания испанского разговорного языка лежит эмотивно-нейтральная лексика. При этом проявления испанской языковой картины мира появляются, наоборот, в стилистически окрашенной форме. Во многом это обусловлено метафоризацией. Метафоризация играет важнейшую роль в формировании языковых концептов на основе образной трансформации существующих лексических единиц.

Проявление метафоры в испанском языке можно увидеть в оценочной лексике, характерной языковой культуре. Так, В. В. Долженкова обращает внимание на обилие зооморфных, этнических образов, присутствие ироничного окраса, каламбуров и форм языковой игры в испанском языке.

Метафоризация значения устоявшегося образа происходит, например, в такой фразе, как: «*Quedan papas? –No, la morralla*», в данном случае «*la morralla*» трансформируется из значения небольшая сеть для рыбы в мелкую рыбешку, что в итоге приводит к смыслу остатков, мелочи, незначительности. А в фразе «*Me quedé chafádo*», что значит мять, приминать приобретает метафорическую форму в значении «удивление» или «быть пораженным».

М.В. Кутьева, рассматривая сематическую основу языковой картины мира испанцев в своей работе «Анатомия человека в семантике испанской языковой картины мира глазами носителя русского языка», отмечает тенденцию к образной передаче телесных аспектов. Так, автор пишет: «Испанский язык – язык радостной образности, изобразительности, воспевающей все земное и в первую очередь – человека во плоти – *de carne y hueso*» [Кутьева, 2012]. Учитывая это, М.В. Кутьева делает вывод о том, что «жизнерадостность, экспрессивность, эмотивное отражения действительности в картине мира испанцев

позволяет судить о национальном мировоззрении и видении мира, картине мира, характерной носителям данного языка» [Кутьева, 2012].

Тема телесности и описательной метафоричности образов имеет значимое место в языковой картине мира испанцев. Так, например, устоявшееся выражение «*ser más feo que Picio*» имеет корни легенды, известной в Испании. Это повествование о сапожнике, который был осужден на смертную казнь, однако его приговор был отменен в последний момент. Для героя потрясение и значительный стресс стали началом визуальной трансформации. Опираясь на это выражение, испанцы дают описание человеку, который пришел к физическим недостаткам.

Для описания худого человека, (чаще всего это применимо к женщине) используется выражение, в котором оценка внешности происходит через игру слов «*ser Castellón de la Plana*».

В современной языковой картине мира используются элементы литературного жанра, комиксов. Например, образы героев «*Sancho Panza*» и «*Gordito Relleno*» используются для характеристики людей, которые страдают от полноты.

Определенно, немаловажную роль в картине мира играют особые виды деятельности, характерные для испанской культуры. Так, например, для характеристики умственных способностей сравнение производится с предметом «*ser una maleta*», закрепленного в языковой картине мира при заимствовании элементов жаргона тореро.

По замечанию испанского философа С. Мадарьяга, особенность словотворчества берет основу в индивидуализме национальной культуры, где через разрушение общепризнанных норм выстраивается особенная система речи. Следует обратить внимание на то, что любые речевые трансформации, особенно в виде метафоризации это проявление накопленного мировосприятия и некий «культурный код», который передается из поколения в поколение. Ввиду образности, речь испанцев динамично трансформируется и дополняется. Все это выступает как способ проявления национального сознания, менталитета и характера.

Так, по мнению Е. В. Смирновой, решающую роль в определении языковой картины мира играют культурные аспекты развития испанского народа. При этом, важно отметить, что национальные особенности определены и культурным влиянием арабской, греческой, иберийской, византийской, средиземноморской культуры. В подтверждение этого, С. Мадарьяга пишет о том, что «в мировоззрении испанца первое место занимает семья, затем – друзья, а вот национальный вопрос и тема приверженности к государству менее значительна для испанцев, чем для других народов» [Мадьяга, 2005]. Это обусловлено синтетическим содержанием испанской культуры, которая постоянно пребывала в симбиозе с другими культурами.

Одновременно с этим, испанцы известны своим оптимизмом располагающим отношением к окружающим и легкостью в построении общения. Учитывая, что Испания на протяжении веков находилась под контролем арабской культуры, ее жителям удалось достичь мирного сосуществования представителей христианской, еврейской и мусульманской социальной общности.

Национальный характер, тесно связанный с языковой картиной мира испанцев, отражается как в эмотивности, так и в концепциях образа жизни и национального мировоззрения, в котором есть место не только для труда, но и для душевного общения с семьей и близкими, для жизни в удовольствие и неспешной снесты. В общении это также находит свое проявление в концепте испанской культуры – «*ocio*». Итальянцы знают толк в неспешной беседе. Е. В. Смирнова отмечает ввиду этого, что: «чем дальше на юг, тем меньше суеты в жителях» [Смирнова, 2015, с. 7].

Таким образом, содержание картины мира является своеобразным кодом культуры, который связан с речью и образом жизни, условиями развития и менталитетом народа. Национально-специфическая лексика и сематические особенности трансформации и употребления слов в испанском языке обусловлены с одной стороны – симбиотичностью культуры и влиянием исторических процессов, с другой стороны – географическими особенностями страны.

Но наиболее выраженными и характерными для испанской языковой картины мира видятся метафоричность образов, склонность к описаниям. Во многом они сосредоточены на национальном мировоззрении, в котором превалирует индивидуализм, любовь к семье, общению и наслаждению мирским.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Долженкова, Н. В. Некоторые характерные особенности испанской разговорной лексики в контексте национальной языковой картины мира / Н. В. Долженкова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-harakternye-osobennosti-ispanskoj-razgovornoj-leksiki-v-kontekste-natsionalnoy-yazykovoy-kartiny-mira> (дата обращения: 28.11.2022).

2. Кутьева, М. В. Анатомия человека в семантике испанской картины мира глазами носителя русского языка / М. В. Кутьева. – URL: https://www.researchgate.net/publication/327341639_Anatomia_celoveka_v_semantike_iskanskoj_azykovo_j_kartiny_mira_glazami_nositela_russkogo_azyka (дата обращения: 28.11.2022).
3. Оболенская, Ю. Л. Мир испанского языка и культуры: очерки, исследования, словарь суеверий и символов / Ю. Л. Оболенская. – М., 2018. – 256 с.
4. Смирнова, Е. В. Культурные доминанты в языковой картине мира испанцев.: дис. ...канд. филол. Наук / Е. В. Смирнова – М., 2015. – 206 с. – URL: http://www.dslib.net/roman-jazyki/kulturnye-dominanty-v-jazykovo_j-kartine-mira-ispancev.html (дата обращения: 28.11.2022).
5. Тер-Минасова, С. Г. Личность и коллектив в языках и культурах / С.Г. Тер-Минасова //Вестник Московского ун-та. – Сер. 19. – 2003. – № 2. – С. 40.
6. S. de Madariaga. Ingleses, franceses, españoles / Salvador de Madariaga. – Madrid.: 2005. – 301 p.

УДК 811.111

Библеизмы английского языка: лингвистический анализ

Гончарова А. А., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Милькевич Е. С., Россия

Библия – уникальный текст, оказавший огромное влияние на языки европейских народов, включая английский. Она также является источником библеизмов – особых единиц, структурно представляющих собой слова, словосочетания и предложения, которые появляются в ходе переосмысления библейского сюжета [Бакина, 2021, с. 36].

Цель данной работы – анализ английских библеизмов согласно их морфологическим, лексическим, синтаксическим и семантическим особенностям.

Материалом исследования являются 257 библеизмов английского языка, зафиксированных в Библии короля Якова и приведенных в книге Дэвида Кристала *Begat: The King James Bible and the English Language* [Crystal, 2011, p. 263–302].

Рассмотрим основные особенности библеизмов.

На морфологическом уровне нами проведен анализ таких частей речи, как существительное и глагол.

233 библеизма (91%) содержат одно или несколько существительных. Всего нами обнаружено 271 существительное. Большинство имен существительных являются именами нарицательными (259 единиц, 96%), например, *calf, flesh, fuel, fire, beginning, word, loins*, и др. 12 существительных (4%), такие как *Armageddon, Adam, Eve, Nazareth, Jesus, Job*, и др. являются именами собственными.

В свою очередь имена нарицательные в нашем материале исследования представлены следующими лексико-грамматическими группами: конкретные существительные (178 единиц, 69%; *stone, rod, back, candle, bushel, sword*, и др.); абстрактные существительные (63 единицы, 28%; *faith, spirit, evil, vanity*, и др.), вещественные (15 единиц, 7%; *milk, honey, dust, wine* и др.) и собирательные существительные (3 единицы, 1%; *money, people, legion*). Большинство библеизмов содержит конкретные существительные, так как благодаря их прямому денотативному значению они являются самыми простыми и понятными для реципиента. Большинство исчисляемых имен существительных, представленных в материале исследования, употребляются в единственном числе (177 единиц, 77%), например, *image, heart, whirlwind, bush, thorn*, и др. 52 существительных (23%) употреблены во множественном числе: *wheels, sepulchers, tongues, pieces*, и др.

103 библеизма являются коммуникативными единицами, т.е. структурно представлены предложениями. В подавляющем большинстве (99 единиц, 94%) личный глагол используется в простом настоящем времени Present Simple, например, *harvest is great, but the labourers are few; live by sword, die by sword; sufficient unto the day is the evil thereof*. В выборке также были обнаружены единичные библеизмы, в составе которых присутствуют глаголы во времени настоящее завершённое Present Perfect (4 единицы – 3%), например, *what I have written, I have written; what hath God wrought*.

Необходимо отметить, что некоторые глаголы 2 и 3 лица единственного числа употреблены в архаичном написании с флексиями *t* и *th*, характерными для средне- и ранненовоанглийского, например, *dust thou art eye hath not seen*.

Нами обнаружено 14 основных лексико-тематических групп существительных, используемых в библеизмах: «части тела» (35 единиц, 14%), «человек» (30 единиц, 12%), «предметы домашнего обихода» (27 единиц, 11%), «природные объекты» (26 единиц, 10%), «животные» (13 единиц, 5%), «добро» – «зло» (13 единиц, 5%), «еда» (8 единиц, 3%), «язык/речь» (6 единиц, 2%), «эмотивность» (5 единиц, 2%), «Бог»

(5 единиц, 2%), «земледелие» (3 единицы, 1%), «ментальные способности» (3 единицы, 1%), «деньги» (3 единицы, 1%), «одежда» (3 единицы, 1%).

Самыми распространенными лексико-тематическими группами являются «части тела», «человек», «предметы домашнего обихода». Лексемы данных групп обладают межкультурной образностью, легко доступной для говорящего и для адресата. Рассмотрим их подробно.

Лексико-тематическая группа «части тела» является самой распространенной группой; она представлена такими соматическими единицами, как *eye, head, hair, heart*, и др. К примеру, самая распространенная соматическая лексема *eye* в ряде библеизмов, включая *eye for an eye*, выступает как символ ценности, например, *eye for an eye* – «око за око» [Лубенская, 2004]. Возмездие за ущерб было нормой еврейского права в библейские времена. Данная практика отражена в этом библеизме, в котором лексема *eye* является метафорой ценности, лишение которой является суровым наказанием.

Вторая по частотности лексико-тематическая группа – «человек», к которой принадлежат такие существительные, как *man, masters, king, father, mother, prophet*, и др. Самая распространенная единица лексико-тематической группы «человек» – это лексема *man (men)*, употребляющаяся в своем обобщенном значении в библеизмах, подчеркивающих невозможность изменения человеческой природы. Например, библеизм *no man can serve two masters* говорит о том, что человеку необходимо выбрать что-то одно: он должен поклоняться Богу или богатству, потому что будет любить только одного из двух: *no man can serve two masters* – «нельзя служить двум господам» [Серов, 2003].

Третья по частотности лексико-тематическая группа – «предметы домашнего обихода», к которой мы относим лексемы, означающие дом и предметы повседневного быта, характерного для библейских времен, например, *house, rod, needle, bucket*, и др. Самым распространенным существительным в данной группе является «дом» (*house*). В народном сознании дом – надежное пространство, и от того, на чем он построен, зависит вся человеческая жизнь. Так, в библеизме *to build one's house upon the sand* представлена негативная модель поведения, указывающая на то, что дом должен стоять на прочном фундаменте: *to build one's house upon the sand* – «строить дом свой на песке» [Кунин, 2006].

В результате структурного анализа нами было зафиксировано 7 библеизмов-слов (3%), 147 словосочетания (57%) и 103 библеизма-предложения (40%). Отдельные слова (слитное или дефисное написание) предоставлены в основном простыми и сложными существительными, прилагательными и глаголами, такими как *babel, scapegoat, stiff-necked, begat (beget)*, и др. Словосочетания состоят из двух и более слов. Они представлены в основном моделью N + *pr* + N (27%), например, *apple of one's eye, thief in the night, eye to eye*. Больше половины предложений являются простыми утвердительными (68 единиц, 66%), например, *all these things must come to pass; and the word was made flesh; money is the root of all evil*.

Нами обнаружено, что в библеизмах используются все три вида наклонения – изъявительное, повелительное и сослагательное. Большинство библеизмов употреблено в изъявительном наклонении (63 единицы, 61%): *my name is legion; wages of sin is death; woe is me*. 37 библеизмов (36%) имеют в составе глаголы в повелительном наклонении: *suffer little children; be horribly afraid*. В материале исследования нами обнаружено 3 предложения (3%), употребленных в сослагательном наклонении: *God forbid; God save the king; [good were it for that man] if had never been born*.

Нами выделены следующие семантические группы библеизмов: библеизмы, дающие характеристику человеку, его поведению и объекту, воспринимаемому человеком. Коннотация таких библеизмов зависит от сюжета Священного Писания или от образности метафоры, данной в Евангельском повествовании. Например, библеизм *the salt of the earth* является метафорой, произнесенной Христом в адрес Его учеников. «Соль земли» является обозначением малочисленных праведников, которые нужны миру: *the salt of the earth* – «соль земли» – «избранные люди, лучшие представители человеческого общества» [Серов, 2003].

Библеизмы-коммуникативные единицы часто имеют форму советов и назиданий. Часть из них может объяснять законы существования и христианские законы. Библеизм *many are called but few are chosen* изначально говорил о том, что только некоторые праведники могут получить спасение. Со временем, когда библеизм потерял связь со Священным Писанием, он стал означать общечеловеческую закономерность – немногие могут добиться успеха: *many are called but few are chosen* – «много званых да мало избранных» – «о многих соискателях чего-либо, что достанется лишь немногим, истинно достойным» [Серов, 2003].

Таким образом, в результате проведенного морфологического анализа было выявлено, что большинство существительных в английских библеизмах являются именами нарицательными и употребляются в единственном числе; глаголы в большинстве библеизмов употреблены во времени Present Simple.

Лексический анализ позволил выделить 14 лексико-тематических групп существительных, самыми частотными из которых являются следующие: «части тела», «человек», «предметы домашнего обихода». Библизмы, компонентами которых являются данные существительные, обладают легко доступной и межкультурной образностью.

Структурно библизмы представлены отдельными словами, словосочетаниями и предложениями. Самой продуктивной моделью словосочетаний является модель N + *pr* + N. Предложения в основном простые, утвердительные, в изъявительном наклонении.

Библизмы обладают определенной семантической функцией: они указывают на отношении человека к окружающей среде, на его характер и поведение. Коммуникативные библизмы называют законы бытия и имеют форму назиданий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бакина, А. Д. Библизмы vs библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов) / А. Д. Бакина // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки», 2021. – 21(6), С. 35–43.
2. Лубенская, С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь. / С. И. Лубенская. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. – URL: phraseology_ru_en.academic.ru (дата обращения: 11.05.2023)
3. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. / А. В. Кунин. – М.: Русский язык – Медиа, 2006. – URL: large_phrasebook_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 11.05.2023)
4. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2003. – URL: dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords (дата обращения: 11.05.2023)
5. Crystal, D. *Begat: The King James Bible and the English Language* / D. Crystal. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 327 p.

УДК 373.51

Электронные образовательные ресурсы как эффективная форма обучения иностранному языку в средней школе

Горшкова А. В., Череповецкий государственный университет, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Межецкая Г. Н., Россия

Современный урок иностранного языка в школе предполагает использование технологий, способствующих эффективному формированию иноязычной компетенции. К таким технологиям можно отнести информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) – совокупность способов, механизмов и средств, используемых для автоматизированного сбора, обработки, хранения и передачи информации [Кораблёв, 2006, с. 37]. К ИКТ традиционно относят электронные образовательные ресурсы (ЭОР), находящиеся в свободном доступе в сети Интернет, самостоятельно выполненные презентации, готовые программы (мобильные приложения) и многое другое [Захарова, 2010, с. 26].

Как справедливо отмечает С. К. Омарова, основными достоинствами интеграции ИКТ в обучение иностранному языку являются:

- **мультимедийность информационных ресурсов.** Мультимедийные средства позволяют проигрывать видео, прослушивать аудиоматериалы, воспроизводить анимацию и многое другое;
- **реализация интерактивных форм обучения:** интерактивность, являясь ключевым свойством информационных технологий в учебном процессе, способствует, в свою очередь, реализации возможности организации демонстраций;
- с помощью таких технологий можно привлечь внимание ученика: подобрать такую информацию и такие задания, которые были бы ему интересны, и тем самым **мотивировать его на дальнейшую учебную деятельность** по дисциплине;
- **развитие как основных навыков и умений во всех четырех видах иноязычной речевой деятельности, так и психических процессов** (мышления, внимания, логики);
- **возможность осуществления технологического контроля в обучении:** ЭОР могут выступать как средство осуществления мгновенного контроля;
- обеспечение учащихся **аутентичными** материалами [Омарова, 2018, с. 53].

С целью изучения возможности применения электронных образовательных ресурсов на уроке английского языка в средней школе были выбраны многофункциональный веб-сайт «Wordwall», позволяющий создавать интерактивные и печатные материалы, и мобильное приложение «Learn English Vocabulary», направленное на изучение иноязычной лексики. Исследование проводилось в рамках

педагогической практики в группе учеников 5 класса в составе 26 человек школы № 23 МАОУ «ЦО им. И.А. Милютина» г. Череповца.

Сервис «Wordwall» позволяет создавать следующие типы заданий с мультимедийным, а также интерактивным контентом:

- задания на соотнесение;
- задания с множественным выбором;
- вопросно-ответные задания;
- дидактическая игра «найди пару»;
- задания, направленные на заполнение пропусков подходящими по смыслу лексическими единицами и многое другое.

Интерактивные задания, созданные с помощью этого сервиса, способны вовлечь учеников в работу на уроке, сделать процесс обучения динамичнее.

Приложение «Learn English Vocabulary» – бесплатный мобильный сервис для изучения новых лексических единиц на английском языке. Все лексические единицы рассортированы по отдельным разделам, а разделы, в свою очередь, делятся на блоки. Каждый блок включает цикл заданий, направленных на детальное изучение и проверку понимания лексики: writing, listening, speaking, test и flash cards. Мобильное приложение позволяет пополнять словарный запас учащегося в игровой форме, благодаря чему процесс обучения становится нескудным и привлекательным для учеников.

Материалы веб-сайта Wordwall были использованы с учетом возраста и уровня владения английским языком учащимися на этапе Elementary (ниже среднего). В рамках темы Food в УМК для 5 класса “Spotlight” учащиеся осваивают «виды продуктов питания и напитков», «исчисляемые и неисчисляемые существительные», «ёмкости», а также «неопределенные местоимения some and any» («types of food», «countable and uncountable nouns», «containers», «indefinite pronouns some and any»). Задания веб-сайта применялись в качестве дополнительного материала по теме для развития навыка употребления лексического и грамматического минимума.

Так, для придания уроку эмоциональности, рабочего настроения применение вопросно-ответных заданий в игровой форме было эффективно на этапе **актуализации знаний**. Кроме того, на этапе **первичной проверки понимания** целесообразно использование задания, направленного на классификацию грамматических категорий «исчисляемые» и «неисчисляемые» существительные. Данное задание было с энтузиазмом воспринято учениками, ведь изучение «скучной грамматики» превратилось в увлекательную интерактивную игру, в которой каждый ученик смог себя проявить. Цель этапа **закрепления материала** состоит в мотивации учащихся на дальнейшую самостоятельную деятельность. Выполнение продуктивных заданий на этом этапе помогают ученику «связать» новый изученный материал с реальными жизненными ситуациями. Цель была успешно достигнута благодаря заданию «колесо фортуны» (разноцветное колесо с вопросами). Данное задание призвано сделать этап закрепления материала интереснее, эффективнее, ведь учащиеся не знают, какой вопрос на разноцветном колесе им «выпадет», поэтому активно включаются в работу. Для улучшения лексического навыка учащимся было предложено выполнить домашнее задание с использованием приложения Learn English Vocabulary.

В процессе опроса учащихся пятого класса мы выяснили, что 89% учеников понравилась работа с ресурсами. А результаты последующей проверочной работы по теме показывают, что уровень владения материалом повысился.

Результаты проведенного исследования показали, что интеграция электронных образовательных ресурсов действительно повышает интерес учащихся к предмету, позволяет в увлекательной форме закрепить полученные знания. Однако важно помнить, что подобные формы обучения работы не могут заменить живое общение, в частности, объяснение учителя. Электронные образовательные ресурсы являются хорошим дополнением к УМК, способным качественно улучшить процесс обучения, облегчить работу учителя, сэкономить время на некоторых этапах урока, а также увлечь учащихся и мотивировать их на дальнейшую учебную деятельность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова, И. Г. Информационные технологии в образовании: учебное пособие для студ. высш. учеб. Заведений – М.: Издательский центр «Академия», 2010 – 192 с.
2. Кораблёв, А. А. Информационно-телекоммуникационные технологии в образовательном процессе// Школа. – 2006. – №2.
3. Омарова, С. К. Характеристика и дидактический потенциал мобильно–цифровых технологий обучения иностранным языкам // Вестник ТГПУ. – 2018. – №1. – С. 53–57.

Особенности пьес Романа Козырчикова как иллюстрации к актуальным понятиям из «Экспериментального словаря новейшей драматургии»

Григорьева Л. И., Российский государственный институт сценических искусств,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к. иск., профессор Дмитревская М. Ю., Россия

«Экспериментальный словарь новейшей драматургии» вышел в 2019 году, и он интересен прежде всего тем, что обобщает опыт рубежа XX–XXI веков в истории драматических произведений, новейшей драматургии. Словарь вмещает в себя разные категории понятий – театроведческие, литературоведческие, культурологические, то есть является междисциплинарным исследованием.

Актуальным сегодня представляется дополнение «Словаря» примерами из пьес тех авторов, которые не упомянуты в словаре, однако являются представителями новейшей драматургии. Мы выбрали одного современного драматурга – Романа Козырчикова, ученика уральской драматургической школы Николая Коляды. Новая (и не только новая) словарная терминология, входящая в литературоведческий и театроведческий обиход, должна быть применена к тому, для чего она и собиралась создателями словаря, но в словаре это не всегда прослеживается, поскольку он издан раньше, чем Роман Козырчиков стал известен широкой публике. Далее приводятся понятия из словаря, которые, на наш взгляд, наиболее точно описывают поэтику пьес Козырчикова.

Первое понятие, значимое для новейшей драматургии – понятие монодрамы, введенное еще в девятнадцатом веке. Понятие «старое», тем не менее, сейчас как никогда актуальное – и означает оно особую форму драмы, в которой текст стремится быть «"проекцией души" центрального персонажа на внешний мир» [Экспериментальный словарь новейшей драматургии, 2019, с. 90]. Объект в монодраме – герой – «рефлексирует по поводу своего мышления и восприятия» [Экспериментальный словарь новейшей драматургии, 2019, с. 91]. Половину всех пьес Романа Козырчикова можно определить именно как монодрамы, и автор тем самым следует духу времени, поскольку большинство авторов новейшей драматургии создают пьесы в жанре монодрамы. Пьесы «Я – Жюстин», «Спутник и кометы» – красноречивые примеры монодрам.

Следующее понятие – эпизация (или романизация). Явление эпизации сегодня очень распространено, однако оно более современное, нежели монодрама: на эпизацию драматических произведений обратил внимание еще Теннесси Уильямс. Проявляется эпизация в том, что драматический текст стремится к тексту прозаическому, эпическому, поэтическому – это выражается в экспансии ремарки, то есть в ее расширении, и преобладании рассказа, а не собственно драматического действия. Роман Козырчиков во всех своих пьесах расширяет ремарку практически до пьесы в пьесе, помещая в нее не только переживания и чувства героев (как в пьесе «Секрет»), но действующих персонажей (как в пьесе «Тихий свет»).

Еще одно понятие – это понятие неосентиментализма. Неосентиментализм – скорей тенденция, чем определенное течение в новейшей драматургии. Неосентиментализму свойственны «комизм, идилика или элегика» [Экспериментальный словарь новейшей драматургии, 2019, с. 102]. Чаще всего персонажи неосентименталистских пьес – обитатели малой группы. Авторам важно показать интимность, «личную жизнь индивидуума в малой группе» [Экспериментальный словарь новейшей драматургии, 2019, с. 101]. Неосентиментализм – это «утрата естественного, гармонического мира <...>, вызванный этим кризис идентичности и острое ощущение собственной индивидуальности <...> смягчается и даже преодолевается за счет отчетливо идилической стратегии контакта с читателем/зрителем» [Экспериментальный словарь новейшей драматургии, 2019, с. 103]. Идеальный пример неосентимелистского автора – Роман Козырчиков, поскольку каждая его пьеса являет героя в малой группе, утратившего смысл существования и находящегося в постоянном поиске своей идентичности. В пьесе «Спутники и кометы» повествование, во-первых, ведется от первого лица, и, во-вторых, герой, пребывающий в одиночестве, стремится в течение всей пьесы из этого одиночества вырваться – то есть обрести себя.

Еще несколько понятий, о которых стоит сказать – это понятия гротескного субъекта и ремарочного субъекта. Гротескный субъект – это автор в пьесе, но не герой, а «неперсонифицированный» субъект, который разговаривает с нами в ремарках, обращаясь в них к читателю. Ремарочный субъект – напротив, герой, существующий в ремарках (что, кстати, признак эпизации драматического текста). Как гротескный субъект, так и ремарочный, есть в пьесах Козырчикова – к примеру, в пьесе «Собаки» автор в ремарках обращается к читателю, а в пьесе «Тихий свет» в ремарках существует герой Миколка, которого нет в основном действии.

Последний термин, на который хотелось бы обратить внимание – это понятие сценичности. «Экспериментальный словарь новейшей драматургии», вполне критически подходя к текстам новейшей драматургии, обращает внимание на антисценичность большинства новейших пьес, и антисценичны они как раз из-за стремления сделаться не драматическим тестом, а эпическим. Чаще всего такие пьесы не приспособлены для реализации в театре. В случае с Романом Козырчиковым, можно заключить, что каждая из его пьес в определенной мере антисценична, так как имеет большую долю эпического и поэтического, склоняясь, скорей, в сторону поэзии и романа, а не драмы. Пьесы Козырчикова являют пространство души, а не драматическое изменение героя.

Поскольку новейшая драматургия продолжает жить, и, в частности, Козырчиков продолжает писать, сегодня кажется перспективным переиздание «Словаря» с включением в него примеров из пьес совсем молодых авторов – Романа Козырчикова, Марии Конторович, Романа Дымшакова, Екатерины Бронниковой и других.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Экспериментальный словарь новейшей драматургии / Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich imienia Franciszka Karpińskiego ; общая редакция Сергей Лавлинский и Людмила Мних. – Siedlce : Naukowe IKR[i]BL, 2019. – 391 с.

УДК 811.133.1:811.161.1

Аффиксальные производные имена деятеля во французском и русском языках
Губская В. С., Донецкий государственный университет, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: д.ф.н., доцент Кремзикова С. Е., Россия

В настоящее время проблема образования и функционирования имён деятеля в системе разноструктурных языков и дискурсах является насущной и одной из самых исследуемых. Ученые отмечают, что в современных языках мотивационные отношения между исходным словом и производным агентивным существительным приобретают новые дополнительные характеристики, отражающие более сложный тип отношений между онтологическими сущностями в соответствии с задачей реализации активного начала в семантике деятеля [Кремзикова, 2019, с. 39]. Обращают внимание на то, что пополнению лексического фонда рассматриваемых языков способствует стремительное развитие науки и техники, активное взаимодействие с другими странами и коммуникация.

Актуальность темы заключается в потребности рассмотрения агентивных существительных в рамках антропоцентрической парадигмы в лингвистике; необходимости тщательного изучения и сопоставительного анализа французских и русских существительных имён деятеля с применением сопоставительно-типологического подхода.

Цель исследования состоит в выявлении и описании структурно-семантических особенностей аффиксальных словообразовательных моделей имён деятеля во французском и русском языке.

Для достижения цели в работе применяются методы и принципы лингвистического анализа: описательный метод, словообразовательный анализ, морфологический анализ, компонентный анализ, количественный подсчет.

Материалом исследования послужила выборка существительных со значением имени деятеля, в количестве 200 единиц из электронных словарей: *Le Petit Robert* 2020, 2021 и 2022 года для французского языка и 150 лексических единиц из толкового словаря русского языка Ожегова Сергей Ивановича под ред. Л. И. Скворцова 2009 года.

В современной лингвистической литературе существуют различные определения словообразовательных единиц, которыми оперируют исследователи. Авторы академического издания Русской грамматики (1980) определяют объектом изучения в словообразовании «словообразовательно мотивированные слова, т. е. слова, значение и звучание которых обусловлено другими однокоренными словами» Они выделяют такие единицы словообразования: словообразовательный тип, который считают «основной единицей классификации словообразовательной системы»; словообразовательное гнездо, как «совокупность слов с тождественным корнем» [Русская грамматика, 1980, с.133–134].

Словообразовательный тип здесь трактуется как «схема построения слов определенной части речи», объединенных общностью части речи мотивирующего слова и формантом, «тождественным в материальном и семантическом отношении» [Русская грамматика, 1980, с.133–135]. Рассматривая словообразовательный тип как структурное образование, некоторые исследователи отмечают не только упорядоченную последовательность его компонентов, но и особый тип отношений между ними, определяющий конструктивную суть модели – ее словообразовательное значение [Кремзикова, 2001, 20].

Данное исследование производных имен деятеля в сравнительном аспекте проведено на материале двух разноструктурных языков в синхронном плане. Как отмечают исследователи, производные со значением действующего лица образуются в результате взаимодействия производящих основ, с учетом их грамматической категории и семантического типа выбранной основы, с определенным суффиксом и обозначают одушевленное лицо, которое может называться от профессии или быть деятелем действия [Катогощина, 2012, с. 15]. Продуктивной словообразовательной моделью считают ту модель, которая активна больше всего и с её помощью образуются новые слова в настоящий момент.

Проведенное исследование французских производных имён деятеля и их классификация по структурным принципам словообразовательного типа для выявления продуктивных моделей словообразования показало, что существительные с этим словообразовательным значением, образуются путем взаимодействия суффиксов *-eur*, *-euse*, *-teur*, *-ateur*, *-iteur*, *-ier*, *-ien*, *-iste* с производящей основой именной или глагольной. Словообразовательный анализ 200 единиц производных имен деятеля позволил определить наиболее продуктивные модели образования во французском языке.

По словообразовательной структуре и по количественным данным выделены продуктивные отглагольные и отыменные СТ:

I. Отглагольные производные имена деятеля во французском языке

1.1) Словообразовательный тип *V-er,-ir,-re* + *Suff.-eur/-teur/-ateur/-iteur*---*N*Ag-*eur*. Например: *chauffer* 'водить'--- *chauffeur* 'водитель', *danser* 'танцевать'--- *danseur* 'танцор', *bâtir* 'строить' --- *bâtitseur* 'строитель'; *servir* 'обслуживать' --- *serveur* 'официант'; *nager* 'плавать' --- *nageur* 'пловец'; *jouer* 'играть'--- *joueur* 'т и'; *polluer* 'загрязнять' --- *pollueur* 'виновник загрязнения'; *diriger* 'возглавлять'---*directeur* 'директор', *distribuer* 'распределить'---*distributeur* 'дистрибьютор', *examiner* 'экзаменовывать'--- *examineur* 'экзаменатор', *cultiver* 'выращивать' --- *cultivateur* 'растениевод'. Всего таких слов в количественной выборке 105 единиц. Анализ примеров подтверждает, что суффикс *-eur* наиболее продуктивен, так как сочетается с производящими основами 1, 2 и 3 группы, в частности с присутствием в семантической структуре производящего слова значения лица через действие, то есть человека. Суффикс *-ateur* наиболее продуктивен с глаголами 1 группы, в то время как, суффиксы *-teur* и *-iteur* менее продуктивны.

1.2) Словообразовательный тип *V-er,-ir,-re* + *Suff.-euse* ---*N*Ag-*euse*.

Например, *annoncer* 'рекламировать' --- *annonceuse* 'рекламодательница', *contrôler* 'контролировать'--- *une contrôleuse* 'авиадиспетчер ж. р.', *entraîner* 'тренировать'--- *entraîneuse* 'тренер ж. р.', *régir* 'управлять'--- *régisseuse* 'помощница режиссёра', *masser* 'делать массаж'--- *masseuse* 'массажистка', *mener* 'вести' --- *meneuse* 'ведущая', *monter* 'монтировать'--- *monteuse* 'монтажёр ж.р.', *montrer* 'демонстрировать'--- *montreuse* 'демонстратор ж.р.'. Количество единиц – 50. Производные с этим суффиксом характеризуются высокой продуктивностью. И в связи с современными реалиями и тенденциями этот суффикс всё больше применяется в феминитивах.

II. Отыменные производные со значением имени деятеля во французском языке

1) Словообразовательный тип *N* + *Suff-iste* ---*N*Ag-*iste*:

Например: *journal* 'журнал' --- *journaliste* 'журналист', *affiche* 'плакат'--- *affichiste* 'художник-плакатист', *affaire* 'афера' --- *affairiste* 'аферист', *algèbre* 'алгебра' --- *algébriste* 'алгебраист (специалист в области алгебры)', *écologie* 'экология' --- *écologiste* 'эколог', *Bible* 'Библия' --- *bibliste* 'библиист (специалист по истолкованию и изучению Библии.)'. Всего 25 единиц. Суффикс *-iste* зачастую обозначает «действующее лицо по профессии» или «действующее лицо участник деятельности». Отмечается его регулярное взаимодействие с суффиксом *-isme*, когда говорится о лицах, которые принадлежат к различным течениям. Например: *culturisme* 'культуризм' --- *culturiste* 'культурист', *activisme* активизм --- *activiste* активист.

2) Словообразовательный тип *N+Suff-ien*---*N*Ag-*ien*. Данный суффикс используется для образования имён деятеля по профессии, которые происходят из названия специальности, области или предмета над которыми выполняется действие. Например, *académie* 'академия' --- *académicien* 'академик', *marathon* 'марафон' --- *marathonien* 'марафонец', *histoire* 'история' --- *historien* 'историк', *musique* 'музыка' --- *musicien* 'музыкант', *plastique* 'пластик' ---- *plasticien* 'художник'. Количественную выборку составляют 10 единиц.

3) Словообразовательный тип *N+Suff-ier*---*N*Ag-*ier*. Суффикс *-ier* обозначает человека, выполняющего какое-то действие или работу (профессию). Например, *bijou* 'ювелирные украшения' --- *bijoutier* 'ювелир', *police* 'полиция' --- *policier* 'полицейский', *caisse* 'касса' --- *caissier* 'кассир', *aile* 'фланг' --- *ailier* 'лёгкий форвард'. Количественную выборку составляют 10 единиц.

Проведенное исследование показало, что в русском языке существительные имена деятеля образуются по следующим словообразовательным моделям:

III. Имена деятеля, мотивированные глаголом в русском языке:

1) Словообразовательный тип V/глагол, оканчивающийся на -ть +*Suff/* суффикс *-щик/-чик---* *NAg./*агентивное существительное *-щик/-чик* составляет 50 единиц количественной выборки. Производное с этим суффиксом называет лицо, производящее действие, соотносимое в основном с конкретным предметом как объектом воздействия, орудием, местом или учреждением, где протекает деятельность. Например, танцевать – танцовщик, носить – носильщик, летать – лётчик, болеть – болельщик, барабанить – барабанщик, аранжировать – аранжировщик, бунтовать – бунтовщик, вышивать – вышивальщик, гонять – гонщик, дрессировать – дрессировщик, заправлять – заправщик, корректировать – корректировщик, сортировать – сортировщик, захватить – захватчик, переносить – переносчик, укладывать – укладчик.

2) Словообразовательный тип: V/глагол на -ть + *Suff/*суффикс *-тель/-итель ---NAg./*агентивное существительное *-тель/ -итель* составляет 50 единиц выборки. Существительные с этими суффиксами номинируют лицо, производящее действие. Например, создавать – создатель, издавать – издатель, предать – предатель, жить – житель, обитать – обитатель, учить – учитель, искать – искатель, гадать – гадатель, родить – родитель, арендовать – арендодатель, строить – строитель, водить – водитель, воспитывать – воспитатель, грабить – грабитель, жить – житель, завещать – завещатель, заявить – заявитель.

Отыменные производные со значением имени деятеля в русском языке:

1) Словообразовательный тип N/существительное + *Suff/* суффикс *-ист --- агентивное существительное -ист*, составляет 30 единиц выборки. Например: гитара – гитарист, карьера – карьерист, портрет – портретист, анархия – анархист, активность – активист, пейзаж – пейзажист, протез – протезист, пародия – пародист, реклама – рекламист, виолончель – виолончелист, альпинизм – альпинист.

2) Словообразовательный тип: N/существительное + *Suff/* суффикс *-ик (-ник/-еник)---* *NAg./*агентивное существительное *-ик (-ник/-еник)* составляет 20 единиц выборки. Данный суффикс и его варианты имеют значение лица, производящее действие и демонстрируют продуктивность в сфере названий лиц по характеру занятий. Например: ум – умник, мода – модник, лыжи – лыжник, удар – ударник, диплом – дипломник, дача – дачник, карман – карманник.

Продуктивность словообразовательного типа определяется не только количественными данными, но и способностью аффикса к образованию новых слов.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что наиболее продуктивными по данным выборки во французском языке являются отглагольные образования с суффиксом *-eur/-euse*, и его вариантами *-teur/-ateur/-iteur*. Они составляют 155 слов из 200, что равняется 78%. Продуктивным является словообразовательный тип N + *Suff-iste ---NAg-iste*, который составляет 25 лексических единиц из 200 или равен 12%. Меньшей продуктивностью характеризуются словообразовательные типы: N+*Suff-ien---NAg-ien* и N+*Suff-ier---NAg-ier*.

В русском языке наиболее продуктивными словообразовательными типами являются: V/глагол, оканчивающийся на -ть +*Suff/* суффикс *-щик/-чик---* *NAg./*агентивное существительное *-щик/-чик* и V/глагол на -ть + *Suff/*суффикс *-тель/-итель ---NAg./*агентивное существительное *-тель/ -итель*. Тип с суффиксом *-щик/-чик* составляют 50 слов из 150 или 33%. Отглагольные производные с суффиксом *-тель/-итель* составляют 50 слов из 150 или 33%. Продуктивным является словообразовательный тип с суффиксом *-ист*, который составляет 30 лексических единиц из 150 или 20%. Наименее популярным является словообразовательный тип N/существительное + *Suff/* суффикс *-ик (-ник/-еник)---* *NAg./*агентивное существительное *-ик (-ник/-еник)*. Он составляет 20 слов из 150 или 14%.

Слова со значением имени деятеля активно пополняют лексический фонд двух исследуемых языков в связи развитием новых течений в мире, таким образом исследования по этой теме не теряют своей актуальности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Катагощина, Н. А. Как образуются слова во французском языке. М.: КомКнига, 2012. – 112 с.
2. Кравцов, С. М. Конверсия в словообразовании: узус иokkaциональность: монография / Кравцов С. М., Голубева А. Ю.; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. –170 с.
3. Кремзикова, С. Е. Социокоммуникативные аспекты образования и функционирования *potina agentis* в диахронии дискурсивной деятельности / С. Е. Кремзикова // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сборник статей / [отв. ред. О. В. Золтнер]. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. – С.39–44.
4. Кремзикова, С. Е. Структурные особенности многозвенных словообразовательных рядов (словообразовательных парадигм) на раннем этапе развития французского языка / С. Е. Кремзикова //

Типология языковых значений в диахроническом и синхроническом аспекте: сборник статей / [отв. ред. В. Д. Калиущенко]. – Донецк: ДонНУ, 2001. – С. 20–26.

5. Шведова, Н. Ю. Русская грамматика том 1. М.: Наука, 1980. 783с.

6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.

7. Le Petit Robert: Le Petit Robert. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (дата обращения 20.04.2023)

УДК 811.134.2

Los etnónimos en la fraseología española como reflejo de los estereotipos nacionales

(Этнонимы в испанской фразеологии как отражение национальных стереотипов)

Дадаян И. А., Пятигорский государственный университет,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.пед.н., доцент Хомович Н. В., Россия

Cada nación ve su entorno comparando sus tradiciones y modos de vida con los de otras culturas. En consecuencia, la lengua permite rastrear las actitudes de una determinada nación hacia otras nacionalidades. Sin embargo, hay que tener en cuenta que la lengua no siempre refleja la realidad objetiva, sino que en muchos casos es una actitud subjetiva hacia el mundo exterior. Al examinar temas relacionados con asuntos etnoculturales, hay que prestar atención a los medios fraseológicos de la lengua que permiten evaluar determinados estereotipos nacionales.

Uno de los conceptos más importantes del léxico es el de estereotipo lingüístico, que encuentra su aplicación en los etnónimos – nombres de representantes de otras naciones. Dado que los etnónimos contienen una valoración de una nación, se les asignan ciertas connotaciones, que en la mayoría de los casos son negativas. Cabe señalar que el proceso de formación de etnónimos es a largo plazo y depende de las relaciones sociales, que incluyen cualquier cambio económico y político en la vida de los pueblos. La singularidad de la etnonimia reside en que cada etnia se caracteriza por una lengua, un territorio y una cultura comunes.

La fraseologización de los etnónimos se refiere al proceso de creatividad lingüística de un pueblo. Por consiguiente, es la fraseología la que refleja la relación entre la cultura y la lengua de un pueblo dado.

Los etnónimos en español son muy variados, de diferente contenido y expresan la actitud de los españoles no sólo hacia sus vecinos más cercanos y hacia los pueblos territorialmente distantes de España, sino que también contienen información que refleja la actitud irónica de los españoles hacia sí mismos [Chesnokova, 2020, p. 75].

La fraseologización de los etnónimos suele estar relacionada con los estereotipos étnico-nacionales y las percepciones valorativas de España sobre otros pueblos, lo que se explica por la experiencia histórica española de interacción con otras culturas. Muchos estereotipos étnico-nacionales se vieron influidos por la composición multiétnica de España, en particular por los estrechos contactos de los íberos con pueblos y conquistadores extranjeros (árabes, romanos, visigodos, etc.). Desde el punto de vista español, por ejemplo, los godos poseían ciertos rasgos negativos, a saber, la arrogancia y la prepotencia. Esta descripción se justifica porque está relacionada con el hecho histórico de que los visigodos incendiaron Roma en agosto de 410, como demuestra la siguiente fraseología:

- *Ser godo* – es decir, “ser de sangre azul”.
- *Hacerse de los godos* – es decir, “actuar como un aristócrata”.

Más tarde, los árabes expulsaron a los visigodos de la Península Ibérica. La cultura árabe es importante para la historia de España. El contraste entre los componentes románicos y árabes en la cultura de la Península Ibérica puede verse en el fraseologismo *estar una cosa en arábigo* / “*esta cosa en árabe*” que significa “abracadabra”, “aquí no lo entiende ni el diablo”. [Chesnokova, 2020, p. 76].

A los árabes que conquistaron la Península Ibérica se les llamaba moros y, como eran musulmanes, el significado figurativo moderno de la palabra *moro* se asocia al concepto de *no bautizado*. Hoy en día, el lexema se utiliza en expresiones que describen la vida española. Por ejemplo:

- *Vino moro* – en el léxico venícola significa “vino sin diluir”.
- *Ni moro ni cristiano* – que significa “ni pescado ni carne”.
- *Como moros sin señor* – es una característica de una sociedad donde reina el desorden y el caos [Chesnokova, 2020, p. 76].

La liberación de España de los moros, conocida como la Reconquista, terminó en Andalucía. A menudo, los andaluces se caracterizan por un temperamento incontenible y emociones violentas. Estos rasgos de los andaluces también se aprecian en la fraseología, por ejemplo:

- *Exagerar (mentir) como un buen andaluz* – es decir “mentir impiamente”;
- *Ser una cosa como la caldera de un buen andaluz* – “esto es una fuerte exageración”. [Chesnokova, 2020, p. 77].

Además, la imagen del gallego también está firmemente asentada en la fraseología española. Existen muchas expresiones fraseológicas en las que aparece el gallego. Por ejemplo, algunos de ellos celebran la rareza y la torpeza: como *las manos de un gallego* – manos torpes, “manos de gancho”; los nativos de Galicia personifican la torpeza. El etnónimo “el gallego” puede tener diferentes significados connotaciones: en España es sinónimo del adjetivo español, en Costa Rica *gallego* significa “estúpido”, y en El Salvador significa “tartamudo” [Chesnokova, 2020, p. 77].

Como ya se ha dicho, los modismos españoles suelen tener una valoración preconcebida de ciertos pueblos, de sus costumbres y también de su forma de vida. La unidad fraseológica común en español que significa “hacerse el sordo, hacerse el desentendido” suena como *hacerse el sueco*. Este fraseologismo muestra una valoración negativa del extranjero en español. Otros ejemplos:

- *Irse/ despedirse/ marcharse a la francesa*, que está relacionado con la tradición, muy extendida en la corte francesa del siglo XVII, de marcharse sin una despedida pública [Chesnokova, 2020, p.78].
- *Despedirse a la italiana*, fraseologismo asociado a una demostración excesiva de sentimientos, expresión al decir adiós.

Cabe mencionar que las siguientes expresiones fraseológicas, acompañadas de connotaciones negativas, expresan actitudes nacionales hacia otros pueblos:

- *Hablar en ruso* – significa “hablar incomprensiblemente, divagar”; Parece que hablo en ruso significa “¿Qué no está claro? Creo que he sido claro” en ruso;
- *Eres turco y no te cree!* – “¡Quién te creyera! Te conozco”.

Los dos primeros ejemplos representan estereotipos de los españoles como “nosotros y ellos”, mostrando la “otredad” y la “extranjería” en relación con el propio pueblo. El último ejemplo puede estar relacionado con la rivalidad entre Turquía y España en el Mediterráneo.

Muchos modismos reflejan prejuicios firmemente arraigados en la conciencia de las masas. Entre estos figuran:

- *Engañar como a un chino* – El prejuicio de que todos los chinos son estúpidos.
- *Más perezoso que un turco* – El prejuicio relacionado con el hecho de que todos los turcos son vagos.

Las actitudes hacia los estereotipos nacionales mencionados pueden ser diferentes. Por un lado, son generalizados y limitados, pero, por el otro, proporcionan información sobre las actitudes de los grupos étnicos. Sin embargo, es la caracterización negativa de otros pueblos en la fraseología la que provoca las críticas y el descontento de muchos con el término “estereotipo nacional”.

Cabe señalar que los españoles también tienen una actitud irónica y crítica tratando a ellos mismos. Por ejemplo, el proverbio “*Tres españoles, cuatro opiniones*” habla de una característica de los españoles como es el individualismo, confirma la posible divergencia de opiniones de los españoles, habla de la diferencia de ideas, del deseo de expresar su punto de vista. El proverbio “*En España lo primero es no obedecer y, luego, determinar lo más conveniente*” marca el descontento de los españoles sobre su comportamiento [Chesnokova, 2020, p. 77].

Así pues, se puede concluir que las expresiones etnifraseológicas españolas tienen una identidad inherente: describen la historia del pueblo español y la singularidad de su cultura. Muchas expresiones emocionalmente coloreadas aparecieron por determinadas razones históricas, pero no están exentas de paradoja, por lo que es incorrecto evaluar con seguridad los estereotipos étnico-nacionales de España en relación con otros pueblos.

FUENTES Y LITERATURA

1. Семенцова, Н. В. Лингвистические средства экспликации этнических стереотипов: (на материале исп. яз.) / Н. В. Семенцова // Исследования в области романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы науч.-практич. конф. 21–22 октября 2013.– Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2013.– С. 136-145. – На рус., исп. яз.
2. Chesnokova, O. S. Phraseological units as reflection of ethnic stereotypes in Spanish culture and professional activities / O. S. Chesnokova // Professional Discourse & Communication, №2 (2), 2020. – p.71–82 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-2-71-82>

Особенности перевода штампов в публицистических текстах политической направленности

Дроздова К. С., Северо-Кавказский федеральный университет, студент специалитета, Россия
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Сидельникова Е. А., Россия

Публицистический стиль играет немаловажную роль в жизни общества, так как он описывает все события, происходящие в мире, освещая политические, экономические и другие значимые проблемы и обслуживая широкий круг читателей. В связи с этим он отражает многие процессы, которые оказывают влияние на развитие языка, и является объектом исследований как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Задача публицистики заключается не только в предоставлении информации читателю, но и в стремлении заинтересовать его и повлиять на мнение адресата по поводу какой-либо ситуации, поэтому лексика публицистического стиля включает в себя экспрессивно-эмоционально окрашенные слова, в группу которых входят в том числе и штампы. Особенно ярко использование данных устойчивых выражений, содержащих в себе эмоциональную информацию, наблюдается в публицистических текстах политической направленности, так как в интересы современного читателя входят общественно-политические проблемы, а журналистам необходимо быстро составлять тексты, употребляя при этом готовые речевые блоки.

Штампы, образованные от фразеологизмов и метафор, придают речи особую экспрессивную и образную нагрузку, а также некий неповторимый национальный колорит, что требует от переводчика знаний, умений и профессионализма. Систематизация основных переводческих приемов, релевантных для эмоциональной информации, заложенной в штампах, является актуальной и значимой для дальнейшей разработки проблем перевода публицистических статей политической направленности. Комплексное изучение структурных и эмоциональных функций штампов политических текстов и выявление основных переводческих проблем, возникающих в процессе их прагматической адаптации, являются основными целями данной статьи, а материалом исследования послужат англоязычные статьи (см. [Lawrence Freedman, 2022]).

По мнению Кожиной М. Н., публицистический стиль – это функциональный стиль, обслуживающий широкую область общественных отношений (политические, экономические, культурные, спортивные и т. п.), использующийся в политической литературе и СМИ [Кожина, 2003, с. 312]. Публицистический текст призван формировать общественное мнение, поэтому его первичной функцией является функция убеждения, которая выражается в эмоциональных и оценочных оттенках слова. Помимо этого, статьи политической направленности имеют жесткие сроки сбора и подготовки материала к публикации, поскольку данные тексты должны передавать информацию быстро, доступно и убедительно, что обуславливает употребление «политических штампов – единиц, с запомнившейся формой, стертой семантикой и потускневшей эмоционально-экспрессивной окраской, которые часто повторяются в речи и используются для описания политических событий / явлений» [Скляревская, 2008, с. 745; Ярцева, 2002, с. 627]. Например, *зверства нацистских агрессоров, сумасшедшая идея, удачный случай, безнадежное дело* и т. п. Для того, чтобы выявить основные проблемы, связанные с переводом данных лексических единиц, рассмотрим их основные функции и виды на примерах из нашей картотеки.

Основной функцией штампов исследователи (Е. В. Гринкевич, А. С. Сычев, Е. В. Алдонина, Д. Хунцин) выделяют оценочность. В данной работе под оценочностью понимается способность слова / словосочетания выражать положительное / отрицательное отношение к ситуации, сложившейся на политической арене. В первую очередь это связано с тем, что многие из лексических средств политических статей буквально воздействуют на читателя, направлены на пропаганду, агитацию. Данная функция тесно связана с эмоциональной составляющей штампов. В связи с тем, что в них содержится элемент оценки, они выполняют эмоциональную функцию, при этом у слова / словосочетания возникает экспрессивно-эмоциональная окраска.

Различают несколько видов штампов в зависимости от их образования. В данной работе интерес представляют те языковые единицы, которые несут в себе эмоциональную окраску. Так, существуют штампы-метафоры, которые наиболее часто используются именно в газетно-политических текстах. Данный вид штампов представляет собой «слово или выражение, употребленное на основании сходства или сравнения». Он является основным экспрессивно-выразительным средством в политических статьях, ведь в них особенно часто встречаются характеристики политических деятелей или ситуаций, основанные на сравнении. Метафорические устойчивые словосочетания используются в газетно-политических текстах с целью придания речи образности. Но их частотное употребление приводит к снижению экспрессивности и превращению в штамп [Киреева, 2018, с. 24]. Среди штампов-метафор преобладают

метафоры с негативной оценкой, к которым относятся темы стихийных бедствий (*поток угроз*), войны (*изнурительная борьба*), преступности или насилия (*зверства нацистских агрессоров, карательные санкции, политика принуждения*) и т. д.

Выделяют также «штампы-фразеологизмы, которые представляют собой частотно использованные готовые сочетания, обладающие яркой окраской и образностью, которые начинают терять или уже потеряли экспрессивность». Фразеологизмы получили широкое распространение в газете, являясь частью разнообразной публицистической лексики. Обладая экспрессивностью, они принимают соответствующую окраску и придают тексту особую яркость. Но в связи с частотным употреблением в разнообразных тематических контекстах форма этих сочетаний подвергается изменениям, предметная отнесенность расширяется, и они зачастую превращаются в штамп [Киреева, 2018, с. 33], например: *играть с огнем, бросить вызов, рабочая лошадка* и т. п.

Рассмотрим выше исследованные теоретические вопросы на практическом материале перевода политических текстов. В первую очередь, при переводе данных лексических единиц переводчику необходимо идентифицировать штампы-метафоры / фразеологизмы в тексте, а именно выявить их семантическое единство на фоне текста, иначе возникает опасность их восприятия как череды слов с самостоятельной семантикой [Алексеева, 2006, с. 192]. Для того, чтобы не допустить транслатологические ошибки переводчик должен уметь распознавать небуквальные фразы в тексте оригинала и знать их эквиваленты в переводящем языке, чтобы передать их адекватно. Поскольку штампы обладают оценочностью и выполняют эмоциональную функцию, заложенную автором, сложность заключается и в том, что перевод данных лексических единиц требует сохранения экспрессивности, грамотной передачи смысла переводимых элементов текста и значений устойчивых выражений, как правило, неизвестных читателю. Пословный перевод в данном случае невозможен, так как эти языковые средства представляют собой связанные по смыслу, зависимые от пред и после идущей лексической единицы устойчивые выражения, и в качестве единицы перевода выступает словосочетание в целом.

Существуют различные способы перевода штампов, основным из которых Комиссаров В. Н. выделяет калькирование. Это подтвердили и результаты нашего анализа: 75% из 100% лексических единиц были переведены нами, применяя калькирование. Калькирование заключается в заимствовании путем буквального перевода слова или словосочетания. Например: *unwelcome backdrop – нежелательный фон, heady rhetoric – пьянящая риторика, to look foolish – предстать в неприглядном свете, awkward questions – неудобные вопросы* и т. п. Данный способ позволяет объективно донести значение штампа, сохраняя при этом намерение автора в выражении экспрессивности и метафоричности, смысл высказывания и его контекстуальную уместность [Комиссаров, 2013, с. 154].

Также как один из частотных способов перевода небуквальных, устойчивых выражений выделяется поиск эквивалентных соответствий (25% случаев из 100%, как показал проведенный нами анализ). Данный способ заключается в подборе единиц перевода, которые имеют постоянное соответствие в родном языке. Этот способ особенно часто используется при переводе штампов-фразеологизмов, поскольку многие фразеологизмы как на языке оригинала, так и на языке перевода обладают относительно стабильным значением, благодаря чему между ними устанавливается переводческая эквивалентность, которая позволяет регулярно использовать одно выражение в качестве перевода другого. Например: *to ride the crest of a wave – быть на гребне волны, to stuck in a groove – зайти в тупик, to play with fire – играть с огнем* и т. п. Поиск эквивалентных соответствий не вызывает особой трудности при переводе, но так как существуют несколько видов эквивалентов – полные, частичные, абсолютные, относительные, переводчику необходимо учитывать контекст, который помогает в выборе нужного варианта перевода.

Преимуществом данного способа перевода является возможность сохранения экспрессивно-эмоциональной окраски слова / словосочетания, что является одной из важнейших задач при переводе штампов. Помимо этого, поиск эквивалентного соответствия также позволяет сохранить устойчивость выражения, представляющую собой связность значений его компонентов, оценочное качество, а также метафоричность высказывания.

Помимо вышеуказанных способов перевода, существуют также и другие, например, генерализация, описательный перевод, транскрипция и транслитерация. Однако использование данных способов перевода политических штампов из нашей картотеки было незначительно. Многие ученые (Крупнов (1976), Комиссаров (2013) и др.) считают их недопустимыми, так как они не позволяют выполнить основные переводческие задачи, а именно сохранить устойчивость выражения и его экспрессивно-эмоциональную окраску. Подобные способы перевода приводят к потере прагматической составляющей штампов, а иногда и к полному непониманию фразы или лексемы со стороны реципиента.

Таким образом, особенность публицистических текстов политической направленности заключается в частотном употреблении штампов – единиц с запомнившейся формой, стертой семантикой

входящих в них слов и потускневшей эмоционально-экспрессивной окраской, которые часто повторяются в речи и используются для описания политических событий, транслатологический процесс которых представляет трудности для переводчика, поскольку требует сохранения устойчивости выражения, его смысла и выполняемой функции (оценочная/эмоционально-экспрессивная). Как показал анализ собственной картотеки, основными способами перевода данных устойчивых единиц являются калькирование (75%) и поиск эквивалентного соответствия (25%), которые позволяют специалисту выполнить все необходимые требования, предъявляемые при преобразовании политических штампов с английского языка на русский.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие : для студентов филологических и лингвистических фак. вузов / И. С. Алексеева. – М. : Академия; Санкт-Петербург : Филологический фак. СПбГУ, 2006. – 346 с.
2. Киреева, Е. М. Клише и штампы в медийном дискурсе (на материале печатных и дикторских текстов) : дис. ... : / Е. М. Киреева. ; науч. Рук. Л. Г. Горбунова ; Саранск, 2018. – 73 с.
3. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / Л. М. Алексеева и др.; Под ред. М.Н. Кожинной. – М. ; Наука : Флинта, 2003. – 694 с.
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков / В. Н. Комиссаров. – М. : Альянс, 2013. – 250 с.
5. Крупнов, В. Н. В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М. : Междунар. отношения, 1976. – 192 с.
6. Складаревская, Г. Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века : актуальная лексика : около 8500 слов и устойчивых словосочетаний / [авт.-сост.: Г. Н. Складаревская и др.] ; под ред. Г. Н. Складаревской. – М. : Эксмо, 2008. – 1131 с.
7. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2002.– 707 с.
8. Lawrence Freedman, The perils of autocracy / Lawrence Freedman. // – 2022. URL: <https://www.newstatesman.com/international-politics/geopolitics/2022/08/xi-jinping-vladimir-putin-china-russia-autocracy>
9. Lawrence Freedman, The war in Ukraine is reaching a critical moment / Lawrence Freedman. // – 2022. URL: <https://www.newstatesman.com/world/europe/ukraine/2022/08/kherson-counterattack-ukraine-war-critical-moment>

УДК 821.134.2

Особенности литературы Аргентины в XX веке

Дядькова В. С., Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы,
студент бакалавриата, Россия

Шуманская Д. В., Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Химич Г. А., Россия

Говоря об аргентинской литературе XX века, необходимо отметить, что литература в данном государстве берет свое начало еще с колониального периода. Так литературоведческую традицию в Аргентине начинают именно испанские колонизаторы, отражая особенности региона в своих мемуарах. К таковым можно отнести Сантьяго-дель-Эстеро, Луиса Пардо, Матео Рохес де Окенадо и Берналь Диас дель Кастильо. Толчком в самостоятельном развитии литературного искусства в Аргентине становится открытие Университета Кордовы в 1613 году, а затем открытие библиотеки Бунос-Айросе, однако данное событие относится к периоду независимости Аргентины, который начинается с 1812 года.

Так, с момента существования независимой Аргентины, начинается более активное литературное развитие. Появляется даже два литературных направления:

- Креольская литература, отличающаяся народностью и эпичностью повествования;
- Литература гаучо, более романтизированная, сосредоточенная на идеях независимости и свободы. Именно с данным направлением и связывают развитие литературных традиций в XX века.

Однако ближе к XX веку литература гаучо уступает место романтизму, ярким представителем которого можно считать Эстебана Эчеверию. Прошлое же столетие для Аргентины, как и для остального мира, стало переходной точкой в социально-политических отношениях. Эти перемены отразились и на литературе Аргентины, в которой отчетливо прослеживается модернистическая традиция.

Ярким представителем модернизма в Аргентине принято считать поэта Леопольдо Лугонеса, который в свою очередь вдохновлялся Рубеном Дарио. Прежде чем подробно говорить о творчестве Лугонеса и Дарио как представителей латиноамериканского модернизма, отметим основные особенности модернизма. Главной отличительной чертой данного литературного направления принято считать отказ от «предшественников», то есть отсутствие опоры на классические направления, какого-либо искусства [Бранская, 2015, с. 264]. В литературе же модернизм сменил собой классический роман и привнес такой термин как «поток сознания», характеризующий не сюжетное описание действия, а декламацию внутреннего состояния и рассуждения объекта произведения.

Рубен Дарио, что немаловажно, является ярким представителем испаноязычной литературы не только для латинской Америки, но и для Испании. Несмотря на то, что модернизм – это прежде всего о поисках новой формы, сам Дарио вдохновлялся французской и американской романтической поэзией. Его произведения во многом строятся на принципе «музыка прежде всего».

Возвышенность Дарио «унаследовал» Леопольдо Лугонес (1874–1938), который открыл новую страницу в истории аргентинской литературы. Лугонес отличился и как поэт и как прозаик малой формы.

Политические взгляды Лугонеса имели отражение в его творчестве. Поэт и прозаик увлекался социализмом и анархизмом, однако наряду с этим в его творчестве заметно влияние мистиков английской литературы, таких как Эдгар Алан По и Шарль Бодлер. Дальнейшее развитие его политических взглядов показывает, что поэт отошел от левых движений в сторону буржуазии, что вполне характерно для увлечения околопотусторонними концепциями, вроде спиритизма, мистицизма и т.д.

Один из лучших рассказов Лугонеса, по мнению Борхеса, «Абдерские кони», довольно характерное произведение для всей аргентинской литературы. В данном рассказе мало общего с романтизированными произведениями XIX века, но тем не менее много общего с произведениями того же Эдгара По. Произведение, несмотря на почти энциклопедическую манеру повествования, напоминает также поток мыслей, «поток сознания», характерный для модернизма. Однако этот «поток сознания» разбавляет, сначала около романтическое повествование о лошадях и их разведении, а затем фантастический сюжет о бунте и захвате лошадьми города. Финал же и вовсе отсылает к греческой мифологии [Лугонес, 2010].

Таким образом, на примере данного рассказа видно, что аргентинская литература постепенно отходит от тенденций литературы гаучо, однако заимствует элементы романтизма, а также готических произведений Европы. Это позволяет сформулировать вывод, что аргентинский модернизм – это не столько отказ от предшественников вообще, сколько отхождение от местных, региональных канонов литературы.

Традиции Лугонеса во многом продолжает Хорхе Луис Борхес (1899–1986), который считал Леопольдо Лугонесом своим учителем и вдохновителем. Для произведений Борхеса характерны малая форма и фантастичность сюжетов. Важно, что немалый срок, с 1914 по 1921 год Борхес провел в Европе, причиной тому было начало Первой Мировой войны, из-за которой вернуться на родину, было затруднительно. Именно спустя два года после возвращения на родину Борхес концентрируется на фантастической прозе, отойдя от поэзии, в жанре которой также писал и издавался.

Для прозы Борхеса, тем не менее, характерна поэтичная метафизика. Например, «Алеф» затрагивает тему поэзии напрямую. Так герой рассказа знакомится с посредственным поэтом, который собирается описать весь мир в своей поэме. Алефом называется некое пространство под лестницей, через которое можно наблюдать весь мир. Важно в данном рассказе то, что «алефом» называется первая буква кабалистического алфавита. Таким образом языковая единица трактуется как множитель пространства, как бы прародитель и в то же время копия для реальности. Однако больше значение в рассказе играет и то, что герой произведения нарочно, из ненависти к Данери, показавшему алеф, отрицает существование такового. Фантастичность и необыкновенное отступают перед личностными конфликтами героев. Однако значение буквы и литературного мира, в котором пытался обосноваться Данери, важно. Данная мысль сближает Борхеса скорее с постмодернистами, которые старались в своих произведениях интегрировать культурное прошлое и с беллетристикой [Грицанов, 2007, с. 425].

Наиболее высоко ценится критиками и читателями рассказ «Бессмертный», который во многом отдает лавкрафтианскими ужасами. Рассказ повествует о путешествии римского солдата к некому городу, где проживают бессмертные пьющие воду из источника жизни [Борхес, 2021]. Рассказ небольшой, однако сочетает интересную фабулу с «поток сознания».

Фантастическая фабула здесь лишь повод поговорить о «бессмертии», как о состоянии человека. Бессмертие по Борхесу – метафизическая величина, которая достигается в процессе развития личности.

Шестидесятые годы прошлого века в аргентинской литературе отличаются активным внедрением творчества Камю и Сартра, которых можно считать вдохновителями Сабато. «Туннель» по сути своей

одно большое экзистенциальное рассуждение о том, каким образом меняется человек под воздействием собственных переживаний. Другие романы автора, такие как «О героях и могилах» [Сабато, 2004] и «Аввадон – истребитель» продолжают данную традицию.

Резюмируя, отметим еще раз путь, который проделывает аргентинская литература в XX веке:

- Начало XX века (до 1930 г.) отличается своего рода поисками собственного звучания среди аргентинских авторов, которые в качестве национальных предшественников имели литературу гаучо и романтизм. Несмотря на это начинает активно складываться аргентинский модернизм, который отвергает классические для региона стили, но перенимает таковые у европейских авторов;

- Период с 1930 по 1960 года отличается активной популярностью фантастических произведений и работ в жанре магического реализма. В аргентинской литературе также прослеживаются черты постмодернизма

- Период с 1960 по 2000-е года – в аргентинскую литературу активно проникают идеи экзистенциализма, которые активно вступают в симбиоз с уже устоявшимися традициями новой аргентинской литературы.

Таким образом в качестве основных особенностей аргентинской литературы прошлого века можно выделить следующие:

- Отчуждение прошлого национального литературного опыта

- Заимствование западных традиций

- В основе повествование рассуждения, а не действия

- Активное обращение к магическому реализму, фантастике и мистицизму.

Как мы видим, аргентинская литература XX века не просто так именуется именно новой аргентинской литературой. Действительно, ее традиции новы непосредственно для данного латиноамериканского региона, однако многое в ней представляет собой следование и перенимание тенденций западной литературы. В то время как американские и немецкие авторы «потерянного поколения» транслировали в общество собственные поствоенные взгляды на изменившуюся действительность, добавляя туда особенности модернизма, такие как «поток сознания», аргентинские авторы точно также транслировали собственное видение обыденной реальности, добавляя при этом приемы готической и фантастической литературы, создавая своего рода литературную мозаику.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова, Е. В. Метафизика «Чудесной реальности» Х. Л. Борхеса/ Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. №3. – С.57–61.

2. Бобрик, Д. В. Постмодернистская концепция культуры в латиноамериканской литературе на примере «Игры в классики» Хулио Кортасара/ Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. – С. 38–41.

3. Борхес, Х. Л. Алеф / Х. Л. Борхес - Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2021. – 256 с.

4. Бранская, Е. В., Панфилова, М. И. Модерн, модернизм, постмодернизм (к определению понятий) // Инновационная наука. 2015. № 3. – С. 264–266.

5. Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан – Москва : Прогресс, 1988. – 221 с.

6. Лугонес, Л. Огненный дождь: стихи и рассказы / Леопольдо Л.- Санкт-Петербург : Азбука, 2010. – 237 с.

7. Новый философский словарь. Постмодернизм./ [Гл. науч. ред. и сост. Грицанов А. А.]. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 877 с.

8. Сабато, Э. О героях и могилах / Эрнесто С.– М. : Махаон, 2004 – 666 с.

9. Сабато, Э. Туннель / Э. Сабато. – Таллин : Периодика, 1982. – 88 с.

10. Хорева, Л. Г. Нарративные стратегии сказки как отражение национального менталитета в романе Хулио Кортасара "Игра в классики" / Филологический класс. 2018. № 4. – С. 148–152.

УДК 811.134.2

Эвфемизмы как одна из лексических особенностей поздравительных речей короля Испании Филиппа VI

Ермилова А. В., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Абкадырова И. Р., Россия

Речи короля и королевской семьи играют одну из главных ролей в формировании общественного сознания испанцев, при этом их публичные выступления являются неотъемлемой частью общественных

отношений, закрепленных многовековой традицией монархического государственного установления испанского общества. «Важная роль в процессе создания и поддержания общего коммуникативного и культурного пространства, культурной и языковой идентичности, интеграции и социальной консолидации отводится языку» [Карповская, 2022].

По мнению М. М. Раевской, публичные выступления фигуры государственной власти в лице монарха являются особой практикой руководства мышлением и поведением социума, которая используется для закрепления с помощью конкретных стратегий и тактик тех ценностей и норм, которые являются традиционными для общества, а также предлагаются определенные политические идеалы и представления. Социальная функция речей заключается во внушении гражданам политически «правильных» действий или оценок, формировании у адресата желаемых установок и провоцировании определенных реакций на явления общественно-политической жизни [Раевская, Селиванова, 2021].

Действующий король Испании Филипп VI вступил на престол после отречения отца, короля Хуана Карлоса I, 19 июня 2014 года. В его речах, ориентированных на национальную аудиторию, наблюдается широкий спектр используемых инструментов речевого воздействия и большое разнообразие средств языковой выразительности, что связано с ролью монарха как рупора политической идеологии страны, а также с необходимостью утверждения авторитета института монархии в глазах сограждан и объединения социума на основе общенационального сознания [Раевская, Селиванова, 2021].

Материалом исследования послужили тексты поздравительных публичных выступлений испанского монарха Филиппа VI в период с 2021 по 2022 гг. (общим объемом 242 страницы), опубликованные на официальном сайте королевского дома Испании (Casa de Su Majestad el Rey). В результате анализа выявлен набор лексических особенностей: слова с абстрактным значением, коннотативная лексика, политические термины, канцеляризм, архаизмы, книжная лексика, имена собственные, перифразы, штампы и клише, обращения и эвфемизмы.

Последняя группа представляют особый интерес для данного исследования. Специфика политических публичных речей заключается в том, что прямое выражение мыслей иногда невозможно из-за каких-либо политических установок или моральных, этических, культурных, социальных и других норм. В таком случае используются эвфемизмы. «Эвфемизмом» В.В. Панин называет слова или словосочетания с нейтральной или положительной коннотацией, используемые для смягчения конфликтного, дискриминационного или оскорбительного эффекта, вызываемого прямым наименованием. Иными словами, эвфемизм – это слово или выражение, служащее в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми или слишком резкими. Основной функцией эвфемизмов является замена табуированных лексем – элементов языковой системы, употребление которых в данном обществе нежелательно или ограничено [Эйфельд, 2016].

Анализ показал, что представляется возможными выделить следующие тематические области, которые регулярно подвергаются эвфемизации в речах короля:

1. Нестабильная экономическая ситуация в Испании
2. Последствия пандемии
3. Вооруженные конфликты
4. Социальные проблемы

Остановимся на каждой области более подробно.

Что касается экономической ситуации в Испании, то, поскольку она переживает не лучшие времена, монарх избегает слова «crisis», так как в его значении заложена негативная сема – плохая или трудная ситуация. Анализ показал, что вместо данной лексемы используются различные перифразы (*el contexto económico actual, una situación evidentemente muy compleja*) и метафоры (*momentos difíciles, entorno sencillo, mundo sometido a continuas tensiones, el contexto internacional tan incierto y en continuo cambio, entorno de indudable cambio y gran incertidumbre*). Например:

«Por todo ello, los periodistas han de colaborar y enfrentar juntos los desafíos comunes que se presentan en un *entorno de indudable cambio y gran incertidumbre*».

Цель этих эвфемизмов состоит в том, чтобы представить кризисную ситуацию в стране и в мире как временную, ту, которую можно преодолеть совместными усилиями.

2. Последствия пандемии

Поскольку последствия пандемии являются очень болезненными для испанского общества: сократились доходы, снизился уровень жизни в Испании, то в поздравительных речах короля наблюдается тенденция к эвфемизации данных событий. Как показали результаты анализа фактологического материала, когда речь идет о росте цен на энергетические продукты и продукты питания после пандемии, монарх не употребляет лексему «aumento», а прибегает к использованию метафоры «*notorios efectos*

añadidos», так как слово «*efecto*», согласно словарю Испанской Королевской Академии, не несет в своём значении семы «рост», а обозначает скорее последствия:

«Hemos sufrido una pandemia muy prolongada en el tiempo, con efectos que aún perduran a día de hoy, y el en el plano internacional destaca fundamentalmente un aumento de la inflación, así como las tensiones geopolíticas, con *notorios efectos añadidos en los precios de la energía y de los alimentos*».

Похожим примером является употребление лексемы «*incidencia*», у которой так же отсутствует значение «рост». Данная лексическая единица означает «влияние или воздействие», следовательно, король предпочитает не говорить об увеличении цен, но при этом упоминает, что некоторое влияние на них было оказано:

«Actualmente, y tras casi haber superado ya la pandemia, el contexto económico actual se caracteriza por una *fuerte incidencia en los precios de la energía y de los alimentos*».

3. Вооруженные конфликты.

Во время своего выступления на экономическом конгрессе король обращается с поздравительной речью к испанским предпринимателям. В этой речи король упоминает проблемы, которые Испания уже пережила (пандемию) и испытывает сейчас (рост цен на энергетические продукты в связи ситуацией на территории Украины). При этом монарх избегает лексемы «*guerra*», сема которой обозначает вооруженный конфликт и нарушение мира. Анализ показал, что вместо этого он предпочитает перифразу «*tensiones geopolíticas*», которая в своей дефиниции имеет значение «напряженность, некоторая враждебность»:

«Hemos sufrido una pandemia muy prolongada en el tiempo, con efectos que aún perduran a día de hoy, y el en el plano internacional destaca fundamentalmente un aumento de la inflación, así como las *tensiones geopolíticas*, con *notorios efectos añadidos en los precios de la energía y de los alimentos*»;

4. Социальные проблемы

Во время поздравительных речей на официальных встречах и конгрессах король часто упоминает социальные проблемы, на которые испанскому обществу стоит сосредоточить внимание, в частности, в речах особое внимание уделяется бедным слоям населения и/или семьям с низким уровнем доходов. В рамках данного анализа было выявлено, король Испании говорит об уязвимых слоях населения исключительно в контексте необходимости их защиты. Однако вместо лексем «бедный» или «нищий» используются различные имена прилагательные имеющие более политкорректное употребление – *débil* (слабый), *vulnerable* (уязвимый), *desfavorecido* (необеспеченный),:

«La defensa de los Derechos Humanos, la educación en valores o la atención a *colectivos especialmente vulnerables*, centran la actividad de los voluntarios de la Fundación, algo que, sin duda, os convierte en profesionales digamos completos»;

«Y al hilo de ello, quiero resaltar la dedicación de los abogados del Turno de Oficio, quienes velan por la correcta aplicación del Derecho en defensa de *los más desfavorecidos o vulnerables*».

Несмотря на то, что данные публичные выступления носят поздравительный характер, король в своих речах апеллирует к истории Испании, ее социальному, экономическому, культурному или политическому положению, а также мотивирует население на новые достижения и т.д. На основе данных проведенного анализа можно сделать вывод, что монарх избегает использования лексем с негативным и/или конфликтогенным значением, предпочитая им эвфемизмы в виде перифраз или метафор, чтобы смягчить производимое впечатление от спорных и/или дискуссионных тем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Discursos de S.M. el Rey Don Felipe VI / М. Делахей. – URL: <https://www.casareal.es/ES/familiareal/reyfelipe/paginas/discursos.aspx> (дата обращения: 03.04.23).
2. Горбунова, А. В., Калашова, А. С. Лингвистические особенности испанского политического дискурса / А. В. Горбунова, А. С. Калашова // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2019. – Вып. 5.
3. Лищук, А. Ю., Ланцова, Л. К. Роль эвфемизмов в политическом дискурсе / А. Ю. Лищук, Л. К. Ланцова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2020. – Вып. 12.
4. Карповская, Н. В. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтогенности и их когнитивно-прагматическом потенциале / Карповская Н.В., Абкадырова И.Р., Давтянц И.И. // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2022. – 1 (2). – с. 14–25.
5. Порческу, Г. В., Рублёва О. С. Лингвостилистические особенности политических выступлений / Г. В. Порческу, О. С. Рублёва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Вып. 1.
6. Равочкин, Н. Н. Особенности политического дискурса / Н. Н. Равочкин // Вестник КГУ. – 2018. – Вып. 3.

7. Раевская, М. М., Селиванова, И. В. Институциональный дискурс современной испанской монархии: стратегии и тактики воздействия в публичных выступлениях Филиппа VI / М. М. Раевская, И. В. Селиванова // Вестник СПбГУ. – Сер. Язык и литература. – 2021. – Вып. 4.

8. Раевская, М. М., Селиванова, И. В. Институциональный дискурс современной испанской монархии: стратегии и тактики воздействия в публичных выступлениях Филиппа VI / М. М. Раевская, И. В. Селиванова // Вестник СПбГУ. – Сер. Язык и литература. – 2021. – Вып. 4.

9. Рюкова, А. Р. Языковые средства воздействия в политическом дискурсе / А. Р. Рюкова // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Вып. 4.

10. Эйфельд, Е. А. Функционирование эвфемизмов в политическом дискурсе / Е. А. Эйфельд // Вестник ВолГУ. – Сер. Языкознание. – 2016. – Вып. 1.

УДК 371.311.5

**Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL)
в старших классах общеобразовательной школы
как фактор становления иноязычной коммуникативной компетентности**
Жогорева И. В., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: к.пед.н., доцент Шатохина И.В., Россия

Цель обучения иностранному языку в рамках коммуникативного подхода есть формирование у учеников вторичной языковой личности, готовой к иноязычному общению. Выражаясь в терминологии компетентностного подхода, обучение иностранному языку в общеобразовательной школе, главным образом, нацелено на становление иноязычной коммуникативной компетентности (ИКК) учащихся [Мильруд, 2004].

Согласно определению Е. Н. Солововой, иноязычная коммуникативная компетентность – это необходимый и достаточный для определенного возраста уровень владения языковыми навыками, речевыми умениями и социокультурными знаниями, позволяющий обучающимся быть способными и готовыми коммуникативно целесообразно и успешно осуществлять свое речевое поведение [Соловова, 2002].

И. Л. Бим выделяет следующие компоненты иноязычной коммуникативной компетентности, раскрывающие специфику иностранного языка как учебного предмета [Бим, 2007]:

- речевой – коммуникативные умения в четырех основных видах речевой деятельности: говорении, аудировании, чтении и письме;
- языковой – осведомленность о системе изучаемого языка, понимание и корректное использование языковых категорий (грамматических, лексических, фонетических, синтаксических);
- социокультурный – набор знаний об истории, нормах этикета, обычаях, социальных стереотипах, общих ценностях и убеждениях носителей изучаемого языка;
- учебно-познавательный – владение функционально-поисковым алгоритмом реализации познавательных потребностей в процессе мотивированной активной познавательной деятельности;
- компенсаторный – по определению С. С. Куклиной, способность учащихся определять и устранять затруднения, возникающие во время иноязычного межкультурного общения и связанные с дефицитом знаний и умений в языковой, речевой, социокультурной или учебно-познавательной сфере [Куклина, 2017].

Одним из центральных понятий в методике преподавания иностранных языков выступает билингвизм. В.П. Белянин выделяет два вида двуязычия: естественный (бытовой), возникающий как следствие пребывания в языковой среде, и искусственный (учебный), приобретаемый в учебной обстановке с применением волевых усилий, специальных методов и приемов обучения [Белянин, 2003]. Школьное образование занимается формированием последнего.

Начиная с 1970-х гг., стали появляться исследования, свидетельствующие о явных плюсах билингвизма для когнитивного развития и о положительном воздействии изучения иностранных языков на общую языковую и лингвистическую компетентности. Так, например, ученым удалось установить связь билингвизма с более высоким уровнем развития металингвистической осознанности (*metalinguistic awareness*) – когнитивной способности, позволяющей человеку отслеживать и контролировать собственное использование языка [Bialystok, 1988; Ricciardelli, 1993; Carlisle, Veeman, Davis, & Spharim, 1999; Bialystok, McBride-Chang, & Luk, 2005], нестандартного или дивергентного мышления [Baker, 1990; Ricciardelli, 1992] и коммуникативной чувствительности –

способности правильно оценить ситуацию общения и быстро к ней адаптироваться [Genesee, Nicoladis, & Paradis, 1995; Ben-Zeev, 1997; Bialystok, 1991; Bialystok & Herman, 1997].

Фундаментальные представления об усвоении и использовании нескольких языков отражаются в билингвистических теориях. Каждая из них призвана объяснить, как устроена языковая система билингвов и каковы механизмы их языковой обработки и продукции вне зависимости от типа сформировавшегося у них билингвизма. Представления, на которых строится наше исследование, основываются на двух теориях.

Первая, билингвальная теория, теория айсберга (*The Iceberg Analogy*), была предложена Дж. Камминсом в 80-е гг. прошлого века. Данную модель билингвизма можно изобразить в виде айсберга, показывающего две вершины над водной гладью. Так же, как и эти вершины, две языковые системы внешне кажутся независимыми, но при этом имеют общую, скрытую от наших глаз основу – единую систему обработки данных (*Common Underlying Proficiency*). Будучи усвоенной через один из информационных языковых каналов, информация попадает в «центральный процессор» и на одном из многочисленных этапов обработки теряет языковую оболочку. Полученные сведения могут быть перенесены в систему другого языка, если потребуется. Язык здесь выступает лишь кодом, с помощью которого кодируется и декодируется информация [Cummins, 1980; Cummins, 1981].

Данная теория позволяет сделать один важный практический вывод: когнитивное функционирование и обучение может происходить на базе как одного, так и двух языков, так как оба информационных канала будут питать один процессор. Однако билингвальное обучение становится эффективным только при соблюдении определенных условий, на которых мы сосредоточим свое внимание несколько позже.

Вторая теория Дж. Камминса, теория рубежей (*The Thresholds Theory*), стремится объяснить не столько возможный характер взаимодействия двух языковых систем в сознании индивида, сколько влияние их соотношения на процесс обучения [Toukoma & Skutnabb-Kangas, 1977; Cummins, 1976].

Данная теория пытается дать ответ на следующие вопросы: «При каких условиях билингвизм имеет позитивный, нейтральный или негативный эффект на обучение?»; «Насколько продвинутым должен быть уровень обучающегося в обоих языках, чтобы билингвизм имел позитивный эффект на обучение?». По мнению ее авторов, Камминса, Тоукомаа и Скутнабб-Кангас, чем ближе обучающийся подбирается к сбалансированному билингвизму (владению обоими языками, L1 и L2, на уровне, соответствующем возрасту), тем больше вероятность от него выиграть.

Влияние билингвизма на обучение было предложено представить в виде трехэтажного здания, к которому приставлены две лестницы, олицетворяющие родной и второй язык. Этажи разделены между собой «рубежами», коих два. Учащийся, преодолевший первый рубеж, больше не испытывает негативных последствий от организации учебного процесса на билингвальной основе. Преодоление второго рубежа означает, что учащийся с большой долей вероятности получит от билингвизма выгоду. Таким образом, согласно модели, чтобы добиться положительного эффекта от построения обучения на билингвальной основе, необходимо поддерживать развитие обоих языков.

Одной из разновидностей билингвального обучения выступает предметно-языковое интегрированное обучение (*Content and Language Integrated Learning – CLIL*), ставшее популярным в Европе в 1990-х годах. Понятие CLIL применяется в отношении к образовательным программам, в которых изучаемый язык (или L2) используется для преподавания дисциплинарного содержания. Несмотря на то, что сам термин «content and language integrated learning» увидел свет только в 1994 г. в Европе, сама практика интегрированного языкового обучения имеет около пяти тысяч лет истории: начиная от аккадцев, изучавших теологию, ботанику и зоологию на языке завоеванных ими шумеров, и заканчивая современными канадскими школьниками, которые могут изучать школьную программу как на английском, так и на французском [Mehisto, Marsh, & Frigols, 2008].

Как можно убедиться, существует множество проявлений языкового интегрированного обучения. Стоит отметить, что отнюдь не все из них можно причислить к CLIL. Предметно-языковое интегрированное обучение имеет ряд особенностей. Так, например, подход к обучению языкам нельзя отнести к CLIL, если он не преследует цели, перечисленные ниже:

1. Поддержание учащимися соответствующего уровня успеваемости по предметам, преподаваемым на языке CLIL.
2. Достижение учащимися соответствующего возрасту уровня сформированности функциональных навыков (аудирования, говорения, чтения и письма) на языке CLIL.
3. Достижение учащимися соответствующего возрасту уровня сформированности функциональных навыков в родном языке.

4. Формирование понимания и интереса учащихся к культурам, связанным с языком CLIL и родным языком.

5. Формирование и развитие когнитивных и социальных навыков учащихся, необходимых для успешной деятельности в постоянно меняющемся мире.

CLIL также хорошо согласуется с авторитетными теориями изучения языка и, в целом, с теориями, которые признают значимость языка в процессе обучения. В этом отношении М. Холлидей представляет структуру обучения и изучения языка, которая состоит из трех основных взаимосвязанных процессов: изучения языка, обучения с помощью языка (или через язык) и изучения сведений о языке [Halliday, 1993].

По мнению Б.А. Мохан, школьное образование с его традиционной сегментацией учебной программы по школьным предметам с четко очерченными границами часто упускает из виду преемственность между элементами, обозначенными М. Холлидеем. Слишком часто это приводит к тому, что учителя языковых предметов подходят к изучению / преподаванию языка с помощью стратегии «изучения сведений о языке», в то время как другие учителя-предметники упускают из виду тот факт, что речь и язык оказывают влияние на изучение / преподавание предметного содержания и зависят от него [Mohan, 1985].

CLIL – это многоязычный подход к обучению и преподаванию, который создает пространство, способствующее реализации триадической точки зрения М. Холлидея на языковое обучение. Как пишет Д. Ценоз, «основная идея интеграции предметного содержания и языка заключается в том, что языки изучаются путем использования, а не изучаются, чтобы потом их применять» [Cenoz, 2015, с. 17].

Согласно некоторым теориям овладения языком [Lightbown & Spada, 2006; Swain, 2000], иностранный язык может быть наиболее эффективно освоен при соблюдении ключевых характеристик, присущих условиям приобретения родного языка. При этом речи о полном копировании этих условий не идет. Это предполагает следующее:

- основное внимание в таком обучении уделяется смыслу, а не форме;
- предоставлено множество языковых вводов, адаптированных к уровню учащихся;
- учащимся предоставляются все возможности для участия в содержательных обменах информацией;
- учащиеся получают достаточную поддержку, чтобы преуспеть в понимании других и сделать так, чтобы их понимали.

Эти характеристики могут быть сгруппированы в две ключевые особенности CLIL, которые делают этот подход потенциально эффективным в обучении иностранному языку в рамках основного образования: количество и качество возможностей для создания иноязычной среды.

Подход CLIL снискал большой интерес не только со стороны исследователей, но и со стороны педагогов-практиков. На данный момент подход активно внедряется как инновационный компонент в ряде школ и гимназий России, а также в языковых клубах и других учреждениях дополнительного образования. Интеграция предметного содержания и иностранного языка внутри учебного заведения происходит на основании Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» (статья 14 п. 5, 6), который гласит, что образовательная организация вправе осуществить выбор языка, на котором будет происходить обучение (с сохранением гарантии на получение образования на государственном языке РФ).

Не существует единой модели реализации подхода CLIL, так как для ее разработки необходимо учесть ряд факторов, характеризующих цель применения данного образовательного подхода и возможности конкретного учебного заведения.

В зависимости от доли целевого языка в обучении выделяют следующие модели реализации: soft-CLIL и hard-CLIL. Soft-CLIL предполагает ведение одного или нескольких предметов в рамках подхода (5–15% учебной программы), что также может принимать форму проектных заданий, модулей и факультативов. Hard-CLIL, в свою очередь, требует от учебной программы двойной направленности на предмет и язык, для чего может быть востребовано до половины учебной программы. Следует отметить, что даже при выборе модели soft-CLIL вклад в освоение иностранной речи будет значительным: благодаря данному методу удваивается количество часов, отведенных на изучение иностранного языка, а, как известно, эффективность обучения языкам напрямую зависит от количества и регулярности практики.

Что касается практики общеобразовательной школы в отечественном сегменте, курс CLIL обычно принимает форму предмета по выбору или проектного задания на четверть. На основе информации, находящейся в открытом доступе, можно сделать вывод, что интерес к данному подходу в России начал расти сравнительно недавно:

- участие России в международном проекте «Science Across the World», организованном Ассоциацией естественно-научного образования (Association for Science Education (ASE), 1990-е гг. (<https://www.factworld.info/en/Science-Across-the-World>));

- линейка интегративных уроков «английский/немецкий» в гимназии №6, г. Красноярск [Селезнева, Власова, 2015];
- факультативные курсы «Основная школа – пространство выбора» [Соколовская, Набатова, 2015];
- внеурочная деятельность, межкультурный проект, реализация через сервис ZOOM [Горбанева, 2020];
- профориентационная работа в 9–11 классах [Мейеринк, 2020];
- интегрированные уроки истории и английского языка с применением VR [Ноздров, 2020].

Приведенные материалы подтверждают, что подход CLIL применим в различных контекстах и может решать многие предметные и практические задачи. Утверждается, что подход весьма пластичен и может быть легко встроено в образовательную деятельность.

На основе анализа теоретических сведений и опыта зарубежных и отечественных коллег можно заключить, что предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) обладает характеристиками, необходимыми для становления иноязычной коммуникативной компетентности. Однако данный подход сталкивается с рядом трудностей в рамках отечественной системы образования со строгим предметным делением и особенностями подготовки к ЕГЭ. Исходя из всего вышесказанного, представляется необходимым продолжение исследований, направленных на выявление принципов и результатов включения данной технологии в отечественную систему образования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин, В. П. Психолингвистика: учеб. для вузов / В. П. Белянин. – М.: МПСИ, 2003. – 232 с.
2. Бим, И. Л. Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам / И. Л. Бим; под ред. А.В. Хуторского // Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. – М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК» – 2007. – С. 156–163.
3. Горбанева, В. В. Преимущества подхода CLIL и платформы ZOOM для реализации межкультурных проектов на интегрированных уроках по иностранным языкам и предметам гуманитарного цикла в рамках внеурочной деятельности / В. В. Горбанева, Е. А. Измайлова, К. Фукс // Шатиловские чтения. Цифровизация иноязычного образования : сб. науч. тр. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. – 447 с.
4. Куклина, С. С. Компенсаторный компонент иноязычной коммуникативной компетенции учащихся общеобразовательной школы. [Электронный ресурс] / С. С. Куклина // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompensatornyy-komponent-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-uchaschihsya-obscheobrazovatelnoy-shkoly> (дата обращения: 14.03.2023).
5. Мейеринк, А. Ю. Метапредметность технологии преподавания CLIL на английском языке для реализации профориентации в 11 классах / А. Ю. Мейеринк // Шатиловские чтения. Цифровизация иноязычного образования : сб. науч. тр. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. – 447 с.
6. Мильруд, Р. П. Альтернативное тестирование коммуникативной компетенции учащихся. / Р. П. Мильруд, А. В. Матиенко. // Английский язык в школе, 2007. – № 1. – С. 4–8.
7. Мильруд, Р. П. Компетентность в изучении языка [Текст] / Р. П. Мильруд // Иностранный язык в школе. – 2004. – № 7. – С. 20–26.
8. Ноздров, П.А. Возможность использования виртуальной реальности на CLIL-уроках по истории на английском языке. / П. А. Ноздров // Шатиловские чтения. Цифровизация иноязычного образования : сб. науч. тр. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. – С. 123–128.
9. Селезнева, И. П. Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) как условие развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся общеобразовательной школы / И. П. Селезнева, В. В. Власова // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2020. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmetno-yazykovoe-integrirovannoe-obuchenie-clil-kak-uslovie-razvitiya-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-obuchayuschihsya>. (Дата обращения: 03.04.2023).
10. Соколовская, С. В. Предметно-языковое обучение в общеобразовательной школе / С. В. Соколовская, О. А. Набатова // Пермский педагогический журнал. –2015. – №7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmetno-yazykovoe-obuchenie-v-obscheobrazovatelnoy-shkole>. (Дата обращения: 05.04.2023).
11. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: курс лекций. / Е. Н. Соловова. – М.: Просвещение, 2002. – 239 с.
12. Baker, Colin. The effectiveness of bilingual education, Journal of Multilingual and Multicultural Development, 11:4, 1990, pp. 269–277.

13. Ben-Zeev, Sandra. The Influence of Bilingualism on Cognitive Strategy and Cognitive Development. *Child Development*, Vol. 48, No. 3, 1997, pp. 1009–1018.
14. Bialystok, E. Levels of Bilingualism and Levels of Linguistic Awareness. *Developmental Psychology*, 24, 1988, pp. 560–567.
15. Bialystok, E. and Herman, J., Does bilingualism matter for early literacy? *Bilingualism: Language and Cognition* 2 (1), 1997, pp. 35–44.
16. Bialystok, E., McBride-Chang, C., & Luk, G. Bilingualism, Language Proficiency, and Learning to Read in Two Writing Systems. *Journal of Educational Psychology*, 97(4), 2005, pp. 580–590.
17. Bialystok, E. (ed.) *Language Processing in Bilingual Children*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
18. Carlisle, J., Beeman, M., Davis, L., & Spharim, G., Relationship of metalinguistic capabilities and reading achievement for children who are becoming bilingual. *Applied Psycholinguistics*, 20(4), 1999, pp. 459–478.
19. Cenoz, J. Content-based instruction and content and language integrated learning: the same or different? *Language, Culture and Curriculum*. Vol. 28. 2015, pp. 8–24.
20. Cummins, J. The influence of bilingualism on cognitive growth: A synthesis of research findings and explanatory hypotheses. *Working Papers on Bilingualism* 9, 1976, pp. 1–43.
21. Cummins, J. The construct of language proficiency in bilingual education. In J.E. ALATIS BIBLIOGRAPHY 445 (ed.), Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1980. Washington, DC: Georgetown University Press, 1980.
22. Cummins, J. *Bilingualism and Minority Language Children*. Ontario: Ontario Institute for Studies in Education, pp. 54., 1981.
23. Genesee, Fred & Nicoladis, Elena & Paradis, Johanne. Language differentiation in early bilingual development. *Journal of child language*. Vol. 22, 1995, pp. 611–631.
24. Halliday, M.A.K. *Towards a Language-Based Theory of Learning*. Linguistics and Education. Vol. 5, 1993, pp. 93–116.
25. Lightbown, P., Spada, N. *How Languages are Learned*. Oxford: Oxford University Press. 1993, p. 267.
26. Lightbown, P.M. & Spada, N. *How languages are learned*, 3rd edition. Oxford: Oxford University Press, 2006.
27. Mehisto, P., Marsh, D. & Frigols, M.J. *Uncovering CLIL*. Oxford: Macmillan, 2008.
- Mohan, B.A. *Language and Content*. Reading-Mas. Addison-Wesley, 1985, 143 p.
28. Ricciardelli, L. A. Creativity and bilingualism. *The Journal of Creative Behavior*, 26(4), 1992, pp. 242–254.
29. Ricciardelli, L. A. Two components of metalinguistic awareness: Control of linguistic processing and analysis of linguistic knowledge. *Applied Psycholinguistics*, 14(3), 1993, pp. 349–367.
30. Swain, M. The output hypothesis and beyond: Mediating acquisition through collaborative dialogue. In J.P. Lantolf (Ed.), *Sociocultural theory and second language learning*. Oxford: OUP, 2000, pp. 97–114.
31. Toukoma, P. & Skutnabb-Kangas, T. *The Intensive Teaching of the Mother Tongue to Migrant Children at Pre-school Age (Research Report No. 26)*. Department of Sociology and Social Psychology, University of Tampere, 1977, p. 213.

УДК 327

Возможности консолидации ибероамериканского пространства как глобального актора

Иванова А. В., Московский государственный лингвистический университет,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: старший преподаватель Пупышева М. В., Россия

Ибероамериканское сообщество сформировалось в 1990-х гг., когда перед государствами Ибероамериканского полуострова (Португалия, Испания) и Латинской Америки или Латино-Карибской Америки (ЛКА) встал критический вопрос о создании единого политического, социального и экономического пространства. Хотя Ибероамериканское пространство на тот момент не имело постоянной отчетливой траектории развития, отмечалось, что его государства обладают родством религии и языка, социокультурным сходством, общим историческим и культурным прошлым. Все эти признаки ибероамериканского сообщества являются отличным фундаментом для построения межрегиональных (в перспективе и трансрегиональных) связей.

На сегодняшний день Иberoамериканское сообщество способно создавать собственную доминанту развития, усиливая взаимодействие между своими государствами на межрегиональном уровне. Потенциал Иberoамерики как глобального актора обусловлен этнолингвистическим и этнокультурным единством, экономическими возможностями регионов, успешным сотрудничеством по нескольким направлениям: торгово-экономическому, социально-гуманитарному, дипломатическому [Современность..., 2022; Косяк, 2015].

Развитие межрегиональных связей – принципиальное условие протекания процессов «новой мировой глобализации», которая отличается от неолиберальной, поскольку выстраивается с учетом культурной идентичности регионов, их социальных, экономических особенностей, трансрегионального сотрудничества [Яковлев, 2013; Никулин, 2020]. В условиях мирового кризиса 2008–2009 гг. возрождение Иberoамериканской идентичности позволило выстраивать экономическую политику, руководствуясь единым мировоззрением и морально-этическими ценностями [Никулин, 2020; Díaz Barrado, 2013]. Вызовы XXI века, такие как нарушение глобальных производственных цепочек вследствие международных кризисов, требуют возвращения к опыту прошлых лет, когда стояла такая же острая необходимость в формировании мощных экономических блоков.

Лингвфония как эффективный ресурс внешней политики и экономической экспансии Испании в странах Латинской Америки позволяет испанским и латиноамериканским корпорациям осуществлять эффективное сотрудничество [Пупышева, 2021]. Сформированное в 1991 году Иberoамериканское сообщество наций (ИСН) стало олицетворением стремления иberoамериканских стран создать собственную ось государств вне влияния США. И обозначило их втягивание в процессы мировой глобализации.

Несмотря на рост центристских настроений в последнее десятилетие, прослеживающийся в том числе в потере Иberoамериканскими саммитами своего изначального значения, наметившаяся тенденция к формированию многополярного мира приводит к повышению необходимости консолидации на основании единого мировоззрения, а потому внимание к ИСН как единственному существующему инструменту интеграции будет вновь возрастать [Arenal, 2005].

За счет ощутимого политического сдвига Латинской Америки от преобладающего числа авторитарных государств в сторону демократизации, после пережитого «потерянного десятилетия» 1980-х годов, сложилась благоприятная обстановка для развития иberoамериканского пространства [Arenal, 1999]. Предполагалось, что «киberoамериканский проект» поможет повторить модернизационный успех Испании и Португалии, эффективно использовать потенциал национальной экономики, повысить уровень жизни населения и в глобальном смысле – стать активным субъектом международного сообщества.

Иberoамериканское пространство, в целом, продемонстрировало положительную динамику хозяйственного развития в годы мирового кризиса. Товарные и финансовые рынки Иberoамерики не только не «сжались» как рынки США, но и расширились. На сегодняшний день иberoамериканские страны стремятся продвигать свои интересы в рамках БРИКС и G20 как единый блок [Яковлев, 2016]. Испания продолжает инвестировать в страны Латинской Америки, а Латинская Америка, в свою очередь, продолжает поддерживать крупные испанские корпорации. Потенциал экономического пространства Иberoамерики ещё не до конца раскрыт. В Латинской Америке существуют оптимальные условия для экономической экспансии, незанятые рыночные ниши товаров и услуг, капиталы, на которые претендуют более серьезные игроки – Китай и Россия.

По линии ИСН реализуются и курируются проекты социально-гуманитарного сотрудничества в области образования, науки, техники и искусства; повышению престижа регионов, обмена опытом в сфере социального обеспечения, занятости молодежи [Испания..., 2007]. За счет государственных средств Испании в 2000 году был создан Фонд Каролины (Fundación Carolina) с целью сотрудничества в сферах науки, образования, культуры между странами ИСН. Работа испанского агентства по международному сотрудничеству и развитию (AECID) направлена на «выполнение функций и полномочий, возложенных на Министерство иностранных дел и сотрудничества в целях продвижения и развития культурных и научных связей с другими странами».

Таким образом, для Иberoамериканского пространства (особенно латиноамериканских государств), которое столкнулось с экономическими последствиями пандемии COVID-19 и новыми мировыми вызовами, важно сохранить собственную идентичность, включиться в процессы «новой глобализации», усиливая свои межрегиональные связи. Страны Иberoамерики консолидируются в товарно-экономическом, социально-гуманитарном, дипломатическом направлениях и защищать свои интересы на международной арене. Как сообщество с общим культурно-историческим и развитой системой внешнеполитического взаимодействия Иberoамерика способна сформировать самостоятельную ось государств в условиях мирового кризиса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Испания. Анфас и профиль / под ред. В. Л. Верникова. – М.: Издательство «Весь Мир», 2007. – 480 с.
2. Косяк, Е. В. Внешняя политика Испании в XXI веке. Концептуальные основы / Е. В. Косяк. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 173 с.
3. Никулин, К. А. Торгово-экономическое партнёрство Испании и Латинской Америки / К. А. Никулин // Современная Европа. – 2020. – №3. – С. 170–180.
4. Пупышева, М. В. Потенциал испанофонии на латиноамериканском направлении внешней политики современной Испании / М. В. Пупышева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – № 3(844). – С. 72–83.
5. Современность ибероамериканской идентичности в отношении испанского языка / А. С. Мовсесян, В. В. Степанян, А. Ю. Цветаева, К. Чехвалова // Актуальные вопросы науки и практики : сборник научных трудов по материалам XLI Международной научно-практической конференции, Анапа, 05 февраля 2022 года. – Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2022. – С. 175–178.
6. Яковлев, П. П. Иbero-американское сообщество наций в формирующемся миропорядке / П. П. Яковлев // Латинская Америка. – 2016. – № 8. – С. 43–57.
7. Яковлев, П. П. "Мультилатинас": трансграничный рывок латиноамериканского бизнеса / П. П. Яковлев // Латинская Америка. – 2013. – № 6. – С. 51–66.
8. Arenal, C. del. La política exterior de España hacia Iberoamérica y las Cumbres iberoamericanas / C. del Arenal Moyúa // Iberoamérica, un reto para España y la Unión Europea en la próxima década: IX Jornadas Universidad Complutense-CESEDEN, 1999. – P. 57–86.
9. Arenal, C. del. Las Cumbres Iberoamericanas (1991–2005): logros y desafíos. / C. del Arenal Moyúa. – Madrid: Fundación Carolina, 2005. – 292 p.
10. Díaz Barrado, C. M. Algunas reflexiones sobre la identidad en el seno de la Comunidad Iberoamericana de Naciones / C. M. Díaz Barrado // Investigación y Desarrollo. – 2013. – 21(2). – P. 419–454.

УДК 81'42

Постковидный синдром испанского медиадискурса

Ковбаса В. С., Московский государственный лингвистический университет,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: старший преподаватель Пупышева М. В., Россия

Подобно человеческому организму, вырабатывающему антитела при контакте с вирусом, живой язык не может не отреагировать на «новую нормальность», в которой оказался социум в конце 2019 г. В ответ на появление нового вируса и новых правил игры, испанский медиадискурс приобрел свои «ковидные» лексические единицы и переосмыслил уже существующие [Pressacco De La Luz, 2022].

Среди профессиональных терминов, вошедших в повседневную жизнь с приходом пандемии, следует отметить наиболее часто подвергавшиеся некорректному использованию в связи с отсутствием у журналистов и политиков специализированных знаний в области медицины: *la tasa de mortalidad* (уровень смертности) и *la tasa de letalidad* (уровень летальности), *el distanciamiento físico* (физическое дистанцирование) и *el distanciamiento social* (социальное дистанцирование). Также часто употребляемыми стали такие специальные термины как *el estado de alarma* (чрезвычайное положение), *la crisis sanitaria global* (глобальный санитарный кризис), *el contagio global* (мировое заражение), *el brote del coronavirus* (вспышка коронавируса). Одним из самых важных способов индивидуальной защиты стала медицинская маска, термин, вновь подчеркнувший многообразие испанского языка: *la mascarilla* (España, Chile), *el nasobuco* (Cuba), *el barbijo* (Argentina, Bolivia), *el cubrebocas* или *el tapabocas* (México) [Харитоновна, 2022, с. 508]. Другими привычными в повседневной жизни выражениями стали: *la prueba de antígeno* (тест на антитела), *el examen de PCR* (ПЦР-тест), *los portadores* (переносчики), *modos de transmisión del virus* (способы передачи вируса), *la inmunidad de rebaño* (коллективный иммунитет), *los casos confirmados* (подтвержденные случаи), *casos positivos* (позитивные случаи) или *casos sospechosos* (предполагаемые случаи). Данные примеры призваны проиллюстрировать тенденцию к популяризации в СМИ узкоспециализированной медицинской терминологии.

Создание «новояза» – естественная реакция общества на беспрецедентную ситуацию. летописцем нашего времени стал G. Aldamiz-Echevarría, создавший онлайн-словарь *El Covidcionario*, также публиковавшийся под хештегом #covidcionario в Твиттер-акаунте A. García Salido. Среди семантических

неологизмов в изучаемом *covidoma* (а также его аналогов в других языках той же языковой семьи) наиболее часто встречаются сократившие и, наоборот, расширившие значение [Тюлькина, 2022, с. 494]. *La pandemia*, согласно DRAE, имеет только одно значение: «эпидемическое заболевание, распространяющееся во многих странах или поражающее практически всех людей в той или иной местности или регионе» [Diccionario de la Lengua Española, URL], за время пандемии приобрело еще одно значение в разговорном употреблении: «молчаливое согласие значительной части населения изготавливать хлеб в период изоляции» [Gwiazdowska, 2021, с. 6]. Также среди слов, изменивших или расширивших свое значение в *la coronajerga* (разговорный испанский во время пандемии) можно выделить следующие: *el epitafio* (эпитафия) приобрело значение «ситуация, в которой оказывается служба, когда у нее заканчиваются средства индивидуальной защиты и нужно об этом отчитаться»; *la ventana* (окно) приобрело значение «часть дома, которая была обновлена за время изоляции»; *el perrero* (собачник) приобрело значение «человек, который выгуливает собаку по 5 км три раза в день, чтобы избежать изоляции»; *la reunión* (собрание) приобрело значение «виртуальная встреча через Zoom или Teams»; *los superhéroes* (супергерои) приобрело значение «обыкновенные люди, которые борются с коронавирусом на передовой и делают невообразимые вещи, жертвуя собой ради остальных»; *aplaudir* (аплодировать) приобрело значение «поддерживать медицинских работников в борьбе с коронавирусом»; *el codazo* (удар локтем) приобрело значение «здороваться без поцелуев и объятий, соприкасаясь локтями» [Gwiazdowska, 2021, с. 7–11]. Таким образом, можем заключить, что именно субстантивные и глагольные формы более всего склонны к приобретению новых значений.

Поскольку каждый язык развивается как живой организм, то появление новых слов – такой же естественный процесс. Первым термином, с которого началось формирование *la coronalegua*, стал COVID-19 – акроним от англ. COronaVIrus Disease 2019.

Говоря о приставках, участвующих в формировании представленного типа неологизмов в испанском языке, можно выделить следующие: *super-*, *pos-* и *post-* и *des-*, соответственно [Sanchez Acero, 2022, с. 49]:

- *Los supertransmisores, supercontagiantes, superpropagadores, superdifusores*, которые относятся к лицам, отличающимся высокой вероятностью распространения вируса;
- *Pospandemia, poscuarentena, posconfinamiento, poscovid* (с вариантами написания *futuro pos-COVID-19, ciudad poscovid, el mundo posCOVID, la España post COVID-19*).
- *Desescalada* и *desconfinamiento* в связи с высокой степенью употребления были добавлены в последнее обновление DRAE.
- *Anticoronavirus, anticovid* (с вариантами написания *anti-Covid, anti COVID, anti-COVID-19*): *vacuna anticovid, medicamento anticovid, medidas antiCovid, normas anticovid, mascarillas anticovid*.

Наиболее частыми суффиксами, употребляемыми для образования неологизмов в испанском в период пандемии стали: *-ico (covidico)*, *-oso (covidoso)*, *-iano (covidiano)*. Следует отметить, что прилагательные *covidico/a, covidiano/a (lenguaje, riesgo, duelo)* используются со ссылкой на что-то, относящееся к COVID-19, в то время как *coronavirico/a* или *coronaviral* относятся к чему-то, связанному с коронавирусом и используются в меньшей степени. В свою очередь, использование прилагательного *coronavirioso/a* или *covidoso/a* ограничивается описанием заболевшего человека.

В качестве следующего примера рассмотрим существительное *el balconismo*, которое относится к аплодисментам, огням, свисткам и всему тому, что показывает счастье и благодарность профессионалам, борющимся с коронавирусом в период пандемии. И поскольку *el balcón* (балкон) в период пандемии стал символом свободы и чуть ли не единственным местом, куда можно было выйти и «погулять», то вполне естественным видится образование глагола *balconear* (находиться на балконе с целью развлечения).

Другим шуточным глаголом с суффиксом *-ear*, образованным в связи с невозможностью выйти на улицу и пообщаться, стал *zoomear* (использовать коммуникационную платформу Zoom на каком-либо устройстве для совершения видеозвонка или видеоконференции); также популярность приобрели глаголы *maratonear* (безостановочно смотреть фильмы и сериалы во время карантина на стриминговых платформах) и *flirtorear* (флиртовать в течение нескольких дней посредством какого-либо приложения и в конечном счете не прийти на свидание из-за страха, что этот незнакомый человек не уважает новые правила социальной дистанции).

К группе неологизмов, образованных приставочным и суффиксальным способами, относятся те, у которых невозможно определить, какой из процессов произошел позже. Подобные слова относятся к болезни, например, *anticovidico/a* или к вирусу, например, *anticoronavirico/a, anticoronaviral (vacuna anticovidica, remedio anticovidico, vacuna anticoronavirica, anticoronaviral)*. Также к этой группе неологизмов принадлежат слова, произошедшие от следующих существительных: *coronavirus (precoronavirico/a; precoronaviral; poscoronavirico)*, *covid (precovidico/a; pre-covid; pre-COVID-19;*

poscovidico), *pandemia* (*prepandémico/a*; *pospandémico/a*), *cuarentena* (*anticuarentenista*), которые используются как в профессиональных областях, так и в повседневном дискурсе [Sanchez Acero, 2022, с. 58-59].

Данное исследование не ставит своей целью охватить все возможные варианты «врастания» новых слов в современный медиадискурс, однако изученные примеры позволяют прийти к определенным выводам об основных тенденциях в сфере словообразования в испанских СМИ. Среди них следует выделить популяризацию терминов, ранее использовавшихся исключительно в профессиональном дискурсе, а также семантические и лексические неологизмы (образованные приставочным и суффиксальными способами), вошедшие в повседневное употребление.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Тюлькина, А. А. Как пандемия COVID-19 повлияла на то, как мы говорим (на примере итальянской и российской прессы) / А. А. Тюлькина // Мировой политический процесс: информационные войны и «цветные революции»: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 27–29 октября 2021 года. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2022. – С. 493–497.

2. Харитонова, М. А. Coronalengua, или словообразование в современном испанском медиадискурсе / М. А. Харитонова, М. В. Пупышева // Мировой политический процесс: информационные войны и «цветные революции»: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 27–29 октября 2021 года. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2022. – С. 506–510.

3. Diccionario de la Lengua Española. Pandemia // Real Academia Española. – URL: <https://dle.rae.es/pandemia> (дата обращения: 28.02.23)

4. Gwiazdowska, A. Coronajerga, covidoma, coronalengua: acerca de los cambios lingüísticos en tiempos de la pandemia. / A. Gwiazdowska // Neophilologica. – 2021. № 33. – С. 1–26.

5. Pressacco De La Luz, C. El lenguaje en tiempos de COVID-19. Análisis del léxico de la pandemia en el español de México / C. Pressacco De La Luz // Interpretos revista semestral de creación y divulgación de las humanidades. – 2022. – №28. – С. 159–174.

6. Sanchez Acero, I. S. COVID-19 y sus neologismos: Incorporación a la lengua española a través de la prensa: Master thesis / I. S. Sanchez Acero. – University of Oslo, 2022. – 148 с.

УДК 811.134.2

Las características morfosintácticas del español neutro

(Морфосинтаксические характеристики нейтрального испанского языка)

Корчуганова А. А., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы,
студент бакалавриата, Россия

Лихолетова Л. А., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Котенякина И. Б., Россия

Hoy en día, los medios de comunicación siguen adaptándose a la dinámica del proceso de globalización, o sea, se hacen más internacionales. Sin embargo, la diversidad de la lengua española hablada en España y en los países de América Latina dificulta a menudo la comprensión y la interacción entre los hispanoparlantes en la red. Además, por esta razón se aumentan los costes y el tiempo para adaptar los productos de información y entretenimiento, tales como materiales educativos, películas, publicidad, programas y aplicaciones, publicaciones electrónicas, etc. Por lo tanto, ha surgido la necesidad de crear un español internacional, o un español neutro.

El español neutro es una supravariante de la lengua española en la que son eliminados las diferencias lingüísticas propias de algún país hispanohablante en concreto [Garis, 2021]. Su objetivo tiene, sobre todo, el fundamento comercial, que consiste en rentabilizar cualquier producto elaborado para los usuarios del mundo hispánico. Además, según el traductor gallego Xosé Castro, los motivos principales que deben alentar a los lingüistas a usar el español neutro son: «lograr una progresiva unificación de neologismos en todos los países hispanohablantes; hacer que el español sea competitivo y asequible para un mayor número de fabricantes; ampliar el mercado de la traducción y evitar la disgregación de la terminología española» [Gómez Font, 2012].

El español neutro tiene sus propios rasgos fonéticos, morfosintácticos, léxicos y semánticos. Generalmente, su modelo está basado en el estándar mexicano debido a su mayor extensión territorial y la cantidad de sus usuarios [Llorente Pinto, 2006, p. 79]. Debido a la creciente tendencia de utilizar el español neutro en la traducción y la localización de diferentes productos comerciales, se necesitan más estudios de esta variante para

sistematizar la información existente y contribuir a la revisión y la unificación de sus normas. Por eso, el objetivo de nuestro estudio es describir los rasgos principales del español neutro, particularmente los del plano morfosintáctico.

Tras analizar trabajos científicos actuales de algunos lingüistas, hemos destacado varias características morfosintácticas del español neutro.

Entre los rasgos morfológicos del español neutro se destacan los cambios en el uso de los morfemas, pronombres, construcciones y tiempos verbales. Se observa la ausencia de sufijos diminutivos («-ito», «-ico», «-illo», etc) en cualquier contexto, o sea en conversaciones tanto formales como informales [Petrella, 1998]. Se opta por el uso del pronombre personal de segunda persona singular «tú» con sus formas verbales y la sustitución de «vosotros» peninsular por «ustedes» latinoamericano para referirse a un grupo de personas [Llorente Pinto, 2006, p. 79; González, 2022].

En cuanto a las construcciones verbales, se nota el uso frecuente de perífrasis verbal lo cual es el resultado de la traducción literal del inglés («deber/poder + infinitivo»), mientras que las construcciones progresivas, por ejemplo, se utilizan con menos frecuencia («Ves las cosas» en lugar de «Estás viendo las cosas»). Además, se observa el menor uso de los tiempos compuestos: el Pretérito Indefinido sustituye el Pretérito Perfecto Compuesto para describir las acciones pasadas en un espacio de tiempo que no se ha acabado; asimismo el Futuro Simple se usa a veces en lugar de la construcción «ir a + infinitivo». Los cambios también incluyen el uso del Imperfecto de Subjuntivo preferente al de Pretérito Indefinido o Pluscuamperfecto de Indicativo («No creo que falleciera») [González, 2022].

En cuanto a los rasgos sintácticos del español neutro, podemos observar que frecuentemente aparecen las oraciones en voz pasiva y en general las que tienen una estructura simple. El orden de palabras en oraciones imperativas e interrogativas es el siguiente: «verbo + sujeto + objeto» («Pase usted» o «¿Trajo usted esto?»). También se observa la falta de concordancia entre el sustantivo y el verbo, por eso la conjugación del verbo *haber* puede ser incorrecta («Hubieron problemas» en lugar de «Hubo problemas») [González, 2022].

Por consiguiente, al destacar las características morfosintácticas del español neutro podemos concluir que estas en su mayoría coinciden con los rasgos morfosintácticos comunes al español mexicano, en general latinoamericano. Las principales características son el tuteo, el ustedeo, la ausencia de tiempos compuestos, el uso de ciertas construcciones verbales, conectores y simplicidad en las oraciones.

Las mencionadas transformaciones lingüísticas muestran la tendencia actual de la simplificación de la lengua española y su adaptación a la mayor parte de los hispanohablantes que son latinoamericanos. Sin embargo, ya que el español neutro fue creado sin el asesoramiento de los lingüistas, sus normas carecen de la unificación. Por eso la participación de los especialistas en la revisión del español neutro para hacerlo menos contradictorio y artificial es necesaria.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Llorente Pinto, R. ¿Qué es el español neutro? / R. Llorente Pinto // Cuadernos del Lazarillo: Revista literaria y cultural. – 2006. – 31. – P. 77–81.
2. Garis, G. ¿Qué entendemos por español neutro en el sector de la traducción? / G. Garis. – URL: <https://geaspeak.com/2021/02/15/que-entendemos-por-espanol-neutro-en-el-sector-de-la-traduccion/> (дата обращения: 14.11.22).
3. Gómez Font, A. Español neutro o internacional / A. Gómez Font. – URL: <https://www.fundeu.es/escribireninternet/espanol-neutro-o-internacional/> (дата обращения: 14.11.22).
4. González, O. Español neutro: ¿qué es y cómo usarlo para redactar tu contenido? – URL: <https://ottofgonzalez.com/como-redactar-en-espanol-neutro/#iquestPor-queacut-utilizarlo> (дата обращения: 14.11.22).
5. Petrella, L. El español «neutro» de los doblajes: intenciones y realidades / L. Petrella. – URL: <https://cvc.cervantes.es/obref/congresos/zacatecas/television/comunicaciones/petre.htm#caracterizacion> (дата обращения: 15.11.22).

УДК 81`25

Передача языковых средств выразительности при переводе художественных произведений с корейского языка на русский

Лютикова Е. Д., Иркутский государственный университет, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: к.ф.н. доцент Ли Е. В., Россия

На сегодняшний день художественная литература Кореи занимает большую нишу на книжном рынке. Последние несколько десятилетий популярность корейской музыки и кино напрямую повлияла на

интерес русскоговорящего сообщества к корейской литературе. Повышение спроса на перевод художественных произведений Кореи обусловило необходимость изучения наиболее эффективных способов их перевода. Лингвистами было проведено множество исследований, касающихся применения различных стратегий перевода, в частности – использования переводческих трансформаций. Эти вопросы рассматривали в своих трудах Буравлева Т. А., Бабенко Л. Г., Джанджакова Е. В., Сдобников В. В. и другие лингвисты, чьи труды были проанализированы и обобщены в нашей работе. В то же время не было предпринято детальных исследований для определения способов передачи языковых средств выразительности при переводе корейской художественной литературы на русский язык.

В нашем исследовании основной целью было выявление проблем, связанных с переводом языковых средств выразительности в художественных произведениях, и определение возможных способов их решения, в том числе особенностей применения переводческих преобразований при передаче языковых средств выразительности. В качестве методов использовались анализ, обобщение, описание, синтез и сопоставительный анализ перевода. Основным методом был сопоставительный анализ, который проводился на основе оригинального текста романа 신경숙 «엄마를 부탁해» и текста его перевода, выполненного А. Е. Прохоровой. Благодаря сопоставительному анализу были выявлены наиболее частотные способы перевода различных видов языковых средств выразительности.

Под языковыми средствами выразительности понимается система художественных стилистических приемов, представленных единицами фонетического, лексического и синтаксического уровней, привлекающие внимание реципиента и усиливающие воздействие текста на него. В прозаических текстах художественной литературы чаще всего встречаются лексические и синтаксические языковые средства выразительности, которые выполняют в первую очередь эстетическую и экспрессивную функцию. Для создания художественного образа: от героев до обстановки и происходящих с героями на протяжении повествования событий – автор использует языковые средства выразительности, которые помогают наиболее ярко и живо передать чувства и характеры, что позволяет воздействовать на чувства читателей и подчеркнуть наиболее важные элементы сюжета.

В связи с тем, что главной функцией художественного текста является эстетическое воздействие на читателя, для перевода необходимо сохранить прагматический эффект. Зачастую прямой перевод не позволяет в достаточной мере передать прагматическое воздействие оригинала. В результате исследования было выявлено, что именно применение переводческих трансформаций позволяет переводчику сохранить прагматический эффект и все смыслы языковых средств выразительности текста оригинального произведения.

В ходе исследования способов передачи средств выразительности в романе Шин Кёнсук «Пожалуйста, позаботься о маме», было проанализировано более сотни примеров перевода эпитетов, метафор, сравнений, антитезы и олицетворения.

Для перевода эпитетов доминирующим видом переводческих трансформаций стал прием экспликации. Это связано в первую очередь с невозможностью соотнести некоторые традиционные или авторские образы, используемые в корейском тексте, с русскими, и с отсутствием необходимых коннотаций у русских лексических единиц. Таким образом, перед переводчиком встает задача не только сохранить образность, но и сделать образ понятным русскоязычному читателю. К примеру, в следующем контексте:

а) 순간순간 모면하듯 봉합해온 일들이 툭툭 불거지고... [신경숙]

Эпитет *봉합해온 일들*, который можно перевести как «зашитые дела» или «поступки, на которые наложили швы». Применяя прием экспликации, переводчик раскрывает значение этого эпитета и лишает отрывок иносказательности, но тем не менее сохраняет эмоциональность и эстетизм предложения: *то, что раньше замалчивалось и скрывалось...* [Кун-Суук Шин, 2012]

Основным способом перевода сравнений является прием компенсации. Сравнение является наиболее частотным видом языковых средств выразительности, встретившимся в тексте романа. При переводе сравнений обычно используется прием компенсации как основной способ сохранения коммуникативного эффекта, в том числе способ, позволяющий передать нужную степень напряжения и эмоциональности. К примеру:

б) 플릴 달린 원피스와 엄마가 머리에 쓴 때에 전 수건은 서로 다른 세상처럼 대조적이었다. [신경숙]

Для перевода сравнения *다른 세상처럼* переводчик применяет прием компенсации: *платье с оборками слишком сильно отличалось от того грязного платка, которым мама повязывала голову.* [Кун-Суук Шин, 2012] Таким образом, в переводе контраст передается не с помощью лексико-стилистического приема, а с помощью наречия *слишком*. Однако смысл и коммуникативный эффект при этом достаточно полно передаются в языке перевода.

Для перевода метафор чаще всего применялось целостное преобразование. Причиной этим преобразованиям могут быть как предпочтения переводчика (так как некоторые преобразования можно считать недостаточно мотивированными), так и особенности систем образов русскоговорящих реципиентов и представителей корейской культуры. К примеру, в следующем предложении автор выражает чувства рассказчицы, усиливая эмоциональность с помощью метафоры:

с) 그러나 너의 생각은 지난가을에 조각이 났다. [신경숙]

Разрушение привычной картины мира передается метафоричным выражением *생각은 조각이 났다*. В переводе эти чувства рассказчицы были переданы следующим образом: *Но прошлой осенью твоя вера... основательно пошатнулась* [Кун-Суук Шин, 2012]. Переводчик использует целостное преобразование, достигая нужного эстетического эффекта, но при этом не передавая изначальный смысл оригинала, так как выражения *разбиться на кусочки* и *основательно пошатнуться* передают абсолютно разную степень изменения эмоционального состояния.

Среди всех языковых средств выразительности, рассмотренных в исследовании, олицетворение является одним из наиболее редко встречающихся лексических средств. Наиболее активно применяемым видом переводческих трансформаций стал прием добавления. Добавление уточняет и детализирует образ оригинала и помогает сделать его понятным для русскоговорящего реципиента. К примеру, описывая небрежность отца и состояние матери, которая в силу проблем со здоровьем стала неспособна поддерживать порядок в доме, автор описывает брошенную рубашку отца:

д) 셔츠가 팔을 벌리고 있었다 [신경숙].

В переводе переводчик использовал прием лексического добавления, с помощью которого ему удалось сохранить образность и не лишиться предложение эстетической составляющей: *раскинула свои рукава-крылья грязная мужская рубашка* [Кун-Суук Шин, 2012].

В результате анализа было выявлено, что для перевода антитезы на русский язык, в связи с тем, что антитеза представляет собой в большей степени грамматическое средство выразительности, в переводе были применены грамматические способы трансформации, например, добавление.

е) 모녀관계는 서로 아주 잘 알거나 타인보다도 더 모르거나 둘 중 하나다 [신경숙].

В данном предложении для демонстрации степени близости между матерью и дочерью автор использует антитезу, противопоставляя высокую близость в отношениях отношениям, в которых они более далекие друг от друга, чем незнакомцы. Переводчик сохраняет это противопоставление, сохраняя эмоциональность, тем не менее добавляя отсутствующую в оригинале оценку этого «феномена»: *странно, но в жизни часто происходит так, что мать и дочь могут быть невероятно близки или же, наоборот, стать абсолютно чужими людьми* [Кун-Суук Шин, 2012].

Таким образом, можно сделать вывод, что для перевода языковых средств выразительности в романе Шин Кёнсук «Пожалуйста, позаботься о маме» преобладающими видами трансформации являются компенсация, целостное преобразование, экспликация и добавления. Преобладание лексических средств, тропов, обуславливает более высокую долю использования лексических трансформаций в сравнении с грамматическими трансформациями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Буравлева, Т. А. Стратегии и тактики в переводе художественного текста / Т. А. Буравлева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 17 (307). – С. 441–443.
2. Кун-Суук Шин. Пожалуйста, позаботься о маме. – 2012. – URL: <https://www.litres.ru/book/kun-suuk-shin/pozhaluysta-pozabotsya-o-mame-4948170/> (дата обращения: 01.02.2023)
3. Джанджакова, Е. В. Стилистика художественного прозаического текст (структурно-семантический аспект) / Е. В. Джанджакова. – Учебное пособие для слушателей факультета переводческого мастерства и студентов переводческого факультета. – М.: МГИИЯ им. Мориса Тореза, 1990. – URL: http://www.philologos.narod.ru/dzhandz/stylprose.htm#_2-3-2 (дата обращения: 01.02.2023)
4. 신경숙. 엄마를 부탁해. / 신경숙. – (주)창비, 2008. – 299 с.

К вопросу о грамматикализации герундийных временных форм в современном испанском языке

Малоедов В. С., Воронежский государственный университет, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: д.ф.н., профессор Корнева В. В., Россия

Аналитические глагольные формы, описывающие различные оттенки длительности процесса, характерны для грамматического строя некоторых языков Западной Европы, но отсутствуют в ряде других языков, в том числе и в русском. В испанском языке аспект длительности передаётся с помощью конструкции *estar + gerundio*. Ввиду того, что длительные времена в испанском языке не выделяются как отдельные, в учебных пособиях, созданных для иностранцев, герундийной временной форме *estar + gerundio* зачастую уделяется мало внимания, приводится скудное количество упражнений для её закрепления, а формы представляются не во всех временных планах, что препятствует формированию системного понимания данной конструкции среди изучающих испанский язык.

В своём исследовании А. Rascón Caballero описывает частотную ошибку, возникающую среди носителей литовского и славянских языков, изучающих испанский язык, которая заключается в игнорировании в их речи употребления конструкции *estar + gerundio* [Rascón Caballero, 2016, с. 2]. Подобная ошибка объясняется явлением языковой интерференции, возникающим по причине различия в системе времён испанского языка, в котором аспект длительности выражается с помощью аналитической конструкции *estar + gerundio*, и балто-славянских языков, в частности в русском языке, в котором данный аспект передаётся различными формами глаголов несовершенного вида [Жданова, 2018, с. 331].

В латинском языке, на основе народного варианта которого развился современный испанский язык, длительные времена не выделялись. В процессе развития романских идиомов по мере ослабления классических традиций широко распространились аналитические конструкции, формирующиеся при помощи вспомогательных глаголов [Петрова, 2020, с. 76]. Однако последующее возвращение к нормам классической латыни привело к отрицанию, искоренению или же сознательному игнорированию целого ряда явлений, которые не укладывались в её рамки. Грамматика, многократно переиздаваемая Испанской Королевской Академией с 1771 года и получившая название «*Gramática de la lengua castellana*», в некоторых случаях опиралась на традицию классической латыни [Алисова, 2007, с. 421]. В результате этого целый ряд новых явлений не фиксировался как языковая норма.

К концу XX века начали происходить изменения в лингвистике и педагогике, которые в том числе выражались в постепенном отходе от прескриптивного взгляда на языкознание, переходе к интерактивной модели преподавания, опирающейся на разговорный язык, а также распространением и развитием коммуникативного подхода. Это совпало с процессом широкого распространения испаноязычной кинопродукции в мире. Испанский язык стал чаще изучаться в качестве иностранного.

Для исследования частотности употребления конструкции *estar + gerundio* нами были подобраны разновременные примеры её употребления из мексиканской теленовеллы «*Mañana es para siempre*», вышедшей на экраны с 2008 по 2009 год, и испанского телесериала «*La caza. Monteperdido*», который транслировался в 2019 году. Речь телесериалов нами была определена как компромиссная, поскольку данная кинопродукция рассчитана на широкий круг зрителей, а следовательно её язык должен быть понятен для целевой аудитории.

В эпизодах теленовеллы «*Mañana es para siempre*» были выявлены следующие примеры употребления конструкции *estar + gerundio*:

- a. He descubierto que está manipulando a Fernanda y que ellos se han estado viendo escondidos de la familia [YouTube, 2021, URL]
- b. ¿Qué estás haciendo, pedazo de estúpido? [YouTube, 2021, URL]
- c. El hecho de que no te está yendo bien [YouTube, 2021, URL]
- d. Los Elizaldes te van a estar persiguiendo para sacar su dinero [YouTube, 2021, URL]

В первом эпизоде телесериала «*La caza. Monteperdido*» конструкция *estar + gerundio* встречается несколько раз:

- a. Él ha estado llevando lo de la fundación [RTVE, 2019, URL]
- b. No sé qué está pasando, Joaquín [RTVE, 2019, URL]
- c. La están bajando a quirófano [RTVE, 2019, URL]
- d. Los guardias han estado registrando, pero hace un rato que se han ido [RTVE, 2019, URL]
- e. La tonta se está riendo de nosotros [RTVE, 2019, URL]
- f. Víctor, ¿me estás escuchando? [RTVE, 2019, URL]

Премьеры данных кинопродуктов состоялись с разницей в 11 лет, однако можно отметить, что специфика употребления конструкции *estar + gerundio* осталась неизменной. Герундийная временная форма является распространённой в испанском языке.

Если анализировать конструкцию *estar + gerundio* в *presente de indicativo*, то можно выделить 4 узуса грамматикализации: длительное действие текущего момента «*estoy comiendo*», фоновое действие настоящего времени «*estoy trabajando en la planta por el momento*», раздражение «*¡siempre me estás criticando!*», использование в отрицательном императиве «*¡no me estén hablando así!*». Однако данная конструкция не может быть использована для описания запланированного события в будущем, в отличие от времени *present continuous* в английском языке, которое передаётся с помощью конструкции *to be + gerund*.

Анализ материала показал, что герундийная временная форма *estar + gerundio* в испанском языке является частотной и охватывает различные временные планы. Данная тема является актуальной, поскольку необходимо выработать эффективную методику преподавания герундийных временных форм и создать пособия для их изучения. Это делает данное направление перспективным для исследования уровня грамматикализации и распространения данных форм.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алисова, Т. Б. Введение в романскую филологию. Учебное пособие. / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – М: Высшая школа, 2007. – 3-е изд. испр. и доп. – 421 с.
2. Жданова, А. В. Особенности функционирования глагольной категории вида в произведении г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» (на материале перевода Н. Бутыриной и В. Столбова) / А. В. Жданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №9-2 (87) – С. 330–331.
3. Петрова, Е. В. Введение в романскую филологию. Учебное пособие. / Е. В. Петрова, М. Ф. Дашкова. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020. – 76 с.
4. Rascón Caballero, A. El uso de la perífrasis *estar + gerundio* en tiempos perfectivos para significar predicados de actividad atéticos / A. Rascón Caballero // marcoELE. – 2016. – № 23. – P. 2– 4.
5. RTVE. – URL: <https://www.rtve.es/play/videos/la-caza/caza-monteperdido-capitulo-1-deshielo/5092259/> (Дата обращений: 05.04.2023)
6. YouTube. – URL: <https://youtu.be/ke0gKe9N7pE> (Дата обращения: 02.04.2023)
7. YouTube. – URL: <https://youtu.be/XUahRjgmbXs> (Дата обращения: 02.04.2023)

УДК 811.111

Лингвостилистические средства создания чувственных образов в романе Дж. Харрис «Chocolat»

Малявина В. С., Оренбургский государственный университет, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Ласица Л. А., Россия

Художественный образ – это до конца не раскрытая тайна искусства, которое в связи с этим во многом остается в рамках волшебства. Искусство как прекрасное, созданное человеком, восходит именно к художественному образу.

«Обращаясь к средствам, с помощью которых литература и другие виды искусства, обладающие изобразительностью, осуществляют свою миссию, философы и ученые издавна пользуются термином «образ» (др. – гр. эйдос – облик, вид)» [Хализев, 1999, с. 583].

Писатель и драматург Е. Б. Борисова дает следующее определение образу – «это, прежде всего, категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности» [Борисова, 2009, с. 20]. А. А. Потебня в работе «Мысль и язык» определяет понятие образа как «воспроизведенное представление – в качестве некой чувственно воспринимаемой данности» [Потебня, 1999, с. 111]. Образ может как подтолкнуть к правильному пониманию объекта, так и наоборот запутать, предоставить место размышлениям.

Говоря о классификации художественного образа, можно выделить конкретную структуру. Отечественный филолог Михаил Наумович Эпштейн разделяет художественный образ по предметности, по смысловой обобщенности, а также по структурности (соотношение предметного и смыслового планов) [Эпштейн, 1987, с. 252]. Также стоит отдельно выделить особые образы, основанные на механизмах чувственного познания: зрения, слуха, обоняния, осязания и слуха.

Звуковые образы известны как соносфера. Это прежде всего образы природы, звуки, порождённые человеческой жизнью, музыкальные образы. В сатире такие образы могут использоваться дабы принизить какие-то качества человека, но также могут вызвать и сострадание. Могут обретать символический смысл.

Существует звуковая проблематика. Звуковые образы могут иметь комический эффект. Пауза – звуковой образ, позволяющий раскрыть глубину подтекста. Такие литературные приемы как звукоподражание и аллитерация могут создавать звуки в письменной форме.

Зрительные образы – образы цвета, контура, создающие иллюзию пространственного объема. Визуальные образы задействуют чувство зрения. Это то, что вы можете видеть, также мы говорим о визуальных описаниях. Физические атрибуты, включая цвет, размер, форму, легкость и темноту, тени и затенение, – все это часть визуальных образов. Стоит упомянуть о синестезии – соотношении определенных цветов с ассоциациями, вызываемыми теми или иными ощущениями.

Вкусовые образы – образы еды. Вкусовые образы имеют особое значение в кулинарных романах, где сюжет может быть завязан вокруг еды. Чем подробнее автор обрисует вкус того или иного блюда, тем ярче и глубже читатель сможет прочувствовать образ. Такие образы включают в себя четыре основных вкуса: сладкий, соленый, горький, кислый, а также текстуры и ощущения, связанные с актом еды.

Образы-запахи могут быть природными и искусственными. Обонятельное восприятие – это один из видов восприятия человека. У человека при восприятии обычно формируются сложные полимодальные образы цвето-звучно-осязательно-обонятельной природы. Запах – один из самых непосредственных триггеров памяти и эмоций, но о нем бывает трудно писать. Вкус и запах так тесно связаны, что иногда можно встретить одни и те же слова, используемые для описания обоих явлений.

Сравнение часто используется в обонятельных образах, потому что оно позволяет писателям сравнивать определенный запах с обычными запахами, такими как грязь, трава, или розы. Как отмечают некоторые ученые, человеку бывает достаточно почувствовать какой-либо запах, чтобы вспомнить событие из прошлого, людей из того момента, свои чувства и эмоции. Часто образы-запахи сопровождают героев на протяжении всего повествования, помогая читателю прочувствовать их переживания.

Тактильные образы задействуют чувство осязания. Это то, что можно почувствовать, данные образы включают в себя текстуры и множество ощущений, которые испытывает человек, прикасаясь к чему-либо. Различия в температуре также являются частью тактильных образов.

М. И. Котович говорит о том, что проблема создания художественного образа является основной в литературе. Особое место отводится лингвостилистическим средствам, ведь благодаря им образ становится ярким, выразительным и отпечатывается в памяти читателя. И. Р. Гальперин под выразительными средствами языка понимает такие «морфологические, синтаксические и словообразовательные формы языка, которые служат для эмоционального или логического усиления речи» [Гальперин, 1965, с. 43].

«Лексическая структура образа состоит из эксплицитных и имплицитных лексическими средств» [Котович, 2015, с. 65].

Имплицитные изобразительные средства создания образа играют важную роль в художественной прозе, и часто их эстетическая ценность становится содержательнее и объемнее, чем у эксплицитных. Среди таких скрытых средств выделяются стилистические средства (метафоры, эпитеты) и используются дополнительные средства для интерпретации образа (аллюзии, топонимы, прецедентные тексты и имена). К эксплицитным средствам создания образа чаще всего относят описание героя: его профессия, национальность, характера.

Среди основных стилистических средств, привлекаемых автором для создания выразительного чувственного образа, используются лексические средства, к которым относятся в первую очередь различные тропы. Наиболее частотными из них выступают: эпитет, сравнение, метафора, гипербола, литота, оксюморон, олицетворение, градация.

Один из самых известных романов Джоанн Харрис «Chocolat» изобилует большим количеством чувственных образов. Несмотря на то, что произведение по тематике относится к сфере кулинарии, еды, вкуса, автор большое внимание уделяет и звуковым образам в тексте.

Музыка, звуки, ритмы окружают главную героиню Вианн Роше на протяжении всего романа. Это голоса ее новых знакомых, звон колокола у церкви, пение птиц, смех пробегающих рядом детей.

Самым востребованным средством художественной выразительности звукового образа является сравнение. Звучание внешнего мира и объектов в нем необычным образом выражено посредством сравнения. Героиня описывает музыку, которая встречается ей изо дня в день: «I heard the organ play a few **listless, fugitive notes, like pebbles dropping into a well**» [Harris, 2011, с. 270]. В данном примере присутствуют эпитеты, характеризующие ноты и сравнение их с камешками, падающими в колодец, говорящими о легкости этой «песни».

Через сравнение в звуковом образе, автор показывает отношение Вианн к другим горожанам. Например, голос Каролины – дочери Арманды Вуазен, Вианн описывает как пронзительный крик птички

чибиса, высокий, тонкий и весьма неприятный: «and the **peewit-shrill** of Caroline's voice soaring above the sudden clamour» [Harris, 2011, с. 259].

Вианн очень тактична и вежлива даже с теми, кто ей совсем не нравится. И хоть в диалоге она любезна с таким весьма отрицательным героем как Поль-Мари Мускат, то, как она характеризует его голос, раскрывает ее истинное отношение к нему. В данном случае сравнение месье Муската со злобной свиньей говорит само за себя: «His squeal sounds like that of **an angry pig**» [Harris, 2011, с. 222].

В монологе священника Франсиса Рейно, автор также использует сравнение, когда герой говорит про смех людей на улице. Они напоминают ему стаю птиц: «Their laughter ... like a **volley of birds**» [Harris, 2011, с. 234].

Сочетание необычных сложных эпитетов раскрывает звуковой тон мира, который окружает Вианн. Когда в город прибывают цыгане, с их кораблей слышится музыка. По тому, какие эпитеты применяет автор, мы понимаем отношение героини к этой музыке. Эти звуки странные, немного жуткие, но все же человеческие: «Distant sound of music from across the water as a saxophone began its **eerily human melodious wail**» [Harris, 2011, с. 129].

Встречается и пример двусоставного эпитета, который характеризует внешний мир, а именно звон дверного колокольчика: «A **brightly mocking** carillon heralded my entrance» [Harris, 2011, с. 165]. В тексте произведения можно встретить простые, но необычные эпитеты. К примеру, голос одной из старушек, поющих в церкви, Вианн называет мяукающим: «And sang in a high **mewing** voice» [Harris, 2011, с. 269].

Писательница применяет не только самые распространенные лингвостилистические средства (эпитеты, сравнения), но и более редкие. В тексте их небольшое количество, однако они тоже играют немаловажную роль. Например, в одну ночь Вианн слышит звуки флюгера. Автор при этом использует олицетворение и словосочетание «тревожная нерешительность», тем самым имитируя душевное состояние Вианн. Ей было также беспокойно, как и флюгеру, который скрежетал, раскачиваясь: «St Jerome 's weathervane **turned and swung in anxious indecision** all night, scraping shrilly against its rusted moorings as if to warn against intruders» [Harris, 2011, с. 92].

В одну из беспокойных ночей, Вианн ведет разговор сама собой. В этих размышлениях присутствует пример оксюморона, который выражает противоречивые чувства героини. Этот яростный шепот – воспоминание о событиях прошлого: «A **fierce, remembered whisper** in the hot dark of some anonymous hotel room» [Harris, 2011, с. 250].

Когда речь идет о звуковом образе, нельзя не упомянуть звукоподражание, которое встречается несколько раз в произведении. Мелодия, издаваемая колокольчиками, ярко и четко слышится и представляется благодаря имитации этого звона: «A single low resonant drone falling into a bright carillon dommm **fla-di-dadi dommm** – on the downbeat» [Harris, 2011, с. 16].

Особенность зрительного образа состоит в том, что чем насыщеннее, выразительнее, как можно более детально автор опишет какой-либо объект, тем лучше читатель представит эту картину, тем продуктивнее сработает его воображение.

Лингвостилистические средства создания зрительных образов в романе Джоанн Харрис изобилуют в огромном количестве. Самым востребованным и часто встречающимся средством является сравнение. В одних случаях довольно простые и понятные примеры конкретных вещей, в других сравнение получается весьма неожиданное и даже абстрактное. Интересен тот факт, что у автора часто фигурирует образ яблока и сравнение с ним некоторых людей. Например, когда Вианн только пребывает в городок Ланскне-су-Танн, она описывает местных жителей и сравнивает их несчастные лица с прошлогодними яблоками: «Faces are lined like **last summer's apples**» [Harris, 2011, с. 13]. Сразу создается образ невзрачных, понурых людей, одним словом, серой массы.

Главная героиня знакомится, а в последствии заводит дружбу с Армандой Вуазен – старушкой восьмидесяти лет, которая иногда заглядывает в шоколадную мастерскую Вианн. Особенность их отношений в том, что Вианн всегда сравнивает внешность Арманды с яблоком. Будь старушка в болезни или здравии, ее внешний облик имеет статичный образ яблока в разных состояниях. Ни у одного другого персонажа в произведении нет такой четкой ассоциации с каким-либо реальным объектом как у мадам Вуазен.

К примеру, когда героине нездоровилось, ее лицо было похоже на испорченное яблоко: «her face half-collapsed into itself **like a rotten apple**» [Harris, 2011, с. 278]. Перед читателем предстает образ женщины со сморщенным, усталым лицом. Каждый раз когда Вианн встречала Арманду, она отмечала ее «лицо словно яблоко»: «Her round **apple-face** sinking slowly in upon itself» [Harris, 2011, с. 219], либо же щеки цвета розово-красного яблока: «Her cheeks were **rosy-apple red**» [Harris, 2011, с. 199]. Со временем Вианн начала сравнивать ее не только с яблоком, но и с куколкой. Улыбка очень часто красовалась на кукольно-яблочном личике: «with a smile which worked her **apple-doll face**» [Harris, 2011, с. 43]. А в одном

из дней она как никогда была «кукольно-яблочной»: «She looked more like an **apple-doll** than ever» [Harris, 2011, с. 115].

Как и в звуковых образах, в зрительных фигурирует сравнение с птицами. Еще одно достаточно незамысловатое, но четкое представление предмета. Вновь возвращаясь к образу Арманды, автор сравнивает ее фигуру с птицами: «ground and **birdy** like Armande» [Harris, 2011, 249], «small and round as a **partridge**» [Harris, 2011, с. 91]. Теперь у читателя есть полный силуэт этого персонажа и четкое представление того, как она выглядит.

Не менее интересным и отторгающим является зрительный образ Поль-Мари Муската, о котором было сказано ранее. Говоря о его внешних данных, автор приводит своеобразные сравнения. Например, его зубы описываются не просто как желтые, а именно цвета древней слоновой кости: «He tried for sincerity, showing teeth like **ancient ivory**» [Harris, 2011, с. 35]. Его улыбка всегда напряженная, стиснутая, стянутая, собственно, как Вианн и сравнивает ее со сжатым кулаком: «He gave her a smile like a **clenched fist**» [Harris, 2011, с. 233]. В момент, когда он устроил пожар на одном из цыганских кораблей, его кожа была жесткой, красной словно дерево: «and in the lurid afterglow of the fire his skin looked hard and red as **polished cedar**» [Harris, 2011, с. 218].

В меньшей степени по количеству употреблений встречаются эпитеты, которые наделяют объекты неординарными свойствами. Например, уже упомянутую Каролину Клермон, автор определяет, как поразительную, сияющую женщину: «she was a radiant, striking woman» [Harris, 2011, с. 210]. И снова речь пойдет о ее улыбке, холодной, как и натура этой персоны: «She flashed me another of her cold smiles» [Harris, 2011, с. 112].

Отображая погоду, автор использует эпитет, который скрыто говорит о том, что недавно шел дождь: «The **sky is raw** now...» [Harris, 2011, с. 233]. Облака в такую непогоду приобретают пронзительно голубой цвет: «a **screeching blue** between fast-moving clouds...» [Harris, 2011, с. 233].

В тексте произведения в небольшом количестве встречаются выразительные метафоры, по большей части описывающие либо природу, либо особые детали во внешности персонажей. Например, скрытым сравнением со старым оловом, автор представляет пасмурное небо после дождя: «...a freezing, gritty rain which slicks the paving and colours the sky the shade of **old pewter**» [Harris, 2011, с. 50].

Красочной метафорой Вианн определяет глаза своего нового знакомого – цыгана Ру: «His eyes are the hazy no-colour of a **city skyline in the rain**» [Harris, 2011, с. 145]. Читатель воображает, насколько серые были его глаза в тот момент, что стали похожи на городской пейзаж под дождем.

Создавая произведение о кулинарии, о приготовлении шоколадных изделий, со стороны Джоанн Харрис было бы преступлением обойти красочное описание обонятельных образов. Запахи заставляют нас не только представлять тот или иной объект, но и окунают в различные воспоминания эпизодов нашей жизни.

В романе «Шоколад» обонятельные образы встречаются достаточно часто. Самыми востребованными средствами выразительности выступают метафоры. Стоит отметить, что метафоры создают некий синтез обонятельных и зрительных образов. Читатель порой чувствует аромат не какого-то конкретного предмета, а «запах» довольно абстрактных вещей.

Например, автор большое внимание уделяет тому, как Вианн чувствует запах своей дочери Анука. Укладывая ее спать, она говорит, что девочка пахнет шоколадом, ванилью и мирным безмятежным сном: «She smells of **chocolate and vanilla and peaceful untroubled sleep**» [Harris, 2011, с. 176]. Такой отвлеченный образ говорит нам о спокойствии, тишине исходящими от Анука. В один воскресный день, когда дочь Вианн помогала ей с готовкой, от нее исходил запах дыма, жаренных блинчиков и тепла постели в зимнее утро: «She smells of **smoke and frying pancakes and warm bedclothes** on a winter's morning» [Harris, 2011, с. 15]. Для читателя такое представление создает нежный, теплый образ маленькой девочки, он также показывает и отношение Вианн к ней – она бесконечно любит свою дочь и ассоциирует ее с чем-то приятным и мягким. Приятный запах присутствует у частой гостьи и подруги Вианн – Арманды Вуазен: «I can smell her perfume, a **caress of lavender**, the warm spicy scent of her skin» [Harris, 2011, с. 160]. Метафора «нежность лаванды» говорит о сладком, цветочном запахе ее кожи, и снова это что-то очень приятное и теплое. Иногда описание обонятельного образа заставляет представлять сразу букет различных запахов. Например, одним вечером на улице пахло летними бурями и кукурузными полями под дождем: «A scent of **midsummer storms and cornfields in the rain**» [Harris, 2011, с. 95]. Данная метафора дает огромную возможность для воображения этого аромата, и для каждого читателя – это свой собственный запах.

Также можно привести пример именно абстрактного обонятельного образа. Это запах не определенного физического предмета, а довольно философского понятия. Вианн перебирала старые вещи и нашла шкатулку, которая пахла потраченной надеждой: «It smells too strongly of **wasted hope**» [Harris,

2011, с. 194]. Такое скрытое сравнение дает читателю понять, что эта шкатулка связана с какими-то воспоминаниями из прошлого, в котором была та самая впустую потраченная надежда.

Однажды Вианн знакомится с еще одним жителем города – месье Гийомом. У него была любимая собака, которая впоследствии скончалась от долгой болезни. После того как он похоронил ее, месье Гийом зашел в магазин Вианн. И мы снова наблюдаем метафорический образ запаха – от мужчины исходил запах горя: «Now I could smell **the grief on him**» [Harris, 2011, с. 189]. Какой именно это запах? Каждый читатель представляет что-то свое, что-то личное и особенное.

Менее востребованы сравнения в произведении. Запах одного из вечеров, Вианн описывает как теплый и опьяняющий, похожий на поленницу дров под осенним солнцем: «The smell is warm and intoxicating, like that of a **woodpile in the late autumn sun**» [Harris, 2011, с. 209].

Посетив небольшую вечеринку, устроенную прибывшими цыганами, Вианн характеризует воздух, что был пропитан сладким и спелым ароматом сгнивших фруктов: «...the air was ripe with them, ripe and sweet like **the juice of a foul fruit**» [Harris, 2011, с. 100].

Эпитеты присутствуют в тексте романа в том же количестве, что и сравнения. Аромат исходящий от Ру был долгим, призрачным и напоминал сирень: «...a **lingering ghost scent of lilac**» [Harris, 2011, с. 159]. Приготавливая шоколадные изделия, Вианн вспоминает о какао – бобах, о том какой жаркий и хвойный аромат источают леса, в которых они произрастают: «the **hot and resinous perfume of the rainforest**» [Harris, 2011, с. 71].

Среди других лингвостилистических средств реже встречается олицетворение. Впервые зайдя в свой дом в новом городе, Вианн почувствовала кислый, больше тошнотворный запах в комнате, словно дневной свет томился там многие годы, пока в конце не скис и протух: «The smell is like daylight **trapped** for years until **it has gone** sour and rancid» [Harris, 2011, с. 17].

Единожды встречается пример оксюморона. Рядом с городом находится река Танн, вместе с дочерью Вианн решает сходить туда, и запах, который там присутствовал, был приятным несмотря на то, что речь шла о нечистотах и гнили: «even in February there was a **mellow stink** of sewage and rot» [Harris, 2011, с. 42].

Изучив текст романа Джоанн Харрис «Chocolat», мы выявили, что произведение изобилует чувственными образами, встроенными в систему образов главных героев. Так, мы выявили зрительные, обонятельные и звуковые образы, выраженные разнообразными лингвостилистическими средствами, наиболее востребованными из которых являются сравнения, эпитеты, олицетворение, оксюморон и звукоподражание. Отметим, что в данном произведении не обнаружены тактильные и вкусовые образы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике / Е. Б. Борисова // ВЧГУ. – 2009. – № 35. – С. 20–25.
2. Потебня, А. А. Языкознание и психология / А. А. Потебня // Потебня А. А. Мысль и язык. – М., 1999. – С. 45–58.
3. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 240 с.
4. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках. – 1958. – 460 с.
5. Котович, М. И. Языковые средства создания персонажа в художественном произведении // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов IX Междунар. науч. практ. конф. – 2015. – С. 64–68
6. Эпштейн, М.Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
7. Harris, J. Chocolat / J. Harris. – Black Swan, 2011. – 384 с.

УДК 821.134.2

Тема авангардизма в произведении «Вавилонская библиотека» Хорхе Борхеса

Марадудин Д. В., Воронежский государственный университет, студент бакалавриата, Россия.

Научный руководитель: д.полит.н., профессор Слинью А. А., Россия

«Вавилонская библиотека» – это великое произведение Хорхе Борхеса, которое сочетает в себе элементы как философского, так и литературного эссе, в котором автор повествует о бесконечности знания и о возможном способе его организации. Он погружает читателя в вымышленную библиотеку, которая состоит из множества различных книг, хранящих в себе бесконечное множество знаний и информации, накопленных всем человечеством. Автор акцентирует внимание на том, что этот бесконечный поток информации может быть управляемым и доступным для человека и как его можно

исследовать и управлять им. В библиотеке хранятся абсолютно все книги, которые были написаны, и все, что будет написано, несмотря на то что многие из них противоречат друг другу или не несут в себе никакого смысла [Леонов, 2020].

История исследует темы бесконечности, знания и пределов человеческого понимания. Это позволяет ставить вопросы о природе реальности, цели познания и роли языка в формировании нашего понимания мира. Библиотека олицетворяет саму Вселенную, служит ей метафорой.

«Вавилонская библиотека Борхеса» достаточно широко читалась, а также обсуждалась с момента ее публикации в 1941 году. Она вдохновляла различных писателей на создание многочисленных произведений литературы, искусства и философии, что позволяет иметь ей особое значение в мировой и современной литературе. К примеру, влияние «библиотеки» можно заметить в произведениях таких писателей, как Умберто Эко и других, которые не меньше, чем Хорхе Борхес были заинтересованы в исследовании пределов познания и природы реальности [Кияшко, 2013].

Сама тема авангардизма отражается во многих произведениях Борхеса посредством его экспериментов с формой и структурой текста. Он метко сочетает традиционные жанры с новыми, создает новые формы и стили, исследует грани между реальностью и вымыслом. Борхесу умело удается создавать вымышленные миры, а вместе с ним народы и языки, вызывающие у читателя ощущение непривычности и странности. Он любил играть с нелинейной структурой рассказов и задействовать метафоры и символы для передачи своих философских и литературных идей. В общем и целом, в его произведениях содержатся общие тенденции авангарда в литературе и искусстве XX века.

Основной темой рассказа является описание Вавилонской библиотеки. Это вымышленное место, вокруг которого развиваются все события, а также именно здесь находится герой рассказа. Складывается впечатление, что он непосредственно остаётся в стороне. Таким образом, герой являет собой вспомогательную и повествовательную роль. Перед читателем появляется картина мира, пространства, а также времени: все это проходит сквозь самого героя, он является его олицетворением, ему остается лишь наблюдать за этим [Лебедева, 2018].

Всё повествование писателя направлено на проблему магического реализма. Ведущими элементами жанра являются: элементы фантастики, на первый взгляд которые могут быть неантагонистичными, но процесс их трактовки и анализа представляется довольно сложным, ведь автор не уделяет должного внимания их толкованию; «библиотекари» вполне спокойно относятся к искажению реальности и логике устройства библиотеки; велика роль символов и образов, которые изобилуют в рассказе; время и пространство изображается довольно искаженным. Далее Борхес ярко указывает нам на коллапс времени. Настоящее время здесь представляется прошлым, а прошлое нельзя отличить от настоящего; наряду с широким использованием волшебных элементов, играет важную роль фольклор; события, происходящие в библиотеке, представляются нам не только с одной единственной позиции, а также с добавлением полярных точек зрения. Внимание автора постоянно уделено то первому, то третьему лицу, наблюдается незаметная грань между мнениями различных персонажей с одной стороны и монологом внутри самого героя по поводу общих взаимоотношений и воспоминаний; прошлое противопоставлено настоящему, физические явления смешаны с магическими, невозможно отделить одного персонажа от другого. Финал рассказа оставляет бесконечное поле догадок и исследований по поводу количества повседневного в рассказе или вымышленного [Якунин, 2018].

Важным моментом здесь также является наличие комнат-галерей, им автор отвел по шесть граней. Сами комнаты состоят из двадцати полок, на которых стоит по тридцать две книги. Сами книги содержат в себе по четыреста страниц, страница состоит из сорока строк, в каждой из них имеется восемьдесят букв. Интересным наблюдением является то, что каждый из них написан при помощи двадцати пяти знаков.

Всё пространство отведено для путешественников или жителей-библиотекарей, абсолютно каждый из них имеет свое личное мнение касательно особенностей уклада библиотеки. Герой рассказа, принимая во внимание его специфическое положение, делится впечатлениями о своих путешествиях по бесконечной Вселенной, библиотекарях, находящихся в ней, её быте.

Главный герой – типичный “несовершенный библиотекарь”, бродивший по нескончаемым лестницам, между «оснащенных полок и уборными». Он, пытаясь постичь загадку мироздания, находится в постоянном поиске. Из лабиринта библиотеки нет выхода, лишь только бесконечный путь к его центру, так за каждым заданным вопросом следует не ответ, а очередной вопрос [Карданова, 2008].

Происхождение и дальнейшее развитие конфликта начинается с самоанализа героя, его осознания своего местонахождения, где двигатель всего произведения конфликт, который заключается в антагонистичном понимании значимости библиотеки, её пользы для всего человечества. Хорхе Луис Борхес различными способами показывает и описывает историю и генезис человеческих попыток, толкует и объясняет знания о бесконечности Вселенной. В результате – конфликт остается нерешенным,

действие не имеет своего финала, складывается ощущение, что Борхес обрывает своего героя и подчеркивает тот факт, что по-прежнему остается невозможным понимание как мира, так и Вселенной, при этом люди не перестанут предпринимать попытки, какими бы логичными или наоборот абсурдными они ни были бы.

В рассказе уделено много внимания воспоминаниям рассказчика о тех или иных событиях, которые произошли с людьми Библиотеки. Они, несмотря на замедление хода повествования, также добавляют важные элементы к пониманию замысла автора. Описание различных книг, а также упоминание о них являются ретардациями.

Произведение содержит в себе большое количество символики: будь то книги, зеркала, Вавилон. При этом Вавилон несет в себе совершенно другой смысл. Здесь он определен как средоточие всех знаний мира, безотносительно империя это или нет. Красной нитью через все произведение проходит нумерология. Борхес увлекался ей, мастерски комбинировал сами числа [Платонова, 2017].

Вавилонская библиотека является тем местом, в котором заключен герой. Оно олицетворяет собой космос, с его необъятной бесконечностью. Именно так знание видит Борхес. Под нераскрытыми тайнами природа автор подразумевает неизученные до сих пор человечеством книги. Понятие культуры тесно связано и переплетается с понятием Вселенной. Библиотекари являют собой такое же обыкновенное общество, с его проблемами, различными мнениями на тот или иной вопрос, а также отношение к культуре. Кто-то из них придерживается традиционного уклада жизни, другой противопоставлен ему.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барма, О. А. Ризоморфный лабиринт как модель библиотеки в новелле Х. Л. Борхеса "Вавилонская библиотека". – 2012.
2. Борхес, Х. Л. Вавилонская библиотека //Хорхе Луис Борхес «Письмена Бога». – Москва:«Республика», 1994.
3. Бурак, М. С. Некоторые аспекты интертекстуальных связей в творчестве Х. Л. Борхеса и У. Эко на материале рассказов Х. Л. Борхеса "Роза Парацельса" и "Вавилонская библиотека" и романа У. Эко "Имя розы" //Оригинальные исследования. – 2019. – Т. 9. – №. 11. – С. 144–151.
4. Дыдров, А. А. Мир Вавилонской Библиотеки: фантазмы структуры и новизны //Система ценностей современного общества. – 2013. – №. 32. – С. 9–13.
5. Карданова, М. В. Мир как библиотека: историко-философский экскурс //Библиотековедение. – 2008. – №. 2. – С. 100–104.
6. Кияшко, А. В. и др. Борхес и миф о вечном возвращении //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №. 12-1. – С. 108–111.
7. Лебедева, А. М. «Вавилонская библиотека» Х. Л. Борхеса и автореферентный характер понятия бесконечности // XVIII Свято-троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге 25–28 мая 2018 года. – 2018. – С. 218.
8. Леонов, В. П. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения //Библиография и книговедение. – 2020. – №. 1. – С. 77–83.
9. Платонова, В. О. Картина мира в "Вавилонской библиотеке" Х. Л. Борхеса //Никоновские чтения. – 2017. – С. 142–145.
10. Якунин, К. С. Художественно-эстетические особенности новеллы Х. Л. Борхеса «Вавилонская библиотека» // Актуальные проблемы культуры современной русской речи. – 2019. – С. 247–251.

УДК 811

Функционирование языка пушту в Афганистане

Махмуд Ш. У., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Афганистан
Научный руководитель: старший преподаватель Гранкина М. А., Россия

Пушту наряду с дари является одним из двух официальных языков Афганистана. В Афганистане язык пушту встречается обычно в восточной, южной и юго-западной части страны. По данным различных источников носителями пушту являются 35–60% населения страны [Phanlibe, 2023, с. 2].

В Средние века языком афганской знати являлся дари или фарси-Кабули, однако в среде пуштунской элиты создавались многие художественные и исторические произведения, например «Кадастровая книга шейха Мали» XV века, на языке пушту.

В начале XX века начинается движение по распространению и использованию языка пушту в различных областях Афганистана, следствием которого становится основание кабульского университета в 1932 году.

В эпоху эмира Хабибуллы (1919) в связи с деятельностью Махмуда Тарзи (1933) и изданием журнала «Сирадж аль-Ахбар» внимание к языку и литературе пушту становилось все более и более серьезным. Это издание рассматривало язык пушту как национальный язык и освоение его было обязательным [Фархади, 2020, с. 5].

В 1933 году выходит постановление об употреблении дари и пушту официальными лицами, а уже спустя три года язык пушту становится государственным. Также в 1937 году согласно королевскому указу все государственные служащие были обязаны выучить пушту в течение трех лет. В это время было предложено, чтобы все вывески в магазинах, официальных и национальных учреждениях были написаны на языке пушту. Это делалось для того, чтобы продвигать язык пушту.

Согласно мнению, высказанному в Сирадж аль-Ахбар, «Ассоциация высшего образования» сделала пушту одним из учебных материалов образования. В 1960 г. была создана ассоциация под названием «Пушту Марке» (Ассоциация пушту), после чего учебники стали писать на языке пушту [Фархади, 2020, с. 7].

В государственных законах и постановлениях пушту считался языком оригинала, а дари – переводом.

Во времена Мохаммада Захершаха и канцелярии Сардара Мохаммада Хашим-хана пушту был объявлен единственным официальным языком страны. Даже учебники в основном переводились и печатались на пушту, но через некоторое время дари снова был объявлен национальным языком страны наряду с пушту.

Позднее, в 1964 году, пушту был официально признан в качестве национального языка, а афганский персидский получил название дари. Гимн страны перевели на язык пушту.

Хотя пушту является официальным языком народа Афганистана и занимает особое место в Афганистане, половина жителей Афганистана говорит на этом языке, но в городах северного Афганистана люди не знают этого языка, и наоборот, дари занимает второе место среди языков народа Афганистана и также используется в качестве языка-посредника. Этот язык используют даже в южных городах Афганистана.

Пуштуны в Пакистане.

Племена Пуштунов на границах Афганистана состоят из внутренних племен и так называемых свободных пограничных племен. Сегодня, когда мы говорим «свободная граница», мы имеем в виду людей, живущих по другую сторону так называемой ложной линии Дюранда. Общее количество пуштунов через границу Дюранда и всю территорию Пакистана в 1961 году составляло примерно 6 миллионов человек [Академия наук Афганистана, 1986, с. 3].

Но на сегодняшний день более 28–30 млн пуштунов живет в Пакистане, что составляет 16 процентов населения этой страны. Общая численность пуштунов составляет около 45 млн человек, которые говорят на языке пушту [Абаева, 2023, с. 85].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева, В. И. Историко-генеалогическая и лингвистическая структура афганского (пуштунского) населения Афганистана и Пакистана / В. И. Абаева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-genealogicheskaya-i-lingvisticheskaya-struktura-afganskogo-pushtunskogo-naseleniya-afganistana-i-pakistan/viewer> (дата обращения: 18.04.2023).

2. Коротко о пуштунских племенах // Академия наук Афганистана. – URL: <https://eliteraturebook.com/books/view/16761/مختصری+درباره+قبایل+پشتون> (дата обращения: 20.04.2023).

3. Пушту – язык Афганистана. – URL: <https://phanlibe.ru/culture/pushtu-yazyk-afganistana/> (дата обращения: 18.04.2023).

4. Фархади, А. Р. Литература на пушту / А. Р. Фархади. URL: <https://lib.eshia.ir/12293/02/195> (дата обращения: 20.04.2023).

Влияние выбора переводческих трансформаций на успешность реализации стратегии «на повышение» в синхронном переводе политических дебатов

Обозная С. А., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: ассистент Ильина И. В., Россия

Политические дебаты являются разновидностью политического дискурса [Пермяков, 2001]. Сам дискурс является коммуникативным явлением, которое состоит не только непосредственно из текста, но и из внелингвистических факторов, обрамляющих этот текст. Такими факторами могут быть событие и его тема, мнения, установки говорящего, цели высказывания [Дейк, 1989].

Политический дискурс определяется институциональностью, специфической информативностью, смысловой неопределенностью, фантомностью, дистанцированностью и авторитарностью, театральностью, динамичностью, эзотеричностью [Чудинов, 2012].

Функции политического дискурса формируются из его институциональности. Институциональное общение является статусно-ориентированным, так как минимум одна из двух сторон, участвующих в коммуникации, относится к представителям институтов, а другая к «клиентам», нуждающимся в определенной услуге. Рассмотрим, какие функции формируют политический дискурс:

- персуазивная (функция, направленная на убеждение аудитории, электората, навязывание определенных принципов, установок, мнений);
- информативная (функция, связанная непосредственно с донесением информационной повестки, уведомлением граждан о каких-либо событиях или планах);
- аргументативная (функция, помогающая политикам объяснить свои поступки и решения);
- персуазивно-функциональная (функция, направленная на создание убедительной картины лучшего устройства мира);
- делимитативная (функция, благодаря которой политики формируют в сознании граждан их отличия от иной группы);
- групповыделительная (данная функция работает в связке с предыдущей. Группа людей, будучи убежденной в своем отличии от других, верит в свое единство) [Шейгал, 2000].

Политический дискурс также называют видом общения, целью которого обычно является захват, поддержание, укрепление или передача власти [Суханов, 2017].

Политический дискурс всегда реализуется в соответствии с определенной стратегией, которая зависит от цели говорящего. Ученые, такие как О. Л. Михалева, А. А. Филинский, О. Н. Паршина, Шейгал Е. И., выделяют различные классификации стратегий политического дискурса. Проанализировав их, можно выделить наиболее часто используемые:

- стратегия «на понижение»: дискредитация и нападение, делегитимизация: унижение, опорочивание, разрушение авторитета оппонента в глазах избирателей;
- манипулятивная стратегия: уловки, помогающие обманом переманить адресата на сторону говорящего;
- оправдание, убеждение в несостоятельности обвинений;
- стратегия «на повышение»: построение имиджа политика, смягчение упреков;
- стратегия театральности: цель – создать зрелищную коммуникацию [Шейгал, 2000].

Стратегия «на повышение» широко распространена в рамках дебатов, так как каждый политик старается представить себя в лучшем свете. В политической коммуникации данная стратегия приобретает ярко выраженный агитационный, апологизированный характер, поскольку на первом месте для политика находится завоевание голосов избирателей посредством создания позитивного имиджа. Самопрезентация трактуется как демонстративное поведение, направленное на достижение конкретных целей. Среди факторов, характеризующих данный тип деятельности, выделяют мотив власти, потребность признания, одобрения, уважения, а также стремление к превосходству над окружающим [Суханов, 2017].

Когда ряд анализируемых стратегий сужен, следует рассмотреть тактики, реализуемые в их рамках. В соответствии с классификацией О. Л. Михалевой, стратегия самопрезентации осуществляется при помощи следующих тактик:

- анализ-«плюс». При применении данной тактики имплицитно выражается положительное отношение к описываемой ситуации;
- презентация. Придерживаясь этой тактики, говорящий представляет кого-либо в выгодном свете;

- неявная самопрезентация. В названии тактики уже заложено косвенное представление говорящим своих выгодных сторон;
- отвод критики. В рамках данной тактики критикуемое событие или решение при помощи определенных речевых оборотов и объяснений представляется как вынужденное и оправданное;
- самооправдание. В данном случае политик отрицает свою причастность к упомянутому событию, не признает свою вину в случившемся [Михалева, 2009].

Обратимся к политическим дебатам, так как именно во время этого вида общения политики стремятся возвысить себя в сравнении с оппонентом, обернуть критику позитивом. Дебаты являются формальной дискуссией на определенную тему, проходящей согласно определенным правилам, в некотором смысле это соревнование слов и аргументов [Чудинов, 2012].

Политические дебаты отличны от дискуссий в других сферах тем, что в них зачастую присутствует эмоциональное выражение возмущения по отношению к позиции, действиям, словам оппонентов, что даёт возможность политику успешно повышать свой рейтинг посредством представления себя в более выгодном свете за счет принижения оппонента.

Остановимся на первых дебатах Дональда Трампа и Хиллари Клинтон 2016 года и проанализируем синхронный перевод стратегии «на повышение».

Анализ-«плюс»

1. *Оригинал*: “I was so proud of law enforcement in New York, in Minnesota, in New Jersey. **They responded so quickly, so professionally** to the attacks that occurred by Rahami, and they brought him down”. *Перевод*: «Я горжусь нашими правоохранительными органами в Нью-Йорке, в Миннесоте, в Нью-Джерси. **Они очень быстро и профессионально отреагировали** на эти атаки, которые совершил Махами, и они его изловили».

При переводе данной фразы, содержащей в себе тактику анализ-«плюс» переводчик пользуется синтаксическим уподоблением, то есть применяет практически дословный перевод с использованием параллельных конструкций. Для перевода лексических единиц, раскрывающих тактику анализ-«плюс», синхронист использует лексические соответствия: “*they responded so quickly, so professionally*” – «они очень быстро и профессионально отреагировали». Так, при помощи синтаксического уподобления тактика реализуется успешно.

2. *Оригинал*: “My successor, John Kerry and President Obama **got a deal that put a lid on Iran’s nuclear program, without firing a single shot. That’s diplomacy, that’s coalition-building, that’s working with other nations**”. *Перевод*: «Джон Керри, президент Обама сделали сделку, которая прикрыла программу ядерную Ирана без единого выстрела. Вот дипломатия, вот **наращивание коалиции**, вот сотрудничество с другими странами».

В данном примере синхронист использует синтаксическое уподобление, лексическую замену и опущение. Переводчик решает опустить словосочетание “*my successor*”, что не мешает реализации тактики, в этом случае опущение выполняет роль компрессии. В данном примере так же применено синтаксическое уподобление, которое позволяет переводчику интерпретировать текст последовательно, фокусируясь на ядре высказывания и не прибегая к целостному преобразованию. Лексическая замена появляется при переводе сложного слова “*coalition-building*”, что на русском языке представлено как «наращивание коалиции». Словарное соответствие «построение» в данном случае выглядело бы неестественно для ПЯ, поэтому использование лексической замены оправдано.

Презентация

1. *Оригинал*: “New York **has done an excellent job, and I give credit. I give credit** across the board going back to mayors, to police chiefs, because it has worked». *Перевод*: «В Нью-Йорке **прекрасно он справился** с задачей, я действительно отдаю ему должное. Два мэра, два начальника полиции, потому что это работало».

В данном случае добавление и синтаксическое уподобление позволяют реализовать тактику, однако усложняют понимание на ПЯ. Хиллари Клинтон под Нью-Йорком подразумевает государственные органы, власти, поэтому переводчику следовало бы использовать логическое развитие при переводе данной части высказывания. Также добавление числительного «два» во втором предложении не является оправданным, но, вероятно, связано с экстралингвистическими условиями и сложностями синхронного перевода. Несмотря на искажения, тактика презентации в данном случае реализована, так как передано общее настроение высказывания.

2. *Оригинал*: “And the birther lie was a very hurtful one. Barack Obama is **a man of great dignity**, and I could tell how much it bothered him and annoyed him that this was being touted and used against him”. *Перевод*: «И вот эта ложь с рождением президента много вреда принесла. Барак Обама – это **человек**

очень достойный, и я видела, как он был раздражен этим, как это беспокоило его, как это использовалось против него».

В данном случае Хиллари Клинтон «презентует» Барака Обаму, освещая его положительные качества. Заменяя часть речи при переводе фразы “*a man of great dignity*” переводчик поступает профессионально, соотнося структуры ИЯ и ПЯ. Конструкция оригинала типична для английского языка, но в русском она передается эпитетом, что и делает переводчик, реализуя тактику. Остальная часть высказывания не так важна именно для передачи тактики, однако она раскрывает отношение Клинтон к Обаме. Переводчик меняет предложение так, что в русском языке агентом становится Барак Обама, что также более логично для ПЯ и стилистически оправдано для официальной обстановки политических дебатов.

Неявная самопрезентация

1. *Оригинал*: “I have written a **book** about it. It’s called Stronger Together. You can pick it up tomorrow at a bookstore or at an airport near you”. *Перевод*: «У меня есть **план**, который называется «Мы сильнее вместе», продается в магазинах».

При переводе данного примера тактики неявной самопрезентации синхронист использует объединение и опущение, также происходит лексическая замена. Опуская, в каком именно книжном магазине можно купить упомянутую книгу, переводчик не теряет важные лексические единицы для передачи тактики, поэтому опущение оказывается оправданным. Замена «книги» на «план» связана с логическим развитием, так как, основываясь на контексте и экстралингвистических знаниях, переводчик при помощи лексической замены передает суть книги – в ней заключен необходимый для Америки план действий. Объединение предложений, использованное в данном примере, также является оправданным и выполняет роль компрессии, что особенно важно во время устного перевода.

2. *Оригинал*: “So, we have a **very robust** set of plans and people have looked at both of our plans have concluded that **mine would create** 10 million jobs and **yours would lose** us three and a half million jobs”. *Перевод*: «У нас очень **хороший план**, целый набор мер, и эксперты согласны в том, что мой план – создать 10 миллионов рабочих мест, а ваш план приведет к потере».

В данном случае тактика неявной самопрезентации реализуется при помощи контраста планов Клинтон и Трампа. В языке перевода данный контраст сохранен, вследствие чего тактика реализована. Также переводчик использует модерацию при передаче слова “*people*”, используя на русском слово «эксперты». Так, логическое развитие помогает синхронисту успешно объяснить русскоговорящей публике, какие именно «люди» анализировали планы политиков.

Отвод критики

1. *Оригинал*: “Well, Donald, I know you live in your own reality, but that is not the facts. The facts are I did say **I hoped it would be a good deal, but when it was negotiated, which I was not responsible for, I concluded it wasn’t**. I wrote about that before it was even announced”. *Перевод*: «Я знаю, что у вас своя реальность, но это не факты. **И я надеялась, что это будет хорошая сделка, но я не несу ответственность за то, что это была плохая сделка**».

Хиллари Клинтон использует тактику отвода критики, не отрицая свою причастность к упомянутому Трампом событию, но объясняя, почему так случилось, и отводя свою вину в сторону. В данном случае опущение не сказывается положительно на компрессии высказывания. Последняя фраза так же участвует в реализации тактики, но при переводе она отсутствует. Важным является тот факт, что после переговоров Хиллари изменила свое мнение о сделке, а также оповестила об этом аудиторию. Так, потенциал тактики снизился из-за использования опущения.

2. *Оригинал*: “Well, **I told you I will release them as soon as the audit. Look, I’ve been under audit almost for 15 years. I know a lot of wealthy people that have never been audited**. I said, “You get audited?” I get audited almost every year. And in a way, I should be complaining. I’m not even complaining. I don’t mind it. It’s almost become a way of life”. *Перевод*: «**Я же вам сказал, я опубликую свои налоги, как только аудит закончится. Я уже 15 лет практически прохожу через аудит. Я знаю многих богатых людей, которые никогда не проходили аудит, их никогда не проверяла налоговая служба**. Меня проверяет налоговая служба почти каждый год. По идее, я должен жаловаться, но я не жалуясь. Для меня это стало практически образом жизни».

В данном случае вся фраза участвует в реализации тактики отвода критики. При переводе использовано синтаксическое уподобление и логическое развитие. Переводчик идет параллельно с говорящим, последовательно переводя фразы и не пытаясь внести в них значительные грамматические изменения. Также синхронист объясняет, чем является аудит, делая высказывание понятным для большего количества граждан.

Самооправдание

1. *Оригинал:* “I did not support the war in Iraq...That is a mainstream media nonsense put out by her, because she, frankly, I think the best person in her campaign is mainstream media <...> Would you like to hear? I was against the war... Wait a minute. I was against the war in Iraq. Just so you put it out”. *Перевод:* «Я не поддерживал войну в Ираке. Это нонсенс, чушь газетная, которую она пропагандирует, потому что я... Вы хотите ответить? Я был против войны».

В данном случае переводчик старается применять синтаксическое уподобление, которое помогает ему передать смысл высказывания. Перед вопросительным предложением наблюдается вынужденное опущение, связанное с вневлигвистическими трудностями, такими как скорость речи говорящих, психологическое давление на переводчика и другие. Данное опущение вынуждает переводчика оборвать фразу, несмотря на это, тактика не теряется. Также можно наблюдать замену вопроса “*Would you like to hear?*” на «Вы хотите ответить?». Нелогичность данного переводческого решения также связана с дополнительными трудностями, с которыми сталкивается синхронист.

2. *Оригинал:*

Hillary Clinton: “Donald supported the invasion of Iraq”.

Donald Trump: “**Wrong**”.

Hillary Clinton: “That is absolutely...”

Donald Trump: “**Wrong**”.

Hillary Clinton: “... proved over and over again”.

Donald Trump: “**Wrong**”.

Перевод:

Hillary Clinton: «Дональд поддерживал вторжение в Ирак».

Donald Trump: «Нет, это не так».

Hillary Clinton: «Это совершенно доказано уже было многократно».

Donald Trump: «Не так это».

Данный пример ярко демонстрирует применение политиком тактики самооправдания, то есть отрицаний какой-либо причастности к событию или действию. Дональд Трамп использует лишь одно слово “*wrong*”, которое переведено при помощи лексической замены, смягчающей высказывание, но сохраняющей тактику. Словарное соответствие «неверно» в данном случае сказалось бы на переводе более выгодно, так как помогло бы передать эмоциональный фон, который в ПЯ представлен более формально и спокойно.

Таким образом, выбор переводческих трансформаций особенно важен при передаче стратегий в рамках политического дискурса. Мы пришли к выводу, что наиболее часто используемыми и эффективными приемами перевода оказались синтаксическое уподобление, модуляция, лексическая замена и опущение. Модуляция положительно сказывается на переводе, так как позволяет при помощи логического развития более точно донести до аудитории стратегическую интенцию политика. Лексическая замена позволяет избегать кальки и успешно подбирать наиболее точный эквивалент на ПЯ. Эффективность синтаксического уподобления обусловлена использованием в оригинале тех структур, параллельные соответствия которых есть в русском языке. Опущение может выступать в роли как эффективного, так и не эффективного приема. В одном случае – выполняя функцию компрессии, в другом – способствуя потере лексических единиц, раскрывающих заложенную тактику.

Более того, рассматривая синхронный перевод в рамках политического дискурса, важно обращать внимание на реализацию эмоционального потенциала высказывания, который влияет на уровень тактики: агрессия или спокойствие, уважительное или пренебрежительное отношение и другие аспекты.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. / Т. А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Дебаты Клинтон и Трампа – с переводом на русский, 2016. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L0jYNEEPIrk> (дата обращения: 18.05.2023)
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров – М.: Высшая школа, 1990. – 254 с.
4. Михалева, О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
5. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О. Н. Паршина – М.: 2007. – 232 с.
6. Пермяков, О. Н. Психологическая специфика политических дебатов // Социально-психологические проблемы развития личности / О. Н. Пермяков // Материалы I Всероссийской научной

Internet-конференции (апрель-май 2001 г.-Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. - Вып. 4. – С. 48–49.

7. Суханов, Ю. Ю. Специфика политического дискурса / Ю. Ю. Суханов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. №5(71). – С. 53–59.

8. Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.19. – Тверь, 2002. – 163 с.

9. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. №2(40). – С. 53–59.

10. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.

11. Donald Trump vs. Hillary Clinton 1st Presidential Debate Transcript 2016. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-1st-presidential-debate-2016> (дата обращения: 19.05.2023)

УДК 77

Сериалы как способ познания современной испанской культуры (на основе сериалов «La casa de Papel» и «Elite»)

Озрокова И. А., Пятигорский государственный университет,
студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.пед.н., доцент Хомович Н. В., Россия

Еще в прошлом веке культовый испанский режиссер Луис Бунюэль писал: «...В руках человека свободного духом кино может быть опасным и прекрасным инструментом. Это самый лучший способ воссоздать мир сновидений, чувств и инстинктов» [Луис Бунюэль, 1960, с. 41].

Сериалы на сегодняшний день являются феноменом массовой культуры, особенно в молодежной среде. Объясняется это тем, что сериалы помогают уйти от тяжелой действительности, что приводит к проекции показываемых событий на жизнь самого зрителя, тем самым упрощая ее, заменяя свою жизнь чужой реальностью.

Испанскому сериальному кинематографу есть чем гордиться. Уже не один год испанские сериалы завоевывают признание как кинокритиков, так и публики. Рейтинги этих сериалов превышают многие мировые бестселлеры. Они известны на весь мир, в основном среди молодежи, которая стремится найти в них свой смысл, своё отражение, а самое тревожное, стремится соответствовать тому, что они видят на экранах. Очень часто идеи, увиденные в сериалах, кажутся настолько чудесными и привлекательными, что отличить их от собственных становится практически невозможно.

С одной стороны, нельзя отрицать информационной, образовательной, коммуникативной и развлекательной функций, которые несут в себе современные сериалы, но, с другой стороны, не всегда они оказывают положительное влияние. Это обусловлено тем, что современное европейское общество сильно политизировано и коммерциализировано. Кинематограф часто выполняет оплаченный обществом или отдельными организациями заказ для продвижения и продвижения выгодных им ценностей и целей. Практически в любом испанском молодежном сериале присутствует искажение фактов. Молодежные сериалы, в какой-то степени, навязывают выгодные стереотипы, которые становятся предметом, подражания, достижения и, в конечном итоге, нормой.

На наш взгляд, иногда качество проработки основных персонажей молодежных испанских сериалов оставляет желать лучшего. Они подвержены американским стереотипам, пользующимся большой популярностью в Соединенных Штатах, демонстрируя образ жизни, свойственный США и искусственно насаждаемый среди испанской молодежи.

Мы ставили своей целью проследить эту тенденцию на примере сериалов «La casa de papel» и «Elite». Согласно исследованию, проведенному Netflix «Распределение топовых сериалов по количеству просмотров Netflix в разных странах за III квартал 2021 г.» эти два молодежных сериала вошли в десятку наиболее популярных сериалов с самым большим охватом населения именно в Испании [Netflix, 2021].

С первого взгляда может показаться, что «La casa de papel» – это обычный боевик, где группа людей протестует против госслужащих. Но, с другой стороны, они интерпретируют свободу, показывают, что они тоже часть государства, и хотят что-то решать. Они не хотят такой жизни, где должны сводить концы с концами, потому что государство забирает деньги людей через непомерные налоги. Их цель, кажется, совершенно очевидна – ограбление. Но проблема далеко не в этом, а в том, чтоб показать другим обычным людям, что они смогли пойти против устоявшейся системы. Ещё одна причина его успеха – повышенный реализм и максимально экстремальные условия для грабителей. После просмотра сериала,

можно сделать вывод, что этот сериал, в какой-то степени, является зеркалом испанского общества и испанской культуры. Двойственность – как отражение самобытности испанской свободы: в Испании есть как королевский монетный двор, так и банк Мадрида. С другой стороны, идет навязывание давно известного вестерновского стереотипа, – правильно и возможно с помощью грабежа и насилия достучаться до власти и правительства.

В «Elite» на всем протяжении сериала можно увидеть, как подросток постоянно употребляет алкоголь и принимает запрещенные вещества. Вспомним, например, сюжет этого сериала, кажется, что – их вечерний ритуал является признаком хорошего вкуса, успешной жизни и гедонизма, но совершенно не алкогольного пристрастия. Параллельной линией проходит жизнь главной героини, которая воспитывается в религиозной семье, и в тоже самое время живет среди других подростков, где то, что для неё неприемлемо, для них является обыденной. Она не живёт в мире, где каждый волен делать то, что хочет. «Эффект стаи» – ты не должен выделяться, иначе тебя сожрут первым. Другой социальный стереотип, который очень четко прослеживается из серии в серию – женщины не умеют дружить.

Если задаться вопросом, является ли этот сериал способом познания современной испанской культуры, то мы думаем, что, да. Поведение подростков, как мы упоминали раньше, взято у Америки, но сейчас, со всей очевидностью можно сказать, что уже нет национальной поведенческой разницы между подростками, ее успешно стерли и, в какой-то мере, благодаря молодежным сериалам. В этом и кроется основная причина их популярности среди молодежи во всем мире. Они находят себя в них, соответствуют им, принимая за аксиому, а самое интересное, что насаждение чуждых испанской самобытности ценностей, происходит на фоне собственно испанских культурных реалий – музыки, танцев, которые стали более современными, но сохранили старую изюминку.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что сериалы, несомненно, способны окунуть вас в культуру страны. Совершенно очевидно, что «La casa de papel» и «Elite» не последние сериалы Испании, которые имели такой ошеломляющий успех в мире. Испанский язык, соответственно, испанская культура становится всё популярнее и популярнее с каждым годом, и молодежные сериалы – это отражение массовой культуры Испании и способ ее познания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Луис Бунюэль. Мысли о кино. – URL: <https://cineticle.com/luis-bunuel>. (дата обращения: 30.11.22)
2. Netflix Статистика сериалов. – URL: <https://www.cableman.ru/article/netflix>. (дата обращения: 03.12.22)

УДК 811

Неоправданные заимствования из английского языка как проблема нарушения коммуникации

Сансай К. В., Кубанский государственный университет, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: д.ф.н., доцент Зиньковская А. В., Россия

Наше общество находится в постоянном развитии, следовательно, все изменения в нем находят отражение в языке. Каждый год корпус языковых единиц пополняется, так как одни слова появляются, а другие выходят из употребления. Все языки – это динамические системы, подчиняющиеся определенным законам, среди которых важную роль играет процесс заимствований. Русский язык не является исключением. Благодаря существовавшим на протяжении многих веков экономическим, политическим и культурным связям, русский язык подвержен изменениям: в нем появлялось и появляется большое количество заимствованных слов. В XXI веке одним из источников пополнения словарного запаса русского языка являются англицизмы. Они настолько укоренились в нашей жизни, что зачастую с первого взгляда не всегда определишь, что является англицизмом, а что – обычным словом, привычным для носителей русского языка.

Эпоха глобализации привела к частым обменам между людьми с разными языками и культурным происхождением, обычно использующими английский в качестве современного языка общения. Из-за этого употребление англицизмов перестало быть характерной чертой лишь научно-технической сферы.

Сегодня использование в речи и официальных документах терминов из иностранных языков стало обычным явлением. Его особенность «заключается в процессе замещения слов исходного языка аналогами из иностранного языка за счет удобства в употреблении, а также в формировании новых слов в русском языке по причине отсутствия эквивалента в русском языке» [Касаткин, Соколова, 2021, с. 489–492].

Согласно определению С. И. Ожегова, «англицизм – это слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» [Ожегов, Шведова, 2000, с. 41].

Таким образом, термин «англицизм» наиболее часто используется для обозначения заимствованного слова, явления, при котором происходит усвоение русским языком лексической единицы английского языка.

На протяжении долгих лет многие филологи занимались изучением причин появления заимствований в русском языке – это до сих пор остается одной из главных тем науки. Так, например, отечественный лингвист Л. П. Крысин предлагает свою классификацию причин иноязычного заимствования:

- 1) потребность в наименовании новой вещи, нового понятия;
- 2) необходимость в разграничении понятий или в их специализации; заимствования, появление которых обусловлено этими факторами, особенно многочисленны в специальных терминологиях;
- 3) тенденция к установлению соответствия между нерасчлененностью объекта и одноэлементностью, однолексемностью его наименования, то есть замена словосочетаний однословными наименованиями;
- 4) наличие в языке сложившихся систем терминов, более или менее однородных по источнику их происхождения;
- 5) престижность иноязычного слова [Крысин, 1996].

В системе русского языка существуют на данный момент следующие способы образования англицизмов:

- 1) прямые заимствования – слова, встречающиеся в русском языке и имеющие приблизительно такое же значение, что и в языке оригинала;
- 2) гибриды – слова, образованные в результате присоединения к иностранному слову одной из русских морфем, из-за чего значение иностранного слова изменяется;
- 3) экзотизмы – слова, которые характеризуют специфические национальные обычаи других народов и употребляются для описания действительности других стран;
- 4) иноязычные вкрапления – слова, обычно имеющие лексические эквиваленты, но отличающиеся от них стилистически;
- 5) композиты – слова, которые состоят из двух иностранных слов;
- 6) калька – слова иноязычного происхождения, употребляемые с сохранением фонетического и графического облика;
- 7) полукалька – слова, которые при грамматическом освоении подчиняются правилам русской грамматики, то есть к ним прибавляются суффиксы или окончания.

Кроме того, в последние десятилетия процесс активного заимствования иностранных слов происходит из-за развития технологий. В частности, появление Интернета, который способствует распространению американской культуры и, как следствие, влияет на языковую ситуацию во всем мире, так как является одним из основных способов коммуникации.

Безусловно, разные возрастные группы имеют различную склонность к использованию англицизмов. Наиболее популярно употребление иностранных слов у молодежи, которая, как правило, больше интересуется западной культурой. Желая выглядеть модными, приблизиться к идеализированному американскому стилю и образу жизни, люди все чаще употребляют в своей речи англицизмы, порой сами того не осознавая.

Несмотря на то, что заимствование английской лексики – это долговременный, последовательный процесс, сейчас англицизмы переполняют лексический состав русского языка. Их употребление является не всегда обоснованным: зачастую они значительно ухудшают понимание смысла высказывания.

Неоправданное заимствование – это слово, «которое вводится в язык из иностранного языка в качестве синонима для определения того или иного понятия, которое уже существует в русском языке» [Кокоулин, Лаврикова, 2019, с. 9–12].

Неоправданное употребление англицизмов то и дело приводит к нарушению коммуникации. Участники беседы не могут понять смысл отдельного слова или фразы, из-за чего происходит непонимание всего высказывания. Кроме того, большое количество англицизмов негативно влияет на чистоту русского языка, постепенно происходит его засорение. Английские слова часто употребляются не к месту. Это объясняется тем, что тот, кто их произносит, не понимает смысл этих слов или искажает его. Соответственно, все это, во-первых, мешает правильному пониманию слов, во-вторых, заставляет задуматься над интеллектуальным и культурным уровнем говорящего, ведь употребление заимствованных слов без учета их семантики нередко приводит к нарушению лексической сочетаемости.

Достаточно вспомнить такие слова, которые сейчас широко используются: «*дедлайн*» – последний срок, «*хайвей*» – коростная автострада, «*мониторинг*» – контроль, «*кемпинг*» – база для туристов, «*шопинг*» – поход по магазинам. Кто-то употребляет их в своей речи, чтобы казаться умнее, кто-то совершенно не задумывается о целесообразности их использования.

Обратимся к заимствованию «*воркшоп*». Данная лексическая единица в переводе с английского означает «*мастерская*» или «*цех*». По сути, это мероприятие обучающего характера. В современном мире воркшопы проводят фотографы и художники, швеи и столяры. Однако в большинстве случаев нет необходимости в его употреблении, оно выступает в качестве модного слова, не несущего дополнительную семантическую нагрузку.

Например, у слова «*скилл*» также имеется русская версия – «*навык*». Существуют также синонимы: умение, мастерство, искусство, сноровка. Это заимствование уместно будет звучать в разговоре о компьютерных играх, но необходимости в его использовании нет.

Буквальный перевод слова «*дедлайн*» (от англ. *deadline*) – «*крайний срок*», «*мертвая линия*». Этот термин используют, когда речь идет о временном интервале, который отпущен для выполнения какой-то конкретной задачи – крайний срок сдачи. Мы видим, что русский эквивалент многокомпонентен. Для человека, наделенного природной ленью, гораздо проще произнести одно слово вместо трех, несмотря на то что другие участники акта коммуникации не всегда будут способны понять заложенный во фразу смысл.

Слово «*крафтовый*» происходит от английского «*craft*» – дословно «искусная работа» или «ремесло». Сейчас этим словом называют все, что создано вручную. Вариант модный, однако «*ручная работа*» звучит ничуть не хуже. *Поздравительная открытка в крафтовом конвертике.*

«Коворкинг» (от англ. *co-working*) – «совместная работа». В современном понимании этот термин обозначает пространство, которое каждый может арендовать и работать там. В связи с тем, что в русском языке никогда не было термина для обозначения подобного времяпрепровождения, слово «коворкинг» было полностью заимствовано из английского языка.

«*Митап*» (от англ. *meet up* – «встретаться») – неформальная встреча специалистов для обсуждения рабочих вопросов и обмена опытом. Раньше такие встречи назывались «сбором клуба по интересам», однако сейчас, особенно в деловом общении, преобладает заимствованное слово. *Теперь митапы будем проводить в коворкинге каждый второй и четвертый вторник месяца.*

«*Фулфилмент*» (от англ. *fulfillment* – «воплощение заказа»). Данный термин обозначает комплекс операций с товаром от момента заказа покупателем до момента получения покупки. В русском языке нет прямого аналога этого слова, поэтому это слово используется без перевода. Однако из-за того, что в процессе укоренения данного слова в русском языке, у него появился новый смысл, не все понимают его значение, что приводит к неудачной коммуникации. *Магазин поменял руководителей направлений фулфилмента, доставки и финансов.*

«*Чилить*» (от англ. *chill*) – еще одно слово, неоправданно заимствованное из английского языка. В русском языке уже имеются синонимы: *отдыхать, отвисать*. Однако современные молодые люди больше предпочитают использовать в разговоре с товарищами «модный» эквивалент, который помогает им выглядеть более современными в глазах сверстников. «– *Что вы делаете? – Чилим с друзьями.*»

«*Флешбэк*». Данное заимствование пришло из английского языка и переводится как «*flash*» – «вспышка, озарение» и «*back*» – «назад». Иными словами – воспоминание, повторное переживание эмоций и ощущений. В основном используется в литературе, кинематографе и психологии; оно также прочно вошло в повседневную речь. Сейчас молодежь употребляет это слово, когда хочет поделиться яркими воспоминаниями. *Подобных флешбэков действительно может быть множество, но почему все они возникают в самый неподходящий момент?*

Таким образом, большинство заимствованных слов появляется в русском языке в результате того, что, по мнению говорящего, они повышают его собственную значимость. В настоящее время наблюдается процесс варваризации русского языка, но ведь большинство неоправданных заимствований из английского языка имеют в русском языке эквиваленты и легко заменяются ими.

Англицизмы засоряют язык, делают речь непонятной, если употребляются без меры. Избыточное и несообразное использование англицизмов неприемлемо. Еще В.Г. Белинский писал, что «употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, – значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус».

Следует помнить, что язык – это, бесспорно, динамически развивающаяся система, и зачастую из-за людей, употребляющих в своей речи англицизмы и неправильно трактующих их смысл, слова изменяют или совсем утрачивают свое изначальное значение. Следовательно, «нужна планомерная и кропотливая научно-просветительская работа, конечная цель которой – воспитание хорошего языкового

вкуса» [Крысин, 1968]. Несмотря на это, процесс заимствования английских слов невозможно остановить, без них нельзя представить современный мир. Благодаря расширению международных связей, появлению новых возможностей, интерес к английскому языку будет расти, а значит, и увеличиваться количество заимствованных слов. Однако ценность таких слов заключается в правильном использовании: они должны быть понятны и тому, кто говорит, и тому, кто слушает.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Касаткин, В. В. Развитие исследований в сфере языковых заимствований из английского языка / В. В. Касаткин, В. Л. Соколова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 23 (365). – С. 489–492. – URL: <https://moluch.ru/archive/365/81925/> (дата обращения: 29.03.2023).
2. Кокоулин, Е. А. Заимствованные слова в языке современных школьников / Е. А. Кокоулин, Е. В. Лаврикова. – Текст: непосредственный // Юный ученый. – 2019. – № 2 (22). – С. 9–12. – URL: <https://moluch.ru/young/archive/22/1364/> (дата обращения: 28.02.2023).
3. Крысин Л. П. О лексике русского языка наших дней // Русский язык в школе и дома. – 2002. – № 1. – С. 3.
4. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996.
5. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М.: Просвещение, 1968. – 380 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с.

УДК 811.134.2

Лингвокультурные особенности метафоры в футбольных статьях газеты «Марса»

Сипетин В. В., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Абкадырова И. Р., Россия

Метафора занимает особое место во многих лингвистических исследованиях, так как она встречается во всех видах текстов и играет в них важную роль. Существует большое количество определений метафоры с точки зрения разных подходов. Например, метафора может рассматриваться как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т. п.» [Маркин, 2018, с. 105]. По мнению мексиканского учёного Окарины Масид, метафора представляет собой отклонение от употребления слов в прямом значении в речи, т. е. отказ от стандартного использования слов, которые в силу закрепленных конвенций использовались для обозначения элементов реальной действительности [Masid, 2015, с. 86]. Согласно третьему подходу, «метафора – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [Глазунова, 2000, с. 177–178].

Нередко метафора изучается как лингвокультурный феномен. Так, О. Н. Кондратьева выделяет три основных культурно-специфических особенности метафоры: 1) существование уникальных метафорических моделей, которые свойственны только отдельным лингвокультурам; 2) специфическая реализация универсальных метафорических моделей в пределах одной лингвокультуры; 3) своеобразие метафорических моделей в диахроническом изучении одной лингвокультуры [Кондратьева, 2007].

Журнал «Марса» является главным спортивным изданием страны. В 2010 году «Марса» стала первой испанской газетой, которая была представлена одновременно на телевидении, радио и в Интернете. Онлайн-версия таблоида появилась в 1995 году, и сейчас она является одним из самых популярных электронных изданий в стране.

В ходе исследования было выделено 185 метафор за период с сентября 2022 по апрель 2023 год. Среди проанализированных метафор 11% единиц обладают лингвокультурной спецификой, которая проявляется, прежде всего, в двух аспектах: 1. то, какие образы и типы метафор используют журналисты проанализированных статей; 2. то, какие элементы реальности подвергаются метафоризации в статьях.

Так, метафоры отражают доминирующие ценности испанского общества, прежде всего его футбольного сегмента, а также проблемы современной Испании:

España será valiente, pero sin acercarse a los tintes suicidas que alguna vez tenía con el asturiano.

В этом предложении метафора содержит в себе цветовой компонент: лексема «**tintes**» относится к нюансам (оттенкам) работы футбольного тренера.

Метафора «**tintes suicidas**» описывает сложности, которые были у предыдущего тренера сборной Луиса Энрике с игроками команды. Лексема «**suicide**» выбрана автором статьи не случайно: в Испании происходит большое количество самоубийств (согласно статистике, больше 10 человек каждый день кончают жизнь самоубийством), поэтому данная проблема беспокоит как правительство страны, так и самих испанцев [Perera, 2022]. Описывая негативную атмосферу в сборной в последнее время, автор благодаря такому мрачному образу привлекает внимание читателя и заставляет его задуматься о проблемах в национальной команде.

Поскольку испанское общество является довольно религиозным, то в статьях футбольной тематики регулярно реализуются метафоры с компонентом из тематической группы «Религия»:

Ni el primer ni el segundo gol son culpa suya, pero no tuvo el ángel del sábado pasado.

Ангел в испанской культуре обозначает божественную красоту, невинность и совершенство.

Метафора «**tuvo el angel**» является фразеологической единицей, однако автор статьи использует в ином контексте – речь идёт об удаче, которая не сопутствовала команде, проигравшей матч. В фразеологизмах «проявляются элементы национальной метафорической и аксиологической картин мира определенного этноса» [Аббадырова, 2017, с. 15]. Также отмечается сложность интерпретации данного фразеологизма. Таким образом, рассматриваемая метафора в футбольной статье немного теряет связь с устоявшимся образом в испанской лингвокультуре, наполняя его новыми значениями.

В состав ряда метафор, проанализированных в статье, входят лексемы, обозначающие испанские национальные реалии, например:

Con el VAR se pierde la salsa del fútbol, de la celebración, pero es más justo. A mí me gusta mucho la justicia, pero se pierde la esencia de la celebración del gol.

В данном предложении в состав метафоры «**salsa de fútbol**» входит реалия «salsa». Данная лексема в прямом значении служит для наименования традиционного испанского соуса, появившегося в XVII веке на свадьбе короля Франции Луиса XIII и испанской принцессы Анны Австрийской. Он значительно улучшил вкус традиционных блюд. В современном испанском языке у данной единицы развилось переносное значение («что-то, что радует и вдохновляет»). Таким образом, данная метафора показывает, что из-за использования системы видеопомощи арбитрам из футбола пропадает его привлекательность, сущность.

Возможна также альтернативная интерпретация данной метафоры, поскольку лексема «salsa» обозначает и кубинский танец, который стал популярен в Испании в конце XX века. Сальса – экспрессивный и динамичный танец. При такой интерпретации метафора намекает читателю, что система VAR нарушает динамику футбола, уничтожая эмоционально-экспрессивный элемент (например, когда футболисты, а также сотни тысяч болельщиков уже отпраздновали гол, а электронная система его отменила).

Метафорическую природу могут иметь и обозначения самих испанских реалий, например:

Courtois le guiña el ojo a la Furia Roja: «España marca la línea a seguir para llegar lejos».

Национальная сборная Испании по футболу имеет прозвище **Furia Roja**, которое состоит из двух компонентов, оба из которых имеют тесную связь с испанской лингвокультурой. Красный цвет у испанцев ассоциируется с различными понятиями: страстью (цвет любви), яростью (цвет крови), празднеством (яркий цвет). Также он символизирует «экстравертный менталитет испанцев, не представляющих себя без постоянной коммуникации» [Соколова, 2018, с. 98]. Лексема «**furia**» уходит в своих корнях в греческую мифологию, поскольку так называли богиню мести. Номинация «**Furia Roja**» имеет историческую подоплёку: оно обозначает страшную резню, которую испанские солдаты устроили в 1576 году в бельгийском городе Антверпен. Впервые испанскую сборную по футболу так называли во время Олимпийских игр 1920 года вследствие яростного стиля игры испанцев и постоянным атакам ворот противника. В настоящее время испанцы с гордостью относятся к прозвищу «Furia Roja». Тем не менее, в некоторых футбольных статьях встречается сокращённое обозначение национальной сборной: «**la Roja**», что скорее всего свидетельствует о доминанции цветового компонента в данной метафоре.

Ряд метафор связан не только с испанской лингвокультурой, но с европейским наследием в целом:

La Superliga es el lobo, que hoy se disfraza de abuelita para intentar engañar al fútbol europeo, pero su nariz y sus dientes son muy grandes.

El pasado mes de agosto, sin el menor pudor, Dani se dejó ver en las gradas del coliseo heliopolitano, sentado junto a Sergio Canales, en el partido con el que el Betis abrió su temporada liguera, frente al Elche.

В первом предложении метафора «lobo» относится к проекту «Суперлига», который вызывает большое количество разногласий в современном мире футбола: некоторые считают, что он повысит

зрелищность и экономическую сторону спорта, тогда как другие уверены, что он разрушит традиционное понимание футбола. Образ волка в испанской лингвокультуре имеет как положительные, так и отрицательные коннотации: с одной стороны, это благородное животное, символ бывшей Римской империи, атрибут бога Марса, символизирующий победу; с другой, волк олицетворяет кровожадность, лицемерие, ненасытность, эгоизм (такое прочтение встречается в разных сказках и легендах Европы, самой известной из которых является «Красная шапочка»). В данном случае автор вкладывает явно негативную коннотацию, делая акцент на «ненасытности» людей, распространяющих проект Суперлиги. Метафора является развёрнутой («se disfraza de abuelita»; «su nariz y sus dientes son muy grandes»), приобретая аллегорическое значение человеческой ненасытности и лицемерия.

Во втором случае метафора «**coliseo heliopolitano**» обозначает стадион испанского клуба «Real Betis», который по своей функции схож с Колизеем: футбольные игры напоминают бои гладиаторов. Определение «heliopolitano» отсылает к древнему божеству Юпитеру Гелиполитанскому, культ которого был развит в древнеримской провинции Бетике, расположенной на территории современной Испании.

De hecho, Ivan «El Terrible» ha igualado a Davor Suker, actual presidente de la Federación, como 'pichichi' histórico de Croacia en los Mundiales con seis dianas.

В анализируемом фрагменте метафора «Ivan “El Terrible”» используется для косвенного наименования хорватского футболиста Ивана Перишича. Автор статьи дает футболисту такую номинацию вследствие цепкости игры хорватского защитника, его способности до конца доигрывать любой эпизод и не позволять нападающим команды противника забить гол с жестоким правлением Ивана Грозного. Таким образом, можно отметить, что ассоциации, которые закреплены за образом Ивана Грозного в русской и испанской лингвокультурах отличаются, поэтому для русскоязычной лингвокультуры с данным историческим образом связаны такие характеристики, как решительность, деспотизм и неоправданная жестокость.

Таким образом, в основу ряда метафор положены события национальной истории и проблемы современной Испании. Кроме того, они могут быть многозначными, что свидетельствует о их семантической неограниченности. В отдельных случаях устойчивые языковые метафоры благодаря оригинальному авторскому использованию приобретают новое значение, что может привести к обогащению лексического состава языка;

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абкадырова, И. Р. Слова-реалии и их роль в процессе актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля (на материале современной прозы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – Ростов-на-Дону, 2017. 227 с
2. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований. – СПб: Филологический факультет // Государственный университет, 2002. – С. 177–178.
3. Кондратьева, О. Н. Метафора как лингвокультурный феномен // Лингвокультурология. 2014. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-kak-lingvokulturnyy-fenomen>.
4. Маркин, А. Р. Основные подходы к изучению метафоры. Философия и наука в культурах Запада и Востока: сборник статей по материалам II Всероссийской научной конференции с международным участием (6–7 июня 2018 г.). Томск, 2018. С. 105–107
5. Соколова, К. А. Красное и чёрное в культуре Испании // Новое искусствознание. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krasnoe-i-chyornoe-v-kulture-ispanii>.
6. Antonio García Jiménez. La furia española cumple 100 años. Biblioteca Nacional de España, 2020. URL: <https://www.bne.es/es/blog/blog-bne/la-furia-espanola-cumple-100-axos>.
7. Checha. Relatos para aburridos. Blog, 2012. URL: <https://relatosparaaburridos-checha.blogspot.com/2012/05/piropos-tener-angel.html>.
8. Ocarina Masid Blanco. La metáfora en el desarrollo de la competencia léxica en ELE: propuesta semántica y didáctica sobre el léxico desde un punto de vista cognitivo. Tesis doctoral. Madrid, 2015. – С. 86.

УДК 811.134.2

Оппозиция «БЛИЗКО – ДАЛЕКО» в испанской фразеологии

Сычева В. С., Воронежский государственный университет, студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Корнева В. В., Россия

Фразеологические единицы языка являются неиссякаемым источником информации о национальной культуре, духовной жизни, досуговой и бытовой деятельности народа; их анализ, как

следствие, даёт возможность расширить наши представления о языковой картине мира определённой этноязыковой группы. По выражению Luque и Manjón, «у фразеологизмов больше плоти и крови, чем у обычных слов», следовательно, они имеют больше связей с культурными и идеологическими явлениями [Luque, Manjón, 1998, с. 139; перевод наш – В.С.]. Фразеологические единицы (далее – ФЕ) пространственной семантики в испанском языке представляют собой богатый материал для изучения, не исследованный в должной степени и позволяющий получить новые сведения о национальной специфике пространственного мышления в испанской лингвокультуре.

Важно отметить, что в языковом сознании этноса пространство членится и категоризируется особым образом. Сказанное означает, что, как справедливо пишет Е. С. Кубрякова, человек не просто подводит объекты, явления и проч. под определённую категорию, но и образует сами категории, упорядочивает свой мир – внешний и внутренний [Кубрякова, 1996, с. 42]. Такими пространственными категориями можно считать выделенные В. В. Корневой [Корнева, 2008а] 16 универсальных параметров, которые, за исключением двух, группируются в оппозиции:

- «близко – далеко»;
- «вверху – внизу»;
- «впереди – сзади»;
- «сбоку»;
- «внутри – снаружи»;
- «везде – нигде»;
- «где-то – конкретное место/среда»;
- «центр – периферия»;
- «способ/позиция».

Пространственная сфера «удалённость» образует «ядро ПКМ испанского языка» [Корнева, 2008, с. 149]. Репрезентация её фразеологическими средствами в испанской лингвокультуре отличается большим разнообразием. Особый интерес вызывает относящаяся к числу семантических универсалий дихотомия «близко – далеко». Лексические средства испанского языка маркируют близлежащее и удалённое пространство особым образом, образуя трёхступенную систему указания на степень его удалённости: «окрестность говорящего» (близко) – «окрестность собеседника» (близко) – «окрестность неговорящего» (далеко) (см. [Корнева, 2008, с. 107]). В то же время ФЕ могут членить пространство несколько иначе. Для выяснения особенностей языковой репрезентации значения удалённости фразеологическими средствами в испанском языке, обратимся к анализу языкового материала.

Согласно данным нашей выборки из «Испанско-русского фразеологического словаря» под ред Э. И. Левинтовой [1985] и *Diccionario de la lengua española* Королевской академии испанского языка [DRAE, 2001], в испанском языке пространственную сферу «удалённость» обозначают 75 ФЕ. Из них 44 ФЕ объективируют пространственную сферу «близко» и 31 ФЕ – сферу «далеко». Количественные данные свидетельствуют о том, что параметр «близко» оказывается более значимым для испанского этноса, чем параметр «далеко». Данный вывод подтверждается также тем, что ФЕ с общей семантикой «близко» включает в себя более точное указание на степень удалённости от говорящего или иной точки отсчёта, в то время как во второй подобного не наблюдается. В частности, в испанской лингвокультуре значение «близко» членится ФЕ следующим образом: «*вплотную*»; «*очень близко*»; «*поблизости*», тогда как значение «далеко» не подразделяется на подгруппы. Иными словами, в испанской фразеологической картине мира те или иные зоны удалённости обладают большей значимостью, о чём свидетельствуют количественные данные.

1. «Близко» (44 ФЕ):
  - а) «вплотную» (7 ФЕ);
  - б) «очень близко» (23 ФЕ);
  - в) «поблизости» (14 ФЕ).
2. «Далеко» (31 ФЕ).

Рассмотрим подробнее, как вербализуется значение «близко» в испанской фразеологии. Как уже отмечалось ранее, данное значение представлено тремя подгруппами.

Подгруппа «*вплотную*» выражает максимальную пространственную близость с частичным тактильным контактом, сопостранственность. Например:

- а. *A(l) canto de* – *подле*, «*касаюсь кончика*».
- б. *A (la) flor de (tierra/agua, etc.)* – *у поверхности (воды/земли и т.д.)*, *едва касаюсь*.
- с. *Tore a tore* – «*краешек к краюшку*».
- д. *A tosa gora* – *вплотную, касаюсь одежды*.
- е. *A tosa, no tosa* – *вплотную; то касаюсь, то не касаюсь*.

Внутренняя форма ФЕ данной подгруппы указывает на контактную близость и общую сопостранственность с уточнённым значением или без него (см. [Всеволодова, 2008]), указывая на расположение в пространстве «*так близко, что прикасается*».

Подгруппа фразеологизмов «*очень близко*» насчитывает 23 ФЕ, 15 из которых включают в свой состав лексемы, номинирующие части тела, такие как *pecho* – *грудь*, *mano* – *кисть руки*, *dedo* – *палец*, *hocico* – *морда*, *cara* – *лицо*, а также части лица: *frente* – *лоб*, *nariz* – *нос*, *boca* – *рот*, *chemba* (Доминиканская Республика) – *пухлые губы, характерные для представителей негроидной расы*. Нетрудно заметить, что все они расположены в верхней половине человеческого тела и, кроме того, чрезвычайно уязвимы. Во-первых, это свидетельствует об антропоцентричности языка. Во-вторых, это означает, что высокая степень пространственной близости в испанском языке может выражаться допуском постороннего человека или субъекта к лицу или грудной клетке говорящего: такой жест характеризуется некоторой интимностью и доверительностью. В древнем архетипическом сознании оппозиция «близкий – далёкий» была тесно связана с противопоставлением «свой – чужой», что отождествляло пространственную близость индивидов и их близость духовную [Гудков, 2007, с. 243]. В структуре пяти ФЕ описываемой подгруппы наблюдается дублирование соматизмов:

- a. *Cara a cara*.
- b. *Boca con boca*.
- c. *Chemba a chemba*.
- d. *Frente a frente*.
- e. *Pecho a pecho*.

Так как человек обладает лишь одним лицом, ртом и проч., внутренняя форма данных ФЕ заключает в себе «вторжение» другого в личное пространство говорящего.

Итак, касательно человеческого тела, пространственная сфера «близко» обозначается по верхней его части. В то же время для неодушевлённых объектов территориальная близость может передаваться «по низу», например:

- a. *Al pie de (las escaleras/la colina, etc.)* – *у подножия (лестницы/холма и т.д.)*.

Значение близости выражается также ФЕ с лексемой *шаг* и неопределённым местоимением или количественным числительным:

- a. *A cuatro/dos/pocos pasos* – *в четырёх/двух/нескольких шагах*.

2 ФЕ из данной подгруппы включают в себя дейктическое локативное наречие *aquí*, узкообъективирующее «окрестность говорящего»:

- a. *aquí luego* (Чили, Мексика).
- b. *aquí no más*.

Следующая подгруппа ФЕ выражает значение «*поблизости*», нахождение в пространстве на конкретном небольшом расстоянии, которым может быть определённый ареал, зона действия чего-либо и т.п. Данная подгруппа представлена 14 разнотипными ФЕ, среди них:

- a. *A tiro* – *на расстоянии выстрела*.
- b. *A la vuelta de (la esquina)* – «*обогнув что-л.*», «*за углом*».
- c. *Al cantío de un gallo* (Куба, Пуэрто-Рико) – «*в ареале пения петуха*».

Вышеприведённые ФЕ максимально наглядно демонстрируют субъективность восприятия и, следовательно, оценки различными народами пространства как близкого или далёкого. Следует упомянуть, что оценочный характер идиомы формируется заново при каждом её воспроизведении в речи на основании индивидуального культурного, социального опыта и говорящего, и слушающего [Ковшова, 1999, 164].

В данную подгруппу фразеологизмов включены и такие ФЕ, в состав которых входит наречие *ahí*, например:

- a. *Ahí no más/masito* (Америка).

Заметим, что в них значение лексемы *ahí* детализируется, в то время как «позиция собеседника», которую она локализует, является наименее проработанной в испанском языке, уступая «позиции говорящего» и «позиции неговорящего» (см. [Корнева 2008а, с. 78–87]).

Пространственная сфера «далеко» не членится на подгруппы. ФЕ призваны подчеркнуть нахождение объекта на крайне большом расстоянии, на котором точное местоположение становится размытым и значение ФЕ осложняется так же семантикой «*неизвестно где*».

Одними из самых частотных и выразительных стержневых компонентов являются *мифонимы* и *агионимы*. Мифологический компонент объективирует нечто ирреальное и ассоциируется с другими, недостижимыми, далёкими мирами. В качестве примера выделим фразеологизмы о дьяволе, о библейском царе Давиде, об Иисусе Христе:

- a. *Donde el diablo perdió el (или su) poncho* (Америка) – «там, где дьявол потерял пончо».
- b. *Por la loma del diablo* (Аргентина, Уругвай) – «на холме дьявола», у чёрта на куличках.
- c. *Donde el rey David aventó el arpa* – очень далеко, «там, где царь Давид бросил арфу».
- d. *Donde el Cristo dio las tres voces (y no lo oyeron)* – очень далеко, у чёрта на рогах (отсылает к пустыне, по которой ходил Иисус).

Даль неизменно связана с концептом «край света»:

- a. *Al fin* (также *a la fin*) *del mundo* – на краю света.

В то же время выразить значение «далеко» помогают и реально существующие географические объекты – например, *Tetuán* – город в Марокко за Гибралтарским проливом, отделяющим Пиренейский полуостров от Африканского материка:

- a. *¡A Tetuán por monas!* – (отправляйся) в Тетуан за обезьянами!

Вербализуют понятие «далеко» и ФЕ с таким компонентом, как мера длина *legua* – лье – без указания точного расстояния, выраженного ими:

- a. *A (la) legua(s)* – за версту.
- b. *De cien/mil/muchas leguas* – за сотню/тысячу/много миль.

Кроме того, 4 ФЕ данной группы включают в себя наречия пространственной семантики *allá* и архаичное *allende*:

- a. *De puertos allende* – далеко, за горами, по ту сторону гор.
- b. *Allá en...* – где-то там, далеко.
- c. *Allá por...* – где-то там, далеко.
- d. *Más allá (de)* – подальше; по ту сторону.

Семантика дейктического локативного *allá* отличается расплывчатостью, неопределённостью, по причине чего оно используется для перевода на испанский язык устойчивого выражения из русских сказок «Поди туда – не знаю куда» [Корнева, 2008а, с. 78–87].

Таким образом, в испанской лингвокультуре фразеологические средства детализируют удалённость в пространстве, окрашивают его различными коннотативными оттенками. ФЕ испанского языка со значением «близко» более многочисленны, подразделяются на 3 подгруппы по степени удалённости и содержат иные стержневые компоненты по сравнению с фразеологизмами, которые репрезентируют сферу «далеко».

Характерной особенностью отражения пространства ФЕ, различающимися по дистантному признаку, становится, среди прочего, «семантизация расстояния» (см. [Яковлева, 1994, с. 64]), а их внутренняя форма демонстрирует своеобразии этноспецифики выбора языковых средств для объективации пространства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова, М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
2. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М.: «Гнозис», 2007. – 288 с.
3. Испанско-русский фразеологический словарь: 30 000 фразеологических единиц / Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович, И. А. Будницкая; Под ред. Э. И. Левинтовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 1080 с.
4. Ковшова, М. Л. Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом / М. Л. Ковшова // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 144.
5. Корнева, В. В. Наречия и параметры пространственной картины мира / В. В. Корнева. – Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2008а. – С. 78–87.
6. Корнева, В. В. Пространство в единицах и структурах языка / В. В. Корнева // монография. – Москва: АНО ВПИ «МГИ», 2008б. – С. 149.

7. Кубрякова, Е. С. Категоризация / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. Ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 42–45.
8. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
9. DRAE – Diccionario de la Lengua Española de la Real Academia Española . – Madrid: Espasa Calpe, S. A., 2001. Vol. 1, 2. – 2368 p.
10. Luque Durán, J. de D. Tipología léxica y tipología fraseológica: universales y particulares, metáfora y lenguaje taurino / J. de D. Luque Manjón, F. J. Manjón // Léxico y fraseología / J. de D. Luque Durán, A. Pamies Betrán. – Granada: Método Ediciones, 1998. – pp. 139–154.

УДК 378

Применение технологий виртуальной реальности в обучении языкам и межкультурной коммуникации

Танчинец П. П., Ростовский филиал Российской таможенной академии,
студент специалитета, Россия

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Солдатова Н. В., Россия

В настоящее время технологии виртуальной реальности широко используются в различных сферах жизни, и одной из областей, где они могут быть особенно полезными, является обучение языкам для улучшения межкультурной коммуникации. В этой статье мы рассмотрим основные возможности, преимущества и недостатки использования технологий виртуальной реальности в этой области.

Стоит подчеркнуть, что в современный период развития технологий мы каждый день сталкиваемся с новыми возможностями по обучению иностранному языку и преодолению языкового барьера. Однако эти технологии лишь дополняют базовые принципы и приемы, которые ранее использовались преподавателями на разных уровнях образовательной системы.

Возможность создания иммерсивной среды с применением технологии VR так же расширяет грани восприятия студентами изучения иностранного языка и восприятия образования в целом.

Новая технология углубляет представление об обучении иностранному языку. Например, деловые переговоры, воссозданные в виртуальном пространстве, могут помочь студентам получить опыт и уверенность в общении. Однако использование виртуальной реальности не может заменить полноценного общения с носителями языка, что крайне важно для достижения высокого уровня языковой компетенции.

Существует несколько общеизвестных VR-тренажеров в мире. Одним из самых доступных и понятных в использовании является VARVARA, тренажер разработанный Центром НТИ ДВФУ на платформе российской компании VR Supersonic [Климова, Мельничук, Ростовцева, 2019, с. 77]. Это диалоговый VR-тренажер, с помощью которого можно тренировать английский язык, при этом оставаясь дома или в аудитории вуза. Он рассчитан на базовое изучение языка на уровнях – A1 и A2.

Также примером использования VR-технологии является создание виртуальной среды, в которую ученики могут погружаться с целью улучшить свой разговорный навык в реалистичной обстановке. Например, они могут попробовать заказать еду в ресторане на английском языке или рассказать о своих интересах и хобби виртуальным собеседникам. В такой обстановке студенты смогут научиться говорить более естественно, так как они получают опыт общения в условиях, приближенных к реальным, а не только изучая учебники.

Другим примером является применение технологий виртуальной реальности в обучении языкам при помощи создания виртуальных экскурсий в другие страны. В подобных экскурсиях студенты смогут изучать историю, культуру, традиции и обычаи разных народов мира, а также изучать язык, используя его в адаптивной среде [Мельничук, Белогаш, 2022, с. 92–96].

VR-технология также может быть эффективна при обучении межкультурной коммуникации. В виртуальном пространстве студенты смогут практиковать свои языковые навыки с людьми из разных культур и стран, что также будет способствовать их адаптации к особенностям культуры и обычаям других народов. Это значительно повысит уровень толерантности, уважения и понимания к другим культурам и народам.

Однако, несмотря на все положительные стороны, существуют и некоторые недостатки использования виртуальной реальности в обучении языкам. Например, доступ к этой технологии может быть ограничен из-за её высокой стоимости. Кроме того, для применения такой технологии нужен базовый навык, который предстоит освоить как преподавателям, так и студентам.

На сегодняшний день существует множество платформ, которые дают возможность попробовать виртуальную реальность для погружения в межкультурную коммуникацию для дальнейшего обучения языку [Степанова, Хартунг, 2022, с. 100–101]. Рассмотрим несколько из них:

1) Engage – это виртуальная платформа, предназначенная для образовательных целей в рамках применения технологии VR. Она дает возможность проводить занятия в виртуальной среде. Engage имеет широкий спектр функций, включая интерактивные уроки, визуальные эффекты и возможность общения с другими участниками.

2) MondlyVR – это веб-приложение для обучения языкам с применением виртуальной реальности. Оно позволяет студентам общаться с виртуальными персонажами на иностранном языке, что расширяет их возможности для разговорной практики в иммерсивной среде.

Все эти примеры доказывают эффективность использования такого инструмента как виртуальная реальность для изучения языков.

Стоит учитывать, что любая технология помимо своих достоинств всегда будет обладать и негативными сторонами при использовании или внедрении.

Одним из основных преимуществ использования виртуальной реальности является создание более реалистичного пространства для обучения студентов. С помощью очков виртуальной реальности и определенной среды студенты могут погрузиться в аутентичные языковые ситуации, где они могут использовать свои навыки. Таким образом, технология расширяет возможности по созданию языковой среды, не нарушая базовых условий обучения [Klimova, 2021, с. 1385–1392].

Ещё одним преимуществом может стать индивидуальный подход к обучению студента. Благодаря технологии виртуальной реальности можно создавать визуальный и нарративный сценарий, в рамках которого студент сам будет определять уровень языка общения и пространство вокруг него [Repetto С., 2014, с. 1280]. Это значительно повысит эффективность обучения и сократит время, необходимое для достижения желаемого уровня языкового навыка.

В дополнение отметим, что применение виртуальной реальности может не подходить для всех типов обучающихся. Некоторые люди могут испытывать дискомфорт при работе с очками виртуальной реальности, так как они могут вызывать у них головокружение, тошноту или другие физические недомогания. Необходимо учитывать, что виртуальная реальность не способна полностью заменить настоящие языковые ситуации, потому что она не может полностью воспроизвести все аспекты культурных особенностей человеческого общения, которые возникают в реальном мире.

Таким образом, практика использования технологии виртуальной реальности в обучении языкам и межкультурной коммуникации имеет значительные перспективы и может стать крайне важным инструментом для обучения разных категорий граждан. Однако не стоит забывать о недостатках технологии, которые выражаются в финансовых и других факторах, способных повлиять на внедрение технологии в будущем.

Полученные данные в ходе исследования и практика показывают, что применение виртуальной реальности будет способствовать преодолению языкового барьера, а также расширению словарного запаса. Более того, часть исследований демонстрирует, что ученики, использующие данную технологию, более замотивированы, чем в аналогичной ситуации обычные студенты.

В дополнение можно сказать об основных преимуществах этой технологии в сравнении с другими. Виртуальная реальность расширяет грани восприятия и дает возможность людям с ограниченными возможностями также изучать язык. Люди с нарушениями слуха и зрения могут использовать технологию для погружения в ситуативные задачи для более детального и полного представления межкультурной коммуникации в других странах.

Несмотря на все трудности по внедрению технологии в образовательные учреждения, виртуальная реальность как инструмент обучения языку остается одним из самых перспективных. Возможности межкультурного взаимодействия могут перевернуть привычный формат восприятия образования и дать новую мотивацию для студентов для изучения языков, улучшить их понимание современного мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Климова, И. И., Мельничук, М. В., Ростовцева, П. П. Интеграция онлайн-платформы в процесс обучения иностранному языку в высшей школе в формате самостоятельной работы студента. Мир науки, культуры, образования. 2019; № 4 (77).

2. Мельничук, М. В., Белогаш, М. А. Организация самостоятельной работы студентов в обучении иностранному языку с применением дистанционных технологий с позиций когнитивного подхода. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022; Т. 12, № S1: 92–96.

3. Степанова, А. В., Хартунг, В. Ю. Иммерсивный метод в обучении иноязычным коммуникативным навыкам. Мир науки, культуры, образования. 2022; № 6 (97): 100–101.
4. Klimova, B. Use of Virtual Reality in Non-Native Language Learning and Teaching. Procedia Computer Science. 2021; T. 192: 1385–1392.
5. Repetto C. The use of virtual reality for language investigation and learning. Frontiers in psychology. 2014; T. 5: 1280.

УДК 811.134.2

Особенности колумбийского варианта разговорного испанского языка испанской молодежи

Тириаду Х. М., Пятигорский государственный университет, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: к.пед.н., доцент Хомович Н. В., Россия

Колумбийский испанский язык – это разновидность испанского языка, состоящая из набора региональных языков со специфическими особенностями произношения, интонации и, в первую очередь, словарного запаса, которые позволяют четко отличать его от других национальных вариантов испанского языка. Он имеет свои собственные характеристики, являющиеся результатом собственного развития и разнообразных межязыковых влияний.

В каждой испаноязычной стране есть свои собственные словарные единицы, которые ни один иностранец не поймет без помощи местных жителей. Колумбия не является исключением.

«Колумбийский национальный вариант испанского языка – это яркий пример супрадиалекта зоны Карибского бассейна, он имеет ряд общих характеристик, отличающих его от испанского языка других испаноговорящих стран» [Синицына, 2018, с. 386].

Кроме того, в колумбийском испанском много так называемых *colombianismos* («колумбиянизмов») – и язык Боготы не исключение: в особом словаре их насчитывается около 6 тысяч, 1500 выражений, 8000 определений и 4500 примеров. Каждый термин содержит грамматические, региональные и употребительные обозначения

О таких словах и специфических колумбийских выражениях и пойдет речь.

Это дифференциальный, региональный словарь (включает словарный запас из разных языковых зон Колумбии), актуальный и описательный, поскольку в нем используется лексика, свойственная Колумбии: неформальная, уничижительные словарные единицы, вульгаризмы, - слова имеющие свои собственные значения, известные и понятные колумбийцам.

Существует огромное количество фраз, которые понимают и используют только жители Колумбии, например:

1. *Sóbese que no hay pomada.*

Это выражение, используется, когда кого-то очень сильно бьют или чем-то бьют. Среди друзей часто возникает бурлеск, особенно если кто-то случайно падает на пол или получает удар во время занятий спортом.

2. *Arrieros somos y en el camino nos encontramos.*

Поговорка означает, что жизнь длинна и что рано или поздно нам придется пересечься несколько раз. Это также подразумевает, что лучше оставить хорошее впечатление, чтобы в будущем отношения сохранились и были как можно лучше.

3. *¡Qué paila!*

Это разговорное выражение, столь распространенное среди колумбийцев, означает не только то, что что-то было повреждено, но и то, что все пошло не так.

4. *De las aguas mansas librame, Señor.*

Таким образом мы выражаем чувство недоверия, которое вызывают некоторые тихие люди, которые все слышат и ни о чем не думают. Обычно таких людей опасаются, потому что в какой-то момент они выражают свои мысли с единственной целью, чтобы исказить мнение других и вызвать недовольство среди групп.

5. *Está miando fuera del tiesto.*

Перевод далёк от буквального значения, это способ сказать, что кто-то очень ошибается.

6. *Tome pa 'la gaseosa.*

Если во Франции или Соединенных Штатах чаевые-это очень нормальная вещь, которую люди обычно платят в заведениях общественного питания, то в Колумбии это не происходит или бывает только

в дорогих ресторанах. Официанты гораздо больше полагаются на желание посетителя, который дружелюбным и благодарным тоном может оставить несколько монет, сказав: «Выпей содовой, ми'джо».

7. *Las cuentas claras y el chocolate espeso.*

Употребляется в какой-нибудь сделке или соглашении между двумя или более сторонами, к использованию этой фразы прибегают, чтобы прояснить все пункты достигнутого соглашения. Это означает, что вы не хотите сюрпризов в последнюю минуту, с самого начала все проясняете и способствуете укреплению доверия между вовлеченными людьми.

8. *A otro perro con ese hueso.*

Если кто-то рассказывает странную историю и между людьми начинаются какие-то переговоры, они используют эту фразу. Употребляется, чтобы указать «Не рассказывайте мне странные истории в последнюю минуту, договоренность соблюдается, оправдания не принимаются».

9. *El que tiene tienda que la atienda.*

Это выражение используется, когда кто-то приходит в какой-нибудь магазин и на него не обращают внимание или даже не удается найти продавца, который может обслужить.

10. *Puya al burro.*

Эта распространенная фраза с атлантического побережья Колумбии используется для того, чтобы попросить кого-нибудь поторопиться, сделать что-то быстро, потому что человек опаздывает.

11. *Uy, ¿pero quién pidió pollo?*

У колумбийцев есть определенная одержимость едой, и они используют кулинарные фразы, даже те, которые не имеют к еде явного отношения. Этот комплимент, например, представляет собой выражение восхищения, лести или похвалы, сказанное симпатичной девушке или хорошему мужчине, который идет по улице. В зависимости от контекста и тона этот конкретный комплимент может показаться неприятным. Ссылка на курицу не имеет отрицательной коннотации и связана с добычей мяса и его восхитительного вкуса.

12. *Listo, hagamos vaca.*

Вся группа собирает деньги на общее дело, например: «hagamos vaca pal chorro», то есть соберем деньги, чтобы купить бренди, ром и т.д.

Так же есть несколько современных слов и выражений, не внесённых в испанский словарь, но часто используемые в разговорной речи колумбийцев, например:

- *abrirse* (открываться) – уехать;
- *caliente* (горячий) – опасный;
- *guayabo* (в других частях Латинской Америки – *gesaca*) – похмелье;
- *paquete* (пакет) – один миллион колумбийских песо, также используется в качестве оскорбления;
- *sardino* (сардина) – молодой человек;
- *sereno* (также *chiflón*) – легкая болезнь или недомогание, связанный с холодными бризами (Me entró el sereno – кажется, я заболел);
- *vieja* (старуха) – женщина, мама;
- *viejo* или *viejito* (старик, старичок) – чувак, друг, папа;
- *locha* – лень, но с оттенком наслаждения и неги. Nacer locha (буквально – заниматься ленью)),

часто значит «прокрастинировать», «откладывать работу», но в этом понятии нет следов угрызений совести или раскаяния;

- *veci* – обращение продавца к покупателю (и иногда наоборот) с оттенком почтительно-дружелюбной фамильярности [Белоусова, URL];

- *tinto* – кофе без молока;
- *tamerto* – молодой человек левых взглядов, левак (с уничижительной коннотацией);
- *cachupe* – запах давно не мытого тела;
- *¡QUIUBO!* – это сокращение от «Что там было?», оно используется просто, чтобы приветствовать знакомого.

• *Sumercé* – популярное обращение, это слово широко употреблялось в колониальные времена и подчёркивало иерархическую дистанцию между адресантом и адресатом сообщения. Исчезнув почти во всех испаноязычных странах, оно все же сохранилось до XX века и постепенно стало популярно в Боготе. *Sumercé* – это что-то среднее между «ты» и «вы», вежливое и дружелюбное обращение, менее дистантное, чем обычное *usted*.

Таким образом, фразы и выражения, приведённые выше, широко распространены в колумбийской разговорной речи. В заключение необходимо также отметить, что сложившиеся в колумбийском испанском языке диалектизмы не «застывают», а подвергаются изменениям, и это говорит, прежде всего, о том, что процесс формирования национального языка в Колумбии еще не завершен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Diccionario de palabras colombianas, ¡exprésate como un local! – URL: <https://bloudit.com/terminos-y-palabras-colombianas/>. (дата обращения: 30.11.22)
2. Синицына, А. М. Особенности лексики колумбийского национального варианта испанского языка в регионе «кофейной оси»//Филологические науки. Вопросы теории и практики. –Тамбов: Грамота, 2018, №11 (89), С. 386–390
3. Синицына, А.М. ассистент Российской университет дружбы народов (Москва), Россия. – URL: <https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewByFileId/1180687.pdf>. (дата обращения: 30.11.22)
4. Белоусова, А. Слова культур. – URL: <https://arzamas.academy/mag/1033-columbia>. (дата обращения: 30.11.22)

УДК 81`25

Некоторые аспекты перевода языковой игры как средства создания комического эффекта (на материале повести Дж. К. Джерома «Трое на велосипедах» (Jerome K. Jerome, Three Men on the Bummel))

Хошафян Л. О., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: старший преподаватель Елисеева Н. В., Россия

Комическое как одна из основных категорий эстетики представляет научный интерес и является предметом исследований еще со времен античных философов. Категория комического представлена в художественном тексте большим набором различных способов, создающих комический эффект, каждый из которых имеет собственные признаки и особенности. Одним из наиболее ярких приемов, способных создать комический эффект, является языковая игра. Данный феномен привлекает внимание многих ученых из области философии, лингвистики, а также новых смежных теоретических наук, таких как психолингвистика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др., что способствует формированию различных подходов к пониманию языковой игры и возникновению множества трактовок рассматриваемого явления.

Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом в лингвистике к изучению языковой игры как к средству создания комического эффекта.

Цель работы заключается в исследовании лингвистического феномена языковой игры, описании средств реализации языковой игры на различных уровнях языковой системы, а также анализе перевода этих средств на русский язык.

Практическим материалом исследования послужили языковые единицы, собранные методом сплошной выборки из повести Дж. К. Джерома «Трое на велосипедах» (Jerome K. Jerome, Three Men on the Bummel) и ее перевода на русский язык, выполненного Н. Жаринцовой.

Анализ научной литературы показал, что в современной науке отсутствует однозначное определение понятия «языковая игра». Различают широкое и узкое понимание данного явления. В нашем исследовании мы обращаемся к более узкой – лингвистической – трактовке понятия «языковая игра».

Согласно лингвистическому подходу, под «языковой игрой» следует понимать сознательное отступление писателя от литературной нормы с целью создания комического эффекта. Таким образом, при создании языковой игры как средства достижения комического эффекта важным является не столько содержание высказывания, сколько его форма. Значительный вклад в изучение понятия языковой игры внес языковед В. З. Санников. Согласно предложенной ученым дефиниции, «языковая шутка – это обычно языковая неправильность (или неточность), намеренно допущенная говорящим и именно так и понимаемая слушающим» [Санников, 1999, с. 26].

Однако, по мнению других исследователей, выход за рамки языковых норм не является обязательным условием для создания языковой игры. Так, Р. А. Воронин считает, что «огромные возможности для её создания предоставляет система стилистических средств языка, использование которых не выводит высказывание за рамки языковой нормы» [Воронин, 2015, с. 1355], признавая, что при этом «все же присутствует определенное отклонение от нейтральности, делающее речь стилистически маркированной, семантически и эмоционально более насыщенной» [Там же, с. 1356].

Рассмотрев понятие «языковая игра», мы считаем важным уделить особое внимание вопросу о лингвистических средствах создания данного явления. Эти средства, по мнению многих исследователей, функционируют на разных уровнях языка [Кучерявых, 2019, с. 25]. Таким образом, языковая игра может создаваться на фонетическом, словообразовательном, морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях. Ввиду отсутствия единой системы средств создания языковой игры мы, собрав

мнения различных исследователей и основываясь на системе, предложенной В. З. Санниковым, пришли к собственной классификации:

- На фонетическом уровне: омофоны, прием рифмовки, звуковой повтор, ономотопея, фонетические деформации;
- На словообразовательном уровне: окказионализмы;
- На морфологическом уровне: морфологическая омонимия, расчленение словоформ;
- На лексическом уровне: метафора, метонимия, сравнение, олицетворение, ирония, каламбур, трансформации фразеологизмов, лексический повтор;
- На синтаксическом уровне: парцелляция, синтаксическая омонимия, синтаксический повтор, синтаксическая компрессия.
- На семантическом уровне: ложная связь между событиями.

Перейдем к анализу приемов создания языковой игры в повести Дж. К. Джерома «Трое на велосипедах». Данное произведение является продолжением всем известной повести «Трое в лодке, не считая собаки». Трое друзей – Джей, Джордж и Гаррис – в поисках перемен вновь отправляются в путешествие, но уже на велосипедах по горному массиву Шварцвальд на юге Германии. Возможно, данная повесть и не повторила громкого успеха «Трое в лодке, не считая собаки», однако она не менее комична и также богата многочисленными примерами языковой игры.

Реализация языковой игры на фонетическом уровне.

Для реализации языковой игры на фонетическом уровне Джером часто прибегает к использованию звуковых повторов. Данный ниже пример демонстрирует создание звукового повтора в параллельных конструкциях за счет использования аффиксов *un-* и *tious-*:

... *an unpretentious-looking gentleman, who had an unostentatious office* [Jerome, 2018, с. 174].

Мистер Пертви оказался ничуть не гордым джентльменом; я нашел его в конторе довольно скромного вида в третьем этаже [Джером, 2021, с. 233].

При переводе звуковой повтор не используется, вследствие чего теряется и языковая игра на фонетическом уровне. При этом можно говорить о некоторой степени сохранения игры на лексическом уровне – в частичной оппозиции прилагательных «(не) гордый» – «скромный».

Следующий пример демонстрирует создание языковой игры на фонетическом уровне за счет повторения звуков [ks] в характеристике шкипера яхты, а также прием рифмовки слов «wife» и «life»:

... *an excellent skipper, so Mr. Pertwee assured me, a man who knew the sea as a man knows his own wife, and who had never lost a life* [Jerome, 2018, с. 175].

... *у мистера Пертви еще не был отпущен прежний шкипер яхты, мистер Гойльс, – шкипер, который еще никого не утопил и знает море как свои пять пальцев* [Джером, 2021, с. 234].

Как видим, ни один из способов создания языковой игры не сохраняется в переводе, что приводит к ее полной потере, и только устойчивое выражение «знать что-то как свои пять пальцев» может быть в отдаленной степени признано соответствием сравнению (букв.) «знать море (так же хорошо) как и свою жену».

Реализация языковой игры на лексическом уровне.

Языковая игра на лексическом уровне – самый распространенный вид языковой игры у Джерома.

Приводимый ниже отрывок содержит языковую игру, созданную благодаря обыгрыванию значений многозначного слова «maid-of-honour». Данное существительное имеет два значения: кондитерское изделие – ‘тарт’ («a small tart with an almond-flavoured filling» [Collins English Dictionary, URL]) и обозначение одной из главных участниц церемонии бракосочетания – ‘подружка невесты’ («a young woman or girl who is the main bridesmaid at a wedding» [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, URL]).

... *and if he looks wistfully at a pastrycook’s window, she takes him inside and buys him cream buns and “maids-of-honour” until he insists that he has had enough ...* [Jerome, 2018, с. 171].

Если мальчик с самого утра выходит гулять с тетей, которая при первом же его многозначительном взгляде на витрину кондитерской заходит с ним туда и пичкает его булочками с кремом до тех пор, пока он не начнет утверждать, что в него больше не лезет ... [Джером, 2021, с. 229].

Переводчик опускает в своем тексте название кондитерского изделия, за счет чего теряется языковая игра. На наш взгляд, в данной ситуации была бы уместна замена названия этого пирожного на более знакомое и понятное для русскоязычного читателя слово. Игровой прием при этом бы сохранился, адаптируясь под читателя. Например, можно было бы использовать следующие варианты перевода «... пичкает его булочками с кремом и **наполеонами**» или «**шарлотками** да ромовыми **бабами**», чтобы сохранить языковую игру на лексическом уровне. Кроме того, возможен вариант передачи языковой игры на фонетическом уровне при помощи аллитерации – «**штруделями** да **шарлотками**».

Приводимый далее пример также показывает обыгрывание значений многозначного прилагательного «dry». Языковая игра в данном случае строится на том, что сначала Джордж говорит о том, что в Шотландии всегда дождливо, от чего он постоянно промокает, т.е. никогда не ходит сухим (dry – «not wet» [Oxford Advanced Learner's Dictionary, URL]), а затем делает комичное замечание по поводу того, что, говоря «dry», он не имеет в виду 'трезвый' (dry – «not drinking alcohol» [Longman Dictionary of Contemporary English Online, URL]).

"It's always wet in Scotland," said George. "I was three weeks in Scotland the year before last, and was never dry once all the time – not in that sense" [Jerome, 2018, с. 180].

– В Шотландии всегда мокро, – заметил Джордж. – Я там был два года назад и целых три недели не просыхал, – вы понимаете, что я хочу сказать [Джером, 2021, с. 240].

Данный прием сохраняется в переводе благодаря тому, что переводчик использует глагол «не просыхал», имеющий идентичные значения в русском языке, что позволяет передать и языковую игру.

Реализация языковой игры на синтаксическом уровне.

Языковая игра на синтаксическом уровне также довольно широко применяется в повести.

Приведенный ниже пример показывает создание языковой игры на лексико-синтаксическом уровне, когда парцелляция сочетается с лексическим противопоставлением элементов «in» во фразе «to be in» и «out» в наречии «outside». Комический эффект создается за счет намеренного членения рассказчиком своей фразы и – в силу этого членения – обыгрывания многозначности фразы «to be in», которая может означать как «находиться внутри» («at a point within an area or a space» [Oxford Advanced Learner's Dictionary, URL]), так и «быть в игре, быть задействованным» («involved in something; taking part in something» [Там же]).

I said I thought that Harris would like to be in it, too – or rather outside [Jerome, 2018, с. 203].

Я прибавил, что и Гаррис, вероятно, присоединится, хотя не к Джорджу, а ко мне [Джером, 2021, с. 266].

Здесь речь идет о ситуации, когда Джордж хочет опробовать немецкий разговорник в общении с немцами. Однако рассказчик, оценив качество книги, понимает, что ни к чему хорошему это не приведет. Тем не менее, его друг непреклонен. Рассказчик говорит о том, что в таком случае будет ждать друга у входа в магазин, и делает комичное замечание, что Гаррису тоже понравится идея опробовать разговорник, но только он не пойдет в магазин вместе с Джорджем, а останется снаружи.

В переводе комический эффект достигается не за счет парцелляции, а благодаря противительному союзу «хотя» и уточнению рассказчика.

Реализация языковой игры на семантическом уровне.

Языковая игра на семантическом уровне представляет не меньший интерес для исследования.

В приведенном ниже примере языковая игра создается за счет ложной связи между событиями. Река, естественным образом и всегда предполагающая наличие повышенной влажности в воздухе, почему-то именно сейчас кажется рассказчику «другой». Герои искренне уверены, что меняется погода на реке, а не они стареют.

"The river is not what it used to be," said I; "I don't know what, but there's a something – a dampness – about the river air that always starts my lumbago" [Jerome, 2018, с. 180].

Темза теперь стала какая-то другая. Сыро на ней, что ли, но только у меня от речного воздуха всегда ломит поясницу [Джером, 2021, с. 240].

Иронический смысл подчеркивается очевидностью их заблуждения в том, что река «стала» «сырой». Таким образом, языковая игра сохраняется в переводе.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, анализ языковой игры в повести Дж. К. Джерома «Трое на велосипедах» (Jerome K. Jerome, Three Men on the Bummel) на материале сплошной выборки, которая составила 154 примера, продемонстрировал, что чаще всего автор применяет прием языковой игры на лексическом уровне (75%). Средства реализации языковой игры на синтаксическом, семантическом и фонетическом уровнях (10%, 8%, 7%, соответственно) встречаются в тексте реже, однако не менее ярко демонстрируют ее главную функцию – создание комического эффекта.

Случаи языковой игры на словообразовательном и морфологическом уровне в тексте повести выявлены не были, что говорит о том, что Дж. К. Джером предпочитает создавать довольно сложные случаи языковой игры, которые требуют от читателя внимательного прочтения текста, его глубокого понимания, а также некоторых фоновых знаний и понимания семантики многозначных слов в английском языке. Именно так писателю удастся создать тонкий, интеллигентный юмор, представляющий большой интерес как материал для лингвистических исследований.

Во-вторых, особую сложность для переводчика, как показали результаты исследования, представляет передача языковой игры на фонетическом уровне. Практически невозможным оказывается одновременное сохранение звуковых повторов и смысла высказывания. В таких случаях для передачи содержания приходится жертвовать его формой. Перевод языковой игры на лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях представляет меньше трудностей, и, тем не менее, наше исследование выявило не только адекватные, но и менее удачные варианты перевода. Также важно отметить, что мы пришли к выводу, что потерю языковой игры на одном уровне языка можно компенсировать языковой игрой на другом уровне.

Таким образом, для современной лингвистики языковая игра представляет собой сложный и неоднозначный феномен. Однако разнообразие талантливо примененных приемов создания языковой игры в тексте представляет большой интерес для исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин, Р. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность (современные концепции языковой игры) / Р. А. Воронин // Научный альманах. – 2015. – № 7(9). – С. 1352–1361.
2. Джером, К. Дж. Трое в лодке, не считая собаки: романы / Джером Клапка Джером; пер. с английского М. Донского, Н. Жаринцовой, Э. Линецкой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 416 с.
3. Кучерявых, Ю. Н. Языковая игра в художественных текстах А. Т. Аверченко: прагматические характеристики и структурно-семантические формы реализации: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.19 / Кучерявых Юлия Николаевна. – Краснодар, 2019. – 202 с.
4. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
5. Collins English Dictionary – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 08.04.2023).
6. Jerome K. Jerome, *Three Men in a Boat & Three Men on a Bummel* / Jerome K. Jerome. – Wordsworth Classics, 2018. – 346 с.
7. Longman Dictionary of Contemporary English Online – URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 08.04.2023).
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 08.04.2023).

УДК 81`25

К вопросу о передаче иноязычного акцента и речевых особенностей в дублированном переводе и при субтитровании: основные стратегии и тактики (на материале фильма «Терминал»)

Хошафян Т. О., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: старший преподаватель Елисеева Н. В., Россия

Жизнь человека XXI века сложно представить без кинематографа. Этот вид искусства на протяжении XX века прошел путь стремительного развития от черно-белых картин до фантастических фильмов, полных захватывающей компьютерной графики, и к началу нового столетия сумел увлечь огромные массы людей.

Адекватность перевода иностранных фильмов является весьма актуальной проблемой, поскольку от качества перевода зависит корректность передачи содержания и смысла фильма зрителю.

В настоящее время исследователи согласны с тем, что аудиовизуальный перевод является стандартным термином для обозначения отрасли перевода, занимающейся «переводом мультимодальных и мультимедийных материалов на другой язык и/или культуру» [The Routledge Encyclopedia of Translation Studies, 2020, с. 30]. То есть целью АВП является «создание иноязычных версий художественных фильмов, документальных фильмов, телешоу, анимационных фильмов и любых материалов, где информация передается как устно, так и визуально...» [Bogucki, 2019, с. 3]. Аудиовизуальный перевод еще называют мультимедийным переводом [Valdeón, 2022, с. 373].

Процесс аудиовизуального перевода отличается от деятельности письменных или устных переводчиков. Он представляет из себя особый вид переводческой деятельности, которому будущие специалисты обучаются целенаправленно. Аудиовизуальный перевод не может быть отнесен только к устному или только к письменному переводу: он находится между этими двумя видами.

В современной практике можно выделить следующие основные виды аудиовизуального перевода [Valdeón, 2022, с. 370–372]:

1) При дубляже происходит полная замена оригинальной звуковой дорожки, т.е. голосов актеров, звуком дубляжа, который представляет собой диалоги, переведенные на целевой язык.

2) Субтитрирование представляет собой синхронное сопровождение оригинальной звуковой дорожки несколькими строками переведенного текста на экране.

3) Закадровый перевод предполагает запись новой звуковой дорожки, которая накладывается поверх приглушенных голосов фильма-оригинала.

Перевод аудиовизуального материала зависит от временных факторов: необходимости синхронизации движения губ актеров и произносимых ими реплик при дубляже, или возникновения субтитров на экране одновременно с репликами персонажей на языке фильма-оригинала. Чаще всего переводчику приходится сокращать оригинальный текст или в значительной степени трансформировать текст перевода, чтобы синхронизировать его со всеми элементами аудиовизуального ряда.

Очевидно, что образ персонажа художественного фильма складывается из совокупности большого количества внешних и внутренних факторов: внешности, характера, образа жизни, профессии, увлечений, друзей и семьи, поведения в обществе. Кроме того, важной для анализа составляющей образа персонажа является речь, поскольку она может больше рассказать о возрасте, социальном статусе, национальной принадлежности героя.

Нередкими становятся случаи, когда в фильмах присутствуют персонажи, в том числе это иностранцы, чья речь в определенной мере отклоняется от общепринятых языковых норм. В таких случаях мы имеем дело с феноменом контаминированной речи.

Контаминированная речь возникает в условиях языковой интерференции, когда особенности родного языка переносятся на изучаемый или используемый в речи иностранный язык. Таким образом, в результате влияния родного языка на иностранный, когда человек не владеет достаточными знаниями норм и правил иностранного языка, на котором пытается говорить, в речи нередко возникают различного рода ошибки [Гоненко, 2019, с. 24].

Можно сделать вывод о том, что контаминированная речь представляет собой отклонения от норм, принятых в том или ином языке. При этом такие отклонения могут проявляться на разных уровнях системы языка: фонетическом, лексическом и грамматическом.

Решить проблему передачи контаминированной речи переводчик может двумя способами, по мнению В. Н. Комиссарова: он «может либо использовать существующие в ПЯ способы изображения речи иностранца, либо бывает вынужденным изобретать новые способы передачи контаминированной речи» [Комиссаров, 1990, с. 218].

Примеры проявления контаминированной речи и способы ее передачи при субтитрировании и в дубляже были рассмотрены нами на материале фильма «Терминал» («The Terminal», США, 2004).

Виктор Наворски, гражданин вымышленной страны Кракожи, прибывает в международный аэропорт Нью-Йорка и узнает, что, пока он был в полете, в его стране произошел государственный переворот. Соединенные Штаты еще не признали новое правительство Кракожи, и Виктору не разрешается въезжать в Соединенные Штаты или возвращаться домой, поскольку его паспорт больше не действителен. Он вынужден жить в аэропорту пока не закончится война в его стране. Эти несколько месяцев в аэропорту становятся очень интересным периодом в жизни главного героя.

Виктор практически не знает английского языка. Он говорит с сильным славянским акцентом и допускает в речи множество ошибок, пытаясь говорить на иностранном языке. Все проявления контаминированной речи этого персонажа мы разделили на 3 группы:

1. Ошибки на фонетико-фонологическом уровне;
2. Ошибки на грамматическом уровне;
3. Ошибки на лексическом уровне.

Фонетико-фонологический уровень.

Одним из случаев нарушения фонетико-фонологических норм является иностранный акцент. Иностранный акцент проявляется тогда, когда человек, говоря на чужом для себя языке, использует некоторые правила произношения или звуки родного языка.

В фильме «Терминал» нами были выявлены следующие маркеры иностранного акцента:

– Замена одного звука на другой. Например, в оригинале Виктор Наворски заменяет звук [æ] на [ʌ] в существительных «taxicab», «apple» «married».

– Замена долгих гласных на краткие. Смешная ситуация происходит в разговоре Виктора Наворски с другим героем фильма, Энрике Крузом, когда он заменяет долгий гласный звук [i:] в слове «cheat» на краткий гласный звук [i].

– Неправильная артикуляция – сближение артикуляции иностранных звуков с артикуляцией звуков родного языка. Распространенной ошибкой является произнесение английского согласного звука [r], как русского [p], в словах «fear», «America», «afraid», «from», «miracle» и т.д.

– Замена звука, отсутствующего в фонетической системе родного языка, на сходный звук. Так как в русском нет звуков [θ] и [ð], вместо них часто произносятся звуки [s] или [z], например, в словах «thank you», «this», «think», «thing» и т.д.

– Замена дифтонгов на монофтонги. Виктор Наворски практически не проговаривает дифтонги. В таких словах, как «no», «go», «know», «so» он заменяет дифтонг [əʊ] на монофтонг [p]; в словах «take», «wait» и «hate» – дифтонг [ei] на монофтонг [e]; в слове «fear» – дифтонг [iə] на монофтонг [i].

– Оглушение конечных согласных в словах «good» – [gʊt], «job» – [dʒɒp] и «married» – ['mɪrɪt].

– Неверная постановка ударения также является маркером иностранного акцента. В данном случае можно привести следующие примеры: слова «telephone» и «document» Виктор Наворски произносит с ударением на последний слог вместо первого.

Передача фонетико-фонологических искажений в дублированном переводе.

Анализ звуковой дорожки дублированного перевода позволил нам прийти к выводу, что основными способами передачи фонетико-фонологических искажений, используемыми переводчиками, являются следующие:

– Нейтрализация. Как показал анализ практического материала, на фонетико-фонологическом уровне переводчики чаще всего нейтрализуют фонетические искажения фильма-оригинала. Около 45% фонетических и фонологических ошибок не передаются в дублированном переводе. Например, слово «taxicab» в дубляже передано существительным «такси» без каких-либо произносительных искажений. Глагол «go» передается словом «еду» («ехать») также без искажений.

– Создание фонетической ошибки непосредственно в неверном высказывании фильма-оригинала является еще одним приемом, к которому прибегают переводчики. Примерно 30% ошибок фильма-оригинала переданы в дубляже при помощи данного способа. Например, Энрике Круз рассказывает Виктору, что хочет завоевать сердце Долорес Торрес, специалиста по паспортному контролю. Он сравнивает девушку с дикой лошастью, называя ее «wild stallion». Виктор, не понимая, о чем говорит Энрике, повторяет данное словосочетание, заменяя в слове «stallion» гласный звук [æ] на [ʌ]. В дубляже в слове «жеребец», которое является переводом существительного «stallion», переводчиками также была создана ошибка на фонетико-фонологическом уровне. Виктор Наворски произносит существительное «жеребец» с ударением на втором слоге вместо последнего.

– Компенсация. Помимо вышеупомянутых способов для передачи иностранного акцента при дублировании переводчики иногда прибегают к приему компенсации (25%), игнорируя наличие контаминированных форм в одних эпизодах, но применяя при этом в тексте перевода иные контаминированные формы в тех эпизодах, где их изначально не было, что компенсирует таким образом потери. Например, в прилагательном «светло-зеленый», описывающем бланк, который герой должен был заполнить, Виктор Наворски заменяет гласный [ы] на [и] притом, что в оригинале прилагательное «light-green» произносится им правильно. Слово «еда» в словосочетании «талоны на еду» герой произносит с ударением на первый слог, тогда как в словосочетании «food document» слово «food» произносилось верно, но была допущена ошибка в постановке ударения в слове «document».

Таким образом, основными маркерами акцента в дубляже оказались:

– Замена одного звука на другой. Звук [и] заменяется на [ы] в словах «один», «Америка», «вторник», «когда-нибудь» и т.д. Иногда звук [ы] заменяется на звук [и]: «тысяча», «тайный», «мокрый», «инициалы» и «ненормальный».

– Смягчение согласных. Звуки [ж] и [ш] в речи Виктора Наворски полумягкие: «важные», «нужен», «машина», «хорошо», «женатый» и «ждет».

– Согласные не смягчаются перед гласными переднего ряда: «весь», «день», «здравствуйте», «деньги», «вместе», «совсем».

– Неверная постановка ударения допущена, например, в словах «Лексингтон» (в дубляже ударение стоит на последнем слоге), «среда» (ударение на первом слоге), «еду» («еда», ударение на первом слоге) и «возвратишься» (ударение падает на второй слог).

Передача фонетико-фонологических искажений в субтитрах.

Важно отметить, что в субтитрах передать иноязычный акцент практически невозможно, поскольку субтитры представляют собой письменную репрезентацию звуковой дорожки.

– Нейтрализация. Практически все фонетико-фонологические искажения фильма-оригинала были нейтрализованы переводчиками в субтитрах (около 99%).

– Создание фонетических искажений непосредственно в неверном высказывании фильма-оригинала. Однако, 1% ошибок переводчики все же смогли передать с помощью наиболее подходящего, по нашему мнению, способа, а именно графической репрезентации ошибок. В данном случае специалисты или заменяли правильные буквы в слове на неправильные, или использовали способ коверканья слов. Подобным примером в фильме «Терминал» оказался случай неправильного произношения существительного «mustard». Поскольку в фильме-оригинале герой произносит звук [u] вместо [ʌ], в субтитрах переводчики решили заменить слово «горчица» на «гурчица». Вторым примером является ошибка в произношении слова «cheat». В фильме-оригинале Виктор Наворски заменяет долгий гласный [i:] на краткий [i]. В данном случае в субтитрах переводчики передают глагол «соврал» словом «сврал».

Грамматический уровень.

На уровне морфологии нами были выделены следующие виды ошибок. Перечисленные ошибки представлены в порядке убывания частотности выявленных грамматических нарушений.

– Неверное употребление видо-временной формы глагола. Виктор Наворски почти всегда употребляет глаголы в форме Present Simple, даже рассказывая о прошедших или будущих событиях. В сцене, когда Энрике Круз предлагает Виктору сделку (Виктор Наворски узнает информацию об офицере Торрес, а Энрике будет бесплатно кормить его), главный герой говорит «I do this» вместо «I will do this». Кроме того, анализ речи главного героя дает возможность предположить, что сложные времена он практически не знает. Когда Виктор Наворски пытается устроиться на работу в аэропорту, он целый день ждет звонка от менеджера одного из магазинов. И, когда, наконец-то, звонит телефон, герой говорит: «Yes, I wait for your call the whole day», хотя в данном случае нужно использовать форму Present Perfect Continuous («Yes, I've been waiting for your call the whole day»).

– Опускание артиклей. Опускание грамматических единиц – одна из наиболее распространенных ошибок, встречающихся в речи Виктора Наворски. Например, он часто опускает артикли. В сцене, когда Амелия рассказывает Виктору о Наполеоне, она говорит, что после поражения под Ватерлоо Наполеон принял яд, но его организм отторг отраву, а причиной тому стало эго Наполеона. На ее слова Виктор отвечает: «Maybe he need glasses... To read words on bottle. Poison». В данном случае, помимо ошибки в употреблении видо-временной формы глагола («need» вместо «needed»), герой дважды опускает определенный артикль. Правильно было бы сказать: «To read the words on the bottle».

– Ошибки в употреблении предлогов. В одной из сцен Фрэнк Диксон, работник аэропорта, придумывает план, как отпустить Виктора Наворски в Нью-Йорк. Он вспоминает закон, который защищает иностранцев, у которых есть обоснованный страх возвращения на родину. Виктор Наворски отвечает ему: «I am not afraid from Krakozhia... I am not afraid from my home...», ошибочно употребляя предлог «from» вместо «of». В речи Виктора Наворски иногда можно встретить случаи опущения предлогов (to, in, for, from) или излишнее использование данной части речи. Когда герой говорит о том, что он направляется в Нью-Йорк, он постоянно забывает предлог направления «to»: «Now I go New York City». В данном предложении также неверно употреблена видо-временная форма глагола («go» вместо «am going»).

– Ошибка в образовании неличных форм глагола: опущение частицы «to» в инфинитиве в тех случаях, когда она нужна. Еще одной грамматической единицей, которую Виктор часто опускает в своей речи, оказалась частица «to». Например, герой говорит: «I think I want go New York City». В данном примере, помимо опущения предлога направления «to», Виктор не использует и частицу «to», которая является показателем инфинитива «to go».

– Неверное образование множественного числа. Виктор Наворски дважды неправильно употребляет форму множественного числа существительного «woman»: в первый раз он произносит «two womans», а во второй «two womens», ни разу не применив правильную форму «woman – women».

Основными синтаксическими ошибками в фильме-оригинале оказались следующие:

– Неверный порядок слов. Например, Виктор говорит «Late five minutes» вместо «Five minutes late» и «What mean “wild stallion”?» вместо «What does “wild stallion” mean?». Второй пример также является одним из случаев опущения вспомогательного глагола «does».

– Согласование подлежащего и сказуемого. Отсутствие окончания -s в 3л. ед.ч. формы Present Simple – одна из самых распространенных ошибок, которые допускают иностранцы, говоря на английском языке. Виктор Наворски – не исключение. «The name for “father” sound like “goat”» («sound» вместо «sounds»), «My friend drive the food» («drive» вместо «drives»).

– Опускание вспомогательного глагола. Вспомогательный глагол «do» отсутствует в предложении «What you want know?», хотя структура построения вопросительного предложения требует использование вспомогательного глагола после вопросительного слова. Кроме того, в данном предложении также опущена и частица «to» перед глаголом «know» как показатель инфинитива.

- Опускание глагола-связки. В предложении «So, America not closed» отсутствует глагол-связка «is», являющийся частью составного именного сказуемого.
- Опускание модального глагола, являющегося частью составного глагольного сказуемого. Когда Виктор не знает, что ему делать, он говорит: «What I do?», хотя грамматически правильно было бы сказать «What should I do?».

Проанализировав все примеры, можно сделать вывод, что Виктор Наворски практически не владеет грамматическими нормами английского языка. Он передает свои мысли простыми грамматическими конструкциями, его речи присущ разговорный стиль (например, он выражает вопросы с помощью интонации, а не определенного порядка слов).

Передача грамматических искажений в дублированном переводе.

Основными способами передачи контаминированных форм на грамматическом уровне оказались следующие:

- Создание грамматической ошибки непосредственно в грамматически неверном высказывании фильма-оригинала. В дубляже самым частотным стал способ передачи грамматических искажений в оригинале при помощи грамматических средств русского языка. Больше половины ошибок, около 53%, было передано переводчиками в том же контексте, что и в оригинальном фильме. Например, отсутствие предлога «to» в фразе «Now I go New York City» передается в дубляже отсутствием предлога «в» – «Сейчас я еду Нью-Йорк» (ошибка в употреблении временной формы глагола нейтрализована). Начальная форма глагола «to give» в словосочетании «I give you light green» вместо глагола в форме Past Simple («gave») в оригинале передана в дубляже начальной формой глагола «дать» в предложении «Я дать светло-зеленый».

- Нейтрализация. Согласно статистическим данным, около 36% грамматических искажений было нейтрализовано. Когда Виктор обещает Амелии показать, что Наполеон подарил своей возлюбленной Жозефине после завоевания Баварии, он произносит фразу «I show you». Поскольку в данном контексте речь идет о действии, которое произойдет в будущем, правильным было бы использование глагола в форме Future Simple, а не Present Simple. В данном случае переводчики решили нейтрализовать грамматическое искажение в дубляже, и нам сложно объяснить принятое ими решение, поскольку дублированный перевод не представляет для этого никаких ограничений.

- Компенсация. Иногда грамматические ошибки оригинала не передаются непосредственно в грамматически неверном высказывании, но компенсируются в других эпизодах фильма. На данный способ передачи искажений приходится около 11% случаев. Например, когда Виктор наконец-то узнает, что война в его стране закончилась, он говорит Амелии: «The war in my country is over». В данном предложении нет грамматических ошибок, но в дубляже переводчики добавляют новую контаминированную форму, а именно заменяют предлог «в» предлогом «на»: «Война на моей стране кончилась».

Передача грамматических искажений в субтитрах.

При передаче грамматических искажений в субтитрах переводчики использовали лишь два способа: нейтрализацию и создание грамматических ошибок непосредственно в грамматически неверных высказываниях фильма-оригинала. Случаев компенсации контаминированных форм нами найдено не было.

- Нейтрализация оказалась наиболее частотным способом передачи ошибок на грамматическом уровне (около 57%). Например, упомянутая нами выше ошибка в использовании видо-временной формы глагола в предложении «Yes, I wait for your call the whole day» полностью нейтрализована в субтитрах. В данном случае реплика Виктора Наворски передана следующим образом: «Да, я жду весь день».

- Создание грамматической ошибки непосредственно в грамматически неверном высказывании фильма-оригинала – второй по частотности способ передачи грамматических искажений в субтитрах (43%). В устойчивом выражении «to be in love» (быть влюбленным, любить) нет артикля, который герой использует, задавая вопрос «Have you been ever in the love?» (попутно нарушая порядок слов при использовании наречия «ever»). Поскольку чаще всего «in the ...» подразумевает, что описываемый предмет находится внутри чего-то, при субтитровании ошибка передается именно так: «Вы когда-нибудь в любви были?». Ошибки в образовании множественного числа английских существительных («two womans», «two womens») были переданы в субтитрах ошибками в образовании множественного числа русских существительных и роде числительного: «Один мужчина, два женщина» (правильно говорить «две женщины»).

Лексический уровень.

Ошибки на данном уровне встречаются реже, чем на упомянутых ранее уровнях, и передаются двумя способами: неверным употреблением лексических единиц в контексте и использованием малапропизма.

– Неверное употребление лексических единиц в контексте. В предложении «My friend drive the food» главный герой употребляет глагол «drive» вместо «deliver», что несколько искажает смысл, поскольку глагол «drive» имеет значение «ехать», «вести автомобиль». В данном предложении также есть грамматическая ошибка, а именно отсутствие у глагола окончания -s в 3л. ед.ч. формы Present Simple.

– Малапропизм. В сцене, когда Виктор рассказывает офицеру Торрес о том, что у нее есть тайный поклонник, он вместо «mystery» (загадка, тайна) говорит похожее по звучанию слово «misery» (страдания, несчастья), благодаря чему создается комический эффект: «It's a man of misery».

Передача лексических искажений в дублированном переводе.

В дублированном переводе нами были найдены примеры двух способов передачи искажений:

– 67% искажений было передано с помощью создания лексических ошибок непосредственно в неверном высказывании фильма-оригинала. Неверное употребление лексической единицы в предложении «My friend drive the food» таким же образом передано дубляже, где глагол «доставлять» заменен на глагол «возить». Грамматическая ошибка (отсутствие у глагола окончания -s в 3л. ед.ч. формы Present Simple) передана начальной формой глагола вместо личной и ошибкой в согласовании местоимения с существительным в роде. Данное предложение звучит в дубляже следующим образом: «Мой друг возить всякий еду».

– 33% искажений было нейтрализовано. Когда Виктор спрашивает Амелию, почему она уходит («Why you go?»), он заменяет глагол «leave» (уходить, покидать) глаголом «go» (идти), что, по нашему мнению, немного искажает смысл вопроса. В дубляже Виктор употребляет глагол «уходить»: «Почему ты уходить?». В фильме-оригинале в данном предложении также есть грамматические ошибки, а именно употребление глагола в форме Present Simple вместо Present Continuous и отсутствие вспомогательного глагола при построении вопросительного предложения, которые передаются в дубляже начальной формой глагола вместо личной.

Передача лексических искажений в субтитрах.

– Создание лексической ошибки непосредственно в неверном высказывании фильма-оригинала (50%). Упомянутый нами случай, когда Виктор использует вместо слова «mystery» (загадка, тайна) существительное «misery» (страдания, несчастья) («It's a man of misery»), передается в субтитрах несуществующим словом «несчастайный» вместо прилагательного «несчастный»: «Один несчастайный поклонник».

– 25% ошибок при субтитровании фильма было нейтрализовано. Единственным примером является упомянутый в дубляже случай использования глагола «go» (идти) вместо «leave» (уходить, покидать) в предложении «Why you go?».

– Единственным случаем компенсации лексических искажений (25%) является передача словосочетания «one by one» в сцене, когда Виктор Наворски рассказывает Амелии о том, что его отец коллекционировал автографы джазменов, которые один за другим ему их давали. В фильме-оригинале в данном словосочетании нет лексических ошибок, но в субтитрах оно передается фразой «один за одним», что является нарушением лексических норм. Правильным вариантом считается выражение «один за другим».

Проведя анализ всего практического материала, мы выяснили, что в дублированном переводе наиболее распространенным способом передачи контаминированной речи является прием нейтрализации искажений – совокупно 43% на всех уровнях языка. По нашему мнению, данный факт можно объяснить тем, что большое количество ошибок на фонетико-фонологическом уровне было компенсировано. Около 37% ошибок передаются с помощью создания искажений непосредственно в неверном высказывании фильма-оригинала, и только 20% контаминированных форм компенсируются в других эпизодах фильма.

При субтитровании процентное соотношение распределяется следующим образом: наиболее частотным способом передачи контаминированных форм также оказался способ нейтрализации искажений – около 86,5%. На способ передачи ошибок непосредственно в неверном высказывании фильма-оригинала приходится 13% случаев. Наименее распространенным способом передачи искажений стал прием компенсации – 0,5%. Высокий процент нейтрализации искажений является результатом практически полной нейтрализации фонетических и фонологических ошибок, поскольку передача иноязычного акцента практически невозможна при данном виде АВП. Однако сложно объяснить, почему переводчики решили нейтрализовать большое количество, например, грамматических искажений, ведь реплики героя не были длинными, поэтому временные ограничения или ограничения по количеству знаков в строках не должны были оказаться большой проблемой.

В заключение можно сделать вывод, что использование тех же средств, которыми была передана контаминированная речь в оригинальном произведении, не всегда возможно при передаче нарушений языковых норм в переводе в силу объективных лингвистических различий между языками. При выборе

средств, с помощью которых в переводе аудиовизуального произведения будет передаваться контаминированная речь иностранцев, переводчик должен руководствоваться целью сохранить художественную ценность оригинала, а также ограничениями, вызванными особенностями конкретного вида АВП. Как показал анализ собранного материала, основными способами передачи контаминированной речи в переводе аудиовизуального произведения являются прием компенсации, прием нейтрализации и прием передачи искажений непосредственно в неверном высказывании фильма-оригинала.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гоненко, В. Н. Способы передачи контаминированной речи при переводе аудиовизуального произведения / В. Н. Гоненко // ДАЙДЖЕСТ-2019. – Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. – 2020. – С. 22–28.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Bogucki, Ł. Toward understanding audiovisual translation / Łukasz Bogucki. – Instytut Anglistyki, Uniwersytet Łódzki, 2019. – 11 pp.
4. Valdeón, R.A. Latest trends in audiovisual translation / Roberto A. Valdeón // Perspectives Studies in Translatology. – 2022 – 30:3. – Pp. 369–381.
5. The Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. Mona Baker and Gabriela Saldanha. – Third Edition. – London and New York: Routledge, 2020 – 872 pp.

УДК 372.881.111.1

Феномен клипового мышления в иноязычном образовании при обучении грамматической стороне речи английского языка студентов неязыковых направлений подготовки

Щекочихина Е. А., Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.пед.н., доцент Бредихина И. А., Россия

Последние десятилетия всё чаще мы слышим о стремительном снижении уровня образования. В качестве причин называют самые разные: начиная от снижения престижа профессии преподавателя и заканчивая нестабильностью существующей на сегодняшний день образовательной системы. Изучив научную литературу в области философии, культурологии и психологии, посвящённую данной проблеме, мы выявили противоречия, связанные с сущностью ортодоксальной образовательной парадигмы. Традиционные методы обучения, заложенные в основу этой парадигмы, влияют на процесс её адаптации к быстрым изменениям в современном обществе, замедляя его. В научных исследованиях, рассуждающих о необходимости повышения эффективности нашего образования, возникает феномен «клипового мышления».

Слово «clip» в переводе с английского – вырезка; отрывок (из фильма), нарезка. Человек, обладающий клиповым мышлением, испытывает затруднения при анализе какой-либо информации, поскольку образы и мысли быстро сменяют друг друга, не задерживаясь надолго в сознании [Семеновских, 2013, с. 8].

Американский футуролог Э. Тоффлер рассматривал "клиповую культуру" как одну из составляющих общей информационной культуры. Он описывал её как явление быстрого переключения каналов и потоков информации, в результате чего формируется образ из "обрывков информации и осколков впечатлений" [Тоффлер, 2002, с. 15].

Российский философ Ф. И. Гиренок ввёл данное понятие в отечественную науку, полагая, что понятийное мышление утратило свою значимость, и на смену ему пришло клиповое [Гиренок, 1995, с. 23].

В информационно насыщенной среде умение эффективно отбирать, объединять и оценивать информацию играет важную роль в принятии решений и построении адекватного поведения. Об этом в своей работе «Я, моё пространство и я: воспитание сетевого поколения» пишет американский психолог Л. Розен. Автор подчёркивает, что у «поколения I» (Internet Generation), выросшего в эпоху быстрого развития компьютерных и коммуникационных технологий, есть преимущество в многозадачности. Это поколение способно одновременно выполнять несколько задач, таких как учёба, прослушивание музыки и общение в Интернете. Однако, наряду с этими преимуществами, такое поколение также сталкивается с рассеянностью, гиперактивностью, дефицитом внимания и предпочтением визуальных символов аналитическому мышлению и углубленному чтению [Larry D. Rosen, 2007, с. 11–13].

Общепринятой дефиниции «клипового мышления» не существует, но на основе современных характеристик, можно сформулировать следующее определение: «клиповое мышление» – явление, отличающееся умением быстро переключаться на новый раздражитель, оперативно решать поставленные задачи на интуитивном уровне, характеризующееся фрагментарностью мышления, неспособностью к обработке и анализу информации, к долговременной концентрации, а также утратой желания творить и познавать. Можно также отметить, что у людей с таким типом мышления отсутствуют коммуникативные навыки, они обладают небольшим словарным запасом. В предлагаемых условиях преподавателям необходимо обратить минусы в плюсы.

Грамматика – это один из самых сложных и противоречивых аспектов обучения иностранным языкам. Проблема преподавания грамматики иностранных языков привлекает внимание многих исследователей и методистов, таких как Е. И. Пассов, Т. Б. Клементьева, М. А. Колпакчи, которые внесли значимый вклад в разработку и совершенствование методик преподавания иностранных языков, включая проблематику грамматики. До сих пор нет чёткого представления о понятии и содержании грамматики, оно постоянно изменяется, развивается и совершенствуется вместе с развитием общества. Целью обучения грамматике является формирование у обучающихся способности грамматически верно оформлять свои устно-речевые высказывания, концентрируя при этом основное внимание на содержании, а также способности распознавать грамматические явления в процессе коммуникации и прочтения информации. Следовательно, правомерно с позиций современной методической науки говорить об обучении грамматической стороне речи.

Основываясь на закономерностях обучения [Бредихина, 2016, с. 64] иностранному языку, мы разработали методические решения, способствующие эффективному формированию грамматических навыков у студентов неязыковых направлений подготовки с учётом особенностей клипового мышления.

В сегодняшних условиях более широкого и глобального взаимодействия высших учебных заведений и студентов из разных стран и культур во многих вузах неязыковых направлений подготовки стали активно разрабатываться меры, направленные на повышение уровня преподавания иностранных языков. Исходной концепцией обучения языкам становятся овладение языком как средством межкультурного, межличностного и профессионального общения. Для студентов, которым свойственно клиповое мышление, нужно создать необходимые условия, при которых процесс обучения был бы максимально лаконичным и познавательным, и при этом учитывал бы фактор их низкой заинтересованности в изучении иностранного языка, как дополнительной дисциплины. Клиповое мышление характеризуется постоянной сменой видов деятельности, где важно соблюдение методических законов, а именно учёт важности сочетания сознательности с практическими действиями для прочного усвоения грамматических явлений. Необходима переориентация упражнений на сегодняшнюю картину мира. Важно применять средства информационно-коммуникационных технологий для улучшения эффективности и качества обучения, а также для обеспечения гибкости самого процесса обучения. Неспособность обучающихся к длительному вниманию и концентрации должна компенсироваться наличием анимированных презентаций/актуальных видеосюжетов, что задействует несколько органов чувств, способствует быстрому усвоению информации. Работа с фрагментами из песен, игр, фильмов, содержащих грамматические правила, поможет запомнить и отработать новые грамматические явления, которые затем необходимо включать в условно-коммуникативные упражнения, чтобы обучающиеся смогли не только понять коммуникативные функции новых грамматических явлений, но и самостоятельно применять их в дальнейшем. Важно моделировать реальные ситуации общения, используя обучающие приложения (Duolingo, LinguaLeo и т. д.), которые не только способствуют переключению внимания, но и разнообразят обучающую деятельность.

Коммуникативная направленность обучения грамматике отвечает запросам современной методической науки, а также описанным нами ранее особенностям мышления обучающихся.

Думается, что информационное общество диктует необходимость формирования новой образовательной парадигмы, где учитывается присутствие глобального коммуникативного пространства с его собственными закономерностями функционирования и развития. Наша задача ответить на запросы мышления сегодняшней молодёжи и модернизировать иноязычное образование для дальнейшего успешного развития общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бредихина, И. А. Методика преподавания иностранных языков. Обучение сторонам иноязычной речевой деятельности / И. А. Бредихина. – М.: Из-во Уральск. ун-та, 2016. – 64 с.
2. Гиренок, Ф. И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека) / Ф. И. Гиренок. – М.: Изд-во Лабиринт, 1995. – 23 с.

3. Семеновских, Т. В. Клиповое мышление – феномен современности / Т. В. Семеновских. – URL: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/> (дата обращения: 03.12.2022).

4. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – 15 с.

5. Larry D. Rosen Me, MySpace, and I Parenting the Net Generation. – Palgrave Macmillan, 2007. – 11–13 с.

УДК 81`25

Лингвопереводческая специфика единиц тематической группы «постпандемийная экономика Германии»

Щуринов Ю. С., Северо-Кавказский федеральный университет, студент специалитета, Россия
Научный руководитель: д.ф.н., профессор Серебрякова С. В., Россия

Экономические последствия, обусловленные совокупностью ограничительных мер, направленных на сокращение темпов распространения вируса COVID-19, повлияли на жизнь практически всех стран, в том числе Германии как одного из крупнейших индустриально развитых государств Европы и важных экономических партнёров России. Перестраивание внутренних и внешних цепочек поставок, адаптация к новым условиям проведения международного обмена обусловили значительные изменения в монетарной и социальной политике в целях минимизации последствий кризиса для предприятий и граждан.

Ввиду колоссального влияния пандемии COVID-19 2020–2022 гг. на производство, международную логистику, сферу услуг и другие сектора экономики как в популярных СМИ, так и в научных журналах был проведен критический анализ сложившейся ситуации, вынужденных трансформаций на всех уровнях – от межгосударственных экономических отношений до малого бизнеса и частных домашних хозяйств. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена важностью осмысления наблюдаемого и сегодня влияния произошедшего кризиса и ограничительных мер, введённых во времена пандемии, на экономику многих стран, в том числе и в лингвопереводческом аспекте. Объективные данные, обработанные и проанализированные немецкими экономистами и переведённые на другие языки, могут быть использованы для предотвращения или минимизации последствий возможных экономических кризисов, вызванных различными внешними причинами.

Задача данной статьи – выявить лингвопереводческую специфику экономических терминов, связанных с пандемией COVID-19 и её последствиями в Германии. В качестве материала данного была привлечена научная статья, опубликованная в журнале «IW-Trends» Института немецкой экономики, и её перевод на русский язык, выполненный в период переводческой практики.

Рассматриваемая научная статья относится к примарно-когнитивному типу текста [Алексеева, 2004, с. 265], доминантной функцией которого является сообщение объективной информации. Превалирующая в тексте когнитивная информация реализуется с помощью терминологических единиц, которые и являются объектом лингвопереводческого анализа.

В структурном плане извлеченные посредством сплошной выборки терминологические единицы можно под разделить на однословные и многословные номинации, в переводческом плане – на единицы, имеющие однозначные эквиваленты в русском языке (в большинстве случаев к ним относятся устоявшиеся в экономической науке понятия, выражения и т. п.), и единицы не имеющие устоявшихся эквивалентов (к ним относятся как специфические для экономической Германии действительности явления, так совершенно новые для всего мира реалии, касающиеся пандемии COVID-19 и её последствий).

Мы исходим из понимания переводческой эквивалентности как «сохранения относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и в переводе» [Виноградов, 2001, с. 18]. Текст статьи насыщен однословными терминами, имеющими устоявшиеся полные эквиваленты в русском языке: *die Arbeitslosen* – безработные, *das Baugewerbe* – *строительство*, однако некоторые из представлены в русском языке словосочетаниями, в полной мере сохраняющими семантику исходных единиц: *das Arbeitsvolumen* – объём работы, *die Erholungsrythmen* – ритмы восстановления, *die Krisenverläufe* – траектории кризисов, *die Konsumausfälle* – падение потребления, *die Investitionsausfälle* – падение инвестиций.

В данном тексте можно обнаружить также немецкие сложносоставные термины, в основном, это существительные, которые при переводе на русский язык с помощью калькирования создают атрибутивные словосочетания разной структуры и частеречного состава: *die Wertschöpfungsausfälle* – *потери добавленной стоимости*, *die Arbeitsmarktentwicklung* – *развитие рынка труда*, *das*

Bruttoinlandsprodukt – валовой внутренний продукт, *die Bruttowertschöpfung* – валовая добавленная стоимость, *die Weltwirtschaftskrise* – глобальный экономический кризис. Приведенные выше термины имеют полные устоявшиеся в экономической науке русскоязычные соответствия.

Среди некоторых словосочетаний, так же, как и среди однословных терминов, были отмечены единицы, которые имели устоявшиеся полные эквиваленты в русском языке, созданные посредством такой трансформации, как калькирование: *verarbeitendes Gewerbe* – обрабатывающая промышленность, *geringfügige Beschäftigte* – частично занятые, *ökonomische Bilanz* – экономический баланс, *Öffentliche Dienste* – государственные услуги.

В анализируемом тексте также присутствуют и однословные термины, которые не имеют эквивалентных соответствий в русском языке. Выполнить их перевод можно при помощи смыслового развития по Я. И. Рецкеру, которое «заключается в замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним» [Рецкер, 2007, с. 51]. В качестве примера можно привести термин *der Lohnquote* – доля оплаты труда в национальном доходе. В некоторых случаях смысловое развитие требуется для более точной передачи когнитивной информации и включения термина в контекст, т.е. использования частичного эквивалента: *die Anpassungslasten* – бремя корректировки (экономики или экономической ситуации), что потребовало изменения числа.

Некоторые термины, не имеющие устоявшихся эквивалентов в русском языке, не могут быть адекватно переведены вне оригинального контекста, как это наблюдается при переводе словосочетания *die vermögenswirksamen Leistungen* – платежи работодателя в пользу работника помимо зарплаты. Данное словосочетание можно перевести при помощи смыслового развития по Я. И. Рецкеру и контекстуальной конкретизации по Л. С. Бархударову, под которой понимается «замена слова или словосочетания ИЯ с более широким референциальным значением словом или словосочетанием ПЯ с более узким значением» [Бархударов, 1975, с. 210]. В русском языке отсутствует эквивалентное соответствие данного терминологического сочетания. Многозначное существительное во мн. ч. *die Leistungen* переводится в данном контексте на русский язык как «выплаты», «платежи» или «льготы». Прилагательное *vermögenswirksam* в данном случае дословному переводу не подлежит, поэтому и требуется смысловое развитие в виде дополнительного объяснения для русскоязычного реципиента. Однако перевод может исказить заложенную когнитивную информацию, особенно в случае отсутствия исходного контекста:

Das Arbeitnehmerentgelt umfasst sämtliche Geld- und Sachleistungen von den Arbeitgebern an die Arbeitnehmer – zum Beispiel Urlaubsgeld, vermögenswirksame Leistungen, Fahrtkostenzuschüsse. – Доход работников включает все выплаты в денежной и натуральной форме, выплачиваемые работодателями работникам, например, отпускные, компенсацию проезда и иные платежи работодателя в пользу работника, помимо зарплаты.

Как показал анализ, в тексте анализируемой научной статьи было использовано и много новых терминологических единиц, появившихся в период 2020–2022 гг., которые могут ещё не иметь устоявшихся эквивалентов в русском языке. Некоторые из них являются интернационализмами: *der Lockdown* – локдаун или *der Corona-Krise* – коронакризис, что позволяет перевести их при помощи транскрипции или транслитерации.

Особого переводческого внимания требуют сложносоставные немецкие термины. Так, номинацию *die Infektionswellen* – волны коронавируса можно перевести при помощи конкретизации. В контексте описания пандемии Covid-19 на русском языке не используется словосочетание «волны инфекции» или «инфекционные волны», которое можно было бы получить при дословном переводе, а термин «волны коронавируса». Данный термин при подобной трансформации в полной мере доносит изначально заложенную в него когнитивную информацию, сохраняя метафорическое осмысление данного явления.

Для перевода некоторых словосочетаний из анализируемого текста, имеющих частичные эквиваленты, также использовалась конкретизация, например, *die Brancheneffekte der Pandemie* – влияние пандемии на сектора экономики. Немецкое существительное *die Branche* переводится как «отрасль», «сфера деятельности», «направление бизнеса», «специальность» или «сектор». В данном случае при конкретизации было выбрано последнее значение, так как оно наиболее точно подходит как в семантическом плане, так и с точки зрения достоверной передачи когнитивной информации.

Таким образом, анализ показал, что в привлеченной к анализу экономической научной статье встречается терминологические номинации, имеющие полные эквиваленты в русском языке, так и термины и терминологические словосочетания, требующие значительных лексических, грамматических и иных преобразований, позволяющих обеспечить достаточную степень эквивалентности. При переводе данного текста использовались такие трансформации, как калькирование, транскрипция, генерализация, конкретизация, перестановка, смысловое развитие.

В заключение отметим, что немецкая лексика тематической группы «постпандемийная экономика Германии» обладает специфическими особенностями, которые обусловлены контекстом употребления и жанром текста. Однозначно преобладают в анализируемом тексте ввиду его жанровой специфики термины и терминологические словосочетания, точно и объективно передающие когнитивную информацию, которая в полном объеме была сохранена в русскоязычном переводе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение /И. С. Алексеева. – СПб.: Академия, 2004. – 352 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 239 с.
3. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – 3-е изд., стереотип. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.
5. Grömling, Michael / Hentze, Tobias / Schäfer, Holger, 2022, Wirtschaftliche Auswirkungen der Corona- Pandemie in Deutschland. Eine ökonomische Bilanz nach zwei Jahren, in: IW-Trends, 49. Jg., Nr. 1, S. 41–72 – URL: <https://www.iwkoeln.de/studien/michael-groemling-tobias-hentze-holger-schaefer-eine-oekonomische-bilanz-nach-zwei-jahren.html> (дата обращения: 07.01.2023).

УДК 371

Компьютерные программы как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции учащихся начальной школы

Юрьева В. К., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия

Научный руководитель: к.п.н., доцент Шатохина И. В., Россия

В настоящее время важнейшей задачей в области иноязычного образования является развитие коммуникативной компетенции учащихся. В связи с этим, применение информационно-коммуникационных технологий считается наиболее эффективным способом расширения образовательных возможностей в современном образовании, а также формирования способности и готовности обучающихся осуществлять межличностное и межкультурное общение с носителями языка.

Наталья Дмитриевна Гальскова в своих работах отмечает, что в данный момент выделяют различные цели обучения, но самой главной целью обучения является развитие коммуникативной компетенции учащихся. Эта цель подразумевает овладение языковыми навыками и навыками межкультурной коммуникации (учет национальных особенностей других народов). Раннее начало изучения иностранного языка способствует формированию базовых коммуникативных навыков, необходимых для эффективного общения на элементарном уровне с носителями языка. В этом контексте применение информационно-коммуникационных технологий является важным инструментом для расширения образовательных возможностей современного образования [Гальскова, 2005, с. 188].

Компьютерные программы способствует организации интересных, увлекательных занятий, которые ориентированы на развитие всех видов речевой деятельности: аудирования, письма, чтения, монологической и диалогической речи. Они также способствуют формированию языковых умений и навыков, включая фонетические, лексические и грамматические навыки. Компьютерные программы привлекают детей захватывающими заданиями, красочным оформлением, музыкальным сопровождением. Для того, чтобы добиться от учеников наилучших результатов, в играх содержатся такие задания, которые несут в себе соревновательный характер, это пробуждает в учащихся азарт. Эти задания направлены на отработку, закрепление, активизацию грамматического и лексического материала.

С помощью компьютерных программ можно выполнить задание в тестовой форме, направленное на выявление уровня владения иноязычными умениями в присутствии и без присутствия учителя, благодаря этому сокращается время проверки результатов обучения учащихся. Тесты в электронном формате могут быть разных видов: подстановочные, выборочные, «правда-ложь», шаблонные [Цатурова, 2004, с. 95].

С целью выявления уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, а именно умений диалогической и монологической речи у третьеклассников, нами была проведена экспериментальная работа на базе МБОУ СОШ 1 им. З. Я. Лавровского станицы Ленинградской

муниципального образования, Ленинградского района Краснодарского края. Обследовались 12 учащихся 3 «А» класса.

В ходе эксперимента нами были выявлены ученики с различными уровнями сформированности иноязычной коммуникативной компетенции: очень высоким, высоким, средним, ниже средним и низким. После проведения диагностики было выявлено, что большинство учеников обладают высоким уровнем коммуникативной компетенции на иностранном языке. Они успешно отвечают на вопросы, могут составить описание картинки из более чем трех фраз, участвуют в диалоге на английском языке и понимают своего собеседника.

Обобщив и проанализировав полученные данные, можно утверждать, что при использовании компьютерных программ на уроках английского языка формируется иноязычная коммуникативная компетенция младших школьников. Это указывает на то, что есть необходимость применения программ на уроках английского языка. Поэтому нами были сформулированы методические рекомендации по работе с младшими школьниками с использованием компьютерных программ в зависимости от уровня сформированности у них иноязычной коммуникативной компетенции.

Таким образом, применение компьютерных программ на уроках английского языка не только повышает интерес младших школьников к процессу обучения, но и способствует формированию иноязычных речевых и языковых умений и навыков, на основе которых дети овладевают иноязычной коммуникативной компетенцией.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. – М.: Академия, 2005. – 188 с.
2. Цатурова, И. А., Петухова, А. А. Компьютерные технологии в обучении иностранным языкам. – М.: ВШ., 2004. – 95 с.

УДК 372.881.1:004.9

Использование Интернета для расширения ресурсной базы при преподавании иностранных языков

Яцкая Д. Д., Сибирский государственный университет науки и технологий им. М. Ф. Решетнева, студент бакалавриата, Россия
Научный руководитель: к.пед.н., доцент Дрыгина И. В., Россия

Всемирная интеграция и унификация играет большую роль в современном мире. Глобализация затронула все сферы жизни общества, именно поэтому развитие электронных ресурсов помогает улучшить процесс обучения иностранным языкам как для повседневного, так и профессионального общения.

Развитие науки и технологий в целом позволило в таком же темпе развиваться и интернет-источникам, формирующим на данном этапе уже целый рынок и базу ресурсов, которые позволяют в мультимедийном формате улучшать навыки аудирования, чтения и развивать грамматические навыки. Такая популяризация интернет-ресурсов позволяет утверждать, что они оказывают значительное содействие и помогают разнообразить занятия, что создает благоприятные условия для проведения изменений и модернизации методики преподавания иностранных языков.

Инновации идут плечом к плечу с популяризацией изучения иностранного языка. На сегодняшний день, если человек не знает ни одного языка, кроме родного, он является неконкурентоспособным на рынке труда. Этот факт укрепляет мысль о том, что Интернет способствует повышению мотивации к процессу изучения новых иностранных языков.

На фоне этого появляется достаточно много новой литературы и источников, которые не всегда являются качественными. По этой причине важно проанализировать те, которые являются наиболее эффективными, чтобы преподаватели владели информацией о том, какой ресурсной базой они могут обладать и как с ее помощью можно «прокачать» тот или иной навык обучающегося в конкретной ситуации.

Все это сводится к тому, что иностранный язык как дисциплина становится все более серьезной, так как она готовит как профессиональных переводчиков, так и специалистов из разных сфер.

Такие специалисты должны иметь знания по своей специальности, а также быть гибкими, активными, владеть хотя бы одним иностранным языком не только на так называемом «бытовом», но и на профессиональном уровне. На этом принципе строится особенность планирования учебного процесса по дисциплине, т. к. профессионально ориентированный вектор изучения иностранных языков не может существовать обособленно от пласта общеупотребительного языка повседневного «бытового» общения

Именно поэтому чаще всего повторение материала, пройденного в средней школе, становится начальным этапом дисциплины «иностранный язык» на стадии профессионального обучения. Далее идет применение этих знаний на практике с целью лучшего закрепления и понимания, как использовать их в реальных ситуациях. И только уже освоив все это, обучающийся начинает погружаться в изучение специализированной лексики, касающейся его профессии, освоение новых более сложных грамматических конструкций как в устной, так и в письменной речи.

Тут и возникает цель сохранить эффективность восприятия информации у обучающихся, ведь именно от их мотивации во многом зависит заинтересованность и результативность. Однако повторение одного и того же материала часто наскучивает, что приводит к тому, что даже остаточные знания теряются.

Информационные технологии вносят значительный вклад в методику преподавания, прежде всего, благодаря тому, что с их помощью процесс обучения становится более многогранным.

Компьютер позволяет модернизировать способ представления дидактического материала, повысить интерактивность обучения, обеспечить достаточную эффективность самостоятельной работы учащихся, использовать на практике возможности дистанционного письменного и устного общения на иностранном языке и др. [Балабанов, 2014, с. 140].

В значительной степени меняется и роль самого преподавателя, теперь он в большей степени служит связующим звеном между качественно подобранными ресурсами и обучающимся. Перед преподавателем теперь стоит задача не только быть источником информации, но и координатором, консультантом и тем, кто проконтролирует правильность использования различных ресурсов. Несмотря на это процесс обучения не усложняется, наоборот использование современных интернет-ресурсов, способствует появлению дополнительных возможностей. При этом как повторение пройденного грамматического материала, активизация пассивного запаса слов, так и освоение новой профессиональной лексики происходит благодаря выполнению различных интерактивных упражнений, способствующих ее лучшему освоению и употреблению как в устной, так и в письменной речи.

С помощью использования современных технологий и интернет-ресурсов, даже контроль полученных знаний происходит в более удобной форме как для преподавателя, так и для обучающегося. Чаще всего при онлайн тестировании при неправильных ответах комментариев дается сразу, что позволяет на первом этапе недопонимания разобраться с проблемой, а также проработать ее на новых упражнениях.

Более того, использование Интернета позволяет овладевать самыми актуальными и новыми знаниями, минимизировать использование устаревших знаний и проблем с недопониманием из-за них при межкультурной коммуникации. Что способствует также уменьшению языкового барьера и возникновению стрессовых ситуаций, которые тоже в свою очередь могут оказать влияние на уровень мотивации.

Преподаватель в свою очередь, как уже было сказано ранее, служит в роли своеобразного «фильтра», который грамотно производит выборку дидактического материала, комментирует его и дает советы и задания для наиболее успешного усваивания материала.

В ином случае многообразие неструктурированных ресурсов может привести к обратному эффекту, уровень мотивации снизится из-за отсутствия логики в изучении и трудностей с восприятием предложенного материала. При грамотной же подборке от преподавателя обучающиеся не только получают доступ к качественным материалам от носителей языка, но и имеют возможность самостоятельно по рекомендациям преподавателя организовывать дополнительное погружение в языковую среду с учетом собственных желаний и предпочтений. Данный способ взаимодействия позволяет организовывать индивидуальный подход в обучении для каждого обучающегося и способствовать увеличению заинтересованности с обеих сторон.

Технологии - важнейшая движущая сила социальной и языковой модернизации. Как утверждал Грэддол: «технологии лежат в основе процесса глобализации, и воздействуют на образование и культуру. В настоящее время роль и статус английского языка имеет социальный, политический, социально-культурный контекст, это язык бизнеса, образования, промышленности, средств массовой информации, библиотеки, коммуникации через границы» [Абирова, 2016, с. 139]. Не только английский, но и другие языки способствуют повышению конкурентоспособности специалиста на рынке труда. «Необходима постоянная модернизация стратегий, методов и форм обучения иностранным языкам с целью формирования высококвалифицированного специалиста, обладающего иноязычной коммуникативной компетенцией» [Сидикова, 2017, с. 465–466]

Многообразие интернет-ресурсов снова подчеркивает актуальность грамотного использования современных источников. Опираясь на исследования Ф. Х. Сидиковой, [Сидикова, 2017, с. 465–467]

полагаем, что освоение современных интернет-ресурсов может оказать благоприятное влияние на процесс обучения. Например:

1. Культивировать интерес студентов к обучению. Уход от старых и привычных методик, заранее способствует повышению уровня интереса со стороны обучающихся, потому что современное поколение с наибольшим рвением и доверием воспринимает информацию из интернет-ресурсов.

2. Развивать коммуникацию обучающихся. В большинстве случаев общение с носителем языка при традиционном обучении было невозможным. Современные технологии же позволяют в режиме реального времени пообщаться не только с обычными иностранцами, но и с лучшими преподавателями мира. Это позволяет не только показать свои знания, но и понять важность и востребованность изучения иностранных языков, и то, какие возможности оно открывает.

3. Расширить знание студентов, чтобы получить полное понимание иноязычной культуры. Учебники, которые сегодня используют преподаватели, переиздавались несколько лет назад, что не позволяет им предоставить актуальную информацию о культуре страны изучаемого языка. Современные же технологии идут в ногу с изменениями в культуре и предоставляют наиболее достоверную информацию на данном этапе развития.

4. Улучшить эффект преподавания. Старые методики имеют свои преимущества, но внедрение в них современных технологий позволяет сделать процесс получения новых знаний более персонализированным, а значит увлекательным и красочным для каждого. Это повышает инициативность со стороны обучающегося в поиске наиболее интересной для него и его коллег информации, и позволяет сэкономить время при достижении поставленной цели.

5. Улучшает взаимодействие между преподавателем и обучающимся. Каждый учится друг у друга. Обучающиеся с наибольшим рвением находят новые источники информации, помогают преподавателю улучшить процесс обучения и, сами того не замечая, самомотивируются благодаря этому.

В практической части исследования нами был проанализирован ряд интернет-ресурсов, которые помогают модифицировать и усовершенствовать процесс обучения. На примере предложенных нами ресурсов остановимся более подробно на навыках, которые можно улучшить, используя каждый из них.

Видеоролики. Небольшое по объёму видео может послужить ценным источником информации. Ценность его заключается в том, что информация преподносится дозированно. Чаще всего видеоролик длится не больше минуты. За это время обучающемуся либо предлагают выучить новое слово. Либо узнать что-то из грамматических правил. Обычно автор видеоролика разыгрывает либо небольшой диалог, либо ставит некоторую сценку, в которых демонстрирует способы употребления. Часто строится на основе определенных ассоциаций. Данный ресурс позволяет развивать навыки аудирования, способствует формированию грамматических навыков и обогащению лексического запаса.

Воркбуки. Своеобразные рабочие тетради в электронном формате. Авторы предлагают с их помощью выучить лексику по темам, познакомиться с идиомами, фразовыми глаголами, а также освоить грамматические правила. Все темы сопровождаются примерами употребления, прилагается ссылка на видео для аудио восприятия, а также создаются карточки для запоминания слов в специальном приложении. Некоторые авторы делают кроссворды, другие ассоциогаммы, а также упражнения для закрепления. Данный ресурс также способствует обогащению лексического запаса, формирует грамматические навыки и позволяет поддерживать навыки аудирования.

Интернет-каналы. Существует различное множество интернет-каналов в различных соцсетях. Исследование проводилось на основе Telegramканалов.

Первые представляют собой своеобразного бота, который каждый день выкладывает какую-либо информацию. Это может быть несколько раз за день по одному примеру или сразу все. Информация всегда сопровождается примерами, так слова обязательно предоставляются в контексте с несколькими ситуациями по употреблению. В течение дня появляется также задание, где нужно будет из синонимов выбрать наиболее правильный для употребления, и не обязательно верным будет слово, которое было изучено в этот день. Что касается идиом, они также публикуются в контексте. В большинстве случаев, они сопровождаются краткой вырезкой из сериала, фильма или интервью с их употреблением для лучшего закрепления. Грамматические же каналы сначала дают правило в начале дня, позже примеры, в которых нужно выбрать правильный вариант ответа. Иногда же наоборот – сначала пример, а если вы отвечаете неправильно, то дается объяснение, почему нужно выбрать другой вариант и прилагается ссылка на теорию.

Вторым видом интернет-канала является канал с обратной связью. Чаще всего такие создают преподаватели-блогеры. В них они устраивают различные марафоны по типу «пять слов в день»: когда обучающемуся в течение определённого срока (недели, месяца или года) каждый день нужно учить слова, предложенные автором канала, а по итогу вместе с остальными участниками созвониться и показать

наилучший уровень владения. Другим интересным марафоном может послужить чтение книг на английском: точно также каждый день участникам нужно читать определенное количество страниц, а по итогу созвониться и поделиться впечатлениями с другими участниками. Новую лексику в данном случае каждый контролирует сам. Впоследствии организатор марафона на «созвоне» может устроить своеобразную викторину, на которой может проверить знания отдельных моментов из выбранного произведения. Примерно тоже происходит при совместном просмотре фильмов. Участники собираются в оговоренное время, смотрят фильм, те кто не может, смотрят его в записи и до определенного времени, каждый составляет себе словарик, либо пользуются тем, что предлагает автор марафона. В конце также происходит «созвон» и бурные обсуждения. Марафоны проводятся для людей с различным уровнем языка, только на иностранном языке для наилучшего погружения в языковую среду.

Третьим видом каналов являются каналы с материалами. Их также создают преподаватели. Там они публикуют актуальные учебники или какую-то часть из серии учебников, где есть наиболее полезная информация. Предлагают ссылки на различные источники, где можно улучшить навыки аудирования, например, просмотрев отрывок из фильма и ответив на вопросы о нем. Для улучшения чтения предлагаются статьи из журналов с заданиями или опять-таки ссылки на сайт, где есть тексты для разных уровней, на различную тематику с новой лексикой и упражнениями на понимание смысла. Авторы каналов также распространяют информацию о различных бесплатных языковых курсах от ведущих университетов мира. Делают подборки грамматических правил в виде картинок, а также сами выкладывают различную лексику или дают ссылки на сайты с ней.

Некоторые из преподавателей создают каналы для общения, где каждый может поделиться своей историей на изучаемом языке. Большую популярность получило понятие «бадди», под которым понимается друг или наставник, чаще всего из числа носителей, который помогает в освоение языка.

Анализируя различные виды интернет-каналов, можем отметить, что данные ресурсы позволяют развивать как навыки аудирования, так и чтения на иностранном языке, способствуют закреплению грамматических навыков и обогащению словарного запаса в различных сферах, в том числе иногда и профессиональных.

В итоге нашего исследования мы убедились, что современные интернет-ресурсы служат связующим звеном между обучающимся и его комфортным изучением иностранного языка. Современные источники и Интернет в целом расширяют возможности и делают их безграничными. Никто раньше и подумать не мог, что для того, чтобы пообщаться с носителем нужно будет просто зайти в чат или нажать кнопку и позвонить ему по видеосвязи в любую точку мира, а не ехать в страну изучаемого языка. Грамотно подобранная информация и интегрирование новых способов ее презентации в устоявшиеся методики, может не только сделать процесс обучения более увлекательным и интересным, но и улучшить его благодаря сочетанию. Сегодня полное погружение в языковую среду становится все более простым, а изучение сложных и скучных правил легким и понятным. Все это происходит благодаря интернет-ресурсам, которыми может воспользоваться каждый. Общество заинтересовано в упрощении путей получения информации, развитии новых способов ее донесения, но при этом сохранении ее качества.

Таким образом, Интернет способствует расширению ресурсной базы для преподавания иностранных языков, помогая предоставить качественную и наиболее актуальную информацию обучающимся, а также способствует их мотивации и заинтересованности к изучению нового языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абирова, Г. Р. Развитие иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыковых вузов // Потенциал современной науки. 2016. № 1 (18). С. 138–140.
2. Балабанов, В. Б. Использование новых информационных технологий при профессионально ориентированном обучении иностранным языкам // Актуальные вопросы права, образования и психологии. – Могилёв: Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2014. – С. 138–143.
3. Сидикова, Ф. Х. Модернизации в преподавании иностранного языка // Современные тенденции развития России: путь к эффективности. – Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2017. – С. 463–468.

УДК 811.134.2

Приемы и средства языковой выразительности в текстах песен Альваро Солера

Ахтемова Д. Э., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия

Зиновьева Д. Н., Южный федеральный университет, преподаватель, Россия

В последние годы интерес ученых к песням как к материалу исследований существенно возрос. Это обуславливается значительной популярностью данной формы музыкального искусства, сочетающей в себе поэзию и музыку, а также тем фактом, что песни отражают особенности культуры, социальный уклад, убеждения и ценности того или иного народа.

В фокус настоящего исследования вошли особенности употребления приемов и средств языковой выразительности в текстах песен современного испанского певца и композитора Альваро Солера, широко известного как в Испании, так и во всем мире. Его работы неоднократно занимали первые места в различных чартах, в том числе и чарте Billboard, в Латинской Америке, Испании и Португалии.

Характеризуя жанровые особенности песен Альваро Солера, необходимо отметить, что большинство его песен относится к так называемым «*canciones de verano*» (посл. летние песни) – жанру, зародившемуся в 60-х годах в Италии. Несмотря на свое название, данный жанр не имеет привязки к конкретному времени года. *Canciones de verano*, как правило, передают легкое, беззаботное настроение, а также характеризуются простой рифмой и несложным сюжетом. Песни этого жанра оказывают значительное эмоциональное воздействие на слушателя, погружают его в атмосферу спокойствия и безмятежности.

Такое воздействие на реципиента в отечественной и зарубежной науке получило название *суггестия*. Термин «суггестия» происходит от латинского слова *suggestio* – внушение, намёк и, согласно Желтухиной М. Р., представляет собой «процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации» [Желтухина, 2007, с. 308].

Для реализации данного воздействия используется широкий репертуар приемов, исследованием которых занимались такие современные лингвисты, как Желтухина М. Р., 2007; Князьков Д. А., 2021 и др.

Особое внимание исследователи обращают на фонетические, лексико-стилистические и синтаксические средства выразительности, которые зачастую выступают в качестве приемов суггестии в продуктах массовой культуры.

Так, Князьков Д. А. выделяет следующие приемы:

- метафоры
- фразеологизмы
- аллитерация, ассонанс
- звукоподражание
- сравнение
- олицетворение
- синекдоха
- эпитет
- литота
- гипербола
- синтаксический параллелизм
- риторический вопрос и восклицание и др.

В настоящем исследовании была предпринята попытка рассмотреть и проанализировать частотность выделенных Князьковым Д. А. средств выразительности на примере корпуса двадцати одного текста песен Альваро Солера.

Рассмотрим особенности употребления приемов и средств художественной выразительности на разных уровнях языка. Так, лингвистический анализ песенных текстов показал, что на фонетическом уровне одним из наиболее распространенных приемов является **аллитерация и ассонанс**:

Suenan los tambores / De la alma / Llorando las luces / De la alarma / Llevo mi bandera [Álvaro Tauchert Soler, 2022].

Так, в приведенном примере автор текста прибегает к аллитерации, которая выражается в повторе звуков [l] и [m].

В качестве примера ассонанса можно привести следующие строки:

...*quiero que este sea el mundo que conteste / del este hasta oeste* [Álvaro Tauchert Soler, 2015].

На наш взгляд, приемы аллитерации и ассонанса задают ритмичность и придают тексту большую динамичность. Кроме того, повтор одного и того же или похожих звуков способствует более быстрому и эффективному запоминанию текстов песен.

Другим средством, выполняющим аналогичную функцию, является **звукоподражание**. Зачастую звукоподражания также содержат в себе элементы аллитерации и/или ассонанса («*La-la-ra-la-ra-la-la-ra*» – аллитерация повторяющихся звуков [l] и [r]). Как правило, данный прием используется исполнителем для напева основной мелодии песни и способствует ее эффективному запоминанию в том числе и среди людей, не владеющих испанским языком.

В композициях так же можно встретить **гиперболу**, наиболее часто выражаемую лексемами *nunca*, *jamás* и *siempre*. Так, например, в песне «*La Libertad*» лирический герой использует гиперболу (*Yo nunca olvidé lo que fui / Siempre será parte de mí*) для того, чтобы подчеркнуть необходимость и важность приобретенного опыта, который «всегда будет частью» его идентичности. Интересно, что приведенная фраза выстраивается на принципе антитезы и, таким образом, придает высказыванию еще большую экспрессивность.

Другим примером гиперболы может послужить следующая строка:

A cada paso que das / Te llaman bonita [Álvaro Tauchert Soler, 2018]

Так, лирический герой обращается к своей возлюбленной и подчеркивает ее красоту. Таким образом, гипербола способствует усилению эмоционального воздействия на реципиента, поскольку данный прием предполагает эмоциональное вовлечение слушателя в проблему или сюжет песни. Гипербола также помогает при создании более глубокого образа лирического героя.

Для текстов песен также характерны **лексические повторы**, которые могут быть представлены **анафорами** или **эпифорами**. Такие средства выразительности способны воздействовать на слушателя, потому что несложные лексические повторы способны надолго задержаться в памяти слушателей. Рассмотрим следующие примеры:

1. *Sí, fue una locura, una locura, no íbamos a parar*
Sí, fue una locura, una locura, íbamos a volar [Álvaro Tauchert Soler, 2018].

2. *A la isla del sol, sol, sol*
A la isla del sol, sol, sol [Álvaro Tauchert Soler, 2021].

3. *Ella, si solo supiera*
Ella, que me desespera
Ella, ella, ella
Solo vivo por ella, ella, ella [Álvaro Tauchert Soler, 2015].

Эпифора в песенных текстах выступает рифмообразующим средством, при этом это может быть как лексическая (см. пример 3), так и грамматическая эпифора (см. пример 1). В целом, поскольку для жанра «*сanciones de vegano*» характерны простые, незамысловатые сюжеты и тексты, песни Альваро Солера зачастую строятся на принципе лексического повтора, который позволяет без дополнительных усилий запоминать текст композиции.

Метафора является частым средством выразительности в лирике Альваро Солера. Данный прием занимает особое место в творчестве певца и композитора. Так, например, в композиции «*Niño del mar*» метафора является основным средством художественной выразительности. Рассказывая о трудностях жизни иммигранта, автор использует метафоричность и образность как для создания образа лирического героя («*piel de marfil*», «*ojos del sur*», «*niño del mar*», «*labios de jazmín*»), так и для описания проблем, с которыми он столкнется за рубежом («*tu corazón quiere cantar, te callan la voz*»).

На ряду с метафорами встречаются и **сравнения**.

Как правило, сравнения создают яркий запоминающийся образ, который может являться ключевым для музыкальной композиции. Например, в песне «*Veneno*» автор создает сравнение возлюбленной лирического героя с ядом, и эта параллель остается центральной для данной песни:

Tú eres como veneno, te toco y yo me queto.

Как метафоры, так и сравнения придают большую степень экспрессивности, художественной выразительности и помогают создать уникальный, запоминающийся текст.

Риторические вопросы и восклицания:

1. *Soñando fuerte y además*

- ¡Mi batalla es la única que hay!* [Álvaro Tauchert Soler, 2022].
2. *Es esa locura dentro de ti*
¡Dime qué quieres de mí! [Álvaro Tauchert Soler, 2021].
3. *¿Y cuánto más, dime cuánto más*
Tienes que jugar conmigo? [Álvaro Tauchert Soler, 2018].

Как видно из приведенных примеров, риторические вопросы и восклицания используются в текстах песен Альваро Солера достаточно часто и служат для выражения высокой степени экспрессивности. Как правило, они представлены в текстах, повествующих о романтических чувствах лирического героя (в этом случае речь идет о риторических вопросах, задаваемых героем своей возлюбленной, см. примеры 2 и 3) или в песнях, посвященных теме личностного роста, мотивации и поиска себя (см. пример 1).

В целом, **обращение** оказалось нечастотным средством выразительности в песнях Альваро Солера и встретилось только в двух композициях – «Sofía», «No te vayas». Рассмотрим следующий пример употребления обращений:

Río, no me sueltes que congelas el río
Primavera, ven y llévate el frío [Álvaro Tauchert Soler, 2018].

Интересно, что в первой строке приведенного фрагмента автор прибегает к использованию игры слов: Рио – это испанское имя, созвучное с испанской лексемой *río* (река). Так, лирический герой обращается к женщине и в то же время к природе, что обыгрывается во всей композиции. Например, уже в следующей строке мы можем увидеть другое обращение к природе – герой обращается к весне с просьбой прийти и унести с собой холод.

Итак, подводя итоги, мы можем сказать, что фонетическое, лексико-стилистическое и синтаксическое взаимодействие средств выразительности превращает композицию в более эмоциональное и интересное произведение массового искусства. Таким образом, можно отметить, что приемы и средства выразительности не только способствуют созданию яркого и запоминающегося текста, но и оказывают значительное влияние на количество прослушиваний той или иной песни. Кроме того, обилие данных средств производит суггестивный эффект, что заставляет слушателя снова и снова напевать данную композицию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Чанышева, З. З. Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакommunikации / З. З. Чанышева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 3. – С. 140–147.
2. Князьков, Д. А. Суггестивные приёмы в песенном дискурсе (на материале произведений конкурса «Евровидение» XXI века): автореф. дис... канд. филол. наук / Д. А. Князьков. – М.: МГОУ, 2021. – 24 с.
3. Желтухина, М. Р. Политическое сознание и суггестивность / М. Р. Желтухина // PR-технологии в информационном обществе: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. СПбГПУ. – 2007. – Ч. I. – С. 304–314.
4. Delgado, J. El origen de la canción del verano / J. Delgado – URL: <https://dicelacancion.com/origen-cancion-verano> (дата обращения: 18.04.2023).
5. Álvaro Tauchert Soler, 2015, 2018, 2021, 2022

УДК 81'42

Репрезентация критики в мультимодальном аспекте (на материале сериала «反转人生»)

Васильева К. М., Сибирский федеральный университет, студент бакалавриата, Россия
Тарасова В. В., Сибирский федеральный университет, старший преподаватель, Россия

Критика в современном мире переживает изменения и адаптируется к новым форматам и платформам, что приводит к большему разнообразию и плюрализму в критическом мышлении и взглядах. В целом, критика является важным феноменом в культуре и обществе, поскольку позволяет оценивать и анализировать произведения искусства и различные явления, способствуя развитию общественного диалога и обогащению культурной среды.

В силу того, что критика является многоаспектным социальным феноменом, а также объектом междисциплинарного изучения существуют различные определения критики. В своей работе под

понятием «критика» мы вслед за Т. В. Жеребило понимаем критику, как оценку, разбор, анализ или же исследование, а также научную проверку на качество чего-либо. Критика – один из типов опровержения, нацеленный на показ несостоятельности или неприемлемости предложений оппонента. Цель критики – побудить аудиторию принять иное решение [Жеребило, 2005].

Критика в лингвокультуре Китая имеет свои особенности и уникальные черты, которые отражают культурные нормы, ценности и обычаи данного общества. В китайской лингвокультуре критика может быть выражена с помощью намеков, метафор, эвфемизмов или вопросительных конструкций, чтобы смягчить непосредственное утверждение и избежать прямого столкновения или конфликта; уважение к статусу и гармонии: Китайская лингвокультура акцентирует уважение к статусу и поддержание гармоничных отношений. В критических высказываниях часто используются вежливые формы обращения и формулировки, чтобы сохранить уважение к адресату и избежать оскорбления или конфликта. Критика может быть выражена в виде совета, предложения или подсказки, обращает внимание на возможные улучшения или изменения; культурные артефакты: в китайской лингвокультуре существуют определенные культурные артефакты, которые могут использоваться для выражения критики; коммуникационные стратегии: в китайской лингвокультуре существуют определенные коммуникационные стратегии, которые используются для эффективного выражения критики. Например, коммуникация может быть построена на базе отношений доверия и дружелюбия, чтобы критика была воспринята более благосклонно.

Эмпирическим материалом данного исследования послужили транскрипты популярного киносериала КНР «反转人生» («Когда ты станешь мной»). Общий объем проанализированных текстов составляет 519 минут. Сюжет повествует о двух школьниках старших классов – Му Сян Сян и Цяо Наня, абсолютно противоположных по характеру, но волей судьбы обменявшихся телами. Данное стечение обстоятельств и позволило проанализировать, как именно будут вести себя подростки Китая в ситуации, которая предполагает оценку поведения друг друга с собственной точки зрения.

В рамках настоящего исследования мы проследили некоторые закономерности в поведении представителей китайской лингвокультуры, которые стали показателями, указывающими на проявление трансформации огульной критики в деловую в процессе коммуникации. Критика отражается в поведении двух главных героев на протяжении всего сериала. Школьники оценивают поведение друг друга, однако изначально такую критику можно было отнести лишь к огульной и несправедливой, потому как данный вид критики подразумевает разрушающую, оскорбительную и грубую манеру речи, язвительные комментарии, надменность в мимике и тоне речи, что и прослеживалось в поведении оппонентов. Такие типы критики, в отличие от других, не направлены на решение проблемы, зачастую они являются инструментами отображения собственного превосходства. В работе мы проследили переход от огульной критики к деловой, что прослеживается в последующем поведении главных взаимодействующих лиц.

В первых трех эпизодах Сян Сян и Наню предстояло быть на месте друг друга, по причине подмены тел, поэтому их цель заключалась в том, чтобы не выдать себя, притвориться теми, кем они не являются. Школьники стали поучать друг друга, вместо того чтобы решить проблему, это чувствовалось как в вербальном, так и невербальном проявлении. Они не понимали серьезность ситуации, и для них на первом месте стояла собственная репутация, что зачастую также является причиной использования критики в речи.

女: 试了再说

男: 等一下!

女: 咋啦?

男: 乔楠, 从物理学的角度来看的话, 咱俩跳下去绝对不会管用的

女: 你少给我扯上物理学, 你觉得咱俩灵魂互换符合物理学吗? 跳就完啦!

Подобные высказывания, характеризующие пренебрежительное отношение к идеям друг друга, не раз встречаются в ходе всего сериала. Презентуя критику с точки зрения мультимодальности, можно отметить и жестовую неприязнь, например, поднятая голова, покачивания головой, вскидывание рук в стороны, а также изменения в мимике, которые также указывают на негативную оценку к сказанному оппонентом.

В качестве сравнения стоит обратить внимание на другой тип критики – позитивный. Было установлено, что в кинокартине критика может меняться в соответствии с межличностными отношениями. Когда подростки старались устранить проблему, критика была положительной, даже если указывала на недостатки друг друга. Позитивная деловая критика в китайском лингвокультурном аспекте отражает специфические ценности и подходы, характерные для деловой среды и коммуникации на китайском языке. Важно понимать, что в китайской культуре подход к критике может отличаться от западной и иметь свои особенности. Прежде всего это сдержанность и вежливость: в деловых общениях китайские

предпочитают более сдержанный и вежливый стиль общения. Позитивная деловая критика должна быть выражена в умеренной форме, избегая прямых и слишком резких высказываний. Использование таких фраз, как «可能值得考虑这种方法...» или «能否考虑替代方案...» помогает создать более мягкую и конструктивную атмосферу. Коллективизм и участие: в китайской деловой культуре акцент делается на коллективизме и участии группы. Позитивная деловая критика может быть ориентирована на предложение улучшений и совместного поиска решений. Она может подчеркивать важность сотрудничества и совместного развития, выражаясь в таких формулировках, как «也许我们可以一起找到一个解决方案» или «让我们讨论一下可能的改进方法».

Именно поэтому такая критика продуктивна – она работает на улучшение ситуации. Деловая позитивная критика характерна открытыми позами, спокойным темпом и громкостью речи, она не допускает оскорблений или принижения оппонента. В качестве примера приведем отрывок из 4 серии сериала:

- 你的工作做得很好。谢谢你对我的帮助。
- 我为你感到骄傲，尽管你很谦虚，但你能站在你姑姑面前。继续锻炼自己，你很快就会像我一样。
- 我非常感谢你。

В проанализированной ситуации прослеживается прогресс, который демонстрирует конструктивную критику. Такой тип критики относится к позитивной, о чем говорят такие фразы, как «你的工作做得很好» и «尽管你很谦虚，但你能站在你姑姑面前». Критикующий мягко указал на недостатки, но в приоритете его цели коммуникации стояла похвала и желание выделить достоинства партнера. В дополнении к этому, в контексте мультимодальности нельзя упускать и невербальную коммуникацию. Открытые позы, мимика и характер речи указывают на то, что цель высказывания направлена не на оскорбление, а на исправление ситуации, что и соответствует деловой позитивной критике.

Таким образом, критика имеет множество выражений и может рассматриваться с точки зрения языковых и неязыковых проявлений. Также критика может трансформироваться из одного типа в другой, при этом приобретая новые черты и становясь более экологичной для восприятия собеседником, как в случае с трансформацией огульной критики в деловую.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бутовская, М. Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросскультурные основы невербальной коммуникации человека). – М.: Научный мир, 2004. – 441 с.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2005. – 376 с.
3. Кибрик, А. А. Мультимодальная лингвистика. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 135–152.
4. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: дис. ... доктора. филол. наук / Крейдлин Григорий Ефимович. – Москва, 2000. – 385 с.

УДК 811.134.2

Анализ концепта цвета на материале испанских фразеологических единиц

Глазунова А. С., Южный федеральный университет, студент специалитета, Россия

Карлина А. Н., Южный федеральный университет, преподаватель, Россия

Современная лингвистика не стоит на месте и постоянно развивается. Вопрос концепта цвета и его отражения в языке и культуре также актуален, потому что через цвет выражается то, как люди воспринимают и оценивают окружающий мир.

Данная тема находится на стыке различных направлений, концепт цвета можно рассматривать под углом физиологии, психологии, лингвистики, теории цвета и т.д. Вопросами цветовых ассоциаций, а также соотношения цвета и языка, занимались такие исследователи, как А. Вежицкая, Е. И. Горошко, А. Н. Леонтьев, Е. Э. Рогулина, А. П. Василевич, Ч. А. Измайлов и другие.

Важный вклад в изучение концепта цвета внесли исследования П. Кея и Б. Берлина, в которых они выделяли цветовые универсалии. Путём сбора данных из разных языков мира исследователи пришли к выводу, что цветоименование является языковой универсалией, и выделили одиннадцать базовых категорий цветов, из которых уже исходят другие цвета. Исследователи также отметили некоторые расхождения в количестве таких базовых категорий в отдельных языках, где несколько категорий, по сути, сливаются в одну.

Теорию Берлина и Кея некоторые учёные критикуют за излишний универсализм. Так, А. Вежицкая в своей работе «Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия» писала, что

цвет не является универсальным понятием, но как универсальное понятие можно рассматривать «видение», поэтому нужно исследовать «универсальное зрительное восприятие» [Вежбицкая, 1996].

В этой работе Вежбицкая на материале различных языков сделала вывод, что восприятие цвета в значительной степени обуславливается биологически, и цветовые концепты связаны с определёнными универсальными, естественными элементами, которые примерно сводятся к таким категориям, как «день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля» [Вежбицкая, 1996].

Испанская культура известна своей яркостью и эмоциональностью, поэтому для испанского языка характерно использование цвета для передачи выразительности и образности. В данной работе мы рассмотрим, как концепт цвета проявляется в испанском языке с помощью анализа испанских цветовых фразеологизмов.

Прежде всего, введём понятие фразеологизма. Т. В. Жеребило определяет фразеологизм, как «устойчивый оборот, значение которого основано на возникновении постоянного контекста, возникающего тогда, когда одно из слов выпадает из свободного употребления, превращаясь в компонент составной лексемы. <...> Чем древнее фразеологизм и чем менее он связан со словами общего употребления, тем менее мотивировано фразеологическое значение» [Жеребило, 2010, с. 438].

Во фразеологических единицах наглядно видно проявление культуры через язык, отношение людей к конкретным понятиям, а также можно заметить образы, возникающие у человека определенной культуры в конкретной ситуации.

Мы проанализировали фразеологизмы, связанные с цветом, используя материалы из следующих словарей: Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц. Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович, И. А. Будницкая. М.: Рус. яз., 1985; Ю. А. Ларионова. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2014.

При сравнении испанских и русских цветовых фразеологизмов можно выделить небольшое количество полностью или частично совпадающих фразеологизмов, например:

- a. *sangre azul* голубая кровь, означает благородное происхождение.
- b. *mirlo blanco* (буквально – белый дрозд) белая ворона, означает непохожего на всех человека.

Первый фразеологизм можно встретить в такой форме и в других языках (английский *blue blood*, немецкий *blaues Blut*), поэтому можно сказать, что для этого понятия существует достаточно закреплённая ассоциация. Тогда как во втором случае в русском и испанском взят один образ – тёмная птица с несвойственным ей цветом – и один цвет, но фразеологизмы получились неодинаковые.

Также присутствуют ситуации, когда в этих двух языках есть похожий образ, но он выражается с помощью разных цветов, например:

- a. *príncipe azul* – принц на белом коне.
- b. *envidia amarilla* – черная зависть.

В аспекте фразеологических единиц в испанском языке наиболее частотными являются такие понятия, как жёлтый (*amarillo*), зелёный (*verde*), красный (*rojo*), синий (*azul*), белый (*blanco*), чёрный (*negro*). На второй план отходят понятия оранжевый (*naranja*), розовый (*rosado*), фиолетовый (*morando*), коричневый (*marron*), серый (*gris*). Можно предположить, что, так как эти цвета состоят из смеси других цветов, они включают в своём значении уже существующие признаки цветов, их составляющих. (Например, розовый похож на красный, только светлее)

Из этого списка отдельно можно выделить целую категорию фразеологизмов, использующих понятия чёрное и белое вместе, как абстрактные контрастные понятия. Они могут обозначать день-ночь, верх-низ, правду-ложь, одно-другое. Это две стороны, не различать которые невозможно для человека, например:

- a. *caer de lo blanco a lo negro* – упасть с неба на землю.
- b. *decir blanco hoy y negro mañana* – говорить сегодня одно, завтра другое.

Рассмотрим также другие наиболее часто встречающиеся во фразеологии цвета. Жёлтый цвет, который в испанских фразеологизмах получил широкое распространение, в русских фразеологизмах можно встретить не так часто. Однако фразеологизмы, которые имеются, в русском имеют скорее негативную окраску:

- a. *жёлтый дом* – больница для сумасшедших.
- b. *жёлтая пресса* – скандальная пресса.

В испанском фразеологизмы со словом «*amarillo*» так же имеют скорее отрицательные коннотации:

a. *en amarillos aprietos* в очень трудном, стесненном положении.

b. *como la ictericia, que todo lo deja amarillo* скверный, неприятный, противный, вредный (о человеке).

Когда человек бледнеет, в русском скажут, что он побелел, но в испанском он, скорее, пожелтеет:

a. *amarillo como un muerto* бледный как мертвец.

b. *amarillo como (la) cera* смертельно бледный.

С зелёным цветом сложно проследить какую-то определенную ассоциацию в обоих языках, и он имеет довольно противоречивую окраску. Он используется и в таких выражениях, как разругать кого-то, разделать под орех – *ponerte verde* (или *de verde u amarillo*) a uno, и страдать за чужие грехи – *arder verde por seco*, но при этом *darse uno un verde* значит немного развлечься, рассеяться.

Красный цвет наиболее очевидно мотивирован, потому что в основном фразеологизмы с его участием опираются на красный цвет как таковой и в основном передают значение «покраснеть», например:

a. *ponerle rojo a uno* – заставить покраснеть, вогнать в краску кого-либо.

b. *más rojo que el fuego* – 1) огненно-красный, 2) красный от стыда.

В русском тоже можно найти подобный фразеологизм, например, красный как рак. Также в русском языке прослеживается ассоциация с красным, как с чем-то заметным и важным «красной нитью», «красная строка», в испанском такого элемента значения замечено не было.

Важно отметить, что в отличие от русского в испанском нет отдельных наименований для синего и голубого, и для них существует общее понятие «*azul*». У синего цвета в испанском нет ярко выраженного негативного оттенка, в испанском есть такие фразеологизмы, как *riguro como el azul del cielo* – чистейший, незапятнанный и *de oro u azul* – нарядный, разодетый как картинка, но при этом между ними встречаются и такие фразеологизмы, как *tiempos azules* – тяжелые времена.

Но по строению можно проследить общие принципы построения испанских фразеологизмов. Фразеологизмы, содержащие названия цветов, характеризуются высокой образностью, и поэтому они часто строятся на сравнении. Почти для каждого цвета характерны две модели:

1) цвет+ *como*+ образное сравнение;

2) *más* + цвет+ *que*+ образное сравнение.

В таких фразеологизмах идет сравнение с ярко выраженным цветом определенного предмета, например:

a. *amarillo como la cera* – жёлтый как воск.

b. *más rojo que la lumbre* – ярко-красный.

c. *verde como coles* – ярко-зелёный.

d. *más blanco que la Azucena* – белоснежный.

В результате анализа можно сделать вывод, что цвет оказывает большое влияние на людей, на их восприятие и видение мира, на человеческую культуру и на язык в том числе. Например, когда у человека всё хорошо, то жизнь играет яркими красками, а когда он приуныл, он видит мир в серых тонах. Такие образы уникальны практически для каждой отдельно взятой культуры.

Также можно заметить, что испанские фразеологические единицы очень отличаются от русских, в их основе зачастую лежат иные образы, поэтому сложно проследить их мотивацию. Для понимания их значения лучше обращаться к словарю.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 231–291.

2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

3. Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц/Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович, И. А. Будницкая; Под ред. Э. И. Левинтовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 1080 с.

4. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. – М.: «Аделант», 2014. – 512с.

Literary and Linguistic Representation of the image 'Horse' in British Fiction

(Литературная и языковая репрезентация образа 'Horse' (Лошадь)

в британской художественной литературе)

Грицаенко А. Н., Южный Федеральный университет, студент бакалавриата, Россия

Крюкова Е. И., Южный федеральный университет, к.ф.н., доцент, Россия

The image of a horse in British culture, although seemingly universal, plays a significant role, which is reflected in literature, heraldry, architecture, traditions, and customs, as well as in the language of its inhabitants. Some researchers even call the horse «an ideologically determined component of culture, which reflects the British picture of the world in certain historical epochs» [Градалева, 2020, p. 1].

The English have carried their reverent attitude to horses through time. The image of the animal has always been very important for the inhabitants of the foggy Albion. The horse was an integral part of the well-known image of the Knights of the Round Table.

Horses were extremely important, and there is plenty of evidence to back this up. For example, the Celts believed that even the gods patronised these animals. In Celtic mythology there was the horse goddess Epona. She gave protection to horses and their owners. Sometimes the Celts depicted the goddess herself as a horse in their drawings, in other cases they drew Epona surrounded by horses and mares [Свифт, 2021].

The importance of the horse in English culture and history is also proved by the phenomenon of the English geoglyphs. Geoglyphs are huge images on English chalk hills created by the hand of man. Drawings of white horses are the most common geoglyphs located on the territory of Great Britain.

The image of the horse has not only left a vivid mark on British history, but it is also ingrained in the traditions and lives of the English. For example, it has entered English speech culture. We can see it in English proverbs, idioms, and sayings in which the image of a horse appears quite often.

For example:

-come off your high horse

-straight from the horse's mouth

-you can lead a horse to water, but you can't make him drink

-lock the stable door after the horse has been stolen

- horses for courses («to be in their place»).

Thus, the horse and the spheres of human activity associated with it occupy an important place in the mind, history, and life of the inhabitants of Great Britain.

We turn to the representation of the image of the horse in the literary works of British writers and analyse the literary means used to create the image.

Let us study the representation of the image of the horse and its significance for the culture and life of England using the example of the literature of the Middle Ages. *The Canterbury Tales* is a work by Geoffrey Chaucer, who has been called «the father of the English language and the founder of realism».

The work depicts people from different estates, from a poor student to a knight. One of the signs of belonging to one class or another was the presence or absence of a horse, the number of horses in possession and their qualitative characteristics.

For example, when describing the horses of a wealthy, presentable and well-fed monk («a lord ful fat and in good point...») J. Chaucer uses the adjective with a positive connotation, *deyntee* (graceful). **“A manly man, to been an abbot able/ Ful many a deyntee hors hadde he in stable...”**

The image of a horse is different in the description of the Oxford student. The poverty and rather low social status of this character is demonstrated to the reader by the portrait of his horse. Chaucer uses the word *leene* (splinter) to convey the thinness and frailty of the animal.

In those days, it was important to know how to ride. In Chaucer's text, his lack of riding skills suggests that he is an inexperienced man, lacking courage and any kind of regalia. In order to support his assertion, here is a description the author gives of the Oxford student. When describing his poor riding skills, Chaucer uses the word *maid*. The student holds himself in the saddle as ineptly as a maiden sits at the festive table: **“‘Sire Clerk of Oxenford,’ oure Hooste sayde,/ ‘Ye ryde as coy and stille as dooth a mayde,/ Were newe spoused, sitting at the bord;/ This day ne herde I of your tonge a word...’**

As we have seen before, the presence of a horse showed the status of its owner. The more thoroughbred horses a man owned, the higher he was on the hierarchical ladder. However, it was not just the possession of a horse that signified the nobility of its owner. The nobility and dignity of a man was also demonstrated by his skill in the saddle. Horseback riding was a proof of such virtues as bravery, courage, and strength.

Chaucer meanwhile described the knight's fidelity, chivalry, and generosity, for instance: «**A Knight ther was, and that a worthy man,/ That fro the tyme that he first bigan/ To ryden out, he loved chivalrye, /Trouthe and honour, fredom and curteisye...**».

One of the authors who used the image of a horse in his work was the eighteenth-century Scottish poet R. Burns. In his poem *The Auld Farmer's New-Year-Morning Salutation to His Auld Mare, Maggie* a man addresses the mare who has served him all his life. The idea of the coincidence of the lives of the mare and her master is central to the poem. The farmer is reflecting on how old his once so strong and beautiful horse is: «**Tho' now thou's dowie, stiff, an' crazy,/An' thy auld hide as white's a daisie...**».

The author uses negative language, emphasising the mare's already exhausted physical abilities: «Tho' now thou's dowie, stiff, an' crazy...» (Although now you are drooping, stiff, and crazy...). The farmer sees that his horse has become 'drooping', 'stiff', and 'crazy' with age.

In the poem, the farmer feels pity for the decrepit horse, which has lost its shine. The lexico-semantic means the author uses clearly demonstrate this to the reader: «Tho' thou's howe -backit now, an' knaggie...» (Though, you are hollow backed now, and knobby...). Burns gives the reader a portrait of an animal that is 'hollow backed' (in this context 'crooked' or 'humpy') and 'knobby'.

The hero then recalls how this horse was given to him at his wedding and how young the mare was when he first met his future wife: «**When first I gaed to woo my Jenny,/Ye then was trotting wi' your minnie:/Tho' ye was trickie, slee, an' funnie...**».

Burns uses words such as 'tricky', 'sly' and 'funny'. The vocabulary of these hues helps the author create an image of a vivacious, young, and perky mare.

Other words with positive connotations are also used to describe the image of the young mare. The farmer calls her a sturdy (bairdly), swanky (swank) mare: «**Thou ance was i' the foremost rank,/ A filly bairdly, steeve, an' swank:/ An' set weel down a shapely shank...**».

The semantics of the animal and its master's shared fate are highlighted by the grammatical forms with the «we» / «our» semantic that the author uses in the text. «**Mony a sair daurk we twa hae wrought, /An' wi' the weary warl' fought, /An' mony an anxious day, I thought /We wad be beat!**».

This helps us to understand that despite the difference in the lexical-semantic means used (swank - dowie, bairdly - - stiff) to describe the aged and young, full of strength mare, one thing remains unchanged: for the narrator the horse has been and will be a friend, helper and comrade-in-arms. To emphasise this, the author uses a word with a positive connotation 'trusty' ('my auld trusty servan').

In general, in the minds of the English, regardless of the historical period in question, the horse has always been more of a friend and companion than a means of transport and servant. It reflected the status of its owner, demonstrated his belonging to a certain social group, and was an important part of the world picture and national identity. This is shown in the lexical material the authors use in their works. Lexical and stylistic means of expression: for example, numerous epithets used by the authors to create an image, in general, have positive connotations and are used to emphasise the merits of the animal.

SOURCES AND LITERATURE

1. Булатникова, Е. Н. Концепты «лошадь» и «автомобиль» в русском языке Текст.: дис. . канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Н. Булатникова. – Екатеринбург, 2006. 207 с.
2. Бекмурзаева, Ф. Ш. Мифосимволическая, составляющая анималистического концепта лошадь / конь в русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 216–225.
3. Градалева, Е.А. Праздники лошадей и лошади на праздниках: значение традиций в современной Великобритании // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2020. №40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdniki-loshadey-i-loshadi-na-prazdnikah-znachenie-traditsiy-v-sovremennoy-velikobritanii> (дата обращения: 18.05.2022).
4. Известные люди: Филипп принц: Патриарх конного спорта // Золотой мустанг URL: <http://www.goldmustang.ru/magazine/heroes/people/1677.html>(дата обращения: 18.04.2022).
5. Пименова, М. В., Жилкубаева, А. Ш., Бекмурзаева Ф. Ш. Конь и лошадь в английской, казахской и русской языковых картинах мира // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2021 №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kon-i-loshad-v-angliyskoj-kazahskoj-i-russkoj-yazykovyh-kartinah-mira> (дата обращения: 18.05.2022).
6. Свифт, Д. Путешествия Гулливера. – М.: Махаон, 2021 – 160 с.
7. Уффингтонская белая лошадь // Достояние планеты URL: <http://dostoyanieplaneti.ru/1050-uffingtonskaia-bielaiia-loshad> (дата обращения: 18.04.2022).
8. Чосер, Д. Кентерберийские рассказы. – М.: Правда, 1988 – 560 с.

Культура народов доколумбовой Мезоамерики: характерные особенности

Давыденко Р. Е., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы,
студент бакалавриата, Россия

Ерёмин А. А., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы,
к.и.н., старший преподаватель, Россия

Мезоамерику можно рассматривать в качестве географического региона, совпадающего с территорией современной Мексики за исключением её северных штатов, а также Гватемалы, Гондураса, Сальвадора и Белиза, а можно, и в работе рассматривается именно этот аспект, как культурный регион, являющийся колыбелью мезоамериканских цивилизаций с большим этническим и языковым разнообразием. На сегодняшний день известны и классифицированы в соответствии с лингвистическими особенностями языка две крупные мезоамериканские культурные общности: 1) народы, говорящие на ото-мангском языке, существующем в Мексике, по разным оценкам, от 8 до 6 тыс. лет до н. э. К этой языковой семье преимущественно относят такие культуры, как миштеки, трики, сапотеки, масатеки, чочо – восточные ото-манге; отоми, масауа, матлацинки, паме, тлапанеки, чинантеки – западные ото-манге; 2) народы, говорящие на языках майя – крупной языковой группе, распространённой по большей части в Мексике (п-ов Юкатан), Белизе и высокогорьях Гватемалы. На разновидностях майяских языков говорят майя, уастеки, ольмеки, киче, кекчи и другие. Таким образом, в рассматриваемом регионе проживало огромное количество разных племён, часто никак не связанных друг с другом и не имеющих между собой постоянных контактов, либо наоборот враждовавших друг с другом. Многие из них не прошли испытание временем, чего не сказать о цивилизациях майя и ацтеков, оставивших богатое культурное наследие.

История происхождения этих народов в Новом Свете доподлинно неизвестна, но современная археология сообщает, что, возможно, люди попали туда через Берингов перешеек по пути Чукотка – Берингов пролив – Аляска в период Висконсинского оледенения, благодаря которому в лёд превратились тысячи кубометров воды, и «понижение составило не менее 60 метров» [Гуляев, 1968, с. 36], тем самым образовался сухопутный мост, по которому древние люди перешли и начали своё развитие в новых условиях. Их встретила суровая природа нового континента: высочайшие горные хребты, быстрые реки и непроходимые джунгли. Несколько поколений людей продвигались по этим опасным маршрутам и наконец нашли самые благоприятные условия для своей жизни: в Мезоамерике, где был мягкий, тёплый климат, плодородные луга и пастбища. Но в конце VIII тысячелетия до н. э. на континенте резко изменился климат от мягкого и влажного до засушливого и знойного. Исчезла большая часть растений, и зелёные луга превратились практически в полупустыни, из-за чего погибли многие дикие животные, такие как мамонты и бизоны. Это заставило людей отдать приоритет собирательству, рыболовству и примитивному земледелию, которое, по наблюдениям отечественного учёного Н. И. Вавилова, концентрировалось в «горных тропических и субтропических зонах» [Веретенников, 2003, с. 132]. Здесь и возникли важнейшие цивилизации Латинской Америки, такие как майя и ацтеки, которые «подарили миру кукурузу, табак, томаты, какао, подсолнух, картофель и многое другое» [Гуляев, 1968, с. 46], поэтому видится целесообразным именно на их основе рассмотреть культуру доколумбовой Мезоамерики и показать, что ацтеки и майя имели сходств не меньше, чем различий.

В 900-х гг. н. э. цивилизации майя и ацтеки жили в едином государстве, именуемом Империей Тольтеков, простиравшемся от долины Анауак до западных границ Юкатана. Его военно-политическими и торговыми центрами были Теотиуакан, Толлан и Шочикалько [Сулимов, 2014, с. 110]. Впоследствии эта империя распалась из-за многочисленных войн и распрей с другими племенами, и два великих народа майя и ацтеков продолжили каждый свой обособленный путь.

Принято считать, что майя жили в хронологический период со 2–3 тысячелетия до н. э. до их упадка в X в. н. э. Первоначально они жили рядом с озером Петен-ица в современной Гватемале и в долине реки Усумасинты. Но какие-то факторы заставили майя покинуть свой ареал обитания и перебраться на север, где обосновались на п-ове Юкатан. Возможно, это произошло из-за болезней, эпидемий, нашествия других агрессивных племён, точно неизвестно до сих пор. Зато известно то, что в первые века нашей эры майя уже построили собственные города, такие как «Волантун, Тикаль, Вашактун, Копан, Паленке и др» [Альперович, 1981, с.7]. Вообще майя – уникальный народ, он зародился, развивался, был на пике могущества и ещё существовал сотни лет в состоянии упадка вплоть до прихода конкистадоров. Секрет успеха довольно прост: отсутствие смертельно опасных врагов, наличие плодородных почв, тёплый климат, развитый интеллект и убеждённая религиозность. Благодаря этому культура майя не только достигла высокого уровня развития, но и сохранилась до сих пор. Искусство,

живопись, скульптура и особенно архитектура составляли отличительную черту этого народа. Одним из первых и самых важных достижений майя стало создание иероглифической письменности. До современности дошли тысячи надписей и текстов на майяском языке, которые помогают исследователям глубже понять менталитет, культуру и характер этого древнего народа. «Иероглификой также были написаны многочисленные манускрипты и так называемые кодексы майя, такие как Дрезденский, Парижский и Мадридский» [Дирингер, 1963, с. 154]. Ещё одним главным средством письма была эпиграфика, благодаря которой в городах на их центральных площадях находились каменные или деревянные монументы, расписанные различными текстами, повествующими о майяских царских династиях и их величии. Кроме того, у майя была своего рода Библия с различными мифологическими и космогоническими картинками, легендами и преданиями. Она называлась «Пополь-Вух» (на языке киче «Книга Совета, или Книга Народа»), её современную версию переписал на испанском языке в конце XVI в. Франсиско Хименес.

Государство майя было основано на земледелии, как способе получения продовольствия, но оно имело свои особенности. Они не использовали сложные методы удобрения земли, из-за чего они истощались в среднем за 2–4 года. В связи с этим, майя были необходимы большие территории для сохранения возможности увеличения популяции. Так, профессор Национального политехнического института в Мехико Рейнальдо Фраусто Мена считает, что для поддержания одной семьи из 5 человек было необходимо не менее 70 акров * 5 чел. = 350 акров (1 акр = 40,47 соток, 1 сотка = 100 м², а 1 гектар = 100 соток или 10.000 м²). Таким образом, такой семье нужно было ≈ 14,1 гектара, или ≈ 2,84 гектара на человека [Reynaldo Frausto Mena, 2008, с. 29], а если учесть, что примерно доколумбовое населения майя составляло от 5 до 10 млн человек и занимало территорию чуть более 350.000 км², то можно смело заявить о том, что, действительно, в этом регионе могло в достатке развиваться население более 12 млн майя, то есть земледельческие условия развития этого народа позволяли им полноценно жить и строить своё государство.

Также стоит отметить место мифа в культуре майя. Этот народ все реальные события связывал с их мифологическими «прототипами» и определял точный временной отрезок между ними, особенно это было важно в описании мировых катаклизмов на рубеже, когда сменялись эпохи. Так, например, примечательна история из современности, когда в 2012 году некоторые люди восприняли 21 декабря концом света, сославшись на календарь майя. На самом деле майя никакого конца света не предсказывали, в их календаре 21 декабря 2012 года заканчивалась Эра Пятого Солнца, что означало смену эпох, после неё 22 декабря началась новая эра, которая продлится до 3 мая 7138 года. Вообще, мифология в жизни майя играла огромную роль. Основываясь на цикличности природных явлений, они находили закономерности функционирования космоса с природой на Земле, за счёт чего они достигли успехов в астрономии. Важно сказать и об их достижениях в математике, ведь майя первыми в мире ввели понятие нуля – понятия очень сложного для древнего человека, ведь это нельзя осязать и увидеть, а значит и осознание такого феномена требует широких познаний и кругозора. Более того, нумерация майя потрясает изящностью и простотой: ноль они рисовали в виде улитки, а остальные цифры обозначали точками – единицы; и горизонтальными палочками – цифру 5. Что касается календаря майя, то он включал в себя 3 составляющих: Длинный счёт – астрономический календарь, который представляет собой сменяющие друг друга циклы жизни Вселенной, Хааб – гражданский календарь, состоящий из 365 дней, 18 месяцев по 20 дней, т. К. у человека 20 пальцев на руках и ногах и Цолькин – божественный календарь, состоящий из 260 дней, 20 периодов по 13 дней [Муродова, 2019, с. 18].

Наконец, особое место в культуре майя занимает религия, которая составляет большую часть жизни этого народа. Однажды американский исследователь древних цивилизаций Америки Виктор Фон Хаген сказал: «Религия была во всём. Все стороны жизни майя определялись религией: рождение, смерть, сельское хозяйство, отсчёт времени, астрономия и архитектура; сама жизнь была связана с религией и её обрядами» [Хаген, 2004, с. 391]. В пантеоне майя ключевое место занимало божество Итсамна («владыка небес, мира»), который являлся сыном самого главного творца бога Хунаба, но майя считали его совершенно недоступным и потому обращались к его сыну, который представлялся старцем без зубов, с морщинистым лицом и носом как у орла. Также они почитали бога дождя (Чак), бога ветра (Павахтун), бога, держащего небо (Бакаб), бога планеты Венера (Кецалькоатль) [Ларин, 2019, с. 33]. Все эти божества нуждались в жертвах, причём необязательно человеческих, это могли быть драгоценности, украшения, иногда животные. Конечно, в зависимости от потребностей богов майя могли вырезать сердце у живого человека, либо утопить его в карстовом колодце, либо расстрелять из лука. Религия майя наряду с мифологией объясняла происхождение и зарождение мира, всех живых существ, простые природные явления, а также давала некоторые представления о загробной жизни человека. Ведь пирамиды майя – это не что иное, как воплощение в камне их представлений о жизни и смерти. При строительстве каждой

пирамиды они хоронили под фундамент основателя своей общины, более того, под каждым домом они закапывали своих предков, чтобы их души легче и быстрее переходили в новорождённых, что может свидетельствовать о наличии у майя понятия реинкарнации.

Таким образом, майя действительно оставили крупный след в истории развития человечества и также немало загадок, начиная от тайны их происхождения и заканчивая загадочным оставлением изящных белокаменных городов с величественными площадями и храмами, которые впоследствии запустели и утонули в массивах растений, деревьев и кустарников. Признанный специалист по истории майя Альберто Руса Луилье написал об этом народе в одном из своих трудов: «Майя – уникальный народ. Его история не имеет никаких параллелей, а его образ мыслей заметно отличается от всех известных форм человеческого мышления» [Рус, 1986, с. 136].

Далее рассмотрению подлежит не менее загадочная и богатейшая цивилизация ацтеков, появившаяся в Центральной Мексике во второй половине XII в. Н. э. Точное место, где жили ацтеки доподлинно не установлено, но они называли свою родину островом Астлан. Учёные, основываясь на археологических находках и локальных топонимах, предполагают, что ацтеки жили на побережье Калифорнийского залива и островах, к нему прилегающих. По легенде ацтеки покинули свою родину Астлан и направились на поиски нового места, где, по «словам» бога-покровителя Уицилопочтли, должен сидеть орёл, поедающий змею. Спустя долгое время поисков они нашли нужное место 18 июля 1325 г. и основали там город по имени своего предводителя Теноч Теночтитлан (современный Мехико), а уже в XV в. Они смогли подчинить все соседние племена, кроме горцев-тотонаков.

Основой хозяйственной деятельности ацтеков, также как у майя, было земледелие, но главное отличие состоит в том, что сельское хозяйство ацтеков было основано на инновационной в то время и вызывающей восторг даже сейчас системе искусственного орошения (система чинампас). Она заключалась в создании целых огородов на небольших озёрах, эти плоты привязывались к сваям, поэтому вода была всегда под рукой и можно было заниматься рыболовством. На высоком уровне находилась строительная техника, которая использовалась для постройки разного рода плотин, каналов, жилых домов и т. д. Особым проявлением архитектурного разнообразия ацтеков считаются паровые бани (темаскаль). Темаскалями пользовались как в гигиенических, так и в медицинских целях. «Парились ацтеки связками листьев кукурузы или каких-либо других специфических растений» [Беляев, 2012, с. 359]. Для населения империи это было вполне обыденным явлением, также как строительство какого-либо храма. Особых достижений добились ацтеки в письменности, скульптуре, архитектуре, в обработке камня и дерева. Иероглифическое письмо хоть и было унаследовано от майя, но оно было на начальном этапе развития. Зато благодаря пиктограммам до наших дней сохранилось множество «ацтекских кодексов» (иллюстрированных рукописей) [Лавров, 1991, с. 27].

Кроме того, ацтеки имели собственный солнечный календарь, предположительно, тоже перенятый у майя, но более упрощённый. «В нём было 365 дней, а год делился на 18 месяцев, по 20 дней в каждом, причём каждый день имел своё название и свою пиктограмму» [Лавров, 1991, с. 29]. В религии ацтеков преобладало многобожие. В их пантеон богов входили более тысячи богов, но самыми почитаемыми были Уицилопочтли – главный бог Теночтитлана, Кецалькоатль (Пернатый Змей) – бог знания, ветров, покровитель мудрецов, скульпторов, художников и Тескатлипока (Дымящееся Зеркало) – бог ночи, звёздного неба и жрецов, который создал Вселенную. Примечательно, но именно с Кецалькоатлем ацтеки связывали все свои достижения культуры и ему никогда не приносились в жертву люди, только цветы и бабочки. По поверьям индейцев, Тескатлипока всегда знал, что происходило в прошлом, происходит в настоящем или произойдёт в будущем. Также у ацтеков была распространена практика жертвоприношений, которые различались в зависимости от того, какому богу преподносились. «Жертвоприношение – священный долг по отношению к солнцу и необходимость для блага самих людей. Без этого сама жизнь во Вселенной пресечётся» [Сустьель, 2007, с. 130–131]. Они верили, что тем самым удовлетворяют богов и за это им будет ниспослано спокойствие, урожай и победы в военных сражениях.

В ювелирном искусстве ацтеки были непревзойдёнными мастерами. Их высочайшее мастерство отлично описывает цитата монаха-францисканца Торибьо де Мотелинья:

Они превосходят ювелиров Испании, поскольку они могут отлить птицу с движущимся языком, головой и крыльями или обезьяну с подвижной головой, языком, ногами и руками, а в руку её вложить игрушку, так что кажется, что обезьяна танцует с ней. Более того, они берут слиток металла, половина из золота и половина из серебра, и отливают рыбу со всеми её чешуйками, причём одна чешуйка золотая, а другая серебряная [Торибьо де Мотелинья, 2010, с. 162].

Ацтеки, усвоив и перенеяв опыт предшествующих цивилизаций создали глубоко развитую культуру, которая отличалась грандиозностью и величественностью храмов, многобожием в религии и знаменитым пиктографическим письмом, сюжеты которого не разгаданы до сих пор. Культурное

наследие ацтекского государства стало наследием не только Мезоамерики, но и всего человечества. Достоянием внимания запись испанского конкистадора Берналя Диаса де Кастильо, который описал свою первую встречу с предводителем ацтеков: «Великий Монтесума был облачен в богатые одежды, множество других владык шли впереди него, подметая землю, по которой он должен был ступить, и расстилали поверх неё ткани, мы не знали, что и сказать и действительно ли существует все то, что предстало перед нами» [Хаген, 2004, с. 37–38].

Таким образом, народы Латинской Америки, развиваясь опосредованно и идя другим эволюционным путём, отличным от европейского, смогли достичь ошеломляющих успехов в культуре, выращивании сельскохозяйственных культур, а в некоторых ремёслах, включая ювелирное дело, даже превзошли образованных европейцев. Цивилизации майя и ацтеков можно по-настоящему считать великими, они развивались обособленно друг от друга и достигали пика своего могущества в разные периоды истории, но в то же время они имели много общих характерных сходств, которые можно выделить. Во-первых, у них было общее космологическое представление о том, что мир цикличен, и после каждого цикла наступает конец всему живому, всеобщий Армагеддон, после которого начинается новый цикл развития Вселенной. Во-вторых, они пользовались единообразной системой летоисчисления, а календари отличались астрономической точностью. В-третьих, практиковали культ крови и жертвоприношения ради умиротворения богов, плодородия почв, спокойствия и процветания государства. Наконец, стоит сказать, что народы майя и ацтеков прошли трудный и тернистый путь, чтобы достичь того культурного и интеллектуального уровня развития, на котором их застали конкистадоры в конце XVI – начале XVII вв.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Альперович, А. С. История Латинской Америки (с древнейших времён до начала XX века): учеб. Пособие / А. С. Альперович, Л.Ю. Слёзкин. – М. : Высшая школа, 1981. – 295 с.
2. Беляев, Д. Д. История цивилизация доколумбовой Америки / Д. Д. Беляев, А. В. Сафронов, А.В. Пакин // История Древнего Востока: учебное пособие для студ. Высш. Учебн. Заведений. – М. : Академия, 2012. – С. 353–368.
3. Веретенников, А. М. Города майя и ацтеков / А. М. Веретенников. – М. : Вече, 2003. – 208 с.
4. Гуляев, В. И. Америка и Старый свет в доколумбову эпоху / В. И. Гуляев. – М. : Наука (АН СССР), 1968. – 188 с.
5. Дирингер, Д. Алфавит / Д. Дирингер. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. – 656 с.
6. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / отв. ред. Н.М. Лавров. – М. : Наука, 1991. – 520 с.
7. Ларин, Е. А. История и культура Латинской Америки. От доколумбовых цивилизаций до начала XX века / Е. А. Ларин, С. П. Мамонтов, Н. Н. Марчук. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 468 с.
8. Муродова, М. Х. Календари майя / М. Х. Муродова // European science. – 2019. – № 4 (46). – С. 17–19.
9. Сулимов, С. И. Культурная картина мира доколумбовой Месоамерики / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // МНИЖ. – 2014. – № 1–4 (20). – С. 109–113.
10. Сустель, Ж. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания / Ж. Сустель. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 287 с.
11. Хаген, В. Фон. Ацтеки, майя, инки / В. Фон. Хаген. – М. : Вече, 2004. – 464 с.
12. Alberto Ruz, El pueblo maya, Mexico, 1981. – 256 p.
13. Reynaldo Frausto Mena, El fracaso de las organizaciones mayas, Instituto politécnico nacional, México, 2008., – 35 p.
14. Toribio Benavente de Motolinia, Historia de los Indios de la Nueva España, Madrid, 2010. – 506 p.

УДК 821.111

Концепт «друг» и его репрезентация в современном англоязычном поэтическом дискурсе

Зеленская А. А., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия

Медведева А. А., Южный федеральный университет, к.ф.н., доцент, Россия

Концепт, являясь одним из ключевых элементов в познавательной деятельности людей, привлекает внимание исследователей на протяжении многих десятилетий. Будучи междисциплинарным

объектом исследования, концепт может изучаться в рамках философских наук [Солодухо, 2015], лингвистической концептологии [Гаспаров, 1996], [Лихачев, 1997] и, конечно, когнитивной лингвистики [Попова, Стернин, 2001], [Телия, 1996]. В данной статье исследовательское внимание сконцентрировано на концепте «друг», который, являясь одним из базовых концептов, отражает принципиально важные морально-этические установки, ценностные и культурные доминанты сознания носителей любого языка. Материалом исследования данного концепта являются тексты современного англоязычного поэтического дискурса, которые принадлежат таким женщинам-авторам, как Мэтт Харт, Дженьюари Джиллиан Джонс, Мэй Янг и другим. Целью анализа отдельных текстов является установление ключевых способов репрезентации концепта «друг» и его дальнейшая интерпретация в когнитивном сознании носителей англоязычной культуры с опорой на полученные лингвистические результаты исследования.

Концептуальная информация, которая представлена в поэтических произведениях, является одной из важнейших особенностей поэтического дискурса. В данной статье под концептуальной информацией понимается индивидуально-авторская концепция мира, передача индивидуально-авторской интерпретации связей между фактами и происходящими явлениями [Жеребило, 2010]. Таким образом, тексты поэтического дискурса можно считать, в первую очередь, отражением когнитивного сознания автора, его определенных принципов и идей в конкретном контексте.

Язык современного поэтического дискурса представляется нам незаменимым источником при изучении репрезентантов концепта «друг». В ходе данного исследования мы пришли к выводу, что стихотворения современных англоязычных авторов могут считаться релевантным материалом при выявлении и анализе способов репрезентации концепта «друг».

Был проведен концептуальный и лингвистический анализ 9 текстов стихотворений, которые являются частью современного англоязычного поэтического дискурса и в которых концепт «друг» является центральным, с целью выявить, какие средства выражают анализируемый концепт, а также охарактеризовать особенности его репрезентации и факторы, способствующие такому выбору репрезентантов.

Самой частотной номинативной единицей, которая встречается в текстах стихотворений, является лексема «friend». Данный критерий дает нам основание считать данное существительное именем концепта на английском языке. Мы проанализировали основные лексические значения существительного «friend», предложенные в толковых словарях:

- 1) a person who you know well and who you like a lot, but who is usually not a member of your family [Cambridge Dictionary, 2023];
- 2) someone who is not an enemy and who you can trust [Cambridge Dictionary, 2023];
- 3) one attached to another by affection or esteem [Merriam-Webster, 2023].

На основании анализа данных лексических значений мы пришли к выводу, что друг – это близкий человек не из круга семьи, к которому обычно испытывают чувство привязанности и доверие.

Далее было рассмотрено, как данные когнитивные установки реализуются непосредственно в пространстве поэтических текстов. При описании концепта «друг» мы рассмотрели три вида номинаций: прямую, непрямую и индивидуально-авторскую.

В ходе анализа нами было выявлено, что концепт «друг» может быть репрезентован с помощью прямой (по средствам имени концепта, его системных синонимов во всей словообразовательной парадигме), непрямой (по средствам лексических единиц, реализующих концепт с помощью ассоциативных связей, закрепленных в сознании носителей языка) и индивидуально-авторской номинации (по средствам лексических единиц, реализующих концепт с помощью ассоциативных связей, закрепленных в сознании автора).

Был проведен анализ средств прямой номинации, к которым можно отнести существительное «friend». Особо интересной нам показалась номинативная единица «friend» в контексте «you and the friend//remain twisted together», так как благодаря данному существительному устойчивое словосочетание «twisted together» приобретает метафорическое значение, которое заключается в том, что друзья буквально «связаны, скручены вместе». Если рассмотреть данный пример с точки зрения когнитивных установок, то его можно сопоставить с еще одним выражением, взятым из рассматриваемых текстов: «we'll be friends//till the end». Данные предложения подтверждают, что одна их характеристик дружбы в когнитивном сознании англоязычных носителей – ее непрерывность и длительность.

В ходе анализа номинативной единицы «friend» мы смогли наблюдать следующую интересную когнитивную и лингвистическую закономерность: данное существительное употребляется в контексте с другими существительными, которые обозначают части человеческого тела. Например, во фразе «I've got your back», используется идиома «to have (got) one's back», обозначающая «положиться на кого-либо». Данный пример отражает когнитивные установки, связанные с лексическим значением слова «friend»,

которые были рассмотрены нами ранее (а именно доверие). Более того, еще одной характеристикой дружбы в когнитивном сознании носителей является поддержка.

Следующий пример является очень показательным:

The friend // puts her hand on your shoulder. // The friend // puts his hand on your shoulder. [Мэтт Харт, 2015]

Мы наблюдаем, что для дружбы нет гендерной разницы. Это проявляется в единственном различии в двух предложениях: местоимениями *her (hand)* и *his (hand)*. Следовательно, и мужчины, и женщины способны на дружбу.

Лексема «friend» встречается на всем пространстве текстов 26 раз и является наиболее частотной номинативной единицей концепта «друг» в рамках нашего исследования.

Таким образом, говоря об анализе средств прямой номинации концепта «друг», мы пришли к выводу, что количество прямых репрезентантов составляет 26 единиц. Несмотря на то, что системных синонимов выявлено не было, наличие определенных лингвистических закономерностей свидетельствует о сложной составляющей анализируемого нами концепта.

Продолжая работу над анализом репрезентантов концепта «друг», мы обратились к средствам не прямой номинации, к которой мы также относим индивидуально-авторскую номинацию.

Необходимо отметить, что не прямая и индивидуально-авторская номинации являются более сложным способом репрезентации концепта. В нашем исследовании подтверждением данного тезиса является тот факт, что концепт «друг» является неразрывно связанным с другими базовыми концептами устойчивыми рядами ассоциаций. Данную тенденцию мы смогли наблюдать именно в ходе анализа не прямых номинативных единиц, которые были выявлены в поэтических текстах. Учитывая данный факт, считаем релевантным представить анализ некоторых средств не прямой номинации именно в связи с другими базовыми концептами.

Во-первых, благодаря наличию большого количества ассоциативных связей очевидной является связь концептов «друг» и «смех». Проиллюстрируем данное положение примерами и определим виды не прямых номинаций.

Устойчивые словосочетания «make me laugh» (1), «to make you smile» (1), «to share the laughter» (1) объективизируют ассоциативную связь, которая заключается в когнитивном представлении о том, что друзья всегда могут рассмешить и поднять настроение. Эту «способность» друзей также подтверждает устойчивое словосочетание «create the mood» (1).

Более того, анализ данных репрезентантов позволяет сделать вывод о том, что концепт «друг» имеет ассоциативные связи не только с концептом «смех», но и с концептом «радость». Рассмотрим примеры, которые могут подтвердить данную связь.

Отдельные лексемы «delight» (1), «rease» (1), «happy» (2), «joy» (1), которые авторы употребляют в контексте описания дружественных отношений, объективизируют ассоциативную связь друга и возвышенных чувств и радости.

Не прямая номинация «sharing of pleasures» (1) указывает еще на одну ассоциативно-когнитивную характеристику анализируемого нами концепта. Дружба подразумевает элемент общности, который касается, в первую очередь, нематериальных вещей, особенно эмоций. Об этом свидетельствует глагол «share», который встречается в пространстве рассматриваемых текстов 2 раза.

Говоря об ассоциативных связях концептов «друг» и «радость», мы можем выделить также эпитеты «small happiness» (1), «joy that is unacclaimed» (1). Наиболее показательным примером, конечно, является эпитет «joy that is unacclaimed», так как существительное «joy» здесь можно рассмотреть в качестве синонима имени анализируемого нами концепта – «friend». Более того, используется индивидуально-авторская лексическая единица «unacclaimed», которая предположительно может иметь значение «тихий, невыраженный». Таким образом, автор указывает на такую возможную ассоциативно-когнитивную характеристику концепта «друг», как негласность или даже сакральность.

Продолжая наше исследование, мы выделяем еще один смежный концепт, к которому можно отнести группу единиц не прямой номинации, репрезентирующих концепт «друг». Это концепт «печаль». После установления данной ассоциативной связи становится понятным, что в когнитивном сознании носителей английского языка настоящий друг ассоциируется не только радостными чувствами, легкостью и хорошим настроением, но и с такими важными морально-этическими принципами, как умение поддержать в трудной ситуации, помочь и прийти на помощь.

Отдельные лексемы «hurt» (1), «cry» (1), «weakness» (1), «anguish» (1), устойчивое словосочетание «a broken heart» (1), а также метафоры «drops of tears» (1), «water falls» (1) авторы используют, чтобы объективизировать концепт «печаль». Однако рассматривая такие устойчивые словосочетания, как «I'll

be there» (1), «don't worry» (1) и свободные словосочетания «with me» (1), «feel me» (1), которые имеют прямую отсылку к друзьям, мы подтверждаем ассоциативную связь названных концептов.

Последний концепт, с которым у концепта «друг» также может быть установлена ассоциативная связь, – концепт «душа». После анализа номинативных единиц, которые относятся к данному концепту, мы пришли к выводу, что друг часто ассоциируется у носителей английского языка с нематериальной ценностью. Например, лексема «soul» встречается на всем пространстве текстов 4 раза. Анализируя контекст, в котором употребляется данная номинативная единица, мы можем прийти к выводу о том, что лексема «soul» может считаться контекстуальным синонимом прямой номинативной единицы «friend». Следовательно, мы можем выделить следующую когнитивную установку: друг – это близкий человек, который буквально живет в душе и отношение к которому продиктовано, прежде всего, эмоциональной и чувственной природой.

Таким образом, анализируя средства непрямого номинации, мы установили ассоциативную связь концепта «друг» с другими базовыми концептами: «смех», «радость», «печаль», «душа». Далее мы провели анализ отдельных не прямых номинативных единиц, которые показались нам наиболее интересными с лингвистической точки зрения, так как наше исследование имеет именно лингвистическую направленность.

Мы рассмотрели метафору «the greatest gift». Данный пример содержит в себе не прямую номинацию «gift» (1), которая отсылает нас к понятию «друг». Были проанализированы лексические значения данного существительного:

- 1) a notable capacity, talent, or endowment [Merriam-Webster, 2023];
- 2) something voluntarily transferred by one person to another without compensation [Merriam-Webster, 2023]

Таким образом, в когнитивном сознании друг ассоциируется с ценным даром, который дается человеку безвозмездно.

Также мы рассмотрели метафору «pure gold». Лексема «gold» (1), употребленная вместе с эпитетом «pure», также является не прямой номинативной единицей концепта «друг». Переносное лексическое значение существительного gold следующее: something that is very special or valuable [Cambridge Dictionary, 2023]. Таким образом, данный пример вновь подчеркивает такую когнитивную характеристику дружбы, как исключительная ценность.

Далее мы рассмотрели индивидуально-авторские толкования языковых единиц, объективизирующих концепт. В ходе анализа материалов исследования было установлено, что авторы приводят в текстах стихотворений собственные толкования существительного «friend», которое уже было рассмотрено нами в рамках описания средств прямой номинации. Чаще всего данные индивидуально-авторские номинации также представлены в форме метафор.

Метафора «fireside» (1) также является индивидуально-авторским толкованием существительного «friend». Для того, чтобы понять, какой смысл заключен в данной метафоре и установить ее связь с концептом «друг», мы вновь обратились к толковому словарю. Существительное «fireside» имеет переносное лексическое значение «home» [Merriam-Webster, 2023]. Таким образом, друг ассоциируется с домом, домашним очагом.

Последнее выделенное нами индивидуально-авторское толкование в виде метафоры – «brightest star» (1). Факт того, что метафора в тексте материалов исследования является обращением к другу, также позволяет нам утверждать, что данная не прямая номинация заменяет прямую номинацию «friend». Устанавливать ассоциативную связь данной метафоры с концептом «друг» не представляется нам релевантным, так как она основана исключительно на ментальном опыте автора.

Также стоит отметить остальные индивидуально-авторские толкования существительного friend, которые с точки зрения стилистики не являются тропами, а содержат в себе прямые указание на те качества, которыми должен обладать друг:

- person who will listen and not condemn (1) [Джонс, 2014];
- someone on whom you can depend (1) [Джонс, 2014]

Рассмотрев данные примеры, мы, во-первых, вновь убедились в том, что в когнитивном сознании носителей существуют такие морально-этические принципы дружбы, как умение выслушать и прийти на помощь, во-вторых, выделили еще один морально-этический принцип – друг никогда не осудит.

Всего было выявлено 37 единиц не прямой номинации, которые можно классифицировать следующим образом: концептуальная метафора, метафорическое сравнение, устойчивые словосочетания, объективизирующие ассоциативные связи, индивидуально-авторские толкования языковых единиц, объективизирующих концепт, индивидуально-авторские лексические единицы. Часть выявленных

непрямых номинативных единиц была распределена по группам с целью установить связь концепта «друг» с другими концептами. Были установлены следующие ассоциативные связи концептов: «друг» – «смех», «друг» – «радость», «друг» – «печаль», «друг» – «душа». В ходе анализа средств не прямой номинации мы еще раз убедились в комплексной и неоднородной структуре концепта «друг».

Проведенное исследование позволяет нам сделать вывод о том, что концепт «друг» является одним из главных в современном англоязычном поэтическом дискурсе. Данный концепт используется авторами с целью передачи своих эмоций, мыслей, культурных и нравственных ценностей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 02.03.2023)
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / Ин-т народов России; Моск. Гос. Лингвист. Ун-т; Об-во любителей рос. Словесности; под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997.
4. Попова З. Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – М.: Воронеж, 2001.
5. Солодухо М. Н. Особенности концепта как формы познания // Logos et Praxis. 2015. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kontsept-a-kak-formy-poznaniya> (дата обращения: 14.12.2022).
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., Школа Яз. Русс. Культуры, 1996.
7. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>
8. Dictionary by Merriam-Webster. – URL: <https://www.merriam-webster.com/>
9. Jones Gillian. A Friend: URL: <https://www.poemhunter.com/poem/a-friend-183/> (дата обращения: 09.03.2023)
10. Hart Matt. The Friend: URL: <https://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poems/58352/the-friend-56d23ca66debe> (дата обращения: 09.03.2023)

УДК 811.222.8

Язык как важный признак этнокультурной идентичности

Извекова Е. А., Сибирский университет потребительской кооперации,
студент бакалавриата, Россия

Турсунов Ф. А., Сибирский университет потребительской кооперации, к.ф.н., доцент, Россия

Основой любой национальной культуры является родной язык народа, который является источником развития культуры. В истории развития цивилизаций есть много примеров, когда, вследствие общественных политических трансформаций, некоторые народности утратили свой язык или изменили лексический состав и грамматическую структуру до неузнаваемости, что привело к потере своей этнокультурной идентичности. Были также народы и племена, которые жили в труднодоступных уголках планеты, вследствие этого выпадали из общего исторического развития человечества.

Следует отметить, что этнокультурная идентичность – это одна из важнейших идентичностей личности, которая выражается в осознании своей принадлежности к определенной этнической общности [Красовская, 2020, с. 205].

Были также народности, которые, не обладая большим культурным прошлым, в результате захвата чужих земель и присвоения духовного богатства других народов, укрепив статус своего языка, достигали высоких историко-культурных позиций; на свой язык переводили культурное наследие захвативших народов и через свой язык распространяли его по всему миру,

По этой части историко-культурная судьба таджикского языка не имеет прецедента.

Во-первых, таджикский язык, несмотря на серьезные политические и идеологические изменения и довольно большой ареал своего распространения на протяжении шести веков – с конца X века до начала XVI века, без особых изменений в морфологии, лексике и стилистике употреблялся в качестве литературного языка.

Во-вторых, таджикский язык является живым языком народа; несмотря на все трудности, которые выпали на его долю с конца X века до начала XX века, таджикский язык смог сохранить себя и свою древнюю культуру.

Зададимся вопросом, в чем причина этого феномена? Востоковед Ричард Фрай резюмировал свое мнение по поводу таджикско-персидской цивилизации следующими словами: «в сохранении и преемственности культуры для некоторых цивилизаций язык является более важным инструментом, чем

религия или общественная организация» [Фрай, 1971, с. 162]. Действительно, если с одной стороны общая гуманистическая идея связывает нравственные притчи Джалолиддина Балхи – из Афганистана, философские трактаты Абдулкадира Бедила – из Индии и высокого полета поэзию Абуабдулло Рудаки из Таджикистана, то с другой стороны – это, безусловно, связующий всех их таджикский язык. И если, несмотря на все общественно-исторические перипетии, произошедшие в течение нескольких веков, на таджикском языке говорили не только таджики, но и другие народности, проживающие в вышеупомянутых странах, тогда это не уникальность или редкое качество языка, а заслуга и роль культуры народа, в которой язык является ее носителем.

Именно влиянием этой культуры объясняется то, что великий Темирлан, несмотря на то что был тюрком по происхождению, окружил себя таджикскими учеными и богословами, перевел на таджикский язык передовые научные мысли своего времени, украсил арабской вязью на таджикском языке построенные им общественно-государственные здания и особняки. Эмир Абдуллахан из династии Шейбанидов, который является прямым потомком узбекского народа, писал свои стихи именно на таджикском языке.

Необходимо подчеркнуть, что если историко-культурный статус таджикского языка не вызывает споров среди лингвистов как Востока, так и Запада, то по поводу того, как, где и когда сформировался язык, который явился носителем культурного ренессанса Центральной и Малой Азии остается открытым.

Упомянутый нами американский востоковед Р. Фрай говорит, что в персидоязычной ренессансной литературе не было замечаний или возражений против иных языков и религий. Из этого можно сделать вывод, считает Фрай, что, возможно, компетентнее говорить не о ренессансном явлении в Центральной Азии, а о «возрождении персидско-таджикского языка» [Фрай, 1971, с. 176].

Если бы уважаемый ученый, глубже изучил данный вопрос, то не мог не заметить, что в литературе этого времени присутствовало такое социокультурное антиарабское движение, как шуубия. Также, именно в это время вошло в традицию отражать историю эпохи в эпосах (Абулкасим Фирдоуси из Ирана, Дакики Самаркандский), создание научных и философских трудов на своем языке. Если детально ознакомиться с содержанием письменных и фольклорных памятников Центральной и Малой Азии с большим охватом историко-научной парадигмы, считаем, что тогда не возникли бы подобного утверждения, не имеющие под собой прочного доказательного основания и столь одностороннего суждения.

Следует отметить, что после нашествия арабов, начиная с 742 года, в течение двух столетий на захваченных территориях они распространяли свой язык и религию. Арабская письменность была введена в делопроизводство Хорасана и Мавераннахра (Иран, Афганистан и современный Таджикистан). В результате местное население на определенное время (два столетия) лишилась основ грамоты и отрывалась от корней своего культурного наследия. Но, несмотря на это, арабы не смогли полностью внедрить свой язык в Иране, Афганистане и Центральной Азии, как это они смогли сделать подобное в Египте, Ираке, Сирии и других территориях.

Как только политическая власть Аббасидской династии пришла в упадок, за короткий исторический период язык коренных народов быстро восстанавливался, возрастал его прежний статус, возвращал свое былое научное и культурное влияние. Прежде всего, речь идет о персидско-таджикском языке, который, начиная с IX века, способствовал процессу формирования таджикской народности. Ознакомление с содержанием прозы и поэзии IX–X веков, лексический состав, способ и стиль выражения, средства описания свидетельствуют о том, что этот язык никогда не был привнесен с других стран и что его настоящей родиной является именно Мавераннахр (современный Таджикистан и Узбекистан).

На самом деле, как показывает зрелая поэзия и проза этого периода (X век), создается впечатление, что этот язык наряду с согдийским языком сформировался раньше арабского завоевания, поскольку язык не может в течение одного века стать таким совершенным как в грамматике, так и в лексике, стилистике. Ведь персидско-таджикский язык значительно ограничил сферу влияния даже согдийского языка. Если бы это было не так, то согдийский язык не перестал бы существовать в течение короткого периода после распространения арабского языка.

Идею о привнесенности таджикского языка придерживал и М. Оранский, который писал, что, «...видимо персидский язык начал свою миграцию в Среднюю Азию за несколько столетий до арабского завоевания, посредством людей, исповедующих зороастризм» [Оранский, 1983, с. 127]. В самом деле, письменные источники, найденные в зороастрийских храмах Турфана (городской округ в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР), свидетельствуют о принадлежности таджикского языка более ранней дате происхождения. С другой стороны, если бы таджикский язык не имел исторической основы в самих регионах проживания таджиков, а речь шла бы только о политических, военных, экономических,

религиозных и подобных факторах, то он так быстро не смог бы ограничить влияние местных языков, в том числе согдийского, и занять их место.

Из истории пришествия арабского языка мы хорошо знаем, что подобные факторы, слишком малы, чтобы принять иностранный язык, иначе арабский язык очень быстро оттеснил бы таджикский язык, тем более что арабский язык был освящен как язык новой религии и веры, находя путь к сердцу мусульман.

Кроме того, есть исторические факты, подтверждающие мнение, что таджикский язык распространился в юго-западных районах Ирана намного позже. Как пишет известный мыслитель Средневековья Насир-и-Хусрау из Кубадияна (территория современного Таджикистана) «...в Тебризе познакомился с поэтом по имени Катрон. Он прочитал мне стихотворение поэтов – Дакики из Самарканда и Мунджик из Термеза, но значение многих слов не понимал и просил меня объяснять их значение» [Насир-и-Хусрау, 1934, с. 137]. Между тем, путешествие Насир-и-Хусрау в Иран состоялось в середине XI века.

В таком случае возникает резонный вопрос: если таджикский язык был корневым языком народов Южного и западного Ирана, то почему местные ученые и литераторы, спустя 100 лет после смерти Дакики и Мунджики не знали этот язык хорошо? Отсюда, как справедливо указывает Садриддин Айни, «...основная причина существования таджикского языка в Бухаре и Самарканде, прежде всего, и в остальных территориях Центральной Азии объясняется не правлением династии Саманидов и не миграцией иранцев сюда, а именно существованием народа по имени таджик на этой территории» [Айни, 1971, с. 186].

Одним из важных компонентов возрожденческого движения можно считать создание научных и литературных произведений на родном – таджикском языке. Этот доблестный исторический шаг особенно укрепился в X веке, в результате объявления таджикского языка в качестве официального языка первого таджикского государства Саманидов.

Как справедливо отмечает Б. Андерсон: «Язык является одним из мощнейших инструментов, помогающих народу считать себя нацией» [Андерсон, 2016, с. 62].

Авиценна написал несколько своих книг и трактатов на родном – таджикском языке. Его считают основоположником терминологии по философской науке на таджикском языке, поскольку до его философского произведения «Книга знаний» не было подобных книг. Авиценна с таким энтузиазмом увлекся созданием философской терминологии на таджикском языке, что трудно не поверить, что он таджик по своему этническому происхождению. Если таджикский язык не был бы его родным языком, разве он так много усердствовал бы в создании философской терминологии на таджикском языке и стремился к тому, чтобы этот язык стал языком науки?

Другой мыслитель этого времени Абурайхан Беруни, находясь на службе у газневидского султана Махмуда, сочинил свою известную работу по астрономии именно на таджикском языке.

Философ – Насир-и-Хусрау, литератор – Насириддин Туси продолжили работу, начатую Авиценной, и переводили с арабского языка на таджикский терминологию по философии и литературе, тем самым внося большой вклад в развитие таджикской науки. По сути, именно в результате такого дальновидного движения таджикский язык в XII–XIII веках по своему статусу как языка науки, смог достичь уровня арабского языка, а в последующих XV–XVII веках сумел занять его место.

Некоторые ученые, с целью умалить ценность данного шага, утверждали, что, поскольку арабский язык был в основном языком религии ислама, этот язык знали не все, отсюда для простых слоев и даже для среднего класса надо было писать научные произведения на таджикском языке. В реальности все дела обстояли совсем иначе. Это было время подъема национального самосознания, пробуждения чувства самоидентичности и исторической памяти таджикского народа.

Историк Наршахи в книге «История Бухары» пишет, что «...большая часть населения не имеет желания читать книги на арабском языке» [Наршахи, 2011, с. 149]. Как видно, историк не пишет, что не могли читать на арабском языке, а именно *не имеют желания читать на арабском языке!* Высказывания такого же содержания можно встретить и в других достоверных исторических источниках.

Таким образом, написание научных и литературных произведений на таджикском языке надо считать большим шагом на пути политического, национального, культурного и религиозного самосознания коренных народов Центральной Азии. Это великое историко-культурное возрождение началось именно в городах Бухара, Самарканд, Худжанд; первые весенние ростки выросли на духовной земле таджиков, которые, в свою очередь, получили «благодатную воду» из источников древней общеиранской цивилизации.

Для нас, наследников Авиценны и Джалалидина Балхи, Камолиддин Худжанди и Абдулкадира Бедила, является поводом для гордости, что наши соотечественники на чуждых и иноземных просторах,

благодаря написанию своих шедевров, сохраняли единство языка и культуры своего народа и не позволяли оборваться историко-культурным нитям с Родиной. И связующим звеном, несомненно, был тот самый – таджикский язык, с помощью которого наши соотечественники вдали от родного края писали свои лучшие научные работы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Авиценна, (Абу Али ибн Сина). Книга знания. / Авиценна. – М.: Эксмо-Пресс, 1999. – 752 с.
2. Айни Садриддин. Собрание сочинений в 6 томах. / Айни Садриддин. – М.: Художественная литература, – 1971.
3. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
4. Красовская, Н. Р. Этнокультурные аспекты кризиса идентичности личности / Н. Р. Красовская // Вестник Удмуртского ун-та. – Сер. 4. Социология. – 2020. – № 2. – С. 205–211.
5. Наршахи, М. История Бухары. / М. Наршахи. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент: SMIA-SIA, 2011. – 600 с.
6. Насир-и-Хусрау. Сафар-намэ. Книга путешествия / Насир-и-Хусрау. Под ред. Бертельса, АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1934. – 212 с.
7. Оранский, И. М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия): Этнолингвистическое исследование / И. М. Оранский. – АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1983. – 237 с.
8. Фазылов, М. Ф. Некоторые особенности таджикского литературного языка эпохи Саманидов. / М. Ф. Фазылов. – Сталинабад: Труды АН Тадж. ССР, т. 28, 1951. – 257 с.
9. Фрай, Р. Наследие Ирана / Р. Фрай. Под ред. М. А. Дандамаева. М.: Наука, ГРВЛ, 1971.– 468 с.

УДК 37

Явление «культурного шока» среди латиноамериканских студентов, обучающихся в России

Крейда М. Д., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия

Крейда Т. Д., Южный федеральный университет, студент бакалавриата, Россия

Зиновьева Д. Н. Южный федеральный университет, преподаватель, Россия

В Россию уже много лет приезжают студенты со всего мира с целью получения качественного образования, знакомства с богатой культурой нашей страны и приобретения бесценного опыта жизни за границей. Однако помимо положительных сторон, у переезда за рубеж есть и минусы. Одним из них является своеобразный «побочный эффект» столкновения с чуждой и незнакомой человеку социокультурной средой – культурный шок. Этот термин впервые был введён в 1960 году американским исследователем Калерво Обергом, описавшим культурный шок как «следствие тревоги, которая появляется в результате потери всех привычных знаков и символов социального взаимодействия» [Oberg, 1960]. Зачастую такая тревога со временем вызывает тоску по дому, ощущение беспомощности и изоляции, дезориентацию, проблемы с концентрацией, раздражительность, меланхолию и иногда вытекает в негативные последствия для физического здоровья человека [Segal, 2022].

В зависимости от ряда факторов культурный шок проявляется в людях с разной интенсивностью, однако невозможно отрицать, что данный феномен сильно осложняет адаптацию переселенцев к новому образу жизни и их интеграцию в общество. Особенно тяжело этот процесс протекает у иностранцев, чья культурная среда сильно отличается от той, в которой они оказались.

Исследователи выделяют разные стадии прохождения культурного шока, но в целом их можно подвести к четырём основным: «медовый месяц», фрустрация, адаптация и комфорт [Oberg, 1960]. «Медовым месяцем» называют период, наступающий сразу по прибытии в новую страну и длящийся, как правило, несколько месяцев. В это время человек очарован новой культурой и с энтузиазмом относится к неизведанному, а при сравнении страны, в которой он оказался, и родной, новое место проживания как правило рисуется человеку в лучшем свете. Следом наступает стадия фрустрации. Изначальный энтузиазм и ощущение новизны постепенно проходят, неспособность справиться с базовыми бытовыми задачами, которые раньше даже не требовали у человека особых усилий, могут вызвать ощущение несостоятельности и чувство неполноценности, а в некоторых случаях и враждебность к новой культурной среде. На фоне этих переживаний многие переселенцы начинают испытывать упадок физического и ментального здоровья. Именно на этой стадии многие не выдерживают давления и возвращаются домой. Те, кто остаётся, после этого тяжёлого периода вступают в этап адаптации. На этой

стадии человек начинает постепенно привыкать к различиям между образом жизни в старой и новой стране, учится распознавать социальные сигналы и находит пути решения проблем, казавшихся ему раньше непреодолимыми. На последнем этапе – этапе комфорта – переселенец полностью адаптируется к стране проживания и чувствует себя её органичной частью.

Так, в свете значительных культурных отличий, студенты из Латинской Америки сталкиваются с целым рядом трудностей в процессе адаптации к реалиям российского общества. Целью настоящего исследования стало изучение особенностей интеграции латиноамериканских студентов, а также исследование наиболее частотных проблем, возникающих у респондентов при переезде в Россию. В качестве материала исследования выступил опрос, проведенный среди 49 латиноамериканцев, проживающих на территории Российской Федерации от 1 месяца до 6 лет и обучающихся в университетах разных городов России (в опросе участвовали студенты ЮФУ, ДГТУ, РостГМУ, КрасГМУ, СФУ).

Результаты проведенного опроса показали, что количество респондентов, отмечающих позитивное первое впечатление по приезде в Россию и тех, кто отозвался о нём, как о негативном, оказалось почти одинаковым, с небольшим перевесом в пользу положительного опыта. Самой часто встречавшейся эмоцией, сопровождающей первые дни пребывания в стране, стал энтузиазм (79%), за ним последовали страх (46%), тревожность (44%), удовлетворение и удивление (42%), воодушевление (27%), печаль (25%), фрустрация (15%) и апатия (8%). Половине опрошенных в первые месяцы жизнь в России показалась более интересной и плодотворной, чем в родной стране, и со временем данное впечатление не прошло. 27% респондентов с проществом «медового месяца» меняли своё мнение, а 18% отметили, что не проживали подобных эмоций.

Среди основных ожиданий до приезда в Россию латиноамериканские студенты отметили следующие:

1. Получить качественное образование;
2. Разрушить стереотипы о русских;
3. Выучить русский язык;
4. Расширить свой кругозор и круг общения.

У большинства респондентов данные ожидания совпали с реальностью полностью или частично (60% и 5% соответственно), а у 35% процентов не совпали совсем, причем в основном несовпадения возникали в отношении людей в России.

Важным фактором в адаптации к непривычной среде является социальное окружение переселенца. Из результатов опроса мы выяснили, что самым распространённым первым впечатлением о людях в России была холодность (48%), хотя многие, наоборот, отметили такие качества, как дружелюбие (44%) и любезность (33%). Четверть респондентов восприняли россиян как враждебных. 100% опрошенных смогли найти людей, которые помогли им с ориентацией в российских реалиях и ответили на вопросы о жизни здесь – вероятно, это связано с тем, что все респонденты обучаются в высших учебных заведениях, на базе которых функционируют центры поддержки и помощи иностранным студентам. Большинство опрошенных не испытали трудностей в формировании круга общения (58%), однако некоторые из них отметили, что основные трудности возникали с установлением более крепких и долговременных дружеских отношений.

С наступлением этапа фрустрации иностранцы сталкиваются с большинством сложностей, возникающих в процессе адаптации к новым культурным реалиям. Так, по данным проведенного опроса, самой проблемной для студентов из Латинской Америки оказалась академическая сфера – её выбрали 60% респондентов. Данные результаты объясняются тем, что университет является средой, в рамках которой иностранным студентам необходимо регулярно вступать в межкультурное взаимодействие с одногруппниками, преподавателями и представителями администрации, а также показывать достаточную академическую успеваемость, параллельно сталкиваясь со сложностями интеграции. На втором месте оказалась социальная сфера (40%), что также неудивительно, ведь именно социокультурные различия являются основной причиной трудностей во всех сферах жизни иностранных обучающихся. За социальной сферой следуют финансовая (35%) и бытовая (33%) и последнее место занимает бюрократия (8%). 92% опрошенных отметили, что сталкивались с расизмом, 58% респондентов замечали, что привычное для них поведение вызывало непонимание и осуждение россиян. 71% опрошенных часто или иногда испытывали одиночество после переезда, 65% в той или иной степени испытали ухудшение ментального здоровья.

Приведенные данные отражают негативную картину, состоящую из целого ряда сложностей и испытаний, с которыми приходится сталкиваться иностранным обучающимся. Тем не менее, сложный этап адаптации со временем проходит – для его преодоления мигранты, как правило, прибегают к следующим способам.

1. Геттоизация или анклавизация – феномен, при котором человек по собственному выбору или из-за определённых преград (языковой барьер, другое вероисповедание, стеснение или другие причины) избегает соприкосновения с новой для него культурой. За счёт общения с соотечественниками человек воссоздает собственную культурную среду [Питерова, 2014].

2. Ассимиляция – отказ индивида от собственной культуры в пользу новой, стремление полностью погрузиться в неё [там же].

3. Аккультурация – процесс взаимовлияния культур, при котором у человека сохраняются черты родной культуры, но при этом добавляются новые культурные модели [там же].

Согласно результатам опроса большинство респондентов при преодолении негативных последствий культурного шока проходят через процессы аккультурации и/или частичной ассимиляции. Так, после длительного общения с россиянами 12,5% респондентов отметили, что значительно меняют свое поведение, 54,2% меняют незначительно и не меняют – 30%. Из-за большого количества культурных различий иностранцам приходится подстраиваться под нормы поведения в России и иногда, после долгого использования других паттернов общения эти особенности новой культуры могут перенестись на взаимодействие с соотечественниками: большинство респондентов отметили, что пребывание в России не повлияло на общение с родственниками и друзьями из родных стран (85,5% опрошенных), однако новые паттерны поведения закрепились у 14,5% (они стали более серьезными, прямолинейными, немного более холодными).

При этом 10,4% респондентов отметили, что стали чаще следовать традициям родной культуры, в то время как 41,7% продолжают следовать им в таком же объеме, 43,8% – значительно реже, чем до переезда, а 4,2% полностью перестали.

Из этих данных можно сделать вывод, что около половины опрошенных проживают процесс аккультурации, при этом процесса полной ассимиляции не происходит. Полученные данные обуславливаются в том числе и тем фактом, что для иностранных обучающихся часто проводятся различные культурные мероприятия, направленные не только на интеграцию латиноамериканцев в местную культуру, но и на ознакомление российских студентов с обычаями других стран. Согласно проведенному опросу, большинство активных студентов (68,6%) отмечают, что проведение подобных мероприятий положительно сказывается на процессе их интеграции в российское общество.

Также нельзя говорить о распространённости анклавизации, так как студенческие реалии не позволяют полностью абстрагироваться от взаимодействий с русским языком, людьми, культурой. Об этом в том числе свидетельствуют данные опроса, согласно которым лишь 1/5 респондентов регулярно участвует в мероприятиях, организуемых латиноамериканцами для латиноамериканцев.

Несмотря на различия и сложности, через которые приходится проходить иностранным обучающимся в процессе адаптации, можно сказать, что в целом латиноамериканские студенты успешно справляются с негативными проявлениями «культурного шока». При достаточной мотивации и желании интегрироваться в российское общество, данный процесс проходит значительно быстрее и не влечет за собой серьезных негативных последствий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 369 с.

2. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 352 с.

3. Маслова, О. В. Особенности адаптации к новой социокультурной среде студентов из Латинской Америки и Анголы / О. В. Маслова // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2007. – № 2. – С. 83–91.

4. Питерова, А. Ю. Культурный шок: особенности и пути преодоления / А. Ю. Питерова // Электронный научный журнал “Наука. Общество. Государство”. – 2014. – № 4.

5. Питерова, А. Ю. Особенности международной коммуникации / А. Ю. Питерова, Е. А. Тетерина // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 1. Ч. 2. – С. 75–79.

6. Стрелкова, Н. В. Причины возникновения культурного шока / Н. В. Стрелкова // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2012. – № 2. – С. 131–136.

7. Segal, T. Culture Shock Meaning, Stages, and How to Overcome / T. Segal. – URL: <https://www.investopedia.com/terms/c/culture-shock.asp#:~:text=Key%20Takeaways-.Culture%20shock%20refers%20to%20feelings%20of%20uncertainty,%20confusion,%20or%20anxiety,or%20study%20abroad%20for%20school> (дата обращения: 18.04.2023).

УДК 811.111

Основные особенности и трудности восприятия диалектально-окрашенной речи на английском языке

Кряжевских Д. Ф., Кубанский Государственный технологический университет,
студент бакалавриата, Россия

Фомина Я. А., Кубанский Государственный технологический университет,
студент бакалавриата, Россия

Корелова А. С., Кубанский Государственный технологический университет,
преподаватель, Россия

Возможность путешествовать и общаться на английском языке в разных странах мира часто способствует изучению языка. Английский является официальным языком Великобритании и многих других стран, и на нем говорит подавляющее большинство британцев. Логично предположить, что английский язык будет иметь существенные индивидуальные особенности в англоязычных странах, таких как США, Канада и др. Однако при глубоком изучении звуков иностранного языка могут возникнуть некоторые трудности в понимании английской речи, особенно в Великобритании.

Современный английский в Великобритании имеет множество диалектов. Диалекты – это территориальные разновидности языка, сложившиеся под влиянием различных исторических, культурных и социальных событий среди людей определенного региона. Поскольку английский язык является одним из древнейших языков, его развитие претерпело многочисленные изменения. Если обратиться к истории английского языка, то можно отметить следующие основные периоды: древнеанглийский (до 1066 г.), среднеанглийский (с 1066 по 1500 гг.) и современный английский (после 1500 г до настоящего времени).

Территориальные различия английского языка в Великобритании проявляются гораздо сильнее, чем русского языка в России [Шило, 2019, с. 76–79]. Например, в России русскоговорящие обычно легко понимают жителей других городов. Все русские примерно одинаково говорят, за исключением некоторых различий в произношении гласных звуков. Однако в Британии акценты, словарный запас и даже грамматика отличаются в разных регионах.

Как и в любом языке, в английском важно уметь различать 2 понятия: акцент и диалект. Акцент относится к особенностям произношения, интонации и ритма речи, которые возникают при говорении людьми разных регионов. Например: love [lʌv] – love [lʊv], bath [bɑ:θ] – bath [bʌθ].

Диалекты, в свою очередь, это разновидности языка, которые имеют особенности лексики, грамматики, произношения и некоторых других языковых признаков, используемые в разных регионах и группах людей.

They real good vs they are really good.

I'll visit in the fall vs I'll visit in the autumn.

Чтобы понять причину появления и наличия множества диалектов в английском языке, необходимо проанализировать основные исторические этапы его формирования.

До вторжения нормандских феодалов в 1066 г. на территории Англии развивался древнеанглийский язык, в который норманны-завоеватели внесли достаточно большой и совершенно новый компонент – один из диалектов древнефранцузского языка, на котором они говорили. Французский стал языком административной сферы, он был языком церкви, правительства и высших классов, соответственно, английский оставался в низшей социальной среде. Но число завоевателей было не столь многочисленно, чтобы навязать свой язык в полной мере. И вместо преобладания нормандско-французского языка достигается постепенное смешение скандинавского, английского, германского и французского языков. Нормандско-французский язык правящего класса постепенно отступал: лишь в 1362 году английский язык был введен в судопроизводство, в 1385 г. было прекращено преподавание нормандско-французского языка и введен английский язык, а с 1483 г. стали издаваться парламентские законы на английском языке. Несмотря на то, что основа английского языка осталась германской, в него вошло так много старофранцузских слов, что он стал смешанным языком. Грамматический строй языка претерпевает коренные изменения: именные и глагольные окончания сначала смешиваются, ослабевают, затем почти полностью исчезают в этот период. В прилагательных, помимо простой формы образования степеней сравнения, появляются новые, путем прибавления к прилагательному слов: more – более, most – больше всего.

Новый английский период совпадает с развитием книгопечатания в 1476 году и охватывает современный период английского языка в том числе. Распространению лондонских форм английского языка способствовал Дж. Чосер (1340–1400), писавший на лондонском диалекте. В то время начинается расхождение между произношением и написанием, характерное для современного английского языка.

В настоящее время в Великобритании существует около 20 основных диалектов. Стандартный британский диалект является общепринятым языком Великобритании, в отличие от региональных диалектов. Он основан на диалектах южных регионов Англии.

Другие популярные английские диалекты включают кокни, скауз, джорди, лиманский английский, питматик, мачам и брамми. Одной из причин формирования диалектов английского языка, помимо влияния шотландского, валийского, ирландского и других языков, является то, что в Соединенном Королевстве никогда не существовало единого органа по контролю и развитию языка.

Анализ основных этапов истории английского языка, формирования популярных диалектов позволяет выделить основные особенности и трудности понимания диалектально-окрашенной речи на английском языке для иностранцев. Результаты сведем в общую таблицу 1.

Таблица 1. Особенности самых популярных диалектов Великобритании.

Наименование диалекта	Особенности
Диалект кокни (Cockney) – это диалект, на котором говорят в Восточном Лондоне и его окрестностях.	<ol style="list-style-type: none"> 1. В сленге пропускается звук [h] Пример: «not ‘alf» вместо «not half». 2. Используется «ain’t» вместо «isn’t» или «am not» [Саляхутдинова, 2016, с. 15]. 3. Т-шум: в диалекте кокни буква «t» представляет собой звук «t-« или «d-«. Этот процесс называется «t-шумом». Например, слово «butter» может быть произнесено как «budder». 4. Двойное отрицание 5. Использование третьей группы глаголов вместо второй
Диалект скауз (Scouse) – это диалект, на котором говорят в городе Ливерпуль и его окрестностях в Северо-Западной Англии.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Быстрое произношение: диалект скауз известен быстрым и плавным произношением слов. 2. Использование слов «la» и «kid»: эти слова широко используются в скауз и могут произвести впечатление, что собеседник говорит на жаргоне. Слово «la» может использоваться вместо имени, а слово «kid» – вместо слова «человек» или «парень». 3. Отсутствие звука «k»: в скауз часто отсутствует звук «k» в начале слова. Например, слово «car» может звучать как «ar». 4. Использование слова «our»: в скауз слово «our» может использоваться вместо слова «my». Например, вместо «my car» говорят «our car».
Диалект джорди (Geordie) – это диалект, на котором говорят в регионе Тайнсайд в Северо-Восточной Англии, включая город Ньюкасл-апон-Тайн и его окрестности.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Окончание «-у»: джорди часто добавляют «-у» в конце слов. Например, слово «friend» может звучать как «friendly», а слово «money» – как «moneh». 2. Отсутствие звука «h»: звук «h» часто опускается в словах. Например, слово «house» может звучать как «oose» (или просто «hoose»). 3. Использование слов «gannin» и «whey-aye»: эти слова являются характерными для джорди. «Gannin» означает «идти» или «делать что-то», а «whey-aye» (или просто «aye») – что-то вроде «да» или «правильно». 4. Особенности произношения: джорди произносят некоторые слова совсем иначе, чем привыкли в других частях Англии. Например, слово «book» может звучать как «buuk», а слово «town» – как «toon».
Лиманский английский (Liman English) – это разновидность английского языка, которая ранее была широко используется в портах	<ol style="list-style-type: none"> 1. Произношение: лиманский английский имеет свои отличия в произношении, например, вместо «th» звука может использоваться «t» или «d».

<p>на берегах Лимана (Белый Лиман, Крымский Лиман, Дунай, Днепр, Дону) в Украине и Молдове. Диалект формировался под влиянием контактов местных жителей и иностранных моряков, в том числе англичан и ирландцев.</p>	<p>2. Косвенная речь: в лиманском английском часто используются конструкции косвенной речи, в которой глаголы и прилагательные могут быть изменены в прошедшее время.</p> <p>3. Лексика: лиманский английский содержит лексику, которая была воспринята из других языков, например, тюркских и словацких слов.</p>
<p>Диалект питматик (Pitmatic) – это разновидность диалекта, на которой ранее говорили в графстве Дурхем в Северной Англии. Этот диалект развился в горнодобывающих районах вокруг шахт и мин в 19 и 20 веках.</p>	<p>1. Лексика: Диалект питматик содержит много уникальных лексических единиц, связанных с горнодобывающей промышленностью.</p> <p>2. Некоторые звуки, такие как звук «h», могут опускаться, а слова могут произноситься с ударением на другом слоге.</p> <p>3. Некоторые грамматические конструкции характерны для диалекта питматик, например, пропущенное сказуемое в простом предложении.</p> <p>4. Сокращения: В питматике шахтеры обычно использовали сокращения и аббревиатуры для быстрой и удобной коммуникации. Например, «hacky» для обозначения инструмента «hack hammer».</p>
<p>Диалект мачам (Macham) – это разновидность диалекта, который используется в районе Мечхис-Гархвал в Индии.</p>	<p>1. Ударение на других слогах, отличную модуляцию тона и неправильное произношение некоторых звуков.</p> <p>2. Вокализация: в диалекте мачам звук «o» перед гласными звуками может быть изменен в различные звуки, такие как «w» или «b».</p> <p>3. Лексика: мачам содержит уникальные слова, относящиеся к местным традициям и культуре.</p>
<p>Диалект брумми (Brummie) – это разновидность диалекта, который используется в Бирмингеме, крупнейшем городе в Центральной Англии. Брумми говорят около 2,5 миллионов людей, проживающих в районе Бирмингема.</p>	<p>1. Брумми имеет свои отличия в произношении, включая скороговорки с быстрым произношением слов и проигрыванием смысла. Например, «гар» слышится /æ/, в брумми – /a/; слово «рот» – «mouse» принято говорить с /au/, в брумми используется либо как /æu/ либо /æə/. [Алибекова А.И., 2017, с.56–59]</p> <p>2. Брумми часто ставят ударение на другие слоги, а не на первый, как обычно в стандартном английском языке.</p> <p>3. В словах с буквосочетанием «ng» на конце звук «g» выговаривается звонко.</p> <p>4. Некоторые грамматические конструкции в Брумми отличаются от стандартного английского языка, например, использование «to be» в настоящем времени вместо «do».</p>

Многие из тех, кто решает посетить Великобританию впервые, обнаруживают, что лишь очень небольшой процент местного населения говорит на английском языке, который мы видим по английскому телевидению и которому нас учат в учебных заведениях. Фактически подавляющее большинство британцев разговаривают друг с другом на различных акцентах и диалектах. Общение на английском языке – это не только умение выражать мысли устно и письменно, но и понимать разговорный английский язык на слух, что обуславливает необходимость учета и осознания наличия в данном случае множества диалектов и акцентов.

ИСТОЧНИК И ЛИТЕРАТУРА

1. Алибекова, А. И. Особенности диалектов английского языка/ Региональная межвузовская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, 2017, с. 56–59. URL: https://upload.pgu.ru/iblock/ba2/Pages-from-CH-3_-_115-ekz._25.pdf

2. Саляхутдинова, А. Р. Особенности диалекта кокни и его влияние на британскую культуру/ А. Р. Саляхутдинова, Н. П. Поморцева// Международный студенческий научный вестник.–2016.– №5. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16065>

3. Шило, Н. П. Территориальные диалекты английского языка в Соединенном Королевстве / Н. П. Шило, Н. Ю. Паренюк // Образовательная система: структурные преобразования и перспективные направления развития научной мысли – сборник научных трудов. Казань, 2019. Издательство: ООО «СитИвент» (Казань), с.76–79.

Испанские фразеологизмы с компонентом-антропонимом

Наумова А. Д., Южный федеральный университет, студент специалитета, Россия

Мельник О. Г., Южный федеральный университет, к.ф.н, доцент, Россия

Сейчас все больше лингвистов придерживаются концепции антропоцентризма и, в конечном итоге, формируют языковую систему в соответствии с этой парадигмой. Фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого языка. Они отражают историю, традиции, литературу, особенности быта и культуры. Фразеологизмы позволяют более точно охарактеризовать тот или иной объект, явление или процесс. Однако не следует забывать об экспрессивной функции фразеологизмов, которые используются для выражения своих чувств. И, конечно же, благодаря фразеологизмам речь звучит аутентично, что является показателем владения иностранным языком на высоком уровне.

В зарубежной и отечественной лингвистике существуют работы, посвященные данной проблеме: Сингаевская А. В. [Сингаевская, 2014], Рылов Ю. А. [Рылов, 2010], Corras G. [Corras G., 2003] и др. Несмотря на то, что проведены исследования в данной области, всё ещё остаётся актуальным вопрос о том, как эти единицы могут быть реализованы в различных текстах.

Данное исследование ставит целью рассмотреть антропонимы испанского языка, которые описывают человека, опираясь на лексико-грамматическую классификацию.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

1) выделить испанские фразеологизмы, содержащие имена собственные;

2) классифицировать фразеологические единицы, в состав которых входят антропонимы, учитывая лексико-грамматические типы.

Для исследования авторы использовали описательный и лексикографический методы.

Основные понятия фразеологии были сформулированы в трудах В. В. Виноградова (1977). Фразеологическими сочетаниями В. В. Виноградов назвал фразеологические обороты, образуемые реализацией несвободных значений слов. Он отметил, что большая часть значений слов ограничена в своих связях внутри семантическими отношениями самой языковой системы.

Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. Существует мнение, что эффективнее всего изучать фразеологизмы, опираясь на один определённый объединяющий компонент. Так можно выделить фразеологизмы, которые относятся к зоологии, флористике, нумерологии и т.д. Предметом нашего изучения являются фразеологизмы, в которых центральным компонентом является человек.

«Фразеологизмы с именами людей – антропонимами, универсально представлены в фразеологических ресурсах любого языка. В таких фразеологизмах образно представлены исторические ситуации, известные в данной лингвистической общности, отражены черты характера или внешности хорошо известного в данной лингвокультуре персонажа, реального или вымышленного, что образует фрагмент национальной фразеологической модели мира» [Чеснокова, Шкарбань, 2012].

Существуют различные классификации данного пласта лексики. Е.В. Курицкая [Курицкая, 2018] систематизирует фразеологические единицы, основываясь на источнике их происхождения. Исследование Е. В. Богдановой [Богданова, 2020] посвящено изучению литературных имен собственных, подвергшихся деантропонимизации, перейдя в разряд имен нарицательных. К. И. Немцева [Немцева, 2018] выделяет фразеологическое поле «Религия».

Для целей нашего исследования мы избрали лексико-грамматическую классификацию фразеологизмов. Н.М. Шанский ввел во фразеологию понятие «семантического опорного компонента», на основе которого в соответствии с грамматической структурой выделил две группы фразеологических единиц: «предикативные (т.е. соответствующие предложениям) и непредикативные (т.е. соответствующие словосочетаниям) обороты. К первой группе относятся пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые изречения и т.п. (Карфаген должен быть разрушен!)» [Шанский, 2020, с.52]. Однако ряд представителей курганско-челябинской фразеологической школы, такие как В. П. Жуков, А. И. Молотков, и др., относят языковые единицы данной группы к паремии (от греч. слова *paremia* – пословица).

Вторая группа фразеологизмов, согласно классификации А. И. Молоткова, делится на шесть подгрупп. Для более точного определения, к какой лексико-грамматической подгруппе относится фразеологизм, в основу этой классификации положены три критерия:

– «общекатегориальное значение (предмет или лицо; действие или состояние; признак лица или предмета; признак действия; чувства, эмоции, волевые побуждения);

– грамматические категории (род, число, падеж для субстантивных фразеологизмов; лицо, число, время, вид, наклонение, залог для глагольных фразеологических единиц и т.д.);
– синтаксические функции в предложении.

Так, выделяются следующие непредикативные лексико-грамматические типы фразеологических единиц:

1. Глагольные (бить баклуши).
2. Субстантивные (стреляный воробей).
3. Адъективные (нечист на руку).
4. Адвербиальные (спустя рукава).
5. Междометные (типун тебе на язык!).
6. Глагольно-пропозиционные (медведь на ухо наступил)» [Молотков, 1977, С. 94].

Основываясь на данной концепции, проведем анализ фразеологизмов-антропонимов, используя данные испанско-русского фразеологического словаря под редакцией Э. И. Левинтовой.

1. **Глагольные фразеологизмы** имеют общее значение действия или состояния. Обычно в предложении они выражены сказуемым.

Saber más que el maestro Ciruelo – «быть очень образованным». В XVII веке жил Пэдро Сируэло, он получил степень доктора богословия и работал профессором математики, он был автором большого количества трудов в различных сферах: анатомии, музыке, астрологии.

Saber más que Lepe – букв. «знать больше, чем Лепе» – «быть семи пядей во лбу». Дон Педро де Лепе и Дорантес был епископом Калаорры, написал знаменитый католический катехизис.

Comer como un Heliogábalo – «есть за четверых, есть много и с жадностью, быть обжорой». Гелиогабал – это прозвище Марка Аврелия Антония, римского императора сирийского происхождения. Он был неумелым и жестоким правителем. Одним из главных его пороков было чревоугодие.

Descender de la pata del Cid – «иметь благородное происхождение». Сид, полное имя которого Родриго Диас де Бивар, был кастильским дворянином, военным и политическим деятелем. Он жил в XI веке, прославился завоеванием Валенсии.

Ser la carabina de Ambrosio – «пятое колесо в телеге, то есть нечто совершенно бесполезное». В Севилье XIX века жил фермер по имени Амбросио. Дела на ферме шли плохо, поэтому он решил уйти в горы и зарабатывать грабежом. Из оружия у него был карабин, но он толком не умел им пользоваться. Так что пользы от этого было мало.

Más enamorado que Macías – букв. влюблен больше, чем Масиас. Во второй половине XIV века жил некий галисийский трубадур Масиас по прозвищу *Энаморадо*. Он служил щитоносцем при дворе испанского гранда. Масиас влюбился в одну придворную даму и написал множество стихотворений, посвященных ей. Узнав о такой дерзости, муж этой дамы разгневался и подстроил так, что певца заключили в темницу. Но даже в заключении, рискуя своей жизнью, Масиас помнил о своей любви и продолжал говорить о даме своего сердца в стихотворениях, за что и был убит.

2. Главным компонентом **субстантивных фразеологизмов** является имя существительное. Именные фразеологизмы обозначают лицо, группу лиц, предметы, явления. В предложении они выполняют синтаксическую функцию подлежащего, дополнения, именной части составного сказуемого.

Ser un Séneca – быть очень умным. Луций Анней Сенека – известный римский философ и политик.

Como San Martín – щедрый, последнюю рубашку с себя снимет.

Como Pedro por su casa – «вести себя в чужом доме очень фамильярно и свободно, вести себя беспардонно». Возможно, данный фразеологизм восходит ко времени завоеваний Уэски в 1094 году Королем Педро I Санчо, который продолжал вести завоевательную политику, даже будучи Королем Арагона и Памплоны.

Parecer el capitán Araña – букв. как капитан Аранья. Он жил в XVII веке и прославился тем, что собрал войско, а сам при этом остался дома. Фразеологизм часто используют для критики людей, которые побуждают других к рискованным действиям, а сами предпочитают оставаться в стороне. Капитан Аранья разбогател, привлекая испанских добровольцев для борьбы с мятежниками в Латинской Америке. Примечателен тот факт, что сам капитан решил остаться на суше, и более не путешествовал.

Ser un Donjuan/tenorio/ como Sancho Panza – «практичный человек, без идеалов» при характеристике толстого человека

3. **Адъективные фразеологизмы** обозначают свойства, признаки, качественные характеристики явления, предмета, процесса. В предложении они выражены определением.

Ser más feo que Picio – «дурен (дурна), как смертный грех». В XIX веке в Гранаде жил один башмачник по имени Писио. Однажды его необоснованно осудили. Ожидая своей смертной казни, Писио сильно страдал и внешность его изменилась: у него выпали все волосы, а лицо покрылось язвами.

Más tonto que Abundio – «глупец, дурень, Иван-дурак». В IX веке в Кордове жил святой Абундио, который 11 раз неодобрительно отозвался о пророке Магомете, за что и был казнён.

Más rico que Creso – «очень богатый». Крез был последним в истории царём Лидии. Он выиграл много войн и стал одним из самых богатых людей того времени.

Más listo que Cardona – «ловкий, хитрый, сообразительный». В XIV веке король Педро IV раскрыл заговор против него и, мучимый подозрениями, убивает своего брата. Виконт Кардона, побоявшись, что его постигнет та же участь, сбежал в свой замок в Барселону. Такое молниеносное решение спасло его от неминуемой гибели.

Más flaco que el San Jerónimo de Mayo – очень худой, кожа да кости.

Más célebre que Barceló por la mar – быть знаменитым. Выражение связано с известным испанским корсаром Антонио Барсело. Он прославился благодаря своим военным подвигам, сражаясь с арабскими пиратами и англичанами на Средиземном море.

Tener más valor que El Guerra – букв. «быть смелее самого Герры». Фразеологизм применяется при описании очень мужественного человека. Герра был знаменитым матадором XIX века.

Ser más viejo que Matusalén – быть очень старым. Мафусаил – ветхозаветный персонаж, которые известен своим долголетием. Он прожил 969 лет.

Como el borrico de San Vicente que lleva la carga y no la siente – букв. «как осел Святого Висента». В притче сказано, что осел не заметил, что тащит лишний груз. Означает «быть очень рассеянным».

4. Адвербиальные фразеологизмы обозначают признак действия или признак признака. В предложении они выражены обстоятельством.

Así se las ponían a Fernando séptimo – «проще простого, лучше некуда, как по заказу». Фразеологизм используется, чтобы отметить чрезвычайную легкость задачи. В начале XIX века правил король Фердинанд VII. Его любимой игрой был бильярд. Желая угодить королю, придворные расставляли бильярдные шары так, чтобы королю было легче забивать и выигрывать.

Que si quieres arroz, Catalina – безрезультатно, как об стенку горох. В первой половине XV века в городе Сааугун жила еврейка Каталина, которая всю жизнь ела только рис. Заболев, она стала лечиться рисом, от которого она похоже умерла. Доподлинно неизвестно, то ли она съела больше риса, чем положено, то ли Каталина умерла, потому что у нее не было риса.

Tanto monta, monta tanto, Isabel como Fernando – девиз договора между супругами, испанскими католическими королями Изабеллой I Кастильской и Фердинандом II Арагонским. То же самое.

5. Междометные фразеологизмы.

Эти фразеологические единицы выполняют эмотивную функцию в языке, т.е. они выражают эмоции и чувства говорящего. Одной из основных особенностей испанской фразеологии является то, что в ней содержится междометных образований, содержащих различный спектр эмоций. Рассмотрим следующие восклицания:

¡Jesús! – Иисус!/ Боже!/ Господи!

¡Jesucristo! Боже!/ Господи!

¡Jesús, Dios mío! – Господи, Боже мой

¡Dios se la depare buena! (букв.: пусть Бог вам ее пошлет хорошей) – Бог в помощь, дай Бог вам удачи (пожелание).

¡Santiago y a ellos! – Бей их! Вперед! Ура! Святой Яков считается покровителем Испании.

6. Глагольно-пропозиционные фразеологические единицы характеризуются следующими признаками:

– чаще всего происходят от простых двусоставных предложений;

– в предложении обычно есть субъектный распространитель (иногда и объектный). Например, *медведь на ухо наступил кому? руки чешутся у кого?*

A cada cerdo le llega su San Martín – букв.: у каждой свиньи наступает свой Сан Мартин – как веревочке ни виться – концу быть.

В результате проведенного анализа можно прийти к выводу, что фразеологизмы с компонентом-антропонимом занимают довольно важное место в системе испанского языка. Данные фразеологизмы могут реализовываться при помощи различных частей речи. Значительной и многообразной также является их функциональность, однако преобладают адъективные фразеологизмы. Мы установили, что одним из компонентов фразеологизма часто выступают имена святых и имена известных исторических личностей. Приведенные примеры указывают на то, что эти идиомы широко распространены в устной и письменной коммуникации и должны быть проанализированы как с прагматической, так и с когнитивной

точек зрения. Фразеология, несомненно, является ключевым фактором в улучшении беглости и точности языкового производства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Corpas, G. Diez años de investigación en fraseología: análisis sintáctico-semánticos, contrastivos y traductológicos. Madrid: Iberoamericana. Verbuer, 2003.
URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5771> (дата обращения: 05.04.2023).
2. Богданова, Е.В. Литературные антропонимы в испанском языке. Преподаватель XXI век, №4-2, 2020. С.372–385.
3. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. / М.: Наука, 1977. – 311 с.
4. Курицкая, Е. В. Фразеологические единицы с антропонимами в английском языке/ Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 51–55. ISSN 1997-2911
5. Левинтова, Э. И., Вольф, Е. М., Мовшович, Н. А., Будницкая, И. А. Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц / под ред. Э. И. Левинтовой. М.: Рус. яз., 1985. 1080 с.
6. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. 284 с.
7. Немцева, К. И. Антропоцентрические фразеологизмы фразеотематического поля «Религия» в испанском и французском языках // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2018. № 4 (50).
8. Рылов, Ю. А., Корнева, В. В., Шеминова, Н. В., Лопатина, К. В., Варнавская, Е. В. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / под ред. проф. Ю. А. Рылова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. 390 с.
9. Сингаевская, А. В. Национально-культурное своеобразие испанских фразеологизмов с компонентом-антропонимом/ Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 178–184. ISSN 1997-2911.
10. Чеснокова, О.С., Шкарбань, Е. А. Фразеологические единицы с антропонимами в современном испанском языке.
11. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2020. – 272 с.

УДК 81`25

Особенности перевода имён собственных в сказке Дж. Роулинг «Рождественский поросёнок»

Петрова И. А., Иркутский государственный университет, студент бакалавриата, Россия
Ведерникова Т. И., Иркутский государственный университет, к.ф.н., доцент, Россия

Детские художественные произведения, такие как сказки, стихи и рассказы, вызывают огромный интерес у маленьких читателей. Среди народно любимых книг многие переведены с иностранного языка. Лилианна Лунгина подарила нам перевод повестей о Малыше и Карлсоне, Борис Заходер – о Винни Пухе, Нора Галь перевела для нас Маленького принца, Нина Демурова – Алису в стране чудес. Перевод детских книг представляет собой огромный труд, ведь дети являются самыми требовательными читателями. Книга должна быть интересной, захватывающей, привлекающей внимание. При переводе произведения детской художественной литературы важно сохранить ее основные функции, а именно: познавательную, нравственную, воспитательную и эстетическую. Основную роль в характеристике персонажа, его характера и поведения в сказке часто играет его имя. Именно поэтому ключевым моментом в переводе детской сказки может считаться перевод содержащихся в ней имен героев.

В. С. Виноградов в работе «Введение в переводоведение» характеризовал смысловое имя собственное как «своеобразный троп, равнозначный, в известной степени, метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа или социальной среды» [Виноградов, 2001, с. 161]. Переводчик при передаче говорящих имен собственных должен обращать внимание не только на исходное значение слова и его образное наполнение, но и на возрастную категорию целевой аудитории, этимологические и семантические факторы, а также функции, выполняемые ИС в тексте.

Одна из самых популярных писательниц нашего времени – Джоан Кэтлин Роулинг. Она известна в первую очередь благодаря своему циклу книг о Гарри Поттере, имена в которых представляют

огромный интерес в аспекте перевода, о чем уже было написано немало работ. Книги о Гарри Поттере особенно популярны среди детей старшего возраста, их переводами занимались множество переводчиков: И. В. Оранский, М. Д. Литвинова, Н. Лях, М. Межуев, С. Ильин, М. Лахути (все под редакцией М. Литвиновой), Ю. Мачкасов, М. Спивак и др. Все они, безусловно, имеют, как и уникальные находки, так и изъяны. Имена собственные в книгах Роулинг являются тщательно продуманными и говорящими. Она очень ответственно подходит к выбору имени персонажа, названия для предмета или места, в которых иногда можно отыскать корни слов из различных языков, что делает образ каждого героя, названия или топонима интересным для анализа, как например имя *Dumbledore*, в основе которого лежит слово шмель на древнеанглийском; или же герой по имени *Gilderoy Lockhart*, являющееся составным из нескольких слов: *gild* – позолота, *lock* – локон или заковывать, *hart* – аллюзия к *heart* – сердце.

В данной статье анализируется перевод имён собственных в сказке Дж. К. Роулинг «Рождественский поросенок» (англ. *The Christmas Pig*). Книга не связана сюжетно ни с одним из предыдущих произведений автора. Сюжет повествует о мальчике по имени Джек, который в канун Рождества теряет свою любимую игрушку, поросёнка Пока. В сочельник у него появляется новый товарищ, Рождественский поросёнок, который вместе с Джеком отправляется на поиски Пока в страну потерянных игрушек. Перевод на русский язык выполнила Александра Глебовская. Среди переводов Глебовской такие известные произведения, как книги о медвежонке Паддингтоне, Майкла Бонда; книги Дианы Уинн Джонс, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Артура Конана Дойла, а также многие другие знаменитые произведения.

Имя любимой игрушки Джека, поросёнка, в оригинале звучит как *Dur Pig*. Такое имя произошло от изменения произношения слова ребёнком, то есть *Dur* является неправильным произношением артикля *The*. В переводе персонаж получил имя *Пасёнок*, что является уподоблением слова детскому произношению. Корень порос-, сократился до *пас-*, то есть слог *-po-* был убран, а в получившемся *пос-* буква *o* заменена на *a*, имитируя открытый звук при произношении. Суффикс *-ёнок* сохранился. Получившийся в итоге *Пасёнок* подражает детской тенденции к сокращению слогов в слове из-за трудностей в выговаривании. Это уподобляющий (приближенный) способ перевода.

Далее имя *Пасёнок* подвергается ещё большему сокращению. В оригинале мама Джека сократила имя поросёнка, оставив инициалы имени *Dur Pig* – DP. Переводчик, для сохранения тождества имени, оставила первую букву и окончание, написанные через дефис, который впоследствии был убран. Таким образом, первоначальное имя *Поросёнок* превратилось в *Пок*.

Имя Рождественского поросёнка (новой игрушки Джека) было переведено с помощью калькирования. В оригинале его полное имя – *The Christmas Pig*. Герой получил такое имя поскольку был подарен Джеку в канун Рождества из-за того, что девочка Холли выбросила его любимую игрушку за окно машины. В середине книги имя Рождественского поросёнка сокращается по аналогии с именем Пока.

В оригинале имя было сокращено путём сохранения инициалов имени: *Christmas Pig* – CP. CP является аналогией DP, поскольку оба поросёнка идентичны. В переводе имя звучит как *Рок* – были оставлены первая буква имени и окончание, что также является параллелью имени *Пок*.

Пок и *Рок* – игрушки, абсолютно не отличимые один от другого внешне, но полные противоположности в характере и поведении. После знакомства Джека и Рождественского поросёнка, поросёнок кажется задиристым, хмурым, саркастичным персонажем. Вот что думает о нём Джек: «*Thinking how rude the Christmas Pig was, and that he and Holly deserved each other...*» [Rowling, 2021, Ch. 14]. – «Думая о том, какой Рождественский Поросёнок грубиян и как он в этом похож на Холли...» [Роулинг, 2021, Гл. 14]. Переводчик усиливает насмешливые и саркастические интонации Рождественского поросёнка в его речи, что в оригинале выражается не так ярко.

– Если ты, скверный мальчишка, ещё раз сделаешь мне больно, не буду я тебе помогать.

Джек так опешил и перепугался, что пошевеливаться не мог. ...

– Ты говорить умеешь! – прошептал Джек.

– Ишь какой умный выискался, – сердито буркнул Рождественский Поросёнок» [Роулинг, 2021, Гл. 13].

«“If you hit me one *more* time, you horrible boy, I won’t help you.”

...

“Clever, aren’t you?” said the Christmas Pig, crossly» [Rowling, 2021, Ch. 13].

Поросёнок *Пок* обретает голос, когда Джек и Рождественский поросёнок в конечном итоге находят его на Острове Любимых. Он мудрый, спокойный и добрый герой. Мудрость Пока проявляется в прощании Джека и Пока: «“Losing is part of living,” whispered DP into Jack’s ear, his snout snuffling against Jack’s hair. “But some of us live even though we’re lost. That’s what love does» [Rowling, 2021, Ch. 52]. «Потери – часть жизни, – прошептал *Пок* Джеку в ухо, взъерошив ему пяточком волосы. – Но даже те, кто потерялся, порой остаются в живых. На такое способна любовь» [Роулинг, 2021, Гл. 52].

В сказке содержится большое количество топонимов-имен собственных. Они являются географическими названиями воображаемой Страны Потерь. Некоторые из них переводятся калькированием, например, *Land of the Lost* – *Страна Потерь*. *Lost* – *that cannot be found or brought back; that cannot be obtained; that cannot be found or created again*. В данном случае выполнен перевод с использованием функциональной замены на существительное *Потеря*. Примечательно, что существительное *потеря* имеет широкий семантический потенциал, оно может быть не только номинацией потерянных вещей, но и трагических происшествий и обстоятельств. Можно сказать, что оно имеет печальную и даже трагическую коннотацию.

The Wastes of the Unlamented – *Пустошь Неприкаянных*. *Unlamented* (of somebody/something that has died or disappeared and not missed very much) имеет соответствия в русском языке *неоплаканный*, *тот о ком не будут плакать*. Здесь используется слово *неприкаянный* – не находящий себе места, занятия; неустроенный, бесприютный. Снова наблюдаем расширение семантического потенциала, отрицательную коннотацию.

Перевод *Island of the Beloved* – *Остров Любимых* также является калькированием с использованием прямых значений слов. В Кембриджском словаре слово *Beloved* отмечено формальной окраской, присущей высокому стилю. Также оно имеет значение «*loved very much*», то есть нечто очень сильно любимое кем-либо. Слово *Любимый* в русском языке является стилистически нейтральным, что сказывается на семантике имени, ведь на этот остров попадали потерянные вещи, очень любимые хозяевами. Однако решение переводчика можно объяснить тем, что в русском языке нет эквивалентного слова с той же коннотацией и с той же стилистической окраской (возлюбленный может использоваться только применительно к людям).

Топонимы *Mislaid* и *Bother-It's-Gone* не были переведены путем калькирования, как другие топонимы в сказке. Напротив, переводчик выбирает нестандартный подход. Слово *mislaid* (put somewhere and forgetting where you put it) означает затерявшийся, оказавшийся не на своём месте. Оно было переведено как «*He Там*», то есть переводчик подбирает целостную ассоциацию к слову. Топоним *Bother-It's-Gone* на русский язык было переведено соответствующим способом – *Ой-Да-Где-Же*. Русское ИС имеет тот же смысл, что и оригинальное, а также было передано на русский манер, с использованием междометия *ой*, частиц *да* и *же*, поэтому здесь налицо сохранение прагматики имени.

Рассмотрим перевод имен многочисленных героев книги. Большинство персонажей являются ожившими предметами, а также воплощениями абстрактных понятий в конкретном виде. В рассмотренной выше Стране Потерь правит герой по имени *the Loser*. Его имя было переведено как *Потерях*. Обычно слово *loser* (*a person who is regularly unsuccessful, especially when you have a low opinion of them*) употребляется в значении неудачник, лузер, что является транслитерацией, но в данном случае фокус направлен на то, что он правит потерянными вещами и обходится с ними крайне жестоко. Он внушает страх и отвращение. Переводчик употребляет суффикс *-ях*-, характерный для детского языка, и так создает новое слово. Отрицательная коннотация может возникнуть, если вспомнить созвучное слово *неряха*, обозначающее *неопрятный, неаккуратный, неприятный человек, человек, с которым неприятно общаться*.

Персонаж по имени *Sheriff Specs* переведен с использованием калькирования и уподобления имени для сохранения тождества, как *Шериф Оч*. *Specs* является сокращением от слова *Spectacles* – очки. Таким образом, слово *очки* было сокращено как и в оригинале, что в итоге образовало эквивалент имени героя. Шериф Оч – очень располагающий к себе, добрый и приятный герой.

«“Howdy!” said a cheery voice behind them, and everybody turned around to see a pair of spectacles bouncing out of a building with swing doors that was labeled saloon. Spectacles was wearing a black Stetson with an “L” on it, and looked far friendlier than any Loss Adjuster they’d met so far» [Rowling, 2021, Ch. 21].

«– Приветик! – произнёс бодрый голос сзади. Все обернулись и увидели, как из распашной двери здания с надписью «Салун» выскочили очки в чёрной шляпе-стетсон, украшенной буквой «Р», на вид они были куда дружелюбнее, чем все предыдущие регулировщики» [Роулинг, 2021, Гл. 21].

Речь Шерифа Оча отличается употреблением разговорных формулировок, различных восклицаний, а также игрой слов. Его жизнерадостность сразу чувствуется по первому же приветствию: «Howdy!». Это неформальное английское приветствие, сформировавшееся из «How do ye?». Это выражение использовалось в XVI веке в Южной Англии, впоследствии оно сократилось до «Howdy». В настоящее время оно ассоциируется с жителями южной и западной части США, что также относится и к герою, так как он является шерифом. Слово шериф, несмотря на то что возникло оно в Англии средних веков, приобрело широкое значение органа правопорядка в прериях США, связанного с ковбоями. Так и герой исполняет обязанности органа правопорядка, будучи регулировщиком и следя за соблюдением

законов Страны Потерь. Шериф Оч носит ковбойскую шляпу стетсон и выходит из салуна, вследствие чего мы убеждаемся в том, что родиной героя является юго-запад США. Переводчик перевела выражение «Howdy!» как «Приветик!». Приветик представляет собой диминутив, то есть уменьшительно-ласкательную форму нейтрального приветствия, отличающуюся экспрессивной окраской и подчеркивающую непринужденность речи.

Имя *Lunchy* переведено уменьшительно-ласкательной формой *Коробушка*. В оригинале имя образовано от *the lunch box* и было сокращено с добавлением окончания *-у*. Эквивалентом данной флексии можно считать уменьшительно-ласкательный русский суффикс *-ушка*. По аналогии с этим именем переведено *Haley (Inhaler)* – *Ингаляша (Ингалятор)*. *Pokey (Pokémon card)* переводится транслитерацией, а также является сокращением от полного имени – *Поки (Карточка с Покемоном)*. Однако в данном случае возможна путаница в именах героев, поскольку игрушка Джека получила в переводе имя *Пок*, и *Карточка с Покемоном* по имени *Поки* может вызвать диссонанс у ребёнка.

Mr. Knight переведён как господин Конь. Персонаж является шахматной фигурой, на русском называемой конём.

Addie (the Address Book) – *Книжица (Книжица, Телефонная Книга)*. В оригинале имя сокращено от полного названия с использованием окончания *-ie*. На русский язык ИС также переводится с добавлением к слову *книга* с суффикса *-ица*. «В группе слов с суффиксом *-иц(а)* сталкиваются церковно-книжные отглагольные образования (убийца, сыноубийца, матереубийца и т. П.) с разговорными словами, произведенными от основ имен прилагательных (тупица, умница и т. П.; ср., впрочем, пропойца)» [Виноградов, 1999, с. 77]. Книжица представляется как давняя жительница города Ой-Да-Где-Же и близкой приятельницей мэра Сыротёра (*Mayor Cheese Grater*). Она любит руководить и командовать, за что её недолюбливают горожане. Поэма говорит Джеку и Рождественскому поросёнку:

«*“One thing I must beg of you, dear laddie:
Please don’t judge us all by horrid Addie.”*» [Rowling, 2021, Ch. 26].
«– Ты после поймёшь, как у нас тут всё движется:
Не все мы такие, как жуткая Книжица» [Роулинг, 2021, Гл. 26].

Уподобляющим переводом и калькированием переведено имя *Mayor Cheese Grater* – *Мэр Сыротёр*. *Cheese Grater* – тёрка для сыра, однако для того, чтобы объединить понятие в одну словоформу, переводчик употребила слово *Сыротёр*. Данное ИС вызывает ассоциации грубости и жесткости. Это подтверждается в тексте произведения.

«*“Quickly! Come inside–you’ll thank me later!
We can hide you from that dreadful grater!”*» [Rowling, 2021, Ch. 26].

Crusher (a machine or tool for crushing something) переведён как *Хрясь*, что является результатом смыслового развития и способствует созданию образа персонажа, ведь *Хрясь* – сапог. Слово *Crusher* имеет такие варианты перевода, как *дробилка, измельчитель, мельница, плющилка*. Слово *хрясь* является ономотопическим, или звукоподражательным, вариантом перевода. Такой подход также является характерным для перевода детской литературы, поскольку подражание звукам предметов делает чтение более интересным и ярким.

Chewfingert – *Пальцегрыз* переведён по аналогии с *Сыротёром* приёмом калькирования и сжатой формы ИС. Таким же образом переведено и имя *Sugarguzzler* – *Обжорная Сладкоежка*. Слово *guzzler* имеет значение обжора. Здесь переводчик не стала объединять понятие в одно имя, поскольку слово *сладкоежка* уже является составным и, таким образом, *guzzler* стало прилагательным *обжорная*.

В тексте сказки фигурирует персонаж-игрушка по имени *Jack-in-the-box*. «*Jack-in-the-box* – детская игрушка. Внешне выглядит как коробка с ручкой, если покрутить которую, проигрывается мелодия. В какой-то момент у коробки неожиданно открывается крышка, и из неё выскакивает фигурка (обычно клоун или шут)» [Шитова, 2013, с. 82]. Однако вариант калькирования имени не представляется удачным, поскольку русским детям игрушка под таким названием не знакома, или же, в противном случае, пришлось бы прибегнуть к переводческому комментарию, то есть сноске. Переводчик перевела игрушку как *Чёртик из табакерки*, что является наиболее подходящим вариантом, поскольку это понятие представляет собой тот же принцип функционирования, что и *Jack-in-the-box*.

Герой по имени *Matchbox car* был переведен как *Модельная Машинка*. Модельная машинка представляет собой миниатюру настоящего автомобиля в виде игрушки. Этимология слова *Matchbox* происходит от слова *match box* – *спичечный коробок*, поскольку миниатюрные машинки продаются в маленьких коробочках, похожих на картонные ёмкости для спичек. Таким образом, переводчик не

руководствовалась отдельными значениями слов, а передала эту культурную реалию путём доместикации и смыслового развития.

Герои сказки поют популярную английскую рождественскую песню «O Little Town of Bethlehem». В переводе название песни передано как «А в Вифлееме-городке». Дословно оригинальное название звучит как «О малый город Вифлеем». Русский перевод имени предлагает более живую трактовку песни, с опущением слова little, добавления суффикса -к- к слову город, и перестановкой слов для более привычного сочетания. Также, в начале названия междометие -о- заменяется на союз -а-. Всё вместе делает такой перевод доместикацией и аллюзией на русские народные песни, например, «А мы просо сеяли», «Ах, Самара-городок». Это, безусловно, способствует лучшему пониманию песни детьми.

В рассмотренной нами сказке Джоан Кэтлин Роулинг «Рождественский поросёнок» главными героями являются яркие, харизматичные, уникальные персонажи, и их имена соответствуют их качествам и характерам. Применяя творческий подход и используя порой нестандартные решения, переводчик смогла передать семантику и прагматику имён и коннотации названий. Таким образом, мы можем сделать вывод, что их основные функции в тексте сохранены, что способствует пониманию основной идеи произведения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Роулинг, Дж. К. Рождественский Поросёнок / Дж. К. Роулинг. – М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2021. – 288 с.
3. Шитов,а Л. Ф. Proper Name Idioms and Their Origins = Слова именных идиом / Л. Ф. Шитова. – СПб.: Антология, 2013. – 192 с.
4. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 22.03.2023).
5. Oxford Learner's Dictionaries. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 23.03.2023).
6. Rowling, J. K. The Christmas Pig / J. K. Rowling. – Scholastic Inc., 2021. – 288 p.

УДК 811.112

Фразеологические единицы как носители культурной информации (на материале немецкоязычного журнала «Jugend»)

Романова А. А., Московский государственный лингвистический университет,
студент бакалавриата, Россия

Анищенко А. В., Московский государственный лингвистический университет,
к.ф.н., доцент, Россия

Язык отражает культуру общества в определённую эпоху: «человек и культура встроены или инкорпорированы в сущностную природу языка, являются обязательными и неизменно значимыми конституентами его бытия» [Зыкова, 2017, с. 48]. Связь между языком и культурой стала объектом исследования многих языковедов начиная с XVIII в. Но несмотря на это, самостоятельная дисциплина, которая исследует данный вопрос – лингвокультурология – достаточно молодая и появилась лишь в XX в. Одними из основателей отечественной лингвокультурологии стали Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров. Во введении к своей работе «Язык и культура» они писали: «Что язык и культура сопряжены между собой – это *sententia communis*: несогласных нет» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 16]. То, что язык и культура тесно взаимосвязаны, подтверждали и другие учёные. К примеру, советский лингвист-славист Н. И. Толстой утверждал, что язык, с одной стороны, может рассматриваться отдельно от культуры, а с другой стороны, может выступать в качестве «орудия культуры» [Толстой, 1995, с. 16]. Язык является не только средством отражения культуры, но также «хранилищем» системы ценностей, обычаев и традиций, которые передаются из поколения в поколение. С точки зрения отражения культуры в языке большой интерес представляет изучение и анализ фразеологических единиц.

Материалом исследования послужил немецкий еженедельный иллюстрированный журнал «Jugend», основанный журналистами Георгом Хиртом и Фрицем фон Остини и выходивший в Мюнхене в период с 1896 по 1940 гг. Их идеей было создать журнал, рассказывающий об искусстве и литературе и «обсуждать и иллюстрировать все, что интересно, что способствует подъему духа..., говорить о том, что прекрасно, эстетично, характерно, весело – и действительно художественно» [Jugend, №1 1896, с. 2, перевод с немецкого Я. С. Семченкова].

Таким образом, журнал дал простор для творчества многим литераторам и художникам. Публиковались рисунки и карикатуры как начинающих, так и опытных иллюстраторов, а также различного рода литературные тексты от стихотворений до сатирических рассказов. Тем самым журналу удалось объединить вокруг себя творческих людей, которые стремились к самовыражению, пробуя что-то новое.

Ежегодно редакция выпускала 51–52 номера журнала, некоторые из которых были тематическими (*Versailles, Schwaben, Italienische Kunst, Oktoberfest 1937* и др.). В ходе исследования был проанализирован 21 специальный выпуск, которые были разделены по группам:

- 1) Специальные выпуски, посвящённые конкретным событиям (*100 Jahre Reichseisenbahn, Zum Führerbesuch in Italien* и др.);
- 2) Специальные выпуски, посвящённые культуре Германии (*Münchener Künstlergenossenschaft, Münchener Volkssänger* и др.);
- 3) Специальные выпуски, посвящённые регионам Германии (*Schwaben, Bremen, Schlüssel zur Welt* и др.).

Фразеология, как неотъемлемая часть языка, характеризуется своей способностью кратко и лаконично отражать идеи и мысли человека, «указывать на подчёркнуто эмоциональное отношение адресата к сообщаемой информации и косвенно передавать эмоциональные оценки (как положительные, так и отрицательные) получателю» [Fleischer, 1997, с. 218]. Фразеологизмы, несомненно, культурно маркированы. Как утверждает В. М. Мокиенко, идиоматика любого языка обладает «двойственной индивидуальностью». Это одновременно и отражение современного литературного языка, и отражение национальных реалий и культуры народа [Мокиенко, 1999, с. 6]. Подтверждение этому мы находим также и в работе М. Л. Ковшовой, которая полагает, что «фразеологизм зарождается на пересечении языка и культуры, он изначально насыщен культурой» [Ковшова, 2016, с. 147].

Необходимо также сказать, что в разных фразеологизмах культурный компонент может отражаться по-разному. Исходя из этого, свою классификацию фразеологических единиц предложил И. Г. Ольшанский. Он выделял три группы фразеологических единиц [Ольшанский, 2005, с. 328–329]. Мы систематизировали фразеологические единицы из журнала в соответствии с этой классификацией:

- 1) Лингвокультурный компонент отражается в общем значении всего фразеологического оборота: *Übung macht den Meister* – (ср. повторение – мать учения) только тот, кто много тренируется, может достичь успеха в определённом деле. Данное устойчивое выражение отражает национальную особенность характера немецкого народа – трудолюбие и усердие.

Рис 1. *Jugend*, № 22 (*Münchener Volkssänger*), 1935, отрывок из сатирического стихотворения Карла Валентина

- 2) Лингвокультурный компонент отражается в семантике лексических компонентов фразеологизма:

die Haare stehen j-m zu Berge – (ср. волосы встали дыбом) кого-то охватил сильный ужас. В этом случае прослеживаются особенности немецкого языка, что также является отражением культуры народа. С помощью этого примера мы подмечаем различия в восприятии реальности в русском (*дыбом* – от др.-русск. *дыбать* «стоять на кончиках пальцев» по этимологическому словарю Крылова Г. А.) и немецком языке (сравнение с горами – *Berge*).

Mir standen die Haare heimlich zu Berge. Diese Fahrt hatte ich mir vorgenommen! Aber ein einziges Mal hatte ich statt der einstündigen Dampferfahrt nach Wustrow den Landweg gewählt – einen unbeschreiblichen weg durch tiefen Sand, der die Räder des museumsreifen Fuhrwerks auf der Stelle festzuhalten schien. Es gab damals noch keine Chaussee [Jugend, № 45 (Gau Mecklenburg-Lübeck), 1937, с. 715].

3) Само прямое значение фразеологизма несёт в себе культурную информацию и отражает национально-специфическую, укоренившуюся в древних обычаях ситуацию, лежащую в основе образно-переносного значения идиомы

einen Korb bekommen – (досл. получить корзину) получить отказ. Это выражение восходит к средневековому немецкому обычаю: в прежние времена претендент на благосклонность женщины мог подняться в корзине к её окну; если женщина хотела отказать претенденту, она пробивала дно корзины. Позже также стало обычным делом вручать отвергнутому поклоннику небольшую корзину без дна [Duden. Redewendungen, с. 428].

Sollte man wider Erwarten von den Eltern einen Korb bekommen so zeige man sich als Mann. Es ist durchaus abwegig, in Verzweiflung oder gar in sichtbare Wut abzubrechen. Wird einem die Hand der Tochter verweigert, so richte man sich in die Höhe und wende sofort zum Gehen. „Na, wenn schon! Andere Mütter haben auch schöne Töchter!“ [Jugend, № 4 (Das grosse Faschingsheft), 1937, с. 60]

Вопрос классификации фразеологизмов достаточно дискуссионный, т.к. каждая из классификаций основывается на различных критериях. Проф. И. И. Чернышёва, к примеру, разработала структурно-семантическую классификацию фразеологизмов, в которой выделяла четыре класса устойчивых выражений. С точки зрения этой классификации, к фразеологизмам также относятся лексические единицы с единичной связью между составляющими, которые сохраняют своё прямое лексическое значение [по: Ольшанский 2005, с. 214]. В эту группу можно также отнести некоторые слова-реалии, которые несут в себе «фоновую информацию, передающую сведения о национальных формах, видах и проявлениях духовной и материальной культуры» [Виноградов 2001, с. 58]. Сюда можно отнести такие сочетания, как *Walhallas Saal* (Вальхалла – зал славы в Баварии, где установлены бюсты представителей германских народов оставивших заметный след в мировой истории), *das Dritte Reich* (Третий Рейх), *die Nordische Gesellschaft* (Северное Общество – организация, основанная в фашистской Германии для укрепления сотрудничества со скандинавскими странами), *Münchener Künstlergenossenschaft* (Мюнхенское объединение художников), *der Arme Konrad* (Бедный Конрад – тайное общество в Вюртемберге, поднявшее восстание в 1514 году), *die SA* (Штурмовые отряды), *die SS* (СС или охранные отряды), *Bayerischer Wald* (Баварский лес), *Böhmischer Wald* (Чешский лес), *der Starnberger See* (Штарнбергское озеро). Все они содержат в себе культурный компонент, отражая культуру, историю и географические особенности Германии.

Анализ содержания показал, что фразеологические единицы являются маркерами культуры и источником страноведческой информации. Их использование в медийных текстах способствует созданию культурного колорита. Таким образом, можно сделать вывод, что фразеологизмы, имея культурную коннотацию, позволяют составить представление о немецкой культуре. Они привлекают внимание к особенностям национального характера, языка и культурно-исторического наследия немецкого народа и выполняют культуросохраняющую функцию в специальных выпусках журнала «Jugend».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: «Индрик», 2005. – 1038 с.
2. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Зыкова, И. В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. – М.: Гнозис, 2017. – 752 с.
4. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 131–176.
5. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии [Текст] / В. М. Мокиенко. – М.: Наука: Флинта, 2007. – 280 с.
6. Ольшанский, И. Г. Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М.: Издательский центр «Академия», 2005 – С. 317–363.
7. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изданием 2-е, исправленное – М.: «Индрик», 1995. – 280 с.

8. Duden. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik 4., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Berlin: Dudenverlag, 2013. – 928 S.
9. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache 2. durchgesehene und ergänzte Auflage. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997. – 289 S.
10. Jugend: Münchner illustrierte Wochenschrift für Kunst und Leben / Verl. d. Jugend, 1896. – № 1. – URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/jugend1896_1 (abgerufen: 14.05.2023).
11. Jugend: Münchner illustrierte Wochenschrift für Kunst und Leben / Verl. d. Jugend, 1937. – № 4 (Das grosse Faschingsheft) – URL: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/jugend1937/0053> (abgerufen: 14.05.2023).
12. Jugend: Münchner illustrierte Wochenschrift für Kunst und Leben / Verl. d. Jugend, 1937. – № 45 (Gau Mecklenburg-Lübeck) – URL: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/jugend1937/0705> (abgerufen: 14.05.2023).
13. Redensarten-Index. Wörterbuch und Portal für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter, Umgangssprache. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (abgerufen: 02.04.2023).

УДК 811.112.2

**Лакунарность эмоционального концепта СТРАХ/ANGST/FURCHT
(на примере романа П. Зюскинда «Парфюмер»)**

Рябикова О. Г., Московский государственный лингвистический университет,
студент бакалавриата, Россия

Анищенко А. В., Московский государственный лингвистический университет,
к.ф.н., доцент, Россия

Введение

Проблема отражения эмоций в языке и вербализации эмоциональных концептов на сегодняшний день находится в центре внимания лингвистов. Язык всегда сопровождает человека и используется им не только для вербального общения, но и для выражения эмоционального отношения к миру [Шаховский, 2009]. Изучению эмоций в языке посвящены труды таких ученых, как В. И. Шаховский, Н. А. Красавский, А. Вежбицкая, М. Шварц-Фризель и др. В статье анализируется эмоциональный концепт СТРАХ, вербализуемый в немецкой лингвокультуре единицами *Angst* и *Furcht*. Цель данного исследования – проследить функционально-семантические особенности соответствующих лексем, что позволит объяснить лакунарный характер вербализуемого данными единицами эмоционального концепта.

Понятийный аппарат исследования

В рамках рассматриваемой темы ключевым является термин «эмоциональный концепт». Согласно определению Н. А. Красавского, это этнически, культурно обусловленная, сложная структурно-смысловая, лексически и/или фразеологически вербализованная единица, которая включает понятие, образ и оценку, и функционально замещающая человеку в процессе коммуникации множество однопорядковых предметов, вызывающих пристрастное отношение к ним человека [Красавский, 2001]. Язык позволяет исследовать эмоциональные концепты, отражающие ментальность народа.

В качестве произведения для анализа был выбран роман Патрика Зюскинда «Парфюмер» (Süskind, P. *Das Parfüm*), поскольку он содержит большое количество описаний эмоционального состояния героев и, следовательно, эмотивных контекстов, которые помогут выявить особенности вербализации эмоциональных концептов.

Для сравнительных лингвокультурных исследований важными понятиями являются «лакуна» и «лакунарность». Говоря о лексической лакунарности, мы подразумеваем несоответствие в языках, т.е. явление, когда для единицы одного языка не может быть найден абсолютный аналог в другом языке. Тем не менее, в обеих лингвокультурах присутствует явление, обозначаемое этой единицей. Таким образом, лексические лакуны – это слова, присутствующие в одном языке и отсутствующие в другом. Наличие таких слов является результатом тесного взаимодействия культур, и возникает это явление по причине того, что принимающая культура не имеет семантических средств для идентификации языкового знака [Данильченко, 2014].

Эмоция *страх* и способы ее репрезентации

Страх – одна из фундаментальных эмоций, тесно связанная с человеческой природой. Она возникает, когда человек сталкивается с чем-то, что вызывает в нем чувство беспокойства и тревоги. Вербализация эмоций происходит путем их описания (дескрипции), названия (номинации) и непосредственного выражения при помощи аффективов (экспликация) [Шаховский, 2008, с. 43]. В

немецком языке данная эмоция может быть выражена различными лексическими единицами: *Angst* (страх), *Furcht* (страх, боязнь), *Schreck* (испуг), *Grauen* (ужас), *Schauer* (трепет), *Entsetzen* (ужас), *Scheu* (боязнь, робость) и т.д.; доминантной лексемой среди них является *Angst*. В данной статье рассматриваются две наиболее употребительные из них: *Angst* и *Furcht*. Мы исходим из того, что номинанты эмоции в немецком и русском языках могут иметь разницу в объеме значений, что может указывать на лингвокультурную специфику вербализации эмоционального состояния [Анищенко, 2020, с. 21] и обуславливает лакуарность соответствующих эмоциональных концептов.

Для установления функционально-семантических особенностей лексем *Angst* и *Furcht* обратимся к анализу эмотивных контекстов и лексикографическим источникам.

Рассмотрим контекст *a*.

10. ... und jedesmal überfiel ihn die gräßliche Angst, er [Grenouille] hätte ihn auf immer verloren [Süskind, 1985, S. 40].

В приведенном фрагменте описывается эмоциональное состояние главного героя (Гренуя), представляющего себе, что он может потерять аромат. Из контекста понятно, что подобное состояние герой испытывал неоднократно. Страх проявляется не в конкретной ситуации, он довольно нечеткий и в целом отражает сильное внутреннее беспокойство, при этом высокая степень беспокойства подчеркивается прилагательным *gräßlich*, имеющим значение «*весьма неприятный, вызывающий сильное отвращение*», а также стилистическим приемом олицетворения – персонификацией страха, который предстает агрессивным существом, нападающим на главного героя.

Рассмотрим эмотивный контекст с лексической единицей *Furcht*, также участвующей в вербализации концепта СТРАХ (см. контекст *b*).

11. Nicht lange nach Beginn der Jasminernte geschahen zwei weitere Morde. [...] Nun legte sich die Furcht über das Land [Süskind, 1985, S. 203].

В приведенном отрывке речь идет о том, что люди узнают о двух убийствах в городе – найдены изуродованные трупы девушек. Именно эта новость повергает людей в ужас. Автор подчеркивает масштаб тревоги, упоминая, что вся страна была охвачена страхом. Таким образом, речь идет о чем-то, что происходит в определенный момент и имеет непосредственное отношение к действующим лицам. Люди испытывают данное чувство только тогда, когда произошло конкретное событие, которое спровоцировало страх.

Обратившись к словарю, мы можем увидеть четкую разницу между понятиями *Angst* и *Furcht*. Дефиниция лексемы *Angst* звучит следующим образом: «mit Beklemmung, Bedrückung, Erregung einhergehender Gefühlszustand [angesichts einer Gefahr]; undeutliches Gefühl der Bedrohtseins» (<https://www.dwds.de>). Что касается лексемы *Furcht*, словарь дает следующее определение: «Angst angesichts einer Bedrohung oder Gefahr» (<https://www.dwds.de>). То есть, лексема *Angst* несет довольно нечеткое, абстрактное значение внутреннего беспокойства, в то время как лексема *Furcht* подразумевает реакцию психики на конкретную существующую опасность.

Рассмотрим другой контекст, в котором фигурирует лексема *Furcht* (см. контекст *c*).

12. Ein fremdes, kaltes Wesen lag auf seinen Knien, ein feindseliges Animal, und wenn er nicht ein so besonnener und von Gottesfurcht und rationaler Einsicht geleiteter Charakter gewesen wäre, so hätte er es in einem Anflug von Ekel wie eine Spinne von sich geschleudert [Süskind, 1985, S. 19].

Лексему *Gottesfurcht* можно перевести как «*богобоязненность*» (добродетель, которая выражается в преданности Богу и страхе оскорбить Бога нарушением Его воли). Слово состоит из двух частей; вторая его часть, *Furcht*, несет то же значение, что и в ранее рассмотренном контексте: ощущение угрозы. Герой книги (Террье) испытывает чувство отвращения при виде ребенка, однако страх Божьего наказания удерживает его от того, чтобы избавиться от младенца. То есть, чувство страха в данном случае не абстрактно, так как вызвано определенной ситуацией, но это страх не перед происходящими в данный момент событиями, а перед событиями, которые могут произойти в будущем из-за поступка героя, чего он опасается уже сейчас.

Важно отметить, что эмоциональные концепты *Angst* und *Furcht* на языковом уровне могут быть выражены не только с помощью существительных. Рассмотрим несколько эмотивных контекстов, в которых использованы слова других частей речи для вербализации исследуемого концепта СТРАХ (см. контексты *d* и *e*).

- d. Er war zutode geängstigt, schlotterte am ganzen Körper vor schierem Todesschrecken [Süskind, 1985, S. 142].

e. Er würde sein Leben ändern, und sei es nur deshalb, weil er einen so furchtbaren Traum kein zweites Mal träumen wollte [Süskind, 1985, S. 142].

Эти два контекста – части одного и того же фрагмента романа, но, несмотря на это, автор использует разные лексемы для описания ситуации и состояния героя.

В первом контексте используется причастие II *geängstigt* (русс.: напуганный), образованное от глагола *ängstigen* (русс.: пугать, страшить). Очевидно, что в данном случае объективируется концепт *Angst*. В данном отрывке описывается состояние героя, вызванное его сновидением. Все внимание автора и читателя сосредоточено на субъекте (Гренуе) и его чувствах. Детали сна здесь не так важны, как реакция на него. Автор подчеркивает эмоции героя с помощью наречия *zutode* (русс.: до смерти напуган), а также описания его физического состояния *schlotterte am ganzen Körper* (русс.: дрожал всем телом).

Во втором контексте используется прилагательное *furchtbar* (русс.: страшный, ужасный), относящееся к слову *Traum* (русс.: сон). В данном случае фигурирует лексема *Furcht*, поскольку здесь внимание автора и читателя сосредоточено на объекте, который является причиной страха. Кроме того, в немецком языке нет прилагательного с корнем *angst-* / *ängst-*, обозначающего объект, а не субъект. Есть несколько прилагательных, например, *ängstlich* (боязливый, трусливый), *angstvoll* (испуганный), *angsterfällt* (исполненный страха); они описывают человека, который испытывает страх. Для описания пугающего явления используются такие прилагательные, как *furchtbar* (как в вышеупомянутом контексте) или *fürchterlich* (но чаще это прилагательное используется для усиления эмоций, например: *ein fürchterliches Unglück* (русс.: ужасное несчастье)).

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что в контекстах с использованием единицы *Angst* актуализируется эмоциональное состояние субъекта, но не в связи с каким-то объектом, который является причиной испытываемой эмоции. Человек переживает не из-за конкретной опасности, а из-за жизненных обстоятельств в целом, поэтому понятие представляется более абстрактным. Объективации концепта *Furcht* преобладают в контекстах, где описывается волнение субъекта, вызванное грозящей ему опасностью, и в таких случаях внимание направлено именно на угрозу.

Мы можем сделать вывод о лакунарности эмоциональных концептов СТРАХ/*Angst*/*Furcht*. Концепты немецкой лингвокультуры выражены в немецком языке – двумя ключевыми лексемами «*Angst*» и «*Furcht*»; в русском языке им соответствует одна лексема «страх». Таким образом, можно говорить о наличии лакуны в русском языке и о лакунарном характере исследуемого эмоционального концепта. Лакуной для русского языка будет являться слово *Furcht*, так как его значение может быть передано только с помощью описательного перевода и не будет понято без определенного контекста, в то время как лексема *Angst* несет довольно обобщенное, абстрактное значение, так же, как и лексема «страх».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко, А. В. Репрезентация эмоции ужаса в немецкой и русской лингвокультурах / А. В. Анищенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (831). С. 21–29.
2. Бутенко, Е. Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой лингвокультуре // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. С. 95–100.
3. Данильченко, Т. Ю. Понятие и сущность лакун // Наука. Искусство. Культура. 2014. С. 51–57.
4. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. 2001. 495 с.
5. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М. Гнозис. 2008. 416 с.
6. Шаховский, В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. №9. С. 29–43.
7. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (Дата обращения: 27.05.2023).
8. Süskind, P. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. – Zürich: Diogenes Verlag AG, 1985 г. – 295 S.

Особенности репрезентации мема во французском интернет-дискурсе

Святец В. А., Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
студент специалитета, Россия

Телегина В. А., Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
к.ф.н. старший преподаватель, Россия

В современной лингвистике отмечается растущий интерес к исследованию интернет-дискурса и его составляющих. Одним из уникальных феноменов, реализующих свой потенциал в пространстве интернет-дискурса, является мем.

Впервые данный термин был употреблён около 30 лет назад английским биологом Р. Докинзом. Он трактовал мем как быстро множасьуюся, распространяющуюся единицу информации [Докинз, 1993, с. 174–182].

В зарубежной литературе впервые отмечается влияние мема на человеческое сознание. Р. Броди утверждает, что мем воздействует на события таким образом, что они множатся, копируются в сознания других людей [Броди, 2007, с. 36]. Р. Докинз называет мем «репликатором нового типа», чем подчёркивает его фундаментальную особенность – способность к быстрому самовоспроизведению, – таким образом биолог проводит аналогию между мемом и геном [Докинз, 1993, с. 174].

Как показал анализ работ учёных, сходство мемов с генами представляется довольно реальным и неопровержимым, но способность к быстрому распространению не единственная их особенность.

Так, Н. Г. Марченко пишет, что «интернет-мем является культурным кодом Интернет сообщества в социальной сети». По мнению лингвиста, мем – ансамбль картинки и текста, представляющий собой единицу информации, законченную идею, быстро передающуюся по Интернет-каналам [Марченко, 2013, с. 113–115].

В свою очередь, А. В. Кирилина упоминает такую сторону интернет-мема, как отражение текущих событий или реакции на них [Кирилина, 2012, с. 63]. Следовательно, он может представлять собой обыгрываемую в юмористической форме мысль, касающуюся любой темы.

Анализируя интернет-мемы, исследователи также обращают внимание на вариативность исполняемых ими функций. По мнению Н. А. Зиновьевой, к функциям мемов относятся: репрезентация идеи, трансляция идеологии, репрезентация индивида, репрезентация сообщества, коммуникация в сообществе, интеграция сообщества, идентификация, информирование [Зиновьева, 2015, с. 54]. М. И. Громова пишет о реализации мемами таких функций, как: коммуникативная, когнитивная, кумулятивная, регулятивная, этническая и фатическая, эстетическая, эмотивная, метаязыковая, магическая и карнавальная [Громова, 2015, с. 28].

Детальный анализ характеристик интернет-мема представлен в исследовательских работах С. В. Канашиной. Автор относит к ним: вирусность, реплицируемость, серийность, актуальность, юмористический и фантазийный характер, эмоциональность, минимализм формы, медийность, полимодальность, мимирию [Канашина, 2017, с. 3].

Обнаружив, какие функции выполняет интернет-мем и какими свойствами он обладает, мы вновь убеждаемся в том, что данное явление несёт в себе значительную нагрузку и представляет большой интерес для изучения.

Цель данной работы состоит в исследовании особенностей интернет-мема, актуализируемого во французском интернет-дискурсе. В качестве материала исследования выступают 250 популярных интернет-мемов, представленных в настоящее время во французском сегменте Интернета.

Вслед за Р. Докинзом мы в первую очередь подмечаем такую особенность мемов, как способность к репликации. При этом на основе отобранного материала нам удалось обнаружить следующую тенденцию. Наиболее распространённые интернет-мемы зачастую принадлежат к группе единиц с идентичной визуальной составляющей, единой идеей, тематикой, источником или историей.

Так, группа мемов, представленная выше, объединена такой общей темой, как наличие желания путешествовать, но невозможность его реализовать в силу недостаточного бюджета.

Quand t'es trop pauvre pour voyager...

Рис. 1

Рис. 2

«*Quand t'es trop pauvre pour voyager...*» / «*Когда ты слишком беден, чтобы путешествовать...*» (рис. 1) (здесь и далее перевод автора статьи – В. А. Святец);

«*Mon Rêve – Mon Budget*» / «*Моя мечта – мой бюджет*» (рис. 2).

А мемы, представленные на рис. 3 и 4, составляют общую группу как из-за присутствия концептуальной схожести (записка романтического характера), так и из-за полного визуального совпадения.

«*J'ai pas envie que la conversation s'arrête mais je sais pas quoi te répondre*» / «*Я не хочу, чтобы наш разговор заканчивался, но не знаю, что ещё могу сказать*» (рис. 3);

«*J'espère que t'es pas claustrophobe parce que tu prends toute la place dans mon cœur*» / «*Надеюсь, ты не страдаешь от клаустрофобии, ведь ты заняла всё место в моём сердце*» (рис. 4).

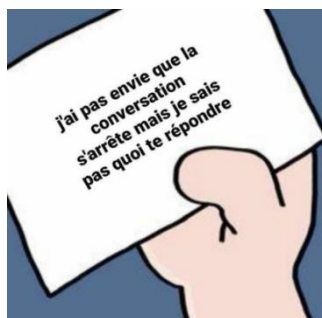

Рис. 3

Рис. 4

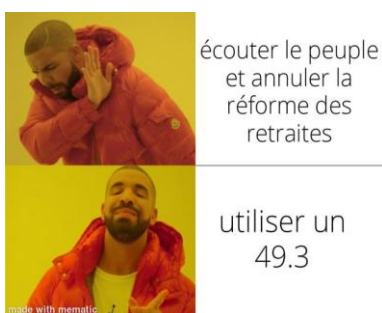

Рис. 5

Рис. 6

Анализ фактического материала показал, что популярность французских мемов напрямую зависит от их актуальности, т.е. связи с конкретным событием, волнующим народные массы. Как отмечает С. В. Канашина, социальные, культурные, политические потрясения служат благоприятной почвой для создания новых серий интернет-мемов [Канашина, 2017, с. 4]. Так, например, одной из наиболее актуальных тем для обсуждения во французском интернет-дискурсе является пенсионная реформа. Массовое распространение

интернет-мемов этого типа указывает на злободневность проблемы и отношение к ней интернет-аудитории.

«*Écouter le peuple et annuler la réforme des retraites – Utiliser un 49.3*» / «*Прислушаться к народу и отменить пенсионную реформу – Воспользоваться статьёй 49.3*» (рис. 5);

«*– La fièvre monte, majesté...*

– *49.3? ou coronavirus?!*» /

«*– Становится жарко, государь...*

– *49.3 или коронавирус?!*» (рис. 6).

Проанализированные нами примеры делают очевидной мысль о том, что граждане Франции противятся идее повышения пенсионного возраста, о чём также свидетельствуют протесты, бушующие в стране.

Другим стимулом для создания множества интернет-мемов стал скандальный развод актёров Джонни Деппа и Эмбер Хёрд. Подробности бракоразводного процесса обсуждались по всему миру. Создание мемов стало одним из способов выражения поддержки, приверженности той или иной стороне. Так, сторонники Джонни Деппа в очередной раз проявили себя, создав интернет-мем, дающий ссылку на одного из персонажей, сыгранных актёром: «*Les méchants que le capitaine Jack Sparrow a vaincus*» / «*Злодеи, которых капитан Джек Воробей смог одолеть*». Женщина, изображённая в правом нижнем углу – Эмбер Хёрд, остальные лица – герои киновселенной «Пираты Карибского моря» (рис. 7).

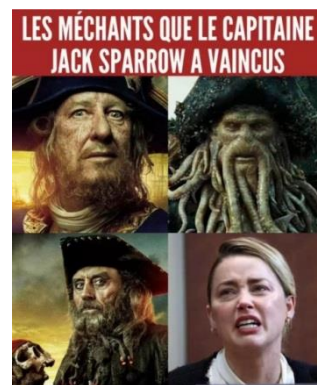

Рис. 7

Ученые отмечают такую способность мемов, как полимодальность, т.е. передача информации, как с помощью вербальных, так и визуальных средств [Выналек, 2014, с. 55–56; Канашина, 2017, с. 4]. В ходе исследования французских мемов установлено, что большая часть из них является креолизованными.

Рис. 8

Примером креолизации является мем, изображенный на рис. 8. Выразительная мимика Леонардо Ди Каприо отражает реакцию на предложение, написанное над фотографией, смысл которого состоит в следующем: «*Quand tu t'apprêtes à quitter le travail et que ton patron te sort un "Attends avant que tu ne partes..."*» / «*Когда рабочий день окончен, и ты собираешься уйти домой, а твой начальник тебе говорит: «Подожди, пока ты ещё здесь...»*» (рис.8). Выявленный мем демонстрирует разочарование работника, чей законный отдых будет отсрочен очередной просьбой руководящего лица.

Благодаря примеру на рис. 9 мы виртуально становимся свидетелями ситуации, часто возникающей в дружеских компаниях. «*On m'a dit que t'avais des chewing gum, passe en un*» / «*Мне тут сказали, у тебя есть жвачка, дашь одну?*» – гласит предложение, размещённое над фотографией. Решающей фигурой в достижении комического эффекта становится человек, изображённый на картинке, разрывающий своими руками лист бумаги с надписью «слухи», однако без контекста, выраженного предшествующей текстовой информацией, мем не будет иметь смысла.

"on m'a dit que t'avais des chewing gum passe en un"

Рис. 9

В ходе исследования установлено, что креолизованные мемы представляют собой яркое единство текстовой и графической информации, что эффективнее закрепляет их в сознании человека и встречает больший эмоциональный отклик у пользователя.

Принято считать, что ключевым аспектом большинства мемов является их юмористический характер. Данную особенность отмечают многие исследователи. Так, Ю. В. Щурина называет интернет-мемы «специфическим источником комизма» [Щурина, 2014, с.147], С. В. Канашина пишет о том, что зачастую комический эффект возникает благодаря графическим средствам, приёмам, а также в результате неожиданного поворота, непредсказуемости, которая находит отражение в термине «эффект обманутого ожидания» [Канашина, 2017, с. 4–5].

- DU CALME DAVID, C'EST JUSTE UNE PETITE OPÉRATION, NE PANIQUE PAS !
- MAIS DOCTEUR JE NE M'APPELLE PAS DAVID
- JE SAIS, C'EST MOI DAVID

Рис. 10

Анализ корпуса примеров показал, что французским интернет-мемам также присущ юмористический характер. Так, на рис. 10 мы видим врача, предположительно хирурга, что уже интригует, ведь операционная не место для шуток. Разгадка заключена в диалоге, расположенном над изображением, который звучит следующим образом: «*Du calme David, c'est juste une petite opération, ne panique pas!* – *Mais docteur je ne m'appelle pas David* – *Je sais, c'est moi David*» / «*Успокойся, Давид, это всего лишь небольшая операция, без паники!* – *Но, доктор, меня зовут не Давид. – Знаю, это я Давид*».

Le monde entier : wow french cuisine is so fancy

Les français :

Рис. 11

Главным источником комизма может выступать графическая информация. Так на рис. 11 ответом на всеобщее восхищение французской кухней становится изображение Голлума (персонаж из кинотрилогии «Властелин колец»), держащего в руках улитку – символ французской кухни, который приходится по вкусу не всем.

Таким образом, комизм в мемах зачастую достигается путём моделирования нелепой ситуации из повседневной жизни. Благодаря комической составляющей, мем позволяет минимизировать негативное восприятие окружающей действительности.

Одной из закономерностей, выявленных в ходе анализа французских мемов, является культурная диффузия. Исследование показало, что чаще всего для создания новых серий интернет-мемов пользователи вдохновляются работами американского и британского кинематографа, анимационными шедеврами, произведениями мировой литературы и их героями.

Рис. 12

В качестве примера приведем мем, который совмещает в себе сразу несколько идей и элементов культуры развлечения, известных во всем мире (рис. 12). Персонаж книги Джоан Роулинг Лорд Волан-де-Морт наконец-то обретает нос, сказав неправду по аналогии с Пиноッキо Карло Коллоди. Идея заключается в том, что герой вселенной книг «Гарри Поттер», говоря: «*On a très bien vécu notre défaite en 2018. ça va on sait prendre du recul*» / «Мы хорошо восприняли наше поражение в 2018, мы знаем, когда следует отступить», – здесь олицетворяет бельгийцев, чья футбольная команда проиграла французской сборной на Чемпионате мира в 2018 году.

Широкое распространение мемов такого плана свидетельствуют о значительном влиянии англоязычной культуры на современное французское общество.

Таким образом, интернет-мем представляет собой уникальное лингвистическое явление, которое характеризуется специфическими функциями и сочетает в себе множество различных особенностей. В результате анализа актуальных мемов, представленных во французском интернет-дискурсе, было установлено, что для мемов данного сегмента наиболее характерны следующие особенности: способность к репликации, актуальность, юмористический характер, полимодальность, мультикультурализм. Совокупность выявленных характеристик, с одной стороны, демонстрирует сложное семиотическое устройство мема, с другой стороны, акцентирует внимание на свойственной данному феномену когнитивной лёгкости. Эта парадоксальность является ответом на вопрос, почему мемы пользуются такой популярностью среди интернет-пользователей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: Мир, 1993. – 318 с.
2. Броди, Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание / Р. Броди. – М.: Поколение, 2007. – 304с.
3. Марченко, Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества / Н. Г. Марченко // Казанская наука. – 2013. – №. 1. – С. 113–115.
4. Кирилина, А. В. Жанр «демотиватор» как проявление полифонии и фиксация повседневности / А. В. Кирилина // Полифония большого города: сб. научных статей / Ред.: Л. М. Терентий, В. В. Красных, А. В. Кирилина. – М.: МИЛ, 2012. – С. 54–74.
5. Громова, М. И. Интернет-мем как лингвокультурема современного филологического анализа / М. И. Громова // Мова. – 2015. – №. 23. – С. 27–31.
6. Канашина, С. В. Что такое интернет-мем? / С. В. Канашина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2017. – №. 28. – С. 84–90.
7. Зиновьева, Н. А. Функции интернет-мемов в обществе. Социологический взгляд / Н. А. Зиновьева // Интернет и современное общество: труды XVIII Всерос. объедин. конф. – СПб.: ИТМО, 2015. – С. 54–56.
8. Выналек, Е. А. О природе интернет-мема / Е. А. Выналек // Современный русский язык в Интернете / Ред.: Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. – Москва: Языки славянской культуры, 2014. – С. 51–60.
9. Щурина Ю. В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров / Ю. В. Щурина // Жанры речи. – 2014. – №. 1 (9) – С. 147–153.
10. Nadia, R. Top 50 des meilleurs mêmes drôles / R. Nadia. – URL: <https://clck.ru/34Jdwh> (дата обращения: 06.04.2023).
11. Elsener, T. Top 50 des meilleurs memes publiés sur trolls de geek en juin 2022 / T. Elsener. – URL: <https://clck.ru/34JeDB> (дата обращения: 08.04.2023).

**Los recursos de persuasión verbal en los textos de publicidad social española
(con base en los materiales de una campaña social publicitaria por parte del Departamento de
Gestión de Tráfico del Ministerio Interior de España)**

(Средства речевого воздействия в текстах испанской социальной рекламы (на материале социальной рекламной кампании Департамента дорожного движения Министерства внутренних дел Испании))

Ситорес Орлова М., Московский городской педагогический университет,
студент бакалавриата, Россия

Нуриджанян Р. Г., Московский городской педагогический университет, ассистент, Россия

Los textos publicitarios oficiales se consideran un tipo de comunicación particular entre las instituciones y la sociedad, a través del cual se causa un impacto significativo en distintas áreas de la vida personal y las actividades de cada uno. Uno de los objetivos del texto publicitario en tanto tipo de texto mediático es influir en la audiencia hasta cambiar la opinión o el comportamiento social del individuo mediante múltiples recursos, incluidos lingüísticos [Nuridzhanyan, 2022, p. 142]. Para eso, los creadores de publicidad frecuentemente recurren a uno u otro contexto social con el fin de impactar en el lector o el oyente de la manera más efectiva. Este método aborda el área de las orientaciones de valores del individuo, ayudándolo a conformar un estilo de vida en correspondencia con esas orientaciones [Kireev, 1997, p. 5]. La finalidad persuasiva en los textos publicitarios es producida por diferentes mecanismos y herramientas: tanto lingüísticos como extralingüísticos [Nuridzhanyan, 2022, p. 141].

Según las clasificaciones tradicionales, la publicidad puede informar pero sobre todo incitar a que compremos un producto particular o promover ciertas ideas [Ringue, 2021, p. 85]. Aparte de esto, muchos investigadores adhieren a una división de la publicidad más amplia, por tipos, alegando que existe por un lado la publicidad social y por otro la comercial [Ringue, 2021, p. 85]. Si la publicidad comercial es rentable para las compañías y tiene como objetivo el generar ganancias, la publicidad social es lo opuesto. Ésta contiene ideas y valores para cuya transmisión los creadores de la publicidad no necesitan lograr interés comercial, ya que la función primaria de este tipo de publicidad es promover la comprensión de un problema social y, por consiguiente, incitar a los ciudadanos a tomar acciones socialmente productivas. Así, estos dos tipos de publicidad se diferencian en los motivos empleados y el tono de los mensajes publicitarios [Kireev, 1997, p. 7].

En la publicidad social no hay lugar para retenciones emocionales y estéticas, sino que se muestran hechos e imágenes tales que provocan exclusivamente emociones negativas, causando asimismo un shock psicológico (en otras palabras: resonancia emocional), lo que a su vez ayuda a quitar las defensas psicológicas de la persona y transmitirle el mensaje plenamente. En resumen, se puede afirmar que todas las herramientas, incluso las discursivas, en el lenguaje publicitario social son abordadas como lo que sirve para enseñar algo, educar y persuadir al interlocutor. Cosa que no es relevante para la finalidad del lenguaje publicitario en el sentido tradicional, ya que en éste lo esencial es la venta del producto.

Para lograr causar resonancia emocional de una manera más efectiva, la publicidad social tiene la siguiente estructura: el eslogan, el titular, el cuerpo del texto y la frase-eco [Ostroushko, 2003, p. 19]. Observemos detalladamente cada uno de estos componentes.

El eslogan y el titular cuentan con funciones parecidas. Sin embargo, cabe destacar que el eslogan es una frase corta que se memoriza fácilmente. El titular se diferencia del eslogan en que es distinto para cada mensaje publicitario. Así, para tres mensajes diferentes de una campaña social fueron formulados distintos titulares de estructura similar: «*El porro más caro del mundo*», «*Las gafas más caras del mundo*», «*La canción más cara del mundo*».

Enseguida después del titular va el cuerpo del texto publicitario. Su función es transmitir al destinatario la información clave de la manera más efectiva posible.

La parte final del texto social publicitario es la frase-eco, una oración corta («Una pequeña decisión puede desencadenar consecuencias para todos») que reitera la idea fundamental del texto publicitario.

Cabe mencionar que la publicidad social no tiene que cumplir con todos los requisitos de la estructura y sus componentes, dado que el objetivo principal de este tipo de publicidad es transmitir la información al destinatario de tal forma que él pueda asimilarla por completo, sin defenderse psicológicamente.

Una de las características clave de la publicidad social se basa en su carácter persuasivo. La persuasión es el impacto del autor de un mensaje oral o escrito en el destinatario con el fin de convencerlo de algo, llamarlo a realizar o no realizar acciones específicas [Cherniavskaya, 2017, p. 25]. Y al hablar de la publicidad social lo principal en la persuasión es concientizar a los ciudadanos, favorecer la educación y la conducta, reconduciendo los hechos de manera diferente.

El uso de la persuasión persigue varios objetivos, entre ellos, el impacto en el destinatario mediante diferentes medios de expresión lingüísticos y su incitación a realizar ciertas acciones y cambiar su comportamiento. Para que la publicidad social sea efectiva, en el proceso de su creación generalmente se usa un tipo concreto de impacto comunicativo-oral: las manipulaciones orales. Uno de los rasgos clave de una manipulación oral consiste en el hecho de que la actitud y la acción del destinatario incitada por el remitente del mensaje influye en él, aunque el destinatario no sea capaz de identificar una actitud comunicativa particular que maneje su opinión y su comportamiento [Nuridzhanyan, 2022, p. 143]. Son las manipulaciones orales las que expresan instrumentalmente la persuasión en el texto y tienen como objetivo cambiar la posición socio-individual del destinatario [Cherniavskaya, 2017, p. 29]. De esa manera, los receptores-ciudadanos reciben una amalgama de mensajes textuales que decodifican y destacan los que les incumbe. Para conseguir este objetivo se usan con frecuencia distintos medios de expresión lingüísticos: tropos, figuras retóricas y otros [Pavlina, 2021, p. 67].

Para analizar los medios de persuasión verbal en la publicidad social española, llevamos a cabo un análisis de la narración de unos videos que fueron creados como parte de la campaña social “Los objetos más caros del mundo”, emprendida por la Dirección General de Tráfico del Ministerio del Interior de España. El objetivo principal de los creadores fue mostrar y llamar la atención de la gente a la forma en la que pequeñas decisiones tomadas mientras se conduce pueden traer consecuencias graves para todos. Para esto fueron publicados y mostrados varios mensajes publicitarios: videos en la televisión, imágenes gráficas publicadas en Internet y audiomensajes en la radio. Además, como parte de la campaña fue lanzado un proyecto separado: un sitio web, donde distintos objetos fueron presentados con un precio exorbitante, pero donde, conforme aumentaba la cantidad de visitas, el precio del objeto bajaba.

Realicemos un análisis del texto de tres videos, creados como parte de la campaña social con el propósito de investigar los medios de persuasión verbal en la publicidad social española.

Lo primero que hemos de tomar en cuenta es el titular de cada uno de los mensajes, que tiene un carácter apelativo:

- [1] El porro más caro del mundo
- [2] Las gafas más caras del mundo
- [3] La canción más cara del mundo

Todos los titulares poseen una estructura similar: una oración con un adjetivo superlativo que subraya la naturaleza categórica de este.

El cuerpo del texto del mensaje a su vez tiene un carácter descriptivo y combina en sí un conjunto de distintos recursos lingüísticos. Se puede distinguir el uso de los pronombres demostrativos para demarcar los objetos, sucesos y personas que figuran en las frases y juegan un papel importante en el desarrollo de la historia:

- [4] **Este** porro parece un porro cualquiera.
- [5] Y **este** es Óscar.
- [6] **Este** accidente.

[7] Los efectos de **este** porro no solo le costarán a Óscar, sino también a **estos** tres amigos que van con él.

El uso de los pronombres demostrativos facilita la percepción de la información por parte del destinatario dado que la indicación en los sucesos y personas expresada verbalmente es acompañada por una representación visual.

Además, podemos ver en el texto oraciones condicionales de primer tipo por las que empieza la cadena de narración:

[8] Si Rafa las coge, perderá el control del coche, causará un accidente que no solo lo implicará a él, sino también a esta pareja y este niño.

[9] Si Lucía decide cambiarla, no notará que pisa el acelerador, tendrá un accidente en la próxima curva y le costará el movimiento de su pierna izquierda para siempre.

[10] Si Óscar decide fumarlo, perderá reflejos y capacidad para conducir de vuelta a casa, lo que costará un accidente.

Cabe destacar que el matiz de la condición se subraya por medio del uso posterior de formas verbales en el tiempo del futuro y la perífrasis ir a + infinitivo, que también se refiere al futuro. Además, podemos constatar que la utilización de las subordinadas condicionales es una de las estrategias persuasivas que aminora la fuerza ilocutiva.

[11] Los efectos de este porro no solo le **costarán** a Óscar, sino también a estos tres amigos que van con él. **Costará** también cortar el tráfico en el barrio y la llamada al servicio de emergencia. Le **costará** además aplazar este viaje y anular esta boda. Este porro **costará** un sentimiento de culpa a Óscar y una llamada a su familia. Todos sabemos que esta llamada **va a costar**.

Destaquemos que la idéntica estructura interior de los textos facilita la percepción de los videos. Aquí, el paralelismo sintáctico se realiza como una presentación de sucesos y acciones coherentes que son presentadas de forma cronológica junto con una estimación por parte del sujeto del discurso:

[12] Costará también cortar el tráfico en el barrio y la llamada al servicio de emergencia. Le costará además aplazar este viaje y anular esta boda. Este porro costará un sentimiento de culpa a Óscar y una llamada a su familia. Todos sabemos que esta llamada va a costar.

Así pues, en las primeras dos oraciones se puede trazar una secuencia particular de eventos – delante de nosotros literalmente se desenvuelve una imagen: el corto de tráfico en el lugar del accidente, la llamada a urgencias, el aplazo de las vacaciones y la boda planeadas. Después siguen dos oraciones que expresan la evaluación del sujeto hablante en las que se manifiesta que un porro causará un sentimiento de culpa en el protagonista del video.

Aparte de esto, en cada uno de los tres textos fueron detectadas unidades léxicas estructurales. Son los marcadores discursivos como *sin embargo*, los pronombres indeterminados como *cualquiera* y la conjunción *también*.

Un papel importante en los textos de publicidad social analizados lo juega la referencia a los fenómenos precedentes, para ser más exactos, una situación precedente: una situación típica relacionada con un número de connotaciones particulares cuyos indicios diferenciales son incluidas en la base cognitiva [Bichkova, 2013, p. 131]. En nuestro caso, en calidad de situaciones precedentes consideramos los accidentes de tráfico, lo cual facilita la percepción de la información por el destinatario puesto que se percibe como ya conocida.

El elemento final de los mensajes publicitarios analizados es la frase-eco que tiene carácter peyorativo: «Una pequeña decisión puede desencadenar consecuencias para todos».

Esta frase concluye todos los videos, lo cual ayuda a consolidar la idea del mensaje publicitario en la conciencia del destinatario y recapitular la información recibida.

Si nos fijamos en los textos publicitarios de los videos en general, podemos notar que los tres videos sociales se parecen a una película corta. El texto publicitario junto con el acompañamiento visual de la historia le permite al remitente transmitir la idea con más eficacia, mientras que una trama completa en la que figuran tipos de personajes bien conocidos (el peatón atropellado, la familia de los fallecidos, el automovilista irresponsable) garantiza la comprensión del mensaje publicitario. Desde el punto de vista lingüístico, el análisis de las estrategias retóricas tiene que tener en cuenta el plano extralingüístico, que se basa en las imágenes utilizadas, tan poderosas en lo que se refiere a la persuasión como los textos mismos.

Asimismo, una publicidad social bien estructurada –según el principio de estructuración y usando distintos medios de persuasión verbal– es una de las maneras más efectivas de influir en el destinatario del mensaje. Comprobamos lo mencionado al haber analizado los textos de la publicidad social de una de las campañas españolas de 2015 y vimos que cada texto fue creado con ayuda de un extenso catálogo de recursos lingüísticos que culminó en un producto que resaltó perfectamente el tema de los accidentes de tráfico y sus causas.

FUENTES Y LITERATURA

1. Bichkova, T. A. Los fenómenos precedentes en publicidad / T. A. Bichkova. – Texto : digital // Boletín de la Universidad Estatal de Kazan de Cultura y Artes. – 2013. – №4-1. – pág. 129–133. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-v-reklame/viewer> (fecha de consulta: 23.11.2022).
2. Kireev, S. I. El discurso y la conceptoesfera de la publicidad: especialidad 10.02.19. «Teoría del lenguaje»: tesis / Kireev Stanislav Igorevich. – Volgograd, 2008 – 22 c.– Texto : inmediato.
3. Nuridzhanyan, R. G. Los medios de persuasión verbal en los textos de los periódicos paraguayos (a base de los artículos editoriales del periódico ABC Color) / R. G. Nuridzhanyan // Texto. Los asuntos de la ibero-romanística. Año 2022: conjunto de artículos. Edición 19. – Moscú: OOO "MAKC Press", 2022. – pág. 140–148.
4. Ostroushko, N. A. El problema de la persuasión verbal en los textos publicitarios: especialidad 10.02.01. «Lengua rusa»: tesis / Natalia Alekseevna Ostroushko. – Moscú, 2003 – 24 pág.– Texto : inmediato.
5. Pavlina, S. U. La realización de la estrategia persuasiva en el discurso electoral americano por medio de la prisma de traducción / S. U. Pavlina. – DOI 10.25688/2076-913X.2021.42.2.07 – Texto : digital // Boletín de la universidad pedagógica de Moscú. Serie: Filología. La teoría del lenguaje. Educación lingüística. – 2021. – №2 (42). – pág. 66–74.
6. Ringue, E. A. Los rasgos de la publicidad social española / E. A. Ringue // Texto. Investigaciones de jóvenes científicos. Año 2021. Conjunto de artículos. Tomo №1 (4). – Moscú : OOO "MAKC Press", 2021. – pág. 85–92.

7. Terskij, M. V., Zaitseva, O. A. Los métodos de persuasión en la publicidad / M. V. Terskij, O.A. Zaitseva. – Texto : digital // Investigaciones comunicativas. – 2015 – № 3(5) – pág. 96–115 – URL: <http://com-studies.omsu.ru/images/magazine/2015/ki32015.pdf>

8. Cherniavskaya, V. E. El discurso del poder y el poder del discurso: problemas de la persuasión verbal : material didáctico / V. E. Cherniavskaya. – Moscú : Flinta, Ciencia, 2017. – 128 pág. – ISBN 5-89349-987-5 ISBN 5-02-034816-3. – Texto : inmediato.

9. Stanojlovic, M. Retorica y Publicidad / M. Stanojlovic. – Texto : digital // Portal de la Comunicación InCom-UAB: El portal de los estudios de comunicación. – 2011. – 10 pág. – URL: https://www.researchgate.net/publication/264239270_Retorica_y_publicidad

УДК 811.161.1

Структура и семантика вводных слов с компонентом *говорить* и *сказать*

Хэ Б., Иркутский государственный университет, студент бакалавриата, Китай
Лошанина М. Н., Иркутский государственный университет, преподаватель, Россия

Изучение вводных слов является одной из актуальной задач современной науки о языке. Об этом свидетельствует появление многих исследований (см. [Шведова, 1980], [Шаронов, 2018], [Виноградов, 1950], [Вержицкая, 1978], [Розина, 2009] [Апресян, 1995] и др.), посвященных описанию структуры, семантики и прагматических особенностей вводных слов.

В настоящей работе мы будем понимать **вводность** в самом широком смысле – как обозначение единиц предложения, но не только одиночных словоформ, но и словосочетаний и предложений (ср.: [Замятина, 2020, с. 119]).

Вводные слова определяются как «единицы предложения, которые не несут отдельной смысловой нагрузки, но усиливают эмоциональную оценку, выражают отношение к сообщаемому или его характеристику» [Шведова, 1980, с. 229].

На основании функции в предложении Н. Ю. Шведова выделяет следующие группы вводных слов: акцентирование, ср.: *напоминаю, повторяю, что еще важнее, не поверишь, заметим и к примеру*; эмоциональная реакция, интеллектуальная оценка, ср.: *к счастью, к сожалению, увы, странное дело, надеюсь, по правде говоря*; манера речи, характер и способ изложения, ср.: *лучше сказать, грубо говоря, вернее сказать, одним словом, проще сказать*; маркер связи, отношений и зависимостей, по месту в строе текста, ср.: *к тому же, во-первых, как водится, как всегда, наоборот*; источник, отнесенность к автору речи, ср.: *как говорится, как говорят, как считают, по-моему, говорит, говорят*; мера, степень или ограниченность, ср.: *по меньшей мере, по крайней мере, в той или иной степени, в значительной степени*; протекание во времени, отношение ко времени, ср.: *слушается, как это бывает, как это случается иногда* [Шведова, 1980, с. 230].

Вводные слова с компонентами *говорить* и *сказать* не образуют самостоятельной группы, потому что они могут выражать в предложении разные функции. Например, вводные слова *как говорится, как говорят, говорят, говорится* указывают на источник информации, а вводные слова *вернее говоря, попросту говоря, честно говоря* и т. П. – выражают субъективное отношение говорящего, его эмоциональную и интеллектуальную оценку сообщаемого.

Как отмечает Н. Ю. Шведова, все вводные слова объединяются специфической и единственной для них функцией: характеристика сообщаемого с позиций говорящего, выражение отношения говорящего к сообщаемому.

В Справочнике по русскому языку Д. Э. Розенталя выделяется 42 вводных слова с компонентом *говорить* и *сказать* (см. [Розенталя, URL]). Как и все множество вводных слов в целом, рассматриваемые сочетания представляют собой открытую для пополнения группу лексических единиц.

Рассмотрим **структуру** вводных слов с компонентом *говорить* и *сказать*. Вводные слова отличаются формой глаголов *говорить* и *сказать*. Единица *говорить* в составе таких вводных слов и сочетаний имеет форму деепричастия, а единица *сказать* – форму инфинитива, см.:

(1) *Иногда – очень редко – чего-то не хочется так сильно, что невозможно сопротивляться этому желанию, вернее говоря, нежеланию* (М. Блехман «Ковчег»).

(2) *Там с Никанором Ивановичем, у которого перед глазами как-то мутилось от приливов крови и душевного возбуждения, вступили в разговор, но разговор вышел какой-то странный, путанный, а вернее сказать, совсем не вышел* (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Вводные слова с компонентом *говорить* и *сказать* различаются также в морфологическом отношении. В их составе могут быть наречия (*грубо говоря, откровенно говоря, мало сказать*), предложно-падежные формы существительных (*по правде говоря*), местоимения (*ничего не скажешь*).

Заметим, что структура предложения с вводной единицей имеет следующую структуру:

A1 вводное слово A2

Предложение можно условно разделить на две части, назовем их A1 и A2. A1 – это часть предложения до вводного слова, A2 – это часть предложения после вводного слова, например:

*Во дворе, ожидая вакцинации(A1), или, **попросту говоря**, прививки (A2), толпились чьи-то козы* (М. С. Аромштам «Мохнатый ребенок»)

Для анализа **семантики** вводных слов применим тест на субституцию (замену одного вводного слова другим в составе одного и того же предложения). Заменяем, например, вводное слово **попросту говоря** другими вводными словами из списка и проверим изменится ли значение контекста:

*Во дворе, ожидая вакцинации(A1), или, **попросту говоря**, прививки (A2), толпились чьи-то козы*

*[?]Во дворе, ожидая вакцинации(A1), или, **иначе говоря**, прививки (A2), толпились чьи-то козы*

*[?]Во дворе, ожидая вакцинации(A1), или, **коротко говоря**, прививки (A2), толпились чьи-то козы*

*[?]Во дворе, ожидая вакцинации(A1), или, **легко сказать**, прививки (A2), толпились чьи-то козы*

Как видно из контекстов, замена одного вводного слова на другое приводит к изменению значения контекста.

На основании анализа толкований единиц в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (далее МАС – М. Н. Лошанина, Хэ Бэнтин) было выделено две группы вводных слов: вводные слова, которые имеют самостоятельное значение (*иначе сказать, короче говоря, легко сказать, правду сказать, правду говоря*) и вводные слова, не имеющие самостоятельного значения (*иначе сказать, точнее говоря, точнее сказать, попросту говоря, попросту сказать*).

Рассмотрим пример с вводным словом *иначе говоря*, которое в словаре МАС имеет значение ‘другими словами’.

(1) *И сбор картофельной кожуры (A1), **иначе говоря** очистков (A2), которые приносили из дома и, дождавшись появления глазков, высаживали на пришкольном участке* (М. Карпач «За окном Хехцир и благодать») – картофельной кожуры **другими словами** очистков.

В примере (1) в первой части в словосочетании *картофельная кожура* единица *кожура* имеет в словаре значение ‘внешняя оболочка плода, семени’ [МАС], во второй части предложения единица *очистки* в словаре определяется как ‘остатки, отходы при очистке чего-либо’ [МАС].

Заметим, что единица *очистки* чаще встречается в текстах разговорного стиля, а словосочетание *картофельные очистки* характерно для текстов научного стиля, поэтому, как кажется, говорящий, выбрав вводное слово *иначе говоря*, стремится во второй части высказывания более просто передать ту же мысль, которая была высказана в первой части.

У вводного слова *иначе говоря* есть пара – вводное слово с компонентом *сказать*. У вводного слова *иначе сказать* нет значения в словаре, но оно, как кажется, не отличается от толкования вводного слова *иначе говоря*.

(2) – *Какая босота (A1)? – с трепещущим сердцем спрашивала Динка. – Ну, босяки (A2), **иначе сказать**. Шмыгают промеж людей – где что украсть, где выпросить* (В. Осеева «Динка»).

В примере (2) в первой части есть единица *босота*, которая имеет в словаре значение ‘крайняя бедность, нищенство’ [МАС] и помету *устар.* (устаревшее), во второй части предложения единица *босяк* определяется в словаре как ‘опустившийся, обнищавший человек из деклассированных слоев населения в капиталистическом обществе; оборванец’ [МАС].

Употребив в первой части высказывания слово *босота*, которое является устаревшим, говорящий, как кажется, в этот момент осознает, что собеседник может не знать значение этой единицы и потому может не понять, содержание высказывания. Тогда благодаря вводному слову *иначе сказать* говорящий вводит в высказывание единицу *босяки*, которое, как кажется говорящему, более знакомо собеседнику.

Рассмотрим пример с вводным словом *коротко говоря*.

*[?]Во дворе, ожидая вакцинации(A1), или, **коротко говоря**, прививки (A2), толпились чьи-то козы.*

Вводное слово *коротко говоря* имеет в словаре МАС значение ‘вкратце, не вдаваясь в подробности’, рассмотрим пример из НКРЯ:

(3) *Я в Чехии, разумеется, тогда не бывал, но я слышал рассказы многих эмигрантов, которым эта страна давала приют. **Коротко говоря**, там было хорошо. Тридцать лет независимости* (С. Ястребов «Лунная соната»).

В примере (3) в первой части есть единица *приют*, имеет в словаре значение ‘место, где можно укрыться от чего-либо’ [МАС], во второй части предложения говорящий вкратце, не вдаваясь в подробности объяснил, что в Чехии в месте, где можно укрыться, было хорошо.

Заметим, что у вводного слова *коротко говоря* нет парного вводного слова по структуре, на которое его можно было бы заменить.

Рассмотрим пример с вводным словом *легко сказать*.

Во дворе, ожидая вакцинации(A1), или, легко сказать, прививки (A2), толпились чьи-то козы.

Вводное слово *легко сказать*, как отмечается в толковании единицы в МАС, ‘употребляется как ответ на предложение, требование предпринять, сделать что-либо очень трудное или невозможное’.

(4) «Снесите костюм сначала в химчистку, – было брошено мне, – а потом приходите (A1)». *Легко сказать! А деньги на химчистку?* (A2) (М. Палей «Ланч»).

В примере (4) говорящий использует вводное слова *легко сказать* для ответа на первую часть предложения. Мы можем предположить из контекста, что говорящий не доволен просьбой, так как во второй части сообщается, что у него нет денег.

Рассмотрим пример с вводным словом *попросту говоря*.

(5) *Во дворе, ожидая вакцинации(A1), или, попросту говоря, прививки (A2), толпились чьи-то козы.*

В примере (5) в первой части есть единица *вакцина*, которая имеет в словаре значение ‘препарат из ослабленной культуры (или убитых) возбудителей заразных болезней, служащий для предохранительных и лечебных прививок людям и животным’ [МАС], во второй части предложения единица *прививка* определяется в словаре как ‘Действие по глаголу *привить* – ввести кому-либо в организм вакцину для предупреждения или ослабления болезни’ [МАС].

Вводное слово *попросту говоря* в словаре МАС не имеет значения, однако на основании анализа типичных для данной единицы контекстов было сформулировано следующее толкование единицы ‘сказать попросту, просто-напросто’. Говорящий, употребив в первой части единицу *вакцинация*, понимает, что это слово типично для текстов научного стиля, поэтому во второй части говорящий подбирает более понятную собеседнику единицу *прививка*.

Вернемся еще раз к структуре вводных слов с компонентом *говорить* и *сказать*:

A1 вводное слово A2

Н. Ю. Шведова отмечает:

вводные слова легко занимают позиции в начале, в конце или в середине предложения, свободно вводятся в него и свободно из него изымаются. **Синтаксические связи с каким-либо членом предложения** или с предложением в целом у вводных слов, вводных сочетаний и вводных предложений **отсутствуют** [Шведова, 1980, с. 230].

На эту особенность вводных единиц обращал внимание и В. В. Виноградов, который утверждал, что в рамках формально-грамматической структуры предложения вводные слова, конечно, никаких синтаксических связей с членами предложения не имеют и «лежат как бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания» [Виноградов, 1974, с. 725].

Проверим это утверждение на примерах из Национального корпуса русского языка.

Анализ контекстов показал, что в большинстве случаев перестановка вводного слова из одной части высказывания в другую приводит к изменению его значения, ср.:

*Во дворе, ожидая вакцинации(A1), или, попросту говоря, прививки(A2), толпились чьи-то козы

?Во дворе, ожидая, попросту говоря, вакцинации(A1), или, прививки, толпились чьи-то козы

Заключение

Таким образом, анализ показал, что вводные слова с компонентом *говорить* и *сказать* имеют тесную связь с одной из частей предложения или с предложением в целом. Следовательно, вводные слова занимают важную позицию в предложении.

Анализ семантики вводных слов показал, что они не только усиливают эмоциональную оценку, но и несут отдельную смысловую нагрузку.

К сожалению, как показал анализ, не все вводные слова имеют собственное толкование в словаре, однако оно необходимо. Следовательно, актуальной исследовательской задачей является описание семантики всех вводных слов с компонентом *говорить* и *сказать*. Актуальность обусловлена частотностью употребления вводных слов в речи не только носителями языка, но и людьми, изучающими русский язык как иностранный, для которых разграничение значений таких слов и употребление их в высказываниях представляет наибольшую трудность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. – М.: Учпедгиз, 1974, 784 с.

2. Замятина, Е. С. Семантико-синтаксическое взаимодействие подчинительных союзов и вводных слов в конструкциях ввода-обоснования // Автореф. Дис. ...к.ф.н. – М., 2020. – 276 с.
3. Национальный корпус русского языка: 2003–2020. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 15.02.2023).
4. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку: орфография и пунктуация. – URL: <http://old-rozental.ru/files/rozental.doc> (дата обращения 15.03.2023).
5. Словарь русского языка в 4-х томах. // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения 16.02.2023).
6. Шаронов, И. О. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов. Вестник Томского государственного университета. – № 51. – С. 58–68. – Электронная версия печатной публикации. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-i-pragmaticheskie-aspekty-opisaniya-vvodnyh-slov-i-kommunikativov/viewer> (дата обращения 04.06.2022).
7. Шведова, Н. Ю. Русская грамматика Том II. – М., Издательство «Наука», 1980 г. – 662 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001024167> (дата обращения 12.12.2022).

УДК 821.134.2

Религиозная живопись «Золотого века» Испании: Франсиско де Сурбаран и его заказчики

Шломак В. В., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы,
студент бакалавриата, Россия

Попова Е. А., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы,
к.и.н., доцент, Россия

Франсиско де Сурбаран (1598–1664 гг.) – испанский художник первой половины XVII в., представитель сеvilьской художественной школы, прозванный гением «золотого века». Согласно известному испанскому живописцу эпохи барокко А. А. Паломино де Кастро-и-Веласко, Сурбаран был «великим подражателем Караваджо» [Palomino de Castro y Velasco, 1795, с. 182]. С его именем, прежде всего, связана эпоха наивысшего расцвета испанской культуры. Его жизнь полностью прошла в Испании: живописец жил и работал в Льерене, маленьком городе Эстремадуры, в Севилье, где выучился и стал востребованным художником, и эпизодически в Мадриде.

Франсиско де Сурбаран родился в 1598 г. и был выходцем из семьи эстремадурского крестьянина из поселения Фуэнте де Кантос, о чем говорит запись о его крещении от 7 ноября [Archivo Parroquial de Nuestra Señora de la Granada, Fuente de Cantos, Libro 3° de Bautismos, folio 170]. Еще в юности он перебрался в Севилью, где изначально принялся обучаться раскраске скульптур в мастерской Диаса де Вильянуэвы [Archivo Histórico Provincial, Sevilla, sección Protocolos notariales, oficio Pedro del Carpio, notario M. de Morales, Libro I de 1614, folios 133 a 135]. Многие исследователи его творчества сходятся в том, что именно художественная среда Севильи в значительной степени оказала влияние на мастера [Всеобщая история искусств. Т. 4, 1963, с. 80].

О раннем периоде творчества живописца сведений не так много, однако вскоре заказчиками молодого Сурбарана становятся настоятели зажиточных испанских монастырей. В 1625 г. он выполнил заказ для сеvilьского собора Св. Петра, а уже в следующем году получил первый крупный заказ от монастыря Св. Павла, с представителем которого, Диего де Бордасом, заключил договор на написание 21 композиции, в числе которых были 14 сцен из жизни св. Доминика [Archivo Histórico Provincial, Sevilla, sección Protocolos notariales, oficio 19, notario Alonso de Alarcón, Libro 1 de 1626, folio 352]. Одно из полотен цикла, «Распятие», было написано в известной «*maniera tenebrosa*»: тело изображенного Христа, «моделированное светом и тенью, рельефно и четко выделяется на темном фоне» [Левина, 1966, с. 140]. Исполненная в данной технике картина имела необычайное воздействие: многие современники Сурбарана с определенного ракурса принимали полотно за скульптуру. Так, именно наличие и доминирование скульптурных форм стало характерной особенностью его живописи в ранние годы.

Популярность Франсиско де Сурбарана росла, а новые заказы один за другим поступали от монашеских католических орденов: иезуитов, францисканцев и мерседариев. В 1628 г. мастер подписывает договор с монастырем ордена мерседариев на 22 полотна, посвященных жизни св. Педро Ноласко [Archivo Histórico Provincial, Sevilla, sección Protocolos notariales, oficio 11, 29 de agosto de 1628]. Художник выполнил его, изобразив сочетание легенды с подлинными событиями: на полотнах можно найти образы средневековых правителей Каталонии и Арагона, воинов, крестьян и монахов. Наибольшее внимание привлекает картина «Видение св. Педро Ноласко небесного Иерусалима», в которой преобладает настроение религиозной экзальтации, выразительность мистических образов, отмечается

достижение ощущения весомости фигур, что будет характерно для работ зрелого периода его творчества [Левина, 1966, с. 140]. Именно данная серия полотен отмечена в рукописи хрониста XVII в. Л. Диаса-дель-Валье как работа, прославившая Сурбарана в Севилье [Instituto Diego de Velázquez, Madrid, Lázaro Díaz del Valle, «Epílogo y Nomenclatura de algunos Artífices, que por famosos y aventajados en el nobilísimo y real arte de la Pintura y dibujo han sido por los mayores príncipes del orbe honrados con órdenes militares de Caballería», manuscrito 1656–1659]. Более поздняя историография подчеркивает его достижения в прорисовке одежды изображенных на полотнах данной серии, что подтверждает тезис о приверженности Сурбарана популярной тогда традиции караваджизма [Mayans y Siscar, 1854, с. 35].

Это десятилетие закрывает другой известный цикл картин, выполненный по заказу монастыря францисканцев в 1628–1629 гг. и посвященный жизни Св. Бонавентуры. Техника, в которой выполнена данная серия, заметно прогрессирует: Сурбаран делает изображенных более выразительными, стремится передать пространство на полотне. Оживляя в полотнах уклад жизни монастырей и главного героя, художник тщательно воспроизводит обстановку и предметы обыденного монашеского быта. Его изображенные, «полные неиссякаемой духовной силы, внешне замкнуты, погружены в себя» [Всеобщая история искусств. Т. 4, 1963, с. 80–81].

Именно эти заказы принесли мастеру славу и должность главного художника города. По мере их написания все более основательно стал рассматриваться вопрос о приглашении Франсиско де Сурбарана на постоянное проживание в Севилью и о сдаче экзамена для вхождения в число официальных художников города [Archivo municipal, Sevilla, Papeles del conde del Águila, sección XI, tomo 38, n° 23].

С началом нового десятилетия наступает период расцвета его творчества, тогда Сурбаран пишет одни из лучших своих творений. И одним из таковых стала картина «Апофеоз Фомы Аквинского», выполненная для коллегии св. Фомы [Archivo Histórico Provincial, Sevilla, sección Protocolos notariales, oficio 5, notario Francisco Fernández Villalobos, libro 1 de 1631, folio 138 vuelto]. Композиция полотна невероятно сложна и несет в себе серьезный повествовательный элемент – рассказ об учреждении коллегии в 1517 г. Антонио Понц, известный испанский художник XVIII в., писал о том, что «Апофеоз Фомы Аквинского» представляет собой одну из немногих сохранившихся на тот момент в Севилье работ Сурбарана, которые ставятся ему в заслугу [Ponz, 1780, с. 90]. Необходимо отметить, что тогда творчество живописца постепенно разворачивалась в сторону большей пластической осязательности предметов и фигур, образы становились более глубокими, в то время как живописная манера приобретала свободу от резких светотеневых эффектов, присущих караваджизму, стала более красочной и свободной [Всеобщая история искусств. Т. 4, 1963, с. 81].

Наиболее показательными для любого мастера являются королевские заказы, они фактически являются признанием таланта и кульминационной точкой в карьере любого художника. В 1634 г. столичные художники выполняли большой заказ для Большого зала недавно построенного в Мадриде дворца Буэн Ретиро. Одним из получивших приглашение для реализации проекта стал и Франсиско де Сурбаран. Первым заказом живописцу стала серия работ «Двенадцать подвигов Геракла» на новую для мастера мифологическую тему [Archivo Histórico de Protocolos. Madrid. Pedro de la Torre, n° 6362, folio 401]. В данном цикле Сурбаран обозначился как настоящий художник-реалист и изобразил главного героя далеко не идеальным и могучим, а грубоватым, работающим испанским крестьянином. Одним из наиболее ярких приемов, использованных мастером в данной работе, опять выступает «*maniera tenebrosa*».

Кроме цикла картин на мифологическую тему Сурбаран в рамках заказа написал и историко-монументальное полотно на тему «Освобождения Кадиса» [Archivo Histórico de Protocolos, Madrid, Andrés Calvo, n° 4518. Saturala (1945a), pp. 298 y 299]. Некоторые исследователи указывают, что оно явилось «одной из первых исторических картин в европейском искусстве» [Левина, 1966, с. 151]. Примечательно, что изображения его современников на данном полотне определенно имеют портретный характер, фоном которого выступает прекрасный пейзаж.

Подводя итог деятельности Сурбарана в Мадриде, необходимо отметить, что его работы в Буэн Ретиро были приняты королем более чем благосклонно: за них Филипп IV пожаловал Сурбарану звание придворного художника [Мартиросова, 2008, с. 51]. Подтверждение этому можно найти в упоминании мастера как «*pintor de su majestad*» в большинстве документов начиная с 1639 г.

Известно, что 30–40 гг. явились наиболее плодотворными для Франсиско де Сурбарана. Именно тогда была написана серия для капеллы и сакристии монастыря в Гваделупе [Archivo del Real Monasterio Nuestra Señora, Guadalupe, legajo 153, Libro de Mayordomía de 1638, folio 7; Archivo del Real Monasterio de Nuestra Señora, Guadalupe, legajo 153, Libro de Mayordomía de 1639, folio 7; Archivo del Real Monasterio de Nuestra Señora, Guadalupe, legajo 153, Libro de Mayordomía de 1640, folio 6]. В ней художник передает местные монастырские легенды, используя разнообразные приемы – портретные изображения священнослужителей, символы современной ему эпохи, прорисовку движений, эмоций и передачу

ощутимого пространства. Как отмечает в своей работе американский искусствовед Дж. Браун, данные полотна крайне репрезентативны и важны для понимания более позднего стиля Сурбарана [Brown, 1985, с. 391].

Однако в 50-е гг. XVII в. художник начал утрачивать прежнюю монументальность и разнообразие в сюжетах и художественных приемах, вектор его творчества изменил направление в сторону все большей душевности [Мартиросова, 2008, с. 55]. Это просматривается, к примеру, в таких полотнах, как «Отрочество Мадонны» (ок. 1658–1660 гг.) или «Непорочное зачатие» (1661 г.). В целом поздний период работы Франсиско де Сурбарана увенчался созданием полотен лирического характера, детских образов, а также мистическим началом в его творчестве. Отмечается, что в те годы изменилась и сама жизнь живописца: исчезла былая слава, закончились выгодные заказы. В Севилье не осталось богатых заказчиков, которых могло бы интересовать искусство мастера, город в целом утратил былое значение культурной столицы. Наряду с этим изменялась мода и, соответственно, запросы клиентов, прежнюю славу среди которых художнику вернуть не удалось.

Таким образом, было выяснено, что Франсиско де Сурбаран был крупным и востребованным живописцем в своем художественном жанре и имел достаточное количество влиятельных заказчиков, главными из которых были монастыри Севильи. Как известно, деятельность Сурбарана приходилась на правление испанских монархов династии Габсбургов – Филиппа III и главным образом его сына Филиппа IV. Однако параллель между их правлением и творчеством художника слаба, поскольку королевский двор не являлся частым клиентом мастера, предпочитавшего все более набирающему популярность реализму религиозную тематику [Левина, 1966, с. 134]. Она, в свою очередь, стала таковой в результате развития живописной карьеры мастера на начальном этапе: отправившись на обучение в Севилью, Сурбаран невольно стал главным мастером для всех представленных в городе и округе монашеских орденов, монастырей и коллегий.

Несомненно, Франсиско де Сурбаран внес значительный вклад в испанское искусство, оказав влияние на большое количество испанских художников, его последователей. Он явился выразителем запроса важнейшей части испанского общества своей эпохи – католической церкви, а его работы стали отражением особо значимых тем рассматриваемой эпохи, центральной из которых являлась религиозная. Важнейшее значение при этом сыграли его покровители, заказы которых определили направление развития не только творчества данного художника, но и Испании в целом. Посредством их воздействия в работах мастера смог найти отражение дух эпохи, выявленный на основе анализа заказов, их исполнения и содержания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая история искусств: в 6 томах. М., 1956–1966. Т. 4: Искусство 17–18 веков: кол. моногр. / редкол.: Б. В. Веймарн [и др.]; Акад. художеств СССР. Ин-т теории и истории изобразит. искусств. – М.: Искусство, 1963. – 479 с.
2. Левина, И. М. Искусство Испании XVI–XVII веков: монография / И. М. Левина. – М.: Искусство, 1966. – 266 с.
3. Мартиросова, М. А. История мировой живописи. Испанская живопись XV–XVIII веков: монография / М. А. Мартиросова. – М.: Белый город, 2008. – 125 с.
4. Archivo del Real Monasterio Nuestra Señora, Guadalupe, legajo 153, Libro de Mayordomía de 1638, folio 7 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
5. Archivo del Real Monasterio de Nuestra Señora, Guadalupe, legajo 153, Libro de Mayordomía de 1639, folio 7 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
6. Archivo del Real Monasterio de Nuestra Señora, Guadalupe, legajo 153, Libro de Mayordomía de 1640, folio 6 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
7. Archivo Histórico de Protocolos. Madrid. Pedro de la Torre, n° 6362, folio 401 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
8. Archivo Histórico de Protocolos, Madrid, Andrés Calvo, n° 4518. Caturra (1945a), pp. 298 y 299 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
9. Archivo Histórico Provincial, Sevilla, sección Protocolos notariales, oficio 5, notario Francisco Fernández Villalobos, libro 1 de 1631, folio 138 vuelto // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid:

- Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
10. Archivo Histórico Provincial, Sevilla, sección Protocolos notariales, oficio 11, 29 de agosto de 1628 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
11. Archivo Histórico Provincial, Sevilla. sección Protocolos notariales, oficio Pedro del Carpio, notario M. de Morales, Libro I de 1614, folios 133 a 135 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
12. Archivo Histórico Provincial, Sevilla, sección Protocolos notariales, oficio 19, notario Alonso de Alarcón, Libro 1 de 1626, folio 352 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
13. Archivo municipal, Sevilla, Papeles del conde del Águila, sección XI, tomo 38, n° 23 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
14. Archivo Parroquial de Nuestra Señora de la Granada, Fuente de Cantos, Libro 3° de Bautismos, folio 170 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
15. Brown, J. Los Retablos del coro alto de Guadalupe: dos obras maestras de Zurbarán olvidadas / Jonathan Brown // Boletín del Seminario de Estudios de Arte y Arqueología. – 1985. – Tomo 51. – P. 387–392.
16. Instituto Diego de Velázquez, Madrid, Lázaro Díaz del Valle, «Epílogo y Nomenclatura de algunos Artífices, que por famosos y aventajados en el nobilísimo y real arte de la Pintura y dibujo han sido por los mayores príncipes del orbe honrados con órdenes militares de Caballería», manuscrito 1656-1659 // Cuadernos de arte e iconografía / Tomo VII - 14. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998. P. 257–432. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1402118> (дата обращения: 23.11.2022).
17. Mayans y Siscar, G. Arte de pintar / G. Mayans y Siscar. – Valencia: Imprenta de José Ruis, 1854. – 188 p.
18. Palomino de Castro y Velasco, A. A. El museo pictórico y escala óptica / A. A. Palomino de Castro y Velasco. – Madrid: En la imprenta de Sancha, 1795. – 430 p.
19. Ponz, A. Viage de España, ó cartas, en que se dá noticia de las cosas mas apreciables, y dignas de saberse que hay en ella. T.IX / A. Ponz. – Madrid: Por D. Joachin Ibarra, Impresor de Cámara de S.M., 1780. – 301 p.

УДК 801.675.3

Звуковой символизм в поэзии Пабло Неруды

Яцко А., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы,
студент бакалавриата, Россия

Бройтман М. С., Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы,
старший преподаватель, Россия

Цель нашего исследования заключается в сравнении разных подходов к звуковому символизму и в фонетическом анализе стихотворения чилийского поэта Пабло Неруды «El libro de las preguntas» на основе теории звукового символизма.

Научная новизна.

Явление звукового символизма всегда привлекало интерес поэтов, однако в последнее время стало объектом исследований лингвистов. Оно определяется как связь между звуками и представлениями, которые они формируют.

Объект нашего исследования – стихотворение Пабло Неруды «El libro de las preguntas». Новизна нашего исследования – в том, что мы сопоставляем идеи исследователей звукового символизма с практическими данными фонетического анализа, в данном случае – фонетического анализа поэтического текста.

Звуковой символизм – это связь между звуками и образными представлениями или ощущениями, которые они вызывают у говорящих. Мы можем наблюдать, что некоторые слова своими звуками изображают то, что называют.

Случайна или закономерна связь между звуко сочетанием, составляющим слово, и понятием, которое оно обозначает?

Споры об этом ведутся со времен античности до наших дней. Платон в диалоге «Кратил» утверждал, что звуки обладают способностью вызывать определенные ощущения: быстрое движение, плавное движение, холод, гладкость и т.д. Значит, уже сами звуки несут в себе определённые идеи, и потому звуки слов уже несут в себе характеристики, присущие предметам. Таким образом он выступил против мнения многих философов (Демокрит, Архелай, Горгий и другие), считавших, что имена даны не «по природе», а произвольно. Для Платона имена – тени или отражения вещей, подобно тому, как вещи – тени или отражения идей [Платон, 1990, с. 471–473].

Базовым постулатом лингвистики является мнение Фердинанда де Соссюра [Соссюр, 1997, с. 132] о произвольности и конвенциональности языкового знака. Однако если рассматривать язык как средство поэтического творчества или ораторского искусства, то есть понимать, что смысл знаков языка в действительности нераздельно слит с внешней звуковой оболочкой, то не удивительно, что явление звукописи продолжает привлекать пристальное внимание и поэтов, и исследователей.

Звуковой символизм в своём творчестве использовали многие поэты. В. Хлебников создал теорию символизма звуков: например, в его поэме «Зангези» [Хлебников, 1987, С. 480] исторические события представлены как борьба между началами, соответствующими оппозициям звуков *Р/Л* и *К/Г*. *Л* означало остановку движения плоскостью, а *Р* – прорыв этой же плоскости. Воплощениями *К* были Колчак, Каледин, камень, кол – все они означали неподвижность, косность. Символы *Г* – гора, голова, то есть символика верха.

В XX веке звуковой символизм вновь привлек внимание исследователей, таких как Э. Сэпир, Якобсон, Ньюман, Журавлёв, Левицкий.

В работе «Избранные труды по языкознанию и культурологии» Эдвард Сэпир проводит исследования, которые позволяют продемонстрировать наличие тенденции к системной организации символических связей в соответствии с неосознанной или интуитивной логикой. Проводя множество опросов среди различных категорий людей, говорящих на китайском и английском языках, Сэпир выявил некоторые закономерности, касающиеся ассоциации звуков *a/i*. Респонденты воспринимали слова с гласной *-a-* как что-то, обладающее большим размером, чем слова с гласной *-i-*. Такие результаты были характерны для опрашиваемых разных возрастов, разных профессий, и, что немало важно, являющихся носителями разных языков [Сэпир, 1993, с.110–113, с. 134].

Теорию Сэпира продолжил развивать Роман Якобсон в своем труде «Язык и Бессознательное». Он пытался доказать, что бессознательная моделировка (*unconscious patterning*) охватывает весь речевой склад, наряду со значимыми формами, инвентарь звуковых единиц и конфигураций, и принадлежит обиходу рядовых членов языкового коллектива. Благодаря исследованиям детской речи и восприятия детьми языка, удалось прийти к весьма интересным выводам. Осознавая уничижительный оттенок суффикса *-ка*, дети старались употреблять слова без этого суффикса, трансформируя слово. «Ругаться нехорошо: надо говорить не иголка с ниткой, а игола с нитой». «Они коша, потому что хорошая; а когда она будет плохая, я назову ее кошка» [Якобсон, 1936, с. 22]. Или же, научившись правильно произносить слово «волк», ребенок продолжает говорить «вов», объясняя это тем, что «это звучит мягче, не так сердито». Якобсон приводит в качестве примера так называемое заклинание, которое использовал во время своих проповедей петербургский наставник хлыстов. Оно звучало так «Киндра фендра киравека». Мы можем наблюдать здесь повторяемость звуков, все четыре нечетных звука этой последовательности содержат переднюю гласную, тогда как безударное */a/* фигурирует в качестве гласной среди четырех четных звуков. Все три внутренних */a/* в этой формуле, заполняющие второй слог трех его членов, вводятся звуком */ra/*, первым двум «ра» предшествует один и тот же пучок «нд». Из четырех нечетных передних гласных первый и третий – это */i/* с предшествующим согласным */к/*, тогда как второй и четвертый *-/e/* с предшествующим губным фрикативным, сначала «фе», затем «ве». Подобное «заклинание» было найдено и в других источниках, в особенности восклицание «натруфунтру», переводимое эзотерическими учителями как «будь боязлив, человек, перед молитвой», полностью соответствует консонантному строению процитированной фразы, принадлежащей наставнику хлыстов.

Одним из самых выдающихся отечественных ученых в области звукового символизма стал А. П. Журавлёв. Он доказал сам факт существования фонетического значения, дал ему четкое определение и структуру. В работе А. П. Журавлева «Фонетическое значение» (1974 г.) излагаются результаты изучения символического значения звуков речи. А. П. Журавлев предполагал, что каждому звуку в языке соответствует определенное подсознательное значение. Звук способен воздействовать на психику человека и вызывать эмоциональный отклик. Опираясь на разработанную Ч. Осгудом технику «семантических дифференциалов», он провёл исследование для выяснения этих значений. По итогам

исследовательской деятельности А. П. Журавлёвым были предложены качественные характеристики каждого звука русской речи.

Каждому звуку русского языка по шкалам сопоставлена оценка. Например, А. П. Журавлев обнаружил, что русские оценивают звук [x'] как крайне неприятный, тогда как немцам он представлялся более приятным. Этот факт находит вполне удовлетворительное объяснение, если вспомнить, что близкая к русской немецкая фонема входит в состав уменьшительно-ласкательного суффикса –chen и т.д. [Журавлев, 1974, с. 79]. Согласно теории Журавлёва, качественные фоносемантические шкалы позволяют оценивать влияние звуков на психическое состояние человека.

В. В. Левицкий в работе «Семантика и фонетика» исследовал 6 гласных и 12 согласных английского, молдавского, русского и украинского языков. Языки для сравнения им были выбраны таким образом, чтобы два из них были близкородственными. Его исследования подтвердили, что в разных языках существуют определенные закономерности в восприятии тех или иных звуков. Понятие «маленький» ассоциируется во всех четырех языках (английском, молдавском, русском и украинском) прежде всего с фонемами /i/ и /e/, а понятие «большой» ассоциируется чаще всего с гласными /o/ и /u:/.

Начальные согласные /p/, /s/, /m/, /n/ ассоциируются в индоевропейских языках с понятием «маленький», /b/, /r/, /d/ – с понятием «большой», /b/ и /s/ – с понятием «неприятный» [Левицкий, 1973, с. 56–67].

Данные, представленные Левицким, отлично согласуются с результатами, полученными С. Ньюманом. Ньюман установил, что гласные /i/, /e/, /a/ располагаются в английском языке (от «маленького» к «большому») в следующем порядке: i, e, a, т.е. символизация размера связана со степенью открытости полости рта и позицией языка [Newman/Stanley, 1933, с. 35–37]. Результаты, полученные Левицким в отношении согласных звуков, также соответствуют данным Ньюмана. Он располагал согласные по шкале размера в следующем порядке: t, d, p, b, k, g. Также он соотносил понятие «темный» с большим размером, а понятие «светлый» – с маленьким.

Об этом также говорит Паола Кунео в своей статье, посвященной явлению звукового символизма в этнобиологической лексике тоба. Она отмечает наличие звукоподражательных наименований птиц, насекомых, говорит о тесной связи между формой (звуком) и содержанием (значением слова). Основные характеристики, на которые она обращает внимание – это корреляция между гласными звуками и размером обозначаемого, между удлинением гласных и продолжительностью события, соответствие между определенным типом слога и способом движения [Cúnea, 2010, p.66-70]. Существуют определенные транслингвистические тенденции, демонстрирующие, например, что открытая гласная /a/ ассоциируются с большим размером и силой, в то время как гласная /i/ с малым и уменьшенным размером. В этой статье Паола говорит об интересной закономерности: звуки /r/, /l/, /g/ чаще всего встречаются в названиях холоднокровных животных, водных обитателей, и, как правило, небольшого размера. Эта закономерность подтвердилась примерно в 200 языках Новой Гвинеи.

Наиболее часто звуковой символизм усматривается в поэзии. Звуковая форма поэтических произведений содержательна. Это связано с тем, что автор зачастую пытается воздействовать на эмоциональное состояние читателя всеми возможными способами, используя множество средств художественной выразительности. Поэтическая свобода в выборе средств и единство содержания и формы приводят к тому, что выбор звуков в поэзии практически всегда не случаен, а мотивирован внутренними правилами текста. Есть все основания говорить о поэтической функции звуков, которая подразумевает звуковой символизм, однако оказывается значительно шире его, поскольку, как мы увидим ниже, использует окказиональные звуковые сближения. Кроме того, лингвисты отличают звуковой символизм от звукоподражания (Левицкий, Гумбольдт, Газов-Гинзберг и другие).

Наша гипотеза заключается в том, что в поэзии присутствует как звукоподражание (звукопись), так и звуковой символизм, но есть и третье явление: поэтическая этимология, то есть сближение далеких по смыслу слов на основании звукового сходства, и именно это явление является наиболее релевантным. Кроме того, мы считаем, что универсальный звуковой символизм, поисками которого занимались Цуру, Фриз, Тейлор и др., в поэзии трудно обнаружить. Ассонансы и аллитерации в поэзии построены либо на звукописи, либо на поэтической этимологии, то есть сближению не всегда родственных слов на основе их созвучия.

Проблема, которую мы стремимся решить в нашем исследовании – это проблема обнаружения критериев объективности звукового символизма.

В данной статье мы рассмотрим произведение испанского поэта Пабло Неруды «El libro de las preguntas» [Neruda, с. 15–26]. Мы попробуем проследить, какие образы и ассоциации возникают у читателя при прочтении стихотворения, где используется повторение фонем: ассонанс и аллитерация. Разберем строки из частей IX, LXV, LVVI:

¿Dónde están los nombres aquellos / dulces como tortas de antaño?

¿Brilla la gota de metal / como una sílaba en mi canto?

¿Y no se arrastra una palabra / a veces como una serpiente?

¿No crepité en tu corazón / un nombre como una naranja?

¿De qué río salen los peces? / De la palabra platería?

¿Y no naufragan los veleros / por un exceso de vocales?

¿Echan humo, fuego y vapor / las o de las locomotoras?

¿En qué idioma cae la lluvia / sobre ciudades dolorosas?

¿Qué suaves sílabas repite / el aire del alba marina?

¿Hay una estrella más abierta / que la palabra amapola?

В стихотворении Неруды можно выделить два основных приёма работы со звуком:

1. Звуковой символизм, когда повторяющийся звук, например, аллитерация с L, передаёт идею и ощущение нежности, скольжения, ассонанс нескольких звуков A – идею открытости, и т.п.

2. Явление поэтической этимологии, когда сходство звуков разных слов сближает их: “un nombre como una naranja”.

Разберём последовательно каждую строку стихотворения.

1. ¿Dónde están los nombres aquellos / dulces como tortas de antaño?

В этой строке преобладает гласный O, который объединяет слова *nombres* и *tortas*. Звук O передает идею округлости, поскольку произносится округлёнными губами (потому и графический символ соответствует этому смыслу). Идею сладости передают нёбные *ll*, *ñ* и плавный *l*.

2. ¿Brilla la gota de metal / como una sílaba en mi canto?

В этой строке взрывные *B*, *G*, *T*, *D*, *T*, *B*, *C* передают идею твёрдости металла, в то же время *Ll*, *L*, *M*, *L*, *M*, *S*, *L* передают идею блеска.

3. ¿Y no se arrastra una palabra / a veces como una serpiente?

Повторение сочетания согласных *SRRSRR/C[S]SSR* подкрепляет сравнение «слова» со «змеёй», причём здесь следует рассматривать звуки *S* и *R* не по отдельности, а как сочетание звуков, характерное для слов *arrastrarse*, *serpiente*. Кроме того, следует учитывать особенности испанского языка, где сочетание *RR* передаёт более длительный вариант фонемы, а слово *arrastrar* применяется также в смысле «растягивать», именно когда речь идёт о звуке *R*.

13. ¿No crepité en tu corazón / un nombre como una naranja?

Не разрывалось в сердце твоём / имя, как брошенный апельсин? (перевод наш, М.Б.)

Звукосочетание *CR* передаёт звук, который может издать апельсин, разбиваясь при падении. Оно сближает глагол *crepitar* «хрустеть» со словом *corazón*, «сердце», потому что звук разбитого апельсина напоминает громкий удар сердца при упоминании чьего-то знакомого имени. Само же имя (*nombre*) становится «апельсином», неожиданно брошенным прямо в сердце, который разрывается там, как бомба.

14. ¿De qué río salen los peces? / De la palabra platería?

В этой строке сочетание нескольких *L* с *P*, *B* передаёт идею плещущейся воды, причём слова *palabra*, *platería* как бы меняют значение под влиянием поэтической этимологии и сближаются с близким по звуковому составу, не названным здесь словом *plata* (серебро) и словом *río* (река).

В предпоследнем вопросе этого фрагмента дифтонг /ai/ в слове «aire» и расположение буквы /l/ в «alba» создают ощущение мягкости, воздушности. В последнем из приведенных выше вопросов в слове «amapola» наблюдается последовательность гласных /a a o a/ с открытой артикуляцией, как и в слове «platería» (a e í a) в пятой строке, что придает им общий смысл и общее настроение открытости и легкости. Далее в строках под номером XXIX «Verdad que es ancha la tristeza, / delgada la melancolía?» контраст между широким (*ancho*) и тонким (433tanfor) коррелирует с противопоставлением тонических гласных, одной открытой, а другой закрытой, в словах «la tristeza» и «la melancolía». В предложении «¿Y no naufragan los veleros / por un exceso de vocales?» мы можем заметить явление поэтической этимологии. Слова «veleros» и «vocales» за счет общих звуков, приобретают схожесть и воспринимаются как нечто единое, в сознании читателя между этими совершенно разными по значению словами возникает связь.

Что касается фрагмента из поэмы Пабло Неруды «Juntos Nosotros», «Mi lengua amiga blanda del dique y del buque...» мы можем отметить семантическую оппозицию между «твёрдым» (что проявляется в лексических элементах «buque» и «dique») и мягким (что лексически соответствует «lengua» и «blanda»). Слово друг/подруга (*amiga*) не участвует в этой оппозиции. Это семантическое противопоставление, проявляющееся лексически, имеет коррелят в означающем, поскольку в звуковой цепочке контрастируют твёрдые и мягкие фонемы. Таким образом, /k/ создает ощущение твёрдости, в отличие от /g/ и /n/ в конце слога.

Основным способом изучения звукового символизма является анализ, интерпретация поэтических произведений. Проанализировав два стихотворения Пабло Неруды, мы пришли к выводу о том, что они являются прекрасными примерами звукового символизма, так как содержат аллитерацию, ассонанс и явление поэтической этимологии. С помощью этих явлений Пабло Неруда передает определенные ощущения, ассоциации, будь то мягкость и нежность- звуками /l/, /a/ или же ощущение борьбы, возникшее благодаря контрасту открытых и закрытых слогов, мягких и твердых. Пабло помогает читателю на интуитивном уровне понять и прочувствовать каждое слово стихотворения и испытать именно тот спектр эмоций, которые автор хотел бы вызвать. Благодаря звуковому символизму произведение становится «живым» и наполняется множеством новых прекрасных смыслов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев, А. П. Фонетическое значение / М-во высш. И сред. Спец. Образования РСФСР. – Ленинград : Изд-во Ленингр. Ун-та, 1974. – 160 с.
2. Левицкий, В. В. Семантика и фонетика / М-во высш. И сред. Спец. Образования УССР, 1973. – 103 с.
3. Платон Кратил // Собрание соч. в 4-х тт. / Перевод с древнегреческого Вл. С. Соловьева, М. С. Соловьева, С. Я. Шейнман-Топштейн и др. М.: Мысль, 1990. Т.1. С. 471–473.
4. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1997, С. 132.
5. Сэпир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. И с предисл., [с. 5–22] А. Е. Кибрика. – Москва : Прогресс : Изд. Группа «Универс», 1993. – 654 с.
6. Хлебников, В. Зангези / Творения. М.: Советский писатель, 1987. С. 480.
7. Якобсон, Р. Язык и бессознательное/ Пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина; составл., вст. Слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. Пер. – Ф. Успенский. М.:Гнозис, 1996, с. 22–56.
8. Newman, Stanley. 1933. Bella Coola Reduplication. *International Journal of American Linguistics* 37. P. 34–38.
9. Neruda, Pablo. *Libro de las preguntas*. Obra póstuma. 4ª ed., Barcelona, Seix Barral, S. A., 1974, p. 15–26.
10. Cuneo, Paula, Nombres que “suenan”: simbolismo sonoro en el léxico etnobiológico toba, Editorial de la Universidad Nacional de La Pampa (EDUNLAPam), 2010, p. 66–81.

ХРОНИКА
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ МИМДО ЮФУ
(декабрь 2022– ноябрь 2023)

IV Международная конференция студентов и молодых исследователей
«Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур»
(2 декабря 2022)

2 декабря 2022 года на базе МИМДО ЮФУ состоялась IV Международная конференция студентов и молодых исследователей «Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур». Организованная совместно с Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева и Гомельским государственным университетом имени Ф. Скорины конференция стала открытой площадкой освещения результатов исследований молодых ученых.

С приветственным словом к участникам конференции обратились директор Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований ЮФУ Н. В. Карповская, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ЕНУ им. Л. Н. Гумилева Е. А. Журавлева и декан филологического факультета ГГУ им. Франциска Скорины Е. Н. Полуян, подчеркнув важность данного научного мероприятия в развитии научной мысли современной молодежи и возможности апробации результатов их исследований, отметив также незаменимую роль филологии в формировании духовности и нравственности человека, укреплении межнациональных связей разных стран.

В мероприятии приняли участие более 160 человек из разных стран (из России, Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Китая, Индонезии, Южной Кореи, Монголии, Италии, Бразилии, Турции, Эквадора, Колумбии и Сирии): магистранты, аспиранты и молодые ученые из 20-ти университетов России (БФУ им. И. Канта, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, КФУ, РУДН, УрФУ и др.) и университетов ближнего и дальнего зарубежья (Узбекский государственный университет мировых языков, Самаркандский государственный институт иностранных языков, Университета НИГДЕ ОМЕР ХАЛИСДЕМИР, Федерального университета Рио де Жанейро, Кыргызско-Турецкий университет "Манас" и др.).

Основными направлениями работы конференции стали: русский язык и его роль в диалоге культур в XXI веке; межкультурное взаимодействие в литературе; массовая коммуникация в межнациональном пространстве; современные языки в контексте антропоцентрической парадигмы; профессиональная коммуникация в различных сферах; инновационные технологии в поликультурном научно-образовательном пространстве; взаимодействие культур и цивилизаций: ретроспектива и перспективы.

Участники не только выступили со своими докладами, но и смогли послушать лекции ведущих специалистов Узбекистана, Казахстана и Беларуси во время прошедших на площадке конференции Международных академических Интернет-чтений.

Лучшие доклады были отмечены дипломами 1, 2 и 3 степени, а также были рекомендованы для печати в «Бюллетене гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве», зарегистрированном в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Источник: https://inter-edu-centr.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=681:russkij-yazyk-v-kontekste-otkrytogo-dialoga-yazykov-i-kultur&catid=11&Itemid=117&lang=ru (sfedu.ru)

IV Международный научно-методический семинар
«Актуальные проблемы функционирования русского языка
в международном образовательном пространстве»
(4 декабря)

4 декабря в рамках виртуального университета «Мир без границ» на базе Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований Южного федерального университета состоялся IV Международный научно-методический семинар «Актуальные проблемы функционирования русского языка в международном образовательном пространстве». Мероприятие проводится совместно с Евразийским национальным университетом им. Л. Н. Гумилева (Республика Казахстан) и Гомельским государственным университетом им. Франциска Скорины (Республика

Беларусь) уже в четвертый раз, являясь важной площадкой обмена опытом работы при изучении русского языка.

В программе научно-методического семинара было заявлено 26 докладов представителей разных вузов: Южного федерального университета, Сурагчдын Хөгжлийн Института, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Сочинского государственного университета, Гомельского государственного областного дворца творчества детей и молодежи, Казанского федерального университета, Кыргызско-Турецкого университета «Манас», Узбекского государственного университета мировых языков из шести стран (Россия, Монголия, Казахстан, Беларусь, Кыргызстан, Узбекистан).

Доклады российских и зарубежных ученых были посвящены актуальным проблемам преподавания русского языка: трендам цифровой трансформации образования и дистанционным технологиям преподавания русского языка (использованию онлайн-платформ в обучении и аудиовизуального контента на занятиях, внедрению голосовых помощников для языковой практики). Не обошли вниманием также вопросы методики преподавания в аудитории без языка-посредника, особенности адаптации иностранных студентов из постсоветских стран и дальнего зарубежья, учета родного языка и культурологической специфики обучающихся.

Источник: https://inter-edu-centr.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=684:4-dekabrya-sostoyalsya-iv-mezhdunarodnyj-nauchno-prakticheskij-seminar-aktualnye-problemy-funktsionirovaniya-russkogo-yazyka-v-mezhdunarodnom-obrazovatelnom-prostranstve&catid=11&Itemid=117&lang=ru (sfedu.ru)

XX Всероссийская студенческая конференция с международным участием «Язык, литература и культура Иberoамерики» (9–10 декабря 2022)

9 и 10 декабря на базе Международного института междисциплинарного образования и иbero-американских исследований ЮФУ в гибридном формате состоялась XX Всероссийская научно-практическая студенческая конференция с международным участием «ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА ИБЕРОАМЕРИКИ».

В мероприятии приняли участие более 150 человек из вузов России, Узбекистана, Эквадора, Колумбии, Мексики, Аргентины и Лаоса. Во время секционных заседаний было представлено более 100 докладов как на русском, так и на испанском языках.

С приветственным словом ко всем присутствующим обратились президент ЮФУ Марина Александровна Боровская и полномочный представитель ректора ЮФУ в странах Иbero-Американского ареала, директор Международного института междисциплинарного образования и иbero-американских исследований Наталья Валерьевна Карповская, подчеркнувшие важность данной ежегодной конференции, которая проводится в течение двадцати лет и дает студентам возможность обмениваться научным опытом и мнениями, а также взаимодействовать с целью формирования молодежных исследовательских групп в международном научном пространстве.

Особый интерес у студентов вызвали выступления почетных гостей конференции, Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Эквадор в РФ Хуана Фернандо Ольгин Флореса и Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Колумбия в РФ Эктора Аренас Нейра, которые не только поприветствовали всех участников и организаторов мероприятия, но и представили свои доклады на пленарном заседании.

По традиции на площадке конференции в рамках Виртуального университета «Мир без границ» были организованы XIII Международные академические Интернет-чтения, на которых в качестве лекторов выступили представители Национального автономного университета Мексики Анхелес Дельгадо Патриция, Университета Веракруса (Мексика) Рейес Нуньес Мириам Хеила и Университета Буэнос-Айреса (Аргентина) Лобос Омар.

Источник: https://inter-edu-centr.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=687:v-yufu-proshla-xx-vserossiyskaya-studencheskaya-konferentsiya-s-mezhdunarodnym-uchastiem-yazyk-literatura-i-kultura-iberoameriki&catid=11&Itemid=117&lang=ru (sfedu.ru)

**ХIII Международные академические Интернет-чтения
«Филология, межкультурная коммуникация и перевод в XXI веке»
(9–10 декабря 2022)**

9-10 декабря 2022 г. в рамках реализации международного проекта виртуального университета «Мир без границ» на базе Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований ЮФУ прошли ХIII Международные академические Интернет-чтения «Филология, межкультурная коммуникация и перевод в XXI веке».

Международные академические интернет-чтения по сложившейся традиции состоялись на площадке XX Ежегодной всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием «Язык, литература и культура Иberoамерики», участниками которой стали более 150 человек из разных стран: России, Узбекистана, Эквадора, Колумбии, Аргентины, Мексики, Лаоса и других.

С лекциями, посвящёнными современным междисциплинарным исследованиям языка: применению базовых положений прагматики в процессе преподавания испанского языка, проблемам перевода испаноязычной прозы на русский язык, необходимости учета экстралингвистических факторов в межкультурной коммуникации и др., выступили профессор Университета Буэнос-Айреса, Национального университета Лануса (Аргентина) Омар Лобос, профессор Национального автономного университета Мексики (Мексика) Патрисия Анхелес Дельгадо и профессор Университета Веракруса (Мексика) Мириам Хеила Рейес Нуньес.

Источник: https://inter-edu-centr.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=689:v-yufu-proshli-xiii-mezhdunarodnye-akademicheskie-internet-chteniya-filologiya-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-perevod-v-xxi-veke&catid=11&Itemid=336&lang=ru (sfedu.ru)

**Фестиваль «Диалог языков и культур»
(17 февраля 2023)**

17 февраля в музее Южного федерального университета состоялся организованный Международным институтом междисциплинарного образования и иберо-американских исследований ЮФУ Фестиваль "Диалог языков и культур". Мероприятие было посвящено празднованию Дня родного языка, учрежденного ЮНЕСКО для защиты языкового и культурного многообразия, традиционно отмечаемого 21 февраля.

Фестиваль направлен на популяризацию русского языка, установление межкультурного диалога и социокультурную адаптацию иностранных обучающихся. Российские и иностранные студенты и магистранты выступили с презентациями о своих родных языках, а также показали красоту этих языков в стихотворениях и песнях.

С приветственным словом перед участниками фестиваля выступили директор Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований ЮФУ Наталья Валерьевна Карповская, заведующий кафедрой русского языка как иностранного и методики его преподавания, доцент МИМДО ЮФУ Зинаида Владимировна Режук, подчеркнув, что язык – это часть личности человека, самое главное, что мы должны хранить и беречь.

На Фестивале студенты узнали о персидском, китайском, вьетнамском, монгольском, испанском, греческом, туркменском, узбекском языках, урду, кечуа, бахаса и языках Афганистана. Иностранные студенты рассказывали о своих родных языках, культуре, письменности своих стран и проводили сравнение родных языков с русским. Закрывали Фестиваль магистранты МИМДО Александра Никитенко и Элеонора Николаева с презентацией о русском языке.

В конце мероприятия все собравшиеся смогли принять участие в викторине, которая содержала вопросы из представленных презентаций. Победителям викторины были вручены сувениры.

Источник: https://inter-edu-centr.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=712:den-rodnogo-yazyka-v-yufu-2023&catid=11&Itemid=117&lang=ru (sfedu.ru)

**III Международная научно-практическая конференция магистрантов,
аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации:
актуальные вопросы и современные аспекты»
(21–22 апреля 2023)**

21–22 апреля в рамках «Недели науки – 2023» ЮФУ в гибридном формате прошла III Международная научно-практическая конференция магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты», организатором которой выступил Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований.

С приветственной речью ко всем присутствующим обратилась президент ЮФУ Марина Александровна Боровская, подчеркнувшая важность конференции как площадки, предоставляющей возможность студентам обмениваться научным опытом и мнениями по вопросам перевода и межкультурной коммуникации, и пожелавшая успешной и продуктивной работы.

С обращением к участникам конференции и Международных академических Интернет-чтений выступил президент Российского Общества дружбы с Кубой, заместитель министра финансов РФ Алексей Михайлович Лавров, который отметил, что ЮФУ является базовой платформой для развития научных, общественных и культурных связей России со странами Латинской Америки и подчеркнул, что подобные мероприятия во многом способствуют развитию международных отношений.

От имени ректора ЮФУ молодых исследователей поздравила с началом работы конференции полномочный представитель ректора в странах Иbero-Американского ареала, директор Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований Наталья Валерьевна Карповская, отметив, что одной из целей Конференции является развитие межкультурных связей и взаимопонимания между народами, а также укрепление академических и научных контактов среди российских и зарубежных вузов.

В рамках конференции были освещены следующие актуальные вопросы: образовательные технологии в процессе преподавания иностранных языков, актуальные проблемы межкультурной коммуникации, лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты перевода, язык как маркер этнокультурной идентичности, отражение межкультурного взаимодействия в отечественной и зарубежной литературе, эффективная коммуникация в различных социальных сферах, а также современные вопросы лингвистики текста и дискурса.

В мероприятии приняли участие бакалавры, магистранты, аспиранты и молодые ученые из России, Беларуси, Узбекистана, Китая, Афганистана, Колумбии и Венесуэлы. В секционных заседаниях на Международной конференции с докладами приняли участие более 190 молодых исследователей из 38 российских и зарубежных вузов: Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (Беларусь), Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь), Узбекского государственного университета мировых языков (Узбекистан), Хэбэйского педагогического университета (Китай), а также представители российских вузов: Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского государственного лингвистического университета, Московского педагогического государственного университета, Московского городского педагогического университета, Российского университета дружбы народов, Сочинского института (филиал) РУДН, Воронежского государственного университета, Забайкальского государственного университета, Иркутского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Казанского (Приволжского) федерального университета, Донецкого государственного университета, Кубанского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Сибирского федерального университет, Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и др.

По традиции на площадке конференции в рамках Виртуального университета «Мир без границ» были организованы **XIV Международные академические Интернет-чтения**, на которых с лекцией «*Общественные организации в парадигме международного сотрудничества: опыт Российского общества дружбы с Кубой (РОДК)*» выступил к.геогр.н., президент Российского Общества дружбы с Кубой, заместитель министра финансов РФ А.М. Лавров. Лекцию о психофизиологические аспектах устного перевода представила к.пед.н., доцент Минского государственного лингвистического университета (Беларусь) О.В. Железнякова. От Южного федерального университета с лекцией «*Малая проза М.А. Шолохова как средство гуманистического рефлексирования иностранных обучающихся*» выступила д.ф.н., профессор Л.Б. Савенкова.

Источник: https://inter-edu-centr.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=731:v-yufu-proshla-iii-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-magistrantov-aspirantov-i-molodykh-uchenykh&catid=11&Itemid=117&lang=ru (sfedu.ru)

**XIV Международные академические Интернет-чтения
«Филология, межкультурная коммуникация и перевод в XXI веке
(21 апреля 2023)**

21 апреля на базе международного сетевого мультязычного Виртуального университета «Мир без границ» Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований ЮФУ состоялись XIV Международные академические Интернет-чтения «Филология, межкультурная коммуникация и перевод в XXI веке». В мероприятии принимали участие представители российских и зарубежных вузов и организаций.

Интернет-чтения были организованы в рамках «Недели науки ЮФУ» и проходили на площадках Международной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты».

На открытии Интернет-чтений с приветственным словом выступили М. А. Боровская, президент Южного федерального университета, Н. В. Карповская, полномочный представитель ректора в странах иберо-американского ареала, директор Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований и А. М. Лавров, президент Российского Общества дружбы с Кубой, заместитель министра финансов РФ, который также выступил лектором на данном мероприятии.

В своем докладе «Общественные организации в парадигме международного сотрудничества: опыт Российского общества дружбы с Кубой (РОДК)» Алексей Михайлович рассказал об истории создания, целях и основных направлениях деятельности РОДК, представил краткую справку об истории взаимоотношений России и Кубы, Кубинских революционных лидерах и Карибском кризисе.

В качестве лектора XIV Интернет-чтений выступила доцент Минского государственного лингвистического университета (Беларусь), О. В. Железнякова, которая представила доклад на тему «Психофизиологические основы подготовки к устному переводу». В рамках своего выступления Ольга Викторовна познакомила участников Международных академических чтений и Конференции со спецификой подготовки обучающихся к устному переводу, а также рассказала об особенностях мышления переводчика при синхронном переводе.

Большой интерес участников XIV Международных академических Интернет-чтений и Конференции вызвал доклад профессора Южного федерального университета, Л. Б. Савенковой, который был посвящен «Малой прозе М. А. Шолохова как средству гуманистического рефлексирования иностранных обучающихся». В рамках своего доклада Людмила Борисовна рассказала слушателям о возможностях использования литературных текстов при обучении иностранных студентов русскому языку. Обратившись к рассказу М. А. Шолохова «Жеребёнок», профессор продемонстрировала, как следует поэтапно выстраивать план занятий по русской литературе в рамках обучения иностранных обучающихся.

Интернет-чтения прошли в гибридном формате: очно, на базе Южного федерального университета, и дистанционно, на платформе MS Teams. В мероприятии приняли участие более 250 человек из 38 Российских и зарубежных ВУЗов. Все доклады вызвали большой интерес у слушателей, которые не только смогли познакомиться с подходом лекторов к решению тех или иных проблем, но и имели возможность задать им свои вопросы.

Источник: https://inter-edu-centr.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=733:v-yufu-proshli-xiv-mezhdunarodnye-akademicheskie-internet-chteniya&catid=11&Itemid=117&lang=ru (sfedu.ru)

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЛАБОРАТОРИЙ
МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ИБЕРО-АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
В 2022–2023 УЧЕБНОМ ГОДУ**

Международная исследовательская лаборатория развития кросс-культурных компетенций

Руководитель лаборатории: Е. А. Помигуева,
доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания

В 2022–2023 учебном году работа Лаборатории осуществлялась по следующим основным направлениям:

Публикация статей по направлениям исследования Лаборатории:

Половинкина О. С. Учебник РКИ как инструмент конструирования реальности у иностранных обучающихся / О. С. Половинкина // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2022. – № 1(2). – С. 75–77.

Pomigueva E. A. «Teaching Russian as a foreign language remotely: problems of motivation» // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” – Reports in English (October 26, 2022. Beijing, PRC), p.52–56.

Режук З. В., Савченкова И. Н. Оценка уровня владения русским языком в системе академической адаптации иностранных обучающихся из стран ближнего зарубежья (из опыта Южного федерального университета) // Научная мысль Кавказа, 2022, № 3. С.112–118.

Режук З. В. К вопросу об актуальности подготовки специалистов в области кросскультурной коммуникации и связей с общественностью // Материалы X международной научно-практической конференции «Славянские чтения». Сочи, 15 апреля 2022 года (в рамках XIV научно-образовательного форума Сочинского института (филиала) РУДН). – Москва, Издательство «Перо», 2022. С. 28–33.

Режук З. В., Голубева Ш. А. Особенности репрезентации лингвокультурного концепта «дом» в текстах русских и казахских писателей XIX–XX веков // Текст в системе обучения русскому языку и литературе: материалы X Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Е.А. Журавлёва, Л.Г. Юсупова. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2022. С.150–154.

Ширяева-Ширинг О. В., Городничая Ю. В. Реализация лингвострановедческого потенциала текстов русской рок-поэзии в практике преподавания РКИ // Текст в системе обучения русскому языку и литературе. материалы X Международной научно-практической конференции. Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва; Уральский государственный горный университет. Екатеринбург, 2022. С. 336–342.

Ширяева-Ширинг О. В., Назарова А. Е. Потенциал текстов о культуре в преподавании русского и испанского языков // Текст в системе обучения русскому языку и литературе. материалы X Международной научно-практической конференции. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва; Уральский государственный горный университет. Екатеринбург, 2022. С. 295–299.

Ляшева М. Н., Макеева В. А., Яковлева Е. А. Лингвокультурные особенности лексических маркеров конфликтогенности как средства реализации оппозиции «свой-чужой» (на материале постов социальных сетей) // Russian Linguistic Bulletin. – 2023, № 1.

Помигуева Е. А. Лингвокультурологический потенциал русской народной сказки на уроках русского языка как иностранного // Довузовская подготовка иностранных граждан: проблемы и перспективы: Сборник научных материалов II Международной научно-практической конференции (Казань, 28–30 сентября 2023). – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 76–77.

Pomigueva E. A. «The role of national folklore in the formation of cross-cultural intelligence (using the example of Russian folk tales)» // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” – Reports in English (November 11, 2023. Beijing, PRC), p. 98–101.

Участие в конференциях и выступления с докладами:

IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иbero-американский мир» (совместно с Университетом Веракруса (Мексика), Автономным

Университетом штата Мехико (Мексика): Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 6–8 октября 2022.

Половинкина О. С. «Конструирование «другого» с помощью паравербальных средств языка на материале новостных выпусков СМИ».

Помигуева Е. А. «Формирование мотивации китайских студентов в условиях онлайн-обучения РКИ».

Ширяева-Ширинг О. В. «Изучение метафоры в аспекте формирования лингвокультурной компетенции инофонов на занятиях по РКИ».

Международная научная конференция «*Scientific research of the SCO countries: synergy and integration*» («Научные исследования стран ШОС: синергия и интеграция»). Пекин, Китай, 26 октября 2022.

Помигуева Е. А. «Teaching Russian as a foreign language remotely: problems of motivation».

IV Международный научно-методический семинар «Актуальные проблемы функционирования русского языка в международном образовательном пространстве». Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 3 декабря 2022.

Помигуева Е. А. «Лингвостановедческий материал как средство формирования мотивации обучающихся на онлайн-уроках РКИ».

Фролова О. А. «Языковая адаптация иностранных студентов из стран Латинской Америки на начальном этапе обучения».

Ширяева-Ширинг О. В. «Специфика формирования социолингвистического компонента коммуникативной компетенции на занятиях по РКИ».

II Международная научная конференция «*Scientific research of the SCO countries: synergy and integration*» («Научные исследования стран ШОС: синергия и интеграция»). Пекин, Китай, 11 ноября 2023.

Помигуева Е. А. «The role of national folklore in the formation of cross-cultural intelligence (using the example of Russian folk tales)».

Научно-исследовательская работа обучающихся в рамках деятельности Лаборатории:

Выступления на конференциях:

на XX ежегодной Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием «Язык, литература и культура Иberoамерики», ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия, 9–10 декабря 2022 г.

Бакеро Варгас М. А. (ОРЯиОД, Колумбия) – «Задачи и проблемы Студенческого движения в Колумбии: сравнительный анализ деятельности за 2011, 2018 и 2022 гг.». Науч. рук: преп. Половинкина О. С.

Гонсалес Рейес Х. А. (ОРЯиОД, Колумбия) – «Производство панели». Науч. рук.: преп. Быкова В. А.

Рейес Уллоа К. А. (ОРЯиОД, Эквадор) – «Хулио Харамильо – лучший автор-исполнитель из Эквадора» Науч. рук.: преп. Пильщикова О. А.

Калифа Ачурий А. (ОРЯиОД, Колумбия) – «Национальный колумбийский спорт "эль тэхо"» Науч. рук: преп. Быкова В. А.

Лара Ромеро Э. И. (ОРЯиОД, Эквадор) – «Хайме Ролдос Агилера – президент, ставший легендой» Науч. рук.: преп. Пильщикова О. А.

Харамильо Суарес Д. (ОРЯиОД, Эквадор) – «Загрязнение окружающей среды в национальном парке Ясуни» Науч. рук.: преп. Пильщикова О. А.

на III Международной научной конференции молодых исследователей «Шаг в науку: проблемы, поиски, решения», Гомель, Белоруссия, 29–30 ноября 2022 г.:

Квеквескири Д. В. (МИМДО, магистратура, 1 курс, Россия) – Функционирование неофициальных русских антропонимов в Абхазии.

Цяо Т. (МИМДО, магистратура, 1 курс, Россия) – Актуальные проблемы обучения русскому языку в современных школах Китая.

на IV Международной студенческой конференции студентов и молодых исследователей «Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур», ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия, 2–3 декабря 2022 г.

Голубева К. В. (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «Лингвокультурологический потенциал фольклорных текстов на уроках РКИ (на материале пословиц и поговорок)». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Помигуева Е. А.

Голубева Ш. А. (МИМДО, магистрант, 2 курс) – «Репрезентация темы народных обычаев и традиций в учебных текстах по русскому языку для русскоязычных и казахоязычных учащихся». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Режук З. В.

- Грановская А. Г.* (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «Язык и традиционные ценности как элементы формирования культурной идентичности (на материале политического дискурса английских лидеров)». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Кудрявцева М. И.
- Ермакова Н. М.* (МИМДО, магистрант, 2 курс) – «Фразеологические единицы в работе с иноязычной аудиторией». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Ильин Д. Н. **Диплом III степени**
- Ерофеева А. В.* (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «Концепт «семья» в русской языковой картине мира». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Режук З. В.
- Зеленева Ю. С.* (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «К вопросу об особенностях фонетической интерференции в речи обучающихся из Латинской Америки». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Ляшева М. Н. **Диплом II степени**
- Квеквескири Д. В.* (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «К вопросу о функционировании русского языка в Абхазии». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Савченкова И. Н.
- Кумпарис П.* (ОРЯиОД) – «Русский язык и русская культура на Кипре». Науч.рук.: ст. преп. Зубарева А. В. **Диплом I степени**
- Лара Ромеро Э. И.* (ОРЯиОД, Эквадор) – «Хайме Ролдос Агилера – президент, ставший легендой». Науч.рук.: преп. Пильщикова О. А.
- Ли И.* (МИМДО, магистрант, 2 курс) – «Отражение российско-китайского взаимодействия в литературе на примере «Ши-цзин» («Книги песен»). Науч.рук.: ст. преп. Лазарян А. А.
- Лопес Уальпа Н. Г.* (ОРЯиОД, Эквадор) – «Особенности адаптации студентов из Эквадора в российской среде». Науч.рук.: ст. преп. Фролова О. А. **Диплом II степени**
- Лу Т.* (МИМДО, магистрант, 2 курс) – «Межкультурная коммуникация в сфере дизайна». Науч.рук.: ст. преп. Лазарян А. А.
- Махмудов Т.* (ОРЯиОД, Туркменистан) – «Российско-туркменские дипломатические и культурные отношения». Науч.рук.: ст. преп. Зубарева А. В.
- Пальма Обандо Л. А.* (ОРЯиОД, Эквадор) – «Маримба – дух свободы афро-эквадорцев». Науч.рук.: ст. преп. Фролова О. А.
- Паредес Велес А. С.* (ОРЯиОД, Эквадор) – «Поэзия в Эквадоре». Науч.рук.: ст. преп. Фролова О. А. **Диплом III степени**
- Перес Акоста М. А.* (Академия психологии и педагогики, студент бакалавриата, 3 курс) – «Социокультурная адаптация иностранных студентов в современном мегаполисе (на примере г. Ростова-на-Дону)». Науч.рук.: ст. преп. Зубарева А. В.
- Рахимова Г. Б.* (МИМДО, магистрант, 2 курс) – «Особенности преподавания русского языка в Казахстане». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Помигуева Е. А.
- Родригес Диас Н. Т.* (ОРЯиОД, Колумбия) – «Праздники и фестивали Колумбии как способ репрезентации национальной культуры». Науч.рук.: ст. преп. Зубарева А. В.
- Ростова Н. В.* (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «Русские сказки на уроках РКИ (Сказка о царе Салтане)». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Ильин Д. Н.
- Санчес Морейра Д. А.* (ОРЯиОД) – «Кечуа как культурный феномен». Науч.рук.: ст. преп. Фролова О. А.
- Синь Ж.* (МИМДО, магистрант, 2 курс) – «Эргонимы на русском языке в городском пространстве Маньчжурии». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Савченкова И. Н. **Диплом III степени**
- Сукария Н.* (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «Специфика преподавания РКИ арабоязычным студентам: основные стратегии». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Кудрявцева М. И. **Диплом II степени**
- Сюй Ц.* (ОРЯиОД, Китай) – «Китайские и русские пословицы о труде как отражение национального менталитета». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Помигуева Е. А.
- Тоапанта Ильбай Андерсон И.* (ОРЯиОД) – «Музыка в Эквадоре». Науч.рук.: ст. преп. Фролова О. А.
- Фролова Д. С.* (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «Погружение в языковую среду на онлайн занятиях по РКИ с помощью песен на начальном этапе». Науч.рук.: к.ф.н., ст. преп. Керимова С. У. **Диплом I степени**
- Хаджех Дехи Фаршид Г.* (ОРЯиОД, Иран) – «Коридор «Север – Юг»: Культурные и дипломатические отношения между Ираном и Россией». Науч.рук.: преп. Скнарина Е. Р.
- Халлыева О.* (ОРЯиОД, Туркменистан) – «Туркменский свадебный обряд как культурный феномен». Науч.рук.: ст. преп. Зубарева А. В.
- Чжан Х.* (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «Сравнительный анализ синтаксических конструкций научного стиля речи в русском и китайском языках». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Режук З. В. **Диплом I степени**
- Чжан Ч.* (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «Особенности преподавания русского языка в Китае». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Помигуева Е. А. **Диплом III степени**
- Чэнь С.* (МИМДО, магистрант, 1 курс) – «Лингвокультурный концепт «водка» в языковом сознании русских». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Режук З. В. **Диплом III степени**

на XIX ежегодной Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием «Язык, литература и культура Испании и стран Латинской Америки», ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия, 9–10 декабря 2022 г.

Парра Мора М. К. (ОРЯиОД) – «Орхидеи: выращивание, экспорт и влияние на культуру». Науч.рук.: преп. Быкова В. А.

Саласар Пенья Х. А. (ОРЯиОД) – «Кофе в Колумбии: история и современность». Науч.рук.: преп. Быкова В. А.

Бакеро Варгас М. А. (ОРЯиОД) – «Задачи и проблемы Студенческого движения в Колумбии: сравнительный анализ деятельности за 2011, 2018 и 2022 гг.». Науч.рук.: преп. Половинкина О. С.

Гарсия Дуарте Д. (ОРЯиОД) – «Что такое “бокадильо” из гуавы?». Науч.рук.: преп. Быкова В. А.

Рейес Уллоа К. А. (ОРЯиОД) – «Хулио Харамильо – лучший автор-исполнитель из Эквадора». Науч.рук.: преп. Пильщикова О. А.

Гонсалес Рейес Х. А. (ОРЯиОД) – «Производство панелей». Науч.рук.: преп. Быкова В. А.

Калифа Ачурри А. (ОРЯиОД) – «Национальный колумбийский спорт “эль тэхо”». Науч.рук.: преп. Быкова В. А.

Эрик Эсмэль Л. Р. (ОРЯиОД) – «Национальный колумбийский спорт “эль тэхо”». Науч.рук.: Преп. Пильщикова О. А.

Харамильо Суарес Д. (ОРЯиОД) – «Загрязнение окружающей среды в национальном парке Ясуни». Науч.рук.: преп. Пильщикова О. А.

на Международной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты», ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия, 22–23 апреля 2023 г.

Зеленева Ю. С. (ЮФУ, магистратура, 1 курс, Россия) – «Лексико-семантическая интерференция как источник ошибок в русской речи обучающихся из испаноязычных стран». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Ляшева М. Н.

Квеквескири Д. В. (ЮФУ, магистрант, 1 курс, Россия) – «Влияние национальных стереотипов на изучение фразеологии русского языка». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Помигуева Е. А.

Ермакова Н. М. (ЮФУ, магистратура, 2 курс, Россия) – «Вербализация жестов посредством фразеологических единиц в практике преподавания РКИ». Науч.рук.: к.фил.наук, доц. Ильин Д. Н.

Сукария Н. Г. (ЮФУ, магистратура, 1 курс, Россия) – «Особенности преподавания морфологии русского языка арабоязычным студентам». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Кудрявцева М. И.

Цяо Т. (ЮФУ, магистратура, 1 курс, Китай–Россия) – «Об особенностях презентации грамматического материала в Китайских учебниках русского языка для средней школы». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Ильин Д. Н.

Перес Акоста М. А. (ЮФУ, бакалавриат, 3 курс, Россия–Колумбия) – «Адаптация иностранных студентов к новой социокультурной среде (на примере студентов из Колумбии)» Науч. рук.: ст. преп. Зубарева А. В.

Чжан Ч. (ЮФУ, магистратура, 1 курс, Россия–Китай) – «Проблемы и перспективы преподавания русского языка в Китае в современных условиях». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Помигуева Е. А.

Ростова Н. В. (ЮФУ, магистратура, 1 курс, Россия) – «Формирование произносительных/речевых навыков в китайской аудитории». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Ильин Д. Н.

Кулькова В. Р. (ЮФУ, магистратура, 1 курс, Россия) – «Понятие «русская культура» как смысловая доминанта в блоге Захара Прилепина (на материале телеграм-канала)». Науч.рук.: к.ф.н., ст. преп. Керимова С. У.

Жань Д. (ЮФУ, магистратура, 2 курс, Россия–Китай) – «Роль сленга в создании речевого портрета российского студента». Науч.рук.: к.ф.н., доц. Режук З. В.

Публикации статей

Абионян А. А. Лингвокультурологическая интерпретация художественного концепта «мечта» на уроках РКИ // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2022. – № 1(2). – С. 86–89.

Голубева Ш. А. Концепт «Дом» в русской и казахской языковой картине мира // Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур: Материалы III Международной конференции студентов и молодых исследователей (3–4 декабря, 2021) / Отв. ред. Д. Н. Ильин, З. В. Режук, О. В. Ширяева-Ширинг; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – С. 32–33.

Голубева Ш. А. (в соавторстве с Режук З. В.) Особенности репрезентации лингвокультурного концепта «дом» в текстах русских и казахских писателей XIX–XX веков // Текст в системе обучения русскому языку

- и литературе: материалы X Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Е. А. Журавлёва, Л. Г. Юсупова. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2022. С.150–154.
- Голубева Ш. А.** О типах заданий в школьных учебниках русского языка для казахских учащихся // Молодежный филологический вестник : сборник научных статей. Выпуск 2 / редкол. : Е. И. Тимошенко (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. С. 32–37
- Гончарова Т. Ю.** Традиционные пласты языковой культуры в современном русском рекламном дискурсе // Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур: Материалы III Международной конференции студентов и молодых исследователей (3–4 декабря, 2021) / Отв. ред. Д. Н. Ильин, З. В. Режук, О. В. Ширяева-Ширинг; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – С. 33–37.
- Городничая Ю. В.** (в соавторстве с Ширяевой О. В.) Лингвокультурологический потенциал текстов русской рок-поэзии при обучении РКИ // Материалы X международной научно-практической конференции «Славянская чтения». Г. Сочи, 15 апреля 2022 года (в рамках XIV научно-образовательного форума Сочинского института (филиала) РУДН). – Москва, Издательство «Перо», 2022, с. 63–65.
- Исакова О. Д.** Трансформация языковой картины мира в условиях информационных и технологических вызовов // Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур: Материалы III Международной конференции студентов и молодых исследователей (3–4 декабря, 2021) / Отв. ред. Д. Н. Ильин, З. В. Режук, О. В. Ширяева-Ширинг; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – С. 43–45.
- Исаханова П. Р.** Концепт «Предательство» в процессе обучения РКИ // Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур: Материалы III Международной конференции студентов и молодых исследователей (3–4 декабря, 2021) / Отв. ред. Д. Н. Ильин, З. В. Режук, О. В. Ширяева-Ширинг; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – С. 45–46.
- Квеквескири Д. В.** Функционирование неофициальных русских антропонимов в Абхазии // Молодежный филологический вестник : сборник научных статей. Выпуск 2 / редкол. : Е. И. Тимошенко (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. С. 67–70
- Круз Солано М. Э.** СМИ в современном культурном пространстве // Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур: Материалы III Международной конференции студентов и молодых исследователей (3–4 декабря, 2021) / Отв. ред. Д. Н. Ильин, З. В. Режук, О. В. Ширяева-Ширинг; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – С. 59–61.
- Назарова А. Е.** (в соавторстве с Ширяевой-Ширинг О. В.) Потенциал текстов о культуре в преподавании русского и испанского языков // Текст в системе обучения русскому языку и литературе: материалы X Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Е. А. Журавлёва, Л. Г. Юсупова. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2022. С. 295–299.
- Овчинникова А. В.** Россия и Испания: краткий анализ осведомленности жителей о городах-побратимах // Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур: Материалы III Международной конференции студентов и молодых исследователей (3–4 декабря, 2021) ; [Отв. ред. Д. Н. Ильин, З. В. Режук, О. В. Ширяева]; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022.
- Перес Акоста М. А.** Молодёжные субкультуры в Колумбии и в России // Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур: Материалы III Международной конференции студентов и молодых исследователей (3–4 декабря, 2021) / Отв. ред. Д. Н. Ильин, З. В. Режук, О. В. Ширяева; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – С. 91–93.
- Хижazi М.** Специфика арабоязычного неформального интернет-дискурса // Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур: Материалы III Международной конференции студентов и молодых исследователей (3–4 декабря, 2021) / Отв. ред. Д. Н. Ильин, З. В. Режук, О. В. Ширяева; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – С. 140–142.
- Цяо Т.** Актуальные проблемы обучения русскому языку в современных школах Китая // Молодежный филологический вестник : сборник научных статей. Выпуск 2 / редкол. : Е. И. Тимошенко (отв. ред.) [и

др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. С. 32–37.

В рамках погружения в русскую культуру и знакомства с культурами народов мира были проведены открытые лекции и другие мероприятия,

направленные на формирование дружелюбного и толерантного отношения к ценностям иных культур: «Русский речевой этикет», «День народного единства: диалог культур»; «Новый год: традиции русской культуры»; «Новый год и Рождество в разных странах», «Рождество в России: история и традиции праздника», «Всемирный день театра», «Масленица: история и традиции»; «9 мая – День Победы. Никто не забыт, ничто не забыто», «12 июня – День России: история, традиции» и др.

Защита ВКР по тематике деятельности Лаборатории:

Абионян А. А. «Русские художественные тексты как ресурс формирования коммуникативной компетенции филологов-инофонов (уровень В2)» (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Помигуева Е. А.)

Асыхань «Обучение китайских студентов аудированию текстов на русском языке в русле коммуникативного, текстоцентрического и дифференцированного подходов» (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Керимова С. У.)

Бурдейная В. О. «Специфика реализации категории мультимодальности в русскоязычном медиатексте» (науч.рук.: д.ф.н., профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Ширяева-Ширинг О. В.)

Воронкова Н. О. «Художественный текст как основа для формирования коммуникативной и страноведческой компетенции инофонов (на примере малой прозы Паустовского)» (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Ильин Д. Н.)

Голубева Ш. А. «Языковые особенности репрезентации концепта "Дом" в учебных текстах (на материале учебников по русскому языку для средней школы Казахстана)» (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Режук З. В.)

Ермакова Н. М. «Фразеологические единицы в работе с иноязычной аудиторией на начальном этапе обучения» (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Ильин Д. Н.)

Кобякова Е. В. Лингвокультурологический потенциал советских художественных фильмов на уроках РКИ для итальянских обучающихся (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Помигуева Е. А.)

Исаханова П. Р. «Изучение этических концептов в процессе обучения РКИ (на примере произведений Л. Н. Андреева)» (науч.рук.: д.ф.н., профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Ширяева-Ширинг О. В.)

Рахимова Г. Б. «Формирование лингвокультурологической компетенции в этноориентированном обучении РКИ (на примере казахской средней школы)» (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Помигуева Е. А.)

Роцак О. С. «Формирование культурологической компетенции иностранных обучающихся на этапе довузовской подготовки» (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Режук З. В.)

Синь Ж. «Методика обучения китайских учащихся русскому языку как иностранному на материале российских и китайских русскоязычных рекламных текстов» (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Савченкова И. Н.)

Тан Ц. «Применение дистанционных форм обучения в преподавании РКИ в контексте развития межкультурных компетенций» (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Кудрявцева М. И.)

Саматова Т. С. «Языковые средства выражения русской ментальности в творчестве Баянгали Алимжанова: лингводидактический и лингвистический аспект (на материале прозы произведений «Сказ столетнего Степняка», «Разрешить жить!», «Аблай хан и его батыры»)» (науч.рук.: д.ф.н., профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Ширяева-Ширинг О. В.)

**Международная научная лаборатория
когнитивно-прагматических исследований**

Руководитель лаборатории: И. И. Давтянц, старший преподаватель кафедры
иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации

В 2022–2023 учебном году деятельность Лаборатории осуществлялась по следующим основным направлениям:

1. Образовательные программы:

- Проведение дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Основные положения когнитивной лингвистики в контексте традиционного языкознания» на базе МИМДО ЮФУ. Лектором выступил д.ф.н., профессор кафедры ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена Зеликов М.В. В курсе повышения квалификации приняли участие 23 преподавателя МИМДО, а также 55 магистрантов МИМДО 1 и 2 года обучения.

2. Публикации сотрудников МИМДО по направлениям исследования Лаборатории:

ВАК:

Абкадырова И. Р. Русизмы в испаноязычном художественном тексте: прагматический и когнитивный потенциал // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 2, 2022г, Т. 26. С. 95–106.

Абкадырова И. Р., Шевцова М. А. Потенциал русизмов в современной испаноязычной литературе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Москва, 2022. – С. 9–15.

Карповская Н. В., Давтянц И. И. Формирование образа «чужого» в контексте проблематики международной миграции: когнитивно-прагматический потенциал лексических единиц (на материале СМИ Мексики) // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ), № 4(40) 2022.

Корнева В. В. Категориальные признаки природной реалии «гора» и их актуализация в испанской ойконимии // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2022. – № 2 (49). – С. 250–255.

Кудрявцева М. И. Метатекст в художественном дискурсе постмодерна: когнитивно-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2022. Т. 15. № 9. С. 2954–2959.

Кудрявцева М. И. Прагматика метатекстовых элементов в постмодернистском художественном дискурсе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 3. – 7 с.

Мотожанец А. А. Особенности функционирования телесной метафоры в англоязычном и русскоязычном экологическом дискурсе / А. А. Мотожанец, П. А. Резникова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – №10 (136). – URL: <https://research-journal.org/archive/10-136-2023-october/10.23670/IRJ.2023.136.25>

РИНЦ:

Денисова О. И. Прагматический потенциал средств выражения категории долженствования в англоязычном газетном дискурсе (на примере американского газетного дискурса) // XXXII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы филологии, межкультурной коммуникации и лингводидактики», Чебоксары, 21–22 апреля 2022 г.

Карповская Н. В., Абкадырова И. Р., Давтянц И. И. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтности и их когнитивно-прагматическом потенциале // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2022. – № 1(2). – С. 14–25.

3. Публикации магистрантов МИМДО:

Демина А. Р. Прагматический потенциал лексических единиц в формировании образа России в испанском медиадискурсе (на примере цифровых изданий El País и El Mundo) // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2022. – № 1(2). – С. 95–98.

Хазарян А. В. Когнитивный потенциал метафоры в политическом дискурсе (на материале скриптов публичных выступлений Опал Томети «Black Lives Matter») // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2022. – № 1(2). – С. 125–128.

4. Выступления сотрудников МИМДО на конференциях:

Абкадырова И. Р. «Потенциал иноязычных вкраплений в художественном тексте: когнитивно-прагматический подход» – IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иберо-американский мир» (Южный федеральный университет, 6–8 октября 2022)

Абкадырова И. Р. «Когнитивно-прагматический потенциал лексических единиц в современном испаноязычном художественном тексте» – Пятигорский лингвистический конгресс «Язык мира – мир языков» (Пятигорский государственный университет, 28 сентября – 01 октября 2022)

Давтянц И. И. «Образ «чужого» в контексте проблематики международной миграции (на материале Мексиканских СМИ)» – IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иберо-американский мир» (Южный федеральный университет, 6–8 октября 2022)

Давтянц И. И. «Лексические прагматические маркеры и их роль в формировании образа "Чужого" в контексте проблематики международной миграции (на материале СМИ Мексики)» – XX Ежегодная всероссийская научно-практическая студенческая конференция с международным участием «Язык, литература и культура Иберо-Америки» (Южный федеральный университет, 9 декабря 2022)

Карповская Н. В. «Когнитивно-прагматический потенциал языковых единиц и проблемы перевода» – IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иберо-американский мир» (Южный федеральный университет, 6–8 октября 2022)

Карповская Н. В. «La novela "Humo" de I. Turgenev en el contexto de la Traducción al Español: potencial cognitivo-pragmático de palabras» – La 3 Jornada Nacional de Estudios Eslavos. (Культурный центр Кооперации имени Флореала Горини, Аргентина, 26–27 августа 2022)

Корнева В. В. «Концептуальные основы формирования испанского Ономастикона – XI Международный конгресс по когнитивной лингвистике» (МГЛУ, 7–9 ноября 2022)

Корнева В. В. «Концептуальная деривация как источник формирования испанского ономастического пространства» – Всероссийская научная конференция с международным участием «Когнитивия, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках» (НГТУ, 15–16 сентября 2022)

Мухамеджанова А. М. «Прагматические особенности онимов в испаноязычном художественном тексте» – IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иберо-американский мир» (Южный федеральный университет, 6–8 октября 2022)

Серова К. С. «Когнитивно-прагматический потенциал слов-реалий на материале статей электронной версии газеты ABC» – XX Ежегодная всероссийская научно-практическая студенческая конференция с международным участием «Язык, литература и культура Иберо-Америки» (Южный федеральный университет, 9 декабря 2022)

5. Защита ВКР по тематике деятельности Лаборатории:

Адиян И. А. The image of Russia in US mass media discourse: pragmatic aspects (based on "CNN", "Fox News" and "The New York Times") (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Карповская Н. В.)

Вермишнян А. Прагматическая адаптация сленгизмов при переводе (на материале сериалов «La casa de papel» и «Narcos») (науч.рук.: к.ф.н., заведующий кафедрой испанистики и межкультурной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета Кобякова И. А.)

Колбасова А. О. Семиотика оппозиции «свой-чужой» в романах М. В. Льосы «La guerra del fin del mundo» и «El paraíso en la otra esquina» (науч.рук.: к.ф.н., профессор кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Корнева В. В.)

Лашманова А. Д. Средства реализации стратегии самопрезентации в женском политическом дискурсе: сравнительно-сопоставительный и прагматический аспекты (на материале выступлений М.Х. Монтеро и Т. А. Голиковой) (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Мухамеджанова А. М.)

Матвиенко К. В. Специфика перевода документального телесериала «Harry & Meghan»: функционально-семантический и прагматический аспекты (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры английского языка гуманитарных факультетов Косоногова О. В.)

Мищенко К. В. Особенности реализации окказионализмов в романе «Shadow and Bone» Л. Бардуго (переводческий и прагматический аспекты) (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Абкадырова И. Р.)

Ноздренко О. Н. Физиологическая метафора в медиадискурсе: когнитивный и прагматический аспекты (на материале испанских и российских СМИ) (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Мухамеджанова А. М.)

Пушкарева Я. А. Особенности реализации компонентов категории сравнения в романе К. Р. Сафона «El laberinto de los espíritus» и его переводе на русский язык: прагматический и лингвокультурный подходы (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Абкадырова И. Р.)

Пожидаева А. С. Когнитивный и прагматический потенциал фразеологии в газетных заголовках (на материале изданий "Аргументы и Факты" и "The New York Times") (науч.рук.: к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Помигуева Е. А.)

Лаборатория дистанционного обучения русскому языку и культуре для иностранных обучающихся

Руководитель лаборатории: *С. У. Керимова*, к.ф.н,
доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания

В 2022–2023 учебном году работа Лаборатории осуществлялась по следующим основным направлениям:

1. Научное направление: разработка и анализ технологий и методик дистанционного обучения, нашедших отражение в следующих публикациях:

Зубарева А. В. Использование LMS-системы MOODLE в преподавании РКИ. // Текст в системе обучения русскому языку и литературе. Материалы X Международной научно-практической конференции. Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва; Уральский государственный горный университет. Екатеринбург, 2022. С. 288–294.

Зубарева А. В., Фролова О. А. Дистанционный формат проведения лингвострановедческих квестов для иностранных обучающихся на довузовском этапе подготовки. // Актуальные проблемы преподавания РКИ. Материалы Международной научно-практической и научно-методической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 83–86.

Зубарева А. В. «Вводно-фонетический курс для испаноязычных обучающихся на базе LMS-системы Moodle» // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в Ибероамериканском и Российском научном пространстве : сборник научных статей ; Южный федеральный университет ; [отв. ред. Н.В. Карповская]. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. – 508 с. (в печати).

Керимова С. У. «Особенности обучения письму иностранных обучающихся в дистанционном формате» // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в Ибероамериканском и Российском научном пространстве : сборник научных статей ; Южный федеральный университет ; [отв. ред. Н.В. Карповская]. – Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. – 508 с. (в печати).

Савченкова И. Н. «Обучение русскому языку как иностранному в эпоху цифровизации» // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в Ибероамериканском и Российском научном пространстве : сборник научных статей ; Южный федеральный университет ; [отв. ред. Н.В. Карповская]. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. – 508 с. (в печати)

Помигуева Е. А. «Формирование мотивации китайских студентов в условиях онлайн-обучения РКИ» // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в Ибероамериканском и Российском научном пространстве : сборник научных статей ; Южный федеральный университет ; [отв. ред. Н.В. Карповская]. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. – 508 с. (в печати).

Фролова О. А. «Дидактический потенциал интерактивных рабочих листов в обучении РКИ» // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в Ибероамериканском и Российском научном пространстве : сборник научных статей ; Южный федеральный университет ; [отв. ред. Н.В. Карповская]. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. – 508 с. (в печати).

Скнарина Е. Р. «О применении аутентичного аудиовизуального контента при обучении лексике на занятиях по РКИ вне языковой среды» // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в Ибероамериканском и Российском научном пространстве : сборник научных статей ; Южный федеральный университет ; [отв. ред. Н.В. Карповская]. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. – 508 с. (в печати).

А также в следующих **докладах**, представленных на конференциях, круглых столах, научно-методических семинарах:

Зубарева А. В. «Вводно-фонетический курс для испаноязычных обучающихся на базе LMS-системы Moodle». IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иbero-американский мир» (совместно с Университетом Веракруса (Мексика), Автономным

Университетом штата Мехико (Мексика). Гибридный формат: – Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, – MS Teams; 6–8 октября 2022.

Керимова С. У. «Особенности обучения письму иностранных обучающихся в дистанционном формате». IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иbero-американский мир» (совместно с Университетом Веракруса (Мексика), Автономным Университетом штата Мехико (Мексика). Гибридный формат: – Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, – MS Teams; 6–8 октября 2022.

Савченкова И. Н. «Обучение русскому языку как иностранному в эпоху цифровизации». IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иbero-американский мир» (совместно с Университетом Веракруса (Мексика), Автономным Университетом штата Мехико (Мексика). Гибридный формат: – Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, – MS Teams; 6–8 октября 2022.

Помигуева Е. А. «Формирование мотивации китайских студентов в условиях онлайн-обучения РКИ». IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иbero-американский мир» (совместно с Университетом Веракруса (Мексика), Автономным Университетом штата Мехико (Мексика). Гибридный формат: – Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, – MS Teams; 6–8 октября 2022.

Фролова О. А. «Дидактический потенциал интерактивных рабочих листов в обучении РКИ». IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иbero-американский мир» (совместно с Университетом Веракруса (Мексика), Автономным Университетом штата Мехико (Мексика). Гибридный формат: – Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, – MS Teams; 6–8 октября 2022.

Скнарина Е. Р. «О применении аутентичного аудиовизуального контента при обучении лексике на занятиях по РКИ вне языковой среды». IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иbero-американский мир» (совместно с Университетом Веракруса (Мексика), Автономным Университетом штата Мехико (Мексика). Гибридный формат: – Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, – MS Teams; 6–8 октября 2022.

Скнарина Е. Р. «Об опыте применения аутентичного аудиовизуального контента на занятиях по РКИ вне языковой среды». VI Международный Конгресс преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ «Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность». РУДН, Россия, Москва, 12–15 октября 2022.

Керимова С. У. «Перспективы и трудности дистанционного обучения РКИ: опыт первого учебного онлайн-года на подготовительном отделении». V Московский международный культурно-образовательный Форум РКИ-2022 «Инновационное и классическое в РКИ. Теория и практика: вызовы, возможности, достижения». УЦРЯ МГУ, Россия, Москва, 10–11 ноября 2022.

Помигуева Е. А., «Teaching Russian as a foreign language remotely; problems of motivation». Международная научная конференция «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» («Научные исследования стран ШОС: синергия и интеграция»). Пекин, Китай, 26 октября 2022.

Зубарева А. В. «Использование LMS-системы Moodle в преподавании РКИ». X Международная научно-практическая конференция «Текст в системе обучения русскому языку и литературе». Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва; Уральский государственный горный университет, г. Екатеринбург, 21–22 июня 2022.

Зубарева А. В. «Интеграция традиционных форм преподавания РКИ в систему электронного обучения Moodle: вводно-фонетический курс для испаноговорящих обучающихся». IV Международный научно-методический семинар «Актуальные проблемы функционирования русского языка в международном образовательном пространстве». Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 3 декабря 2022.

Помигуева Е. А. «Лингвостановедческий материал как средство формирования мотивации обучающихся на онлайн-уроках РКИ», IV Международный научно-методический семинар «Актуальные проблемы функционирования русского языка в международном образовательном пространстве». Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 3 декабря 2022.

Савченкова И. Н. выступление с презентацией «Электронные образовательные ресурсы к курсу «Русская литература» для слушателей из Латинской Америки, разработанные в системе SFEDU LMS на платформе MOODLE». Международный форум МАПРЯЛ «Русская литература в Латинской Америке: идеи и ценности для будущего мира». Гавана, Куба, 12–14 декабря 2022.

2. Прикладное направление: применение технологий и методик дистанционного обучения на занятиях по русскому языку и культуре в рамках проекта «ЮФУ – «Русский мир», включающий в себя 2

программы обучения РКИ: «Начинаем изучать русский язык» (156 ч.) и «Продолжаем изучать русский язык и культуру» (156 ч.), «Продолжаем изучать русский язык и культуру в Донском регионе» (72 часа) с учетом этноспецифики контингента (испаноязычный ареал). Занятия были реализованы в период с 01.06.2022 по 10.10.2022, а также с 20.09.2022 по 20.08.2023.

Также продолжается использование социальных сетей «Telegram», «Яндекс.дзен», «ВКонтакте» для обучения русскому языку и культуре. В указанных социальных размещается обучающий контент на официальной странице подготовительного отделения (Половинкина О. С.)

В рамках *обучения русской культуре* были организованы и проведены виртуальные квесты, посвященные традициям празднования Нового года и Дня Победы. Участниками квеста стали обучающиеся отделения русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных обучающихся.

Также преподавателями кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания были пройдены *курсы повышения квалификации* в области создания и разработки средств дистанционного обучения:

- «Экспертиза качества онлайн-курсов, используемых в образовательном процессе вуза, и пересчет результатов обучения», Екатеринбург, Россия, 23.12.2022 (Режук З. В.).

- «Нормативно-правовое обеспечение онлайн-обучения и организации виртуальной академической мобильности». Россия, г. Екатеринбург, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 23.12.2022 (Зубарева А. В.).

- «Управление мотивацией участников онлайн-обучения в виртуальной среде». Россия, г. Екатеринбург, УрФУ, 06.12.2022 (Ильин Д. Н., Карпова О. О., Керимова С. У.)

- «Цифровые технологии в преподавании РКИ», Россия, г. Москва, АНО ДПО «Учебный центр русского языка Московского государственного университета». 01.09.2022 (Помигуева Е. А.).

Разработчиками открытых онлайн-курсов Керимовой С. У. и Зубаревой А. В. в рамках семинаров «Школы молодого преподавателя» были проведены семинары по работе с платформой MOODLE и с курсами «Вводно-фонетический курс для иностранных обучающихся», «Аудиовизуальный курс (продолжающие)».

Научное издание

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ
НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*Научные статьи.
Результаты исследований аспирантов,
магистрантов и молодых ученых.*

Подписано в печать 08.12.2023 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 1/8. Тираж 100 экз.
Усл. печ. лист. 52,43. Уч.-изд. л. 48,0. Заказ № 9273.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.